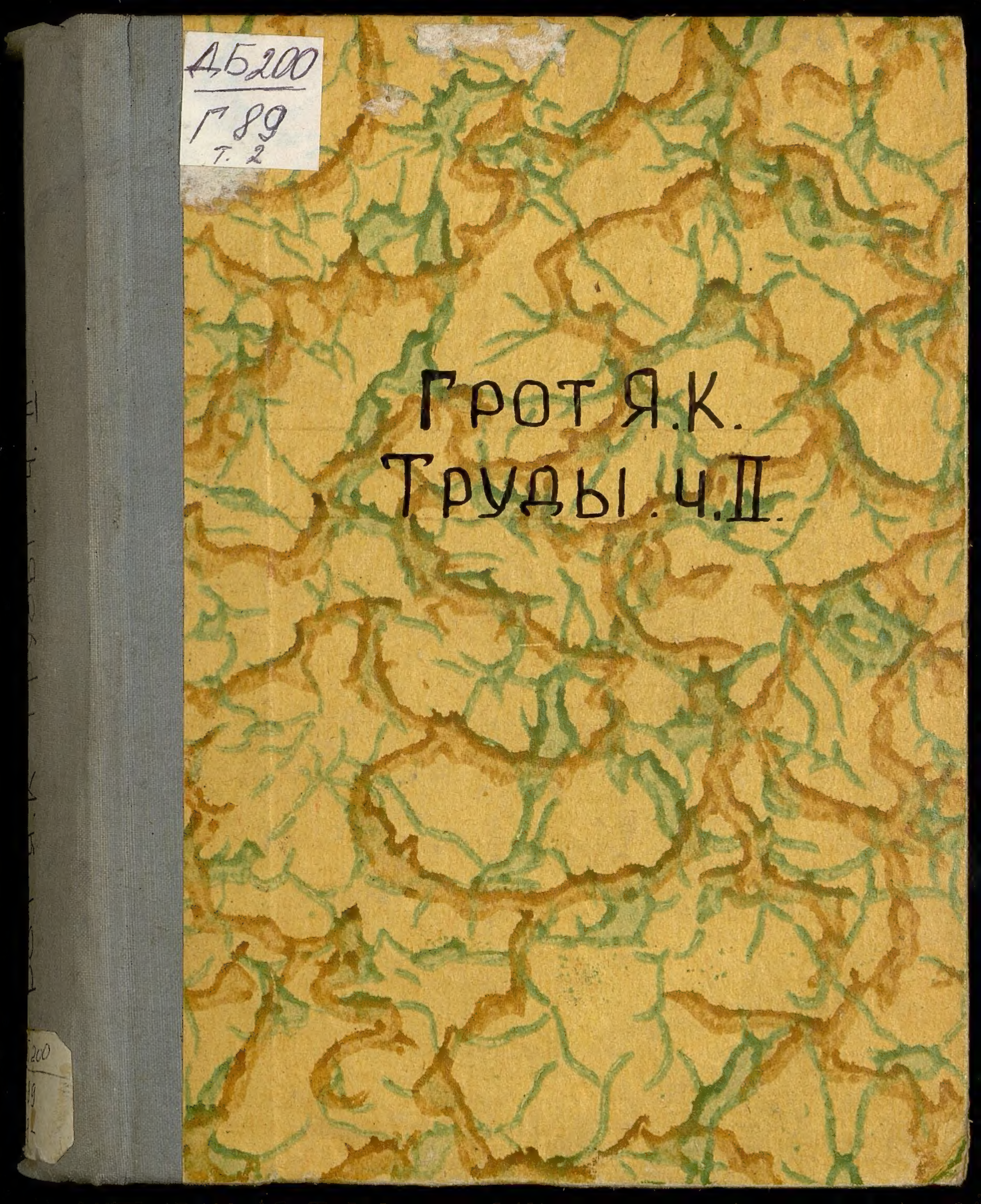

Д5200
Г89
т. 2
Грот Я.К.
Труды. ч. II.

ТРУДЫ

Я. К. ГРОТА.

II.

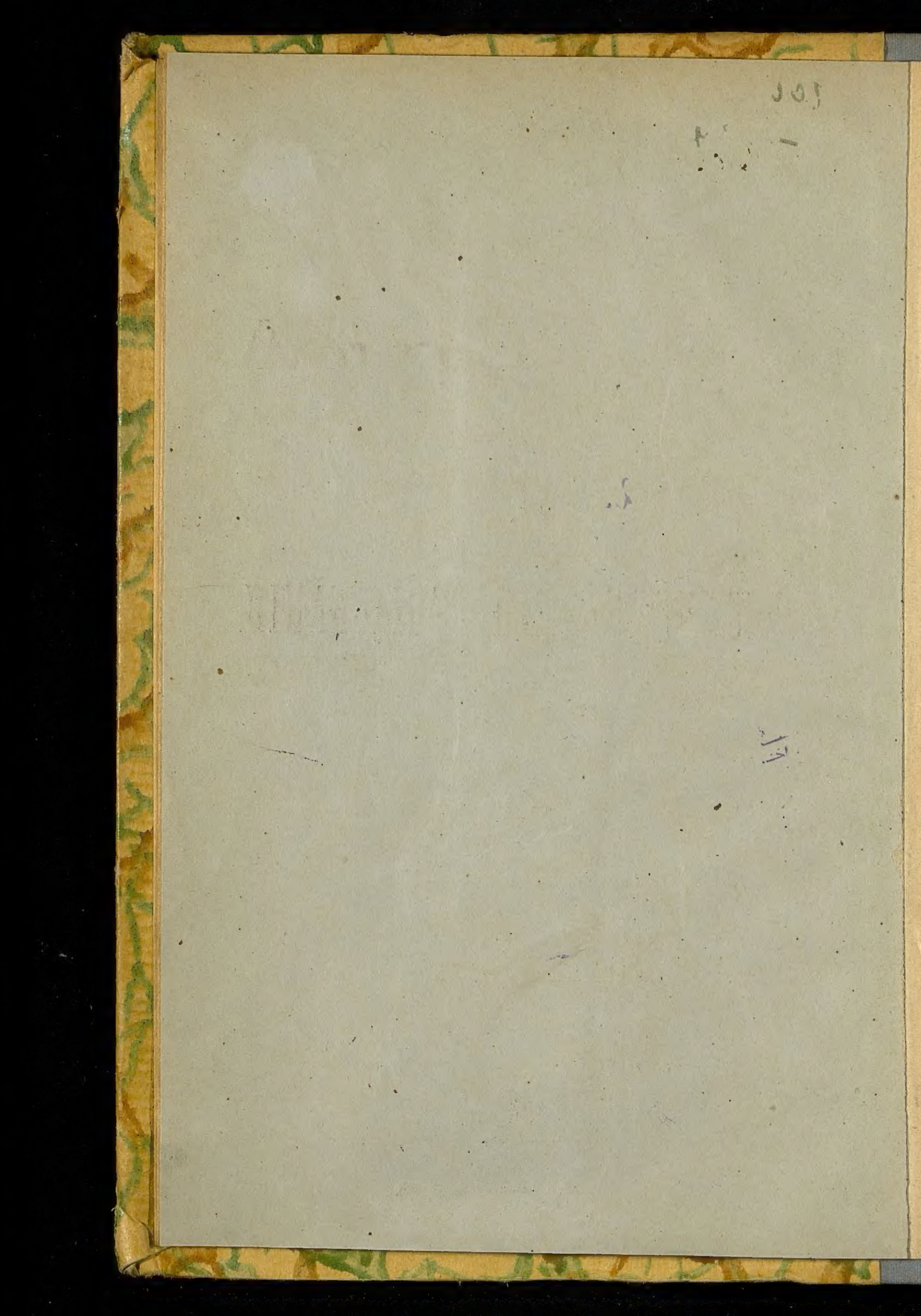
ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ РАЗЫСКАНІЯ.

(1852—1892).

Изданы подъ редакц. проф. К. Я. ГРОТА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1899.

ТРУДЫ

Я. К. ГРОТА.

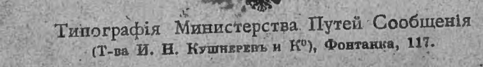
II.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ РАЗЫСКАНІЯ.

(1852—1892).

Изданы подъ редакц. проф. К. Я. ГРОТА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1899.

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

Настоящій II-й томъ *Трудовъ* академика Я. К. Грота посвященъ его филологическимъ работамъ. Эти работы были собраны и объединены еще самимъ авторомъ въ его „Филологическихъ Разысканіяхъ“ впервые въ 1873 году, когда была написана вторая ихъ часть „Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго до нынѣ“. Съ тѣхъ поръ вышло еще два изданія (1876 и 1885 гг.) этого труда, составившаго два довольно крупныхъ тома. Настоящее изданіе, являющееся *четвертымъ*, соединяя оба тома въ одинъ, вполнѣ воспроизводитъ послѣднее, и еще пополнено нѣсколькими статьями, появившимися послѣ 1885 г. Такъ, ко второй части, между прочимъ, добавлена статья „Нѣсколько разъясненій по поводу замѣчаній о книгѣ *Русское Правописаніе*“. Но самое это руководство, составленное Я. К. Гротомъ по порученію Академіи Наукъ, мы не сочли удобнымъ включить въ наше изданіе, въ виду его чисто-практическаго назначенія и главное въ виду того, что оно составляетъ собственно лишь обработанное съ спеціальною цѣлью изложеніе главныхъ результатовъ изслѣдованія о спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія. Такъ какъ однакожъ, благодаря постояннымъ стремленіямъ автора къ усовершенствованію своей работы, *Русское Правописаніе* въ послѣдующихъ своихъ изданіяхъ—послѣднимъ при жизни автора было 10-е—подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ сравнительно съ 1-мъ, вышедшимъ одновременно съ третьимъ изданіемъ „Филологическихъ Разысканій“ (см. предисловіе ко 2-й части), то мы признали цѣлесообразнымъ дать во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ необходимыя указанія на эти измѣненія въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ [1]).

---

[1]) Эти примѣчанія выдѣлены изъ прочихъ особыми выносными знаками (звѣздочками) и особымъ шрифтомъ.

Статьи первой части, какъ написанныя въ разное время, на протяженіи нѣсколькихъ десятилѣтій, снабжены нами хронологическими датами. Для того, чтобы облегчить справки въ нынѣшнемъ изданіи по имѣющимся въ разныхъ филологическихъ сочиненіяхъ ссылкамъ на предыдущее (1885) изданіе, мы сочли полезнымъ дать въ этомъ томѣ мѣсто и прежней пагинаціи, помѣщая среди текста цифры страницъ въ прямыхъ скобкахъ.

Что касается *Указателей*, то и въ нихъ сдѣланы соотвѣтственныя требованіямъ новаго изданія измѣненія. Такъ, оба указателя личныхъ именъ къ обоимъ томамъ слиты въ одинъ. Справочный же филологическій указатель значительно дополненъ по указателю „Русскаго Правописанія“ и приведенъ въ соотвѣтствіе съ усовершенствованіями, установленными этимъ руководствомъ.

Въ заключеніе мнѣ пріятно выразить искреннюю свою признательность П. К. Симони за оказанную мнѣ существенную помощь при чтеніи корректуръ.

К. Г.

Варшава
Декабрь 1898.

СОДЕРЖАНІЕ.

Матеріалы для русскаго словаря.

Часть II. Спорные вопросы русскаго правописанія.

Отдѣлъ I.

ЗВУКИ.

I. Физіологія звуковъ языка. Стр. 475—487.

II. Звуки русскаго языка. Стр. 487—539.

Приложеніе.

Отдѣлъ II.

ПИСЬМО И ПРАВОПИСАНІЕ.

I. Значеніе и развитіе письма. Стр. 573—589.

IV. Очеркъ исторіи русскаго правописанія. Стр. 642—687.

Приложенія.

Указатели къ обѣимъ частямъ „Филологическихъ Разысканій“.

I

I
в
а
с
а
м
о
с

г.
л
е

О
ж
„
о
Р

О
О
во
тр

Часть первая.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ, ГРАММАТИКИ И ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

НАРОДНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫКЪ.

Толковый словарь живаго великорускаго языка В. И. Даля [1]).

Четыре части въ большую четвертку; LIV и 2388 стр. (не считая прибавленій) Москва. 1863—1866.

1869.

[1] Чтобы лучше выяснить идею и цѣль Словаря Даля, нужнымъ считаю напередъ взглянуть на ходъ развитія русскаго письменнаго и вообще образованнаго языка.

Русскій языкъ не избѣгъ судьбы большей части языковъ: въ различныхъ соприкосновеніяхъ съ другими націями народъ русскій, особливо же грамотная часть его, заимствовалъ у нихъ множество словъ, которыя болѣе или менѣе тѣсно и прочно сроднились съ его языкомъ. Такія заимствованія происходятъ во всякое время, по мѣрѣ потребности, вслѣдствіе усвоенія извнѣ новыхъ понятій и знакомства съ новыми предметами; но бываютъ эпохи, когда заимствуются цѣлыя сферы новыхъ идей, а оттого и цѣлые разряды словъ. Подобныхъ эпохъ въ жизни русскаго народа было нѣсколько. Оставляю въ сторонѣ заимствованія, сдѣланныя издревле, во время вѣкового сожительства или сосѣдства съ племенами германскими, чудскими и татарскими, которое влекло за собою обмѣнъ предметовъ вседневнаго быта и ихъ названій: разумѣю [2] только такіе событія или перевороты, которые, пробуждая неизвѣстныя прежде духовныя потребности, заставляли брать и готовыя слова для означенія соотвѣтственныхъ понятій. Главными событіями этого рода были для Россіи: введеніе христіанской вѣры, учрежденіе школъ по польскому образцу, сперва въ Кіевѣ, а потомъ въ Москвѣ, и наконецъ преобразованія Петра Великаго со всѣми ихъ, еще и понынѣ продолжающимися, послѣдствіями. Есте-

1) На основаніи этого разбора покойному В. И. Далю присуждена Ломоносовская премія въ 1870 году.

ственно, что при заимствованіи извнѣ понятій, обычаевъ, обрядовъ, изобрѣтеній и учрежденій, языку трудно поспѣвать за развитіемъ идей, и онъ пользуется самымъ легкимъ способомъ обогащенія, т. е. беретъ нужныя слова изъ другихъ языковъ. При этомъ, однакожъ, онъ слѣдуетъ троякому пути: либо усвоиваетъ себѣ чужія слова безъ всякаго измѣненія (кромѣ окончаній, по требованіямъ языка), напр. *библія, икона, генералъ, солдатъ, протестъ, прогрессъ;* либо передѣлываетъ ихъ по-своему, напр. *церковь, налой, кадило, просвира, исполать, футляръ, тарелка;* либо наконецъ переводитъ слово и употребляетъ словосоставленія по чужеязычному образцу, напр.: *благословлять, провидѣніе, побѣдоносный, землеописаніе, любомудріе, вліяніе, трогательный, послѣдовательность, цѣлесообразный.*

Удобство подобныхъ заимствованій, особенно перваго изъ показанныхъ трехъ способовъ, допускающаго введеніе любого иностраннаго слова съ придачею ему только своенароднаго окончанія, во всѣ времена легко порождало злоупотребленія, которыя въ свою очередь нерѣдко вызывали противодѣйствіе. Полнѣйшую свободу въ этомъ отношеніи позволялъ себѣ самъ Петръ Великій, безпрестанно употреблявшій (иногда съ обозначеніемъ русскаго перевода) иностранныя слова, какъ-то: *баталія, викторія, фортеція, ассамблея, амбиція, импеpiумъ,* и составлявшій въ томъ же родѣ собственныя имена: *Петербургъ, Кронштадтъ, Ораніенбаумъ, Катерингофъ.* Такъ же точно обращались съ языкомъ современные Петру писатели и переводчики. Во время господства иноплеменниковъ, наставшаго послѣ смерти Петра, дѣло не могло измѣниться къ лучшему. При Елизаветѣ же Петровнѣ произошло [3] патріотическое движеніе, которое въ литературѣ отразилось дѣятельностью Ломоносова. Главный протестъ противъ искаженія языка заявилъ онъ въ своемъ знаменитомъ разсужденіи *О пользѣ книгъ церковныхъ,* указывая на чтеніе ихъ, какъ на вѣрнѣйшее средство уберечься отъ излишняго пристрастія къ иноземнымъ языкамъ. „Старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго Словенскаго языка съ Россійскимъ", говоритъ онъ, „отвратятся дикія и странныя слóва нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ... Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ и къ упадку преклоняютъ. Сіе все показаннымъ способомъ пресѣчется" [1])... Но Ломоносовъ, очищая лексическій составъ письменнаго языка, вмѣстѣ съ тѣмъ надолго утвердилъ введенную еще до него духовными писателями совершенно несвойственную русской рѣчи латинскую конструкцію.

---

[1]) *Соч. Ломоносова,* изд. Смирд. Спб. 1847, т. I, стр. 533.

Послѣдователи Ломоносова, усвоивъ себѣ его уваженіе къ церковно-славянскимъ книгамъ, но не обладая его сдержанностью въ обращеніи съ языкомъ, обезобразили письменную рѣчь злоупотребленіемъ славянизмовъ. Это вызвало другую крайность: тѣ, которыхъ не удовлетворялъ такой слогъ, обратились къ новѣйшимъ иностраннымъ языкамъ и стали въ нихъ искать себѣ образцовъ, особенно во французскомъ. Такъ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, рядомъ съ языкомъ славяномановъ образовался, въ противоположность ему, „французскій штиль", и явились двѣ враждебныя школы, которыя не могли долго существовать одна возлѣ другой. Побѣдить должна была та изъ нихъ, на сторонѣ которой окажется болѣе здраваго смысла, вкуса и таланта. Эти преимущества соединилъ въ себѣ Карамзинъ: чуждаясь крайностей того и другого направленія, но склоняясь ко второму, болѣе современному, онъ удержалъ изъ него всето, что [4] было согласно съ духомъ родного слова, сталъ писать очищеннымъ разговорнымъ языкомъ, усвоилъ себѣ естественный складъ рѣчи и вмѣстѣ то изящество выраженія, которому научился у лучшихъ европейскихъ писателей.

Понятно, что приверженцы славянщины не хотѣли безъ отчаянной борьбы уступить непріятелю спорное поле, и вотъ изъ рядовъ ихъ вышелъ рьяный борецъ за сохраненіе стараго слога. Шишковъ не хотѣлъ видѣть, что Карамзинъ и лучшіе изъ его послѣдователей, не изгоняя вполнѣ иностранныхъ словъ, вводя даже вновь такія, которыя казались имъ необходимыми, старались однакожъ избѣгать варваризмовъ и по возможности замѣнять русскими тѣ иноязычныя слова, для которыхъ можно было на родномъ языкѣ удачно пріискать соотвѣтствующія. Хотя въ сущности всѣ нововведенія карамзинской школы были равно ненавистны Шишкову, но онъ напалъ на нее особенно съ той стороны, съ которой она казалась ему всего болѣе уязвимою, именно со стороны заимствованій изъ другихъ новѣйшихъ языковъ. Осмѣивая встрѣчавшіяся въ *новомъ слогѣ* французскія слова, Шишковъ преслѣдовалъ и вообще всякіе неологизмы, напр. слова, составленныя по образцу иностранныхъ (*вліяніе, трогательный*), а также употребленіе прежнихъ словъ въ новомъ обширнѣйшемъ значеніи (*развитіе, потребность, переворотъ*) и вмѣсто того предлагалъ древнія слова, непонятныя современному русскому человѣку и дикія для его слуха, а по тому самому противныя даже ломоносовской теоріи письменнаго языка, какъ напр. *непщевать, гобзованіе, углѣбать, приснотекущій, умодѣліе* и т. п. Извѣстно, что нападенія Шишкова на новый слогъ имѣли только отрицательное дѣйствіе: ни одно изъ предложенныхъ имъ старинныхъ или имъ самимъ скованныхъ словъ и реченій не было принято, никто не сталъ выражаться такъ, какъ онъ совѣтовалъ; но его обвиненія заставили Карамзина и другихъ

тогдашнихъ писателей обращать болѣе вниманія на свой письменный языкъ, быть осмотрительнѣе въ употребленіи иностранныхъ словъ и оборотовъ. Мало того: Карамзинъ, трудясь надъ своей *Исторіей*, сталъ [5] глубже всматриваться въ языкъ лѣтописей и изъ него почерпать архаизмы, конечно не похожіе на тѣ, которые предлагалъ Шишковъ, но болѣе сообразные съ духомъ современнаго языка.

Однимъ только источникомъ литературной рѣчи мало воспользовался Карамзинъ — языкомъ народнымъ. Вслѣдствіе своего воспитанія и подъ вліяніемъ господствовавшаго издавна взгляда онъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ смотрѣлъ на эту область языка и считалъ простонародныя слова низкими или, какъ до него говорили, *подлыми*. Впрочемъ, сочиненія Карамзина большею частью относились къ такому роду литературы, который легко можетъ или, по крайней мѣрѣ, по тогдашнимъ понятіямъ могъ обходиться безъ помощи языка народнаго. Притомъ онъ еще не имѣлъ въ рукахъ памятниковъ этого языка, открытыхъ только въ позднѣйшее время. Однакожъ и этотъ элементъ рѣчи никогда не былъ вполнѣ исключенъ изъ нашей письменности. Еще въ древности нѣкоторые писатели, напр. Кириллъ Туровскій, Даніилъ Заточникъ, брали оттуда краски для своихъ произведеній. Послѣ Петра Великаго особенно Кантемиръ зналъ цѣну народной рѣчи и умѣлъ ею пользоваться. Ломоносовъ, раздѣливъ слогъ на три разряда, установилъ, что *низкій штиль* употребляетъ только чисто-русскія слова, какихъ нѣтъ въ церковныхъ книгахъ; по его теоріи такъ пишутся: комедіи, эпиграммы, пѣсни; въ прозѣ — дружескія письма и описанія обыкновенныхъ дѣлъ; „простонародныя слова“, замѣчаетъ онъ, „могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію“ [1]). Впрочемъ Ломоносовъ допускаетъ „низкія слова“ уже и въ среднемъ слогѣ. Самъ же онъ изрѣдка позволяетъ себѣ даже и въ одѣ употреблять простонародныя выраженія; такъ въ одѣ на взятіе Хотина послѣ вопроса:

„Кто съ нимъ толь грозно зритъ на югъ,
Одѣянъ страшнымъ громомъ вкругъ?“

слѣдуетъ стихъ въ тонѣ народнаго языка:

„*Никакъ* смиритель странъ Казанскихъ!“ [2])

[6] Послѣ Ломоносова народный языкъ разрабатывали, по мысли его, въ комедіи, сатирѣ, шуточной сказкѣ и баснѣ. Въ такихъ сочиненіяхъ къ нему прибѣгали Сумароковъ, В. Майковъ, Богдановичъ, Фонвизинъ, Аблесимовъ, Княжнинъ и др. Изъ лирическихъ поэтовъ Державинъ, выросшій вблизи къ народу, сталъ вводить народный языкъ даже въ

---

[1]) *Соч. Лом.*, т. I, стр. 531.
[2]) Тамъ же, стр. 38 (строфа 11).

такой родъ стихотворства, который до него считалъ „высокій слогъ" своею необходимою принадлежностью; эта новость была въ связи съ тѣмъ, что онъ внесъ въ оду элементъ сатиры и шутки. Позднѣе, еще болѣе простора народному языку въ письменной рѣчи сталъ давать Крыловъ. О его раннемъ знакомствѣ съ этой сферой языка разительно свидѣтельствуетъ юношеское его произведеніе, недавно въ первый разъ изданное нашимъ Отдѣленіемъ, — комическая опера *Кофейница*, богатая выраженіями и поговорками, взятыми изъ народнаго быта [1]). Во всѣхъ дальнѣйшихъ трудахъ своихъ Крыловъ оставался вѣренъ этому направленію, и потому неудивительно, что онъ, издавая журналъ въ одно время съ Карамзинымъ, сдѣлался противникомъ его. Замѣчательно, какъ оба эти писателя впали въ противорѣчіе съ самими собою: Крыловъ, отличаясь безыскусственною простотою языка, былъ усерднымъ защитникомъ ложно-классической французской драмы; а Карамзинъ, считая простонародное низкимъ, былъ смолоду горячимъ почитателемъ Шекспира и Лессинга. Но Крыловъ долго не могъ попасть на вкусъ современниковъ, и, прежде нежели понялъ настоящее свое призваніе, на многіе годы оставилъ литературу.

Между тѣмъ проза Карамзина стала для всѣхъ образцомъ письменнаго языка. На ней построена была грамматика Греча, получившая на цѣлыя десятилѣтія законодательную силу. Авторитетъ этой, во многомъ произвольной и условной грамматики имѣлъ свою вредную сторону, задержавъ развитіе литературной рѣчи, скованной ея стѣснительными правилами. Въ 1820-хъ и 30-хъ годахъ надъ нашимъ языкомъ тяготѣло что-то похожее [7] на пуризмъ Французской академіи. Свободное его творчество было подавлено. Немногіе только писатели отваживались итти своимъ путемъ. Первое между ними мѣсто занималъ возвратившійся на литературное поприще въ началѣ столѣтія Крыловъ; но онъ писалъ только басни, а эта тѣсная область поэзіи считалась состоящею на особыхъ правахъ. Одновременно въ другой сферѣ умственной дѣятельности подготовлялось движеніе, которое не могло остаться безъ вліянія на успѣхи народнаго языка въ художественной литературѣ. То, что во всѣхъ странахъ являлось предвѣстьемъ самостоятельнаго творчества, стало обнаруживаться и у насъ, — уваженіе къ народности, вкусъ къ произведеніямъ народной словесности, охота къ собиранію и записыванію ихъ. Въ 1804 г. изданы были въ первый разъ „Древнія русскія стихотворенія"; Мерзляковъ, а за нимъ Дельвигъ и Цыгановъ сочиняли пѣсни въ духѣ народныхъ; Востоковъ переводилъ пѣсни Сербовъ и разбиралъ составъ русскаго народнаго стиха; собранія пословицъ выходили уже давно; Снегиревъ задумывалъ ученую разработку ихъ и пролагалъ путь Сахарову. Об-

---

[1]) См. т. VI *Сборника Отдѣл. русск. языка и словесн.*

щество любителей Россійской словесности, въ Москвѣ, собирало и печатало областныя слова.

Возникавшая любовь къ народности, которая вызывала всѣ эти начинанія и труды, не могла не отразиться и на изящной литературѣ. Рядомъ съ Крыловымъ, и конечно не совсѣмъ независимо отъ его вліянія, пошелъ Грибоѣдовъ въ своей оригинальной комедіи. Въ то же время Пушкинъ уже заявлялъ, что „разговорный языкъ простого народа достоинъ глубочайшихъ изслѣдованій", и доказывалъ на дѣлѣ, что самъ „прислушивался къ московскимъ просвирнямъ", которыя, по его замѣчанію „говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ" [1]). А вскорѣ и своенравный Гоголь сталъ писать прозою, хотя и небрежной, но замѣчательно оригинальной и рѣзко запечатлѣнной особенностями рѣчи народной.

[8] Около того же времени услышали въ первый разъ имя еще довольно молодого человѣка, избравшаго область литературы, которая до тѣхъ поръ не имѣла у насъ особаго представителя, — разсказы изъ быта народнаго и солдатскаго. Это былъ тотъ самый писатель, который нынѣ трудомъ совершенно другого рода подаетъ намъ поводъ говорить о судьбахъ русскаго языка. Стараясь быть вѣрнымъ пересказчикомъ народныхъ вымысловъ, онъ въ то же время хотѣлъ доказать, что вся пишущая братья выражается совсѣмъ не по-русски, что надобно перестроить весь литературный языкъ по образцу народнаго. Въ оцѣнкѣ послѣдняго никто еще не шелъ такъ далеко. И прежде были конечно писатели, считавшіе полезнымъ и нужнымъ знакомство съ народнымъ языкомъ для извѣстныхъ литературныхъ цѣлей: Даль первый сталъ утверждать, что безъ народнаго языка нельзя ступить ни одного правильнаго шагу въ авторскомъ дѣлѣ. Естественно, что онъ, отстаивая эту идею, не избѣгъ нѣкоторыхъ крайностей. Какъ нѣкогда Шишковъ провозглашалъ церковно-славянское нарѣчіе исключительнымъ источникомъ обогащенія русскаго языка, такъ въ 1830-хъ и 40-хъ годахъ Даль выставлялъ такимъ единственнымъ источникомъ языкъ народный. „Если", говорилъ онъ, „въ книгахъ и высшемъ обществѣ не найдемъ чего ищемъ, то остается одна только кладь или кладъ — родникъ или рудникъ — но онъ за то неисчерпаемъ. Это живой языкъ русскій, какъ онъ живетъ понынѣ въ народѣ. *Источникъ одинъ* — языкъ простонародный, а важныя вспомогательныя средства: старинныя рукописи и всѣ живыя и мертвыя славянскія нарѣчія" [2]). Подобно Шишкову, Даль составлялъ новыя слова, предлагая ихъ для замѣны или дополненія прежнихъ, и въ этомъ не всегда былъ счаст-

---

[1]) *Соч. Пушкина*, томъ V, Спб. 1855 г., стр. 43.

[2]) „Полтора слова о нынѣшнемъ русскомъ языкѣ" въ *Москвит.* 1842, ч. I, стр. 540.

ливѣе Шишкова. Но, показавъ точку сближенія между обоими писателями, спѣшу однакожъ оговориться: путь, избранный Далемъ, былъ прямѣе и безукоризненнѣе: Даль не велъ пристрастной полемики, не ставилъ того или другого писателя цѣлью [9] своихъ нападеній, никого не винилъ въ безвѣріи и недостаткѣ патріотизма за употребленіе иностранныхъ словъ и наконецъ старался доказать свою теорію болѣе дѣломъ, нежели разсужденіями: онъ писалъ народнымъ языкомъ повѣсти и разсказы, заимствованные у народа. Эти произведенія, по собственному его свидѣтельству, составляли для него не цѣль, а средство. „Не сказки по себѣ", говоритъ онъ, „были ему важны, а русское слово, которое у насъ въ такомъ загонѣ, что ему нельзя было показаться въ люди безъ особаго предлога и повода — и сказка послужила предлогомъ. Писатель задалъ себѣ задачу познакомить земляковъ своихъ сколько нибудь съ народнымъ языкомъ и говоромъ, которому открывался такой вольный разгулъ и широкій просторъ въ народной сказкѣ" [1]). Предупреждая мысль, будто онъ ставитъ свои сказки въ примѣръ слога и языка, нашъ авторъ далѣе прибавляетъ: „онъ *(сказочникъ)* хотѣлъ только на первый случай показать небольшой образчикъ — и право не съ хазоваго конца [2]) — образчикъ *запасовъ*, о которыхъ мы мало или вовсе не заботились, между тѣмъ какъ, рано или поздно, безъ нихъ не обойтись".

Такимъ образомъ мы видимъ, что словарь Даля тѣсно примыкаетъ къ прочимъ трудамъ его и есть плодъ той же идеи, изъ которой проистекло все его авторство; на прежнія произведенія его должно смотрѣть только какъ на приготовительныя работы къ дѣлу, которымъ онъ завершилъ свою дѣятельность на пользу языка. Если мы вспомнимъ, что Даль началъ свои наблюденія надъ нимъ еще до 1820 г., когда ему было не болѣе 18-ти лѣтъ отъ роду, то нельзя будетъ не подивиться, какъ счастливая мысль отмѣчать простонародныя выраженія могла зародиться въ головѣ столь молодого человѣка въ такое время, когда у насъ, вообще говоря, еще мало обращали вниманія на народную словесность. [10] Желая дать возможность полнѣе и вѣрнѣе судить о разсматриваемомъ трудѣ, предложу нѣсколько собранныхъ мною и до сихъ поръ нигдѣ не напечатанныхъ біографическихъ извѣстій объ авторѣ. Это кажется мнѣ тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что рѣчь идетъ не о начинающемъ литераторѣ, а о писателѣ, давно пользующемся у насъ почетною извѣстностью.

Вл. Ив. Даль родился 10-го ноября 1801 года въ Лугани (Екате-

---

[1]) Тамъ же, стр. 549 и 550.

[2]) Въ *Словарѣ* Даля принято для этого понятія и слово *казовый*. Непонятно, зачѣмъ тутъ допускать татарское происхожденіе отъ слова *хазъ*, когда этимологія отъ глагола *казать* такъ естественна. Замѣтимъ, что на нѣмецкомъ языкѣ есть совершенно такъ же образованное названіе того же предмета — Schau-Ende.

риносл. губ.), гдѣ отецъ его, родомъ датчанинъ, занималъ мѣсто врача по горному вѣдомству. Этотъ ученый иностранецъ, принявъ въ 1797 г. русское подданство, горячо полюбилъ новое свое отечество, изучилъ русскій языкъ какъ родной и воспитывалъ дѣтей своихъ въ патріотическомъ духѣ, при всякомъ случаѣ напоминая имъ, что они Русскіе: въ 12-мъ году онъ жалѣлъ, что они еще слишкомъ молоды и негодны для службы. Самъ онъ въ молодости кончилъ курсъ въ германскомъ университетѣ по двумъ или тремъ факультетамъ и зналъ нѣсколько языковъ; онъ былъ вызванъ въ Россію въ концѣ царствованія Екатерины II на службу при Публичной библіотекѣ. Замѣтивъ въ Петербургѣ, что у насъ слишкомъ мало врачей, онъ отправился опять за-границу, изучилъ медицинскія науки и, воротясь въ Россію, женился на дочери г-жи Фрейтахъ, которая переводила на русскій языкъ Гинтера и Ифланда [1]). Въ качествѣ врача онъ сперва состоялъ при войскѣ, расположенномъ въ Гатчинѣ, потомъ перешелъ въ Петрозаводскъ, а оттуда въ названный уже городъ, по имени котораго, какъ своей родины, Владиміръ Ивановичъ принялъ впослѣдствіи столь памятный псевдонимъ *Казака Луганскаго.* Изъ Лугани отецъ его былъ переведенъ главнымъ докторомъ и инспекторомъ Черноморскаго флота въ Николаевъ. Отсюда, въ 1814 г., отправилъ онъ двухъ сыновей своихъ въ Морской корпусъ. Пробывъ тамъ пять лѣтъ, Вл. Ив. поѣхалъ мичманомъ обратно въ Николаевъ. Къ морской службѣ онъ не чувствовалъ никакого призванія, тѣмъ болѣе, что не переносилъ качки въ морѣ; но получивъ воспитаніе [11] на казенный счетъ, онъ долженъ былъ поневолѣ оставаться морякомъ: попытки его перейти въ инженеры, въ артиллерію или хоть въ армію были безуспѣшны. По кончинѣ отца, переведенный въ Кронштадтъ (1823), онъ въ отчаяніи не зналъ, что дѣлать. Между тѣмъ мать его съ младшимъ сыномъ уѣхала въ Дерптъ для воспитанія его и, по ея вызову, Владиміръ Ивановичъ, выйдя въ отставку, отправился туда же. Тамъ онъ снова принялся за ученіе и въ 1825 г. поступилъ въ казеннокоштные студенты по медицинскому факультету. Но прежде нежели онъ успѣлъ кончить курсъ, вспыхнула война 1829 г., и всѣхъ студентовъ, годныхъ къ военной службѣ, велѣно было выслать въ армію. Даль попалъ въ число троихъ, которымъ позволили тутъ же держать экзаменъ на доктора. До 1832 г. онъ находился въ Турціи и Польшѣ и много занимался операціями; потомъ поѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ и здѣсь былъ назначенъ ординаторомъ военнаго госпиталя. Вступленіе его на литературное поприще въ 1833 г. съ книжкою сказокъ ознаменовалось прискорбнымъ обстоятельствомъ, которое однакожъ много способствовало къ быстрому распространенію извѣстности новаго ав-

---

[1]) См. Смирдинскую *Роспись*, №№ 7207 и 7268.

тора. За одно превратно растолкованное мѣсто этой книги онъ подвергся аресту, и хотя вскорѣ былъ вполнѣ оправданъ, но долго не могъ являться въ литературѣ подъ своимъ именемъ. Черезъ нѣсколько времени Вас. Ал. Перовскій пригласилъ его въ Оренбургъ чиновникомъ для особыхъ порученій; въ 1841 г., отходивъ хивинскій походъ, Даль переѣхалъ въ Петербургъ на службу по министерству удѣловъ, а потомъ и внутреннихъ дѣлъ. Послѣднія десять лѣтъ своего служебнаго поприща, съ 1849 г., онъ провелъ въ Нижнемъ управляющимъ удѣльной конторы. Въ 1859, вышедъ въ отставку и поселившись въ Москвѣ, онъ рѣшился посвятить все свое время составленію и изданію давно-подготовляемаго имъ словаря. Во всю свою жизнь Даль не пропускалъ случаевъ поѣздить по Россіи и знакомиться съ бытомъ народа: смѣсь французскаго съ нижегородскимъ была ему ненавистна почти съ самаго дѣтства. Обстоятельства особенно благопріятствовали удовлетворенію его любознательности: [12] служа во флотѣ, а потомъ завѣдывая больницей, онъ имѣлъ возможность обращаться съ людьми изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Россіи и распрашивать ихъ объ особенностяхъ языка въ каждой. Этимъ способомъ онъ могъ значительно дополнить и расширить свѣдѣнія, добытыя имъ пребываніемъ въ разныхъ краяхъ отечества. Разнородность службы, которую онъ проходилъ, а сверхъ того любимыя занятія по естественнымъ наукамъ и нѣкоторымъ ремесламъ позволили ему охватить обширный и многообразный кругъ человѣческихъ знаній и нагляднаго знакомства съ бытомъ разныхъ состояній и сословій.

Въ 1819 г., проѣзжая по Новгородской губ. на пути въ Николаевъ, Даль услышалъ въ первый разъ слово *замолаживаетъ* (говорится о небѣ, въ смыслѣ *заволакиваетъ*, по сравненію съ начинающимъ бродить тѣстомъ). Записавъ это слово, онъ положилъ чуть-ли не первый камень будущаго словеснаго зданія, и уже не пропускалъ дня, чтобы не вносить въ свои замѣтки новаго слова, оборота, поговорки. Ко времени турецкой кампаніи 1829 г. эти матеріалы достигли уже обширныхъ размѣровъ; находясь при арміи полковымъ врачемъ, Даль въ ожиданіи обильной жатвы для своихъ записокъ, взялъ всѣ прежнія тетради ихъ съ собою; вдругъ, навьюченный ими верблюдъ, перехода за два до Адріанополя, пропадаетъ. Что долженъ былъ чувствовать страстный собиратель, внезапно лишившійся плодовъ десятилѣтняго труда? Къ счастію, казаки гдѣ-то перехватили верблюда и черезъ недѣлю привели его въ Адріанополь [1]). Драгоцѣнныя замѣтки были спасены и продолжали нарастать еще цѣлыхъ 30 лѣтъ. „Жадно хватая на лету родныя речи [2]), слова и обороты, когда они срывались

[1]) *Толковый Словарь* т. I, „Напутное слово", стр. III.

[2]) Предупреждаю разъ навсегда, что во всѣхъ выпискахъ изъ напечатанныхъ при Словарѣ статей сохраняю правописаніе автора.

съ языка въ простой бесѣдѣ, гдѣ никто не чаялъ соглядатая или лазутчика, этотъ записывалъ ихъ... Сколько разъ случалось ему, среди жаркой бесѣды, выхвативъ записную книжку, записать въ ней оборотъ речи или слово, которое у кого-нибудь сорвалось [13] съ языка,— а его никто и не слышалъ! Всѣ спрашивали, никто не могъ припомнить чѣмъ-либо замѣчательное слово—а слова этого не было ни въ одномъ словарѣ, и оно было чисто руское" [1]). Вотъ какъ самъ составитель *Толковаго Словаря* описываетъ намъ часть процесса своихъ приготовительныхъ работъ. Тутъ же онъ отдаетъ отчетъ въ главной мысли, руководившей имъ съ тѣхъ поръ какъ онъ себя помнитъ: „его тревожила и смущала несообразность писменаго языка нашего съ устною речью простаго рускаго человѣка, не сбитаго съ толку грамотѣйствомъ, а слѣдовательно и съ самимъ духомъ рускаго слова. Не разсудокъ, а какое то темное чувство строптиво упиралось, отказываясь признать этотъ нестройный лепетъ, съ отголоскомъ чужбины, за рускую речь. Для меня сдѣлалось задачей выводить на справку и повѣрку: какъ говоритъ книжникъ, и какъ выскажетъ въ бесѣдѣ ту же, доступную ему мысль человѣкъ умный, но простой, неученый,— и нечего и говорить о томъ, что перевѣсъ, по всѣмъ прилагаемымъ къ сему дѣлу мѣриламъ, всегда оставался на сторонѣ послѣдняго. Не будучи всилахъ уклониться ни на волосъ отъ духа языка, онъ поневолѣ выражается ясно, прямо, коротко и изящно" [2]).

Въ этихъ словахъ лежитъ ключъ ко всей литературной дѣятельности Даля. Чѣмъ болѣе онъ подмѣчалъ и записывалъ, тѣмъ болѣе крѣпло его убѣжденіе въ негодности нашей письменной рѣчи. Стараясь, въ своихъ расказахъ, употреблять языкъ близкій къ народному, иногда нанизывая въ нихъ цѣлыми страницами пословицы и поговорки, онъ сверхъ того, по временамъ, излагалъ теоретически свои взгляды на русскую народную литературу и языкъ. Любопытно, что первая его статья по этому предмету написана по-нѣмецки и напечатана въ Dorpater Jahrbücher 1835 г. (№ 1). Давъ ей заглавіе „Über die Schriftstellerei des russischen Volks" (объ авторствѣ русскаго народа), онъ начинаетъ осужденіемъ подражательной нашей литературы, возстаетъ [14] противъ искаженія языка на чужеземный ладъ и, переходя къ народной литературѣ, останавливается особенно на содержаніи нѣкоторыхъ лубочныхъ картинъ. Позднѣе онъ помѣстилъ въ *Москвитянинѣ* 1842 (ч. I, № 2 и ч. V, № 9): „Полтора слова о нынѣшнемъ русскомъ языкѣ" и „Недовѣсокъ къ статьѣ: *Полтора слова*". Далѣе, въ началѣ разсматриваемаго словаря мы находимъ еще три статьи Даля по тѣмъ же вопросамъ: 1) *О наречіяхъ рускаго языка*, написан-

---

1) Словарь, ч. I, стр. III.
2) Тамъ же.

ную въ 1852 году по поводу изданія академическаго областного словаря; 2) *О рускомъ словарѣ*, читанную 1860 г. въ Обществѣ любителей Россійской словесности, и 3) *Напутное слово,* читанное тамъ же въ 1862 г. и составляющее собственно предисловіе къ *Толковому Словарю.* Наконецъ нѣсколько замѣтокъ подобнаго содержанія помѣщено Далемъ въ газетѣ Погодина *Русскій* (1868 г., №№ 25 и 31).

Въ этихъ разновременныхъ статьяхъ вполнѣ высказались понятія автора о языкѣ, и потому онѣ очень важны для сужденія о словарномъ трудѣ его. Всѣ онѣ развиваютъ извѣстное уже намъ убѣжденіе Даля, что нашъ литературный языкъ, ко вреду своему, слишкомъ удалился отъ народнаго и, принявъ чуждый ему складъ вслѣдствіе множества заимствованій, совершенно утратилъ первоначальный характеръ силы, выразительности и сжатости. Впрочемъ Даль допускаетъ исключеніе въ пользу нѣкоторыхъ писателей: уже и въ первой статьѣ своей онъ указываетъ на Крылова и Грибоѣдова; въ *Напутномъ* же *словѣ* говоритъ: „Взгляните на Державина, на Карамзина, Крылова, на Жуковскаго, Пушкина и на нѣкоторыхъ извѣстныхъ даровитыхъ писателей; не ясно ли, что они избѣгали чужеречій, что старались, каждый по своему, писать чистымъ русскимъ языкомъ“ [1])? Что касается
[15] до языка, которымъ самъ онъ писалъ, то Даль не только не выдаетъ его за образецъ, но сознаетъ и ошибки, въ которыя онъ впадалъ: онъ въ позднѣйшее время убѣдился, что для народности въ литературѣ недостаточно одного подбора словъ и выраженій изъ языка простонародья. При всемъ томъ, исходная точка Даля въ воззрѣніи на нашъ литературный языкъ осталась прежняя. Онъ до конца находилъ, „что живой народный языкъ, сберегшій въ жизненной свѣжести духъ, который придаетъ языку стойкость, силу, ясность, цѣлость и красоту, долженъ послужить источникомъ и сокровищницей для развитія образованной, разумной русской речи *взамѣнъ* нынѣшняго языка нашего, каженика“ [2]).

Въ чемъ же, по мнѣнію Даля, заключается несостоятельность нынѣшняго нашего письменнаго языка? Изъ приводимыхъ имъ примѣровъ видно, что онъ сюда относитъ: 1) ошибочное употребленіе одного слова вмѣсто другого по незнанію настоящаго значенія ихъ (*обознаться* вм. *опознаться*, *объиденный* вм. *обиходный* [3]); 2) употребленіе словъ и

[1]) Словарь, ч. I, стр. I. Въ другомъ мѣстѣ Даль не вполнѣ освобождаетъ и Пушкина отъ повальнаго упрека, утверждая, что „нѣтъ писателя, который бы не грѣшилъ — и много, тяжко — противъ роднаго языка. Самъ Пушкинъ“, прибавляетъ онъ, „говоритъ въ прозѣ иногда такъ: *обѣ онѣ должны были выдти въ садъ, черезъ заднее крыльцо, за садомъ найдти готовыя сани, садиться въ нихъ и ѣхать—онъ помнилъ разстояніе, существующее между нимъ и бѣдной крестьянкой,* и проч. „Все это“, находитъ Даль, „не по-русски“. (*Москвит.* 1842, ч. I, № 2, стр. 545 и 546).

[2]) Словарь, ч. I, стр. II.

[3]) *Обознаться* значитъ ошибиться; а *опознаться* — оріентироваться; *объиденной* какъ ясно показываетъ его происхожденіе, можетъ значить только одно-

реченій растянутыхъ, описательныхъ, составленныхъ по иностранному, вм. болѣе краткихъ и мѣткихъ, имѣющихся въ народномъ языкѣ (*путеводитель въ пустынѣ* вм. *степной вожакъ, собственный* вм. *свой, могущество* вм. *мочь, могута; усовершенствованіе, семейственный* вм. *усовершеніе, семейный* и проч.), и 3) заимствованіе множества чужеязычныхъ словъ съ передѣланными только на русскій ладъ окончаніями, употребленіе цѣлыхъ нерусскихъ оборотовъ, сочетаніе словъ и построеніе рѣчи по нерусскимъ формамъ мышленія. Слѣдующій примѣръ можетъ дать болѣе ясное понятіе о томъ, чего желалъ Даль. Когда Жуковскій, въ свитѣ великаго князя Александра Николаевича, въ 1837 г. проѣзжалъ черезъ Уральскъ, то [16] Даль, въ то время тамъ находившійся, завелъ съ нашимъ знаменитымъ поэтомъ разговоръ о любимой своей темѣ и между прочимъ представилъ ему такой образчикъ двоякаго способа выраженія: 1) на общепринятомъ языкѣ: „Казакъ осѣдлалъ лошадь какъ можно поспѣшнѣе, взялъ товарища своего, у котораго не было верховой лошади, къ себѣ на крупъ и слѣдовалъ за непріятелемъ, имѣя его всегда въ виду, чтобы при благопріятныхъ обстоятельствахъ на него напасть“, и 2) на языкѣ народномъ: „Казакъ сѣдлалъ уторопь, посадилъ безконнаго товарища на зáбедры и слѣдилъ непріятеля въ нáзерку, чтобы при спопутности на него ударить“ [1]). Жуковскій, мало сочувствуя послѣднему способу выраженія, замѣтилъ, что такъ можно говорить только съ казаками и притомъ о близкихъ имъ предметахъ.

Нельзя отрицать справедливости той мысли, что языкъ народный во многихъ случаяхъ выражается своеобразнѣе и удачнѣе литературнаго; но, замѣтивъ это, Даль упустилъ изъ виду, что несходство между тѣмъ и другимъ есть явленіе общее всѣмъ языкамъ, а не исключительная принадлежность русскаго. Вездѣ языкъ, по мѣрѣ своего развитія въ образованной рѣчи, болѣе и болѣе даетъ перевѣсъ отвлеченному мышленію надъ наглядной изобразительностью [2]); вездѣ общіе всему человѣчеству логическіе законы въ большей или меньшей степени вытѣсняютъ изъ письменнаго языка непосредственную своеобразность народныхъ представленій, выражающуюся въ идіотúзмахъ, и потому-то вездѣ литературная рѣчь мало-по-малу усвоиваетъ себѣ множество синтактическихъ оборотовъ, общепринятыхъ въ образованнѣй-

---

дневный (*объденка* = эфемера). Прибавлю отъ себя, что такимъ же образомъ въ нашу новѣйшую литературу вкралось неправильное пониманіе слова *витать*, которому обыкновенно придаютъ смыслъ какого-то движенія въ вышинѣ (*носиться*, planer), тогда какъ оно просто значитъ *жить, пребывать:* ср. лат. vita и предложн. глаголъ об(в)итать.

[1]) *Москвит.* 1842, № 2, „Полтора слова“ и проч., стр. 552, 553.

[2]) *Историч. грамматика* Буслаева, М. 1863, ч. II, стр. 21 и 77.

шихъ языкахъ[1]). Этотъ какъ бы космополитическій языкъ похожъ, по [17] остроумному сравненію одного писателя, на бумажныя деньги, повсюду легко замѣняющія золотую и серебряную монету. Такое явленіе въ языкахъ есть необходимое слѣдствіе постояннаго обмѣна идей, происходящаго путемъ литературы, и слишкомъ жалѣть объ этомъ результатѣ нельзя безъ умаленія цѣны самаго факта, изъ котораго онъ проистекаетъ.

Но свобода заимствованій должна имѣть свои разумные предѣлы, особенно должна она ограничиваться уваженіемъ къ духу родного языка. Даль не безъ основанія упрекаетъ нашу книжную рѣчь въ злоупотребленіи этою свободой. Въ послѣднія десятилѣтія, начиная съ 40-хъ годовъ, — по мѣрѣ того, какъ русское общество научалось придавать *вещамъ* болѣе цѣны, чѣмъ *именамъ*, — у насъ стали слишкомъ пренебрегать чистотою языка и слишкомъ мало стѣсняться въ употребленіи иностранныхъ словъ и оборотовъ. Такимъ образомъ въ печати появилось множество выраженій, искусственно привитыхъ къ русскому языку, напр. *разсчитывать на кого* или *на что, дѣлать кого несчастнымъ, имѣть жестокость, предшествовать кому, предпослать что чему, пройти молчаніемъ, раздѣлять чьи-либо мысли* или *чувства, прежде нежели сказать, слишкомъ уменъ чтобы не понять, имѣть что возразить, имѣть что-нибудь противъ* [2]). Въ разговорѣ и на письмѣ сдѣлались ходячими слова: *фактъ, результатъ, интересный, серьезный, компетентный, лояльный, солидный, солидарный;* не избѣгли мы даже *шансовъ*, не говоря уже о цѣломъ легіонѣ глаголовъ подобныхъ слѣдующимъ: *импонировать, импровизировать, изолировать, игнорировать, бравировать,* [18] *формулировать, вотировать, конкурировать, резюмировать, третировать*. Послѣдній разрядъ словъ особенно неудаченъ, такъ какъ тутъ мы видимъ иногда двойное искаженіе: французское слово видоизмѣнено сперва нѣмецкою формою его окончанія (iren). Чтобы уменьшить безобразіе, нѣкоторые стали отбрасывать слогъ *ир* и говорить напр. *формуловать, цитовать,*

[1]) Замѣчательно умно и вѣрно сказалъ князь Вяземскій еще въ 1825 году: „Новые набѣги въ области мысли требуютъ часто и новаго порядка. Отъ нихъ книжный синтаксисъ, условная логика частнаго языка могутъ пострадать, но есть синтаксисъ, есть логика общаго ума, которые, не во гнѣвъ ученымъ будь сказано, также существуютъ“. (*Полное собр. соч. кн. Вяземскаго,* т. I, стр. 197).

[2]) Въ ближайшее къ намъ время къ этимъ оборотамъ присоединилось еще много другихъ, напр. *считаться съ чѣмъ* (tenir compte de quelque chose), *человѣкъ такого закала* (un homme de cette trempe), *разъ онъ взялся — непремѣнно сдѣлаетъ* (une fois qu'il s'en est chargé...) и проч., или слова: *вліять, вліятельный, немыслимый* (undenkbar). Прежде слово *вліять* имѣло только собственное значеніе, напр. у М. Н. Муравьева: „Многія дамы, украшенія пола своего, *вліяли* природныя и неподражаемыя пріятности ихъ разума въ сочиненія, повидимому легкія и нетщательныя“. — Французское слово *sâle* въ переносномъ смыслѣ стали переводить *сальный*, изъ котораго въ томъ же значеніи образовалось существительное *сальность* (!).

по образцу болѣе старыхъ глаголовъ: *атаковать, арестовать, командовать, пробовать*. Къ сожалѣнію, это лишь въ рѣдкихъ случаяхъ возможно, да и отъ такой передѣлки мало прибыли, когда слово все-таки остается иностраннымъ.

Замѣтимъ однакожъ, что одновременно съ вторженіемъ иностранныхъ словъ и оборотовъ, русскій литературный языкъ не переставалъ развиваться и изъ собственныхъ своихъ источниковъ, чего Даль вовсе не принялъ въ соображеніе, хотя однажды и вырвалось у него замѣчанье: „Сколько введено русскихъ словъ на нашей памяти, начиная съ Карамзина!“ [1]). Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ сравнить любую нынѣшнюю книгу или газету съ тѣмъ, что писалось лѣтъ 30—40 тому назадъ, даже и лучшими изъ тогдашнихъ литераторовъ: въ каждомъ современномъ намъ сочиненіи найдется множество русскихъ словъ и оборотовъ, которыхъ не знали ни Карамзинъ, ни слѣдовавшіе за нимъ писатели. Все это пріобрѣтенія, усвоенныя языку путемъ, по большей части правильнымъ и законнымъ. Изъ какихъ же источниковъ, сверхъ иностранныхъ языковъ, наша письменная рѣчь обогащается? Частью изъ старинныхъ памятниковъ, по примѣру пользующихся ими хорошихъ писателей (такъ еще Карамзинъ возстановилъ слово *сторонникъ*, нынѣ часто употребляемое; такъ же введены недавно: *рознь* въ смыслѣ несогласія, *строй, людъ* и т. п.), частью изъ самого живого языка, пользуясь существующими уже словами или корнями для новыхъ словообразованій и сочетаній; такъ возникли слова: *научный, проявленіе, дѣятель, даровитый, отчетливый, настроеніе, творчество, сопоставленіе, сдержанность,* [19] *голосованіе, плоскогорье* и проч. Нѣкоторыя старыя слова стали употребляться въ новомъ значеніи, напр. *разборъ* вм. *рецензія, сложиться* вм. *устроиться* (напр. объ обстоятельствахъ), *печать* вм. *пресса, пробѣлъ, насущный* (въ переносномъ смыслѣ). Изъ прежнихъ словъ иныя вовсе оставлены, напр. *свѣдать* (которое любилъ Карамзинъ), *содѣлывать, прилежность, сорадованіе, примѣчанія достойный, въ разсужденіи чего;* другія урѣзаны, напр. вмѣсто *надобно, чувствованіе* стали не только говорить, но и писать *надо, чувство*. Даль не одобряетъ появившихся въ 40-хъ годахъ словъ: *возникновеніе, исчезновеніе* и т. п. Они однакожъ ничѣмъ не хуже болѣе старыхъ образцовъ своихъ: *отдохновеніе, прикосновеніе, дуновеніе* и пр.; они вызваны потребностью въ логическомъ отвлеченіи и могутъ быть терпимы, если только образованы правильно, а не такъ, какъ напр. слово *упоминовеніе*, не оправдываемое законами этимологіи [2]). Еще безобразнѣе и неправильнѣе не старое слово *вдохновлять* [3]). Но

---

[1]) *Москвит.* 1842, № 9, „Недовѣсокъ“ и пр., стр. 91.

[2]) Отъ *упомянуть* существительное было бы *упомяновеніе;* отъ *упоминать* — *упоминаніе.*

[3]) Отъ гл. *вдохнуть* произошло причастіе *вдохновенный* (какъ отъ *обыкнуть*—*обыкновенный*), а отъ причастія, уже совершенно наперекоръ грамматикѣ и логикѣ,

за исключеніемъ немногихъ случаевъ этого рода, современный литературный языкъ вообще стремится къ упрощенію, къ большему и большему сближенію съ языкомъ разговорнымъ, отбрасывая постепенно слова тяжелыя, напыщенныя, слишкомъ искусственныя въ ихъ образованіи, каковы напр. отживающія свой вѣкъ слова: *преуспѣяніе*, *споспѣшествовать*, *преткновеніе* и имъ подобныя. Нельзя даже сказать, чтобы литературный языкъ и до сихъ поръ вовсе не заимствовался изъ народнаго, откуда, напр., введены слова *починъ* (или *зачинъ*), *бытъ*, *суть* (сущность), *проходимецъ* и др. Нѣкоторые изъ лучшихъ нашихъ писателей уже показали опыты глубокаго знанія народнаго языка, которое, отражаясь въ ихъ сочиненіяхъ, не остается безъ дѣйствія на всю литературу. Не упоминая о [20] живыхъ, укажу только на покойнаго С. Т. Аксакова: его проза — образецъ чисто-русскаго языка, богатаго народными, кстати употребленными идіотизмами.

Итакъ положеніе нашего литературнаго языка повидимому далеко не такъ отчаянно, какъ оно кажется Далю. Въ подтвержденіе того можетъ служить и собственная его проза: въ ней можно бы ожидать усильнаго приближенія къ тому идеалу слога, который авторъ себѣ составилъ; но на самомъ дѣлѣ она не многимъ отличается отъ того, что̀ вообще пишется у насъ людьми, несовсѣмъ равнодушными къ чистотѣ языка. Правда, у него попадаются слова и реченія, которыхъ мы не встрѣтимъ у другихъ писателей; но это однѣ частности, мало замѣтныя въ цѣломъ, представляющемъ общій характеръ современной намъ письменной рѣчи. Нѣтъ сомнѣнія, что она можетъ почерпнуть еще много живыхъ силъ изъ языка народнаго; тѣмъ не менѣе однакожъ требованія и ожиданія Даля въ этомъ отношеніи преувеличены. Это становится яснымъ изъ слѣдующихъ словъ его: „Народныя слова *прямо могутъ* переноситься въ письменный языкъ, *никогда* не оскорбляя его грубою противу самого себя ошибкою, а напротивъ *всегда* направляя его въ природную свою колею, изъ которой онъ у насъ соскочилъ“ (не вѣрнѣе ли было бы: *выскочилъ?*) „какъ паровозъ съ рельсовъ: онѣ оскорбятъ развѣ только изрусѣвшее ухо чопорнаго слушателя“ [1]). Здѣсь авторъ упускаетъ изъ виду, что у каждой сферы языка есть свой характеръ, свой тонъ, который поддерживается не только цѣлымъ составомъ рѣчи, оборотами, но и отдѣльными словами. Поэтому переносить слова изъ одной сферы въ другую не всегда удобно: слово должно быть всегда сообразно съ настроеніемъ духа и ума говорящаго, съ тѣмъ оттѣнкомъ, какой онъ хочетъ придать выражаемому понятію. Вотъ почему нѣкоторыя всѣмъ

образовано *вдохновить*, *вдохновлять*, какъ будто это то же, что *благословить* — *благословенный!* Несмотря на то, и тѣ двѣ формы благополучно принялись.

[1]) Словарь, ч. I, стр. XVI.

извѣстныя и даже общеупотребительныя слова народнаго языка не всегда пригодны въ рѣчи образованнаго класса. Такъ глагола *плясать* мы не можемъ во [21] всѣхъ случаяхъ употреблятьв мѣсто иноязычнаго синонима его *танцовать*, и если бъ обычная фраза: „дама, съ которою я танцовалъ", приняла въ разговорѣ форму: „женщина, съ которой я плясалъ", то едва ли кто изъ слушателей могъ бы удержаться отъ невольной улыбки. Другой примѣръ: многіе еще помнятъ, какъ при началѣ построенія московской желѣзной дороги, народъ прозвалъ ее *чугункою* и какъ это слово всѣмъ показалось удачнымъ. Почему же оно, несмотря на то, не вошло въ общее употребленіе? потому что съ нимъ, для образованнаго человѣка, связывается понятіе чего-то наивнаго, несовмѣстнаго съ общимъ характеромъ его рѣчи. Всего поразительнѣе въ этомъ отношеніи прекрасное слово *спасибо*, котораго, къ сожалѣнію, мы удостоиваемъ только простолюдиновъ; вмѣсто него даже городская прислуга, желая щегольнуть своею образованностью, стала употреблять безобразное *мерси*.

Еще труднѣе дать ходъ областному слову, непонятному и новому для насъ по своему звуковому составу: таковы, напр., *уповодъ* и *выть*, на которыя Даль указываетъ какъ на весьма полезныя, объясняя: „*Уповодъ*, это срокъ или продолжительность отъ *выти* до *выти*, т. е. отъ ѣды до ѣды. Во днѣ, смотря по числу *вытей*, коихъ лѣтомъ бываетъ одною болѣе, чѣмъ зимою, три или четыре *уповода*, каждый часа въ четыре" [1]. Какъ ни нужно было бы намъ въ самомъ дѣлѣ слово, соотвѣтствующее французскому repas, мало надежды, чтобы сѣверно-русское *выть* когда нибудь сдѣлалось общеупотребительнымъ, хотя оно нѣкогда въ другомъ значеніи (доля, участокъ) [2] и было знакомо всему народу, какъ показываетъ образованное отъ него старинное сущ. *повытчикъ*. Такъ же мало будущности можно предсказать и нѣкоторымъ другимъ предлагаемымъ Далемъ словамъ: правда, они [22] заключаютъ въ себѣ корень уже извѣстный, но образованіе ихъ не отвѣчаетъ условію общепонятности. Вмѣсто горизонтъ рекомендуетъ онъ, напр., *завѣсъ, закрой, озоръ, овидъ*; вм. резонансъ — *отбой, голкъ, наголосокъ*; вм. адресовать, адресъ — *насылать, наслъ, насылка*; вм. кокетка — *миловидница, красовитка, жеманница, хорошуха, казотка;* вм. атмосфера — *колоземица, міроколица;* вм. пуристъ — *чистякъ*; вм. эгоизмъ — *самотство, самотность*. Замѣтимъ впрочемъ, что нѣкоторыя изъ этихъ словъ не народныя, а придуманныя самимъ Далемъ. Но чтобы какое-нибудь новое слово, — будетъ ли оно заимствовано у народа, или со-

[1] Словарь, ч. I, стр. XXIV.

[2] Слово *выть*, въ финскомъ *vuitti*, употребляется по всей Кареліи въ значеніи: часть, доля. Слову *уповодъ* въ фин. языкѣ соотвѣтствуетъ *rupeama*, также означающее рабочее время между двумя пріемами пищи или роздыхами (профес. Ahlqvist въ п. ко мнѣ отъ 3/15 іюля 1873).

ставлено писателемъ, — пошло въ ходъ, для этого оно должно быть, по своему составу, совершенно просто, естественно, непринужденно: новизна его не должна бросаться въ глаза. Такъ на нашей памяти принялись слова: *даровитый, дѣятель, представитель, научный, паровозъ, обусловливать, сдержанность, заподозрѣть, починъ, вліятельный* [1]). Однакожъ и они до сихъ поръ не всѣ еще пріобрѣли несомнѣнное право гражданства.

Что касается словъ иностранныхъ въ русскомъ языкѣ, то присутствіе ихъ неразрывно связано съ самымъ ходомъ нашего образованія, которое постоянно питалось плодами западной жизни. Слѣдствіемъ быстрыхъ нововведеній было то, что не мало [23] пришлыхъ словъ проникло даже въ языкъ народный; такъ по всей Россіи простолюдины употребляютъ слова: *манера, фасонъ, мастеръ, матерія, матерьялъ, капиталъ, музыка, оказія, комиссія, азартъ*, которыхъ народъ и не думаетъ замѣнять своими и изъ коихъ нѣкоторыя — и именно три послѣднія — получили на русскомъ языкѣ новое, самостоятельное значеніе. Въ городахъ необразованный и полуграмотный классъ особенно любитъ, безъ всякой надобности, щеголять иностранными словами, и вмѣсто всѣмъ извѣстныхъ русскихъ словъ употребляетъ напр. *фрыштыкъ, фартукъ, персона, кувертъ, партикулярный* и т. д. Если отсюда поднимемся въ высшіе слои, то найдемъ, что не только въ свѣтскомъ обществѣ, но и въ литературѣ употребленіе чужеземныхъ словъ было издавна и до сихъ поръ остается отчасти дѣломъ моды, отчасти же происходитъ отъ привычки нашей думать на иностранныхъ языкахъ и искать на своемъ выраженій для чуженародныхъ мыслей. Мѣняются слова, но сущность все та же. Петровскія *фортеціи* и *викторіи* позднѣе уступили мѣсто *еложамъ, резонамъ, эстимъ*, а еще позднѣе пошли въ ходъ *эксплуатаціи, инсинуаціи, пертурбаціи, шансы* и *принципы*, которыя, вѣроятно, въ свою очередь, исчезнутъ и очистятъ путь новымъ пришельцамъ изъ романскихъ языковъ. Число иноземныхъ словъ, вторгшихся и еще вторгающихся къ намъ вмѣстѣ съ новыми поня-

[1]) Ходъ введенія подобныхъ словъ бываетъ обыкновенно такой: вначалѣ слово допускается очень немногими; другіе его дичатся, смотрятъ на него недовѣрчиво, какъ на незнакомца; но чѣмъ оно удачнѣе, тѣмъ чаще начинаетъ являться. Мало по малу къ нему привыкаютъ, и новизна его забывается: слѣдующее поколѣніе уже застаетъ его въ ходу и вполнѣ усвоиваетъ себѣ. Такъ было напр. съ словомъ *дѣятель*; нынѣшнее молодое поколѣніе, можетъ быть, и не подозрѣваетъ, какъ это слово, при появленіи своемъ въ 30-хъ годахъ, было встрѣчено враждебно бо́льшею частью пишущихъ. Теперь оно слышится безпрестанно, входитъ уже и въ правительственные акты, а было время, когда многіе, особенно изъ людей пожилыхъ, предпочитали ему *дѣлатель* (см. напр. сочиненія Плетнева). Иногда случается однакожъ, что и совсѣмъ новое слово тотчасъ полюбится и войдетъ въ моду. Это значитъ, что оно попало на современный вкусъ. Такъ было въ самое недавнее время съ словами: *вліять* (и *повліять*); *вліятельный, относиться къ чему-либо* такъ или иначе и др.

тіями, изобрѣтеніями и учрежденіями, заимствуемыми съ запада, такъ велико, что изгнать ихъ, даже и въ отдаленномъ будущемъ, едва ли удастся. Между ними есть и такія, которымъ легко найти вполнѣ соотвѣтственныя русскія слова и которыя, несмотря на то, всѣми употребляются предпочтительно, только потому, что мы къ нимъ уже привыкли и что они по своей общеизвѣстности кажутся намъ удобнѣе: такъ вм. дуэль мы не говоримъ *поединокъ*[1]), [24] и оставляемъ въ сторонѣ слова: *врачъ, станъ, преобразованіе*, употребляя на мѣсто ихъ: медикъ или докторъ, лагерь, реформа. Иными же русскими словами, напр. *купецъ, гостиница*, мы рѣдко пользуемся потому, что съ ними соединяются такіе оттѣнки понятій или бытовыхъ особенностей, которые чужды соотвѣтствующимъ иностраннымъ словамъ: *негоціантъ, отель* и проч. Употребленіе въ такихъ случаяхъ русскихъ словъ показалось бы неумѣстнымъ пуризмомъ. Изъ приведенныхъ сейчасъ примѣровъ, какъ и изъ многихъ общеизвѣстныхъ, но мало употребительныхъ народныхъ реченій видно, что слабое вліяніе языка народнаго на образованный происходитъ не столько отъ незнанія туземныхъ словъ или отъ трудности пріискивать ихъ, сколько отъ совершенно другихъ, болѣе глубокихъ причинъ. Вотъ и еще примѣръ тому: всѣмъ извѣстно, какъ нашъ народный языкъ богатъ названіями родства; ознакомиться съ ними всякому было бы не трудно; однакожъ мы видимъ, что напротивъ того ихъ избѣгаютъ, и въ такъ называемомъ хорошемъ обществѣ *бофреры* и *бельсёры* еще не скоро уступятъ первенство *шурьямъ* и *зятьямъ, невѣсткамъ* и *золовкамъ*, которыхъ названія переносятъ насъ въ слишкомъ чуждую намъ и темную область русской жизни [2]). Отсюда мы прямо приходимъ къ тому важному выводу, что народному языку болѣе значенія и вліянія можетъ дать только народное образованіе. Пусть бездна, отдѣляющая у насъ одну часть націи отъ другой, будетъ постепенно исчезать передъ успѣхами просвѣщенія въ массахъ: однимъ изъ благотворныхъ послѣдствій этого будетъ, конечно, и большее единство въ языкѣ цѣлой націи, и высшіе слои ея научатся лучше цѣнить сокровища народной рѣчи.

Нельзя не согласиться съ Далемъ, что нашъ образованный языкъ слишкомъ злоупотребляетъ легкостью заимствованія иностранныхъ словъ: на писателяхъ лежитъ прямой долгъ стараться о замѣнѣ ихъ, по возможности, русскими. Это всегда и сознавали [25] лучшіе представи-

[1]) Въ оправданіе этого можно, конечно, сказать, что древній *поединокъ* обставленъ такими особенностями, которыя не подходятъ къ слову *дуэль*; но отчего же мы въ другихъ случаяхъ допускаемъ еще болѣе рѣзкіе анахронизмы, употребляя напр. *стрѣлять, выстрѣлъ* (отъ *стрѣла*) въ примѣненіи къ огнестрѣльному оружію?

[2]) Финскій языкъ также богатъ названіями родства, но и тамъ они мало по малу приходятъ въ забвеніе, такъ что теперь уже вм. *kyty*, шуринъ, говорятъ либо: *waimonveli*, женнинъ братъ, либо *lanko*, зять вообще. (Ahlqvist).

тели слова. Несправедливо слагать съ себя въ этомъ дѣлѣ отвѣтственность, ссылаясь на исторію. Естественно, что при быстро совершающейся внутри общества работѣ некогда, для каждаго новаго понятія, тотчасъ же придумывать и своенародное слово; но это не значитъ, чтобы мы навсегда уже были освобождены отъ заботы о томъ. Патріотическое стремленіе писателей къ очищенію своего языка отъ пестрой иноземной примѣси можетъ также составить фактъ въ движеніи общественнаго сознанія, и притомъ фактъ, достойный полнаго вниманія исторіи. Былъ же этотъ фактъ въ умственной жизни нѣкоторыхъ другихъ народовъ. У Нѣмцевъ еще въ 17-мъ столѣтіи образовались ученолитературныя общества, главною цѣлію которыхъ было изгнаніе чуждыхъ стихій изъ языка; Чехи, вслѣдствіе особенныхъ политическихъ обстоятельствъ, замѣнили большую часть вошедшихъ къ нимъ нѣмецкихъ словъ своими, и во многихъ случаяхъ очень удачно; но при этомъ оказалось также, какъ опасно обращаться съ языкомъ самовольно, безъ надлежащаго пониманія дѣла и осторожности: людьми непризванными введено въ чешскій языкъ съ другой стороны множество крайне неловко составленныхъ словъ, не отвѣчающихъ ни духу, ни законамъ языка. Тѣмъ не менѣе примѣръ Чеховъ долженъ быть принимаемъ въ соображеніе; вообще славянскіе языки, какъ сознаетъ и Даль, могутъ служить немаловажнымъ пособіемъ для обогащенія русскаго. Изученіе народнаго языка полезно какъ въ научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи; но заимствованія изъ него въ языкъ образованный должны дѣлаться сами собой, естественно и незамѣтно. Насильственное же введеніе народныхъ словъ и оборотовъ едва ли можетъ быть успѣшно, и писатель, который будетъ употреблять ихъ неосмотрительно, подвергнется опасности остаться непонятнымъ большинству читателей.

Итакъ, не вполнѣ соглашаясь съ нашимъ авторомъ въ его взглядѣ на современную литературную рѣчь и на легкость исправленія ея посредствомъ языка народнаго, нельзя однакожъ не отдать полной справедливости его заботѣ объ очищеніи нашего [26] письменнаго языка и не признать всей важности какъ обширнаго словаря его, такъ и положенной въ основаніе этого труда идеи.

Приступая къ разсмотрѣнію *Толковаго Словаря* со стороны научныхъ требованій, мы не должны упускать изъ виду взгляда самого автора на свою задачу и на средства свои къ ея выполненію. Онъ прямо говоритъ[1]), что, предпринимая работу словаря, считалъ ее для себя непосильной и что, обсудивъ безпристрастно свои познанія, нашелъ ихъ недостаточными для глубокаго ученаго труда: „и именно“, поясняетъ онъ, „недоставало общихъ познаній языковѣденія и основатель-

---

[1]) Словарь ч. I, стр. IV.

наго знанія прочихъ славянскихъ языковъ и наречій; недоставало даже и того, что у насъ называютъ основательнымъ знаньемъ своего языка, то есть, научнаго знанія граматики". Послѣ такой добросовѣстной исповѣди автора мы не имѣли бы и права подвергать его словарь строгой ученой критикѣ, еслибъ на насъ не лежала обязанность, для полноты нашего разбора, прежде всего рѣшить, въ какой мѣрѣ трудъ Даля удовлетворяетъ требованіямъ науки. Предпринимаемъ эту оцѣнку тѣмъ охотнѣе, что знаемъ, какъ почтенный авторъ дорожитъ серьезнымъ судомъ и правдой, высказанной безъ лицепріятія, для пользы одного дѣла.

Словарю своему онъ далъ заглавіе: *Толковый Словарь живаго Великорускаго языка.* Словарь одного живого языка въ сущности невозможенъ, ибо многое современное находитъ объясненіе только въ прошломъ, въ древности; языкъ нельзя себѣ представить существующимъ только въ данную эпоху, и потому всѣ ученые лексикографы представляютъ въ своихъ словаряхъ языкъ на извѣстномъ протяженіи времени, присовокупляя еще и изъ болѣе отдаленнаго прошлаго: 1) слова, служащія къ объясненію современнаго, 2) такія древнія слова, которыхъ возстановленіе было бы желательно (такъ поступаетъ, напр. и Шв. академія: см. ея словарь на б. А). Такъ отчасти поступилъ и Даль, несмотря на слово *живой* въ заглавіи. Какъ бы ни было, мы не видимъ здѣсь слова *народный*, [27] хотя понятіе его и составляетъ господствующее начало всего труда. Причина этого умолчанія заключается въ томъ, что планъ словаря обширнѣе: онъ долженъ былъ обнять весь запасъ великорусскаго языка, какъ онъ является въ устной рѣчи, въ литературныхъ произведеніяхъ и отчасти даже въ памятникахъ древней письменности, но *живой* языкъ вообще составлялъ главную задачу нашего лексикографа. Изъ этой области русскаго языка онъ вносилъ „слова, речи и обороты всѣхъ концевъ Великой Руси", впрочемъ, какъ самъ онъ оговаривается, „не для безусловнаго включенія ихъ въ писменую речь, а для изученья, для знанія и обсужденія ихъ, для изученія самаго духа языка и усвоенія его себѣ, для выработки изъ него постепенно своего, образованаго языка. Читатель, а тѣмъ паче писатель, сами разберутъ, что и въ какомъ случаѣ можно принять и включить въ образованый языкъ" [1]). Прислушиваясь къ говору простонародья изъ самыхъ разнообразныхъ и отдаленныхъ другъ отъ друга краевъ Россіи, Даль убѣдился, что, за исключеніемъ не слишкомъ большого числа мѣстныхъ словъ, на всемъ обширномъ пространствѣ, гдѣ обитаетъ великорусское племя, господствуетъ собственно, несмотря на частныя видоизмѣненія, одинъ и тотъ же народный языкъ. Извѣстно, что еще Ломоносовъ замѣтилъ: „Народъ Россійскій,

[1]) Словарь, ч. I, стр. v.

по великому пространству обитающій, не смотря на дальное разстояніе говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ другу языкомъ въ городахъ и въ селахъ. Напротивъ того, въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, напримѣръ въ Германіи, Баварской крестьянинъ мало разумѣетъ Мекленбургскаго или Бранденбургской Швабскаго, хотя всѣ тогожъ Нѣмецкаго народа" [1]). Единство русскаго народнаго языка даетъ ему еще болѣе права на наше вниманіе. Но кромѣ того неоспоримо, что и мѣстныя слова, удачно выражающія такія понятія, для которыхъ недостаетъ словъ въ языкѣ письменномъ, могутъ быть пригодны для всеобщаго употребленія. Поэтому Даль не пренебрегалъ и мѣстными [28] словами, когда они казались ему заслуживающими извѣстности: дѣйствуя такъ, онъ былъ тѣмъ болѣе правъ, что вообще не легко опредѣлить границы распространенія слова. Въ этомъ отношеніи, для Даля было чрезвычайно важно изданіе нашимъ Отдѣленіемъ, въ 1852 году. *Опыта областнаго великорусскаго словаря.* Пользу его для своихъ работъ самъ онъ сознаетъ безпристрастно: хотя онъ и не упускаетъ случаевъ, при самомъ текстѣ своего словаря, строго и рѣзко выставлять недостатки какъ областного, такъ и другихъ академическихъ словарей, однакожъ въ своемъ *Напутномъ словѣ*, уступая чувству справедливости, онъ говоритъ: „Первое признательное слово мое по сему дѣлу должно быть обращено къ словарямъ Академіи, общему, на коемъ весь трудъ основанъ, и областнымъ, коими запасы мои пополнены" [2]). *Опытъ областнаго словаря,* представившій Далю первый шагъ къ осуществленію его давнишней и любимой мысли, помогъ, кажется, и окончательному ея развитію. По поводу его изданія Даль написалъ въ 1852 г. обширную статью *О нарѣчіяхъ русскаго языка*; не касаясь здѣсь изложенныхъ въ ней частныхъ воззрѣній автора на этотъ предметъ, которыя потребовали бы особаго разсмотрѣнія, приведу оттуда только одну общую, замѣчательно вѣрную мысль: „Мы вобще большею частью ошибаемся, отмѣчая слово курскимъ, нижегородскимъ, потому только, что въ первый разъ его тамъ слышали... Въ общемъ Академическомъ словарѣ отмѣчены областными такія слова, которыя донынѣ входу почти повсемѣстно... Также точно въ словарѣ областномъ приписаны одной губерніи слова довольно общія... Изъ этого слѣдуетъ, что намъ еще едва ли можно отдѣлять словарь нарѣчій отъ словаря народнаго языка, и что именно трудъ нашъ тогда только достигнетъ цѣли своей, когда ознакомитъ насъ сколь можно ближе съ языкомъ народнымъ и со всѣми мѣстными особенностями его"... [3]). Эту-то плодотворную мысль Даль и положилъ въ основу своего словаря.

---

[1]) *Соч. Ломоносова,* т. I, „О пользѣ книгъ церковныхъ", стр. 532.
[2]) Словарь, ч. I, стр. XIII.
[3]) Словарь, ч. I, стр. LI.

[29] Мы уже знаемъ, какой матеріалъ онъ предпринялъ разработать; посмотримъ теперь, какіе предѣлы онъ себѣ намѣтилъ и какъ соблюлъ ихъ. Полнота словаря живого языка можетъ быть только относительная; слѣдовательно, если смотрѣть съ высшей, не просто практической точки зрѣнія, такая полнота тогда только можетъ имѣть научную цѣну, когда въ стремленіи къ ней видно какое-нибудь теоретическое начало. Нѣтъ сомнѣнія, что Даль, переливъ въ свой трудъ все, что для его цѣли было годно изъ напечатанныхъ до него русскихъ словарей, и прибавивъ къ этому массу словъ, имъ самимъ собранныхъ, далъ намъ самый полный русскій словарь изъ всѣхъ, какіе мы до сихъ поръ имѣемъ: по собственному его показанію, число прибавленныхъ имъ словъ (считая, разумѣется, не одни новыя, малоизвѣстныя, но и весьма обыкновенныя второобразныя, только прежде не отмѣченныя) можетъ простираться отъ 70 до 80-ти тысячъ. Но если мы спросимъ, какимъ собственно правиломъ руководствовался Даль, принимая изъ народныхъ или мѣстныхъ словъ одни и отбрасывая другія, то едва ли получимъ удовлетворительный отвѣтъ. Иногда онъ вноситъ мѣстныя слова не великорусскія, напр. *вовкулака* (очевидно имѣющее малороссійскую форму), или даже и вовсе не русскія, а инородческія, т. е. финскія, татарскія и т. п., каковы, напр., архангельскія слова: *конда* и *мянда* (особые виды сосны) или кавказское *аба* (толстое и рѣдкое бѣлое сукно). Кажется, что и вообще исключительно мѣстныя, хотя бы и русскія, названія предметовъ, которыя не могутъ имѣть примѣненія въ общеупотребительномъ языкѣ и потому не отвѣчаютъ главной идеѣ Даля, должны бы оставаться достояніемъ областныхъ словарей. Иначе словарь народнаго языка подвергнется опасности вмѣстить въ себѣ случайное извлеченіе изъ областныхъ словарей разныхъ мѣстностей. Впрочемъ такихъ мѣстныхъ названій у Даля, сравнительно, немного; за то какое безчисленное множество собралъ онъ дѣйствительно общенародныхъ словъ, которыхъ образованный языкъ до сихъ поръ не зналъ: между ними особеннаго вниманія заслуживаетъ большое количество словъ, относящихся до естествовѣдѣнія, медицины, [30] ремеслъ и промысловъ, названій, отчасти только въ народѣ обращающихся, напр. *гусачі́ха, гуса́ковая перепонка*, предлагаемое Далемъ вмѣсто употребляемаго нынѣ искуственнаго слова грудобрюшная преграда. Рядомъ съ словами народнаго языка помѣщены имъ также слова иноязычныя, и притомъ не только пользующіяся правомъ давности, но и вновь вводимыя (разумѣется, не всѣ, а только болѣе употребительныя). За это онъ, какъ намъ кажется, не заслуживаетъ упрека, ибо, каковы бы ни были эти слова, никто не можетъ отрицать, что они находятъ себѣ мѣсто въ современномъ живомъ языкѣ, хотя и нельзя поручиться за долговѣчность многихъ изъ нихъ.

Далѣе авторъ заимствовалъ изъ словаря академическаго также

многія церковно-славянскія и старинныя русскія слова, занесенныя туда изъ письменныхъ памятниковъ, и притомъ не только тогда, когда они въ другомъ значеніи донынѣ употребительны, но и тогда, когда они принадлежатъ исключительно древнему языку. При тѣсной и неразрывной связи, существующей у насъ между языкомъ настоящаго и давнопрошедшаго времени, понятно, что лексикографу *живого языка* трудно и даже совершенно невозможно быть послѣдовательнымъ и ограничиваться однимъ современнымъ языкомъ. Какъ напр. поступать ему съ словами: *длань, здать, ристать, осклабляться, стогнъ, паволока, стольникъ, кравчій,* съ формами: *младой, драгой, златой, гладъ, стражъ?* Даль рѣшился сохранять не только такія слова, но и другія менѣе нужныя, напр. *скирбъ, скнипа, гобзовать, угобжать, вуй, стрый, средовѣкъ, спона,* отмѣчая ихъ иногда припиской *црк.* или *стар.* и присоединяя къ нимъ тѣ же примѣры, какіе приведены въ академическомъ словарѣ изъ древнихъ памятниковъ. Нельзя не признать этого справедливымъ въ отношеніи къ стариннымъ словамъ, еще употребляемымъ въ новомъ письменномъ языкѣ или имѣющимъ значеніе корней; но что касается такихъ словъ, которыя рѣдко встрѣчаются и въ памятникахъ, какъ напр. *скирбъ* (связка), то, кажется, не было основанія давать имъ мѣсто въ словарѣ живого языка, ибо большинства подобныхъ словъ мы [31] у Даля все-таки не найдемъ, напр. *непщевать, склабиться.* Такимъ образомъ, отдавая полную справедливость лексическому богатству словаря Даля, мы должны однакожъ замѣтить; что у него трудно отыскать какое-либо строго опредѣленное, однообразное теоретическое начало, подъ которое подходили бы всѣ принятыя имъ слова. Относительно задачи автора, обозначенной въ самомъ заглавіи словаря названіемъ „живого великорускаго языка", можно упрекнуть его въ излишествѣ, такъ что многія слова попадаются тамъ совершенно неожиданно для пользующагося имъ; конечно, всякая такая случайная находка можетъ быть тому или другому читателю очень пріятна; но надобно, чтобы всякій, обращаясь къ словарю, заранѣе зналъ, чтó онъ можетъ найти въ немъ и чего искать не долженъ.

Даля не разъ упрекали еще въ томъ, что въ словарѣ его встрѣчаются слова сомнительныя и такія, которыя составлены имъ самимъ, однакоже занесены безъ всякихъ оговорокъ. Упрекъ этотъ такъ важенъ, что мы не можемъ оставить его безъ разсмотрѣнія.

Возражая на такое обвиненіе, самъ Даль сознается, что „при *толкованіяхъ,* а иногда и *въ числѣ производныхъ словъ* могли попадаться и такія, кои доселѣ не писались, а можетъ-быть даже и не говорились":— „въ переводахъ чужихъ словъ", говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „могутъ попадаться въ словарѣ изрѣдка вновь сочиненныя слова, отдаваемыя на общій судъ; но въ красной строкѣ или въ числѣ объясняемыхъ словъ *сочиненныхъ мною словъ нѣтъ:* въ красную строку,

въ число реченій, набираемыхъ крупнымъ наборомъ, отъ строки, собиратель ставилъ только слова читаныя или слышаныя имъ". Къ числу словъ, составленныхъ самимъ авторомъ, разумѣется изъ соединенія уже извѣстныхъ словъ, относятся, напр., имена сущ.: *ловкосиліе* (при словѣ гимнастика), *міроколица* (при сл. атмосфера), *глазоемъ* (при сл. горизонтъ), *насылъ, насылка* (при сл. адресъ). Даль и прежде уже, въ статьяхъ своихъ, предлагалъ подобныя новосоставленныя слова; теперь онъ считалъ долгомъ *словарника* (употребляю его слово) [32] „перевести каждое изъ принятыхъ словъ на свой языкъ и выставить тутъ же всѣ равносильныя, отвѣчающія или близкія ему выраженія русскаго языка, чтобы показать, есть ли у насъ слово это, или его нѣтъ... „Если", говоритъ онъ, „предлагаемыя слова не сыщутъ одобренія и пріема у писателей, то, можетъ быть, дадутъ поводъ къ толкамъ и къ отысканію другихъ и лучшихъ словъ, и тогда цѣль наша очевидно будетъ достигнута" [1]). Попытка замѣнять чужія слова своими, стараніе изгонять варваризмы, конечно, заслуживаетъ всякаго уваженія, какъ и все то, что Даль говоритъ объ этомъ въ своемъ предисловіи (ч. I, стр. XI—XII); однакожъ мы не можемъ не согласиться съ мнѣніемъ, которое уже было выражаемо другими, что всѣ вновь придуманныя самимъ авторомъ слова должны бы быть отмѣчены особенными знаками. Даль совершенно справедливо разсуждаетъ о трудности указывать всякій разъ лицо, отъ котораго то или другое слово было слышано; но что́ бы онъ ни возражалъ противъ приведеннаго требованія, мы находимъ, что никакое новое слово (какъ напр. *міроколица*) не могло быть составлено имъ безсознательно, и потому не понимаемъ, что́ мѣшало ему отмѣчать такія слова. Отъ несоблюденія этого пользующійся словаремъ поставленъ въ большое затрудненіе. Чтобы убѣдиться, ходитъ ли въ народѣ такое-то слово, употребленное Далемъ въ толкованіяхъ и кажущееся почему-либо сомнительнымъ, необходимо каждый разъ справиться, стоитъ ли это слово въ красной строкѣ. Но въ красной строкѣ помѣщены только слова относительно первообразныя; а затѣмъ между производными отъ нихъ, напечатанными также крупнымъ шрифтомъ, иногда встрѣчаются опять-таки сомнительныя слова (напр. *насылъ, насылка* въ смыслѣ „адресъ"), ничѣмъ не отличенныя отъ словъ вполнѣ достовѣрныхъ.

Для большей ясности разсмотримъ слѣдующій примѣръ. Въ толкованіи слова *горизонтъ* помѣщены у Даля между прочимъ слова: *небоземъ, глазоемъ, зрѣймо, завѣсъ, закрой* касп., *озоръ*, [33] *овидъ* арх. Ищемъ этихъ объяснительныхъ словъ, каждаго въ своемъ мѣстѣ, и находимъ: слово *зрѣймо* съ отмѣткою *стар.* и съ толкованіемъ: „видо́къ, видки, разстояніе, на какое видитъ глазъ"; но это уже не то, что горизонтъ;

---

[1]) Словарь, ч. I, стр. X и XII, и ч. IV: „Отвѣтъ на приговоръ", стр. 1—4.

словъ *небоземъ* и *глазоемъ* не находимъ вовсе; при словѣ *за́вѣсь*, подъ глаг. *завѣшивать*, не встрѣчаемъ значенія „горизонтъ“: слово же *озоръ* показано въ трехъ значеніяхъ: 1) соглядатай; 2) дозоръ; 3) горизонтъ. Итакъ, повидимому, мы вправѣ заключить, что имена *небоземъ* и *глазоемъ* составлены самимъ Далемъ, *завѣсь* предлагается имъ въ новомъ значеніи, *озоръ* же употребляется такъ въ народѣ. Но тутъ новое сомнѣніе: слово *озоръ* отмѣчено рязанскимъ; спрашивается, относится ли эта отмѣтка только къ первому его значенію, или ко всѣмъ тремъ; весьма любопытно было бы знать, въ какихъ мѣстностяхъ *озоръ* употребляется въ смыслѣ горизонта. Далѣе подъ словомъ „горизонтъ“ предлагаются для замѣны его еще два мѣстныя слова: *закрой*, касп., и *о́видь*, арх.; но изъ нихъ мы второго вовсе не находимъ въ азбучномъ порядкѣ, а первое приведено подъ глаголомъ *закрывать*, какъ астрах., между прочимъ въ такомъ значеніи: „разстоянье, на которомъ въ морѣ предметъ скрывается изъ виду; 12—15 верстъ“: это опять не совсѣмъ то же, что́ горизонтъ, и едва ли можетъ соотвѣтствовать выражаемому послѣднимъ понятію. Такимъ образомъ читатель лишенъ положительнаго и вполнѣ надежнаго руководства для повѣрки и оцѣнки словъ, предлагаемыхъ авторомъ въ толкованіяхъ. Когда употребленное въ объясненіяхъ слово пропущено въ алфавитной номенклатурѣ, то мы въ недоумѣніи, отъ того ли это, что оно придумано самимъ лексикографомъ, или пропускъ произошелъ случайно. Когда же такое пояснительное слово стоитъ еще и въ настоящемъ своемъ мѣстѣ, но безъ означенія, откуда оно родомъ, то мы опять не можемъ быть вполнѣ увѣрены въ его дѣйствительномъ существованіи. Такъ изъ словъ, предлагаемыхъ Далемъ для перевода имени *атмосфера*, мы, правда, встрѣчаемъ *колоземицу* подъ словомъ *коло*, но, не видя, изъ какой мѣстности оно заимствовано, сомнѣваемся, точно ли это — народное слово, тѣмъ болѣе, что при немъ находимъ только [34] примѣръ изъ области науки: „Дознано, что у луны колоземицы нѣтъ“. Другое въ томъ же значеніи предлагаемое слово: *міроколица* не помѣщено въ номенклатурѣ, и мы слѣдовательно въ правѣ думать, что оно принадлежитъ самому Далю; но опять насъ приводитъ въ сомнѣніе то, что оно встрѣчается подъ словомъ *вода* въ слѣдующей фразѣ: „испаренія водныя наполняютъ мірэколицу въ видѣ облаковъ“ и проч. Казалось бы, что если это слово—придуманное, то не слѣдовало употреблять его иначе, какъ при самомъ словѣ *атмосфера*, къ переводу котораго оно должно служить. Изъ личнаго объясненія съ авторомъ мы знаемъ, что слова́ *колоземица* и *мірэколица* имъ самимъ составлены.

Обратимся теперь къ способу расположенія словъ у Даля. Чисто азбучный порядокъ, въ которомъ, по его выраженію, каждое слово объясняется само по себѣ, казался ему „тупымъ и сухимъ“; а корне-

словный, „подбирающій слова цѣлыми ватагами подъ одинъ корень", слишкомъ труднымъ и неизбѣжно ведущимъ къ произволу. Поэтому Даль придумалъ средній путь: онъ рѣшился собрать по *семьямъ* или *гнѣздамъ* всѣ очевидно сродственныя слова, устранивъ однако же предложныя и тѣ производныя, въ коихъ измѣняются начальныя буквы [1]).

Возьмемъ для примѣра слово *садъ*. Мы найдемъ его не въ красной строкѣ, а середи сплошныхъ строкъ, составляющихъ гнѣздо, которое идетъ отъ глагола *сажать*, *садить*. Въ томъ же гнѣздѣ помѣщены слова: *сажанье*, *садка*, *садокъ*, *сажалка* и пр. Совсѣмъ другую отрасль того же корня составляетъ глаголъ *сидѣть* съ своими производными: *сидка*, *сидячій*, *сидень*, *сидѣлецъ* и т. д., а потому вся эта отрасль и отдѣлена въ особое гнѣздо. Предложныя слова *посадка*, *присядка*, *всадникъ*, *осада* и проч., какъ начинающіяся другими буквами, стоятъ опять каждое въ своемъ гнѣздѣ; гнѣзда же по большей части начинаются глаголами, каковы для этихъ словъ: *посадить*, *присѣдать*, *всаживать*, *осаживать*. Такъ же точно въ отдѣльныхъ гнѣздахъ стоятъ [35] наприм. слова: *грузъ*, *грязь*, *погружать*, *погрязнуть*, или: *трясти*, *трусъ*, *отряхать*, *растряхивать*.

Нельзя не отдать полной справедливости этой разумной и удобной системѣ. Но правильное примѣненіе ея къ дѣлу не такъ легко, какъ оно кажется, потому что требуетъ глубокаго этимологическаго знанія языка, основательнаго филологическаго образованія. Доказательствомъ трудности этой задачи служитъ то, что и такой рѣдкій практическій знатокъ языка, каковъ Даль, часто ошибается какъ въ распредѣленіи гнѣздъ, такъ и въ размѣщеніи словъ въ томъ или въ другомъ гнѣздѣ. Къ одному и тому же гнѣзду онъ относитъ иногда слова различнаго происхожденія, и наоборотъ, слова близкія одно къ другому по корню и составу разноситъ, вопреки своему плану, въ разныя гнѣзда; наконецъ слова́, собранныя въ томъ же гнѣздѣ, часто слѣдуютъ одно за другимъ въ порядкѣ ни на чемъ не основанномъ, что́ неминуемо затрудняетъ отысканіе ихъ, тѣмъ болѣе, что и шрифтъ не всегда употребляется согласно съ заявленными авторомъ правилами.

Все это легко доказать примѣрами.

1. Примѣры невѣрнаго распредѣленія гнѣздъ.

Слова *гудить*, *густи* и *гусли* поставлены каждое въ главѣ особаго гнѣзда, тогда какъ два послѣднія должны бы стоятъ подъ первымъ въ одномъ гнѣздѣ.

Слово *крица* есть только другая форма слова *кра* и не должно было составить отдѣльнаго гнѣзда.

---

[1]) Слов., ч. I, стр. VIII.

То же надобно сказать о словахъ: *дикій* и *дичь*, *горнъ* и *горшокъ*, изъ которыхъ каждое ошибочно служитъ у Даля началомъ отдѣльнаго гнѣзда (*горшокъ* относится къ *горну* такъ же, какъ *корешокъ*, *гребешокъ*, *плетешокъ*, *черешокъ* къ словамъ: *корень*, *гребень*, *плетень*, *черенъ* [1]); *ворота* и *воротить*; *вязать* и [36] *вясло*; *везти* и *весло* [2]); *мазать* и *масло*. Незначительное измѣненіе согласныхъ въ серединѣ этихъ словъ не должно было служить препятствіемъ къ соединенію ихъ въ одно гнѣздо, такъ какъ въ другихъ случаяхъ Даль сближаетъ слова, гораздо болѣе расходящіяся по звуковому составу, а въ совершенно сходномъ случаѣ правильно ставитъ въ одно гнѣздо слова́ *перевязать* и *перевясло*. Соединяетъ же онъ равнымъ образомъ *весна* и *вешній*, *вешня*, *вешнякъ*; *великій* и *величать*, *величіе*, *вельможа*; даже *закладывать* и *залогъ* (между тѣмъ *налагать* и *накладывать*, *прилагать* и *прикладывать*, *отлагать* и *откладывать* и т. д. помѣщены, какъ и слѣдовало, въ разныхъ гнѣздахъ).

2. Примѣры невѣрнаго размѣщенія словъ въ гнѣздѣ.

Глаголъ *здать* поставленъ въ гнѣздѣ, начинающемся съ имени *зданіе*, тогда какъ послѣднее—отглагольное существительное. Въ связи съ этимъ замѣчу, что остальныя слова, произведенныя отъ того же корня, какъ *зиждитель*, *зиждительный* и проч., отнесены къ особому гнѣзду подъ глаголомъ *зиждить*, котораго вовсе не существуетъ. Настоящее время *зижду*, *зиждешь* и т. д. есть отрасль глагола *здать*. Но если и допустить въ новомъ языкѣ такую неправильно образованную форму, какъ *зиждить* (по примѣру *жаждать* вм. *жадать*), то все же она должна бы помѣщена быть, разумѣется съ оговоркою, подъ глаголомъ *здать*. Въ алфавитномъ же порядкѣ, въ красной строкѣ, она могла быть поставлена только со ссылкою: см. *здать*. Такъ же точно слѣдовало поступить со словомъ *зодчій*, которое равнымъ образомъ происходитъ отъ *здать*, а не ставить его въ новомъ гнѣздѣ подъ словомъ *зодчество*. Изъ этихъ же двухъ существительныхъ послѣднее, конечно, далѣе отъ корня, чѣмъ *зодчій*.

[36] Такая же мнимая глагольная форма какъ *зиждить* есть форма *зыбить*, поставленная Далемъ возлѣ истинной: *зыба́ть* [3]). По мнѣнію

[1]) Въ одномъ изъ своихъ *Прибавленій* (ч. I) Даль, правда, сближаетъ *горшокъ* съ *горномъ*; но думаетъ, что *горшокъ* есть сокращеніе изъ *горнщекъ*. На самомъ же дѣлѣ буква *н* тутъ просто превращается въ *ш*, какъ въ словахъ: *головня*, *головешка*, *дровни*, *дровешки*, *полѣно*, *полѣшко*, или, у простонародья, не *трошь* (вм. не *тронь*).

[2]) Производство слова *весло* (вм. *везтло*) отъ *везти* не ново: оно указано еще Добровскимъ въ его Etymologikon (стр. 7 и 59) и принято Рейфомъ.

[3]) Любопытно, что и нѣкоторые изъ лучшихъ писателей нашего времени, по такому же недоразумѣнію, неправильно употребляютъ въ неопр. накл. формы *зиждиться* и *зыблиться*: см. въ стихотвореніяхъ гр. А. К. Толстого. Въ словарѣ же Даля мы находимъ еще *объемлить* рядомъ съ *обнимать*!

его, настоящее: *зыблю, зыблешь* относится къ первой формѣ, а *зыбаю, зыбаешь* ко второй. Но Даль не принялъ въ соображеніе, что есть цѣлый разрядъ глаголовъ, въ которомъ формы настоящаго вр. и неопр. наклоненія находятся между собою въ такомъ точно отношеніи, какъ *зыблю* и *зыбать*; именно глаголы: *колебать, дремать, сыпать, капать, вязать, мазать, плакать, чесать, пахать* и проч. Во всѣхъ ихъ согласная, стоящая въ неопред. накл. передъ окончаніемъ *ать*, умягчается въ настоящемъ времени (б′ = бл, м′ = мл, п′ = пл, з′ = ж, к′ = ч, с′ = ш, х′ = ш).

Когда гнѣздо начинается предложнымъ глаголомъ, то этотъ глаголъ у Даля всегда ставится въ несовершенномъ видѣ, напр. *скашивать, скрещивать, умаливать* (при *умалять* и *умолять*), *устаивать, устраивать*. Это неудобно, потому что затрудняетъ пріискиваніе словъ, выставляя на первый планъ форму болѣе видоизмѣненную, чѣмъ ближайшій къ корню совершенный видъ: *скосить, скрестить, устоять, устроить*. Лучше было бы предпочесть противоположный порядокъ, такъ какъ гораздо рѣже случается, чтобы наоборотъ корень цѣлѣе оставался въ несовершенномъ видѣ; это бываетъ только въ глаголахъ на *сть* и *чь*: *падать, пасть; сберегать, сберечь; протекать, протечь*. Въ несоверш. же видѣ нѣкоторые предложные глаголы и вовсе не употребительны (напр. отъ *хлынуть, поблѣднѣть, побѣжать, поздоровилось*). Впрочемъ понятно, что какой бы единообразный порядокъ ни выбрать,—а это необходимо, — каждый имѣлъ бы, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, свою невыгодную сторону; замѣченное же нами неудобство метода Даля въ отношеніи къ предложнымъ глаголамъ уменьшается тѣмъ, что и совершенный видъ всегда стоитъ у него отдѣльно со ссылкою на несовершенный.

[38] 3. Примѣры словъ, попавшихъ не въ свои гнѣзда.

Дышло, помѣщенное подъ словомъ *дыхать*, должно стоять отдѣльно, какъ слово германское (Deichsel, древненѣм. dihsila, англос. disl, голл. dyssel), перешедшее къ намъ, безъ сомнѣнія, черезъ Польшу (dyszel).

Колѣть произведено отъ слова *колъ* и опредѣлено такъ: „цѣпенѣть, коченѣть, замерзать коломъ". Но оно совершенно другого происхожденія, какъ видно изъ финскаго коренного слова kuoli = смерть, и англ. to kill — убивать. Слово же *колъ*, означающее „завостренный шестъ", находится въ очевидной связи съ первообразнымъ глаголомъ *колоть*, подъ которымъ оно и должно было найти мѣсто, такъ же какъ *ломъ* правильно поставлено подъ *ломать*. Между *колѣть* и *колъ*, въ этимологическомъ смыслѣ, нѣтъ никакого соотношенія.

Цѣпъ пріурочено къ слову *цѣпь*, но имѣетъ совершенно самостоятельный корень (сканд. käpp, палка), какъ и самостоятельное значеніе:

Шимкевичъ справедливо раздѣлилъ эти два имени въ своемъ *Корнесловѣ*.

Потолокъ попалъ въ гнѣздо глагола *поталкивать, потолкать*, тогда какъ ближе относится къ семейству глагола *толочить* (топтать), такъ же какъ *притолока*, отнесенное Далемъ къ глаголу *приталкивать*. Нѣтъ сомнѣнія, что *толóкъ*, есть русская, полногласная форма славянскаго слова *тлакъ*, которое у Хорутанъ значитъ *полъ* (Boden, Estrich; ср. русское *тло* = основаніе). Отвергать это потому, что *потолокъ* по значенію противоположенъ *полу*, было бы несправедливо: *потолокъ* въ отношеніи къ пространству, находящемуся надъ нимъ подъ крышей, составляетъ именно *полъ*. Такъ точно у Нѣмцевъ Boden, означающее исподъ, основаніе, полъ, перешло въ значеніе чердака или чердачнаго пола (см. словарь Гримма, т. II, стр. 214). Помѣстивъ *потолокъ* въ гнѣздѣ глагола *поталкивать*, Даль въ другихъ мѣстахъ выражаетъ догадку, что это существительное, быть можетъ,—искаженное говоромъ *подволокъ*, слово, [39] имѣющее въ Арх. губ. то же значеніе. Но по какому же фонетическому закону было бы возможно такое превращеніе? Для этого нѣтъ ни данныхъ, ни аналогій въ цѣлой области славянскихъ языковъ.

Маститый отнесено къ гнѣзду *мастика*, тогда какъ должно бы стоять подъ словомъ *масть*, которое значитъ жиръ, тукъ (см. Павскаго, *Разсужд.* II, стр. 113, § 94).

Названное нами мимоходомъ слово *тло* неправильно отнесено къ глаголу *тлѣть*. Въ эту ошибку впалъ и академическій словарь, по которому *тло* то же, что *тлѣнъ*. *Тло*, какъ выше замѣчено, заключаетъ въ себѣ корень глагола *толочить* и значитъ просто: основаніе, дно. Это видно между прочимъ изъ его народнаго употребленія въ смыслѣ *дно улья* (что̀ означено и Далемъ по акад. областному словарю). Еще болѣе убѣждаетъ въ томъ сравненіе съ другими славянскими языками: у Хорутанъ tla, множ. ч., съ предлогомъ do (do tal) значитъ: до основанія (bis auf den Boden, *Murko*); польское tło значитъ полъ, грунтъ, der Fussboden, der Boden (*Linde*); наконецъ, и въ церк.-слав. *тъла* или *тьлѧ* (множ.) = pavimentum, помостъ (*Востоковъ*). Въ выраженіи „сгорѣть до тла“ нѣтъ никакого соотношенія съ понятіемъ *тлѣнія*: оно равносильно выраженію: „сгорѣть до основанія“.

Въ упомянутыхъ выше двухъ родственныхъ гнѣздахъ: *садить* и *сидѣть*, опять не все на своемъ мѣстѣ. Такъ, глаголъ *сѣсть* отнесенъ къ первому изъ этихъ гнѣздъ, а не къ послѣднему, что было бы конечно правильнѣе. Сдѣлано это по сходству значенія глаголовъ *садиться* и *сѣсть*, которые потому и поставлены рядомъ, и примѣры на тотъ и другой смѣшаны; но основаніемъ распредѣленія гнѣздъ должно служить сродство не логическое, а корнесловное.

Слово *просторъ* отнесено къ гнѣзду *простой*, а въ самомъ дѣлѣ

принадлежитъ къ одному корню съ гл. *простирать*, который образуетъ у Даля гнѣздо, вмѣщающее только существительныя *простираніе*, *простертіе*, *простирало*, *простиратель*. Туда не включено даже и слово *пространный*, которое съ сущ. [40] *пространство* опять отдѣлено въ особое гнѣздо. Очевидно, что всѣ эти предложныя слова въ близкомъ родствѣ съ простымъ существительнымъ *страна*, *сторона*.

Впрочемъ, при указаніи подобныхъ промаховъ въ словарѣ Даля надобно быть осторожнымъ, потому что многіе изъ нихъ, очевидно, произошли не отъ недостатка познаній у составителя, а просто по недосмотру, иногда и независимо отъ самого автора, по винѣ типографіи, помѣстившей напримѣръ слово *утопія* въ гнѣздѣ глагола *утопить*,—нелѣпость, которой конечно не допустилъ бы Даль, еслибъ во-время ее замѣтилъ. Зная, что онъ отъ начала до конца работалъ одинъ и тѣмъ болѣе спѣшилъ, что силы, потрясенныя болѣзнью, начинали ему измѣнять, мы не можемъ не смотрѣть съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ на подобные недосмотры.

Но вообще словопроизводство, или корнесловіе (этимологія въ обширномъ смыслѣ), составляетъ самую слабую сторону разбираемаго словаря. Въ предисловіи своемъ Даль справедливо говоритъ, что „знаніе корней образуетъ уже по себѣ цѣлую науку и требуетъ изученія всѣхъ сродныхъ языковъ, не исключая и отжившихъ, и при всемъ томъ корнесловный порядокъ основанъ на началахъ шаткихъ и темныхъ, гдѣ безъ натяжекъ и произволу не обойдешься . . . Ошибочная натяжка словъ къ чужому корню, по одному созвучію, много вредитъ изученію языка, лишая слова природной связи и жизни“. При такомъ вѣрномъ пониманіи дѣла, Даль, не довѣряя своимъ силамъ и знаніямъ (о которыхъ онъ самъ отзывается съ такою скромностью), отказался отъ этимологическаго порядка и заявляетъ, что „онъ старательно избѣгалъ ошибочнаго производства (чему множество примѣровъ у Рейфа) и боялся приговоровъ въ такомъ темномъ дѣлѣ“ [1]). Нельзя не пожалѣть, что авторъ *Толковаго Словаря*, разсуждая такъ здраво о трудностяхъ этимологіи, часто безъ всякой надобности выражаетъ по этому предмету догадки, которыхъ не можетъ одобрить наука. Къ чему напр. при словѣ *казакъ*, начинающемъ [41] гнѣздо, онъ ставитъ въ скобкахъ: „изъ всѣхъ производствъ самое толковое отъ глагола *казать,—ся*, гарцевать; но вѣроятно, это сл. азіятское“. Если послѣднее вѣроятно, какая же надобность въ приведенномъ напередъ предположеніи? Такъ же непонятно, зачѣмъ противъ глаг. *обруснить* сдѣлана выноска: „не отъ этого ли *брусника?*“ или зачѣмъ при словѣ *телега* поставлено въ скобкахъ: „отъ *тал*, доля, и *иго*: *пол-ига*, одноконный, оглобельный возъ“. Не болѣе основательно при словѣ *вьюнецъ* [2]) подъ *вьять* или

---

[1]) Сл., ч. I, стр. IV, VI, VIII — IX.

[2]) Слово *вьюнецъ* (зн. новобрачный) есть не что иное какъ юнецъ съ прибавленіемъ *в* въ началѣ: оно должно было стоять отдѣльно со ссылкою на прилаг. *юный*,

віять примѣчаніе: „не переиначено ли изъ вѣнецъ?“ или при словѣ *истинъ* (подъ истекать): „здѣсь сходится производство отъ течь, тыкать и тнуть“. Даль вообще любитъ видѣть въ одномъ словѣ нѣсколько корней, и при существ. *перетонъ* опять замѣчаетъ: „здѣсь три корня: тнуть, тѣнь и тонкій“. При словѣ *гуртъ* указано въ скобкахъ для поясненія: *горнуть;* этотъ же глаголъ, ошибочно помѣщенный подъ *горнъ*, зн. загребать, воротить. Но *гуртъ* есть герм. слово (шв. hjord, нѣм. Heerde) и значитъ первоначально стадо рогатаго скота. Можно бы привести еще множество примѣровъ такого невѣрнаго пониманія производства словъ, но для нашей цѣли и этихъ указаній достаточно.

Подобно корнесловію, и грамматика не всегда можетъ быть довольна обращеніемъ съ нею Даля. Свой взглядъ на нее онъ самъ объясняетъ въ предисловіи: по его словамъ, „онъ съ нею искони былъ въ какомъ-то разладѣ, не умѣя примѣнить ее къ нашему языку и чуждаясь ее (*ея*) не столько по разсудку, сколько по какому-то темному чувству опасенія, чтобы она не сбила его съ толку, не школярила, не стѣснила свободы пониманья, не обузила бы взгляда. Недовѣрчивость эта“, прибавляетъ онъ, „основана была на томъ, что онъ всюду встрѣчалъ въ русской граматикѣ латынскую и нѣмецкую, а русской не находилъ“ [1]). Изъ этихъ [42] словъ становится яснымъ, что подъ грамматикой Даль разумѣетъ не вообще науку о законахъ языка, а какой-нибудь или какіе-нибудь отдѣльные труды по этой наукѣ. Но что же мѣшало ему понимать законы языка по-своему и основать на нихъ свою особую грамматику? Самъ же онъ называетъ себя *ученикомъ живого русскаго языка*; а съ помощью такого разумнаго учителя внимательный и способный ученикъ могъ бы разъяснить многія тайны, для другихъ непроницаемыя. Насколько грамматика входитъ въ словарное дѣло, Даль въ нѣкоторыхъ случаяхъ и оказалъ ей по крайней мѣрѣ отрицательную услугу, отвергнувъ наприм. обозначеніе при каждомъ глаголѣ залога его, что всѣ прежніе словари наши считали одною изъ своихъ непремѣнныхъ обязанностей. Но еще Востоковъ въ своей грамматикѣ (Спб. 1839, § 57) мимоходомъ замѣтилъ, что залоги „различаются не по окончаніямъ, а *по значенію*, какое глаголъ получаетъ *въ употребленіи* съ другими словами“. Отсюда уже ясно, что невозможно при каждомъ глаголѣ a priori означать свойственный ему залогъ. Тѣмъ не менѣе никто до автора *Толковаго Словаря* не воспользовался на дѣлѣ скромною, но многозначительною замѣткою Востокова. Несообразности, вкравшіяся оттого въ академическій словарь, навели Даля на мысль совершенно исключить изъ своего словаря, при гла-

подъ которымъ мы у Даля дѣйствительно находимъ между прочимъ: *юнецъ, юница* (новобрачные).

[1]) Сл., ч. I, стр. IV.

голахъ, всякое наименованіе залога. Стараясь вообще замѣнять теорію практикой, онъ относительно этого предмета въ *Напутномъ словѣ* оговаривается слѣдующимъ образомъ: „Граматическія указанія въ словарѣ вобще скудны, потому что оказываются то ничтожными и бесполезными, то сбивчивыми и даже ложными; языкъ нашъ нынѣшній граматикѣ своей не поддается. Приложеніе слова къ дѣлу, отношенія его въ строеніи речи, управленіе или зависимость всюду объяснены примѣрами, и въ нихъ должно искать объясненія всѣхъ подобныхъ вопросовъ“... Такъ, между прочимъ, „при каждомъ коренномъ глаголѣ показаны примѣры сочетанія его со всѣми подходящими къ нему предлогами“ [1]). [43] Напр. подъ глаголомъ *строить* находимъ фразы: „Выстроить домъ, войска выстроились. Я достраиваюсь. Нельзя застраивать улицы. Настроить клѣтушекъ. Надстроить вышку. Онъ хорошо обстроился“ и т. д. Хотя все это по-настоящему разные глаголы, однакожъ такое указаніе предложныхъ словъ при простомъ, изъ котораго они составлены, должно быть признано дѣйствительно полезнымъ.

Между грамматическими недоразумѣніями Даля нельзя умолчать о слѣдующемъ: слово *пѣши* принимается имъ за нарѣчіе того же значенія, какъ *пѣшкомъ*. Это ясно выражено имъ между прочимъ подъ прилаг. *пѣшій*: „кто не ѣдетъ, идетъ на своихъ ногахъ, идетъ *пѣши*, *пѣшкомъ*“. Такое пониманіе формы *пѣши* видно и изъ другихъ мѣстъ словаря. Отъ вниманія Даля ускользнуло, что *пѣши* не что иное, какъ прилаг. множ. числа, въ единственномъ же ставится точно такъ же, *пѣшъ*, *пѣшій*. Такъ Ломоносовъ говоритъ: „Не хотимъ ни *пѣши*, ни на коняхъ итти съ вами“ (Соч. его, ч. Ш, стр. 165). Въ Ипат. спискѣ: „*пѣшъ* ходя“ (155) [2]). У Державина (*Къ Калліопѣ*, 2 ак. изд., т. Ш, стр. 75):

. . . . . „пловцомъ пущусь охотно
Въ ярящійся Босфоръ, въ пески ливійски *пѣшъ*“,

или у него же (*Жилище богини Фригги*, тамъ же, стр. 81):

„*Пѣши* въ бубны рыцари стучатъ“.

Нигдѣ и никогда форма *пѣши* не служила нарѣчіемъ.

Отдѣльно поставлено слово *нейстечко*, котораго совсѣмъ не существуетъ. Въ другомъ мѣстѣ оно приведено правильно: *нѣщечко*.

Вниманія заслуживаетъ, что между словами, пропущенными въ сло-

---

[1]) Сл., ч. I, стр. VIII.

[2]) Въ *Истор. грамматикѣ* г. Буслаева (изд. 1863, § 228) указаны и нѣкоторыя другія прил., употребляемыя такимъ образомъ какъ бы вм. нарѣчій: *правъ*, *прямъ*, *радъ*, *добръ* и проч.

Даль пишетъ: „За нужду *пѣши* пойдешь“, вм. *пѣшій*, см. подъ словомъ *нужда*, Сл., ч. II, стр. 1142.—Подъ словомъ *идти* также приведенъ примѣръ „*я шелъ пѣши*“, (стр. 632).

варѣ Даля, значительное число составляютъ [44] грамматическіе термины: такъ напр. вы здѣсь не найдете грамматическаго объясненія словъ: *приставка, подъемъ, перебой* (звуковъ), *наращеніе, общій* (въ смыслѣ залога) и вовсе не найдете словъ: *суффиксъ, агглутинація, лексическій, флексія, фонетическій* и проч. Самые же общеизвѣстные грамматическіе термины, не пропущенные Далемъ, обставляетъ онъ иногда слишкомъ произвольными замѣчаніями; напр. подъ словомъ *наклоненіе* онъ говоритъ, что у насъ принято три наклоненія и прибавляетъ: *„одно личное, другое безличное, третье приказываетъ"*. Почему же здѣсь первыя два названы по внѣшнему признаку, а послѣднее по значенію (впрочемъ, также оспариваемому иными)? Притомъ же Даль здѣсь забылъ истину, очень хорошо имъ самимъ сознанную и выраженную такъ: „словарникъ не законникъ, не уставщикъ, а сборщикъ" [1]).

Отношеніе Даля къ грамматикѣ обнаруживается особенно изъ замѣчаній, которыми онъ объясняетъ принятую имъ своеобразную ороографію. Этого предмета мы также не можемъ оставить безъ вниманія. По приведенному сейчасъ правилу лексикографъ не долженъ бы и въ отношеніи къ правописанію позволять себѣ слишкомъ рѣзкихъ нововведеній; въ противномъ случаѣ, при употребленіи словаря будутъ возникать неизбѣжныя затрудненія и недоумѣнія.

Справедливо предположивъ себѣ „охранять такое правописаніе, которое бы всегда напоминало о родѣ и племени слова" [2]), Даль относительно иноязычныхъ словъ считаетъ это начало совершенно ненужнымъ и пишетъ ихъ только по слуху, вовсе не заботясь о ихъ первоначальной ороографіи. Согласимся однакожъ, что и иностранное слово будетъ во многихъ случаяхъ понятнѣе, если не потеряетъ на письмѣ всѣхъ признаковъ своего происхожденія. Разумѣется, что мы обязаны сохранять правописаніе чужого слова лишь настолько, насколько это позволяютъ средства нашей азбуки. Но читатель конечно никогда не будетъ въ проигрышѣ, [45] если онъ по нашему правописанію будетъ въ состояніи хотя отчасти возстановить первоначальную ороографію заимствованнаго слова или имени. Мы напр. пишемъ то *штатъ* (какъ въ прилаг. *заштатный*), то *штадтъ* (какъ въ названіи *Кронштадтъ*); ужели же было бы лучше писать во всѣхъ случаяхъ, по примѣру Даля, единообразно *штатъ?*

Далѣе, онъ принялъ за общее правило не сдваивать буквъ, т. е. не писать рядомъ двухъ *с*, двухъ *н*, двухъ *о:* ему показалось, что наше одно *с* не мягче иностраннаго двойнаго *ss*, и что сдваивать *с* противно русскому языку (а какъ же произошли слова́: *ссора, ссадить, ссылка, изсохнуть, разсьпять?*). Поэтому онъ пишетъ: *класъ* (вм. *классъ),*

---

1) Сл., ч. I, стр. xr.
2) Тамъ же, стр. xII и далѣе.

каса, маса, шосе и даже *Росія; рускій, францускій, бесвязно, бестыдно, раставлять.* Онъ не сдваиваетъ обыкновенно и буквы *н* въ причастіяхъ страдательныхъ, исключая случаи, „гдѣ этого неуступчиво требуетъ произношеніе“ [1]); такъ онъ пишетъ: *опредѣленый, дѣланый, своевременый,* и—*данный, бездыханный, деревянный, совершенный, сокращенный;* очевидно, что тутъ между обоими случаями невозможно провести ясной границы. Вмѣсто *выжжешь, выжженный,* онъ по тому же соображенію пишетъ *вызжешь* (забывая, что корень слова *жг* и что *г* неминуемо переходитъ въ *ж*); далѣе на томъ же основаніи мы находимъ у него: *вобще, воображеніе, воружать, сотвѣтствовать,* но—не рѣшаясь слѣдовать этому во всѣхъ случаяхъ, онъ въ то же время пишетъ: *сообщать, соображеніе, соотечественникъ.* Иногда Даль предлагаетъ въ пользу выговора ужъ слишкомъ большія уступки: такъ онъ не разъ замѣчаетъ, что для отличія глаголовъ *стоять* и *стóить* можно бы, не стѣсняясь грамматикой, писать какъ говорится: *стóютъ* и *стóющій,* и даже: онъ *стóетъ* [2]).

---

[1]) Сл., ч. I, стр. 2.

[2]) Сл., ч. I, стр. 372, 373, 427.

— Подобныя грамматическія замѣтки Даля обыкновенно помѣщаются имъ въ выноскахъ. Въ одной изъ нихъ предлагается вопросъ, на который отвѣчу въ выноскѣ же. Принявъ за правило писать въ предложномъ падежѣ: *На безлюдьи, на безмірьи,* а не на безлюдьѣ, на безмірьѣ, и утверждая, что русское ухо требуетъ здѣсь звука *и,* Даль замѣчаетъ: „Говоримъ же мы и пишемъ: *при окончаніи,* если произвольно оканчиваемъ слово въ им. пад. на *іе;* а если то же слово кончаемъ на *ье,* то требуемъ въ пред. пад. *ѣ;* для чего это?“ (Сл., ч. I, стр. 57).

Чтобы основательнѣе рѣшить этотъ вопросъ, надобно вспомнить, что имена на *е* бываютъ двоякія: одни передъ этимъ окончаніемъ имѣютъ согласную *(поле, море),* другія гласную *і,* то полную *(іе),* то сокращенную въ *ь (ье).*

Имена какъ *поле, море* склоняются подобно именамъ на *о* и потому въ предл. падежѣ принимаютъ *ѣ:* въ *полѣ,* въ *морѣ.*

Имена на *ье* склоняются точно такъ же, что всего виднѣе тогда, когда на послѣдній слогъ падаетъ удареніе: *копьё, ружьё, пѣньё, питьё, житьё, бытьё;* въ предл. падежѣ мы говоримъ и пишемъ: *на копьѣ, въ ружьѣ, при пѣньѣ, въ питьѣ, о житьѣ-бытьѣ.* Поэтому слѣдуетъ писать: *въ платьѣ, въ зельѣ.*

Окончаніе *іе* — собственно црк. славянское, и потому въ предл. падежѣ такихъ именъ сохраняется также форма первоначальная *(іи),* которая впрочемъ по закону уподобленія звуковъ не противна и русскому слуху *(при окончаніи, о равновѣсіи, въ сочувствіи).* Какъ скоро предпослѣдняя буква *і* сокращается въ *ь,* то собственно исчезаетъ и причина измѣненія *ѣ* въ *и,* а потому и можно позволять себѣ писать, какъ напр. Крыловъ въ этомъ стихѣ:

„Миръ курамъ давъ лиса, постится *въ подземельѣ*“ *(Моръ звѣрей).*

Но такъ какъ наше ухо уже привыкло къ окончанію *іи* и сокращеніе *і* въ *ь* въ другихъ падежахъ остается безъ вліянія на прочія буквы, то мы и въ этомъ случаѣ склонны сохранять въ предл. пад. окончаніе *ьи.* Это окончаніе, какъ менѣе отступающее отъ полнаго первоначальнаго, многимъ кажется даже правильнѣе и потому вообще предпочитается (напр. пишутъ: *о здоровьи, о самовластьи, на новосельи, на жалованьи).* Форма же *ьѣ* (безъ ударенія) въ предлож. пад. остается принадлежностью

[46] Вообще, въ словарѣ всего менѣе удобно вводить новую ороографію.

Прежде нежели будемъ говорить о толкованіи словъ у Даля, обратимся къ весьма существенной и обширной составной части его словаря, къ примѣрамъ. Примѣрами служатъ въ немъ частью [47] фразы, составленныя самимъ лексикографомъ; частью, впрочемъ въ весьма рѣдкихъ только случаяхъ, выписки изъ писателей съ указаніемъ ихъ именъ, или извлеченія изъ старинныхъ памятниковъ; примѣры послѣднихъ двухъ разрядовъ всегда заимствуются Далемъ уже готовые изъ академич. словарей. До какой степени онъ не считалъ необходимымъ пользоваться для своей цѣли непосредственно книжною литературой, видно изъ того, что онъ не извлекъ всѣхъ словъ даже изъ такихъ писателей, которые, прибѣгая часто къ народному языку, должны бы имѣть особенное право на его вниманіе. Въ сочиненіяхъ С. Т. Аксакова и даже Крылова есть слова, которыхъ нельзя найти въ словарѣ Даля. Не воспользовался онъ также областными словами, собранными въ разныхъ отдѣльныхъ сборникахъ и другихъ изданіяхъ, напр., въ изданіяхъ Географическаго общества, въ *Морскомъ Сборникѣ*, въ *Изслѣдованіяхъ* Н. Я. Данилевскаго о рыболовствѣ въ Россіи. Нѣкоторые примѣры берутся Далемъ изъ слышанныхъ имъ разговоровъ, разсказовъ или анекдотовъ, при чемъ передаются и самые анекдоты, напр. подъ словами: *апропо, присланивать, пила, пристрѣливать, стричь, книга.*

Безъ всякаго сравненія значительнѣйшую часть примѣровъ въ словарѣ Даля составляютъ пословицы и поговорки. Въ этомъ отношеніи трудъ его представляетъ, собственно говоря, двойной словарь: словарь языка и вмѣстѣ словарь пословицъ; слѣдовательно, одною половиной своей онъ повторяетъ сборникъ, уже прежде изданный Далемъ отдѣльно [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что въ пословицахъ выражаются не только умъ и міровоззрѣніе народа, но и языкъ его со всѣми своими особенностями; онѣ служатъ важнымъ средствомъ для точнаго опредѣ-

---

только немногихъ чисто-русскихъ именъ существит. (въ *платьѣ, на раздольѣ*), или употребляется въ стихахъ подъ рифму именительному падежу (такъ у Крылова *въ подземельѣ* поставлено въ созвучіе слову *веселье*). Что языкъ дѣйствительно допускаетъ и ту и другую форму, видно опять изъ такихъ словъ, гдѣ удареніе на послѣднемъ слогѣ: говорятъ одинаково и *въ забытьѣ* и *въ забытьи́*.

Указанное выше правило измѣненія *и* въ *ѣ* послѣ *ь* подтверждается и именами, кончающимися въ имен. пад. на *ія*. При полномъ окончаніи они принимаютъ въ дат. и предл. пад. *іи*, напр., *въ молніи, къ Софіи, при Наталіи;* а при сокращеніи *і* въ *ь*, говорятъ и пишутъ: *къ Софьѣ, при Натальѣ*. Для повѣрки этого стóитъ равнымъ образомъ только взять слово съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, напр. *судья, скуфья, семья;* мы говоримъ: *къ судьѣ, въ скуфьѣ, о семьѣ*, а не *къ судьи́* и т. д.

[1]) *Пословицы русскаго народа.* М. 1862 (б. 4-ка; XL, 1095 и 6 стр.). Но здѣсь порядокъ размѣщенія пословицъ—систематическій, т. е. по предметамъ, къ которымъ онѣ относятся.

ленія значенія словъ и для историческихъ надъ ними наблюденій, и потому въ словарѣ, гдѣ на первый планъ поставленъ языкъ народный, пословицы и поговорки весьма умѣстны. Но для объясненія слова нѣтъ [48] надобности собирать всѣ пословицы, гдѣ оно встрѣчается; нужно было бы только имѣть при каждомъ словѣ выборъ тѣхъ пословицъ, гдѣ оно употреблено съ различнымъ оттѣнкомъ значенія. Впрочемъ, конечно, нельзя отвергать интереса и пользы обзора всѣхъ случаевъ, въ которыхъ обнаружилась игра народнаго ума надъ тѣмъ или другимъ представленіемъ; но это къ изученію языка прямо не относится. Такая полнота собранія пословицъ въ словарѣ имѣетъ только то неудобство, что слишкомъ увеличиваетъ объемъ его, а слѣдовательно уменьшаетъ его доступность, вредитъ его распространенію. Мы не будемъ слишкомъ строго судить Даля за то, что нѣкоторыя пословицы у него повторяются въ двухъ разныхъ мѣстахъ словаря, напр., извѣстная пословица: „Не всякое лыко въ строку", помѣщена подъ обоими употребленными въ ней именами. Пословица: „Борода съ возъ, а ума съ накопыльника нѣтъ" попадается и подъ словомъ *борода*, и подъ словомъ *накопыльникъ*. Дважды помѣщены также пословицы: „Кукушка безъ гнѣзда за то, что завила его на Благовѣщенье" и „Пей-ка, на днѣ копейка: еще попьешь, грошъ найдешь"; при послѣдней каждый разъ повторено и объясненіе: „отъ свадебнаго обычая класть въ вино за окупъ невѣсты деньги". Къ сожалѣнію, объясненія при пословицахъ слишкомъ рѣдки у Даля: ихъ часто не находишь даже и при такихъ пословицахъ, которыя не всѣмъ понятны, напр., не пояснены слѣдующія: „Нужда велитъ калачи ѣсть", или: „На людяхъ и смерть красна". Нѣкоторыя всѣмъ извѣстныя поговорки пропущены Далемъ, напр., эта: „пьянъ какъ стелька"; а между тѣмъ при словѣ *стелька* мы находимъ толкованіе „мертвецки пьяный человѣкъ". Тутъ недоразумѣніе: въ этой поговоркѣ *стелька* сохраняетъ именно то значеніе, какое на первомъ мѣстѣ указываетъ Даль: „постилка на подошву внутри обуви"; съ нею-то и сравнивается пьяный, потому что онъ пропитанъ влагой такъ, какъ эта настилка, когда промокнетъ обувь [1]). Такія же [49] недомолвки и повторенія представляетъ словарь и въ другихъ случаяхъ: одна и та же поговорка или реченіе повторяются иногда подъ однимъ и тѣмъ же словомъ; по два раза помѣщены, напр.: подъ *гнѣздо*: „гнѣздо цѣло, а птицы у(вы)летѣли"; подъ словомъ *охота:* „охота пуще неволи", или подъ *чай*: „чай съ позолотой" (съ ромомъ). Сло́ва же *позолота* мы не находимъ въ азбучномъ порядкѣ.

Всего страннѣе, что иногда подъ словомъ поставлены такіе при-

[1]) При словѣ *стелька* мы не находимъ еще одного значенія, указаннаго Далемъ въ другомъ мѣстѣ, именно подъ словомъ *карьеръ* сказано: „скачка во весь опоръ, стелька".

мѣры, гдѣ этого слова вовсе нѣтъ, и они относятся къ нему только по смыслу или по переводу слова. Напр., подъ словомъ *трауръ* читаемъ примѣры: „Онъ въ жалевомъ ходитъ. Семья эта въ печали, въ жали, въ жаляхъ“ и т. д. Всѣ примѣры приведены тутъ на сущ. *жаль*, которое находится только къ толкованіи слова *трауръ*. Между тѣмъ такое значеніе слова *жаль* объяснено только однимъ примѣромъ на настоящемъ мѣстѣ, въ гнѣздѣ глагола *жалѣть*. Такимъ же образомъ подъ словомъ *май* мы находимъ между прочимъ собраніе примѣровъ на имя *Никола*, потому только, что Николинъ день бываетъ въ маѣ. Такіе примѣры встрѣчаются еще подъ словами: *быза* и *постъ*. Названіе *бызы* означаетъ въ народѣ 13-е іюня, Акулининъ день, а потому подъ словомъ *быза* и помѣщены примѣры на имя *Акулина*, и тутъ же находимъ напечатанныя шрифтомъ примѣровъ поясненія: „Мірская каша для нищей братіи. Праздникъ кашъ“. Подъ словомъ *постъ* помѣщенъ примѣръ на имя *Предтечи* на томъ основаніи, что *Предтечу* иногда называютъ *Иваномъ постнымъ*. И затѣмъ, шрифтомъ же примѣровъ, прибавлено: „Послѣднее стлище на льны. Коли журавли на Кіевъ пошли, — ранняя зима“. При этомъ случаѣ насъ еще поражаетъ то, что въ главѣ гнѣзда поставлено не имя *постъ*, какъ бы слѣдовало, а глаголъ *постить, постовать, поститься, постничать*: слово *постъ* мы тутъ даже не безъ труда отыскиваемъ, потому что оно стоитъ послѣднимъ въ ряду слѣдующихъ за глаголами и примѣрами существительныхъ: „пощенье, постованье, постничанье, постъ“. Впрочемъ, на подобныхъ отступленіяхъ отъ правильнаго порядка въ [50] размѣщеніи словъ мы не будемъ останавливаться, потому что они встрѣчаются безпрестанно.

Тотъ же недостатокъ системы замѣчается у Даля нерѣдко и въ толкованіи словъ. Переходя къ этой важной статьѣ словаря, вспомнимъ, что составитель его говоритъ въ своемъ *Напутномъ словѣ*: „При объясненіи и толкованіи слова вобще избѣгались сухія, безплодныя опредѣленія, порожденія школярства, потѣха зазнавшейся учености, не придающая дѣлу никакого смысла, а напротивъ, отрѣшающая отъ него высокопарною отвлеченностію. Передача и объясненіе одного слова другимъ, а тѣмъ паче десяткомъ другихъ, конечно вразумительнѣе всякаго опредѣленія, а примѣры еще болѣе поясняютъ дѣло. Само собою, что переводъ одного слова другимъ очень рѣдко можетъ быть вполнѣ точенъ и вѣренъ; всегда есть оттѣнокъ значенія, и объяснительное слово содержитъ либо болѣе общее, либо болѣе частное и тѣсное понятіе; но это неизбѣжно, и отчасти исправляется большимъ числомъ тождеслововъ, на выборъ читателя“ [1]. Изъ этихъ строкъ видно, что Даль при объясненіи словъ особенно заботился: 1) о про-

---

[1]) Сл., ч. I, стр. IX.

стотѣ и наглядной ясности толкованій, и 2) о подборѣ возможно бо́льшаго числа синонимовъ. Такъ, къ прилагательному *бодрый* приставлены слѣдующія слова: „свѣжій собою на видъ, бойкій, живой, не сонный, не вялый, бдительный, смѣлый, мужественный, дюжій, здоровый, сильный, осанистый, видный, молодцоватый“. Здѣсь насъ поражаютъ двѣ вещи: во 1-хъ, присутствіе нѣкоторыхъ словъ, по значенію слишкомъ мало подходящихъ къ объясняемому, каковы: дюжій, осанистый, видный; во 2-хъ, ненадлежащій порядокъ словъ: на первомъ мѣстѣ поставлено: *свѣжій на видъ*, слѣд. прежде всего выставлено наружное, второстепенное значеніе, а не внутреннее и первичное, лежащее въ самомъ понятіи прилаг. *бодрый* (отъ бдѣть); между тѣмъ это второстепенное значеніе повторяется въ концѣ словомъ, имѣющимъ гораздо обширнѣйшій смыслъ: *видный*; ясно, что слова „свѣжій на видъ“ [51] и „видный“ должны бы стоять рядомъ въ объясненіи прилаг. *бодрый*. Посмотримъ, какъ это же слово объяснено въ академическомъ словарѣ. Тамъ мы читаемъ: „1) Бдительный. *Бодрая стража*. 2) Неустрашимый, храбрый, смѣлый. *Бодрый воинъ*. 3) Имѣющій горделивую поступь. *Бодрый конь*. 4) Имѣющій достаточныя силы. *Ему минуло 70 лѣтъ, однако онъ еще бодръ*“. Сравнивая съ этимъ толкованія Даля, находимъ, что онъ пріискалъ, правда, нѣсколько новыхъ соотвѣтствующихъ слову *бодрый* синонимовъ, но поставилъ ихъ не въ надлежащей постепенности, которая удовлетворительно соблюдена въ академ. словарѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы открываемъ, что примѣры у Даля собраны уже не въ томъ порядкѣ, въ какомъ расположены оттѣнки значенія, а размѣщены совершенно случайно, именно: *Бодрый всадникъ на бодромъ конѣ. Сиди бодро, всю ночь не дремли. Иди бодрѣе, не робѣй. Онъ еще бодрый старикъ*, не хилой. *Духъ бодръ, да плоть немощна. Бодрый самъ натечетъ, на смирнаго Богъ нанесетъ. Садился, бодрился, а сѣлъ—свалился*. Здѣсь неумѣстенъ только послѣдній примѣръ, въ которомъ вмѣсто прилаг. *бодрый* мы неожиданно встрѣчаемся съ глаголомъ *бодриться*. Не будемъ винить Даля за то, что въ примѣрахъ на прилагательное поставлены здѣсь нарѣчія: *сиди бодро, иди бодрѣе;* положимъ, что это все равно, такъ какъ въ основномъ значеніи обѣихъ частей рѣчи въ настоящемъ случаѣ нѣтъ различія.

Часто Даль, при подборѣ синонимовъ, ставитъ и областныя выраженія, полагая, что они „большею частью могутъ войти въ общій расхожій запасъ“. Такъ, при словѣ *говорить* онъ въ числѣ другихъ „однослововъ“ помѣщаетъ: „баять, гуторить, бакулить, голдить, го́лчить *влг.* говчить“. Такое собраніе провинціализмовъ можетъ, пожалуй, представлять для любителя свою занимательную сторону; но общепрактической пользы оно не имѣетъ.

Возьмемъ теперь случай совсѣмъ другого рода. Какъ объясняетъ Даль, напр., глаголъ *ткать?* Развернемъ прежде акад. словарь. Вотъ

какъ тамъ объяснено это дѣйствіе: „Дѣлать на ткальномъ стану нераспускаемую связь изъ нитей; производить [52] ткань". Это объясненіе новый *Толковый Словарь* поправляетъ слѣдующимъ образомъ: „Работать на ткацкомъ стану, пропускать утóкъ по основѣ, дѣлать изъ нитокъ полотно". Сравнивая толкованія въ обоихъ словаряхъ, мы замѣчаемъ въ нихъ одинъ и тотъ же недостатокъ: они объясняютъ понятіе такими признаками, въ которыхъ встрѣчаются либо то же объясняемое слово въ другомъ видѣ, либо такія частности понятія, которыя не могутъ быть извѣстны тому, кто не знакомъ и съ общимъ его содержаніемъ. Оба лексикона забываютъ существенное правило, что неизвѣстное можетъ быть объясняемо только извѣстнымъ, и что въ противномъ случаѣ происходитъ такъ называемый на схоластическомъ языкѣ circulus in definiendo или idem per idem. Что скажетъ *ткальный* или *ткацкій станъ, утокъ* и *основа* тому, кто ищетъ значенія слова *ткать?* Такъ какъ слово это имѣетъ на всѣхъ языкахъ совершенно тожественное, вполнѣ опредѣленное значеніе, то посмотримъ, какъ оно объяснено однимъ изъ европейскихъ лексикографовъ. При словѣ Weben Гейзе говоритъ: „Посредствомъ накрестъ переплетенныхъ, протянутыхъ туда и сюда нитей изготовлять матерію, при чемъ въ натянутый строй пропускаются нити въ противоположномъ направленіи (ткать полотно, сукно, кружева)" [1]). Всякій согласится, что такое объясненіе правильнѣе, хотя, конечно, безъ нагляднаго знакомства съ производствомъ толкуемое слово все-таки не будетъ вполнѣ понятно; но такова вообще участь всѣхъ описаній сложныхъ техническихъ производствъ. По крайней мѣрѣ, тутъ нѣтъ той несообразности, которая неизбѣжна, когда послѣ предложенныхъ объясненій слова *ткать*, говорится: „*ткань* — все, что ткано; *ткальный, ткацкій* — ко тканію относящійся" и т. п. Непонятно, почему Даль произведеніемъ тканья назвалъ только полотно.

[53] Приведенные примѣры показываютъ, что объясненія Даля не всегда достигаютъ той степени точности и опредѣленности, къ которой онъ стремился. Сюда относится и превратный иногда порядокъ толкованія разныхъ значеній слова. Такъ слово *цвѣтъ* начинается объясненіемъ: „краска, родъ или видъ, масть, колеръ", а уже потомъ слѣдуетъ значеніе: „часть растенія". Очевидно, что послѣднее есть первоначальное понятіе слова, выражающееся и въ коренномъ глаголѣ *цвѣсти;* значеніе *краски* — позднѣйшее, развившееся изъ понятія о наружныхъ признакахъ цвѣтка. Въ акад. словарѣ эти разныя значенія расположены какъ слѣдуетъ.

---

[1]) Durch in einander gefügte, hin und her gezogene Fäden Zeug verfertigen, indem in einen ausgespannten Aufzug Fäden in entgegengesetzter Richtung eingeschossen werden (Leinwand, Tuch, Spitzen). Heyse. „Handwörterbuch der deutschen Sprache" Magdeburg, 1833—1849.

Но въ словарѣ Даля есть родъ объясненій, который сообщаетъ этому труду особенную важность и вполнѣ оправдываетъ данное ему въ заглавіи названіе *толковаго*. Это реальныя, или вещественныя толкованія при такихъ словахъ, которыя относятся къ быту, къ нравамъ, обычаямъ, повѣрьямъ русскаго народа, къ промысламъ, торговлѣ, мореплаванію, наконецъ къ естественнымъ наукамъ. Въ этомъ-то, рядомъ съ богатствомъ запаса собранныхъ Далемъ словъ и примѣровъ, заключается главное, неотъемлемое достоинство его словаря. Доказательства этой заслуги почтеннаго автора такъ многочисленны, что затрудняешься выборомъ словъ, которыя могли бы самымъ убѣдительнымъ образомъ подтвердить такой отзывъ. Приведемъ однакожъ два-три примѣра.

Противъ слова *лапоть* въ академическомъ словарѣ мы находимъ самое коротенькое объясненіе: „Обувь сплетенная изъ лыкъ, бересты или пеньки" и примѣръ: *плести лапти*. Эти полторы строки развиты у Даля такимъ образомъ: „Ла́поть, лапото́къ, лапти́шка, лапти́ща. Плетеная, короткая обувь, въ родѣ грубаго башмака, изъ лыкъ, иногда изъ бересты, шелюги, таловой, ивовой, вязовой коры: это *берестяники, шелюжники, бахоры, сту́пни, босовики;* изъ драни молодого распареннаго дуба (*чрнг.*); есть и соломенные, *курск.*, и пеньковые *курпы* [1]), *крутцы*, изъ оческовъ или изъ ветхихъ развитыхъ веревокъ, *шептуны* и *волосяники́*, изъ конскихъ гривъ и хвостовъ. *Лапоть* плетется въ 5—12 лыкъ, [54] на колодкѣ, кочедыкомъ, и состоитъ изъ *плетня́* (подошвы), *головы́* (переду), *обу́шника* (боковъ) и *запя́тника*; обушникъ или кайма сходится концами на запятникѣ, и связываясь, образуетъ *обо́рникъ*, родъ петли, въ которую продѣваются *оборы*. Поперечныя лыка, загибаемыя на обушникѣ, называются *ку́рцами;* въ *плетнѣ* обычно десять *курцевъ*. Иногда лапоть еще *подковыриваютъ*, проводятъ по плетню лыкомъ же или паклею; а *пи́саные лапти* украшаются узорною подковыркою".

Подъ словомъ *рукобитье* собраны слѣдующія подробности свадебныхъ обычаевъ: „Битье по рукамъ отцевъ жениха и невѣсты, обычно покрывъ руки полами кафтановъ, въ знакъ конечнаго согласія; конецъ сватовства и начало свадебныхъ обрядовъ: помолвка, сговоръ, благословенье, обрученье, заручeнье, большой пропой; мѣстами (*ярс.*) рукобитье бываетъ у отца жениха, гдѣ они ломаютъ пирогъ; но болѣе въ домѣ отца невѣсты, и тогда затѣмъ бываетъ еще другой сговоръ; въ такомъ случаѣ на *рукобитіи* опредѣляютъ *кладку* или *столовыя деньги*, отъ отца жениха, и приданое невѣсты, а на сговорѣ благословляютъ со священникомъ и вѣнчальными свѣчами; сама невѣста потчуетъ, раздаетъ дары, дѣвки величаютъ гостей и плачу нѣтъ. Черезъ день пиръ

[1]) Не *курцы* ли? См. ниже.

у жениха: *смотрять домъ или дворъ;* черезъ день пирушка у невѣсты, гости идутъ съ гостинцами; затѣмъ *дѣвичникъ,* гдѣ женихъ остается не долго, а уходитъ домой пировать съ товарищами. На *рукобитье* или на сговоръ ѣдутъ поѣздомъ: дьяконъ съ дружкой, священникъ съ женихомъ, тамъ поѣзжане, а послѣднею сваха съ большимъ пряникомъ". Находя столько подробностей свадебныхъ обрядовъ подъ словомъ *рукобитье,* можно только пожалѣть, что онѣ не помѣщены предпочтительно подъ словомъ *сватьба,* гдѣ читатель ничего подобнаго не находитъ. Въ такомъ случаѣ при словѣ *рукобитье* достаточно было бы одной ссылки на слово *сватьбу,* къ которому, конечно, скорѣе обратится всякій, кто пожелаетъ ознакомиться съ этимъ отдѣломъ народныхъ обычаевъ.

Слово *домовой* объяснено у Даля слѣдующимъ образомъ: „Домовой, домовикъ, дѣдушка, постѣнъ, по́стень, ищунъ, [55] доможилъ, хозяинъ, жаровикъ; не́жить, другая половина (*олон.*), сусѣдко, батанушка; духъ хранитель и обидчикъ дома; стучитъ и возится по ночамъ, проказитъ, душитъ, ради шутки, соннаго; гладитъ мохнатою рукою къ добру и пр. Онъ особенно хозяйничаетъ на конюшнѣ, заплетаетъ любимой лошади гриву въ колтунъ, а нелюбую вгоняетъ въ мыло и иногда *осаживаетъ* ее, разбиваетъ параличемъ, даже протаскиваетъ въ подворотню. Есть домовой *сараешникъ, конюшникъ, ба́енникъ,* и женск. банный *волосатка;* все это *нежить* ни человѣкъ, ни духъ, жильцы стихійные, куда причисляютъ и полеваго лѣшаго, кикимору, русалокъ (шутовокъ, лопастъ) и водянаго; но послѣдній всѣхъ злѣе и его нерѣдко зовутъ нечистымъ, сатаной. Домоваго можно увидать въ ночи на Свѣтлое Воскресенье въ хлѣву; онъ косматъ, но болѣе этой примѣты нельзя упомнить ничего; онъ отшибаетъ память". Затѣмъ слѣдуютъ поговорки.

Подобныя вещественныя толкованія въ словарѣ Даля относятся къ столь разнороднымъ предметамъ, что мы никакъ не можемъ взять на себя критической ихъ повѣрки: это потребовало бы особенныхъ разысканій, къ нашей задачѣ не относящихся; указываемъ только на тотъ обширный кругъ свѣдѣній о русскомъ народѣ, который охватилъ Даль въ своемъ словарѣ, а вмѣстѣ и на разнородность замѣтокъ, которыя онъ собралъ, изучая народный языкъ. Найдутся, конечно, и между ними многія, требующія поправокъ и дополненій; тѣмъ не менѣе однакоже самая масса ихъ, почерпнутая не изъ книгъ, а изъ непосредственнаго общенія съ народомъ и изъ нагляднаго знакомства съ предметами, составляетъ уже дѣло чрезвычайно важное какъ въ лингвистическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ. Собраніе такихъ указаній должно быть высоко цѣнимо какъ основаніе для дальнѣйшихъ разысканій и болѣе полныхъ, приведенныхъ въ систему вѣдѣній.

Мы бы могли сдѣлать еще множество выписокъ въ свидѣтельство того, какъ богатъ словарь Даля объясненіями разныхъ сторонъ жизни русскаго народа и русской природы; но предѣлы [56] разбора заставляютъ насъ удовольствоваться предложенными примѣрами. Назовемъ лишь нѣсколько словъ, подъ которыми читатель можетъ самъ найти болѣе или менѣе подробныя и интересныя толкованія этого рода: баба (бабка), багренье, береза, бирка, бичева [1]), бурлакъ, гвоздь, гряда, десятина, жало, замокъ, запѣвала, завѣщаніе, закромить, запой, изба, сайка, телега; дерево, бобръ, гора, горло, жало, лягушка, легкія, сыртъ, сусло, увалъ, учугъ; кладъ, кукушка, навье, нежить. Подъ словомъ *вѣтеръ* исчислены всѣ употребительныя въ Россіи названія вѣтровъ. Иногда къ толкованію слова, для большей ясности, присоединены чертежи. Такъ при словѣ *говядина* нарисованъ быкъ, съ означеніемъ названія каждой части его мяса. Такимъ же образомъ представлены въ своемъ мѣстѣ рисунки разныхъ сортовъ *шляпъ* и каждая форма отмѣчена свойственнымъ ей именемъ [2]). Слово *грибъ* сопровождается обширною номенклатурой всѣхъ видовъ этого растенія; при объясненіи *дерева* показаны всѣ разнообразныя части его и употребительныя въ народѣ названія ихъ.

Относительно словъ, принадлежащихъ къ области ботаники и зоологіи, Отдѣленіе сочло нужнымъ просить гг. академиковъ Рупрехта и Шренка высказать свое мнѣніе о достоинствѣ словаря Даля по этимъ частямъ. Ф. И. Рупрехтъ отозвался, что, приготовляя самъ къ изданію собранныя имъ русскія народныя названія растеній, онъ часто съ пользою обращался къ разбираемому нами словарю и въ этомъ отношеніи долженъ отдать ему предпочтеніе передъ словаремъ Академіи, который, не имѣя въ виду какой-либо спеціальной цѣли, построенъ главнымъ образомъ на языкѣ литературномъ. Л. И. Шренкъ въ подробной запискѣ о зоологическихъ названіяхъ словаря заявилъ, что несмотря на отысканные въ немъ пропуски и промахи, авторъ однакоже и съ [57] этой стороны вообще заслуживаетъ одобреніе и благодарность [3]).

Разсмотрѣвъ словарь съ разныхъ сторонъ, перейдемъ теперь къ общему о немъ заключенію. Хотя онъ и не отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ строго-ученой критики, однакожъ его богатое содержаніе, лексическое и вещественное, въ значительной мѣрѣ искупаетъ ука-

---

[1]) Правильнѣе: *бечева*, не имѣющая ничего общаго ни съ *бичемъ*, ни вообще съ гл. *бить*.

[2]) Образцомъ подобныхъ иллюстрацій, очевидно, послужилъ Далю англійскій словарь американца Вебстера, о чемъ слѣдовало бы упомянуть въ *Напутномъ словѣ*. Впрочемъ такіе рисунки прилагаются у Даля только изрѣдка, въ видѣ исключенія.

[3]) Отзывы гг. Рупрехта и Шренка см. въ VII томѣ *Сборника Отдѣленія русскаго яз. и слов.*

занные недостатки. Собранныя Далемъ сокровища языка и ума народнаго даютъ цѣлую массу новаго матеріала не только для науки русскаго слова, но и для этнографіи. Въ послѣднемъ отношеніи заслуга автора уже публично засвидѣтельствована Географическимъ обществомъ, присудившимъ ему за словарь Константиновскую медаль. Къ труду этому будутъ обращаться всѣ, кому нужно изучать съ какой бы ни было стороны народную жизнь; онъ долженъ также сдѣлаться настольною книгою всякаго, кто вдумывается въ родной языкъ, кто хочетъ короче узнать его богатства, а тѣмъ болѣе, кто трудится надъ изслѣдованіемъ его законовъ. Но словарь Даля—книга не только полезная и нужная, это—книга занимательная: всякій любитель отечественнаго слова можетъ читать ее или хоть перелистывать съ удовольствіемъ. Сколько онъ найдетъ въ ней знакомаго, родного, любезнаго, и сколько новаго, любопытнаго, назидательнаго! Сколько вынесетъ изъ каждаго чтенія свѣдѣній драгоцѣнныхъ и для житейскаго обихода, и для литературнаго дѣла! Въ современной русской лексикографіи это безъ всякаго сравненія самый полный и многообъемлющій словарь; притомъ это трудъ, задуманный смѣло и оригинально, выполненный самостоятельно. Совершеніе подобнаго труда, при всѣхъ его недостаткахъ, есть подвигъ важный, рѣдкій въ нашей литературѣ: давно уже у насъ не было такого обширнаго и вѣскаго по русскому языку сочиненія, которое могло бы итти въ сравненіе съ этимъ. Едва ли скоро можно ожидать подобнаго. Составленіе словаря есть [58] вообще дѣло особенно трудное, менѣе другихъ видное и благодарное, требующее значительнаго самоотверженія, на которое по тому самому не многіе рѣшаются. Тѣмъ замѣчательнѣе такой трудъ, когда онъ ведется отъ начала до конца однимъ лицомъ, безъ сотрудниковъ и помощниковъ. Книга, которая въ настоящемъ случаѣ подлежитъ нашему суду, не есть, конечно, трудъ ученаго, стоящаго въ уровень съ современнымъ состояніемъ своей науки; но это трудъ мыслящаго писателя, который всего себя посвятилъ практическому изученію русскаго языка съ одной опредѣленной точки зрѣнія, въ виду одной ясно сознанной имъ цѣли; это—плодъ добросовѣстныхъ занятій цѣлой жизни. Автору не удалось обнять своего предмета со всѣхъ сторонъ; онъ не записной филологъ, не проникъ во всѣ тайны законовъ языка, но и то, что онъ сдѣлалъ для родного слова, останется почетнымъ памятникомъ его дѣятельности, навсегда сохранитъ значеніе въ исторіи русскаго языка и русской лексикографіи. Его словарь есть первый въ обширныхъ размѣрахъ опытъ построить разработку и употребленіе языка на новыхъ основаніяхъ. Множество поднятыхъ имъ вопросовъ должно быть поставлено Далю въ существенную заслугу; конечно, не всѣ они имъ самимъ удовлетворительно рѣшены; но и то уже важно, что онъ ихъ возбудилъ: подвергая ихъ общему обсужденію, онъ вы-

зываетъ къ пересмотру того, что обратилось въ безсознательную привычку.

Въ трудѣ Даля насъ поражаютъ два личныя достоинства автора, безъ которыхъ онъ не могъ бы и выполнить своей задачи: это прежде всего энергическая настойчивость и упорное постоянство въ преслѣдованіи цѣли, не только при окончательномъ осуществленіи плана, но и при подготовительномъ, многолѣтнемъ собираніи матеріаловъ. Другимъ важнымъ условіемъ для совершенія такого обширнаго труда было скромное сознаніе авторомъ мѣры своихъ силъ и той доли пользы, какую онъ могъ принести русскому слову. „Всего одному не дано“, говоритъ онъ въ *Напутномъ словѣ*, „да и не обнять, а дана всякому своя часть, свой талантъ, который онъ и обязанъ пускать въ оборотъ, а не [59] зарывать, вмѣстѣ съ собою, въ землю... Найдутся болѣе даровитые и ученые труженики, коимъ уже легче будетъ дополнить то, чего недостаетъ, найдя одну часть дѣла готовою. Можетъ быть, именно тотъ, кто успѣшно введетъ въ русскій словарь сравненія со всѣми славянскими наречіями, кто вставитъ и нашъ древній языкъ и указанія на начальные корни, можетъ быть онъ-то именно и затруднился бы составленіемъ той части, которая образуетъ основу и сущность моего словаря; во всякомъ же случаѣ дополнять и исправлять полегче, чѣмъ составлять вновь“ [1]). Такимъ образомъ самъ Даль прямо высказалъ свое убѣжденіе, что главное достоинство его словаря заключается въ богатствѣ представляемаго имъ матеріала. Замѣчая, что собранные имъ издавна запасы давали ему право или, вѣрнѣе, налагали на него обязанность, и безъ достаточной учености, предпринять такой трудъ, авторъ прибавляетъ, что рядомъ съ тѣмъ нашлось у него „сильное сочувствіе къ живому рускому языку, какъ ходитъ онъ устно изъ конца въ конецъ по всей нашей родинѣ и нѣкоторое пониманіе его, близкое съ нимъ знакомство, могущее, хотя въ одномъ этомъ направленіи, замѣнить ученость; нашлась наконецъ и любовь къ нему, ручавшаяся за одолѣніе труда, за стойкую, усидчивую работу надъ этимъ дѣломъ, по конецъ жизни“ [2]). Эту горячую любовь къ русскому языку Даль убѣдительно доказалъ своимъ послѣднимъ трудомъ. И самая идея, положенная въ основу его, хотя въ проведеніи ея авторъ не уберегся отъ нѣкоторыхъ увлеченій, заслуживаетъ полнаго нашего сочувствія; къ тому же она и вполнѣ современна: въ такую пору, когда русскій народъ, освобожденный по великодушному слову своего Государя, начинаетъ жить новою жизнью и сознавать свои духовныя потребности,—какъ кстати воздвигается хранилище его словесныхъ богатствъ, какъ во-время собиратель ихъ на-

[1]) Сл., ч. I, стр. IV—V.
[2]) Сл., ч. I, стр. IV.

поминаетъ намъ, что мы слишкомъ удалились отъ естественныхъ источниковъ рѣчи, и, предостерегая [60] насъ отъ дальнѣйшихъ въ этомъ смыслѣ уклоненій, указываетъ намъ на чистый и здравый родникъ языка народнаго, который, по его словамъ, „силенъ, свѣжъ, богатъ, кратокъ и ясенъ". Такой взглядъ совершенно согласенъ съ желаніемъ Ломоносова возбудить „ревность тѣхъ, которые къ прославленію отечества природнымъ языкомъ усердствуютъ, вѣдая, что съ паденіемъ онаго безъ искусныхъ въ немъ писателей затмится слава всего народа" [1]). Не случайно произносится здѣсь имя перваго законодателя нашей письменности. Мы знаемъ, какъ пламенно онъ любилъ русскій языкъ, съ какимъ восторгомъ говорилъ о немъ: „Повелитель многихъ языковъ, языкъ Россійскій не только обширностью мѣстъ, гдѣ онъ господствуетъ, но купно и собственнымъ своимъ пространствомъ и довольствіемъ великъ предъ всѣми въ Европѣ... Ежели чего точно изобразить не можемъ, — не языку нашему, но недовольному своему въ немъ искусству приписывать долженствуемъ. Кто отчасу далѣе въ немъ углубляется, употребляя предводителемъ общее философское понятіе о человѣческомъ словѣ, тотъ увидитъ безмѣрно широкое поле или, лучше сказать, едва предѣлы имѣющее море" [2]).

Въ разсмотрѣнномъ словарѣ мы видимъ смѣлую попытку охватить это безбрежное море русскаго слова. Можно съ увѣренностью сказать, что никакой другой трудъ не былъ бы привѣтствованъ самимъ Ломоносовымъ съ такою задушевною радостью, какъ именно словарь, поставившій себѣ задачей обнять все неисчерпаемое богатство родного языка и содѣйствовать чистотѣ его. И потому награда, учрежденная въ честь великаго русскаго ученаго для увѣнчанія трудовъ, обогащающихъ науку, по всей справедливости должна выпасть на долю словаря, направленнаго къ обозначенной цѣли. Отдѣленіе русскаго языка и словесности тѣмъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ присуждаетъ ее нынѣ, что думаетъ принести этимъ новую дань уваженія памяти Ломоносова. Академія наукъ ничѣмъ инымъ не могла бы лучше выразить своего одобренія заслуженному ветерану нашей литературы, неутомимому подвижнику и собирателю живого русскаго слова.

---

[1]) *Соч. Лом.*, т. I, стр. 533, 534.
[2]) Тамъ же, т. III, стр. 250.

КАРАМЗИНЪ ВЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЯЗЫКА.

Пересмотръ вопроса о началѣ „новаго слога“.

1867.

Современники Карамзина признали его преобразователемъ литературнаго языка. Въ разборѣ *Разсужденія* Шишкова *о старомъ и новомъ слогѣ* Макаровъ въ 1803 году сказалъ: „Г. Карамзинъ сдѣлалъ эпоху въ Исторіи Русскаго языка. Такъ мы думаемъ, и, сколько намъ извѣстно, такъ думаетъ Публика“ [1]). Самъ Шишковъ не отвергалъ этого безусловно, и возражая Макарову, замѣтилъ: „Я не знаю, сдѣлалъ ли г. Карамзинъ эпоху въ исторіи русскаго языка, но ежели сдѣлалъ, такъ это очень худо; ибо естьли *сдѣлать эпоху* значитъ *произвесть нѣкоторую перемѣну въ слогѣ*, то въ книгѣ моей пространно и ясно показано, какая перемѣна воспослѣдовала съ языкомъ на́шимъ“ [2]).

Позднѣе (1823) А. Бестужевъ (Марлинскій) такъ отозвалс́я о Карамзинѣ: „Онъ преобразовалъ книжный языкъ Русскій, звучный, богатый, сильный въ сущности, но уже отягчалый въ рукахъ безталантныхъ Писателей и невѣждъ-переводчиковъ. Онъ двинулъ счастливою новизною ржавыя колеса его механизма, [63] отбросилъ чуждую пестроту въ словахъ, въ словосочиненіи, и далъ ему народное лице“ [3]). Этотъ взглядъ до сихъ поръ никѣмъ не былъ оспариваемъ, и еще недавно его снова высказали многіе при празднованіи юбилея Карамзина. „Поколѣнія младшія“, говоритъ напримѣръ, Ф. И. Буслаевъ [4]), „учились

---

[1]) *Москов. Меркурій,* дек. 1803, стр. 190. Такъ какъ въ настоящей статьѣ дѣло идетъ о языкѣ, то приводимыя въ ней мѣста изъ прежнихъ писателей сообщаются съ соблюденіемъ ихъ первоначальной ороографіи и пунктуаціи. — О Петрѣ Ивановичѣ Макаровѣ и его журналѣ см. статью г. Геннади въ „*Современникѣ*“ 1854 г., т. XLVII, отд. III, стр. 66—94.

[2]) *Прибавленіе къ Разсужд. о стар. и нов. слогѣ,* 1804, стр. 147.

[3]) *Полярная Звѣзда* 1823 г. — „Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи“, стр. 15.

[4]) *Рѣчь о Письмахъ Русскаго Путешественника,* въ *Москов. Университет. Извѣстіяхъ* 1866, № 3, стр. 185.

и теперь еще учатся мыслить и выражать свои мысли по его сочиненіямъ, на которыхъ и доселѣ основываются и русскій синтаксисъ, и русская стилистика". Но въ то же время явился другой взглядъ, сильно ограничивающій значеніе Карамзина въ исторіи литературнаго языка. „Если посмотрѣть", сказалъ въ Харьковѣ профессоръ Н. А. Лавровскій [1]), „на языкъ Карамзина съ внѣшней стороны, то-есть, на исключеніе изъ него церковно-славянской примѣси, на краткость и отрывочность предложеній, вообще на то сближеніе его съ языкомъ образованнаго общества, которое прежде всего ставятъ ему въ заслугу, то нельзя не замѣтить, что все это сдѣлано еще задолго до него... Если посмотрѣть на языкъ лучшихъ статей нашихъ сатирическихъ журналовъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, на языкъ Фонъ-Визина, или хоть на языкъ Вступленія къ Почтѣ Духовъ Крылова, писаннаго въ 1789 году, то едва ли въ этомъ отношеніи можно замѣтить большое различіе сравнительно съ языкомъ Писемъ Русскаго Путешественника; въ этомъ смыслѣ едва ли будетъ справедливо повторять старую фразу о преобразованіи Карамзинымъ литературнаго языка... Языкъ Карамзина, вовсе не новый по внѣшнему построенію фразы, былъ дѣйствительно новымъ по мыслямъ, чувствованіямъ и образамъ, выраженіемъ которыхъ онъ явился и которые были плодомъ всего новаго образовательнаго содержанія, усвоеннаго имъ; онъ былъ дѣйствительно новымъ по симпатичности, нѣжности, сердечности, исходившимъ изъ природы Карамзина. Въ этомъ смыслѣ, если [64] хотите, онъ былъ преобразователемъ литературнаго языка, но преобразователемъ безъ собственнаго вѣдома".

Такимъ образомъ авторъ этихъ строкъ находитъ, что Карамзинъ, несмотря на новость содержанія своихъ сочиненій, на новость пущенныхъ имъ въ ходъ идей, чувствованій и образовъ, обошелся безъ новыхъ способовъ выраженія, безъ сообщенія словамъ болѣе опредѣленнаго или разнообразнаго смысла, безъ новаго строя рѣчи. Но выражать по-старому новыя мысли не значитъ преобразовывать языкъ, и, признавъ въ сочиненіяхъ Карамзина только внутреннюю сторону новою, слѣдовало бы выразиться рѣшительнѣе и уже вовсе не оставлять за нимъ права на названіе преобразователя языка. Допустивъ, что Карамзинъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, все-таки заслужилъ это названіе, хотя и безъ собственнаго вѣдома, г. Лавровскій говоритъ однакоже: „Карамзинъ, воспитанный на произведеніяхъ первоклассныхъ писателей, произведенія которыхъ выражаютъ мысли, чувствованія и образы фантазіи со всею непосредственностію языка, не могъ допустить и въ своемъ языкѣ ни малѣйшей искусственности, стремился къ той же непосредственности выраженія, работалъ долго надъ собою,

---

[1]) *Карамзинъ и его литературная дѣятельность*, стр. 40.

устраняя всѣ препятствія, затрудняющія эту непосредственность выраженія, всякую фальшь, затемняющую его искренность". Но развѣ такой трудъ, такая упорная борьба мысли съ словомъ въ языкѣ, еще не установившемся, можетъ успѣшно совершиться безъ замѣтной и притомъ сознательной обработки самаго языка?

Чтобы во всей подробности разъяснить вопросъ о значеніи Карамзина въ этомъ отношеніи, намъ недостаетъ еще обширныхъ приготовительныхъ работъ по исторіи языка вообще, недостаетъ, между прочимъ, словарей отдѣльныхъ писателей, хотя бы одного ломоносовскаго періода. Тѣмъ не менѣе мы и теперь уже можемъ достигнуть довольно положительныхъ выводовъ, если сравнимъ съ разныхъ сторонъ языкъ Карамзина съ языкомъ ближайшихъ его предшественниковъ, современниковъ и писавшихъ непосредственно за нимъ, если рядомъ съ первымъ его журналомъ [65] поставимъ другія періодическія изданія за то же время, если далѣе внимательно разсмотримъ обвиненія противниковъ и возраженія приверженцевъ его. Это и должно составить главный предметъ настоящей статьи.

Никакое развитіе не происходитъ внезапно, безъ послѣдовательной работы; въ исторіи, какъ и въ природѣ, скачковъ не бываетъ. Тѣ улучшенія въ русской письменной рѣчи, на которыя указываетъ г. Лавровскій, какъ на явленія, совершившіяся еще до Карамзина, дѣйствительно *начались* прежде него; но достигли ли они уже тогда достаточнаго развитія, были ли они кѣмъ-нибудь проведены въ общее сознаніе и даже сознавались ли они самими писателями, у которыхъ встрѣчаются? Не Карамзинъ ли первый возвелъ ихъ въ систему? Не онъ ли болѣе всѣхъ содѣйствовалъ ихъ распространенію и торжеству въ литературѣ? Несомнѣнно, что потребность всякихъ улучшеній прежде всего, хотя еще и смутно, ощущается въ массѣ общества; новыя идеи зарождаются у многихъ вдругъ, носятся въ воздухѣ; но онѣ до тѣхъ поръ не осуществляются вполнѣ, не входятъ окончательно въ жизнь, пока человѣкъ, сильнѣе другихъ ими проникнутый, не выяснитъ ихъ и не пуститъ съ особенной энергіей въ оборотъ. Бываютъ передовые люди во всѣхъ отрасляхъ умственной дѣятельности: они бываютъ и въ развитіи не установившагося еще литературнаго языка. Они-то становятся надолго образцами, увлекаютъ другихъ за собою. Употребленіе письменной рѣчи подчинено особымъ законамъ, которыхъ сознаніе выработывается постепенно. До ея установленія, или вѣрнѣе, до возведенія ея на извѣстную степень опредѣленности, происходила у насъ борьба между ею и языкомъ народнымъ. Долго господствовалъ особый книжный языкъ, который только мало-по-малу уступалъ вліянію разговорнаго, и примиреніе между ними совершилось не прежде, какъ когда примѣръ тому увидѣли въ произведеніяхъ замѣчательнаго таланта. Правда, къ такому примиренію стремилась

уже и прежде нѣкоторая часть писателей; но оно въ первый разъ было достигнуто однимъ, который и провелъ это явленіе въ сознаніе [66] общества: въ трудахъ Карамзина совершилось рѣшительное вступленіе языка въ новый періодъ его литературнаго развитія.

Въ чемъ же именно состояла заслуга Карамзина въ этомъ отношеніи?

Уже Ломоносовымъ собственно русскому, народному языку была отведена въ литературѣ нѣкоторая область: ее составлялъ такъ называемый низкій или простой слогъ, назначенный въ удѣлъ пѣснямъ, эпиграммамъ, комедіямъ, дружескимъ письмамъ и „описаніямъ обыкновенныхъ дѣлъ“ [1]). Изъ этихъ-то тѣсныхъ границъ должны были постепенно итти завоеванія народной рѣчи въ литературѣ. Естественно было, что тѣ писатели, которые предпочтительно разрабатывали одинъ изъ названныхъ видовъ сочиненій, находились относительно языка въ выгоднѣйшемъ положеніи, нежели другіе. Сюда принадлежали издатели сатирическихъ журналовъ, въ томъ числѣ и Крыловъ; въ такомъ же положеніи былъ Фонъ-Визинъ, какъ комикъ и авторъ писемъ. Въ исчисленныхъ видахъ сочиненій мы дѣйствительно замѣчаемъ послѣ Ломоносова, какъ уже и подъ собственнымъ его перомъ, успѣшное употребленіе просторѣчія. Но тутъ насъ поражаютъ два явленія: вопервыхъ, невыдержанность этого языка и часто возвращающаяся примѣсь книжныхъ церковно-славянскихъ словъ, особливо частицъ, и вовторыхъ, чуждый синтактическій складъ, который беретъ верхъ всякій разъ, какъ только авторъ выйдетъ изъ тѣсной рамки чисто-повѣствовательной рѣчи.

Въ сатирическихъ журналахъ 1770-хъ и 80-хъ годовъ очень гладкія фразы смѣняются нерѣдко такими, которыя страдаютъ дикостью формъ и оборотовъ. Такъ, напримѣръ, въ *Живописцѣ* Новикова мы читаемъ, „Желалъ бы я, чтобъ Россія, любезное мое отечество, меньше имѣло нужды въ типографическихъ товарахъ, выписываемыхъ по милости иностранцевъ“! Но тотчасъ за этою безукоризненною фразой слѣдуетъ такая: „Естьли какое находитъ она препятство къ тому, чтобъ нарещися ей за превосходныя [67] свои совершенства несравненною подъ солнцемъ страною, то другаго нѣтъ, какъ сей токмо недостатокъ“ [2]). Не значитъ ли это, что тогда писали по большей части безсознательно то лучше, то хуже? Подобную неровность и смѣсь выраженій, даже въ сатирическихъ и шуточныхъ статьяхъ, представляетъ еще и *Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова* (1783—1784), хотя онъ начался только за 8 лѣтъ до *Московскаго Журнала* Карамзина.

Въ сатирическихъ письмахъ *Почты Духовъ* (1789) языкъ Крылова

---

[1]) Ломоносовъ — *О пользѣ книгъ церковныхъ*. Ср. выше, стр. 4.
[2]) *Живописецъ*, изд. VII, стр. 83.

замѣчательно простъ, и если не смотрѣть на грамматику и орѳографію, въ которыхъ небрежность доведена тутъ до послѣдней крайности, то можно даже сказать, что онъ отличается чистотой; но, отдавъ въ этомъ полную справедливость Крылову, мы вмѣстѣ съ его біографомъ прибавимъ: „Въ его стихотвореніяхъ, относящихся къ этому періоду жизни его, вы чувствуете, какъ рабски подчиняется онъ образцамъ, заимствуя изъ нихъ выраженія, изысканность украшеній, обороты и неестественный тонъ“ [1]). Мало того: и въ прозаическихъ статьяхъ смѣшаннаго содержанія Крыловъ выражается совсѣмъ не такъ, какъ въ сатирическихъ. Въ разборѣ комедіи Клушина *Смѣхъ и горе*, писанномъ уже въ 1793 году, онъ, напримѣръ, говоритъ: „Самая развязка не иное есть, какъ свободная и хорошая игра авторскаго воображенія; она прекрасна, естьли судить и смотрѣть ее одное; но излишна, естьли взять ее въ связь поэмы. Никогда хитрость достигнуть къ цѣли, не должна быть труднѣе препятствъ къ тому противу положенныхъ. А еще болѣе никогда не должно употреблять тамъ большей хитрости, гдѣ нѣтъ большихъ препятствъ, которые бы ее оправдывали!“ [2]). Любопытно, что въ поэтическомъ языкѣ [68] Крыловъ никогда не могъ вполнѣ освободиться отъ нѣкоторой шероховатости выраженія, и до конца не усвоилъ себѣ легкости и гладкости, выработанныхъ писателями карамзинскаго періода.

Въ письмахъ и комедіяхъ Фонъ-Визина языкъ, вообще говоря, также простъ и чистъ; но какъ скоро авторъ *Недоросля* обращается къ предметамъ болѣе важнымъ, выходящимъ изъ предѣловъ вседневнаго быта, рѣчь его начинаетъ то пестрѣться славянизмами, то отзываться латино-нѣмецкимъ словосочиненіемъ. Такъ Стародумъ, въ одномъ изъ писемъ своихъ говоритъ: „Мы не имѣемъ тѣхъ народныхъ со-

---

[1]) Плетневъ—*Полное собр. соч. И. Крылова,* Спб. 1847, т. I, стр. XXIII.

[2]) *С.-Петербургскій Меркурій,* ч. I, стр. 121. Здѣсь выписано это мѣсто во всей точности, съ удержаніемъ всѣхъ особенностей подлиннаго текста. Замѣтимъ кстати, что въ юнгмейстеровомъ изданіи Крылова не только исправлены грамматическіе промахи, но и языкъ подновленъ, такъ что желающій читать Крылова съ цѣлью изученія его долженъ обратиться къ первоначальнымъ изданіямъ его журнала. Такъ и въ приведенныхъ мною строкахъ сдѣлано въ названномъ изданіи нѣсколько измѣненій: вмѣсто *не иное что есть* напечатано: *есть не что иное,* вмѣсто *одное—одну,* вмѣсто *противу положенныхъ—противоположныхъ* (Полн. собр. соч. Крылова, ч. I, стр. 332). Въ другихъ статьяхъ есть еще гораздо значительнѣйшія поправки; мѣстами передѣланы цѣлыя фразы. Напримѣръ, въ *Похвальной рѣчи Ермалафиду,* вмѣсто: *едва минуло отъ роду пятнадцать лѣтъ нашему герою, какъ отданъ онъ,* напечатано: „герой нашъ лѣтъ 15-ти отданъ былъ“; вмѣсто: *когда я буду читать, то когда жъ писать останется мнѣ время,*—„если я безпрестанно буду читать, то когда жъ я буду писать“; вмѣсто: *толико то глубокое спокойствіе*—„такое глубокое спокойствіе“, и проч., и проч. Забота о подновленіи текста Крылова доходила до того, что въ названномъ изданіи мѣстоименіе *сей* въ большей части случаевъ замѣнено словомъ *этотъ*.

браній, кои витіи большую дверь въ славѣ отворяютъ, и гдѣ побѣда краснорѣчія не пустою хвалою, но Претурою, Архонціями и Консульствами вознаграждается. Демосѳенъ и Цицеронъ въ той землѣ, гдѣ даръ краснорѣчія въ однихъ похвальныхъ словахъ ограниченъ, были бы риторы не лучше Максима Тирянина; а Прокоповичъ, Ломоносовъ, Елагинъ и Поповскій въ Аѳинахъ и Римѣ были бы Демосѳены и Цицероны; по крайней мѣрѣ церковное наше краснорѣчіе доказываетъ, что Россіяне при равныхъ случаяхъ никакой націи не уступаютъ"[1]). Въ „Словѣ на выздоровленіе великаго князя", въ „Описаніи житія графа Н. И. Панина", даже въ „Чистосердечномъ признаніи" встрѣчается много славянскихъ словъ, частицъ и оборотовъ. Въ самыхъ письмахъ Фонъ-Визина не мало устарѣлыхъ реченій, постепенно отброшенныхъ Карамзинымъ, по крайней мѣрѣ [69] въ извѣстномъ смыслѣ, какъ напримѣръ *упражняться* въ значеніи *заниматься*. Такъ въ письмѣ къ Стародуму сказано: „... Какъ болѣзнь не позволяетъ мнѣ *упражняться* въ родѣ сочиненій, кои требуютъ такого непрерывнаго вниманія и размышленія, *каковыя* потребны въ театральныхъ сочиненіяхъ; съ другой же стороны привычка *упражняться* въ *писаніи* сдѣлала сіе *упражненіе* для меня нуждою: то и рѣшился я издавать періодическое *твореніе*, гдѣ разность матерій не требуетъ непрерывнаго вниманія, а *паче* можетъ служить мнѣ забавою"[2]). Поэтому нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ Бѣлинскаго, что хотя „языкъ Фонъ-Визина рѣзко отдѣляется отъ языка ломоносовскаго и близко подходитъ къ карамзинскому, но тѣмъ не менѣе Фонъ-Визинъ относится къ писателямъ ломоносовскаго періода русской литературы"[3]). Можно прибавить, что до Карамзина было въ ней нѣсколько человѣкъ, которые писали лучше другихъ, но они никому не передавали началъ, принятыхъ ими въ руководство, и такъ какъ въ сочиненіяхъ ихъ господствуетъ языкъ неровный, разнохарактерный, то мы въ правѣ заключить, что они въ сущности держались еще ломоносовскаго ученія о трехъ родахъ слога, отличающихся между собою разною мѣрою славянской примѣси. Замѣчательно, что почти до самаго появленія Карамзина большинство писателей, въ высшихъ родахъ сочиненій, выражались гораздо хуже Ломоносова, и, не имѣя ни его теоретическихъ познаній въ языкѣ, ни его яснаго ума и такта, запутывались въ

[1]) Соч. Фонъ-Визина, Спб. 1866, стр. 248.

[2]) Соч. Фонъ-Визина, стр. 228. Сначала и Карамзинъ употреблялъ слово *упражняться* въ такомъ смыслѣ; но потомъ оно получило у него болѣе тѣсное значеніе.

[3]) Соч. Бѣлинскаго, ч. VIII, стр. 136.—Позволяю себѣ сослаться здѣсь и на свою статью о *Фонъ-Визинѣ* князя Вяземскаго (*Спб. Вѣдом.* 1848 г., № 281—283), въ которой показано, что языкъ Фонъ-Визина представляетъ три разные оттѣнка, и обращено уже вниманіе на успѣхъ русской письменной рѣчи у нашихъ сатирическихъ писателей.

лабиринтѣ латинскаго словорасположенія; къ тому же имъ недоставало и его строгой разборчивости въ употребленіи славянскихъ формъ и реченій. Отъ этихъ недостатковъ не уберeглись даже многіе изъ профессоровъ [70] Московскаго университета, не только въ концѣ прошлаго вѣка, но еще и въ началѣ нынѣшняго. Въ ихъ рѣчахъ попадаются, правда, очень гладкія, чистымъ языкомъ написанныя мѣста, но чуть только ораторъ, по важности предмета, хочетъ подняться выше уровня вседневной рѣчи, у него является обычная примѣсь славяно-латинской схоластики, вообще запутанные и длинные періоды господствуютъ въ этихъ рѣчахъ надъ простотою русскаго синтаксиса [1]).

Такимъ-то образомъ, въ исходѣ 18-го столѣтія нашъ письменный языкъ дѣлился какъ бы на двѣ струи, изъ которыхъ одна, дѣйствительно, болѣе и болѣе освобождалась отъ чуждыхъ церковно-славянскихъ элементовъ, сближаясь съ языкомъ народнымъ, а другая представляла испорченный ломоносовскій языкъ *высокаго штиля,* то-есть, языкъ, наружно построенный по началамъ геніальнаго образца, но лишенный его зиждительнаго духа. Первая, очищенная струя проходила почти исключительно чрезъ извѣстные только виды сочиненій, и тѣ самые писатели, у которыхъ она пробивалась, готовы были, при измѣненіи предмета и тона рѣчи, тотчасъ же обратиться къ другой, мутной и ложной струѣ, такъ что обѣ онѣ безпрестанно сливались, даже у одного и того же автора, иногда въ одномъ и томъ же сочиненіи.

Незадолго передъ тѣмъ, какъ Карамзинъ основалъ *Московскій Журналъ,* въ Петербургѣ стало появляться (1788) еженедѣльное изданіе *Утренніе Часы.* По языку этотъ журналъ, состоявшій преимущественно изъ небольшихъ нравоучительныхъ статей, не выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ произведеній тогдашней литературы. Но онъ потому особенно заслуживаетъ вниманія, что главный издатель его, Иванъ Рахманиновъ [2]), въ слѣдующемъ году вмѣстѣ съ Крыловымъ предпринялъ изданіе *Почты Духовъ.* Оба журнала печатались, одинъ за другимъ, въ той же [71] типографіи, какъ показываетъ выставленный на нихъ штемпель И. Р. Отсюда рождается вопросъ, не произошло ли соединеніе этихъ двухъ литераторовъ для издательской дѣятельности еще до 1789 года и не участвовалъ ли Крыловъ уже и въ изданіи *Утреннихъ Часовъ,* въ первомъ выпускѣ которыхъ говорится объ *издателяхъ.* Но рѣшеніе этого вопроса сюда не относится, и я перехожу къ другому журналу, который здѣсь нужнѣе принять въ соображеніе.

---

[1]) См. ниже образчики въ Приложеніи I.

[2]) Не *Рахмановъ,* какъ названъ въ біографіи Крылова (стр. XXI Юнгмейстерова изданія) товарищъ его по изданію *Почты Духовъ.* Эта погрѣшность перешла уже и во множество другихъ статей о Крыловѣ.

Это—*Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій,* возникшее въ одно время съ *Московскимъ Журналомъ.* Въ изданіи *Чтенія* главное участіе принимали Сохацкій и Подшиваловъ [1]). Ихъ называютъ то предшественниками, то сподвижниками Карамзина въ дѣлѣ улучшенія литературнаго языка [2]). Но вполнѣ ли это вѣрно? Сохацкій и Подшиваловъ были почти ровесниками Карамзина [3]). Первый, уроженецъ Полтавской губерніи, учился сперва въ Кіевской духовной академіи, а потомъ уже въ Московскомъ университетѣ; во всю жизнь занимался онъ преимущественно древней литературой и никогда не могъ усвоить себѣ легкаго слога. „Казалось", замѣтилъ его біографъ еще въ 1821 году [4]), „что изустное объясненіе его имѣло болѣе занимательности и пріятности, нежели самый слогъ, въ коемъ видна нѣкоторая принужденность, происходившая отъ старанія быть точнымъ и выразительнымъ. Словомъ, языкъ Сохацкаго навсегда сохранилъ отпечатокъ происхожденія и семинарскаго воспитанія [72] этого ученаго. Ни изъ чего не видно, чтобы Сохацкій сочувствовалъ Карамзину: извѣстно напротивъ, что онъ въ своемъ журналѣ *Иппокрена или Утѣхи любословія* (характеристическое заглавіе!) помѣстилъ, 1799 г., направленные противъ Карамзина стихи: *Ода въ честь моему другу.* Совершенно въ другомъ положеніи былъ Подшиваловъ. Подмосковный уроженецъ, солдатскій сынъ, съ 1782 г. студентъ Московскаго университета и вскорѣ „учитель россійскаго стиля", потомъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ членовъ литературнаго собранія при университетѣ, онъ соединялъ въ себѣ гораздо болѣе условій къ тому, чтобы содѣйствовать успѣхамъ языка, и въ самомъ дѣлѣ усердно пошелъ по стопамъ Карамзина. При его главномъ участіи университетское общество издавало, одинъ за другимъ, періодическіе сборники: *Вечерняя Заря* (1782), *Покоящійся Трудолюбецъ* (1785), *Чтеніе для вкуса* (1791). Послѣдній изъ нихъ, какъ уже замѣчено, возникъ одновременно съ *Московскимъ Журналомъ,* въ которомъ Подшиваловъ также принималъ нѣкоторое участіе. О дружескихъ отношеніяхъ между нимъ и Карам-

---

[1]) Имя Сохацкаго упомянуто при этомъ журналѣ въ смирдинской Росписи. Въ біографіяхъ какъ его, такъ и Подшивалова говорится объ участіи перваго только въ позднѣйшихъ изданіяхъ послѣдняго. Впрочемъ, такъ ли было, или иначе, здѣсь это не важно; дѣло въ томъ, что Сохацкій и Подшиваловъ дѣйствительно трудились вмѣстѣ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ.

[2]) Еще и въ одной рѣчи, произнесенной 1-го декабря 1866 г., Подшиваловъ названъ предшественникомъ Карамзина. Это можно сказать развѣ въ томъ только отношеніи, что Подшиваловъ участвовалъ въ изданіи нѣкоторыхъ сборниковъ прежде чѣмъ появился *Московскій Журналъ;* но вѣдь и Карамзинъ не этимъ изданіемъ началъ свое литературное поприще.

[3]) Сохацкій умеръ на 44-мъ году 18-го марта 1809; слѣдовательно, онъ родился въ 1766. Подшиваловъ род. 2-го марта 1765 г.

[4]) *Рѣчи въ торжественныхъ собраніяхъ Москов. универс.,* ч. III, стр. 64.

зинымъ есть нѣсколько свидѣтельствъ. Карамзинъ самъ не разъ говоритъ о немъ въ своей перепискѣ съ Дмитріевымъ, называя его *нашъ пріятель* и упоминая о получаемыхъ отъ него письмахъ. Подшиваловъ читалъ корректуру сочиненій Дмитріева, когда печатались *И мои бездѣлки*, а потомъ имѣлъ попеченіе о продажѣ этой книжки. Въ біографической статьѣ о немъ [1]) Владиміръ Измайловъ говоритъ: „...Лучшимъ утѣшеніемъ были для него новая связь и новое знакомство съ человѣкомъ, который начиналъ украшать россійскую словесность и выдавалъ тогда *Московскій Журналъ*. Сей отличный авторъ полюбилъ въ немъ хорошій характеръ и талантъ, и естьли на пути литературной славы они стояли въ нѣкоторомъ отдаленіи одинъ отъ другаго, то согласіе добрыхъ сердецъ сближало ихъ въ сношеніяхъ общественной жизни и уничтожало разстояніе авторское. Къ чести Подшивалова, его талантъ, безъ досады и зависти, [73] отдавалъ всегда справедливость таланту гораздо превосходнѣйшему: нравственная черта рѣдкая, особливо между авторами!“ При такомъ отношеніи одного писателя къ другому, особенно любопытно сравнить между собою ихъ одновременныя изданія. Не говоря уже о безжизненности содержанія подшиваловскаго *Чтенія*, объ отсутствіи въ немъ всякаго современнаго интереса, всякой оригинальности, и преобладаніи отвлеченно-нравоучительнаго характера, при обиліи бывшихъ тогда въ модѣ восточныхъ повѣстей, замѣтимъ, что языкъ въ статьяхъ *Чтенія* представляетъ ту же неровность и пестроту, которая господствуетъ почти во всѣхъ изданіяхъ того времени. Поучительно сличить самыя объявленія объ изданіи *Московскаго Журнала* и *Чтенія для вкуса*, напечатанныя одно за другимъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* [2]). Объявленіе Карамзина извѣстно [3]); о *Чтеніи* было возвѣщено въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Дабы доставить публикѣ періодическое полезное чтеніе, могущее занимать удовольственнымъ образомъ духъ и сердце читающаго, и чрезъ то самое подавать ему доброе времяпровожденіе, издаваемо будетъ съ начала будущаго года, при каждомъ номерѣ *Вѣдомостей* по одному листу, сочиненіе подъ титуломъ *Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій*, которое заключать въ себѣ будетъ статьи различнаго содержанія въ стихахъ и прозѣ, не менѣе полезныя, любопытныя, какъ пріятныя и забавныя. Издатели стараться будутъ, сообразуясь названію сего изданія, довольствовать онымъ вкусъ читателей своихъ, занимать разумъ ихъ и возбуждать благородныя и пріятныя чувствованія, наблюдая для сего величайшую разборчивость, дабы не токмо

---

[1]) *Вѣстникъ Европы* 1814, № 13, стр. 33.

[2]) Объявленіе объ изданіи *Чтенія* см. въ *Моск. Вѣд.* 1790 г. № 88 (2 ноября). Объявленіе о *Московскомъ Журналѣ* приложено особо при № 89 (6 ноября).

[3]) Оно перепечатано въ книгѣ М. П. Погодина: *Карамзинъ* и проч., ч. I, стр. 170.

помѣщаемы были приличныя матеріи, но и предлагаемы были онѣ чистымъ и пріятнымъ слогомъ: кратко сказать, ничего не опустятъ, чтобы листы сіи приносили удовольствіе [74] и пользу читателямъ всякаго рода и званія, дабы каждый изъ нихъ могъ находить въ изданіи семъ что нибудь такое, что бы удовлетворять могло вкусу и склонностямъ его" [1]). Какой способъ изложенія, между прочимъ, издатели относили къ *чистому* и *пріятному* слогу, можно видѣть изъ статьи „День", которою открывается 1-й листъ *Чтенія* и которая начинается такъ: „Пробудитесь смертные! воспряните изъ безмолвнаго усыпленія, васъ одержащаго, да узрите блистающій въ свѣтлой ясности прекрасный день. Пробуждаются они; и се я зрю чувствительныя сердца, исполняющіяся радости при воззрѣніи на чудеса природы и проливающія тихую мольбу къ Существу существъ: — Творецъ нашъ свѣтъ, утѣшеніе и надежда наша! колико ты изливаешь благостей, да не скорбитъ духъ нашъ, совершенствуясь въ сей мрачной юдоли". Сравнимъ съ этимъ 1-ую страницу прозы *Московскаго Журнала:* это — знаменитое письмо „Русскаго Путешественника" изъ Твери, начало цѣлаго ряда писемъ и статей, писанныхъ тѣмъ же языкомъ. Но вотъ и въ *Чтеніяхъ* „Отрывокъ чувствительнаго путешествія" (ч. I, стр. 26). Посмотримъ, какъ онъ начинается: „Писателю не можетъ то служить попрекомъ, когда онъ то тѣ, то другія большія и малыя вещи выводитъ на зрѣлище публики. Когда кажется ему вещь довольно важною и онъ думаетъ, что сему или тому читателю можетъ его сочиненіе служить полезнымъ и хотя пріятнымъ препровожденіемъ времени, то, что тогда должно его удерживать зажечь свѣчу и вывесть дѣла свои изъ мрака?" Здѣсь, конечно, не все дурно; встрѣчаются, далѣе, и цѣлыя страницы, довольно чистою прозою написанныя, но нигдѣ нѣтъ языка, выдержаннаго въ цѣлой статьѣ; вездѣ хорошее является только какъ случайность или исключеніе. У одного Карамзина, въ это время, мы видимъ [75] рѣчь вездѣ ровную, свидѣтельствующую о ясномъ пониманіи условій чистоты и изящества языка, о разумной строгости въ выборѣ словъ и ихъ расположеніи. Требованія Карамзина въ этомъ дѣлѣ выразились, между прочимъ, въ критическихъ статьяхъ *Московскаго Журнала,* которыя сами по себѣ составили явленіе до тѣхъ поръ небывалое въ русской литературѣ. Вошедшая въ нихъ стилистическая критика, которая теперь въ совершенномъ пренебреженіи, тогда имѣла особенную важность. Въ *Систематическомъ обозрѣніи литературы въ Россіи,* Шторха и Аделунга (Спб. 1810, стр. xv), замѣчено: „Изъ Рос-

---

[1]) Въ № 103 *Моск. Вѣд.* 25-го декабря перепечатано это объявленіе съ нѣкоторыми измѣненіями: тутъ два-три выраженія исправлены, напр. вмѣсто: *могущее занимать удовольственнымъ образомъ* сказано — *которое могло бы съ удовольствіемъ занимать,* вмѣсто: *доброе времяпровожденіе—пріятное препровожденіе времени.*

сіянъ Карамзинъ, въ изданномъ имъ въ 1791 году *Московскомъ Журналѣ*, подалъ первый примѣръ критики литературы. Съ того времени нашелъ онъ себѣ многихъ преемниковъ". Замѣтимъ, однакожь, что начатки литературной критики встрѣчаются уже въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ* (1778—1781), но они еще не выдерживаютъ сравненія съ разборами Карамзина, которые притомъ въ первый разъ обращаютъ особенное вниманіе на языкъ. Изъ нихъ видно, какъ Карамзинъ уважалъ духъ языка, какъ онъ, преслѣдуя славянизмы, вмѣстѣ съ тѣмъ вооружался и противъ галлицизмовъ, въ которыхъ послѣ слишкомъ упрекали его; онъ дорожилъ и замѣною иностранныхъ терминовъ русскими всякій разъ, когда она была возможна съ соблюденіемъ точности идеи и безъ натяжекъ. Въ особенности требовалъ онъ чистоты, ясности, гладкости, простоты, пріятности выраженія, и потому нападалъ между прочимъ, на дикія для разговорнаго языка частицы: *какъ бы, колико, дабы.* Тутъ же встрѣчаются у него насмѣшливыя выходки противъ писателей, позволявшихъ себѣ неумѣстныя заимствованія изъ церковно-славянскаго. Такъ, онъ говоритъ въ разборѣ перевода Клариссы Ричардсона: „Г. Переводчикъ хотѣлъ здѣсь послѣдовать модѣ, введенной въ Русскій слогъ *голѣмыми претолковниками NN, иже отрѣваютъ все, еже есть Руское, и блещаются блаженнѣ сіяніемъ славяномудрія*" [1]). Кого разумѣлъ Карамзинъ [76] подъ *голѣмыми* (то-есть, великими) *претолковниками?* Записки Дмитріева облегчаютъ намъ рѣшеніе этого вопроса. Говоря о писателяхъ, которые послѣ Елагина и Фонъ-Визина начали еще болѣе ихъ употреблять славянскіе реченія и обороты, Дмитріевъ называетъ *усерднѣйшими славянофилами,* между прочими, извѣстнаго переводчика И. С. Захарова, Якимова, Пахомова и Сидоровскаго [2]). Якимовъ перевелъ Иліаду, коллежскій же ассесоръ Матвѣй Пахомовъ, служившій при Смольномъ монастырѣ, и священникъ Иванъ Сидоровскій, свояки, трудились совокупно и переводили общими силами „Павсанія, или Павсаніево описаніе Еллады"; послѣднимъ переведены сверхъ того, „Разговоры Лукіана Самосатскаго", и „Творенія велемудраго Платона". Въ ихъ трудахъ, по словамъ Дмитріева, можно найти: *тако мнѣ глаголющу, воставшу солнцу* и т. п. На этихъ же переводчиковъ 1780 годовъ намекалъ можетъ-быть другъ Карамзина Петровъ, когда совѣтовалъ ему: „.... лучше пиши все свое сочиненіе на русско-славянскомъ языкѣ, долгосложно-протяжно-парящими словами" [3]). Итакъ, мы знаемъ, кого разумѣлъ Карамзинъ подъ именемъ *голѣмыхъ претолковниковъ.* Изъ нихъ Захаровъ и Сидоровскій были членами Россійской Академіи, первый съ 1786 года, второй еще

---

[1]) *Московскій Журналъ* 1791, ч. IV, стр. 112.—Замѣчанія Карамзина о языкѣ, встрѣчающіяся въ этомъ журналѣ, см. ниже въ Приложеніи II.

[2]) *Взглядъ на мою жизнь,* стр. 85; ср. тамъ же, стр. 45.

[3]) *Русскій Архивъ* 1863 г., стр. 480.

съ 1783. Понятно, кто былъ задѣтъ выходкою *Московскаго Журнала*. Здѣсь начало гнѣва, впослѣдствіи породившаго *Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ*.

Новый духъ, новое пониманіе журнальнаго дѣла, проникавшіе *Московскій Журналъ*, не могли не отразиться и на самомъ языкѣ его. Впрочемъ, здѣсь замѣтна еще большая разница между языкомъ Карамзина и немногихъ сотрудниковъ его, даже и Подшивалова, хотя послѣдній во взглядѣ на этотъ предметъ совершенно примкнулъ къ талантливому издателю. Разница между ними, какъ стилистами, по крайней мѣрѣ за то время, наглядно выдается въ двухъ критическихъ статьяхъ Подшивалова о *Палефатѣ* Туманскаго [77]. На варварскій языкъ этого перевода (съ греческаго) Подшиваловъ взглянулъ снисходительнѣе, нежели какъ могъ смотрѣть самъ Карамзинъ, судя по другимъ разборамъ его. „Сей переводъ въ сравненіи со многими другими", говоритъ рецензентъ, „конечно, хорошъ; однакожь онъ и не совсѣмъ чистъ. Сверхъ многихъ славянскихъ словъ, не кстати употребленныхъ, напримѣръ *дондеже, весь* (село), *якобы*, онъ *могъ видѣть*, и проч.; сверхъ неприличной смѣси Славянскаго съ Русскимъ, напр. стр. 5: *уста и глотка возсѣли на объжженныхъ лошадей*, и стр. 9: *не могъ рѣшиться на убіеніе отрочати;* наконецъ, сверьхъ грамматическихъ мѣлочей, напр. *Греческого, никакого, бѣлого, укушенна будучи, все соединенно—къ баснѣ, къ роскошѣ,*—замѣтили мы еще большія странности" [1]).

Понятно, что и самъ Карамзинъ, въ *Московскомъ Журналѣ*, еще далекъ отъ тѣхъ успѣховъ языка и слога, которыхъ онъ достигъ въ своихъ послѣдующихъ трудахъ. Какъ вообще въ области литературы, такъ и въ дѣятельности каждаго замѣчательнаго писателя, языкъ постепенно совершенствуется, и условія такого развитія у отдѣльнаго автора заключаются, съ одной стороны, въ собственномъ его духѣ, безпрестанно идущемъ впередъ, съ другой—въ совокупномъ движеніи всего общества, которое, подчиняясь вліянію передовыхъ мыслителей, въ свою очередь взаимно дѣйствуетъ на нихъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучительно было бы прослѣдить всѣ труды Карамзина, начиная отъ самыхъ раннихъ его переводовъ и сочиненій; но къ предмету настоящаго изслѣдованія все предшествовавшее *Московскому Журналу* не относится, такъ какъ насъ занимаетъ вопросъ не столько о ходѣ развитія литературной рѣчи Карамзина, сколько о свойствѣ ея и вліяніи на общій письменный языкъ русскій. Вліяніе же Карамзина, естественно, могло начаться только со времени изданія [78] *Москов-*

---

[1]) *Моск. Журн.*, ч. V, январь и мартъ, стр. 137 и 379. Въ февральской книжкѣ, стр. 277, помѣщено возраженіе Туманскаго подъ заглавіемъ: *О сужденіи книгъ*, съ любопытными примѣчаніями Карамзина.

скаго Журнала, доставившаго ему значительный кругъ читателей и громкую извѣстность.

Само собою разумѣется, что дѣйствіе этого журнала было двоякое: однихъ онъ привлекъ къ Карамзину; другихъ, хотя далеко не столь многихъ, оттолкнулъ отъ него. Тогда-то стали явственно обозначаться двѣ школы писателей, и разногласіе ихъ должно было вскорѣ обратиться въ борьбу. Уже въ 1792 году, слѣдовательно когда *Московскій Журналъ* еще продолжалъ выходить, явились два изданія, враждебно къ нему относившіяся, именно *Зритель* Крылова и *Россійскій Магазинъ* Туманскаго. Первый, подражаніе аддисонову „Спектетеру", имѣлъ шуточно-сатирическое направленіе; естественно поэтому, что въ большей части статей такого содержанія языкъ простъ, хотя часто совсѣмъ не изященъ и вообще крайне небреженъ. Какъ замѣтилъ уже Пекарскій, журналы Крылова и Клушина „отличались особенною неряшливостію и промахами противъ грамматики" [1]). Разномысліе *Зрителя* съ Карамзинымъ во взглядѣ на языкъ обнаруживается не въ одномъ способѣ выражаться. Вотъ, напримѣръ, сужденіе этого журнала о Ломоносовѣ: „Сей безсмертный отецъ нашего стихотворства доказалъ, что понятіе его изобрѣло такія красоты, которыхъ никто еще не имѣлъ; онъ первый доказалъ свѣту, что можно Россіянину только превзойти въ картинахъ стихотворческихъ и самого Виргилія, гдѣ онъ не встрѣчался съ нимъ вездѣ его превозходилъ: описаніе бури у Ломоносова несравненно живѣе... Языкъ Россійскій отъ его пера явился сильнѣйшимъ всѣхъ Европейскихъ: Ломоносовъ имъ изображалъ все, до чего только можетъ достигнуть пламенное воображеніе витіи" [2]) и т. д. Карамзинъ, хотя также признавалъ превосходство Ломоносова въ лирической поэзіи, однакожъ вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ, что онъ и Сумароковъ „еще не образовали Россійскаго слога" и [79] замѣчалъ: Проза Ломоносова не можетъ служить для насъ образцемъ; *длинные періоды* его утомительны, *расположеніе* словъ не всегда сообразно съ теченіемъ мыслей, не всегда пріятно для слуха" [3]). Извѣстно, что товарищемъ Крылова по изданію *Зрителя* былъ Клушинъ; къ числу сотрудниковъ ихъ принадлежали Дмитревскій, Плавильщиковъ, Эминъ и Туманскій [4]). Въ журналѣ ихъ Карамзинъ задѣтъ, между прочимъ, за свои критическіе разборы. Въ такомъ смыслѣ написана цѣлая статья *Критикъ,* въ которой представленъ сердитый человѣкъ съ книгою въ рукахъ. Онъ готовится писать рецензію на эту книгу и говоритъ: „Переводъ сей

---

[1]) *Письма* Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, стр. 025.

[2]) *Зритель,* ч. I, „О враждебномъ свойствѣ Россіянъ" (Плавильщикова), стр. 172.

[3]) Сочиненія Карамзина, изд. Смирд., т. I, „Похвальное слово Екатеринѣ II", стр. 363, и „Пантеонъ Россійскихъ авторовъ", стр. 591.

[4]) *Письма* къ Дм., стр. 17, 28, 33.

гадокъ; не имѣетъ въ себѣ ни правилъ языка, ни правилъ грамматики; *достоинства чувствованій автора изкажены;* и сверхъ того есть слова, которыхъ я не понимаю". Далѣе, приведено въ такомъ же тонѣ нѣсколько отдѣльныхъ примѣчаній критика; между прочимъ, осмѣяна прихотливость легко-оскорбляющагося слуха („вы не можете представить, какъ это деретъ уши"), и въ заключеніе сказано: „Можно быть увѣрену, что съ его неусыпнымъ попеченіемъ о Русскомъ языкѣ, и въ самыхъ типографіяхъ опечатокъ будетъ гораздо менѣе. Правда, онъ не касается до разсматриванія Авторскихъ мыслей, плана сочиненія, характера дѣйствующихъ лицъ, ума и способностей — да и хорошо, что не за свое не берется — какъ заниматься такою мелочью?" [1]). При совершенномъ невниманіи издателей *Зрителя* къ требованіямъ грамматики, понятно, какъ долженъ былъ имъ не нравиться пуризмъ Карамзина съ особеннымъ характеромъ его прозы. Что его слогъ не ускользнулъ отъ ихъ вниманія, видно изъ выходки противъ „рѣдкихъ и избранныхъ изображеній" *Московскаго Журнала,* на [80] которыя они въ своихъ *рецептахъ* указывали какъ на средство отъ безсонницы [2]).

Другой журналъ, обнаружившій непріязненное отношеніе къ Карамзину, былъ *Россійскій Магазинъ,* хотя онъ и имѣлъ преимущественно характеръ историческаго сборника. Издатель его, Θедоръ Туманскій, котораго языкъ отличался особеннымъ безобразіемъ, былъ конечно плохимъ цѣнителемъ искуства писать; притомъ *Московскій Журналъ* не совсѣмъ благосклонно принялъ его *Палефата,* и наконецъ, Карамзинъ не печаталъ „піэсъ", которыми Туманскій „задавилъ" его, по выраженію самого Карамзина въ Письмахъ къ Дмитріеву (стр. 17 и 19). Вотъ почему *Россійскій Магазинъ,* при появленіи Оссіана въ переводѣ Кострова, воспользовался случаемъ „зацѣпить" (опять выраженіе изъ писемъ къ Дмитріеву) Карамзина, который также переводилъ Оссіана въ *Московскомъ Журналѣ.* „Къ щастію", говоритъ Туманскій, „Г. Кострова, въ переводѣ нѣкоторыхъ Оссіановыхъ сочиненій предшественникъ" (въ выноскѣ сказано: *Г. К. писатель Московскаго Журнала)* „нѣкоторою частію читателей одобряемый, самъ и съ братіею своею Судія многихъ чуждыхъ трудовъ и часто подписывающій опредѣленія безъ позволенія переноса, или силящійся сужденіе другихъ поддержать своими примѣчаніями, предоставилъ случай сличить сей переводъ, сдѣлать обоимъ сравненіе и поставя цѣну тому и другому заключить и о прочемъ. Сравненіе съ таковымъ перевод-

---

[1]) *Зритель,* ч. I, стр. 161. Эти и подобныя выходки *Зрителя* были хорошо извѣстны Карамзину, который упоминаетъ о враждѣ его издателей въ своихъ *Письмахъ* къ Дмитріеву. Въ маѣ мѣсяцѣ (1792 г.) оба друга подписались на этотъ журналъ *(Зр.* ч. II, стр. 86).

[2]) *Зритель,* ч. II. „Прогулки", стр. 158, и *Письма* Карамзина къ Дмитріеву стр. 019.

чикомъ у мѣста, и чья побѣда, того знаменитѣе торжество" [1]). Затѣмъ напечатаны рядомъ тѣ же мѣста Оссіана изъ обоихъ переводовъ, сравненіе, прямо подходящее къ предмету настоящей статьи. Предоставляя любопытнымъ обратиться къ самому *Магазину,* считаю здѣсь достаточнымъ сослаться на тотъ краснорѣчивый фактъ, что Туманскій отдаетъ рѣшительное предпочтеніе переводу Кострова.

[81] Нападенія на Карамзина продолжались и по прекращеніи его журнала; въ 1793 году главнымъ поприщемъ ихъ служило новое ежемѣсячное изданіе Крылова и Клушина *С.-Петербургскій Меркурій* [2]), въ языкѣ котораго, впрочемъ, ничего новаго замѣтить нельзя.

Нѣкоторыя изъ обвиненій, которымъ Карамзинъ подвергался, показываютъ, что онъ возстановилъ противъ себя журналы не только своею критикой, своеобразіемъ своихъ взглядовъ, но отчасти и новостью своего языка, въ которомъ, какъ и вообще въ его дѣятельности, видѣли отступленіе отъ правилъ и отъ принятыхъ образцовъ. Посмотримъ теперь, какое дѣйствіе онъ производилъ на примкнувшихъ къ нему писателей. Поразительнымъ въ этомъ отношеніи явленіемъ служитъ журналъ *Пріятное и полезное препровожденіе времени,* которое Подшиваловъ началъ издавать въ Москвѣ въ 1794 году, то-есть, черезъ годъ послѣ удаленія Карамзина съ журнальнаго поприща. Въ статейкѣ Подшивалова *Къ сердцу,* которою открывается новое изданіе мы находимъ доведенное до крайности восхваленіе *чувствительности* и между прочимъ, такое восклицаніе: *„Простосердечіе, чистосердечіе!* надъ вами смѣются въ нынѣшнія времена: но ты, любезный К** *(Карамзинъ),* иныхъ со мною о томъ мыслей. Сколько разъ желалъ ты ихъ возвращенія на землю, и чтобъ единодушная любовь одушевляла всѣхъ смертныхъ!" Не только въ содержаніи, но и во всемъ складѣ рѣчи подобныхъ статеекъ, повторяющихся въ началѣ каждаго изданія, какъ и вообще въ цѣломъ составѣ этого журнала, отразилось сильное вліяніе Карамзина. Самъ Подшиваловъ въ *Чтеніи для вкуса* писалъ совсѣмъ не такъ. Новою рѣчью заговорили и сотрудники его. Такъ въ письмѣ, при которомъ кто-то предлагаетъ издателямъ стихи для помѣщенія въ журналѣ, сказано: „Естьли они вамъ понравятся, естьли угодно вамъ будетъ оные напечатать въ вашемъ пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени, и естьли чувствительной, нѣжной, любезной [82] и привлекательной нашъ Стернъ, читая ихъ, произнесетъ: *изрядные;* то я постараюсь и впредь доставлять" и проч., а въ выноскѣ объяснено: „Я подъ симъ разумѣю почтеннаго нашего Издателя Московскаго Журнала и Сочинителя Аглаи. Весьма прискорбно нѣжной душѣ взирать на благодѣтельную Натуру, начинающую раздавать намъ

---

[1]) *Россійскій Магазинъ,* ч. I, стр. 198—205.
[2]) См. Приложеніе III.

дары свои, и не имѣть второй книжки Аглаи, которая чувствительнымъ слогомъ поблагодарила бы за оные“ [1]). Не отзывается ли здѣсь каждая строчка подражаніемъ слогу и языку Карамзина?

Такимъ образомъ Подшиваловъ является ближайшимъ послѣдователемъ и подражателемъ Карамзина, хотя ему и не удалось вполнѣ усвоить себѣ чистоту, правильность и легкость рѣчи послѣдняго. Но мы имѣемъ возможность еще точнѣе узнать понятія Подшивалова о слогѣ, окончательно развившіяся, очевидно, уже въ школѣ карамзинскаго языка. Изъ автобіографической записки его извѣстно, что *имъ* продиктованъ „Сокращенный курсъ Россійскаго слога“ [2]), изданный въ 1796 году (въ Москвѣ) ученикомъ его Скворцовымъ. Разсмотримъ же, какъ понималъ искуство писать подражатель Карамзина въ такое время, когда тотъ уже проложилъ новый путь въ этомъ дѣлѣ. Правда, что Подшиваловъ, указывая на книги, „къ основательному познанію Россійскаго языка много способствующія“, не называетъ сочиненій Карамзина; но послѣ того, какъ онъ на словахъ и на дѣлѣ уже высказалъ свое уваженіе къ этому писателю, такое молчаніе можно объяснить только тѣмъ, что недавній примѣръ Карамзина, какъ видно изъ намека въ другомъ мѣстѣ книжки (на который ниже будетъ указано), и безъ того уже вызвалъ много неискусныхъ ему подражателей, употреблявшихъ во зло нѣкоторыя особенности [83] его слога. Причиной, почему здѣсь не названъ Карамзинъ, могло быть еще и то, что онъ, вслѣдствіе связей съ Новиковымъ, подвергся подозрѣніямъ со стороны властей, и еще въ концѣ 1795 г. ходили о немъ *разные слухи, разсѣянные злобой и глупостью,* напримѣръ будто онъ сосланъ [3]). Выдавать за образецъ такого человѣка въ учебникѣ могло казаться не совсѣмъ благовиднымъ и безопаснымъ. Это тѣмъ правдоподобнѣе, что Дмитріевъ уже поименованъ между извѣстнѣйшими писателями [4]), и что въ главѣ: *Нѣчто о поэзіи* выписаны, въ числѣ другихъ стиховъ, и отрывки изъ стихотвореній Карамзина, но безъ имени его и только со ссылками на *Московскій Журналъ,* откуда они взяты. Не касаясь недостатковъ принятой въ основаніе *курса* системы и несоразмѣрности

---

[1]) *Пріятное и полезное препровожденіе времени* 1794, ч. II, стр. 230.

[2]) „Намѣревался я также“, говоритъ Подшиваловъ: „выдать *Начальныя основанія Россійскаго слога* въ трехъ томахъ... Матеріалы готовы; лѣнь и недостатокъ времени помѣшали трудъ сей окончить. Между тѣмъ, чтобъ пощупать пульсъ у публики, какъ она его приметъ, я заставилъ ученика своего Скворцова издать по временамъ мною диктованный ему *„Курсъ Россійскаго слога“ (Москвитянинъ,* 1842 г., № 1, стр. 179).

[3]) *Письма* къ Дм., стр. 62.

[4]) Образцами признаны, для прозы: сочиненія Ломоносова, Феофана, Гедеона, Платона и св. Дмитрія, особливо Четьи Минеи; для стиховъ: сочиненія Ломоносова же, Хераскова, Майкова, Сумарокова, Державина, Княжнина, *Дмитріева,* Богдановича и проч.

разныхъ частей ея, ограничусь выборомъ нѣкоторыхъ существенныхъ понятій изъ разныхъ мѣстъ этой книги.

Слогъ раздѣляется въ ней попрежнему на *высокій, посредственный* и *простой;* но въ основу такого дѣленія положены уже не ломоносовскіе, а другіе признаки: „*Простой* (слогъ) вообще не имѣетъ почти никакихъ украшеній, хотя и наблюдаетъ во всемъ нѣкоторую пристойность; *посредственный* напротивъ того имѣетъ свои украшенія, а *высокой* слова отборныя, мысли важныя и острыя, страсти великія и благородныя, фигуры для возбужденія оныхъ пристойныя". Въ этомъ дѣленіи смѣшаны внѣшніе признаки съ внутренними, и ничего опредѣлительнаго не сказано; но за то оно и поставлено какъ бы на второмъ планѣ. Въ основаніе же ученія о слогѣ положено вѣрное начало: „Всякой почти различно мыслитъ, слѣдовательно всякой имѣетъ и свой стиль"; къ чему прибавлено замѣчаніе, явно согласное съ ученіемъ Карамзина: „но мы того только называемъ хорошимъ стилистомъ, кто пишетъ *правильно* и *пріятно*". По отношенію къ своимъ внутреннимъ [84] качествамъ, слогъ раздѣленъ вообще на *худой* и *хорошій.* Худое выраженіе мыслей приписано незнанію языка и не довольно очищенному вкусу (опять та же карамзинская идея). Затѣмъ объяснено, что худо пишетъ тотъ, кто пишетъ: 1) *темно;* 2) *педантически:* „когда кто слишкомъ привязанъ къ *школярщинѣ,* къ древностямъ и чужестраннымъ вещамъ, не всякому извѣстнымъ"; 3) *принужденно:* „когда подражаетъ кто великимъ писателямъ, но не искусною рукою, или выказываетъ свою ученость, которой очень мало"; 4) *высокопарно* или *надуто:* „когда кто, говоря о маловажныхъ вещахъ, употребляетъ пышныя выраженія, или ложными прикрасами убираетъ матерію важную"; 5) *слишкомъ низко:* „когда кто употребляетъ простонародныя слова, охотникъ до пословицъ и побасенокъ и, кажется, хочетъ увеселить только шутливаго ротозея"; 6) *слишкомъ растянуто,* и 7) *слишкомъ коротко* [1]. О нѣкоторыхъ изъ этихъ свойствъ разсѣяны въ другихъ мѣстахъ книги еще подробнѣйшія замѣчанія. Такъ объ устарѣвшихъ словахъ сказано, что ихъ „не долженъ употреблять хорошій писатель, хотя бы и разумѣлъ ихъ, выключая нѣкоторыхъ славенскихъ; въ высокомъ слогѣ употребительныхъ" [2]. Высокопарныя реченія, упомянуто далѣе, „часто затмѣваютъ стиль и болѣе изобличаютъ педанта или школьника, безпрестанно проповѣдующаго о миріадахъ, лабиринтахъ, сферахъ, серафимахъ и пр. Въ семъ случаѣ не надобно подражать и великимъ людямъ, иногда въ томъ погрѣшающимъ, дабы не уподобиться придворнымъ Александра Великаго, которые для того держали голову на одну сторону, что государь ихъ

---

[1]) *Сокращенный курсъ Росс. слога,* стр. 87—97.
[2]) Тамъ же, стр. 43.

былъ кривошея“ [1]). Здѣсь довольно ясно высказано предостереженіе тѣмъ молодымъ писателямъ, которые, встрѣчая у Карамзина иностранныя слова, стали слишкомъ [85] неумѣренно употреблять ихъ. Въ подкрѣпленіе совѣта избѣгать простонародныхъ словъ приведены примѣры: *моркотно, обизорно, тремудитъ, разчетверивать, чичаговать.* (Сюда же отнесены и слова *провинціальныя,* которыя въ другихъ мѣстахъ Россіи понятны) [2]). Припомнимъ, что и Карамзинъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ своего поприща, смотрѣлъ такимъ же образомъ на простонародныя слова, когда они сообщаютъ низкую идею. Такъ онъ (въ 1793 г.) совѣтовалъ Дмитріеву исключить изъ одного стихотворенія „отвратительное“ слово *парень,* и находилъ, что при этомъ словѣ „является мыслямъ дебелый мужикъ, который чешется неблагопристойнымъ образомъ и утираетъ рукавомъ мокрые усы свои, говоря: *ай парень! что за квасъ!* Надобно признаться, что тутъ нѣтъ ничего интереснаго для души нашей!“ [3]).

Изъ свойствъ дурного слога выведены принадлежности хорошаго, который долженъ быть: 1) ясенъ; 2) негрубъ; 3) безъ всякаго принужденія; 4) натураленъ; 5) благороденъ; 6) обиленъ и 7) хорошо связанъ. Ясность признана первымъ свойствомъ „стиля“, требующимъ употребленія такихъ словъ, которыя были бы „понятны и несомнительны“. Условіемъ для того, чтобы писать негрубо, постановлено „обхожденіе съ просвѣщенными людьми“ и тутъ же оговорено: „мы не разумѣемъ однакожъ тѣхъ полуфранцузовъ, которые портятъ и наконецъ забываютъ свой языкъ“ [4]). Наконецъ, существеннымъ признакомъ хорошаго языка заявлена „совершенная одинаковость или единообразіе въ словахъ и теченіи оныхъ, безъ всякихъ скачковъ и неравностей“ [5]), то-есть именно то̀ свойство, которымъ проза Карамзина отличается отъ всего, что̀ до тѣхъ поръ писалось.

Ученіе о періодахъ и предложеніяхъ представляетъ сбивчивость, происходящую отъ неточнаго разграниченія самыхъ понятій, выражаемыхъ этими словами. Между прочимъ, однакожъ, [86] очень опредѣлительно сказано, что промежутки отъ одной точки до другой „въ старину бывали очень велики, такъ что періода однимъ духомъ весьма часто выговаривать было не можно; но нынѣ употребляются по боль-

---

[1]) Тамъ же, стр. 52. Слова̀ *миріады* и *сфера* встрѣчаются въ слѣдующей фразѣ Карамзина: „Кто чрезъ *миріады* блестящихъ *сферъ,* кружащихся въ голубомъ небесномъ пространствѣ“ и т. д. (*Аглая* I, *Нѣчто о наукахъ* и пр., стр. 69). Извѣстно другое его выраженіе: „святое, никакими *сферами* неограниченное желаніе всеобщаго блага“. (Тамъ же, *Что нужно автору?* стр. 29).

[2]) Тамъ же, стр. 43 и 44.

[3]) *Письма* къ Дмитріеву, стр. 39.

[4]) *Сокращ. курсъ,* стр. 92.

[5]) Тамъ же, стр. 44.

шей части пункты коротенкіе, по причинѣ труднаго пониманія длинныхъ. Словъ 8, 10 и 15 въ періодѣ, такъ и довольно“ [1]). Прежде; при долгихъ періодахъ, „союзы были необходимы; но нынѣ опущеніе ихъ, то-есть союзовъ соединительныхъ, особливую составляетъ пріятность; а особливо *стиль Французской, отъ всѣхъ нынѣ принимаемой,* не мало заимствуетъ отъ сего красы своей“ [2]). Здѣсь подчеркнутыя мною слова заслуживаютъ особеннаго вниманія: они показываютъ, какъ современники Карамзина смотрѣли на способъ изложенія, начинавшій распространяться въ русской литературѣ вслѣдствіе успѣха его сочиненій. И не удивительно, что такъ разумѣли карамзинскій слогъ, понявъ несообразность *латино-германскаго* строя рѣчи, который введенъ былъ Ломоносовымъ и такъ долго послѣ него держался.

Сообразно съ предыдущимъ, въ главѣ о переводахъ замѣчено, что требованіе вѣрности „не препятствуетъ иногда, для большей ясности и вразумительности, раздроблять большіе періоды, которые на Россійскомъ языкѣ могутъ быть и скучны и темны. Да и сверхъ того есть такіе случаи, въ которыхъ по необходимости можно нарушить дальнѣйшую точность въ переводѣ, и во 1-хъ несходство языковъ въ выраженіи можетъ побудить насъ къ такому поступку, а потому требуемая въ переводѣ ясность и удержаніе важности подлинника весьма часто помянутой точности бываютъ противны“. Въ такомъ же смыслѣ Подшиваловъ совѣтуетъ переводчикамъ „выражать все такими словами и съ такими притомъ оборотами, которые на нашемъ языкѣ не странны, не противны, но оному свойственны. Каждый языкъ имѣетъ свои собственныя выраженія, которыхъ на другой въ точности никакъ [87] перевесть не можно, и тогда переводчикъ долженъ ставить на мѣсто ихъ другія, но близкія и красоту и силу подлинника точно выражающія“ [3]). Вообще писатели должны остерегаться „не передѣлывать своего языка на образецъ чужестранныхъ“ [4]) и, безъ особенной надобности, не заимствовать реченій изъ другихъ языковъ: „если провинціальныя слова хулы достойны, то тѣмъ болѣе чужестранныя, а особливо развратителями языка безъ нужды употребляемыя“ [5]). Такому осужденію подвергнуты „тѣ вновь произведенныя слова, которыя скованы или выпечены молодыми, богатства нашего языка не знающими людьми, безъ всякой нужды и изъ одной безвременной щекотливости, чтобъ чрезъ то выказать себя или представить что либо особливое. Довольно примѣровъ тому въ новыхъ книгахъ, и жалко, естьли послѣдуетъ онымъ молодой съ дарованіями писатель, ибо та-

---

[1]) *Сокращ. курсъ Росс. слога,* стр. 20.
[2]) Тамъ же, стр. 29.
[3]) Тамъ же, стр. 38.
[4]) Тамъ же, стр. 52.
[5]) Тамъ же, стр. 45.

ковыя слова отчасти непонятны, отчасти невыразительны, а отчасти совершенно смѣшны" [1]).

Всѣ эти наставленія въ книгѣ, изданной въ послѣдній годъ царствованія Екатерины II, очень замѣчательны, доказывая, какъ нелѣпыя подражанія Карамзину осуждались самими разумными его послѣдователями гораздо прежде Шишкова, и какъ несправедливо послѣдній распространилъ свои обвиненія на всю новую школу и на самого ея основателя. Мнѣ казалось нелишнимъ остановиться нѣсколько долѣе на этой теперь уже рѣдкой книжкѣ, такъ какъ она, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не обращала на себя ничьего еще вниманія, а между тѣмъ необходимо имѣть ее въ виду и для ближайшаго опредѣленія началъ *новаго слога*, и для полной оцѣнки *Разсужденія* Шишкова. Сознавались ли эти начала до появленія Карамзина? По крайней мѣрѣ, мы не видимъ, чтобъ они были кѣмъ-нибудь выражены или приложены къ дѣлу: видимъ только частное осуществленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ [88] извѣстныхъ, прежде поименованныхъ мною родахъ сочиненій, которые писались *низкимъ* слогомъ. Не слышалось прежде и упрека въ излишнемъ употребленіи иностранныхъ словъ и галлицизмовъ. Усвоить себѣ тѣ новыя качества, которыя поражали въ рѣчи Карамзина, было не легко безъ особенныхъ свойствъ его духа, безъ его многосторонняго образованія и глубокаго знанія русскаго языка. Удивительно ли, что писатели, имѣвшіе всю добрую волю итти вслѣдъ за нимъ, но лишенные этихъ внутреннихъ условій, могли овладѣть только нѣкоторыми внѣшними признаками его рѣчи и, желая щеголять ими, довели ихъ до крайности? Фактъ одновременнаго появленія, въ 1790 годахъ, множества неискусныхъ подражателей языку Карамзина убѣдительнѣе всего доказываетъ образованіе въ его сочиненіяхъ *новаго слога*, — новаго не только своимъ содержаніемъ, но и формою.

Не всегда ли счастливо проложенный путь въ литературѣ привлекаетъ къ себѣ множество охотниковъ итти по свѣжимъ слѣдамъ смѣлаго пролагателя, и часто ли подражаніе удается?

Встрѣчая у Карамзина не употреблявшіяся до тѣхъ поръ слова и выраженія, авторы-новички хотѣли отличиться такими же нововведеніями, но не имѣли той же удачи въ своихъ попыткахъ. Мы знаемъ, что самъ Карамзинъ еще долго не былъ доволенъ господствовавшимъ въ литературѣ языкомъ: ему не нравился способъ изложенія не только противниковъ его, но и подражателей. Въ разговорѣ съ Каменевымъ (1800) онъ отозвался не очень благопріятно объ Измайловѣ [2]). Къ

[1]) *Сокращ. курсъ Росс. слога*, стр. 46.

[2]) „Въ письмахъ Измайлова замѣтилъ я нѣсколько періодовъ, съ меня копированныхъ; но ему простительно,—онъ по-русски не читалъ ничего кромѣ *Моихъ бездѣлокъ*" (*Вчера и сегодня*, 1845. Письмо Каменева).

Дмитріеву же онъ писалъ (1798), когда готовилъ сборникъ своихъ переводовъ,— *Пантеонъ иностранной словесности:* „Пока не выдаю собственныхъ своихъ бездѣлокъ, хочу служить публикѣ собраніемъ чужихъ піэсъ, не противныхъ вкусу и писанныхъ не совсѣмъ [89] *обыкновеннымъ Русскимъ*—то-есть, не совсѣмъ *пакостнымъ слогомъ*" [1]).

Само собою разумѣется, что тѣ, которые хотѣли остаться неподвижными въ старыхъ привычкахъ и пріемахъ письменнаго языка, не могли простить Карамзину его нововведеній и лучшее противъ него оружіе находили въ томъ, что́ писали неловкіе его подражатели. Болѣе всѣхъ должна была оскорбляться новымъ слогомъ Россійская академія, считавшая себя *законодательницей языка и вкуса.* Выше было уже показано, что Карамзинъ еще въ *Московскомъ Журналѣ* бросилъ перчатку академическимъ славяноманамъ, и вотъ одинъ изъ новобранцевъ академіи (избранный въ члены ея 16 декабря 1796 г.) выступаетъ впередъ рьянымъ борцомъ стараго слога. Книга Шишкова, за которою онъ, по собственному его сознанію, сидѣлъ три года [2]), до сихъ поръ еще не оцѣнена по всей справедливости. Правда, что уже Макаровъ, Мартыновъ, Дашковъ и Каченовскій отмѣтили въ ней много нелѣпостей; но ограниченность, безвкусіе, недостатокъ основательной учености и добросовѣстной критики, обнаруженные ея авторомъ, еще ждутъ себѣ заслуженнаго приговора.

Говорятъ, что книга Шишкова все-таки принесла свою пользу, и это несомнѣнно: всякая крайность имѣетъ ту хорошую сторону, что она предостерегаетъ отъ крайности противоположной; но парадоксъ тѣмъ не менѣе остается парадоксомъ. Говорятъ также, что Шишковъ въ сущности ратовалъ не за языкъ, а за чистоту вѣры и нравственности. Съ этимъ нельзя согласиться: сначала не было и рѣчи о чемъ-либо иномъ, кромѣ *слога,* котораго порча приписывалась только пристрастному предпочтенію французскаго языка и французскому воспитанію [3]); потомъ, уже [90] въ концѣ своего *Разсужденія,* Шишковъ, чувствуя недостаточность прямыхъ доводовъ, прибѣгнулъ къ другимъ и задѣлъ своихъ противниковъ опасеніемъ за ихъ религіозныя и патріотическія чувства [4]). Чѣмъ далѣе шла полемика, тѣмъ болѣе пользо-

---

[1]) *Письма* къ Дмитріеву, стр. 99.

[2]) „Меркуріи станутъ долговременные плоды упражненія моего въ языкѣ и трехълѣтній трудъ мой, употребленный на сочиненіе сей книги, опровергать двухъ-дневною работою своею!" *(Прибавленіе къ разсужд. о ст. и нов. сл.* Спб. 1804, стр. 96).

[3]) Шишковъ не замѣтилъ, что Карамзинъ въ *Вѣстникѣ Европы* самъ съ жаромъ возставалъ противъ такого пристрастія и во всемъ направленіи этого журнала обнаруживалъ патріотизмъ, который стоялъ никакъ не ниже *его* собственнаго (шишковскаго).

[4]) *Разсужд.*, стр. 303: „Сія ненависть къ языку своему (а съ нимъ понемногу, постепенно и къ сродству и къ обычаямъ и къ вѣрѣ и къ отечеству) такъ сильно вкоренилась въ насъ" и проч.

вался онъ этою уловкой; но спорившіе съ нимъ очень хорошо понимали настоящій смыслъ ея, и Дашковъ умно замѣтилъ: „Онъ считаетъ всякое *оружіе* противъ соперниковъ своихъ законнымъ“ [1]), а въ другомъ мѣстѣ: „Зачѣмъ къ обыкновеннымъ сужденіямъ о словесности примѣшивать посторонні укоризны въ неисполненіи обрядовъ, предписанныхъ церковію?“ [2]). Тѣ, которые защищались въ этой полемикѣ, вели себя гораздо благороднѣе Шишкова и отзывались о немъ, въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ своихъ, очень снисходительно.

Въ „Предувѣдомленіи“ къ первому изданію *Разсужденія* (1803) прямо говорится: „Сочиненіе сіе не иное что есть, какъ родъ веденной мною записки всему тому, что мнѣ при чтеніи разныхъ старинныхъ и новыхъ книгъ, *касательно до языка и слога,* замѣтить случилось“.

Въ заглавіи *Разсужденія* противопоставлены между собою *старый* и *новый слогъ.* Слѣдовательно, былъ *новый,* то-есть недавно образовавшійся слогъ. Откуда же онъ явился? съ чего или съ кого начался? Намъ говорятъ, что онъ былъ уже и прежде, въ сатирическихъ журналахъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, въ сочиненіяхъ Фонъ-Визина и Крылова; но если такъ, то отчего же въ 1803 году онъ названъ *новымъ?* Или онъ названъ такъ потому только, что къ нему примѣшались нѣкоторыя иностранныя слова? [91] Попытаюсь расположить въ нѣкоторомъ порядкѣ безсвязныя, безпрестанно повторяющія одно и то же обвиненія Шишкова; можетъ быть, изъ нихъ уже видно будетъ отчасти, что̀ именно сдѣлалъ Карамзинъ въ отношеніи къ языку.

Первымъ и важнѣйшимъ недостаткомъ *новаго слога* въ глазахъ Шишкова было исключеніе изъ него церковно-славянскихъ словъ и оборотовъ. Въ самомъ началѣ своего *Разсужденія* онъ жалуется, что *въ большей части нынѣшнихъ нашихъ книгъ* господствуетъ странный слогъ, и главную причину того видитъ въ пренебреженіи къ церковно-славянскому языку, *корню и началу русскаго.* Ошибочное понятіе объ отношеніи между обоими языками и было источникомъ всего неудовольствія Шишкова. Онъ не догадывался, что долговременное преобладаніе перваго надъ послѣднимъ въ литературѣ было явленіемъ, хотя и неизбѣжнымъ, но незаконнымъ, игомъ, которое могучій народный языкъ долженъ былъ рано или поздно сбросить съ себя. Произнеся свою жалобу, Шишковъ направляетъ первый ударъ не на Фонъ-Визина, не на Крылова или прежнихъ сатириковъ, а прямо на Карамзина. Онъ выписываетъ нѣсколько строкъ изъ *Пантеона Россійскихъ Авторовъ* [3]),

---

[1]) *Легчайшій способъ возражать на критики,* стр. 30.

[2]) *Цвѣтникъ,* изд. В. Измайловымъ и П. Никольскимъ (декабрь 1810 г.). Ч. VIII, стр. 431.

[3]) *Пантеонъ Россійскихъ Авторовъ,* ч. I, Москва, 1801. Изданіе Пл. Бекетова (въ листъ; печат. у Селивановскаго). Любопытно, что Карамзинъ, сообщая выдержки

только что изданнаго. Итакъ вотъ чтеніе, послужившее ему непосредственнымъ поводомъ къ начатію войны противъ новаго слога. Какое же мѣсто болѣе всего обратило на себя его вниманіе? Это слѣдующія слова изъ замѣтки о Кантемирѣ: „Раздѣляя слогъ нашъ на эпохи, первую должно начать съ Кантемира, вторую съ Ломоносова, третью съ переводовъ Славяно-русскихъ г. Елагина, а четвертую съ нашего времени, въ которое образуется пріятность слога, *называемая Французами* (92) *élégance*“ (послѣднія три слова исключены Карамзинымъ изъ позднѣйшихъ изданій *Пантеона* въ собраніи его сочиненій). Въ этомъ небольшомъ отрывкѣ Шишкову представилась многообразная ересь: 1) неуваженіе къ славяно-русскому языку; 2) мысль, что слогъ нашъ сталъ пріобрѣтать пріятность независимо отъ церковно-славянскаго; 3) означеніе этого новаго свойства французскимъ словомъ; 4) отнесеніе Ломоносова къ законченному уже періоду развитія литературнаго языка. Шишковъ не могъ простить Карамзину, что не видѣлъ у него „краснорѣчиваго смѣшенія Славенскаго величаваго слога съ простымъ Россійскимъ“ и умѣнія „высокій Славенскій слогъ съ просторѣчивымъ Россійскимъ такъ искусно смѣшивать, чтобъ высокопарность одного изъ нихъ пріятно обнималась съ простотою другаго“ [1]). Такое смѣшеніе, какъ выше показано, встрѣчалось у всѣхъ прежнихъ писателей, не исключая Фонъ-Визина и Крылова, когда они сходили съ почвы *низкаго штиля:* оно составляло принадлежность стараго слога, переходившаго иногда въ то *славяномудріе*, противъ котораго Карамзинъ, первый, открыто возсталъ еще въ *Московскомъ Журналѣ*. Шишковъ не забылъ одной сказанной тамъ фразы и теперь повторяетъ ее: „Слогъ нашего переводчика (то-есть переводчика *Неистоваго Роланда)* можно назвать изряднымъ: онъ не надутъ славянщизною и довольно чистъ“ [2]).— „Что иное значитъ слово сіе“ *(славянщизна)*, спрашиваетъ Шишковъ съ негодованіемъ, „какъ не презрѣніе ко всему Славенскому языку?“

Вторымъ обвинительнымъ пунктомъ его было излишнее употребленіе французскихъ словъ и оборотовъ, какъ-то: *моральный, эстетическій, эпоха, гармонія, энтузіазмъ, катастрофа, серіозно, меланхолія, миѳологія, религія, рецензія, героизмъ, быть на сценѣ, выходить на сцену* и т. п. Не находя у самого Карамзина довольно словъ и реченій этого рода, онъ отыскиваетъ ихъ у [93] самыхъ плохихъ писакъ и призываетъ своего противника къ отвѣту за всѣ ихъ нелѣпыя заимствова-

---

изъ своего текста къ этому изданію въ № 20 *Вѣстника Европы* 1802 года, пишетъ: „Пантеонъ *Русскихъ*“ (а не Россійскихъ) *„авторовъ“*. Въ *Письмахъ къ Дмитріеву* (стр. 115) онъ называетъ *нотицами* эти свои замѣтки о русскихъ писателяхъ. Изъ рѣдкаго экземпляра *Пантеона* въ здѣшней Публичной библіотекѣ бóльшая часть портретовъ, къ сожалѣнію, вырѣзана какимъ-то безсовѣстнымъ читателемъ.

[1]) *Разсужд.*, стр. 14.

[2]) *Моск. Журн.* 1791, ч. II, стр. 324.

нія. Онъ не замѣчаетъ, что самъ часто грѣшитъ галлицизмами, что способенъ, какъ указалъ Дашковъ, „соблюсти даже цѣлыми страницами французское словосочиненіе“, и не перестаетъ „вопіять противъ галлицизмовъ“ [1]).

Въ связи съ этимъ онъ упрекаетъ Карамзина за его начитанность, за его знакомство съ Боннетомъ, Вольтеромъ, Юнгомъ, Томсономъ, Оссіаномъ, Стерномъ, Лафатеромъ, Кантомъ и другими писателями, которыхъ тотъ будто бы „твердитъ на каждой страницѣ“, выучившись у нихъ русскому, *на бредъ похожему* языку. Вмѣсто ихъ, критикъ ставитъ въ образецъ, между прочимъ, труды Ломоносова, Сумарокова, Мотониса, Крашенинникова [2]), Полѣтики, Павла Кутузова и Ивана Захарова. При чтеніи *Пантеона Россійскихъ Авторовъ*, отъ вниманія Шишкова страннымъ образомъ ускользнуло, что составитель этихъ замѣтокъ также былъ знакомъ съ древнею русскою литературой, что кромѣ Боннета, Вольтера, Юнга и проч. онъ читалъ Нестора, пѣснь о Полку Игоревѣ Ѳеофана, Димитрія Ростовскаго, и словомъ, если не все, то по крайней мѣрѣ многое изъ того, что́ читалъ самъ защитникъ стараго слога, поражающій насъ слабыми познаніями своими въ иностранныхъ языкахъ и литературахъ.

Далѣе новые писатели обвиняются въ составленіи русскихъ словъ и реченій по иностранному образцу (въ *юродивомъ переводѣ* и *выдумкѣ словъ и рѣчей)*, какъ-то: *трогательный, занимательный, сосредоточить, представитель, начитанность, обдуманность, оттѣнокъ, страдательная* роль, *гармоническое* цѣлое и [94] мн. др. При этомъ Шишкова особенно сердитъ, что многимъ словамъ, уже прежде существовавшимъ, придается новое, болѣе духовное значеніе,—напримѣръ, что слова́ *развить, развитіе, утонченный, утонченность, переворотъ* стали употребляться въ смыслѣ не собственномъ (подобно французскимъ développer, raffiné, révolution. Болѣе всего не нравится ему слово *развитіе*, напримѣръ въ выраженіи *развитіе характера*, и онъ считаетъ совершенно равносильнымъ *прозябеніе*, которое и употребляетъ такимъ образомъ въ своемъ *Разсужденіи* (напримѣръ, пишетъ: „прозябеніе талантовъ“) [3]). „Какъ же“, спрашиваетъ онъ, „вводимъ мы съ Французскаго языка въ Русской такое выраженіе, которое сами Французы на своемъ языкѣ

---

[1]) *Легчайшій способъ*, стр. 10.

[2]) Въ *Пантеонѣ Росс. авторовъ* есть замѣтка и о Крашенинниковѣ (1713—1755). Въ его описаніи Камчатки Карамзинъ видитъ недостатокъ „пріятности“; въ переводѣ же Квинта-Курція, который въ свое время считался классическимъ, признаетъ нѣкоторое достоинство въ сравненіи съ другими переводами древнихъ писателей (см. выше стр. 56). Но въ статьѣ *о русской грамматикѣ француза Модрю* (1803) онъ говоритъ: „Классическій авторъ Русскаго языка есть для г. Модрю Крашенинниковъ; изъ его Квинта-Курція приведены сіи щастливыя фразы“. (Слѣдуетъ выписка дурныхъ выраженій).

[3]) *Разсужд.*, стр. 164, 422.

употреблять сочли бы за безобразіе? По истинѣ разумъ и слухъ мой страдаютъ, когда мнѣ говорятъ: *Ночныя бесѣды, въ которыхъ развивались первыя мои метафизическія понятія*". Фраза эта взята изъ статьи Карамзина: *Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона* [1]). „Для чего", замѣчаетъ критикъ далѣе, „въ вышесказанной рѣчи не сказать: въ которыхъ первыя мои понятія *прозябали?*" [2]). Такъ же строго осуждаетъ онъ выраженіе Карамзина: „когда путешествіе сдѣлалось потребностію души моей" [3]) и спрашиваетъ: „Свойственно ли по-русски говорить: *потребность души моей,* и можно ли путешествіе назвать *потребностію, надобностію,* или *нуждою* души? Естьли сочинителю мало показалось сказать: *когда я любилъ путешествовать,* то могъ бы онъ премногими другими сродными языку нашему оборотами рѣчь сію выразить, какъ напримѣръ: *когда душа моя питалась, услаждалась путешествіями;* или *когда путешествіе было единымъ изъ вожделѣннѣйшихъ желаній моихъ*". Въ наше время подобныя сужденія такъ много говорятъ сами за себя, что нѣтъ уже надобности, вмѣстѣ съ Макаровымъ [4]), разбирать это мѣсто. [95]

Не менѣе усердно Шишковъ, въ своей книгѣ, преслѣдуетъ неправильное, то-есть, несогласное съ законами русскаго языка образованіе нѣкоторыхъ словъ и реченій, наприм., *вліяніе на*—, *будущность;* сюда же относитъ онъ сравнительныя: *картиннѣе, напряженнѣе, человѣчнѣе,* а равно несообразное, по его понятіямъ, словосочетаніе, напримѣръ: *излишнее* самолюбіе (въ чемъ, какъ онъ увѣряетъ, нѣтъ смысла) или *лошадь, покрытая пóтомъ* („ибо простыя и низкія понятія важнымъ и возвышеннымъ слогомъ описывать неприлично"). Что касается слова *вліяніе,* то оно употреблялось еще до Карамзина, между прочимъ въ рѣчахъ московскихъ профессоровъ, но прежде дополнялось различными предлогами: то *въ,* то *надъ,* то *на.* Въ примѣръ неудачныхъ нововведеній Шишковъ приводитъ такую, по его мнѣнію, *вздорную рѣчь:* „авторскою дѣятельностью имѣть вліяніе на современниковъ", или выставляетъ на позоръ изъ *Писемъ Русскаго путешественника* слѣдующій переводъ замѣтки Лафатера: „Мудрый отличается отъ слабоумнаго только средствами самочувствованія. Чѣмъ простѣе, вездѣсущнѣе, всенаслаждительнѣе, постояннѣе и благодѣтельнѣе есть средство или предметъ, въ которомъ или черезъ который мы сильнѣе существуемъ, тѣмъ существеннѣе мы сами, тѣмъ вѣрнѣе и радостнѣе бытіе наше,—тѣмъ мы мудрѣе, свободнѣе, любящѣе, любимѣе, живущѣе, оживляющѣе, блаженнѣе, человѣчнѣе, божественнѣе, съ цѣлію бытія нашего сообразнѣе" [5]). Но Карамзинъ и самъ не выдавалъ этого перевода за образцовый: онъ

[1]) и [3]) Соч. Карамз., изд. Смирд., т. III, стр. 361 и 363.
[2]) *Разсужд.,* стр. 290, 291.
[4]) *Моск. Меркурій,* декабрь 1803, стр. 191, 192.
[5]) Соч. Карамз., т. II, стр. 243, 244.

хотѣлъ только въ точности передать мысли швейцарскаго мудреца (какимъ считалъ Лафатера) и для того переводилъ слово въ слово, ставя въ скобкахъ нѣкоторыя слова подлинника. Это не что иное, какъ смѣлая попытка. Тѣмъ не менѣе Шишковъ говоритъ: „Я не знаю, Лафатеръ ли взлетѣлъ выше предѣловъ моего ума, или переводчикъ его туда поднялъ, но дѣло въ томъ, что я изъ нихъ ни того, ни другаго не понимаю. Положимъ, что я по тупости моего ума (хотя уже лѣтъ десятка три и [96] побольше упражняюсь въ наукахъ) не могу понимать высокихъ мыслей; но я не разумѣю словъ, то какъ же требовать отъ меня, чтобъ я разумѣлъ мысль, которая безъ словъ существовать не можетъ?“ [1]). Замѣтимъ однакожъ, что о приведенномъ мѣстѣ можно судить только въ связи съ другими мыслями, которыми Лафатеръ отвѣчалъ на вопросъ русскаго путешественника: „Какая есть всеобщая цѣль бытія нашего, равно достижимая для мудрыхъ и слабоумныхъ?“

Для объясненія, какъ Карамзинъ поступалъ при употребленіи еще необработаннаго литературнаго языка, чрезвычайно важна статья его въ *Вѣстникѣ Европы:* „Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?“ [2]). Шишковъ не могъ ею не воспользоваться для своей цѣли, и дѣйствительно въ его *Разсужденіи* мы находимъ длинный разборъ нѣкоторыхъ мѣстъ ея, между прочимъ слѣдующаго: „Истинныхъ Писателей было у насъ еще такъ мало, что они не успѣли дать намъ образцевъ во многихъ родахъ; не успѣли обогатить словъ тонкими идеями; не показали, какъ надобно выражать пріятно нѣкоторыя, даже обыкновенныя мысли. Русской Кандидатъ Авторства, недовольный книгами, долженъ закрыть ихъ и слушать вокругъ себя разговоры, чтобы совершеннѣе узнать языкъ. Тутъ новая бѣда: въ лучшихъ домахъ говорятъ у насъ болѣе по-Французски!.. Чтожъ остается дѣлать Автору? выдумывать, сочинять выраженія; угадывать лучшій выборъ словъ; давать старымъ нѣкоторый новый смыслъ, предлагать ихъ въ новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть отъ нихъ необыкновенность выраженія! Мудрено ли, что сочинители нѣкоторыхъ Русскихъ комедій и романовъ не побѣдили сей великой трудности, и что свѣтскія Дамы не имѣютъ терпѣнія слушать или читать ихъ, находя, что такъ не говорятъ люди со вкусомъ?.. Французскій языкъ весь въ книгахъ (со всѣми красками и тѣнями, какъ въ живописныхъ картинкахъ), [97] а Русской только отчасти; Французы пишутъ, какъ говорятъ, а Русскіе обо многихъ предметахъ должны еще говорить такъ, какъ напишетъ человѣкъ съ талантомъ“. Далѣе, замѣчая, что у насъ такъ много обстоятельствъ, отвлекающихъ моло-

---

[1]) *Разсужд.*, стр. 348, 349.
[2]) *Вѣстникъ Европы* 1802, № 14, стр. 124.

дого человѣка отъ ученья, Карамзинъ спрашиваетъ: „Кому у насъ десять, двадцать лѣтъ рыться въ книгахъ, быть наблюдателемъ, всегдашнимъ ученикомъ, писать и бросать въ огонь написанное, чтобы изъ пепла родилось что нибудь лучшее?“ Въ цѣломъ этомъ отрывкѣ каждое слово заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что Карамзинъ очевидно выражаетъ здѣсь пріобрѣтенное опытомъ сознаніе тѣхъ трудностей, съ которыми самъ онъ въ началѣ своего поприща долженъ былъ бороться, а вмѣстѣ съ тѣмъ обозначаетъ, въ указаніяхъ своихъ, и собственные свои пріемы въ авторскомъ дѣлѣ. Не о себѣ ли онъ говорилъ не разъ, что взялъ свой языкъ *изъ камина?* [1])—Если такимъ образомъ послѣдняя фраза приведеннаго отрывка имѣетъ отношеніе къ нему самому, то тѣмъ вѣрнѣе и все предыдущее, какъ болѣе существенное, должно быть примѣнено къ собственной его дѣятельности.

Это подтверждается какъ другимъ его же свидѣтельствомъ, такъ и отзывомъ Макарова. Прежде нежели была написана статья *Вѣстника Европы,* Карамзинъ говорилъ Каменеву: „Вознамѣрясь выйти на сцену, я не могъ сыскать ни одного изъ Русскихъ сочинителей, который бы былъ достоинъ подражанія, и отдавая всю справедливость краснорѣчію Ломоносова, не упустилъ я замѣтить штиль его *дикій, варварскій,* вовсе не свойственный нынѣшнему вѣку, и старался писать чище и живѣе. Я имѣлъ въ головѣ нѣкоторыхъ иностранныхъ Авторовъ: сначала подражалъ имъ, но послѣ писалъ уже *своимъ,* ни отъ кого *не заимствованнымъ* слогомъ. И это совѣтую всѣмъ подражающимъ мнѣ [98] сочинителямъ, чтобы не всегда и не вездѣ держаться *оборотовъ моихъ,* но выражать свои мысли такъ, какъ имъ кажется живѣе“ [2]). Макаровъ, упомянувъ объ успѣхахъ просвѣщенія Россіи въ царствованіе Екатерины II, доказываетъ необходимость новыхъ словъ для новыхъ понятій, которыхъ, по его замѣчанію, тысячи порождены въ умѣ нашемъ чужестранными обычаями: „вкусъ очистился; читатели не хотятъ, не терпятъ выраженій противныхъ слуху; болѣе двухъ третей Рускаго Словаря остается безъ употребленія: что дѣлать? искать *новыхъ средствъ изъясняться*“. Эти разсужденія прямо приводятъ Макарова къ указанію на Карамзина, который, какъ онъ выражается, „очистилъ, украсилъ нашъ языкъ“ [3]).

Но Шишковъ этого не призналъ, и, разбирая приведенныя выше

---

[1]) Изъ рукописныхъ воспоминаній Ѳ. Н. Глинки: „Я спросилъ еще его: откуда взяли вы, Николай Михайловичъ, такой чудный слогъ?—Онъ отвѣчалъ: Изъ камина.—Какъ, изъ камина?—А такъ: я переводилъ одно и то же разъ, два и три раза, и прочитавъ и обдумавъ, бросалъ *въ каминъ,* пока наконецъ доходилъ до того, что могъ издать въ свѣтъ“.

[2]) *Вчера и сегодня,* изд. гр. Соллогубомъ, кн. I, Спб. 1845.

[3]) *Моск. Мерк.,* дек., стр. 162—164. Ср. тамъ же апр., стр. 73.

строки изъ статьи *Вѣстника Европы*, онъ останавливается почти надъ каждымъ словомъ то съ софизмомъ, то съ ироніей. Между тѣмъ однакожъ самъ онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ [1]), что „изобрѣтать и распространять знаменованіе словъ есть дѣло искусныхъ писателей"; только къ этому онъ прибавляетъ: (писателей) „знающихъ корни языка своего и умѣющихъ производить отъ нихъ сродныя имъ отрасли, которыя, хотя при первомъ появленіи своемъ и кажутся для отвыкшихъ отъ нихъ ушей нѣсколько странны, но вскорѣ, по отысканіи источника ихъ, становятся понятны разуму и пріятны слуху" [2]). Въ первой части этой оговорки выражено очень вѣрное начало, которое, какъ увидимъ ниже, признавалъ и самъ Карамзинъ. Но какія опасности оно представляетъ въ исполненіи, убѣдительно доказалъ самъ Шишковъ. Совѣтуя, для передачи новыхъ мыслей, держаться исключительно церковныхъ книгъ и старинныхъ писателей, онъ предлагаетъ, между прочимъ, *наитіе* или *наитствованіе* вмѣсто „вліяніе", отвергаетъ *развитіе* только потому, что его нѣтъ въ старыхъ [99] книгахъ, и предпочитаетъ ему *прозябеніе;* далѣе требуетъ удержанія такихъ словъ, какъ *непщевать, гобзованіе, одебелѣть, приснотекущій, любомудріе, умодѣліе, ядца* (плоти) и *піица* (крови). Даже нѣкоторые техническіе термины, по его мнѣнію, прекрасно переведены, какъ напримѣръ, параллельныя линіи названы *минующими чертами*, хорда—*подтягающею*, діаметръ—*размѣромъ*, центръ—*остію* и проч. „Таковыя и симъ подобныя слова", полагаетъ онъ, „нужны намъ, онѣ обогащаютъ языкъ нашъ и наполняютъ его новыми понятіями... Бросимъ", заключаетъ Шишковъ въ одномъ примѣчаніи къ *Разсужденію* [3]), „чужеземный составъ рѣчей, придержимся собственнаго своего слога и станемъ *новыя мысли свои* выражать *старинныхъ предковъ нашихъ складомъ*". Во взглядѣ на этотъ предметъ, Шишкова значительно опередилъ даже Ломоносовъ, который допускалъ только, и то въ высокомъ слогѣ, слова, понятныя всякому русскому и не слишкомъ обветшалыя. Въ концѣ *Разсужденія* помѣщена элегія, представляющая въ каждомъ стихѣ пародію на языкъ Карамзина. Вотъ первые стихи ея:

„*Потребностей* моихъ единственный *предметъ!*
Красотъ твоей души *моральный, милый* свѣтъ
Всю *физику* мою *приводитъ въ содраганье:*
Какое на меня ты дѣлаешь *вліянье!*"

Такимъ образомъ книга о старомъ и новомъ слогѣ начинается и кончается выходками противъ Карамзина: хотя онъ въ ней нигдѣ и не названъ, хотя бо́льшая часть ея выписокъ сдѣлана изъ разныхъ

---

1) *Разсужд.*, стр. 290.
2) Тамъ же, стр. 291.
3) Тамъ же, стр. 420.

плохихъ и посредственныхъ писателей, подражавшихъ Карамзину безъ всякаго умѣнья, однакожъ очевидно, что она направлена собственно противъ него, какъ родоначальника новаго слога. Когда Макаровъ, издававшій *Московскій Меркурій* въ самый годъ выхода въ свѣтъ *Разсужденія,* въ послѣднемъ нумерѣ своего журнала напечаталъ разборъ этой книги, то Шишковъ, [100] возражая ему, объявилъ, „что онъ въ то время, когда писалъ ее, не только журнала, называемаго Московскимъ Меркуріемъ, не читалъ, но ниже слышалъ, что оный есть на свѣтѣ“ [1]). Итакъ, Шишковъ не замѣтилъ самаго разумнаго и ловкаго изъ послѣдователей Карамзина, и обратилъ вниманіе на бездарныхъ его подражателей, которые не могли имѣть никакого значенія для судьбы литературнаго языка. Изъ сочиненій же самого Карамзина не приведено имъ, кромѣ нѣсколькихъ иностранныхъ словъ, ничего такого, чтó бы дѣйствительно доказывало недостатки новаго слога.

Переходя затѣмъ къ заключеніямъ, которыя могутъ быть выведены изъ всего изложеннаго, отдѣлимъ сперва чисто-внутреннюю сторону сочиненій Карамзина, *матерію* или содержаніе, новость котораго въ нихъ можетъ быть такъ же мало оспариваема, какъ и значеніе этого элемента для другой ихъ стороны, или *формы.* Въ послѣдней отличимъ опять *слогъ* и *языкъ.* Согласимся, что *слогъ,* въ тѣсномъ смыслѣ,—это характеръ изложенія, это въ отношеніи къ рѣчи то же, чтó походка въ движеніи тѣла, почеркъ въ письмѣ, физіономія въ чертахъ и выраженіи лица; *языкъ* писателя—это общее орудіе мысли въ распоряженіи отдѣльнаго лица, орудіе, употребляемое каждымъ съ бóльшимъ или меньшимъ знаніемъ или умѣньемъ.

Во время Карамзина у насъ еще не отличали слога отъ языка писателя: этихъ двухъ понятій не раздѣляли ни самъ онъ, ни его противники; какъ онъ, въ приведенныхъ отрывкахъ, такъ и Шишковъ, во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ, говорятъ о слогѣ вообще, то-есть въ обширномъ смыслѣ, разумѣя и слогъ собственно и языкъ. Но для точнаго опредѣленія особенностей писателя въ изложеніи, необходимо строго держаться обозначеннаго нами различія.

Слогъ Карамзина—это собственно то, чтó г. Лавровскій называетъ „совершенно органическимъ продуктомъ врожденныхъ [101] способностей его, духовной организаціи и всего его образованія, всей совокупности образовательныхъ элементовъ, вошедшихъ въ его душу и участвовавшихъ въ окончательной выработкѣ его общаго душевнаго настроенія“ [2]); къ слогу Карамзина относится сказанное далѣе тѣмъ же авторомъ: „онъ былъ дѣйствительно новымъ по симпатичности, нѣжности, сердечности, исходившимъ изъ природы Карамзина“ [3]).

---

[1]) *Прибавленіе* къ Разсужденію, стр. 170.

[2]) и [3]) *Карамзинъ и его литературная дѣятельность,* стр. 41.

Можно прибавить, что въ его слогѣ выразилась также его потребность въ гармоніи, въ музыкальности языка, потребность придать своей рѣчи тѣ мягкіе и нѣжные тоны, которые бы соотвѣтствовали самому настроенію его души. Это былъ опять новый элементъ рѣчи, котораго, по крайней мѣрѣ *въ прозѣ*, не было еще ни у кого изъ русскихъ писателей, и который пришелся такъ по вкусу тогдашняго русскаго общества. Ломоносовъ и его преемники обращались преимущественно къ уму и воображенію; Карамзинъ заговорилъ языкомъ сердца, и ему понадобилось новаго рода сладкозвучіе.

Слогъ не подлежитъ ни точному опредѣленію правилами, ни заимствованію; ему можно болѣе или менѣе удачно подражать, можно подъ него поддѣлываться; но онъ все-таки остается индивидуальною принадлежностью каждаго писателя [1]). Поэтому, оставляя въ сторонѣ *слогъ* Карамзина, обратимся теперь къ его *языку*, и здѣсь опять, прежде всего, припомнимъ, что языкъ вообще представляетъ двѣ стороны— *синтактическую* (строй рѣчи) и *лексическую* (составъ и формы языка).

„Было бы странно", замѣчаетъ справедливо г. Лавровскій, „говорить въ настоящее время о какомъ-то намѣренномъ сближеніи Карамзинымъ нашего языка съ французскимъ или англійскимъ" [2]). [102] Дѣйствительно, нельзя принять, чтобъ онъ, какъ утверждали у насъ прежде и какъ нѣкоторые до сихъ поръ повторяютъ (со словъ Шевырева), „*сблизилъ* русскій языкъ *съ тѣми европейскими*, которые въ своей конструкціи слѣдуютъ простому и естественному порядку" [3]). Какъ же понимать признаніе Карамзина Каменеву, что онъ сначала *подражалъ иностраннымъ авторамъ?* Мы знаемъ, что Карамзинъ въ молодости восхищался первостепенными французскими, нѣмецкими и англійскими писателями. Читая въ то же время и русскія книги, онъ не могъ не чувствовать разности впечатлѣнія, какое тѣ и другія на него производили языкомъ своимъ. У однихъ онъ находилъ легкость, простоту, непринужденность изложенія, соединенныя съ изяществомъ, съ красотою; въ другихъ его непріятно поражали неровность языка, шероховатыя, часто грубыя выраженія, тяжелый строй рѣчи, неестественное словорасположеніе. Понятно, что онъ сталъ думать о томъ, какъ бы и русской рѣчи придать свойства, которыя производили бы такое

---

[1]) Иногда слогъ, еще и теперь, принимается въ болѣе обширномъ смыслѣ,—какъ особенный складъ рѣчи, свойственный каждому языку (*О преподаваніи отечественнаго языка*, г. Буслаева, изд. 1844, ч. II, стр. 375). Но при анализѣ формы изложенія мыслей у отдѣльнаго писателя необходимо давать слогу болѣе тѣсное значеніе. Въ этомъ только смыслѣ вѣрно извѣстное замѣчаніе Бюффона, что *въ слогѣ весь человѣкъ* (Le style est tout l'homme).

[2]) *Карамзинъ и его литер. дѣят.*, стр. 41.

[3]) *Рѣчи, произнесенныя въ университетѣ св. Владиміра:* „Карамзинъ, какъ преобразователь русскаго языка", рѣчь г. Линниченко, стр. 35.

же благопріятное впечатлѣніе. Вотъ въ какомъ смыслѣ онъ сталъ подражать иностраннымъ писателямъ. Это никакъ не значитъ, чтобъ онъ въ строеніи русской рѣчи примѣнялся къ французскому или англійскому синтаксису. Замѣчая, что въ богатѣйшихъ литературахъ мало разницы между языкомъ книжнымъ и разговорнымъ образованнаго общества, онъ попалъ на справедливую мысль сблизить русскій письменный языкъ съ русскимъ разговорнымъ, не столько удалившимся отъ народнаго, какъ первый. Когда же разговорный языкъ не представлялъ достаточныхъ средствъ для выраженія новыхъ идей, Карамзинъ естественно призналъ необходимымъ прибѣгать или къ заимствованію готовыхъ иностранныхъ словъ, или къ образованію соотвѣтствующихъ русскихъ. Въ случаяхъ, когда русская разговорная рѣчь оказывалась не довольно обработанною, онъ совѣтовалъ и наоборотъ *говорить* такъ, какъ сталъ бы *писать* [103] человѣкъ съ талантомъ [1]), то-есть, онъ старался въ подобныхъ случаяхъ такъ выражаться на письмѣ, чтобъ его языкъ годился и для разговора въ образованномъ обществѣ. Въ такомъ смыслѣ и Макаровъ, вполнѣ усвоившій себѣ понятія Карамзина въ этомъ дѣлѣ, говорилъ, что современные писатели стараются образовать *одинъ* языкъ „для книгъ и для общества, чтобы писать какъ говорятъ и говорить какъ пишутъ“ [2]). На исходную точку Карамзина въ стилистикѣ очень опредѣлительно указываютъ слѣдующія слова того же Макарова: „Фоксъ и Мирабо говорили отъ лица и передъ лицемъ народа, или передъ его повѣренными, такимъ языкомъ, которымъ всякой, естьли умѣетъ, можетъ говорить въ обществѣ; а языкомъ Ломоносова мы не можемъ и *не должны* говорить, хотя бы умѣли... Есть *правила общія* для сочиненія на всѣхъ языкахъ... есть *вкусъ*, который пріобрѣтается единственно посредствомъ сравненія... Хотимъ сочинять фразы и производить слова по *своимъ* понятіямъ, *нынѣшнимъ*, умствуя какъ Французы, какъ Нѣмцы, какъ всѣ нынѣшніе просвѣщенные народы“ [3]). Какъ вѣрно здѣсь переданы мысли самого Карамзина, видно изъ словъ его въ академической рѣчи 1818 года: „Мы не хотимъ подражать иноземцамъ, но пишемъ, какъ они пишутъ: ибо живемъ, какъ они живутъ; читаемъ, что они читаютъ; имѣемъ тѣ же образцы ума и вкуса“ [4]).

Ясно, что прежде всего Карамзинъ озабоченъ былъ тѣмъ, чтобъ языкомъ своихъ сочиненій удовлетворять образованному эстетическому чувству: онъ захотѣлъ придать слогу *пріятность*, или изящество (élégance), писать *со вкусомъ*. Мы уже видѣли изъ собственныхъ его

[1]) См. выше, стр. 71, отрывокъ изъ статьи: „Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?“

[2]) *Московскій Меркурій*, декабрь 1803 г., стр. 180.

[3]) Тамъ же, стр. 180, 183, 168, 170.

[4]) Соч. Карамзина, т. III, стр. 649.

выраженій, что онъ находилъ „длинные" ломоносовскіе періоды „утомительными", расположеніе ихъ не „всегда сообразнымъ съ теченіемъ мыслей, не всегда пріятнымъ для [104] слуха". Было также показано, что до Карамзина господство ломоносовскаго синтаксиса въ русской прозѣ, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ родовъ сочиненій, не прекращалось; иначе и быть не могло: Ломоносовъ еще всѣми былъ признаваемъ за образецъ языка и слога. Карамзинъ отнесся къ нему критически и высказалъ неодобреніе его стилистическихъ началъ. Въ противоположность имъ онъ считалъ нужнымъ:

1) Писать *недлинными, неутомительными* предложеніями.

2) Располагать слова *сообразно съ теченіемъ мыслей* и съ особыми *законами* языка. „Лучшій, то-есть истинный порядокъ", по замѣчанію Карамзина, „всегда *одинъ* для расположенія словъ; Русская грамматика не опредѣляетъ его: тѣмъ хуже для дурныхъ писателей!" [1]).

Эти два правила относятся къ синтаксису, котораго упрощеніе, такимъ образомъ, совершилось въ сочиненіяхъ Карамзина вовсе не въ силу подражанія французскому или англійскому языку, а въ силу потребности русскаго ума и вкуса.

Были ли у Карамзина новые обороты? Нынѣшній читатель почти не замѣтитъ ихъ въ его сочиненіяхъ; между тѣмъ мыслящіе люди изъ его современниковъ, Макаровъ, Дашко́въ и др., находили у него новизну и въ этомъ отношеніи. Самъ онъ также высказалъ убѣжденіе, что писателю его времени нужно было нѣкоторое творчество въ выраженіяхъ, и сверхъ того прямо свидѣтельствовалъ (въ приведенномъ отвѣтѣ Каменеву) о самобытности своихъ оборотовъ. Ключемъ къ уразумѣнію этихъ показаній можетъ служить его же поясненіе, что надобно „предлагать слова въ новой связи, но такъ искусно, чтобъ скрыть отъ читателя необыкновенность выраженія". Величайшее искуство Карамзина, какъ стилиста, въ томъ и обнаружилось, что онъ безъ всякихъ повидимому усилій, безъ рѣзкихъ и разительныхъ нововведеній, рѣшилъ задачу мыслящаго писателя, имѣющаго дѣло съ неустановившимся и мало разработаннымъ литературнымъ языкомъ. Еще [105] и въ наше время всякій русскій писатель по опыту знаетъ, легка ли борьба мысли съ выраженіемъ па языкѣ, менѣе другихъ развитомъ; а между тѣмъ русскій языкъ послѣ Карамзина конечно ушелъ впередъ. Чтобъ оцѣнить заслугу Карамзина съ этой стороны, всего поучительнѣе опять сравнить его изложеніе съ тѣмъ, что́ писалось другими до него и еще долго при немъ. Уже Макаровъ предлагалъ, вмѣсто длинныхъ толкованій о фразахъ, „сравнить два хорошихъ сочиненія *одного рода*, старое и новое, двухъ писателей одной степени", и для примѣра совѣтовалъ „взглянуть на три разные перевода одного

[1]) *Вѣстникъ Европы* 1803, № 15, и Соч. Карамзина, т. III, стр. 600.

мѣста Бюффона“ [1]). Читая Карамзина со вниманіемъ даже въ первоначальныхъ изданіяхъ его сочиненій [2]), мы по большей части бываемъ поражены только непринужденною простотою его оборотовъ, почти всегда согласныхъ съ нынѣшнимъ языкомъ. У него вовсе нѣтъ тѣхъ неловкихъ и странныхъ въ наше время выраженій, о которыя мы безпрестанно спотыкаемся у другихъ тогдашнихъ прозаиковъ. Вотъ почему современники Карамзина и находили его слогъ новымъ. Обыкновенно думаютъ, что въ болѣе раннихъ его сочиненіяхъ много галлицизмовъ. Между тѣмъ у него и въ первое время его журнальной дѣятельности очень рѣдко встрѣтится выраженіе, напоминающее иностранный оборотъ, да и тогда скорѣе замѣтно сходство съ нѣмецкимъ языкомъ, нежели съ французскимъ. Такъ въ Похвальномъ словѣ Екатеринѣ II есть фраза: „Народы... благодарны *противъ* (gegen) царей добродѣтельныхъ!“ [3]). Къ числу не часто попадающихся у него галлицизмовъ можно отнести выраженія въ родѣ слѣдующихъ, которыя, впрочемъ, въ наше [106] время сдѣлались почти общими: „дѣлать свободнымъ“, „имѣть алчность къ богатству“, „имѣть довѣренность“, „*надобно* имѣть очень здоровую голову, *чтобы* отъ ихъ краснорѣчія не почувствовать въ ней боли“ [4]). Старапіе Карамзина избѣгать несвойственныхъ русскому языку оборотовъ было такъ велико, что даже въ въ пріятельскихъ письмахъ онъ себѣ не позволялъ, безъ оговорки, употреблять выраженій, отзывающихся чужимъ происхожденіемъ. Такъ, еще въ 1793 г. онъ писалъ къ Дмитріеву: „Изъ политическихъ стиховъ можно и должно сдѣлать другое употребленіе *(прости мнѣ сей галлицизмъ)*“ [5]). Такъ и въ Письмахъ Русскаго Путешественника: „Въ теченіе всѣхъ пяти актовъ громкая хвала не умолкала. Ла-Ривъ старался всѣми силами заслуживать ее, и, *какъ Французы говорятъ*, превосходилъ въ искуствѣ самого себя, не жалѣя бѣдной своей груди“ [6]). Выраженіе: *превосходить самого себя*, безъ оговорки, казалось Карамзину въ то время слишкомъ еще новымъ и смѣлымъ. Постепенное совершенствованіе языка въ отношеніи къ силѣ, выразительности и чи-

---

[1]) Макаровъ (*Моск. Мерк.*, дек., стр. 178) указываетъ для этого извѣстный монологъ, влагаемый Бюффономъ въ уста перваго человѣка, сознающаго свое бытіе,—въ переводахъ Малиновскаго, Лепехина и Карамзина. Читатели найдутъ начало всѣхъ трехъ переводовъ означеннаго мѣста въ Приложеніи IV-мъ къ этой статьѣ. Вслѣдъ за ними, въ Прил. V, помѣщены небольшіе отрывки изъ трехъ журналовъ 1790-хъ годовъ.

[2]) Необходимое условіе для исторической оцѣнки его языка, потому что въ послѣдующихъ изданіяхъ онъ исправлялъ нѣкоторыя выраженія.

[3]) Соч. Кар., т. I, стр. 378.

[4]) *Аглая* (2-е изд.), I, стр. 62, 69; II, стр. 108, 157.— Ср. нынѣшнее выраженіе: „Совѣщаніе слишкомъ много надѣлало шума, чтобъ остаться безъ послѣдствій“ (*Спб. Вѣдом.* 1874, № 357).

[5]) *Письма* къ Дмитріеву, стр. 38.

[6]) *Аглая.* II, стр. 134.

сто-русскому характеру очень замѣтно въ сочиненіяхъ Карамзина. Онъ самъ заботился о томъ, и въ „эпилогѣ" къ *Московскому Журналу* обѣщалъ между прочимъ, что *Аглая*, которая заступитъ его мѣсто, „будетъ отличаться отъ него... вообще чистѣйшимъ, то-есть, болѣе выработаннымъ слогомъ; ибо", прибавлено къ этому, „я не принужденъ буду издавать ее въ срокъ".

Въ *Вѣстникѣ Европы* успѣхъ языка поразителенъ. Наблюдая характеръ карамзинской прозы съ синтактической стороны, мы придемъ къ заключенію, что новость ея для современниковъ состояла не столько въ томъ, что̀ мы собственно разумѣемъ подъ *оборотами*, сколько въ цѣломъ строѣ его рѣчи, въ гладкости и чистотѣ ея, въ смѣлыхъ сочетаніяхъ и сопоставленіяхъ словъ, [107] въ живыхъ и яркихъ выраженіяхъ. Все это можно видѣть болѣе изъ совокупности его первыхъ сочиненій, нежели изъ отдѣльныхъ выраженій.

Приведу однако же нѣсколько примѣровъ.

„Пришла весна и благодѣтельныя *вліянія* сего прекраснаго времени года *возвратили* мнѣ друга; бальзамическія *испаренія* зеленѣющихъ травъ *освѣжили его сердце;* вмѣстѣ съ цвѣтами *разцвѣтала душа его*, и вмѣстѣ съ нѣжными птенцами слабый *духъ* его *оперялся;*—„*знанія разливаются* какъ волны морскія"; — „помнишь, другъ мой, какъ мы нѣкогда... *ловили* въ исторіи всѣ благородныя *черты* души человѣческой",—„доказательство, что сердца ихъ *отверзались впечатлѣніямъ* изящнаго" [1]); — „такія великодушныя, безкорыстныя чувства трогательны для всякаго, еще *не мертваго душею* человѣка. Разныя *обстоятельства* измѣняли нашъ простой, добрый характеръ и *запятнали его* на время; видимъ людей, *углубленныхъ въ свою личность* и *холодныхъ для* всего народнаго" [2]).

Въ отношеніи къ лексическому составу литературнаго языка, у Карамзина замѣчаются слѣдующіе элементы рѣчи:

1) Большее и большее ограниченіе нелюбимыхъ имъ славянизмовъ, рѣдкое заимствованіе изъ *церковно-славянскаго* языка словъ и формъ. Карамзинъ понималъ его отдѣльность отъ другого славянскаго языка, издревле употреблявшагося въ Россіи и получившаго (по его мнѣнію, отъ Норманновъ) названіе *русскаго*. Въ доказательство того онъ, еще въ 1803 году, противополагалъ переводъ Библіи языку Слова о Полку Игоревѣ. Но Карамзинъ ошибочно думалъ, что такое раздѣленіе древнеславянскаго языка произошло только вслѣдствіе перевода Св. Писанія. „Авторы и переводчики нашихъ духовныхъ книгъ", говоритъ онъ, „образовали языкъ ихъ совершенно по Греческому, наставили [108]

---

[1]) *Аглая*. I, 16, 55, 62; II, 64.

[2]) *Вѣстн. Евр.*, 1803, № 8: „О вѣрномъ способѣ имѣть учителей", стр. 326.— Въ дополненіе къ этому см. въ Приложеніи VI еще образчики карамзинскаго языка.

вездѣ *предлоговъ,* растянули, соединили многія слова, и сею *химическою операціею* измѣнили первобытную чистоту древняго Славянскаго". До сихъ поръ не видно еще ложнаго пониманія, но къ этому прибавлено: „Слово о Полку Игоревѣ, драгоцѣнный остатокъ *его*" (то-есть того же древняго славянскаго), „доказываетъ, что *онъ* былъ весьма отличенъ отъ языка нашихъ церковныхъ книгъ" [1]). Какъ бы ни было, Карамзинъ, а за нимъ и его послѣдователи очень хорошо понимали, что церковно-славянскій и русскій разные, хотя и имѣвшіе общее происхожденіе, языки. Смѣшеніе ихъ Дашковъ назвалъ *мнимымъ славяно-россійскимъ языкомъ* [2]); Карамзинъ находилъ этотъ языкъ въ переводахъ Елагина и велъ отъ нихъ до своего времени особый періодъ русской прозы. Макаровъ прямо отвергалъ надобность церковно-славянской стихіи даже въ высокомъ слогѣ: „Высокій слогъ", говоритъ онъ, „долженъ отличаться не словами или фразами, но содержаніемъ, мыслями, чувствованіями, картинами, цвѣтами поэзіи" [3]). Само собою разумѣется, что это мнѣніе не могло быть осуществлено во всей своей крайности, по тѣсному племенному родству и историческому сочетанію обоихъ языковъ. Въ прозѣ высшаго настроенія, у самого Карамзина, славянская стихія никогда не исчезаетъ вполнѣ, и какъ ни мало онъ ею пользуется уже въ началѣ своего поприща, но въ болѣе раннихъ трудахъ его есть еще такія черты ея, которыя лишь впослѣдствіи пропадаютъ (напр. „осьмой на десять" вѣкъ, окончаніе *ыя* въ родительномъ падежѣ прилагательныхъ женскаго рода). Задача состояла только въ вѣрномъ проведеніи границы, до которой эта стихія можетъ быть допущена. Удаляя изъ своихъ сочиненій устарѣлыя слова, Карамзинъ еще въ *Московскомъ Журналѣ* порицалъ ихъ, когда они встрѣчались ему у другихъ писателей (доказательство, что исключеніе изъ языка церковно-славянской примѣси не совершилось [109] задолго до Карамзина). Такъ онъ охуждалъ слова: *учинить, изрядство, обращенія* (во множественномъ числѣ) и мн. др. Такъ онъ съ самаго начала перестачъ употреблять въ прежнемъ смыслѣ слова: *изрядный* (вм. превосходный), *подлый* [4]) (вм. низкій по происхожденію), а впослѣдствіи и *довольный* (вм. *достаточный*), *упражняться, упражненіе* (вм. заниматься, занятіе). Это было конечно дѣломъ отрицательнымъ, но оно имѣло свою великую важность для слога, а притомъ сопровождалось и положительною замѣной такихъ словъ другими, болѣе точными или болѣе соотвѣтствовавшими духу новаго времени. Уже тогда Ка-

---

[1]) *Вѣстн. Евр.* 1803, № 13: „О русской грамматикѣ Француза Модрю".

[2]) *Легчайшій способъ,* стр. 3.

[3]) *Моск. Меркурій,* дек. 1803, стр. 181.

[4]) Слово *подлый* въ этомъ значеніи встрѣчается еще во время *Моск. Журнала.* Такъ, въ изданіи *Дѣло отъ бездѣлья* 1792 г. (ч. I, стр. 95) говорится: „... пѣвцовъ, которые знакомы ученому свѣту, а болѣе *подлому* народу".

рамзинъ охуждалъ также (хотя еще только въ комедіяхъ) употребленіе мѣстоименій *сей* и *оный* [1]).

2) Введеніе иностранныхъ словъ для новыхъ понятій. „Нѣкоторыя чужестранныя слова", объяснялъ Макаровъ, „совершенно необходимы; ими только не должно пестрить языка безъ крайней осторожности. Взять слово приличное (Французское, Арабское, Нѣмецкое, какое угодно) весьма хорошо; а неприличное весьма дурно... Потерять счастливую мысль, или выразить ее слабо, для нѣкоторой чистоты языка, будетъ непростительное педантство" [2]). Впрочемъ, Карамзинъ никогда не позволялъ себѣ необдуманнаго излишества въ употребленіи иностранныхъ словъ. Правда, что въ первыхъ его сочиненіяхъ они попадаются чаще, нежели въ позднѣйшихъ, и даже въ первоначальныхъ ихъ изданіяхъ чаще, нежели въ послѣдующихъ, однакожъ уже въ *Московскомъ Журналѣ* Карамзинъ одобрялъ счастливый *переводъ* научныхъ терминовъ; слѣдовательно, онъ не былъ противъ развитія языка путемъ образованія новыхъ словъ отъ собственныхъ его корней. Такъ, разбирая переводъ Естественной Исторіи Бюффона, сдѣланный Румовскимъ и Лепехинымъ, онъ замѣтилъ: „Самыя труднѣйшія [110] физическія слова перевели они въ сей части весьма удачно" [3]). Но при этомъ онъ, разумѣется, требовалъ точности, и потому, похваливъ вообще счастливую попытку переводчиковъ, онъ указалъ нѣкоторыя слова, которыя, по его мнѣнію, „могли быть иначе переведены"; именно ему не понравилось, что они перевели: jurisconsultes *правовѣдцы*, classes *статьи*, ordres *семейства*, minéraux *ископаемыя*, subdivision *подраздѣленіе*. Разсматривая подробно каждое изъ этихъ словъ, онъ между прочимъ говоритъ: „Я не знаю, для чего бы minéraux не назвать минералами; сіе слово извѣстно всѣмъ тѣмъ, которые и никакихъ иностранныхъ языковъ не знаютъ. Названіе *ископаемыя* скорѣе могло бы означать fossiles, *фоссиліи*, слово не столь уже извѣстное въ Русскомъ языкѣ, какъ минералы. Какъ же мы будемъ переводить eaux minérales? Къ тому же минералы лежатъ и на поверхности земли: слѣдственно ископаемость не есть общій отличительный характеръ ихъ. Что принадлежитъ до *подраздѣленія*, то Русскому трудно понять, какъ можно что нибудь *подраздѣлять:* не лучше ли было бы сказать, вмѣсто *подраздѣленіе, передѣленіе*"? [4]) Послѣдній вопросъ время рѣшило противъ Карамзина. Тѣмъ не менѣе эти строки замѣчательны, показывая, какъ онъ вообще вдумывался въ значеніе словъ и какъ смотрѣлъ на замѣну иностранныхъ названій русскими, которую въ принципѣ одобрялъ: мы видимъ отсюда, что и чужеязычныя слова допу-

[1]) *Моск. Журн.*, ч. I, стр. 357.
[2]) *Моск. Меркурій*, дек., стр. 166.
[3]) *Моск. Журн.*, ч. I, стр. 242.
[4]) Тамъ же, стр. 246.

скалъ онъ не безъ разбора, требуя, между прочимъ, чтобъ они не слишкомъ поражали слухъ своею новизною. Иногда онъ предпочиталъ иностранное слово потому, что оно опредѣленнѣе русскаго; такъ, въ одной рецензіи онъ спрашиваетъ, зачѣмъ не сказано *публичный* вмѣсто *всенародный* [1]). Нѣкоторыя французскія слова, встрѣчающіяся у прежнихъ писателей, отвергнуты имъ, напримѣръ: *резонъ, эстима, консидерація, универсальная апробація*, употреблявшіяся Фонъ-Визинымъ. Въ Письмахъ Русскаго Путешественника онъ постоянно [111] пишетъ *приборы* вмѣсто *мебель*, слово, только въ позднѣйшіе годы принятое имъ во французской формѣ (*мёбли*, множ. ч.); тамъ же вмѣсто *меблированный* онъ пишетъ *прибранный*. Многихъ иностранныхъ словъ, впослѣдствіи вторгнувшихся въ языкъ, Карамзинъ вовсе не допускалъ. Такъ, вмѣсто полюбившагося въ наше время *факта* онъ иногда употреблялъ *случай*; напримѣръ, въ статьѣ *О тайной канцеляріи*: „... могъ ли г. Шлецеръ не усомниться въ истинѣ такого случая (fait)“ [2]). Слова́: *моральный, интересный, натура* (которое онъ употреблялъ попеременно съ словомъ „природа“, но кажется, отличалъ въ каждомъ особые оттѣнки) и многія другія впослѣдствіи замѣнялись у него русскими: *нравственный, любопытный, занимательный для любопытства* и т. п. Однакожъ, изъ всѣхъ обвиненій Шишкова упрекъ въ употребленіи французскихъ словъ наиболѣе подходитъ къ истинѣ: Карамзинъ принялъ его къ свѣдѣнію, и насколько было возможно, исправился отъ этого недостатка. Галлицизмы, въ которыхъ его укоряли, состояли почти исключительно въ отдѣльныхъ словахъ.

3) Сообщеніе прежнимъ словамъ новаго значенія. Эту сторону обращенія Карамзина съ языкомъ лучше всего объяснилъ самъ Шишковъ, указавъ въ его сочиненіяхъ новое употребленіе словъ *потребность* и *развитіе*. Вмѣстѣ съ первымъ изъ нихъ онъ осудилъ и цѣлое выраженіе, которое показалось ему не русскимъ: „путешествіе сдѣлалось потребностію души моей“. Что касается до слова *развитіе*, то въ тогдашнемъ академическомъ словарѣ его нѣтъ вовсе, а есть только глаголъ *развиваю* и причастіе *развитый* въ собственномъ, чисто вещественномъ смыслѣ [3]). Примѣровъ употребленія извѣстныхъ словъ въ новомъ, распространенномъ или болѣе опредѣленномъ значеніи можно найти у него не мало. Такъ, онъ вводитъ слово *образъ* въ примѣненіи [112] къ поэзіи; называетъ situations въ драмѣ *положеніями*, Flickwort

---

[1]) *Моск. Журн.*, ч. IV, стр. 111.

[2]) *Вѣстн. Евр.* 1803, № 6, стр. 123. Ср. тамъ же, стр. 229: „они сохранили нить случаевъ“.

[3]) „Свернутое что въ клубъ развертываю, раскатываю; свитое, заплетенное, закрученное, вертя въ противную сторону, разнимаю, раскручиваю, разсучиваю, расплетаю“;—„раскрученный, расплетенный, разсученный, распустившійся“. *(Слов. Ак. Рос.*, ч. I. Спб. 1789).

(cheville) *подставнымъ словомъ;* говоритъ о *выработанномъ* слогѣ и языкѣ; находитъ, что лучше сказать: „всѣ части учености *обрабатываются,* нежели *воздѣлываются*" [1]). Онъ же первый употребляетъ во множественномъ числѣ слово *вкусъ* [2]), которое Шишковъ такъ преслѣдовалъ „въ смыслѣ разборчивости, потому что наши предки, вмѣсто *имѣть вкусъ,* говорили *толкъ вѣдать, силу знать.*

4) Составленіе новыхъ словъ. Насильственное составленіе новыхъ словъ было несогласно съ характеромъ всего существа Карамзина и могло бы только мѣшать тому дѣйствію, какое онъ стремился сообщить своей рѣчи. Поэтому естественно, что новыя, имъ составленныя слова встрѣчаются у него рѣдко, и наиболѣе смѣлыя изъ нихъ сопровождаются оговоркой. Таковы употребленныя имъ въ Письмахъ Русскаго Путешественника *промышленность* [3]) и *достижимая* [4]) цѣль; кромѣ того, онъ тамъ же замѣтилъ, что *тротуары* можно по-русски назвать *намостами* [5]).

Какъ смотрѣлъ онъ на творчество въ языкѣ, на „непосредственное обогащеніе" его, видно изъ собственнаго размышленія его объ изобрѣтеніи словъ. „Они", говоритъ онъ въ своей академической рѣчи, „раждаются вмѣстѣ съ мыслями или въ употребленіи языка, или въ произведеніяхъ таланта, какъ счастливое вдохновеніе. Сіи новыя, мыслію одушевленныя слова входятъ въ языкъ самовластно" [6]). Чѣмъ безыскуственнѣе новосоставленное [113] слово, чѣмъ оно сообразнѣе съ прежними, чѣмъ менѣе бросается въ глаза, тѣмъ легче оно входитъ въ языкъ и тѣмъ прочнѣе въ немъ утверждается. У Карамзина разсѣяно много новыхъ или, по крайней мѣрѣ, до него не установившихся словъ этого рода, изъ которыхъ одни по простотѣ своей остались незамѣченными и не попали въ словари, какъ напр., *общественность, младенчественный, всемѣстный* (см. повсемѣстный), *всетворящій, оппняемый, живодѣтельный* [7]) (вм. животворный); другія сдѣлались общимъ достояніемъ, напримѣръ, *усовершенствовать* [8]), *человѣчный* [9]), *об-*

---

[1]) *Москов. Журн.,* ч. VI, стр. 232, 41; II, 209; VIII, 336; VI, 177; III, 222.

[2]) *Аглая.* I, стр. 11: „одинакіе вкусы".

[3]) *Моск. Журн.,* ч. III, стр. 298, съ выноскою: „Не можетъ ли сіе слово означать латинскаго industria, или французскаго industrie?" Соч. Кар. т. II, стр. 168). Вспомнимъ, что уже существовали и были употребительны слова: *промыселъ, промышлять, промышлёный, промышленйкъ* (послѣднее соотвѣтствовало старинному *промысленникъ*). См. *Словарь Росс. Ак.*

[4]) „То-есть, до которой достигнуть можно; я осмѣлился по аналогіи употребить это слово". (Соч. Кар. т. II, стр. 244).

[5]) Тамъ же, стр. 680.

[6]) Соч. Кар., т. III, стр. 644.

[7]) *Аглая.* I, стр. 38, 34; II, 65, 86, 90.

[8]) Тамъ же, стр. 88.

[9]) См. выше, стр. 70, переводъ изъ Лафатера.

щеполезный [1]). Для выраженія множества понятій Карамзинъ рано почувствовалъ недостаточность существующаго запаса словъ русскаго языка, и еще во время своего путешествія, намѣреваясь переводить книгу Боннета, говорилъ въ письмѣ къ автору ея о необходимости составлять при томъ, по примѣру Нѣмцевъ, новыя слова [2]). Мы уже видѣли опытъ исполненія такой мысли надъ замѣткой Лафатера. И въ послѣдующихъ переводахъ Карамзина встрѣчаются слова частью новыя, подобныя выписаннымъ, частью прежнія, но съ новыми оттѣнками значенія или въ новомъ примѣненіи, при чемъ онъ иногда ставитъ въ скобкахъ подлинное слово. Примѣры послѣдняго случая были уже приведены выше; можно прибавить къ нимъ еще нѣсколько: *общія положенія* (въ законодательствѣ, dispositions générales), *отношенія* (rapports [3]), *тонкости, отвлеченія* и др.

Таковы были неологизмы Карамзина до „Исторіи Государства Россійскаго", въ которой онъ, какъ извѣстно, сталъ болѣе и болѣе оживлять свое изложеніе словами, заимствованными изъ лѣтописей. При всей осмотрительности въ первыхъ своихъ сочиненіяхъ, онъ однакоже далъ значительный толчекъ лексическому развитію и обогащенію языка, и Шишковъ въ своемъ *Разсужденіи* съ [114] досадою замѣтилъ: „Академическій Словарь нашъ хотя и недавно сочиненъ, однако послѣ того уже такое множество новыхъ словъ надѣлано, что онъ становится пообветшалою книгою, не содержащею въ себѣ новаго языка" [4]). Положимъ, что между вновь появившимися словами было большое число неудачно скованныхъ подражателями Карамзина и потому непрочныхъ; однако жалоба Шишкова, какъ и прежде уже произнесенная Подшиваловымъ (см. выше, стр. 62 и 63), показываетъ, какъ сильно было движеніе, возбужденное въ литературѣ примѣромъ Русскаго Путешественника.

Въ началѣ настоящей статьи были приведены отзывы: трехъ свидѣтелей этого движенія о значеніи Карамзина въ исторіи нашей письменной рѣчи. Для дополненія данныхъ къ сужденію по этому предмету припомнимъ показанія двухъ близкихъ къ Карамзину лицъ. Дашко́въ, не называя его, говоритъ, однакоже, съ явною о немъ мыслію: „Языкъ можетъ образоваться не словами, но твореніями хорошихъ писателей, которые даютъ словамъ *новый вѣсъ* и *значеніе, опредѣляютъ просодію* языка" (то-есть, теченіе рѣчи) „и обогащаютъ оный множествомъ *выраженій* и *оборотовъ*, служащихъ къ изображенію новыхъ понятій, извѣстныхъ однимъ просвѣщеннымъ народамъ" [5]). Еще го-

---

[1]) *Вѣстн. Евр.* 1803, № 8, „О вѣрномъ способѣ имѣть учителей".

[2]) Соч. Кар., т. II, стр. 345 (*Моск. Журн.*, ч. VI, стр. 350).

[3]) *Вѣстн. Евр.* 1802, № 2, стр. 83, № 3, стр. 71.

[4]) *Разсужд.*, стр. 69. — Всѣ ссылки на эту книгу здѣсь по изданію 1818 г., согласному впрочемъ, за исключеніемъ предисловія, съ изд. 1803.

[5]) *Легч. способъ*, стр. 60.

раздо важнѣе однородное свидѣтельство Дмитріева. Раздѣливъ исторію нашего книжнаго языка на два періода, онъ считаетъ началомъ второго изъ нихъ послѣднее десятилѣтіе царствованія Екатерины II. Къ ученикамъ Ломоносова относитъ онъ между прочими Елагина и Фонъ-Визина, которые, по словамъ Дмитріева, „захотѣли сами быть начальниками школы. Первый обратился къ *славянчизнѣ*... другой, хотя и съ бо́льшимъ вкусомъ, полагалъ, будто въ высокомъ слогѣ надлежитъ мѣшать русскія слова съ славянскими и для благозвучія наблюдать нѣкоторый размѣръ, называемый у Французовъ *кадансированною прозою*... Послѣдователи ихъ захотѣли [115] перещеголять своихъ учителей и уже начали еще болѣе употреблять славянскія реченія и обороты“ [1]... „Въ такомъ состояніи“, продолжаетъ Дмитріевъ, „находилась наша словесность, когда Карамзинъ..., возвратясь изъ Парижа и Лондона, выступилъ на авторское поприще. *Обдуманная система уже предшествовала его началу:* вникая въ свойство языка и въ тогдашній механизмъ нашего слога, онъ находилъ въ послѣднемъ какую-то пестроту, неопредѣленность и вялость или запутанность, происхождящія отъ раболѣпнаго подражанія синтаксису не только славянскаго, но и другихъ древнихъ и новыхъ, европейскихъ языковъ, и по *зрѣломъ размышленіи пошелъ своей дорогой* и началъ писать языкомъ, подходящимъ къ *разговорному образованнаго общества* семидесятыхъ годовъ, когда еще родители съ дѣтьми, Русскій съ Русскимъ не стыдились говорить на природномъ своемъ языкѣ [2]; въ составленіи частей періода употреблять возможную сжатость и притомъ воздерживаться отъ частыхъ союзовъ и мѣстоименій: *который* и *которыхъ* [3]), а въ добавокъ еще и *коихъ*, наконецъ наблюдать естественный порядокъ въ словорасположеніи... Съ того времени такъ называемый высокій, полуславянскій слогъ и растянутый, вялый средняго рода, стали мало по малу выходить изъ употребленія“ [4]). Присоединимъ къ этому еще признанія молодыхъ писателей начала нынѣшняго вѣка (особенно Макарова и Дашко́ва), которые, разумно слѣдуя тѣмъ же указаніямъ и содѣйствуя къ утвержденію *новаго слога*, открыто провозглашали Карамзина своимъ учителемъ.

[116] Изслѣдованіе привело насъ къ заключеніямъ, сходнымъ съ

---

[1]) Здѣсь Дмитріевъ называетъ нѣсколькихъ переводчиковъ (см. выше, стр. 56).

[2]) На этомъ же самомъ основаніи и Подшиваловъ въ своемъ *Курсѣ росс. слога* говоритъ, что свойства русскаго языка „можно болѣе примѣтить изъ *обращенія съ людьми не знающими кромѣ Русскаго никакого другаго языка. (Сокращ. курсъ русск. слов.*, стр. 28).

[3]) Точно такъ же Подшиваловъ совѣтуетъ „не избѣгать употребленія причастій, которыя болѣе Россійскому языку свойственны, нежели безпрестанное: который, который“ (тамъ же, стр. 52, 53).

[4]) *Взглядъ на мою жизнь*, стр. 86.

показаніями современниковъ Карамзина. Сущность этихъ заключеній можетъ быть представлена въ слѣдующихъ общихъ и краткихъ выводахъ:

Карамзинъ былъ недоволенъ языкомъ, который онъ засталъ въ литературѣ, приступая къ самостоятельной дѣятельности.

Онъ захотѣлъ писать иначе.

Онъ захотѣлъ писать такъ же „пріятно", то-есть сообразно съ здравымъ вкусомъ, изящно, какъ пишутъ лучшіе иностранные авторы.

Для этого онъ принялъ въ руководство не французскій или англійскій синтаксисъ [1]), а русскій разговорный языкъ, развивая и обогащая его по возможности изъ собственныхъ его началъ, но въ случаѣ надобности заимствуя изъ другихъ языковъ отдѣльныя слова, иногда же и обороты, не противные духу русскаго языка.

Устранивъ господствовавшее прежде словосочиненіе съ частыми славянизмами, онъ отбросилъ также все шероховатое, грубое, устарѣлое.

Новый, такимъ образомъ, по своему строю, а отчасти и по составу языкъ его былъ новъ также по своей строгой правильности логической и грамматической, по точности и опредѣленности словъ и выраженій, по установленію твердыхъ началъ въ словоуправленіи [2]).

Сверхъ того, и слогъ Карамзина былъ новъ по своей пластичности, по богатству образовъ и живописи выраженій, въ которыхъ [117] слова являлись въ новой связи, въ новыхъ счастливыхъ сочетаніяхъ.

Такъ возникла въ первый разъ на русскомъ языкѣ проза ровная, чистая, блестящая и музыкальная, въ выразительности и изяществѣ не уступавшая прозѣ самыхъ богатыхъ литературъ Европы.

Эта проза имѣла еще свои недостатки; иногда ей вредила нѣкоторая искуственность, имѣвшая цѣлію удовлетворить особеннымъ, своенравнымъ требованіямъ слуха. И замѣчательно, что такой недостатокъ развился наиболѣе въ послѣдній и самый важный періодъ дѣятельности Карамзина. Высшей степени простоты и естественности проза его достигла въ *Вѣстникѣ Европы* (если исключить „Мароу Посадницу").

Карамзинъ далъ русскому литературному языку рѣшительное направленіе, въ которомъ онъ еще и нынѣ продолжаетъ развиваться.

---

[1]) Уже одинъ изъ критиковъ Шишкова опровергалъ его мнѣніе, будто новые писатели начали *вновь созидать* русскій языкъ на *скудномъ основаніи французскаго:* „Я всегда думалъ", говоритъ этотъ критикъ, „что лучшіе наши писатели и переводчики заимствуютъ изъ французскаго и другихъ языковъ только нѣкоторыя слова и выраженія" и проч. (*Съв. Вѣстникъ*, 1804, ч. I, стр. 19).

[2]) Въ послѣднемъ отношеніи замѣчательна, напримѣръ, по внимательности къ требованіямъ языка, фраза Карамзина: „слѣдовалъ ихъ *волѣ* и *за* ихъ *знаменами"* *Вѣстн. Евр.* 1803, № 5: „О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи").

[118] **ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ СТАТЬѢ:**

КАРАМЗИНЪ ВЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЯЗЫКА.

I. (Къ стр. 52).

Отрывки изъ рѣчей, произнесенныхъ профессорами Московскаго университета съ 1787 по 1805 годъ.

1. Изъ „Слова похвальнаго Екатеринѣ Второй", Зыбелина, произнесеннаго при окончаніи 25-ти-лѣтія ея царствованія, 30-го іюня 1787 года:

„Хочу упомянуть о томъ, что легко бы, хотя и не простительно, упустить было можно. Какъ пріобыкшіе къ истекающимъ всегда отъ солнца благодѣяніямъ, едва или рѣдко оныя воспоминаютъ, хотя и главное вся природа отъ него получаетъ оживленіе: равнымъ образомъ милосердіе Всемилостивѣйшей нашей Монархинѣ толь есть свойственно и толь всѣмъ намъ оное извѣстно и обыкновенно, что во множествѣ щедротъ, безпрестанно изливаемыхъ, какъ въ обыкновеніе вшедшее, древнее и самопервѣйшее двадцатипятилѣтняго благополучнаго Ея царствованія благодѣяніе, могло бы изъ памяти вытти; но благодарность многихъ тысящей обязанныхъ, наполняющая безпрестанно всѣхъ слухъ, заставляетъ чувствительное сердце провозвѣстить, или по крайней мѣрѣ повторить, какъ первой знакъ чадолюбивой Матери сіе Ея милосердіе, разумѣю, вѣрно служившимъ благодѣтельное по жизнь содержаніе и награжденіе" (*Рѣчи профессоровъ Москов. унив.*, ч. I, стр. 145).

2. Изъ Слова Страхова „О вліяніи наукъ въ общее и каждаго человѣка благоденствіе", произнесеннаго 30-го іюня 1788 года:

„Торжественное воспоминаніе знаменитыхъ происшествій тѣмъ живѣйшею радостію и усердіемъ наполняетъ сердца празднующихъ, чѣмъ [119] большихъ благъ оныя учинились причиною. Съ какимъ же чувствіемъ радости, усердія и благодарности ко Всевышнему долженствуютъ всѣ сыны отечества торжествовать благословенный день восшествія на Всероссійскій Престолъ Всеавгустѣйшія нашея Монархини! ибо коликихъ благъ источникомъ для Россіи учинилось сіе важное и во вѣки незабвенное происшествіе! Коль великія и неизреченныя милости всещедрая Десница Творца изліяла на насъ, оправдавъ царствовати надъ нами Великую Екатерину!" (Тамъ же, ч. II, стр. 228).

3. Изъ Слова Брянцева „О связи вещей во вселенной“, произнесеннаго 30-го іюня 1790 года:

„Естьли, по мнѣнію общему, Государи, получившіе отъ Бога величество, власть и силу, суть на земли изображеніемъ Божества, благодѣянія свои человѣческому роду священными ихъ дланьми подающаго: то въ такомъ случаѣ всѣ ихъ дѣйствія нераздѣльнымъ соединены союзомъ съ пользою ввѣренныхъ имъ народовъ; и естьли отъ нападенія внѣшнихъ враговъ преоруженіе мужествомъ и силою, для безопасности отъ сограждáнъ огражденіе законами и правосудіемъ, для изгнанія невѣжества распространеніе знаній клонятся къ единой цѣли, т.-е. къ благосостоянію общества: то въ дѣлахъ Государей, къ единому концу стремящихся, не ясно ли усматриваемъ взаимную связь? Чего для всеподданнѣйше свидѣтельствуя нашу благодарность Августѣйшей Монархинѣ и мыслями нашими благопримѣняясь къ связи, въ дѣйствіяхъ Ея находящейся, торжествующему нынѣ съ нами собранію намѣренъ я въ посильномъ разсужденіи предложить о *„связи вещей во вселенной“* (Тамъ же, ч. III, стр. 17).

4. Изъ Слова Чеботарева, произнесеннаго въ 1800 году по случаю кончины И. И. Шувалова:

„... И потому, не возносясь дерзновенно выше сферы нашей и не касаясь тѣхъ отличныхъ добротъ, тѣхъ высокихъ министерскихъ, да тако скажу, и государственныхъ свойствъ патріотическаго духа,— которыя даровали Меценату нашему то, чего и самая превратность щастія похитить у него была не въ силахъ;—которыя въ теченіи цѣлаго полувѣка сохранили къ нему благоволеніе четырехъ великихъ нашихъ Государей; — которыя и проч.“ ... „но оставляя все сіе, яко нѣчто великое и кругу нашихъ свѣдѣній несоразмѣрное, — ограничу себя, Слушатели, тѣмъ, что мѣсту сему приличнѣе, что намъ и всякому благомыслящему любезнѣе; — ограничу себя, при открытіи печальной сей бесѣды, простымъ и *краткимъ показаніемъ* тѣхъ только *отличительныхъ добротъ нашего Мецената* и тѣхъ услугъ его къ отечеству,— которыя въ лѣтописяхъ Рускихъ, предавъ [120] имя *Шувалова* безсмертію, за любовь его къ Наукамъ, за одобреніе и распространеніе ихъ въ отечествѣ нашемъ, память его содѣляютъ любезною во всѣ грядущіе роды, доколѣ слава Россіи, слава Мудрыхъ, Человѣколюбивыхъ ея Монарховъ,—и слава самихъ Наукъ пребудутъ въ подсолнечной (Тамъ же, ч. I, стр. 332).

5. Изъ Слова Сохацкаго „На полувѣковой юбилей Московскаго университета“, произнесеннаго 30-го іюня 1805 года:

„Но и гдѣ жь—скажите! гдѣ есть толико великодушныя, несравненныя, истинно царственныя способствованія народному просвѣщенію, какъ въ высокомъ примѣрѣ зиждущихъ благоденствіе Россіи мудрыхъ ея и благопромыслительныхъ Государей? Благословенны будутъ сердцами Россовъ священныя имена Ихъ навѣки!...

„Радостотворныя мысли и чувствованія!...

„Здѣсь, погрузясь въ глубокомъ безмолвіи, надлежало бы совсѣмь остановиться, и исчисляя мысленно спасительныя отъ того послѣдствія, предаться всею душею пріятнымъ и неизъяснимымъ чувствіямъ сердечной благодарности, заключить предъ вами, Почтеннѣйшіе Слушатели, краткое сіе, по приличію торжества нашего изображеніе.

„Но се! — Геній-Покровитель Наукъ, коего именемъ вся Европа и цѣлый свѣтъ гордится, предъ коимъ осчастливленная Россія съ восхищеніемъ благоговѣетъ; — се! Великій въ чистой, небесной добротѣ своей Александръ I, о семъ торжествующемъ университетѣ, въ сей самый вѣчно достопамятный годъ, въ Высочайше дарованной Грамотѣ являетъ отъ Престола свѣту и потомству несказанное Монаршее благоволеніе“, и проч. (Тамъ же, ч. III, стр. 92).

II. (Къ стр. 55—56).

Замѣчанія Карамзина о языкѣ, изъ разборовъ его, помѣщенныхъ въ Московскомъ Журналѣ (1791 и 1792 годовъ).

1. Изъ разбора комедіи *Оптимистъ:*

„Что принадлежитъ до перевода піесы, то онъ чистъ и гладокъ. Только немногія выраженія покритиковать можно. Напримѣръ: *Естьли бы я захотѣлъ къ слову прицѣпиться, я бы больно его этимъ убилъ.* Прицѣпкою людей не убиваютъ; а это еще говоритъ оптимистъ, который вообще такъ краснорѣчивъ, — *Кажется, чувствую какъ бы новую сладость жизни,* говоритъ Извѣда; но говорятъ ли такъ молодыя женщины? *Какъ бы* здѣсь очень противно.

[121] „*Я имѣлъ съ собою Руссо.* Это слишкомъ по-французски. *Какъ безстрашно онъ вдавался въ огонь!* Въ огонь можно броситься, а *вдаваться* въ него такъ же нельзя, какъ и въ воду.—*Человѣкъ при самомъ уже рожденіи плачетъ и производитъ вопли.* Производить вопли!—*Оно* (воспоминаніе) *ничего произвесть не можетъ, развѣ учинитъ навсегда меня несчастною.* Здѣсь и галлицизмъ и славянизмъ вмѣстѣ. Любезная Премила, которая это говоритъ, перевела съ Французскаго: il ne fera que; а *развѣ*—въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово здѣсь употреблено—и *учинить,* вмѣсто сдѣлать, нельзя сказать въ разговорѣ, а особливо молодой дѣвицѣ.— *Я буду жить,* говоритъ Зланѣтъ, *посреди милой жены и моей дочери.* Лучше бы было сказать: „я буду жить съ милою моею женою и дочерью“,—а то здѣсь сообщается какая-то нехорошая идея.— Я сказалъ все то, что замѣтилъ. Естьли бы переводъ вообще не такъ хорошъ былъ, кто бы захотѣлъ имъ заниматься“?

Тамъ же о содержаніи: „Тутъ также видно что-то не Русское“; далѣе о неестественности названій Зланѣтъ, Буремыслъ, Милоумъ и проч. и о необходимости ввести въ комедію имена и отчества (*Московскій Журналъ,* ч. I, стр. 232—235).

2. Изъ разбора перевода *Краткой исторіи королевской шведской фамиліи.*

„Что касается до перевода, то для иностранца былъ бы онъ довольно хорошъ; а Рускому, казалось бы, нельзя было написать: „У Петерсберга *раззорены* были Баннеромъ 12 полковъ“, или: „Крѣпость, которая стоила Императору *столько тысячи* людей“ или: „На Нѣмецкой колокольнѣ *учреждены были куранты*“ (Тамъ же, ч. II, стр. 84).

3. Изъ разбора перевода *Генріады:*

„Здѣсь надобно не только выразить мысли Поэтовы, но и выразить ихъ съ такою же точностію, съ такою же чистотою и пріятностію, какъ въ подлин-

никѣ; иначе поэма потеряетъ почти всю свою цѣну. Но какія препятствія надобно переодолѣть переводчику! Кромѣ нѣкоторой *негибкости* нашего языка, мѣра и риѳма составляютъ такую трудность, которую едва ли бы и самъ Вольтеръ, перродясь въ Рускаго, преодолѣть могъ... 2-й переводъ сей поэмы (такъ же какъ и 1-й, *вышедшій* за нѣсколько лѣтъ передъ симъ въ Петербургѣ) ни мало не опровергаетъ моего мнѣнія. Читатель позволитъ мнѣ привести нѣкоторыя мѣста изъ онаго и сравнить ихъ съ подлинникомъ".

Выписавъ начало подлинника, Карамзинъ приводитъ и первые шесть стиховъ перевода:

[122] Пою Героя, кто, разрушивши коварство,
Оружіемъ досталъ Французско государство;
Кто долго странствуя межъ сопротивныхъ силъ,
Наслѣдіе свое чрезъ храбрость получилъ,
Злыхъ возмутителей Испанцевъ былъ гонитель,
Сталъ подданныхъ своихъ отецъ и покровитель.

Затѣмъ онъ продолжаетъ:

„Число стиховъ то же; но есть ли въ переводѣ гладкость, опредѣленность, пріятность, сила оригинала?—Въ первомъ полустишіи, вмѣсто *кто*, надлежало бы, по Грамматикѣ, употребить возносительное мѣстоименіе *которой*.—Откуда зашло въ первый стихъ *коварство?* Въ оригиналѣ его нѣтъ. Да и можно ли *разрушить коварство?* — Второй стихъ таковъ, что иной не захочетъ уже и читать далѣе. *Достать Французско государство!* Къ тому же здѣсь не выражено того, что Французская корона принадлежала Генриху и по праву наслѣдственности. Подъ *сопротивными силами* не льзя разумѣть ничего инаго, кромѣ непріятельскихъ войскъ; и такъ Генрихъ долго странствовалъ между непріятельскими войсками? Но Вольтеръ и не думалъ сказать сего. *Нещастія*, говоритъ онъ, научили его *царствовать...* Confondit значитъ *постыдилъ*, а не *гналъ:* съ чего же въ пятомъ стихѣ перевода названъ Генрихъ гонителемъ, и притомъ Гишпанцевъ? Сего не узнаешь и тогда, когда всю поэму прочитаешь. Въ шестомъ стихѣ не выражено того, что король *побѣдилъ* своихъ подданныхъ, и *потомъ* сталъ ихъ отцемъ. *Покровитель* есть здѣсь ничто иное, какъ *подставное* слово (или, какъ Нѣмцы говорятъ, Flickwort), не сообщающее никакой новой идеи послѣ *отца*".

Сравнивъ еще нѣсколько мѣстъ въ подлинникѣ и въ переводѣ, Карамзинъ такъ заключаетъ:

„Конечно, во всякой пѣсни сей Руской Генріады можно найти нѣсколько хорошихъ стиховъ; но отъ переводчика такой поэмы, какъ Генріада, требуется, чтобы онъ *все* перевелъ хорошо, или по крайней мѣрѣ *почти* все". (Тамъ же, ч. II, стр. 207—214).

4. Изъ разбора перевода *Неистоваго Роланда:*

.... „Рецензентъ съ своей стороны *желаетъ* того, чтобы слогъ былъ въ нихъ (въ слѣдующихъ частяхъ) еще правильнѣе и чище, нежели въ первой, гдѣ по мѣстамъ встрѣчаются такія выраженія: „Онъ клялся, что *не иной какой* шишакъ будетъ прикрывать его голову, *какъ не тотъ*, которой Роландъ нѣкогда отнялъ" и проч. „Графъ былъ *не меньше* учтивъ и человѣколюбивъ, *сколько* былъ храбръ" и проч. „Въ слѣдствіе чего, дабы" и проч. (Это слишкомъ по-приказному, и очень противно въ устахъ такой [123] женщины, которая, по описанію Аріостову, была прекраснѣе Венеры).—„Она (т. е. Аріостова Комедія) изъ числа самыхъ вольныхъ Аристофановыхъ Комедій..." (Естьли піеса

Аріостова, то она не можетъ быть изъ числа Аристофановыхъ піесъ. Надлежало бы сказать: „Она принадлежитъ къ роду *такихъ-то* Комедій“ и проч.). Г. переводчикъ, конечно, не осердится на Рецензента за сіе *желаніе*“. (Тамъ же, ч. II, стр. 324, 325).

5. Изъ разбора перевода *Опытъ о Швейцаріи:*

„Надлежало бы сказать не *обнаружить,* а *узнать* или *угадать* (склонности“). Похваливъ вообще отрывокъ, къ которому относится это замѣчаніе, Карамзинъ говоритъ: „Но, къ сожалѣнію, не все такъ чисто и ясно. Нельзя напримѣръ похвалить слѣдующихъ мѣстъ: „Сіе увѣреніе *сильно было* другими *отвергнуто. Я много силился* узнать, правда ли сіе. — Всѣ части учености *воздѣлываются* тамъ съ успѣхомъ. (Лучше бы было въ семъ смыслѣ сказать по-Руски *обработываются*). — Прогулки и забавы народа смѣшаны съ полезными *обращеніями; изрядство и чистота составляютъ предметъ самыхъ ученыхъ разсужденій* (Рѣчь идетъ о Женевѣ. Я жилъ въ семъ городѣ около шести мѣсяцевъ, а не понимаю, что хочетъ здѣсь сказать Г. Переводчикъ)“, и проч. (Тамъ же, ч. Ш, стр. 221, 222).

6. Изъ разбора перевода *Клариссы* Ричардсона:

„Всего труднѣе переводить романы, въ которыхъ слогъ составляетъ обыкновенно одно изъ главныхъ достоинствъ“...

Выписавъ начало перевода, Карамзинъ приводитъ нѣсколько отдѣльныхъ выраженій. *„Ни мало не сомнѣваешься въ томъ, какое участіе,* и проч., сказано не правильно; *какое* не можетъ отвѣчать *тому.* Надлежало бы сказать: „ты конечно не сомнѣваешься *въ томъ, что* я беру великое участіе.— ... *Безпокойства возставшія въ твоемъ семействѣ.* Безпокойства ни *ложиться,* ни *возставать* не могутъ. — *Колико для тебя чувствительно* и проч. Дѣвушка, имѣющая вкусъ, не можетъ ни сказать, ни написать въ письмѣ *колико* [1]). Впрочемъ Г. Переводчикъ хотѣлъ здѣсь послѣдовать модѣ, введенной въ Руской слогъ „голѣмыми претолковниками“ и проч. (см. выше, стр. 56).— *Отличившій себя отмѣнными дарованіями* и проч. *Отличить* и *отмѣнить* все одно. Если Кларисса *отличила* себя дарованіями, то онѣ конечно были уже *отмѣнны.* Къ тому же во Французскомъ [124] подлинникѣ (подлинникѣ въ разсужденіи Рускаго перевода) говорится здѣсь не о *дарованіяхъ,* а о *свойствахъ* или *качествахъ* (qualités).—*Учинившейся предметомъ общаго почтенія* и проч. L'objet du soin public есть болѣе предметъ общаго *вниманія,* нежели *почтенія.* Въ простомъ слогѣ лучше сказать *сдѣлаться предметомъ* чего-нибудь, нежели *учиниться.—Узнать всѣ о томъ подробности* и проч. Подробности *чего-нибудь,* а не о *чемъ-нибудь* и т. д. (Тамъ же, ч. IV, стр. 113).

Ш. (Къ стр. 60).

Крыловъ противъ Карамзина.

С.-Петербургскій Меркурій, по своему расположенію, пріемамъ и претензіямъ, представлялъ какъ будто сколокъ съ *Московскаго Журнала,* который только-что прекратился, когда Крыловъ и Клушинъ въ 1793 году предприняли свое новое изданіе.

---

[1]) Ср. въ *Вѣстникѣ Европы* 1802 г., № 3, стр. 22:

„Понеже, въ силу, поелику,
Творятъ довольно въ свѣтѣ зла“.

Уже въ *предисловіи,* подписанномъ ими обоими и очень напоминающемъ *предувѣдомленіе* Карамзина, видна замашка поперечить ему, особенно въ слѣдующемъ заявленіи: „Сочиненія въ стихахъ и прозѣ, подражанія и переводы издателей будутъ печататься съ ихъ именами. Какая цѣль скромничать именемъ, ежели цѣль сочиненія не противна благонравію и не нарушаетъ ничьего спокойствія?" Притомъ издатели, конечно также не безъ намека, предупреждаютъ: „Наши замѣчанія, наши сужденія по сей части" (то-есть, по обѣщанной ими критикѣ *книгъ* и *театра*) „не есть сужденія *деспотическія";* читатели уже видѣли, что и *Зритель* и *Росс. Магазинъ* обвиняли Карамзина въ безусловности его приговоровъ. Но прежде всего Крыловъ и Клушинъ выражаютъ притязаніе издавать журналъ, *подобный журналамъ иностраннымъ* и не похожій на большую часть русскихъ періодическихъ изданій, въ которыхъ „или мало, или совсѣмъ ничего нѣтъ свойственнаго журналамъ". Идея этой потребности и первый примѣръ удовлетворенія ея были поданы Карамзинымъ, и вотъ ими пользуются сами противники его. Въ числѣ неблаговолящихъ къ нему самъ Карамзинъ, въ Письмахъ къ Дмитріеву (стр. 33), назвалъ Крылова говоря о *Зрителѣ;* но въ *Меркуріи* будущій баснописецъ и членъ шишковской *Бесѣды* еще гораздо прямѣе и рѣшительнѣе высказался противъ будущаго, же исторіографа и идеала Арзамасцевъ. Подписанная именемъ Крылова „Похвальная Рѣчь Ермалафиду, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей", явно содержитъ въ себѣ многія черты, которыя могутъ относиться только къ Карамзину. Главное достоинство [125] Ермалафида [1]), выставляемое здѣсь на посмѣяніе, состоитъ въ томъ, что онъ не слѣдуетъ никакимъ правиламъ и не подражаетъ красотамъ прежнихъ писателей. Онъ начинаетъ свое поприще трагедіей, въ которой герои „превыше всѣхъ страстей". Естественно, что противники Карамзина должны были въ сочиненіяхъ его находить прежде всего отступленіе отъ правилъ (то есть отъ рутины) и отъ старыхъ образцовъ. Что касается до трагедіи, написанной Ермалафидомъ, то подъ нею разумѣется переведенная Карамзинымъ Лессингова Эмилія Галотти. О драмѣ у Англичанъ и Нѣмцевъ и о драмѣ у Французовъ издатели *Меркурія* имѣли понятія совершенно противоположныя взгляду Карамзина. Въ 1-й же книжкѣ этого журнала напечатано „Разсужденіе объ Англинской трагедіи, изъ сочиненій г. Вольтера" (стр. 66), причемъ Клушинъ въ особомъ примѣчаніи называетъ нѣмецкія драматическія произведенія *безобразными выродками литературы, въ которыхъ нѣтъ никакихъ правилъ..., которые суть ни трагедіи, ни комедіи; гдѣ смѣшенъ плачь съ смѣхомъ безъ всякой нужды;* въ числѣ упоминаемыхъ имъ пьесъ этого рода не забыта и *Эмилія Галотти.* Кончаетъ онъ словами: „И есть люди, которые предпочитаютъ Нѣмецкія драмы Французскимъ... Что думать о сихъ знатокахъ? Или, что они не знаютъ правилъ театральныхъ, какъ и того, что значитъ самая драма; или слѣпое имѣютъ пристрастіе къ Нѣмчизнѣ". О дѣйствіи трагедіи Ермалафида Крыловъ замѣчаетъ между прочимъ: „Зрители не были возмущены ни страхомъ, ни жалостью, ни ненавистью... и естьли бы глухому показать столь прекрасное зрѣлище, то бы конечно онъ подумалъ, что Греческіе мудрецы съ театра преподаютъ партеру курсъ Математики". Не на-

---

[1]) Это имя произведено отъ семинарскаго слова *ермолафія* (котораго нѣтъ еще въ нашихъ словаряхъ,—вѣроятно, искаженнаго греческаго *ирмологій*); оно означаетъ дребедень, многословную чепуху. См. въ IV томѣ академическаго изданія *Сочиненій* Державина, стр. 558, и объясненіе этого слова въ дополнительныхъ примѣчаніяхъ. Рѣчь Ермалафиду напечатана во II-й части *С.-Петербургскаго Меркурія* (апрѣль 1793 г.), стр. 26—55.

добно забывать, что Карамзинъ въ *Московскомъ Журналѣ* (ч. I, стр. 61) помѣстилъ разборъ *Эмиліи Галотти* и что онъ перевелъ также Шекспирова *Юлія Кесаря.*—Разберемъ еще нѣкоторыя черты Ермалафида. „Великій духъ его не чувствовалъ себя отличнѣе привязаннымъ ни къ какому роду писанія. Онъ хотѣлъ писать все, и сдержалъ свое слово. Удивительная способность Мм. Гг.! часто, дописавъ до половины свое сочиненіе, онъ еще не зналъ, ода или сатира это будетъ; но всего удивительнѣе, что и то и другое названіе было прилично; а можетъ быть и всѣ его сочиненія со временемъ воздвигнутъ между Академіями войну [126] за споры, къ какому роду ихъ причислить“. Здѣсь Карамзинъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими стихотворцами *Московскаго Журнала*, осуждается за несоблюденіе наружныхъ формъ различныхъ родовъ поэзіи, что въ то время было еще ново. Но этого мало: положивъ не слѣдовать никакимъ правиламъ, Ермалафидъ „вздумалъ свободные часы свои посвятить удовольствію Публики... и для того то рѣшился онъ во всякое *новолуніе* разгружать на печатномъ станкѣ грузное судно своего воображенія — короче сказать: началъ журналъ... Озабоченный намѣреніемъ просвѣтить Вселенную... съ какою удивительною способностію пишетъ онъ прямо на бѣло сужденія, рѣшенія и опредѣленія о самыхъ важныхъ предметахъ!... Критика также получила себѣ новую пищу: одни говорили, что онъ, проповѣдуя добродѣтель, однимъ своимъ слогомъ въ состояніи умножить число отступниковъ отъ добродѣтели; другіе кричали, что ежемѣсячныя его сочиненія суть ежемѣсячныя вылазки противу безсонницы; но его это не устрашило“ и проч. Далѣе: „Пріятно было смотрѣть, Мм. Гг., съ какою непринужденною смѣлостію бранилъ онъ Мольера, Расина и Боало, никогда ихъ не читавъ; и съ какимъ равнодушіемъ смотрѣлъ трагедіи Корнелія“. Всѣ эти выходки, несомнѣнно, направлены на *Московскій Журналъ* съ его критикою; послѣднее замѣчаніе относится къ сужденіямъ, высказаннымъ въ разборѣ русскаго подражанія *Сиду* Корнеля [1]. Здѣсь Карамзинъ, показавъ, что подлинная пьеса „имѣетъ пороки, и великіе пороки“, выписываетъ отзывъ д'Аламбера о французскихъ трагедіяхъ вообще, кончающійся словами: „Потому-то нынѣ почти никто не бываетъ въ театрѣ, когда играютъ Корнелевы трагедіи и очень не много, когда Расиновы представляютъ“, и затѣмъ произноситъ свой собственный приговоръ французскимъ трагикамъ въ сравненіи съ Шекспиромъ. „Письма Русскаго Путешественника“, въ которыхъ высказано подобное же мнѣніе объ этомъ предметѣ [2], также задѣты въ похвальной рѣчи Крылова. Именно онъ говоритъ о Ермалафидѣ: „Онъ одинъ только въ состояніи съ такою легкостію кстатѣ о Гомерѣ напомнить, что дрова дороги;—и, хваля Юнговы нощи, замѣтить, что Нѣмцы обуваются щеголеватѣе Французовъ“. Вѣроятно, это намекъ на одно мѣсто „Писемъ“ изъ южной Франціи, напечатанныхъ въ послѣдней книжкѣ *Московскаго Журнала* (декабрь 1792): послѣ разныхъ литературныхъ воспоминаній, въ которыхъ приведены имена Петрарки, Оссіана, Гомера и др., въ одномъ письмѣ встрѣчается такая замѣтка: „Но весьма не [127] полюбились мнѣ деревянные башмаки французскихъ поселянъ, и я не понимаю, какъ они не натираютъ ими ногъ своихъ“ [3]. Противъ Карамзина же направлена слѣдующая выходка похвальной рѣчи: „Я знаю—говоритъ Ермалафидъ—склады на многихъ языкахъ, но Россійскіе склады краснорѣчивѣе всѣхъ складовъ на свѣтѣ“. Это относится къ одному мѣсту письма русскаго путешественника къ Боннету. Сбираясь переводить его Contemplation

[1]) *Моск. Журн.*, ч. III, стр. 84 и сл.
[2]) Тамъ же, ч. VIII, стр. 86.
[3]) Тамъ же, ч. VIII, стр. 318.

de la Nature Карамзинъ говоритъ: „Надобно будетъ составлять или выдумывать новыя слова, подобно какъ составляли и выдумывали ихъ Нѣмцы, начавъ писать на собственномъ языкѣ своемъ; но отдавая справедливость сему последнему, котораго богатство и сила мнѣ извѣстны, скажу, что нашъ языкъ самъ по себѣ гораздо пріятнѣе [1]).

Конечно, далеко не все въ Ермалафидѣ можетъ быть примѣнено къ Карамзину: иное относится къ другимъ; такъ, напримѣръ, подъ комедіей, написанной Ермалафидомъ послѣ трагедіи, разумѣется, вѣроятно, какое-нибудь современное подражаніе *Мельнику* Аблесимова, или *Сбитенщику* Княжнина: „На сценѣ появляется цѣлый народъ въ лаптяхъ, въ зипунахъ и въ шапкахъ съ заломомъ—въ парадизѣ раздались радостныя восклицанія“ и т. д. [2]). Тѣмъ не менѣе, изъ всего вышеприведеннаго, кажется, ясно, что похвальное слово Ермалафиду есть въ особенности замаскированная аттака на Карамзина и на многочисленныхъ приверженцевъ, которыхъ уже доставилъ ему *Московскій Журналъ:* онъ иронически выставляется какъ образецъ „для подражанія молодымъ нашимъ собратіямъ, которые, имѣя великія способности, ожидаютъ только случая кому послѣдовать, и за недостаткомъ рѣзкихъ подлинниковъ принуждены съ великимъ трудомъ отыскивать погрѣшности у Ломоносова и ихъ выкрадывать; или занимать ихъ у Сумарокова“.

IV. (Къ стр. 77—78).

Отрывокъ изъ Бюффона въ переводахъ А. Ѳ. Малиновскаго, Лепехина и Карамзина.

1. Алексѣя Малиновскаго, въ книгѣ *Духъ Бюффона* (1783, стр. 1).

„Я вспоминаю о той исполненной веселія и смущенія минутѣ, въ [128] которую въ первой разъ возчувствовалъ отмѣнное мое бытіе: тогда я не могъ себѣ представить, что я, гдѣ былъ и откуда взялся. Я открылъ глаза; коль превосходное чувствованіе! свѣтъ, небесная твердь, зеленѣющая земля, прозрачныя воды, все меня занимало, одушевляло и несказаннымъ образомъ чувства мои увеселяло. Изъ чего я заключилъ, что всѣ сіи предметы находились во мнѣ и составляли часть самаго меня“.

2. Ив. Лепехина, въ 1-й части *Естественной Исторіи* Бюффона (1792, стр. 61).

„Исполненъ веселія и смущенія привожу я на память ту минуту, въ которую я первый разъ ощутилъ чудное бытіе мое; я не зналъ, что я такое былъ, гдѣ находился и откуда пришелъ. Открывъ глаза какое приращеніе ощутилъ въ чувствованіяхъ! Свѣтъ, сводъ небесный, зеленѣющая земли поверхность, кристалловидныя воды, всего меня занимали, оживляли и возбуждали во мнѣ неизреченное чувствованіе удовольствія; въ началѣ мнилъ я, что всѣ сіи предметы во мнѣ находяся составляли существенную моего сложенія часть“.

---

[1]) Тамъ же, ч. VI, стр. 350.

[2]) Крыловъ уже прежде, въ разборѣ комедіи *Смѣхъ и Горе* своего товарища, Клушина, высказался противъ подобныхъ комическихъ оперъ: „Какъ сіи же рукоплесканія не рѣдко расточаются и въ шутовскихъ операхъ, то я мало къ нимъ легковѣренъ“. *Спб. Меркурій*, ч. I, стр. 104.

3. Карамзинъ, въ *Пантеонъ Иностранной Словесности* (1798, кн. II, стр. 58).

„И теперь еще живо помню ту минуту радости и смятенія, какъ въ первый разъ ощутилъ я чудное бытіе свое. Не зная, что я, гдѣ, откуда взялся, открываю глаза: какое неописанное чувство! Свѣтъ, небесный сводъ, зелень травы, кристаллъ воды, все занимаетъ, трогаетъ, веселитъ меня несказанно. Мнѣ кажется, что всѣ предметы во мнѣ и составляютъ часть моего существа“.

V. (Къ стр. 78).

Образчики языка изъ журналовъ начала 1790-хъ годовъ.

1. Изъ московскаго изданія *Сатирическій Вѣстникъ*, „удобоспособствующій разглаживать наморщенное чело старичковъ, забавлять и купно научать молодыхъ барынь, дѣвушекъ, щеголей, вертопраховъ, волокитъ, игроковъ и прочаго состоянія людей, писанный небывалаго года, неизвѣстнаго мѣсяца, несвѣдомаго [129] числа, незнаемымъ сочинителемъ“. (Издавался въ 1790 и 1791 годахъ Н. И. Страховымъ; въ 1795 онъ напечатанъ вторично въ 9 частяхъ, составившихъ три томика. Объявленіе о 5-й части его см. въ *Моск. Вѣдом.* 1790, № 91). Вотъ отрывокъ изъ 1-й части, стр. 63—65.

... „Желательно, чтобъ тѣ молодые люди, которые имѣли прежде въ гор. Псолюбовѣ одобрителя своего, послѣдовали его примѣру, оставя таковыя праздныя упражненія; а тѣ, кои равноподобно ему содержатъ великія стаи собакъ, число оныхъ содѣлали бы соотвѣтствующимъ цѣли, для которой принято упражненіе сіе, или бы лучше совсѣмъ истребили такую склонность, которая вмѣсто того, что должна была служить пріятною заманкою къ движенію, поспѣшествующему здравію, бодрости и веселію нрава, по злоупотребленію своему сдѣлалась напротивъ того такою страстію, которая занимаетъ цѣлую жизнь, расточаетъ цѣлыя имѣнія, разоряетъ бѣдныхъ крестьянъ, и доставляетъ въ насъ цѣлымъ уѣздамъ и обществамъ юношъ худой и растлительной примѣръ добрыхъ нравовъ. При томъ колико удивительно и жалко видѣть такихъ людей, которые для доставленія себѣ минутныхъ зрѣлищъ на зайца и бѣгущихъ за нимъ собакъ, въ сихъ упражненіяхъ провели всю жизнь, прожили все имѣніе, разорили всѣхъ крестьянъ, и не иное что оставили въ наслѣдіе бѣднымъ и безпомощнымъ своимъ дѣтямъ, какъ одинъ только хорошо устроенный собачій дворъ, но опущенное жилище; хорошихъ псарей, но разоренныхъ крестьянъ; многія своры собакъ, но и многія тысячи долгу!“

2. Изъ журнала *Дѣло отъ бездѣлья*, „или пріятная забава, рождающая улыбку на челѣ угрюмыхъ, умѣряющая излишнюю радость вертопраховъ и каждому по его вкусу, философическими, критическими, пастушьими и аллегорическими повѣстьми, въ стихахъ и прозѣ состоящими, угождающая“. (Выходилъ въ Москвѣ въ 1792 году, слѣдовательно, въ одно время съ *Московскимъ Журналомъ*. Издателемъ *Дѣла отъ бездѣлья* былъ Андрей Рѣшетниковъ, составитель первоначальныхъ

учебниковъ русскаго языка и географическаго руководства). Отрывокъ изъ статьи *Человѣкъ* (ч. IV, стр. 59—61):

„Много было нравоучителей, да и нынѣ находятся между человѣками пресмыкающіеся духи, которые человѣческую природу столь страшно унижаютъ, что естьли бы возможно было имъ повѣрить, надлежало бы стыдиться быть человѣкомъ. Иные думаютъ, что божественное [130] смиренномудріе требуетъ, дабы о человѣчествѣ имѣть толь низкія понятія; и потому почитаютъ за должность свою презрительнѣйшими и гнуснѣйшими образованіями учинить человѣческую природу ненавистною. Но человѣкъ себя за ничто почитающій не можетъ и къ другимъ имѣть никакого почтенія, и въ обоихъ сихъ случаяхъ являетъ низость мыслей... Внѣ человѣка находится Виновникъ природы и весь міръ. И такъ естьли мы возхотимъ разсматривать человѣка въ отношеніи его ко всѣмъ веществамъ, внѣ еще существующимъ; тогда долженствуемъ обозрѣть не токмо то, въ какомъ отношеніи находится онъ къ Богу, но и сіе, сколь тѣсно связанъ онъ со всемірнымъ зданіемъ“.

3. Изъ изданія Академіи наукъ: *Новыя ежемѣсячныя сочиненія.* (Выходило съ 1786 по 1796 годъ подъ главнымъ наблюденіемъ тогдашняго директора Академіи, княгини Дашковой). „При изданіи этого журнала не была выпущена изъ виду одна изъ главныхъ цѣлей періодическихъ изданій Академіи 18-го вѣка—вводить въ область науки и тѣхъ читателей, которые не имѣли случая пріобрѣсть прочное учебное образованіе“ [1]).

Вотъ какъ выражался въ 1790 году, описывая *аккулу*, знаменитый академикъ Лепехинъ, непремѣнный секретарь Россійской академіи (*Нов. ежемѣс. соч.*, ч. XLVI, май, стр. 43):

„Сколь ни ужасна сія рыба человѣку и морскимъ животнымъ, однако не можетъ защищаться отъ небольшой рыбки *задержкою* называемыя, которая къ ней прилепляется, и преплываетъ съ нею морскія пространства; ибо въ Индійскомъ морѣ рѣдко ловятъ Аккулъ, на коихъ бы не были прицѣпившись сіи рыбки. Другое обстоятельство, заслуживающее вниманіе при Аккулахъ болѣе удивительно: ибо, а наипаче въ жаркихъ климатахъ, видны всегда впереди въ нѣкоемъ отстояніи плывущіе передъ Аккулою провозвѣстники называемые *костера путеводитель*. Если бы сіе было примѣчено токмо изрѣдка, то можно бы приписать оное случайности: но какъ сіе не токмо простые мореходцы, но и странствовавшіе Природы испытатели согласно утверждаютъ, то не можно не принять сего за истину; хотя въ прочемъ заподлинно утверждать не можно, какая причина побуждаетъ сихъ малыхъ рыбокъ сопутствовать, или предшествовать сему человѣкоядцу: ибо обыкновенное о семъ случаѣ мнѣніе, будто сіи малыя рыбки предшествуютъ Аккулѣ въ томъ намѣреніи, чтобы [131] предувѣдомлять ее о приближеніи ея гонителя Кашалота, и будто она изъ благодарности къ нимъ не токмо не дѣлаетъ вреда, но и удѣляетъ имъ отъ своей добычи, тѣмъ болѣе походитъ на вымышленную басню, что зубы у нее устроены не для раздробленія добычи, но для придержанія оныя и поглощенія цѣлкомъ; слѣдовательно она и не можетъ ничего удѣлять малымъ своимъ сопутникамъ“.

---

[1]) *Учен. Записки Академіи Наукъ по I и III Отдѣленіямъ*, ч. I, стр. LXXXIX.

VI. (Къ стр. 79).

Образчики языка Карамзина въ первое время его авторства.

1. Изъ „Цвѣтка на гробъ моего Агатона“ (*Аглая*, ч. I, стр. 14):

„Наконецъ я возвратился—(тотъ же, каковъ поѣхалъ; только съ нѣкоторыми новыми опытами, съ нѣкоторыми новыми знаніями, съ живѣйшею способностію чувствовать красоты физическаго и моральнаго міра)—спѣшилъ обнять повѣреннаго души моей; воображалъ его пріятное удивленіе, его радость... но сердце мое замерло, когда я увидѣлъ Агатона. Долговременная болѣзнь напечатлѣла знаки изнеможенія на блѣдномъ лицѣ его; въ тусклыхъ взорахъ изображалось тѣлесное и душевное разслабленіе; огонь жизни простылъ въ его сердцѣ, томномъ и мрачномъ. Едва могъ онъ обрадоваться моему пріѣзду, едва могъ пожать руку мою; едва слабая, невольная улыбка блеснула на лицѣ его, подобно осеннему солнцу, которое въ лучезарномъ сіяніи на минуту является и въ облакахъ исчезаетъ“.

„Жаловаться ли намъ на участь бѣднаго, слабаго человѣчества?—Увы! что есть мудрость мудраго, когда паденіе соломенки можетъ разрушить ее; когда болѣзнь тѣлесная затемняетъ свѣтъ его разума, и покрываетъ густымъ мракомъ нечувствительности такую душу, въ которой вся Природа какъ въ чистомъ ручейкѣ созерцалась!—Горестная мысль! горестный опытъ!“

2. Изъ статьи „Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи“ (*Аглая*, ч. I, стр. 63—65) [1]):

„Заблужденія въ наукахъ суть, такъ сказать, чуждые наросты, и рано или поздно исчезнутъ. Они подобны тѣмъ волнистымъ облакамъ, которыя въ часъ утра показываются на востокѣ, и бываютъ предтечами златаго солнца. Изъ темной сѣни невѣжества должно итти къ свѣтозарной [132] истинѣ сумрачнымъ путемъ сомнѣнія, чаянія и заблужденія; но мы придемъ къ прелестной богинѣ, придемъ, не смотря на всѣ препоны, и въ ея эфирныхъ объятіяхъ вкусимъ небесное блаженство.... Правда, что земледѣліе и скотоводство всего нужнѣе для нашего существованія; но можемъ ли занять оными всѣ часы свои? Что станемъ мы дѣлать въ тѣ мрачные дни, когда вся Природа сѣтуетъ и облекается въ трауръ; когда сѣверные вѣтры обнажаютъ рощи, пушистые снѣга усыпаютъ желѣзную землю, и дыханіе хлада замыкаетъ двери жилищъ нашихъ; когда земледѣлецъ и пастухъ со вздохомъ оставляютъ поля, и заключаются въ своихъ жалищахъ?“

3. Изъ перевода рѣчи Порталиса въ *Вѣстникѣ Европы* (1802, февраль, стр. 70):

„Правда, что для государствъ бываютъ нѣкоторыя рѣшительныя эпохи, въ которыя отъ чрезвычайныхъ случаевъ перемѣняется ихъ свойство, подобно какъ темпераментъ въ человѣкѣ. Тогда нужно и необходимо вводить новое; тогда народъ, подъ вліяніемъ щастливаго Генія, можетъ уничтожить разныя

---

[1]) Здѣсь, какъ и во всей этой статьѣ, ссылки на *Аглаю* по 2-му ея изданію, 1796 года.

злоупотребленія и воспріять нѣкоторымъ образомъ новую жизнь. Но и тогда сей народъ, естьли онъ уже давно существуетъ и давно занимаетъ мѣсто между первыми націями, долженъ поступать осторожно, и возвышаясь съ пылкостью новаго народа, сохранять всю зрѣлость древняго. Въ дикой землѣ можно всячески дѣйствовать остріемъ косы; но земля обработанная требуетъ вниманія: надобно скосить однѣ вредныя травы".

ОБЛАСТНЫЕ СЛОВАРИ.

1858 [1]).

[133] Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ издало въ 1852 году „Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря“; получивъ потомъ новые матеріалы того же рода, оно признало полезнымъ сдѣлать и ихъ доступными публикѣ. Трудами покойнаго А. Х. Востокова напечатанъ въ 1858 г. дополнительный томъ Областного Словаря. „Опытъ“ встрѣченъ былъ съ полнымъ сочувствіемъ филологами и вообще людьми, понимающими важность подобныхъ предпріятій не только для разработки языка, но и въ этнографическомъ отношеніи. Такъ какъ однакожъ это было у насъ дѣломъ еще совершенно новымъ, то не удивительно, что польза его не тотчасъ была всѣми оцѣнена. Желая содѣйствовать къ правильному обсужденію предмета, я намѣренъ указать на то, что́ сдѣлано въ этомъ отношеніи у Нѣмцевъ, и примѣнить эти указанія къ оцѣнкѣ важности русскаго Областного Словаря.

Германская литература представляетъ изумительное богатство пособій для изученія областныхъ нарѣчій нѣмецкаго языка. Въ 1854 г. напечатана въ Галле книжечка: „Die Litteratur der Deutschen Mundarten“ (Литература нѣмецкихъ нарѣчій) [2]). Это систематическій ка-

---

[1]) Статья эта написана въ 1858 г. Впослѣдствіи она нѣсколько дополнена авторомъ.

[2]) Ein bibliographischer Versuch von Paul *Trömel*. Aus Petzoldt's Anzeiger für Bibliographie und Bibliothekwissenschaft, besonders abgedruckt. Halle, 1854. Само собою разумѣется, что съ тѣхъ поръ литература этого предмета еще значительно обогатилась; въ Германіи ежегодно появляются новые словари мѣстныхъ нарѣчій. Изъ числа вышедшихъ послѣ изданія названнаго указателя замѣтимъ: 1) Ostfriesisches Wörterbuch, von C. H. *Stürenburg* (Aurich, 1857); 2) Wb. der niedersächsischen Mundart der Fürstenth. Göttingen u. Grubenhagen, von G. *Schambach* (Hannover, 1858); 3) Wb. der Altmärkisch-plattdeutschen Mundart, von J. F. *Danneil* (Salzwedel, 1859); 4) Kärntisches Wb., von V. M. *Lexer* (Leipzig, 1862); 5) Beiträge zu einem Wb. der Siebenbürgisch-sächsischen Mundart, von I. K. *Schuller* (Prag, 1865); 6) Idiotikon von Kurhessen, von A. F. C. *Vilmar* (Marb. u. Leipzig, 1868); 7) Wb. der Coblenzer Mundart (Cobl., 1869); 8) Karl *Weinholds* Beiträge zu einem schlesischen Wb., и 9) W. v. *Gutzeits* Wörterschats der deutschen Sprache Livlands. Появившіеся въ 1866 г. труды этого рода исчислены въ Bibliographische Uebersicht etc. von K. Bartsch, изъ Pfeiffer's Germania, XII. Wien, 1867), гдѣ въ отдѣлѣ VI (Deutsche Mundarten) одни словари занимаютъ №№ 69 — 84. Указаніемъ этихъ

талогъ всѣхъ сочиненій, относящихся къ означенному въ заглавіи предмету. Число ихъ простирается тутъ до 446 [134]. Сюда входятъ конечно не только словари, грамматики и другіе филологическіе труды, но также сборники народныхъ пѣсенъ и всякія вообще сочиненія на провинціальныхъ діалектахъ. Послѣ исчисленія трудовъ, гдѣ разсматриваются вообще нарѣчія германскія, обзоръ раздѣленъ на 3 большіе отдѣла по тремъ главнымъ отраслямъ нѣмецкаго языка: южной, средней и сѣверной. Потомъ въ каждой отрасли идутъ одно за другимъ мѣстныя нарѣчія, напримѣръ: аллеманское, швабское, нижне-лотарингское, вестфальское и т. д., всего 44 нарѣчія; изъ нихъ нѣкоторыя опять подраздѣляются на болѣе спеціальныя отличія. Наконецъ, въ заключеніи, помѣщены еще нарѣчія нѣмецкаго языка, употребляемыя въ Венгріи, Трансильваніи и въ нашихъ Остзейскихъ губерніяхъ. Самые первые опыты, въ которыхъ обнаруживается пробудившееся вниманіе къ различію германскихъ нарѣчій, отмѣчены первыми годами 16-го столѣтія и относятся къ нижне-саксонскому діалекту (plattdeutsch), какъ составляющему противоположность такъ называемаго верхне-нѣмецкаго языка (hochdeutsch). Но только около средины прошлаго вѣка труды подобнаго рода начинаютъ являться чаще, а еще многочисленнѣе становятся они съ 1770 годовъ. Съ наступленіемъ нынѣшняго столѣтія эта отрасль филологической литературы болѣе и болѣе развивается.

[135] Чтобы ознакомить интересующихся вопросомъ о собираніи областныхъ словъ со взглядомъ германскихъ ученыхъ на этотъ предметъ, я отдѣляю изъ ряда подобныхъ книгъ тѣ, которыхъ составители высказали наиболѣе опредѣлительно свои воззрѣнія, и предлагаю здѣсь въ переводѣ нѣкоторыя изъ ихъ замѣчаній. Начнемъ съ нижненѣмецкаго (plattdeutsch) словаря, напечатаннаго 1781 г. [1]). Вотъ что между прочимъ сказано въ предисловіи: „Я не хотѣлъ оставлять безъ вниманія выраженій, формъ и пословицъ, употребляемыхъ простонародьемъ и даже самою грубою чернью. Приличіе не должно изгонять ихъ изъ книги такого рода, если мы желаемъ придать ей нѣкоторую полноту. Чей нѣжный слухъ не въ состояніи выносить ихъ въ общежитіи, тотъ воленъ миновать ихъ съ зажмуренными глазами“. Слѣдующее за тѣмъ замѣчаніе показываетъ, какъ умно авторъ смотритъ на географическіе предѣлы языка, который долженъ входить въ со-

---

пособій обязанъ я А. А. Шифнеру. Между исчисленными выше словарями особеннаго вниманія заслуживаютъ №№ 2 и 6. Послѣдній составленъ по образцу упоминаемаго ниже въ настоящей статьѣ шмеллерова баварскаго словаря. Въ 1881 году явилась въ Лейпцигѣ книга: Die Leipziger Mundart. Grammatik u. Wbuch der Leipziger Volkssprache, von K. *Albert*. Mit einem Vorwort von Rud. Hildebrand.

[1]) J. K. *Dähnert*. Platt-Deutsches Wb. nach der alten u. neuen Pommerschen u. Rügischen Mundart. Stralsund.

ставъ словарей этого рода. „Я не ограничивался“, говоритъ онъ, „особенностями нижне-нѣмецкаго языка, встрѣчающимися исключительно въ избранныхъ мною мѣстностяхъ (Помераніи и Рюгенѣ). Это, кажется, имѣли въ виду всякій разъ, когда областнымъ словарямъ давали заглавіе: idiotica. Но я еще не знаю ни одного труда, который по справедливости могъ бы такъ называться: немногое, что въ нихъ есть вполнѣ особеннаго, бываетъ всегда перемѣшано съ словами, употребляемыми и въ другихъ мѣстностяхъ. Я старался включить въ свой словарь весь нижне-нѣмецкій языкъ, но только въ томъ видѣ, въ какомъ онъ употребляется у насъ въ Помераніи и на о. Рюгенѣ, не разбирая, что́ въ немъ есть согласнаго или несогласнаго съ языкомъ нашихъ сосѣдей. Наши идіотизмы легко замѣтитъ всякій, кто въ нихъ имѣетъ надобность: а что́ употребительно въ другихъ мѣстахъ, намъ же чуждо, того и искать здѣсь не слѣдуетъ“.

Въ 1800 году Шютце сталъ издавать въ Гамбургѣ голштинскій [136] „Idiotikon“ [1]) или, какъ онъ прибавляетъ въ заглавіи, матеріалы для исторіи народныхъ нравовъ. Заглавіе это въ самомъ дѣлѣ оправдывается множествомъ помѣщенныхъ въ словарѣ поговорокъ, пословицъ, народныхъ стиховъ и объясненій обычаевъ, нравовъ, игръ и праздниковъ голштинскихъ. Такой важный трудъ долженъ былъ получить довольно обширный объемъ и составилъ постепенно четыре тома. Авторъ въ своемъ вступленіи самъ говоритъ, что „въ этомъ дѣлѣ никто прежде него не поставлялъ себѣ цѣли такъ серьезно“, хотя и увѣренъ, что „послѣ него многіе конечно будутъ ставить ее столь же серьезно и еще лучше“.

„Виландъ говоритъ: ‚Духъ націи всего живѣе отражается въ ея языкѣ: эта лучшая ея характеристика. Французскому можно позавидовать въ томъ, что онъ такъ богатъ подслащающими и прикрывающими оборотами, которые приходятъ на помощь страждущему тщеславію и набрасываютъ легкую тѣнь на предметы, для которыхъ полный свѣтъ былъ бы неблагопріятенъ‘. Нижне-нѣмецкій языкъ поступаетъ совершенно наоборотъ. Онъ не прикрываетъ, не подслащаетъ, а обыкновенно называетъ всякую вещь настоящимъ ея именемъ. Должно ли это уменьшать для насъ цѣну его? Чтобы глубже проникнуть въ оригинальный характеръ этого языка (говорю это для тѣхъ, которые меня спрашивали: зачѣмъ я мараю себя обращеніемъ съ такимъ грязнымъ языкомъ), я старался различать и разработывать двоякій голштинскій языкъ. Одинъ называется простонароднымъ, потому что на немъ говоритъ низшее сословіе, стараясь по-своему украшать и обогащать его. Другой употребляется образованнымъ городскимъ обществомъ въ дружескихъ сношеніяхъ, конечно съ приличіемъ, но

---

[1]) J. F. *Schütze*. Holsteinsches Idiotikon (1800—1806).

къ сожалѣнію не съ надлежащею правильностію и чистотою. Чтобы яснѣе показать духъ народа въ языкѣ его, я не хотѣлъ стѣснять правъ ни той, ни другой рѣчи и не могъ уступить убѣжденіямъ тѣхъ, которые умильно просили меня обращаться съ ребенкомъ опрятно и особенно соблюдать строгую [137] разборчивость при сообщеніи народныхъ поговорокъ, присловій и пѣсенъ, потому-де, что нѣкоторыя изъ нихъ какъ ни остроумны, но могутъ оскорбить чувство читателя. Однакожъ, такъ какъ, къ сожалѣнію, богатство и грязь въ физическомъ и въ нравственномъ быту человѣка бываютъ въ тѣсной связи между собой, и большая часть простонародныхъ реченій и оборотовъ именно и составляютъ богатство голштинскаго нарѣчія, то я долженъ былъ послѣдовать мнѣнію, которое со мной раздѣляютъ многіе достойные и свѣдущіе сотрудники мои, признавшіе такую осторожность и чопорность неумѣстными. Sit venia linguae! naturalia non sunt turpia! Для чистыхъ все чисто! Этого, надѣюсь, достаточно въ оправданіе богатства и непринужденности языка, который въ этомъ отношеніи конечно совершенно противоположенъ французскому".

Составитель геннебергскаго идіотикона [1]) въ предисловіи ко 2-й части этого сборника такъ выражаетъ нѣкоторыя изъ правилъ, принятыхъ имъ въ руководство:

„Я уже въ 1-й части замѣтилъ, что слишкомъ мѣстные идіотизмы подозрительны, хотя бы они были придуманы фамиліями, имѣющими большой вѣсъ, и распространялись ихъ приверженцами. Напротивъ, такіе, которые слышатся во многихъ областяхъ — если притомъ они германскаго происхожденія—носятъ на себѣ отпечатокъ истинной національности и прививаются къ языку. Но если они — мѣстные въ томъ смыслѣ, что указываютъ на какую-нибудь географическую или историческую черту края, то они драгоцѣнны для науки, какъ памятники и свидѣтельства. — Еще я долженъ оправдаться въ томъ, что привелъ нѣкоторыя дѣтскія слова, особенно же такія, которыми кличутъ животныхъ. Пусть они до времени остаются на своемъ мѣстѣ: можетъ-быть, между ними есть первобытныя названія, восходящія далеко за начало нашего лѣтосчисленія, какъ напримѣръ Äte (у Ульфилы Atta) [138] отецъ, husj и wiberle, употребляемыя для скликанія гусей и изъ которыхъ первое — славянское, а другое — нѣмецкое слово. Напротивъ того, я исключилъ съ намѣреніемъ множество ругательныхъ словъ и синонимы выраженій, означающихъ побои".

Въ „Опытѣ швейцарскаго идіотикона [1]), перемѣшаннаго этимоло-

---

[1]) W. F. Hm. *Reinwald.* Hennebergisches Idiotikon, mit etymol. Anmerkgen. 2 Thle. Berl. u. Stettin. 1793. 1801.

[2]) Fr. Jos. *Stalder.* Versuch eines Schweizerischen Idiotikons mit etymol. Bemerkungen untermischt. 2 Bde. Aarau.

гическими замѣчаніями“ (1812, ч. I, предисловіе), находимъ слѣдующія интересныя для насъ поясненія:

„Пусть швейцарскій идіотиконъ выставляетъ наружу разные грамматическіе грѣхи, разныя варварскія отступленія отъ чистоты языка: тѣмъ не менѣе нѣмецкіе филологи найдутъ здѣсь богатую сокровищницу годныхъ словъ для означенія понятій, не имѣющихъ въ общеупотребительномъ языкѣ соотвѣтственныхъ выраженій; они найдутъ здѣсь чисто-нѣмецкія реченія въ почтенной прадѣдовской одеждѣ, затерянные корни, кроющіеся въ вѣковыхъ родникахъ языка, и особенно обиліе звукоподражательныхъ словъ.

„Подъ швейцарскимъ идіотизмомъ я разумѣю: а) всякое въ народномъ языкѣ еще теперь живущее слово, которое въ языкѣ письменномъ или вовсе не находится, или и есть, но не въ полной силѣ, и б) всякое даже въ общемъ нѣмецкомъ языкѣ принятое слово, какъ скоро оно имѣетъ значеніе, которое въ письменномъ языкѣ либо не было извѣстно, либо затерялось.

„Поэтому мною выпущены: а) всѣ въ мѣстномъ нарѣчіи только искаженныя или испорченныя слова письменной рѣчи, а равно незначительныя отъ нѣмецкаго языка отступленія, напр. Ambeis, Ambeiski вм. Ameise, Birre вм. Birne и т. п.; б) простыя междуметія или и членораздѣльные звуки, выражающіе чувство, такъ какъ они почти одинаковы, и в) сокращенія крестныхъ именъ, употребительныя въ просторѣчіи, напримѣръ Elsi вм. Elisabeth.

„То, что я кое-гдѣ отмѣчалъ о происхожденіи словъ, считалъ я [139] дѣломъ второстепеннымъ, и желаю, чтобы критики такъ же смотрѣли на эти отрывочныя замѣчанія. Никогда бы я не рѣшился предпринять опытъ обще-швейцарскаго идіотикона, еслибъ долженъ былъ присоединить къ нему этимологическій глоссарій, или, какъ безсмертный Лейбницъ удачно переводитъ это иностранное выраженіе,—ключъ языка (eine Sprachquelle)“.

Употребляемыя въ Баваріи нарѣчія (Mundarten) разсмотрѣны грамматически незабвеннымъ Шмеллеромъ [1]), умершимъ въ 1852 году. Вотъ какъ онъ между прочимъ разсуждаетъ:

„Излишне было бы распространяться о важности подобныхъ изслѣдованій и о значеніи народныхъ нарѣчій. Мыслящимъ любителямъ языкознанія я бы ничего новаго не могъ сказать. Тѣхъ же, которые привыкли считать слово и духовную жизнь девяти десятыхъ народа за ничто въ сравненіи съ тѣми же проявленіями въ остальной десятой части его, трудно было бы убѣдить, что свойственный массѣ народа языкъ, переходящій изъ рода въ родъ съ своими измѣненіями, есть фактъ,

---

[1]) J. And. *Schmeller*. Die Mundarten Bayerns grammatisch dargestellt etc. München, 1821.

въ которомъ болѣе нежели въ чемъ либо другомъ выражается какъ духовная, такъ и физическая жизнь и дѣятельность народа во времени, и что поэтому такіе факты столько же заслуживаютъ быть передаваемы грядущимъ поколѣніямъ для сравненія и поученія, сколько многіе другіе, составляющіе обычный предметъ такъ называемой политической исторіи.

„Для меня народныя нарѣчія передъ письменнымъ языкомъ то же, что богатый рудникъ передъ запасомъ добытаго уже и очищеннаго металла или нетронутый тысячелѣтній лѣсъ передъ такою частью его, которая обращена въ рощу. Если на явленія мѣстныхъ нарѣчій обыкновенно смотрятъ такъ, какъ простолюдинъ Италіи или Греціи смотритъ на окружающіе его повсюду обломки и развалины зданій, т. е. съ жалкою мыслью, какъ бы убрать ихъ или, пожалуй, употребить съ пользою, то они могутъ [140] разсматриваться и иначе, именно съ тѣмъ чувствомъ благоговѣнія, какое пробуждаютъ остатки сѣдой старины,—разумѣется въ томъ, кто понимаетъ ихъ значеніе. Признаюсь, что нѣчто подобное внушило мнѣ любовь къ этому роду изслѣдованій и терпѣніе, безъ котораго они невозможны".

Тотъ же Шмеллеръ позднѣе (1827 — 1837) издалъ Баварскій словарь [1]). Изъ предисловія къ этой превосходной книгѣ выпишу лишь нѣсколько строкъ, многозначительныхъ для сужденія объ однородномъ трудѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности.

„Сборниковъ такого рода никогда нельзя считать конченными; для нихъ много уже сдѣлано, когда имъ положено начало, и дѣлается все возможное, когда работа хоть сколько-нибудь продолжается". Передъ этимъ авторъ говоритъ о несовершенствѣ своего труда и въ подкрѣпленіе такого сознанія предлагаетъ всякому, кто пріобрѣтетъ его книгу, прибавить къ ней нѣсколько бѣлыхъ листовъ и записывать на нихъ всѣ слова, которыя окажутся недостающими или неудовлетворительно занесенными въ словарь, для пополненія и исправленія его при новомъ изданіи. Желаніе это выражаетъ онъ особенно относительно тѣхъ экземпляровъ, которые будутъ находиться для общаго употребленія въ публичныхъ библіотекахъ, присутственныхъ мѣстахъ и канцеляріяхъ.

Швабскій словарь Шмида (1831) [2]) снабженъ этимологическими и историческими примѣчаніями. Авторъ, какъ самъ онъ высказываетъ:

---

[1]) Шмеллеръ, котораго высоко цѣнилъ Яковъ Гриммъ, и послѣ того усердно продолжалъ собирать мѣстныя слова, дополнялъ и исправлялъ свой трудъ. Накопившіеся такимъ образомъ рукописные матеріалы доставили г. Фромману, по смерти Шмеллера, возможность предпринять новое, значительно распространенное изданіе его словаря, которое уже и начало появляться въ 1869 году (Bayrisches Wörterbuch).

[2]) J. Cp. *Schmid.* Schwäb. Wb. mit etymol. u. histor. Anmerkg. (2-е изд. Stuttg. 1849).

старался стать въ уровень съ современнымъ состояніемъ филологіи и прибавляетъ, что онъ счелъ бы потеряннымъ время, употребленное на этотъ трудъ, если бъ тутъ не было ничего [141] кромѣ собранія словъ въ алфавитномъ порядкѣ, хотя и тогда, конечно, — замѣчаетъ онъ—словарь не былъ бы безполезенъ. Здѣсь же кстати привести нѣсколько строкъ изъ книжки, хотя и совсѣмъ другого рода, но по содержанію близкой къ занимающему насъ вопросу: „Der Oldenburger in Sprache und Sprüchwort" [1]). Такова особенно первая глава ея: „Языкъ есть народъ", въ которой находимъ слѣдующее замѣчаніе: „Каждая особенность языка — состоитъ ли она въ необыкновенномъ выговорѣ или удареніи, открываемъ ли ее у цѣлаго народа или у нѣкоторой части его,—не должна казаться намъ одной случайной, смѣшной привычкой или чѣмъ-либо подобнымъ; не надобно никогда забывать, что всякая такая особенность языка находится въ связи съ своеобразною духовною жизнью цѣлаго народа или части его. Случайная особенность, не соотвѣтствуя потребностямъ духа, не могла бы распространиться, или, еслибъ по какой-нибудь модѣ и сдѣлалась до нѣкоторой степени общею, — все-таки была бы вскорѣ оставлена, какъ неловкая и стѣснительная".

Авторъ нижненѣмецкаго словаря, изданнаго 1858 г. въ Ганноверѣ (см. выше на стр. 99), выставляетъ еще новую научную сторону важности подобныхъ трудовъ. „Въ нихъ", говоритъ онъ, „удовлетворяется не одинъ литературный интересъ... Какъ ни высоко должно цѣнить мѣстныя нарѣчія для болѣе глубокаго изученія всего языка, — они имѣютъ еще высшее значеніе для разнообразнѣйшихъ областей исторіи, особенно же для возникающей только въ наше время культурной исторіи. Для разысканія древнихъ племенныхъ отношеній кроется въ народныхъ нарѣчіяхъ богатѣйшій источникъ, и будущій бытописатель при помощи ихъ можетъ проникнуть въ такую эпоху, которая восходитъ далеко за предѣлы письменныхъ памятниковъ".

Сравнивая всѣ эти выписки, мы находимъ, что нѣмецкіе мыслители, которыхъ труды передъ нами, совершенно согласны между собою въ главномъ, т. е. въ общемъ воззрѣніи на языкъ [142] народный, на мѣстныя нарѣчія, какъ на драгоцѣнное и существенное, даже необходимое дополненіе къ языку литературному. Только въ подробностяхъ выполненія задачи мнѣнія лексикографовъ нѣсколько расходятся, и именно тутъ можно отличить два главныя направленія: одни вносятъ въ словарь всѣ безъ изъятія слова мѣстнаго нарѣчія, находя, что только въ массѣ всѣхъ разнообразныхъ явленій языка можно видѣть отраженіе народнаго духа; другіе исключаютъ извѣстные разряды словъ, напримѣръ слова ругательныя, или вообще служащія

---

[1]) Von Dr. J. *Goldschmidt.* Oldenburg 1847.

для выраженія слишкомъ низкихъ понятій, междуметія, сокращенныя имена собственныя, звуки, употребляемые для скликанія животныхъ, слова слишкомъ мѣстныя или повидимому недолговѣчныя, также тѣ, которыя въ звукахъ представляютъ только видоизмѣненіе другихъ извѣстныхъ словъ. Сверхъ того одни ограничиваются простымъ объясненіемъ значенія, другіе присоединяютъ къ тому замѣтки о происхожденіи словъ, о мѣстныхъ обычаяхъ, играхъ и пр. Понятно, что такія дополненія могутъ придать словарю много интереса и достоинства; но отсутствіе ихъ не отнимаетъ цѣны у такого труда, въ основаніе котораго положенъ менѣе сложный планъ. А что касается до опущенія разнаго рода словъ, то также ясно, что оно требуетъ большой осторожности, потому что, отбрасывая повидимому только лишнее, легко наложить руку и на такія слова, которыя имѣли бы свою относительную, а иногда безусловную важность для полноты соображеній изслѣдователя. По этому предмету приведу мнѣніе современнаго скандинавскаго филолога Осена (Aasen), выраженное имъ въ замѣчательномъ словарѣ народнаго норвежскаго языка [1]). Разсуждая объ исключеніи словъ, отличающихся только видоизмѣненіемъ звуковъ, онъ такъ оговаривается:

„Однакожъ часто случается, что слово, которое такимъ образомъ кажется неважнымъ по значенію, бываетъ важно по формѣ, [143] когда имъ поясняется какой-нибудь переходъ звуковъ въ языкѣ или цѣлое семейство словъ. Поэтому надо быть осмотрительнымъ въ такихъ опущеніяхъ: въ отвергнутомъ словѣ можетъ впослѣдствіи оказаться польза, какой въ немъ сперва не подозрѣвали. Въ началѣ моего труда я былъ очень склоненъ къ исключенію подобныхъ словъ, опасаясь, что ихъ наберется слишкомъ большое множество и что они повредятъ достоинству языка. Но по мѣрѣ того, какъ мнѣ становилось яснымъ, что многія слова этого рода имѣютъ глубокое основаніе въ законахъ языка и находятся въ связи съ истинно-древними формами, я все менѣе и менѣе брезгалъ излишними на первый взглядъ словами; итакъ они у меня включены, но съ возможною краткостью въ объясненіяхъ, отчасти съ одною ссылкою на другое болѣе извѣстное слово того же значенія“.

Представленныя мною сужденія иностранныхъ лингвистовъ достаточно показываютъ, какъ должно смотрѣть съ точки зрѣнія европейской науки на предпріятіе 2-го Отдѣленія Академіи наукъ собрать всѣ областныя слова великорусскаго языка; слѣдовательно, вопросъ только въ томъ, какъ это предпріятіе выполнено? Опытъ Областного Словаря былъ изданъ до моего поступленія въ Академію; я не при-

---

[1]) Ordbog over det Norske Folkesprog, af Ivar Aasen. Kristiania 1850. — Въ 1873 г. напечатано 2-е, значительно распространенное изданіе этого словаря.

надлежалъ къ ней и тогда, когда уже приготовлялись Дополненія къ Опыту: итакъ могу говорить объ этомъ дѣлѣ совершенно безпристрастно. При обширности съ одной стороны плана, обнимающаго всѣ великорусскія нарѣчія, а съ другой—непомѣрнаго пространства, въ предѣлахъ котораго они живутъ въ устахъ народа, Отдѣленію предлежалъ трудъ огромный, возможный только при тѣхъ способахъ, какіе предоставлены были Академіи содѣйствіемъ Министерства народнаго просвѣщенія. Изъ напечатаннаго при Словарѣ указанія источниковъ видно, какое множество лицъ, по большей части училищнаго вѣдомства, занималось на мѣстахъ собираніемъ словъ и слѣдовательно приготовленіемъ матеріаловъ для задуманнаго изданія. При всемъ томъ эти матеріалы не могли быть полны, и Отдѣленіе, какъ показываетъ помѣщенное передъ Словаремъ предисловіе, само ясно [144] сознавало ихъ недостаточность. Но какимъ правиламъ Отдѣленіе слѣдовало въ подробностяхъ труда своего, объ этомъ, къ сожалѣнію, оно не сочло нужнымъ распространяться. Изъ его предисловія мы узнаемъ только слѣдующее относительно состава Словаря: „Между областными словами языковъ обыкновенно различаютъ три рода реченій: первый родъ составляютъ слова, уклонившіяся отъ нормальнаго употребленія языка, нерѣдко искаженныя до крайности, или иноземныя слова, заимствованныя отъ сосѣднихъ инородцевъ, частію вѣрно сохранившіяся, частію измѣненныя; ко второму роду относятся слова, нѣкогда принадлежавшія къ общему языку народа и вытѣсненныя изъ него другими, а уцѣлѣвшія въ народѣ вмѣстѣ съ завѣтною прародительскою пѣснью, сказкой, пословицею; третьяго рода слова родились вслѣдствіе понятій, образовавшихся отъ предметовъ окружающей человѣка природы и отъ особенныхъ занятій народа. Издаваемый Словарь содержитъ въ себѣ реченія всѣхъ трехъ родовъ. Такое собраніе безъ сомнѣнія драгоцѣнно; въ немъ даже удержаны слова, обезображенныя мѣстнымъ выговоромъ, тѣмъ не менѣе подтверждающія опредѣленные законы звукосочетанія“.—Но употреблены ли въ дѣло всѣ безъ изъятія слова, доставленныя въ Отдѣленіе, или оно пользовалось ими съ нѣкоторыми ограниченіями, и вообще, какими соображеніями оно руководствовалось, поступая такъ, а не иначе, все это вопросы, которые въ предисловіи не разрѣшаются. Впрочемъ многое объясняетъ намъ самый текстъ Словаря. Каждое слово обозначается въ немъ троякимъ образомъ, т. е. мы узнаемъ: 1) его удареніе, 2) его значеніе, нерѣдко подкрѣпляемое фразами, 3) губерніи и иногда уѣзды, гдѣ слово подслушано собирателями. Изъ этихъ трехъ указаній наименѣе удовлетворяетъ насъ послѣднее: намъ важно знать не то, гдѣ слово случайно, такъ сказать, уловлено, а далеко ли употребленіе его распространяется. Конечно, на первый случай необходимо и то неполное указаніе мѣстностей, какое намъ даетъ Словарь, но на это указаніе надобно

смотрѣть только какъ на матеріалъ для болѣе точныхъ и полныхъ по этому предмету свѣдѣній [145] впослѣдствіи. Покуда мы можемъ только, по характеру, образованію или происхожденію слова, догадываться о степени обширности его географическихъ предѣловъ. Въ этомъ отношеніи слова, входящія въ составъ Словаря, раздѣляются повидимому на 3 категоріи: 1) слова, принадлежащія дѣйствительно одной только или нѣсколькимъ мѣстностямъ—слова областныя; 2) слова, употребляемыя великорусскими простолюдинами по всему или почти по всему пространству Россіи—слова народныя, и 3) слова, не чуждыя даже и языку образованныхъ сословій великороссіянъ — слова общеупотребительныя. Словъ этого послѣдняго разряда въ лексиконѣ конечно не много, и Отдѣленіе вносило ихъ, въ видѣ исключенія, только въ такомъ случаѣ, когда они опущены въ академическомъ Словарѣ общеупотребительнаго языка, или хотя и находятся въ немъ, но не во всѣхъ своихъ значеніяхъ объяснены. Поступая такъ, Отдѣленіе безъ сомнѣнія побуждалось тѣмъ соображеніемъ, что всѣ его лексическіе труды составляютъ какъ бы одно цѣлое и должны пополнять другъ друга. Этотъ взглядъ оправдывается практическою его пользою при употребленіи лексикографическихъ изданій Академіи. Сказанное мною до сихъ поръ о разсматриваемомъ Словарѣ приводитъ къ заключенію, что заглавіе его не вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію, и именно въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, это въ собственномъ смыслѣ не областной словарь, а словарь народнаго языка или, еще вѣрнѣе,—въ совокупности, народнаго великорусскаго языка и областныхъ его различій. У насъ на всемъ огромномъ пространствѣ, занимаемомъ великороссіянами, слышится одинъ и тотъ же народный языкъ [1]), и отличія его въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ ограничиваются, вообще говоря, либо оттѣнками выговора, либо частностями въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніяхъ. Во-вторыхъ, въ настоящемъ своемъ видѣ это изданіе представляетъ не болѣе какъ *матеріалы* для полнаго словаря такого рода.

[146] Но эти матеріалы такъ драгоцѣнны, что изданіе ихъ всегда будетъ составлять эпоху въ исторіи разработки русскаго языка и одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ дѣятельности 2-го Отдѣленія Академіи Наукъ. Такое значеніе Опыта Областного Словаря, какъ перваго начинанія въ дѣлѣ, которое должно имѣть обширное развитіе въ будущемъ,—кажется, налагало на Отдѣленіе обязанность сообщить собранные имъ матеріалы во всей ихъ полнотѣ и цѣлости. Въ виду разнообразнаго примѣненія, какое подобный словарь можетъ имѣть при всякихъ разысканіяхъ надъ языкомъ, еще весьма недостаточно изслѣ-

---

[1]) Та же мысль высказана Далемъ въ статьѣ, еще неизвѣстной мнѣ въ то время, когда я писалъ эти строки. См. выше, стр. 20 и 21.

дованнымъ, не должно было пренебрегать никакимъ словомъ, никакимъ измѣненіемъ звуковъ или ударенія въ словахъ уже извѣстныхъ, ничѣмъ, что̀ можетъ послужить сколько-нибудь полезнымъ указаніемъ наблюдателю, желающему изучить современный намъ языкъ во всѣхъ его явленіяхъ. Повидимому Отдѣленіе такъ и поступило. Если при этомъ въ словарь вошли кое-какія невѣрности или излишества, то съ ними легче примириться, нежели съ невознаградимыми пропусками и недомолвками, которые были бы неизбѣжны при большей заботливости объ очищеніи словаря отъ словъ сомнительныхъ. Слова, которыя впослѣдствіи окажутся невѣрно записанными или излишними, легко могутъ быть исправлены или отброшены: для пріобрѣтенія болѣе дѣятельной помощи въ этомъ отношеніи, а также для постояннаго пополненія словаря, надлежало, кажется, разослать экземпляры его ко всѣмъ мѣстамъ и лицамъ, отъ которыхъ получаемы были матеріалы, — съ просьбою заняться просмотромъ словъ, относящихся къ мѣстности, гдѣ живетъ каждый изъ этихъ сотрудниковъ.

Такимъ образомъ Опытъ Областного Великорусскаго Словаря уже и въ настоящемъ своемъ видѣ представляетъ трудъ чрезвычайно полезный для изученія русскаго языка и народа. Въ краткомъ предисловіи, напечатанномъ при Словарѣ [1]), объ этой пользѣ говорится съ замѣчательною сдержанностью и даже какъ [147] будто безъ полнаго сознанія всей важности труда. Если бъ нужно было точнѣе опредѣлить услуги, обѣщаемыя подобнымъ словаремъ, то можно бы обозначить ихъ слѣдующимъ образомъ:

1) Областныя слова дополняютъ и поясняютъ общеупотребительныя, указывая часто ихъ корень, составъ или первоначальное значеніе. Вотъ нѣсколько тому примѣровъ:

Въ общеупотребительномъ языкѣ часто слышится прилагательное *безалаберный*, но нѣтъ слова, отъ котораго можно бы произвести его; въ нашемъ Областномъ Словарѣ находимъ существительное *алаборъ*, порядокъ, записанное въ Тверской губерніи.

Въ общеупотребительномъ языкѣ не видимъ, откуда взялось имя *оскомина;* въ народномъ же открываемъ глаголы *скомить*—имѣть боль въ какой-либо части тѣла—и *скомлѣть*—страдать отъ болѣзни: лошадь скомѝтъ на заднюю ногу, онъ что-то скомѝтъ лѣвой рукой.

Извѣстный глаголъ *угомонить* объясняется областнымъ словомъ *гомонъ* — громкій говоръ, шумъ въ толпѣ людей, крикъ. Въ томъ же смыслѣ слышится мѣстами *гомъ*, или *гомъ*, а это — то же самое, что болѣе употребительное слово *гамъ*, отъ котораго въ народномъ языкѣ произведены еще глаголы: *гамить*, *гамѣть* и *гамять*. Переходъ отъ значенія имени *гомонъ* къ значенію общеупотребительнаго глагола *уго-*

---

[1]) Оно было со̀ставлено покойнымъ И. И. Давыдовымъ.

монитъ объясняется намъ областнымъ безпредложнымъ *гомонитъ* въ смыслѣ говорить потихоньку, дружески: что вамъ за дѣло? мы гомонимъ про себя, а не про другихъ.

Первоначальное значеніе глагола *страдать* — работать — является еще очевиднѣе въ областномъ языкѣ, нежели въ извѣстныхъ словахъ: *страда* и *страдная* работа. Въ Арх. губ. говорятъ: сей годъ мы рано *пострадали*, вмѣсто: рано кончили работы. Тамъ же имя *страдáлъ* означаетъ работника въ полѣ, и такимъ образомъ вполнѣ выясняетъ намъ старинное употребленіе слова *страдалецъ* въ смыслѣ подвижника.

Мы знаемъ слово *опоекъ* только въ значеніи выдѣланной телячьей кожи, но Областной Словарь знакомитъ насъ съ настоящимъ, [148] кореннымъ значеніемъ этого имени—теленокъ (опивающійся молокомъ). Въ Вятской губерніи, гдѣ оно замѣчено, говорятъ *опойчина* вмѣсто телятина.

Въ сѣверной же Россіи сохранилось древнее значеніе имени *стогъ*, т. е. куча вообще, тогда какъ до сихъ поръ это слово было извѣстно намъ только въ своемъ частномъ примѣненіи къ означенію кучи сѣна. Подтвержденіе того, что имя *стогъ* первоначально означало вообще кучу, представляютъ намъ языки германскіе въ своихъ подобозвучныхъ именахъ stock (нѣм.), stack (шв.) и пр.

Происхожденіе имени *рычагъ* ясно видно изъ областной болѣе чистой его формы *ручагъ* (отъ руки). Есть языки, въ которыхъ понятіе рычага выражается, между прочимъ, сложнымъ существительнымъ, первою частію котораго служитъ именно слово *рука* (ср. англ. handspike).

Въ акад. Словарѣ Церковно-Славянскаго и Русскаго языка слово *тло* объяснено такъ: „то же, что *тлѣнъ*; употребляется только въ выраженіи: до тла. Пожаръ истребилъ мой домъ до тла". Это же слово встрѣчаемъ въ Опытѣ Областнаго Словаря съ такимъ объясненіемъ: „Дно въ ульѣ". Дальнѣйшія изслѣдованія, къ которымъ это указаніе приводитъ насъ, при помощи другихъ славянскихъ нарѣчій, убѣждаютъ, что *тло* не имѣетъ ничего общаго съ *тлѣномъ*, а значитъ и въ приведенномъ выраженіи: *дно, земля:* домъ сгорѣлъ до тла, значитъ — до самаго основанія, до поверхности земли [1]).

Приведенныхъ примѣровъ уже достаточно, чтобы доказать, какое обильное средство для полнѣйшаго пониманія общеупотребительнаго языка представляютъ слова областныя.

2) Посредствомъ областныхъ словъ объясняются также многія имена собственныя, которыя вслѣдствіе того иногда оказываются нарицательными или по крайней мѣрѣ имѣющими корень [149] въ языкѣ. Такъ въ именахъ *Ильмень, Ряса, Соловки* открывается опредѣленное значеніе: *ильмень* есть озеро, поросшее камышомъ; *ряса*, названіе мно-

[1]) См. выше стр. 29.

гихъ рѣчекъ въ Рязанской губерніи, означаетъ вообще топкое или просто мокрое мѣсто (то же, что Нева, по-фински newo). Сло́ва *соловки* собственно нѣтъ въ Областномъ Словарѣ, но мы находимъ тамъ почти тожественное съ нимъ по своей формѣ и вѣроятно подобозначащее *соловцы* — бѣлые валы на рѣкѣ во время вѣтра. Не называются ли волны на Бѣломъ морѣ въ бурную погоду *соловками* у прибрежныхъ жителей? Любопытно также объясненіе именъ *Кострома, Калуга.*

3) Областныя русскія слова дополняютъ и поясняютъ другія славянскія нарѣчія и вообще доставляютъ важный матеріалъ для сравнительной филологіи. Въ общеупотребительномъ языкѣ нѣтъ многихъ корней, которые отыскиваются въ его нарѣчіяхъ. Такъ, для выраженія понятія *кусокъ* употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи слово, котораго корень встрѣчается во всѣхъ сѣверныхъ языкахъ, но которое у насъ въ литературномъ нарѣчіи неизвѣстно. Это слово — *кова́локъ,* находящееся и въ польскомъ языкѣ (kawał, kawałek); — въ исландск. kafli, въ финск. kappale. Подобныя наблюденія иногда могутъ вести къ интереснымъ результатамъ.

4) Областныя нарѣчія служатъ къ поясненію старинныхъ памятниковъ языка, представляя слова, хранящіяся въ этихъ письменныхъ памятникахъ, но исчезнувшія изъ образованной рѣчи: такимъ образомъ живой народный языкъ подтверждаетъ и какъ бы воскрешаетъ ихъ настоящее значеніе. Въ этомъ отношеніи любопытно, напримѣръ, что слово *навье,* которое недавно еще извѣстно было только изъ остатковъ древняго языка, живетъ и нынѣ въ устахъ народа въ нашихъ центральныхъ губерніяхъ: „навье — мертвецъ (Орл.); навій — относящійся къ мертвецу (Кур., Тул.)“. Сравненіе же съ чеш. nawiti (утомлять) приводитъ насъ къ заключенію, что эти слова въ этимологическомъ сродствѣ съ нашими *ныть, унывать* (слава, слыть). Слова́ *туга* (тоска) [150] и *буесть* (отвага), вслѣдствіе появленія Областного Словаря, должны быть также исключены изъ числа обветшалыхъ, и даже прозваніе перваго великаго князя Московскаго — *калита* употребляется до сихъ поръ, какъ нарицательное имя, въ разныхъ губерніяхъ.

5) Въ областныхъ нарѣчіяхъ можно найти иногда указаніе, что то или другое общеизвѣстное слово искажено употребленіемъ и первоначально имѣло другую болѣе правильную форму. Такъ, по значенію, въ которомъ мѣстами употребляется слово *сланецъ* (мелкій кустарникъ, стелющійся по землѣ), становится очевиднымъ, что собственно это слово, извѣстное у насъ въ другомъ смыслѣ, должно писаться *стланецъ* (вмѣсто *постлать* такимъ же образомъ слышится *послать*). А по аналогіи можемъ предположить, что слова *слой* и *слюда* того же происхожденія и по-настоящему также должны бы имѣть форму: *стлой, стлюда* (слюда состоитъ изъ тончайшихъ пластинокъ или слоевъ).

6) Находимыя въ Областномъ Словарѣ ударенія, то сходныя съ

удареніями общеупотребительныхъ словъ, то отличающіяся отъ нихъ, составляютъ весьма существенное пособіе при изслѣдованіи законовъ просодіи русскаго языка.

7) Областныя нарѣчія могутъ служить къ обогащенію общеупотребительнаго языка, представляя часто матеріалы для удачнаго выраженія такихъ понятій, для которыхъ въ немъ недостаетъ соотвѣтствующихъ словъ. Въ примѣръ подобныхъ случаевъ приведу два слова, означающія довольно обыкновенныя естественныя явленія: *подина*— ледъ, находящійся въ землѣ и тающій позднѣе прочаго,—и *временить* или *времениться* — измѣнять видъ свой вдали, отъ преломленія лучей въ воздухѣ: острова временятъ. Такихъ, не только не излишнихъ, но и необходимыхъ новыхъ реченій для понятій всякаго рода можно отыскать въ Областномъ Словарѣ очень много.

8) Областныя слова, выражая часто черты мѣстной физіономіи края или населенія, представляютъ драгоцѣнныя указанія для изученія нравовъ и обычаевъ народа.

[151] Наконецъ, чтобъ однимъ словомъ опредѣлить всю важность Опыта Областного Словаря, несмотря на его относительное несовершенство, скажемъ, что безъ помощи его не можетъ уже обойтись ни одно изслѣдованіе въ области русскаго языка, сколько-нибудь полное и основательное.

ПО ПОВОДУ НѢМЕЦКОЙ БРОШЮРЫ ПРОФЕССОРА КЛАУСА ГРОТА

О МѢСТНЫХЪ НАРѢЧІЯХЪ.

Über Mundarten und mundartige Dichtung. Von Claus Groth. Berlin 1873.

1873.

---

[152] Авторъ, пріобрѣтшій своими стихотвореніями на нижненѣмецкомъ нарѣчіи громкую извѣстность въ цѣлой Германіи (его „Quickborn" имѣлъ нѣсколько изданій), собралъ всѣ свои прежнія статьи по этому вопросу и является въ нихъ горячимъ защитникомъ областныхъ нарѣчій противъ тѣхъ, которые признаютъ за ними слишкомъ мало значенія въ общемъ движеніи литературы. По мнѣнію автора, общеупотребительный письменный языкъ есть не болѣе какъ равнымъ образомъ нарѣчіе, но только искуственное, въ которомъ многія особенныя и истинныя формы языка искажены неумѣстнымъ усердіемъ и произволомъ преобразователей книжной рѣчи. Къ числу ихъ онъ относитъ особенно Опица и Готшеда, и упрекаетъ самого Якова Гримма въ несовершенно правильномъ пониманіи настоящаго отношенія образованнаго письменнаго языка къ мѣстнымъ нарѣчіямъ. Эти нарѣчія, говоритъ авторъ брошюры, вовсе не суть отрасли, постепенно образовавшіяся искаженіемъ изъ одного цѣлаго, а составляютъ скорѣе корни, если смотрѣть на письменный языкъ какъ на стволъ; это естественные притоки, постоянно долженствующіе приносить жизнь и обиліе общеупотребительному языку. Онъ изсякнетъ, если отъ него отрѣзать нарѣчія, доставляющія ему жизненные соки.

[153] Очень любопытны въ разсматриваемой брошюрѣ свѣдѣнія сообщаемыя авторомъ о развитіи въ послѣднее десятилѣтіе литературы германскихъ нарѣчій, не только сѣверныхъ, давно уже разрабатываемыхъ, но и южныхъ, пробудившихся къ литературной жизни особенно вслѣдствіе появленія, въ началѣ нынѣшняго вѣка, знаменитаго Гебеля. Его стихотворенія на аллеманскомъ нарѣчіи, извѣстныя отчасти и у насъ по переводамъ Жуковскаго, доказали, что мѣстныя формы языка не могутъ мѣшать распространенію въ образованномъ свѣтѣ произведеній замѣчательнаго таланта. Гебель причисленъ къ

общегерманскимъ писателямъ, и стихамъ его даютъ мѣсто въ поэтическихъ сборникахъ на ряду со стихами Гэте и Шиллера.

Такимъ образомъ въ Германіи областныя нарѣчія не только подвергаются изслѣдованію въ ученыхъ трудахъ, которыхъ обиліе было показано мною въ предыдущей статьѣ, но разработываются и въ художественной литературѣ. Если отъ Германіи обратимся къ Россіи, то найдемъ, что у насъ дѣло областныхъ нарѣчій находится совершенно въ другомъ положеніи. На обширной русской равнинѣ такое раздробленіе нарѣчій вовсе невозможно, и литературы на нихъ, за исключеніемъ малороссійскаго языка, мы не знаемъ. Но что касается научнаго изученія нашихъ мѣстныхъ говоровъ, то въ этомъ отношеніи желательно было бы видѣть болѣе дѣятельности. Во-первыхъ, и въ самомъ собираніи словъ и въ повѣркѣ собранныхъ остается еще весьма много сдѣлать; во-вторыхъ, столько же важно было бы изучать наши нарѣчія въ фонетическомъ и грамматическомъ отношеніяхъ. То, что у насъ до сихъ поръ сдѣлано по этому предмету, слишкомъ маловажно. Весьма полезно было бы, если бъ между разсѣянными по нашимъ губерніямъ преподавателями русскаго языка пробудилась охота подмѣчать особенности мѣстныхъ говоровъ, собирать, сличать ихъ и доставлять свои наблюденія Отдѣленію [1]).

[1]) Имѣется въ виду Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императ. Академіи Наукъ. *Ред.*

СЛОВАРЬ ОБЛАСТНОГО АРХАНГЕЛЬСКАГО НАРѢЧІЯ

въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи. Собралъ на мѣстѣ и составилъ Александръ Подвысоцкій. Рукопись листового формата, 559 стр. кромѣ предисловія [1]).

1881.

[154] Извѣстно, какой важный элементъ въ изученіи родного языка составляютъ мѣстныя нарѣчія. Отдѣленіе русскаго языка и словесности давно сознавало это, какъ доказываетъ изданный имъ въ 1852 г. „Опытъ Областного Великорусскаго Словаря". Впрочемъ, значеніе мѣстныхъ нарѣчій понимали у насъ еще гораздо ранѣе: свидѣтельство тому мы видимъ въ Трудахъ московскаго Общества любителей Россійской Словесности, гдѣ еще въ началѣ 1820-хъ годовъ печатались списки словъ, собранныхъ въ разныхъ частяхъ Россіи. Къ сожалѣнію, въ 30 лѣтъ, протекшихъ со времени изданія помянутаго словаря, сдѣлано въ этомъ отношеніи очень мало. Единственнымъ трудомъ, существенно обогатившимъ съ тѣхъ поръ нашу лексикографію, является безспорно словарь Даля, хотя и ему однимъ изъ главныхъ источниковъ послужили академическіе словари, и между прочимъ нашъ Областной Словарь. Нападая, иногда очень рѣзко, въ своихъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, на лексикографическіе труды Академіи, Даль черпалъ однакожъ изъ нихъ полною рукою; такъ изъ Областного [155] нашего Словаря заимствовано имъ не только большинство находящихся у него провинціальныхъ словъ, но и самые примѣры къ нимъ, равно какъ имъ извлечены изъ большого академическаго словаря всѣ выраженія, служащія подтвержденіемъ старинныхъ словъ. Если кромѣ словаря Даля, мы назовемъ еще Бѣлорусскій словарь Носовича и нѣсколько краткихъ, далеко не полныхъ малорусскихъ глоссаріевъ, то этимъ исчерпается почти вся наша лексикографическая литература

---

[1]) На основаніи этого разбора г. Подвысоцкому въ 1881 году присуждена Ломоносовская премія. Впослѣдствіи словарь этотъ доставленъ въ академію въ переработанномъ видѣ вдовою составителя, умершаго 22-го февраля 1883 года.

за послѣднія три десятилѣтія. Касательно *архангельскаго нарѣчія* напечатано у насъ до сихъ поръ лишь нѣсколько небольшихъ списковъ принадлежащихъ ему словъ. Нѣкоторые изъ этихъ списковъ относятся къ годамъ, предшествовавшимъ изданію нашего Областного Словаря. Такъ въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1847 годъ (часть неофиціальная) съ № 4-го по 41-й помѣщено составленное Павломъ Кузмищевымъ довольно значительное „Собраніе особенныхъ словъ, употребляемыхъ жителями Архангельской губерніи и мореходами на Бѣломъ морѣ и Сѣверномъ океанѣ". Въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества (книга IV, 1850 г., стр. 121 — 167) мы находимъ весьма дѣльную статью покойнаго А. И. Шренка [1]) со спискомъ 374-хъ словъ, подъ заглавіемъ: „Областныя выраженія русскаго языка въ Архангельской губерніи". Въ новѣйшее же время въ „Трудахъ Архангельскаго Статистическаго Комитета" (кн. I, 1866, стр. 45 — 49) напечатано небольшое собраніе провинціализмовъ этой губ. и въ особенности Кемскаго уѣзда, доставленное Р. Колповскимъ. Къ списку словъ приложено нѣкоторое число пословицъ и поговорокъ, загадокъ, прибаутокъ и баекъ или колыбельныхъ пѣсенъ (стр. 50—59), сообщенныхъ А. К. Шешенинымъ. Наконецъ, въ Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности (томъ VII) въ 1869 г. напечатаны извѣстнымъ нашимъ ученымъ Н. Я. Данилевскимъ дополненія къ академическому Областному Словарю, въ которыхъ всего многочисленнѣе слова́, записанныя имъ, по [156] просьбѣ Отдѣленія, во время путешествія по Архангельской губерніи [2]).

Нынче представленъ въ Отдѣленіе рукописный „Словарь областного архангельскаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи", составленный управляющимъ Архангельскою конторою Государственнаго банка Александромъ Осиповичемъ Подвысоцкимъ. Здѣсь количество словъ, занимающихъ 450 страницъ въ листъ, простирается до нѣсколькихъ тысячъ; въ концѣ на 8 страницахъ помѣщено собраніе употребительныхъ въ губерніи загадокъ. Составитель этого труда, уроженецъ Малороссіи, прожившій 10 лѣтъ безвыѣздно въ Архангельской губерніи и такимъ образомъ обладающій преимуществомъ полнаго практическаго знакомства съ двумя главными нарѣчіями русскаго языка, изучилъ этотъ край въ разныхъ направленіяхъ, бывалъ на Мурманскомъ берегу и даже прошелъ Сѣверный океанъ, отъ Норвежской границы до Новой Земли включительно. Во время своихъ переѣздовъ онъ постоянно записывалъ поражавшія его

[1]) Брата нашего академика Леопольда Ивановича.

[2]) Не упоминаю о спискѣ словъ, собранныхъ въ Вологодской губерніи Суровцевымъ и Фортунатовымъ и помѣщенныхъ въ Трудахъ моск. Общества люб. р. слов., такъ какъ между говорами употребительными въ двухъ сосѣднихъ губерніяхъ, при многихъ сходныхъ провинціализмахъ, могутъ быть и значительныя различія.

своими особенностями слова́, обороты, поговорки и т. п., и такимъ-то образомъ составился находящійся нынѣ въ рукахъ нашихъ словарь.— Собранныя г. Подвысоцкимъ народныя изреченія, пословицы, загадки и пр. послужили ему примѣрами для подкрѣпленія расположенныхъ въ азбучномъ порядкѣ словъ. Кромѣ того онъ пользовался въ этомъ случаѣ академическимъ Областнымъ Словаремъ и Толковымъ Словаремъ Даля, насколько они представляли подходящихъ къ специальной цѣли его матеріаловъ, и вдобавокъ отмѣтилъ соотвѣтственными объясненіями тѣ изъ словъ архангельскаго нарѣчія, которыя въ томъ же видѣ и значеніи встрѣчаются также въ польскомъ языкѣ и малорусскомъ нарѣчіи. Но особенный интересъ его труду придаютъ помѣщенныя при множествѣ словъ бытовыя подробности по разнымъ отраслямъ [157] народной жизни.—Намѣреваясь представить нѣсколько образчиковъ содержанія словаря въ этомъ отношеніи, займемся напередъ вопросомъ о степени полноты его.

Уже и самое поверхностное сличеніе этого труда съ тѣми списками словъ архангельскаго нарѣчія, которые выше мною исчислены, покажетъ, что они по количеству содержащихся въ нихъ словъ не могутъ даже и итти въ сравненіе съ словаремъ г. Подвысоцкаго. Но затѣмъ можетъ оставаться сомнѣніе, не заключаютъ ли они въ себѣ такихъ словъ или поясненій къ нимъ, которыхъ нѣтъ въ настоящей рукописи. Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, я, при разсмотрѣніи словаря г. Подвысоцкаго, безпрестанно обращался то къ тому, то къ другому изъ помянутыхъ списковъ, и наоборотъ, отыскивалъ въ немъ слова, разсѣянныя въ спискахъ, и убѣдился, что за весьма рѣдкими исключеніями онъ соединяетъ въ себѣ не только все, что разбросано въ этихъ спискахъ, но по большей части при тѣхъ же словахъ, которыя помѣщены и въ нихъ, содержитъ поясненія, болѣе обстоятельныя и болѣе полныя. Приведу тому нѣсколько примѣровъ, при чемъ однакоже я долженъ заранѣе сдѣлать оговорку, что результатъ сравненія никакъ не можетъ служить въ укоръ предшественникамъ г. Подвысоцкаго, такъ какъ они, при собираніи словъ, и не имѣли въ виду того сравнительно обширнаго плана, какимъ онъ задался, записывая слова большею частію только случайно и, такъ сказать, мимоходомъ.

О словѣ *пахать*, имѣющемъ въ Архангельской губерніи свое особенное значеніе, на которое уже было обращено вниманіе въ нашемъ Областномъ Словарѣ, у одного изъ прежнихъ собирателей (Ш.) сказано только: „*мести;* такъ *подпахать, выпахать* вм. *подмести, вымести,* напр. *выпаши дворъ*"; у другого (К.): „кромѣ извѣстной земледѣльческой работы, значитъ еще: мести полы, подметать соръ въ комнатѣ. И съ предлогомъ: *вы, под. Подпахнуть* полъ въ избѣ. Трубу *пахать*—очищать отъ сора дымовую трубу у печки". Г. Подвысоцкій, не довольствуясь этими поясненіями и примѣрами, приводитъ подъ словомъ

пахать цѣлый рядъ [158] фразъ, въ которыхъ выражаются любопытныя народныя примѣты и повѣрья: *соръ при паханьи вынести на улицу— вынести богатство изъ дому* (слѣдуетъ сожигать въ печи); *избу паши, сору на улицу не мечи; послѣ отъѣзда кого-либо изъ домашнихъ не пашутъ три дня полу, а выпашешь — уѣхавшій не воротится; пахать полъ, когда обѣдаютъ — къ убытку; кто не сойдетъ съ мѣста когда пашутъ полъ, и его обметутъ вокругъ,—того будутъ обходить люди; не чисто пашетъ дѣвушка полъ,—мужъ будетъ бѣдный и въ долгахъ; отойдетъ дѣвушка, не окончивъ паханье пола, къ другому дѣлу — мужъ будетъ буйный и натерпится она отъ побоевъ.*

Затѣмъ приведено еще употребленіе того же слова въ выраженіи: „пахать смолу" (производить смолокуренный промыселъ). Это послѣднее употребленіе указано впрочемъ уже и нашимъ Областнымъ Словаремъ, а затѣмъ отмѣчено и Далемъ.

Слово: *дворъ* въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ объяснено только слѣдующимъ образомъ: „Мѣсто на морѣ, огороженное сѣтями, когда промышляютъ бѣлугъ". У г. Данилевскаго сказано: „то же, что *разъѣздъ:* широкое отверстіе, образуемое большимъ обручемъ, или, лучше сказать, передняя часть мережи"... Г. Подвысоцкій соединяетъ оба эти значенія слова въ слѣдующемъ подробномъ толкованіи: „Дворъ: 1) Огороженное сѣтями пространство въ морѣ для ловли бѣлухъ обмётными неводами (составной изъ многихъ сѣтей ставной неводъ). Освѣдомившись о мѣстѣ, гдѣ появились бѣлухи, промышленники отправляются туда съ порядочнымъ числомъ карбасовъ съ неводами, и окружая осторожно, чтобы не спугнуть звѣря, данную мѣстность, обставляютъ ее со всѣхъ сторонъ неводами какъ бы стѣною. Обходить такимъ образомъ мѣстность карбасами и обставлять ее неводами называется: *сдвáривать*, а обходъ—*сдвáриваніе.* Когда начинается сдвариваніе, два среднихъ карбаса,—такъ называемые *корневые кáрбасы,*—сблизившись между собою, остаются нѣсколько назади, между тѣмъ какъ остальные карбасы продолжаютъ обходное движеніе, подаваясь справа и слѣва впередъ; [159] изъ числа ихъ два крайнихъ карбаса, т. е. по одному съ той и съ другой стороны, называются: *клячевые* или *заѣздные карбасы,* и, какъ руководящіе всѣмъ дѣломъ сдвариванія, управляются самыми опытными промышленниками (Кем. Онеж.). 2) Мотня у невода, сажня въ четыре длины, ширины и вышины, для ловли сельдей (Онеж. Кем. Кол.)".

Возьмемъ еще слово *манúха,* которому уже прежними собирателями дано довольно полное опредѣленіе, и посмотримъ, чтó въ этомъ случаѣ говоритъ отъ себя г. Подвысоцкій. *Маниха,* по объясненію Кузмищева,—„ложный, кратковременный отливъ моря, замѣчаемый на прибрежьяхъ Бѣлаго моря. Около середины прилива вода пріостановится въ своемъ возвышеніи или, какъ говорится, *дрогнетъ* на убыль ненадолго и потомъ опять продолжаетъ приливать до максима".

Г. Данилевскій говоритъ: „явленіе, замѣчаемое въ части Бѣлаго моря, прилежащей къ устью Двины: въ половинѣ времени прилива вода останавливается и даже упадаетъ, а потомъ снова продолжаетъ возвышаться". Почти то же самое находимъ въ словарѣ Даля. А. И. Шренкъ для объясненія разсматриваемаго термина пользуется путешествіемъ къ Новой Землѣ нашего маститаго президента, адмирала Литке, и выписываетъ изъ его описанія слѣдующее: „Въ устьяхъ Двины и далѣе отъ оныхъ къ морю... періодическое теченіе показываетъ весьма замѣчательныя явленія. Три часа послѣ начала прилива вода останавливается на одномъ горизонтѣ и потомъ падаетъ на 1/2 или на 2 дюйма, при чемъ иногда замѣчается въ глубь направленное теченіе. Такое замедленіе прилива продолжается отъ 30 до 45 минутъ и называется *манихою*. Послѣ того приливъ возобновляется, и говорятъ: идетъ *большица*, которая въ 2 или въ 2 1/2 часа, или ровно черезъ 6 часовъ по начатіи прилива, приводитъ полный приливъ". Г. Подвысоцкій съ своей стороены такъ опредѣляетъ *маниху*: „случающаяся на побережьяхъ Бѣлаго моря неправильность прилива, состоящая въ томъ, что вмѣсто постояннаго въ продолженіе шести часовъ возвышенія воды отъ малой до полной, — возвышеніе [160] это продолжается только около 2 1/2 часовъ, послѣ чего, въ продолженіе около часа, вода возвышается чуть замѣтно, или же вовсе не возвышается, а иногда даже понижается вершка на три (это называется: *маніха пáлая*, — говорятъ въ такомъ случаѣ: *вода дрогнула на убыль*) и затѣмъ снова правильно возвышается до окончанія прилива (это называется: *маніха прибылáя*). Въ устьяхъ Сѣверной Двины образуется прибылою манихою на мелкихъ мѣстахъ опасный для судовъ ложный фарватеръ или такъ называемая *заманíха*". Мы видимъ, что наблюдательность нашего лексикографа дала ему возможность сообщить относительно этого явленія нѣсколько любопытныхъ дополнительныхъ подробностей. Но кромѣ того ему извѣстно еще другое значеніе слова *маниха*, ускользнувшее отъ вниманія остальныхъ собирателей: „Глубокое замкнутое съ трехъ сторонъ отмелями мѣсто въ морѣ, откуда зашедшія по невѣдѣнію суда вынуждены направляться обратно". Что касается упоминаемой графомъ Литке *большицы*, то и это слово не пропущено г. Подвысоцкимъ и записано имъ въ своемъ мѣстѣ съ такимъ поясненіемъ: „дѣйствительная, правильная послѣ *манихи* прибылая вода".

Кромѣ сличенія подлежащаго суду нашему словаря съ имѣющимися списками словъ Архангельской губ., я, для повѣрки полноты и точности его, прибѣгалъ къ появившимся въ разное время описаніямъ этого края и упоминаемыя въ нихъ провинціализмы разыскивалъ въ доставленномъ намъ трудѣ. Такъ, много такихъ словъ найдено мною въ IV части „Путешествій" Лепехина, который напр. *маниху* называетъ „малымъ приливомъ и отливомъ" (стр. 35). У него же встрѣ-

тились мнѣ между прочимъ слѣдующія слова, которыя всѣ нашлись и у г. Подвысоцкаго: 1) *алапера*. По объясненію Лепехина это кожица на тѣлѣ бѣлухъ (25). Г. Подвысоцкій опредѣляетъ это слово съ большею точностью. 2) *Бѣлуха* или *бѣлуга*. Лепехинъ подробно описываетъ ловлю этого морского звѣря (22—25). Г. Подвысоцкій правильно приводитъ научный терминъ его (Delphinopterus leucos), но напрасно отожествляетъ его съ морской коровой, видомъ, который, какъ извѣстно, [161] давно уже вымеръ, развѣ можетъ быть названіе его сохранилось въ неточномъ значеніи у промышленниковъ Сѣвернаго океана. 3) *Весновальный ка́рбасъ*—гребное, парусное судно для весенняго промысла трески и морского звѣря, къ чему г. Подвысоцкій прибавляетъ: „ко дну его придѣлываются, для удобнѣйшаго вытаскиванія на берегъ или на ледъ, два въ видѣ полозьевъ, въ равномъ разстояніи отъ килевой части, бруса, называемые *кренъ, кренья*". 4) *Желѣзныя ворота*—морской заливъ, мѣсто котораго опредѣлительно указано г. Подвысоцкимъ. 5) *Залёжка*—стадо моржей и тюленей, отдыхающихъ на прибрежныхъ льдахъ. Къ этому значенію, сходному съ тѣмъ, какое находимъ у Лепехина, г. Подвысоцкій присоединяетъ еще два: а) мѣсто, гдѣ залегаютъ моржи и тюлени; б) засада, гдѣ охотники подстерегаютъ дикихъ оленей или другую дичь. 6) *Клетчина*. Лепехинъ говоритъ (стр. 5): „Поморки довольно искусны въ тканіи узорныхъ скатертей и салфетокъ, что́ все они подъ именемъ *клетчины* продаютъ въ городѣ Архангельскомъ и весною съ своимъ издѣльемъ ходятъ по городу стадами". У г. Подвысоцкаго находимъ такое же объясненіе этого слова. Такимъ же образомъ, согласно съ ученымъ путешественникомъ, хотя совершенно самостоятельно и иногда подробнѣе, объяснены у г. Подвысоцкаго слова: *котляна* (артель промышленниковъ), *корешки* (корюхи), *кутило* (острога для битья морскаго звѣря), *покрученикъ* (работникъ, нанятый изъ условленнаго пая на промысловое судно), *рявца* (порода рыбы) и мн. др. Нѣсколько разъ употреблено Лепехинымъ слово *юрка*, но для читателя остается не совсѣмъ яснымъ его значеніе: „случается", говоритъ онъ (12), „что на одномъ torocѣ (льдинѣ) столько звѣрей побиваютъ, что одинъ карбасъ всего юрка́ къ берегу притащить не можетъ" или далѣе: „всѣ промышленныя суда съ своими *юрками* выгребаютъ къ берегамъ". У г. Подвысоцкаго читаемъ: „*юрокъ, вьюрокъ, юрка*—связка сырыхъ шкуръ морскихъ звѣрей, нанизанныхъ на веревку или ремень изъ моржовой кожи; въ такомъ видѣ шкуры эти тянутъ по льду до берега или же буксируютъ по водѣ, привязавъ къ прикрѣпляемой у кормовой части [162] судна *стягъ*". Шренкъ даетъ слову *юрокъ* болѣе обширное значеніе: по его толкованію, это — „извѣстное количество вмѣстѣ собранныхъ однородныхъ предметовъ, напр. юрокъ оленей, юрокъ звѣриныхъ кожъ, юрокъ вицей (прутьевъ)". Замѣтимъ при этомъ случаѣ, что изъ прежнихъ

собирателей словъ Архангельской губерніи покойный Шренкъ даетъ наиболѣе полныя и обстоятельныя объясненія.

Недостаетъ у г. Подвысоцкаго слѣдующихъ трехъ словъ, приводимыхъ Лепехинымъ: *щапъ*, *смольё* и *пѣкъ* (*Путеш. IV*, стр. 435, 440 и 450). *Щапъ*—это, по словамъ ученаго путешественника, топорная засѣчка, наискось въ дерево углубляемая; *смольё* — расколотыя и расщепленныя при смолокуреніи полѣнья, наконецъ *пѣкъ* есть очевидно нѣсколько измѣненное нѣмецкое Pech и означаетъ такую смолу, которая кипяченіемъ совершенно освобождена отъ всякой влажности.

Рядомъ съ *Путешествіемъ* Лепехина, я, для повѣрки словаря г. Подвысоцкаго, пользовался: 1) Появившимся въ 1828 г. *Четырехкратнымъ путешествіемъ* флота капитанъ-лейтенанта Ѳ. Литке въ Сѣверный Ледовитый океанъ, 2) *Очерками Архангельской губерніи*, сочиненіемъ молодого, весьма даровитаго, но къ сожалѣнію рано умершаго литератора Верещагина, изданнымъ въ 1849 году, и 3) книгою г. Максимова: *Годъ на Сѣверѣ*. И результатъ моихъ сличеній былъ тотъ же. Примѣръ изъ Путешествія графа Литке былъ уже приведенъ выше. Укажу здѣсь на 2-3 слова, встрѣчающіяся въ остальныхъ двухъ сочиненіяхъ. Верещагинъ, исчисляя разные роды судовъ, употребительныхъ на Поморьѣ, упоминаетъ, послѣ извѣстныхъ шнякъ, *раньшины*, легкія палубныя суда съ двумя мачтами. „Имя свое, прибавляетъ онъ, получили онѣ отъ того, что на нихъ раньше всѣхъ прочихъ судовъ промышленники привозятъ рыбу для продажи". Г. Подвысоцкій даетъ этому слову формы: *раньшина* и *раньщина* съ такимъ болѣе обстоятельнымъ объясненіемъ: „Небольшое въ родѣ шняки мореходное судно съ возвышенными бортами, иногда съ навѣсомъ посрединѣ и съ двумя мачтами. Называется такъ [163] оттого, что ходитъ на промыслъ раннею весною и ранѣе другихъ судовъ возвращается съ промысла. На нихъ же привозятъ въ Архангельскъ первую весенняго укола свѣжепросольную треску. Рабочій на раньшинѣ называется *раньшикъ*, *раньщикъ*".

Г. Максимовъ (стр. 405 и 406) въ разсказѣ о дружелюбныхъ сношеніяхъ Лопарей съ Русскими говоритъ между прочимъ: „патріархально гостепріимный въ своей вѣрѣ Лопарь любитъ заводить (съ Русскими) тѣсную дружбу, родъ братства, однимъ словомъ, любитъ блюсти вѣковой обычай „*крестованья*" и предлагаетъ знакомцу-помору „*покрестоваться*", то есть обмѣняться крестами, сдѣлаться крестовыми братьями". Этотъ обычай упомянутъ и г. Подвысоцкимъ при словѣ *крестованье*. Отъ него мы узнаемъ, сверхъ того, что *крестовымъ братомъ* или *крестовушкой* называется также мужчина, имѣющій однихъ и тѣхъ же съ кѣмъ-либо воспріемниковъ. Часть этихъ поясненій находимъ уже и въ нашемъ Областномъ Словарѣ. Даль прибавляетъ: „Если у заболѣвшаго на ходу бурлака есть на судѣ крестовый братъ,

то этотъ покидаетъ судно, лишаясь заработковъ поколѣ не пристроитъ брата", при чемъ однакожъ не объяснено, къ какой мѣстности относится это замѣчаніе: можетъ быть, тотъ же обычай встрѣчается не въ одной Архангельской губерніи.

Изъ сдѣланныхъ сличеній мы убѣждаемся, что словарь г. Подвысоцкаго относительно полонъ и въ такъ называемой номенклатурѣ, и въ сообщаемыхъ имъ объясненіяхъ словъ. Употребляю выраженіе *относительно*, потому, во 1-хъ, что совершенной полноты трудно и едва ли возможно достигнуть въ такомъ дѣлѣ даже соединенными силами многихъ, а тѣмъ болѣе трудомъ одного лица, а во 2-хъ, что дѣйствительно, уже и въ находящихся передъ нами спискахъ словъ Архангельской губерніи есть нѣсколько такихъ реченій, которыя не вошли въ разбираемый словарь, напр. въ немъ пропущено слово *теленокъ*, означающее оленя на 1-мъ году. Это оказывается изъ слѣдующаго замѣчанія Верещагина (65): „олени отъ своего рожденія до 5-ти лѣтъ имѣютъ особенныя названія; именно на 1-мъ году олень [164] называется *теленкомъ*, на 2-мъ самецъ — *уракомъ*, самка — *вóнделкóю;* на 3-мъ самецъ—*убарсомъ*, самка—*вонделваженкою;* на 4-мъ самецъ — *кундусомъ*, самка—*важенкою*, и это имя остается ей навсегда; самецъ же съ 5-го года носитъ названіе *быка*". Всѣ эти термины, кромѣ перваго и пятаго, показаны въ томъ же значеніи и г. Подвысоцкимъ. Мы узнаемъ у него вдобавокъ, что *важенкою* собственно называется телившаяся уже самка, и что для означенія трехлѣтней вполнѣ развившейся самки употребляется еще слово *ярица*. Названія же *вонделваженка* въ словарѣ нѣтъ. За то г. Подвысоцкій прибавляетъ слова: *лóпанка* (такъ называется олень моложе годового возраста) и *хора* — трехлѣтній взрослый самецъ [1]).

Пропускъ нѣкотораго количества словъ въ трудѣ г. Подвысоцкаго произошелъ, очевидно, отъ того, что онъ работалъ совершенно одинъ и не имѣлъ въ рукахъ трудовъ своихъ предшественниковъ по собиранію провинціализмовъ Архангельской губерніи. Но этого недостатка нельзя считать особенно важнымъ, такъ какъ при печатаніи словарь легко можетъ быть дополненъ составителемъ по тѣмъ пособіямъ, которыя указаны въ нашемъ разборѣ. За то, съ другой стороны, въ совершенной самостоятельности труда г. Подвысоцкаго нельзя не признать своего рода достоинства: почти весь содержащійся здѣсь богатый матеріалъ собранъ изъ перваго источника, изъ устъ живыхъ людей, и такимъ образомъ можетъ служить незамѣнимымъ матеріаломъ

---

[1]) Обиліемъ названій оленя въ разныхъ возрастахъ особенно отличается списокъ Шренка (стр. 148 и 149). У него также приведено слово *теленокъ;* вм. *убарсъ* пишетъ онъ *уварсъ;* вм. *кундусъ—контусъ*. Изъ названій этого разряда, отмѣченныхъ Шренкомъ, у г. Подвысоцкаго недостаетъ только *шаламатъ* — олень на 4-мъ году возраста.

для повѣрки собранныхъ другими, ранѣе г. Подвысоцкаго, словъ и выраженій изъ народнаго быта въ той же губерніи.

Перейдемъ теперь къ той сторонѣ словаря г. Подвысоцкаго, которая заключается въ приведенныхъ имъ подъ множествомъ словъ примѣрахъ и придаетъ его словарю особенную цѣну, дѣлая [165] его важнымъ пособіемъ для ближайшаго изученія природы, обычаевъ, нравовъ и повѣрій населенія сѣверной части Европейской Россіи. Въ этомъ отношеніи свѣдѣнія, почерпаемыя изъ словаря г. Подвысоцкаго, могутъ быть распредѣлены по слѣдующимъ группамъ: 1) Естествовѣдѣніе; 2) Бытъ: обычаи, игры, въ особенности свадебные обряды; 3) примѣты, заклинанія, повѣрья; 4) мореплаваніе; 5) охота и рыболовство; 6) земледѣліе. По части быта особенно много свѣдѣній представляютъ слова, касающіяся женитьбы, такъ что по нимъ легко составить довольно полное описаніе относящихся сюда обычаевъ. Остановимся нѣсколько на этомъ предметѣ и выпишемъ для примѣра цѣлый рядъ словъ съ помѣщенными подъ ними объясненіями, чтобы показать, какой богатый матеріалъ для мѣстной этнологіи можно извлечь изъ разсматриваемаго словаря. Подъ выраженіемъ *барина женить* мы узнаемъ, что такъ называется употребительная на вечеринахъ игра съ хоровыми пѣснями, въ которой одинъ изъ парней, при содѣйствіи другихъ участвующихъ, продѣлываетъ всѣ отъ начала сватовства свадебные пріемы. Подъ словомъ *зарученіе* находимъ слѣдующія подробности: „обрядъ благословенія жениха и невѣсты родителями этой послѣдней при формальномъ изъявленіи согласія на ея замужество; также устраиваемое по этому поводу домашнее празднество. Обыкновенно, когда сватъ является сватать невѣсту и проситъ дать ему приказъ или отказъ, родители невѣсты не даютъ рѣшительнаго отвѣта, а просятъ отсрочки, чтобы поспѣшнымъ отвѣтомъ *не поднести себя подъ сомнѣніе* или не оскорбить жениха, если имѣется въ виду отказъ. Если по собраннымъ свѣдѣніямъ женихъ оказывается подходящимъ, то родители невѣсты извѣщаютъ его о днѣ, въ который онъ можетъ *узнать приказъ*, приглашая въ то же время къ себѣ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, и когда приходитъ женихъ, то, вмѣстѣ съ объявленіемъ согласія, предъявляютъ ему невѣсту *(позволяютъ смотрѣть ее)*, причемъ конечно происходитъ и посильное угощеніе. Этотъ-то домашній обрядъ, празднество, и называется: *заручéнье*, также: *рукобитье, пропой* (говорятъ: [166] *пропиваютъ невѣсту)*, *смотрины, маленькое смотрѣніе, смотрѣньице;* просватать же невѣсту называется: *пропи́ть, проса́ндалить дѣвку*. Обыкновенно женихъ является на смотрины въ сопровожденіи своихъ родственниковъ, предварительно собирающихся въ его домѣ (у Кореловъ въ Кем. у. ихъ сзываютъ ружейными выстрѣлами). Смотрѣніе же невѣсты начинается съ того, что невѣсту, прячущуюся обыкновенно въ такъ называемомъ *бабьемъ углѣ*, выводятъ какъ бы насильно къ жениху, при чемъ дѣлаютъ они другъ другу подарки“.

„*Заплачка:*—старинный предсвадебный обрядъ, состоящій въ томъ, что невѣста, въ промежутокъ времени между сговоромъ и свадьбой, оплакиваетъ свою судьбу и прощается съ родителями, родственниками и дѣвушками-подругами. Это необходимый обрядъ приличія, и каждая порядочная дѣвушка, хотя бы выходила замужъ вполнѣ добровольно и по горячей любви, непремѣнно должна плакать и даже *биться по модѣ*, такъ чтобы руки и ноги опухли и посинѣли (говорится также: *убиваться*). Это-то дѣйствіе и называется: *заплачка*, также: *плакище, голошéніе* (говорятъ: *сегодня у невѣсты плакище, голошеніе)*, такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ невѣста, обращаясь къ отцу, *приплáкиваетъ, бѣднится: отдалъ ты меня, батюшка, да приневолилъ,*—а отецъ отвѣчаетъ на это: *некуда тебя пасти, дитятко, съ Богомъ живи хорошенько*".

„*Пáра:* стариннаго покроя крытая штофомъ шубейка (называемая полушубокъ) съ юбкою къ нему. Одежда эта, вмѣстѣ съ повязкою, надѣвается невѣстою во время *заплачки* и передается выходящею замужъ слѣдующей за нею по лѣтамъ сестрѣ; послѣдняя же выходящая замужъ сестра оставляетъ себѣ ее въ собственность, въ видѣ приданаго. Какъ обычная одежда, *пара* уже вышла изъ употребленія, и дѣвушки надѣваютъ ее иногда только на гуляньяхъ. *Такъ-то ужъ баско, очень басисто какъ наша краля материнску пару надѣла*". Обрядъ, соблюдаемый передъ свадьбой, описанъ подъ словомъ *Гомылька:*—„большой платокъ, даримый женихомъ невѣстѣ передъ отъѣздомъ къ вѣнцу. [167] Когда передъ отъѣздомъ къ вѣнцу, родители благословляютъ невѣсту, женихъ набрасываетъ на нее *гомыльку*, такъ, чтобы лицо было закрыто и въ это время свадебницы поютъ: *пала гомылька на буйную голову, ее вѣтромъ не сдуетъ и частымъ дождемъ не смочитъ.* При входѣ въ церковь сватья снимаетъ гомыльку, а послѣ *окрутки* снова накрываетъ ею невѣсту, которая не открывается и по пріѣздѣ молодыхъ въ домъ жениха, — даже и на свадебномъ обѣдѣ, пока не поставятъ на столъ сладкій пирогъ. Тогда свекровь благословляетъ молодыхъ хлѣбомъ, обращается къ гостямъ съ словами: *свадебники и свадебницы, сусѣди и сусѣдушки, смотрите на мою невѣстушку, какова*, и затѣмъ снимаетъ съ молодой гомыльку. Что слѣдуетъ далѣе, объяснено подъ словомъ *Приводно:* „обрядъ вступленія новобрачной въ домъ мужа послѣ вѣнчанія. Новобрачныхъ встрѣчаютъ родители молодого съ иконою и благословляютъ; потомъ молодой садится, а молодая, у которой лицо закрыто платкомъ, стоитъ передъ нимъ нѣкоторое время, кланяется ему и наконецъ садится рядомъ съ нимъ. Послѣ этого начинается обѣденный столъ (называется приводной столъ), въ продолженіе котораго голова молодой прикрыта платкомъ, а по окончаніи обѣда *вѣжливый*, помахавъ надъ головами новобрачныхъ хлыстомъ, снимаетъ имъ платокъ съ молодой и спрашиваетъ у присутствующихъ: *какова молодая?* на что всѣ отвѣчаютъ одобрительно".

„*Сторожъ* — одно изъ важныхъ должностныхъ лицъ при свадьбѣ, то же что въ другихъ мѣстностяхъ *вѣжливый*. Состоя главнымъ образомъ при женихѣ, онъ распоряжается брачнымъ обиходомъ и поѣздомъ въ видахъ предохраненія жениха и невѣсты отъ порчи: устраиваетъ столъ для брачнаго пира, и при этомъ непремѣнно самъ разстилаетъ скатерть; разсаживаетъ участниковъ пира на надлежащихъ мѣстахъ; рѣжетъ хлѣбъ, благословясь предварительно у хозяина и хозяйки; читаетъ молитву передъ столомъ; распоряжается подачей кушаньевъ, наконецъ, отводитъ новобрачныхъ на подклѣтъ къ брачному ложу, при чемъ даетъ имъ напиться вина, пошептавъ предварительно [168] извѣстныя слова, долженствующія внушить молодымъ страстную на всю жизнь взаимную любовь".

„*Подклѣтъ*—одинъ изъ свадебныхъ обрядовъ, именно встрѣча возвращающихся отъ вѣнца новобрачныхъ родителями жениха съ хлѣбомъ и солью, подъ которыми должны они пройти въ домъ молодого,— а затѣмъ, когда молодые станутъ на своихъ мѣстахъ у свадебнаго стола, отецъ молодого беретъ два калача, обводитъ ими вокругъ головъ новобрачныхъ и открываетъ закрытую до того времени гомылькою новобрачную".

„*Почёстный столъ, почёстье:* 1) обѣденный столъ у жениха послѣ заручанья, 2) обѣденный столъ у новобрачныхъ на другой день послѣ свадьбы, въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ у родителей молодой для родственниковъ молодого".

„*Хлѣбины, Красный столъ* — обѣденный, дня черезъ два или три послѣ свадьбы, столъ у отца невѣсты для новобрачныхъ; послѣ этого стола, молодая получаетъ окончательно приданое отъ своихъ родителей".

Теперь приведемъ нѣсколько примѣровъ объясненій, относящихся къ другимъ сторонамъ народнаго быта.

„*Борода́ завить* — окончить полевыя работы по уборкѣ сѣна или хлѣба. *Сѣнная борода завить* — сгрести и поставить въ стоги сѣно. *Хлѣбная борода завить*—сжать и убрать съ поля хлѣбъ. Обыкновенно, во второй половинѣ или въ концѣ августа, для уборки остающагося еще на поляхъ хлѣба, зажиточнѣйшіе крестьяне заколачиваютъ дѣвушекъ, жонокъ и парней на *бороду*, т. е. про́сятъ дожать общими силами въ одинъ день остающійся на полѣ хлѣбъ или убрать на по́жнѣ сѣно. Такая уборка называется: *борода*, а звать на помочь для уборки — *звать на бороду*. Говорятъ напримѣръ: *у дѣдушки Пантелѣя сегодня борода*, или *бороду завили*, т. е. окончили жатву или уборку сѣна. При окончательномъ дожинѣ хлѣба, оставляютъ на нивѣ кучку стеблей съ колосьями, горсти въ три объемомъ, связываютъ всѣ стебли лентой и срѣзываютъ колосья, а оставшуюся солому разгибаютъ сверху въ стороны и кладутъ туда горсть земли, послѣ чего дѣлается

[169] собственно завитіе бороды: дѣвушки, распѣвая веселыя пѣсни, собираютъ на межѣ около поля цвѣты, убираютъ ими оставленную кучку соломы и землю вокругъ нея, и затѣмъ, вмѣстѣ со всѣми участвовавшими въ помочи, идутъ въ домъ хозяина и поздравляютъ его съ окончаніемъ работы, а тотъ предлагаетъ имъ угощеніе, въ заключеніе котораго водятъ хороводы, поютъ пѣсни и играютъ въ разныя игры".

Подъ словомъ *Бѣжня* узнаемъ, что на Сѣверѣ до сихъ поръ употребительна въ народѣ игра, похожая на метаніе дисковъ у древнихъ: „каждый участвующій бросаетъ покатомъ по землѣ деревянный кружокъ, называемый *бѣжня*, и догоняетъ его: кто дальше закатитъ и прежде всѣхъ догонитъ, тотъ выигрываетъ". *Молитъ вѣтеръ*—суевѣрный обрядъ, соблюдаемый женщинами прибрежныхъ селеній Кемскаго уѣзда по случаю ожидаемаго осенью возвращенія ихъ мужей и родственниковъ съ мурманскихъ промысловъ: вечеромъ выходятъ онѣ всѣмъ селеніемъ *молитъ вѣтеръ, чтобы* не *серчалъ и давáлъ льготу дорогимъ лѣтникамъ;* на слѣдующую же ночь отправляются къ берегу рѣчки или ручья, моютъ котлы, бьютъ полѣномъ флюгеръ (чтобы тянулъ повѣтерье), и при этомъ стараются насчитать трижды девять плѣшивыхъ односельчанъ или иныхъ знакомыхъ, отмѣчая числа ихъ углемъ на лучинахъ съ крестообразною вверху поперечкою; затѣмъ всѣ отправляются съ этими лучинами на задворки, выкрикиваютъ тамъ во все горло: *встокъ да обѣдникъ пора потянуть, западъ да шалоникъ пора покидать, тридевять плѣшей, всѣ сосчитанныя, пересчитанныя, встокова плѣшь напередъ пошла,*—бросаютъ лучинки назадъ себя черезъ голову, обратясь лицомъ къ востоку, и припѣваютъ: *встоку да обѣднику каши наварю и блиновъ напеку, а западу шалонику спину оголю, у встока да обѣдника жена хороша, а у запада шалоника жена померла.* По окончаніи этого припѣва осматриваютъ брошенныя лучины, такъ какъ въ которую сторону легли онѣ крестомъ, съ той стороны будетъ вѣтеръ, если же по которой-нибудь лучинѣ окажется вѣтеръ неблагопріятный, то, посадивъ на щепку таракана, [170] пускаютъ ее на воду, приговаривая: *поди тараканъ въ воду, подними тараканъ сѣверá,* т. е. сѣверные вѣтры, самые благопріятные для возвращающихся съ Мурманскаго берега".

„*Уличный уставъ.* Въ Архангельской губерніи почти каждый крестьянинъ, независимо отъ фамиліи, подъ которой записанъ въ ревизскихъ сказкахъ, имѣетъ еще такъ называемый уличный уставъ, т. е. прозвище по-уличному, даваемое нерѣдко еще въ ребячествѣ своими собратами, иногда въ насмѣшку, а иногда по какой-нибудь внѣшней особенности. Такія же вторыя, только между крестьянами употребительныя названія имѣютъ, помимо офиціальныхъ, и весьма многія населенныя мѣстности".

Наконецъ, остановимся на замѣчательномъ словѣ *выть*, которое обратило на себя вниманіе уже со времени изданія академическаго Областного Словаря, потомъ полнѣе объяснено Далемъ, а теперь въ трудѣ г. Подвысоцкаго является ещё въ болѣе точномъ толкованіи и обширнѣйшемъ примѣненіи.

„*Выть*. 1) Старинная земельная мѣра (Обжа).—2) Ѣда, количество употребляемой за разъ ѣды (франц. repas). *Давать одну выть въ день*—кормить по разу въ день. *Заѣлъ три выти*—съѣлъ втрое. *Ѣшь, не ѣшь; а за выть сочтутъ*, т. е. будутъ считать, что ѣлъ. *По три выти за разъ охлестывать. Позолотить выть*—полакомиться чѣмъ-либо послѣ ѣды. *Маловытное содержаніе*—харчи, недостаточная, скудная пища.—3) Пора ѣды и, въ связи съ этимъ, такъ какъ потребленіе пищи происходитъ въ различные часы дня, извѣстное пространство времени; говорятъ напримѣръ: въ *три выти дрова свозилъ*, т. е. въ періодъ времени, въ продолженіе котораго обыкновенно три раза ѣдятъ; *по зимамъ выти коротки*, т. е. короткіе дни. Крестьяне, смотря по большей или меньшей продолжительности рабочаго дня, ѣдятъ 3—4 раза въ въ день, или, по туземному выраженію, у нихъ 3—4 выти въ день: 1-я выть—завтракъ, между 4 и 6 часами утра, смотря по досугу и работѣ; 2-я выть—обѣдъ; 3-я выть—между обѣдомъ и ужиномъ; 4-я выть—ужинъ. У промышленниковъ въ морѣ двѣ главныя выти: 1-я, когда придетъ къ обѣднику, т. е. [171] въ 9 часовъ утра, и 2-я, когда солнце на шалоникѣ, т. е. въ три часа пополудни. *Во втору выть былъ я у ево, а онъ, сказывали въ дому, ужъ со три выти спитъ* (т. е. три четверти дня). Поговорки: *хоть звать не зови, только вытью корми; каковъ у выти, таковъ и у дѣла; съ выти на выть, и не знаемъ какъ быть; для одной выти да руки мыти; за кажду выть да руки мыть.* Въ приглашеніяхъ на угощеніе поморы зовутъ *на выть* (на такую-то), напр., въ случаѣ спуска новопостроеннаго судна, является къ приглашаемому мальчишка-подростокъ и говоритъ: *дядя* (положимъ Пантелей) *на первую выть звалъ тебя на лодейку спущаться, пожалуй-ко.*—4) Всякіе вообще съѣстные припасы. — 5) Позывъ на ѣду, аппетитъ. *У ево за все больша выть. Коли нѣтъ выти, пущай и не ѣстъ. Заморить выть* — утолить аппетитъ. *Маловытной*, не имѣющій аппетита. *Съ измала онъ у насъ такой маловытной*".

Въ числѣ примѣровъ, приводимыхъ для подтвержденія словъ, въ трудѣ г. Подвысоцкаго разсѣяно множество мѣстныхъ поговорокъ, въ концѣ же помѣщенъ, расположенный въ азбучномъ порядкѣ по первому слову, списокъ загадокъ, употребительныхъ въ Архангельской губерніи.

Къ достоинствамъ словаря г. Подвысоцкаго слѣдуетъ отнести и то, что надъ каждымъ словомъ означено его удареніе, весьма важное руководство для правильнаго воспроизведенія его, и что кромѣ того

при каждомъ словѣ показано, въ какихъ именно уѣздахъ губерніи оно слышано. Конечно, словарь еще значительно выигралъ бы въ научномъ отношеніи, если бы составитель при словахъ, заимствованныхъ у инородцевъ (которыхъ, особенно Финновъ, много въ Архангельской губерніи), означалъ какому именно племени они принадлежатъ, но съ другой стороны надо согласиться, что такое дѣло во многихъ случаяхъ представляетъ большія трудности и требуетъ обширныхъ лингвистическихъ познаній, не легко соединимыхъ съ другими условіями, которыя нужны были для доставленія возможности къ появленію такого словаря. Задача, какую предположилъ себѣ составитель, сама по [172] себѣ удовлетворяетъ весьма важной потребности: именно она состояла въ томъ, чтобы „изъ живого источника собрать матеріалъ областного народного языка въ томъ видѣ, какъ онъ живетъ на мѣстѣ и въ связи съ дѣйствующими на говоръ этнографическими условіями“. Эта задача выполнена составителемъ вполнѣ успѣшно: мы обязаны ему первымъ въ русской филологической литературѣ цѣлымъ словаремъ значительнаго объема по одному областному нарѣчію. Если бы примѣръ этотъ нашелъ послѣдователей и мало по малу явились такіе же словари и по другимъ мѣстнымъ говорамъ нашего народа, то какимъ богатымъ матеріаломъ могла бы располагать русская филологія! — Дальнѣйшая научная разработка ихъ была бы уже дѣломъ сравнительно легкимъ и не замедлила бы послѣдовать. Поэтому нельзя не цѣнить высоко настоящаго труда, какъ перваго въ своемъ родѣ опыта, могущаго сдѣлаться началомъ весьма желательнаго развитія у насъ діалектологіи, столь богатой у нѣкоторыхъ другихъ народовъ, особенно у Нѣмцевъ и Итальянцевъ. Трудъ г. Подвысоцкаго представляетъ тѣмъ болѣе интереса, что въ немъ разработано нарѣчіе края, бывшаго родиной отца нашей новой художественной литературы, — нарѣчіе, котораго слѣды легко отыскать и въ собственныхъ сочиненіяхъ Ломоносова.

По всѣмъ выставленнымъ здѣсь качествамъ словаря г. Подвысоцкаго, Отдѣленіе русскаго языка и словесности не обинуясь признало его достойнымъ Ломоносовской преміи, которую и присуждаетъ ему тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, что этотъ трудъ конечно заслужилъ бы полное сочувствіе и одобреніе со стороны геніальнаго виновника находящейся въ распоряженіи нашемъ преміи.

КЪ СООБРАЖЕНІЮ
БУДУЩИХЪ СОСТАВИТЕЛЕЙ РУССКАГО СЛОВАРЯ.
1858—1885.

I. ШВЕДСКІЙ АКАДЕМИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

---

[173] Въ Швеціи есть нѣсколько академій и ученыхъ обществъ, какъ-то: Академія наукъ, Академія словесности, исторіи и древностей, Академія свободныхъ искуствъ, Академія военныхъ наукъ, Земледѣльческая, Музыкальная, Общество для изданія рукописей относительно скандинавской исторіи — все это въ Стокгольмѣ; кромѣ того Ученое общество въ Упсалѣ, Физіографическое общество въ Лундѣ, Общество наукъ и словесности въ Готенбургѣ, Общество военнаго морского искусства въ Карлскронѣ, и множество другихъ частныхъ обществъ для разныхъ спеціально-ученыхъ, педагогическихъ, религіозныхъ, художественныхъ и промышленныхъ цѣлей.

Изъ всѣхъ этихъ академій и ученыхъ обществъ для насъ особенный интересъ представляетъ такъ называемая *Шведская академія*, о дѣятельности которой я считаю нужнымъ сообщить нѣсколько свѣдѣній. Эта академія основана въ 1786 году Густавомъ III. Уже самое названіе ея показываетъ, что по цѣли учрежденія она сходствуетъ съ академіями Французскою и нашею Россійскою, т. е. ей была дана двоякая цѣль или, вѣрнѣе, даны двѣ цѣли, трудно соединимыя въ дѣятельности одного и того же общества: академія обязана заниматься краснорѣчіемъ и поэзіею, возвеличивая [174] память славныхъ соотечественниковъ, и въ то же время не только заботиться о чистотѣ, силѣ и благородствѣ родного языка, но и составить его словарь и грамматику. Число членовъ должно всегда простираться до 18. Трудность соединить обѣ разнородныя цѣли — причиною, что Шведская академія вынуждена главнымъ образомъ посвящать себя одной изъ нихъ: именно она, и по составу своему съ самаго своего учрежденія, и по духу того времени, и по общественнымъ требованіямъ, поставила

себѣ на первомъ планѣ литературную задачу. Она задаетъ художественныя темы, разбираетъ представленныя на судъ ея сочиненія, награждаетъ ихъ преміями, пишетъ похвальныя слова своимъ умершимъ членамъ. Впрочемъ и другая цѣль Шведской академіи, т. е. филологическая, никогда не была вполнѣ выпускаема ею изъ виду: еще въ концѣ прошлаго столѣтія она трудами своихъ членовъ Леопольда и Чельгрена (Kellgren), хотя и поэтовъ по преимуществу, способствовала къ уясненію и упрощенію правилъ правописанія, а въ 1830-хъ годахъ издала грамматику отечественнаго языка. Что касается до словаря, то эта задача находилась въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, и до сихъ поръ остается еще далеко не разрѣшенною; сдѣлано только начало и идутъ подготовительныя работы, хотя стокгольмская академія, учрежденная только тремя годами позже Россійской, существуетъ уже 97 лѣтъ. Своею медлительностью въ этомъ дѣлѣ она вновь доказала, что напрасно, для достиженія окончательнаго совершенства, отлагать выполненіе труда, который и въ менѣе безукоризненномъ видѣ могъ бы удовлетворить первымъ потребностямъ и послужить побужденіемъ къ дѣятельному продолженію дѣла. Въ 1850-хъ годахъ покойный непремѣнный секретарь Шведской академіи баронъ Бесковъ (Beskow) представилъ отчетъ о ходѣ ея словарнаго труда, и здѣсь сообщается въ переводѣ извлеченіе изъ этой любопытной записки.

Баронъ Бесковъ умеръ въ 1868 году, 72-хъ лѣтъ отъ роду. Имя его незабвенно въ исторіи шведской литературы, и особенно академіи. Онъ принадлежалъ этому учрежденію сорокъ лѣтъ, и [175] изъ этого числа около тридцати пяти былъ непремѣннымъ секретаремъ академіи. По своему независимому положенію, онъ смолоду могъ посвятить себя почти исключительно литературѣ; будучи близокъ къ королевской фамиліи, онъ занималъ придворную должность, а въ 1830-хъ годахъ принялъ было и мѣсто директора театра, но трудности этого управленія не согласовались ни съ характеромъ, ни съ главными занятіями его, и онъ съ небольшимъ черезъ годъ попросилъ увольненія отъ театра. Авторская дѣятельность Бескова была очень разнообразна; въ молодости онъ не безъ успѣха испытывалъ себя въ разныхъ родахъ поэзіи, но особеннымъ уваженіемъ пользуются его историческія драмы и читанныя имъ въ академіи и внѣ ея, при разныхъ случаяхъ, біографіи знаменитыхъ соотечественниковъ. Позднѣйшая половина его поприща была преимущественно посвящена послѣднему роду сочиненій: онъ написалъ около сорока біографій, отчасти государственныхъ людей, но болѣе писателей и ученыхъ; всѣ онѣ отличаются истиннымъ ораторскимъ талантомъ, большимъ обиліемъ положительныхъ свѣдѣній, вѣрностью оцѣнки всякаго дѣятеля и прекраснымъ языкомъ. По этой отрасли литературы за Бесковомъ признано одно изъ первыхъ мѣстъ между шведскими писателями. Какъ членъ академіи, онъ во все продолжи-

тельное время своего секретарства былъ душою этого учрежденія, но и внѣ академіи онъ пріобрѣлъ большое значеніе, какъ человѣкъ, который, и по своему общественному положенію, и по своимъ средствамъ, могъ дѣлать много добра. Горячо любя литературу и искуство, онъ поддерживалъ начинающіе таланты то дружескимъ пріемомъ и ободреніемъ, то матеріальными, часто очень значительными пожертвованіями. Такимъ образомъ смерть барона Бескова была для Шведской академіи очень чувствительною потерей.

Множество начатыхъ, но неконченныхъ словарей, говоритъ одинъ стокгольмскій журналъ по поводу его записки, уже доказываетъ, какія усилія дѣлаемы были въ Швеціи для составленія сколько-нибудь полнаго лексикона; это еще болѣе подтверждаютъ [176] старанія ученыхъ обществъ съ давнихъ временъ: особенно эпоха Густава III отличалась усердіемъ въ разработкѣ родного языка. Тѣмъ не менѣе ея стремленія не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, такъ какъ всѣ извѣстные доселѣ шведскіе словари сравнительно не полны. Еще не успѣли собрать той богатой жатвы словъ, какую могутъ доставить разнообразныя областныя нарѣчія. Объ этомъ давно уже помышляли, и Ире въ свое время много сдѣлалъ по этому предмету, но вѣроятно еще болѣе остается сдѣлать. Еще въ 1720-хъ годахъ Линдестольпе говорилъ: „Очень желательно было бы, чтобъ заботливое правительство избрало ученыхъ и толковыхъ людей, въ провинціяхъ, изъ судей, пасторовъ, бургомистровъ и др.,—которые бы записывали всѣ добрыя старинныя слова, еще понынѣ употребительныя въ простомъ народѣ, и идіотизмы, господствующіе въ каждой мѣстности, а также, чтобы изъ древнихъ сагъ, хроникъ и уложеній собирали годныя къ употребленію слова: послѣ чего можно бы учредить académie suédoise (по примѣру парижской) для разсмотрѣнія отысканныхъ словъ". Однакожъ это патріотическое и благоразумное предположеніе, въ которомъ выразилась первая мысль о Шведской академіи, долго оставалось безъ исполненія. Словарей послѣ того издано не мало, но между ними нѣтъ ни одного вполнѣ удовлетворительнаго.

Большія—чтобъ не сказать непреодолимыя трудности — (такъ начинаетъ Бесковъ) сопряжены съ работой, которая, болѣе всякой другой требуя единства, поручается обществу, не только состоящему изъ членовъ съ различными и часто даже противоположными взглядами, но періодически измѣняющемуся въ своемъ составѣ. Эти трудности не могли укрыться отъ вниманія членовъ, съ которыми учредитель академіи король Густавъ III совѣщался о задачѣ составленія словаря. Въ соображенія ихъ входило между прочимъ то обстоятельство, что члены Шведской академіи не живутъ, подобно французскимъ академикамъ, почти всѣ въ столицѣ, а разсѣяны по всему краю, такъ что вопросы по составленію словаря, даже различныя мнѣнія о правописаніи или

[177] значеніи словъ, должны бы разсматриваться не иначе, какъ перепискою. Далѣе было приводимо, что число членовъ Шведской академіи, 18, не равняется и половинѣ состава французскаго учрежденія, которое, несмотря на то, употребило 60 лѣтъ на приготовленіе перваго изданія своего словаря; почему и можно бы ожидать, что на шведскій потребуется вдвое болѣе времени (!);—что при Французской академіи находился для этой работы получавшій особое жалованье словарный комитетъ, члены котораго исключительно занимались своимъ порученіемъ, тогда какъ члены Шведской академіи почти всѣ либо несутъ разныя должности по службѣ гражданской, духовной или учебной, либо живутъ частнымъ литературнымъ трудомъ и потому могутъ посвящать академической дѣятельности немногіе только часы;—что Французская академія въ дѣлѣ лексикографіи имѣла нѣсколько счастливыхъ предшественниковъ, между тѣмъ какъ Шведская на предстоящемъ ей поприщѣ не можетъ воспользоваться чужими приготовительными работами [1];—что въ Швеціи тогда не было какого-нибудь лексикографическаго генія, который подобно Джонсону или Аделунгу [2]) могъ бы взять на себя главное наблюденіе за такимъ трудомъ, и что къ сожалѣнію превосходные лексикографы вообще рѣдки во всякой литературѣ; — что поэты и ораторы, составляющіе двѣ трети всего числа членовъ Шведской академіи, менѣе всѣхъ годны для работы, въ которой много механическаго, и болѣе способны создавать и обогащать языкъ, нежели собирать и распредѣлять входящія въ составъ его реченія. На остальную же треть членовъ, какъ любителей словесности, равнымъ образомъ нельзя разчитывать для такой задачи;— что въ [178] члены поступаютъ люди по большей части уже пожилые, дѣятельность которыхъ или уже вполнѣ опредѣлилась, или закончена совершенно (изъ числа первыхъ академиковъ четверымъ было болѣе 70 лѣтъ, другимъ около 50 и 60), когда уже невозможно ожидать новыхъ, незнакомыхъ имъ прежде утомительныхъ трудовъ; — что наконецъ языкъ, которымъ учредитель справедливо восхищался, языкъ, пріобрѣтавшій тогда новый блескъ подъ перомъ писателей Густавова вѣка, еще продолжалъ развиваться, — замѣчаніе тѣмъ болѣе основательное, что многіе изъ лучшихъ произведеній этихъ талантовъ тогда или еще не были написаны, или по крайней мѣрѣ оставались неизвѣстными публикѣ. Можно сказать, что языкъ, на который король

---

[1]) Это однакожъ не совсѣмъ точно: есть очень хорошій шведско-латинскій словарь Линдфорса, есть шведско-русскій словарь, изданный въ Финляндіи при пособіи правительства; наконецъ послѣ составленія настоящей записки напечатанъ въ Стокгольмѣ довольно полный словарь Далина (на одномъ шведскомъ языкѣ), изъ котораго самимъ составителемъ впослѣдствіи извлеченъ словарь меньшихъ размѣровъ (т. е. безъ фразеологіи), но за то съ корнесловными поясненіями. Далинъ ум. въ 1873 году.

[2]) Или Литтрэ, имени котораго въ настоящее время нельзя здѣсь не прибавить.

смотрѣлъ какъ на основу предположеннаго словаря, еще не вполнѣ выработался, когда надо было приступить къ этому труду.

Между тѣмъ, для исполненія воли своего покровителя, окружавшіе его писатели тотчасъ занялись существенными вопросами по составленію лексикона. Вскорѣ совѣщанія коснулись спорнаго пункта, предмета, о которомъ и теперь, по прошествіи стольких лѣтъ, мнѣнія еще не вполнѣ согласились и по которому между лексикографами конечно всегда будетъ разномысліе, — именно вопроса о томъ, какъ поступать съ вошедшими въ языкъ иностранными словами. Встрѣтилось разногласіе и по другимъ предметамъ. Черезъ нѣсколько времени Густавъ III скончался; избраніе одного новаго члена, не понравившагося правительству, послужило поводомъ къ тому, что Академіи приказано было пріостановить свои занятія.

По возобновленіи ихъ чрезъ два года, Шведская академія признала нужнымъ прежде всего опредѣлить начала правописанія. Она издала по этому предмету сочиненіе, стоившее ей многолѣтнихъ соображеній; трудность рѣшенія этой задачи оцѣнитъ всякій, кто знаетъ, что для образованнаго языка правила не могутъ быть составляемы произвольно, но должны быть результатомъ вѣрныхъ наблюденій и совершеннаго пониманія духа языка. Вѣроятно, безъ этого изданія установленіе точныхъ орѳографическихъ [179] законовъ замедлилось бы еще надолго; важность труда академіи легко понять, сравнивъ разнообразіе и произволъ, господствовавшіе въ правописаніи до появленія его, съ тѣмъ по крайней мѣрѣ относительнымъ единообразіемъ, какое замѣчается у хорошихъ шведскихъ писателей нашего времени. Можетъ быть, вліяніе этого труда было бы еще рѣшительнѣе, если бъ черезъ нѣсколько лѣтъ не было повелѣно академіи и другимъ общественнымъ учрежденіямъ снова измѣнить правописаніе и писать иностранныя слова такъ, какъ издавна было принято, вслѣдствіе чего правительственныя мѣста удержали старинное правописаніе, а въ общій обычай вошло предложенное академіею [1]). Однакожъ въ новѣйшее время вездѣ стали брать верхъ принятыя академіей основанія.

Другой важный трудъ, долженствовавшій предшествовать словарю, составляла грамматика, которая поэтому и была издана академіею вслѣдъ за сочиненіемъ о правописаніи. Французская академія по истеченіи 200 лѣтъ еще не издала грамматики, — что́ доказываетъ, какъ трудно обществу изъ разномыслящихъ дѣятелей согласиться въ основаніяхъ труда, требующаго въ малѣйшихъ частяхъ своихъ единства и послѣдовательности. Въ примѣръ затрудненій, всегда встрѣчающихся

---

[1]) По старинному способу греческія, французскія и другія иностранныя слова пишутся у Шведовъ съ точнымъ соблюденіемъ первоначальной ихъ орѳографіи, напр. philosophie, lieutenant, capitaine; академія же установила писать: filosofi, löjtnant, kaptén—по произношенію.

при совокупной работѣ многихъ, можно бы еще привести датское Ученое общество, которое въ цѣлое столѣтіе не окончило своего словаря, хотя могло пользоваться множествомъ приготовительныхъ работъ и имѣло въ своемъ распоряженіи, между прочимъ, извѣстнаго лексикографа [1]).

Если бъ Шведская академія была основана—такъ какъ La Crusca и академія Испанская—главнымъ образомъ для разработки языка, то она могла бы исключительно посвятить себя филологическому труду. Но мы видимъ совершенно противное. Предназначенная [180] съ самаго начала служить литературнымъ судилищемъ, она должна была и въ дѣятельности своей, и въ избраніи своихъ членовъ руководствоваться прежде всего этимъ назначеніемъ. Съ наступленія октября мѣсяца до годовщины своей (5-го апрѣля) академія бываетъ непрерывно занята чтеніемъ и разсмотрѣніемъ сочиненій, представленныхъ къ соисканію наградъ: число ихъ простирается иногда до 30, 40 и даже 50-ти. Послѣ годичнаго торжества многіе изъ получившихъ преміи, а часто и изъ неудостоенныхъ ими писателей просятъ о сообщеніи имъ замѣчаній академіи; совѣщанія по этому предмету наполняютъ большую часть засѣданій въ послѣдующіе мѣсяцы; къ чему надобно прибавить, что и другіе авторы литературныхъ сочиненій или словарей, грамматикъ, разсужденій о правописаніи и т. п. просятъ отзывовъ академіи о своихъ трудахъ: слѣдовательно и ихъ необходимо подвергать разбору и составлять о нихъ письменныя мнѣнія. Затѣмъ на болѣе постоянныя занятія по словарю только и можетъ быть употреблено остальное время до 1-го іюня, когда начинаются академическія вакаціи [2]). Но само собою разумѣется, какъ медленно такой обширный трудъ долженъ подвигаться при столь ограниченномъ времени и какъ вредятъ успѣху его продолжительныя остановки. Не говорю уже о томъ, что встрѣчающіяся недоумѣнія разсматриваются въ общемъ собраніи, и что, такъ какъ въ случаѣ разногласія вопросы рѣшаются большинствомъ голосовъ, то окончательный приговоръ зависитъ отъ случайнаго обстоятельства, сколько на лицо членовъ, раздѣляющихъ такое-то мнѣніе. Гораздо благопріятнѣе для строгой послѣдовательности въ частностяхъ было бы, если бъ работа, какъ во Французской академіи, исполнялась комитетомъ изъ одномыслящихъ по главнымъ вопросамъ членовъ: только въ такомъ случаѣ и можно бы достигнуть (сколько вообще подобный трудъ допускаетъ это) двойственной цѣли— единства и скорости въ работѣ.

[181] Между тѣмъ въ послѣднія десятилѣтія шведскій языкъ обогатился многими реченіями и оборотами, извлеченными изъ библіи и

---

1) См. объ этомъ ниже особую замѣтку.

2) Вакаціи Шведской академіи продолжаются отъ 1-го іюня до 1-го октября.

изъ сагъ, или заимствованными изъ нѣмецкаго языка, какъ прежде слова почерпались изъ французскаго. Составъ академіи не могъ не подвергнуться измѣненію сообразно съ новымъ литературнымъ направленіемъ. Изъ членовъ, участвовавшихъ въ первыхъ совѣщаніяхъ о словарѣ, почти никого уже не было въ живыхъ. Ихъ замѣнили новыя лица, явились иные образцы краснорѣчія и поэзіи, предѣлы отечественнаго языка раздвинулись, филологическія изслѣдованія проложили себѣ невѣдомыя прежде стези, и потребность въ болѣе обширномъ лексиконѣ сдѣлалась настоятельною.

Извѣстно, что при составленіи такого пособія для живого языка есть два исходные пункта: можно либо, по примѣру Французской академіи, довольствоваться объясненіемъ употребленія словъ посредствомъ придуманныхъ самими составителями примѣровъ, либо, поступая какъ La Crusca, какъ Испанская академія, какъ Джонсонъ, Ричардсонъ и друг., можно, такъ сказать, извлекать словарь изъ классическихъ писателей приведеніемъ примѣровъ изъ ихъ сочиненій. Находя, что послѣдній способъ ближе къ настоящей цѣли словаря, Шведская академія рѣшилась измѣнить свой первоначальный планъ. Вслѣдствіе этого необходимо было просмотрѣть всѣхъ хорошихъ писателей какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, за тотъ періодъ, въ который сложился шведскій языкъ, т. е. отъ короля Густава I и введенной имъ реформаціи до настоящаго времени; при чемъ надлежало выписывать—во 1-хъ, старинныя, теперь забытыя слова, которыя заслуживаютъ быть возстановленными; во 2-хъ, годные и по возможности полные образцы правильнаго употребленія современныхъ словъ, и въ 3-хъ, указанія на исторію языка, которыя можно было получить этимъ путемъ. Ясно, что приготовительныя работы для словаря такого рода требуютъ несравненно болѣе труда и времени, нежели означеніе словъ съ особо составленными для нихъ примѣрами изъ современнаго языка. Сколько извѣстно академіи, [182] ни для какого шведскаго словаря еще не было изготовляемо такихъ сборниковъ словъ, которые должны заключать въ себѣ какъ бы пересмотръ всего языка за 300 лѣтъ слишкомъ. Такое измѣненіе плана принято окончательно послѣ академическаго торжества 1836 года, и легко понять, что академія не иначе, какъ вслѣдствіе продолжительныхъ разсужденій, могла рѣшиться на заключеніе, послѣ котораго она не только должна была пожертвовать большею частью прежнихъ приготовительныхъ работъ, но и отказаться отъ болѣе или менѣе близкаго окончанія своего предпріятія. Итакъ, приступлено было къ составленію выписокъ изъ произведеній старинной и новой литературы; до сихъ поръ просмотрѣно 400 томовъ и изъ нихъ извлечено до 128,000 образцовъ языка, въ которыхъ множество словъ, не вошедшихъ въ изданные доселѣ словари. Такъ какъ пріисканіе примѣровъ для употребленія одного лишь

слова въ разныхъ его значеніяхъ иногда требуетъ просмотра нѣсколькихъ писателей, то легко судить, сколько времени и труда потребно на эти выписки. Безусловной полноты невозможно ожидать въ первомъ опытѣ подобной работы, особенно въ живомъ языкѣ, котораго составныя части безпрестанно обновляются; это всего убѣдительнѣе доказывается образцовымъ словаремъ La Crusca, 5-е изданіе котораго, вышедшее черезъ 200 лѣтъ послѣ учрежденія этой академіи, потребовало весьма значительныхъ дополненій и поправокъ.

Между тѣмъ собранныхъ образцовъ оказалось достаточнымъ для приведенія матеріаловъ въ порядокъ, послѣ чего надлежало продолжать отдѣльные сборники для каждой буквы, чтобы по возможности пополнять пропуски. Всякій, кто знакомъ съ подобною работою, можетъ засвидѣтельствовать, что всѣ болѣе замѣчательныя сочиненія надобно перечитывать по нѣскольку разъ (иначе многія частности ускользаютъ отъ вниманія) и что очень часто чтеніе остается безплоднымъ, потому что фразы, заключающія въ себѣ искомое слово, либо оказываются слишкомъ длинными и не могутъ служить примѣрами въ словарѣ, либо, отдѣленныя отъ цѣлаго, не довольно ясны. Случается также, что выписанные [183] образцы излишни оттого, что уже піисканы другіе примѣры для того же слова, такъ какъ и самая счастливая память при чтеніи разныхъ писателей въ разное время, иногда спустя цѣлый годъ, не можетъ удержать всего записаннаго. Такимъ образомъ, по расположеніи выписокъ въ алфавитномъ порядкѣ, многіе превосходные примѣры приходится отбрасывать, тогда какъ ради словъ, для которыхъ еще не найдено образцовъ, необходимо снова перечитывать тѣ же сочиненія, а для этого требуется напряженіе, на которое не всякій способенъ. Съ другой стороны, посредствомъ приведенія примѣровъ словарь пускаетъ въ оборотъ множество прекрасныхъ мыслей и важныхъ истинъ, выраженныхъ на родномъ языкѣ; образцы же, почерпнутые изъ старинныхъ памятниковъ, объясняютъ производство и образованіе словъ, а указаніе ударенія при каждомъ реченіи составляетъ также важное дополненіе къ изученію его.

Всякій, кто сколько-нибудь ознакомился съ литературою словарей и понимаетъ трудность или, вѣрнѣе, невозможность составить совершенно удовлетворительный лексиконъ живого языка, конечно не можетъ ласкаться надеждою произвести трудъ, который былъ бы исключеніемъ изъ общихъ правилъ, тѣмъ болѣе, что лексиконъ не имѣетъ, какъ всякій другой ученый или литературный трудъ, своего особаго круга читателей, а находитъ судей на всѣхъ возможныхъ ступеняхъ образованія; тó, что одному кажется излишнимъ, другой считаетъ не досказаннымъ, не говоря уже о безчисленномъ множествѣ другихъ разногласій въ сужденіяхъ. Если бы задача была такъ проста, какъ многіе воображаютъ, то безъ сомнѣнія она уже давно была бы рѣшена

какимъ-нибудь однимъ литераторомъ, который могъ бы посвятить ей все свое время и всѣ свои силы, и которому при единствѣ и постоянномъ ходѣ работы легче было бы достигнуть цѣли. Если бы Швеція произвела Джонсона или Аделунга, или если бъ Ире принадлежалъ нашему времени и академія не воспользовалась такимъ талантомъ для выполненія порученнаго ей дѣла, то конечно она заслужила бы обвиненія, иногда на нее возводимыя за неизданіе [184] словаря. Въ настоящихъ же обстоятельствахъ она сдѣлала все, что отъ нея зависѣло. Чрезвычайно рѣдко случается, чтобы литературный талантъ могъ съ успѣхомъ быть употребленъ на составленіе словаря, и неизбѣжное противорѣчіе между составомъ академіи, какъ литературнаго общества, и лексикографическою ея задачею въ высшей степени затрудняетъ замѣщеніе открывающихся въ ней вакансій. Конечно, естественно желать, чтобъ достойнѣйшіе члены ея дѣятельно участвовали въ составленіи лексикона; но этого никакъ нельзя обратить имъ въ непремѣнную обязанность. Она не исполнила бы возложеннаго на нее перваго долга пещись о поэзіи и краснорѣчіи, если бъ стала требовать, чтобы такіе писатели, какъ напримѣръ: Чельгренъ, Оксеншерна, Франце́нъ, Валли́нъ, Тегне́ръ, Гейеръ, оставили лиру или каѳедру, или отказались отъ трудовъ, украшающихъ отечественную словесность, и наперекоръ своему призванію подвергли бы себя тяжелому труду изъ старыхъ и новыхъ сочиненій откапывать и выписывать слова, разставлять ихъ въ азбучномъ порядкѣ, отмѣчать ихъ грамматическія свойства и т. д.; что́ все конечно достойно уваженія, но для мыслителя и поэта также мало сообразно съ его назначеніемъ, какъ если бъ зодчаго, создавшаго идею прекраснаго зданія, заставили самого складывать матеріалы для строенія. Всѣ изложенныя трудности достаточно объясняютъ замедленіе, происшедшее въ изготовленіи шведскаго словаря.

Но теперь, когда академія, несмотря на ограниченныя средства свои, уже приготовила значительную часть своего труда, для него начинается новый періодъ. Приведеніе въ систему образцовъ и списковъ реченій (тѣ и другіе составляютъ уже около трехъ тысячъ листовъ), а также переписываніе ихъ въ алфавитномъ порядкѣ требуютъ особыхъ сотрудниковъ, которые могли бы употребить на это всю свою дѣятельность. Сто́итъ только взглянуть на списокъ академиковъ, чтобы убѣдиться, что нынѣ, какъ и прежде, согласно съ основаніями учрежденія академіи, оказывается чрезвычайно мало такихъ членовъ, которымъ постороннія обязанности или другіе литературные труды не мѣшали [185] бы заняться этимъ дѣломъ, и что сверхъ того эти немногіе по лѣтамъ своимъ уже выслужили право на пенсію, а слѣдовательно и на отдыхъ. Притомъ, такая почти совершенно механическая работа справедливо покажется многимъ недостойною академика,

если бъ даже время и здоровье не служили къ тому препятствіемъ. Итакъ необходимо прибѣгнуть къ помощи стороннихъ лицъ. Однакожъ здѣсь нельзя употребить обыкновенныхъ писцовъ: при редакціи каждаго слова надобно наблюдать много мелочей; нужно много внимательности къ каждой части труда, въ которомъ встрѣчаются безпрестанныя ссылки, и малѣйшая неисправность можетъ произвести неясность и замѣшательство; поэтому для окончательной редакціи цѣлой работы нуженъ человѣкъ, который съ лексикографическимъ тактомъ соединялъ бы общее образованіе, особливо если предположить, что для бóльшаго удобства ему же впослѣдствіи поручено будетъ чтеніе первой корректуры при печатаніи словаря, такъ какъ соблюденіе множества объяснительныхъ знаковъ, сокращеній, особенныхъ шрифтовъ для разныхъ случаевъ подъ каждымъ словомъ и проч. требуетъ нѣкотораго навыка въ лексикографическомъ дѣлѣ. Изъ опытовъ извѣстно, что такому сотруднику по редакціи нельзя назначить въ вознагражденіе менѣе 600 руб. въ годъ. Помощника ему для переписки словъ и примѣровъ въ алфавитномъ порядкѣ можно найти за 300 р. Если прибавить 100 р. на наемъ, по мѣрѣ надобности, переписчиковъ для техническихъ и научныхъ словъ, то составится годовая сумма въ 1,000 руб. для приведенія матеріаловъ въ порядокъ передъ окончательною редакціею словаря. Ясно, что если бъ можно было имѣть болѣе сотрудниковъ, то дѣло пошло бы еще скорѣе. Помянутому комитету Французской академіи ассигнована была немаловажная сумма. Мы въ основаніе своей смѣты положили самый умѣренный разчетъ (NB. переведенный здѣсь на русскія деньги), чтобы хоть сколько-нибудь ускорить работу.

Однакожъ эти сторонніе сотрудники должны будутъ работать подъ надзоромъ особо избранныхъ академиковъ, которымъ предстоитъ не только продолжать отдѣлку неконченныхъ частей словаря, [186] но и просматривать весь трудъ и заниматься окончательной его редакціей. Уже давно предполагалось составить, по примѣру Французской академіи, словарный комитетъ; но отъ этой мысли надобно было отказаться, потому что не предвидѣлось возможности доставить членамъ его ни необходимаго при этомъ увольненія отъ другихъ важныхъ обязанностей, ни справедливаго вознагражденія за прекращеніе частной литературной дѣятельности. По настоящему положенію приготовительныхъ работъ конечно желательно было бы, чтобъ образованіе такого комитета состоялось; но издержки, которыхъ оно бы потребовало, не позволяютъ, по крайней мѣрѣ впредь до времени, думать объ осуществленіи этого плана. Между тѣмъ, здѣсь не излишне упомянуть, что Французская академія, какъ видно изъ собранныхъ свѣдѣній, получаетъ 3,000 руб. сер. для своего словарнаго комитета, да сверхъ того почти столько же на уплату стороннимъ сотрудникамъ, на покупку

книгъ и проч., всего около 6,000 руб. ежегодно, на расходы по этой статьѣ. Такая сумма не покажется слишкомъ значительною, если сообразить, какъ трудно между литераторами, уже избравшими опредѣленный кругъ дѣйствія, найти готовыхъ принять на себя однообразный трудъ составленія словаря. Многолѣтняя опытность достаточно показываетъ, что изъ всѣхъ родовъ авторства, участіе въ этомъ трудѣ, даже и при сравнительно выгодныхъ условіяхъ, привлекаетъ наименѣе дѣятелей. При всемъ томъ теперь представляется уже неизбѣжнымъ назначить опредѣленное жалованье одному члену или и нѣсколькимъ совокупно, съ тѣмъ, чтобы они болѣе дѣятельно участвовали въ трудѣ и наблюдали за работою стороннихъ помощниковъ. Кажется, на этотъ предметъ надлежало бы назначить по меньшей мѣрѣ 500 р. въ годъ. Такимъ образомъ итогъ расходовъ на изготовленіе словаря составлялъ бы по 1,500 руб. ежегодно.

Желательно было бы, чтобъ академія могла изъ собственныхъ средствъ покрыть этотъ расходъ. Но это къ сожалѣнію невозможно, потому что доходы ея, особливо въ послѣднія 20 лѣтъ, безпрестанно были уменьшаемы, тогда какъ издержки увеличивались, [187] и то и другое по причинамъ, отъ нея не зависѣвшимъ. Въ доказательство представимъ краткій обзоръ ея экономическаго положенія.

Первоначально на содержаніе Шведской академіи ассигновано было изъ государственной казны около 2,000 руб. сер.; но мало по малу, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, сумма эта уменьшилась почти на цѣлыя двѣ трети. Ежегодныя издержки академіи на награды и медали за лучшія сочиненія, на изданіе ея записокъ, на публичныя собранія, на наемъ квартиры для библіотеки, на жалованье секретарю и другимъ лицамъ, уже равнялись означенной суммѣ, и потому академія давно была бы вынуждена объявить себя несостоятельной къ исполненію возложенныхъ на нее обязанностей, если бъ учредитель ея не даровалъ ей другого источника доходовъ, который, хотя и назначался имъ на частное вспомоществованіе академикамъ, но, составляя ея собственность, могъ быть добровольно употребляемъ ею и на покрытіе издержекъ, необходимыхъ для достиженія предлежавшей ей цѣли. Такимъ источникомъ доходовъ было право располагать газетою, которая вначалѣ пользовалась исключительной привиллегіей сообщать политическія извѣстія, распоряженія правительства и освобождена была отъ взноса на почтѣ вѣсовыхъ денегъ, вслѣдствіе чего число подписчиковъ въ самое благопріятное время возросло до 7,000. Но когда, послѣ извѣстнаго переворота 1809 года, право изданія политическихъ газетъ сдѣлалось общимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ распространены на нихъ тѣ же льготы, кругъ читателей офиціальной газеты уменьшился въ четыре раза, и изъ выручаемой съ нея суммы уже ничего нельзя было откладывать въ академическую кассу. Въ такихъ обстоятельствахъ тогдаш-

ній попечитель академіи разрѣшилъ отдать эту газету на откупъ за 2,500 руб. въ годъ.

Съ помощью этой добавочной суммы и съ пожертвованіемъ тѣхъ денежныхъ пособій, которыми до сихъ поръ пользовались достойнѣйшіе члены академіи, она могла пополнять недостатокъ въ ассигнованныхъ ей доходахъ. Но для значительныхъ издержекъ, [188] требующихся, какъ выше показано, по изданію словаря, она не имѣетъ средствъ, будучи прежде всего, на основаніи своего устава, литературнымъ обществомъ, учрежденнымъ для поощренія лучшихъ писателей и поэтовъ, для увѣнчанія преміями превосходнѣйшихъ сочиненій и для сохраненія въ біографіяхъ памяти знаменитыхъ заслугами соотечественниковъ. Она не должна вмѣстѣ съ тѣмъ забывать, что одною изъ цѣлей Густава III при учрежденіи ея было: въ странѣ, гдѣ литературная дѣятельность рѣдко обезпечиваетъ безбѣдное состояніе и гдѣ молодые таланты часто изнемогаютъ подъ бременемъ нищеты или отъ недостатка поощреній,—доставлять вспоможеніе лицамъ, оказавшимъ услуги шведской литературѣ, или пещись о дальнѣйшемъ воспитаніи талантливыхъ юношей. Такимъ образомъ академія способствовала къ тому, что такіе люди, какъ Гюлленборгъ, Чельгренъ, Леопольдъ, Розенстейнъ и другіе, могли въ лучшую пору жизни почти исключительно посвящать себя литературѣ. Послѣ нихъ подобныя пособія производились Валлину, Франце́ну, Тегне́ру и друг., въ такія эпохи ихъ дѣятельности, когда это хотя и незначительное вспомоществованіе было имъ очень важно. Нѣтъ надобности прибавлять, что такія пособія въ настоящее время столько же или еще болѣе нужны и желательны: всякому любителю литературы извѣстно, что академія при Густавѣ III и въ послѣдующее время состояла на половину изъ членовъ, которые по своему общественному и экономическому положенію находились въ столь благопріятныхъ обстоятельствахъ, что могли изъ собственныхъ средствъ производить пенсіи; теперь же большая часть сочленовъ не могутъ обойтись, если не постоянно, то по крайней мѣрѣ временно, безъ выдаваемыхъ ею пособій. Такъ академія главнымъ образомъ изъ доходовъ съ оффиціальныхъ объявленій въ вѣдомостяхъ доставляла нѣкоторымъ изъ извѣстнѣйшихъ писателей Швеціи пособія, на которыя въ другихъ странахъ ассигнуются значительныя суммы изъ государственной казны. Но академія, при назначеніи такихъ вспоможеній, не ограничивалась своимъ собственнымъ составомъ: она поддерживала и [189] такіе таланты, которые къ ней не принадлежали, каковы напримѣръ г-жа Ленгренъ, Галленбергъ, Никандеръ, не говоря о другихъ, еще живыхъ писателяхъ. Кромѣ того академія выдавала пособія оставшимся въ бѣдности вдовамъ и семействамъ заслуженныхъ литераторовъ. Наконецъ, академія имѣла возможность воздвигать памятники нѣкоторымъ изъ

поэтовъ Швеціи, напр. Бельману, или по крайней мѣрѣ участвовать въ сооруженіи монументовъ другимъ, какъ-то: Тегнéру, Берцеліусу и Гейеру, или же сохранять черты геніальныхъ писателей въ мраморныхъ изваяніяхъ, выполненныхъ отличнѣйшими художниками Швеціи. Всѣ такіе знаки уваженія къ литературнымъ заслугамъ отражаютъ на себѣ духъ учредителя; все это долги, уплаченные именемъ отечества, согласно съ волею Густава, чтобы академія дѣйствовала для „славы и безсмертія", почему и суммы, которыми располагала она, конечно были употребляемы сообразно съ своимъ назначеніемъ.

Таково, съ нѣкоторыми сокращеніями, содержаніе записки Бескова. Изъ донесенія, впослѣдствіи представленнаго академіею королю, видно, что во вниманіи къ затрудненіямъ, которыя она встрѣчала въ своемъ предпріятіи, государственные чины, въ 1854 году, ассигновали ей на четыре года дополнительную сумму по 1.200 руб. ежегодно. Получивъ такимъ образомъ средства назначить особое вознагражденіе одному изъ членовъ своихъ, который будетъ имѣть возможность постоянно заниматься редакціею словаря, Шведская академія предложила эту работу профессору Лундскаго университета Гагбергу (Hagberg) и для того испросила ему на первый случай двухлѣтнее увольненіе отъ должности. Отдавая королю отчетъ въ дальнѣйшемъ ходѣ трудовъ по словарю, она указываетъ на число листовъ (2.500), наполненныхъ выписками, и статей (30.000), обработанныхъ въ теченіе трехъ лѣтъ.

Но какъ шло составленіе и изданіе словаря со времени порученія названному профессору? Нынѣ уже покойный Гагбергъ, извѣстный очень удачными переводами изъ Шекспира, не былъ [190] въ собственномъ смыслѣ филологомъ. По мѣрѣ изготовленія словарныхъ работъ, онъ долженъ былъ посылать ихъ въ Стокгольмъ на разсмотрѣніе учрежденнаго между тѣмъ особаго академическаго комитета. Главнымъ членомъ этого комитета былъ покойный Рюдквистъ (Rydqvist), пріобрѣтшій съ 1850 года почетное имя своимъ обширнымъ филологическимъ сочиненіемъ „Законы шведскаго языка" (Svenska språkets lagar). Непривычка Гагберга къ лексикографическимъ трудамъ, отсутствіе системы въ его работѣ и произвольность нѣкоторыхъ его взглядовъ, которыхъ не могъ раздѣлять стокгольмскій комитетъ, естественно замедляли ходъ дѣла. Наконецъ однакожъ профессоръ представилъ отдѣланное имъ собраніе словъ на букву А, которое, по пересмотрѣ комитетомъ, и было издано въ 1870 году въ видѣ перваго выпуска Шведскаго академическаго Словаря, подъ заглавіемъ: „Ordbok öfver Svenska Språket utgifven af Svenska Akademien". Между тѣмъ Гагбергъ умеръ, и главное веденіе труда перешло въ руки Рюдквиста; онъ же первымъ условіемъ поставилъ, чтобы прежде всего удовольствовались составленіемъ полнаго алфавитнаго списка словъ, которыя должны

войти въ лексиконъ, съ главными грамматическими обозначеніями, но безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій и подробностей [1]).

Изданный въ 1870 г. первый выпускъ Шведскаго академическаго словаря, содержащій, какъ сказано, слова на букву А, заключаетъ въ себѣ 358 стр. in 4° средняго формата. Изъ иностранныхъ словъ приняты только вполнѣ усвоенныя языкомъ, передѣланныя, [191] издавна въ немъ обращающіяся или вошедшія въ составъ собственно шведскихъ словъ. Остальныя чужеязычныя слова, заимствованныя въ новѣйшее время, устранены до окончанія словаря и будутъ помѣщены въ особомъ къ нему прибавленіи. Что касается плана и состава вышедшаго выпуска, то объясненіе каждаго слова вмѣщаетъ въ себѣ слѣдующія части: 1) краткія грамматическія замѣчанія; 2) производство слова и формы его въ родственныхъ языкахъ; 3) опредѣленіе значеній слова съ примѣрами изъ современнаго языка и изъ писателей, начиная съ прошлаго вѣка; 4) указаніе употребленія слова въ разныхъ сочетаніяхъ его или примѣненіяхъ, опять съ фразеологіею, иногда съ приведеніемъ пословицы или поговорки; 5) въ случаѣ надобности замѣтки по исторіи слова. Изъ древняго и стариннаго языка въ алфавитномъ порядкѣ помѣщены только такія слова, которыя могутъ служить къ объясненію словъ современнаго языка или которыя бы заслуживали быть возстановленными въ употребленіи. Итакъ начало словаря, по положенному въ основаніе его плану, близко подходитъ къ требованіямъ настоящей лексикографіи, и самое выполненіе вообще удовлетворительно; но, къ сожалѣнію, мало ручательствъ за приведеніе предпріятія къ окончанію, какъ можно заключить изъ слѣдующихъ словъ предисловія къ первому выпуску: „Исполненіе возложенной на академію задачи остается, какъ оно и до сихъ поръ было, въ зависимости отъ обстоятельствъ, надъ которыми она невластна, особенно же отъ недостатка не только матеріальныхъ средствъ, но и значительной руководящей силы, которая могла бы направлять все дѣло въ области, все болѣе расширяющейся въ наше время при безпрестанно возрастающихъ требованіяхъ какъ въ самой наукѣ, такъ и внѣ ея, требованіяхъ, нисколько не уменьшаемыхъ въ приложеніи къ литературному обществу, которое нынѣ всего менѣе имѣетъ возможности

[1]) Начало этого труда и появилось въ Стокгольмѣ подъ заглавіемъ: Ordlista öfver Svenska Språket, utgifven af Svenska Akademien. Въ 1874 году оно вышло уже 2-мъ изданіемъ. Рюдквистъ умеръ въ Стокгольмѣ въ концѣ 1877 года. За нѣсколько недѣль до его кончины я видѣлъ тамъ престарѣлаго филолога, но уже на одрѣ неизлѣчимой болѣзни. Это было вскорѣ послѣ четырехсотнаго юбилея Упсальскаго университета, на которомъ я присутствовалъ въ качествѣ делегата отъ нашей Академіи наукъ. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть также объ этимологическомъ словарѣ шведскаго языка, составляемомъ доцентомъ Упсальскаго университета г. Таммомъ. Сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ вышло его два выпуска (1874 и 1875 г.), содержащіе двѣ первыя буквы алфавита.

совершить подобное предпріятіе. Добросовѣстно взвѣсивъ все это и лежащія въ основѣ того обстоятельства, академія, при изданіи настоящаго 1-го выпуска словаря, не можетъ принять на себя передъ публикою положительнаго [192] обязательства относительно продолженія или окончанія его, и обѣщаетъ только со всею заботливостью, по улучшенному плану, вести далѣе приготовительные труды для окончательной обработки; однакожъ, и это только по мѣрѣ денежныхъ средствъ и рабочихъ силъ. Первыя, въ довольно кругломъ размѣрѣ, составляютъ необходимое условіе для надлежащаго выполненія дѣла, но не всегда могутъ доставить послѣднія, для вызова которыхъ нужны часто особенно счастливыя обстоятельства или другія неизчислимыя напередъ случайности".

Чтобы вполнѣ понять смыслъ этихъ словъ, надобно знать, что Шведская академія давно была предметомъ нареканій и упрековъ за медленность въ составленіи словаря, и что вслѣдствіе того она, на одномъ изъ послѣднихъ сеймовъ, отказалась отъ суммы, которая ежегодно отпускалась ей отъ правительства (5.000 риксд. = 2.000 руб. сер.). Тѣмъ не менѣе дѣло въ то время не вполнѣ остановилось, какъ видно изъ упомянутаго выше, изданнаго, согласно съ обѣщаніемъ академіи, томика.

Изъ всего здѣсь сообщеннаго можно заключить, что причины, почему Шведская академія до сихъ поръ еще не кончила давно начатаго ею словаря, главнымъ образомъ состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Изготовленіе словаря соединенными силами многихъ вообще представляетъ большія затрудненія по недостатку при такомъ условіи единства, необходимаго во всякомъ сложномъ предпріятіи, а особливо въ предпріятіи этого рода.

2) Такая совокупная работа тѣмъ болѣе трудна для стокгольмской академіи, что это общество основано преимущественно для поощренія въ Швеціи изящной литературы; — что всѣ члены его обременены другими, болѣе обязательными занятіями либо по государственной службѣ, либо по литературѣ, которыя доставляютъ имъ средства къ существованію или болѣе удовлетворяютъ ихъ духовнымъ потребностямъ;—что многіе изъ нихъ уже въ такихъ лѣтахъ, когда человѣкъ не чувствуетъ въ себѣ ни силъ, ни охоты къ напряженной дѣятельности, и что, [193] наконецъ, между ними нѣтъ человѣка, который, подобно Джонсону, Аделунгу или Литтрэ, соединялъ бы въ себѣ всѣ качества для обширнаго лексикографическаго труда.

3) При такихъ обстоятельствахъ и такомъ взглядѣ на дѣло Шведская академія прибѣгла къ единственному средству, которое еще могло почетнымъ образомъ вывести ее изъ затрудненія: она передала весь трудъ одному изъ живущихъ внѣ Стокгольма членовъ своихъ, назначивъ особыя денежныя вознагражденія какъ ему, такъ и другимъ

стороннимъ сотрудникамъ, которые будутъ въ его распоряженіи для окончательныхъ работъ по редакціи словаря.

Примѣръ Шведской академіи въ этомъ дѣлѣ чрезвычайно поучителенъ для всѣхъ ученыхъ обществъ, которымъ предлежитъ рѣшеніе однородной задачи. Вникнувъ во всѣ затрудненія, столь откровенно ею самою сознанныя, нельзя не согласиться, что они въ большей или меньшей степени неизбѣжны для всякой коллегіи, и что если, несмотря на то, задача составленія словаря иногда успѣшно выполнялась академіями, то такое явленіе принадлежитъ къ числу исключеній и было всегда результатомъ особенно благопріятныхъ обстоятельствъ. Составленіе словаря, какъ и всякій другой обширный и многосложный трудъ, требуетъ со стороны занявшагося имъ воодушевленія, изъ котораго рождается другое столь же рѣдкое и для такого предпріятія необходимое свойство—неистощимое самоотверженіе и терпѣніе. Такое плодотворное воодушевленіе къ дѣлу, для большей части людей вовсе не привлекательному, дается только тому, кто къ этому дѣлу *призванъ*, т. е. соединяетъ въ себѣ всѣ необходимыя для успѣшнаго выполненія его свойства и надлежащую подготовку. Если и предположить, что эти условія въ равной степени соединяются въ нѣсколькихъ членахъ даннаго общества, то все-таки различіе ихъ взглядовъ, началъ и другихъ особенностей составитъ почти непреодолимое препятствіе къ единству и равномѣрности совокупнаго труда. Съ другой стороны, самый способъ раздѣленія работы между сотрудниками представляетъ задачу не легкую. Есть два главные [194] рода такого раздѣленія. Можно либо раздать всю работу, на цѣломъ ея протяженіи, по разнороднымъ предметамъ, какъ-то: 1) по собиранію и размѣщенію словъ; 2) по грамматическому ихъ опредѣленію; 3) по объясненію ихъ значеній; 4) по пріисканію къ нимъ примѣровъ и т. д., смотря по принятому плану. Либо можно раздать работу по частямъ внѣшняго ея состава, по буквамъ, съ тѣмъ, чтобы каждый сотрудникъ обработалъ порученныя ему буквы по всѣмъ внутреннимъ отдѣламъ. Сравнивая оба способа, нельзя не убѣдиться, что, если первый въ сущности раціональнѣе въ отношеніи къ цѣли единства, то онъ на практикѣ менѣе удобенъ нежели второй, который доставляетъ возможность болѣе скораго и живого труда, но за то подвергаетъ словарь той опасности, что онъ можетъ состоять изъ частей, не совсѣмъ равномѣрныхъ между собой по внутреннему содержанію и достоинству. Собственно говоря, если дѣйствительно дорожить условіемъ строгаго единства, то коллективный трудъ надъ словаремъ можетъ быть допущенъ только развѣ въ приготовительныхъ къ нему работахъ, именно въ чтеніи различныхъ писателей или памятниковъ, съ выборкою изъ нихъ словъ и примѣровъ. Окончательная же редакція словаря должна быть предоставлена одному лицу, разумѣется, при помощи нѣсколькихъ отдан-

ныхъ въ его распоряженіе помощниковъ. Если бъ Шведская академія въ самомъ началѣ своего предпріятія поступила такъ, какъ она рѣшилась сдѣлать послѣ долговременнаго опыта, то по всей вѣроятности задуманный ею словарь давно былъ бы уже изданъ.

Кончая здѣсь первый отдѣлъ предлагаемыхъ мною соображеній, не могу не упомянуть о трехъ статьяхъ И. И. Срезневскаго, относящихся къ этому же предмету и помѣщенныхъ имъ въ *Извѣстіяхъ* 1854 года подъ общимъ заглавіемъ: „Обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ изъ современныхъ словарей". Эти статьи никакъ не должны быть выпущены изъ виду при настоящемъ вопросѣ. Въ нихъ авторъ сперва разсматриваетъ общія требованія, которымъ въ наше время долженъ удовлетворять словарь отечественнаго языка, а потомъ разбираетъ важнѣйшіе труды этого [195] рода у Французовъ, у Англичанъ и отчасти у Нѣмцевъ, сравнивая главныя начала, которымъ слѣдовали составители. Я съ своей стороны преимущественно обращаю вниманіе на практическую часть составленія словарей, представляю матеріалы къ рѣшенію вопроса, ка́къ вести дѣло, и разсматриваю ходъ лексикографіи у народовъ, не затронутыхъ или только слегка затронутыхъ И. И. Срезневскимъ. Такимъ образомъ наши труды по этому предмету, сходясь въ общемъ своемъ направленіи, различаются въ точкѣ зрѣнія, съ которой каждый изъ насъ смотритъ на предметъ, и необходимо дополняютъ другъ друга въ дѣлѣ, занимающемъ Отдѣленіе.

II. ПРОГРАММА СЛОВАРЯ БРАТЬЕВЪ ГРИММОВЪ,

составленная

Яковомъ Гриммомъ [1]).

1859.

---

[196] Все, что мнѣ надо сказать, изложу я отъ своего собственнаго имени; когда Вильгельмъ впослѣдствіи возьметъ свое болѣе мягкое перо, ему легко будетъ подтвердить и дополнить мое первое объясненіе. Преданный безпрерывному труду, который привлекаетъ меня тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе я съ нимъ знакомлюсь, чувствую въ преклонные годы, что надъ нимъ обрываются нити другихъ начатыхъ мною работъ, другихъ книгъ, съ которыми я долго носился и которыя теперь еще держу въ своихъ рукахъ. Какъ снѣгъ, иногда по цѣлымъ днямъ падающій съ неба мелкими, частыми хлопьями, наконецъ непомѣрнымъ слоемъ покрываетъ всю окрестность, такъ меня засыпаетъ масса словъ, которыя тѣснятся ко мнѣ изъ всѣхъ угловъ и щелей. Иногда [197] мнѣ хотѣлось бы подняться и разомъ все стряхнуть съ себя, но чрезъ минуту не могу не опомниться. Безразсудно было бы стремиться упорно къ менѣе важнымъ цѣлямъ и упустить высшую.

И если я достигну этой цѣли, значеніе которой кроется болѣе въ самомъ предпринятомъ дѣлѣ, нежели въ моихъ способахъ, какая бѣда, что я не пойду по потаеннымъ стезямъ, по которымъ хотѣлъ итти, что будетъ недоставать подтвержденій, которыя привели бы къ тому

---

[1]) Предлагается здѣсь въ извлеченіи изъ Deutsches Wörterbuch. Erster Band. Leipzig, 1854. Въ выводахъ предыдущей статьи утвердился я еще болѣе, найдя имъ подкрѣпленіе въ мысляхъ Як. Гримма, развитыхъ имъ во вступленіи къ нѣмецкому его словарю. Вопросъ чрезвычайно важенъ для нашей молодой литературы, и мы при разрѣшеніи его не можемъ не принимать въ соображеніе взгляда одного изъ знаменитѣйшихъ филологовъ нашего времени. Это не значитъ, чтобъ мысли его по этому предмету во всемъ могли служить для насъ непреложнымъ руководствомъ; напротивъ, есть между ними такія, съ которыми трудно согласиться; другія у насъ непримѣнимы; но за всѣмъ тѣмъ въ идеяхъ Як. Гримма остается еще довольно такого, чѣмъ мы можемъ и должны воспользоваться. Къ нѣкоторымъ мѣстамъ его программы прилагаю особыя примѣчанія.

же результату? Они могли бы присоединиться, но въ нихъ нѣтъ крайней надобности. Я убѣдился, что основа органовъ человѣческаго слова, прирожденныя намъ условія языка подчинены таинственнымъ законамъ, которые естествознаніе вездѣ являетъ намъ неизмѣнными; но въ то же время я понялъ, что въ языкѣ есть еще другой, болѣе теплый и подвижной элементъ развитія его, усвоенія, перехода изъ рода въ родъ и усовершенствованія,—элементъ, который вводитъ его въ область исторіи и даетъ начало всему великому разнообразію литературы. Отношеніе языка къ естественнымъ звукамъ на безчисленныхъ ступеняхъ должна показать преимущественно грамматика, а изобразить приливъ и отливъ ихъ явленій во времени есть дѣло словаря, для котораго богатѣйшіе сборники запасовъ языка такъ же необходимы, какъ акты для исторіи.

Подобный трудъ тогда только можетъ итти успѣшно, если начало его озарено свыше благодатнымъ созвѣздіемъ. Такое свѣтило стало мнѣ ясно въ двухъ знакахъ, которые обыкновенно далеки другъ отъ друга, но на этотъ разъ сблизились, движимые однимъ и тѣмъ же внутреннимъ побужденіемъ, — въ быстромъ развитіи нѣмецкой филологіи и въ живомъ сочувствіи народа къ родному слову, возбужденныхъ укрѣпившеюся любовью къ отечеству и неугасимымъ желаніемъ ему болѣе твердаго единенія. Что же у насъ общаго, если не языкъ и литература.

Великіе поэты доказали предъ цѣлымъ народомъ, какая сила въ нашемъ языкѣ, а иноземное иго въ началѣ нынѣшняго столѣтія убѣдило всѣхъ, съ какою гордостью мы должны держаться сокровища родного языка. Съ той поры сознаніе искони кроющихся [198] и въ немъ основныхъ законовъ было такъ облегчено, что оно вдругъ могло сдѣлаться нагляднымъ при самыхъ простыхъ средствахъ. Это радушно принятое сознаніе, къ счастію, встрѣтилось съ появленіемъ вызванной санскритомъ сравнительной филологіи; не гнушаясь никакою принадлежностью языка, она тѣмъ болѣе не могла не отдать справедливости отечественному слову, которое многими струнами еще откликалось на болѣе полные звуки достопочтеннаго прародителя. Такъ при разныхъ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ постепенно образовалась, въ большемъ объемѣ чѣмъ когда-либо прежде, нѣмецкая филологія. Бывало, все, что съ трудомъ было издано изъ памятниковъ нашей старины, могло совмѣститься въ какихъ-нибудь двухъ фоліантахъ или квартантахъ; теперь же въ библіотекахъ цѣлыя полки уставлены древне-нѣмецкими книгами, и уже книгопродавцы издатели не боятся этой литературы. Сколько бы ни оставалось еще сдѣлать, видно похвальное усердіе пополнить всѣ пробѣлы и вытѣснить плохія изданія болѣе удовлетворительными. Уже источники нашего языка не остаются закрытыми; ихъ ручьи и рѣки можно иногда прослѣдить до

*

самаго того мѣста, гдѣ они впервые пробились; но за то впредь нѣмецкая грамматика, нѣмецкій словарь, чуждые этихъ изысканій и всѣхъ вызванныхъ ими требованій, не могутъ ни имѣть значенія, ни служить къ дѣйствительной пользѣ.

Въ настоящее время уже и серьёзное настроеніе народа начинаетъ отвращаться отъ всякаго поверхностнаго труда. При расположеніи къ разработкѣ естественныхъ наукъ, которыя занимаютъ умъ и самыми простыми средствами производятъ полезнѣйшія дѣйствія, народъ нашъ вообще гнушается всѣмъ безполезнымъ и дурнымъ. На что ему вѣчные ручные словари и извлеченія изъ сокровищницы нашего могучаго языка, нашего древняго наслѣдія? Эти пособія только отталкиваютъ отъ него и предлагаютъ безвкусный отваръ его силы и полноты, неспособный ни питать, ни насыщать, какъ будто нельзя подойти къ языку прямо и наблюдать его лицомъ къ лицу. Изслѣдованіе силъ безконечной [199] природы успокоиваетъ и возвышаетъ, но не есть ли самъ человѣкъ благороднѣйшее ея произведеніе, не составляютъ ли плоды его духа высшую цѣль? Теперь народъ болѣе прежняго желаетъ наслаждаться своими поэтами и писателями, не только нынѣшними, но и отжившими; надобно открыть шлюзы, чтобъ волны старины доходили до настоящаго. Немногіе чувствуютъ призваніе къ изслѣдованію свойствъ древняго языка, но въ массѣ есть потребность, влеченіе, любопытство узнать весь объемъ живой рѣчи, не раздробленной и не разложенной. Грамматика для ученыхъ, словарь для всѣхъ; рядомъ съ ученою и вмѣстѣ живою основой, онъ имѣетъ цѣль и назначеніе, которыя въ благороднѣйшемъ смыслѣ заслуживаютъ названія практическихъ.

Теплое участіе народа было необходимымъ условіемъ появленія этого нѣмецкаго словаря, который такимъ образомъ составляетъ рѣзкую противуположность съ словарями другихъ языковъ, возникшими въ ученыхъ обществахъ и изданными на счетъ правительствъ, какъ было во Франціи, въ Испаніи и въ Даніи; нынче академія словесности въ Стокгольмѣ готовитъ шведскій словарь. На такое сотрудничество надобно смотрѣть различно, смотря по неодинаковому положенію народовъ. Гдѣ, какъ во Франціи, языкъ вполнѣ опредѣлился утонченностью общественнаго быта, тамъ онъ едва-ли и можетъ инымъ путемъ найти и выяснить свой свѣтскій тонъ; по крайней мѣрѣ Dictionnaire de l'académie утвердилъ его на нѣсколько поколѣній; когда-нибудь, конечно, сбросятъ его невыносимыя оковы; отъ истиннаго же понятія словаря dictionnaire съ самаго начала былъ далекъ. Но въ другихъ странахъ выгоды совокупнаго труда исчезаютъ передъ сопряженными съ нимъ препятствіями и недостатками: посреди дѣятельности и согласія могутъ возникать предлоги къ лѣни и раздору. Поэтому вся дѣйствительная тягость труда должна бы быть предоставлена въ руки

одного или нѣсколькихъ лицъ, сознающихъ въ себѣ настоящее призваніе къ дѣлу. Но тогда такой трудъ могъ бы развиваться и независимо, внѣ круга общества, которое бы взяло на себя только покрытіе вполнѣ или отчасти издержекъ по предпріятію [200] и такимъ образомъ стало бы въ главѣ всего дѣла. Съ этой стороны нельзя конечно отрицать благотворнаго участія ученаго общества въ составленіи словаря. Но въ Германіи, при маломъ уваженіи, которымъ пользовался отечественный языкъ, академіи, охраняющія преимущественно классическую и восточную филологію, естественныя науки и исторію, никогда не оказывали содѣйствія ни къ начертанію новаго, ни къ поддержанію начатаго уже нѣмецкаго словаря. Отъ первыхъ нашихъ лексикографовъ до Аделунга и Кампе, вообще всѣ наши словари печатались безъ всякаго общественнаго поощренія или пособія, и къ стыду нашему, памятники отечественнаго языка, по большей части, издавались при самыхъ скудныхъ средствахъ, чуть не противъ воли бравшихъ на себя издержки, почти безъ всякаго вознагражденія издателямъ [1]).

Перехожу къ частнымъ замѣчаніямъ:

1. Словарь есть азбучная роспись словъ какого-нибудь языка. Понятіе о немъ обнаруживаетъ основную разность древнихъ и новыхъ временъ. Выраженія Wörterbuch не знало еще 17-е столѣтіе; сколько мнѣ извѣстно, первый употребилъ его Крамеръ (1719) по образцу нидерландскаго woordenboek; отъ насъ оно перешло къ Шведамъ и Датчанамъ. Но прекраснѣе несложное славянское *словарь*, *словникъ*, *рѣчникъ* отъ *слова*, *рѣчь*. Греческое ῥηματικόν (т. е. βιβλίον) соотвѣтствовало бы нынѣшнему значенію, но древними оно такъ не употреблялось.

Греки и Римляне не знали словарей, и названія, впослѣдствіи образовавшіяся въ ихъ языкѣ: lexicon, glossarium, dictionarium, [201] vocabularium, заключаютъ въ себѣ другой смыслъ: λεξικόν (βιβλίον) отъ λέξις, dictionarium отъ dictio, есть сборникъ оборотовъ, выраженій; glossarium объясняетъ старинныя, непонятныя реченія, содержитъ въ себѣ глоссы; vocabularium предлагаетъ немногія только слова, собранныя для учащихся или вообще съ какою-нибудь особенной цѣлью. Такъ Дюканжъ и Орбелинъ справедливо называютъ свои труды глос-

---

[1]) Въ русской литературѣ нельзя не признать благотворнаго значенія академіи въ дѣлѣ выполненія задачи составленія словаря. Кажется, Я. Гриммъ выпустилъ тутъ изъ виду весьма важную сторону вопроса, именно степень литературнаго развитія націи. Безъ Россійской академіи, которая въ 11 лѣтъ составила свой первый словарь, у насъ, можетъ быть, еще и до сихъ поръ не было бы подобнаго труда. Но точно такъ же думается, что теперь, послѣ всѣхъ изданій академіи по этому предмету, дѣло усовершенствованія русскаго словаря успѣшно можетъ быть ведено частными лицами, лишь бы нашлись приготовленные къ тому люди, которые имѣли бы возможность посвятить ему всю свою дѣятельность.

саріями, французскіе академики свою превосходную выборку—dictionnaire; но отдѣльные, къ изданію какого-нибудь писателя приложенные реестры не должны бы называться словарями. Если Французы когда-нибудь дождутся полнаго словаря своего языка, то они конечно дадутъ ему болѣе вѣрное названіе нежели dictionnaire или lexique. Понятіе словаря, во всей его обширности, часто выражали еще заглавіемъ: thesaurus, tesoro, trésor, sprachschatz, или присоединеніемъ прилагательнаго (totius latinitatis lexicon).

Самимъ древнимъ никогда не приходило на мысль собирать *всѣ* слова своего языка, а тѣмъ болѣе языковъ сосѣднихъ варваровъ; они любили только объяснять отдѣльные слои или ряды словъ, преслѣдовать въ нихъ извѣстные грамматическіе законы образованія или выяснять темныя, забытыя выраженія. Ихъ этимологія, иногда замысловатая и мудреная, по большей части не знала правилъ науки. Самая твердая память не могла бы удержать всѣхъ выраженій, которыя у Грековъ и безъ того способны были къ безконечному развитію; а если бъ до этого и можно было постепенно дойти совокупными усиліями многихъ, то оно ни къ чему не повело бы. Какая была бы польза отъ собранія массы словъ, которое никого не интересовало и могло быть распространено не иначе, какъ посредствомъ списковъ, стоившихъ и много труда и большихъ издержекъ? Греки и Римляне еще и не думали о сравненіи языковъ; они не чувствовали къ тому ни малѣйшей охоты; не то, конечно, сдѣлали бы въ этой области изумительныя открытія.

Рѣшительную перемѣну произвело только книгопечатаніе, преобразовавшее всѣ науки; послѣдствія этого великаго изобрѣтенія [202], какъ и паровой силы, до сихъ поръ неисчислимы. Какъ въ глубокой древности письмо впервые доставило людямъ возможность употреблять руку самымъ духовнымъ образомъ, дало имъ средства пересылать свои мысли и передавать ихъ потомству, такъ распространеніе письма въ печати удесятерило эти средства. Безъ этого изобрѣтенія, послѣдовавшее за нимъ возрожденіе классической литературы и реформація были бы невозможны или, по крайней мѣрѣ, не вполнѣ успѣшны. Съ тѣхъ поръ, какъ писанное печатается и повсюду читается, возникли словари, и для языкознанія проложены совершенно новые пути; это произошло конечно не вдругъ, а дѣлалось мало по малу, сперва случайно, потомъ все сознательнѣе: наконецъ, поняли, какъ важны полныя хранилища языковъ. Въ филологическомъ направленіи нынѣшнихъ миссіонеровъ языкоученіе можетъ со временемъ пріобрѣсти такую опору, что оно часто будетъ въ состояніи замѣнять отсутствіе или утрату историческихъ памятниковъ богатствомъ и остроуміемъ своихъ соображеній: это мы уже и теперь предвкушаемъ въ нѣкоторой степени. Но на участіе въ этой новой филологіи всѣ языки земного шара

имѣютъ равное право, и ни одинъ не долженъ быть презираемъ, точно такъ, какъ всѣ слова равно принадлежатъ словарю и въ немъ пользуются одинаковыми правами. Итакъ стремленіе къ полнотѣ въ собираніи и разработкѣ составляетъ для словаря первую потребность и этимъ обусловливается всесторонность его употребленія. Ибо все, что́ выходитъ изъ печати, назначено для всѣхъ безъ исключенія; что́ всѣмъ должно и можетъ служить, не имѣетъ права исключать или отвергать что-либо.

Столько же необходимъ для словаря азбучный порядокъ, отъ котораго зависитъ съ одной стороны возможность полнаго занесенія и разработки словъ, а съ другой—вѣрность и скорость употребленія. Кто располагаетъ богатыми матеріалами, долженъ въ точности знать, куда ихъ помѣстить, и не быть принужденнымъ искать, чтобъ удостовѣриться, включено ли уже такое-то слово, или нѣтъ: пчела напередъ знаетъ, въ какую ячейку ей [203] положить медъ. Кому была бы охота рыться въ словахъ, когда неизвѣстно, гдѣ ихъ найти? Уже древніе въ своихъ ограниченныхъ сборникахъ соблюдали алфавитный способъ размѣщенія, а кто теперь отъ него отступаетъ, тотъ грѣшитъ противъ филологіи.

Но никакой порядокъ такъ не противенъ цѣлямъ словаря, какъ расположеніе словъ по корнямъ, за которыми слѣдуютъ производныя и сложныя реченія; многіе даже при составленіи глоссаріевъ и списковъ не могутъ воздержаться отъ страсти систематизировать, и отнимаютъ у грамматики то, что ей принадлежитъ. Заботиться и въ словарѣ объ этимологіи естественно и неизбѣжно; но такъ какъ она, безостановочно развиваясь, во всѣхъ направленіяхъ расширяетъ познаніе корней, то порядокъ словъ не долженъ быть ею сбиваемъ; иначе всякая этимологическая находка влекла бы за собой измѣненія, и въ словарѣ ни одно слово не стояло бы прочно на своемъ мѣстѣ. Когда уже есть другіе словари, можно съ пользою располагать по алфавиту и изслѣдованіе надъ корнями, какъ напр. Миклошичъ издалъ разные труды этого рода, или Розенъ собралъ особо санскритскіе корни [1]). Но одинъ азбучный порядокъ упрочиваетъ за отдѣльными словами до времени ихъ независимость и нейтральность, которыхъ не должно нарушать прежде завершенія разысканій, не относящихся къ словарю.

2. Что составляетъ цѣль словаря? По обширности своего назначенія онъ долженъ имѣть цѣль великую и далекую.

Онъ долженъ быть святилищемъ языка, хранитъ все богатство его и содержать открытый къ нему доступъ. Собраніе словъ растетъ, какъ соты, и становится драгоцѣннымъ памятникомъ народа, котораго прошедшее и настоящее въ немъ сливаются.

---

[1]) Здѣсь нельзя не вспомнить и нашего Шимкевича.

Языкъ есть общее достоянiе и вмѣстѣ тайна. Сильно привлекая ученаго, онъ возбуждаетъ и въ толпѣ естественное [204] къ себѣ сочувствiе и охоту: „Какъ бишь такое-то слово, котораго я не припомню?"... „Этотъ человѣкъ странно выражается: что бы онъ хотѣлъ сказать?".... „На это слово можно найти лучшiе примѣры: поищемъ въ словарѣ".

Такая охота много облегчаетъ пониманiе. Словарю вовсе не нужно стремиться къ пошлой ясности; онъ можетъ спокойно прибѣгать къ обычной обстановкѣ, безъ которой наукѣ такъ же трудно обойтись, какъ и ремеслу, и читатель либо уже приноситъ съ собой нужное умѣнье обращаться съ нимъ, либо прiобрѣтаетъ къ тому навыкъ безъ особенныхъ усилiй. Спросите о чемъ-нибудь сапожника или булочника, и онъ отвѣтитъ вамъ своими словами, которыя рѣдко потребуютъ толкованiя.

Да и нѣтъ никакой надобности, чтобы все было всѣмъ понятно, чтобы каждое слово было объяснено каждому; пусть онъ пройдетъ мимо непонятого: можетъ-быть, оно въ слѣдующiй разъ сдѣлается ему доступнѣе. Назовите хоть одну хорошую книгу, которой пониманiе было бы всякому легко и не оставляло за собой неизмѣримой бездны смысла. Содержанiе словаря обыкновенно бываетъ такъ полновѣсно, что многое и ученѣйшихъ ставитъ въ тупикъ, или по крайней мѣрѣ затрудняетъ. Въ безчисленныхъ случаяхъ и другiе читатели могутъ оставлять въ сторонѣ то, чтó имъ не подъ силу, чтó не входитъ въ ихъ кругозоръ или даже отталкиваетъ ихъ. Читатели всякаго званiя и возраста, на необозримыхъ пространствахъ языка, должны поступать по обычаю пчелъ, спускаться только на тѣ травы и цвѣты, которые ихъ привлекаютъ и нравятся имъ.

Есть множество книгъ съ неудачно-придуманными заглавiями, которыя ходятъ по бѣлу свѣту и предлагаютъ самую пеструю и неудобоваримую смѣсь разнородныхъ знанiй. Если бъ распространился вкусъ къ простой пищѣ родного языка, то словарь могъ бы сдѣлаться предметомъ домашняго обихода, и его стали бы читать съ охотой, иногда даже съ благоговѣнiемъ. Только не надо сравнивать привлекательную силу рога изобилiя, какъ обыкновенно называютъ словарь, и оказываемую имъ пользу съ жалкими [205] услугами скуднаго ручного словаря, который раза два въ годъ снимаютъ съ запыленной полки, чтобы рѣшить споръ, какое изъ двухъ плохихъ правописанiй заслуживаетъ предпочтенiя, или отыскать натянутый переводъ всѣмъ извѣстнаго иностраннаго выраженiя.

Какъ велико благотворное влiянiе словаря въ томъ смыслѣ, что онъ противодѣйствуетъ людямъ, которые щеголяютъ чужеземными языками, и заставляетъ живѣе чувствовать достоинство, часто даже превосходство своего; а запасъ наглядныхъ примѣровъ, независимо

отъ прямой ихъ цѣли, усиливаетъ любовь къ отечественной литературѣ. Блескъ древнихъ языковъ возвышали и поддерживали поэзія и произведенія духа; кажется, словарямъ предназначено способствовать къ упроченію новѣйшихъ языковъ: вотъ еще причина, почему надо стараться о распространеніи хорошихъ словарей. Если они не въ силахъ охранять всѣхъ словъ, то по крайней мѣрѣ оберегаютъ большую часть ихъ; не многіе изъ читателей какого-нибудь словаря станутъ отрицать, какъ много они ему обязаны въ частностяхъ. Конечно, всего живѣе слова передаются изъ устъ въ уста; и смотря по различію странъ, одно племя бываетъ развязнѣе другого и ловчѣе справляется съ языкомъ, нежели другое. Но брошенное сѣмя можетъ оплодотворять и запустѣвшія поляны.

Успѣхамъ языковѣдѣнія благопріятно все, что́ дѣлается для памятниковъ, и поприще его неизмѣримо. Но безъ всякаго сравненія важнѣйшую помощь оказываетъ ему словарь, который всѣ реченія представляетъ на опредѣленномъ мѣстѣ въ такомъ удобномъ для обзора порядкѣ, какого и самый неутомимый трудъ ничѣмъ не можетъ замѣнить. Словарь похожъ на вооруженное, готовое къ битвѣ войско, съ которымъ можно совершать чудеса и противъ котораго безсильны отдѣльные, хотя и самые отборные отряды. Я это испыталъ на себѣ, когда хотѣлъ построить древнюю грамматику еще безъ помощи словаря, а теперь при полной азбучной разработкѣ языка замѣчаю, что только такимъ твердымъ и равномѣрнымъ шагомъ можно дойти до самыхъ отдаленныхъ [206] мѣстъ, которыя иначе остались бы въ сторонѣ. Подобно часамъ, словарь и для простолюдина долженъ быть устроенъ съ тою же точностью, къ какой стремится астрономъ, и вообще онъ можетъ быть вполнѣ полезнымъ только тогда, когда удовлетворяетъ строгимъ требованіямъ науки.

3. До сихъ поръ понятіе и значеніе словаря разсматривались столь общимъ образомъ, что выводы отсюда могутъ быть примѣняемы ко всѣмъ языкамъ; теперь поговоримъ о нѣмецкомъ словарѣ въ особенности.

(Здѣсь считаю нужнымъ передать только вкратцѣ слишкомъ частныя для насъ замѣчанія Якова Гримма).

Объемъ словаря, говоритъ онъ, опредѣляется границами самого языка. Подъ нѣмецкимъ языкомъ въ собственномъ смыслѣ надобно разумѣть употребляемый тѣми Нѣмцами, которые остались въ политическомъ союзѣ. Этотъ языкъ раздѣляется на верхне- и нижненѣмецкое нарѣчіе, между которыми передвижка звуковъ полагаетъ такое рѣзкое различіе, что послѣднее изъ обоихъ болѣе сходно съ другими германскими языками, нежели съ верхненѣмецкимъ нарѣчіемъ. Поэтому нижненѣмецкія реченія не могутъ найти мѣста въ нѣмецкомъ словарѣ. Но за то для него чрезвычайно важно познаніе всѣхъ верхне-

нѣмецкихъ народныхъ говоровъ, и здѣсь Яковъ Гриммъ съ особенной похвалой отзывается объ областныхъ словаряхъ: баварскомъ Шмеллера и швейцарскомъ Стальдера, изъ которыхъ первый онъ ставитъ еще гораздо выше послѣдняго. Упомянувъ потомъ объ эльзасскомъ и аллеманскомъ отличіяхъ, онъ прибавляетъ: „однакожъ изъ всѣхъ этихъ нарѣчій нельзя заимствовать непосредственно, т. е. безъ устраненія звукового различія, съ которымъ отчасти теряется и прелесть ихъ".

4. Мы видѣли, какому ограниченію подлежитъ понятіе нѣмецкаго словаря по пространству; спрашивается, какіе предѣлы должны быть положены ему во времени?

Верхненѣмецкій языкъ распадается на три періода. Древнѣйшіе памятники его, отъ 7-го до 11-го столѣтія, образуютъ древне-верхненѣмецкій періодъ; отъ 12-го же до середины 15-го идетъ средне-верхненѣмецкій; необходимо отличать оба эти періода какъ между собой, такъ и отъ ново-верхненѣмецкаго, потому что формы стараго языка полнѣе и благороднѣе формъ средняго, а эти чистотою далеко превосходятъ нынѣшніе. Въ словарѣ часто нужно было прибѣгать къ древне-верхненѣмецкому и даже къ готскому, чтобы добраться до самой древней и правильнѣйшей формы какого-нибудь реченія. Еще чаще, и особенно ради живости выраженій, вносимы были средне-верхненѣмецкіе примѣры, такъ что иному читателю можетъ даже показаться, что ихъ слишкомъ много. Необходимость ихъ понималъ иногда уже Аделунгъ, но древне-верхненѣмецкіе приводитъ онъ рѣдко, готскихъ у него вовсе нѣтъ.

Главное дѣло въ томъ, чтобы по возможности исчерпать объемъ всего ново-верхненѣмецкаго періода и тамъ не только достигнуть пониманія отдѣльныхъ выраженій, но и возбудить снова любовь къ забытымъ писателямъ. Всего ошибочнѣе было бы отвернуться отъ старины и самодовольно отмежевать нѣмецкому словарю тѣсное пространство настоящаго, какъ будто какое-нибудь время можетъ быть понято только изъ самого себя и обойтись безъ того, что́ устарѣло, вышло изъ употребленія. Уже и у Гёте надо часто отличать прежній способъ выраженія отъ позднѣйшаго, потому что онъ въ теченіе своей долгой, богатой жизни постепенно обращался къ другимъ формамъ и словамъ. Еще чаще попадаются у Виланда слова, которыхъ новѣйшіе писатели почти никогда или даже вовсе не употребляютъ [1]).

[1]) Вопросъ о періодѣ времени, какой долженъ войти въ предѣлы словаря, особенно важенъ у насъ. Мѣра включенія въ него церковно-славянскихъ словъ всегда будетъ самымъ затруднительнымъ пунктомъ задачи. Кажется, всего справедливѣе и проще было бы отдѣлить на первый случай всю ту часть литературы, которая отмѣчена церковнымъ шрифтомъ, и ограничиться тою, которая живетъ въ гражданской грамотѣ. Русскій словарь обнялъ бы слѣдовательно, собственно говоря, только 18-й и 19-й вѣкъ. Но къ нему надо бы еще присоединить: 1) русскія слова изъ древнихъ

Каждый языкъ находится подъ вліяніемъ не только ближайшаго къ нему круга, но отчасти и болѣе отдаленныхъ, обширнѣйшихъ круговъ, которыхъ сознаніе еще не вполнѣ имъ утрачено, [208] какъ иногда передъ памятью внезапно возстаютъ самые отдаленные предметы. Невыносимымъ стѣсненіемъ для языка было бы лишеніе его права брать назадъ свою собственность и пользоваться знаменательными словами, отъ древности получившими торжественность. Языкъ, который, сверхъ своего наличнаго ходячаго запаса, не имѣлъ бы прибереженной денежки и кое-какихъ рѣдкихъ монетъ, былъ бы бѣдный языкъ; выставить эти сокровища есть дѣло словаря.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы познакомились съ забытыми поэтическими произведеніями среднихъ вѣковъ, а за ними еще открываемъ угасающую древне-верхненѣмецкую поэзію, намъ вдругъ представились въ благопріятнѣйшемъ свѣтѣ и всѣ послѣдующія столѣтія, потому что точное познаніе старины не допускаетъ пробѣловъ и въ позднѣйшемъ времени. Геллерта и Гагедорна мы не понимаемъ безъ Каница и Гюнтера, а этихъ безъ Опица и Флеминга: какъ же намъ отказаться отъ бо́льшаго могущества 16-го столѣтія? Языкъ Лютера, доселѣ живущій въ библіи, не могъ бы быть вполнѣ изученъ, если бъ былъ вырванъ изъ цѣпи явленій своего времени. Никакой нѣмецкій словарь не можетъ обойтись безъ Лютера и Гансъ-Сакса; слѣдовательно ему принадлежатъ и современники этихъ мужей, а если бъ онъ не выполнилъ такого требованія, то не имѣлъ бы существеннаго достоинства и значенія.

5. Какіе у насъ предшественники и что ими сдѣлано?

(Пропуская здѣсь мало поучительныя для насъ замѣчанія Якова Гримма о первыхъ начаткахъ и опытахъ нѣмецкихъ словарей, обратимся къ тому, что́ онъ говоритъ о трудахъ Аделунга, Кампе и ихъ послѣдователей).

[209] По смерти Готшеда (1766), который незадолго передъ тѣмъ издалъ неудовлетворительные образцы пространнаго нѣмецкаго словаря, Аделунгъ взялся за это дѣло и въ послѣдующее время трудился надъ нимъ неутомимо. Можно принять, что оно исключительно занимало его во все продолженіе 70-хъ годовъ; второе изданіе, появившееся постепенно въ 90-хъ годахъ, стоило уже меньшихъ усилій. Оно, по многимъ пропускамъ, которые не вознаграждаются кое-какими дополне-

---

памятниковъ исторіи и народной литературы, грамотъ, пѣсенъ, сказокъ, пословицъ и т. п., 2) корни церковно-славянскіе, встрѣчающіеся въ производныхъ или составныхъ русскихъ словахъ. Само собою разумѣется, что въ этотъ словарь должны бы войти и тѣ церковно-славянскія слова, которыя употреблялись нашими свѣтскими писателями послѣ введенія гражданской печати. Что касается до писателей духовныхъ, то изъ ихъ трудовъ слѣдовало бы извлекать слова съ осмотрительностью.

ніями, стоитъ ниже перваго, а въ языкоизслѣдованіи не подвигаться впередъ, но стоять на мѣстѣ—почти то же, что итти назадъ.

Несмотря на употребленный имъ непомѣрный трудъ, скромный ученый назвалъ первое изданіе опытомъ. Надо согласиться, что никогда еще не было столь тщательно и настойчиво выполненнаго труда по нѣмецкому языку, и этотъ словарь долженъ былъ произвести самое благопріятное впечатлѣніе. Его главное достоинство заключалось, во-первыхъ, въ богатомъ запасѣ словъ, который составленъ былъ, хотя съ нѣкоторою сдержанностью, но за то въ строжайшемъ порядкѣ, и превосходилъ по обилію всѣ прежніе сборники, а во-вторыхъ—въ спокойномъ и осмотрительномъ развитіи значеній, правда ужъ слишкомъ широкомъ, но подкрѣпленномъ хорошо прибранными примѣрами. Все здѣсь носитъ отпечатокъ невозмутимаго, равномѣрнаго труда, который скоро достигъ высшей точки, какой только могъ достигнуть, и остался свободнымъ отъ всякаго вліянія фантазіи.

Здѣсь, послѣ долгаго времени, снова соблюденъ былъ строгій азбучный порядокъ, и всѣ увидѣли его преимущества; но первый законъ для словаря – безпристрастное принятіе и охраненіе всѣхъ выраженій—принесенъ былъ въ жертву ошибочному взгляду Аделунга на свойства нашей письменной рѣчи. По его мнѣнію, только употребительный въ верхней Саксоніи утонченный нѣмецкій языкъ, какъ бы придворный языкъ учености, можетъ служить нормою, хотя ни одинъ классическій писатель не употреблялъ его. Изъ высокаго тона, такъ думалъ онъ, языкъ спускается въ благородный, изъ благороднаго въ фамильярный, [210] а потомъ въ низкій и простонародный; простонародный же недостоинъ вниманія языкоизслѣдователя, который низкое принимаетъ въ соображеніе только изъ уваженья къ комическому: словъ этого рода, говоритъ онъ, въ первомъ пылу допущено въ словарь слишкомъ много. Сверхъ того словарь не глоссарій и не долженъ быть слишкомъ щедръ на устарѣлыя слова. Такъ разсуждалъ Аделунгъ.

Между тѣмъ нѣмецкая поэзія достигла блестящаго развитія, а онъ не показалъ ни малѣйшей воспріимчивости къ ней, и второе изданіе его словаря нисколько не обогатилось тѣмъ, что́ всѣхъ воодушевляло. Его равнодушіе должно было непріятно поражать всѣхъ людей съ поэтическимъ настроеніемъ; наконецъ Фоссъ высказалъ долго сдержанную хулу,—высказалъ ее умно и рѣзко, но несправедливо, потому что не умѣлъ оцѣнить той обильной общеполезной жатвы, какую собралъ Аделунгъ въ тѣсныхъ, добровольно назначенныхъ себѣ предѣлахъ. Фоссъ лучше его былъ знакомъ съ литературой 16-го и 17-го столѣтій, но въ древнемъ языкѣ познанія обоихъ были слишкомъ недостаточны, и нельзя назвать удачною такую хулу, изъ которой для худящаго проистекаетъ еще большее осужденіе. Несмотря на частые промахи Аделунга, доказывающіе незнакомство съ старинными фор-

мами языка, словарь его выдержитъ еще не одинъ порывъ вѣтра, еще долго будетъ сохранять свее значенiе, и долго изыскатели будутъ съ нимъ совѣтоваться.

Вскорѣ по окончанiи второго изданiя Аделунга и послѣ долгихъ приготовительныхъ работъ, явился въ 1807—1811 годахъ нѣмецкiй словарь Кампе, — тяжелый, далеко уступающiй предыдущему трудъ, вызванный желанiемъ съ одной стороны пополнить сборникъ недостающими у Аделунга словами (которыя, при алфавитномъ порядкѣ, легко было отыскать), а съ другой стороны, изъ угожденiя неосновательному пуризму, изгнать изъ нѣмецкаго языка всѣ иностранныя реченiя. У Аделунга все какъ будто вылилось съ разу и зрѣло обдумано; здѣсь же, вмѣстѣ съ Кампе работали двое сотрудниковъ разныхъ свойствъ и способностей; [211] они старались наскоро сработать словарь, который могъ обойтись безъ учености, такъ какъ отбросилъ всѣ этимологическiя производства, и „рѣчь ежеминутно мучащаяся въ родахъ“ служила пищею торопливо схватывающей, а не спокойно-прилежной дѣятельности собирателя.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не сказать, что многiя изъ пропущенныхъ Аделунгомъ словъ помѣщены у Кампе и что въ набросанномъ со всѣхъ сторонъ сорѣ могутъ скрываться годныя зерна, которыхъ расположенiе въ азбучномъ порядкѣ заслуживаетъ благодарности; но не видно ни плана, ни точности въ занесенiи какъ старинной, такъ и новой литературы; выписки же обезображены множествомъ опечатокъ. Масса дополненiй состоитъ преимущественно изъ сложныхъ словъ, какихъ, по свойству нашего языка, можно образовать цѣлыя сотни. Исчисленiе ихъ въ словарѣ доказываетъ не богатство языка, а только насилiе синтаксису его. Что касается до частицъ, то конечно допустить присоединенiе каждой изъ нихъ къ простымъ словамъ во всѣхъ возможныхъ случаяхъ значило бы открыть широкiй путь произволу; тогда языкъ сталъ бы походить на естественное дерево, у котораго сучья, вѣтки и листья разрослись во всѣ стороны. Въ аналогiи данъ языку могущественный законъ; но въ исключенiяхъ и отступленiяхъ отъ нея опять-таки скрываются правила, которыя должны быть соблюдаемы. Я не утверждаю, чтобы трудившiеся надъ словаремъ Кампе хотѣли собрать всѣ возможныя словосоставленiя съ частицами, но для многихъ словъ этого рода они довольствуются тѣмъ, что слѣдуютъ одной аналогiи или приводятъ такiе примѣры, которые не въ состоянiи доказать живого происхожденiя сложнаго слова. Не всѣ подобныя слова рѣшительно негодны, но они непрiятны, когда не могутъ быть достаточно подкрѣплены, и большая часть ихъ возбуждаетъ сомнѣнiе. Если прибавимъ, что сверхъ этой страсти употреблять во зло способность нѣмецкаго языка къ произведенiю и составленiю словъ, Кампе придерживается несноснаго пуризма, о которомъ скоро будетъ говорено

подробнѣе, что онъ съ другой стороны не воспользовался [212] болѣе близкими и существенными дополненіями къ Аделунгову труду, которыя представляетъ наша литература, то трудно будетъ признать разсматриваемый словарь дѣйствительно годнымъ къ употребленію и полезнымъ для успѣховъ нѣмецкаго языка. Поставленные передъ словами знаки конечно не заслуживаютъ одобренія и только увеличиваютъ безжизненность, которою эта книга безъ того страдаетъ.

Нѣтъ надобности распространяться о прочихъ, со времени Аделунга явившихся, нѣмецкихъ словаряхъ, ручныхъ, полныхъ словаряхъ Морица, Гейнзіуса, Гейзе, Кальтшмидта и другихъ. Они различнаго вида и устройства, предприняты съ благимъ намѣреніемъ и составлены отчасти съ умѣніемъ; но я сомнѣваюсь, чтобы хоть одинъ изъ нихъ оказалъ истинныя и прочныя услуги самому языку. Они считаютъ потребностью описывать, извлекать и сокращать добытые доселѣ результаты, вмѣсто того, чтобы возвышать и увеличивать ихъ. Зачѣмъ, въ отсутствіи земледѣльцевъ, столькимъ ногамъ утаптывать обширную ниву слова? лучше бы ей было пролежать нѣсколько времени въ пару.

6. Иноземныя слова.

Всѣ языки, пока они въ здоровомъ состояніи, имѣютъ естественное побужденіе отстранять отъ себя чужое, а если оно разъ уже вторглось,—вытѣснять его снова или, по крайней мѣрѣ, сглаживать туземными элементами. Нѣтъ народа способнаго къ развитію всѣхъ возможныхъ звуковъ, и всякій языкъ избѣгаетъ тѣхъ, которые ему несвойственны и противны. Что́ справедливо о звукахъ, то еще болѣе относится къ словамъ.

Когда чуждое слово случайно западетъ въ воды какого-нибудь языка, то оно носится по нимъ, пока не приметъ его цвѣта и, наперекоръ своей натурѣ, не станетъ похоже на туземное. Это видно въ особенности на множествѣ мѣстныхъ названій, но также и на другихъ словахъ: Abenteuer, Armbrust, Eichhorn представляютъ совершенно нѣмецкіе звуки, хотя не имѣютъ ничего общаго съ понятіями: Abend, theuer, Arm, Brust, Eiche, Horn. Все равно, что́ они повидимому значатъ; всякій знаетъ, [213] что̀ они дѣйствительно выражаютъ, и слухъ нашъ не возмущается ими. Иногда и чисто нѣмецкія, но затемнившіяся выраженія этимъ же способомъ становятся яснѣе, хотя и безъ смысла: такъ Moltwurf, съ тѣхъ поръ какъ перестали понимать его, превратилось въ Maulwurf [1]).

---

[1]) Есть и у насъ примѣры словъ, осмысленныхъ народнымъ употребленіемъ или просто измѣненныхъ по недоразумѣнію. Таковы взятыя первоначально изъ другихъ языковъ: *высокосный, шировары, крылосъ*. Подобное нѣмецкому Maulwurf представляетъ наше прилаг. *близорукій*, передѣланное изъ *близорокій* или правильнѣе *близзорокій* (зоркій), которое до сихъ поръ сохранило свою настоящую форму въ Псковской губ. (см. Опытъ областного словаря). Такое измѣненіе словъ, по требованію на-

Путемъ христіанства, латинской учености и сношеній съ сосѣдями, иноплеменныя слова врывались къ намъ во множествѣ. Нѣкоторыя были удачно и смѣло передаваемы по-нѣмецки, какъ-то: Taufe, Sünde, Hölle, Ostern и др. Гораздо большее число удержалось съ передѣлкою, напр. Engel, Teufel, Priester, Altar и проч.; изъ peregrinus сдѣлалось pilgrim, изъ pyrethrum Bertram [1]). Ассимиляція была всего сильнѣе, когда словамъ придавалась и наша своеобразная флексія, напр. глаголы schreiben и preisen спрягаются въ прошедшемъ schrieb, pries.

Къ принятію иноземныхъ реченій наша старина побуждалась не только ихъ связью съ преданіями церкви и школы, вмѣстѣ съ разительнымъ сходствомъ искони родственныхъ словъ, но также ихъ благообразіемъ и удобствомъ, или лѣнью пріискивать на своемъ языкѣ соотвѣтствующія имъ выраженія.

Мало по малу отвращеніе къ чуждымъ звукамъ стало ослабѣвать и уступать мѣсто педантической заботѣ о сохраненіи полнаго ихъ выговора; съ этимъ чутье къ родному языку еще болѣе притупилось, и иноземнымъ словамъ безъ нужды облегченъ доступъ: [214] считали какой-то заслугой оставлять свое и замѣнять его чужимъ.

Языкоизслѣдованіе и въ особенности словарь обязаны противодѣйствовать безмѣрному и незаконному наплыву чуждыхъ элементовъ и полагать строгое различіе между двумя весьма несходными видами иноземныхъ словъ, хотя граница между ними иногда довольно неопредѣленна.

Невозможно исключить всѣхъ тѣхъ, которыя давно укоренились на почвѣ нашего языка и пустили изъ нея новые отпрыски; посредствомъ многообразныхъ производствъ и составленій, они такъ срослись съ нѣмецкою рѣчью, что мы безъ нихъ уже не можемъ обойтись. Сюда относятся напр. имена всѣхъ завезенныхъ къ намъ изъ другихъ странъ животныхъ и растеній, для которыхъ нѣтъ нѣмецкихъ названій: кто бы хотѣлъ наприм. отказаться отъ словъ Rose, Röschen, Viole, Veilchen? Сюда принадлежатъ также онѣмечившіяся уже лѣтъ тысячу тому назадъ реченія, какъ-то: Fenster, Kammer, Tempel, Pforte, Schule, Kaiser, Meister, Arzt, которыхъ туземныя имена либо забыты, либо замѣнены болѣе опредѣлительными чужими названіями.

Напротивъ того, нѣмецкій словарь отвергаетъ множество изъ греческаго, латинскаго, французскаго и другихъ языковъ заимствованныхъ словъ, которыхъ употребленіе у насъ сильно распространилось,

---

родной этимологіи, замѣтно у насъ особенно въ собственныхъ именахъ; такъ изъ *Сарскаго села* народъ, еще прежде оффиціальнаго переименованія этого города, сдѣлалъ *Царское село;* такъ въ нашихъ историческихъ актахъ, вмѣсто *Стокгольмъ*, изстари писалось до самаго Петра Великаго *Стеколна*.

[1]) У насъ: налой, просвира, паникадило, исполать, вмѣсто: аналогій, просфора, поликандило, исполлетí.

или по крайней мѣрѣ допускается, хотя они и не могутъ считаться окончательно усвоенными нашему языку. Правда, они пытались утвердиться и занять мѣсто, которое оставалось свободнымъ или изъ котораго они уже вытѣснили было туземное слово; но имъ не удалось въ собственномъ смыслѣ водвориться. Они у насъ во многихъ случаяхъ, кажется, только гости и никто не замѣтитъ ихъ удаленія, какъ скоро настоящее слово займетъ принадлежащее ему мѣсто. Хотя такія иноземныя выраженія и слышатся каждый день, но нѣмецкому языку до нихъ дѣла нѣтъ, потому что у него есть свои, столь же хорошія слова, или что онъ не старается обозначать заключающихся въ нихъ понятій: для чего напр. сталъ бы онъ пускать въ ходъ большое [215] число иностранныхъ цвѣточныхъ названій, употребительныхъ въ садахъ или теплицахъ? Пусть остаются въ оборотѣ латинскія техническія названія. Другія конечно болѣе касаются насъ; въ наукѣ и училищѣ, на войнѣ и посреди мира, во вседневномъ обиходѣ, завелось такъ много иностранныхъ словъ, что только съ помощію ихъ можно заставить понять себя. Когда сдѣлается яснѣе сознаніе въ достоинствѣ нашего языка и усилится знакомство со всѣми средствами, которыя онъ предлагаетъ намъ для пріисканія болѣе опредѣлительныхъ и соотвѣтственныхъ выраженій, тогда уменьшится и употребленіе иностранныхъ словъ. Вообще не надо забывать, что чужеземныя стихіи занесены въ нашъ языкъ не изъ среды народа, а введены къ намъ княжескими дворами, приверженными къ иностраннымъ обычаямъ, принужденнымъ слогомъ присутственныхъ мѣстъ и канцелярій, а также стремленіемъ всѣхъ наукъ приноравливать свои термины къ иноземнымъ и предоставлять послѣднимъ преимущество передъ каждымъ своимъ словомъ.

Этой привязанности къ иноземному, этого смѣшенія языковъ словарь не долженъ поддерживать; онъ долженъ, напротивъ, честно противодѣйствовать имъ, стараясь однакожъ вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгать тѣхъ ошибокъ, въ которыя вводятъ непризнанные очистители слова. Не умѣя вполнѣ оцѣнить красоту и богатство нашего языка, этотъ докучный пуризмъ преслѣдуетъ и истребляетъ чужое, гдѣ бы оно ему ни попалось; неуклюжимъ молотомъ куетъ онъ свое негодное оружіе. Чтó языкъ давно уже имѣлъ, или въ чемъ вовсе еще не нуждается, то этотъ пуризмъ старается навязать ему, надѣвая на него силою платье, вывороченное на изнанку [1]).

---

[1]) Братья Гриммы, какъ и нѣкоторые другіе изъ нѣмецкихъ лексикографовъ, совершенно изгнали изъ словаря иностранныя слова, кромѣ тѣхъ, которыя искони слились съ языкомъ; такъ вы у нихъ напр. не найдете именъ: Uniform, Universität. Другому правилу слѣдовала наша Академія въ своемъ словарѣ: въ немъ помѣщены всѣ вошедшія у насъ въ общее употребленіе иностранныя слова. Такая метода русской лексикографіи вполнѣ оправдывается потребностью нашей публики въ словарѣ, который бы заключалъ въ себѣ весь запасъ языка. У насъ еще нѣтъ удовлетворительныхъ сбор-

[216] 7. Собственныя имена.

Нашъ словарь строго осуждали за то, что онъ опускаетъ собственныя имена нѣмецкія. Никакое другое обвиненіе не могло обнаружить такого незнанія дѣла; но, говоря объ этомъ предметѣ, я долженъ отличить имена мѣстъ отъ именъ лицъ.

Имена странъ, городовъ, мѣстечекъ, деревень, рѣкъ, рѣчекъ, горъ, долинъ, низменностей, холмовъ, полей и лѣсовъ очень многочисленны, и такъ какъ нашъ словарь долженъ бы заняться ими съ большею основательностію, нежели съ какою разсматриваютъ ихъ имѣющіеся географическіе словари, то отъ этого слишкомъ увеличился бы объемъ изданія. Конечно, познаніе и объясненіе этихъ именъ чрезвычайно важно для языка вообще; но при изслѣдованіи ихъ встрѣчается великое затрудненіе. Эти наименованія мѣстъ произошли въ разныя времена, и нѣкоторыя изъ нихъ восходятъ за эпоху переселенія нѣмецкаго племени въ наши страны. Когда дѣло идетъ о кельтскихъ и римскихъ остаткахъ въ предѣлахъ Германіи, то прежде всего слѣдуетъ искать ихъ въ именахъ мѣстъ. Сверхъ того, въ большей части нѣмецкихъ земель племена въ разное время смѣнялись, и удаляющіяся или вытѣсняемыя налагали на отдѣльныя мѣста печать своего особеннаго нарѣчія. Отсюда слѣдуетъ, что исчисленіе именъ съ бóльшимъ основаніемъ должно бы войти въ средне- или древне-верхненѣмецкій словарь, нежели въ ново-верхненѣмецкій, отъ словъ котораго они бы слишкомъ рѣзко отличались, несмотря на ихъ многократное подновленіе. Но если впослѣдствіи кому-нибудь удастся, всего лучше въ особомъ сочиненіи, изслѣдовать ихъ точнѣе, то ново-верхненѣмецкій словарь извлечетъ изъ нихъ болѣе пользы, чѣмъ могъ бы извлечь теперь въ отдѣльныхъ случаяхъ.

[217] Личными именами, даваемыми при крещеніи, ново-верхненѣмецкій языкъ чрезвычайно бѣденъ. Къ чему послужило бы помѣстить здѣсь пятьдесятъ или сто нѣмецкихъ именъ, жалкій остатокъ безпредѣльнаго богатства нашей старины? Нельзя же было бы допустить иноземныхъ, по большей части библейскихъ, которыхъ число почти такъ же велико. Относительно собственно-нѣмецкихъ надо повторить то, что замѣчено было о мѣстныхъ названіяхъ: наши личныя имена также возникли у разныхъ племенъ и потомъ уже распространились далѣе, напр. Сигфридъ произошло въ другой мѣстности нежели Густавъ, Конрадъ не тамъ, гдѣ Фердинандъ; ихъ разсмотрѣніе не входитъ въ тѣсный кругъ ново-верхненѣмецкаго словаря. Хотя они моложе приросшихъ къ самой землѣ именъ мѣстностей, однакожъ также принадле-

---

никовъ иностранныхъ словъ, которые у Нѣмцевъ издаются подъ именемъ Fremdwörterbuch и такимъ образомъ дополняютъ словари, исключительно посвященные ихъ собственному языку. Русскій словарь, въ которомъ не было бы употребительныхъ иностранныхъ словъ, представлялъ бы весьма существенный пробѣлъ.

жатъ отдаленной старинѣ. Нѣкогда ихъ насчитывались не сотни, а тысячи, такъ что одно собраніе ихъ, если бъ оно обнимало всѣ формы и видоизмѣненія, составило бы болѣе тома и только полнотою могло бы дѣйствительно оживиться. Такой сборникъ прольетъ когда-нибудь неожиданный свѣтъ на всѣ части и времена нашего языка. Въ словарь должны войти только нѣкоторыя ласкательныя формы именъ, какъ-то: Benz, Kunz, Götz и друг., которыя болѣе въ связи съ особенностями нынѣшняго языка. Все прочее надо было исключить.

Наконецъ, позднѣйшія прозванія или родовыя имена (фамиліи), какъ образованныя изъ употребительныхъ словъ, существительныхъ или прилагательныхъ, мало поучительны, но весьма многія состоятъ изъ названій мѣстъ, передъ которыми выпущено означеніе лица, напр. Vogelweide, Keisersberg означаютъ человѣка изъ Фогельвейде, изъ Кейзерсберга.

8. Языкъ пастуховъ, охотниковъ, птичниковъ, рыболововъ и т. д.

Я тщательно отыскивалъ всѣ слова древнѣйшихъ состояній народа, находя, что они доставляютъ самые обильные матеріалы для исторіи языка и нравовъ. Главные слѣды пастушескаго быта нашей старины найдутся конечно въ Альпахъ Швейцаріи, Тироля [218] и Штиріи; у Штальдера и у Шмеллера есть драгоцѣнныя, но еще недостаточныя извѣстія: кто сообщитъ мнѣ новыя свѣдѣнія, заслужитъ живѣйшую мою признательность. Всѣ выраженія егерей, сокольниковъ и птичниковъ привлекательны по своей свѣжести и простотѣ; они также восходятъ до глубокой древности и требуютъ внимательнаго разсмотрѣнія; бѣднѣе повидимому языкъ рыболововъ, которые какъ будто такъ же нѣмы, какъ животныя, ими преслѣдуемыя. Тѣмъ оживленнѣе по всей вѣроятности бытъ моряковъ, но ново-верхненѣмецкое нарѣчіе представляетъ весьма скудный запасъ словъ этого разряда: изъ нижней Германіи и Нидерландовъ заимствованы мало-по-малу почти всѣ слова, относящіяся къ мореплаванію, вмѣсто которыхъ наша старина конечно имѣла многія собственныя, несходныя съ нынѣшними названіями. Но, наравнѣ съ другими нижнегерманскими словами, и большая часть морскихъ реченій не могли найти мѣста въ словарѣ. Бывшія у меня въ рукахъ пособія для языка виноградарей, который мнѣ бы хотѣлось изслѣдовать, не облегчили употребленнаго на эту часть труда. Жаль, что и изданные по горнозаводскому языку сборники не исчерпываютъ его и составлены безъ ученыхъ объясненій. Болѣе сдѣлано для словъ, относящихся къ пчеловодству, садоводству и вообще къ земледѣлію, словъ, которыя не такъ рѣзко отдѣляются отъ остальнаго состава языка и болѣе извѣстны въ народѣ. То же можно сказать и о весенныхъ выраженіяхъ, на которыя еще Аделунгъ обращалъ вниманіе. Поваренныхъ и врачебныхъ книгъ издавна очень много, и между ними есть полезныя для языкоизслѣдованія. Смѣшанный языкъ ни-

щихъ, воровъ и мошенниковъ, который отчасти состоитъ изъ нѣмецкихъ стихій, былъ собираемъ въ новѣйшее время часто и всего удовлетворительнѣе; желательно, чтобы языкъ стариннаго ратнаго дѣла подвергнутъ былъ особенному изслѣдованію; нѣкоторыми сторонами онъ сближается съ языкомъ стариннаго рыцарскаго сословія, другими—съ охотничьимъ.

Въ нашемъ ученомъ сословіи нѣтъ уже болѣе своеобразнаго навыка въ употребленіи и развитіи нѣмецкаго слова. Духовное [219] краснорѣчіе совершенно подчинено закону общаго хода языка и само себя лишило, въ изреченіяхъ и пѣсняхъ, большей части своего древняго могущества. Однакожъ между духовными какъ протестантской, такъ и католической церкви, продолжаетъ обнаруживаться похвальное вниманіе къ народному языку и заботливость о собираніи его. Между законовѣдами почти совершенно изгладились всѣ слѣды стариннаго богатаго судебнаго языка, который сохранялся еще до 16-го или 17-го столѣтія; нынѣшній юридическій языкъ, болѣзненный и сухой, сильно обремененъ римской терминологіей.

Долгое время врачи, болѣе всякаго другого сословія, заботились о разработкѣ нѣмецкаго языка, можетъ быть оттого, что ихъ подстрекали къ тому туземныя названія болѣзней или лѣкарствъ, въ особенности же травъ и животныхъ; пріятно видѣть, что со времени изобрѣтенія книгопечатанія преимущественно врачи переводили иностранныя книги на нѣмецкій языкъ; составители нашихъ древнѣйшихъ словарей были врачи же или естествоиспытатели. И въ нынѣшнее время врачи, при частыхъ сношеніяхъ съ людьми всякаго рода, съ которыми они разговариваютъ о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, могли бы въ точности узнать весь объемъ языка и взять простое изложеніе Гиппократа за образецъ, какъ сдѣлать разсказъ о болѣзняхъ поучительнымъ и для искусства и для жизни; но, сколько мнѣ извѣстно, въ послѣднія сто лѣтъ между ними не было ни одного языкоизслѣдователя. Вошедшіе во всеобщее употребленіе латино-греческіе термины еще затрудняютъ ихъ движенія на родной почвѣ и отбиваютъ у нихъ охоту воздѣлывать ее. — Химія выражается на ломаномъ латинскомъ и нѣмецкомъ языкѣ; только въ устахъ Либиха она мастерски владѣетъ словомъ. — Философамъ, которые понимаютъ точную связь между представленіями и словами, должно бы быть сродно углубляться въ тайны языка, но ихъ превосходство развивается болѣе изнутри и такъ много зависитъ отъ особенности собственной натуры каждаго, что они мало обращаютъ вниманія на общеупотребительный языкъ и часто безъ [220] причины отъ него отступаютъ. — Всѣхъ болѣе соображается съ нимъ Кантъ, и потому словарь не могъ не пользоваться его живою рѣчью, насколько она относится къ области нѣмецкаго языка.

9. Непристойныя слова.

Раздѣлять языкъ вообще на возвышенный, благородный, дружескій, низкій и простонародный — ни къ чему не ведетъ, и Аделунгъ этимъ путемъ придалъ многимъ словамъ ложное значеніе. Какъ часто онъ измѣняетъ призванію языкоизслѣдователя, говоря: „эти слова такъ низки, что ихъ почти не стоило бы приводить", и какъ смѣшиваетъ онъ всѣ эти разряды!

Прилагая непосредственно къ языку сословныя отношенія въ томъ видѣ, какъ они являются въ древне-нѣмецкомъ правѣ, я замѣтилъ слѣдующую простую трилогію. Свободный человѣкъ занимаетъ середину, изъ которой съ одной стороны отдѣляется благородный, а съ другой несвободный. — Такъ точно изъ свободнаго языка, изображающаго полную мѣру естественной способности слова, выходитъ съ одной стороны благородная, а съ другой — несвободная рѣчь. — Благородное называемъ мы также возвышеннымъ, высокимъ, утонченнымъ; несвободное — низкимъ (bas langage), плоскимъ, пошлымъ, мужиковатымъ, грубымъ, жесткимъ. — Естественный языкъ заключаетъ въ себѣ расположеніе къ обоимъ видоизмѣненіямъ — къ утонченной и къ грубой рѣчи: изъ благороднаго языка устранена грубая стихія, изъ грубаго — благородная: грубое, жесткое легко становится нечистымъ, грязнымъ (sordidum, turpe), утонченное — украшеннымъ и чопорнымъ (ornatum, molle) или даже соблазнительнымъ (lubricum).

Природа научила человѣка скрывать отъ другихъ актъ произрожденія и испражненія, а также прятать служащія къ тому части; все, что оскорбляетъ это чувство цѣломудрія и стыдливости, называется непристойнымъ (obscoenum). А что не выставляется на глаза толпы, того не захотимъ мы передать и слуху, того не станемъ произносить. Но такое запрещеніе не безусловно: [221] такъ какъ эти отправленія естественны, даже необходимы (naturalia non sunt turpia), то они не всегда могутъ быть называемы, только тайно: въ извѣстныхъ обстоятельствахъ позволительно означать ихъ и публично.

И здѣсь-то является различіе между украшенной и грубой рѣчью. Грубая бываетъ часто расположена называть неприличныя вещи, не прикладывая листа ко рту; утонченная же старается избѣгать какъ этого, такъ и всего, что имѣетъ не только близкое, но и отдаленное къ тому отношеніе, или стремится по крайней мѣрѣ прикрывать все нечистое. Конечно, при этомъ надо имѣть въ виду различныя степени и настроенія въ нравахъ народовъ. Свобода языка и поэзіи Грековъ смѣло пользовалась грубою стихіей; римскому языку указаны были болѣе тѣсные предѣлы, и въ этомъ отношеніи замѣчательно одно письмо Цицерона (Fam. 9, 32). Неоспоримая, можно сказать, цѣломудренная жесткость нѣмецкой литературы всего 16-го столѣтія далека отъ французскаго распутства, отъ чопорности нашего нынѣшняго утонченнаго общества (моднаго свѣта), которое, напримѣръ, боится произнести

такое слово какъ Durchfall (поносъ) и вмѣсто того употребляетъ чужеземное Diarrhöe, подъ которымъ грекъ разумѣлъ совершенно то же самое, чтó выражаетъ приведенное нѣмецкое слово! - Давность употребленія могла же, въ иномъ французскомъ реченіи, привести въ забвеніе самую грубую основу, напр. reculer, culbuter, culotte. Находить неприличнымъ честное древнее слово hose (франц. chausse) въ высшей степени нелѣпо.

Помѣщать ли въ словарѣ зазорныя слова, или исключать ихъ? Въ пособіяхъ, которыя даютъ одни лохмотья языка, можно и должно, не колеблясь, опускать подобныя слова; это доставитъ такимъ словарямъ хоть кажущееся достоинство. Иначе они подверглись бы упреку, что съ намѣреніемъ принимаютъ въ себя то, что подобно многому иному легко могло бы остаться въ сторонѣ.

Словарь не заслужилъ бы своего названія, если бы онъ умалчивалъ слова, вмѣсто того, чтобъ выставлять ихъ наружу. [222] Онъ не скрадываетъ ни одного жесткаго словечка, ни одной дѣйствительно живущей въ языкѣ формы, а тѣмъ болѣе — цѣлыхъ рядовъ названій, которыя существуютъ съ незапамятныхъ временъ и по необходимости придаются тому, что есть въ природѣ. — Такихъ реченій мы не имѣемъ права устранять точно такъ же, какъ не можемъ уничтожить естественныхъ предметовъ, которые насъ безпокоятъ.

Никому не пришло бы въ голову исключить ихъ изъ греческаго или латинскаго словаря, обнимающаго весь составъ языка; и у Гейнриха Стефануса, у Форчеллини не пропущено ни одного непристойнаго слова, которое можно было отыскать въ источникахъ. Какъ и въ другихъ областяхъ языковъ, такъ и здѣсь обнаруживается несомнѣнное древнее родство, - и здѣсь находимъ общее достояніе почти всѣхъ одноплеменныхъ народовъ. Языкосравненію вообще и полному знанію связи нѣмецкихъ нарѣчій между собою вредило бы несправедливое ограниченіе собранія этихъ словъ, ученая разработка которыхъ и безъ того уже уменьшаетъ впечатлѣніе ихъ непристойности. — Негодующій читатель легче примиряется съ неприличнымъ словомъ, когда онъ рядомъ съ нимъ встрѣчаетъ соотвѣтствующее латинское или греческое. Нерѣдко также дурной смыслъ пропадаетъ, когда мы приблизимъ слово къ его происхожденію, и первоначальное значеніе оказывается благороднымъ.

Въ нѣмецкомъ словарѣ тѣмъ необходимѣе помѣстить и всѣ эти реченія, что они почерпнуты изъ источниковъ нашего древняго языка и употреблялись людьми, которые, бывъ одарены болѣе крѣпкими нервами, нежели говорящіе нынѣ, не отступали передъ рѣзкимъ, грубымъ словцомъ, когда надо было придать силу тому, что они хотѣли сказать. Правда, самое ихъ время привыкло къ языку болѣе непринужденному, суровому и безыскуственному, который, по нынѣшнимъ

понятіямъ, слишкомъ любилъ грязное; но ка́къ умѣли уже Кейзерсбергъ, Лютеръ и особенно Фишартъ умѣрять излишество, а гдѣ нужно было, они смѣло давали волю языку. Еще и Гёте очень хорошо понималъ, что [223] крѣпкое словцо иногда бываетъ чрезвычайно кстати. Въ языкѣ нѣтъ ни одного слова, которое бы гдѣ-нибудь не было самымъ лучшимъ и не стояло на своемъ мѣстѣ. Сами по себѣ всѣ слова чисты и невинны; они только оттого стали двусмысленными, что употребленіе смотритъ на нихъ съ боку и извращаетъ ихъ. Притомъ, часто было бы невозможно выразить гнѣвъ или презрѣнье, сказать насмѣшку, остроту, брань или проклятіе безъ задорнаго слова, которое насильно срывается съ языка, и комизмъ потерялъ бы много силы и разнообразія красокъ, если бъ онъ не могъ свободно со всѣхъ сторонъ запасаться выраженіями. Такъ поступалъ Аристофанъ, и слова его вошли въ глоссаріи.

Словарь пишется не для нравоученія; это — научное предпріятіе, которое должно удовлетворять самымъ многообразнымъ потребностямъ. Даже въ библіи нѣтъ недостатка въ словахъ, которыя изгнаны изъ утонченнаго общества. Кого смущаютъ нагія статуи или восковые анатомическіе препараты, ничего не опускающіе, тотъ пусть и въ этой залѣ не останавливается передъ неприличными словами и разсматриваетъ несравненно большее число другихъ.

10. Источники.

Сказано было, что словарь долженъ обнять весь верхненѣмецкій письменный языкъ, отъ 15-го столѣтія донынѣ, за исключеніемъ собственныхъ именъ и, какъ само собою разумѣется, большей части обращающихся между нами чужеземныхъ словъ. Количество книгъ, написанныхъ и напечатанныхъ въ четыре столѣтія, неисчислимо, и конечно принятое правило должно понимать въ такомъ смыслѣ, что никакая книга не устраняется преднамѣренно какъ источникъ, ибо очевидно, что нѣтъ возможности, уже въ началѣ этого труда, дѣйствительно обозначить всѣ книги или хотя большую часть тѣхъ, которыя будутъ употреблены въ продолженіе его.

Нигдѣ нѣтъ полныхъ росписей этимъ книгамъ; между самыми опытными знатоками нѣтъ такого, которому всѣ онѣ были бы извѣстны, а тѣмъ болѣе нѣтъ мѣста, гдѣ бы всѣ они были собраны. [224] Многихъ сочиненій, не только изъ первыхъ двухъ столѣтій, но и изъ послѣднихъ, нельзя найти даже и въ богатыхъ библіотекахъ. Наше собственное собраніе книгъ, при всей своей ограниченности, имѣло по необходимости то значеніе, что давно знакомыя намъ изданія, бывшія у насъ подъ руками, предпочитались тѣмъ, хотя и лучшимъ, которыя можно было бы достать въ другихъ мѣстахъ. Итакъ въ распоряженіи нашемъ была только малая часть обширной нѣмецкой литературы, и иногда въ несовершенныхъ изданіяхъ.

Изъ нѣкоторыхъ книгъ заимствованы нами только немногія мѣста, изъ иныхъ даже только отдѣльныя выраженія, попадавшіяся намъ случайно или съ намѣреніемъ отысканныя. Какая была бы возможность прочесть отъ доски до доски всѣ указанныя нами книги, сдѣлать изъ нихъ извлеченія и занести эти выписки въ словарь? Назначенный ему объемъ въ такомъ случаѣ распространился бы неимовѣрно.

Къ предположенной полнотѣ надо было стремиться совершенно въ другомъ смыслѣ. Она должна состоять не въ утомительномъ накопленіи отрывковъ, а въ точномъ отысканіи всѣхъ отдѣльныхъ словъ, при которыхъ слѣдуетъ приводить достаточныя, хорошо прибранныя подтвержденія—когда ихъ много, и не опускать даже самыхъ скудныхъ—когда нельзя найти лучшихъ. Богатыя и господствующія слова должны быть выясняемы; бѣдными и забытыми не надо пренебрегать.

Надлежало въ каждомъ столѣтіи призвать на помощь самыхъ могучихъ и знаменательныхъ свидѣтелей языка и внести въ словарь по крайней мѣрѣ важнѣйшія ихъ сочиненія. Изъ Кейзерсберга, Лютера, Ганса-Сакса, Фишарта, Гэте не было еще ни въ одномъ словарѣ представлено хоть сколько-нибудь удовлетворительныхъ, а тѣмъ менѣе обильныхъ извлеченій. Они и теперь не исчерпаны, но путь указанъ и проложенъ. Къ полному употребленію сочиненій Гэте были, по счастью, приняты самыя тщательныя мѣры; пусть изъ другихъ писателей будетъ недоставать многаго: изъ Гэте должно быть опущено какъ можно менѣе.

[225] Намъ предлежала между прочимъ задача представить все богатство поэзіи, которая во всякомъ языкѣ дѣйствуетъ всего могущественнѣе,—и гдѣ ни развернете нашъ словарь, вы найдете явственно отдѣляющіеся стихи. Это обстоятельство—не маловажное, а существенное, и должно доставить ему болѣе читателей. Уже присоединеніе къ прозѣ стиховъ, которые все выясняютъ и какъ мѣсяцъ появляются изъ-за облаковъ, составляетъ неоцѣненную выгоду. При этомъ становится также насравненно легче находить снова то, что разъ было пріискано. Уже Аделунгъ и Кампе понимали, какъ необходимо поступать такимъ образомъ, но они не довольно выписывали изъ стихотвореній. Линде и Юнгманъ въ своихъ превосходныхъ словаряхъ, польскомъ и чешскомъ, составленныхъ съ примѣрнымъ прилежаніемъ, затрудняютъ доступъ поэзіи и печатаютъ ее, какъ прозу. Но трата мѣста съ лихвой вознаграждается наглядностью.

Естественно было, при самомъ началѣ работы, искать помощи для просмотра источниковъ и изготовленія выписокъ: къ доставленію ея ничего не было упущено со стороны издателей, съ готовностью принявшихъ на себя и значительныя, сопряженныя съ тѣмъ издержки. Такимъ образомъ произошли весьма полезные и дѣйствительно необходимые сборники; но, несмотря на то, что для составленія ихъ былъ

начертанъ и принятъ въ основаніе точный планъ, эти сборники, по разнымъ свойствамъ писателей и по различію умѣнія и вкуса дѣлавшихъ выписки, вышли очень разнообразнаго достоинства. Нѣкоторыя извлеченія были вполнѣ удовлетворительны, другія требовали бóльшихъ или меньшихъ исправленій. Иныя очень запоздали или и вовсе не были доставлены.

11. Подтвержденіе словъ примѣрами.

Слова требуютъ примѣровъ, примѣры нуждаются въ надежномъ順 ручательствѣ, безъ котораго значеніе ихъ было бы не полно. Не довольно и самаго имени автора; надобно дать возможность отыскать всякое мѣсто въ книгѣ, откуда оно взято. Такая легкость отысканія очень пріятна читателю, потому что какъ ни искусно извлечены примѣры, онъ не рѣдко чувствуетъ потребность [226] видѣть ихъ въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ: вникая глубже, онъ рядомъ съ приведенными выраженіями находитъ еще что-нибудь такое, что сообщено не было, и такимъ образомъ все становится ему понятно. И въ классической филологіи принято за правило указывать на источники всякаго заимствованія. Ссылки безъ надлежащихъ подкрѣпленій то же, что случайно набранные, недостовѣрные, не присяжные свидѣтели. Самымъ удобнымъ способомъ указаній представляются ссылки на томъ и страницу. Само собою разумѣется, что съ старинными, особенно книгами 16-го столѣтія, это не всегда возможно и что въ такомъ случаѣ надобно придумать другой способъ указаній.

Могутъ замѣтить, что иногда помѣщено слишкомъ много выписокъ, особенно изъ Лютера и изъ Гэте. Но надобно было вполнѣ и наглядно показать вліяніе перваго на языкъ, и силу, съ какою второй владѣетъ имъ; всякій согласится, что даже въ повторяющихся выраженіяхъ каждый оборотъ заключаетъ въ себѣ особенный интересъ. При множествѣ словъ примѣры помѣщены въ такомъ изобиліи съ намѣреніемъ, чтобы нельзя было сомнѣваться въ обширности употребленія этихъ словъ; и наоборотъ, малое число примѣровъ даетъ знать, что слово употребляется неохотно. Выписки должны не только сами по себѣ нравиться своимъ содержаніемъ, но и раскрывать полную исторію слова, давая проникнуть во всѣ изгибы его значенія.

12. Терминологія.

Между филологами давно утвердились латинскіе термины, которые даже въ употребительныхъ сокращеніяхъ всѣмъ понятны и которыхъ безъ неудобства нельзя измѣнять. Къ чему въ нѣмецкихъ или славянскихъ словаряхъ замѣнять ихъ туземными выраженіями? Такіе новые термины не только были бы неясны для Нѣмцевъ и Славянъ, но и мѣшали бы распространенію сочиненій въ другихъ странахъ. Датчанинъ Раскъ испестрилъ свои труды неловкими грамматическими наименованіями этого рода, а за нимъ многіе Исландцы стали приду-

мывать и другіе. Объ этихъ [227] нововведеніяхъ можно то же сказать, что выше замѣчено было о неалфавитной системѣ звуковъ: никакая память не удержитъ ихъ; они стоятъ пугалами только въ книгахъ, которыя себѣ же во вредъ приняли эти безплодныя изобрѣтенія. Хотя пуризмъ всегда спѣшилъ передавать эти выраженія на нѣмецкій языкъ, однакожъ его неуклюжія составныя слова оставались безъ пользы, и давнишнія названія всякій разъ возвращались на прежнее мѣсто.

Буквами m. f. n. всего проще означаются роды: вмѣстѣ съ тѣмъ эти три буквы однѣ уже показываютъ, что слово есть имя существительное; прилагательное, не способное принимать всѣ три рода, остается безъ этого означенія. — Указывать въ словарѣ различіе склоненій, кажется, излишне; всякое замѣчательное отступленіе отъ правилъ обозначается особо, или слѣдуетъ изъ примѣровъ.

Глаголъ въ нѣмецкомъ языкѣ узнается по самому окончанію. — Отдѣлять залоги дѣйствительный, страдательный и medium нѣтъ надобности, или вѣрнѣе — возможности, такъ какъ въ нашемъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ двухъ послѣднихъ формъ. Но кажется, вмѣсто того чтобы принимать дѣйствительные и средніе глаголы, точнѣе было бы противополагать между собою переходящіе и непереходящіе (transitiva и intransitiva), потому что наши глаголы по большей части способны принимать и то и другое значеніе: называть переходящій глаголъ имѣющимъ цѣль (zielend), а непереходящій — безцѣльнымъ (ziellos) неудобно. Нидерландцы зовутъ первый побудительнымъ (bedrijend), а второй безстороннимъ (onzijdig), что́ соотвѣтствуетъ названію neutrum въ именахъ, однакожъ вовсе не указываетъ на непереходящее значеніе глагола: ходящій можетъ двигаться вправо или влѣво и слѣдовательно непремѣнно направляется въ какую-нибудь сторону. — По примѣру Нидерландцевъ нѣкоторые пробовали такъ называемый правильный глаголъ означать ровнотекущимъ (gelijkvloeijend), а неправильный—неровнотекущимъ (ongelijkvloeijend); но такъ какъ отступленія именно показываютъ древнѣйшій законъ флексіи, [228] то кажется, нельзя было выбрать менѣе удачнаго наименованія. — По важности признаковъ такъ называемой неправильности, я всегда давалъ такимъ формамъ мѣсто въ алфавитномъ порядкѣ, что́ всего явственнѣе выставляетъ ихъ; все же прочее видно изъ примѣровъ.

13. Опредѣленія.

Труднѣе будетъ оправдать присоединеніе къ слову латинскихъ выраженій, объясняющихъ значеніе его, хотя необходимость латинской терминологіи уже пролагаетъ имъ путь. — Въ обоихъ случаяхъ одинаковая польза. — Можно бы видѣть въ томъ ошибочное возвращеніе къ старинному обычаю, оставленному Аделунгомъ и всѣми позднѣйшими лексикографами нашими. — Почти всѣ словари другихъ

языковъ, нынѣ появляющіеся, отвергаютъ помощь латыни, однакожъ Boiste, напр., часто еще прилагаетъ латинское слово къ французскому. Считаютъ всякій языкъ освобожденнымъ отъ школьнаго ига латыни и видятъ какую-то честь въ томъ, чтобы объяснять его одними собственными средствами. — Составители словаря La Crusca конечно любили свой родной языкъ, но они нисколько не затруднялись придавать итальянскому слову латинское въ проводники и помощники. — Толкуемъ же мы готское или древне-верхненѣмецкое слово посредствомъ нововерхненѣмецкаго; такъ точно почти нѣтъ надобности доказывать, что всякое слово всего лучше объясняется не само собой, а другими словами.

Чего достигаютъ отклоненіемъ помощи, какую намъ доставляетъ извѣстнѣйшій и точнѣйшій изъ всѣхъ языковъ? Обременяютъ себя самыми подробными и безполезными толкованіями.

Когда я къ слову Tisch (столъ) приставлю лат. mensa, то на первый случай сказано довольно, а что́ нужно еще прибавить, видно изъ послѣдующаго. Вмѣсто того *столъ* опредѣляютъ такъ: возвышенная доска, передъ которою стоятъ или сидятъ для отправленія на ней разныхъ работъ, или еще: возвышенная или покоящаяся на ножкахъ плоскость, передъ которою или у которой исполняютъ разныя занятія. — Впрочемъ и то правда, что [229] въ словѣ τράπεζα вм. τετράπεζα не заключается ничего, кромѣ представленія четвероногости, — свойства, принадлежащаго одинаково и стулу и всякой другой утвари, устроенной на этомъ числѣ ножекъ.

Опредѣленіе *носа* гласитъ: выдающаяся или возвышенная часть человѣческаго или животнаго лица непосредственно надъ ртомъ, сѣдалище и орудіе органа обонянія. Опредѣленіе кисти руки: членъ у человѣка для хватанія и держанія. — Это было бы коротко и ясно; итакъ надо подробнѣе: крайняя часть руки у человѣческаго тѣла отъ конца локотной кости до оконечностей пальцевъ со включеніемъ ихъ. Подобныя опредѣленія относятся къ физіологіи, такъ точно какъ слѣдующее было бы прямо взято изъ ботаники: лилія есть растеніе съ цвѣткомъ, имѣющимъ видъ колокольчика, принадлежащее къ разряду растеній съ шестью тычинками и однимъ пестикомъ.—О такомъ многорѣчіи скучныхъ опредѣленій, которое со времени Аделунга наполняетъ нѣмецкіе словари, Фришъ и Штилеръ еще не имѣли ни малѣйшаго понятія и спасались отъ этого хлама употребленіемъ латинскихъ словъ.

Это вовсе не значитъ, чтобы языкоизслѣдователь вездѣ могъ обойтись безъ частностей, которыя заключаются въ объясненіи; наравнѣ съ другими признаками, отличающими предметъ, онъ ихъ выставитъ на видъ, какъ скоро въ томъ почувствуется надобность и когда нужно будетъ связать съ ними развитіе какого-нибудь значенія; но въ большей

части случаевъ оказывается излишнимъ за каждымъ словомъ, котораго понятіе разомъ передано латинскимъ выраженіемъ, исчислять еще всѣ его свойства.

Отъ прилагаемыхъ латинскихъ словъ никакъ нельзя требовать, чтобы они во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовали нѣмецкимъ, что́ при различіи языковъ было бы невозможно. — Они должны какъ бы только указывать путь къ центру слова, къ той точкѣ его главнаго значенія, откуда уже можно свободно и непринужденно осматриваться во всѣ стороны.—Какъ опредѣленіе не имѣетъ возможности исчислить всѣ существенные и случайные [230] признаки предмета, такъ латинскій языкъ еще менѣе стремится исчерпать толкованіе слова; это всего лучше можетъ быть достигнуто прибавленіемъ нѣмецкаго поясненія.

Нельзя также требовать, чтобы всѣ употребленныя въ словарѣ латинскія выраженія были понятны для всѣхъ его читателей; не понимающіе по-латыни, перескакиваютъ ихъ и все-таки пользуются словаремъ; точно такъ же, какъ не останавливаются на словахъ, которыя по своему содержанію вовсе не привлекаютъ ихъ.—Для образованныхъ женщинъ латинскія выраженія столько же мало будутъ помѣхою при чтеніи словаря, какъ ихъ не отталкиваютъ отъ чтенія газетъ встрѣчающіеся здѣсь юридическіе, военные и дипломатическіе термины. — Каждый читатель приноситъ съ собой множество разнообразныхъ условій пониманія, которыя облегчаютъ ему доступъ къ словарю: желаніе руководить его на всякомъ шагу—не можетъ входить въ планъ научнаго труда, который преслѣдуетъ высшія цѣли. — Способность пользоваться словаремъ будетъ увеличиваться отъ самаго употребленія его. Когда одной говорливой француженкѣ хотѣли навязать грамматическія правила, то она съ живостью отвѣчала: mais je suis la grammaire en personne; такъ тотъ, кто самъ въ себѣ носитъ и предполагаетъ способность къ языкамъ, можетъ совѣтоваться съ этою книгой, не смущаясь латинскими реченіями [1]).

---

[1]) Съ мнѣніемъ Я. Гримма о безусловномъ превосходствѣ способа объясненія словъ латинскимъ ихъ переводомъ нельзя согласиться. Для кого назначается словарь? безъ сомнѣнія, для массы общества, для людей всѣхъ званій, между прочимъ и для женскаго пола. Что такова именно мысль самого Я. Гримма о назначеніи словаря, видно изъ многихъ мѣстъ его вступленія. Но латинскія объясненія даютъ словарю характеръ ученый и дѣлаютъ цѣлую, весьма существенную часть состава его недоступною большинству націи. Это конечно и было однимъ изъ основаній того упрека, который германская критика уже сдѣлала словарю братьевъ Гриммовъ: она обвинила его въ слишкомъ ученомъ характерѣ, въ непрактичности, и замѣтила, что съ этой стороны онъ много уступаетъ Аделунгову лексикону, который, несмотря на свою старину, остается покуда незамѣнимымъ. Такой взглядъ германскихъ критиковъ можетъ служить намъ весьма важнымъ указаніемъ относительно правилъ составленія русскаго словаря: то, что слишкомъ учено для германской публики, конечно еще

[231] 14. Средства къ образованію словъ.

Никакой языкъ не можетъ развить въ себѣ всѣхъ звуковъ, или сохранить безъ измѣненія тѣ, какіе въ немъ есть; такъ же точно ему принадлежатъ далеко не всѣ формы, и многія, которыми онъ прежде владѣлъ, съ теченіемъ времени утратились.—Уклоненіемъ различныхъ нарѣчій изъ великаго круга исконнаго родства ихъ, отдѣльные языки вступаютъ въ особые вновь образовавшіеся круги, которымъ можетъ быть чужда своебытность остальныхъ. Такъ объясняется разнообразіе происшедшихъ изъ одного источника языковъ. Въ каждомъ языкѣ нарушенное равновѣсіе опять возстановляется.

Таково исторически пріобрѣтенное достояніе языка, какъ оно ни богато или ни бѣдно; совсѣмъ другое — считающееся только возможнымъ, вымышленное, но не дѣйствительное расширеніе его по всѣмъ способамъ образованія. Тамъ, т. е. въ историческомъ [232] развитіи, всѣ движенія языка естественны и непринужденны; здѣсь онъ являлся бы искаженнымъ и изувѣченнымъ.

Кто бы могъ придать нашему языку хоть одну двугласную, которая никогда не была ему свойственна? Легче, повидимому, размножать употребительныя производства или соединять слова, которыя никогда не бывали между собой связаны, но и этому противится обычай языка, когда слово не оправдывается необходимостью или ловкостью его составленія. Одна возможность слова не есть еще доказательство его дѣйствительности или годности.

менѣе было бы пригодно для русской. Вотъ почему мы въ своихъ лексикографическихъ трудахъ должны, кажется, еще болѣе брать въ примѣръ Французовъ, нежели Нѣмцевъ: словари первыхъ отличаются особенно своею примѣнимостью къ потребностямъ общества. Отсюда не слѣдуетъ, чтобъ намъ не нужно было принимать въ соображеніе и началъ, которыми руководствуются Нѣмцы; но при этомъ мы должны остерегаться ихъ умозрительныхъ увлеченій. На употребленный братьями Гриммами способъ объясненія словъ одинаково со мной смотритъ и И. И. Срезневскій. Въ своей статьѣ: „Обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ изъ современныхъ словарей" *) онъ между прочимъ говоритъ: „Едва ли, впрочемъ, убѣжденіе братьевъ Гриммовъ, по которому значеніе большей части словъ совершенно ясно можетъ быть только тому нѣмцу, который очень силенъ въ латинскомъ языкѣ, можно считать дѣйствительнымъ убѣжденіемъ, а не простымъ рѣшеніемъ, и то вынужденнымъ случайно отчасти неудачами Аделунга въ опредѣленіяхъ словъ и непобѣдимостью трудностей этого дѣла, отчасти нежеланіемъ входить въ подробности, принадлежащія не филологіи, а другимъ наукамъ". Далѣе акад. Срезневскій справедливо указываетъ еще на затрудненіе, происходящее отъ того, что латинскій языкъ есть „языкъ мертвый, книжный, недостаточный для выраженія всѣхъ понятій и условій быта народовъ новой Европы". Потомъ онъ разсуждаетъ о необходимости опредѣлять на родномъ языкѣ значеніе каждаго слова безъ исключенія. Соглашаясь и съ этимъ, я съ своей стороны считаю однакожъ нужнымъ сдѣлать здѣсь оговорку, что степень подробности и точности въ опредѣленіяхъ можетъ быть очень различна и должна зависѣть отъ степени надобности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Къ чему наприм. педантическая точность въ опредѣленіи обще-

*) Извѣстія II Отд. Акад. Наукъ, т. III, л. 10 (1854 г.).

Способность нашего языка къ словосоставленіямъ такъ велика, что никакъ нельзя привести всѣхъ употребительныхъ, а тѣмъ менѣе всѣхъ возможныхъ составныхъ словъ. По первой или второй части каждаго такого составленія можно представить [233] себѣ цѣлые ряды аналогій, но излишне было бы всякій разъ выставлять ихъ въ словарѣ.

Правильнѣе всего будетъ помѣщать въ немъ всѣ употребительныя и не противныя слуху образованія этого рода, не заботясь о странной и дикой аналогіи другихъ; все то, въ чемъ еще не оказалось надобности при употребленіи языка, должно оставаться въ сторонѣ. Вообще же словарь долженъ заботиться болѣе о производствахъ, нежели о составленіяхъ, болѣе о простыхъ, нежели о производныхъ словахъ: несоблюденіе этого основного правила было причиною того, что наши нѣмецкіе словари, при всемъ ихъ мнимомъ богатствѣ, до сихъ поръ остаются такъ бѣдны.

15. Частицы.

Особеннаго вниманія требуетъ присоединеніе частицъ къ другимъ словамъ. Если вообще всѣ слова вначалѣ имѣли внутреннее значеніе, которое впослѣдствіи было, такъ сказать, растянуто и разведено, то кажется, надо согласиться, что оно въ частицахъ всего болѣе затемнилось, что частицы между всѣми простыми словами языка самыя отвлеченныя, и слѣдовательно составлены позже другихъ. Если мы примемъ глаголъ за корень и допустимъ, что непосредственно изъ

извѣстнаго слова *столъ?* Она становится только смѣшною и все-таки не достигаетъ цѣли, потому что чѣмъ болѣе вы соберете частныхъ признаковъ, тѣмъ труднѣе будетъ обнять ими всѣ возможные виды столовъ. Поэтому въ опредѣленіи такихъ понятій всего лучше держаться самыхъ общихъ признаковъ, и наприм., при словѣ *столъ* сказать только: „мебель (утварь) объ одной или нѣсколькихъ ножкахъ, служащая для помѣщенія на ней предметовъ“. Не вѣрнѣе ли это было бы, чѣмъ то, что сообщаетъ Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка: „широкая доска, утвержденная на ножкахъ, на которую что-нибудь кладется или ставится?“ Изъ этого опредѣленія выходитъ: 1) что столомъ собственно называется не весь столъ съ ножками, а только доска, на нихъ утвержденная, т. е. то, что народъ мѣстами называетъ *столешница;* 2) что если эта доска будетъ узкая или круглая, то она перестанетъ быть столомъ, и 3) что широкая скамейка, на которую положенъ напр. платокъ или поставлена бутылка, тоже будетъ столъ. Выписанное опредѣленіе между прочимъ доказываетъ, что не всякая поправка ведетъ къ лучшему, потому что въ словарѣ Соколова, изданномъ за 13 лѣтъ до академическаго, слово *столъ* опредѣлено такъ: „Домашняя утварь, состоящая изъ деревянной, мраморной или другой какой-либо доски, на ножкахъ утвержденная и служащая для разныхъ употребленій“. Хотя и противъ этого опредѣленія можно сдѣлать кое-какія замѣчанія, однакожъ кто не отдастъ ему преимущества передъ приведеннымъ выше? Что касается въ особенности до техническихъ терминовъ, то словарь конечно не обязанъ во всей подробности объяснять или описывать выражаемые ими предметы, что̀ составляетъ дѣло науки. При именахъ растеній достаточно, кажется, какъ и сдѣлано въ нашемъ академическомъ словарѣ, объяснять ихъ латинскимъ названіемъ, прибавляя по̀-русски только слово: *растеніе.*

него произошло причастіе, изъ причастія прилагательное, а изъ прилагательнаго существительное: то за частицами должно будетъ признать преимущественно номинальное значеніе; оно же всего рѣшительнѣе выразилось въ нарѣчіи и въ предлогѣ. Когда и предлогъ застываетъ, когда онъ утрачиваетъ силу управленія, то остается одна адвербіальная частица, какъ самая безжизненная стихія языка. Таковъ самый правильный ходъ, но конечно онъ не единственный: мы часто видимъ, что глаголъ переходитъ въ существительное или въ нарѣчіе, а эта частица становится управляющею, т. е. опять возводится на степень предлога.

Какъ греческій языкъ, такъ и нѣмецкій пользуется неимовѣрною свободой составлять слова съ помощію частицъ, и едва ли можно найти болѣе обширное поприще для аналогіи. Если говорятъ [234] anregnen, anschneien, то почему же нельзя также сказать anblitzen, anleuchten и т. д.? Потому и принято нами за правило: для такихъ образованій всегда ожидать достаточнаго подтвержденія.

16. Объясненіе словъ.

Въ основѣ всѣхъ отвлеченныхъ значеній слова лежитъ чувственное и наглядное, которое при происхожденіи его было первымъ. Это его тѣло, иногда закрываемое духовно, распространенное или улетученное; но его необходимо всякій разъ отыскать и развить; иначе словообъясненіе будетъ недостаточно. Это значеніе кроется обыкновенно въ простыхъ глаголахъ.

Ясно, что изъ чувственнаго содержанія слова возникаютъ, при его употребленіи, нравственныя и духовныя представленія, изъ которыхъ оно мало-по-малу заимствуетъ богатство своихъ отвлеченныхъ значеній. Нельзя принять обратнаго случая, чтобы напр. изъ разнообразныхъ понятій tractare, adhibere, explanare проистекло названіе чувственнаго дѣйствія.

Указывать и прежде всего выставлять эти чувственныя значенія— было въ цѣломъ словарѣ однимъ изъ стараній нашихъ; но невозможно было вездѣ итти этимъ путемъ, потому что есть много простыхъ глаголовъ, которыхъ чувственное значеніе уже непонятно и приняло уже постороннюю примѣсь, и кромѣ того есть большое число такихъ словъ, у которыхъ въ основаніи производства нѣтъ глагола, или къ которымъ онъ, по крайней мѣрѣ, не можетъ быть пріисканъ безъ глубокихъ изслѣдованій. Такъ въ глаголѣ sein (быть) не видно чувственной основы, на которой онъ утверждается, и трудно съ достовѣрностью указать ее при глаголахъ geben (давать) и finden (находить). Означало ли geben—класть въ руку или, можетъ быть, лить въ сосудъ? Заключалось ли въ finden понятіе: замѣтить, узнать или только подойти? Или какого глагола, и слѣдовательно какого смысла можно искать въ существительныхъ: дитя, сынъ, дочь? Ихъ значеніе всѣмъ

извѣстно, но не какъ отвлеченное, приложенное къ понятіямъ, которыя они выражаютъ. Еще труднѣе рѣшить, какое представленіе [235] первоначально скрывалось въ словахъ: вѣра и грѣхъ, свободный или глупый, и въ безчисленномъ множествѣ другихъ; всего же темнѣе остается смыслъ частицъ. Здѣсь словообъясненіе всегда можетъ подвигаться только медленными шагами и должно оставаться на поверхности.

Но каково бы ни было словотолкованіе, никакой словарь не можетъ обойтись безъ него; уже прежде было сказано, что мы въ самыхъ рѣдкихъ только случаяхъ прибѣгали къ опредѣленіямъ, обыкновенно же старались разомъ давать объясненіе посредствомъ латинскаго слова. Это только первая жатва въ области слова, гдѣ солома срѣзается надъ землею; изслѣдованіе словъ должно проникать глубже и вырывать самый корень.

17. Словоизслѣдованіе.

Этимологія составляетъ соль или пряность словаря; безъ этой приправы предлагаемая имъ пища была бы не вкусна, хотя иное и пріятнѣе было бы сырое или не пересоленое.

Словопроизводство нажило себѣ дурную славу, потому что въ прежнее время, естественно, его искали въ одной игрѣ словъ и употребляли во зло. Долго оно только предугадывало свои правила и не сознавало ихъ; и теперь еще безпрестанно отыскиваются новыя.

Можно понимать слово изъ него самого и изъ ближайшаго къ нему круга, но можно также брать на помощь родственныя семейства и ряды словъ, а оттуда уже переходить къ смежнымъ нарѣчіямъ и языкамъ. Какъ скоро замѣтили и наконецъ обозрѣли связь нѣсколькихъ языковъ, то явилось, съ неизвѣстными прежде законами и выводами, сравненіе языковъ, которое, какъ выше было сказано, утвердилось научнымъ образомъ только съ помощію книгопечатанія и словарей.

Латинскій и греческій языки представляютъ намъ драгоцѣнное собраніе классическихъ памятниковъ, изъ которыхъ можно почерпнуть множество грамматическихъ правилъ, отчасти примѣнимыхъ къ нашему собственному языку. Только прежде привыкли навязывать эти правила насильно и подчинять имъ всѣ домашнія [236] требованія, вмѣсто того, чтобъ и этимъ предоставлять ихъ законную силу. Филологія, возникшая изъ знакомства съ санскритомъ, болѣе справедлива, и признаетъ за всѣми остальными языками равныя права. Однакожъ чистота и глубокая древность его источниковъ доставляетъ ему естественное и заслуженное уваженіе, такъ что этотъ языкъ, кажется, призванъ разрѣшать сомнѣнія относительно звуковъ и корней; но судилище, прежде разъясненія спорнаго дѣла, должно принять въ соображеніе и силу доводовъ, которые оно представляетъ. Какъ ни велики

надежды, возбуждаемыя санскритомъ въ изумленномъ изслѣдователѣ, какъ ни вѣрны многія производства, которыя изъ него извлечены или еще могутъ быть заимствованы, — все-таки каждый изъ исконно-родственныхъ языковъ сохраняетъ свою собственную прозрачность, которая должна имѣть силу въ надлежащихъ случаяхъ. Мнѣ кажется, что внутренніе, съ значеніемъ словъ тѣсно связанные результаты, часто заслуживаютъ предпочтенія передъ самыми остроумными догадками, основывающимися на однихъ звуковыхъ отношеніяхъ и на перемѣнѣ или опущеніи отдѣльныхъ согласныхъ. Съ нашими нѣмецкими словами надобно прежде всего пробовать, нельзя ли ихъ объяснить дома, на родной почвѣ, что́ конечно заставляетъ подвигаться не столь быстрыми, но за то часто болѣе вѣрными шагами.

Если корень многихъ словъ донынѣ еще ясно виденъ, то почему бы нельзя было собственными средствами доискаться и помутившагося или затемненнаго? По моему мнѣнію, этимологія, подвигаясь впередъ, должна быть все болѣе склонна и способна не увеличивать, а уменьшать число корней; она будетъ находить средства къ облегченію перехода отъ одного корня къ другому и къ поддержанію между ними сообщенія по проведенному мосту. При этомъ въ каждомъ языкѣ отдѣльные корни должны чрезвычайно распространиться по объему и богатству производствъ.

На волнистомъ морѣ языковъ слова́ всплываютъ и снова погружаются, въ этимологіи растутъ и расплываются. Часто одна форма въ правильномъ разнообразіи проходитъ чрезъ цѣлые ряды [237] словъ, и потомъ опять встрѣчаются рѣзкія различія, пробѣлы и пропасти, такъ что сходство, которое, казалось, уже въ рукахъ у насъ, вдругъ ускользаетъ. Въ нѣмецкомъ словарѣ мы считали обязанностію отыскивать всѣ средства и пріемы, предлагаемые собственнымъ нашимъ языкомъ, и такого взгляда будутъ требовать отъ насъ даже тѣ, которые не ждутъ отъ этого словаря много добра и далеко не все здѣсь одобрятъ. Съ успѣхами изслѣдованія получатся новые результаты, къ которымъ будутъ служить побужденіемъ самые недостатки честно веденнаго труда.

18. Нравы и обычаи.

Для объясненія многихъ словъ необходимо было обращать вниманіе на бытъ и воззрѣнія старины и древности, которыхъ точнѣйшее изученіе много зависитъ отъ знанія языка. Потому-то словари областныхъ нарѣчій, если они составлены съ трудолюбіемъ и тонкимъ умомъ Шмеллера, служатъ столь важнымъ матеріаломъ для исторіи и нравовъ какъ настоящаго времени, такъ и прошлыхъ столѣтій.

Если трудъ нашъ когда-либо будетъ приведенъ къ концу, то очень будетъ полезно, по примѣру Дюканжа, приложить къ нему разнаго рода списки и росписи, по которымъ можно бы было обозрѣть всѣ

отдѣльные обычаи, а также замѣчательныя слова и выраженія отдѣльныхъ званій, расположенныя въ строгомъ порядкѣ.

19. Форма буквъ и печать.

(Хотя эта статья повидимому относится только къ внѣшней сторонѣ нѣмецкаго словаря, однакожъ я рѣшился и ее сохранить въ извлеченіи, какъ любопытный историческій очеркъ употребительнаго въ Германіи письма, имѣющій притомъ косвенное примѣненіе и къ нѣкоторымъ сторонамъ нашей орѳографіи.

Чтобы предлагаемыя здѣсь замѣчанія были понятнѣе для русскихъ читателей, считаю нелишнимъ напомнить, что у Нѣмцевъ до сихъ поръ употребляется двоякій шрифтъ: одинъ готическій, т. е. угловатый или ломаный, а другой подобный латинскому — круглый. Я. Гриммъ рѣшительный противникъ перваго и доказываетъ исторически всю его несостоятельность; ученые Германіи въ этомъ отношеніи [238] мало-по-малу переходятъ на сторону славнаго филолога; при всемъ томъ осуждаемый имъ шрифтъ все еще остается тамъ господствующимъ).

Естественно было устранить изъ нашего словаря тотъ безобразный шрифтъ, который большей части нашихъ книгъ придаетъ столь варварскій наружный видъ въ сравненіи съ книгами всѣхъ другихъ образованныхъ народовъ и останавливаетъ ихъ распространеніе.

Къ сожалѣнію, этотъ испорченный и некрасивый шрифтъ называютъ даже нѣмецкимъ, какъ будто всѣ злоупотребленія, какія у насъ въ ходу, можно извинить, наложивъ на нихъ штемпель нѣмецкаго происхожденія. Но такое мнѣніе ни на чемъ не основано, и всякому образованному человѣку извѣстно, что въ средніе вѣка во всей Европѣ и для всѣхъ языковъ употреблялось одно только письмо, именно латинское. Съ 15-го и 16-го столѣтій писцы начали заострять круглыя очертанія на поворотахъ и придѣлывать крючки къ большой буквѣ, которая встрѣчалась почти только въ заглавіяхъ и въ началѣ отдѣловъ.

Изобрѣтатели книгопечатанія выливали свои буквы совершенно такъ, какъ находили ихъ въ рукописяхъ, и такимъ образомъ первыя печатныя книги 15-го вѣка сохранили тѣ же угловатыя острыя буквы, все равно были ли онѣ на латинскомъ, французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ. Этими же буквами печатались потомъ и всѣ датскія, шведскія, чешскія, польскія книги. Но въ Италіи, гдѣ писцы болѣе придерживались круглаго письма, имѣя передъ глазами прекрасныя древнія рукописи классиковъ, въ Италіи еще въ 15-мъ столѣтіи болѣе чистый вкусъ возвратилъ во многихъ книгопечатняхъ неискаженныя буквы для латинскаго или народнаго языка, и отъ другихъ народовъ зависѣло послѣдовать этому примѣру. Латинскаго письма нельзя было не измѣнить, и въ 16-мъ столѣтіи благородный почеркъ проникъ и въ тѣ классическія сочиненія, которыя выходили изъ французскихъ и нѣмецкихъ типографій; ученые дорожили этимъ. Напротивъ, дурной

шрифтъ удержался для народа, который уже привыкъ [239] къ нему, во Франціи только на нѣкоторое время, но въ Германіи рѣшительно и упорно; этимъ самымъ утвердилось вредное различіе между латинскими и общеупотребительными буквами, Vulgarbuchstaben, которое стало господствовать не только въ типографіяхъ, но и въ школахъ. Но этого общеупотребительнаго письма никакъ нельзя называть нѣмецкимъ, потому что оно, кромѣ Германіи, было въ ходу также въ Англіи, Нидерландахъ, Скандинавіи и у Славянъ латинской церкви. Англичане и Нидерландцы мало-по-малу отказались отъ него совершенно. Поляки также оставили его, нынѣшніе Чехи и Шведы по большей части; въ настоящее время оно, внѣ Германіи, держится еще въ чешскихъ и шведскихъ газетахъ, въ Даніи, Лифляндіи и Финляндіи, гдѣ однакоже всѣ писатели расположены перейти, а по большей части уже и перешли къ чистому латинскому шрифту.

Сначала всѣ буквы имѣли видъ прописныхъ; такъ высѣкали ихъ на камнѣ; для скорописи на папирусѣ и пергаменѣ связывали и уменьшали буквы, отчего очертанія ихъ болѣе или менѣе измѣнялись. Изъ начальныхъ буквъ, которыя на рукописяхъ расписывались кистью, проистекла вычурная и искаженная форма большой буквы, которая еще и въ древнѣйшихъ печатныхъ книгахъ не набиралась, а вносилась красками. Въ латинскихъ книгахъ, кромѣ иниціаловъ, только собственныя имена означались большою буквою, какъ дѣлается и теперь для облегченія читателя. Въ теченіе 16-го столѣтія ввелось, сперва шатко и неопредѣленно, а потомъ уже рѣшительно — злоупотребленіе распространять это отличіе на всякое существительное, вслѣдствіе чего оно уже не достигало своей цѣли: собственныя имена сдѣлались незамѣтны во множествѣ существительныхъ и вообще письмо получило пестрый, неуклюжій видъ, такъ какъ большая буква занимаетъ вдвое или втрое болѣе мѣста, нежели маленькая. Я увѣренъ, что обезображенное письмо было въ тѣсной связи съ безполезнымъ размноженіемъ большихъ буквъ; въ этомъ искали мнимой красоты и тѣшились какъ самыми крючками, такъ и размноженіемъ ихъ.

[240] Едва ли кто изъ читателей этого словаря будетъ недоволенъ его латинскими и маленькими буквами [1]), или по крайней мѣрѣ не примирится съ ними легко; всякій же безпристрастный конечно согласится, что онѣ пріятнѣе для глазъ и сберегаютъ много мѣста. Если хоть одно поколѣніе пріучится къ новому способу письма, то въ послѣдующемъ никто и не подумаетъ возвращаться къ старому. Кто находитъ, что все равно какъ поступать въ подобныхъ вопросахъ, и

[1]) Я. Гриммъ давно употребляетъ большія буквы только въ началѣ строки и въ собственныхъ именахъ. Даже послѣ точки по серединѣ строки онъ пишетъ маленькую букву.

всякій дурной обычай считаетъ неизмѣнною особенностью націи, тотъ не можетъ ни къ чему прикасаться и въ каждой порчѣ языка долженъ видѣть дѣйствительное улучшеніе. Но въ языкѣ нѣтъ ничего малаго, что бы не имѣло вліянія на великое, ничего неблагороднаго, что бы не наносило чувствительнаго вреда доброй его натурѣ. Вѣдь мы выводимъ же изъ обыкновенія на домахъ щипцы и выдающіяся балки, а на волосахъ пудру: зачѣмъ же намъ на письмѣ удерживать всякую дрянь?

20. Правописаніе.

Латинское письмо издавна перешло въ нашъ языкъ со стороны, и не безъ опасности оно было примѣнено къ нѣмецкимъ звукамъ; очень было дурно, что небрежный и превратный способъ писанія, вмѣсто того, чтобъ примирить оба начала, ввелъ постепенно несообразности, которыхъ сперва нигдѣ не было. Въ послѣднія три столѣтія нѣмецкое письмо представляетъ такую шаткую и позорную непослѣдовательность, какой не видано ни въ какомъ языкѣ, и поправить дѣло чрезвычайно трудно. Къ этимъ несообразностямъ всѣ привыкли съ дѣтства, и никого не встрѣчаютъ такъ дурно, какъ того, кто противъ нихъ возстаетъ. Отступленія въ мелочахъ только слегка осмѣиваютъ и еще терпятъ кое-какъ, но кто предлагаетъ коренныя преобразованія, тотъ можетъ быть увѣренъ, что встрѣтитъ величайшее равнодушіе и невѣжество. Какая нужда до измѣненій писателю, который заботится только о безпрепятственномъ и непринужденномъ выраженіи своихъ мыслей, которому тяжело было бы задерживать и себя самого и своихъ читателей недоумѣніями въ формѣ, которую, какъ ему кажется, онъ давно побѣдилъ. Только втайнѣ безпокоитъ его мозоль на ногѣ, когда онъ иногда вдругъ замѣтитъ у себя неточное или невѣрное выраженіе. Совершенный переворотъ можетъ, повидимому, произойти только тогда, когда, при подготовленной грамматической основѣ, въ воспріимчивую эпоху, ему окончательно будетъ проложенъ путь словаремъ. Настоящій словарь можетъ только имѣть въ виду изрѣдка пробивать дорогу и подготовлять преобразованіе. Языкъ не можетъ терпѣть въ себѣ ничего нечистаго, что́ противится естественному его теченію. Въ области его нѣтъ приказаній и, какъ есть république des lettres, такъ и о словахъ и способѣ писанія ихъ окончательно рѣшаетъ обычай и народный судъ; начальство и правительство могутъ только подавать добрый примѣръ, такъ же точно, какъ они иногда подавали дурной. Справедливо было прежде всего обратить вниманіе на основательное опасеніе издателей, что публика, готовая принимать частныя улучшенія правописанія, испугалась бы слишкомъ сильнаго потрясенія того, что издавна принято и утверждено обычаемъ. При всей предоставленной намъ свободѣ, мы охотно подчинились благоразумнымъ ограниченіямъ: почти всегда умѣренныя и постепенныя ре-

формы принимались, а слишкомъ крутыя встрѣчали сопротивленіе. Во всѣхъ ли случаяхъ мы держались надлежащей мѣры, покажетъ время.

21. Удареніе.

Аделунгъ въ своемъ второмъ изданіи означилъ произношеніе многихъ отдѣльныхъ словъ посредствомъ удареній, но сомнительно, доставилъ ли онъ тѣмъ этому изданію преимущество передъ первымъ. Такое обозначеніе не совсѣмъ сходно съ употребительнымъ въ латинскомъ языкѣ и въ сущности мало приноситъ пользы. Ново-верхненѣмецкое удареніе падаетъ такъ однообразно, что оно почти всегда и безъ того извѣстно: въ простыхъ словахъ [242] оно бываетъ на коренномъ слогѣ, въ составныхъ слѣдуетъ также опредѣленнымъ правиламъ.

(Здѣсь въ подлинникѣ слѣдуетъ краткое развитіе этихъ правилъ, подкрѣпленное примѣрами. Такъ какъ въ русскомъ языкѣ, напротивъ, удареніе чрезвычайно разнообразно и законы его до сихъ поръ еще вполнѣ не изслѣдованы, да если и будутъ опредѣлены, должны оказаться довольно сложными, то ясно, что русскій словарь наоборотъ не можетъ обойтись безъ удареній).

22. Раздѣленіе труда.

Когда два каменщика вмѣстѣ всходятъ на лѣса и одинъ работаетъ справа, а другой слѣва, то стѣны, колонны, окна и карнизы дома подымаются съ обѣихъ сторонъ совершенно единообразно, потому что все напередъ указано въ чертежѣ и размѣривается по снурку. Случается также, что, по натянутому холсту пишутъ два живописца, одинъ ландшафтъ, а другой фигуры, и первый оставляетъ послѣднему сколько нужно простора для разстановки и развитія ихъ. Можно бы подумать, что такимъ же образомъ и передъ словаремъ стоятъ два человѣка, которые, начертавъ себѣ опредѣленный планъ, кладутъ слоями и вправляютъ слова, попеременно подаютъ другъ другу камни и передаютъ изъ рукъ въ руки инструменты, и что одинъ занимается этимологіей и формой, а другой значеніемъ словъ.

Но изслѣдованіе словъ требуетъ сосредоточенной умственной работы и уединеннаго размышленія; кто нашелъ происхожденіе слова, тотъ видитъ и проистекающія отсюда значенія, а кто съ одушевленіемъ углубился въ значенія, тотъ долженъ составить себѣ понятіе и о происхожденіи и корнѣ слова. Одно условливаетъ другое, и нити рвутся, какъ скоро выпустишь ихъ изъ рукъ. Иногда грунтъ, приготовленный однимъ изъ трудящихся, не былъ бы занятъ фигурами, придуманными другимъ, иногда такого грунта было бы недостаточно для этихъ фигуръ. На этомъ поприщѣ самыя сродныя мнѣнія легко расходятся, и уступчивое согласіе столь же вредно, какъ упорная настойчивость. Требовать, чтобы каждый изъ трудящихся подвергалъ

свое оконченное изслѣдованіе суду сотрудника, было бы противно чувству [243] самостоятельности, да притомъ такой судъ былъ бы неисполнимъ, потому что тутъ исправленіе стóитъ столько же труда, какъ и самая работа: вмѣсто того, чтобъ мнѣ шагъ за шагомъ итти по слѣдамъ другого и снисходительно взвѣшивать всѣ его пріемы, лучше я не буду беречь самого себя и одинъ пойду тѣми же путями. При томъ, когда оба работника стоятъ слишкомъ близко другъ къ другу, то они не свободны въ употребленіи инструментовъ.

Ясно, что участіе съ равными правами въ трудѣ словаря возможно только тогда, когда каждый изъ сотрудниковъ возьметъ на себя опредѣленныя части цѣлаго и на всемъ пространствѣ этихъ частей будетъ обращаться съ полною свободой. Что̀ онъ отдѣлаетъ должно безъ предварительнаго просмотра сотрудника входить въ составъ всей работы. Выборъ такихъ частей или отдѣловъ можетъ быть предоставленъ почти случаю, такъ какъ все въ области языка равно трудно и равно привлекательно. Но непримѣтно сообщество обращается къ взаимной пользѣ тѣмъ, что каждый изъ обоихъ сотрудниковъ съ своей точки зрѣнія, но при тѣхъ же средствахъ, въ то же время и, можно сказать, въ той же атмосферѣ, смотритъ, какъ товарищъ его выполняетъ общій планъ, и такимъ образомъ достигается необходимое единство цѣлаго труда. Они подобны двумъ поварамъ, которые, смѣняясь понедѣльно, подходятъ къ тому же очагу и готовятъ одинакую пищу въ той же самой посудѣ; пусть публика сама замѣчаетъ, гдѣ иногда одинъ положитъ слишкомъ мало соли, а другой пересолитъ; надѣюсь, что ни тотъ, ни другой не дастъ кушанью пригорѣть.

Въ первую недѣлю была моя очередь. Когда надо было приступить къ труду, я сказалъ Вильгельму: „Я возьму A, а ты возьми B". — Это для меня слишкомъ скоро, отвѣчалъ онъ: дай мнѣ начать съ D. — Это казалось очень удобнымъ, потому что буквы A, B, C должны были составить первый томъ, и справедливо было предоставить каждому сотруднику особые томы. Но въ продолженіе работы оказалось, что букву B лучше разбить, [244] чтобы не дать первому тóму слишкомъ большого объема. Вотъ почему мнѣ приходилось отдѣлать еще и порядочную долю второго тома.

23. Сторонняя помощь.

Когда, наконецъ, дѣло должно было завязаться, то выступавшее, все еще не вполнѣ вооруженное словесное войско, въ рядахъ котораго открывались порожнія мѣста, не получало подкрѣпленій съ разныхъ сторонъ, откуда оно наиболѣе ожидало ихъ. Ящики съ карточками, устроенные друзьями, которые ежедневно обращаются съ источниками языка, оставались пусты или нетронуты: такъ было трудно поддержать, въ виду обширности предпріятія, первоначальный жаръ и не дать ему превратиться въ лѣнивую дремоту. Тѣмъ пріятнѣе была неожиданная помощь.

(Упомянувъ здѣсь о двухъ принесенныхъ ему въ даръ богатыхъ собраніяхъ словъ, которыя составлялись не съ этою цѣлью, Я. Гриммъ называетъ потомъ 83 человѣкъ, дѣлавшихъ, по его порученію, разныя выписки собственно для словаря. Между этими лицами, прибавляетъ онъ, было человѣкъ 12 профессоровъ, 2—3 пастора; всѣ остальные были филологи, и ни одного юриста или врача, чѣмъ опять подтверждается сказанное выше на стран. 163-й. Не всѣ изыскатели равно ясно сознавали цѣль задачи, не всѣ работали съ тою же постоянною настойчивостью, такъ что многіе важные писатели едва только половиною своихъ трудовъ вошли въ словарь).

III. СЛОВАРНЫЕ ТРУДЫ ДАТЧАНЪ.

1860.

---

[245] Есть хорошій словарь датскаго языка, составленный покойнымъ Мольбекомъ. Сверхъ того, болѣе ста лѣтъ тому назадъ Королевское Общество наукъ въ Копенгагенѣ предприняло словарь; но онъ и до сихъ поръ не конченъ. Еще въ 1745 г., вскорѣ послѣ основанія Общества, въ немъ возникъ вопросъ о составленіи словаря; — но не прежде какъ черезъ 30 лѣтъ, именно въ 1776 году, окончательно согласились въ основаніяхъ этого труда: положено было составлять словарь по идеѣ англичанина Джонсона. Въ самомъ началѣ уже дѣло шло вяло, редакторы мѣнялись, и къ концу 1780 г. отпечатана была только буква А. Первый же томъ (до конца буквы Е) явился не прежде 1793 г., при чемъ тогдашній редакторъ подавалъ надежду, что весь трудъ будетъ конченъ чрезъ 15 лѣтъ. Но какимъ образомъ это могло осуществиться, когда на одинъ первый томъ употреблено было болѣе времени? Дѣйствительно, словарь и послѣ подвигался тихо; назначенная для изданія его комиссія дѣйствовала безъ всякаго одушевленія и усердія, пересматривала изготовленныя буквы медленно, часто мѣнялась въ своемъ составѣ и избирала редакторовъ не всегда удачно, такъ что выходившія части словаря справедливо подвергались строгой критикѣ и не удовлетворяли требованіямъ науки. Такъ продолжается дѣло до сихъ поръ: отпечатана только 7-я часть словаря, доведенная до буквы U; наконецъ, уже виденъ берегъ, но это будетъ мозаика, весьма неудовлетворительная въ цѣломъ, какъ и въ частяхъ. Въ числѣ нынѣшнихъ [246] членовъ словарной комиссіи есть люди съ высокимъ ученымъ достоинствомъ и съ громкими именами, но они не могутъ смотрѣть съ любовью на дѣло, начатое безъ нихъ и успѣхъ котораго отъ нихъ уже не зависитъ. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія шла рѣчь о томъ, чтобъ оставить это дѣло; однакожъ, ученое

общество не сочло себя въ правѣ отказаться отъ предпріятія, на которое было положено столько трудовъ и издержекъ и которое, сверхъ того, было начато и ведено по волѣ правительства.

Словарь датскаго Общества наукъ служитъ новымъ доказательствомъ истины, въ которой мы и прежде уже убѣдились: что такое сложное и трудное дѣло, болѣе всякаго другого требующее постоянныхъ, напряженныхъ усилій и единства въ исполненіи, не можетъ быть съ успѣхомъ ведено многими; не можетъ быть также поручаемо тому или другому лицу, которое не чувствуетъ особаго къ тому влеченія и принимается за это дѣло не по призванію, а по какимъ-нибудь внѣшнимъ соображеніямъ. Вообще въ умственныхъ трудахъ, требующихъ присутствія одной мысли и таланта, коллективная работа невозможна. Идея, будто цѣлое ученое общество можетъ общими силами трудиться за однимъ какимъ-нибудь предпріятіемъ, ошибочна. Фенелонъ желалъ, чтобы Французская Академія составила піитику; но, замѣтилъ г. Вильмень, разсуждая со мною объ этомъ [1]), есть ли возможность, чтобы люди, имѣющіе каждый свой самостоятельный образъ мыслей, сошлись по такому предмету, который допускаетъ наиболѣе разнообразія мнѣній и вкуса? На вопросъ мой Якову Гримму, кѣмъ онъ замѣнитъ покойнаго брата своего въ изданіи словаря, онъ отвѣчалъ мнѣ, что будетъ стараться обойтись безъ сотрудника, потому что только братъ его и былъ способенъ трудиться съ нимъ вмѣстѣ, не мѣшая ему.

Въ Копенгагенѣ нашелъ я человѣка, который въ тишинѣ и неизвѣстности съ изумительнымъ терпѣніемъ трудился надъ словаремъ [247] своего народа. Это г. *Левúнъ*, уже лѣтъ тридцать собиравшій матеріалы для такого труда. При мнѣ онъ былъ занятъ выписываніемъ словъ и выраженій изъ писателей, изъ историческихъ и юридическихъ актовъ. Составившіяся такимъ образомъ карточки — каждая носитъ одно только слово съ одною выпискою — распредѣляются по шкапикамъ, изъ которыхъ въ каждомъ по 96-ти ящичковъ. Въ выпискахъ г. Левину помогаютъ два студента, и, по его увѣренію, такіе два молодые сотрудника могутъ очень легко быть пріучены въ совершенствѣ къ подобному труду. Если г. Левинъ съ своимъ рѣдкимъ трудолюбіемъ и любовію къ избранному дѣлу соединяетъ такую же свѣтлость мысли и пониманіе дѣла, то можно надѣяться, что трудъ, который онъ совершаетъ въ одиночествѣ, далеко превзойдетъ словарь Общества наукъ [2]).

---

[1]) Во время моего заграничнаго путешествія въ 1860 году.

[2]) Недавно я прочелъ въ одной шведской газетѣ о смерти Левина въ маѣ 1883 года. Ему было лѣтъ 75. Къ этому извѣстію прибавлено, что онъ оставилъ богатое собраніе матеріаловъ для словаря.

IV. РУССКО-ФРАНЦУЗСКІЙ СЛОВАРЬ.

Н. П. Макарова (Спб. 1867 г.).

1868.

---

[248] Потребность въ подробномъ русско-французскомъ словарѣ ощущалась у насъ очень давно [1]), и недостатокъ такого пособія, при значительной распространенности у насъ французскаго языка, служилъ однимъ изъ прискорбныхъ доказательствъ того, какъ бѣдна наша учебная и ученая литература и какъ мало у насъ охотниковъ предпринимать серіозные многолѣтніе труды.

Наконецъ нашелся человѣкъ, задумавшій составить такой словарь обоихъ языковъ, который въ не слишкомъ большомъ объемѣ представлялъ бы возможно-полное и надлежащимъ образомъ разработанное содержаніе. И эта нелегкая задача выполнена г. Макаровымъ въ замѣчательной степени успѣшно. Употребивъ на то не болѣе трехъ лѣтъ, г. Макаровъ подалъ отрадный примѣръ настойчивой дѣятельности. Словарь его удовлетворяетъ бо́льшей части требованій, существующихъ для пособій этого рода, и можно, кажется, съ увѣренностью предсказать, что онъ сдѣлается надолго необходимою книгою для всякаго, кто захочетъ изучать одинъ изъ двухъ языковъ съ помощію другого; особенно будетъ [249] онъ нуженъ при переводахъ съ русскаго на французскій, и всего болѣе для учащагося юношества.

Одно изъ главныхъ достоинствъ въ подобномъ трудѣ есть полнота, — полнота, во 1-хъ, въ собраніи словъ объясняемаго языка, во 2-хъ — въ объясненіи этихъ словъ и въ указаніи всѣхъ случаевъ разнообразной передачи ихъ на другомъ языкѣ. Въ обоихъ отношеніяхъ новый словарь довольно близко подходитъ къ цѣли своей, и притомъ въ объясненіи словъ г. Макаровъ постоянно держится разумной системы: сначала идутъ соотвѣтствующія русскому слову, въ разныхъ значеніяхъ его, французскія слова, а потомъ, въ такомъ же порядкѣ, относящіяся къ каждому значенію фразы. Со стороны фразеологіи этотъ словарь отличается рѣдкимъ богатствомъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ въ немъ пословицы, въ бо́льшей части случаевъ передаваемыя пословицами же; только тогда, когда недостаетъ подобозначащихъ, ихъ замѣняетъ объясненіе; то и другое всякій разъ обозначается особымъ указаніемъ. Такимъ образомъ трудъ г. Мака-

---

[1]) Т. е. съ тѣхъ поръ, какъ исчезъ изъ продажи весьма хорошо составленный словарь И. И. Татищева, изданный въ 1824 году Глазуновымъ.

рова, выполненный съ добросовѣстностью и знаніемъ дѣла, долженъ быть признанъ заслуживающимъ одобренія. Само собою разумѣется однакожъ, что въ изданіи такого объема неизбѣжны недосмотры и неисправности. Отдавая полную справедливость достоинствамъ словаря, считаю себя не въ правѣ умолчать о нѣкоторыхъ пропускахъ и промахахъ, которые въ немъ замѣчены мною. Остановиться на нихъ обязанъ я тѣмъ болѣе, что самъ авторъ выразилъ желаніе узнать недостатки своего словаря для исправленія ихъ въ будущемъ.

Хотя г. Макаровъ и внесъ въ свой трудъ многія общеупотребительныя русскія слова, которыхъ, по крайней мѣрѣ до толковаго словаря Даля, не было въ нашихъ лексиконахъ (напримѣръ: обусловливать, объединять, научный, клумба и др.), однакожъ и въ разсматриваемомъ словарѣ мы не находимъ еще многихъ словъ; нѣкоторыя изъ нихъ, правда, еще новы, но и тѣ уже пріобрѣли или по крайней мѣрѣ болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ право гражданства. Г. Макаровымъ, между прочимъ, пропущены слѣдующія [250] слова [1]): бытовой, водораздѣлъ, главенство *, голосованіе *, дословный, завзятый, законоположеніе, замкнутость, издѣльный (—ая повинность), корениться, крѣпостникъ *, мѣропріятіе, набросокъ *, накидокъ * (esquisse), настроеніе, непререкаемый, обрядовый, общеніе, орудовать, отступное, передвиженіе, плоскогорье, полноправный *, правомѣрный, представительство, пререканіе, принудительный, противовѣсъ (—вѣсіе) *, проходимецъ *, равноправный, самовосхваленіе *, самодуръ, самодѣятельность, самообольщеніе *, самосознаніе *, самоуправленіе *, сдержанность * (и сдержка), собственникъ *, сопоставлять, сторонникъ, стушеваться, суть (имя сущ.), творчество, хлыщъ *, цѣлесообразный *, человѣчный, численность.

Кромѣ того забыты еще нѣкоторыя слова другого рода, хотя не столь употребительныя, болѣе спеціальныя, но также несомнѣнно принадлежащія къ составу языка: они частью встрѣчаются у писателей не слишкомъ давняго періода (напр. заимесловіе, нѣщечко), частью слышатся въ общежитіи (взбуровить, ерунда, калика, живейный, неумѣлый, обознаться, посовѣть, раздробь), частью же извѣстны какъ научные или ремесленные термины (хрусталикъ, засидки [2]).

Наконецъ, между вошедшими въ русскій языкъ иностранными словами недостаетъ у г. Макарова нѣкоторыхъ весьма замѣтныхъ. Конечно, не всѣ употребляемыя современными писателями иноязычныя слова заслуживаютъ сохраненія, но многія не хуже прежде-утвердившихся; въ этомъ отношеніи важно имѣть въ виду степень потребности

---

[1]) Обозначаю звѣздочкой такія слова, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ изъ вышедшихъ до сихъ поръ русскихъ словарей.

[2]) Описаніе засидокъ (Lichtbraten) на одной петербургской фабрикѣ см. въ „Русскомъ Инвалидѣ“ 1866, № 232.

въ словѣ, и кажется, современный лексикографъ не можетъ отвергать такихъ словъ, какъ напр., солидарность, организовать, централизація, соціальный, принципъ, или: кепи, керосинъ и проч., которымъ однакожъ въ словарѣ г. [251] Макарова менѣе посчастливилось, чѣмъ другимъ, въ родѣ амплуа, ангажировать, сидръ, папироска и т. п.

Объясненія и переводы въ новомъ словарѣ вообще вѣрны и удачны. Есть въ немъ однакожъ слова, которыя объяснены не во всѣхъ своихъ значеніяхъ или вообще не совсѣмъ полно и не довольно точно. Вотъ тому примѣры.

„Говоръ, le bruit de gens qui parlent". Здѣсь упущено изъ виду значеніе, усвоенное этому слову въ послѣднія десятилѣтія, именно: patois, jargon (мѣстное нарѣчіе).

„Грамотность, l'écriture et la lecture". Но *грамотность* означаетъ преимущественно *умѣнье* читать и писать.

„Дѣятель, acteur, agent". Очевидно, что ни то, ни другое изъ этихъ французскихъ словъ не годится для передачи столь общеупотребительныхъ выраженій: *дѣятель общественный, дѣятель* такой-то *эпохи*. Надобно было перифрастически объяснить употребленіе этого слова.

„Задатокъ, les arrhes". Русское слово употребляется въ смыслѣ гораздо обширнѣйшемъ, напр. въ выраженіи: задатки будущаго развитія.

„Наплясаться, danser tout son soûl, jusqu'à satiété". Это только собственное значеніе слова; но есть еще и другое: натерпѣться, намаяться.

„Направленіе, direction". Надо было прибавить: tendance.

„Насущный, — хлѣбъ, le pain quotidien". Но русское прилагательное соединяется не съ однимъ словомъ *хлѣбъ*; въ предисловіи къ своему словарю самъ г. Макаровъ употребилъ выраженіе: „одна изъ насущнѣйшихъ потребностей". Quotidien не выражаетъ коренного значенія слова *насущный*, которое прямо переведено съ греческаго ἐπιούσιος (*на существованіе* нужный). Слѣдовало прибавить: vital, и потомъ приведенное выраженіе съ объясненіемъ его: besoin impérieux или т. п

„Оброчный, de redevance, payant une redevance". Забыто реченіе *оброчныя статьи*.

„Печать, le cachet, sceau; le scellé; impression; les caractères". [252] Здѣсь недостаетъ еще presse, въ значеніи котораго слово *печать* въ недавнее время стало удачно употребляться.

„Починъ, le commencement, étrenne; frontière". И тутъ недостаетъ недавно приданнаго слову значенія: initiative.

„Присяжный, de serment, assermenté; le juré, membre du jury". Не объясненъ терминъ *присяжный повѣренный*, котораго не находимъ и подъ словомъ *повѣренный*.

„Протестъ, protêt". Слово взято только въ самомъ спеціальномъ своемъ значеніи, какъ коммерческій терминъ, тогда какъ общій смыслъ его остался не означеннымъ.

„Путевой, de voyage". Не занесено реченіе *путевой дворъ*, которое начали употреблять въ значеніи французскаго gare du chemin de fer (нѣмецкаго Bahnhof).

„Разбирать". Между многими приведенными при этомъ глаголѣ значеніями забыто одно, соотвѣтствующее выраженію: быть разборчивымъ (напр. въ пищѣ), être difficile dans le choix de...

„Разборчивый". Здѣсь напротивъ указано значеніе, ускользнувшее при глаголѣ *разбирать*, но не приведено то, которое встрѣчается, напр., въ выраженіи: довольно разборчивый почеркъ.

„Разводить". Забытъ случай употребленія этого глагола съ творительнымъ: *руками*.

„Рознь, la différence, diversité". А divergence въ смыслѣ разномыслія, несогласія, désunion, division?

„Сводиться, être mené (du haut en bas)". Не показано значеніе слова въ выраженіяхъ, подобныхъ слѣдующему: всѣ эти толки сводятся къ одной главной мысли.

„Черный". Не выставлено названіе *черная рыба*, которымъ означаются всѣ виды мелкой рыбы въ отличіе отъ крупной, называемой *красною*, какъ и показано подъ этимъ послѣднимъ словомъ.

Фразы, которыхъ переводъ вообще свидѣтельствуетъ объ основательномъ знаніи французскаго языка, помѣщены не всегда въ надлежащемъ мѣстѣ; напр., выраженія: „Онъ очень занятъ собою, онъ занятъ чтеніемъ" должны бы находиться не подъ неопредѣленнымъ [253] наклоненіемъ *занимать*, а подъ причастіемъ *занятой*, такъ какъ оно поставлено, по общему правилу автора, особо.

Особо поставлены также косвенные падежи личныхъ мѣстоименій, и г. Макаровъ справедливо указываетъ въ предисловіи на это преимущество своего словаря. Но на томъ же основаніи слѣдовало бы помѣщать особо и тѣ глагольныя формы, которыя своими начальными буквами отличаются отъ неопредѣленнаго наклоненія. Такъ нужно бы, кромѣ *здать, итти, молоть, стлать, брать, жать, мять* и т. п. выставить на своемъ мѣстѣ, по азбучному порядку, и формы: *зижду, шелъ, мелю, стелю, беру, жму, жну, мну* и проч.

Выше сказано было, что нѣкоторыя фразы встрѣчаются не тамъ, гдѣ ихъ должно искать. Въ примѣръ того приведу еще одинъ случай. Пословица: „не всякое лыко въ строку" помѣщена подъ словомъ *всякій*, тогда какъ настоящее мѣсто ей было бы подъ словами *лыко* или *строка*. Притомъ и объясненіе этой пословицы: „Il ne faut pas regarder de trop près, или: il faut être indulgent quelquefois" не совсѣмъ удовлетворительно. Подъ словами *лыко* и *строка* читатель не

найдетъ разгадки, почему въ народномъ изреченіи соединены эти два понятія. Имя сущ. *строка* переведено только словомъ *ligne*, но въ сущности смыслъ его гораздо обширнѣе: оно значитъ вообще *рядъ* (напр. въ шитьѣ), и на этомъ основаніи употребляется также, когда рѣчь идетъ о плетеніи лаптей. Мастеръ этого дѣла отбрасываетъ тѣ лыки, которыя кажутся ему недовольно чисты и гладки для употребленія въ строку или полосу. Вотъ начало пословицы. Уже позднѣе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ стали говорить: „Не всякое слово въ строку". Снегиревъ объясняетъ пословицу о лыкѣ такъ: „не всякія мелочи, пустяки вводить въ дѣло". Даль даетъ ей слѣдующее толкованіе, принятое и въ разбираемомъ словарѣ: „не будь чрезмѣру строгъ и взыскателенъ". Кажется, точнѣе былъ бы такой переводъ: „не всякое слово, необдуманно сказанное, стóитъ вниманія и должно вмѣняться".

[254] Указавъ на нѣкоторые частные недостатки въ словарѣ г. Макарова, охотно сознаю однакоже, что они не могутъ и не должны заслонять собою огромной массы всего хорошаго, чтó въ немъ заключается. Безъ критическихъ указаній со стороны, такой обширный трудъ никогда не можетъ приблизиться къ желаемому совершенству. Въ настоящемъ же случаѣ они казались мнѣ тѣмъ нужнѣе, что неутомимый авторъ уже перешелъ къ другому однородному предпріятію: онъ готовитъ въ тѣхъ же или, можетъ быть, еще въ бóльшихъ размѣрахъ французско-русскій словарь. Пожелаемъ ему въ этомъ новомъ предпріятіи такого же успѣха, какого заслуживаетъ недавно изданный трудъ его.

V. ПЛАНЪ СЛОВАРЯ ВЪ НОВОМЪ РОДѢ.

Die Silbenanalyse als sprachliches Lehr und Lern-Mittel. Ein Beitrag zur Reform der Lexicographie, von A. Castle Cleary. In ihrer Anwendung auf das Deutsche mit Belegen aus andern europäischen Sprachen dargestellt von I. Th. Dann, Ph. D. London, 1877 (8°, 48 стр.).

[255] Автору изданной подъ этимъ громкимъ заглавіемъ брошюры и нѣмецкому ея переводчику показалось, что словари, составленные въ азбучномъ порядкѣ, не годятся, потому что неудобны для чтенія, такъ какъ при такомъ расположеніи между словами нѣтъ связи: поэтому гг. Клири и Даннъ предлагаютъ другой порядокъ, основаніемъ котораго должно служить прежде всего словопроизводство, а потомъ извѣстныя созвучія внутри и въ концѣ словъ, такъ что словарь, по этой методѣ составленный, былъ бы чѣмъ-то въ родѣ словаря рифмъ.

„Устроенный такимъ образомъ словарь“, говоритъ на стр. 32-й г. Даннъ, „имѣлъ бы ту неоцѣненную выгоду, что фактически представлялъ бы словарь рифмъ въ первоначальномъ значеніи (?) этого слова, а не просто алфавитный, убійственный для духа рутинный словарь“. Не совсѣмъ понятно однакожъ, какъ соединить принятый сперва принципъ корнесловія съ расположеніемъ по созвучіямъ. Для большей ясности спишемъ съ той же 32-й стр. нѣсколько примѣровъ изъ представляемаго переводчикомъ, для образца, списка словъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ предполагаетъ размѣщать ихъ:

Arg,	Arche
ragen	Rache,
fragen	Rachen,
kragen	brach, (adj.)
prügeln	Fracht
tragen,	Krach и т. д.

[256] Изъ этого видно, что мысль автора нельзя назвать особенно счастливою. Читатель, ожидающій, по заглавію брошюры, разрѣшенія важнаго вопроса, испытываетъ полное разочарованіе. Въ ней очень много словъ и разглагольствія, но мало дѣла. Самая основная идея совершенно ошибочна; словари издаются не для чтенія, а для справокъ, и главное условіе ихъ цѣлесообразности заключается въ легкости отысканія каждаго слова, а этого-то именно удобства и недоставало бы прежде всего словарю, составленному по мысли г. Клири. Было много опытовъ этимологическихъ словарей: они имѣютъ свое неоспоримое значеніе, но для практическаго употребленія самый годный словарь есть, конечно, чисто алфавитный, что́ было сознано и убѣдительно высказано еще Яковомъ Гриммомъ. Брошюра г. Данна, вдобавокъ, не щеголяетъ и основательностью свѣдѣній; для примѣра достаточно указать на его замѣчанія о русскомъ и славянскихъ языкахъ. Такъ на стр. 20-й, выписавъ фразу: „огонь, воздухъ, земля и вода суть четыре стихіи“, онъ увѣряетъ, что „только въ словѣ *во́здухъ* удареніе падаетъ на *коренной* слогъ“; а на стр. 28-й, замѣтивъ, между прочимъ, что наша буква *г* произносится 5-ю различными способами, онъ говоритъ: „Древнеславянскій языкъ имѣетъ сорокъ два начертанія, и хотя намъ совершенно неясно ихъ истинное произношеніе въ устахъ Рюрика, не нынѣшнихъ поповъ (nicht in der heutigen Popen Munde), однакожъ мы можемъ по пріемамъ сына судить о нравѣ отца и принять за вѣроятное, что въ вѣкъ Чингисхана и Тамерлана было въ этомъ отношеніи (?) столько же мало единства языка, какъ и въ наше время. Польскій и чешскій находятся въ нѣсколько лучшемъ, сербскій и кроатскій въ немного худшемъ положеніи, и одно несомнѣнно, что во второстепенныхъ языкахъ славянской семьи фонетицизмъ (вѣроятно, въ правописаніи) имѣетъ такъ же мало простора, какъ и въ московитскомъ“!

[257] ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ СТАТЬѢ:

КЪ СООБРАЖЕНІЮ БУДУЩИХЪ СОСТАВИТЕЛЕЙ РУССКАГО СЛОВАРЯ.

1870.

МНѢНІЕ СПЕРАНСКАГО О НОВОМЪ ИЗДАНІИ СЛАВЯНО-РОССІЙСКАГО СЛОВАРЯ [1]).

I. О правилахъ.

Комитетъ принялъ къ сочиненію словаря нѣкоторыя правила; но принялъ ихъ *на первый случай*, слѣдовательно впослѣдствіи они могутъ измѣниться. Когда же измѣнятся? Когда словарь будетъ сочиненъ, и слѣдовательно надобно будетъ его передѣлывать.

Мнѣ кажется, главное состоитъ въ правилахъ, не на первый разъ, но навсегда твердо установленныхъ. Безъ сего все сочиненіе непрестанно будетъ колебаться. Безъ сего нельзя членамъ и разсматривать пробныхъ листовъ: ибо важнѣйшая часть сего разсмотрѣнія именно должна состоять въ соображеніи исполненія съ правилами.

Для установленія сихъ правилъ надлежало бы, кажется, прежде всего собрать и разсмотрѣть правила, кои наблюдаемы были въ другихъ государствахъ; не мы первые сочиняемъ словарь: нужно посмотрѣть, на какихъ основаніяхъ составляли его въ Академіи Делла Круска, въ Парижской и Джонсонъ въ Англіи. То, что тамъ придумано основательно, принять; другое смѣнить своимъ. Первое и важнѣйшее изъ сихъ правилъ есть установить съ точностію предѣлы словаря по двумъ главнымъ вопросамъ: для кого и для чего онъ сочиняется? Мнѣ кажется, онъ сочиняется для людей, знающихъ языкъ русскій (всѣ изъясненія и опредѣленія его составляются по-русски), и слѣдовательно не для того, чтобъ [258] учить русскому языку иностранцевъ или дѣтей, но для того: 1) чтобъ мнѣніемъ цѣлаго ученаго сословія утвердить истинное значеніе русскихъ словъ, и разрѣшить сомнѣнія въ разнообразномъ или спорномъ ихъ употребленіи; 2) чтобъ изъяснить нѣкоторыя слова русскія обветшалыя или мало употребительныя; 3) чтобъ изъяснить такъ называемыя слова славянскія, т. е. церковныя. Посему въ Славяно-Россійскій словарь не должно допускать никакихъ словъ иностранныхъ, исключая только греческихъ

---

[1]) Въ протоколахъ Россійской Академіи за 1831 годъ найдено мною мнѣніе М. М. Сперанскаго, незадолго передъ тѣмъ избраннаго въ дѣйствительные члены ея. Нелишнимъ считаю помѣстить здѣсь въ видѣ приложенія эти замѣчанія знаменитаго своимъ умомъ человѣка.

словъ церковныхъ и малаго числа словъ, принятыхъ не обычаемъ, но закономъ, какъ-то: сенатъ, и тому подобныхъ; для иностранныхъ же словъ приложить къ словарю алфавитную роспись, съ краткимъ изъясненіемъ реченій, болѣе или менѣе употребительныхъ, но къ составу языка не принадлежащихъ. Это не есть гоненіе на слова иностранныя: обычай ихъ ввелъ, обычай и выведетъ; но Академія не должна, мнѣ кажется, укоренять ихъ, давая имъ право гражданства и вводя ихъ въ составъ нашего языка. Изъ снисхожденія къ обычаю она можетъ удѣлить имъ мѣсто при своемъ языкѣ, но мѣсто отдѣльное, означивъ ихъ въ особой росписи.

Издательный комитетъ въ защиту ихъ приводитъ то, что они обрусѣли, и что безъ нихъ обойтись невозможно. Пусть они и остаются въ употребленіи; но сіе не даетъ имъ права на помѣщеніе въ словарь Славяно-Россійскій — иначе назовите его *словаремъ реченій, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ, въ россійскомъ словѣ употребляемыхъ*. И какіе же будутъ словарю сему предѣлы! Кусокъ толстаго бѣлаго сукна на турецкой границѣ называется аба; но онъ вѣрно иначе называется въ Оренбургѣ, въ Сибири и проч. Почему аба будетъ стоять въ словарѣ, а другихъ названій, столько же или можетъ быть и болѣе въ другихъ мѣстахъ употребительныхъ, не будетъ? — Сколько словъ иностранныхъ, при Петрѣ Великомъ и при императрицѣ Елисаветѣ бывшихъ въ употребленіи, и нынѣ совершенно падшихъ въ забвеніе! Гдѣ нынѣ циркумстанціи, конциліумы, консидераціи, пропозиціи и множество имъ подобныхъ? Не та же ли судьба ожидаетъ и наши: абонированія, абонименты, адресованія, адресовать и проч. и проч. Они покружатся нѣсколько времени, какъ кружились наприм. выраженія: *строить куры* и тому подобныя, и исчезнутъ. Всѣхъ нелѣпостей и измѣненій обычая и небрежнаго или затѣйливаго пустословія никакимъ словаремъ обнять не возможно. Нѣкоторые изъ нихъ необходимы и можетъ быть навсегда останутся на языкѣ, и пусть остаются: отъ того, что они будутъ или не будутъ помѣщены въ словарѣ, необходимость ихъ не возрастетъ, ни уменшится. Но помѣщеніе ихъ, *во-первыхъ*, обезобразитъ словарь Славяно-Россійскій; *во-вторыхъ*, вмѣсто полнаго словаря представитъ сборникъ словъ весьма неполный; [259] ибо всѣхъ иностранныхъ словъ въ областяхъ нашихъ, русскими людьми употребляемыхъ, собрать почти не возможно; то, что въ одномъ краю считается словомъ необходимымъ, въ другомъ совсѣмъ не извѣстно, и замѣняется инымъ; *въ третьихъ*, сія смѣсь даетъ словарю видъ временнаго періодическаго сборника; ибо, какъ выше было примѣчено, сколько есть иностранныхъ словъ, кои въ свое время считались необходимыми, а теперь употребленіе ихъ показалось бы страннымъ и не совмѣстнымъ.

Во всѣхъ почти основательныхъ словаряхъ означаются корни словъ. Я не разумѣю здѣсь того высшаго изысканія корней, которое составляетъ особую и весьма важную часть филологіи; но разумѣю простое словопроизводство изъ ближайшихъ корней. Наприм. *Подразумѣваю* очевидно слагается изъ предлога *подъ* и *разумѣваю*, а *разумѣваю* изъ предлога *разъ* и *умѣю;* слѣдовательно корень: *умѣю* или *умъ*. Въ ожиданіи лучшаго и глубокаго изысканія и сіе словопроизводство было бы, кажется, для утвержденія первообразнаго значенія словъ, во многихъ случаяхъ весьма полезно.

Еще одно примѣчаніе. Словарь именуется: по азбучному порядку расположеннымъ. Я не знаю, можетъ ли быть какой-либо словарь даже и словопроиз водный, расположенъ иначе, какъ по азбучному порядку. Если симъ желали выразить: ordine analogico или analÿtico, то сіе не есть азбучный порядокъ. Должно постараться пріискать другое слово.

II. Пробные листы.

1) Послѣ двухъ первыхъ *А*, послѣдующія пять суть простые звуки, коихъ значеніе опредѣляется: 1) образомъ ихъ произношенія, и 2) послѣдующими выраженіями мыслей. Они могутъ быть безчисленны и находятся во всѣхъ языкахъ; но нигдѣ не даютъ имъ мѣста въ словаряхъ: ибо какъ описать значеніе звука, зависящее отъ голоса, и разнообразныя его сопряженія съ мыслями? *А.* союзъ противоположный, часто токмо раздѣлительный; даже первый примѣръ есть только раздѣленіе, а не противоположность: ибо нельзя тутъ поставить *но* тьму, а можно поставить: тьму *же,* — что означаетъ раздѣленіе. *А! а!* то же примѣчаніе, какъ и въ пяти предыдущихъ. Смыслы сего восклицанія безчисленны. Всѣ гласныя буквы имѣютъ свое свойство, напр. И! какой вздоръ! О! О! ты уже началъ сердиться.

2) О всѣхъ иностранныхъ словахъ, коими буква сія испещрена, выше сдѣлано одно общее примѣчаніе.

3) *Августѣйшій* не есть высочайшій: ибо *augeo* не значитъ: возвышаю, но умножаю, увеличиваю — слѣдовательно: великій, или величайшій.

[260] 4) *Авторовъ. Авторскій.* Сомнѣваюсь, чтобы сей родъ прилагательныхъ особаго устроенія могъ имѣть мѣсто въ словарѣ. Они принадлежатъ къ грамматикѣ; тамъ должно показать, какимъ образомъ и въ какихъ предѣлахъ нѣкоторыя существительныя въ родительномъ падежѣ пріемлютъ видъ прилагательныхъ. Въ старину у насъ писали даже *еговъ,* такъ какъ нынѣ въ грубомъ просторѣчіи употребляютъ: ихные, ихныхъ; грамматика должна показать, что́ тутъ правильно, и что́ неправильно.

5) *Агнецъ* — не вижу, почему съ латинскаго: Agnus. Это просто *ягнецъ.* У насъ есть вся его фамилія и даже глаголъ *ягнюся,* коего нѣтъ въ латинскомъ. Въ концѣ сей статьи о просфорѣ нужно справиться: на одной ли той просфорѣ, изъ коей вынимается Агнецъ, находятся слова: ІС. ХС. НІКА. Если на всѣхъ, то изъясненіе лишнее и было бы неправильно.

6) *Адажіо.* Слово сіе, какъ и другія иностранныя, принадлежитъ къ словоистолкователю г-на Яновскаго, или къ расписанію иностранныхъ реченій. Но и тамъ не худо изъяснить, что́ собственно значитъ adagio — *на досугѣ, не спѣша, à son aise.*

7) *Адъ,* ἀΐδης, ᾅδης, собственно значитъ: 1) мѣсто или состояніе умершихъ, мрачное и незримое обиталище погребенныхъ. См. Lexicon Damm et Duncan. Въ семъ-то смыслѣ, а не въ смыслѣ гроба и могилы, должно понимать слова Іосифа; 2) преисподній міръ, когда пріемлется въ смыслѣ страны; 3) мѣсто мученій; 4) крайнее несчастіе и проч. Но къ чему тутъ поговорка: *этотъ домъ сущій* адъ? Мало ли что говорится! Четвертое значеніе есть излишнее потому, что оно есть именно собственное значеніе Ада. Примѣры же тутъ не нужны ибо и безъ нихъ ясно.

8) Не *азарничать,* а *озорничать* и принадлежитъ къ буквѣ О. Иначе всѣ слова, по московскому произношенію превращаемыя изъ О въ А, должно бы было помѣщать вдвойнѣ. Въ Москвѣ говорятъ: *атлажилъ, аткинулъ.* Дѣло словаря есть именно истреблять, а не утверждать сіи отступленія.

9) *Академиковъ* — то же примѣчаніе, что и къ слову *авторовъ.* Оно принадлежитъ вообще ко всѣмъ словамъ сего рода.

10) *Академія.* Къ чему тутъ примѣры? Вообще примѣры должно приводить токмо для утвержденія значеній сомнительныхъ, рѣдкихъ или особенныхъ.

М. Сперанскій.

23 Февраля
1831 г.

[261] ЗАМѢТКА О НАЗВАНІЯХЪ МѢСТЪ.

1867—1885.

Въ октябрьской книжкѣ *Журнала Министерства народнаго просвѣщенія* за 1867 годъ помѣщена замѣтка гг. Эрбена и Ламанскаго „о славянскихъ топографическихъ названіяхъ“. Любопытное содержаніе ея подаетъ мнѣ поводъ поговорить о географическихъ именахъ вообще. Нѣтъ сомнѣнія, что ученіе географіи пріобрѣло бы несравненно болѣе смысла и интереса, если бы встрѣчающіяся въ ней названія мѣстъ и урочищъ были, болѣе нежели до сихъ поръ дѣлалось, освѣщаемы филологіей, то-есть, по мѣрѣ возможности объясняемы и переводимы. Топографическое имя рѣдко бываетъ случайнымъ и лишеннымъ всякаго значенія. Въ немъ по большей части выражается или какой-нибудь признакъ самаго урочища, или характеристическая черта мѣстности, или намекъ на происхожденіе предмета, или наконецъ какое-нибудь обстоятельство, болѣе или менѣе любопытное для ума или воображенія. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что высочайшія горы на самыхъ разнообразныхъ языкахъ называются по имени покрывающаго ихъ *снѣга* или его *бѣлизны:* Mont-Blanc значитъ бѣлая гора; Sierra Nevada (въ Испаніи) — снѣжная цѣпь; Snowdon (въ Валлисѣ) — снѣжный холмъ; Snöhätta (на Сканд. полуостр.) — снѣжная шляпа; Schneekoppe или Sněžka (въ Чехіи) — снѣжная вершина; Бѣлуха въ Сибири; Гималай — жилище снѣга или зимы; Давалагири — бѣлая гора [1]), и проч. Для насъ наглядны становятся [262] многія урочища, когда намъ объяснится ихъ названіе: такъ, имя длиннѣйшаго въ мірѣ горнаго хребта, Cordilleras de los Andes, перестаетъ быть мертвымъ звукомъ, когда мы узнаемъ, что Anta у туземцевъ значитъ мѣдь или вообще металлъ, а Cordillera на испанскомъ языкѣ — цѣпь, и такимъ образомъ это названіе сближается съ германскимъ Erzgebirge, Рудный

---

[1]) Можетъ-быть, и слово *Альпы* сродни латинскому albus; по мнѣнію другихъ, оно на кельтскомъ языкѣ значитъ *гора.*

хребетъ [1]. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ немногія географическія имена такъ ясны, какъ приведенныя названія горъ.

Конечно, большое число именъ, по древности своего происхожденія или по неизвѣстности языковъ, на которыхъ они возникли, уже не могутъ быть теперь объяснены; но сколько еще остается такихъ, которыхъ значеніе понятно или можетъ сдѣлаться понятнымъ при помощи лингвистики, этнографіи или исторіи, и — прибавлю — которыхъ объясненіе можетъ, наоборотъ, оказать большую услугу этимъ наукамъ. Потому очень желательно было бы, чтобъ языкознаніе болѣе и болѣе вносило въ область свою и этотъ предметъ изслѣдованія. Самою удобною формой для изложенія результатовъ изысканій надъ географическими названіями была бы форма лексикона или глоссарія въ алфавитномъ порядкѣ. Попытка этого рода сдѣлана уже въ Англіи небольшою книжкой подъ заглавіемъ: „The Geographical Word-Expositor or Names and Terms occurring in the Science of Geography, etymologically and otherwise explained by *Edwin Adams*“ [2]. Но попытка эта, къ сожалѣнію, очень несовершенна: 1) „Словотолкователь“ г. Адамса далеко не полонъ и не содержитъ въ себѣ даже множества такихъ именъ, которыя объяснить было бы очень легко при болѣе обширномъ знаніи языковъ, нежели какимъ располагалъ [263] авторъ; 2) многія толкованія у него совершенно не вѣрны. Такимъ образомъ, за книжкою его остается почти только одно достоинство идеи и начала выполненія ея. Въ особенности неудовлетворительно у него все относящееся къ сѣверному и восточному міру. Такъ, напримѣръ, при имени *Muscovy* замѣчено, что оно означаетъ преимущественно тѣ части Россіи, которыя лежатъ около Чернаго и Каспійскаго морей, и что онѣ такъ названы по первобытному своему населенію, потомству шестого Іафетова сына „Meschech“. Такимъ же образомъ и міръ западно-славянскій остался для автора совершенною *terra incognita*. Кромѣ названій мѣстъ собственно, онъ счелъ нужнымъ вносить въ свой словарь и *термины* географическіе, напримѣръ, reefs, strait и т. п., что́ по-настоящему уже не относится къ предмету его сочиненія, тѣмъ болѣе, что эти термины объясняетъ онъ только по ихъ вещественному значенію, оставляя въ сторонѣ словопроизводство, которое при именахъ собственныхъ составляетъ главную его задачу.

---

[1] По другому толкованію, Anti на языкѣ Перуанцевъ значитъ *востокъ*.

[2] То-есть, Географическій Словотолкователь или имена и термины, встрѣчающіеся въ наукѣ землеописанія, съ этимологическими и другими объясненіями, соч. Эдвина Адамса. Книжка эта вышла въ Лондонѣ, 2-мъ изданіемъ, въ 1856 году. Впослѣдствіи появилось въ Германіи болѣе обширное и болѣе ученое по этому предмету сочиненіе д-ра Эгли: „Nomina geographica. Versuch einer allgemeinen geographischen Onomatologie. Leipzig. 1872“, о которомъ читатель найдетъ нѣсколько свѣдѣній въ дополненіяхъ къ настоящей статьѣ.

Что касается до славянскихъ именъ мѣстъ, то въ нашей литературѣ уже давно была заявлена мысль о необходимости умѣть приводить ихъ въ подлинникѣ (см. *Сѣв. Пчелу* 1849, №№ 6—15 [1]); но эта мысль, теперь возобновленная въ научной обстановкѣ г-мъ Эрбеномъ, можетъ быть вполнѣ осуществлена только тогда, когда [264] будетъ составленъ соотвѣтствующій практической потребности словарь такихъ именъ: надобно, чтобы возлѣ каждаго установившагося давнимъ употребленіемъ нѣмецкаго имени можно было отыскивать первоначальное славянское, и наоборотъ. Примѣромъ для подобнаго труда можетъ служить словарь латинскихъ географическихъ названій, изданный въ 1861 году въ Дрезденѣ подъ заглавіемъ: „Orbis latinus oder Verzeichniss der lateinischen Benennungen der bekanntesten Städte etc., Meere, Seen, Berge und Flüsse in allen Theilen der Erde, nebst einem deutsch-lateinischen Register derselben, von Dr. J. G. Th. *Graesse*“ [2]). Въ славяно-нѣмецкомъ и нѣмецко-славянскомъ географическомъ словарѣ представилось бы много случаевъ для любопытныхъ лингвистическихъ сближеній и соображеній. Мимоходомъ позволю себѣ указать на одинъ подобный случай: мѣста, обильныя производствомъ соли, называются у Славянъ и у Нѣмцевъ подобозвучнымъ именемъ, находящимъ себѣ объясненіе въ греческомъ названіи соли, ἅλς: Галиція, Галичъ (Сольгаличъ), Halle, Hallein, Hallstadt, Reichen-Hall, и проч.

Независимо отъ общаго географическаго словотолкователя или корнеслова, о какомъ выше упомянуто, для насъ особенный интересъ имѣлъ бы этимологическій словарь многоязычныхъ географическихъ именъ въ предѣлахъ Россіи. Богатый матеріалъ для подобнаго словаря заключается уже въ лѣтописяхъ и въ Книгѣ Большому Чертежу. Въ древней Руси обнаруживается замѣчательное стремленіе перево-

---

[1]) Въ № 6 авторъ статьи, *Іоаннъ Рыльскій*, подписавшійся С., такъ жалуется на господствующее у насъ незнаніе первобытныхъ именъ мѣстъ въ странахъ, искони населенныхъ славянскими племенами: „Географическіе учебники, по большой части передѣлываемые съ нѣмецкихъ, наполнены искаженіями именъ городовъ и мѣстечекъ славянскихъ; если бы хоть въ скобкахъ ставили настоящее имя, какъ оно произносится тамъ славянскими туземцами, напримѣръ: Лембергъ (Львовъ), Аграмъ (Загребъ), Эссекъ (Осѣкъ) и т. д., но и того нѣтъ! Славянскій міръ, начинающій занимать любопытство всей Европы, остается совершенно неизвѣстнымъ нашему юношеству, поучающемуся изъ учебныхъ книжекъ всякаго рода ошибкамъ историческимъ и географическимъ“. Въ № 15 самъ издатель *Сѣв. Пчелы*, покойный Н. И. Гречъ, хотя и глумится надъ мыслію замѣнять нѣмецкія географическія названія славянскими однакожъ не отвергаетъ необходимости знать ихъ и приводитъ азбучный списокъ такихъ именъ (около 300), извлеченный изъ брошюры, напечатанной въ 1847 г. въ Вѣнѣ на *иллирійскомъ* языкѣ.

[2]) То-есть, Списокъ всѣхъ латинскихъ названій извѣстнѣйшихъ городовъ и проч., морей, озеръ, горъ и рѣкъ во всѣхъ частяхъ земного шара, съ приложеніемъ нѣмецко-латинскаго реестра ихъ, доктора Грессе.

дить инородческія названія мѣстъ. Правда, нѣкоторыя изъ нихъ вошли въ лѣтопись въ своемъ первоначальномъ и не всегда легко-объяснимомъ видѣ, какъ-то: Колывань (Ревель), Ругодивъ (Нарва), Раковоръ (Везенбергъ), Кесь (Венденъ), Людеревъ (Або) [1]; но многія другія, финскія, [265] шведскія и нѣмецкія названія являются либо переведенными по-русски, либо передѣланными на русскій ладъ.

Приведу нѣсколько примѣровъ того и другого случая.

1) *Примѣры перевода.*

Подъ 1054 г. Кединивъ, по другимъ спискамъ Кепедивъ, Декипивъ, переведено: *Солнца рука.* Это переводъ слова kädepäiwä; состоящаго изъ käsi (родит. пад. käden) — рука, и päiwä — солнце. Вѣроятно, финское слово было искажено лѣтописцемъ или переписчикомъ его. (См. Соф. Лѣт. I, 156; Никон. I, 144, и Карамз. II, пр. 144).

Подъ 1116 г. Оденпе — *Медвѣжья голова;* по-настоящему должно бы быть: Ohdonpää — городъ недалеко отъ Дерпта. (Объ этомъ во многихъ спискахъ; ср. Кар. II, прим. 217, 218).

Подъ 1300 г., при описаніи похода Торкеля Кнутсона и построенія имъ города на Невѣ, сказано: „похвалившеся окаяньніи, нарекоша его Вѣнецъ земли" (Нов. I, 67). Такъ переведено имя Landskrona; на нынѣшнемъ языкѣ точнѣе было бы: вѣнецъ края или страны.

Подъ 1311 г., въ описаніи похода на Емь, упомянуты разныя урочища, которыхъ мѣстоположеніе до сихъ поръ сомнительно, между прочимъ рѣки: Купецкая и Черная; подлинныя финскія имена нигдѣ не означены. (Новг. лѣт. I, 69; Соф. I, 295. Ср. Карамз. IV, 107 и прим. 214).

Подъ 1318 г. Aurajoki переведено: *Полная рѣка.* Настоящее финское названіе Awara joki (awara — обильный, обширный): Аурою и теперь называется рѣка, на которой стоитъ городъ Або. (Нов. I, 72. Ср. Кар. IV, 112, пр. 228, и еще Арх. Лѣт. подъ 1496 г.).

Подъ 1342, 1370, 1406 и 1444 г. Neuhausen переведено *Новый городокъ, Новгородокъ* (Новгор., Соф. и др. лѣтоп. Ср. Кар. IV, пр. 336, 338).

Подъ 1407 г. Вейсенштейнъ названъ *Бѣлый камень* (Псков. лѣт.). [266] Въ другихъ мѣстахъ онъ иногда означается еще и чудскимъ именемъ Пайда.

Подъ 1496 г., въ описаніи похода въ Каянскую землю, *на десять рѣкъ*, упомянуты между прочимъ рѣки: *Сиговая* и *Снѣжная* — названія, до сихъ поръ сохранившіяся въ финскихъ именахъ двухъ рѣкъ Siikajoki и Lumijoki, текущихъ по Остроботніи: обѣ впадаютъ въ

[1]) См. объ этихъ именахъ особое примѣчаніе въ концѣ настоящей статьи.

Ботническій заливъ къ югу отъ Улеоборга. Имя Сикаіоки является вторично въ исторіи финляндскаго похода 1808 г. (См. Описаніе Михайловскаго-Данилевскаго, стр. 84; ср. Соф., Никон., Арх. лѣт. и Кар. VI, пр. 432).

Подъ 1582 г. городъ Вольмаръ названъ *Володимерцемъ* въ спискѣ договора Запольскаго (Кар. IX, пр. 600). Это названіе встрѣчается и въ лѣтописи.

Потребность уяснять себѣ значеніе иноязычныхъ названій мѣстъ замѣчается рѣже у Шведовъ: даже названіе рѣки *Сестры*, по которой Орѣховскимъ миромъ утверждена граница между обоими смежными государствами, не переведено въ шведской редакціи договора 1323 г. [1]). Тамъ рѣка эта называется *Sester*; [267] да еще и гораздо позднѣе, въ 16-мъ вѣкѣ, встрѣчается она подъ этимъ именемъ въ шведскихъ актахъ. Нынѣшнее ея переводное названіе, отчасти употребляемое и у насъ — Systerbäck — утвердилось въ шведской дипломаціи не прежде, какъ во второй половинѣ 16-го столѣтія [2]). Настоящее финское имя этой рѣки — Rajajoki — явно возникло тогда, когда она сдѣлалась пограничною рѣкой (raja — граница, край [3]), а joki — рѣка); впро-

---

[1]) Шведскій текстъ этого договора см. въ журналѣ *Suomi*, Helsingfors 1841, стр. 64, и статью о нотеборгскомъ мирѣ въ *Kongl. Vitterhets* &c. *Academiens*, *Handlingar*, XX d., Sth. 1852, стр. 179 и 180. Въ этой статьѣ г. Гильдебрандтъ, авторъ ея, упоминаетъ, что въ стокгольмскомъ Государственномъ архивѣ есть русскій текстъ орѣховскаго договора. Вслѣдствіе того я въ 1856 году письменно отнесся къ умершему недавно (1874) государственному архиваріусу Нордстрэму, бывшему сослуживцу моему по Гельсингфорсскому университету, съ просьбою доставить мнѣ свѣдѣніе объ этомъ любопытномъ документѣ, такъ какъ въ Россіи текстъ древнѣйшаго договора съ Швеціею не сохранился ни въ подлинникѣ, ни въ переводѣ. Г. Нордстрэмъ тогда же обязательно доставилъ мнѣ списокъ шведскаго текста; относительно же русскаго отвѣчалъ, что онъ куда-то заложенъ и его на этотъ разъ не удалось отыскать. Въ 1875 году шведскій посланникъ въ Петербургѣ г. Дуэ передалъ мнѣ на просмотръ фотографическіе снимки съ двухъ, дѣйствительно найденныхъ въ томъ архивѣ, г. Рюдбергомъ, русскихъ текстовъ означеннаго договора, изъ которыхъ одинъ носитъ всѣ признаки подлинника, а другой — переводъ съ шведскаго или латинскаго. Вскорѣ послѣ того г. Рюдбергъ издалъ оба эти текста въ книгѣ: Sverges traktater med främmande magter (Договоры Швеціи съ иностранными державами. Стокгольмъ, 1877). Снимокъ съ русскаго текста тогда же былъ приложенъ мною къ статьѣ: „Библіографическія и историческія замѣтки“ въ XVIII томѣ *Сборника Отдѣленія р. яз и сл.*

[2]) Древнѣйшее названіе этой рѣки, финское — Siestarjoki, отчасти еще и теперь употребляется рядомъ съ болѣе извѣстнымъ Rajajoki, а уже отъ финскаго произошли русское и шведское, сходныя по звукамъ названія; по-фински же *siestain* зн. черная смородина. (Альквистъ).

[3]) Любопытно это слово raja въ финскомъ языкѣ: по санскр. râjis, по-русски *край* значатъ то же самое. Вѣроятно, Финны заимствовали это слово у русскихъ, откинувъ начальную согласную, какъ часто бываетъ при переходѣ иноязычныхъ словъ въ финскій языкъ.

чемъ, это значеніе имѣла она съ незапамятныхъ временъ, ибо договоръ Орѣховскій заключенъ былъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, „по старой пошлинѣ“, то-есть, по старинѣ.

Въ этомъ договорѣ, какъ и въ другихъ шведскихъ памятникахъ, Новгородъ постоянно называется *Nogard* или *Nougardt*; такъ и въ названіи *Нижняго* Новгорода ни шведы, ни другіе иностранцы никогда не давали себѣ труда объяснить и перевести приданный собственному имени эпитетъ.

Касательно названія *Орѣховъ, Орѣховецъ* или *Орѣшекъ*, замѣтимъ, что русскіе, построивъ эту крѣпость въ 1323 году, наименовали ее такъ потому, что финны самый островъ звали Päähkinä-saari (Орѣховый островъ). Впослѣдствіи и шведы, овладѣвъ этою крѣпостію, перевели на свой языкъ русское ея названіе словомъ Nöteborg.

2) *Примѣры передѣлокъ.*

Рядомъ съ переводными названіями попадаются въ древней русской географіи и такія, которыя составлены безъ всякой мысли о значеніи ихъ на другомъ языкѣ; тутъ проявляется часто та же потребность въ другомъ видѣ: чуждымъ звукамъ придается такая [268] форма, въ которой бы они представляли уму какой-нибудь смыслъ, хотя бы и ни на чемъ не основанный. Это бываетъ особенно тогда, когда подлинное названіе трудно объяснить, или когда происхожденіе его сомнительно. Сюда надо отнести названіе *Сердоболя* (ф. Sortawala), города впрочемъ новаго, возникшаго уже послѣ Столбовского мира. Была высказываема догадка, что оно происходитъ отъ фин. причастія sortawa, *разсѣкающій*, потому что селеніе построено у залива, далеко вдавшагося въ берегъ Ладожскаго озера [1]), слогъ же *la* служитъ часто окончаніемъ въ именахъ мѣстъ. Городъ *Стокгольмъ* называли у насъ постоянно и очень долго, даже въ началѣ 18-го столѣтія (см. „Первыя Русскія Вѣдомости“) — *Стекольна* [2]). Подлинное названіе значитъ *островъ бревна* и основано, по преданію, на томъ, что когда Новгородцы и Чудь разорили городъ Сигтуну, то жители этого города спрятали много золота и серебра въ бревно, которое и пустили по озеру Мелару, съ тѣмъ, чтобы заложить новое селеніе на мѣстѣ, куда бревно будетъ прибито волнами: оно остановилось у острова, гдѣ и

---

[1]) См. мои „Переѣзды по Финляндіи“, стр. 14 (нов. изд. въ „Трудахъ“, стр. 346). Профессоръ Гельсингфорскаго университета г. Альквистъ, который обязательно сообщилъ мнѣ нѣсколько замѣтокъ къ моимъ *Разысканіямъ*, отвергаетъ это производство и полагаетъ, что корень названія города *Сердоболя* покуда долженъ считаться неизвѣстнымъ. Любопытно, что русское имя, данное ему по созвучію съ финскимъ, въ црк.-сл. яз. значитъ родственникъ, а въ сербскомъ сходное съ нимъ „срдобоља“ — dysenteria.

[2]) Мнѣ случилось еще недавно слышать это названіе изъ устъ простолюдина.

основался Стокгольмъ (при Биргерѣ Ярлѣ, въ 13-мъ столѣтіи). *Царское Село* первоначально называлось *Сарскимъ* отъ финскаго слова *saari*, означающаго островъ или возвышенность посреди большого ровнаго мѣста, на какой построено это селеніе; названіе: *Царское*, вѣроятно, утвердилось въ народѣ еще прежде, нежели оно перешло въ официальный языкъ [1]). Ливонскій городъ *Виндау* въ нашихъ лѣтописяхъ попадается подъ именемъ *Вдовъ* (Кар. IV, прим. 304).

[269] Касательно имени *Холмогоры* были въ нашей литературѣ разныя объясненія (см. между прочимъ Карамз. II, прим. 62, и статью Верещагина въ *Иллюстраціи* 1847, № 25). Замѣтимъ, что оно въ лѣтописяхъ чаще пишется *Колмогоры*, а у Никона находимъ даже *Калмогары* (ч. IV, стр. 303). Основываясь на этомъ, покойный финляндскій профессоръ Акіандеръ (Utdrag ur Ryska Annaler, стр. 129) предлагалъ новую догадку: такъ какъ есть поводъ думать, что чудское кладбище находилось близъ Колмогаръ на Куръ-островѣ [2]), то первую половину имени можно производить отъ финскаго слова *kalma* — трупъ, покойникъ. Что касается второй половины, то у Зырянъ, Пермяковъ и Вотяковъ *kar* значитъ городъ, и около рѣки Оби есть много названій, въ составъ которыхъ входитъ *kar* — Войкаръ, Уркаръ, Шеркаръ, Искаръ (см. *Книга Большому Чертежу*, изд. г. Спасскимъ, стр. 204 — 207); все это были имена городовъ. Въ историческомъ атласѣ Павлищева, а также на Шубертовой подробной картѣ названіе *Гари* означено во многихъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда жили финскія племена, напримѣръ, близъ впаденія Унжи въ Волгу, и проч.

Нѣкоторыя имена мѣстъ являются просто передѣланными по требованіямъ народнаго слуха или выговора. Такъ, подъ 1310 г. встрѣчается названіе рѣки *Узьерва* (Новг. лѣт.; Урзево и Узерва по *Кн. Больш. Черт.*): оно взято съ финскаго uusi-järwi, что́ значитъ: новое озеро, то-есть, такое озеро (не рѣка), которое образовалось на глазахъ народа, — вѣроятно, нынѣшнее *Су́ванто* близъ зап. берега Ладожскаго озера. Это Су́ванто произошло, какъ думаютъ, такимъ образомъ, что рукавъ Вокши, который здѣсь также вливался въ Ладожское озеро, запрудился въ своемъ устьѣ — отъ того ли, что вода въ озерѣ убыла, или отъ устроенія искусственной плотины; притомъ же и слово *Су́ванто* по-фински значитъ: тихая вода въ *рѣкѣ, плесо.* Неудивительно, что лѣтописецъ по преданію назвалъ это озеро рѣкою. Въ 1850-хъ годахъ [270] перешеекъ, отдѣлявшій Су́ванто отъ Ладожскаго озера, прорытъ, и обѣ массы воды опять слились.

---

[1]) Въ официальныхъ актахъ это селеніе называлось *Царскимъ* уже съ 1725 года, но въ письменномъ языкѣ употреблялось еще долго и прежнее названіе; напримѣръ, оно встрѣчается у Ломоносова и Державина.

[2]) См. статью Базилевскаго въ *Сынѣ Отечества* 1847 г.

Карамзинъ (ч. IV, пр. 214) говоритъ: „Нынѣ обѣ сіи рѣки, Узерва и Вокса, называются Вокшею". Остановимся нѣсколько и на этомъ послѣднемъ названіи. *Wuoksi*, финское названіе рѣки, славящейся водопадомъ Иматрою, есть нарицательное имя и значитъ: теченіе, потокъ; русскіе называютъ ее Окса, Вокша (Кар. VII, прим. 154). Вѣроятно, того же происхожденія имя *Векса*, принадлежащее нѣсколькимъ рѣчкамъ въ губерніяхъ Ярославской, Костромской и Владимірской.

Названіе *Устюгъ* въ первой половинѣ своей русское, а во второй — финское: *югъ* образовалось изъ *juga* или правильнѣе joki (у Зырянъ ju), что̀ значитъ *рѣка;* потому Устюжане въ финскихъ памятникахъ иногда зовутся joensuiset, то-есть, живущіе при *устьѣ рѣки.* Вторая половина приведеннаго имени (Устюгъ) встрѣчается и въ названіи *Пинега,* которое въ переводѣ значитъ: *малая рѣка* (pieni = маленькій, ioga = рѣка). Покойный П. Г. Бутковъ высказалъ предположеніе, что имя *Ока* есть также измѣненное финское слово *joki.* Это съ перваго взгляда можетъ показаться невѣроятнымъ потому, что русскіе, заимствуя иностранныя слова, иногда не только не отбрасываютъ въ началѣ ихъ звукъ йота, но, напротивъ, приставляютъ его, когда слово начинается чистою гласною. Такъ имя *якорь* соотвѣтствуетъ греческому *ἄγκυρα*, др. шведскому ankari и проч. Но съ другой стороны, въ русскомъ языкѣ еще болѣе случаевъ противоположнаго измѣненія; то-есть, при заимствованіи собств. имени, имѣющаго въ началѣ своемъ йотъ, эта послѣдняя откидывается, и звуки *йе*, *йо* превращаются въ *о* или *а*. Такъ, изъ именъ Евстафій, Іосифъ, Евдокія, Елена образованы Остафій, Осипъ, Овдотья, Олена. Первообразомъ такого явленія служатъ нѣкоторыя нариц. имена, начинающіяся съ буквы *о*, какъ напр. озеро, олень, осень, коимъ въ церковно-славянскомъ соотвѣтствуютъ начинающіяся съ *е:* езеро, елень, есень. То же требованіе языка могло обнаружиться при передѣлкѣ слова *joki*, которое, впрочемъ, въ другихъ [271] частяхъ Россіи, какъ показано, перешло къ намъ въ иномъ видѣ.

Въ древнѣйшей изъ новгородскихъ подлинныхъ грамотъ (Кар. IV, прим. 114) между волостями новгородскими упоминается и *Перемь:* вотъ, слѣдовательно, первоначальная у насъ форма названія страны, которую скандинавы переименовали въ Біармію. Объясненія имени *Пермъ* должно, повидимому, искать въ сложномъ финскомъ словѣ: *Perämaa*, которое значитъ задняя, дальняя страна (perä = позади, maa = земля). Въ Географическомъ Словарѣ Щекатова, подъ словомъ Пермяки, приведено сообщенное Лепехинымъ преданіе, будто на Камѣ, верстахъ въ 50-ти отъ Гойны, жилъ необыкновенный силачъ, племени чудского, который назывался *Перя*, отъ чего, по мнѣнію составителя словаря, сначала семейство этого Геркулеса получило прозваніе *Перяковъ*, а потомъ и весь народъ стали, „для удобнѣйшаго выговора",

звать *Пермяками*. Коренные жители Перми сами себя называютъ *Коми* (Komi, Komilaiset, Komy) [1]), по имени р. Камы или, по ихъ произношенію; *Кумъ*, почему Акіандеръ и думаетъ, что Куманы, иначе Команы или Каманы, народъ, извѣстный въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Половцевъ, были одного происхожденія съ Пермяками, то-есть, Зыряне.

Здѣсь стóитъ нѣсколько остановиться на названіяхъ финскихъ народовъ вообще. По замѣчанію Кастрéна [2]), они или получили имена свои отъ какой-нибудь опредѣленной водной мѣстности, или слово *вода* просто входитъ въ составъ ихъ именъ. Такъ, *Мордва* въ переводѣ значитъ: народъ у воды; *Зыряне, Мокшане, Печора* — также названія, заимствованныя отъ водъ. Отъ финскихъ словъ, означающихъ *воду*, удобно производятся также названія Води, Вотяковъ и Веси [3]). Это понятіе на финскихъ языкахъ выражается [272] звуками: wa (зыр.), wu (вот.), wit (черем.), wesi или собств. wete (финск.), wäd (морд.); тотъ же корень встрѣчается во многихъ индо-европейскихъ языкахъ: вода, Wasser, vatten. Нѣкоторые финскіе народы сами себя называютъ просто людьми — mort (Зыряне) или mara (Черемисы). Отъ послѣдняго изъ этихъ словъ произошло, по мнѣнію Кастрена, встрѣчающееся у Нестора названіе финскаго народа Мери, жившаго къ западу отъ Черемисы около древняго Ростова. Такъ какъ этотъ теперь исчезнувшій народъ носилъ одно имя съ своими сосѣдями, Черемисою, то можно съ вѣроятіемъ принять, что Меря находилась въ близкомъ съ ними родствѣ. Другой, также не существующій болѣе народъ жилъ къ югу отъ Мери или къ западу отъ нынѣшней Мордвы, въ странѣ, гдѣ находится городъ Муромъ. Слово *Мурома* составлено изъ *mur* (а это то же, что mort или murt — человѣкъ) и *ma*, земля, край. Итакъ, въ буквальномъ переводѣ, Мурома значитъ народъ на землѣ, какъ Мордва — народъ у воды. Такимъ образомъ, судя по этимъ названіямъ, оба народа принадлежали къ одному и тому же племени, которое раздѣлялось на двѣ отрасли: жилища одной (Мордвы) были при рѣкѣ или озерѣ, а другая (Мурома) жила въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ воды. Чтобы совершенно выяснить генеалогію Мери и Муромы, надобно бы внимательно разсмотрѣть всѣ географическія имена не русскаго происхожденія, какія можно отыскать въ предѣлахъ древнихъ жилищъ обоихъ этихъ народовъ [4]).

Эти замѣчанія естественно приводятъ насъ къ одному названію,

---

[1]) Кастренъ въ Suomi 1845, стр. 9, и Акіандеръ въ Utdrag, стр. 123.

[2]) Suomi 1845, стр. 7.

[3]) Люди народа *Водь* сами себя называютъ Watja, Watjalaiset, а *Весь* — Watjäläiset: слѣдовательно мнѣніе Кастрена, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и правдоподобное, въ отношеніи къ этимъ двумъ названіямъ не оправдывается. (Альквистъ).

[4]) Кастренъ въ упомянутой статьѣ.

употребляемому петербургскими жителями для означенія Финновъ, населяющихъ окрестныя мѣста: разумѣю названіе *Маймистъ*. Оно образовалось изъ финскаго сложнаго слова *maa mies*, или *maan-mies* (maa — земля, mies — мужъ), которое значитъ: сельскій житель, туземецъ, землякъ. Отсюда видно, какъ нелѣпо мнѣніе тѣхъ, которые объясняли приведенное названіе финскимъ словомъ *en muista* — „не понимаю".

[273] Страна, въ которой возникъ Петербургъ, издревле называлась Ижерскою землею по имени обитавшаго въ ней финскаго народа, который самъ себя называлъ Ingrikot [1]), а въ нашей лѣтописи и другихъ старинныхъ памятникахъ именуется Ижерянами, Ижерцами или Ижерою. Это русское названіе, очевидно, передѣлано изъ иноземнаго съ опущеніемъ несвойственнаго намъ носового звука послѣ начальной гласной и съ обращеніемъ буквы *г*, по общему закону, въ *ж* передъ гласною *е* (Ingermanland). Обратимъ вниманіе на нѣкоторыя географическія имена въ здѣшнемъ краю. Ладожское озеро, какъ было извѣстно и Карамзину (И. Г. Р. I, пр. 485, и III, пр. 244), нѣкогда называлось *Альдога*, отъ чего получилъ названіе и городъ *Альдейгаборгъ* (вѣроятно, старая Ладога), упоминаемый въ скандинавскихъ сагахъ. Имя Альдога легко могло обратиться у насъ въ Ладога, потому что такое перемѣщеніе звуковъ — въ духѣ славянскихъ языковъ, которые вообще не начинаютъ словъ съ буквы *а*. Но что̀ за слово *Альдога*? Финск. Aalto зн. волна: озеро, грозное своими бурями, легко могло отъ этого признака получить свое названіе на языкѣ прибрежныхъ обитателей; въ такомъ случаѣ первоначальною формой имени его было бы Aaltoka. Впрочемъ, надобно прибавить, что нынѣшніе финны зовутъ это озеро, по примѣру русскихъ — Laatoka и что съ другой стороны волна по др.-сканд. alda, откуда финны могли заимствовать свое aalto [2].

Въ лѣтописи и въ *Книгѣ Большому Чертежу* это озеро носитъ еще названіе *Нево*, которое на финскомъ языкѣ (newa) значитъ болото или топь [3]). Замѣчательно, что, подобно нашей Невѣ, многія рѣчки Рязанской губерніи означаются именемъ, которое на мѣстномъ нарѣчіи имѣетъ то же значеніе; это имя: *Ря́са* [4]); оно такъ [274] объяснено въ

---

[1]) Отъ слова inger—рѣчка (Акіандеръ въ Utdrag, стр. 54).

[2]) Ср. Приложенія А. А. Куника къ статьѣ Б. А. Дорна *Каспій* въ *Зап. Ак. Наукъ*, т. XVI, стр. 393 и др. мѣста.

[3]) Слово newa, по всей вѣроятности, сродни нашему *нива*, первоначальное значеніе котораго есть также — низменное, топкое мѣсто.

[4]) Конечно, отсюда и названіе города Рясска, который давно забылъ свое происхожденіе и въ книжномъ языкѣ принялъ форму *Ряжска*. Народное чутье до сихъ поръ отвергаетъ эту форму, и окрестные жители называютъ этотъ городъ всегда прилагательнымъ именемъ *Рясское* (село); они говорятъ: *изъ Рясскаго, въ Рясскомъ*.

Опытѣ Областного Словаря: „топкое или просто мокрое мѣсто". Шведы передѣлали финское названіе нашей Невы въ Nyen (произн. Нюэнъ), такъ что, когда въ 17-мъ столѣтіи они построили на ней новое укрѣпленіе, то наименовали его *Nyenskans*, то-есть, Невскій шанецъ. Такое сложное слово для русскихъ было слишкомъ мудрено, и при взятіи Нюэнсканса Петромъ Великимъ, они сократили это имя и стали произносить его просто: *Канцы* [1]) (см. „Первыя Русскія Вѣдомости"); государь переименовалъ новозавоеванное укрѣпленіе въ *Шлотбургъ* (шв. slott = нѣм. Schloss, за́мокъ).

Названіе озера *Ильмень*, или *Ильмерь*, по мнѣнію нѣкоторыхъ, передѣлано изъ финскаго *yli-meri*, верхнее море. Можно бы также думать, что оно въ родствѣ съ финскимъ прилагательнымъ *ilmeinen* — открытый, обширный; но отъ этого сближенія заставляетъ отказаться свѣдѣніе, доставляемое Областнымъ Словаремъ. Тамъ мы находимъ слово *ильмень*, какъ нарицательное имя съ двоякимъ значеніемъ: 1) широкій разливъ рѣки, похожій на озеро; 2) озеро, обросшее камышемъ. Въ первомъ значеніи слово подслушано въ Астраханской губерніи, во второмъ оно отнесено къ Землѣ Донскихъ казаковъ. Первое напоминаетъ слово *Лиманъ*; мы и его находимъ въ Областномъ Словарѣ съ такимъ объясненіемъ: „Чистое озеро, безъ камыша и тростника. Дон.". Итакъ, и Ильмень и Лиманъ означаютъ: во-1-хъ, широкій разливъ рѣки; во-2-хъ, озеро. Отсюда рождается вопросъ: не одно ли это слово въ двухъ разныхъ формахъ, изъ которыхъ послѣдняя представляетъ только перемѣщеніе звуковъ въ началѣ слова и другую гласную въ срединѣ его? Такое предположеніе совершенно подкрѣпляется Книгою Большому Чертежу, гдѣ о рѣкѣ [275] Днѣпрѣ нѣсколько разъ упоминается, что она впадаетъ въ „проливу морскую въ *Ильменъ*", (см. изд. Єспасскаго стр. 77, 99 и 102). Тожество обоихъ словъ было уже замѣченно г. Спасскимъ, который поставилъ ихъ рядомъ въ своемъ Указателѣ, а въ примѣчаніяхъ говоритъ: „Лиманъ, а по старинному Ильмень". Только напрасно, кажется, онъ производитъ эти названія отъ греческаго слова *Λίμνη* — озеро, прудъ, „отъ котораго", прибавляетъ г. Спасскій, „вѣроятно, получило свое имя и озеро Ильмень близъ Новгорода". Сходство звуковъ здѣсь объясняется скорѣе родствомъ языковъ одного корня: слово *Ильмень*, конечно, славянское. Вѣроятно, въ родствѣ съ нимъ находится и назва́ніе германской рѣки Ilmenau, впадающей въ Эльбу (Лабу), по берегамъ которой нѣкогда жили Славяне (въ Ilmenau окончаніе есть нарицательное имя *au*, *aue*, которое сродни латинскому aqua, готскому ahwa и значитъ: 1) рѣка, 2) страна, лежащая при водахъ и плодородная. Есть и городъ Ilmenau.

[1]) Эта форма имени заимствована, вѣроятно, съ финскаго: финны не могутъ произнести шведскаго skans иначе какъ kansi.

Въ тѣхъ частяхъ Россіи, гдѣ первобытное населеніе состоитъ, или прежде состояло изъ инородцевъ, которыхъ языки не исчезли, большое число названій объясняется очень легко. Это относится, между прочимъ, къ Сѣверной Россіи: въ Олонецкой и въ Архангельской губерніяхъ многія, повидимому, русскія мѣстныя имена образованы изъ финскихъ словъ. Нѣсколько примѣровъ тому уже приведено выше; такъ и названіе извѣстнаго водопада *Кивачъ* происходитъ отъ слова kivi (камень, порогъ); названіе *Кандалажской* губы состоитъ изъ словъ: kanta (край, уголъ, рогъ, отъ нѣм. Kante) и lahti (заливъ): это угольная, рогообразная губа Бѣлаго моря. Легко было бы привести цѣлый рядъ такихъ именъ. Извѣстно, что иногда и коренныя русскія названія мѣстъ и урочищъ объясняются областными или и общеупотребительными нарицательными именами: напримѣръ, Кострома, Калуга, Тула, Великія Луки, Свирь, Мотыра, Лукавка (см. Словари Областной и Даля). Особенно интересную сторону дѣла представило бы сравненіе русскихъ названій мѣстъ съ западно- и южно-славянскими.

[276] Вотъ нѣсколько, хотя и скудныхъ, матеріаловъ и намековъ для русскаго географическаго словотолкователя. Но покуда осуществится идея подобнаго труда, требующаго большой учености и даже участія нѣсколькихъ лицъ, на первый случай было бы весьма полезно издать, по мысли покойнаго академика Кеппена, простой алфавитный списокъ всѣхъ географическихъ именъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи съ означеніемъ на каждомъ имени ударенія. Это было бы тѣмъ нужнѣе, что въ издаваемомъ П. П. Семеновымъ „Географическомъ и Статистическомъ Словарѣ“ произношеніе именъ не отмѣчено, тогда какъ оно во многихъ случаяхъ сомнительно; напримѣръ, не всѣ знаютъ, какъ выговаривать: Сухона, Кубенское (оз.), Мезень, и къ сожалѣнію въ общемъ употребленіи этихъ и другихъ названій преобладаетъ произношеніе ошибочное. При такихъ именахъ какъ *Мезень*, надобно бы означать и родъ ихъ (муж. или женск.).

ДОПОЛНЕНІЯ.

I (къ стр. 196).

Относительно именъ: *Колывань*, *Ругодивъ*, *Раковоръ*, *Людеревъ* и другихъ имъ подобныхъ мы находимъ объясненія и догадки въ брошюрѣ покойнаго Нейса (H. Neus), изданной въ Ревелѣ 1849 года подъ заглавіемъ: „Revals sämmtliche Namen, nebst vielen andern, wissenschaftlich erklärt“.

Раковоръ образовано изъ эстонскаго Rakwer, Rakkowerre, въ которомъ, по мнѣнію Нейса, окончаніе werre соотвѣтствуетъ слогу fer въ нѣмецкихъ названіяхъ эстляндскихъ имѣній, а этотъ слогъ можно сопоставить съ гот. fera, др. верх. нѣм. fira, страна, край, и съ финскимъ wieri, кайма, сторона. Нейсъ полагаетъ, что придуманная къ объясненію приведеннаго имени финская форма Rahkawuori (болотистая гора) произвольна.

Названіе *Ругодивъ*, какъ онъ думаетъ, можетъ происходить отъ имени Röge, которымъ въ книгѣ Liber census Daniæ означается [277] страна по берегу Пейпуса, къ сѣверу отъ Дерпта, и которое можетъ быть объяснено эстонскимъ roog, тростникъ, камышъ.

Городъ *Людеревъ* (Або), по изслѣдованіямъ Лерберга (Untersuchungen, стр. 191, 196 и д.) получилъ это имя отъ своего строителя Людера.

Что касается до названія *Колывань* (Ревель), то производство его отъ имени Св. *Олава*, которому посвящена знаменитая церковь въ этомъ городѣ, кажется мнѣ въ высшей степени натянутымъ, и такъ какъ авторъ брошюры самъ напослѣдокъ отказывается отъ этого производства, то не совсѣмъ понятно, къ чему можетъ служить длинный рядъ сближеній для подкрѣпленія его. То же можно сказать и о стараніи пріурочить *Колывань* къ миѳическому Kallevi. Всего важнѣе для объясненія этого имени приводимое въ книжкѣ указаніе покойнаго Святнаго на существующее въ народномъ языкѣ слово *голыванъ*, что̀ значитъ скала или, въ бранномъ смыслѣ, бѣдняга, хотя, впрочемъ, и это сходство звуковъ еще не разрѣшаетъ вопроса: отчего бы *г* превратилось въ *к?* Но существованіе двухъ городовъ этого имени въ двухъ отдаленныхъ концахъ Россіи заслуживаетъ вниманія. Имя это можетъ быть сродни литовскому kalwas, холмъ, латыш. kalws, мысъ, эст. kaljo, скала, гора (Нейсъ, стр. 66). Съ другой стороны однакожъ надо имѣть въ виду, что въ одной изъ скандинавскихъ сагъ рѣчь идетъ о горѣ Kallava, въ которой жили два карла, самые искусные въ кузнечномъ дѣлѣ. Такъ какъ финны славились этимъ мастерствомъ, то позволительно считать названную гору финскою [1]).

Къ числу топографическихъ именъ, переведенныхъ въ русской лѣтописи, относится еще названіе *Клинъ*, встрѣчающееся подъ 1132 годомъ (I *Новг.* стр. 383. II *Новг.* стр. 15). Оно [278] объяснено покойнымъ академикомъ Шегреномъ, который узналъ въ немъ переводъ подобозначащаго эстонскаго имени Wagia или Waiga, служившаго названіемъ части нынѣшняго Дерптскаго округа. При этомъ Шегренъ

[1]) Изъ доставленной мнѣ А. А. Куникомъ рукописной замѣтки его съ выпиской изъ Saga Didriks konungs af Bern. Christiania 1853 (Гл. 58, стр. 66). Ак. Куникъ прибавляетъ, что такъ какъ въ имени Kallava первое a, судя по двойной согласной, было короткое, то оно должно было въ русской передѣлкѣ слова перейти въ о (Колывань). Впрочемъ, онъ сознается, что вопросъ этимъ еще не разъясненъ.

приводитъ также имена: *Медвѣжья Голова* (см. выше стр. 196) и *Городъ Воробіинъ*, эст. Warbale (I *Новг.* стр. 451). См. Mém. de l'Ac. Imp. d. Sc., VI Série, Sc. pol. &c., t. I, pag. 325.

II (къ стр. 193—4).

Упомянутое выше сочиненіе профессора Цюрихскаго университета д-ра Эгли, „Nomina geographica", по самой новости своего содержанія, не могло избѣгнуть многихъ пробѣловъ и даже невѣрностей въ объясненіи географическихъ именъ. Но важно то, что авторъ со времени изданія этой книги (1872 г.) остается вѣренъ своей задачѣ и не перестаетъ стремиться къ возможно удовлетворительному ея рѣшенію. Какъ скоро я узналъ о существованіи его труда вскорѣ по выходѣ перваго изданія „Филологическихъ Разысканій" (1873), я послалъ г-ну Эгли въ Цюрихъ оттиски моихъ статей: „О названіяхъ мѣстъ" и „Откуда слово Кремль". Ознакомившись съ ними черезъ переводчика, швейцарскій ученый вступилъ со мною въ переписку и недавно прислалъ мнѣ оттискъ своей статьи: „Über den gegenwärtigen Standpunkt der geographischen Onomatologie" (О настоящемъ состояніи географической ономатологіи) изъ IX тома „Geographisches Jahrbuch". Этотъ трудъ распадается на два отдѣла: общій и частный. Въ началѣ перваго авторъ съ особеннымъ сочувствіемъ останавливается на моей статьѣ о названіяхъ мѣстъ, и изложивъ ея содержаніе съ дословнымъ извлеченіемъ основныхъ мыслей, замѣчаетъ: „Gewiss hat der Verfasser das Verdienst in geschickter Weise das onomatologische Studium angeregt zu haben, und es bedarf besonderer Anerkennung, dass er in demselben keineswegs eine blosse philologische Arbeit, sondern eine allseitig zu beleuchtende Untersuchung erblickt. Es darf wohl als mehr denn ein zufälliges Zusammentreffen betrachtet werden, [279] dass, während der russische Sprachforscher diese Anregung schrieb, die von ihm gewünschte Arbeit schon seit Jahren in Angriff genommen war (ja bald zum Drucke gehen sollte), und zwar nicht bloss in dem Sinne eines Lexikons, sondern zugleich einer Verwerthung des Sammelmaterials zu dem Zwecke, eine förmliche Disziplin daraus hervorgehen zu lassen" [1]). Подъ этимъ тру-

---

[1]) Т. е. „Автору безспорно принадлежитъ та заслуга, что онъ умѣлъ возбудить интересъ къ изученію ономатологіи, и надо съ особенною признательностью отмѣтить, что она для него составляетъ предметъ не одной только филологіи, но область изслѣдованія, требующую всесторонняго освѣщенія. Можно видѣть не одно случайное совпаденіе въ томъ, что въ то самое время, когда русскій филологъ писалъ это, трудъ, какого онъ желалъ, уже много лѣтъ подготовлялся (и даже долженъ былъ вскорѣ поступить въ печать), притомъ не въ видѣ словаря только, а съ разработкою всего матеріала, дабы послужить основаніемъ особой отрасли науки".

домъ г. Эгли разумѣетъ именно свою книгу „Nomina geographica" (Лейпцигъ, 1870 — 1872, VIII и 928 стр.). Она состоитъ изъ двухъ частей: 1) словаря, и 2) разсужденія. Словарь содержитъ болѣе 17.000 географическихъ именъ, и при каждой статьѣ, сверхъ толкованія именъ, означено положеніе мѣста или урочища, а также сдѣлана попытка тщательно мотивировать номенклатуру. Во второй части авторъ между прочимъ приходитъ къ заключенію, что географическія названія бываютъ двоякія: естественныя и культурныя, смотря по тому, истекли ли они изъ самыхъ особенностей мѣстности, или даны извнѣ вслѣдствіе разныхъ культурныхъ соображеній. Каждая изъ этихъ точекъ зрѣнія распадается опять на множество частныхъ видовъ, смотря по особеннымъ наклонностямъ и направленіямъ, свойственнымъ той или другой ономатологической средѣ. Общій выводъ автора тотъ, что географическая ономатологія есть результатъ духовныхъ особенностей народа или эпохи и отражаетъ какъ степень просвѣщенія, такъ и культурное направленіе различныхъ центровъ (Herde, очаговъ). Здѣсь авторъ видитъ одинъ изъ пробныхъ камней будущей психологіи народовъ; здѣсь, говоритъ онъ, географія и культурная исторія братски подаютъ другъ другу руку.

[280] Далѣе г. Эгли указываетъ на другую статью свою: „Der Dienst der geographischen Namen im Unterrichte" (Услуга географическихъ именъ въ преподаваніи), напечатанную въ „Zeitschrift für Schulgeographie" (1880). Въ ней онъ весьма убѣдительно развиваетъ мысль, что объясненіе именъ можетъ придать совершенно новый интересъ изученію географіи и служить важною опорой для памяти. „Эти іероглифы, эти странныя фигуры для зрѣнія и слуха, которыя лишь по принужденію поддаются памяти, могутъ обратиться въ привѣтливыя свѣтила, въ пріятные звуки и сдѣлаться намъ родными на всю жизнь.... Вслѣдствіе многолѣтняго опыта могу завѣрить, что тутъ кроется богатый источникъ плодотворнаго интереса, которымъ до сихъ поръ вовсе не пользовались, о которомъ даже и не помышляли въ учебной практикѣ". Мысль эта отчасти уже осуществлена въ изданной тѣмъ же г. Эгли „Praktische Erdkunde" (во 2-мъ изданіи: Neue Erdkunde). Недавно (1881) нѣмецкій педагогъ Волькенгауэръ въ томъ же журналѣ сочувственно отозвался объ этой попыткѣ и замѣтилъ, что послѣ поданнаго г-мъ Эгли примѣра многіе географическіе учебники уже обратили вниманіе на эту сторону преподаванія.

Въ частномъ отдѣлѣ своей брошюры (Über den gegenwärtigen Standpunkt и пр.) г. Эгли сообщаетъ библіографическій обзоръ всѣхъ относящихся къ его предмету статей и книгъ, какія за послѣднее время (большею частью не далѣе 1870 г.) появились въ разныхъ странахъ Европы. Многія изъ нихъ заслуживали бы особеннаго вниманія и въ нашемъ ученомъ и педагогическомъ мірѣ, гдѣ до сихъ поръ

вопросъ о важности объясненія географическихъ именъ оставался почти не тронутымъ.

Въ концѣ брошюры, г. Эгли обращается ко всѣмъ авторамъ и издателямъ какихъ бы ни было сочиненій, статей или матеріаловъ по географической ономатологіи, на какомъ бы ни было языкѣ, съ просьбою присылать ихъ къ нему или хоть сообщать ему точныя ихъ заглавія, адресуя: Professor J. J. Egli in Zürich.

---

[281] ОТКУДА СЛОВО КРЕМЛЬ?

1864 г.

Укрѣпленная, стѣнами огражденная часть Москвы и многихъ другихъ старинныхъ городовъ русскихъ называется *кремлемъ*, а одно изъ укрѣпленій древняго Пскова извѣстно было подъ именемъ *крома:* не одного ли происхожденія эти два названія, столь близкія одно къ другому и по формѣ и по значенію?

Нарицательное имя *кромъ* до сихъ поръ не исчезло изъ языка, по крайней мѣрѣ въ соединеніи съ предлогомъ *за: закромъ* означаетъ „забранное досками мѣсто въ видѣ неподвижнаго ларя" (*Толковый Словарь* Даля). То же самое, но въ болѣе обширномъ смыслѣ, значило старинное слово *кромъ*, часто встрѣчающееся въ Псковской лѣтописи какъ названіе укрѣпленія. Въ первый разъ оно употреблено тамъ подъ 1393 (6901) годомъ въ слѣдующемъ извѣстіи: „Заложиша Псковичи перси [1]) у крома, стѣну камену". Слѣдовательно, псковской *кромъ* былъ прежде деревянный. Кажется, онъ, согласно съ нынѣшнимъ значеніемъ *закрома*, служилъ сверхъ того запаснымъ хлѣбнымъ магазиномъ. Это заключеніе можно вывести изъ словъ лѣтописца при описаніи голода подъ 1422 годомъ: „А въ Псковѣ тогда быша старыхъ лѣтъ клѣтки всякаго обилія изнасыпани на *крому*" *(Пск. вторая лѣт.)*. Авторъ *Историческаго описанія города Пскова* (Спб. 1790), Ильинскій, постоянно и принимаетъ это слово въ исключительномъ значеніи запаснаго хлѣбнаго магазина и пишетъ *кромъ* съ маленькой буквы (см. въ его книгѣ стр. 38 и 43). Онъ старается опредѣлить и мѣсто *крома:* по его мнѣнію, оно было „близь соборной Троицкой церкви за Домантовой стѣной, на Псковѣ рѣкѣ". Съ конца 14-го столѣтія лѣтописецъ нерѣдко [282] упоминаетъ, что на *крому* то ставили *костеръ* (башню), то закладывали *перси.* Такимъ образомъ *кромъ* получилъ значеніе укрѣпленія, но первоначально это слово означало только огороженное мѣсто, охранное строеніе.

---

[1]) Брустверъ (Примѣч. издателя лѣтописи).

Изъ положенія *псковскаго крома* наши лексикологи заключили, что *кромъ* значитъ вообще „*внѣшнее* городовое укрѣпленіе". Но это трудно доказать даже съ помощію нарѣчія *кромѣ:* въ основаніи его лежитъ конечно понятіе исключенія, — пожалуй, сторонности, внѣшности, не только въ такомъ смыслѣ, что все, заключающееся въ *крому*, будетъ находиться внѣ прочаго. Что имя *кромъ* встарину дѣйствительно употреблялось въ значеніи крѣпости *вообще*, доказывается однимъ мѣстомъ синодальной библіи 1499 года, гдѣ сказано: „Обиташе же Давидъ въ *крому*" (1 *Паралип.* 11, 7). Тутъ слово *въ крому* соотвѣтствуетъ выраженію Вульгаты „in arce" и въ Острожской библіи замѣнено словомъ: *во обдержаніи* (въ Лютеровомъ переводѣ: „auf der Burg", во французскомъ „dans la citadelle"). Противъ приведеннаго мѣста въ синодальной библіи на полѣ приписано: инъ арце или въ вышегородцѣ [1]).

При словѣ *кромъ* должно упомянуть и объ особенномъ мѣстномъ употребленіи множественнаго числа его. *Кромы* во Владимірской губерніи означаетъ „ткацкій станъ со всѣмъ приборомъ и съ основою". Даль въ своемъ Толковомъ Словарѣ выводитъ изъ этого и названіе извѣстнаго города Орловской губерніи, но тутъ нашъ почтенный лексикографъ едва ли правъ: городъ *Кромы* названъ такъ по имени рѣчки *Кроми*, которая протекаетъ подъ нимъ и впадаетъ въ Оку [2]).

[283] Рядомъ съ именемъ муж. р. *кромъ* есть еще имя женское, *крома* — ломоть хлѣба во всю ковригу (по Далю), или и вообще толстый ломоть чего-нибудь (по акад. словарю), и уменьшительное его *кромка* — тотъ завершенный край матеріи, гдѣ нитка не высыпается; иногда же и просто край, кайма и т. д.

Особенно любопытно записанное Востоковымъ (см. *Церк.-Слав. словарь* его) старинное слово *кромьство* — внутренность.

Изъ предложныхъ именъ этого корня замѣтимъ *укроміе* — воздержаніе.

Между другими частями рѣчи того же происхожденія первое мѣсто принадлежитъ нарѣчію *кромѣ*, которое собственно не что иное, какъ мѣстный падежъ имени *кромъ* [3]). Встарину это нарѣчіе встрѣчалось

---

[1]) Указаніемъ этого мѣста изъ синодальной библіи обязанъ я И. И. Срезневскому.

[2]) Въ Воскресенской лѣтописи упомянутъ городъ *Кромъ* одновременно съ Москвою, т. е. около середины 12-го столѣтія (*И. Г. Р.*, т. II, пр. 302). Вновь построенъ онъ при Ѳедорѣ Ивановичѣ, какъ пограничное укрѣпленіе противъ Татаръ, и тогда уже названъ *Кромы*. Заключается ли въ названіи рѣки *Кромь* какое-нибудь понятіе, объ этомъ трудно судить безъ точнаго знакомства съ мѣстностью.

[3]) Будучи мѣстнымъ падежомъ и соотвѣтствуя нынѣшнему *кромѣ*, это нарѣчіе первоначально должно было выражать идею изъятія посредствомъ огражденія отъ всего окружающаго: предполагаемый именительный падежъ долженъ быть *кромъ*, а не *крома*. Впослѣдствіи исконное значеніе слова забылось, и *кромѣ* дѣйствительно сдѣлалось равносильнымъ областному *сторонь*, приводимому г. Буслаевымъ.

еще въ формѣ *кромь* (Словарь Востокова). Его значеніе было: *опричь, внѣ, въ сторонѣ.*

Присоединимъ къ этому глаголъ *кромить* — отдѣлять, отгораживать (закромить, напр. гряду — „поставить кромки, обнести досками, чтобы не осыпалась“ — Даль) и старинныя прилагательныя *кромный* и *кромѣшній* — внѣшній, также *укромный* (уютный, въ церк.-слав. воздержный) и *скромный* (воздержный, въ самомъ себѣ замкнутый). Ср. чеш. kromni, частный.

Изъ противоположности въ значеніи словъ *кромъство* и *кромъ, кромный* слѣдуетъ, что понятіе внѣшности не есть существенное въ корнѣ слова и что *кромъ* означаетъ только нѣчто отдѣльное, само въ себѣ замкнутое, особо стоящее, а не именно наружное. Понятіе внѣшности придано его производнымъ по отношенію содержанія его къ постороннимъ предметамъ.

Переходя теперь къ слову *кремль,* замѣтимъ, что поводъ къ сближенію обоихъ названій заключается уже въ томъ, что самое [284] слово *кромъ* въ эрмитажномъ спискѣ *Псковской лѣтописи* написано однажды *кремъ,* что́ и означено между варіантами текста, изданнаго Археографическою комиссіею (*Первая лѣт.* стр. 194). Эта форма *кремъ* псков. лѣтописи указана уже Шимкевичемъ подъ словомъ *кремень* и едва ли можетъ считаться простою опиской, если принять въ соображеніе, что самое нарѣчіе *кромѣ* встрѣчается въ видѣ *кремѣ* (*Изборн.* 1073 г., 253: „еже *кремѣ* сихъ то не въ роцѣ“ [1]). Изъ другихъ славянскихъ языковъ, въ которыхъ оно равнымъ образомъ довольно распространено, словацкій имѣетъ также форму krem, kreme (см. Линде и Юнгмана).

Весьма важно для нашего сближенія извѣстіе, прочитанное Карамзинымъ въ Троицкой (впослѣдствіи утраченной) лѣтописи: „погорѣ (1331 мая 3) городъ *Кремникъ* на Москвѣ“. Здѣсь *Кремникъ* есть, кажется, не что иное, какъ видоизмѣненіе знакомаго намъ слова *кромъ* чрезъ посредство прилагательнаго *кромный,* или *кремный* (замкнутый въ себѣ, огороженный). П. М. Строевъ, справедливо отвергая догадку Карамзина, будто *кремль* происходитъ отъ *кремня,* замѣчаетъ: „Въ лѣтописи могло быть *кромникъ:* цитадель псковская называлась *кромъ*“ [2]). Здѣсь Строевъ уже весьма близко подходитъ къ истинѣ; но ему неизвѣстна была другая форма слова *кромъ* съ гласною *е,* и онъ не имѣлъ въ виду той легкости, съ какою звуки *о* и *е* смѣняются въ словахъ одного корня. Поэтому вѣроятно, что уже въ первые вѣки послѣ построенія Москвы укрѣпленная ея часть, вышгородъ, называлась *кремникомъ,* и такъ какъ тогда городъ еще не могъ имѣть

---

[1]) По указанію И. И. Срезневскаго.

[2]) См. *Указатель* при *Выходахъ царей и великихъ князей.* М. 1844.

каменныхъ стѣнъ, то ясно, что *кремникъ*, такъ же какъ и *кромъ* вначалѣ означалъ обнесенное деревянными стѣнами укрѣпленіе. *Кремникъ* и *кремль* — конечно слова одного происхожденія. Послѣднее названіе, по замѣчанію Строева, въ нашихъ историческихъ актахъ встрѣчается не прежде временъ Ѳедора Ивановича [1]); [285] но слѣдуетъ ли изъ этого, что и въ народѣ оно не употреблялось ранѣе? Доказательство, что оно было извѣстно и до указанной г. Строевымъ эпохи, представляетъ опять синодальная библія 1499 г., гдѣ въ 1 *Ездр.* 6, 2, имя *кремль* придано Экватанѣ [2]). Что оно имѣло значеніе не мѣстное, не собственнаго имени, а общее, какъ имя нарицательное, въ этомъ удостовѣряетъ насъ, сверхъ появленія *кремлей* во многихъ городахъ, еще и образъ письменнаго употребленія слова: кромѣ приведеннаго случая изъ синодальной библіи, важно въ этомъ отношеніи также мѣсто, выписанное Востоковымъ изъ хронографа 16-го вѣка, гдѣ слово *кремль* означаетъ дворецъ болгарскихъ государей: „црь Никифоръ на болгары поиде.... и побѣди ихъ крѣпко, яко и г лемаго двора князя ихъ иже есть *кремль* пожещи его". Правда, Востоковъ прибавляетъ: „Не ошибка ли вмѣсто *Крумъ*, имени князя болгарскаго [3])? И дѣйствительно", продолжаетъ онъ „въ Амартолѣ 1456 г.: яко и г лемаго двора князя их иже апто крумля пожещи". Но для насъ знаменательна именно ошибка, доказывающая близкое знакомство переводчика или переписчика съ словомъ *кремль* [4]).

Впрочемъ, это или подобозвучное имя, въ значеніи крѣпости, было извѣстно не однимъ русскимъ, а и другимъ славянамъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ, какъ видно изъ слѣдующаго стиха народной хорутанской пѣсни:

Oj ti preljuba kremliza, ki si nasabraniza [5]).

[286] Сюда же относится, вѣроятно, и названіе древней венгерской крѣпости Kremnitz (кремница = кремникъ). Еслибъ имѣть въ рукахъ точные указатели названій мѣстъ въ разныхъ славянскихъ странахъ, то, можетъ быть, нашлись бы и другія мѣста, отмѣченныя подобными именами. По Россіи разбросано много древнихъ городовъ и селеній,

---

[1]) Тамъ же.

[2]) *Историч. Грамм.* Буслаева, ч. II, стр. 9.

[3]) Крумъ, или Кремъ, сильный болгарскій государь въ началѣ 9-го столѣтія (*Сл. Др.* Шафарика, т. II, кн. I, стр. 281).

[4]) Нужнымъ считаю однакожъ оговориться: здѣсь *кремль* могло быть и не ошибкою, а правильнымъ притяжательнымъ отъ личнаго имени *Кремъ*, какъ *Ярославль* отъ *Ярославъ*. Итакъ, наше *кремль* ужъ не названіе ли болгарскаго Кремова замка, перенесенное на всѣ подобныя постройки? Допустить этого нельзя, тѣмъ болѣе, что какъ увидимъ сейчасъ, и въ другихъ славянскихъ земляхъ встрѣчаются сходныя названія. Да и чѣмъ бы объяснялся тогда *кремникъ* 1331 года?

[5]) Urban Jarnik, Versuch eines Etymologikons der slowenichen Mundart, Klagenfurt 1832, стр. 237.

въ названіяхъ которыхъ слышатся звуки, принадлежащіе, кажется, тому же корню. Не легче ли объясняются такимъ образомъ имена: *Кременецъ*, *Кременчугъ* (первоначально Кременчикъ?), *Кременчуки*, *Кременичи*, *Кременки*, *Кременскъ*, *Кременная* слобода, *Кременская* станица и *Кремлево* [1]), нежели съ помощью *кремня?* Непонятно было бы, отчего въ Россіи такъ много селеній названо по имени этого твердаго камня, тогда какъ далеко не всѣ исчисленныя названія означаютъ сильныя крѣпости, да и тѣ изъ нихъ, которыя издревле составляли укрѣпленныя мѣста, въ началѣ конечно не имѣли каменныхъ укрѣпленій. Гораздо естественнѣе принять, что въ этихъ именахъ [287] основное понятіе есть именно то, которое заключается въ словѣ *кромъ*, т. е. понятіе мѣста огороженнаго, обнесеннаго стѣнами, какъ бы закромленнаго. То же самое значилъ первоначально *городъ*, и мы также находимъ селенія подъ названіями *Городецъ*, *Городня*, *Городище* и т. п. Московская крѣпость въ письменномъ языкѣ долго называлась *Городъ*, *Каменный городъ*, послѣ построенія Китая — *Старый Каменный городъ*, а по заложеніи Бѣлаго города (Царева) — *Кремль* [2]). Отсюда видно, что послѣднее названіе окончательно утвердилось только тогда, когда слово *городъ* утратило свое первобытное тѣсное понятіе и для выраженія этого послѣдняго потребовалось другое слово. Замѣчательно, что у западныхъ славянъ, напротивъ, *градъ* сохранилъ свое первобытное значеніе и мѣстами соотвѣтствуетъ нашему *кремлю* (*Градчаны* въ Прагѣ).

---

[1]) 1) *Кременецъ*, уѣзд. гор. Волынской губ. Полагаютъ, что онъ былъ основанъ въ 8-мъ или 9-мъ в. Дулебами. Во всякомъ случаѣ замокъ уже упоминается въ Польской исторіи подъ 1068 г., когда владѣтель его, какой-то Моносей, изъ рода Денисковъ, сдалъ его Болеславу Смѣлому.

2) *Кременчугъ*, уѣзд. гор. Полтавской губ. Время основанія достовѣрно не извѣстно, и только Маркевичъ въ своей Исторіи Малороссіи упоминаетъ о томъ, что Кременчугъ былъ заложенъ въ 1571 г. Въ книгѣ Большому Чертежу Кременчугъ не упоминается, но Бопланъ, посѣтившій этотъ городъ въ 1655 г., нашелъ уже Крем. довольно красивымъ городомъ.

3) *Кременчуки*, небольшое село Волынской губ. Заславскаго уѣзда.

4) *Кременичи*, или *Кременецкій* погостъ Новгородской губ. Тихвинскаго уѣзда. Упоминается въ писцов. книгахъ 1582 г. (въ Обонежской пятинѣ); существуетъ и нынѣ.

5) *Кременки*, значительное село Нижегородской губ. Ардатовскаго уѣзда.

6) Тоже, значит. село Самарской губ. Ставропольскаго уѣзда.

7) Тоже, значит. село Симбирской губ. и уѣзда.

8) *Кременскъ*, небольш. село Калужской губ. Медынскаго уѣзда съ остатками стараго городища. Городъ Крем. упоминается въ Кн. Больш. Чертежу.

9) *Кременная* слобода Харьковской губ. близъ города Славянска.

10) *Кременская* станица и при ней Кременецкій мон. въ области В. Донскаго Усть-Медвѣдицкаго окр.

11) *Кремлево*, значит. село Рязанской губ. Скопинскаго уѣзда въ 15 верстахъ отъ уѣздн. города. (Изъ матеріаловъ П. П. Семенова).

[2]) Строевъ.

Чтобы убѣдиться въ этимологическомъ родствѣ *кремля* съ *кромомъ*, надобно разсмотрѣть первое изъ этихъ словъ: а) со стороны его значенія, и б) со стороны его формы.

Въ разсужденіи значенія имени *кремль*, мы находимъ близкія къ нему слова, которыя безъ всякаго отношенія къ укрѣпленной постройкѣ заключаютъ въ себѣ, такъ же какъ и производныя отъ *крома*, понятіе отдѣльности, особности въ пространствѣ. Первообразное жен. р. *кремъ* значитъ, по академическому словарю, „ту часть засѣки, гдѣ растетъ лучшій строевой лѣсъ“, слѣдовательно нѣчто выдѣляющееся изъ цѣлаго; оттуда *кремлевое* дерево — которое растетъ на краю лѣса, одиноко и на просторѣ, крѣпкое, здоровое (по Далю), и *кремлевникъ* — хвойный лѣсъ на болотистомъ мѣстѣ (Обл. Словарь). Мы не знаемъ, съ достаточною ли точностью опредѣлены здѣсь эти слова, догадываемся, что въ опредѣленіи первыхъ двухъ нѣсколько участвовало предвзятое понятіе, что они происходятъ отъ имени *кремль* въ значеніи крѣпости, тогда какъ они только параллельныя съ нимъ отрасли того же корня. Замѣчательно, что и по-польски слово [288] „krem“ означаетъ дерево, отобранное для улья, но еще не выдолбленное (см. Словарь Линде) [1].

Что касается до формы слова *кремль*, то для удостовѣренія въ возможности его родства съ именемъ *кромъ* стоитъ только припомнить какъ часто въ славянскихъ нарѣчіяхъ одни и тѣ же слова, или слова одного корня, принимаютъ въ помощь, при своемъ образованіи, то *о*, то *е*, напр. *моръ — смерть, воля — велѣть, доля — дѣлить, звонить — звенѣть*, и т. п. Правда, что все это слова глагольнаго корня; однакожъ есть подобные случаи и другого рода, напр. *Волосъ* и *Велесъ*, и въ ц.-слав. языкѣ слова: *столя* и *стеля* (потолокъ), *громъ* и *гремъ* (въ значеніи куста, см. Сл. Востокова) [2]. Не говорю уже о томъ, что есть слова, которыя въ одномъ славянскомъ нарѣчіи являются съ *о*, а въ другомъ съ *е*, напр. осень, озеро, — есень, езеро. Букву *л* въ концѣ слова *кремль* надобно признать слѣдствіемъ умягченія согласной, какъ въ словахъ *земля* (земь, оземь), *журавль* (журавъ) и др. *Кремль* относится къ *крому* точно такъ же, какъ *граждь* (церк.-слав. = огражденіе) къ *граду*.

---

[1] Любопытно, что какъ у насъ слова *кремь, кремлевый* (у поляковъ также krem), употребляются въ отношеніи къ лѣсу, такъ у нѣкоторыхъ другихъ славянъ къ тому же служатъ *гремъ* (серб. дубъ), germ (хорут. кустъ): въ церк.-слав. *громъ* и *гремъ* знач. кустъ. Вниманія заслуживаетъ также слѣдующее обстоятельство: по-сербски градъ зн. крѣпость, а грађа — строевой лѣсъ; грађевина — строеніе, постройка изъ строевого лѣса (какъ по-русски слово *деревня* первоначально значило: постройка изъ дерева). Поэтому могутъ еще спросить: не значило ли первоначально и названіе *кремль* — строеніе изъ *кремя*, т. е. лучшаго строевого лѣса?

[2] Явленіе это замѣчается особенно при согласныхъ *р* и *л*. Ср. Johannes Schmidt. Zur Geschichte des indo-germanischen Vocalismus. II, 54. 55. Къ этой же категоріи словъ можно отнести нѣсколько именъ съ другими гласными буквами, напр. кудесникъ и чудо (кюдо), кукла и чучела (кюкьла).

Начиная отъ словаря Россійской академіи, всѣ наши лексиконы при опредѣленіи слова *кремль* ограничиваютъ его понятіе признакомъ *внутренней* крѣпости. Даль, пріурочивая названіе *кремль* по-прежнему къ *кремню* (впрочемъ съ вопросительнымъ знакомъ), даже противополагаетъ *кремль крому*, какъ означающему [289] *наружное укрѣпленіе*. Отвергнувъ такое ограниченіе при словѣ *кромъ*, я долженъ отвергнуть его и при словѣ *кремль*, которое, по моему мнѣнію, значитъ вообще крѣпость: въ этомъ нельзя не согласиться съ г. Буслаевымъ (*Истор. Грам.* ч. II, § 109). Если обратимъ вниманіе на кремли разныхъ городовъ, то увидимъ, что и въ дѣйствительности они далеко не вездѣ находятся внутри города, напр. въ Нижнемъ.

Но что же мы сдѣлаемъ съ словомъ *кремень?* Неужели точно столь явное для многихъ сродство его съ словомъ *кремль* есть только видимое? Кажется, этотъ результатъ самъ собой вытекаетъ изъ предыдущихъ замѣчаній. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе слова *кремень*, которое повело бы меня слишкомъ далеко, позволю себѣ только заявить сильное сомнѣніе, чтобы имя *кремень* можно было этимологически сближать съ глаголомъ *кресать*, какъ обыкновенно дѣлаютъ. Во-1-хъ, невѣроятно, чтобы первоначальное названіе этой породы камня дано было ей отъ самаго случайнаго ея свойства; правда, кремень и по-гречески называется πυρίτης и по-нѣмецки Feuerstein, но это уже позднѣйшія его названія, какъ по-русски *кресиво* или *огниво*, исконное же названіе кремня и у Грековъ и у Нѣмцевъ совсѣмъ другое (κόχλαξ, Kiesel). Во-2-хъ, какъ могло *кресать* перейти въ *кремень:* гдѣ же осталось коренное *с*, и откуда окончаніе *мень?* Нельзя согласиться съ тѣми, которые въ этомъ слогѣ видятъ другую форму окончанія *мя* именъ *сѣмя, племя, пламя* или *пламень*. Нѣтъ примѣра, чтобы такое окончаніе носило удареніе, и въ родит. падежѣ принимало признакъ мужескаго рода съ исключеніемъ гласной *е (мня)* [1]. По виду, въ какомъ попадается *кремень* внутри известковыхъ холмовъ (кругляками) и по легкости его отдѣленія отъ нихъ можно бы прямо признать это слово происходящимъ отъ того же корня, какъ имена *кромъ* и *кремль*, [290] еслибъ не останавливало то соображеніе, что въ чешскомъ и польскомъ языкахъ въ словѣ *кремень р* является умягченнымъ, чего не предполагаютъ слова *кромъ* и *кремль*.

По поводу моего изслѣдованія о словѣ *кремль*, въ *Чтеніяхъ Общества Ист. и Древн.* 1873 года (кн. IV) появилась длинная статья г.

---

[1] Напротивъ, слово *кремень* по образованію подходитъ къ именамъ *камень, ремень, кистень, плетень*, гдѣ окончаніе составляютъ буквы *ень*; предыдущая же буква принадлежитъ къ корню.

Кубарева. Въ ней онъ старается доказать, что это слово передѣлано изъ греческаго χρημνός, но забываетъ, что изъ другихъ языковъ заимствуются только словá, означающія именно то понятіе, для котораго на родномъ языкѣ не достаетъ выраженія. Какимъ же образомъ для понятія отдѣльно стоящей крѣпости Русскіе могли заимствовать слово, значащее *скатъ, крутизну, пропасть?* Г. Кубаревъ, желая придать правдоподобіе своему увѣренію, весьма упорно имъ защищаемому, считаетъ достаточнымъ слѣдующее объясненіе: „Въ мечтахъ моихъ, говоритъ онъ, я воображаю, что нѣкоторый именитый греческій гость изъ Царяграда пріѣхалъ посѣтить юную столицу единовѣрнаго князя. Князь приглашаетъ гостя къ себѣ, роскошно угощаетъ его и потомъ ведетъ его съ собой прогуляться по окраинѣ горы, возвышающейся надъ рѣкою, гдѣ спрашиваетъ: какъ такое мѣсто называется по-гречески? Гость отвѣчаетъ: χρημνός"... Вообще изъ статьи г. Кубарева видно, что ему вовсе не знакомы ни главныя основанія, ни пріемы сравнительной филологіи, а при такомъ условіи научныя пренія въ этой области безполезны. Доказательствомъ, какъ мало авторъ вникъ въ прочитанныя имъ соображенія, служитъ между прочимъ то, что онъ приписываетъ мнѣ такія мнѣнія, которыхъ я вовсе не выражалъ. Такъ ему кажется, что я утверждаю, будто имя московскаго *кремля* заимствовано отъ названія псковскаго *крома,* и онъ серьёзно ратуетъ противъ этой мысли, которая конечно и не приходила мнѣ въ голову. Нѣтъ, для заключенія, что такое-то слово заимствовано изъ другого языка, мало одного звукового сходства его съ иноземнымъ словомъ. Тѣмъ способомъ, какой описываетъ г. Кубаревъ, словá не переходятъ [291] изъ одного языка въ другой. Для перехода къ намъ греч. слова нужно было бы, чтобъ оно значило именно то, чтó выражаетъ наше *кремль,* и чтобы оно въ этомъ значеніи было у насъ извѣстно; такъ перешли къ намъ напр. названія *цитадель* и нѣкогда употреблявшееся *фортеція.* Существенное значеніе слова *кремль,* какъ вытекаетъ изъ моего изслѣдованія, не имѣетъ никакого отношенія къ понятіямъ *ската, крутизны* и проч., для которыхъ славяне всегда обладали своими вполнѣ равносильными словами. Вдобавокъ замѣтимъ, что въ 11-мъ или 12-мъ столѣтіи, когда могло бы произойти предполагаемое заимствованіе, буква η въ χρημνός произносилась какъ *и,* а этимъ однимъ разрушается вся гипотеза г. Кубарева.

---

[292] ЗАМѢТКА О НѢКОТОРЫХЪ СТАРИННЫХЪ ТЕХНИЧЕСКИХЪ ТЕРМИНАХЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

1873 г.

Гравированье началось въ Россіи съ 1647 года. При Оружейной серебряной палатѣ въ Москвѣ состояли фряжскихъ рѣзныхъ дѣлъ мастера. Гравёры въ то время подписывали: *рѣзалъ;* гравюры назывались *рѣзными* листами, упоминались также *рѣзныя* доски. Петръ Великій, во время своего перваго путешествія за границу, пригласилъ въ Россію находившихся тогда въ Амстердамѣ гравёровъ Шонебека и Пикара. Въ челобитной, поданной первымъ въ 1697 году боярину Головину, еще встрѣчается выраженіе: „могу служить въ *рѣзаніи* мѣдныхъ досокъ"; и въ письмѣ Головина 1698 года говорится о Шонебекѣ, какъ о *рѣзномъ* мастерѣ, упоминается о *рѣзаніи* на мѣди и о мастерствѣ *рѣзьбы* [1]).

Но въ 1701 году подана челобитная Алексѣемъ Зубовымъ, который въ ней уже называетъ себя ученикомъ *градировальнаго* дѣла, учителя же своего Шонебека пріѣзжимъ иноземцемъ, *грыдоровальнаго* дѣла мастеромъ. Въ подкрѣпленіе просьбы своей о прибавкѣ жалованья Зубовъ приложилъ гравюру своей работы. У Шонебека потребовали свидѣтельства о справедливости этого показанія, и онъ удостовѣрилъ, что представленный Зубовымъ листъ печатанъ *грыдоровальною* доскою, которую ученикъ его *грыдоровалъ* самъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ томъ же году, [293] другой ученикъ Шонебека, Петръ Бунинъ, представилъ свою работу, названную въ тогдашнихъ актахъ листомъ *грыдорованья* [2]). Съ тѣхъ поръ гравёры, въ подписяхъ подъ трудами своими, стали употреблять это слово въ разныхъ видоизмѣненіяхъ, какъ-то: *градировалъ, грыдировалъ, грыдоровалъ, гридоровалъ.*

Въ указѣ Петра Великаго 1724 года объ учрежденіи Академіи сказано между прочимъ: „Безъ живописца и *градировальнаго* мастера обойтись невозможно будетъ, понеже изданія, которыя въ наукахъ

---

[1]) См. Д. Ровинскаго *Русскіе граверы*, стр. 29, 70, 73. Автору этой книги обязанъ я и нѣкоторыми рукописными указаніями, которыхъ въ ней нѣтъ.

[2]) Тамъ же, стр. 75.

чиниться будутъ (ежели оныя сохранять и публиковать), имѣютъ рисованы и *градированы* быть [1]). Въ 1754 году, въ спискахъ лицамъ и учрежденіямъ при Академіи Наукъ показаны, между прочимъ, типографіи *гридорованныхъ* фигуръ, *грыдоровальный* департаментъ или *грыдоровальная* палата, и объ ученикахъ говорится, что они *грыдоруютъ* или *грыдеруютъ* ландкарты, литеры, проспекты „и прочія всякія дѣла и портреты" [2]).

При письмѣ своемъ въ академическую канцелярію отъ 28-го ноября 1750 года Тредьяковскій приложилъ „Прожектъ *грыдорованнаго* листочка, имѣющаго быть при моей трагедіи" [3]) и т. д.

Въ 1757 году Ломоносовъ писалъ къ И. И. Шувалову о своемъ *нагрыдорованномъ* портретѣ и, прилагая нѣсколько экземпляровъ его, говорилъ: „стыжусь, что я *нагрыдорованъ*" [4]).

Слово это давно уже вышло изъ употребленія и не занесено ни въ одинъ изъ нашихъ словарей; но оно остается въ исторіи русскаго языка и требуетъ объясненія. Начала его надобно искать въ нѣмецкихъ глаголахъ *gradieren* и *radieren*. Первый означаетъ рѣзанье при помощи крѣпкой водки, способъ, которымъ преимущественно работалъ Шонебекъ съ своими учениками, а значеніе второго видно, напр., изъ скульптурнаго термина [294] Gradier-Eisen, подъ которымъ разумѣется особенный родъ рѣзца [5]). Глаголъ *gradieren* происходитъ отъ нѣмецкаго существит. *Grath* или *Grad*, означающаго, между прочимъ, полоски мѣди, которыя выковыриваются изъ доски рѣзцомъ [6]). Такимъ образомъ два термина, которые, кажется, и у самихъ нѣмцевъ по сходству звуковъ смѣшивались въ употребленіи, могли оба участвовать въ образованіи искаженныхъ русскихъ формъ этого слова [7]).

---

[1]) П. С. З. VII, 4.443, стр. 223.

[2]) *Русскіе граверы*, стр. 84—98.

[3]) Пекарскаго *Исторія Академіи Наукъ*, II, стр. 157.

[4]) Письма Ломоносова и Сумарокова къ Шувалову. *Зап. Ак. Н.*, т. X.

[5]) Gradier-Eisen od. Meissel der Bildhauer (franz. gradine) ein stählener Meissel mit drei breiten Zähnen, welcher den Bildhauern... nöthig ist (Krünitz. Oekonomisch-technologische Encyklopädie. Th. LXXXVIII, *Meissel*).

[6]) Рукописное показаніе г. Ровинскаго. Въ приведенномъ словарѣ Крюница (Ч. XIX) слово Grad или Grath объяснено, между прочимъ, такъ: „die Späne kleiner Aeste u. s. f., welche beim Fällen und Bearbeiten des Holzes abgehn". Относительно корня слова Grad или Grath Крюницъ, а за нимъ и нѣкоторые другіе лексикографы (Аделунгъ, Гейзе) полагаютъ, что оно одного происхожденія съ лат. radius, и только случайно приняло въ началѣ звукъ g, какъ это нерѣдко встрѣчается и въ другихъ словахъ. Послѣднее замѣчаніе можетъ относиться и къ сходству словъ *radieren* и *gradieren*.

[7]) Есть еще третій нѣмецкій глаголъ, относящійся къ гравированію, именно grundieren (наводить лакъ для приготовленія грунта къ вытравленію водкой), который могъ бы также содѣйствовать къ образованію слова *грыдоровать*, но для этого предположенія нѣтъ однакоже достаточнаго основанія.

Во второй половинѣ прошлаго столѣтія терминъ *грыдоровать* начинаетъ уступать мѣсто взятому съ французскаго слову *гравировать*, которое первоначально обязано этимъ чуть ли не знаменитому граверу Шмидту, выписанному къ намъ при Елисаветѣ Петровнѣ и до того долго жившему въ Парижѣ. На портретѣ графа М. Л. Воронцова въ 1758 году подписано: gravé par G. F. Schmidt. Изъ учениковъ его Герасимовъ, первый, подписалъ въ 1771 году по-русски: *гравировалъ*. Съ этого времени послѣдняя подпись дѣлается уже почти исключительною и замѣняетъ другія, какъ то: *сдѣлалъ, вырѣзалъ* (Чемесовъ), *гридоровалъ* (Васильевъ 1759).

Въ отношеніи къ стариннымъ типографскимъ терминамъ весьма важно и любопытно замѣчаніе г. Румянцова, сдѣланное въ 1869 году на московскомъ археологическомъ съѣздѣ, объ итальянскомъ происхожденіи нѣкоторыхъ изъ этихъ терминовъ. Г. Гатцукъ, [295] въ статьѣ „Очеркъ исторіи книгопечатнаго дѣла въ Россіи“ [1]), хотя и не допускаетъ, чтобы эти названія были заимствованы непосредственно изъ Италіи, и именно изъ Венеціи, однакожъ приводитъ ихъ съ указаніемъ тѣхъ итальянскихъ словъ, изъ которыхъ они передѣланы: *тередорщикъ* отъ tiratore (нѣм. drucker, печатникъ); *батырщикъ*, накладчикъ краски на литеры, набойщикъ — отъ battitore; *маца* — отъ mazza (ново-нѣм. ballen); *марзанъ* — margina (нѣм. stege); *тимпанъ* — отъ timpano (нѣм. deckel); *фрашкетъ* — отъ frascato; *пунсонъ*, рѣзанная на стали буква для выбиванія изъ мѣди матрицъ, — отъ punzone (нѣм. stempel); *штанба*, книгопечатный станокъ и всѣ вообще принадлежности — отъ stampa (нѣм. druckerei).

Авторъ названной статьи не хочетъ вмѣстѣ съ г. Румянцовымъ видѣть въ этихъ терминахъ доказательство мнѣнія, что книгопечатаніе перенесено въ Москву изъ Италіи и что вообще строителями, учителями и руководителями здѣсь книгопечатанія были итальянскіе мастера. Хотя рѣшеніе этого вопроса и не относится къ предмету настоящей замѣтки, позволю себѣ, однакожъ, упомянуть, что, если и въ самомъ дѣлѣ приведенные термины изъ Италіи перешли ранѣе въ другія страны, то они въ этихъ послѣднихъ передѣлывались по мѣстному выговору, и оттуда были бы перенесены къ на́мъ въ другомъ видѣ: слово *пунсонъ*, напр., нѣмцы передѣлали въ *Bunze* [2]), и конечно оттуда не явилось бы оно у насъ въ своей первоначальной, чистой формѣ. Да и почему же невѣроятно, чтобы эти термины были заимствованы русскими прямо изъ источника, когда сношенія съ Италіею и знакомство Москвы съ итальянскимъ искусствомъ начались уже за цѣлое столѣтіе до введенія книгопечатанія въ Россіи?

---

[1]) *Русскій Вѣстникъ* 1872, май, стр. 333.

[2]) По словарю братьевъ Гриммовъ — „Signum, forma, stempel, franz. matrice“ (Wb. II, 531).

[296] О ПРОИЗНОШЕНІИ БУКВЪ Э, Е, Ѣ.

1847—85 гг.

Употребленіе трехъ буквъ, означенныхъ мною въ заглавіи этой статьи, представляетъ не мало затрудненій. Есть случаи, въ которыхъ особенно нелегко опредѣлить, правильнѣе ли написать *е* или *ѣ*. Но здѣсь я намѣренъ разсматривать ихъ не со стороны этого вопроса, а въ отношеніи собственно къ звуку ихъ. Прежде всего постараюсь рѣшить, есть ли въ произношеніи разница между *ѣ* и *е* (когда е не превращается въ ё, о чемъ здѣсь и не будетъ рѣчи). Многіе отвѣтятъ на это утвердительно; но еслибъ было такъ, то природное русское ухо должно бы во всѣхъ случаяхъ указывать, гдѣ слѣдуетъ писать *е* и гдѣ *ѣ*; между тѣмъ мы видимъ, что люди, въ одинаковой степени знающіе языкъ и въ произношеніи которыхъ не замѣтно особенной разности, не всегда согласны между собой касательно употребленія *е* и *ѣ* (напр., въ словахъ: хмель, затменіе, лѣкарь). Случается, что одинъ и тотъ же человѣкъ перемѣняетъ въ этомъ отношеніи прежнее свое правописаніе на новое, хотя въ выговорѣ его не произошло никакой перемѣны. Отсюда надобно вывести заключеніе, что буквы *е* и *ѣ* произносятся совершенно одинаково. Въ этомъ всякому легко убѣдиться, произнося одно за другимъ, напр., слѣдующія слова: *лѣнъ* и *олень*, *въ морѣ* и *въ море*, *членъ* и *плѣнъ*, *ѣли* и *ели*.

Итакъ надобно согласиться, что какъ въ началѣ, такъ и въ серединѣ и въ концѣ слога, *е* и *ѣ* суть, по произношенію, буквы тожественныя; въ началѣ слога каждая изъ нихъ служитъ двугласною (съ помощію *й* передъ звукомъ), въ серединѣ же и въ концѣ гласною. Буквой *э* изображается тотъ же звукъ, когда онъ [297] въ началѣ слога долженъ быть произносимъ чисто, безъ помощи *й*: *это*, *поэтъ*.

Въ произношеніи каждой изъ этихъ трехъ буквъ есть одинъ общій законъ, о которомъ кажется еще не было упоминаемо въ русской грамматикѣ. Чтобы яснѣе представить его, напомню, что въ русскомъ языкѣ какъ гласныя, такъ и согласныя раздѣляются на твердыя и мягкія. Гласныя *а*, *о*, *у*, *ы* справедливо называть твердыми въ противо-

положность мягкимъ: *э, е, ѣ, i, и* [1]); точно такъ же и согласныя, въ свою очередь, бываютъ либо: *бъ, въ, дъ,* либо: *бь, вь, дь* и проч. Далѣе надобно замѣтить, что согласныя бываютъ то твердыми, то мягкими или сами по себѣ (напр. въ концѣ словъ), или отъ присоединенія къ нимъ мягкихъ гласныхъ, напр. въ сочетаніяхъ: *бѣ, ве, ти.*

Если станемъ внимательно сравнивать слова, въ которыхъ встрѣчаются буквы *э, е, ѣ,* то найдемъ, что каждая изъ нихъ имѣетъ *двоякій* звукъ, смотря по тому, стоитъ ли она передъ твердою, или передъ мягкою буквою, гласною или согласною. Сличите напр. слова:

э-то	и	*э-ти*
чле-ны	и	*въ чле-нѣ*
вѣ-ру	и	*вѣ-рю*
мѣ-ръ	и	*мѣ-рь.*

Чтобы увѣриться, какъ несходны по выговору буквы *ѣ, е, э* первой колонны съ тѣми же буквами во второй, стóитъ только попробовать, начавъ произносить первый слогъ одной изъ колоннъ, приставлять къ нему второй слогъ изъ другой; произнеся [298] *вѣ* (первой колонны) — прибавьте *рю,* и наоборотъ, произнеся *вѣ* (второй колонны) — прибавьте *ру:* не ясно ли, что звукъ *ѣ* въ первомъ случаѣ совсѣмъ не тотъ, какой слышится во второмъ?

Вотъ еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ (чтобы показать разницу ощутительнѣе, буду раздѣлять слова не всегда по слогамъ, а какъ добнѣе для моей цѣли):

поэ-тъ	*поэ*-зія
Эл-лада	*Эл(ль)*-лины
бре-нъ	*бре*-ніе
пе-ры	*пе*-ри
сѣ-ла	*сѣ*-ли
свѣ-тъ	*свѣ*-тикъ

Отсюда должно вывести общее правило, что передъ твердыми звуками буквы *э, е, ѣ,* произносятся широко, близко къ тому какъ во французскомъ языкѣ выговариваютъ букву *е,* когда надъ нею accent grave, а передъ звуками мягкими сжато, какъ бы французское é — accent aigu.

---

[1]) Употребленные здѣсь термины не совсѣмъ согласны съ теоріей звуковъ, выработанной мною въ послѣднее время на физіологическомъ основаніи и изложенной въ новомъ моемъ изслѣдованіи о звукахъ и письмѣ; но такъ какъ вся статья „о произношеніи буквъ *э, е, ѣ*" принадлежитъ другому времени, то я оставляю и эту частность безъ измѣненія. Впрочемъ, при первомъ изданіи *Филологическихъ Разысканій,* въ этой статьѣ сдѣланы были мною легкія измѣненія вслѣдствіе одного замѣчанія академика Бётлинга (см. *Уч. Зап. по I и III Отд. Ак. Н.,* т. I, стр. 90).

Несправедливо было бы думать, будто въ такихъ словахъ, какъ напр. *звѣрь* и *звѣрскій*, вся разница произношенія ограничивается несходствомъ звуковъ *рь* и *ръ*: внимательное наблюденіе покажетъ, что отъ различія этихъ звуковъ зависитъ и неодинаковое произношеніе буквы *ѣ*. При этомъ случаѣ надобно нѣсколько распространиться вообще о мягкихъ согласныхъ, встрѣчаемыхъ въ серединѣ слова и произносимыхъ такъ, какъ бы за ними слѣдовалъ *ь*, хотя этотъ знакъ часто и опускается. Мы пишемъ *задній, горница, мысли, поздній, гвозди*, а выговариваемъ: *задьній, горьница, мысьли, позьдний, гвозьди*. На чемъ же это основывается? На томъ, что послѣ согласной, оканчивающей одинъ слогъ, слѣдуетъ другой съ мягкою гласной. По общему закону, изложенному мною касательно буквъ *э, е, ѣ*, происходитъ, что, когда одна изъ нихъ случится въ первомъ слогѣ, то и самое ея произношеніе сообразуется съ натурою слѣдующаго слога. Оттого въ [299] словахъ *привѣтствіе, бѣдствіе, наслѣдникъ* не только *т* и *д*, но и *ѣ* произносится не такъ, какъ въ словахъ: *привѣтъ, бѣдствовать, наслѣдство*. Обратимъ также вниманіе на слова: *черви, вѣтви, терпитъ, наперсникъ, вѣстникъ, если*, произносимыя такъ, какъ будто бы написано было *черьви, вѣтьви* и т. д.

Впрочемъ, не всѣ согласныя передъ мягкою гласной имѣютъ всегда такое вліяніе на предыдущій слогъ; буквы: *к, х, г, ж, ш, ч, ц*, лишены часто этого дѣйствія, что видно въ словахъ: *крѣпки, дѣвки, ветхи, биржи, вершина, старческій, въ сердцѣ*. Найдутся, можетъ быть, и другіе случаи, въ которыхъ согласная передъ мягкимъ слогомъ остается твердой, а оттого и предшествующее *е* или *ѣ*, ежели оно въ словѣ есть, выговаривается широко. Общее положеніе только то, что произношеніе буквъ *э, е, ѣ* зависитъ отъ мягкаго или твердаго звука, непосредственно за нимъ слѣдующаго. Въ нѣкоторыхъ словахъ не видно, почему согласная произносится такъ или иначе, но законъ выговора *е* и *ѣ* остается неизмѣннымъ. Такъ *е* произносится сжато въ словахъ: *верхъ, церковь, первый, четвергъ*, оттого что тутъ *р* мягкое, хотя это въ правописаніи и не означается [1]). Въ словахъ: *рѣжь, ѣшь, тѣшь* буква *ѣ* произносится широко, потому что *ж* и *ш* нельзя выговорить мягко, хотя послѣ нихъ и стоитъ *ь*. Напротивъ, въ словахъ: *мечь, свѣчь, вещь, лещь* слышится сжатое *е*, потому что тутъ знакъ *ь* соотвѣтствуетъ дѣйствительному смягченію согласныхъ *ч* и *щ* въ выговорѣ [2]).

---

[1]) Объ этомъ случаѣ см. слѣдующую за симъ статью.

[2]) Очень было бы хорошо, еслибъ слова на *ж, ш, ч, щ* писались какъ въ старину со знакомъ *ь*, а не *ъ* въ концѣ. Тогда и въ правилахъ склоненія именъ существительныхъ на *ъ* было бы однимъ исключеніемъ меньше: всѣ слова, кончающіяся на эти шипящія буквы, имѣютъ въ родител. падежѣ множ. числа окончаніе *ей*, какъ всѣ имена на *ь*, у которыхъ этотъ падежъ составляетъ собственно единственное отличіе склоненія противъ именъ на *ъ*.

Замѣчательно, что и послѣ такъ называемыхъ шипящихъ буквъ, *е* можетъ быть произносимо двояко; сравнимъ *шестъ* и *шесть, тщетный* и *дщери, чествовать* и *честь, жертва* и *жёрди.*

[300] Въ концѣ слова *е* и *ѣ* всегда произносятся широко; напротивъ, слѣдующія за ними буквы *и, й, е, ѣ, ю, я* придаютъ имъ произношеніе сжатое, напр., *вообще — кащей, въ добрѣ — добрѣй, на столѣ — веселѣй, въ шалашѣ — шея.*

Указанный здѣсь законъ произношенія буквъ *э, е, ѣ* тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что мы не находимъ его въ другихъ языкахъ, гдѣ открытое *е* можетъ такъ же, какъ и сжатое, предшествовать слогу съ мягкою гласной и наоборотъ. Нѣмцы говорятъ: verschmähen, Ähren, французы—arrêter, mêler, pêcheur. Оттого произношеніе подобныхъ словъ въ иностранныхъ языкахъ особенно затрудняетъ русскаго, если онъ не преодолѣлъ этой трудности съ дѣтства.

Конечно, этотъ законъ въ подробностяхъ требуетъ еще дальнѣйшаго изслѣдованія и развитія, мое намѣреніе было только указать на него въ общихъ чертахъ.

---

[301] ПО ПОВОДУ ПРЕДЫДУЩЕЙ СТАТЬИ.

Etymologische Beiträge und die Aussprache des betonten russischen e, von Dr. Friedrich Haag. Zürich 1880, 8-o. 83 S.

1881 г.

Не останавливаясь на этимологическихъ сближеніяхъ, которыя занимаютъ первую половину этой интересной брошюры и могли бы подать поводъ къ кое-какимъ возраженіямъ, я позволю себѣ нѣсколько замѣчаній только на изслѣдованіе о произношеніи ударяемаго *е*. Прежде всего надо отдать полную справедливость наблюдательности автора и признать, что онъ пополнилъ ученіе объ этомъ предметѣ многими новыми указаніями въ частностяхъ. Но что касается самой сущности явленія, то въ наблюденіяхъ г. Хаага оказывается пробѣлъ, который ему трудно будетъ устранить, если онъ не усвоитъ себѣ болѣе глубокаго практическаго знакомства съ звуковыми особенностями русскаго языка. Только недостаткомъ такого знакомства и происшедшимъ отъ того недоразумѣніемъ можно объяснить то обстоятельство, что авторъ отвергаетъ сдѣланное мною и вскорѣ послѣ того ак. Бётлингомъ [1]) наблюденіе, что чистый звукъ *е* (передается ли онъ на письмѣ начертаніемъ *е*, *ѣ*, или *э*) произносится двояко, смотря потому, слѣдуетъ ли за нимъ твердый, или мягкій звукъ. Для большей [302] ясности приведу изъ брошюры г. Хаага слѣдующее мѣсто (стр. 43):

„Въ русскомъ языкѣ *е*, замѣнившее прежнее *ѣ*, да и въ другихъ случаяхъ, какъ мы увидимъ, часто не подвергается подъему въ *о*, хотя бы за послѣдующею согласною стоялъ твердый гласный; въ такомъ случаѣ *е* звучитъ, какъ латышское *е* передъ твердыми гласными послѣ чистаго согласнаго, въ немногихъ словахъ, какъ напр. въ н ѣ т ъ, но по большей части какъ перерванное (ein gebrochenes) *i*, — какъ *i*, при произношеніи переходящее въ *е*: въ словѣ х л ѣ б ъ я произношу гласную совершенно такъ, какъ произносится гласная въ lieb у швей-

---

[1]) Моя замѣтка: „О произношеніи буквъ э, е, ѣ“ появилась въ первый разъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1847 г. (№ 173), а статья академика Бётлинга, въ которой онъ изложилъ свое наблюденіе, не зная о моей статьѣ, напечатана въ Bulletin Академіи Наукъ 1851 г. (т. IX), и позднѣе въ „Уч. Запискахъ I и III Отд.“ (т. I).

царскихъ нѣмцевъ. Или возьмемъ словечко это, которое мы безпрестанно слышимъ въ разговорѣ русскихъ; кто когда-нибудь слышалъ, чтобъ они произносили äto? Когда я пробовалъ такъ выговаривать, то надо мной смѣялись, потому что *э* въ словѣ это произносится указаннымъ мною образомъ. Поэтому я никакъ не могу согласиться съ тѣмъ, что Гротъ говоритъ въ своихъ „Филологическихъ Разысканіяхъ" (2-е изд. т. I, стр. 267): „Отсюда должно вывести общее правило, что передъ твердыми звуками буквы *э, е, ѣ* произносятся широко, близко къ тому какъ во французскомъ языкѣ выговариваютъ букву *е*, когда надъ нею accent grave, а передъ звуками мягкими сжато, какъ бы французское é—accent aigu". (См. въ настоящемъ изданіи на стр. 221).

Не считая себя достаточно знакомымъ съ швейцарско-нѣмецкимъ нарѣчіемъ, чтобы рѣшить, вполнѣ ли правильно предложенное здѣсь сравненіе, я оставляю его въ сторонѣ. Но я настаиваю на томъ, что̀ сказано мною о двоякомъ произношеніи *е* въ русскомъ языкѣ и ссылаюсь въ этомъ на всякаго, кто родился въ Россіи, съ дѣтства говоритъ на этомъ языкѣ и обладаетъ мало-мальски тонкимъ слухомъ. Сравненіе съ французскими è и é я, разумѣется, позволилъ себѣ только для болѣе нагляднаго уясненія разности обоихъ русскихъ звуковъ, и это замѣчаніе, mutatis mutandis, остается въ своей силѣ [1]).

[303] Во второмъ томѣ „Филологическихъ Разысканій" (3-го изд. стр. 31—32) я возвратился къ этому предмету и старался подкрѣпить свое наблюденіе новыми примѣрами. Всякій непредубѣжденный русскій согласится, что въ словахъ грѣтъ и грѣть звукъ ε слышится неодинаково. Укажу еще на нѣсколько поразительныхъ случаевъ. Оспариваемое различіе не можетъ не быть замѣчено въ слѣдующихъ попарно приводимыхъ словахъ:

вѣ̌тръ	вѣтеръ.	плѣ̌нъ	плѣнникъ.
свѣ̌тъ	свѣтикъ.	колѣ̌на	колѣни.

Особенно ясно обнаруживается разность звука ε въ словахъ вѣ̌съ и ве́сь, въ которыхъ она зависитъ, конечно, не отъ различнаго произношенія буквъ *ѣ* и *е*, выговариваемыхъ, какъ всѣми признано, совершенно одинаково, а единственно отъ несходнаго качества послѣдующихъ согласныхъ. Замѣчательно, что твердо звучащее ε въ словѣ нѣтъ становится мягкимъ, когда за этимъ отрицаніемъ слѣдуетъ вопросительная частица *ли*: нѣтъ ли коренными русскими произносится: нѣтьли.

Относительно перехода *е* въ *о*, какъ явленія послѣдственнаго (secundär), надо принять во вниманіе два обусловливающіе его пер-

---

[1]) Оно подтверждено уже многими филологами, изъ числа которыхъ назову гг. Миклошича и Ягича.

вичные момента: во-первыхъ, твердое или мягкое произношеніе послѣдующаго согласнаго; во-вторыхъ, зависящее отъ того произношеніе самаго звука е. При этомъ оказывается, что обыкновенно только широкое е (è) и лишь весьма рѣдко тонкое (é) способно обращаться въ о: изъ èлка происходитъ ёлка, éль же не можетъ превратиться въ ёль, и непосредственная тому причина заключается не столько въ произношеніи послѣдующей согласной, сколько въ проистекающемъ отъ того свойствѣ самаго звука е. Это ускользнуло и отъ моего вниманія во 2-мъ томѣ „Филологическихъ Разысканій“, гдѣ я разсматриваю произношеніе звука *е* какъ о.

Упомяну еще о нѣкоторыхъ частностяхъ въ изслѣдованіи г. Хаага. На стр. 37 говорится о мульированіи (Mouillirung) русскихъ согласныхъ. Прежде уже было замѣчено мною, что я [304] никакъ не могу признать отвѣчающимъ сущности дѣла выраженіе „mouillirter Laut“ въ примѣненіи къ русскимъ мягкимъ согласнымъ. Ссылаюсь въ томъ на „Фил. Раз.“ II, 23 — 24 (2-е изд.—3 изд. стр. 22—23).

Стр. 38: Правило, что произношеніе *е* какъ *о* явилось только вслѣдствіе ударенія, справедливо лишь въ отношеніи къ московскому нарѣчію и образованному языку. Извѣстно, что во многихъ мѣстностяхъ Россіи народъ зачастую произноситъ и неударяемое *е* какъ ё. Примѣры тому приводитъ Колосовъ [1]), замѣчая: „Начальное *іе* въ *йо* переходитъ въ нѣкоторыхъ словахъ независимо отъ ударенія, какъ и *е* въ *о*. Даже начальное *ѣ*, слившееся по звуку съ *е*, иногда переходитъ въ *йо*: ѣдя́, ѣзжáти“ и проч.

Еще нѣсколько мелкихъ поправокъ. Произношеніе умёръ (стр. 38) невѣрно: это слово слышится всегда у́меръ. Вмѣсто того можно было привести здѣсь упёръ. Народъ мѣстами говоритъ: моёй, твоёй (стр. 41). Начертанія: пчёльный, пчёльникъ (47), кавёрзникъ (50), пёристый, пёра (51), вылёживать (52), бёмскій (55), рѣшёт*е*чка (60), подзёмный (74), вéтошь (83) ошибочны. Ихъ слѣдуетъ такъ исправить: пчéльный, пчéльникъ, кáверзникъ, пери́стый, перá, вылéживать, бѐмскій, рѣшёт*о*чка, подзѐмный, вѐтошь. Разчёмистый, разчёмъ — опечатки: вмѣсто *ч* слѣдуетъ читать ъ. Менѣе значительныя погрѣшности опускаю.

---

[1]) Какъ-то ёлóха, ёлóзить, дёржи́, мóрё, пóлё, воскресéньё, бѣлыё. (Обзор звуковых и формальных особенностей народнаго русскаго языка. Варшава. 1878. Стр. 71 — 84).

О НѢКОТОРЫХЪ ОСОБЕННОСТЯХЪ ВЪ СИСТЕМѢ ЗВУКОВЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

1852 г.

---

[305] Въ двухъ предыдущихъ статьяхъ: „О произношеніи буквъ *э, е, ѣ*" было показано, что въ русскомъ языкѣ звукъ ɛ (на письмѣ э, е, ѣ) выговаривается двояко, смотря по тому, слѣдуетъ ли за нимъ твердый или мягкій звукъ.

Академикъ Бэтлингъ въ своей статьѣ: „Beiträge zur Russischen Grammatik", напечатанной въ академическомъ „Бюллетенѣ" [1]), остановился, между прочимъ, на томъ же явленіи, подмѣченномъ имъ изъ собственнаго наблюденія. О моей замѣткѣ г. Бэтлингъ узналъ не прежде, какъ когда его разсужденіе почти все уже было набрано; разсказывая о томъ въ припискѣ къ своей статьѣ, авторъ добросовѣстно признаетъ, что я уже за нѣсколько лѣтъ до того указалъ на особенность русскаго языка, о которой, какъ думалъ онъ прежде, у насъ никто еще не упоминалъ [2]).

Но у г. Бэтлинга есть другое замѣчаніе, въ которомъ я не могу вполнѣ согласиться съ нимъ. Онъ находитъ, что умягченію передъ мягкой буквой подвергается не только звукъ ɛ, но и другія гласныя: *а, о, у, і, ы*. Объ этомъ говорится и въ самой его статьѣ, и въ припискѣ къ ней. „Звукъ *а* въ словѣ *бани*"—сказано въ статьѣ [306] г. Бэтлинга—„гораздо мягче, нежели *а* въ словѣ *бабы*, среднее *о* въ *мололи* мягче, нежели въ *молола*; такое же различіе замѣчается въ произношеніи буквы *ы* въ словахъ *была* и *были*, звука *и* въ *била* и *били*, наконецъ, звука *у* въ *дула* и *дули*. Кому ухо въ этомъ случаѣ измѣняетъ, тотъ пусть наблюдаетъ положеніе рта, которое при произношеніи одного и того же слова (ба, ло, бы, би, ду) бываетъ очень различно,

---

[1]) Bulletin de la Classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg, № 195, 196. T. IX, № 3, 4. Впослѣдствіи та же статья, въ русскомъ переводѣ, напечатана въ *Ученыхъ Записк. I и III Отд. Ак. Н.*, т. I, стр. 58.

[2]) См. тамъ же, стр. 90.

смотря по тому, слѣдуетъ ли за гласною мягкая, или твердая согласная. Тотъ же звукъ, какой имѣютъ *а, о, у* передъ умягченными согласными, слышится также въ двугласныхъ: ай (напр., въ *дай*), ой (напр., въ *мой*) и уй (напр., въ пожалуй). А, о, у съ предшествующими имъ умягченными согласными или по русскому правописанію: я, ё, ю, при означенныхъ условіяхъ, также измѣняются въ произношеніи: *я* въ словѣ *мяло*, если примемъ въ расчетъ умягченіе предыдущей согласной, звучитъ совершенно такъ же, какъ *а* въ *бабы*, *я* въ *мяли*—какъ *а* въ *бани; ё* въ *зелёный*—какъ среднее *о* въ *молола*, *ё* въ *идёте*—какъ *о* въ *мололи*; *ю* въ *люто*—какъ *у* въ *дула*, *ю* въ *люди*—какъ *у* въ *дули*" [1]). При всемъ моемъ уваженіи къ мнѣнію ученаго филолога, я не могу не замѣтить, что здѣсь слухъ его былъ обманутъ предположеніемъ между ɛ и другими гласными аналогіи, которой я при моемъ изслѣдованіи тоже искалъ, но не могъ найти, потому что дѣйствительно она въ этомъ случаѣ не существуетъ [2]). Въ приведенныхъ г. Бэтлингомъ примѣрахъ вся разница произношенія заключается въ согласной буквѣ, а не въ предшествующей ей гласной, на которую слухъ ошибочно переноситъ такое различіе. Конечно, г. Бэтлингъ и самъ сознавалъ, что предполагаемое имъ несходство произношенія помянутыхъ гласныхъ очень неявственно и сомнительно: потому-то онъ сначала разсмотрѣлъ [307] подробно только двоякій выговоръ звука ɛ, о прочихъ же гласныхъ упомянулъ отдѣльно уже послѣ, и притомъ счелъ нужнымъ опереться на тонкость слуха, потребную для открытія указываемой имъ разницы въ произношеніи буквъ *а, о, у, і, ы*. Ниже надѣюсь представить ясное доказательство, что буква *е* въ приведенномъ законѣ произношенія не подходитъ подъ одну категорію съ прочими гласными.

Для этого необходимо изслѣдовать то вліяніе, какое мягкія согласныя имѣютъ на умягченіе предыдущихъ согласныхъ же; но прежде, нежели займемся такимъ изслѣдованіемъ, взглянемъ на общее содержаніе статьи г. Бэтлинга и остановимся въ ней на нѣкоторыхъ пунктахъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія. Она содержитъ въ себѣ два отдѣла: I. *Какіе звуки знаетъ нынѣшній русскій языкъ?* и II. *О вліяніи умягченныхъ согласныхъ на предыдущую гласную*. Въ обоихъ отдѣлахъ авторъ часто оспариваетъ мнѣнія русскихъ филологовъ, и особливо Павскаго; но касательно несогласія съ послѣднимъ самъ онъ оговаривается въ выноскѣ (стр. 44), отдавая полную справедливость трудамъ нашего ученаго. „Я бы вообще совсѣмъ не сталъ выставлять слабыхъ сторонъ *Филологическихъ Наблюденій* (сказано тамъ же), если бъ это

[1]) Русскій переводъ выписываемыхъ въ моей статьѣ мѣстъ изъ изслѣдованія г. Бэтлинга сдѣланъ мною еще до напечатанія полнаго перевода въ *Уч. Запискахъ* и потому въ выраженіяхъ обоихъ переводовъ неизбѣжна нѣкоторая разница, хотя, разумѣется, смыслъ обоихъ тотъ же самый.

[2]) Или если и существуетъ, то развѣ только едва замѣтно и почти неуловимо.

сочиненіе по своимъ достоинствамъ не занимало такого высокаго мѣста въ грамматической литературѣ русскихъ. Чѣмъ сильнѣе авторитетъ г. Павскаго, тѣмъ рѣшительнѣе должно оспаривать цѣлыя теоремы и частныя объясненія, которыя не могутъ выдержать строгой критики". Здѣсь Павскій не въ первый уже разъ встрѣчаетъ возраженіе на нѣкоторыя изъ своихъ мыслей. Особенно рѣзкую критику на многія мѣста „Филологическихъ наблюденій" находимъ мы въ книгѣ кіевскаго ученаго, Костыря: „Предметъ, методъ и цѣль филологическаго изученія русскаго языка". Хотя это сочиненіе не вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ науки, однакожъ въ немъ есть очень вѣрныя, остроумныя замѣчанія. Г. Бэтлингъ, которому, какъ надобно думать, неизвѣстна была книга Костыря, сходится съ нимъ иногда въ своихъ сужденіяхъ. Приводя объясненіе Павскаго, будто въ глаголахъ [308] *мыть*, *крыть* и т. п. буква *о* въ настоящемъ времени явилась для замѣны ъ, который, ставъ на мѣсто *ы*, не могъ устоять въ серединѣ слова, г. Бэтлингъ говоритъ: „На общепонятномъ языкѣ это значитъ: гласная *ы* сокращается въ ничто (ъ), а чтобы соединиться съ личнымъ окончаніемъ, это ничто получаетъ въ помощь гласную *о*". Это замѣчаніе напомнило намъ „нигилизмъ еровъ" у Костыря, который въ § 9 первой части своего труда подробно разсматриваетъ придуманный Павскимъ законъ и приходитъ почти къ тому же заключенію.

Разсматривая вопросъ, въ какой мѣрѣ русское письмо дѣйствительно соотвѣтствуетъ живой рѣчи, г. Бэтлингъ основательно замѣчаетъ, что въ нашей азбукѣ для гласныхъ по-настоящему слишкомъ много знаковъ, а для согласныхъ слишкомъ мало. Къ этой мысли приводитъ его наблюденіе, что такъ называемыя мягкія гласныя: и, я, ю, ѣ, е (ё) въ сущности не составляютъ самостоятельныхъ звуковъ, и что когда онѣ слѣдуютъ непосредственно за согласною, то собственно смягчается она, а вмѣсто этихъ гласныхъ должны бы стоять твердыя: такимъ образомъ, если разложить слова: *пуля*, *морю* на дѣйствительно находящіеся въ нихъ звуки, то выйдетъ, что надобно бы писать ихъ: *пульа*, *морьу* или *пул'а*, *мор'у*, какъ пишетъ г. Бэтлингъ, принявъ польскій способъ означенія мягкихъ согласныхъ. Та же самая мысль была уже прежде выражена русскимъ филологомъ. Въ Отечественныхъ Запискахъ 1844 года (Т. XXXV) остроумный критикъ „Филологическихъ Наблюденій", Н. Н. (Надеждинъ), упоминая о системѣ азбуки, предложенной сербамъ извѣстнымъ Вукомъ Стеф. Караджичемъ, въ которой буквы *я* и *ю* вовсе отброшены, а вмѣсто ихъ пишутся твердыя гласныя *а* и *у* съ предыдущимъ ь, примѣняетъ этотъ способъ правописанія и къ русскому языку. „При употребленіи буквъ *я* и *ю*" — говоритъ онъ, между прочимъ — „мы принуждены принимать особыя правила склоненія для именъ, кончащихся на ъ и на ь, и какъ въ склоненіяхъ, такъ и въ спряженіяхъ, допускать исключенія изъ общихъ

законовъ вездѣ, гдѣ встрѣчается придыханіе *й* явно или скрытно въ буквахъ *я*, *ю* и *е*. [309] При системѣ правописанія Вукова, тутъ не требовалось бы никакихъ оговорокъ и различеній: ибо и *конь* склонялся бы совершенно какъ *законъ:* коньа, коньу, коньомъ, коньи, коньами и т. д.". Совершенно къ тому же заключенію приходитъ и г. Бэтлингъ въ концѣ перваго отдѣла своей статьи. Исключивъ такимъ образомъ мягкія гласныя и введя, на мѣсто ихъ, мягкія согласныя, г. Бэтлингъ представляетъ слѣдующую таблицу звуковъ:

I. Гласныя.

а) *Одногласныя.*

1. а, о, у.
2. і, ε, ä (ε выражаетъ у него сжатый звукъ первой гласной въ словахъ: шея, сѣли, эти, а ä — широкій звукъ въ словахъ: шестъ, ѣхать, этотъ).
3. ы.

б) *Двогласныя.*

аі, оі, уі, εі (передъ й наши буквы е, ѣ, э никогда не могутъ имѣть широкаго звука ä, вотъ почему мы и не находимъ здѣсь сочетанія äі).

II. Согласныя.

а) *Простыя:*

Нѣмыя (Mutae) { твердыя: к, т, п. / мягкія: г, д, б.

Носовыя (Nasales): н, м.

Придувныя (Spirantes) { полугласная: j. / твердыя: х, с, ш, ф. / мягкія: ŋ, з, ж, в (ŋ означаетъ мягкое г въ словахъ: Господь, благо).

Звуки л, р.

[310] б) *Сложныя:*

α) т + с : ц.
β) т + ш : ч (щ выпущено, какъ буква составная).
γ) умягченныя посредствомъ j согласныя·

к' т' п'
г' д' б'
н' м'
х' с' ш' ф'
ђ' з' ж' в'
л' р'.
ц' ч'.

Ошибочно было бы, однакожъ, думать, будто г. Бэтлингъ отдаетъ этой азбукѣ, во всѣхъ отношеніяхъ, преимущество предъ общеупотребительною: онъ свою схему считаетъ только удобнѣйшею для теоретическихъ изслѣдованій языка; что же касается азбуки кирилловской, то онъ сознается, что нельзя безъ удивленія смотрѣть на алфавитъ, который такими малыми средствами можетъ вполнѣ достигать своей цѣли, не оставляя никогда ни малѣйшаго сомнѣнія, какъ согласная въ показанномъ отношеніи должна быть произносима. Помощію такъ называемыхъ мягкихъ гласныхъ *я* и *ю* и знака умягченія (ь) можно было обойтись безъ j (йотъ) и 20 особыхъ знаковъ для согласныхъ, которыя совершенно слились съ этимъ j. Предложивъ свою систему русской азбуки, г. Бэтлингъ разсматриваетъ отдѣльно каждую букву; остановимся на нѣкоторыхъ изъ частныхъ его замѣчаній.

О гласныхъ *i*, *ɛ*, *ä* (см. азбуку г. Бэтлинга) онъ говоритъ: „Онѣ соединяются почти исключительно съ умягченными согласными и съ j. Поэтому можно бы ихъ назвать *умягчительными* гласными. Г. Павскій полагаетъ, что *и*, *е*, *ѣ* въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ съ *к*, *г*, *х*, и съ губными буквами должны быть произносимы не мягко, а твердо. Въ переводѣ на нашъ способъ воззрѣнія это значило бы, что *к*, *г*, *х* и губныя не умягчаются передъ *i*, *ɛ*, *ä*. Но моему уху слышится умягченіе *к* въ *вѣки*, *вѣки* [311] и *кѣмъ*, *г* — въ *бѣги*, *х* — въ *грѣхи* и *грѣхъ*. Стóитъ только сравнить приведенное *кѣмъ* (т. е. к'äм) съ нѣмецкимъ повелительнымъ *kämm*, вмѣсто *kämme*, чтобы убѣдиться, что фонетическое различіе обоихъ этихъ словъ заключается единственно въ томъ, что въ *кѣмъ к* выговаривается умягченно, а въ *kämm'* — неумягченно. Что въ словахъ *вѣки*, *бѣги* и *грѣхи* звуки *к*, *г*, *х* умягченные, подтверждается и произношеніемъ буквы *ѣ*, зависящимъ отъ этого умягченія“. — Все это совершенно справедливо. Въ подкрѣпленіе выраженной здѣсь мысли приведемъ нѣсколько своихъ замѣчаній. Съ произношеніемъ слова *далёкія* сравните выговоръ небольшого предложенія: *далёкъ и я*. Разница большая, а въ чемъ она заключается? только въ томъ, что въ первомъ случаѣ *к* мягкое (к'), а во второмъ — твердое, или, примѣняясь ко взгляду Павскаго, — что въ первомъ послѣ *к* стоитъ *и*, а во второмъ — *ы*. Сравнимъ еще въ томъ же смыслѣ слѣдующіе примѣры: *смѣхъ и слезы* — *смѣхи*, *слёзы*; *нѣгъ Италіи* — *нѣги Таліи*; здѣсь различіе произношенія обнаруживается не только на

буквѣ *и*, но и на *ѣ*, согласно съ закономъ, о которомъ говорено было въ началѣ нашей статьи; если бъ буквы *х* и *г* въ этихъ примѣрахъ стояли безъ умягченія, то не было бы причины выговаривать предыдущую гласную въ словахъ *смѣхи*, *нѣги* другимъ образомъ, нежели въ словахъ *смѣхъ*, *нѣгъ*. Такъ-то законъ произношенія звука ѣ можетъ имѣть во многихъ случаяхъ примѣненіе, служа къ рѣшенію другихъ фонетическихъ вопросовъ. Г. Бэтлингъ продолжаетъ: „Когда г. Павскій, въ опору своего мнѣнія, что буква *к* не смягчается въ словахъ *легкій*, *далекій* и *емкій*, ссылается на выговоръ предшествующаго ей *е* за *ё*, то противъ этого довода можно бы привести, что въ прилагательныхъ на *кій* — какъ г. Павскій самъ во многихъ мѣстахъ положительно замѣчаетъ — дифтонгъ произносится какъ *ой*, и въ этомъ случаѣ *к* естественно остается неумягченнымъ". Здѣсь г. Бэтлингъ хотя и справедливо опровергаетъ доводъ Павскаго [1]), но самъ упустилъ изъ виду, что во [312] множ. числѣ (*далекіе*, — *кихъ* и т. д.) буква *и* удерживаетъ свое собственное произношеніе: слѣдовательно, основаніе возраженія должно быть другое. Въ словахъ *легкія* и *емкія* (беремъ нарочно множ. число) не можетъ быть рѣчи о вліяніи мягкаго звука на произношеніе *е*: потому что слоги *лег* и *ем* оканчиваются рѣшительно твердымъ звукомъ (лёхъ, ёмъ), — отъ чего бы это ни происходило: отъ того ли, что слѣдующее за этими слогами *к* дѣйствительно никогда не умягчается, или отъ того, что умягченное *к* не оказываетъ вліянія на предшествующую ему согласную. То же самое находимъ мы въ словахъ: *плётки*, *пелёнки*, *сёмги*, *метёлки*, *ёлки* и многихъ другихъ. Перейдемъ къ слову: *далёкія*. Павскій думаетъ, что тутъ *ё* слышится потому, что за нимъ въ сущности слѣдуетъ не *ки*, а *кы* (кы). Отъ вниманія Павскаго укрылось, что звукомъ *ё* не такъ-то рѣдко кончается слогъ, за которымъ слѣдуетъ мягкій звукъ; для примѣра приведемъ слова: *тё-тя* [2]), *тё-тенька*, *Лё-ля*, *рублё-викъ*, *конё-вій*, *Слё-нинъ*, въ *клё-нѣ*, *чернозё-мѣ*, *ведё-те*, о которыхъ никакъ нельзя сказать, чтобы въ нихъ буквы *т*, *л*, *в*, *н*, *м* оставались безъ умягченія передъ гласными *я*, *и*, *і*, *ѣ*, *е*. Итакъ, приведенное Павскимъ обстоятельство въ подтвержденіе мысли его, будто *и* послѣ *г*, *к*, *х*, нельзя считать за мягкую букву, не есть доказательство. Впрочемъ, и одинъ слухъ уже достаточно убѣждаетъ, что *ги*, *ки*, *хи* произносятся совсѣмъ не такъ, какъ еслибъ было написано *гы*, *кы*, *хы*, — звуки, которые можно слышать только при сліяніи *ера* въ концѣ слова съ буквою *и* въ началѣ слѣдующаго; примѣры тому мы уже представили. По нашему мнѣнію, *и* произносится какъ *ы* (или почти какъ *ы*) только послѣ буквъ *ж*, *ш*, *ц*, да и то не всегда, или другими словами, только они могутъ оставаться не-

---

[1]) Фил. Набл. I, § 121, прим. 2.

[2]) Въ словаряхъ находимъ: *тета*, но этому противорѣчитъ живой языкъ.

умягченными передъ звуками *и*, *е*. Это видно въ словахъ *невѣ-жи*, *мѣ-шій*, *цифра*. Въ послѣднемъ словѣ ясно слышится *ы*, въ двухъ первыхъ присутствіе его послѣ *ж* и *ш* доказывается широкимъ выговоромъ гласной *ѣ*, которая передъ *і* должна бы [313] быть произносима сжато; надобно, впрочемъ, замѣтить, что иногда ее въ самомъ дѣлѣ такъ произносятъ въ этихъ словахъ; вотъ почему мы и говоримъ, что *ж* и *ш* только *могутъ* оставаться безъ умягченія передъ гласными *и*, *е*. При этомъ нельзя оставить безъ вниманія противорѣчіе, которое находимъ у Павскаго въ разсужденіи буквы *ц*. Въ одномъ мѣстѣ (I, стр. 65) сказано: „хотя нынѣшнее правописаніе въ угодность уху допустило при *ж*, *ч*, *ш*, *щ* и *ц* твердыя гласныя, смыслъ долженъ видѣть въ сихъ гласныхъ мягкія. Хотя пишемъ, *отецъ*, *стражъ*, *мечъ*, *юноша*, *рощу*, но долженъ воображать *отецъ*“ и т. д. Въ другомъ мѣстѣ (I, стр. 91) напротивъ читаемъ: „Сказанное о небныхъ буквахъ *гкх* во всей силѣ относится и къ зубной буквѣ *ц*. И она не терпитъ послѣ себя ь-я и передъ нимъ измѣняется на *ч*. Буква *ц* есть то же, что *кѣ* (ср. § 52). И слѣд. по приложеніи къ ней другаго *ъ*-я вышло бы стеченіе двухъ *ъ*-ей“. Если такъ, то зачѣмъ же намъ вмѣсто *отецъ* воображать *отецъ*, которое, по 2-му изъ приведенныхъ мѣстъ, то же что *отечъ*? Ссылка на § 52-й не разрѣшаетъ этого противорѣчія, хотя здѣсь авторъ „Филолог. Набл.“ и признаетъ какое-то колебаніе буквы *ц*, находя, что она иногда допускаетъ послѣ себя мягкія гласныя; а иногда нѣтъ: „слоги *ци*, *це*“, замѣчено тамъ, „часто видимъ на бумагѣ, а *ця*, *цю* никогда не слышны въ разговорѣ, и не показываются на письмѣ“. Послѣ разсмотримъ мы подробнѣе натуру буквы *ц*, а теперь удовольствуемся предложенными замѣчаніями, такъ какъ предмета этого невозможно исчерпать до тѣхъ поръ, пока не обратимся къ взаимному соотношенію мягкихъ согласныхъ, предыдущихъ съ послѣдующими. Тогда займемся также звукомъ *ч* и увидимъ, справедливо ли Павскій утверждаетъ, будто послѣ *ч*, равно какъ и послѣ *ж*, *ш*, всегда слышится *ы* вмѣсто *и*, означаемаго на письмѣ.

Мы совершенно согласны съ г. Бэтлингомъ, что у звукосочетаній *ай*, *ой*, и т. п. никакъ нельзя отнять названія *дифтонговъ*. Справедливо замѣтилъ онъ также, что русскому языку не свойственны двоегласныя *ый*, *ій*, которыхъ мы всячески избѣгаемъ, и что вообще языкъ не любитъ двоегласныхъ въ замкнутомъ слогѣ [314] (in geschlossener Silbe). Сверхъ приведенныхъ имъ примѣровъ этихъ особенностей, надобно упомянуть о прилагательныхъ съ удареніемъ на окончаніи: *кривой*, *глухой* (вм. — ый, ій), также о словахъ *змѣй*, *соловей*, *воробей*, *Сергѣй*, *лей*, *бей* и др., которыя образовались у насъ изъ первоначальныхъ *змій* и т. д. Дифтонгъ *ій* сохраняется только въ словахъ *витійство*, *убійство* (— ца), *кровопійца*, да въ род. пад. мн. числа такихъ именъ сред. рода, какъ *имѣніе*, *усиліе* и пр., и женскихъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ: *стихія*, *претензія* и т. д.

Переходя къ согласнымъ буквамъ, авторъ статьи въ „Бюллетенѣ“ начинаетъ свои замѣтки съ *г*. Нельзя не одобрить, что онъ отличилъ особымъ знакомъ тотъ звукъ этой буквы, который у насъ соотвѣтствуетъ греческому густому дыханію въ именахъ *Гомеръ*, *Гекторъ*, а также слышится въ нѣкоторыхъ русскихъ словахъ, какъ-то *Господь*, *благо* и проч. Надобность въ отличеніи этого звука призналъ и упомянутый нами прежде критикъ „Филологич. Набл.“ въ Отеч. Запискахъ, помѣстивъ въ своей схемѣ, сверхъ Г (= g), еще особое Г (= h). Г. Бэтлингъ пошелъ далѣе и отмѣтилъ этотъ звукъ знакомъ ђ [1]), тѣмъ самымъ, который акад. Шегренъ ввелъ для осетинскаго языка, а самъ авторъ употребилъ впослѣдствіи для якутскаго. У насъ, за неимѣніемъ въ языкѣ латинскаго и нѣмецкаго *h*, звукъ ђ по необходимости заступаетъ мѣсто этого *h*; но конечно г. Бэтлингъ правъ, говоря, что ђ по выговору гораздо ближе соотвѣтствуетъ нѣмецкому *g* въ *wagen*, *wogen*, *Jugend*. Въ соотвѣтствіе буквѣ ђ авторъ справедливо поставилъ х. Въ доказательство этого приведу, съ своей стороны, что, когда слово въ именит. падежѣ кончается на *г*, имѣющее звукъ *х*, то въ косвенныхъ падежахъ онъ превращается въ ђ, напр., *Богъ*, *Бога*; *Петербургъ*, — *га*, *гу*; *Лейпцигъ*,—*га*, точно такъ же, какъ заключительное *г*, имѣющее въ имен. падежѣ [315] звукъ к, въ косвенныхъ падежахъ слышится какъ чистое *г*: *врагъ*, *врага*, *лугъ*, *луга* [2]). Замѣчу еще, что передъ *д* буква *г* звучитъ всегда какъ ђ, напротивъ передъ *т* — какъ *х*: сравнимъ нарѣчія *когда*, *тогда*, *гдѣ* и проч. съ именами *ногти*, *когти*. Есть два слова, въ которыхъ коренная буква *к* по требованію выговора превратилась въ *г*, но приняла такое же различное произношеніе, смотря по слѣдующей согласной; эти два слога *гдѣ* (вм. кдѣ) и *мягкій* (вм. мяккій). Изъ взаимнаго соотвѣтствія буквъ ђ и х г. Бэтлингъ вывелъ интересное заключеніе касательно истиннаго выговора *г* въ старославянскомъ языкѣ: такъ какъ х посредствомъ умягченія превращалось въ *с* и *ш*, а *г* — въ *з* и *ж*, то весьма естественно принять, „что въ этомъ языкѣ *г* было соотвѣтственнымъ мягкимъ звукомъ не *к*, а *х*, и что у русскихъ звукъ *г* образовался уже въ позднѣйшее время изъ ђ. Потому насъ не должно поражать, что малороссіяне до сихъ поръ произносятъ *г* какъ ђ“. Такимъ образомъ буквѣ *к* въ старо-сл. языкѣ не соотвѣтствовало *г*, и этимъ объясняется, почему послѣднее не умягчилось въ *дз* и *дж* подобно тому, какъ *к* получило свое двоякое умягченіе *ц* (тс) и *ч* (тш). „Въ польскомъ языкѣ“ (говоритъ г. Бэтлингъ), „гдѣ звукъ *г* болѣе укоренился, нежели въ русскомъ, умягченіемъ *ц*

---

[1]) Срезневскій употреблялъ для этого звука также особый знакъ *г'*. См. его статью: „О сродствѣ звуковъ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ“. Журн. М. Н. Пр. т. XLVIII. Тотъ же звукъ г. Катковъ пишетъ ѓ („Объ элем. и формахъ славяно-рус. языка).

[2]) Сюда же относятся прилагательныя: благъ (х), блага, го (ђа ђо), нагъ (к), нага, го и др., и происшедшія отъ нихъ существительныя блађость, нагота.

дѣйствительно является соотвѣтствующее ему *дз*: такъ слово *нога* въ дат. и мѣстномъ падежѣ имѣетъ *nodze*".

Въ одномъ примѣчаніи мимоходомъ упоминается о произношеніи гласной *о*, когда на ней нѣтъ ударенія. „Г. Срезневскій" — сказано тутъ — „считаетъ это *о* за звукъ, стоящій посрединѣ между *а* и *о*, и отличаетъ его знакомъ å. Я — продолжаетъ г. Бэтлингъ — при всемъ моемъ стараніи, не могъ подмѣтить никакого различія между *о* безъ ударенія и такимъ же *а*". Въ этомъ случаѣ онъ опять расходится и съ авторомъ „Филолог. Набл.", который также говоритъ (I, § 113), что въ произношеніи *о* безъ ударенія слышится что-то среднее между *о* и *а: олень, говорю* и [316] пр. Не произносимъ прямо *алень, гаворю*, но вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгаемъ яснаго выговора *о*". При этомъ спрашивается: тѣ, которые не признаютъ тожества выговора *о* безъ ударенія и *а*, не отъ того ли принимаютъ средній звукъ, что при повѣркѣ *о* буквою *а* они повышаютъ голосъ на послѣдней, такъ что она слишкомъ рѣзко слышится? Не имѣетъ ли *а* безъ ударенія также какого-то средняго звука, и не отъ того ли происходитъ, что природные русскіе, у которыхъ, слѣдовательно, надобно предполагать самый утонченный въ своемъ языкѣ слухъ, нерѣдко пишутъ различно одни и тѣ же слова, напр., *рости* и *расти*, *рождать* и *раждать*, *догорать* и *догарать*, *козакъ* и *казакъ*, *олтарь* и *алтарь*. Предоставляю еще на судъ читателей рѣшить, различается ли чѣмъ-нибудь выговоръ *о* и *а* въ словахъ: *умоляю* и *умаляю*, *притворю* и *предварю*, *разорю* и *озарю*, *наколю*, и *накалю* (только надобно выговаривать, какъ всегда, т. е. умăлю̄ю, а не умāлю̆ю). Г. Бэтлингъ не останавливается, впрочемъ, на сродствѣ звуковъ *а* и *о*, о которомъ и Павскій упомянулъ только вскользъ, но это сродство заслуживало бы болѣе вниманія. Замѣчательно, что *а* съ удареніемъ у насъ иногда произносится какъ *о*, и это не въ одномъ только родит. падежѣ прилагательныхъ (*молодаго*, *большаго*). Павскій, замѣтивъ только этотъ послѣдній случай, объясняетъ его „предположеніемъ, что гласная *а* для сокращенія выпала, и мѣсто ея, какъ слѣдуетъ, заняли ея мѣстоблюстители, послѣ твердыхъ согласныхъ—ъ, а послѣ ж ч ш щ—ъ, которыя по всѣмъ правамъ превратились потомъ въ бѣглое *о*". Этимъ предположеніемъ не объяснятся другіе случаи превращенія *á* въ *ó*. Въ глаголѣ *платить* буква *а* принадлежитъ къ корню; но какъ скоро на нее перейдетъ удареніе, мы говоримъ: *плóтишь*, *плóтитъ*, *заплóчено*, хотя по упрямству грамоты и пишемъ все-же *а*. Правда, такое превращеніе въ этомъ словѣ слышится не всегда, но къ нему слухъ народный обнаруживаетъ рѣшительную наклонность: такъ точно мы въ простонародномъ быту нерѣдко слышимъ: *кóтишь* вмѣсто *кáтишь*, *посóдитъ* вм. *посáдитъ*, а иногда еще *подóришь*, вм. *подарúшь*, *вóлишь*, *вóришь*, *тóщишь*, вм. *вáлишь*, [317] *вáришь*, *тáщишь*: слово *зарá*, при переходѣ ударенія на

первый слогъ, измѣняется въ *зо́рю*; *каймá* въ род. множ. числа имѣетъ *ко́ймъ*. Бываетъ и наоборотъ, что когда *о* при видоизмѣненіи слова получитъ удареніе, то эта гласная уступаетъ мѣсто буквѣ *á*. Такъ изъ *смотрѣть, удобрять, колоть* образовались: *разсмáтривать, удáбривать, раскáлывать*. Случается иногда и просто, что *ó* переходитъ въ *á*: такъ *настрáивать* получилось изъ *стро́ить*. Всѣ эти явленія не могутъ быть объяснены ничѣмъ инымъ, какъ тѣснымъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ родствомъ гласныхъ *а* и *о*. Замѣна ихъ одна другою встрѣчается иногда и при умягченныхъ согласныхъ, или, другими словами, *я* превращается въ ё: вмѣсто *трéтьяго дня* говорятъ *третёва дня*, вм. *запря́гъ* — *запрёгъ*, вм. *затря́сся* — *затрёсся*. Въ дополненіе къ сказанному замѣтимъ еще, что иногда предлогъ *раз*, когда на *а* упадаетъ удареніе, превращается въ *ро́з*, а предлогъ *по́* въ *пá*: вм. *рáзняли* говорятъ *ро́зняли*; вмѣсто *рáзобрало* — *ро́зобрало*, вм. *рáзсказни* — *ро́зсказни*, вм. *по́губа* — *пáгуба*; въ Тамбовской губерніи землянику называютъ *пáземкой* (не *поземкой*) [1]).

До сихъ поръ мы въ статьѣ г. Бэтлинга касались только такихъ пунктовъ, которые болѣе или менѣе въ связи съ предметомъ нашего собственнаго изслѣдованія. Теперь мы могли бы уже перейти къ главной цѣли нашей; но, встрѣтивъ у г. Бэтлинга одну весьма смѣлую этимологическую догадку, требующую ближайшаго разсмотрѣнія, мы сперва займемся ею. Говоря объ умягченіи губныхъ согласныхъ (п, б, м, в) посредствомъ звука *л*, авторъ разбираемой статьи увлекается мыслію, что *л* явилось этимъ путемъ не только въ глаголѣ *плевать*, но и въ словахъ *слюна*, въ которомъ будто бы передъ *л* выпала буква *п*, и такимъ образомъ онъ доходитъ до заключенія, что эти два слова принадлежатъ къ одному корню. Вотъ его доводы: „Латинскому глагольному корню *spu*-o соотвѣтствуетъ въ готскомъ языкѣ *pseiv*-an, въ новомъ верхне-нѣмецкомъ *spei*-en, въ литовскомъ *spjau*-ju, [318] въ латышскомъ *spłau*-ju [2]). Сличая всѣ эти формы, невольно приходишь къ мысли, что *плевать* и *слюна* принадлежатъ къ тому же латинско-нѣмецко-литовскому корню, что *сплевать* потеряло *с* въ началѣ, а *слюна* — *п* между двумя согласными (ср. *усну* вмѣсто *успну*). *Сплюна* могло составиться изъ *сплевана*, стрд. причастіе жен. р. отъ *сплевать*“ [3]).

Что въ словѣ *плевать* буквы *пл*, каждая сама по себѣ, принадлежатъ къ корню, въ этомъ убѣждаетъ общее въ языкѣ явленіе, что губныя буквы умягчаются съ помощію *л* только въ окончаніяхъ: люблю,

---

[1]) Слышано мною въ селѣ Мохоновѣ. По-польски земляника—poziomka, poziemka.

[2]) Въ латышскомъ языкѣ перечеркнутое ł означаетъ не твердое л, какъ въ польскомъ, а напротивъ умягченное. Прим. г. Бэтлинга.

[3]) Bulletin, стр. 55.

грабли, земля, конопля, журавль. Въ подтвержденіе своей мысли г. Бэтлингъ ниже приводитъ слово *плечо* „которое" — говоритъ онъ — „едва ли можно отдѣлить отъ литовскаго pёlis, pёczio"; но онъ упустилъ изъ виду, что во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, даже и въ тѣхъ, которыя не приняли умягченія губныхъ буквъ посредствомъ *л*, слова *плечо* и *плевать* начинаются одними и тѣми же коренными звуками *пл*; для примѣра приведемъ изъ польскаго языка *plecy* (плечи), *pluć*, *plwać* (плевать), хотя слова: *люблю, грабли, земля, конопля* и *журавль* встрѣчаемъ такъ же въ формѣ: *lubię, grabie, ziémia, konop* (мн. ч. *konopie*) и *żóraw*. Не касаясь еще вовсе слова *слюна*, посмотримъ теперь, дѣйствительно ли глаголъ *плевать* можетъ быть отнесенъ къ одному корню съ латинскимъ *spuo* и нѣмецкимъ *speien*. Правда, и Дифенбахъ, въ своемъ сравнительномъ готскомъ Словарѣ [1]), сближаетъ съ этими словами славянскія pljuą, plyvati и проч., но онъ вообще слишкомъ щедръ на сближенія часто вовсе неосновательныя, и въ этомъ случаѣ также ошибается. Spuo, speien соотвѣтствуетъ греческому πτύω, которое ходило также въ видѣ ψύω; перестановкою ps (=ψ объясняется близкое родство этого слова съ приведенными. Славянское *плевать*, напротивъ, [319] есть одинъ изъ многочисленныхъ отпрысковъ корня, который пустилъ вѣтви по всѣмъ языкамъ индо-европейскаго происхожденія. Санскритскій корень प्लु (plu, ходить, плавать, течь) является въ греческомъ языкѣ въ двухъ видахъ: какъ πλέω и какъ φλέω, которые въ славянскихъ нарѣчіяхъ, какъ не знающихъ буквы ф, должны были опять возвратиться къ первоначальному единству. Такъ и въ русскомъ языкѣ мы находимъ обѣ эти вѣтви съ одними согласными *пл*, но въ значеніи словъ этого корня замѣтно у насъ то же раздвоеніе. Такимъ образомъ мы, съ одной стороны, имѣемъ *плыть* (πλέω) съ его производными, а съ другой, между прочимъ, *плакать* (flere) и *плевать*. Во взаимномъ родствѣ послѣднихъ двухъ словъ мы легко убѣдимся, если вникнемъ въ разнообразныя значенія греческаго глагола φλέω и словъ, отъ него происшедшихъ. Онъ не только значитъ *течь, изливаться, бить ключемъ, изобиловать* (какъ вообще, такъ и въ особенности, говоря о тѣлѣ человѣческомъ, изобиловать соками и слизями); но, какъ глаголъ дѣйствительный, выражаетъ еще слѣдующее: *лить, изливать,* вообще *извергать*, съ *усиліемъ изъ себя выбрасывать*, когда рѣчь идетъ объ изверженіи *кипящихъ жидкостей, о рвотѣ* и т. п. Изъ основного понятія: течь, изливаться, проистекли латинскіе глаголы: fluo, pluo, fleo [2]). Сюда же должно отнести и наши слова *пле-*

---

[1]) *L. Diefenbach.* Vergleichendes Wörterbuch der gothischen Sprache, 1852. 2-ter Band, s. 295.

[2]) *Passow.* Handwörterbuch der griechischen Sprache. Leipzig, 1831. 2-ter Band. См. φλέω.

вать и *блевать*, которыхъ значеніе находится въ самой тѣсной связи съ заключающимися въ глаголѣ φλέω понятіями. Родство съ нимъ обоихъ русскихъ словъ тѣмъ очевиднѣе, что и въ греческомъ языкѣ производный глаголъ φλύω (почти однозначащій съ φλέω) принимаетъ иногда форму βλύω (въ доказательство происхожденія гл. плакать можно бы еще привести старо-слав. гл. плакати, lavare, и соотвѣтствующій ему по значенію греч. πλύνειν).

Рейфъ подошелъ довольно близко къ истинѣ, поставивъ въ параллель съ нашими двумя словами греческое φλύζειν, но онъ напрасно выбралъ эту малоупотребительную форму глагола φλύω, [320] тогда какъ надобно было непремѣнно выставить коренное φλέω. Другую ошибку, которую указываетъ и г. Бётлингъ, сдѣлалъ Рейфъ, помѣстивъ сперва *блевать*, а уже подъ нимъ *плевать*, между тѣмъ какъ слѣдовало поступить наоборотъ: потому что *бл* есть явное усиленіе первоначальнаго звука *пл*. *Плевать* и *блевать* находятся между собой въ такомъ же соотношеніи, какъ звукоподражательныя слова: *пискъ* и *визгъ*, *прыскъ* и *брызгъ*, *свистъ* и *звиздъ*. Послѣднія два соотвѣтствія приняты и Рейфомъ, только опять не въ надлежащемъ порядкѣ; слова́ же *пискъ* и *визгъ* представлены какъ имъ, такъ и Шимкевичемъ, каждое въ видѣ особаго корня. Что касается взаимнаго родства глаголовъ *плевать* и *блевать*, то оно видно уже изъ самаго значенія ихъ, которое въ германскихъ языкахъ соединяется въ одномъ словѣ. Наконецъ, касательно φλέω, какъ ключа для обоихъ нашихъ глаголовъ, нельзя умолчать объ аналогіи его съ ἐρέω, обнаруживающейся тѣмъ, что въ переносномъ смыслѣ какъ тотъ, такъ и другой означаютъ: *болтать*, *врать*, *говорить вздоръ*.

Сказаннаго, кажется, достаточно для удостовѣренія, что герман. глаголъ *speien* и славянскій *плевать*, по происхожденію, чужды одинъ другому: признать между ними этимологическое соотношеніе было бы то же, что признать родство между греческими словами πτύω и φλέω, а это было бы противно всѣмъ основнымъ законамъ словопроизводства. Въ разсужденіи латышскаго spïauju замѣтимъ, что его надобно сблизить съ славянскимъ, а не съ германскимъ корнемъ, и что оно въ началѣ передъ *p* приняло прибавочное *s* — явленіе, нерѣдкое и въ другихъ языкахъ, а въ латышскомъ весьма обыкновенное [1]).

[321] Перейдемъ теперь къ слову *слюна́*. Г. Бётлингъ полагаетъ, что

---

[1]) Боппъ производитъ слово sprechen отъ санскр. brav, объясняя это такъ: „durch Erhärtung des *v* und *den Vorsatz eines dem p befreundeten s*". (Vergl. Gramm., стр. 125). Вотъ примѣры латышскихъ словъ, принявшихъ въ началѣ S передъ *p*: Spigga (фига; буквы ф нѣтъ въ латышскомъ языкѣ), Spohdrs (чистый; санскр. pûtas; латин. putus, фин. puhdas), Spizzeht (печатать), Spreddikis (проповѣдь, Predigt). Что касается литовскихъ словъ: spjauju и péczio, то мы на этотъ разъ удержимся отъ разсмотрѣнія ихъ, которое повело бы насъ слишкомъ далеко.

первоначальная его форма — *сплевана* и что между *с* и *л* выпало *п*. Не забудемъ, что онъ признаетъ здѣсь *л* только знакомъ умягченія *п*. Это былъ бы безпримѣрный въ русскомъ языкѣ процессъ словообразованія. Да и зачѣмъ бы здѣсь выпасть буквѣ *п*? сочетаніе *спл* совсѣмъ не трудно для выговора, доказательствомъ чего можетъ служить глаголъ *сплю*, гдѣ *л* именно составляетъ необходимое умягченіе *п*. Въ примѣръ опущенія этой послѣдней буквы г. Бэтлингъ приводитъ слово *ус*(п)*нуть*; но тутъ она выпала, какъ выпадаютъ на ея мѣстѣ и другія согласныя передъ глагольнымъ окончаніемъ *нуть*, наприм. въ *ки(д)нуть, дви(г)нуть, оку(п)нуть, г(б)нуть* и проч. Далѣе, какъ могло бы страдательное причастіе женскаго рода съ *усѣченнымъ* окончаніемъ явиться въ видѣ существительнаго? Это былъ бы опять единственный случай въ языкѣ. Къ попыткѣ объяснить такимъ образомъ слово *слюна* привело г. Бэтлинга то, что до сихъ поръ оно было объясняемо слишкомъ неудовлетворительно. Рейфъ въ Словарѣ своемъ поставилъ при этомъ словѣ въ скобкахъ: *de соль, sel?* а Павскій полагаетъ, что въ разсматриваемомъ словѣ *н* заступаетъ мѣсто придыханія *в* и прибавляетъ: *слюна = Лат. saliva* (Фил. Набл. II, стр. 147). Надобно помнить, что, кромѣ приведенной здѣсь формы и другой очень употребительной въ просторѣчіи: *слю́ни*, слово это имѣетъ еще третью: *слина*, и вотъ настоящая первоначальная его форма, что́ видно изъ сравненія всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Я думаю, что оно должно быть поставлено въ параллель совсѣмъ не съ латинскимъ *saliva*, а съ весьма сходнымъ по звукамъ и по значенію словомъ, существующимъ во всѣхъ германскихъ языкахъ. Въ самомъ дѣлѣ сличимъ —

У славянъ:

слина (старо-сл.), *slina* (хорут., польск. и чеш.), *sslina* (нижнелуж.), *ssljene* (верхнелуж.), *сли́не* (серб.), *слюна* (лит.-русск.) и проч.

У германскихъ народовъ:

slîm, slîhmo (старо-нѣм.), *slim* (исл., англо-сакс. и дат.), *slem* (швед.), *schleim* (нов.-верхне-герман.), *sliem* (нижне-герм.), *slime* (анг.), *sloom* (аллем.) и проч.

[322] По значенію, германское *slim* весьма близко къ нашему *слина*, означая въ особенности мокро́ту, но сверхъ того и вообще влажность, отдѣляющуюся какъ изъ растеній, такъ и изъ слизистыхъ оболочекъ тѣла животныхъ. Какъ родственны между собою значенія того и другого слова, видно между прочимъ изъ того, что мы находимъ ихъ соединенными въ одномъ польскомъ словѣ, именно въ существительномъ *flegma*, заимствованномъ изъ греческаго языка, но которое, сверхъ первоначальнаго своего значенія (мокро́та), приняло у поляковъ еще смыслъ: „влага, слизь, вязкая матерія, слюна“ [1]). То, что мы

[1]) Словарь польско-россійскій Д. Бартошевича. Варшава, 1841.

въ германскомъ словѣ слышимъ букву *м*, а въ славянскомъ *н*, не можетъ препятствовать намъ признать ихъ родство: мы знаемъ, что буквы *м* и *н* часто замѣняютъ одна другую; давно уже наше *цѣна* отнесено къ одному корню съ греческимъ τιμή, и въ собственномъ нашемъ языкѣ довольно примѣровъ тѣсной связи буквъ *м* и *н;* стóитъ только обратить вниманіе на: *мы* и *насъ: мимо* и *миновать*, *простолюдимъ* и *простолюдинъ* и проч. Сближеніе имени *слюна* съ приведенными германскими ясно доказываетъ, что оно вовсе не одного корня съ глаголомъ *плевать*, въ подтвержденіе чего можно привести еще и то, что оно не у всѣхъ славянъ имѣетъ даже и значеніе, близкое къ понятію этого глагола: такъ у сербовъ *слúне* соотвѣтствуетъ латинскому *mucus* [1]).

Мнѣ остается, наконецъ, поговорить о вліяніи умягченныхъ согласныхъ на предшествующія имъ согласныя же. Объ этомъ г. Бэтлингъ замѣчаетъ: „Трудно опредѣлить, въ какихъ случаяхъ такое вліяніе имѣетъ мѣсто и въ какихъ не имѣетъ. Письмо только тогда означаетъ подобное измѣненіе предыдущей согласной, когда оно въ состояніи употребить для измѣненнаго звука особый знакъ, какъ наприм. въ словахъ: *шлю, умерщвленъ* и т. д. Когда же измѣненіе ограничивается однимъ умягченіемъ, которое мы выше отмѣтили знакомъ тонкаго дыханія, то на письмѣ оно обыкновенно [323] остается неозначеннымъ. Такъ пишутъ наприм. *есть, пѣсня, мысль*, хотя произносятъ *есьть, пѣсьня, мысьль*. У поляковъ въ этомъ отношеніи болѣе точности: они пишутъ: pieśń и myśl; въ jest они обѣ согласныя выговариваютъ твердо. При *л* и *н* умягченіе означается потому, что тутъ оно слышится всего яснѣе [2]). Въ концѣ статьи авторъ возвращается къ этому предмету и разсуждаетъ о необходимости означать на письмѣ умягченіе одной согласной передъ другою, находя между прочимъ, что въ противномъ случаѣ „написанное слово слишкомъ неполно изображаетъ произносимое и можетъ легко подать поводъ къ невѣрному выговору, такъ какъ въ сомнительныхъ случаяхъ всякій готовъ тотчасъ сослаться на письмо, какъ на сильный авторитетъ. Случается даже, что въ иномъ словѣ, какъ *первый*, передъ неумягченною согласной стоитъ умягченная, но которая на письмѣ не означена какъ таковая". Предвидя однакожъ, что означеніе умягченныхъ согласныхъ на письмѣ будетъ сочтено затруднительнымъ, г. Бэтлингъ предлагаетъ, „чтобы по крайней мѣрѣ въ толковомъ словарѣ (thesaurus) и въ подробной грамматикѣ русскаго языка рядомъ съ обыкновеннымъ правописаніемъ, когда оно не вполнѣ соотвѣтствуетъ произношенію, въ скобкахъ присовокупляемо было другое болѣе точное, которое разрѣшало бы всякое сомнѣніе".

---

[1]) Сербскій Словарь Вука Стефановича Караджича. Вѣна, 1818.

[2]) Bulletin, стр. 56.

Справедливость этихъ замѣчаній никто не станетъ оспаривать; но намъ кажется, что упоминаемое г. Бётлингомъ затрудненіе всего лучше будетъ устранено, если теорія языка опредѣлитъ, въ какихъ именно случаяхъ однѣ согласныя умягчаются передъ другими умягченными. Вмѣстѣ съ авторомъ разсматриваемой статьи мы сознаемъ трудность этой задачи; но трудность не есть еще невозможность, и мы попытаемся показать здѣсь, что такое умягченіе постоянно происходитъ въ извѣстныхъ только случаяхъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и постараемся исчислить.

Сравнивая одни слова съ другими, мы находимъ, что не всѣ [324] согласныя въ одинаковой степени подвергаются умягченію отъ вліянія стоящихъ за ними умягченныхъ. Наприм. въ словѣ *томленіе м* остается твердымъ, несмотря на то, что *л* умягчилось; напротивъ, въ словѣ *если с* не можетъ быть произнесено иначе, какъ мягко (сь). Всего легче подвергается такому вліянію *р*, потомъ *н, з, с,* далѣе *д* и *т*, наконецъ губные звуки.

Въ слѣдующихъ за симъ замѣчаніяхъ знакъ ' будетъ служить отличіемъ умягченныхъ согласныхъ.

1. Общій для всѣхъ согласныхъ законъ есть тотъ, что въ случаѣ удвоенія одной изъ нихъ предыдущая принимаетъ характеръ послѣдующей, т. ѐ. если умягчена вторая, то умягчается и первая. Такъ сло́ва: *плѣнникъ, аллея, Россія, итти* произносятся какъ будто бъ было написано: *плѣньникъ, альлея, Росьсія, итьти*. Законъ этотъ остается въ своей силѣ и тогда, когда удвоеніе согласной оказывается только въ выговорѣ, а не на письмѣ, т. е. *д* умягчается передъ *т'* и *з* передъ *с'*: *подтянуть, разсьянъ*.

2. *Умягченіе буквы* р. Прежде всего мы должны замѣтить, что произношеніе нѣкоторыхъ буквъ зависитъ не только отъ слѣдующей за ними умягченной *согласной*, но въ то же время и отъ стоящей впереди *гласной:* если передъ ними звукъ ꞓ, то онѣ иногда умягчаются и въ такомъ случаѣ, когда послѣдующая согласная сама по себѣ не могла бы имѣть на нихъ такого вліянія. Къ числу этихъ буквъ принадлежитъ и *р*, а потому надобно разсмотрѣть:

а) умягченіе *р* независимо отъ предыдущей гласной,

б) умягченіе *р* послѣ звука ꞓ.

а) Независимо отъ гласной, эта буква можетъ умягчаться предъ всѣми согласными, за исключеніемъ *к', ж', ш'*, но только ея умягченіе въ этомъ случаѣ рѣдко бываетъ полное, и потому не всегда даже соблюдается. Смягченіе *р* очень замѣтно въ словѣ *скорбь*, но оно шатко въ словахъ: *сгорбиться, армія, кормить, сварливый, портить, корзина, соловарня, спорщикъ* и пр. Напротивъ *р* вовсе не умягчается въ словахъ: горки, Турки, торжище, старшій.

[325] б) За то предыдущіе *е* или *ѣ*, особливо когда на нихъ удареніе, оказываютъ на *р* самое рѣшительное вліяніе. При ихъ участіи *р* произносится мягко:

1) передъ губными: *б'*, *п'*, *в'*, *ф'*, *м'*: Сербія, свербѣть, терпитъ, черви, верфь, Пермь, терминъ;
2) передъ *л'*, *н'*: стерлядь, сверлить, чернь, терніе;
3) передъ *д'*, *т'*: твердь, жерди, че́рти, чертить, смерть;
4) передъ *з'*, *с'*: верзило, перси;
5) передъ *ж'*, *ч'*, *ц'*: стержень, смерчь, довѣрчивъ; терцина.

Примѣчаніе. Удареніе на *е*, *ѣ* усиливаетъ вообще умягченіе согласныхъ, подверженныхъ вліянію слѣдующихъ за ними мягкихъ звуковъ. Двоякое произношеніе нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ здѣсь словъ будетъ объяснено ниже.

6) передъ *г*, *к*, *х*. Звукъ *ер* часто умягчается передъ этими тремя буквами даже и тогда, когда онѣ сами не принимаютъ умягченія. Мы выговариваемъ *р* мягко въ словахъ: *Четвергъ*, *церковъ*, *коверкать*, *верхъ*, *верхомъ*, точно такъ же, какъ въ именахъ *Сергій*, *Аверкій*. Такому же умягченію *ер* подвергается иногда и передъ губными буквами: *в*, *б*, *п*: этотъ звукъ обыкновенно произносятъ мягко въ словѣ *первый*, и еще, хотя не такъ часто, въ *верба* и *Серпуховъ* [1]).

Особенная измѣняемость буквы *р* въ произношеніи показываетъ, какимъ вѣрнымъ тактомъ руководствовался изобрѣтатель славянской азбуки, когда онъ для наименованія знаковъ *ъ* и *ь* избралъ именно эту, а не другую какую-либо согласную. Соединивъ, въ этомъ названіи, съ буквою *р* гласную *е*, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ въ своей азбукѣ различное произношеніе послѣдней, смотря по тому, слѣдуетъ ли за нею твердый или мягкій звукъ: ибо это различіе нигдѣ не можетъ слышаться яснѣе, какъ въ слогахъ *ѐръ* и *е́рь*.

[326] 3. *Умягченіе буквы н.*

а) Независимо отъ предыдущей гласной, *н* умягчается:

1) передъ *д'*, *т'*: индѣ, Исландія, крендель; франтить, пентюхъ, зонтикъ;
2) передъ *ч'*, *щ'*: кончикъ, вѣнчикъ, нынче; обманщикъ, женщина, деревенщина;
3) передъ *ц'*: Франція, провинція, индульгенція.

б) Послѣ гласной *е* буква *н* умягчается, когда слѣдуетъ *з'* или *с'*: вензель, претензія, пенсія.

4. *Умягченіе буквы з, с:*

1) передъ *д'*, *т'*: ѣздить, гвозди, грузди; расти, есть, гости;
2) передъ *л'*: возлѣ, лѣзли, вязли; отрасль, гусли, послѣ;

---

[1]) Въ Москвѣ многіе, какъ мы сами слышали, говорятъ *Серьпуховскія ворота*.

3) передъ *н'*: жизнь, изчезнетъ, козни; мясникъ, проснись, пѣсня;
4) передъ *б'*, *в'*: въ избѣ, развѣ, рѣзвиться; косвенный, пресвитеръ. Сверхъ того *с* умягчается передъ *м'*: осмина, присмирѣть.

5. *Умягченіе буквъ д, т*:

а) Независимо отъ предыдущей гласной, эти буквы умягчаются:
1) передъ *л'*: подлѣ, медлить, стыдливый; податливъ, петля, свѣтленькій;
2) передъ *н'*: задній, бредни, рудникъ; братній, сотня, лѣтній;
3) передъ *ч'*: переводчикъ, складчина; отчина, вядчина, клѣтчатый.

б) Послѣ звука е:
1) передъ *в'*: медвѣдь, четвергъ, вѣтви;
2) передъ *с'*: бѣдствіе, привѣтствіе.

6. *Умягченіе губныхъ буквъ*, а также *г* и *к* встрѣчается только при помощи звука е, и то не всегда:
1) *б*, *п* передъ *л'*, *р'*, *н'*, *с'*: колеблю, дебри, гребни, хлѣбникъ; вепрь, великолѣпнѣе; молебствіе;
2) *в* передъ *н'*: древній, деревни;
[327] 3) *м* передъ *л'*, *ч'*: земли, дремлетъ; нѣмчикъ;
4) *г* и *к* передъ *л'*, *р'*: кегли, избѣгли, сѣкли; негритянка [1]).

Почти во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ мы видимъ только двѣ умягченныя согласныя сряду, изъ которыхъ одна находится подъ вліяніемъ другой, но часто встрѣчаются въ такомъ же соотношеніи три и даже четыре согласныя, наприм. въ словахъ: *отверстіе*, *слѣдствіе*. При этомъ открывается постоянный законъ, что каждая умягченная дѣйствуетъ только на непосредственно-предшествующую ей, которая въ свою очередь можетъ дѣйствовать на стоящую передъ нею и т. д., но случаи такого вліянія остаются тѣ же, какіе были выше указаны. Такъ въ словѣ: *бѣдствіе т* умягчается передъ *в'*, *с* — передъ *т'*, а *ѣд* — передъ *с'*; то же находимъ въ словахъ *привѣтствіе*, *шерсть*, *естественный*, *поздній*.

Разсмотрѣніе это даетъ возможность сдѣлать нѣсколько довольно любопытныхъ выводовъ. Прежде всего мы замѣчаемъ, что вліянію умягченныхъ согласныхъ подвергаются, стоя передъ ними, только буквы: *р*, *н*, — *з*, *с*, — *д*, *т*, — *б*, *п*, *в*, *м*, — послѣднія четыре, впрочемъ, только послѣ звука е; далѣе находимъ, что на *р* могутъ имѣть вліяніе, частью сами по себѣ, но болѣе при помощи е, всѣ слѣдующія за нимъ умягченныя согласныя; самое большое вліяніе вообще на умягченіе

[1]) Для повѣрки замѣчанія о смягченіи буквъ *г* и *к* можетъ служить выговоръ звука е, который въ приведенныхъ примѣрахъ произносится сжато; говорятъ обыкновенно не *сѣкли*, а *сѣкли* и т. д.

*

предыдущихъ согласныхъ имѣетъ *н'*, за нимъ *д'*, *т'*; прочія буквы оказываютъ только частное вліяніе.

Иногда выговоръ бываетъ двоякій, наприм. одни говорятъ: *крѣ̀пнетъ*, *дерѐвня*, *отвѐрзнетъ*, *твѐрже*, а другіе: *крѣ́пънетъ*, *дѐрѐвьня*, *отвѐръзнетъ*, *твѐръже;* это происходитъ частью отъ того, что умягченіе нѣкоторыхъ буквъ въ извѣстныхъ случаяхъ колеблется, частью отъ того, что иныя согласныя могутъ, передъ такъ-называемыми мягкими гласными, то умягчаться, то оставаться неумягченными. Къ этому разряду согласныхъ принадлежатъ [328] особенно буквы *ж*, *ш*, *ц*. Отчего звукъ ε произносятъ то открыто, то сжато въ словахъ: нев*ѣ*жи, пр*е*жде, б*ѣ*шеный, тв*е*рже? Оттого, что въ первомъ случаѣ надобно читать, невѣ*жъ*и, пре*жъ*де и т. д., а во второмъ: невѣ*ж'*и, пре*жь*де и пр. Въ этомъ отношеніи *ч* составляетъ совершенную противоположность буквѣ *ш; ч*, по существу своему, не можетъ оставаться безъ нѣкотораго умягченія, и вотъ почему передъ нею звукъ ε всегда бываетъ сжатый: сравнимъ произношеніе словъ *конечно*, *сердечный*, когда *ч* въ нихъ сохраняетъ свой настоящій звукъ и когда онъ превращается въ *ш;* въ первомъ случаѣ, мы говоримъ *коне́чно*, *серде́чный*, а въ послѣднемъ — *конѐшно*, *сердѐшный*. Сравнимъ еще: *бѣ̀шенъ* и *вѣ̀ченъ*, *пѣ̀шка* и *рѣ́чка* (слово *пѣшка* опять можно произнести двояко), *мечь* и *тѣшь*, *рѣчь* и *рѣжь*. Отъ мягкости *ч* происходитъ, что буквы *н*, *д*, *т* умягчаются передъ нимъ даже и тогда, когда оно соединяется съ такъ называемыми твердыми гласными; въ словахъ *кончать*, *вѣнчанный*, *клѣтчатый*, передъ *ч* слышится *ь*. Причина та, что если разложить *ч* на составные звуки его *т* и *ш*, то въ немъ *т* окажется не твердое, а мягкое; *ч* = не *тш*, а *тьш;* передъ мягкимъ же *т* буквы *н*, *д*, *т* не могутъ оставаться безъ умягченія (см. выше 1 и 5). Павскій (I, § 110) находитъ, что буква *ч*, такъ же какъ *ж* и *ш*, не терпитъ послѣ себя *ь*. Касательно *ж* и *ш* онъ отчасти правъ, въ отношеніи же къ *ч* приведенныя выше сравненія достаточно удостовѣряютъ въ противномъ. *Щ*, имѣя въ составѣ своемъ *ч*, находится въ одной съ нимъ категоріи: въ словахъ *лещъ*, *вещи* гласная *е* произносится сжато и тѣмъ доказываетъ умягченіе слѣдующей согласной [1]). Слухъ нашъ также никакъ не можетъ убѣдить насъ, [329] чтобы слово *чинъ* выговарива-

---

[1]) Съ помощію этихъ законовъ произношенія легко рѣшить орѳографическій вопросъ: что́ на письмѣ правильнѣе: *мечь*, *куличь*, *лещь*, *хрящь* или *мечъ*, *куличъ*, *лещъ*, *хрящъ?* Отвѣтъ находимъ мы въ сжатомъ звукѣ буквы *е* передъ *ч* и *щ*: словъ *мѐчъ* и *лѐщъ* невозможно выговорить. Напротивъ, передъ *ж* и *ш*, оканчивающими слово, нельзя произнести сжатаго *е*, и потому послѣ этихъ согласныхъ слѣдуетъ писать ъ, напр. *манѐжъ*, *рубѐжъ*. Только въ именахъ женскаго рода и въ глаголахъ, послѣ этихъ буквъ должно ставить ь, какъ знакъ характеристическій, напр. *мышь*, *плѣшь*, *рѣжь*, *скажешь*. При всемъ томъ обычай утвердилъ ъ во всѣхъ мужескихъ именахъ, кончающихся на шипящіе звуки.

лось, какъ *чынъ* (§ 111). Гораздо слышнѣе *ы* въ *жила* и *шило*, но и тамъ это не настоящій звукъ *ы*, а средній между *ы* и *и*.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ сложный звукъ *ц*. Павскій, распространяя и на него несочетаемость съ *ъ*-емъ, находитъ, что послѣ *ц* гласная *і* всегда произносится, какъ *ы;* въ примѣръ приводитъ онъ, рядомъ съ *цыфра* и *цыганъ,* сло́ва: *порцыя, лекцыя.* Передъ согласными слогъ *ци* дѣйствительно выговаривается, по большей части, какъ *цы* (медицина), но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а особливо передъ мягкою гласною *я,* немногіе позволяютъ себѣ такое произношеніе; по крайней мѣрѣ въ образованномъ кругу говорятъ ясно: лек-*ці*-я, провин-*ці*-я, стан-*ці*-я, Гре-*ці*-я. Это доказываетъ, что *ц* можетъ также умягчаться. Передъ такимъ *ц* буква *н* всегда подвергается умягченію: *Франція, индульгенція* произносятся какъ *Франьція, индульгеньція.* Въ этомъ случаѣ *ц,* бывъ разложено, равняется *тьсь;* во всѣхъ другихъ случаяхъ *ц* = *тс,* какъ видно изъ произношенія буквы *н* въ словахъ: *чужестранць, полотенце* и проч. Слоги *ця, цю* не появляются въ живой рѣчи потому, что они трудны для выговора: въ глагольныхъ окончаніяхъ (говор*ится,* дѣла*ется* и т. п.) долженъ бы слышаться слогъ *ця,* но мы его обращаемъ въ *са.* Точно такъ же и въ нарѣчіи *отсюда,* для избѣжанія звука, близкаго къ *цю,* буква *ю* произносится почти какъ *у.*

Такимъ образомъ законъ умягченія предыдущихъ звуковъ подъ вліяніемъ послѣдующихъ можетъ вести къ рѣшенію, въ русскомъ языкѣ, разныхъ фонетическихъ вопросовъ. Онъ служитъ и къ уразумѣнію другихъ явленій, которыхъ иначе нельзя объяснить удовлетворительно. Авторъ „Филологическихъ Наблюденій“, замѣтивъ, что передъ окончаніемъ *це* буква *л* всегда смягчается, говоритъ (II, § 70): „Передъ *це* всегда подразумѣвать надобно мягкое придыханіе *ь* (це = ьце = ице). Оттого-то *гкх* и *ц,* если бы допустили послѣ себя окончаніе *це,* должны бы были измѣниться предъ нимъ на придыхательныя *ж, ч, ш.* Въ доказательство того, что передъ *це* скрывается *ь* (=и), буква *л* передъ *ц* всегда [330] ходитъ съ *ь*-емъ, и отъ него получаетъ мягкій выговоръ. Дѣло, шило, мыло измѣняются на *дѣльце, шильце, мыльце.* Когда надобно будетъ приложить *ьце* къ такому имени, въ окончаніи котораго находится буква *ь,* происшедшая тоже изъ *и,* тогда одинъ изъ двухъ *ь*-ей, и именно второй, перейдетъ въ свою гласную *и,* если только удареніе стоитъ передъ ними, а не далѣе ихъ. Тутъ *це* явится въ полномъ своемъ видѣ *ице.* Изъ *имѣнье, чте́нье* дѣлаются уменьшительныя: *имѣньице, чте́ньице.* Во всѣхъ прочихъ случаяхъ придыханіе (?) *ь,* принадлежащее окончанію *це,* выпадаетъ, не оставляя по себѣ слѣда, и согласныя буквы, стоящія предъ *це,* произносятся твердо. Отъ именъ *полотно, волокно, окно, письмо* произошли: *полотенце, волоконце, оконце, писемцо́* и *письмецо́* безъ *ь*-я. Имена, кончающіяся на *ье́,* принимаютъ *це* по этому же закону. Ихъ

удареніе перейдетъ на *це* и превратитъ *це* въ *цо*. Напр. *копъé — копъецó*". Появленіе *ъ* послѣ *л* въ уменьшительныхъ *дѣльце, шильце* ввело Павскаго въ ошибочную теорію касательно всего окончанія *це*. Объ измѣненіи *гкх* и *ц* въ *жчш* передъ *це* не можетъ быть рѣчи потому, что языкъ не представляетъ тому примѣровъ; но если и допустить такое превращеніе по образцу старо-славянскаго языка, то для объясненія того нѣтъ надобности подразумѣвать мягкое придыханіе или мягкую гласную передъ *ц* [1]). Что касается уменьшительныхъ *имѣньице, чтеньице*, то правописаніе колеблется между — *ице* и *еце* [2]): *е* безъ ударенія въ произношеніи часто сближается съ *и* (наприм. въ поѣдемъ; различать формы: *ице* (въ чтень*ице*) и *еце* (въ копь*ецо*) [331] на основаніи ударенія — произвольно; шаткость этого правила видимъ между прочимъ изъ того, что въ академическомъ Словарѣ помѣщено: *платьеце*, а не *платьице*, хотя тамъ же читаемъ: *имѣньице, вареньице*. Перейдемъ къ умягченію *л* передъ *це*. Буква *л* почти передъ всѣми окончаніями находится у насъ въ исключительномъ положеніи. Это видно и въ склоненіи; въ именахъ на *ецъ* косвенные падежи принимаютъ *ъ* вмѣсто *е* только тогда, когда этому окончанію предшествуетъ *л*: *конецъ, конца; старецъ, старца; отецъ, отца*, но — *стрѣлецъ, стрѣльца; палецъ, пальца*. То же замѣчаемъ и въ уменьшительныхъ на *чикъ*: отъ *конецъ, ларецъ* образуются: *кончикъ, ларчикъ*, а отъ *палецъ, малецъ — пальчикъ, мальчикъ*. Наконецъ это умягченіе *л* повторяется и передъ окончаніями *скій, ство, ный*, тогда какъ другія буквы не только не принимаютъ здѣсь *ъ*-ря, но иногда даже теряютъ его: *звѣрь — звѣрскій, звѣрство; конь — конскій; вздоръ — вздорный;* напротивъ: *нахалъ — нахальный, нахальство; столъ — застольный; генералъ — генеральскій; сало — сальный*. Отчего же во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ *л* умягчается? Ужели оттого, что передъ всѣми встрѣчающимися здѣсь окончаніями скрывается *ь* или

---

[1]) Павскій самъ говоритъ (I, § 123): „Есть случаи, гдѣ *е* безъ ударенія выговоромъ сближается съ *и*", и приводитъ разные тому примѣры.

[2]) Г. Миклошичъ, на основаніи церковно-славянскаго языка, также считаетъ нормальнымъ суффиксъ *ьце* (Vergl. Gr. II, 314), но въ другихъ славянскихъ языкахъ, какъ и въ русскомъ, слѣдъ *ь*-я передъ *ц* въ этомъ суффиксѣ пропалъ. Въ числѣ приводимыхъ Миклошичемъ примѣровъ изъ русскаго яз. только *дыхальцо* и *кольцо* являются съ *еремъ*, но мною достаточно ясно показано, что *л*, въ силу общаго фонетическаго закона, умягчается и передъ другими суффиксами. Изъ всѣхъ же остальныхъ русскихъ примѣровъ, приводимыхъ Павскимъ и Миклошичемъ, только *веслецо* и *письмецо* могутъ указывать на умягчающій элементъ въ началѣ суффикса (таково же уменьш. *серебрецо*); [331] но и это умягченіе можетъ зависѣть отъ фонетическаго требованія. Относительно женскихъ именъ на *ца* авторъ *Сравн. Грам. сл. яз.* замѣчаетъ также: „Das ь von ьca scheint zum suffix zu gehören". Но не противорѣчитъ ли этому тотъ фактъ, что даже женскія имена, оканчивающіяся на *ь*, теряютъ звукъ, имъ означаемый, передъ суффиксомъ *ца*, напр. *дверца, памятца, лѣнца, дрянца* (или *дрянцо*).

гласная *и*? Такъ дѣйствительно думаетъ Павскій, основываясь на смягченіи *л* и не находя другого средства объяснить это явленіе (см. Фил. Набл. II, стр. 53, 115, также II, Отд. 2-е, стр. 61, 94). Но тщательное сравненіе множества словъ показываетъ, что изъ всѣхъ окончаній только начинающіяся небною буквою *к* не имѣютъ вліянія на умягченіе *л*, которое такимъ образомъ остается твердымъ въ словахъ: *мел-кій, кол-кость, вил-ка, ссыл-ка* и проч. Кромѣ этого случая, твердое *л* передъ согласною въ серединѣ слова встрѣчается у насъ только [332] тогда, когда слѣдующая за нимъ буква принадлежитъ къ корню слова: *волна, полный, желтый, желчь, лба, молчать, толчетъ, толстый, молвитъ, холмъ, холстъ, долго, колдунъ, ползать, должать, толпа*. Сравните съ этими, кромѣ приведенныхъ уже словъ, слѣдующія: *гульбище, рисовальщикъ, корабельщикъ, земледѣльческій, стрѣльчатый, небывальщина, генеральша;* здѣсь опять *ь* явился передъ окончаніями не какъ ихъ принадлежность, а какъ необходимый спутникъ буквы *л*, что̀ доказывается сравненіемъ примѣровъ: *кладбище* (не кладьбище), *ямщикъ, терщикъ, старческій, створчатый, барщина, аптекарша*. Если бъ передъ такими окончаніями въ самомъ дѣлѣ находилось *ь* или *и*, то не было бы ему причины скрываться послѣ всѣхъ буквъ, кромѣ *л*. Мы это видимъ въ окончаніи *ба*, которому всегда предшествуетъ *ь*: слова̀ *гоньба, ходьба, свадьба, борьба, гурьба, рѣзьба, просьба. женитьба* принимаютъ передъ послѣднимъ слогомъ умягченіе точно такъ же, какъ *гульба, похвальба, мольба* [1]). Отсюда нельзя не вывести заключенія, что *л* передъ всѣми окончаніями, кромѣ *кій, ка, кость*, умягчается по закону чисто-фонетическому. Правда, этотъ законъ существенно отличается отъ того, по которому происходитъ умягченіе другихъ согласныхъ, но онъ такъ же постояненъ и очевиденъ. Только правописатели наши рѣшительно вывели букву *л* изъ ряду остальныхъ, означая всегда ея умягченіе на письмѣ. Отъ этого допущено одно только отступленіе: въ словахъ иностранныхъ, гдѣ встрѣчаются два *л* сряду и первое умягчается по вліянію послѣдняго, *ь* между ними не пишется (Галлія, Валлисъ [2]). Такому отличію разсматриваемая буква обязана тѣмъ, что между твердымъ и мягкимъ *л* болѣе замѣтное и рѣзкое различіе, нежели между обоими видоизмѣненіями другихъ согласныхъ. [333] Между послѣдними при буквѣ *н* чаще нежели при прочихъ умягченіе означается на письмѣ; такъ почти всѣ уже пишутъ: *раньше, тоньше, меньше, уменьшать*; однакожъ и при *н* знакъ *ь* нерѣдко под-

---

[1]) Этому окончанію соотвѣтствуетъ латышское *iba*: ween-iba, единство; walst-iba, царство; baggat-iba, богатство; laul-iba, женитьба; leel-iba, похвальба. Только у насъ окончаніе *иба* нѣсколько сократилось и получило болѣе ограниченный смыслъ.

[2]) Есть два русскія слова, въ которыхъ также находятся два мягкія *л* сряду: *гульливый* и *шальливый*. Эти слова пишутся различно. Сложныя слова: *пол-листа, пол-лота* и т. п., равно какъ и *пол-день*, сюда не относятся.

разумѣвается, наприм. въ словѣ *благоденствіе*, гдѣ ɛ ясно слышится передъ окончаніемъ *ствіе* по требованію послѣдующихъ согласныхъ. Этотъ послѣдній законъ по большей части такъ опредѣлителенъ, что иногда другой, въ случаѣ противорѣчія съ нимъ, ему уступаетъ. Извѣстно, что обыкновенно гласная *е* въ замкнутомъ слогѣ передъ мягкимъ звукомъ не произносится какъ ё (наприм. *ель*, а не *ёль*); но если ей придется стоять передъ звукомъ, умягченнымъ по означенному закону, то такое произношеніе допускается, наприм. въ словахъ: *сплетни*, *переплетчикъ*, *клеенчатый*, которыя обыкновенно произносятся: *сплётьни*, *переплётьчикъ*, *клеёньчатый*. Первыя два слова слышатся иногда, впрочемъ гораздо рѣже, и въ такомъ видѣ: *сплéтьни*, *переплéтьчикъ*, но умягченіе *т* передъ *н* и *ч* все же остается въ своей силѣ.

Наконецъ возвратимся къ тому значенію, какое звукъ ɛ имѣетъ, какъ нами показано прежде, при умягченіи слѣдующихъ за нимъ согласныхъ. Мы видѣли, что буквы *р*, *н*, *д*, *т*, а также и губныя принимаютъ въ извѣстныхъ случаяхъ такое умягченіе только тогда, когда имъ предшествуетъ гласная *е* или *ѣ*. Наприм. ɛ слышится въ серединѣ словъ *стебль* (бьль), *вѣтви* (тьви), *гребля* (бьля), но не слышится послѣ тѣхъ же согласныхъ въ *корабль*, *жатвѣ*, *грабли*. Эта особенность буквъ *е*, *ѣ* находится въ тѣсной связи съ ихъ свойствомъ сообразоваться въ произношеніи съ слѣдующимъ за ними звукомъ. Такимъ образомъ мягкій выговоръ промежуточной согласной часто опредѣляется совокупнымъ дѣйствіемъ предшествующаго ɛ и послѣдующей согласной. Этимъ окончательно опровергается упомянутое выше положеніе г. Бётлинга, будто двоякое произношеніе, приписанное мною буквамъ *е*, *ѣ*, *э*, наравнѣ съ ними свойственно и всѣмъ прочимъ гласнымъ. Если бъ такъ было дѣйствительно, то другія гласныя раздѣляли бы также вліяніе звука ɛ на умягченіе одной согласной передъ [334] другою. Если бы *а* могло получить болѣе мягкій звукъ передъ *ль*, нежели передъ *лъ*, то въ словѣ *корабль б* произносилось бы съ такимъ же умягченіемъ, какъ въ словѣ *стебль*, между тѣмъ мы видимъ, что въ первомъ изъ этихъ двухъ именъ *б* вовсе не подчиняется вліянію послѣдующаго *ль*, которому по тому самому такъ трудно удержаться, что оно въ произношеніи охотно скрывается, и тогда *б*, какъ послѣдняя буква, принимаетъ звукъ *п*. Слóва *стебль*, напротивъ, никто не произнесетъ *степъ*.

Удерживаясь отъ дальнѣйшихъ подробностей по предмету нашего разсмотрѣнія, будемъ довольствоваться и тѣмъ, если намъ удалось указать въ системѣ русскихъ звуковъ нѣкоторые общіе законы, которые до сихъ поръ еще не были изслѣдованы.

ЗАМѢТКИ О СУЩНОСТИ НѢКОТОРЫХЪ ЗВУКОВЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

1878 г.

---

[335] Фонетика, опирающаяся на физіологію звуковъ, есть вообще отрасль науки, еще мало разработанная; тѣмъ болѣе нова она въ области славянскихъ языковъ. Въ своихъ *Спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія* я старался поставить русскую фонетику на это единственно надежное основаніе и показать, ка́къ не вполнѣ правильное пониманіе сущности звуковъ языка приводило даже нѣкоторыхъ изъ лучшихъ филологовъ къ разнымъ недоразумѣніямъ. Германскіе ученые хотя ранѣе насъ сознали необходимость обозначенной мною точки зрѣнія и примѣняли физіологическій методъ отчасти и къ славянскимъ языкамъ, но по недостатку практическаго съ ними знакомства, изучая ихъ звуки главнымъ образомъ по книгамъ, впадали въ ошибки другого рода. Мы, русскіе, обладая однимъ изъ богатѣйшихъ по звукамъ языковъ и пріобрѣтая съ дѣтства навыкъ въ иностранной рѣчи, или по крайней мѣрѣ слыша ее вокругъ себя, имѣемъ въ этомъ отношеніи значительное передъ другими европейцами преимущество; но авторитетъ, какимъ пользуется у насъ западная наука, былъ причиною, что иногда наши ученые, принявъ безъ надлежащей критики положенія нѣмцевъ по нашей фонетикѣ, повторяли и до сихъ поръ повторяютъ въ своихъ сочиненіяхъ нѣкоторые ихъ ошибочные взгляды. Такова между прочимъ ихъ теорія о согласной натурѣ звука *й*, теорія, на основаніи которой они принимаютъ начертанія: *бойъ, гнойъ* и т. п.

Изъ словъ Шлейхера Kirchensl. Formenlehre, стр. 85, видно, что главнымъ основаніемъ этихъ искусственныхъ формулъ служатъ косвенные падежи (*бой-а, бой-у* и т. д.) и что слѣдовательно [336] ъ въ именительномъ придуманъ для симметріи. Еслибъ послѣдователи этой орѳографіи пристальнѣе обратили вниманіе на сущность звуковъ, на физіологическую сторону дѣла, то можетъ быть убѣдились бы въ невозможности предполагать послѣ *й* въ древнемъ произношеніи гласный призвукъ, т. е. нѣчто похожее на *о* или *у*. Иначе почему же тогдашніе писцы не стали бы означать на письмѣ этого добавочнаго звука, который они ставили во всѣхъ другихъ случаяхъ? Нѣтъ сомнѣнія, что

первоначальное правописаніе было чисто-фонетическое. Итакъ, причина того, что послѣ *й* не ставили *ера*, была конечно попросту та, что его и не слышали. Въ доказательство того, что формула *бой-ъ* не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго древне-славянской фонетикѣ, приводятъ только одно: „*й* есть согласный звукъ", но спрашивается: изъ чего же это видно? Займемся этимъ вопросомъ.

Физіологическое различіе между гласными и согласными заключается существенно въ томъ, что при произнесеніи первыхъ устный проходъ остается болѣе или менѣе открытымъ, для артикуляціи же послѣднихъ двѣ части рта образуютъ между собой затворъ или по крайней мѣрѣ тѣсненіе. Замѣчается ли такая разница при произношеніи *и* и *й*? Если станемъ произносить *и* не переводя дыханія, такъ чтобы онъ звучалъ нѣсколько времени непрерывно, а потомъ вдругъ перейдемъ къ другой гласной, напр. къ *а* или *о*, то непосредственно передъ нею *и (i)* непремѣнно обратится въ *й*, въ положеніи же органовъ рѣчи при этомъ не произойдетъ никакой перемѣны. Только въ томъ случаѣ, если непосредственно послѣ *й* (j) надо будетъ опять произнести *и (i)*, какъ напр. въ англ. словѣ year или въ русскомъ *ихъ*, *имъ*, *ручьи*, то нельзя отрицать, что при переходѣ *и* въ *й* (которое у насъ тутъ не пишется) языкъ нѣсколько приближается къ нёбу, ибо иначе этотъ переходъ былъ бы невозможенъ [1]); во всѣхъ же другихъ случаяхъ всю разницу въ произношеніи обоихъ звуковъ составляетъ [337] только бо́льшая или меньшая продолжительность того и другого, такъ что *й* несомнѣнно оказывается полугласнымъ.

Еще явственнѣе обнаруживается это, если взять слово, оканчивающееся на *й* (напр. *край*) и продолжать произносить послѣдній звукъ, который при этомъ сейчасъ обращается въ чистое *и*: звуковое различіе между *край* и *краи* заключается единственно въ томъ, что первое слово односложно, а второе состоитъ изъ двухъ слоговъ. Въ слогѣ *ай*, какъ и во всякомъ другомъ дифтонгѣ, обѣ составныя части сохраняютъ свою первоначальную натуру. Чтобы доказать противное, къ *и* приравниваютъ звукъ *в*; но это невѣрно, ибо въ составѣ дифтонга звуку *й* соотвѣтствуетъ не *в*, а *у*: если вмѣсто *й* поставимъ *у* рядомъ съ другимъ гласнымъ и соединимъ оба звука въ одинъ слогъ, то при этомъ *у* не сдѣлается согласнымъ, а сохранитъ свою гласную натуру и по краткости своей будетъ признанъ за полугласный, напр. въ англ. we, were, word [2]), или how, now; въ нѣм. bau, lau. Въ соб-

---

[1]) Въ этомъ случаѣ можно согласиться, что звукъ *й* становится дѣйствительно *йотомъ* (j) и принимаетъ натуру согласнаго.

[2]) Въ нѣкоторыхъ англійскихъ словахъ начальное w звучитъ не какъ чистое *у*: передъ этимъ звукомъ слышится еще какъ будто нѣчто среднее между *у* и *в*, но всетаки еще не *в*, т. е. не согласный звукъ, хотя суженіе губного отверстія и нѣсколько болѣе, нежели при образованіи *у*.

ственно-русскихъ словахъ *у* никогда не является полугласнымъ членомъ дифтонга, и при сложеніи двухъ словъ въ одно *(за-утра)*, гдѣ бы онъ могъ играть эту роль, отверждается въ *в;* то же бываетъ въ нѣкоторыхъ чужеязычныхъ словахъ, каковы напр. *авторъ, аврора, евангеліе;* но въ другихъ, заимствованныхъ изъ нѣмецкаго, напр. *гауптвахта, цейхгаузъ, шлагбаумъ, у* и у насъ остается полугласнымъ, и русскіе прекрасно справляются съ произношеніемъ дифтонга *ау*. Въ русскихъ же по происхожденію словахъ, изъ всѣхъ гласныхъ только *и* можетъ сокращаться въ полугласный для образованія дифтонга, при чемъ вторымъ членомъ можетъ служить каждый изъ прочихъ гласныхъ нашихъ, т. е. мы имѣемъ дифтонги: *йа (я), йэ (е, ѣ), йо (ё), йу (ю)* и *ай, эй, ой, уй* [1]).

[338] Къ недоразумѣнію относительно натуры *й* способствовали два обстоятельства:

1) Не всегда точная и послѣдовательная ороографія, какъ напр. въ нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ разсматриваемый звукъ изображается то чрезъ j, то чрезъ i, а прежде означаемъ былъ и чрезъ y, напр. jahr, jung, bei, ein, zwey, seyn. Во всѣхъ этихъ и подобныхъ словахъ слабѣйшій звукъ дифтонга — одинъ и тотъ же, соотвѣтствующій русскому *й*, а едва ли кто захочетъ утверждать, что буква *i* въ ein, dein и проч. есть согласная. Такъ же непослѣдовательны и русскіе, когда они перваго звука своихъ дифтонговъ *йа, йэ, йо, йу* совсѣмъ не пишутъ, превращая древнія *ꙗ, ѥ* въ *я, е,* и вмѣсто *йо, йу* начертывая *е, ю*, отчего многіе и не сознаютъ присутствія полугласнаго *й* въ этихъ начертаніяхъ. Только въ иностранныхъ словахъ начали въ новѣйшее время употреблять *й* въ началѣ и въ срединѣ словъ *(йоркъ, майоръ);* но во множествѣ случаевъ пишутъ еще по старому *i* вмѣсто *й*, напр. *Іорданъ*, или даже ставятъ лишнее *i* передъ буквою, которая уже сама по себѣ образуетъ дифтонгъ: *Іерусалимъ, іюнъ, іюль*. Одни англичане и шведы остаются вѣрны себѣ въ означеніи краткаго i: первые всегда употребляютъ на то y (whye), а послѣдніе j; англичане пишутъ: yes, yacht, your; boy, eye; шведы: ja, jul, hjerta, nej, koja, olja, familj.

2) Для образованія слога слабѣйшій членъ дифтонга дѣйствительно получаетъ значеніе *(функцію)* согласнаго, играетъ *роль* его, почему древніе грамматики и дали йотѣ названіе i consonans (или i consona), но по натурѣ своей этотъ звукъ, какъ было показано, остается гласнымъ.

У Нѣмцевъ jot все еще составляетъ камень преткновенія фонетики. Большая часть филологовъ ихъ считаетъ его, вслѣдствіе сейчасъ

---

[1]) Излишне было бы останавливаться здѣсь на томъ, что звуки *яй, ей, юй*, собственно говоря, *трифтонги*, почему о нихъ здѣсь и не упоминается.

объясненнаго обстоятельства, согласнымъ звукомъ; но въ словаряхъ Гримма и Вейганда онъ принимается за полугласный; Лепсіусъ разсматриваетъ его въ разрядѣ согласныхъ, но называетъ его полугласнымъ [1]). Брюкке, пріобрѣтшій сильный [339] авторитетъ въ физіологіи звуковъ, въ отношеніи къ jot впалъ въ странное недоразумѣніе и, утративъ свою обычную проницательность, утверждаетъ (Grundzüge, 2-е изд., 91), что при произнесеніи jot не пропадаетъ гласный і, но слышится одновременно и онъ и *согласный* jot. На несообразность этого мнѣнія я обратилъ уже вниманіе въ *Филологическихъ Разысканіяхъ* (т. II [2 и 3], стр. 30). Недавно въ такомъ же смыслѣ отозвался объ этомъ взглядѣ г. Крейтеръ (Kräuter) въ приложеніи къ своему изслѣдованію Zur Lautverschiebung (см. стр. 115). Какъ г. Крейтеръ, такъ и выступившій ранѣе его г. Сиверсъ (послѣдній въ сочиненіи Die Grundzüge der Lautphysiologie) значительно содѣйствовали къ разъясненію спорнаго вопроса о натурѣ звука jot, и я считаю полезнымъ представить здѣсь нѣсколько выписокъ изъ ихъ замѣчаній по этому предмету. Г. Сиверсъ различаетъ два звука jot, изъ которыхъ одинъ, по его мнѣнію, согласный, а другой полугласный. О первомъ онъ говоритъ (стр. 33): „Если во время образованія і усилить выдыхательное давленіе, не измѣняя гортанной артикуляціи, то постепенно производится проточный звукъ j, какъ его произносятъ въ сѣверной Германіи“. Далѣе (стр. 73) авторъ распространяетъ качество спиранта j и на среднюю Германію и прибавляетъ: „необходимо отличать его отъ полугласнаго і, который часто встрѣчается, напр., въ южной Германіи“. Такъ какъ полугласный большею частью является въ дифтонгахъ, то посмотримъ напередъ, какъ г. Сиверсъ понимаетъ подобную звуковую группу. „Подъ дифтонгомъ, говоритъ онъ (стр. 86), разумѣютъ сочетаніе двухъ, однимъ и тѣмъ же выдыхательнымъ толчкомъ производимыхъ, т. е. образующихъ одинъ лишь слогъ, простыхъ, обыкновенно краткихъ гласныхъ, изъ коихъ первый носитъ болѣе сильный акцентъ“. Гласный, который по отсутствію на немъ акцента ослабѣлъ до функціи согласнаго, признается г. Сиверсомъ за *полугласный*, но вмѣстѣ съ тѣмъ при этомъ замѣчено, что такая смѣна функцій случается только передъ гласнымъ, имѣющимъ болѣе сильное удареніе. „Поэтому, прибавляетъ г. Сиверсъ (стр. 88), можно, согласно съ нашимъ опредѣленіемъ дифтонговъ, сказать также, [340] что полугласный происходитъ при соединеніи двухъ гласныхъ, изъ которыхъ *второй* носитъ удареніе“. Сознаюсь, однакожъ, что мнѣ непонятно, почему послѣдующій гласный не можетъ, наравнѣ съ предшествующимъ, исполнять роль согласнаго: мнѣ напротивъ кажется, что въ обоихъ случаяхъ, т. е., что какъ въ je (йэ), такъ и въ ej (эй) звукъ jot (й) по своей природѣ остается глас-

---

[1]) Das allgemeine linguistische Alphabet, стр. 29.

нымъ, но имѣетъ функцію согласнаго. Весьма справедливо замѣчаетъ въ этомъ отношеніи г. Крейтеръ (стр. 117): Прежде всего предосудителенъ произволъ, съ которымъ сочетанія ai, oi, au и т. д. разсматриваются совершенно иначе, нежели ia, io, ua и т. д.; это то же самое, что, напр., смотрѣть на l въ al не такъ, какъ въ la". Для краткости не продолжаю этой выписки, но всякому, интересующемуся занимающими насъ вопросами, совѣтую прочесть и слѣдующія за симъ страницы небольшой книги г. Крейтера. Вниманія заслуживаетъ и то, чтó гораздо ранѣе его сказалъ г. Таузингъ въ дѣльномъ своемъ сочиненіи: „Das natürliche Lautsystem" (стр. 90 и сл.): онъ очень основательно принимаетъ два вида дифтонговъ, смотря по тому, имѣютъ ли они *нисходящій* характеръ (какъ въ нѣмец. Haus, heiss), или *восходящій* (какъ во фран. roi, lui). Но замѣчательно, что, несмотря на это вѣрное пониманіе дѣла, и г. Таузингъ не замѣчаетъ двугласности слоговъ ja, je и т. п., и вслѣдствіе того равнымъ образомъ видитъ въ jot согласный по его натурѣ. Между тѣмъ отъ этого изслѣдователя можно было бы ожидать болѣе проницательнаго взгляда, такъ какъ онъ нѣсколько далѣе вполнѣ правильно разсуждаетъ: „Если возлѣ гласнаго, образующаго слогъ, дать мѣсто еще другому гласному, то этотъ послѣдній въ силѣ и продолжительности тона долженъ ослабѣть до степени согласнаго, будетъ ли онъ принадлежать къ тому или другому разряду звуковъ" (т. е. хотя бы онъ по своей природѣ оставался гласнымъ).

Къ выпискамъ, дающимъ понятіе о выводахъ г. Сиверса, прибавлю еще слѣдующее его замѣчаніе: „Со спирантами j и w, которые часто отъ болѣе сильныхъ суженій (въ устномъ каналѣ) развиваются изъ i и у, не должно смѣшивать этихъ послѣднихъ" [341] (Grundzüge, стр. 89). Но г. Крейтеръ, съ своей стороны, говоритъ (Lautverschiebung, 149, 150): „Нигдѣ въ Германіи я не слышалъ, чтобы j произносили не какъ полугласное i; люди, утверждающіе, что j другой звукъ чѣмъ i, приводятъ въ подкрѣпленіе этого только такіе доводы, которые показываютъ, что j Mitlauter (созвучникъ), а не Selbstlauter (самогласъ)". Чтобы понять эти слова въ настоящемъ ихъ смыслѣ, надобно знать различіе, установляемое г. Крейтеромъ между названіями Mitlauter и Consonant (созвучащій и согласный) и явствующее уже изъ заглавія статьи, приложенной къ книгѣ его, именно: „Vokalische Mitlauter und Konsonantische Selbstlauter" (гласные созвучники и согласные самогласы). Съ его точки зрѣнія (стр. 113) терминъ „Konsonant" (σύμφωνον) обозначаетъ не натуру звуковъ, а способъ ихъ употребленія въ языкѣ, слѣдовательно основывается на совершенно другомъ началѣ дѣленія, нежели „Vokal". „Названіе Konsonant, продолжаетъ онъ, придали подлежащимъ звукамъ, потому что они у грековъ одни, сами по себѣ, не служатъ къ образованію слога, но всегда являются въ немъ только

спутниками другихъ звуковъ. Та же наклонность обращать вниманіе болѣе на роль, какую звукъ играетъ въ языкѣ, нежели на существо его, обнаруживается позднѣе и у Римлянъ". Для бóльшаго еще разъясненія дѣла, г. Крейтеръ замѣчаетъ: „Когда симитскіе грамматики разсматриваютъ *двугласные* (Doppellaute), какъ сочетаніе *гласныхъ* и *согласныхъ*, то это по формѣ выраженія конечно неправильно потому что *і* и *у* нисколько не измѣняетъ своего звука, своей физіологической натуры, слѣдовательно, считаются гласными; но по смыслу это совершенно вѣрно, ибо подъ согласнымъ тутъ разумѣется не что иное, какъ то же самое, чтó я называю Mitlauter (созвучникомъ)". Наконецъ, г. Крейтеръ справедливо вызываетъ (стр. 119) одного рецензента разъяснить, въ чемъ же заключается разница между такъ называемымъ двугласнымъ ai и слогомъ ăj, въ которомъ j будто бы выговаривается какимъ-то особеннымъ, нѣмецкимъ способомъ. Обычное выраженіе: „j вокализируется", когда оно должно означать различіе между aj и [342] односложнымъ ai, изобличаетъ жалкую зависимость отъ правописанія". Сказанное г. Крейтеромъ на той же страницѣ, что „славяне въ своихъ ои, аи, еи, уи и т. д. видятъ совершенно то же, что въ ой, ай, ей, уй и т. д." сохраняетъ свою вѣрность и въ обратномъ смыслѣ, т. е.: ой, ай, ей, уй значатъ то же, что ои, аи, еи, уи, съ тою только разницею, что первый способъ начертанія указываетъ на возможно краткую продолжительность звука *и*, который точно такъ же произносится въ нѣмецкихъ словахъ ei, sei, hai, ein, sein, hain, не будучи на письмѣ отличаемъ отъ полнаго *и*. Но что въ такихъ случаяхъ славянское *й* совершенно тожественно съ нѣмецкимъ *і*, что, слѣдовательно, нѣтъ никакого основанія предполагать за нимъ въ концѣ слова (даже и въ древнемъ языкѣ) еще какой-то пазвукъ и означать этотъ послѣдній на письмѣ еромъ, этого конечно не станетъ отрицать ни одинъ безпристрастный читатель.

Правильный взглядъ на *й* находится въ тѣсной связи съ истиннымъ пониманіемъ тѣхъ двухъ звуковыхъ оттѣнковъ, которые означаются *еромъ* и *еремъ* и противоположность которыхъ проходитъ черезъ всю систему русскихъ звуковъ, составляя исконную особенность славянскихъ языковъ. Такъ какъ отмѣчаемый этими полугласными выговоръ почти безслѣдно исчезъ въ большей части названныхъ языковъ, то естественно, что западному европейцу чрезвычайно трудно составить себѣ ясное понятіе о сущности этихъ двухъ звуковъ. Мы лишь приблизительно можемъ уразумѣть древнее значеніе обѣихъ полугласныхъ въ серединѣ словъ, имѣя въ виду неопредѣленный звукъ англичанъ (напр. въ but), французское e muet или произношеніе у чеховъ и сербовъ нѣкоторыхъ слоговъ, которые пишутся безъ гласныхъ. Но значеніе *ера* и *еря*, какъ двоякаго пазвука при согласныхъ, сохранилось въ русскомъ языкѣ: въ каждомъ изъ этихъ двухъ полу-

гласныхъ слышится какъ бы приступъ къ произношенію либо широкаго гласнаго (а, о, у), либо тонкаго (э, и) [1]. Отличаемая [343] знаками ъ и ь артикуляція согласныхъ зависитъ отъ особеннаго выговора русскихъ гласныхъ, значительно отступающаго отъ произношенія тѣхъ же звуковъ у западныхъ европейцевъ. Такъ напр. наши слоги ра, ро, ру, ре, ри звучатъ совсѣмъ не такъ, какъ французскіе или нѣмецкіе ra, ro, ru, re, ri; та же разница замѣчается и при измѣненномъ порядкѣ звуковъ (ар, ор, ур и т. д.). Если возьмемъ въ этихъ трехъ языкахъ нѣсколько словъ, повидимому, составленныхъ изъ тѣхъ же звуковъ, напр. нѣмецкія koth, pott, rad, rath, nie; французскія: côte, cotte, rate, nid и русскія: котъ, потъ, радъ, ни, то найдемъ, что два первые ряда словъ почти однозвучны, послѣдній же звучитъ совершенно иначе. Всего поразительнѣе эта разница при *л*, но она ощутительна и при всякой другой согласной, и происходитъ отъ того, что мы отличаемся отъ прочихъ европейскихъ народовъ какъ самымъ растворомъ рта и движеніемъ органовъ рѣчи, которые точнѣе опредѣлить могутъ лишь физіологи, такъ и большею силой выдыханія. Обстоятельство, что ъ и ь никогда не являлись въ началѣ слога, указываетъ на то, что они всегда служили только вспомогательными звуками при согласныхъ, опорою ихъ, хотя можетъ быть нѣкогда и подходили ближе къ полнымъ гласнымъ.

Нѣкоторые изслѣдователи, считающіе и *й* и *ь* за сокращенное і (Шлейхеръ, Ksl. Form. стр. 9 и 157), не обращаютъ [344] вниманія на различную продолжительность и разное значеніе этихъ двухъ краткостей и употребляютъ одинакую транскрипцію, напр., для словъ: крајъ и конјъ. Они не замѣчаютъ, что ь есть низшая степень сокращенія *и*, что *й* есть, такъ-сказать, удлиненіе *еря* или, наоборотъ, *ь* есть укороченный *й* [2]. Оттуда превратное мнѣніе, будто отонченныя со-

[1]) У насъ по большей части представляютъ себѣ букву *э* какъ представительницу широкаго звука, что выражается особенно въ томъ, что въ заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ именахъ ее употребляютъ послѣ согласной не иначе, какъ для замѣщенія франц. è, ê или ais, нѣмецк. ä и т. п., напр., *тэма*, *мэръ*, *Раблэ*, *Бэръ*, но при этомъ теряютъ изъ виду, что въ русскомъ языкѣ буква *э*, такъ же, какъ и *е*, *ѣ*, означаетъ двоякій звукъ, какъ легко замѣтитъ всякій одаренный не слишкомъ грубымъ слухомъ, при сравненіи напр. словъ *э*-ти и *э*-та, *э*-рикъ и *э*-ра. Такъ какъ всякая согласная можетъ имѣть у насъ только двоякій звукъ, т. е. одинъ, означаемый *еромъ*, и другой *еремъ*, то очень не трудно убѣдиться, какова́ гласная, т. е. широкая ли она, или тонкая; для этого сто́итъ только приставить ее къ согласной и посмотрѣть, какъ произнесется эта послѣдняя—съ *еромъ* или съ *еремъ*; напр., въ словахъ *Раблэ*, *атлэтъ* *л*, несмотря на видимую широкость гласной *э*, будетъ произнесенъ какъ *ль*, а не какъ *лъ*; слѣдов., *э* есть гласная тонкая или, если вы предпочитаете болѣе употребительный терминъ,—мягкая гласная. Не говорю уже о томъ случаѣ, когда *э* и безъ того представляетъ французъ. *é* или нѣмецкій сжатый звукъ *e*, напр., въ именахъ *Эмилія*, *поэзія*.

[2]) Даже Востоковъ впалъ, въ одномъ мѣстѣ своихъ изслѣдованій, въ этотъ промахъ, сказавъ, что *ь* и *й* одно и то же (См. его Филолог. Наблюденія, стр. 18).

гласныя (бь, вь и проч.) составляютъ „mouillirte Laute" или „согласные дифтонги". Первое выраженіе примѣнилъ къ этимъ славянскимъ звукамъ Брюкке (Grundzüge [1], стр. 98), второе находимъ у Шлейхера (Ksl. Fl., стр. 34). На невѣрность теоріи Брюкке я указалъ уже прежде [1]), такъ какъ у Французовъ l и n mouillés слышатся каждый какъ два звука (lj, nj), тогда какъ въ нашихъ ль, мь, нь и т. д. тонкій пазвукъ совершенно сливается съ согласною въ одинъ звукъ, изъ котораго никакъ нельзя выдѣлить jot. Впрочемъ, говоря объ этомъ предметѣ, я тѣмъ болѣе могу быть краткимъ, что уже г. Сиверсъ (Grundzüge, стр. 105) выяснилъ его и справедливо назвалъ русскій ъ редуцированнымъ йотомъ. Смѣшеніе jot съ *еремъ* повторяется и у г. Лескина: по его мнѣнію, ль, рь, нь, пишется вмѣсто лјь, рјь, нјь и по-настоящему й должно быть всегда читаемо какъ jĭ (т. е. jь) [2]). Но дѣло въ томъ, что такія слова, какъ, напр., голубь, червь, лебедь, князь, гость вовсе не имѣютъ j въ концѣ, ибо иначе предшествующіе *ерю* согласные б, в, д, з, т непремѣнно умягчились бы въ бл, вл, ж или жд, ч или щ, какъ это дѣйствительно произошло въ другомъ разрядѣ словъ, именно въ такихъ словахъ, какъ корабль, журавль, ложь, вождь, кличь, плащь, которыхъ первоначальную форму можно представить себѣ такъ: корабьй, журавьй, логьй, водьй и т. д., т. е. въ послѣднемъ рядѣ словъ смягченіе было двойное и оттого произошло измѣненіе согласныхъ въ ихъ окончаніяхъ; ясно, что здѣсь [345] j (й) дѣйствительно имѣлъ физіологическое значеніе [3]). Въ первомъ ряду, напротивъ, не видно ничего подобнаго, и нельзя не признать мнѣніе о присутствіи въ этихъ словахъ йота лишеннымъ основанія. Только при переходѣ звука въ другой можно сказать, что ему предшествовало то, что Нѣмцы называютъ Mouillirung. Что касается начертанія jь (ji), то оно представляетъ еще и тотъ абсурдъ, что, если въ самомъ дѣлѣ ь значитъ jь, то произойдутъ слѣдующія, до безконечности простирающіяся формулы: конь = конјь = конјјь = конјјјь и т. д.

Ничѣмъ инымъ, какъ такимъ же смѣшеніемъ еря съ йотомъ, можно объяснить, ка́къ могъ такой геніальный филологъ, какъ Шлейхеръ, не оцѣнить вѣрности различія, указаннаго Миклошичемъ между произношеніемъ е, ё, я, ю въ началѣ слога (praejotirte Laute) и произношеніемъ этихъ же буквъ послѣ согласныхъ (praejerirte Laute): увлечен-

[1]) Филол. Разыск. т. II², стр. 24; въ 3 изд., стр. 30.

[2]) Handbuch der altbulg. Sprache, стр. 15; также Die Declination im Slavisch-Litauischen und Germanischen (Leipzig 1876), стр. 9, 10, 84 и проч.

[3]) Присутствіе *й* при двойномъ, или полномъ умягченіи звуковъ очевидно особенно въ звукахъ губного органа: *л* послѣ *б, п, в, ф, м* есть не что иное, какъ замѣна йота, который и въ другихъ языкахъ легко подвергается такимъ превращеніямъ или становится на мѣсто другихъ звуковъ. Ср. итал. pianto, piegare, bianco, fiamma съ франц. plante, plier, blanc, flamme.

ный своею теоріею цетацизма, онъ въ своей грамматикѣ цсл. языка (стр. 84) рѣшительно высказался противъ этого взгляда.

Но и г. Миклошичъ, кажется, не совсѣмъ правъ, находя, что *мои, твои, краи*, въ древнихъ памятникахъ должны быть всегда произносимы какъ моји, твоји, краји. Въ общеупотребительномъ русскомъ языкѣ не слышно въ такихъ словахъ йота, и нѣтъ основанія предполагать этотъ звукъ и въ древней ихъ формѣ, такъ какъ правописаніе не подаетъ къ тому повода. Русскіе (оставляю въ сторонѣ возможныя различія въ діалектическихъ говорахъ) выговариваютъ *и* за *йи* только въ личномъ мѣстоименіи: *ихъ, имъ, ими* и въ такихъ случаяхъ, какъ: чьи, соловьи, Натальи. Востоковъ замѣчаетъ: „Надъ *и* древніе писцы не ставили знака краткости, а писали равно именит. ед. и именит. множ. *мои, твои, свои;* однакожъ вѣроятно произносили въ первомъ случаѣ мой, твой, [346] свой, а во второмъ мои, твои и пр., какъ и въ нынѣшнемъ языкѣ". (Фил. Набл., стр. 21).

Показавъ отношеніе между *й* и *ъ*, перейду теперь къ *еру*. Прежде всего надобно замѣтить, что произношеніе согласныхъ, сопровождаемыхъ этимъ звуковымъ элементомъ (отмѣчается ли оно, или нѣтъ на письмѣ), напрасно оставляется изслѣдователями безъ вниманія и они занимаются только *еремъ*. Выше уже, при общемъ разсмотрѣніи обѣихъ полугласныхъ, я замѣтилъ, что по причинѣ элемента ъ у насъ звуки, какъ согласные, такъ и гласные, слышатся совсѣмъ иначе, нежели въ западно-европейскихъ языкахъ. Г. Миклошичъ полагаетъ (Lautl. стр. 379), что „ъ въ произношеніи безслѣдно исчезаетъ, такъ какъ предшествующій ему согласный сохраняетъ свой звукъ". Это выраженіе не только не точно, такъ какъ здѣсь ъ трактуется лишь какъ знакъ, а не какъ звуковой элементъ, но и не совсѣмъ отвѣчаетъ истинѣ: ибо каждый отмѣченный *еромъ* согласный имѣетъ именно тотъ звукъ, который онъ можетъ имѣть передъ широкими гласными или передъ приступомъ къ ихъ произношенію. Что значатъ слова: согласная *сохраняетъ* свой звукъ? Ей свойственны два звука, смотря по тому, который изъ двухъ элементовъ въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ. Что *ъ* въ произношеніи безслѣдно не исчезаетъ, видно изъ того, что если непосредственно за словомъ, кончающимся на ъ, произнести другое, начинающееся съ *и*, то этотъ послѣдній звукъ превращается въ *ы*, напр. *идетъ изъ* звучитъ какъ *идетызъ, зналъ имя* какъ *знальимя.* Всего яснѣе это обнаруживается при предлогахъ въ, съ, объ, подъ и др., ибо *подъ именемъ*, напр., слышится *подыменемъ*, что́ особенно наглядно является въ сложныхъ словахъ, гдѣ *ы* даже и пишется, напр. въ *обыскъ, предыдущій, сызнова.* Широкое произношеніе *и* послѣ *ъ* есть физіологическая необходимость. Поэтому-то для западнаго европейца такъ же трудно усвоить себѣ настоящее произношеніе *ы*, какъ и звуковой элементъ *ъ:* еслибъ было справедливо (какъ часто утверждаютъ),

что русскія согласныя, отмѣченныя *еромъ*, звучатъ точно такъ же, какъ согласныя другихъ европейскихъ языковъ, то [347] нѣмцу было бы столь же естественно звукъ *и* послѣдующаго слова произносить какъ *ы*, и „er ist" слышалось бы какъ: эрыстъ.

Подобно еру, и *еры* составляетъ для большей части германскихъ филологовъ звукъ неразгаданный. Г. Миклошичъ полагаетъ, что *ы* въ древне-славянскомъ всегда было двугласнымъ (Lautl. стр. 112) и что въ односложныхъ русскихъ словахъ онъ звучитъ какъ *ый* (тамъ же, стр. 382). Послѣднее мнѣніе лишено всякаго основанія, а что касается перваго, едва ли можно сомнѣваться, что ы было у славянскихъ народовъ однимъ изъ исконныхъ звуковъ, такъ какъ оно въ тѣсной связи съ *еромъ:* если этотъ послѣдній никогда не былъ яснымъ, полнымъ гласнымъ (что́ признано почти всѣми), то *ъи* должно было естественно звучать простою гласной. Поэтому Шлейхеръ совершенно правъ, ограничивая двугласность ера двумя случаями (Ksl. Formenl., стр. 60). Но о произношеніи *еры* и онъ повидимому не имѣлъ яснаго понятія, приравнивая его не разъ къ нѣмецкому ü. Такъ въ „Транскрипціи кириллицы" (Beiträge I, стр. 31) онъ говоритъ объ этомъ: „можетъ быть, надо произносить его какъ ŭj, какъ оно и пишется въ кириллицѣ (ъі), а можетъ быть и какъ нѣмецкое ü". Но что сказалъ бы нѣмецъ, еслибъ онъ изъ устъ русскаго услышалъ свое слово müh, выговореннымъ какъ *мы?*" Сто́итъ только обратить вниманіе на различное положеніе рта при произношеніи этихъ двухъ звуковыхъ комплексовъ, чтобы убѣдиться, какъ неудачно такое сравненіе.

Г-ну Брюкке (Grundzüge [2], стр. 30) въ *еры* также слышится не вполнѣ образованный звукъ u'. Правильное пониманіе звука ы находимъ мы только у г. Лепсіуса: онъ признаетъ, что *ы* дѣйствительно какъ ü представляетъ сліяніе у съ і, но вмѣстѣ съ тѣмъ остроумно разъясняетъ разницу между ü и ы. Вся теорія его объ этомъ послѣднемъ звукѣ такъ интересна, что я считаю полезнымъ привести ее цѣликомъ: „Гласная *е*, говоритъ онъ, не столько занимаетъ середину между *а* и *і*, сколько *ᵾ* между *у* и *і;* ибо движеніе отъ *а* къ *і* есть простое, равно устремленное къ одному пункту; движеніе же отъ *у* къ *і*, или обратно, есть двойное, [348] обоюдно перебивающееся. Если сравнимъ, какъ образуются *і* и *у*, то увидимъ, что при образованіи *у* губы кругло протягиваются впередъ, языкъ же отдергивается на самого себя, такъ что въ передней части рта образуется пустое пространство, котораго діаметръ больше, нежели входъ и выходъ его, и отъ резонанса котораго происходитъ глухой тонъ этого звука. Для произнесенія *ᵾ* дѣлятся функціи обоихъ органовъ: языкъ сохраняетъ то же положеніе, какъ при *і*, губы же принимаютъ положеніе, нужное для *у*. Если слѣдовательно оба эти положенія органовъ рѣчи признаются равно существенными, то *ᵾ* дѣйствительно занимаетъ середину

между обоими. Но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что между *i* и *y* должна быть еще *другая середина*, столь же законная. Ибо мы можемъ образовать и такой звукъ, при которомъ губы имѣютъ широкое положеніе для *i*, языкъ же — укороченное положеніе для *y*. Этотъ звукъ не только возможенъ, но и на самомъ дѣлѣ развитъ во многихъ языкахъ, какъ звукъ важный и характеристическій для ихъ фонетики. Это тотъ самый звукъ, который всего болѣе извѣстенъ изъ славянскихъ языковъ, русское *еры*, называемое дебелымъ i (das harte i) и означаемое въ польскомъ чрезъ лат. y. Но этотъ звукъ, по моему мнѣнію, всего первобытнѣе въ татарскихъ языкахъ, какъ то въ турецкомъ, татарскомъ, якутскомъ, гдѣ онъ составляетъ существенную принадлежность соотвѣтствія гласныхъ (Vokalharmonie) и повидимому вызванъ главнымъ образомъ послѣдовательностію этого закона. Слѣды *еры* можно указать и въ родственныхъ съ названными дравидскихъ языкахъ Индіи. Не входя здѣсь въ дальнѣйшія подробности, замѣтимъ только, что различеніе заднихъ, низкихъ и глухихъ гласныхъ *а о у* отъ переднихъ, высокихъ и звонкихъ е, ọ̈, ụ̈, і существуетъ во всѣхъ языкахъ и обнаруживается въ разнообразныхъ явленіяхъ и вліяніяхъ. Его значеніе особенно важно въ тѣхъ языкахъ, гдѣ, какъ въ манджурскомъ, монгольскомъ, калмыцкомъ, турецкомъ, якутскомъ, мадьярскомъ, финскомъ, оно служитъ основаніемъ свойственнаго имъ соотвѣтствія гласныхъ. Такъ называемымъ дебелымъ (harten) гласнымъ *а о у*, произносимымъ съ [349] *отдернутымъ назадъ* языкомъ, соотвѣтствуютъ въ томъ же порядкѣ произносимыя съ *протянутымъ впередъ* языкомъ такъ называемыя мягкія (weichen) гласныя е, ọ̈, ụ̈. Четвертому мягкому гласному *i* не было бы соотвѣтствующаго дебелаго, если бъ въ правильную систему звуковъ не было принято выше описанное *ы*, т. е. такое *i*, которое выговаривается съ *отдернутымъ* до нёбнаго пункта языкомъ. Теперь другъ другу отвѣчаютъ *а о у ы* и е, ọ̈, ụ̈, і" [1]).

Сверхъ твердаго *и* (ы, польск. y) есть въ польскомъ еще твердое *е*, которое особенно ясно слышится послѣ дебелаго *л* (лъ), какъ напр. въ łeb, łecht, łeb, łezka (что по-русски слѣдовало бы писать: лъэбъ, лъэхтъ, и пр.), — звукъ, на который германскіе филологи до сихъ поръ еще не обращали вниманія. Правда, и русскіе произносятъ его при встрѣчѣ двухъ словъ, изъ которыхъ первое кончается *еромъ*, а второе начинается съ широкаго *э*, какъ напр. въ словахъ: зналъ это; но въ серединѣ словъ это *э* у насъ невозможно: исключая развѣ сложныхъ, напр. *двухъэтажный*. Въ началѣ слова это *э* можетъ образоваться въ русскомъ языкѣ вообще послѣ твердыхъ согласныхъ (отмѣченныхъ *еромъ*), напр. *объ этомъ, съ этого*, въ коихъ слоги *бъэ*,

[1]) Abhandlungen der Königl. Akademie der Wissensch. zu Berlin 1861: „Über die arabischen Sprachlaute und deren Umschrift" стр. 150.

съэ, *хъэ* звучатъ совсѣмъ не такъ, какъ въ такихъ сочетаніяхъ: объ *этихъ*, съ *этимъ*, гдѣ *э*, несмотря на предшествующій *ъ*, произносится узко, сообразно съ послѣдующимъ мягкимъ звукомъ (ти).

Это различіе основывается на законѣ, давно уже и не разъ указанномъ мною, до сихъ поръ еще не всѣми признаваемомъ (см. выше, стр. 220 и 226). Впрочемъ г. Миклошичъ (Lautl., стр. 374) уже упомянулъ объ этомъ двоякомъ произношеніи звука э (е, ѣ) по наблюденію нашего академика Бэтлинга, который независимо отъ меня также замѣтилъ эту разницу. Люди, еще сомнѣвающіеся въ справедливости нашего наблюденія, которое подтвердитъ всякій не лишенный сколько-нибудь тонкаго слуха, могутъ для повѣрки вслушаться особенно въ [350] произношеніе азбучныхъ названій *ѐръ* и *éръ*. Едва ли кто, произнеся ихъ, можетъ не замѣтить поразительной разницы въ выговорѣ не только *р*, но и *е* въ томъ и въ другомъ слогѣ: для этого стóитъ только, произнеся *е* для *ръ*, вдругъ попробовать приложить къ гласной звукъ *ръ* и наоборотъ, т. е. какъ *ръ* не придется къ *ѐ*, такъ и *ръ* не придется къ *é*.

Ограничусь на этотъ разъ изложенными замѣчаніями. Само собою разумѣется, что мое несогласіе съ германскими филологами по нѣкоторымъ вопросамъ нашей фонетики нисколько не мѣшаетъ мнѣ высоко цѣнить услуги, оказанныя ими изученію славянскихъ языковъ, къ оживленію и успѣхамъ котораго они много содѣйствовали не только въ западной Европѣ, но и въ самой Россіи. Не менѣе благодарности заслуживаютъ и тѣ изслѣдователи, которые оказываютъ этому изученію косвенную пользу трудами по физіологіи звуковъ. Изъ новыхъ дѣятелей по этой части я не разъ ссылался на гг. Сиверса и Крейтера. Книга перваго Grundzüge der Lautphysiologie явилась въ 1876 г. [1]), какъ введеніе въ библіотеку индо-европейскихъ грамматикъ, изданіе, предпринятое въ Лейпцигѣ обществомъ ученыхъ. О сущности взглядовъ г. Крейтера, выступившаго съ своею Lautverschiebung годомъ позже Сиверса, читатели могли уже судить по сдѣланнымъ мною выпискамъ изъ приложенія къ этому труду.

На ряду съ германскими изслѣдователями, способствовавшими въ недавнее время успѣхамъ физіологіи звуковъ, надо поставить молодого шведскаго ученаго, доцента Упсальскаго университета Леффлера (L. F. Leffler), который въ своемъ трудѣ: Några ljudfysiologiska undersökningar rörande konsonantljuden [2]) занялся разсмотрѣніемъ двухъ вопросовъ: 1) дѣйствительно ли артикулуется дважды согласная, удвояемая на письмѣ, напримѣръ въ словѣ *труппа*; и 2) въ чемъ собственно

---

[1]) Вторымъ же изданіемъ въ 1881 г. подъ заглавіемъ: Grundzüge der Phonetik.

[2]) Т. е. „Нѣсколько звуко-физіологическихъ изслѣдованій относительно согласныхъ“ въ Upsala-Universitets Årsskrift на 1874 годъ.

заключается [351] физіологическое различіе между такъ называемыми твердыми (mutae tenues: п, т, к) и мягкими мгновенными звуками (mutae mediae: б, д, г).

Не касаясь второго вопроса, разрѣшеніе котораго представляетъ большія трудности, я здѣсь укажу только на выводы, къ которымъ г. Леффлеръ приходитъ по первому, и на употребленные имъ остроумные пріемы для разрѣшенія его. Но прежде надо упомянуть о господствующемъ въ наукѣ, согласно съ заключеніемъ Брюкке, взглядѣ на этотъ предметъ, принятомъ и мною (*Филолог. Разыск.*, т. II², стр. 249). „Въ физіологическомъ смыслѣ удвоенія одного и того же согласнаго звука въ словѣ не бываетъ, а есть только способъ произношенія его, который на письмѣ такъ означается. Когда мы пишемъ: *труппа, матта, Мекка*, то это не значитъ, что звукъ повторенной буквы долженъ дѣйствительно быть дважды вполнѣ образованъ и произнесенъ: это далеко не то, что́ должно бы слышаться, если бъ мы написали: трупъ-па, матъ-та, Мекъ-ка“. Цѣль двойного начертанія согласной — только показать, что при артикулованіи звука должно произойти его удлиненіе, или, точнѣе, что раздѣленіе слога должно пасть не между гласною и согласною (тру-па), не передъ согласною, а на самую эту букву. При этомъ артикуляція звука, если онъ мгновенный (п, б; т, д; к, г), раздѣляется на двѣ части: сперва органамъ дается положеніе, нужное для образованія преграды, а потомъ, послѣ небольшой паузы, преграда эта разрѣшается (труп-па); длительный же звукъ (в ф, з с, ж ш, м н р л) просто протягивается. Г. Леффлеръ утверждаетъ, что мнѣніе Брюкке относительно мгновенныхъ согласныхъ въ этомъ случаѣ несправедливо, что звукъ дѣйствительно удвояется, съ тою только разницею, что сперва мы образуемъ его *затворомъ*, а потомъ, во второй разъ, *растворомъ*, т. е. что когда мы произносимъ напр. *труп-*, *мат-*, *мек-*, то хотя преграда еще не разрѣшена, однакожъ звукъ уже вполнѣ образованъ. Чтобы доказать это, г. Леффлеръ предварительно пересматриваетъ всю теорію смычныхъ звуковъ (Verschlusslaute), [352] иначе мгновенныхъ, которые онъ называетъ klusela ljud; по его опредѣленію, это такіе звуки, которые для своего образованія требуютъ прегражденія (afspärring) воздушнаго тока совершеннымъ затворомъ какъ носового канала (посредствомъ нёбной занавѣски), такъ и полости рта (посредствомъ губъ или языка). Эти смычные звуки онъ раздѣляетъ на два разряда:

1) Звуки, которые происходятъ при образованіи затвора, т. е. когда выдыхаемый воздушный токъ преграждается закрытіемъ носового канала и полости рта: это *затворные* (implosiva) смычные звуки; въ типической системѣ знаковъ буквы для этихъ звуковъ должны бы имѣть особую примѣту, напр. горизонтальную черточку съ лѣвой стороны: ¯п, ¯т, ¯к; ¯б, ¯д, ¯г.

2) Звуки, происходящіе, когда вогнанный въ полость рта и задержанный преградою воздухъ выпускается открытіемъ загражденнаго пути; это *растворные* (explosiva) смычные звуки; для отличія ихъ отъ предыдущихъ слѣдовало бы отмѣчать ихъ черточкою съ правой стороны: п,¯ т,¯ к¯; б,¯ д,¯ г.¯

Эта теорія отличается отъ установленной профессоромъ Брюкке и принятой другими физіологами тѣмъ, что они для полнаго образованія смычного звука считаютъ оба акта необходимыми, и потому даютъ звукамъ этого рода еще другое названіе, обнимающее какъ приготовительный затворъ, такъ и разрѣшеніе его, — названіе explosivae (взрывные). Съ перваго взгляда мнѣніе г. Леффлера представляется совершенно основательнымъ, но при ближайшей повѣркѣ его однакожъ оказывается, что звуки п б, т д, к г, образованные только затворомъ, напр. въ слогахъ: тру¯п, а¯б, ма¯т, А¯д, Ме¯к, Ба¯г, не могутъ считаться вполнѣ образованными пока они не опредѣлятся окончательно растворомъ; безъ этого послѣдняго они такъ неясны, что трудно и распознать ихъ по одному слуху, т. е. не слѣдя за самыми движеніями устныхъ органовъ. Слѣдовательно нельзя не согласиться съ г. Брюкке, что для полнаго образованія звука затворъ долженъ быть дополненъ растворомъ, какъ видно напр. въ словахъ: *трупъ, абъ, матъ, Адъ, Мекъ, Багъ*. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы говоримъ: [353] труп-па, аб-батъ, мат-та, Ад-да, Мек-ка, Баг-ге, чѣмъ отличается произношеніе этихъ звукосочетаній отъ выговора слѣдующихъ: тру-па, а-батъ, ма-та, А-да, Ме-ка, Ба-ге? Въ обоихъ случаяхъ полный звукъ образуется одинакимъ образомъ, но разница въ томъ только, что во второмъ случаѣ мы не отдѣляемъ затвора отъ раствора; въ первомъ же относимъ затворъ къ предыдущему слогу, а растворъ отдѣляемъ отъ него и относимъ къ послѣдующему.

Г. Леффлеръ въ своемъ разсужденіи не касается славянскихъ языковъ, и только однажды, мимоходомъ, замѣчаетъ о ихъ письмѣ, что оно не точно передаетъ произношеніе, не означая начертаніями удвоенія звуковъ. На это слѣдуетъ возразить, что таковъ дѣйствительно обычай въ письменности нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, напр., чеховъ и сербовъ, но у насъ преобладаетъ однакожъ правило означать и на письмѣ слышимое въ выговорѣ удвоеніе звуковъ.

О СПРЯЖЕНІИ РУССКАГО ГЛАГОЛА И ВАЖНОСТИ ВЪ НЕМЪ УДАРЕНІЯ.

1853 — 85.

---

[354] При всемъ различіи, встрѣчаемомъ у грамматиковъ нашихъ въ системѣ разсмотрѣнія русскихъ глаголовъ, мы находимъ у нихъ однакожъ одинъ общій пріемъ. Признавъ неопредѣленное наклоненіе за основную форму, они либо производятъ отъ него, либо по крайней мѣрѣ вслѣдъ за нимъ приводятъ 1-ое лицо един. числа настоящаго (или будущаго) времени изъявит. накл., а отъ этого лица образуютъ 2-е и всѣ остальныя того же времени [1]).

Хотя эти остальныя лица часто отличаются отъ 1-го мѣстомъ ударенія, однакожъ мы въ грамматикахъ не находимъ указанія, чѣмъ надобно руководствоваться въ перемѣнѣ ударенія. Да и самое опредѣленіе того, когда 2-е лицо един. числа должно оканчиваться на *ешь* и когда на *ишь*, очень сложно и сбивчиво.

Ломоносовъ, по образцу латинской грамматики, приводя прежде всего 1-е лицо ед. числа, объясняетъ, какъ отъ него образуются сперва 2-е лицо, а потомъ другія формы глагола, между прочимъ и неопредѣленное наклоненіе. Гречъ показываетъ, наоборотъ, какимъ образомъ 1-е лицо наст. врем. производится отъ неопр. наклоненія. Такъ какъ послѣднее не представляетъ примѣты, которая всегда давала бы знать окончаніе 1-го лица, то разумѣется, это вовлекло Греча въ необходимость высчитывать, съ одной стороны, въ видѣ правилъ, а съ другой, въ видѣ исключеній, всѣ случаи, [355] когда при извѣстныхъ окончаніяхъ неопредѣленнаго наклоненія глаголъ образуетъ 1-е лицо един. числа наст. или буд. времени такъ или иначе.

Востоковъ умѣлъ избѣгнуть этого неудобства, но и онъ въ своихъ

---

[1]) Подъ остальными лицами я здѣсь, для краткости, разумѣю какъ 3-е лицо единственнаго, такъ и всѣ три лица множ. числа.

10-ти *различіяхъ* глаголовъ показываетъ отношеніе между неопредѣленнымъ наклоненіемъ и 1-мъ лицомъ наст. времени. Указаніе перемѣны ударенія во 2-мъ и слѣдующихъ лицахъ не вошло у него въ составъ самой статьи о глаголахъ, а отнесено къ общей главѣ о слогоудареніи, составляющей послѣднюю часть его книги.

Павскій отвергъ надобность внѣшнихъ признаковъ для производства главныхъ глагольныхъ формъ, и основалъ свои правила спряженія на внутреннемъ составѣ глагола, на различномъ сочетаніи первоначальнаго, часто скрытаго корня его съ извѣстными окончаніями. Примѣненіе этой методы возможно только для филолога, но какъ могутъ воспользоваться ею учащіеся?

Г. Буслаевъ, показывая отношеніе между неопредѣленнымъ накл. и настоящимъ временемъ изъявительнаго, принимаетъ *различія* Востокова и затѣмъ приводитъ 1-е и 2-е лица един. числа, но не касается вопроса объ удареніи (см. его *Учебникъ русск. Грамматики*, изд. 1874, стр. 34—36).

Существованіе двухъ различныхъ удареній во многихъ русскихъ глаголахъ есть обстоятельство чрезвычайно важное и заслуживающее точно такого же вниманія, какъ и различіе самыхъ окончаній. Ошибка въ удареніи можетъ иногда болѣе поразить слухъ, нежели неправильное окончаніе, какое мы нерѣдко встрѣчаемъ даже и на письмѣ, наприм. въ формахъ: *стелятъ, надѣятся, строютъ*, вмѣсто *стелютъ, надѣются, строятъ*. Правда, въ удареніи природный русскій не ошибается; но здѣсь дѣло идетъ объ указаніи общихъ явленій языка, и познаніе ихъ важно не потому только, что оно облегчаетъ иностранцамъ его изученіе.

Другое важное обстоятельство — то́, что присутствіе въ глаголѣ двухъ разныхъ удареній — если они есть — по большей части [356] обнаруживается въ настоящемъ (или будущемъ) времени изъяв. накл., и именно такимъ образомъ, что въ 1-мъ лицѣ един. числа бываетъ одно удареніе, а въ прочихъ лицахъ обоихъ чиселъ — другое (смотрю́, смо́тришь, — итъ, — имъ, — ите, — ятъ).

Далѣе мы замѣчаемъ, что часто однѣ изъ формъ, принимаемыхъ глаголомъ въ спряженіи, бываютъ по ударенію сходны съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, а другія отъ него отличаются, и что это различіе въ бо́льшей части случаевъ обнаруживается постоянно одинаковымъ образомъ.

Эти наблюденія убѣждаютъ насъ, что для вѣрнаго спряженія извѣстнаго глагола нужно, при самомъ, такъ-сказать, наименованіи его, уже имѣть указаніе: одно или два въ немъ ударенія?

Изъ этого ясно видна необходимость, по меньшей мѣрѣ, *двухъ основныхъ формъ* для спряженія глагола. Всѣмъ извѣстно, что въ латинскомъ языкѣ для спряженія большей части глаголовъ надобно

знать цѣлыя четыре формы; да и въ новѣйшихъ языкахъ нельзя спрягать глагола, зная одно только неопред. наклоненіе. У насъ всѣ согласны въ томъ, что спряженіе русскаго глагола имѣетъ въ основаніи своемъ *двѣ темы*; но затѣмъ остается рѣшить, какія изъ формъ, подходящихъ подъ эти двѣ темы, должны быть поставлены въ главѣ прочихъ, какъ руководство для спряженія [1]). Вообще считаютъ или подразумѣваютъ нужнымъ знать предварительно три формы: неопред. наклоненіе, 1 и 2 лица един. числа наст. времени; оттого и въ нѣкоторыхъ словаряхъ выставлены именно эти три формы. Разсмотримъ каждую изъ нихъ.

Можетъ-ли, во-первыхъ, неопред. наклоненіе служить основною формою?

[357] Общую идею глагола почти на всѣхъ языкахъ принято выражать неопредѣленнымъ наклоненіемъ, и въ самомъ дѣлѣ оно къ тому всего удобнѣе. У многихъ народовъ оно представляетъ еще и ту выгоду, что во всѣхъ глаголахъ оканчивается одинаково. У нашихъ глаголовъ нѣкогда было также общее окончаніе на *ти*, но впослѣдствіи оно подверглось двоякому измѣненію: 1) въ большей части глаголовъ оно сократилось въ *ть*; 2) стоя послѣ буквъ *г* и *к*, оно вмѣстѣ съ ними (гти, кти) превратилось сперва въ *щи*, а потомъ въ *чь*. Уцѣлѣлъ слогъ *ти* только послѣ буквъ *с* и *з*, и притомъ единственно въ томъ случаѣ, когда на *и* удареніе, да и тутъ онъ почти всегда можетъ сокращаться въ *ть*. Говорятъ, наприм., *нести* и *несть*, *везти* и *везть*. Только въ *расти*, *пасти*, *итти* окончаніе *ти* никогда не измѣняется; въ *трясти* и *ползти* оно сокращается рѣдко. Несмотря на то, что неопредѣленное наклоненіе во многихъ глаголахъ потеряло свой первоначальный видъ, согласимся, что оно, какъ по самому значенію своему, такъ и по удобству образовать съ помощію его разныя другія глагольныя измѣненія, должно быть удержано въ качествѣ первой основной формы глагола. И въ преподаваніи языка, и въ словаряхъ неопредѣленное наклоненіе такъ уже укоренилось на первомъ мѣстѣ, что не легко было бы, да и нѣтъ надобности, замѣнить его въ этомъ смыслѣ какою-либо другою формой.

Можетъ ли 1-е лицо един. числа наст. времени служить второю основною формой?

Разсмотримъ это лицо въ двухъ отношеніяхъ: 1) относительно ударенія, 2) относительно окончанія.

---

[1]) Основныхъ формъ не должно принимать въ смыслѣ *коренныхъ*. Корень глагола часто не бываетъ виденъ въ цѣломъ спряженіи, наприм. въ глаголахъ: *тонуть* (кор. топ) и *гнуть* (кор. гб). Нельзя также сказать, чтобъ которая-нибудь изъ формъ глагола была въ отношеніи къ другимъ коренною, чтобы однѣ отъ другихъ дѣйствительно происходили. Дѣло только въ томъ, что глаголъ въ различныхъ своихъ измѣненіяхъ принимаетъ разныя окончанія, и что между его измѣненіями есть такія, которыя представляютъ вѣрные признаки для образованія всѣхъ остальныхъ.

1) Относительно *ударенія* мы находимъ, что это лицо вообще носитъ его на томъ же слогѣ, какъ неопред. наклоненіе, наприм., *по́мнить, по́мню; держа́ть, держу́; пла́кать, пла́чу; трепета́ть, трепещу́.*

Подъ это правило не подходятъ только извѣстные односложные глаголы: *пѣть, пою; пасть, пасу́; класть, кладу́; клясть, кляну́;* также *бере́чь, берегу́* и нѣк. др.

Сверхъ того, пять глаголовъ, у которыхъ настоящее время [358] образуется двояко, представляютъ въ одномъ изъ его окончаній отступленіе отъ означеннаго общаго закона:

алка́ть — *алка́ю* и *а́лчу*,
колыха́ть — *колыха́ю* и *колы́шу*,
страда́ть — *страда́ю* и *стра́жду*,
хрома́ть — *хрома́ю* и *хра́млю*,
колеба́ть — *колеба́ю* (устар.) и *коле́блю* [1]).

Особому, но также постоянному закону въ этомъ отношеніи слѣдуютъ глаголы на *чь* и на *ова́ть* и *ева́ть* съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ; о чемъ будетъ говорено ниже.

2) Относительно *окончанія* 1-го лица мы замѣчаемъ, что оно не носитъ въ себѣ довольно характеристическаго признака для спряженія; вотъ наприм. 4 глагола въ этой формѣ: *вяжу, вожу, сижу, держу*, но у каждаго изъ нихъ въ неопредѣленномъ наклоненіи свое особое окончаніе: *вязать, водить* (и *возить*), *сидѣть, держать*. То же видимъ мы и въ глаголахъ *любить, скоблить, колебать*, у которыхъ 1-е лицо оканчивается одинаковымъ образомъ: *люблю, скоблю, колеблю.*

Мы находимъ далѣе, что 1-е лицо, по окончанію, всегда легко образовать отъ одного изъ слѣдующихъ, а для опредѣленія ударенія его, въ сомнительныхъ случаяхъ, указаніемъ служитъ неопредѣленное наклоненіе. Въ подробности это будетъ разсмотрѣно ниже, а здѣсь я удовольствуюсь заключеніемъ, что такъ какъ 1-е лицо всегда можетъ быть отыскано по другимъ формамъ, то нѣтъ причины ставить его въ число формъ основныхъ.

Не болѣе ли права на это имѣетъ которое-либо изъ прочихъ лицъ настоящаго или будущаго времени?

Разсматривая эти лица въ обоихъ числахъ вмѣстѣ, мы открываемъ во всѣхъ ихъ одно общее свойство — одинаковое *удареніе*, [359] часто

---

[1]) Къ этимъ глаголамъ можно бы причислить еще два: *жада́ть* — *жада́ю* и *жа́жду; има́ть* — *има́ю* и *е́млю;* но въ первомъ неопредѣленное наклоненіе устарѣло и вмѣсто его установилась неправильная форма *жаждать*, а послѣдній въ русскомъ языкѣ неупотребителенъ безъ соединенія съ предлогомъ.

отличное отъ того, какое находится въ 1-мъ лицѣ един. числа. При этомъ всегда повторяется одно явленіе, именно то́, что въ 1-мъ лицѣ удареніе на послѣднемъ слогѣ, а въ другихъ оно переходитъ на предпослѣдній, наприм., *рублю́, ру́бишь, итъ, имъ* и т. д.; *держу́, де́ржишь; терплю́, те́рпишь; могу́, мо́жешь.*

Обратной перемѣны, т. е., чтобы удареніе съ предпослѣдняго слога въ 1-мъ лицѣ переходило въ слѣдующихъ на послѣдній — никогда не бываетъ.

Указать средство, какъ по 1-му лицу узнать *удареніе* слѣдующихъ, нѣтъ возможности; но и образовать *окончанія* остальныхъ лицъ съ помощію 1-го чрезвычайно затруднительно, потому что при этомъ необходимо помнить, какимъ окончаніямъ неопредѣленнаго наклоненія соотвѣтствуютъ извѣстныя окончанія 1-го лица, а на это нѣтъ постоянныхъ правилъ.

Конечно всякій согласится: 1) что, если 1-е лицо легче образовать по одному изъ слѣдующихъ, нежели наоборотъ, то лучше рядомъ съ неопред. наклоненіемъ приводить не 1-е, а одно изъ прочихъ, и 2) что, если нѣтъ правилъ для объясненія перемѣны ударенія во 2-мъ и слѣдующихъ лицахъ, то нельзя обойтись безъ прямого указанія одного изъ нихъ, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ это нужно.

Которое же изъ сходныхъ по ударенію лицъ настоящ. (или будущ.) времени предпочтительно должно быть принято за основную форму?

2-е и 3-е лица един. числа, 1-е и 2-е множественнаго не отличаются одно отъ другого начальною гласною своихъ окончаній, которая всегда бываетъ *е* или *и*; напротивъ, въ 3-мъ лицѣ множ. числа обнаруживается бо́льшее разнообразіе: бер-*утъ*, пор-*ютъ*, вид-*ятъ*, держ-*атъ*, и предшествующія лица (кромѣ 1-го един. числа) не всегда сами по себѣ могутъ рѣшить сомнѣніе, какъ именно (на *утъ* или *ютъ*) должно оканчиваться 3-е лицо множ. числа. Конечно, это сомнѣніе можетъ быть рѣшено 1-мъ лицомъ един. числа, но теперь мы предполагаемъ его еще неизвѣстнымъ; [360] извѣстность же его прежде другихъ лицъ, какъ мы видѣли, мало доставляетъ выгодъ.

Напротивъ, 3-е лицо множ. числа прямо и несомнѣнно указываетъ окончанія другихъ лицъ обоихъ чиселъ того же времени; притомъ оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ сохраняетъ корень глагола во всей чистотѣ, тогда какъ онъ въ остальныхъ однородныхъ по ударенію лицахъ подвергается измѣненію, наприм., въ глаголахъ *течь, тек-утъ (теч-ешь* и пр.*), лгать, лг-утъ (лж-ешь).* Наконецъ прибавимъ, что съ помощью 3-го лица множ. числа давно уже во всѣхъ грамматикахъ образуются нѣкоторыя формы, именно дѣйствит. причастіе и дѣепричастіе настоящаго времени. По всѣмъ этимъ причинамъ,

для 2-й основной формы всего удобнѣе оказывается 3-е лицо множ. числа [1]).

Отъ этихъ двухъ основныхъ формъ легко образовать всѣ прочія измѣненія глагола по наклоненіямъ, временамъ, лицамъ и числамъ (о *видахъ* здѣсь еще нѣтъ рѣчи). Остановимся только на немногихъ производствахъ, которыя, по новости своей, требуютъ объясненія. Прежде всего надобно доказать, что 1-е лицо единственнаго числа настоящаго (или будущаго) времени дѣйствительно образуется всегда съ помощію 3-го множ. числа, причемъ для опредѣленія мѣста ударенія служитъ, въ сомнительныхъ случаяхъ, неопред. наклоненіе.

I. Когда 3-е лицо множ. числа оканчивается на *утъ* или *ютъ*, то для полученія 1-го лица единствен. числа стóитъ только отбросить *тъ* [2]).

Что касается до ударенія, то здѣсь могутъ быть два случая:

1) Если оно на *утъ* или *ютъ*, или передъ *ю* гласная буква, то мѣсто ударенія въ 1-мъ лицѣ един. числа никогда не измѣняется [361] и нѣтъ надобности имѣть въ виду неопред. наклоненіе, напр. *даю́-тъ, даю́; плыву́-тъ, плыву́; сѣку́-тъ, сѣку́; пою́-тъ, пою́; мѣня́ю-тъ, мѣня́ю; дѣйствую-тъ, дѣйствую; образу́ю-тъ; образу́ю.*

2) Если передъ *утъ* или *ютъ* стоитъ *согласная* буква и удареніе на *предпослѣднемъ слогѣ*, то 1-е лицо един. числа принимаетъ удареніе неопредѣленнаго наклоненія, наприм.

Отъ *рѣзать, рѣжу-тъ — рѣжу*; отъ *пла́кать, пла́чу-тъ — пла́чу;* отъ *красть, кра́ду-тъ — кра́ду.*

Напротивъ, отъ *коло́ть, ко́лютъ — колю́;* отъ *вяза́ть, вя́жу-тъ — вяжу́;* отъ *дрема́ть, дре́млю-тъ — дремлю́;* отъ *трепета́ть, трепе́щу-тъ — трепещу́.*

Примѣчаніе. Пять вышеприведенныхъ глаголовъ: *алкать, колыхать, страдать, хромать, колебать,* съ двоякимъ настоящимъ временемъ, отступаютъ въ одномъ изъ его окончаній отъ указаннаго общаго правила и имѣютъ въ 1-мъ лицѣ: *а́лчу, колы́шу, стра́жду, хра́млю, коле́блю.*

Исключеніе составляетъ еще глаголъ: *мочь, мо́гутъ — могу́;* но это — только видимое исключеніе: форма *могу́* по ударенію согласна съ первоначальнымъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ *мощи́* (малор. *могти́*).

---

[1]) Въ этомъ утверждаетъ насъ и аналогія нѣкоторыхъ другихъ языковъ: такъ въ арабскомъ, въ еврейскомъ и въ финскомъ 3-е лицо един. числа наст. времени считается коренною формой.

[2]) Конечно, буква *у* въ 1-мъ лицѣ един. числа по происхожденію существенно отличается отъ *у* въ окончаніи 3-го лица множ. числа, но при указаніи съ практическою цѣлью глагольныхъ окончаній такое различіе не можетъ быть принимаемо въ расчетъ.

II. Когда 3-е лицо множ. числа оканчивается на *ять* или *ать*, то въ 1-мъ лицѣ един. числа *ять* перемѣняется на *ю*, *ать* на *у;* касательно же ударенія соблюдаются тѣ же два правила, какія изложены при окончаніяхъ *уть*, *ють*, именно:

1) Когда удареніе на *ять*, *ать* или когда передъ *я* гласная буква, то 1-е лицо един. числа всегда удерживаетъ то же удареніе: *вел-я́ть*, *вел-ю́; говор-я́ть*, *говор-ю́; трещá-ть*, *трещ-ý; дребезж-áть*, *дребезж-ý; сто-я́ть*, *сто-ю́; стó-ять*, *стó-ю; тáя-ть*, *тá-ю*.

2) Когда передъ *ять*, *ать* согласная буква и удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, то 1-му лицу един. числа сообщается удареніе неопредѣленнаго наклоненія:

Отъ *пóмнить*, *пóмн-ять* — *пóмню;* отъ *тѣшить*, *тѣш-ать* — *тѣш-у*.

[362] Напротивъ, отъ *вали́ть*, *вáл-ять* — *валю́;* отъ *служи́ть*, *слýж-ать* — *служý;* отъ *кури́ть*, *кýр-ять* — *ку-рю́;* отъ *держáть*, *дéрж-ать* — *держý;* отъ *волочи́ть*, *волóч-ать* — *волоч-ý*.

Примѣчаніе. Глаголъ *гнать*, *гóн-ять*, — *гон-ю* есть только видимое исключеніе, потому что неопредѣл. наклоненіе, соотвѣтствующее настоящему времени изъяв., есть *гони́ть*, но оно уступило мѣсто другому глаголу: *гнать*.

Случается, что передъ буквою *ю* въ 1-мъ лицѣ един. числа не могутъ устоять нѣкоторыя согласныя, какъ-то: *б*, *п*, *в*, *ф*, *м*; *д*, *т*; *з*, *с*; тогда эти согласныя подвергаются извѣстному измѣненію, отъ котораго зависитъ и необходимый иногда переходъ буквы *ю* въ *у*, но самый законъ образованія 1-го лица въ сущности остается тотъ же; вся разница въ томъ, что вмѣсто *бю* произносятъ *блю*, вм. *пю* — *плю*, вм. *дю* — *жу* или *жду*, вм. *зю* — *жу* и проч.

Отъ 3-го лица множ. числа получаются еще проще какъ 2-е и 3-е единств., такъ и всѣ три лица множ., именно перемѣною:

— *ють*, *уть* на *ешь*, *еть; емъ*, *ете*.
— *ять*, *ать* на *ишь*, *итъ; имъ*, *ите*.

Удареніе во всѣхъ этихъ лицахъ постоянно то же, что въ 3-мъ лицѣ множ. числа.

Если окончанію *уть* предшествуетъ *г* или *к*, то передъ гласною *е* въ другихъ лицахъ *г* смягчается въ *ж*, а *к* въ *ч; берег-уть*, *береж-ешь* и т. д., *тек-уть*, *теч-ешь* и проч.

Не считаю нужнымъ останавливаться на удобствахъ образованія нѣкоторыхъ другихъ глагольныхъ формъ отъ 3-го лица множ. числа. Упомяну только объ одномъ: страдат. причастіе настоящаго времени на *óмый* является только тамъ, гдѣ это лицо оканчивается на *уть* съ удареніемъ: *несýть*, *несóмый; влекýть*, *влекóмый; зовýть*, *зовóмый* (не подходитъ подъ это замѣчаніе только *искóмый* при 3-мъ лицѣ множ. ч. *и́щуть*).

Производство прошедшаго времени изъяв. накл., въ отношеніи къ окончанію, отъ наклоненія неопредѣленнаго давно принято [363] многими. Но почему слоги *ла, ло* въ един. числѣ этого времени и *ли* во множ. иногда носятъ удареніе, а иногда нѣтъ? Отчего въ одномъ случаѣ говорятъ: тек-*ла́, — ло́, — ли́*, а въ другомъ сѣк-*ла, — ло, — ли*, хотя неопредѣленное накл. въ обоихъ оканчивается одинаково; также: вез-*ла́, — ло́, — ли́* и — гры́з-*ла, — ло, — ли?*

Такое различіе зависитъ отъ первоначальной формы неопредѣленнаго наклоненія. Въ глаголахъ, которые, сверхъ окончанія *зть, сть*, могутъ имѣть *зти́, сти́* или и всегда сохраняютъ одно только послѣднее, полное окончаніе, — удареніе въ прошед. времени постоянно падаетъ на слоги *ла, ло, ли*, наприм. весть или вез*ти́: везла́, ло́, ли́*; гресть или гре*сти́: гребла́, ло́, ли́*; па*сти́: пасла́, ло́, ли́*. Напротивъ, когда неопред. наклоненіе оканчивается только на *зть, сть*, когда слѣдовательно неупотребительное окончаніе его на *ти* не носитъ ударенія, тогда и въ прош. времени удареніе не можетъ падать на слоги *ла, ло, ли:* гры*зть, гры́зла* и проч.; лѣ*зть, лѣ́зла*, кла*сть, кла́ла;* сѣ*сть*, сѣ*ла, ло, ли.*

Такъ и въ двухъ глаголахъ на *чь: стричь, сѣчь* окончаніе *ла, ло, ли*, въ прош. времени остается безъ ударенія (*стри́гла, сѣ́кла, о, и*) по той причинѣ, что первоначальное окончаніе ихъ на *гти, кти* не носило ударенія, какъ видно донынѣ въ малороссійскомъ нарѣчіи, гдѣ эти глаголы сохраняютъ форму: *стри́гти, сѣ́кти.* Во всѣхъ прочихъ глаголахъ на *чь* окончанія прошедшаго времени *ла, ло, ли* принимаютъ удареніе, сообразуясь съ первоначальнымъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ на *гти́, кти́.*

Соотношеніе, открывающееся такимъ образомъ между неопредѣленнымъ наклоненіемъ и прошедшимъ врем. изъявительнаго по ударенію, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Отсюда вытекаетъ и законъ ударенія въ страд. причастіи прошед. времени у глаголовъ, оканчивающихся на *чь* и на *зть* или *сть.* Когда у нихъ въ прошед. врем. изъяв. накл. послѣдній слогъ *ло, ла, ли* остается безъ ударенія, тогда и въ страдат. причастіи оно не падаетъ на окончаніе *енъ*, наприм. *грызть, грызла, ло, ли — грызенъ; класть, кла́ла — кла́денъ; стричь, стри́гла — стри́женъ; сѣчь*, [364] *сѣ́кла — сѣ́ченъ.* Напротивъ, слогъ *енъ* носитъ удареніе въ глаголахъ *вести́, вела́, ло́, ли́ — ведёнъ; везти́, везла́, везёнъ; влечь, влекла́, влечёнъ; беречь (берегти́), берегла́, бережёнъ* и проч.

Въ прошедшемъ врем. многихъ односложныхъ глаголовъ на *ть* съ предыдущею гласною буквою, окончаніе одного женскаго рода *(ла)* принимаетъ удареніе, наприм., *была́, жила́, рвала́, гнала́;* но это — далеко не общее явленіе, какъ видно изъ примѣровъ: *би́ла, жа́ла, кры́ла, зна́ла.* Есть одно постоянное правило касательно ударенія въ

глаголахъ возвратныхъ. Когда въ прош. времени глагола на *ть* окончаніе женскаго рода *ла* ходитъ съ удареніемъ, то, по присоединеніи къ глаголу мѣстоимѣнія *ся*, это послѣднее въ мужескомъ родѣ означеннаго времени также принимаетъ удареніе, которое сообщается и слогамъ *ло́, ли́* передъ возвратнымъ мѣстоименіемъ *ся* или *сь*, наприм. рва-*л-а́:* рва-*л-ся́*, рва-л-*о́сь*, рва-л-*и́сь*; гна*ла́:* гнал*ся́*, гна*ло́сь*, гна*ли́сь; жила́:* (раз) жил*ся́*, — жи*ло́сь*, — жи*ли́сь;* (от) пер*ла́*, — пер*ся́*, пер*ло́сь*, пер*ли́сь;* роди*ла́:* роди*лся́*, роди*ло́сь*, роди*ли́сь*, — хотя при отсутствіи возвратнаго мѣстоимѣнія говорятъ: *рва́ло, рва́ли, гна́ло, гна́ли* и проч. О женскомъ родѣ прошед. времени возвратнаго залога говорить нечего: слогъ *ла́* удерживаетъ свое удареніе и передъ *ся* или *сь*.

По изложеннымъ началамъ спряженія неправильными оказываются только тѣ глаголы, у которыхъ какія-нибудь окончанія не образуются по общимъ правиламъ отъ одной изъ основныхъ формъ. Такихъ глаголовъ не болѣе 10—12-ти. У однихъ неправильность обнаруживается въ настоящемъ или будущемъ, у другихъ въ прошедшемъ времени, у третьихъ въ повелительномъ наклоненіи.

Въ *настоящемъ* или *будущемъ* времени неправильны глаголы: *бѣжать, бѣгутъ; чтить, чтятъ; хотѣть, хотятъ; ѣсть, ѣдятъ; дать дадутъ*. Здѣсь неправильность состоитъ въ томъ, что отъ 3-го лица множ. числа нельзя образовать правильно всѣхъ остальныхъ лицъ въ обоихъ числахъ. Отъ *бѣгутъ* нельзя образовать *бѣжишь, — итъ; — имъ, — ите;* отъ *чтя́тъ — чту*, отъ [365] *хотятъ — хочешь* и *хочетъ;* отъ *ѣдятъ — ѣмъ, ѣшь, ѣстъ;* отъ *дадутъ — дамъ, дашь* и все прочее [1]).

Въ *прошедшемъ* времени неправильны: *итти, иду́тъ; шибить, шибутъ*, потому что отъ *итти* нельзя на общемъ основаніи образовать *шелъ* [2]), а отъ *шибить — шибъ*.

Въ *повелительномъ* наклоненіи неправильны: *лечь, лягутъ — лягь ѣсть, ѣдятъ — ѣшь; сыпать, сыплютъ — сыпь*.

Есть еще нѣсколько глаголовъ, у которыхъ то или другое изъ прочихъ окончаній образуется неправильно.

Хотя обѣ основныя формы никакъ не могутъ быть выводимы одна изъ другой, все-таки необходимо, въ теоріи спряженія русскаго глагола, показать, въ какомъ отношеніи эти двѣ формы находятся между собою у разныхъ глаголовъ. Наприм., глаголъ *дѣлать*, *дѣлаютъ* не

---

[1]) Въ послѣднихъ изъ этихъ глаголовъ своеобразность основывается на сохраненіи болѣе древнихъ формъ; у другихъ же она заключается въ томъ, что въ спряженіи сливаются два глагола, т. е. *бѣжать* и *бѣчь*, *чтить* и *честь*, *хотѣть* и *хотать* (неупотр.).

[2]) Тутъ нѣтъ собственно неправильности, а дѣло въ томъ, что при гл. *итти* прошедшее взято отъ другого, неупотребительнаго въ неопр. наклоненіи глагола *шести*, отвѣчающаго глаголу *ходить*, какъ *брести*, напр. глаголу *бродить*.

похожъ на *пороть, порютъ*, и *терпѣть, терпятъ* — на *искать, ищутъ*. Несходство ихъ заключается въ различномъ отношеніи между 1-ю основною формой и 2-ю. Для систематическаго обзора глаголовъ по этому отношенію я нахожу удобнѣйшимъ сохранить тѣ самые разряды, какіе Востоковъ принялъ подъ именемъ *различій*, но съ тою перемѣною, что вслѣдъ за неопредѣл. наклоненіемъ слѣдовало бы приводить, вмѣсто 1-го лица един. числа, 3-е лицо множественнаго.

Немногіе глаголы, которые, по взаимному отношенію обѣихъ основныхъ формъ, не подходятъ подъ означенные разряды, должны бы составить, согласно съ теоріей Востокова, особый классъ неправильныхъ глаголовъ, причемъ нѣкоторые изъ помѣщенныхъ имъ въ 1-мъ отдѣлѣ перешли бы во 2-й, къ которому, такимъ образомъ, принадлежали бы слѣдующіе глаголы: *ревѣть*, [366] *ревýтъ; стенáть, стóнутъ; гнáть, гóнятъ; ѣхать, ѣдутъ; итти, идутъ; быть, бýдутъ; ѣсть, ѣдя́тъ; дать, дадýтъ* [1]). Къ нимъ надобно еще причислить: *клясть, клянýтъ; сѣсть, ся́дутъ* и *лечь, ля́гутъ*. Но почти всѣ эти глаголы неправильны единственно по такой несоотвѣтственности въ ихъ составѣ; спряженіе же ихъ, т. е. образованіе прочихъ окончаній отъ основныхъ формъ, происходитъ по большей части правильно.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Всякій, кто безпристрастно взглянетъ на предлагаемыя мною двѣ основныя формы, какъ на самыя явственныя представительницы *двухъ темъ* русскаго глагола, долженъ согласиться, что онѣ существенно служатъ къ облегченію правильнаго спряженія и къ уясненію его законовъ. Нѣкоторые составители грамматикъ дѣйствительно воспользовались моимъ наблюденіемъ. Особенно слѣдуетъ назвать между ними г. Стоюнина, который въ своемъ „Высшемъ курсѣ русской грамматики" (Спб. 1855, стр. 66—71) принялъ мои замѣчанія въ основу изложенныхъ имъ правилъ спряженія. Такимъ же образомъ поступилъ еще прежде покойный профессоръ Гельсингфорсскаго университета Акіандеръ во 2-мъ изданіи своей „Rysk Språklära" (Helsingfors, 1853).

Многіе преподаватели финляндскихъ училищъ сознавались, что

---

[1]) Что касается до гл. *спать*, отнесеннаго Востоковымъ къ числу неправильныхъ, то я раздѣляю мнѣніе Павскаго, который ставитъ его въ одинъ разрядъ съ глаголами *смотрѣть, лежать, стоять* и проч. (соотвѣтствующими 9-му различію Востокова).

предложенный мною методъ спряженія оказалъ на практикѣ замѣтную услугу при изученіи русскаго языка. То же свидѣтельствовали мнѣ нѣкоторые Чехи, ознакомившіеся съ моею теоріею. У насъ, напротивъ, иные оспаривали надобность принимать, для спряженія глагола, двѣ основныя формы. Они полагали, что для [367] природнаго русскаго такое указаніе совершенно излишне. Но если такъ, то не лучше ли признать, что для русскаго и вообще русская грамматика безполезна? Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ отчасти и покойный мой сочленъ по Академіи, П. С. Билярскій. Говорю *отчасти* потому, что онъ въ отношеніи къ преподаванію сознавалъ вѣрность замѣченныхъ мною фактовъ и пользу предложенныхъ вслѣдствіе того правилъ; но находилъ, что наука ничего отъ нихъ не выигрываетъ. Въ этомъ смыслѣ Билярскій написалъ ко мнѣ письмо, напечатанное въ „Извѣстіяхъ“ (1861, вып. 4) вмѣстѣ съ моимъ отвѣтомъ, изъ котораго считаю нелишнимъ помѣстить здѣсь извлеченіе:

По моему мнѣнію, знаніе основной формы и правильное съ помощію ея составленіе другихъ формъ глагола можетъ служить къ облегченію обзора и уразумѣнія разнообразнаго состава и образованія русскихъ глаголовъ. Обращая вниманіе на основныя формы ихъ, я вовсе не имѣлъ намѣренія устранить изученіе разрядовъ нашихъ глаголовъ по ихъ образованію, но я не касался этого предмета потому, что имѣлъ свою опредѣленную цѣль. Эта цѣль состояла главнымъ образомъ въ томъ, чтобы доказать, что принимаемыя въ наиболѣе распространенныхъ грамматикахъ нашихъ двѣ основныя формы: неопредѣленное наклоненіе и 1-е лицо единств. числа наст. времени не ведутъ къ желаемому результату, такъ какъ вторая изъ нихъ не заключаетъ въ себѣ постояннаго указанія относительно *окончанія* и особенно *ударенія* остальныхъ лицъ того же времени. Еслибъ въ нашихъ грамматикахъ не было этого недостатка, еслибъ онѣ вовсе не занимались производствомъ остальныхъ лицъ обоихъ чиселъ отъ 1-го лица единств., то, можетъ-быть, мнѣ бы и не вздумалось обратить вниманіе на потребность въ болѣе пригодныхъ основныхъ формахъ глагола. Вы считаете достаточнымъ труднѣйшій путь изученія внутренняго состава русскихъ глаголовъ; но въ этомъ случаѣ вы слишкомъ много надѣетесь на силу анализа школы: это доказывается безпрерывными ошибками спряженія въ нашемъ книжномъ мірѣ, гдѣ вы то и дѣло встрѣчаете: они *строютъ*, *стоютъ*, *клеютъ*, [368] *надѣятся*, *сыплятъ*, *колеблятъ*, *трепещатъ*, *морочутъ* и т. п. Я согласенъ съ вами, что въ сущности и другія лица того же времени (кромѣ, однакожъ, 1-го един. числа) имѣли бы право называться основною формой; но такъ какъ для руководства надо избрать одно лицо, то я отдаю рѣшительное предпочтеніе 3-му лицу множ. числа, въ которомъ всего виднѣе то, что́ вы справедливо называете темой глагола; напр., у гла-

головъ подобныхъ *беречь* коренная буква *г*, въ этомъ разрядѣ лицъ, сохраняется только въ 3-мъ лицѣ множ., въ остальныхъ же умягчается въ *ж* (*бережешь* и т. д.). Я думаю, что, еслибъ вообще на взаимное соотношеніе этихъ лицъ, при изученіи языка, было обращаемо болѣе вниманія, то наша орѳографія освободилась бы отъ многихъ ошибокъ.

Что при образованіи глагольныхъ формъ предполагается знаніе закона умягченія буквъ въ спряженіи, вовсе не показываетъ пренебреженія къ этому закону; напротивъ, это значитъ только, что съ нимъ должно ознакомиться уже предварительно. Въ моей статьѣ не упоминается о немъ подробно, потому что онъ здѣсь не относится прямо къ дѣлу, меня занимавшему. Вы указываете на встрѣчающееся иногда затрудненіе знать, какъ должны быть смягчены буквы *д* и *т*: должны ли онѣ обратиться въ *ж* и *ч*, или въ *жд* и *щ*. Однакожъ, если ближе разсмотрѣть дѣло, то это совершенно частное затрудненіе разрѣшается довольно легко: смягченіе *жд* и *щ* является почти исключительно въ предложныхъ глаголахъ церковно-славянскаго или по крайней мѣрѣ книжнаго происхожденія, наприм.: *преградить (прегражду); убѣдить, упредить, учредить; возмутить (возмущу), обогатить, посѣтить, сократить, укротить*. Тѣ изъ этихъ глаголовъ, которые употребляются безъ предлога или принимаютъ народно-русскую форму, вмѣстѣ съ тѣмъ теряютъ славянское умягченіе, напр.: *городить, опередить, укоротить* (*горожу* и т. д.). Изъ безпредложныхъ глаголовъ только очень не многіе (опять-таки книжнаго происхожденія) способны принимать славянское умягченіе, и для примѣра мнѣ не приходитъ на память другихъ, кромѣ *претить* и *святить*. [369] Впрочемъ, какъ эта особенность, такъ и случай, къ которому относится приводимый вами примѣръ: *прослезюсь* вмѣсто *прослежусь*, вовсе не находятся въ связи съ той или другой основной формой, а просто составляютъ довольно рѣдкое отступленіе отъ формъ спряженія, объясняющееся частью историческими, частью логическими причинами.

Признавая, что указанные мною простые факты могутъ быть полезны въ преподаваніи, вы отстаиваете право науки и даже доказываете обязанность ея не заботиться какъ бы облегчить изученіе того, что само по себѣ сложно, хитро, запутано. Такой взглядъ показываетъ, что вы полагаете цѣлую бездну между цѣлями ученаго и задачами педагога, между знаніемъ научнымъ и знаніемъ практическимъ. Кажется, однакожъ, что вы, думая такъ, уничтожаете одинъ изъ лучшихъ результатовъ новѣйшаго образованія, который заключается въ убѣжденіи, что наука мало приноситъ пользы, когда она не снисходитъ къ потребностямъ общества, и что для ея распространенія необходимо стараніе самихъ ученыхъ упростить ея выводы и сдѣлать ихъ доступными для большинства.

Хотя вы, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего письма,

и отдаете предложенной мною формѣ (т. е. 3-му лицу множ. числа) преимущество передъ общеупотребительною (т. е. 1-мъ лицомъ един. числа), однакожъ думаете, что въ словаряхъ первая не замѣнитъ послѣдней, которую трудно выводить изъ неопредѣленнаго наклоненія.

На это я бы могъ возразить, что ее легко выводить изъ предлагаемыхъ мною *двухъ* формъ; но еще важнѣе другое замѣчаніе. Вы упустили изъ виду, что въ словаряхъ уже принято выставлять 3 формы: неопредѣленное наклоненіе 1-е и 2-е лицо един. числа настоящаго времени, напр. *хвали́ть, хвалю́, хва́лишь.* Я полагаю, что указаніе сдѣлалось бы еще опредѣленнѣе и практичнѣе, еслибъ вмѣсто 2-го лица един. числа въ словари наши введено было 3-е лицо множеств., потому что въ остальныхъ окончаніяхъ этого времени рѣдко кто ошибется, но — повторяю — мы [370] безпрестанно читаемъ въ печати: *объемлятъ, дремлятъ, колышатъ, безпокоютъ, строютъ* (вм. объемл*ютъ*, дремл*ютъ*, колыш*утъ*, безпоко*ятъ*, стро*ятъ*) и т. п.

До сихъ поръ выписка изъ отвѣта моего Билярскому.

Для примѣра предлагаемой мною въ словаряхъ перемѣны беру глаголъ *ора́ть*, который, какъ извѣстно, имѣетъ два значенія: 1) пахать, и 2) кричать, и, согласно съ тѣмъ, два разныя спряженія. Въ 1-мъ случаѣ онъ спрягается такъ: *ору́, о́решь — о́рютъ*; во 2-мъ же *ору́, орёшь, — ору́тъ.* Раскрываю академическій словарь и нахожу въ немъ:

ора́ть, орю́, о́решь, а въ другомъ значеніи:
ора́ть, ору́, орёшь.

Понятно, что указаніе выиграло бы въ ясности и опредѣлительности, еслибъ вмѣсто того было поставлено:

ора́ть, орю́, о́рютъ, а во 2-мъ случаѣ:
ора́ть, ору́, ору́тъ;

потому что относительно остальныхъ лицъ того же времени уже не можетъ быть сомнѣнія: буквы *ю* и *у* 3-го лица множ. числа одинаково измѣняются въ остальныхъ лицахъ на *е.*

Въ словарѣ Даля изрѣдка указываются при глаголахъ тѣ же формы, что и въ акад.; при гл. *ора́ть* онъ присоединяетъ, и въ первомъ его значеніи, къ формѣ *орю́* еще форму *ору́.* Дѣло было бы яснѣе, если бъ при этомъ, вмѣсто *о́решь*, было выставлено: *о́рютъ* и *орутъ.* Въ существованіи послѣдней формы, вытекающей изъ показанія Даля, позволю себѣ, однакожъ, усомниться.

Впрочемъ, надобно прибавить, что наши словари очень непослѣдовательны въ такихъ обозначеніяхъ. У Даля они совершенно случайны, и при бо́льшей части глаголовъ онъ ихъ вовсе не ставитъ; слѣдова-

тельно не даетъ никакого руководства относительно ударенія. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ его указанія въ этомъ отношеніи невѣрны. Такъ при глаголѣ *рыскать,* онъ показываетъ 1-е лицо *рыщу́* и *ры́скаю.* Первая изъ этихъ формъ [371] по ударенію невозможна, и акад. словарь правильно ставитъ *ры́щу.*

Академическій словарь вообще въ этомъ дѣлѣ исправнѣе; но и онъ тутъ иногда ошибается, единственно потому, что не сознаетъ правильнаго основанія. Такъ, при глаголѣ *дыша́ть* онъ показываетъ 2-е лицо един. числа наст. времени: *ды́шешь,* тогда какъ слѣдовало поставить: *ды́шишь,* какъ въ глаголѣ *слы́шать, слы́шишь* (см. у Востокова 9-е различіе). *Ды́шешь* есть форма другого менѣе употребительнаго глагола *дыха́ть* (какъ *па́шешь, ма́шешь* отъ *паха́ть, маха́ть;* ср. сказанное ниже на стр. 279); глаголъ же *дыха́ть,* такъ же, какъ и *маха́ть,* имѣетъ въ наст. времени еще и другую форму: *дыха́ю* и т. д.; въ акад. словарѣ только эта форма и приведена при неопр. накл. *дыха́ть.* Такія недоразумѣнія и неисправности были бы немыслимы въ словарѣ академіи, еслибъ было обращено вниманіе на основныя формы глагола, которыя непосредственно служатъ къ отличенію его разряда. Такъ обозначеніе глаголовъ *дыша́ть* и *дыха́ть* въ словарѣ должно быть слѣдующее:

Дыша́ть, дышу́, ды́шатъ.
Дыха́ть, дыха́ю, дыха́ютъ, или: *дышу́, ды́шутъ.*

Въ первомъ глаголѣ остальныя лица будутъ: *ды́шишь, ды́шитъ* и т. д.; въ послѣднемъ, при 2-ой формѣ, они будутъ: *ды́шешь, ды́шетъ* и проч.

Таково значеніе правильно поставленныхъ основныхъ формъ для пониманія тонкостей спряженія русскаго глагола, которыми при изученіи языка, конечно, нельзя пренебрегать.

О ГЛАГОЛАХЪ СЪ ПОДВИЖНЫМЪ УДАРЕНІЕМЪ [1]).

1856.

---

[372] Извѣстно, что одну изъ наименѣе обработанныхъ частей теоріи русскаго языка составляютъ правила ударенія. До сихъ поръ они опредѣлены только въ весьма немногихъ случаяхъ: въ другихъ удареніе наше такъ прихотливо, непостоянно, такъ ускользаетъ отъ всякаго изслѣдованія, что можно даже усомниться, дѣйствительно ли оно подлежитъ неизмѣннымъ законамъ и не зависитъ ли оно скорѣе отъ безотчетныхъ и неуловимыхъ требованій слуха.

Такое положеніе дѣла не освобождаетъ однакоже изслѣдователя языка отъ обязанности наблюдать разнообразіе просодіи его и отъ старанія указать, если не законы, то по крайней мѣрѣ замѣчательнѣйшія явленія сходства или различія удареній въ словахъ одинаковаго образованія. Только тогда, когда всѣ такія явленія будутъ тщательно собраны и обсуждены, можно будетъ вывести окончательное заключеніе относительно законовъ ударенія въ русскомъ языкѣ.

Къ числу подобныхъ явленій принадлежитъ довольно многочисленный разрядъ глаголовъ, у которыхъ удареніе, въ разныхъ формахъ ихъ, бываетъ двоякое: въ неопредѣленномъ наклоненіи и въ 1-мъ лицѣ един. числа наст. времени оно упадаетъ на послѣдній слогъ, а въ остальныхъ лицахъ того же времени переходитъ на предпослѣдній; наприм. *смотрѣ́ть*, *смотрю́*, и — *смо́тришь*, — *итъ*, — *имъ*, — *ите*, — *ятъ*. Изъ прочихъ формъ глагола однѣ [373] по ударенію сообразаются съ неопред. наклоненіемъ, а другія съ отступающими отъ него лицами настоящаго времени. Къ первымъ относятся постоянно прошедшее время изъяв. накл. и повелительное наклоненіе: *смотрѣлъ*, *смотри́*. Къ послѣднимъ относятся *иногда причастія* и *дѣепричастія;* но удареніе этихъ двухъ формъ въ глаголахъ, о которыхъ рѣчь

---

[1]) Примѣчанія, означенныя здѣсь цифрами въ кругл. скобкахъ, см. въ концѣ статьи.

идетъ, не всегда опредѣляется одинакимъ образомъ, т. е. оно бываетъ согласно то съ 1-мъ лицомъ наст. врем., то съ другими, и потому мы здѣсь еще не будемъ касаться ихъ, тѣмъ болѣе что причастія и дѣепричастія свойственны далеко не всѣмъ нашимъ глаголамъ: особенно причастіе наст. страдат. и дѣепричастіе настоящ. неупотребительны во многихъ глаголахъ, даже тогда, когда видъ или залогъ тому не препятствуютъ, наприм., дѣеприч. наст. въ глаголахъ: *рвать*, *пить*, *расти*, *тереть*, *сохнуть* или прич. страд. наст. въ глаголахъ: *колоть*, *рѣзать*, *брать*.

Еще одно предварительное замѣчаніе. Глаголы, оканчивающіеся на *овать* и *евать*, по ударенію бываютъ двоякаго рода. Одни держатъ его на коренномъ слогѣ, напр. *стра́нствовать*, *сѣтовать*, *бѣшенствовать*: въ такомъ случаѣ удареніе во всѣхъ формахъ глагола остается на томъ же мѣстѣ. Въ другихъ глаголахъ этого окончанія — и они гораздо многочисленнѣе — удареніе падаетъ на послѣдній слогъ *ва́ть*: тогда въ настоящ. времени удареніе постоянно измѣняется одинакимъ образомъ, переходя на предпослѣдній слогъ; наприм. *ворова́ть*, *вору́ю*, — *ешь*; *воева́ть*, *вою́ю*, — *ешь* и проч. Замѣчательно, что въ неопред. наклон. предпослѣдній слогъ съ гласною *о* или *е* никогда не принимаетъ ударенія. Указанныя два правила относятся однакожъ только къ такимъ глаголамъ на *овать* и *евать*, въ которыхъ не менѣе трехъ слоговъ. Но есть еще нѣсколько глаголовъ двусложныхъ: *кова́ть*, *жева́ть*, *блева́ть*, *клева́ть*, *днева́ть*, *сова́ть* и *плева́ть*; въ пяти первыхъ настоящее время удерживаетъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, а въ послѣднихъ двухъ оно непостоянно: говорятъ *су́ю* и *сую́*, *плю́ю* и *плюю́*.

Такимъ образомъ глаголы съ этимъ окончаніемъ составляютъ, [374] въ отношеніи къ ударенію, отдѣльный разрядъ глаголовъ и не войдутъ въ наше разсмотрѣніе.

Посмотримъ на остальные глаголы съ занимающею насъ особенностью перемѣннаго ударенія. Само собою разумѣется, что мы имѣемъ въ виду одни простые (несложные) глаголы, за исключеніемъ развѣ тѣхъ только немногихъ, которые безъ приставки къ нимъ предлога вовсе не употребительны, напр.: (при)*мѣнить*, (раз)*лучить*. Подобныхъ глаголовъ съ подвижнымъ удареніемъ оказывается въ русскомъ языкѣ около *двухъ сотъ* — количество незначительное по сравненію съ общимъ итогомъ русскихъ глаголовъ простыхъ (которыхъ болѣе 2.000, не считая особо глаголовъ однократной формы на *нуть*). Двѣ трети всего числа глаголовъ съ подвижнымъ удареніемъ составляютъ глаголы съ окончаніемъ *ить*, и между ними *девять десятыхъ* — двусложные глаголы, каковы наприм.: *хвали́ть*, *хвалю́*, *хва́лишь*; *води́ть*, *вожу́*, *во́дишь*.

Прежде нежели будемъ говорить объ этомъ самомъ многочислен-

номъ классѣ глаголовъ съ подвижнымъ удареніемъ, обратимъ вниманіе на другіе глаголы, отличающіеся тою же особенностію.

Къ числу ихъ принадлежатъ, во 1-хъ, *всѣ* глаголы на *ать* съ бѣглымъ *á*, которому предшествуетъ одна изъ согласныхъ, способныхъ умягчаться въ 1-мъ лицѣ един. числа передъ *ю*. Итакъ всякій разъ, когда встрѣтится глаголъ такого рода: *вяз-áть, вяж-ý, пис-áть, пишý*, не можетъ быть сомнѣнія, что въ слѣдующихъ лицахъ наст. врем. удареніе у него перейдетъ на предыдущій слогъ. Такихъ глаголовъ у насъ 40 съ небольшимъ. Они частью двусложные, частью трехсложные. Первыхъ 30 съ небольшимъ; исчислимъ ихъ:

1) съ буквою *д* передъ окончаніемъ *áть:* гло-д-áть, гло-ж-ý, глó-ж-ешь.

2) съ буквою *з:* вязать, казать, лизать, низать.

3) съ буквою *к:* скакать, икать, локать [1]).

[375] 4) съ буквою *м:* дремать.

5) съ буквою *п:* клепать, трепать, хрепать, щепать, щипать.

6) съ буквою *с:* писать, плясать, тесать, чесать.

7) съ буквою *т:* клегтать, клохтать, метать, роптать, топтать, шептать.

8) съ буквою *х:* дыхать [2]), махать, пахать, пыхать.

9) съ буквами *ск*, *ст:* искать, плескать, блистать, свистать, хлестать (2).

У шести глаголовъ уже въ первомъ лицѣ удареніе переходитъ на первый слогъ: *зобáть, зóблю; зыбáть, зы́блю; алкáть, áлчу; страдáть, стрáжду; брехáть, брéшу; хромáть, хрáмлю.* Этимъ глаголамъ подобенъ и односложный въ неопр. накл. *здать, зи́жду.*

Два глагола: *стонать* и *орать* (въ смыслѣ пахать), у которыхъ согласная передъ *ать* неспособна измѣняться, принадлежатъ также къ разсмотрѣнному выше разряду.

Трехсложныхъ глаголовъ только 12; почти всѣ они звукоподражательные съ буквою *т* передъ окончаніемъ *áть*, съ повторяющимися гласными *о* или *е* и вставкою между ними губной или гортанной буквы: *бормотать, грохотать, клеветать, клокотать, лепетать, рокотать, скрежетать, трепетать, хлопотать, хохотать, щебетать, щекотать.*

Сверхъ того, мы въ этомъ разрядѣ находимъ еще глаголы: *полоскать, колыхать* и *колебать*; послѣдніе два уже въ 1-мъ лицѣ мѣняютъ удареніе: колы́шу, колéблю.

Замѣтимъ, что перемѣна ударенія уже въ 1-мъ лицѣ бываетъ по большей части у такихъ глаголовъ, которые имѣютъ двоякое настоя-

---

[1]) Впрочемъ, формы: *икаю, локаю* употребительнѣе чѣмъ *ичý, лочý.*

[2]) Настоящ. *дышý, ды́шешь.* Отъ глагола же *дышать* наст. будетъ: *дышý, дышишь.* Слѣд., большинство у насъ неправильно пишетъ: *дышешь.* (Ср. выше, стр. 276).

щее, т. е. могутъ, или прежде могли, удерживать въ немъ передъ окончаніемъ гласную *а: хра́млю* и *хрома́ю, алчу* и *алка́ю.* Изъ грамматикъ Ломоносова и Россійской академіи видно, что нѣкогда говорили также: *колеба́ю* (вм. *коле́блю*). Форма эта [376] встрѣчается еще и у писателей 1-й половины нынѣшняго столѣтія, наприм. у Ѳ. Н. Глинки въ „Письмахъ русскаго офицера“ (Ч. IV).

Далѣе встрѣчаемъ немногочисленный разрядъ глаголовъ на *о́ть,* въ которомъ удареніе въ настоящемъ времени всегда переходитъ по указанному закону: *боро́ть, коло́ть, поло́ть, поро́ть, моло́ть: колю́, ко́лешь* и проч., *моло́ть, ме́лешь.*

Изъ глаголовъ на *нуть* четыре несложные *гляну́ть, мину́ть, тону́ть* и *тяну́ть* перемѣняютъ удареніе во 2-мъ и слѣд. лицахъ настоящаго врем.; но есть еще 2 такіе глагола, неупотребительные безъ предлога, именно: (об) *ману́ть* и (по) *мяну́ть: обману́, обма́нешь; помяну́, помя́нешь.*

Всѣхъ многочисленнѣе между глаголами съ подвижнымъ удареніемъ тѣ, которые оканчиваются на *ить.* Поэтому и заслуживаютъ они подробнаго разсмотрѣнія, тѣмъ болѣе, что глаголы съ этимъ окончаніемъ въ изслѣдуемомъ отношеніи являются особенно прихотливыми.

Прежде всего надобно отдѣлить изъ числа ихъ тѣ глаголы, которые употребляются двояко, т. е. *могутъ* въ означенныхъ формахъ переносить удареніе на предпослѣдній слогъ, но иногда удерживаютъ его и на послѣднемъ. Исчислимъ ихъ по алфавитному порядку гласныхъ въ коренномъ слогѣ:

а:	сади́ть	— сади́шь	и са́дишь	(посо́дишь) (3)
	вали́ть	— вали́шь	и ва́лишь	(во́лишь) [1])
	кати́ть	— кати́шь	и ка́тишь	(поко́тишь)
	дари́ть	— дари́шь	и да́ришь	(подо́ришь)
	вари́ть	— вари́шь	и ва́ришь	(во́ришь [1])
	гаси́ть	— гаси́шь	и га́сишь	
	трави́ть	— трави́шь	и тра́вишь	
	мани́ть	— мани́шь	и ма́нишь	
	тащи́ть	— тащи́шь	и та́щишь	(то́щишь) [1])
е:	крести́ть	— крести́шь	и кре́стишь	
	черти́ть	— черти́шь	и че́ртишь	
[377]	клеи́ть	— клеи́шь	и кле́ишь	
	щени́ться	— щени́шься	и ще́нишься	
и:	чини́ть	— чини́шь	и чи́нишь	
о:	божи́ться	— божи́шься	и бо́жишься	
	(за)нози́ть	— занози́шь	и зано́зишь	

[1]) Слышано въ Данковскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи.

	(по)ложи́ть	— ложи́шься	и (по)ло́жишь
	вопи́ть	— вопи́шь	и во́пишь
	кроши́ть	— кроши́шь	и кро́шишь
	коси́ть	— коси́шь	и ко́сишь
	твори́ть	— твори́шь [1])	и (за)тво́ришь
у:	кури́ть	— кури́шь	и ку́ришь
	тури́ть	— тури́шь	и ту́ришь
	студи́ть	— студи́шь	и (про)сту́дишься
	труби́ть	— труби́шь	и тру́бишь
	блуди́ть	— блуди́шь	и блу́дишь
	труди́ться	— труди́шься	и тру́дишься
	пруди́ть	— пруди́шь	и пру́дишь
	уди́ть	— уди́шь	и у́дишь
	тупи́ть	— тупи́шь	и ту́пишь
	кружи́ть	— кружи́шь	и кру́жишь
	(за)глуши́ть	— глуши́шь	и глу́шишь
	души́ть	— души́шь	и ду́шишь
	суши́ть	— суши́шь	и су́шишь
	туши́ть	— туши́шь	и ту́шишь
	(раз)лучи́ть	— (раз)лучи́шь	и (раз)лу́чишь
	(по)ручи́ть	— (по)ручи́шь	и (по)ру́чишь
	сучи́ть	— сучи́шь	и су́чишь
ѣ:	бѣли́ть	— бѣли́шь	и бѣ́лишь
	цѣди́ть	— цѣди́шь	и цѣ́дишь
	гнѣзди́ться	— гнѣзди́шься	и гнѣ́здишься
	рѣзви́ться	— рѣзви́шься	и рѣ́звишься
[378]	свѣти́ть	— свѣти́шь	и свѣ́тишь
	мѣси́ть	— мѣси́шь	и мѣ́сишь
	дѣли́ть	— дѣли́шь	и дѣ́лишь
	лѣни́ться	— лѣни́шься	и лѣ́нишься
	(за)мѣни́ть	— (за)мѣни́шь	и (за)мѣ́нишь
	цѣни́ть	— цѣни́шь	и цѣ́нишь
я:	ряди́ть	— ряди́шь	и ря́дишь
	яви́ть	— яви́шь	и я́вишь.

Итого 50 глаголовъ съ *двоякимъ удареніемъ* во 2-мъ и слѣд. лицахъ настоящ. врем. Затѣмъ остается всего около 50-ти же глаголовъ, у которыхъ *постоянно-подвижное удареніе* въ лицахъ этого времени. Число незначительное, если примемъ въ соображеніе, что глаголовъ

[1]) По грамматикѣ Смотрицкаго *твóрити, твóришь*. См. у него парадигму 2-го спряженія. Сложные глаголы *затворить, притворить* и т. д. очевидно образованы изъ того же глагола. Сравни нѣмецк. zumachen — затворить.

на *и́ть* съ неизмѣннымъ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ можно насчитать у насъ около 200. Приведемъ же теперь тѣ глаголы, у которыхъ во 2-мъ лицѣ наст. врем. удареніе всегда переходитъ на предпослѣдній слогъ, и разсмотримъ ихъ также по порядку гласныхъ начальнаго слога:

а.	дави́ть	—	да́вишь	
	хвали́ть	—	хва́лишь	
	плати́ть	—	пла́тишь	(пло́тишь)
	хвати́ть	—	хва́тишь	
	дразни́ть	—	дра́знишь	
е:	серди́ть	—	се́рдишь	
	жени́ть	—	же́нишь	
о:	(по)соби́ть	—	(по)со́бишь	
	копи́ть	—	ко́пишь	
	топи́ть	—	то́пишь	
	лови́ть	—	ло́вишь	
	броди́ть	—	бро́дишь	
	води́ть	—	во́дишь	
	ходи́ть	—	хо́дишь	
	(про)глоти́ть	—	(про)гло́тишь	
	корми́ть	—	ко́рмишь	
[379]	ломи́ть	—	ло́мишь	
	гони́ть (неупотр.)	—	го́нишь	
	клони́ть	—	кло́нишь	
	(у)рони́ть	—	(у)ро́нишь	
	(при)слони́ть	—	(при)сло́нишь	
	вози́ть	—	во́зишь	
	проси́ть	—	про́сишь	
	дрочи́ть	—	дро́чишь	
	мочи́ть	—	мо́чишь	
	(на)скочи́ть	—	(на)ско́чишь	
	точи́ть	—	то́чишь	
	моли́ть	—	мо́лишь	
	скобли́ть	—	ско́блишь	
у:	губи́ть	—	гу́бишь	
	руби́ть	—	ру́бишь	
	купи́ть	—	ку́пишь	
	лупи́ть	—	лу́пишь	
	ступи́ть	—	сту́пишь	
	буди́ть	—	бу́дишь	
	суди́ть	—	су́дишь	
	пусти́ть	—	пу́стишь	

	шути́ть	—	шу́тишь
	служи́ть	—	слу́жишь
	тужи́ть	—	ту́жишь
	(у)куси́ть	—	(у)ку́сишь
	учи́ть	—	у́чишь
ю:	люби́ть	—	лю́бишь
ѣ:	лѣпи́ть	—	лѣ́пишь
	лѣчи́ть	—	лѣ́чишь
	цѣпи́ть	—	цѣ́пишь
	бѣси́ть	—	бѣ́сишь
	(за)стрѣли́ть	—	(за)стрѣ́лишь.

Съ перваго взгляда на этотъ списокъ бросается въ глаза сравнительно-большое число глаголовъ съ буквами *о* и *у* въ слогѣ [380], предшествующемъ окончанію *ить*, особенно съ буквою *о:* такихъ глаголовъ болѣе 20, слѣдовательно, около половины всего количества разсматриваемыхъ глаголовъ на *ить* съ непремѣнно-подвижнымъ удареніемъ. И наоборотъ, замѣчательно, какъ относительно-мало глаголовъ такого образованія между глаголами съ *двоякимъ* удареніемъ во 2-мъ и слѣд. лицахъ наст. времени.

Посмотримъ, нельзя ли въ исчисленныхъ глаголахъ отыскать какой-нибудь отличительной примѣты, сравнивая ихъ съ такими глаголами того же образованія, которые всегда сохраняютъ удареніе въ концѣ. Вотъ нѣкоторые изъ послѣднихъ: *бодри́ть, водни́ть, вощи́ть, гнои́ть, годи́ть, гости́ть, громи́ть, двои́ть, долби́ть, дроби́ть*. Мы видимъ, что почти всѣ подобные этимъ глаголы—имѣющіе одно постоянное удареніе на послѣднемъ слогѣ—суть *производные*, т. е. составлены изъ именъ существительныхъ, прилагательныхъ или числительныхъ (бодрый, вода, воскъ, гной, годъ, двое), тогда какъ глаголы съ подвижнымъ удареніемъ—*по большей части первообразные*, т. е. образованы хотя и не прямо отъ корня, но и не отъ слова другой части рѣчи. Къ сожалѣнію, обоихъ послѣднихъ выводовъ не можемъ мы сдѣлать безъ ограниченія ихъ словами *почти* и по *большей части*. Есть исключенія и въ томъ и въ другомъ случаѣ, наприм., въ 1-мъ случаѣ *долбить, доить*, а во 2-мъ *женить, сердить, застрѣлить*. Впрочемъ, между глаголами съ безусловно подвижнымъ удареніемъ очень рѣдки глаголы производные; едва ли можно найти тому другіе примѣры, кромѣ сейчасъ приведенныхъ. Итакъ, *глаголы съ подвижнымъ удареніемъ почти всѣ первообразные*. Напротивъ, между глаголами съ постояннымъ удареніемъ въ концѣ—первообразныхъ очень мало: *родить, рѣшить, вратить, коптить, сулить:* вотъ чуть ли и не всѣ они.

Къ разсмотрѣнному разряду двухсложныхъ глаголовъ надобно еще отнести тѣ немногіе, которые передъ окончаніемъ *ть* приняли вмѣсто

и гласную *ѣ* или, послѣ шипящихъ буквъ, гласную *а: вертѣть, смотрѣть, терпѣть, держать, дышать*,—у которыхъ 1-е лицо по ударенію также отличается отъ слѣдующихъ. [381] Изъ нихъ одинъ только — *вертѣть* — допускаетъ въ этихъ лицахъ двоякое удареніе: *вéртишь* и *вертúшь*.

Глаголъ *хотѣть* спрягается въ един. числѣ наст. врем. такъ, какъ если бъ неопр. наклоненіе оканчивалось на *ать* подобно глаголамъ *метать, топтать, шептать* и проч.; *хочý, хóчешь* [1]). Здѣсь же, наконецъ, должны найти мѣсто односложные въ неопр. наклоненіи глаголы: *стлать;* (—) *ять* и *мочь*.

1) *стелю́, стéлешь;* почему не *стелёшь*, какъ въ глаголѣ *брать, берý, берёшь?* Когда 3-е лицо множ. числа оканчивается на *лютъ* или *рютъ*, то этотъ слогъ никогда не принимаетъ ударенія: сравнимъ: *óрютъ, бóрютъ, пóрютъ, кóлютъ, пóлютъ, мéлютъ*. Въ глаголѣ *стлать* это тѣмъ замѣчательнѣе, что въ предыдущемъ слогѣ буква *е*, принимающая удареніе, есть бѣглая.

2) *имý, úмешь*, (напр. примý, при́мешь). Но когда *и* выпадаетъ послѣ предлога *воз*, то удареніе переходитъ на послѣдній слогъ: *возьмý, возьмёшь*. То же бываетъ, когда *и* превращается въ *й* послѣ отрицанія *не* и послѣ нѣкоторыхъ предлоговъ, напр. *неймёшь, займёшь, уймёшь*.

3) *могý, мóжешь*. Изъ всѣхъ глаголовъ на *чь*, это единственный съ подвижнымъ удареніемъ въ настоящемъ времени, чтó приписать должно, какъ кажется, вліянію гласной *о* въ первомъ слогѣ, которая, какъ мы видѣли, легко принимаетъ на себя удареніе въ двусложныхъ глаголахъ.

Между глаголами на *ить* нѣкоторые перемѣняютъ или не перемѣняютъ удареніе, смотря по смыслу своему, если имѣютъ двоякій, и еще по тому, соединены ли они съ предлогомъ и съ какимъ именно, употреблены ли съ мѣстоименіемъ *ся* или безъ него. Приведемъ примѣры:

1) Вліяніе *значенья. Крéстишь, крéстишься*, говорятъ, когда дѣло идетъ о знаменіи креста; *крестúшь,—ся*, когда разумѣютъ обрядъ крещенія. *Кóсишь*, когда означается срѣзываніе травы, и *косúшь*, когда рѣчь идетъ о направленіи глазъ (4).

[382] 2) Вліяніе *предлоговъ. Творúть* безъ предлога въ наст. время никогда не измѣняется въ удареніи; съ предлогами *за, при, от, раз* говорятъ *твóришь*, при чемъ измѣняется и смыслъ [2]). *Чинить*, безъ предлога, употребляется съ двоякимъ удареніемъ въ наст. времени

---

[1]) См. выше, стр. 271.

[2]) См. выше выноску, относящуюся къ списку глаголовъ, противъ слова *творить* (стр. 281).

глаголъ *учинить* всегда сохраняетъ удареніе на послѣднемъ слогѣ. Говорятъ *(по)лу́чишь*, а когда съ этимъ глаголомъ соединенъ предлогъ *раз*, то удареніе допускается двоякое: *разлу́чишь* и *разлучи́шь*. (Точно такъ же въ будущемъ времени глагола *присла́ть* говорятъ иногда *при́шлешь*). Вліяніе предлоговъ на удареніе такъ велико, что оно иногда обнаруживается даже и на неопредѣленномъ наклоненіи. Глаголъ *висѣть*, при предлогѣ *за*, переноситъ свое удареніе на предпослѣдній слогъ: *зави́сѣть*.

3) Вліяніе *мѣстоименія ся*. Говорятъ: *сади́шь* и *са́дишь*, но въ возвратной формѣ только *сади́шься; ло́жишь* съ предлогами *по*, *при*, *раз* и др. всегда произносятъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ; а когда глаголъ этотъ употребляется въ возвратной формѣ безъ предлога, то говорятъ *ложи́шься*. Другой случай представляетъ глаголъ *студи́ть*, который при мѣстоименіи *ся* и предлогѣ *про* въ будущемъ времени всегда переноситъ удареніе на слогъ *сту́*, тогда какъ *студишь* безъ этихъ приращеній выговаривается двоякимъ образомъ.

Перейдемъ теперь къ трехсложнымъ глаголамъ на *и́ть*. Ихъ вообще въ языкѣ немного — 20 съ небольшимъ, а подвижное удареніе замѣчается только въ 12-ти изъ нихъ: *волочить*, *воротить*, *колотить*, *молотить*, *торопить*, *хоронить*, *городить*, *золотить*, *коротить*, *становить*, *теребить*, *шевелить*, (об)*локотиться*. Между ними большая половина, именно послѣдніе семь, допускаютъ въ наст. вр. двоякое удареніе: *городи́шь* и *горо́дишь*, *золоти́шь* и *золо́тишь* (особенно съ предлогомъ) и т. д. Здѣсь опять въ большей части случаевъ удареніе падаетъ на букву *о*.

Въ этихъ глаголахъ еще одно обстоятельство заслуживаетъ вниманія. Почти всѣ они представляютъ то, чтó у насъ принято [383] называть *полногласіемъ*, т. е. двойныя гласныя при буквахъ *р* и *л*, — составъ довольно сходный съ тѣмъ, какой мы видѣли въ трехсложныхъ глаголахъ съ окончаніемъ *тать* (бормотать, лепетать и т. д.), которые также перемѣняютъ удареніе во 2-мъ лицѣ наст. вр. Почти всѣмъ приведеннымъ трехсложнымъ глаголамъ на *ить* соотвѣтствуютъ церковно-славянскіе съ одною гласною вмѣсто двухъ: *влачить*, *вратить*, *млатить*, *хранить*, *градить*, *златить*, *кратить*, и въ этихъ двусложныхъ глаголахъ удареніе остается уже постоянно на послѣднемъ слогѣ. Отсюда возникаетъ вопросъ: переносъ ударенія во 2-мъ и послѣдующихъ лиц. наст. вр. не есть ли исключительно народное свойство русскаго языка, чуждое древне-славянскому нарѣчію?

Къ сожалѣнію, въ древнѣйшихъ церковно-славянскихъ спискахъ евангелія ударенія вовсе не означены; они начинаютъ появляться не прежде какъ въ XV и XVI столѣтіяхъ. Но и въ рукописяхъ, относящихся къ этому времени, оказывается касательно ударенія большое разнообразіе; къ тому же надъ многими словами вовсе нѣтъ ударенія,

въ другихъ оно поставлено надъ двумя слогами. Въ этомъ отношеніи наши тексты священнаго писанія могутъ быть раздѣлены на два разряда.

Въ однихъ ударенія довольно сходны съ находимыми до сихъ поръ въ нашей славянской библіи съ удареніями языка народнаго. Таковы они, напр., въ уставномъ спискѣ евангелія XVI вѣка, хранящемся въ Императорской Публичной библіотекѣ (№ 25 по ея каталогу [1]); здѣсь читается между прочимъ: *свѣ́тится, и́мутъ, ви́дѣхомъ, вопро́сятъ, вопроси́ша, испра́вите, у́зриши, пи́саное.* Однако тутъ же встрѣчаются случаи несходства ударенія съ нынѣшнимъ, и въ размѣщеніи его часто видна нѣкоторая шаткость: напр. слово *видѣхомъ* въ другомъ мѣстѣ носитъ удареніе на 2-мъ слогѣ; далѣе читаемъ *созда́на* и проч. Къ этому [384] же разряду текстовъ относительно ударенія принадлежитъ и острожское изданіе 1581 года, а также виленское евангеліе 1575 года, напечатанное Петромъ Мстиславцемъ. Въ этихъ текстахъ, какъ и въ нынѣшнемъ, удареніе только мѣстами отступаетъ отъ употребительнаго въ наше время, какъ-то: *возложи́тъ, погуби́тъ, преклони́тъ, научи́тъ,* изъ чего надобно заключить, что въ Москвѣ ударенія церковно-славянскаго нарѣчія вообще выработались подъ вліяніемъ народнаго языка.

Другой разрядъ составляютъ такіе тексты, въ которыхъ ударенія по большей части вовсе не сходны съ нынѣ-употребительными. Такъ въ спискѣ конца XV вѣка (Кат. Публ. библ. № 16) находимъ: *вопро́сиша, по́славшій, схо́дящъ, тво́рите, на́плъните, о́брѣте, при́ходитъ, о́сужденъ, о́сужденье, у́читель, до́стоинъ.* Въ полууставномъ 1537 года (к. Б. № 23): *все́лися, вѣ́просятъ, вопро́сиша, гря́детъ, схо́дящъ, жи́веши, въку́си, тво́рите, ро́дится, возлю́би, ре́коша, осу́жденъ* (но также *осужде́нъ*); *ре́менъ, се́бѣ, уче́никъ, церко́въ, дѣ́ла* (множ. ч.), *лу́кава.* Подобныя ударенія встрѣчаются во множествѣ и въ полууставномъ спискѣ XVI вѣка (к. Б. № 24), и въ уставномъ XV (№ 13): въ послѣднемъ, кромѣ удареній, много другихъ надстрочныхъ знаковъ, удареній же вообще мало. Еще болѣе разнообразія въ отношеніи къ просодіи представляетъ полууставный списокъ XVI вѣка (№ 31), гдѣ читаемъ: *похо́ти, видѣ́хомъ, достои́нъ, отрѣ́шу, слыша́вшюю, видѣ́въ же, се́бѣ, вѣрова́ша, име́те, не има́тъ, встане́те, буде́те.*

Во всѣхъ этихъ спискахъ, въ большей части случаевъ, обнаруживаются слѣды сербской просодіи; это тѣмъ очевиднѣе, что надъ нѣкоторыми словами поставлено по два ударенія (*пу́стыни, по́сла̀*—№ 16),

[1]) Здѣсь приводятся замѣтки, сдѣланныя мною при просмотрѣ разныхъ списковъ евангелія въ Публ. библ. Для удобства сличенія избралъ я однѣ и тѣ же первыя главы евангелія отъ Іоанна, которыя и прослѣдилъ во всѣхъ бывшихъ передо мною рукописяхъ, отмѣчая впрочемъ почти одни только глаголы, относящіеся къ предмету моего изслѣдованія.

что̀ также составляетъ принадлежность сербскаго правописанія [1]. Итакъ мы не сдѣлаемъ слишкомъ смѣлаго заключенія, если предположимъ, что такіе тексты, отличающіеся особенностью своихъ удареній, списаны съ сербскихъ редакцій [385] священнаго писанія. Въ этой догадкѣ утверждаютъ насъ два находящіеся также въ Публичной библіотекѣ сербскія евангелія, напечатанныя въ XVI столѣтіи черногорскимъ монахомъ Мардаріемъ, родомъ съ рѣки Дрина — одно въ Бѣлградѣ, а другое въ монастырѣ „*Мръкшина црква въ подъкриліе Чръніе горы*“. Въ первомъ изъ нихъ встрѣчаются между прочимъ такія ударенія: *творѝти*, *творѝши*, *не ро̀дится* (но на той же страницѣ не *родѝтся*, и *ро̀дитѝся*, *ро̀ждѐнное*, *хощѐть*, *слышѝши*, *моѓутъ*, *рѐче*).

Соображая все это, мы не можемъ не признать, что глаголы съ подвижнымъ удареніемъ составляютъ принадлежность собственно русскаго, народнаго, а не старо-славянскаго языка (5). Нѣтъ сомнѣнія, что просодія послѣдняго у насъ постепенно видоизмѣнялась подъ вліяніемъ перваго, но, къ сожалѣнію, мы не можемъ прослѣдить всѣхъ ея измѣненій, по недостатку памятниковъ, гдѣ бы ударенія означены были со времени введенія на Руси письменности. Здѣсь мы только слегка коснулись этого предмета съ исторической точки зрѣнія; однакожъ, и этого, кажется, достаточно, чтобы показать, къ какимъ любопытнымъ выводамъ можетъ привести разсмотрѣніе нашихъ рукописей въ отношеніи къ удареніямъ — сторона, до сихъ поръ еще не тронутая въ изслѣдованіи исторіи славяно-русскаго языка. Впрочемъ не надобно упускать изъ виду возможности и того факта, что знаки ударенія часто ставились писцами произвольно.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Терминъ *подвижное удареніе* употребленъ въ первый разъ А. Х. Востоковымъ: см. его Русскую Грамматику (4-е изд.) § 182. Онъ принятъ и въ Опытѣ общесравнительной грамматики русскаго языка, § 76.

2) Относительно глагола *блиста́ть* можетъ возникнуть сомнѣніе, дѣйствительно ли это неопредѣленное наклоненіе принадлежитъ тому же глаголу, въ которомъ настоящее время: *блещу́*, [386] *бле́щешь*, и точно ли эта послѣдняя форма тожественна съ другою: *блиста́ю*, *блиста́ешь*. Нельзя ли скорѣе принять ее за видоизмѣненіе формы:

[1]) Ср. Словарь Караджича и Грамм. Добровскаго, Гл. III, §§ III — VIII.

блещу́, блести́шь, отъ глагола *блестѣть?* Форма *бле́щешь, бле́щетъ* и т. д. не можетъ отвѣчать неопр. наклоненію, у котораго передъ окончаніемъ *тъ* бѣглое *ѣ*; эта послѣдняя буква въ настоящемъ времени всегда замѣняется гласною *и* (исключеніе составляютъ только два глагола: *хотѣть* и *ревѣть*; въ послѣднемъ видимъ новую форму, заступившую мѣсто древней *рюти* [1]). Съ другой стороны окончаніе *ешь... утъ* (безъ удар.) съ предшествующею шипящей *ж ч ш щ* въ наст. врем. всегда указываетъ на неопредѣленное наклоненіе съ окончаніемъ *гать, кать, тать, хать, сать, скать* или *стать: бры́зжутъ—бры́згать, пла́чутъ—пла́кать, ме́чутъ—мета́ть, ма́шутъ—маха́ть, пи́шутъ—писа́ть, и́щутъ—иска́ть; хле́щутъ—хлеста́ть.* Многіе изъ этихъ глаголовъ имѣютъ въ наст. вр. двоякую форму: *бры́зжу* и *бры́згаю, мечу́* и *мета́ю, машу́* и *маха́ю, хлещу́* и *хлеста́ю.* Такъ точно и глаголъ *бле́щутъ* въ неопредѣленномъ наклоненіи долженъ бы имѣть форму *блеста́ть*; но вмѣсто ея утвердилась другая—*блиста́ть*; для довершенія аналогіи, и этотъ глаголъ (какъ *хлестать* и *плескать*) имѣетъ въ настоящемъ времени двоякую форму: *блещу* и *блистаю* [2]. Такъ смотритъ на него и А. Х. Востоковъ (ср. его Грамматику, § 75, Различ. II, е).

3) О частомъ превращеніи звука *а* въ *о*, когда на *а* падаетъ удареніе было уже говорено въ другой статьѣ: „О нѣкоторыхъ особенностяхъ въ системѣ звуковъ русскаго языка“ (см. выше стр. 235). Нѣтъ, кажется, надобности объяснять, что въ словахъ *сади́шь* и *по-со́дишь* буквы *а* и *о* въ коренномъ слогѣ тожественны.

4) Можно бы подумать, что формы *ко́сишь* и *коси́шь* принадлежатъ двумъ разнымъ глаголамъ, которые только случайно [387] созвучны въ неопред. наклоненіи. Но что это одинъ и тотъ же глаголъ, въ томъ убѣждаетъ насъ совершенно сходный случай въ германскихъ языкахъ: въ исландскомъ глаголъ *sneida*, — отъ корня *sneid*, косой — значитъ: 1) дѣлать косымъ, кривымъ, наклонять вкось, и 2) рѣзать. Такъ и въ шведскомъ прилаг. *sned* значитъ косой, а глаголъ *sneda*—косить, кривить и — наискось срѣза́ть. То же представляетъ и областной норвежскій глаголъ *snide*. Въ нѣмецкомъ языкѣ глаголъ того же корня *schneiden* значитъ рѣзать, а въ датскомъ сущ. *snedker* — столяръ, тогда какъ прилаг. *snedig* — лукавый, криводушный.

5) По убѣжденію Добровскаго, „въ множайшихъ словахъ сербскія древнія книги сохранили удареніе прежнее, IX вѣка (хотя досто-

---

[1]) См. Остромирово Евангеліе, Грамматическія правила, § 39.

[2]) И въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ слова́ этого корня встрѣчаются въ двухъ разныхъ формахъ, изъ которыхъ одна является съ гласною *и*, а другая съ *е* или *а*, напр. польск. błyszczeć и błeszczeć (стар.), błysk и błask; словацк. błysstim se, bleskati se. Въ лужиц. нарѣчіи послѣ *l* буква *о*: błosk, błoskani. (См. Словарь Линде).

вѣрно и не безъ нѣкоторыхъ перемѣнъ)" —(Грамм. языка Слав. Ч. I, гл. III, § 1); но мы не можемъ опереться на это мнѣніе знаменитаго филолога, потому что оно не подкрѣпляется никакими положительными данными. Въ подтвержденіе нашей мысли о принадлежности народному языку подвижного ударенія въ глаголахъ, скорѣе надобно привести то обстоятельство, что въ священномъ писаніи до сихъ поръ носятъ постоянное удареніе многіе изъ такихъ глаголовъ, которые у насъ употребляются не иначе какъ съ удареніемъ подвижнымъ, напр. учи́тъ вм. у́читъ, клони́тъ вм. кло́нитъ, погуби́тъ вм. погу́битъ, и друг.

[388] О РУССКОМЪ УДАРЕНІИ ВООБЩЕ И ОБЪ УДАРЕНІИ ИМЕНЪ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХЪ.

1858—1885.

I.

Общія замѣчанія о сущности русскаго ударенія. Неопредѣленность его во многихъ случаяхъ. Взглядъ Востокова. Два предмета изслѣдованія. Удареніе въ первообразныхъ словахъ. Двоякая цѣль нашего ударенія. Два весьма опредѣленные закона его въ именахъ предложныхъ. Имена съ производственными окончаніями мужескаго, женскаго и средняго рода: а) всегда имѣющими удареніе; б) являющимися то съ удареніемъ, то безъ ударенія, и в) никогда не принимающими его. Результаты изслѣдованія: указаніе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ зависитъ удареніе въ производныхъ словахъ.

Приступая къ разсмотрѣнію законовъ просодіи въ русскомъ языкѣ, мы прежде всего встрѣчаемъ вопросъ: что такое удареніе? Точно ли оно состоитъ, какъ всѣ мы повторяемъ послѣ Ломоносова, въ повышеніи голоса надъ слогами? Кажется, такое опредѣленіе сущности ударенія не совсѣмъ вѣрно. Если бъ мы на каждомъ словѣ дѣйствительно повышали и понижали голосъ, то мы говорили бы на распѣвъ; сущность ударенія заключается въ усиленіи выговора нѣкоторыхъ слоговъ, т. е. въ увеличеніи силы, съ какою выталкивается воздухъ при произнесеніи звуковъ [1]). Поэтому не безъ основанія у насъ въ старину называли ударенія *силами*. Вслѣдствіе того слоги съ удареніемъ въ русскомъ [389] языкѣ могутъ становиться нѣсколько длиннѣе другихъ. Правда, у насъ нѣтъ напряженнаго протяженія гласныхъ, какое замѣчается въ иныхъ языкахъ, напр., въ нѣмецкомъ и во фран-

[1]) Спустя много времени послѣ того, какъ эти строки были написаны, я нашелъ ту же мысль выраженною въ соч. Heyse, System der Sprachwissenschaft: § 152. Accent (стр. 328 и 329). Часть его была переведена на русскій языкъ г. Желтовымъ и печаталась въ *Филологическихъ Запискахъ* г. Хованскаго.

цузскомъ, однакожъ и съ нашимъ удареніемъ въ нѣкоторой степени связано удлинненіе слоговъ. Что касается до способа означать у насъ удареніе на письмѣ, то нѣтъ причины употреблять то *острый* знакъ (´), то *тяжкій* (`): такъ какъ мы не имѣемъ фонетическаго основанія для разныхъ степеней удлинненія слоговъ, то и знакъ ударенія можетъ быть у насъ только одинъ, и именно острый (´), годный на всякомъ мѣстѣ слова: никакого нѣтъ основанія на окончательной гласной ставить по примѣру греческаго письма, тяжкій (`) знакъ.

Затѣмъ является другой вопросъ: есть ли въ русскомъ языкѣ твердо установленное удареніе? Мы не будемъ распространяться о различіи его въ разныхъ мѣстныхъ говорахъ нашего языка, ни о послѣдовательныхъ измѣненіяхъ его въ разныя времена; но и въ общеупотребительной современной рѣчи удареніе часто слышится то на одномъ, то на другомъ слогѣ. Всякій, кто захотѣлъ бы въ точности опредѣлить удареніе каждаго русскаго слова, въ весьма многихъ случаяхъ встрѣтилъ бы сомнѣніе; если бъ, для разрѣшенія его, онъ сталъ обращаться къ знатокамъ языка, то и отъ нихъ услышалъ бы столько же разныхъ мнѣній, напр. одинъ говоритъ: *христіáнинъ, грáжданинъ, клáдбище, вёсну, врéменный, озёра, изобрѣтеніе, сéрдиться;* а другой произноситъ: *христіанúнъ, гражданúнъ, кладбúще, веснý, временнóй, озерá, изобрѣтéніе, сердúться...*

Въ статьѣ моей: „О глаголахъ съ подвижнымъ удареніемъ" было показано, что въ числѣ сотни двусложныхъ глаголовъ съ окончаніемъ *итъ*, измѣняющихъ удареніе въ настоящемъ времени, оказывается около 50 такихъ, у которыхъ удареніе въ этомъ времени (кромѣ 1-го лица единств. числа) можетъ падать и на 1-й, и на 2-й слогъ, напр. *вáлишь, валúшь.*

Отсюда слѣдуетъ, что по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ нѣтъ постояннаго основанія для ударенія словъ. Но словá съ [390] опредѣленнымъ удареніемъ, несравненно многочисленнѣе: не подчинено ли оно хоть въ нихъ положительнымъ законамъ и нельзя ли выяснить эти законы? Самый этотъ вопросъ до сихъ поръ остается у насъ нерѣшеннымъ, потому что никто еще не подвергалъ обстоятельному разсмотрѣнію всѣхъ случаевъ разнообразія нашихъ ударений. Указаніе словъ съ *подвижнымъ* удареніемъ мы находимъ въ грамматикѣ Востокова (§ 182 и слѣд.); но онъ не принялъ на себя окончательнаго рѣшенія задачи, оговорившись такимъ образомъ: „Который именно слогъ должно произносить съ удареніемъ, сему научаемся изъ употребленія и изъ словаря, потому что *не пріискано еще на то опредѣленныхъ правилъ*". Послѣднія слова показываютъ однакожъ, что нашъ заслуженный филологъ не отвергалъ возможности открытія такихъ правилъ. При всемъ томъ эта отрасль разработки нашего языка до сихъ поръ почти не обращала на себя вниманія. Павскій въ своихъ

„Филологическихъ наблюденіяхъ надъ составомъ русскаго языка“ иногда указываетъ на тѣ случаи, когда удареніе явно присвоено извѣстнымъ слогамъ или окончаніямъ, но онъ вообще касается этого предмета только мимоходомъ и случайно, не входя въ подробное систематическое изслѣдованіе его. Конечно, трудность задачи и малое вѣроятіе успѣха въ рѣшеніи ея можетъ устрашить всякаго при самомъ приступѣ къ предпріятію, которое представляется неблагодарнымъ. Но кажется, оно не будетъ таково, если цѣлію поставить себѣ не именно опредѣленіе законовъ ударенія, а по крайней мѣрѣ рѣшеніе вопроса: есть ли въ русскомъ языкѣ возможность опредѣлить эти законы, или они до такой степени неощутительны и неуловимы, что установить ихъ невозможно? Настоящій трудъ и ограничивается этою цѣлью. Въ основаніе нашихъ наблюденій мы беремъ общеупотребительный языкъ, т. е. московское нарѣчіе съ тѣми видоизмѣненіями, которыя оно приняло по обширности предѣловъ своего распространенія. Впрочемъ мы обращали вниманіе отчасти и на областныя нарѣчія. Что касается другихъ славянскихъ языковъ, то въ настоящемъ случаѣ мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ. Сознавая, что сравнительное [391] изученіе хода развитія ихъ относительно ударенія можетъ имѣть свой интересъ и свою пользу, не думаемъ однакожъ, чтобъ собственно здѣсь, для цѣли нашей, такое сравненіе могло оказать намъ существенную услугу [1]).

Прежде всего мы должны отличить два вопроса, которыхъ никакъ не слѣдуетъ смѣшивать:

1) Гдѣ находится удареніе въ прямой или такъ-сказать заглавной формѣ слова, т. е. у склоняемыхъ словъ въ именительномъ падежѣ единственнаго числа, а у спрягаемыхъ въ неопредѣленномъ наклоненіи? и 2) когда удареніе во флексіи остается на томъ же мѣстѣ и когда оно переходитъ на другое мѣсто въ извѣстныхъ ея формахъ?

Поэтому и изслѣдованіе наше раздѣлится на двѣ соотвѣтствующія этимъ вопросамъ части. На первый случай займемся разсмотрѣніемъ именъ существительныхъ.

---

[1]) Совершенно согласно съ этимъ и Шлейхеръ замѣчаетъ, что для изслѣдованія ударенія древнеславянскаго языка „мало могутъ пособить другія славянскія нарѣчія, такъ какъ, при всемъ родствѣ между ними, акцентуація въ нихъ представляетъ большія различія; такъ въ польскомъ удареніе постоянно падаетъ на предпослѣдній слогъ, въ чешскомъ на первый, въ русскомъ оно свободно и ни съ какимъ опредѣленнымъ мѣстомъ слова не связано и т. д.“ (*Die Formenlehre der Kirchensl. Sprache*. Bonn, 1852, стр. 36). Въ 1880 году профессоръ Нѣжинскаго института Р. Ѳ. Брандтъ, въ своей магистерской диссертаціи „Начертаніе славянской акцентологіи“, разсмотрѣлъ удареніе во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и тѣмъ конечно принесъ несомнѣнную пользу этой отрасли филологіи, но насчетъ собственно отношенія русской акцентуаціи къ просодіи другихъ родственныхъ нарѣчій его изслѣдованіе вполнѣ подтвердило мое убѣжденіе.

Объ удареніи существительныхъ въ именительномъ падежѣ единственнаго числа.

Здѣсь надобно отдѣлить имена *первообразныя* отъ *производныхъ* и опять между первыми *односложныя* отъ *двух-* и *трехсложныхъ*. Объ односложныхъ не можетъ быть рѣчи; что касается остальныхъ, то если кто захочетъ опредѣлить, почему въ [392] одномъ первообразномъ словѣ удареніе на такомъ-то мѣстѣ, а въ другомъ, сходномъ съ нимъ и по образованю и по роду выражаемаго понятія, удареніе не на томъ же слогѣ, такое стараніе будетъ почти всегда безплоднымъ. Это происходитъ отъ того, что въ русскомъ языкѣ удареніе составляетъ одну изъ индивидуальныхъ особенностей внѣшней формы слова: оно образовалось вмѣстѣ съ словомъ, — почему такъ, а не иначе, это, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, тайна созданія слова, непроницаемая для наблюдателя точно такъ же, какъ тайна всякаго творчества; — это черта физіономіи слова, которой не разгадаетъ никакой Лафатеръ филологіи.

Но нельзя ли отсюда вывести заключенія, что удареніе въ русскомъ языкѣ не имѣетъ никакого значенія и есть дѣло одной случайности? Значеніе нашего ударенія можно, кажется, объяснить себѣ такимъ образомъ. У насъ всѣ слоги, по первоначальному свойству своему, одинаковы, состоятъ такъ-сказать на равныхъ правахъ; если бъ мы и произносили ихъ совершенно одинаково, то слово не образовало бы отдѣльнаго цѣлаго; для приданія слогамъ его связи, для совокупленія ихъ въ фонетическое тѣло, мы должны одному слогу дать первенство, господство надъ другими. Такое предпочтеніе народный слухъ оказываетъ всякій разъ тому изъ слоговъ, на который въ произношеніи удобнѣе опереться; итакъ, мѣсто ударенія въ первообразныхъ словахъ опредѣляется неуловимыми требованіями слуха. Такимъ образомъ, нѣтъ никакой возможности рѣшить, почему такъ, а не иначе произносятся слова: *вóрохъ* и *горóхъ*, *рукá* и *щýка*, *козá* и *кóжа*, *мѣсто* и *гнѣздó*.

Сверхъ того въ языкѣ нашемъ видно однако и постоянное стремленіе пользоваться удареніемъ для достиженія двоякой цѣли: 1) возможной ясности выговора и 2) опредѣлительнаго отличенія понятій и отношеній, чтó доказывается многими явленіями, на которыя впослѣдствіи будетъ указано.

Что касается словъ производныхъ, то здѣсь съ перваго взгляда насъ поражаетъ чрезвычайное разнообразіе ударенія [393] какъ въ отношеніи къ порядку слоговъ, на которые оно падаетъ, такъ и въ разсужденіи свойства ихъ; т. е. съ одной стороны, удареніе бываетъ

то на первомъ слогѣ, то на послѣднемъ, то на одномъ изъ среднихъ; съ другой стороны, оно падаетъ то на коренной слогъ, то на бѣглую гласную, то на начальную приставку, то на окончаніе.

Здѣсь мы остановимся нѣсколько на томъ случаѣ, когда начальная приставка, т. е. предлогъ, связанный съ существительнымъ именемъ въ одно слово, принимаетъ удареніе. Изъ ряду такихъ приставокъ мы должны напередъ выдвинуть предлогъ *вы*, какъ слѣдующій въ этомъ отношеніи особымъ законамъ. Извѣстно, что будучи соединенъ съ глаголомъ, онъ носитъ удареніе всякій разъ, когда образуетъ *совершенный* видъ: *вы́разить, вы́ступить, вы́здоровѣть.* Но отглагольныя существительныя съ окончаніемъ *ніе*, хотя и произведенныя отъ этого вида, не всегда слѣдуютъ тому же правилу; такъ всѣ говорятъ: *выраже́ніе, выступле́ніе, выздоровле́ніе* (1), несмотря на то, что самое окончаніе *еніе* не необходимо является съ удареніемъ, какъ видно напр. въ словѣ *изобрѣтеніе.* За то *предлогъ* вы *непремѣнно носитъ удареніе, когда соединенное съ нимъ отглагольное существительное есть либо первообразное, либо производное съ окончаніями: окъ, екъ, ышъ, ецъ, икъ, щикъ, ка, ица, ина, ость;* напр. *вы́боръ, вы́вихъ, вы́носъ, вы́стрѣлъ, вы́мыселъ, вы́слуга, вы́родокъ, вы́селокъ, вы́кидышъ, вы́веденышъ, вы́ходецъ, вы́водчикъ, вы́дѣлыщикъ, вы́ставка, вы́писка, вы́работка, вы́водчица, вы́боина, вы́пуклость.* Только слово *выдумщикъ* произносятъ и иначе, т. е. съ удареніемъ на коренномъ слогѣ (выду́мщикъ), но это неправильно. Когда имя съ окончаніемъ *ость* произведено отъ сущ., оканчивающагося на *тель* или, вѣрнѣе, отъ прилагательнаго, кончающагося на *тельный,* то предлогъ *вы* не принимаетъ ударенія, потому что не носитъ его и при этомъ послѣднемъ окончаніи, напр. *выразительность.*

Прочіе предлоги, соединяясь съ именами, то оставляютъ за ними удареніе, то сами принимаютъ его, напр. *дозо́ръ* и *до́водъ,* [394] *заво́дъ* и *за́кромъ, зазы́въ* и *за́мыслъ, обо́зъ* и *о́бодъ, посо́лъ* и *по́варъ* и т. д. Иногда въ такихъ предложныхъ словахъ удареніе различное, напр. говорятъ и *насмо́ркъ* и *на́сморкъ, позы́въ* и *по́зывъ;* иногда оно бываетъ двоякое, смотря по двоякому смыслу слова, напр. *замо́къ* и *за́мокъ, приче́тъ* и *при́четъ* [1]). Однакожъ въ именахъ, кончающихся на *ъ*, открывается одинъ законъ, общій для всѣхъ предлоговъ; онъ состоитъ въ слѣдующемъ: *всякій предлогъ принимаетъ удареніе, если присоединенъ къ отглагольному или и другому имени съ окончаніемъ* ь, *лишь бы тутъ не было наставокъ тель* и *ность,* напр. въ именахъ мужескаго рода: *за́рубень, о́бручь* (2), *о́главль, о́боротень; о́хабень, пе́речень, по́ручень, при́хвостень, про́лежень, у́вален, у́ровень;* — въ именахъ женскаго рода: *бе́зтолочь, за́висть, и́зморозь, и́сповѣдь, на́сыпь, о́бувь, о́пухоль, о́ттепель,*

[1]) Подробнѣйшее изслѣдованіе этого предмета относится къ статьѣ объ удареніи предлоговъ.

о́чередь, пе́ревязь, по́честь, по́хоть, пре́лесть, при́голодь, при́мѣсь, про́пись, про́рубь, ро́спись, со́вѣсть, у́быль, у́даль, у́пряжь, у́тварь, и проч. и проч.

Если, вмѣсто предлога, въ такихъ именахъ находится отрицаніе *не*, то и оно принимаетъ удареніе, напр. *не́доросль, не́христь, не́учь, не́тель, не́видаль, не́погодь, не́нависть.*

На этомъ основаніи и нарѣчія, составленныя изъ одного или двухъ предлоговъ и подобнаго существительнаго, имѣютъ удареніе на первомъ слогѣ: *по́рознь, и́здали, и́зстари, на́стежь, на́искось, на́отмашь, о́щупью, и́сподоволь, на́взничь, о́земь* и проч.

Слѣдовало бы также говорить *и́скони*, а не *искони́*, какъ б. ч. говорятъ.

Это правило оправдывается многими десятками словъ, а исключеній изъ него мало. Вотъ едва ли не всѣ они: мужеск. рода—*недоу́чь* женск. рода—*напа́сть, поги́бель, посте́ль.* Что касается имени *перeко́пъ* которое въ этомъ видѣ также составляетъ по выговору исключеніе въ ряду именъ женск. рода, то замѣтимъ, что оно еще и въ древнихъ актахъ иногда писалось съ мужескимъ окончаніемъ (на ъ), а въ позднѣйшее время все чаще принимало [395] эту форму: см. Словарь Щекатова, Ч. IV, стр. 1043 и 1044; Кн. Больш. Чертежу, изд. Спасскимъ, стр. 221—225, И. Г. Р. I, стр. 437, и Акты Ист. Арх. Комм. т. II, стр. 201 („пушки побрали въ *переко́пъ*"). Относительно слова *пріязнь* надобно помнить, что здѣсь *прі* не есть предлогъ (Санскр. *пріа*, любезный).

Производственныя окончанія.

Изъ производственныхъ окончаній нѣкоторыя слѣдуютъ постояннымъ законамъ въ отношеніи къ ударенію. Для удобнѣйшаго разсмотрѣнія этихъ окончаній мы раздѣлимъ ихъ на 3 разряда, смотря по тому, принадлежатъ ли они именамъ мужескаго, женскаго или средняго рода. Въ двухъ первыхъ разрядахъ мы примемъ еще по 3 отдѣла: 1) окончанія, всегда или почти всегда сохраняющія на себѣ удареніе; 2) являющіяся то съ удареніемъ, то безъ ударенія, или носящія его то на одномъ слогѣ, то на другомъ, и 3) никогда не принимающія ударенія. Вслѣдъ за производственными окончаніями будемъ указывать и нѣкоторыя другія, не имѣющія опредѣленнаго значенія.

1. Окончанія мужескаго рода.

1) Съ постояннымъ удареніемъ.

а) Односложныя окончанія:

а́къ, я́къ. Въ какомъ бы значеніи не являлись эти окончанія, они всегда бываютъ отмѣчены удареніемъ: *дуракъ, морякъ, чудакъ, острякъ,*

лошакъ, червякъ, тесакъ, пятакъ, пустякъ, сознякъ, сибирякъ, холостякъ, обинякъ и проч. То же бываетъ, когда это окончаніе отъ присоединенія къ нему другихъ звуковъ обращается въ *чакъ, щакъ, някъ,* напр. *смѣльчакъ, лонщакъ, дубнякъ, плитнякъ.* Одно только слово *завтракъ* составляетъ здѣсь повидимому исключеніе, но въ этомъ имени окончаніемъ служитъ собственно только *къ,* приложенное къ слову *завтра* (вм. заутра). Въ старину писалось *завтрокъ;* если признать эту форму за правильную, то и въ такомъ случаѣ понятно будетъ отступленіе въ выговорѣ окончанія *акъ,* котораго тутъ не было первоначально.

[396] *у́нъ* всегда носитъ удареніе, означается ли этой наставкой [1]) лицо съ привычкою извѣстнаго дѣйствія, или вообще съ помощью ея образуется имя, наприм. *воркунъ, драчунъ, хвастунъ, хлопотунъ, горбунъ, валунъ, бурунъ* и проч. Даже и въ именахъ, у которыхъ *унъ* не есть производственная наставка, или которыя заимствованы изъ другихъ языковъ, удареніе все-таки падаетъ на это окончаніе; напр. *перунъ* (κεραυνός), *табунъ, драгунъ.* Подъ это явленіе не подходятъ только два слова: *пѣстунъ* и *ко́ршунъ.*

а́чъ, еще окончаніе личныхъ именъ, всегда отмѣченное удареніемъ: *богачъ, силачъ, толкачъ, скрипачъ, трубачъ, палачъ* и проч.; также *колачъ.*

а́й; я́й: на́прягай, поддергай, негодяй, лѣнтяй, нагоняй, глупендяй, скупердяй, урожай и пр. Сюда относятся и слова́, въ которыхъ окончанія *ай* нельзя считать производственнымъ: *шугай, сарай, горностай, коровай.* Только въ именахъ *слу́чай* и *обы́чай* удареніе нынѣ слышится почти всегда на первомъ слогѣ. *Случай,* въ значеніи успѣха при дворѣ, иногда переноситъ удареніе на *ай:*

„Да не вошелъ ли онъ въ случа́й клыками?“

Крыловъ „Слонъ въ случаѣ“.

а́нъ, я́нъ: брюха́нъ, велика́нъ, бу́янъ, бурья́нъ. Но *ро́занъ.*

е́жъ: мятежъ, грабежъ, дѣлёжъ, кутёжъ, платежъ, падежъ (и *падёжъ*), *рубежъ, чертежъ, терпёжъ* и др. Впрочемъ, народъ говоритъ и *ру́бежъ.*

Вотъ наиболѣе употребительныя окончанія; еще есть нѣсколько такихъ, которыя или встрѣчаются въ немногихъ словахъ, или не составляютъ производственныхъ приставокъ.

---

[1]) Подъ именемъ *наставки* я разумѣю суффиксъ, какъ подъ *приставкою*—префиксъ. Собственно говоря, слово *приставка* должно бы отвѣчать латинскому аффиксъ, а префиксъ пришлось бы перевести: *представка* или *предложка.* Пора и намъ точнѣе передавать на своемъ языкѣ научные термины, и не для чего слишкомъ бояться оскорблять нашъ слухъ новизнами, которыя только вначалѣ кажутся дикими. Употребленный мною терминъ *наставка* въ значеніи суффикса принятъ уже г. Брандтомъ, которому нельзя и вообще не быть благодарнымъ за его попытку, въ названномъ выше сочиненіи придумывать русскія слова для передачи иностранныхъ терминовъ.

[397] Таковы:

а́въ: рукавъ, буравъ.

у́гъ, ю́гъ: терпугъ, вертлюгъ, бѣльчугъ, смольчугъ, сычугъ.

у́й, ю́й: халуй, фатюй; почечуй, поцѣлуй.

а́гъ, о́гъ: рычагъ, очагъ, оврагъ, батогъ, пирогъ, творогъ, чертогъ.

у́къ, ю́къ: каблукъ, клобукъ, сундукъ, паукъ, индюкъ, мишукъ. Барсукъ произносится съ двоякимъ удареніемъ.

а́тъ: халатъ, ушатъ, супостатъ. Но *ба́рхатъ.*

ашъ: торгашъ, мурашъ.

у́чъ: сивучъ, сургучъ.

б) Двух- и трехсложныя окончанія:

а́тай: ходатай, оратай, глашатай, соглядатай и др. Такъ же произносятъ по аналогіи старинное слово *ратай*, хотя въ немъ наставку составляетъ только слогъ *ай*, на которомъ должно бы быть удареніе.

ёнокъ } Объ этихъ двухъ приставкахъ ниже при разсмотрѣніи
ёночекъ } слога *окъ.*

ёнышъ: дѣтёнышъ, гусёнышъ, утёнышъ.

2) Окончанія мужескаго рода съ перемѣннымъ удареніемъ:

окъ. Эта наставка служитъ очень часто для образованія уменьшительныхъ именъ, но она не вноситъ съ собою понятія уменьшенія, когда безъ нея имя неупотребительно, или и употребляется, но въ другомъ значеніи, напр.: *сило́къ, висо́къ, вѣно́къ, лото́къ, возо́къ, судо́къ, росто́къ, зрачо́къ.*

Буква *о* передъ *къ* по большей части бываетъ бѣглою, но иногда она и удерживается въ косвенныхъ падежахъ.

Ни значеніе окончанія *окъ*, ни качество гласной *о* не имѣютъ вліянія на удареніе, которое зависитъ здѣсь отъ другихъ обстоятельствъ. Мы говоримъ: *знато́къ* (*о* постоянное), *свисто́къ* (*о* бѣглое), и *сви́токъ, поря́докъ* (*о* бѣглое). Различіе произношенія зависитъ здѣсь частью отъ числа слоговъ въ имени, частью отъ того, простое ли это имя или предложное.

[398] При разсмотрѣніи этого окончанія мы должны имѣть въ виду и другую форму его, т. е. слогъ *екъ*, который рѣдко образуетъ не уменьшительныя имена и гдѣ буква *е* всегда бываетъ бѣглою.

А. *окъ* и *екъ* принимаютъ удареніе:

1) Когда съ присоединеніемъ ихъ образуется двусложное простое имя, напр.: *глазо́къ, кусо́къ, суро́къ, цвѣто́къ, вершо́къ, домо́къ, куро́къ, поло́къ, носо́къ, клубо́къ, сучо́къ, горшо́къ, сово́къ, лубо́къ, ныро́къ, жидо́къ, кружо́къ, пято́къ, бѣло́къ, лото́къ, стрѣло́къ, игро́къ, знато́къ, ѣздо́къ, сверчо́къ; денёкъ, валёкъ, кулёкъ, шпинёкъ, конёкъ, линёкъ.*

Исключенія рѣдки; ихъ легко перечесть: *пре́докъ, хло́покъ, ку́бокъ, и́нокъ, щёлокъ, ры́нокъ, во́йлокъ, лу́чекъ* и *ли́шекъ.* Почти во всѣхъ этихъ словахъ причина ихъ особеннаго произношенія очевидна.

Предокъ произносится своеобразно какъ единственное имя, образованное приложеніемъ слога *окъ* непосредственно къ предлогу.

Хлопокъ должно бы произноситься съ удареніемъ на *окъ*, если бъ происходило отъ глагола *хлопать*, какъ *щелчокъ*, *толчокъ*, *звонокъ*, *швырокъ*, *свистокъ*, *пинокъ* и проч. происходятъ отъ соотвѣтственныхъ глаголовъ. Вѣроятно, слово *хлопокъ* выговаривается иначе для отличія отъ такихъ отглагольныхъ именъ.

Кубокъ не русскаго происхожденія: можетъ быть, оно перешло къ намъ изъ Польши и оттого произносится какъ польское kubek.

Имя *инокъ* образовано сходно съ греческимъ μοναχός и германскимъ einog: тутъ окончанія *окъ* нельзя считать существительною наставкою, потому что въ такомъ случаѣ этотъ слогъ не могъ бы сохраниться и въ женскомъ имени *ѝнок*-иня. Скорѣе можно видѣть въ словѣ *инокъ* усѣченное прилагательное (позволяю себѣ этотъ старый терминъ ради его удобопонятности), что́ оправдывается другимъ нашимъ прилагательнымъ: *одинокій* [1]).

[399] Имя *щелокъ*—славянскаго происхожденія. И его окончаніе не есть производственная наставка, судя по тому, что этотъ же слогъ удержанъ, только съ умягченіемъ согласной, въ женскомъ имени *щелочь*, Притомъ, еслибъ въ словахъ *инокъ* и *щелокъ* окончаніе *окъ* было обыкновенною наставкой, то гласная *о*, не имѣя ударенія, была бы бѣглою, какъ во всѣхъ именахъ такого образованія, а она остается и въ косвенныхъ падежахъ: *инока*, *щелокомъ* (3).

Рынокъ есть измѣненное германское слово *ring*, которое нѣкогда означало между прочимъ круглую и особенно торговую площадь; у Чеховъ и Поляковъ *рынокъ* (rynek) и значитъ *площадь*.

Войлокъ—конечно также не русское слово. Въ лексиконѣ Линде оно показано татарскимъ, но это не подтверждается другими разысканіями (4). И это слово мы опять находимъ въ польскомъ языкѣ: wojłok.

Лу́чекъ, растеніе, выговаривается такъ для отличія отъ *лучёкъ*, орудіе. Въ обоихъ случаяхъ это уменьшит. отъ *лукъ*.

Явное исключеніе составляетъ только слово *мѝшекъ*.

Клинокъ въ значеніи главной части холоднаго оружія (нѣм. Klinge) произносится двояко.

Слова *за́мокъ*, *волокъ*, *отрокъ*, *турокъ* и, можетъ быть, еще нѣкоторыя другія сюда не относятся, потому что въ нихъ буква *к* очевидно принадлежитъ къ корню.

2) *окъ* и *екъ* принимаютъ удареніе, когда для образованія уменьшительныхъ прилагаются: а) къ двусложному имени съ удареніемъ

---

[1]) Пав. Разс. II, Б., стр. 302: „инокій, одинокій можно поставить въ параллель съ прил. именами высокій, глубокій“ и проч.

на первомъ слогѣ; б) къ такому двусложному имени съ удареніемъ на второмъ слогѣ, которое въ косвенныхъ падежахъ держитъ это удареніе на окончаніи флексіи.

Примѣры случая а): *ýзелъ, узелóкъ; вóлосъ, волосóкъ; вѣтеръ, вѣтерóкъ; пóсохъ, посошóкъ; островъ, островóкъ; вéчеръ, вечерóкъ; гóлосъ, голосóкъ; голубь, голубóкъ; кóрень, корешóкъ; лóскутъ, лоскутóкъ; мóлотъ, молотóкъ; пóрохъ, порошóкъ; стéбель, стебелёкъ: сбúтень, сбитенёкъ; флúгель, флигелёкъ.*

[400] Повидимому имя *кáмень* въ уменьшительной формѣ представляетъ исключеніе, но въ сущности тутъ едва ли не другое окончаніе, именно: *ушекъ* (*кáмушекъ*, какъ въ словахъ *ворóбушекъ, солóвушекъ*), а не *екъ*, передъ которымъ *н* будто бы превратилось въ *ш* (*кáмешекъ*, какъ въ словѣ *гребешёкъ*), потому что никто такъ не произноситъ этого имени и правописаніе *камешекъ*, кажется, придумано искусственной грамматикой.

Примѣры случая б): *пирóгъ* (á), *пирожóкъ; огóнь* (я́), *огонёкъ; очáгъ, очажóкъ; ремéнь, ремешóкъ; котёлъ, котелóкъ; дурáкъ, дурачóкъ; пузы́рь, пузырёкъ; ручéй, ручеёкъ; хохолъ, хохолóкъ; старúкъ, старичóкъ; пѣтýхъ, пѣтушóкъ; кошéль, кошелёкъ.*

3) *окъ* и *екъ* принимаютъ удареніе въ отглагольныхъ безпредложныхъ именахъ, хотя и заключающихъ въ себѣ болѣе двухъ слоговъ, напр. *кипятóкъ, кувырóкъ, колотóкъ.*

4) Такимъ же образомъ, наконецъ, произносятся имена: *четвертóкъ, василёкъ, комелёкъ*, и еще два уменьшительныя, въ которыхъ передъ тою же наставкой является посредствующій слогъ съ буквою *н: муженёкъ, куманёкъ* (собств. кумонекъ).

Б. *окъ* и *екъ* остаются безъ ударенія и оно падаетъ на предыдущій слогъ:

1) Когда эта приставка прилагается къ такому имени съ удареніемъ на второмъ или на третьемъ слогѣ, которое во флексіи не переноситъ этого ударенія на падежное окончаніе: *горóхъ* (а), *горóшекъ; барáнъ* (а), *барáшекъ; человѣ́къ, человѣ́чекъ; орѣ́хъ, орѣ́шекъ; оврáгъ, оврáжекъ; лосóсъ, лосóсокъ* [1]); примѣровъ этого случая мало, потому что такія существительныя, для образованія уменьшительной степени, чаще принимаютъ окончанія *ецъ* и *икъ: ухáбецъ, ушáтецъ, забóрикъ, нарóдецъ, урóдецъ* (по большей части предложныя).

2) Когда существительное съ окончаніемъ *окъ* образуется отъ предложнаго глагола или вообще съ помощью какого-нибудь предлога (кромѣ *вы*): *достатокъ, убытокъ, поступокъ, осадокъ,* [401] *разсудокъ, отростокъ, обрубокъ, опоекъ, осколокъ, сколокъ, снимокъ, слѣпокъ, списокъ, недо-*

---

[1]) Послѣднее имя произносится еще и другимъ образомъ: *лóсосъ, лососóкъ*. Это также правильно, но согласно съ первымъ закономъ.

носокъ, загривокъ, наперстокъ, отголосокъ, перешеекъ, прилавокъ, проселокъ, простънокъ, недоуздокъ. Сюда же слѣдуетъ отнести составныя имена: *полушубокъ, однолътокъ, межеумокъ* и др.

Здѣсь замѣчательны два обстоятельства: 1) что даже и двусложныя слова, какъ скоро въ составѣ ихъ есть предлогъ, не носятъ ударенія на окончаніи *окъ*, напр.: *списокъ, снимокъ, сколокъ, слитокъ, свитокъ, свёртокъ, взлобокъ*, тогда какъ въ двусложныхъ именахъ безпредложныхъ эта наставка, какъ мы видѣли, почти никогда не остается безъ ударенія, и 2) что отъ присоединенія предлога къ двусложному имени, оканчивающемуся на *окъ*, удареніе непремѣнно переходитъ съ этого окончанія на предпослѣдній слогъ, напр.: *ростóкъ, отрóстокъ*; *лъсóкъ, перелъсокъ*.

Предлогъ *вы*, какъ уже было показано, всегда принимаетъ удареніе передъ такими именами: *вы́ръзокъ, вы́родокъ*. Такое же свойство имѣютъ рѣже встрѣчающіеся при нихъ предлоги: *па* и *су*: *пáсынокъ, пáерокъ, пáколокъ, пáробокъ* (стар.), *сýпесокъ* (однакожъ *суглúнокъ* произносится съ удареніемъ на среднемъ слогѣ). Еще говорятъ иногда *прúгорокъ* вмѣсто болѣе правильнаго *пригóрокъ*.

Замѣтимъ, что когда предложное имя съ наставкою *окъ* есть уменьшительное, происходящее отъ другого имени безъ этого окончанія, то удареніе слѣдуетъ общимъ правиламъ безпредложныхъ именъ, напр.: *óблукъ, облучёкъ; óбодъ, ободóкъ; повóдъ, поводóкъ; óбразъ — óкъ; пóгребъ — óкъ* (какъ *пóрохъ, порошóкъ*; *вóлосъ, волосóкъ*).

Есть однакожъ и нѣсколько, хотя очень немного, исключеній изъ правила произношенія предложныхъ именъ на *окъ*, именно: *зáвитокъ, поплавóкъ, позвонóкъ, позовóкъ, смычóкъ*. Вѣроятно особенность выговора тутъ происходитъ отъ того, что это первоначально-уменьшительныя; по крайней мѣрѣ мы дѣйствительно находимъ въ языкѣ слова: *пóплавъ* (обл.) и *пóзовъ* (стар.). Въ словѣ *смычóкъ* совершенно потерялась идея его состава и, можетъ [402] быть, оно такъ произносится для болѣе рѣзкаго отличія отъ женскаго имени *смы́чка*. Таково же *сморчóкъ*.

Опръснóкъ произносится чаще съ удареніемъ на окончаніи — что́ несвойственно русскому языку и ввелось конечно оттого, что это — церковно-славянское слово. Въ книжный языкъ легко вкрадываются ударенія искусственныя, отвергаемыя нарóднымъ слухомъ.

Слова *потолóкъ, óкорокъ, óбморокъ* сюда не относятся, потому что у нихъ окончаніе не есть наставка, а принадлежитъ къ корню. Чтобы убѣдиться въ томъ, стóитъ сравнить ихъ съ формами *тлакъ, кракъ* и *óмракъ* другихъ славянскихъ нарѣчій.

Въ заключеніе мы не можемъ не указать двухъ словъ, которыя не подходятъ ни подъ одинъ изъ приведенныхъ разрядовъ: *жáворонокъ* и *щúколотокъ*. Образованіе послѣдняго сомнительно; по Рейфу, это — измѣненіе сложнаго слова *щеколокотъ*. *Желýдокъ* отличается удареніемъ

отъ уменьшительнаго *желудóкъ. Осёлокъ* есть безпредложное имя, котораго корень находится можетъ быть въ соотношеніи съ прилаг. *острый*. Такъ же, по ударенію, произносится *десятокъ*.

Здѣсь мѣсто разсмотрѣть слово *рисýнокъ*, и опредѣлить законъ его ударенія. По мнѣнію Павскаго (Разсуж. II, А. § 87), это слово должно быть отнесено къ именамъ съ наставкою *унъ*, къ которой слѣдовательно здѣсь прибавлено окончаніе *окъ*. Но имя *рисунокъ* образовано не такъ: оно взято изъ польскаго языка (rysunek), гдѣ удареніе непремѣнно должно падать на предпослѣдній слогъ и гдѣ окончаніе *unek*, образованное изъ нѣмецкаго ung, довольно обыкновенно (szacunek, wizerunek). Съ нѣмецкимъ окончаніемъ ung Павскій сравниваетъ здѣсь наше *унъ*, приводя тутъ же, сверхъ слова *рисунокъ*, имена: *падунъ, болтунъ, корочунъ* и *лизунецъ*. Такое сближеніе едва ли основательно: въ имени *рисунокъ* наставка *унокъ* составляетъ одно нераздѣльное окончаніе (со вставкою гласной о), которое вкралось къ намъ чуть ли не исключительно въ этомъ словѣ (5).

Изъ разсмотрѣнія наставки *окъ, екъ,* видно, что почти всѣ [403] уменьшительныя, съ помощію ея образуемыя, носятъ удареніе на этомъ окончаніи. Отступаютъ только немногія слова: а) подобныя именамъ: *кармáшекъ, человѣчекъ* (см. выше Б. 1), которыхъ примѣты состоятъ въ томъ, что ихъ основныя формы: *карманъ, человѣкъ* въ косвенныхъ падежахъ сохраняютъ удареніе именительнаго падежа на 2-мъ или на 3-мъ слогѣ и передъ приростомъ *екъ* измѣняютъ свою окончательную согласную; б) уменьшительныя отъ словъ съ окончаніемъ *икъ*, не имѣющимъ ударенія: *рыжичекъ, чáйничекъ*, и отъ предложныхъ на *окъ: спи́сочекъ, напёрсточекъ*; также *вóйлочекъ, желýдочекъ, деся́точекъ*.

Когда, для усиленія степени уменьшенія, наставка *óкъ, ёкъ* удвояется, такъ что образуется двучленное окончаніе *очекъ* или *ечекъ*, то удареніе остается на первомъ его членѣ: *цвѣтóчекъ, голубóчекъ, горшéчекъ, кулéчекъ, денёчекъ* и проч. Исключеніе: *мозжечóкъ*.

Когда окончанію *окъ* предшествуетъ слогъ *ен* въ уменьшительныхъ именахъ, то удареніе падаетъ всегда на этотъ предпослѣдній слогъ: *робёнокъ, барчёнокъ, поварёнокъ, жидёнокъ, попёнокъ, чертёнокъ, бѣсёнокъ, орлёнокъ, ослёнокъ, львёнокъ, мышёнокъ, бочёнокъ*. Въ словѣ *щенóкъ* буквы *ен* принадлежатъ не къ окончанію, а къ корню. При удвоеніи слога *окъ* въ этой наставкѣ происходитъ окончаніе *ёночекъ: бочёночекъ, телёночекъ*.

ецъ. Законы ударенія именъ съ этимъ окончаніемъ менѣе опредѣлительны; однакожъ и тутъ можно замѣтить нѣсколько общихъ явленій:

1) Въ двусложныхъ словахъ:

Двусложныя имена, оканчивающіяся на *ецъ*, по большей части носятъ на этомъ слогѣ удареніе: *отéцъ, конéцъ, вѣнéцъ, свинéцъ, зубéцъ*,

вдовéцъ, волчéцъ, дворéцъ, чепéцъ, багрéцъ, самéцъ, кострéцъ, боéцъ. Особенно принадлежатъ сюда имена, образованныя: а) отъ глаголовъ: *ловéцъ, рубéцъ, рѣзéцъ, творéцъ, дѣлéцъ, купéцъ, борéцъ, истéцъ, жилéцъ, гонéцъ, гребéцъ, скопéцъ* и др.; б) отъ прилагательныхъ именъ: *мудрéцъ, глупéцъ, наглéцъ, гордéцъ, храбрéцъ,* [404] *хитрéцъ, подлéцъ, скупéцъ, слѣпéцъ, хромéцъ, сырéцъ, мертвéцъ, бѣглéцъ* (отъ *бѣглый*), *пришлéцъ* (отъ *пришлый*).

Но есть двусложныя имена на *ецъ* съ удареніемъ надъ первымъ слогомъ, напр. *стáрецъ, пáлецъ, дýмецъ*. Особливо замѣтны между ними: а) уменьшительныя, когда они сохраняютъ значеніе тѣхъ именъ, отъ которыхъ произведены: *хлѣ́бецъ, дáрецъ, шкáпецъ, брáтецъ*; б) названія лицъ и предметовъ, означающія ихъ происхожденіе: *нѣ́мецъ, гóрецъ, лúпецъ*, и в) слова, взятыя изъ другихъ языковъ: *пéрецъ, сúтецъ, тáнецъ, рáнецъ, шáнецъ, глянецъ*; въ послѣднихъ пяти гласная *е* вставлена только для облегченія выговора (ср. напр. Tanz, Glanz). Двусложныя уменьшительныя на *ецъ*, которыя съ этою наставкою приняли и новый оттѣнокъ значенія, имѣютъ удареніе на концѣ: *ларéцъ, сучéцъ, столбéцъ, Донéцъ*. Послѣднее слово означаетъ также донского казака и въ такомъ случаѣ составляетъ опять исключеніе изъ правила о произношеніи именъ, показывающихъ происхожденіе лицъ и предметовъ. Слово *сланецъ*, названіе горной породы (вѣрнѣе *стланецъ*, отъ глаг. *стлаться*), произносится различно, но на мѣстахъ, гдѣ есть самый предметъ, имъ означаемый (по крайней мѣрѣ, въ Сибири), говорятъ *слáнецъ*, и это лучше для отличія отъ *солонéцъ* (то же, что *солончакъ*).

2) Въ многосложныхъ словахъ:

Въ многосложныхъ словахъ, наоборотъ, окончаніе *ецъ* почти всегда остается безъ ударенія, которое у нихъ падаетъ обыкновенно на предшествующій слогъ. Особенно относятся сюда:

1) Уменьшительныя, произведенныя по большей части отъ существительныхъ предложныхъ или иностранныхъ именъ, которыя, имѣя удареніе на послѣднемъ слогѣ, не переносятъ его во флексіи на окончаніе, напр. *футлярецъ, журнáлецъ, узóрецъ; дохóдецъ, урóдецъ, постáвецъ* (но нѣкоторые произносятъ и *поставéцъ*); также *хомýтецъ*.

2) Отглагольныя, образованныя отъ причастія на *л: владѣлецъ, кормúлецъ, постоялецъ, сидѣлецъ, пришéлецъ*.

[405] 3) Имена, произведенныя отъ прилагательныхъ и причастій, которыя сами имѣютъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ: *любúмецъ, упрямецъ, гостúнецъ, знакóмецъ, мизúнецъ, торгóвецъ, лукáвецъ, учтúвецъ, лѣнúвецъ, красáвецъ* (отъ неупотр. прил. *красáвый*), *поселéнецъ, урожéнецъ*. Сюда же слѣдуетъ отнести слово *младéнецъ*, которое иные несправедливо считаютъ сокращеніемъ составного *младодéнецъ*. Доказательствомъ невѣрности этого мнѣнія служитъ: 1) значеніе слова *младенецъ* въ нѣко-

торыхъ другихъ славянскихъ языкахъ, гдѣ оно соотвѣтствуетъ слову *юноша;* 2) древне-славянская форма млада (въ значеніи *младенецъ*).

4) Личныя имена, означающія принадлежность къ націи или странѣ: *помо́рецъ, испа́нецъ, грузи́нецъ, америка́нецъ, новгоро́децъ, новото́ржецъ, индѣецъ, кита́ецъ.*

и 5) Слова составныя, хотя бы въ простомъ имени удареніе и было на слогѣ *ецъ*: *инозе́мецъ, единовѣрецъ, стихотво́рецъ, миротво́рецъ* (хотя *творе́цъ*), *книгопрода́вецъ* (хотя *продаве́цъ*), *земледѣлецъ, живопи́сецъ, морехо́децъ, душегу́бецъ, однодво́рецъ, трезу́бецъ* и проч. Также выговаривается имя *видецъ*, нынѣ употребительное только въ соединеніи съ другими словами, напр. *прови́децъ, самови́децъ, ясанови́децъ.*

У трехсложныхъ словъ на *ецъ* удареніе бываетъ только въ рѣдкихъ случаяхъ надъ этимъ окончаніемъ, и именно: 1) когда уменьшительное, произведенное отъ двухсложнаго существительнаго съ удареніемъ на первомъ слогѣ, получаетъ новый оттѣнокъ значенія: *погребе́цъ* (отъ погребъ), *образе́цъ* (отъ о́бразъ), *городе́цъ* (отъ городъ), *холоде́цъ* (отъ холодъ); 2) когда имя образовано отъ прилагательнаго съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ: *молоде́цъ* (отъ молодой), *удале́цъ* (отъ удалой), *ледене́цъ* (отъ ледяной); 3) у нѣкоторыхъ именъ первообразныхъ и производныхъ, безъ явной причины: *голубе́цъ* (иначе *голбе́цъ*), *жеребе́цъ, изразе́цъ, огуре́цъ, ва́ренéцъ, пряжене́цъ, сорване́цъ, продаве́цъ.*

Есть и такія имена съ наставкой *ецъ*, у которыхъ удареніе падаетъ на 3-й слогъ съ конца, напр. *пе́рвенецъ, мы́канецъ, взы́сканецъ, перема́занецъ, приве́рженецъ, до́сканецъ, ба́рхатецъ,* что́ [406] объясняется почти всегда произношеніемъ первообразныхъ словъ. Имя *посланецъ* произносится различно. Однакожъ выговоръ *посланéцъ*—самый употребительный.

икъ. Когда слогъ *икъ* придаетъ имени значеніе уменьшительнаго, то онъ никогда не принимаетъ ударенія и оно падаетъ на предыдущій слогъ: *ро́тикъ, до́микъ, пру́тикъ, сто́ликъ, но́жикъ, мо́стикъ, кре́стикъ, ку́стикъ, топо́рикъ, каранда́шикъ, кузне́чикъ, обру́чикъ, гво́здикъ, солда́тикъ* и проч.

Такъ же произносятся тѣ имена съ этимъ окончаніемъ, которыя безъ него не употребительны или даже не имѣютъ значенія: *я́щикъ, кро́ликъ, вѣникъ, ко́ртикъ, ры́жикъ.*

Особый разрядъ именъ на *икъ* составляютъ отглагольныя, образованныя отъ страдательныхъ причастій на *нъ:* они сохраняютъ обыкновенно ударенія причастія, употребительнаго или только возможнаго: *воспитанникъ, данникъ, труженикъ, мученикъ.* Исключеніе: *учени́къ.* Ошибочно было бы думать, что въ тѣхъ изъ этихъ именъ, у которыхъ звукъ *н* удвоенъ, суффиксомъ служитъ слогъ *никъ.* Здѣсь удвоеніе *н* чисто фонетическое; это уступка выговору, не имѣющая основанія въ составѣ слова.

Рыжикъ, по мнѣнію Павскаго (Разс. II. А. § 37), происходитъ отъ

прилаг. *рыжій*; но отчего же и по-шведски этотъ грибъ называется *riska?* Тотъ же ученый производитъ имя *пыжикъ* отъ глагола *пыжиться*. Намъ кажется, что *пыжикъ* есть уменьшительная форма слова *пыжъ*, отъ котораго происходитъ и глаголъ *пыжиться*.

Въ имени *кули́къ*, окончаніе *икъ* не есть производственное, судя по санскр. kalika, франц. courlis. Удареніе слова *мужи́къ* основывается на томъ, что при другомъ произношеніи это имя приняло бы видъ уменьшительнаго.

Наставка *икъ* носитъ удареніе, когда имя произведено: 1) отъ первообразнаго прилагательнаго (т. е. такого, которое состоитъ только изъ корня и окончанія *ый, ій*): *стари́къ*, *нови́къ*, *молоди́къ*, *семи́къ* (вмѣсто седмикъ), *голи́къ*, *прями́къ*, *тупи́къ*, *цѣли́къ* (цѣликомъ), *боси́къ* (босикомъ), *матери́къ*, *крути́къ*, *слаби́къ* (обл.) и [407] 2) отъ числительныхъ: (*четвери́къ*, *пятери́къ*, *шестери́къ* и проч.

Къ разряду подобныхъ именъ принадлежатъ также слова: *краси́къ* и *плави́къ*. Они, по мнѣнію Павскаго, происходятъ отъ глаголовъ: *кра́сить* и *плавить*. По аналогіи *краси́къ* лучше объясняется неупотребительнымъ прилагательнымъ *красый*, слѣдъ котораго остается въ сравнительной степени *краше*. *Плави́къ* есть слово новое, искусственное и можетъ дѣйствительно быть произведено ненормально отъ глагола, если не вѣрнѣе принять за начало его прилагат. *плавкій*. Впрочемъ названія минераловъ, кончающіяся на *икъ*, вообще носятъ удареніе на этомъ слогѣ: напр. *кравави́къ* выговаривается такъ, несмотря на окончаніе прилагательнаго (*авый*), отъ котораго оно происходитъ.

Имена на *никъ*, происходящія по большей части отъ прилагательныхъ (хотя и не всегда употребительныхъ) съ окончаніемъ *ный* или *ній*, обыкновенно не носятъ ударенія надъ наставкой и сохраняютъ его на томъ же мѣстѣ, гдѣ оно въ прилагат. или причастіи, дѣйствительно ли существующемъ или возможномъ, напр. *ча́йникъ*, *моло́чникъ*, *пра́здникъ*, *пере́дникъ*, *взя́точникъ*, *картёжникъ*, *хлѣ́бникъ*, *дво́рникъ*, *е́льникъ*, *куста́рникъ*, *варе́никъ*, *му́ченикъ*, *тру́женикъ*, *ба́рочникъ*, *ма́сляникъ*, *любо́вникъ*, *церко́вникъ*, *проти́вникъ*, *наста́вникъ*, *сопе́рникъ*, *садо́вникъ*, *чино́вникъ*, *вто́рникъ*, *деся́тникъ*. Противное бываетъ: 1) когда самое прилагательное оканчивается на *ной* съ удареніемъ: *водяникъ*, *волосяникъ*, *двойни́къ*, *дощани́къ*, *печни́къ*, *мясни́къ*, *ночни́къ*, *ручни́къ*, *цвѣтни́къ*, *сѣнни́къ*, *дневни́къ*, *сквозни́къ*, *парни́къ*, *потни́къ*, *межни́къ*; 2) въ нѣкоторыхъ изъ именъ на *никъ*, означающихъ мѣсто, вмѣстилище или лицо, хотя въ прилагательномъ удареніе и не на послѣднемъ слогѣ: *родни́къ*, *рудни́къ*, *тайни́къ*, *дойни́къ*, *холодни́къ*, *бечевни́къ*, *должни́къ*, *шутни́къ*, *блудни́къ*, *истопни́къ*, *озорни́къ*, *прихотни́къ*, *баловни́къ*, *клеветни́къ*, *проводни́къ*. Замѣтимъ, что это почти все такія личныя имена, которыя происходятъ отъ прилагательныхъ неупотребительныхъ (напр. *шутни́къ*, *истопни́къ*).

[408] Имена на *щикъ* (*чикъ*) всѣ означаютъ лица извѣстнаго званія, ремесла или по крайней мѣрѣ занятія, и происходятъ либо прямо отъ прилагательныхъ съ примѣтою *скій*, либо отъ существительныхъ и глаголовъ при посредствѣ такого прилагательнаго, хотя и не употребляющагося. Одна половина ихъ носитъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, а другая на окончаніи. Слогъ *щикъ* можетъ принимать удареніе: 1) когда присоединяется къ существительному односложному или такому двусложному, у котораго удареніе на первомъ слогѣ, а въ корнѣ звукъ *е* или *и*: *ямщи́къ*, *денщи́къ*, *зеленщи́къ*, *сбитенщи́къ*, *гребенщи́къ*, *погребщи́къ*, *временщи́къ*; 2) когда этому окончанію въ трехсложныхъ именахъ предшествуетъ слогъ *ов* или *ев*: *гробовщи́къ*, *кормовщи́къ*, *браковщи́къ*, *вѣсовщи́къ*, *ростовщи́къ*, *вѣстовщи́къ*, *медовщи́къ*, *мѣновщи́къ*, *часовщи́къ*, *цѣновщи́къ*, *вербовщи́къ*, *бунтовщи́къ*, *бечевщи́къ*; 3) въ нѣкоторыхъ отглагольныхъ именахъ, образованныхъ безъ посредствующаго слога *ов*: *покупщи́къ*, *поставщи́къ*, *лѣпщи́къ*, *рѣзчи́къ*. *Лицевщи́къ* —пишущій лики на иконахъ—отличается произношеніемъ отъ слова *лицо́вщикъ*—умѣющій придавать красивую наружность (Акад. Слов.).

щикъ, *чикъ* не принимаетъ ударенія и передаетъ его предыдущему слогу: 1) въ словахъ, имѣющихъ болѣе трехъ слоговъ: *лакиро́вщикъ*, *потако́вщикъ*, *молоти́льщикъ*, *бараба́нщикъ*; 2) въ большей части отглагольныхъ и другихъ именъ, содержащихъ и менѣе слоговъ: *плате́льщикъ*, *оцѣ́нщикъ*, *спо́рщикъ*, *набо́рщикъ*, *ходе́бщикъ*, *бахро́мщикъ*, *конто́рщикъ*, *ко́рмщикъ*, *во́зчикъ*, *изво́зчикъ*, *доно́счикъ*, *прика́зчикъ*, *перепи́счикъ*, *сыщикъ*, *помѣщикъ*. Кромѣ того въ словахъ: *рисо́вщикъ* и *танцо́вщикъ*, отступающихъ отъ приведенныхъ выше во 2-мъ пунктѣ, образованныхъ отъ глаголовъ на *овать* (браковщи́къ, бунтовщи́къ, вербовщи́къ).

Иногда удареніе, вслѣдствіе производства, можетъ быть и на 3-мъ слогѣ съ конца; *жа́лобщикъ*, *да́кальщикъ*, *кро́вельщикъ*, *жа́рильщикъ*, *ма́зальщикъ*, *ка́меньщикъ*, *зна́менщикъ*, *у́гольщикъ*.

Имена съ наставкою *чикъ* послѣ корня, кончающагося на согласную *д* или *т*, всегда имѣютъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ: [409] *газетчикъ*, *переплётчикъ*, *монетчикъ*, *отвѣтчикъ*, *челобитчикъ*, *лазутчикъ*, *переводчикъ*, *подрядчикъ*,—не говоря уже о томъ случаѣ, когда *чикъ* означаетъ степень уменьшенія въ словахъ, произведенныхъ отъ именъ на *ецъ*, и по общему правилу уменьшительныхъ на *икъ* (см. выше стр. 303) не можетъ принимать ударенія: *ла́рчикъ*, *вѣ́нчикъ*, *ку́пчикъ*, *ря́бчикъ*, *че́пчикъ*, *сту́льчикъ*, *обра́зчикъ*, *кузне́чикъ*.

Наконецъ, наставкѣ *икъ* предшествуютъ иногда слоги, *ов*, *ев*, *ив*, *ат*, *аст* въ именахъ, произведенныхъ отъ прилагательныхъ съ окончаніями *овый*, *евый*, *ивый*, *атый*, *астый*. Такія существительныя удерживаютъ произношеніе прилагательныхъ, напр.: *берёзовикъ*, *рублёвикъ*, *кресто́викъ*, *парши́викъ*, *волоса́тикъ*, *голова́стикъ*; — *пудови́къ*, *полови́къ*, *годови́къ*, *дождеви́къ*, *борови́къ*, *огневи́къ*; прил. *пухо́вый* могло бы произ-

носиться и иначе, т. е. *пуховóй*; сущ. *пуховúкъ* приняло удареніе отъ послѣдней малоупотребительной формы.

Представимъ теперь менѣе употребительныя окончанія муж. рода, выговаривающіяся различно безъ видимой причины.

ичъ: рядовúчъ; — рóдичъ, сóотчичъ, бáричъ. Впрочемъ, въ словѣ *рядовúчъ* удареніе на послѣднемъ слогѣ потому, что такъ произносится прилагательное *рядовóй*.

ышъ: коротышъ, глупышъ, катышъ, крѣпышъ, малышъ; — глáдышъ, дýтышъ, лáндышъ, мя́кишъ. Всѣ предложныя имена съ этимъ окончаніемъ (кромѣ *вы́игрышъ, прóигрышъ*), а также съ двухсложнымъ *ёнышъ* имѣютъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ: *окóлышъ, найдёнышъ, обóрышъ, подкúдышъ, зарóдышъ, дѣтёнышъ*.

отъ, етъ: хребéтъ; — кóчетъ, крéчетъ, хóботъ, шúворотъ. Въ именахъ отглагольныхъ, означающихъ звукъ или движеніе, окончаніе это никогда не носитъ ударенія: *рóпотъ, тóпотъ, хóхотъ, грóхотъ, лéпетъ, скрéжетъ, трéпетъ*.

инъ: господúнъ, дворянúнъ, грузúнъ, мѣщанúнъ, славянúнъ, семьянúнъ, простолюдúнъ, павлúнъ; — крестья́нинъ, англичáнинъ, однополчáнинъ, шýринъ, хозя́инъ, бáринъ.

[410] Иногда въ одномъ и томъ же словѣ это окончаніе произносится различно, напр. говорятъ: *христіанúнъ* и *христіáнинъ, гражданúнъ* и *грáжданинъ, міряню́нъ* и *міря́нинъ*.

енъ: кремéнь, курéнь, олéнь, кистéнь, ревéнь; — пáрень, бáловень, сúдень, кáмень. — Почти всѣ отглагольныя имена съ этимъ окончаніемъ не носятъ на немъ ударенія, наприм., *лúвень, стáвень, бýдень, сúбень*.

арь: государь, буквáрь, ключáрь; — лѣ́карь, пúсарь, пéкарь.

олъ, елъ: хохóлъ, орёлъ, козёлъ; — ýголъ, ýзелъ, вéртелъ.

Найдутся еще и другія окончанія муж. рода съ неопредѣленнымъ удареніемъ; но какъ они или рѣдки въ языкѣ, или не составляютъ собственно наставокъ, то мы и не считаемъ нужнымъ приводить ихъ здѣсь всѣ безъ изъятія.

3) Окончанія мужескаго рода, никогда не принимающія ударенія:

Между этими окончаніями самое употребительное *тель*; оно рѣшительно отвергаетъ удареніе, когда означаетъ дѣйствующее лицо (или свойство въ словѣ *добродѣтель*). Безъ такого значенія оно встрѣчается только въ именахъ двухъ породъ птицъ: *свиристéлъ* и *коростéль*; впрочемъ, здѣсь наставку составляетъ только слогъ *ель*, буква же *т* принадлежитъ къ корню или, по крайней мѣрѣ, къ первичному образованію (отъ глаг. *свиристѣть* и *хрустѣть*: ср. польск. chróściel или chruściel [1]).

[1]) Въ словѣ *обитель* звукъ *т* несомнѣнно принадлежитъ къ корню (витать).

По неразлучному съ нимъ понятію это окончаніе въ сущности можетъ принадлежать только названіямъ одушевленныхъ предметовъ; однакожъ, оно усвоено также ариѳметическимъ терминамъ: *числи́тель*, *знамена́тель*, *мно́житель*, *дѣли́тель*, и замѣчательно, что, не означая собственно лицъ, эти имена все-таки склоняются подобно именамъ личнымъ; говорятъ, напр., раздѣлить *числителя* на *знаменателя:* такъ значеніе дѣятеля существенно связано съ окончаніемъ *тель*.

[411] Имена съ этой наставкой, въ отношеніи къ ударенію, слѣдуютъ по большей части неопредѣленному наклоненію тѣхъ глаголовъ, отъ которыхъ они образованы: *дѣлатель*, *завоева́тель*, *пла́ватель*. Только когда окончанію *тель* предшествуетъ гласная *и* или *ѣ*, то на нее, независимо отъ неопредѣленнаго наклоненія, котораго часто и нѣтъ въ основаніи производства, — т. е. на гласную *и*, *ѣ* падаетъ удареніе: *строи́тель*, *граби́тель*, *прави́тель*, *состави́тель*, *наруши́тель*, *ревни́тель*, *покрови́тель*, *вои́тель*, *утѣши́тель* [1]), *свидѣ́тель*, *владѣ́тель*, *благодѣ́тель*. Слова́ *вѣритель*, *мыслитель* произносятся двояко. Отступленіе представляютъ имена: *мно́житель* *дви́житель*. Замѣчательно, какъ единственный въ языкѣ случай слово *во́лостель* или *вла́стель:* здѣсь окончаніе *тель* приставлено прямо къ корню *влад*, въ которомъ буква *д*, какъ при глагольномъ окончаніи, обратилась въ *с*. Любопытно также областное *свисте́ль*, гдѣ однакожъ наставкою служитъ, кажется, только слогъ *ель* (ср. другую форму этого слова: *сви́стень*).

Менѣе употребительное окончаніе, не терпящее ударенія:

овъ, *евъ: ку́зовъ*, *о́стровъ*, *бо́ровъ*, *те́теревъ*.

II. Окончанія женскаго рода [2]).

1) Съ постояннымъ удареніемъ такихъ окончаній не много да и тѣ мало употребительны, и притомъ не всѣ они производственныя. Вотъ главныя изъ нихъ:

а́га, *я́га: ватага*, *кулага*, *сермяга*, *бодяга*.

у́га, *ю́га: бѣлуга*, *кольчуга*, *дерюга*, *вьюга* (впрочемъ говорятъ и *вьюга́*).

ы́га, *и́га: лодыга*, *мотыга*, *коврига*, *вязига*, *забулдыга*.

[412] *а́ка*, *я́ка: писака*, *рубака*, *гуляка*, *забіяка*.

а́ха, *я́ха: замараха*, *рубаха*, *черепаха*, *неряха*.

о́ха, *ёха: обироха*, *завироха*, *суматоха*, *пройдоха*, *лепёха*, *тетёха*.

---

[1]) Такой выговоръ окончанія *итель* (съ удареніемъ на *и* такъ сроденъ языку, что даже и женское имя *обитель* (съ наставкой *ель*) произносится такимъ же образомъ, хотя оно, какъ предложное при мягкомъ окончаніи, должно бы имѣть удареніе на первомъ слогѣ (см. стр. 294).

[2]) Подъ этимъ названіемъ разумѣются здѣсь и такія наставки, которыя могутъ служить къ образованію именъ общаго или только мужескаго рода, но имѣютъ женскую форму.

*

у́нья: колдунья, хохотунья, прыгунья. Пѣстунья выговаривается иногда и съ удареніемъ на первомъ слогѣ.

у́ля: ходуля, козуля, сосуля, красоуля. Слово *кара́куля*, вѣроятно, не русское по происхожденію.

у́ша: горбуша, кликуша, говоруша.

и́ка: въ названіяхъ ягодъ и растеній: *земляника, клубника, черника, ежевика, голубика, брусника, княженика, поленика, гвоздика, грудника, живика, зеленика.*

ла́: метла, игла, тесла, пчела, ветла. Кукла и *чучела* не русскаго происхожденія.

2) Окончанія женскаго рода съ перемѣннымъ удареніемъ.

ица. Число женскихъ именъ на *ица* очень велико и они раздѣляются на двѣ почти равныя половины, изъ которыхъ въ одной это окончаніе является съ удареніемъ на *и*, а въ другой вовсе безъ ударенія.

Въ обѣихъ половинахъ надобно напередъ отдѣлить одинъ разрядъ словъ, которыхъ удареніе опредѣляется весьма постояннымъ образомъ. Это тѣ женскія имена лицъ и животныхъ, которыя произведены отъ именъ мужескаго рода перемѣною окончаній *ецъ* и *икъ* на *ица*. Здѣсь женское всегда слѣдуетъ ударенію мужескаго, напримѣръ:

жиле́цъ — и́ца, пѣве́цъ — и́ца, бѣле́цъ — и́ца, продаве́цъ — и́ца.
ста́рецъ — ица, краса́вецъ — ица, упря́мецъ — ица, страда́лецъ — ица.
учени́къ — и́ца, блудни́къ — и́ца, баловни́къ — и́ца, вѣстовщи́къ — и́ца.
го́рликъ — ица, у́мникъ — ица, помѣщикъ — ица.

Этому правилу слѣдуютъ и тѣ женскія имена, которыхъ мужескіе первообразы или вовсе не употребительны, или употребляются въ другомъ значеніи: *ме́льникъ — ица, моло́чникъ — ица,* [413] *ко́нникъ — ица, ма́сленикъ — ица, сине́цъ — ица, молоде́цъ — и́ца, пятери́къ — и́ца, па́лецъ — ица.*

Исключеніе: *кузне́цъ, ку́зница.*

За этимъ надобно разсмотрѣть тѣ женскія имена лицъ и животныхъ съ окончаніемъ *ица*, которыя происходятъ отъ мужескихъ именъ первообразныхъ или, по крайней мѣрѣ, не имѣющихъ наставокъ *екъ, икъ*, каковы: *оселъ, орелъ* и др.

Сомнѣнія не можетъ быть насчетъ тѣхъ именъ этого разряда, которыхъ мужескія формы имѣютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, сохраняя его и во флексіи на окончаніи: *орёлъ* (— *а́*), *орли́ца; осёлъ* (— *а́*). *осли́ца;* но и другія подобныя имена охотно принимаютъ удареніе на букву *и* въ окончаніи, какъ то: *импера́торъ — три́ца; ма́стеръ — ри́ца; о́трокъ — отрокови́ца; волкъ — чи́ца; го́лубь — и́ца.* Только когда въ двухсложномъ муж. имени удареніе на послѣднемъ слогѣ и въ склоненіи не переходитъ на падежный приростъ, то и окончаніе *ица* не принимаетъ его: *медвѣ́дь* (— я), *медвѣ́дица; проро́къ* (— а), *проро́чица.*

Окончаніе *ица* остается безъ ударенія еще въ именахъ *ку́рица* (отъ стар. *куръ:* пѣтухъ), *дья́коница, ка́рлица.*

Вообще же окончаніе *ица* въ женскихъ именахъ лицъ, животныхъ и растеній по большей части является съ удареніемъ даже и тогда, когда они не происходятъ отъ соотвѣтственныхъ муж. именъ: *дѣви́ца* (отъ *дѣва*), *кобыли́ца, рожени́ца, свеклови́ца, горчи́ца, шелкови́ца, мокри́ца, чечеви́ца, сочеви́ца, куни́ца, вевери́ца, площи́ца.*

Однакожъ, сюда не могутъ относиться такія имена, которыя или образованы отъ прилагательныхъ на *ный* (безъ ударенія на этомъ окончаніи), или отъ мужескихъ существит. съ наставкою *тель,* напр. *роди́льница* (отъ *роди́льный*), *ли́ственица, проси́тельница, владѣ́тельница.* Имена, кончающіяся на *тельница,* всѣ удерживаютъ удареніе мужескихъ именъ съ наставкою *тель.*

Произношеніе слова *па́дчерица* основывается на томъ, что предлогъ *па,* которымъ оно начинается, всегда носитъ удареніе, какъ видно напр. и изъ слова *па́сынокъ.* Подобнымъ же образомъ [414] опредѣляется удареніе въ словѣ *су́кровица:* предлогъ *су* въ женскихъ именахъ часто принимаетъ удареніе (ср. *су́дорога, су́толока*).

Имя *своя́чиница* образовано отъ неупотребительнаго нынѣ *своя́чина.* Въ словахъ *лу́ковица* и *корока́тица* окончаніе не принимаетъ ударенія [1]).

Разсмотрѣвъ имена, въ которыхъ *ица* служитъ примѣтою пола или означаетъ растеніе или животное, обратимся теперь къ прочимъ именамъ этого окончанія.

Наставка *ица* является въ нихъ съ удареніемъ: 1) когда она приложена къ односложному слову или корню: *грани́ца, тряпи́ца, скрыпи́ца, части́ца, столи́ца, ключи́ца, зѣни́ца, стани́ца;* 2) когда *ица* въ существ. или прилаг. имени становится на мѣсто слога, имѣющаго удареніе: *пшено́—и́ца, страна́—и́ца, вода́—води́ца, земля́—и́ца, кора́—и́ца, крупа́—ица, рука́въ,*—род. п. *а́—рукави́ца.*

свѣтла́ (комната)—*и́ца; темна́—и́ца, тепла́—и́ца, больные—больни́ца, власяна́я* (одежда) — *и́ца, грудна́я* (болѣзнь) — *грудни́ца, денна́я* (звѣзда)—*денни́ца.*

Съ удареніемъ на *ица* произносятся еще:

1) Слѣдующія образованныя изъ числительныхъ существительныя: *едини́ца, седьми́ца, стори́ца* (славянскія; см. ниже).

2) Слѣдующія имена предметовъ, относящихся къ одеждѣ: *исподни́ца, багряни́ца, срачи́ца, плащани́ца, петли́ца.*

Перебирая всѣ слова, съ окончаніемъ *ица,* нельзя не замѣтить, что оно нѣкоторымъ именамъ не придаетъ никакого новаго значенія, напр. *вдова,* то же что *вдови́ца, скрыпка* и *скрыпи́ца, кобыла* и *кобыли́ца,*

---

[1]) Вѣроятно отъ *корокатый.* См. Указатель.

тряпка и *тряпи́ца, дрань* и *драни́ца, склянка* и *скля́ница.* Такая двоякость окончанія не можетъ, однакожъ, не имѣть какого-нибудь смысла: дѣйствительно, мы находимъ, что въ наставкѣ *ица* часто скрывается облагороживающее значеніе, какъ видно напр. изъ сравненія именъ *дѣва* и *дѣви́ца: дѣва* означаетъ женское лицо только въ естественномъ отношеніи, а [415] въ имени *дѣви́ца* выражается уже оттѣнокъ общественнаго отличія. Такъ и слово *кобыли́ца* благороднѣе, нежели *кобыла,* и т. п. Прилагаемое съ такою цѣлію окончаніе *ица* обыкновенно носитъ удареніе, если только тому не противится самое производство слова. Изъ приведенныхъ примѣровъ только имя *скля́ница* безъ ударенія на окончаніи, потому что произведено отъ прилагательнаго на *ный* (стклянный = стеклянный), и сообразуется съ открывающимся при этомъ общимъ закономъ: если прилаг. оканчивается на *ный* или *ній* безъ ударенія, то и наставка *ица* въ производномъ существ. не принимаетъ его: *пья́ница* отъ пьяный, *во́льница* отъ вольный, *ра́зница* отъ разный, *ри́зница* отъ ризный, *горница* отъ горній (исключая приведенныя выше: *едини́ца, исподница, багряница* [1]).

По указанному нами оттѣнку значенія, вносимому въ слово наставкою *ица,* неудивительно, что имена, заимствованныя изъ церковнославянскаго, держатъ удареніе на этомъ окончаніи всякій разъ, когда производство не указываетъ прямо-противоположнаго закона произношенія. Чѣмъ болѣе слово, кончающееся на *ица,* носитъ характеръ искусственности, книжности, тѣмъ легче оно передаетъ удареніе этой наставкѣ. Отсюда не слѣдуетъ, чтобы она въ народныхъ словахъ никогда не принимала ударенія: выше указаны уже случаи такого выговора; прибавимъ здѣсь еще для примѣра областныя слова *плѣни́цы* (силки) и *сведени́ца* (отъ сведени́къ), сведеная сестра. Не значитъ также, чтобы во всѣхъ славянскихъ словахъ съ окончаніемъ *ица* удареніе падало на него (*тро́ица*). Мы только замѣчаемъ, что въ сомнительныхъ случаяхъ или въ видимыхъ уклоненіяхъ отъ правилъ, означенное обстоятельство служитъ къ объясненію выговора. (Ср. *дѣви́ца* съ простонароднымъ *дѣвица*).

Обратимъ при этомъ вниманіе на произношеніе обиходныхъ словъ: *у́лица, но́жницы, лѣстница, пія́вица,* и съ другой стороны [416] на слова: *голуби́ца, зѣни́ца, срачи́ца,* которымъ народъ предпочитаетъ болѣе сподручныя ему: *голубка, зенка, сорочка.*

Когда наставка *ица* присоединена къ имени, оканчивающемуся на *а* безъ ударенія, то и она по большей части не принимаетъ его. Такъ изъ словъ *каша, просьба, владыка, пугва* образованы: *ка́шица, про́сьбица,*

---

[1]) Впрочемъ, *исподница* въ народной рѣчи произносится съ удареніемъ на *о.* Съ удареніемъ на окончаніи оно принадлежитъ ц.-сл. языку, равно какъ и слова: *едини́ца, багряни́ца.*

владычица, пуговица. Ступица произносится двояко. Замѣтимъ мѣсто ударенія въ словѣ *висѣлица* (отъ *висѣлъ*).

Есть еще особый, довольно обширный классъ именъ съ этимъ окончаніемъ, въ которыхъ оно также никогда не носитъ ударенія. Это имена, означающія какое-нибудь дурное состояніе или недостатокъ, и потому большею частію отрицательныя или предложныя; они происходятъ то отъ существительныхъ, то отъ прилагательныхъ или причастій.

Таковы: *распутица, разладица, безсмыслица, нелѣпица, околесица, безхлѣбица, бездорожица, безсонница, нескладица, разноголосица, неурядица, усобица, путаница, сумятица* и др. Одинакимъ образомъ составлены слова: *бездѣлица, переносица, подполица.* Тому же закону произношенія подлежитъ слово *Богородица*, какъ составное.

Съ окончаніемъ *ица* однородна наставка *ница*, при которой надобно принимать посредствующее прилагательное на *ный* для образованія существительнаго, напримѣръ: *зарница, кошница, гробница, пороховница, возница, пятница, лѣстница, гостиница* (отъ прилагател. *гостиный*).

ина. Окончаніе *ина* также весьма обыкновенно въ языкѣ. Оно является съ троякимъ удареніемъ: *ина, ина* и *ина* (оба слога безъ ударенія). Такое различіе зависитъ частію отъ производства и состава именъ, частію отъ значенія ихъ.

Напередъ отдѣлимъ случаи, въ которыхъ удареніе этой приставки опредѣляется значеніемъ именъ.

1) *ина.* Такое удареніе встрѣчается довольно рѣдко и свойственно именамъ, означающимъ: а) пространство и время: *величина, ширина длина, вышина, глубина, толщина, тонина, низина,* [417] *старина*; б) вообще внѣшнее качество, напр. *прямина, быстрина, тишина, цѣлина, кругли́на, косина, краснина*; в) предметы или даже лица, напр., *новина, свѣжина, слабина, ветчина, старшина, большина.* Почти всѣ такія имена произведены отъ прилаг., имѣющихъ опять отношеніе ко времени или пространству. *Купина* и *сѣдина* произн. двояко.

2) *ина.* Такъ произносится это окончаніе: а) въ именахъ (первообразныхъ) нѣкоторыхъ деревьевъ и плодовъ ихъ: *рябина, калина, малина, осина. Маслина* выговаривается одними такъ же, а другими съ удареніемъ на первомъ слогѣ.

б) въ именахъ, означающихъ какой-нибудь важный случай или празднество въ быту семейномъ или общественномъ: *годины, родины, именины, крестины, сорочины* (исключ. *заручины*, какъ имя предложное).

и в) въ мужескихъ именахъ увеличительныхъ; *дѣтина, купчина, дурачина, старичина, мужичина, молодчина, домина.*

3) *ина.* Въ именахъ отглагольныхъ (кромѣ нѣкоторыхъ приведен-

ныхъ подъ б) и въ предложныхъ наставка *ина* остается всегда безъ ударенія: *ро́дина, тре́щина, ры́твина, цара́пина, зу́брина, впа́дина, про-бо́ина, промо́ина, ока́лина, оско́мина, разва́лина, прота́лина, уклю́чина, напра́слина, по́шлина, отду́шина, уро́дина, разсѣ́лина, испа́рина, поще-чи́на, оплеу́шина, затре́щина.*

Во всѣхъ другихъ случаяхъ наставка *ица* произносится съ удареніемъ на *и* или вовсе безъ ударенія, смотря по производству словъ и по фонетическимъ требованіямъ.

Вотъ примѣры:

1) Въ именахъ, означающихъ мясо и кожу животныхъ:

а) *и́на: кони́на, овчи́на, осетри́на, мертвечи́на, свини́на* (оттого что говорятъ: *коня́, овца́, осетра́, мертвеца́, свинья́*). Такъ же произносятъ: *дичи́на, лососи́на, солони́на, буженина.*

б) *ина* (безъ ударенія): *за́йчина, бара́нина, медвѣ́жина, бѣлу́жина, говя́дина, теля́тина, порося́тина, куря́тина, ослятина, гуся́тина, коз-ля́тина* (отъ *за́яцъ—за́йца, медвѣ́дь—я*; [418] *бѣлу́га, говя́до, теля́—я́ти* и проч.). Таково же окончаніе въ имени *па́далина* (отъ *па́даль*).

2) Въ словахъ, означающихъ единицу такихъ предметовъ, которые изображаются собирательными именами:

а) *и́на: дроби́на, песчи́на, крупи́на, роси́на, шелкови́на, шерсти́на, снѣжи́на, гради́на, пороши́на, были́на* (отъ *былiе*).

б) *ина: изю́мина, горо́шина, жемчу́жина, минда́лина, соло́мина* (слѣдов. *соло́минка, а не соло́менка*), *посу́дина.*

3) Въ именахъ веществъ, урочищъ, мѣръ, предметовъ, и въ собирательныхъ именахъ:

а) *и́на: древеси́на, сердцеви́на, пучи́на, паруси́на, холсти́на, доли́на, равни́на, лощи́на, котлови́на, чужби́на, пружи́на, дуби́на, личи́на, обра-зи́на, карти́на, горлови́на, полови́на, пау́ти́на, стремни́на, плоти́на, полти́на, четверти́на, осми́на, десяти́на, верши́на, дружи́на, скоти́на, лу-чи́на. Былина* (отъ *быль*) и *пятина* (въ древнемъ Новгородѣ) произносятся многими и съ удар. надъ *на*.

б) *ина: блево́тина, харко́тина, рога́тина, га́дина, ра́ковина, мѣ́сячина, хи́жина, о́тчина, о́бщина* (но также *общи́на*). *Туре́чина, Нѣме́чина, хра́мина, лы́сина, дико́вина, дю́жина, сморо́дина.*

4) Въ именахъ отвлеченныхъ предметовъ: а) *и́на: кручи́на, при-чи́на, судьби́на*; б) *ина—и́стина.*

5) Въ именахъ, кончающихся на *щина* и *чина*, по большей части образованныхъ отъ прилагательныхъ на *скій* и собирательныхъ:

а) *щи́на: чертовщи́на, бѣсовщи́на, даровщи́на, годовщи́на, мужчи́на.*

б) *щина: же́нщина, деревенщина, ба́рщина, славя́нщина, бра́товщина, дья́вольщина, быва́льщина, подёнщина, зе́мщина, солда́тчина,* (гдѣ щ послѣ т замѣнилось звукомъ ч), *нѣмечина, турчина* (отъ нѣмецъ и Турція).

Оканчивая разсмотрѣніе выговора наставки *ина*, припомнимъ, что она въ нѣкоторыхъ случаяхъ произносится двояко; говорятъ, напр., *скла́дчина* и *складчи́на*, или (при присоединеніи слога *ка*) [419] *кру́пинка* и *крупи́нка*. Такое явленіе указываетъ на шаткость ударенія въ разсмотрѣнной наставкѣ.

ота, ета. Это окончаніе произносится съ удареніемъ на послѣдней гласной въ отвлеченныхъ именахъ качествъ, произведенныхъ или прямо отъ корня, или отъ именъ прилагательныхъ: *высота́, долгота́, широта́, красота́, духота́, тягота́, могота́, босота́, простота́, краснота́, чернота́, доброта́, тошнота́, чистота́, слѣпота́, хромота́, тѣснота́, правота́, суета́, синета́, нищета́*. Такъ же произносятся *пахота́* и *сирота́*.

Окончаніе *ота́*, какъ по значенію, которое оно даетъ именамъ, такъ и по ударенію, однородно съ наставкою *ина́*, такъ что нѣкоторыя имена, смотря по надобности, являются то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ этихъ окончаній, изъ которыхъ каждое сообщаетъ имъ особенный оттѣнокъ значенія, напр., *высота́* и *вышина́*, *широта́* и *ширина́*, *толстота* и *толщина́*, *краснота́* и *краснина́*.

ота произносится съ удареніемъ на первой гласной въ именахъ, не означающихъ отвлеченныхъ качествъ: *дремо́та, льго́та, пѣхо́та*. Сюда относятся между прочимъ многія имена, происходящія отъ глагольныхъ корней и означающія болѣзненное состояніе или припадокъ, напр. *рво́та, блево́та, ико́та, хрипо́та, зѣво́та, ломо́та, дерго́та, перхо́та, харко́та, чихо́та, потяго́та*. Такъ произносятся еще слова: *добро́та*,—когда оно выражаетъ качество матеріальное, а не духовное, *мокро́та*,—когда означается вещество, а не качество, и *щедро́та*, въ смыслѣ милостиваго дара. *Сипота* произносится двояко (— *о́та* и — *ота́*).

Отъ именъ съ наставкою *ота, ета* надобно отличать тѣ, въ которыхъ появляется то же окончаніе при другомъ образованіи слова: *рабо́та* (оконч. то же, что въ герм. arbeit), *клевета́, хло́поты* (ср. гл. *рабо́тать, клевета́ть, хлопота́ть*).

ня принимаетъ удареніе, когда приложено къ глагольному корню для означенія дѣйствія сильнаго, шумнаго или частаго: *возня́, рѣзня́, хохотня́, хлопотня́, стряпня́;* иногда передъ этимъ окончаніемъ вставляется еще слогъ *от* или *ов: бѣготня́, стукотня́, воркотня́, скрыпотня́, трескотня́, болтовня́*.

[420] *ня* въ другихъ случаяхъ произносится различно; напримѣръ, съ удареніемъ: *западня́, зубня́, клешня́, квашня́, размазня́, четверня́, родня́*, и безъ ударенія: *ро́вня, дво́рня, схо́дня, со́тня, дере́вня, ба́рышня, у́треня, вече́рня, подворо́тня*. Имена съ этою наставкой, означающія помѣщенія или мѣста съ особымъ назначеніемъ, никогда не носятъ на ней ударенія: *купа́льня, солова́рня, голубя́тня, коню́шня, спа́льня, бѣли́льня, бо́йня, па́шня, до́йня, колоко́льня*.

Исчисливъ тѣ окончанія женскаго рода, въ различномъ произношеніи которыхъ болѣе или менѣе выражается разумное основаніе, приведемъ теперь тѣ наставки женскихъ именъ, которыя выговариваются различно, иногда безъ видимой причины:

ба́, съ удареніемъ: *гоньба́, молотьба́, гульба́, ходьба́, пальба́, борьба́, стрѣльба́, мольба́, рѣзьба́* (говорится впрочемъ и *рѣ́зьба*), *судьба́, гурьба́, ворожба́*. Слѣдуетъ, однакожъ, замѣтить, что имена этого образованія съ удареніемъ въ концѣ большею частію означаютъ усиленное дѣйствіе.

ба безъ ударенія: *про́сьба, сва́дьба, жени́тьба, слу́жба, дру́жба, тя́жба*.

оба: худоба́;—зло́ба, утро́ба,—жа́лоба.

изна: новизна́, крутизна́, желтизна́, кривизна́, бѣлизна́, прямизна́;—дорогови́зна, дешеви́зна, укори́зна, отчи́зна. Почти всѣ имена послѣдняго разряда имѣютъ болѣе трехъ слоговъ. Вообще же имена на *изна*, произведенныя отъ прилагательныхъ, произносятся съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ.

иха: купчи́ха, шути́ха, щеголи́ха, зайчи́ха, слони́ха, волчи́ха, осли́ха;—ста́ростиха, ме́льничиха, дво́рничиха.

ыня, иня: госуда́рыня, ба́рыня, мона́хиня, и́нокиня, ми́лостыня;—рабы́ня, боги́ня, княги́ня, горды́ня, благосты́ня.

овь: любо́вь, свекро́вь, морко́вь,—до́роговь (произн. и *дорого́вь*), *це́рковь*.

ея: швея́, ворожея́, ячея́, шлея́, сулея́, верея́, вечея́, должея́, берея́ (собирательница ягодъ и грибовъ);—*тавлея́* (въ народѣ и *тавле́я*), *лине́я;—ля́двея*.

[421] Здѣсь съ сознательнымъ удареніемъ являются только отглагольныя, личныя имена, какъ: *швея́, ворожея́, вязея́, плетея́, ищея́, лазея́*. Взятыя изъ другихъ языковъ почти всегда имѣютъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ: *транше́я, фузе́я, тавле́я, алле́я, лине́я* (отступаютъ *шлея́, кисея́*).

уха, юха: 1) *требуха́, шелуха́, чепуха́;* 2) *ря́пуха, ко́рюха, черё́муха;* 3) *стару́ха, стряпу́ха, сиву́ха, востру́ха* (имена отдѣльныхъ лицъ и предметовъ, а не собирательныя, какъ въ двухъ предыдущихъ разрядахъ).

ша: львша́, лапша́;—генера́льша, профе́ссорша (въ личныхъ именахъ *ша* никогда не принимаетъ ударенія), *ве́кша*.

3) Женскія окончанія, всегда остающіяся безъ ударенія:

ость, есть: тя́гость, кро́тость, ша́лость;—тя́жесть, го́ресть.

ка: ру́чка, тру́бка, тё́тка (кромѣ *битка́, пенька́*). *Башка́*—не русское слово. Въ словѣ *доска к* принадлежитъ къ корню (ср. англ. desk).

Въ соединеніи *ка* съ другими слогами надо особенно обратить вниманіе на слѣдующіе случаи:

у́шка, ю́шка въ именахъ уменьшительныхъ: *Марфу́шка, верту́шка, рѣзву́шка, игру́шка, верху́шка, маку́шка*.

ушка, юшка безъ ударенія, въ уменьшительныхъ ласкательныхъ, которыми почти всегда означаются одушевленные предметы: *ма́тушка, голу́бушка, коро́вушка, ба́тюшка; голо́вушка.*

ёнка (онка), въ уменьшительныхъ унизительныхъ: *ручонка, душонка, старушонка.*

енька, въ уменьшительныхъ ласкательныхъ: *ру́ченька, ду́шенька, стару́шенька, ма́менька, Оленька.*

енка, въ названіяхъ націй: *францу́женка, черке́шенка* и изрѣдка въ другихъ именахъ: *ни́щенка,*

Замѣтимъ еще слѣдующія женскія наставки безъ ударенія:

тва: же́ртва, моли́тва, би́тва, бри́тва, лови́тва. Въ словѣ *ботва́* наставку составляетъ только слогъ *ва.*

ля, во множественномъ числѣ *ли: пе́тля, гра́бли, гу́сли, я́сли.*

[422] *ква: брю́ква, ты́ква, смо́ква.*

едь, ядь, (адь): пе́стрядь, мо́кредь, че́лядь, сте́рлядь, пло́щадь. [1]).

III. Окончанія средняго рода.

Въ именахъ средняго рода мы не сохранимъ тройного подраздѣленія, потому что каждое ихъ окончаніе произносится то съ удареніемъ, то безъ ударенія.

іе или сокращенное *ье* есть наиболѣе распространенное въ языкѣ окончаніе именъ средняго рода. При образованіи именъ отъ глаголовъ ему предшествуетъ то *н*, то *т*, смотря по тому, оканчивается ли причастіе глагола на *ный* или на *тый;* впрочемъ, и во второмъ случаѣ иногда все-таки отглагольное имя образуется съ помощью буквы *н*, напримѣръ: *пѣніе, треніе, преніе.* Гласною передъ этимъ окончаніемъ бываетъ то *а* или *я*, то *е* или *ѣ*. Имена на *аніе* и *яніе* принимаютъ удареніе глагола, отъ котораго произведены: *страда́ніе, дѣ́ланіе, завоева́ніе, ку́шанье, сѣ́тованіе, сі́яніе, ча́яніе, раска́яніе* (кромѣ книжныхъ словъ: *пока́яніе, дѣя́ніе, одѣя́ніе* [2]). Имена на *еніе* и *ѣніе* почти всегда носятъ удареніе надъ *е* или *ѣ*, несмотря на произношеніе глагола: примѣры этому мы уже видѣли при разсмотрѣніи именъ, начинающихся предлогомъ *вы* (*вычисле́ніе* отъ *вы́числить*). Теперь укажемъ еще на слова, сложенныя съ другими предлогами, или простыя: *представле́ніе* отъ *предста́вить*, *видѣ́ніе* отъ *ви́дѣть*, *паде́ніе* отъ *па́сть*, *умноже́ніе* отъ *умно́жить* и проч. Такъ же произносятся имена: *значе́ніе, ударе́ніе, одобре́ніе, усво́еніе, увѣре́ніе, повинове́ніе; кипѣ́ніе, велѣ́ніе, впечатлѣ́ніе* и

[1]) Мой списокъ суффиксовъ именъ женскаго рода дополнилъ г. А. Александровъ суффиксами *ынь, ива* и *ева*: см. въ *Русскомъ Филолог. Вѣстникѣ* 1882 г. № 3, статью его объ удареніи именъ съ этими окончаніями.

[2]) Книжное же слово *преуспѣяніе* произносится двояко, съ удареніемъ то на третьемъ, то на четвертомъ слогѣ.

мн. др. Однакожъ, *е* передъ окончаніемъ *ніе* остается иногда безъ ударенія, и именно: 1) когда глаголъ, отъ котораго происходитъ имя, оканчиваясь на *ить*, самъ образованъ отъ существительнаго или [423] прилагательнаго, наприм. *чи́щеніе, кра́шеніе, ня́ньченіе, моро́ченіе, озабо́ченіе, сосредото́ченіе, упро́ченіе, наме́реніе*; 2) когда имя мало употребительно, и глаголъ, отъ котораго оно произведено, не можетъ принимать окончанія *а́ть* или *я́ть* съ удареніемъ, наприм. *хму́ренье, тара́щенье, тра́ченье*. Наоборотъ, мы замѣчаемъ, что окончаніе *еніе* съ удареніемъ встрѣчается почти всегда въ такихъ именахъ, которыя происходятъ отъ глаголовъ, могущихъ принимать окончаніе *а́ть* или *я́ть*, напр., *прославле́ніе* отъ *просла́вить—прославля́ть;* 3) въ нѣкот. именахъ, означающихъ самое дѣйствіе, а не произведеніе его: въ этомъ смыслѣ *му́ченіе* отличается отъ *муче́ніе*. Имена *увеличеніе, из-прі-обрѣтеніе, ограниченіе* произносятся двояко. Окончаніе *ѣніе* остается безъ ударенья въ именахъ: *свѣ́дѣніе, за́говѣнье, ро́зговѣнье*, въ первомъ отличительно отъ слова *сведе́ніе*, а въ послѣднихъ двухъ можетъ-быть потому, что для болѣе яснаго означенія противоположности понятій предлогъ принялъ удареніе. *Видѣніе* съ префиксомъ *пред* переноситъ удареніе на слогъ *ви́*. Сокращеніе буквы *і* въ *ъ* обыкновенно не влечетъ за собою перемѣны въ удареніи словъ этого окончанія. Только въ именахъ, произведенныхъ отъ односложныхъ глаголовъ, слогъ *нье* иногда принимаетъ удареніе, напр. въ простонародныхъ словахъ: *пѣньё, враньё, жданьё, тканьё, спаньё*.

Окончаніе *тіе*, когда принадлежитъ простымъ именамъ, произведеннымъ отъ односложныхъ глаголовъ на *ить* и *ыть*, требуетъ ударенія на послѣднемъ слогѣ, и буква *і* сокращается въ *ъ: бритьё, литьё, шитьё, витьё, питьё, мытьё, вытьё, житьё, бытьё*. Иначе произносятся только *кры́тіе* и *ры́тіе* (иногда и *рытьё*). Отъ глаголовъ на *оть* и *уть* рѣдко образуются имена существительныя; въ нихъ окончаніе *тье* остается безъ ударенія: *колотье* (произносится двояко: ко́лотье и коло́тье), *гну́тіе*. Слово *чутьё*, происходящее конечно не отъ *чуять*, а отъ неупотребительнаго глагола *чуть*, держитъ удареніе на послѣдней гласной подобно другимъ двусложнымъ именамъ этого образованія.

Замѣчательно, что удареніе въ такихъ случаяхъ обыкновенно измѣняется отъ сложенія имени съ другимъ словомъ, хотя бы и [424] съ предлогомъ. Ср. напр., *литьё* и *сли́тіе, разли́тіе, кровопроли́тіе, бытіе́* и *отбы́тіе, бритьё* и *брадобри́тіе, житьё* и *общежи́тіе*. Сюда же относятся слова, *взя́тіе, поня́тіе, нача́тіе* и другія неупотребительныя безъ предлога. *Забытьё* по значенію отличается отъ *забы́тіе*.

Въ именахъ, произведенныхъ не отъ глаголовъ, окончаніе *ье* носитъ почти всегда удареніе, когда принадлежитъ двусложнымъ словамъ: *копьё, ружьё, тряпьё, старьё, бѣльё, жильё, бабьё*. Такъ же произносятся собирательныя имена: *дурачьё, мужичьё*. Но въ словахъ: *у́стье,*

зе́лье, пла́тье и въ многосложныхъ именахъ удареніе падаетъ на слогъ, предшествующій окончанію: *здоро́вье, захолу́стье, помѣ́стье, безлю́дье, отре́бье, подво́рье.*

Въ словахъ съ окончаніемъ *овье, евье,* удареніе бываетъ различно: *кочевьё, коче́вье, зимовье, становье, верховье, низовье.*

При полномъ окончаніи *іе* (не всегда отглагольномъ) удареніе лежитъ на предыдущемъ слогѣ, на которомъ остается и въ случаѣ сокращенія *і* въ *ъ: бы́ліе, те́рніе, ве́рвіе, отли́чіе, уча́стіе, наси́ліе, вели́чіе, честолю́біе, благоче́стіе, распу́тіе, усло́віе, суевѣ́ріе.* Только въ нѣкоторыхъ словахъ, образованныхъ отъ именъ на *мя* (*менъ*), этотъ слогъ, ставъ передъ окончаніемъ *іе*, остается безъ ударенія, которое падаетъ на коренной слогъ: *зна́меніе, безвре́менье.* Но уродливое слово *мѣстоиме́нье* и выговаривается неправильно.

Слогъ *ство* по бо́льшей части не носитъ ударенія: *во́инство, пе́рвенство, оте́чество, о́бщество, кова́рство, схо́дство, ца́рство, ка́чество, коли́чество, пото́мство, убо́жество, многолю́дство, человѣ́чество, госпо́дство, влады́чество, вели́чество, могу́щество, заму́жество, то́жество, ю́ношество, ры́царство.* Удареніе почти во всѣхъ этихъ случаяхъ остается на томъ слогѣ, который носитъ его въ первообразномъ словѣ. Только имя *лѣка́рство* выговаривается не такъ какъ *лѣ́карь*, можетъ-быть потому, что въ немъ совершенно исчезаетъ понятіе дѣйствующаго лица, придаваемое первообразному имени окончаніемъ *арь*. Имена *первенство, единство* и *общество* нѣкоторые произносятъ съ удареніемъ на [425] послѣднемъ слогѣ, но этотъ выговоръ въ литературномъ языкѣ встрѣчается рѣдко. Слово *свойство* произносится различно, смотря по двоякому значенію своему; двояко выговаривается еще *волшебство* (е́—ство́).

На общемъ основаніи произносятся и отглагольныя имена: *чу́вство, убі́йство, произво́дство, бѣ́гство, убра́нство, хода́тайство, устро́йство.* Въ трехъ только случаяхъ окончаніе *ство* принимаетъ удареніе: 1) въ отглагольныхъ и другихъ трехсложныхъ именахъ, когда наставкѣ *ство* предшествуетъ слогъ *ов* или *ев*, часто ею принимаемый даже и тогда, когда въ глаголѣ его нѣтъ, напр. *воровство́, мотовство́, колдовство́, сватовство́, плутовство́, врачевство́, хвастовство́, шутовство́, кумовство́. Шельмовство* произносится съ удареніемъ или на послѣднемъ слогѣ, или на среднемъ; 2) въ именахъ, произведенныхъ отъ другихъ именъ существительныхъ или прилагательныхъ, когда окончаніе *ство* становится на мѣсто отброшеннаго слога съ удареніемъ: *родство́* (а отъ этого и *сродство́*), *удальство́, щегольство́, вдовство́, ханжество́, сиротство́,* отъ *родно́й, удало́й, щегольско́й, вдова́, ханжа́, сирота́; скотство́* произносится такъ по косвеннымъ падежамъ слова *скотъ;* на этомъ же правилѣ основывается выговоръ именъ *большинство́, меньшинство́, старшинство́,* какъ произведенныхъ отъ *большина́, меньшина́, старшина́;* 3) въ нѣкоторыхъ трехсложныхъ именахъ, первоначально

принадлежавшихъ только книжному языку: *божество́*, *рождество́*, *вещество́*, *существо́*, *естество́*, *торжество́*, *празднество́*, *пиршество́* (послѣднія два, особенно второе, произносится и съ удареніемъ на первомъ слогѣ).

Церковно-славянское окончаніе *ствіе*, употребляемое въ нынѣшнемъ языкѣ довольно рѣдко и по большей части свойственное только сложнымъ именамъ, никогда не принимаетъ ударенія, которое всегда падаетъ на предшествующій слогъ: *дѣ́йствіе*, *ше́ствіе*, *слѣ́дствіе*, *бѣ́дствіе*, *моле́бствіе*, *споко́йствіе*, *благоде́нствіе*, *удово́льствіе*, *напу́тствіе*, *привѣ́тствіе*.

Наставка *ище* является то съ удареніемъ на *и*, то безъ [426] всякаго ударенія. Можно бы подумать, что такое разнообразіе въ произношеніи словъ, съ помощію ея составленныхъ, имѣетъ свое основаніе въ намѣреніи отличать ихъ отъ именъ особой категоріи, у которыхъ то же окончаніе служитъ выраженіемъ необыкновенной величины предметовъ. Но это справедливо только отчасти.

Увеличительныя имена мужескаго и средняго рода на *ище* сами выговариваются различно, и потому мы должны напередъ коснуться ихъ. Мужескія имена односложныя и такія, которыя въ родительномъ падежѣ носятъ удареніе на окончаніи, обыкновенно принимаютъ эту наставку съ удареніемъ на *и*: *столи́ще*, *доми́ще*, *двори́ще*, *ключи́ще*, *вози́ще*, *носи́ще*, *дружи́ще*, *куси́ще*, *снопи́ще*, *утюжи́ще*, *сапожи́ще*, *мужичи́ще*. Среднія трехсложныя имена принимаютъ такое же удареніе: *окни́ще*, *ведри́ще*, *пузи́ще*. Среднія имена на *ище*, имѣющія болѣе слоговъ, сохраняютъ удареніе положительной степени, напр. *зе́ркалище*. Имена мужескаго рода хотя и односложныя, но не русскія, или многосложныя, не имѣющія ударенія на послѣднемъ слогѣ родительнаго падежа, принимаютъ *ище* безъ ударенія: *сту́лище*, *шка́пище*, *забо́рище*, *стака́нище*, *огоро́дище*, *комо́дище*.

Поэтому имена на *ище*, если образованы отъ другихъ существительныхъ и не должны означать увеличенія, принимаютъ по большей части такое удареніе, которое бы отличало ихъ отъ увеличительныхъ. Говорятъ: *пожари́ще*, потому, что *пожа́рище* означало бы большой пожаръ. На томъ же основаніи произносятъ: *пепели́ще*, *голени́ще*, *поло́тнище* и — *чу́дище*, *по́лчище*, *со́нмище*, *то́ржище*, *ко́злище*, *дѣ́тище*. Слово *кнутови́ще* составлено для отличія отъ *кнути́ще*. Таково же и слово *станови́ще*. Иначе произносится *чудо́вище* (отъ *чудо́вый*), *горо́ховище* (отъ *горо́ховый*) и *ту́ловище*.

Отглагольныя имена на *ище* по большей части не держатъ ударенія на этомъ окончаніи: *и́грище*, *убѣ́жище*, *по́прище*, *приста́нище*, *ра́товище*, *позо́рище*, *про́звище*, *сокро́вище*, *за́ймище*. Такъ же произносятся старинныя имена: *вре́тище*, *ру́бище*, *ка́пище*, *тре́бище*, *чинга́лище*. *Гульбище*, *кладбище* и *стрѣльбище* [427] произносятся различно, съ удареніемъ то на *и*, то на первомъ слогѣ.

Имя женскаго рода *рѣпа* не могло перемѣнить ударенія отъ наставки *ище;* слово *рѣпище* самымъ окончаніемъ своимъ отличается отъ увеличительнаго женскаго рода *рѣпища.*

Логовище произносится двояко: съ удареніемъ на первомъ слогѣ по первообразному слову *лóгово,* или на наставкѣ.

Городище носитъ всегда удареніе на *и,* означаетъ ли оно большой городъ, или мѣсто, гдѣ нѣкогда было селеніе.

Есть еще особенный разрядъ именъ на *ище:* это такія имена, которыя произведены отъ причастій съ гласными *а, и, ѣ* передъ *лъ,* и у нихъ удареніе тамъ же, гдѣ оно въ неопредѣленномъ наклоненіи глагола: *влагáлище, обитáлище, ристáлище, сѣдáлище, игрáлище, судúлище, святúлище, страшúлище, вмѣстúлище, учúлище, хранúлище, пáдалище.* По этому же образцу составлены имена *чистúлище, узúлище, гнѣздúлище, зрѣлище;* въ первомъ изъ нихъ удареніе отступаетъ отъ глагольнаго; въ словѣ *жилúще* оно бываетъ обыкновенно на наставкѣ.

Имена съ окончаніемъ *ло,* произведенныя большею частью отъ глаголовъ, бываютъ по ударенію трoякія. Оно падаетъ либо на эту наставку, либо на слогъ ей предшествующій, либо на третій съ конца. Надъ *ло* удареніе бываетъ почти всегда въ томъ случаѣ, когда въ предыдущемъ слогѣ буква *е* или *ѣ,* отдѣляющаяся отъ окончанія какою-нибудь согласною, явною или выпавшею: *скреблó, греблó, щемлó, сверлó, жерлó, теслó, веслó, стеклó, ремеслó, сѣдлó, помелó* (-метлó); такъ же произносятся слова: *крылó, тяглó, дуплó, числó.* На предыдущій слогъ падаетъ удареніе вообще тогда, когда окончаніе *ло* приложено къ глаголамъ, образованнымъ съ помощію буквъ *а, я, и, ы,* такъ что оно принимаетъ видъ *ало, яло, ило, ыло,* или когда въ предыдущемъ слогѣ нѣтъ буквы *е: опахáло, покрывáло, черпáло, мочáло, одѣяло, творúло, сушúло, свѣтúло, жúло, бúло, мяло, мыло, рыло, стóйло, пóйло, пáдло, гóрло, начáло, прясло, сýсло, прýгло, коромысло, мáсло, вясло;* наконецъ въ видѣ исключенія *крéсло.* [428] Такъ же выговаривается слово *мотовúло.* — Наибольшее число именъ съ окончаніемъ *ло* носитъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ.

На третій слогъ съ конца удареніе падаетъ въ немногихъ только словахъ этой формы: *пýгало, зéркало* (множ. *зеркалá*), *бýркало, вѣяло, ýдило* (множ. *удилá*), *мѣрило, прáвило. Мѣрило* слышится часто и съ удареніемъ на *и.* Отъ *прáвило* отличается *правúло* по значенію.

Съ окончаніемъ *ло* очень сходно другое, почти однозвучное *во,* являющееся всегда съ предшествующей ему буквою *и, е* или *о.* Слогъ *во* никогда не носитъ ударенія, которое падаетъ—въ двусложныхъ словахъ на предыдущій слогъ, а въ трехсложныхъ (или если и болѣе слоговъ)—на третій съ конца: *пúво, жнúво, пóйво, крóшиво, вáрево, мéливо, мѣсиво, тóпливо, тóчиво, кýрево, лóгово, крýжево, зáрево, дéрево.* Отъ такого ударенія происходитъ, что въ нѣкоторыхъ словахъ передъ

окончаніемъ *во* допускается то *е*, то *и*, напр. *крóшево* и *крóшиво*, *вáрево* и *вáриво*. *Огнúво* удерживаетъ удареніе на томъ же слогѣ, на которомъ оно въ первообразномъ имени *огóнь*, въ косвенныхъ его падежахъ (*огня́* и т. д.). Нѣкоторые произносятъ *топлúво*.

Наставка *мо* вообще является у насъ съ удареніемъ: *письмó*, *бѣльмó*, *пряжмó*, *ярмó*, *дермó*. Слово *клеймó* заимствовано изъ др. скандинавскаго языка, а *пáсмо* сомнительнаго происхожденія, и потому окончанія этихъ двухъ именъ нельзя считать производственнымъ. Различіе произношенія ихъ зависитъ вѣроятно отъ различія предшествующей окончанію гласной (см. выше замѣчанія о слогѣ *ло*).

Окончаніе *но* по большей части носитъ удареніе, особенно послѣ гласныхъ *е*, *о*: *стегнó*, *веретенó*, *пшенó*, *бревнó*, *зернó*, *звенó*, *окнó*, *полотнó*, *волокнó*, *толокнó*, *порохнó*, *лукнó*, *гумнó*, *сукнó*, *саднó*; но бываетъ и безъ ударенія: *брáшно*, *сýдно*, *кóрзно*, *колѣ́но*, *полѣ́но*.

То же можно бы сказать и объ окончаніи *ро*: *ведрó*, *ребрó*, *перó*, *ядрó*, *добрó*, *серебрó*, *нутрó*;—*вёдро*, *нѣ́дро*, *ýтро*. Но [429] это окончаніе собственно сюда не идетъ, потому что въ немъ буква *р* почти всегда принадлежитъ къ корню.

Слогъ *то* принимаетъ удареніе послѣ гласной *е*: *решетó*, *тенетó*, а послѣ *и* или *ы* отбрасываетъ его на предыдущій слогъ: *сúто*, *копы́то*, *коры́то*.

Перейдемъ теперь къ наставкамъ, служащимъ для образованія уменьшительныхъ именъ.

Слогъ *ко* рѣдко является въ чистомъ видѣ безъ прибавленія къ нему еще какого-нибудь другого слога; присоединяясь къ согласной, онъ обыкновенно получаетъ удареніе, а особливо въ двусложныхъ именахъ: *ушкó*, *очкó* (множ. *очкú*), *сѣркó*, *гнѣдкó*, *воронкó*, *озеркó*. *Древко* произносится двояко. Если вставляется бѣглая гласная, то удареніе переходитъ на нее: *ведёрко*, *окóшко*, *бревéшко*, *лукóшко*, *дровéшки* (отъ *дрóвни*), *судёнко*. Когда *ко* присоединяется къ имени, оканчивающемуся на *я*, въ которомъ скрывается согласная *т* или *н*, то удареніе падаетъ на первый слогъ: *дúтятко*, *врéмячко*, *сѣ́мячко*.

Когда наставка *ко* присоединяется къ трех- или четырехсложному слову, которое и безъ того уже оканчивается на этотъ слогъ, то удареніе остается на прежнемъ мѣстѣ: *я́блочко*, *óблачко*, *молочкó*, *окóшечко*, *ведёрочко*. Когда же *ко* прилагается къ имени, кончающемуся на *це* или *цó*, то удареніе переходитъ на являющуюся передъ новою наставкою гласную, будетъ ли это бѣглое *е*, или другая гласная: *колéчко*, *крылéчко*, *сердéчко*, *мѣстéчко*, *яúчко*, но *блю́дце*—*блю́дечко*.

Окончаніе *ико*, встрѣчающееся очень рѣдко, не носитъ ударенія: *лúчико*, *плéчико*.

Передъ слогомъ *ко* ставится иногда еще прибавочный слогъ *ыш* или *иш*. Окончаніе *ышко*, служащее только къ образованію ласка-

тельныхъ уменьшительныхъ, никогда не принимаетъ ударенія: *гóрлышко, пятнышко, рёбрышко, зёрнышко.* Отсутствіе ударенія надъ этой наставкой такъ постоянно, что когда она присоединяется къ односложному имени *дно,* то въ немъ появляется [430] вставочная гласная *о* съ удареніемъ: *дóнышко* (Пав. Ф. Набл. II. § 53, примѣч. 1).

Окончаніе *úшко,* напротивъ, въ трехсложныхъ словахъ всегда носитъ удареніе на *и* и придаетъ слову значеніе унизительное: *дѣлúшко, селúшко, сѣдлúшко, мѣстúшко.*

Это же окончаніе придается иногда, въ томъ же смыслѣ, именамъ мужескаго рода, наприм. *крестúшко, домúшко, городúшко, голосúшко,* но тогда оно можетъ быть и безъ ударенія; именно это бываетъ въ томъ случаѣ, когда первообразное двух- или трехсложное имя съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ не перемѣняетъ своего ударенія въ косвенныхъ падежахъ: *забóришко, огорóдишко, халáтишко, дивáнишко* (отъ *забóръ—а, огорóдъ—а* и т. д.).

Да правду говорить, я и тому дивился,
Что *огорóдишко* твой кое-какъ идетъ.
Крыловъ, Огор. и Фил.

Къ имени мужескаго рода, означающему одушевленный предметъ, прилагаютъ охотнѣе окончаніе *úшка* (а не *úшко*): *мальчúшка, ворúшка, плутúшка, хвастунúшка.* Повѣрить это можно винительнымъ падежомъ: поймать *плутúшку.*

Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то *ворúшекъ* бьютъ.
Крыловъ, Воронёнокъ.

Иногда такое уменьшительное имя можетъ быть общаго рода: *дурнышка.*

Окончаніе *це, цó* прилагается къ именамъ средняго рода для уменьшенія ихъ, или и безъ этой цѣли, когда имя само по себѣ неупотребительно. По бóльшей части слово сохраняетъ удареніе первообразнаго имени, напр. *корытце, сáльце, рыльце, зéркальце, блюдце, винцó, колесцó, крылыцó, полѣнце;* но *кольцó,* отъ неупотр. *коло.* Въ именахъ, кончащихся на *но* съ предыдущею согласною, удареніе переходитъ на вновь появившуюся гласную *о* или *е*: *полотéнце, волокóнце, окóнце, дóнце.* Въ соединеніи съ словомъ *письмó* окончаніе *цо* принимаетъ удареніе—*письмецó*; то же бываетъ еще въ соединеніи съ именами: *мясо, село* и *дерево,* [431] чему причиною, кажется, звуки *я* и *е* въ предшествующемъ слогѣ; *сѣнцó* произносится также еще и для отличія отъ женскаго *сѣнцы.*

Присоединяясь къ нѣкоторымъ именамъ, кончающимся на *ье,* эта наставка принимаетъ форму *еце* безъ ударенія: *плáтьеце, имѣньеце, чтéньеце,* или съ удар., какъ въ словѣ *копьецó.*

Въ предыдущемъ представленъ первый опытъ разсмотрѣнія, насколько русское удареніе зависитъ отъ производства и состава словъ.

Теперь спрашивается: можно ли изъ этого разсмотрѣнія извлечь какіе-нибудь положительные результаты?

Мы видѣли, что есть много производственныхъ окончаній, имѣющихъ постоянное удареніе,—слѣдовательно много словъ, которыхъ произношеніе опредѣляется самымъ ихъ окончаніемъ. Вотъ главныя изъ такихъ наставокъ: муж. р. *акъ, якъ, укъ, юкъ, агъ, огъ, югъ, анъ, янъ, унъ, ачъ, ай, яй, уй, ежъ, áтай, ёнокъ, ёнышъ;*—жен. р. *áга, я́га, у́га, ю́га, ы́га, и́га, áка, я́ка, áха, я́ха, óха, у́нья, у́ша, и́ка.*

Есть другія имена, у которыхъ удареніе никогда не бываетъ на окончаніи, а остается либо на томъ же мѣстѣ, гдѣ оно въ первообразномъ словѣ, либо падаетъ на слогъ, предшествующій окончанію. Здѣсь особенно замѣчательны въ муж. р. окончаніе *тель*, въ жен. *ость* или *есть*, а въ ср. *іе* (у многосложныхъ именъ).

Что касается до наставокъ, имѣющихъ непостоянное удареніе, то часто произношеніе словъ съ такими окончаніями зависитъ отъ разныхъ обстоятельствъ, какъ-то: 1) отъ производства слова; 2) отъ числа слоговъ въ имени; 3) отъ присоединенія къ наставкѣ дополнительнаго слога; 4) отъ гласной буквы предшествующаго слога; 5) отъ того, простое ли имя, предложное, или составное, и 6) отъ самаго значенія слова.

Когда то или другое изъ этихъ обстоятельствъ должно имѣть вліяніе на удареніе, на это нѣтъ одного общаго закона, но каждое изъ нихъ имѣетъ въ разныхъ случаяхъ свое несомнѣнное [432] значеніе. Между ними самое обыкновенное основаніе выговора составляетъ производство именъ; однако же оно нерѣдко уступаетъ одному изъ прочихъ основаній. Припомнимъ здѣсь въ заключеніе главные изъ отдѣльныхъ случаевъ, когда каждое изъ этихъ обстоятельствъ опредѣляетъ удареніе именъ съ производственными окончаніями.

I. Производство слова.

1) Всѣ простыя имена на *окъ, произведенныя отъ глаголовъ*, носятъ удареніе на этомъ окончаніи, напр. *толчокъ, плевокъ, совокъ, кипятокъ, кувырокъ.*

2) Уменьшительныя на *окъ* и *екъ*, въ указанныхъ случаяхъ производства, выговариваются такимъ же образомъ: *комокъ, порошокъ кошелёкъ* и пр.

3) Имена на *ецъ*, произведенныя отъ двухсложныхъ глаголовъ и прилагательныхъ, также произносятся почти всегда съ удареніемъ на окончаніи: *творецъ, купецъ, рубецъ, хитрецъ, слѣпецъ, храбрецъ.*

4) Имена на *икъ, никъ, овикъ, евикъ, ивикъ, атикъ, астикъ*, вообще сохраняютъ удареніе прилагательныхъ, отъ которыхъ они образованы.

5) Женскія имена на *ица*, ежели есть соотвѣтствующія муж. на *ецъ* или *икъ*, удерживаютъ удареніе этихъ послѣднихъ.

6) Произведенныя отъ прилагательныхъ именъ съ окончаніемъ *ина* держатъ вообще удареніе на послѣднемъ слогѣ, наприм. *старина, новина, быстрина.*

7) Отглагольныя имена съ тою же наставкой носятъ удареніе на коренномъ слогѣ: *рытвина, зубрина, царапина.*

8) Отглагольныя имена, кончащіяся на *ея*, произносятся съ удареніемъ на послѣдней гласной: *швея, ворожея.*

II. Число слоговъ въ имени.

1) Двусложныя имена съ наставкою *окъ* или *ёкъ* передаютъ ей удареніе: *курокъ, конекъ* и т. д.

[433] 2) Такимъ же образомъ и окончаніе *ецъ* принимаетъ удареніе въ бо́льшей части двусложныхъ именъ: *свинецъ, отецъ, вѣнецъ.*

3) То же окончаніе въ бо́льшей части многосложныхъ именъ остается безъ ударенія: *черво́нецъ, упря́мецъ.*

4) Двусложныя имена на *ье* почти всегда имѣютъ удареніе на этомъ окончаніи: *питье, чутье, жилье.*

5) Такъ произносятся наконецъ двух- и трехсложныя имена съ приставкою *ко*: *ушко, гнѣдко, сѣрко, соловко́, воронко́.*

III. Присоединеніе къ наставкѣ дополнительнаго слога.

Имена мужескаго рода на *щикъ* и средняго на *ство* произносятся съ удареніемъ надъ этими наставками, когда передъ ними вставляется слогъ *ов* или *ев*, напр. *вѣстовщикъ, цѣновщикъ, колдовство, врачевство.*

IV. Гласная въ предшествующемъ слогѣ.

1) Звукъ *и* передъ наставкою *тель*, и гласная *е* передъ окончаніемъ *ніе* почти во всѣхъ случаяхъ присвоиваютъ себѣ удареніе: *правитель, строитель, правленіе, строеніе.*

2) Наставки: *ло, но* и *то* принимаютъ удареніе, когда въ предшествующемъ слогѣ находится гласная *е*: *весло, стекло, пшено, веретено, рѣшето.*

V. Соединеніе имени съ предлогомъ или съ другимъ именемъ въ одно слово.

1) Предлогъ *вы* передъ всякимъ первообразнымъ именемъ и передъ многими производными принимаетъ удареніе: *выводъ, выстрѣлъ, вылазка, выставка.*

2) Съ удареніемъ же произносится всякій другой предлогъ въ началѣ имени, кончащагося на *ъ*, какъ мужескаго, такъ и женскаго рода: *изгородь, навязень, пристань, утварь.*

[434] 3) Предложныя имена съ окончаніями *окъ, ышъ, ица, ина* носятъ удареніе на коренномъ слогѣ: *списокъ, просёлокъ, заморышъ, разладица, безхлѣбица, окраина, пробоина.*

4) Наставка *ецъ* въ составныхъ именахъ передаетъ удареніе предыдущему коренному слогу: *миротворецъ, живописецъ.*

5) То же замѣчается какъ въ составныхъ, такъ и въ предложныхъ именахъ средняго рода, кончащихся на *тіе*, напр. *кровопролитіе, прибытіе, прожитіе* [1]).

Здѣсь прибавимъ замѣчаніе, что вообще въ составныхъ именахъ у насъ удареніе принадлежитъ второму слову, напр. *честолю́біе, коново́дъ, самова́ръ, духобо́рецъ, сукнова́льня.* Исключеній очень мало: *бла́говѣстъ, по́лдень, по́лночь, по́лпиво, лѣ́топись, ко́новязъ, во́доросль* и другія т. п. имена женскаго рода на *ъ*, которыя, какъ и предложныя имена съ такимъ окончаніемъ, отбрасываютъ удареніе на первую изъ своихъ составныхъ частей.

VI. Значеніе именъ.

1) Уменьшительныя имена никогда не носятъ ударенія на окончаніи *икъ: до́микъ, соко́ликъ.*

2) Имена, кончащіяся на *ота*, произносятся съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, когда означаютъ отвлеченныя качества: *чистота́, красота́.*

3) Такъ же выговариваются имена съ наставкою *ина*, означающія качество, пространство и время: *круглина, глубина, старина.*

4) Наставка *ота* имѣетъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ въ именахъ, означающихъ болѣзненное состояніе или припадокъ: *ломота, перхота.*

5) Окончаніе *ина* (или множ. *ины*) произносится также съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ въ названіяхъ растеній или торжественныхъ случаевъ: *малина, калина; родины, крестины.*

[435] 6) Окончанія *ня* принимаетъ удареніе въ отглагольныхъ именахъ, означающихъ сильное или частое дѣйствіе: *возня, толкотня.*

7) Слогъ *ня* остается безъ ударенія въ именахъ помѣщеній, зданій и т. п.: *салотопня, сушильня, швальня.*

8) Имена ягодъ на *ика* имѣютъ постоянное удареніе: *черни́ка, брусни́ка.*

---

[1]) Вообще сложеніе словъ дѣйствуетъ на измѣненіе акцента: ср. напр. *морско́й* и *примо́рскій, давно́* и *неда́вно, Россі́я* и *Малоро́ссія,* а также сказанное выше, стр. 284—5.

Легко было бы еще увеличить число случаевъ, въ которыхъ обнаруживается вліяніе указанныхъ обстоятельствъ на произношеніе словъ: но я удовольствуюсь изложенными наблюденіями. Они достаточно доказываютъ, что какъ ни прихотливо повидимому русское удареніе, однакожъ языкъ, въ самомъ разнообразіи своей просодіи, чуждаясь безотчетнаго произвола или случайности, слѣдуетъ извѣстнымъ началамъ, которыя во множествѣ фактовъ доступны наблюденію и обличаютъ потребность ума человѣческаго подчиняться общимъ законамъ во всѣхъ безконечно-многообразныхъ явленіяхъ слова.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Впрочемъ *выздоровле́ніе*, какъ ясно видно изъ умягченія буквы *в*, происходитъ не отъ глагола *вы́здоровѣть*, а отъ неупотребительнаго *вы́здоровить*, какъ *явленіе* отъ *явить*. Форма *здоро́вить* есть въ языкѣ, но она обнаружилась только въ предложномъ глаголѣ *поздоро́виться* („отъ этого ему не поздоровится"), да еще въ славянскомъ *поздравить*. Производное имя отъ *выздоровѣть* было бы *выздоровѣніе*. Несовершенный видъ *выздара́вливать* могъ быть образованъ и отъ послѣдней формы глагола, какъ *разгавливаться* отъ *разговѣться*. Кстати замѣтимъ, что идея залога часто пропадаетъ въ отглагольныхъ именахъ дѣйствія или состоянія. Такъ напр. *ослабле́ніе* происходитъ отъ дѣйствит. [436] *осла́бить*, но можетъ означать и состояніе; такъ же точно нѣкоторыя имена этого образованія означаютъ не состояніе и не дѣйствіе, а конкретный предметъ, напр. *имѣніе*, *растеніе*, *варенье*.

2) Правописаніе *обручъ* (съ ъ на концѣ) было бы здѣсь не у мѣста, ибо рѣчь идетъ именно о словахъ съ окончаніемъ на *ь*. Вотъ еще одно изъ многихъ доказательствъ, что старинная орѳографія, по которой послѣ ж, ч, ш, щ въ концѣ именъ мужескаго рода писалось *ь*, была правильнѣе той, которая нынѣ взяла перевѣсъ и требуетъ въ такомъ случаѣ ера.

3) Продолжая свои изслѣдованія надъ именемъ *щёлокъ*, я убѣдился, что оно происходитъ отъ корня, въ которомъ, сходно съ свойствомъ означаемаго этимъ словомъ предмета, скрывается понятіе разложенія, раздѣленія. Дѣйствительно, тотъ же корень является у насъ въ словахъ *щель* (отверстіе, образовавшееся отъ раздвоенія, и *щелка́ть* (раздроблять со звукомъ). Въ послѣднемъ словѣ буква *к* есть уже придаточная къ корню: такова же она и въ имени *щелокъ*. Этотъ са-

мый корень встрѣчается и въ германскихъ языкахъ, и замѣчательно, что тамъ (какъ и у насъ глаголъ *щелкать*) происшедшія отъ него слова выражаютъ, сверхъ показаннаго понятія, еще и звукъ: древненѣм. schellen значитъ: *щеляться*, раздробляться, раздроблять, и также—звучать, издавать звонъ; швед. skilja—раздѣлять, разлучать, skall—звукъ. Но у насъ глаголъ *щелкать*, означая звукъ, произносится съ удареніемъ на первомъ слогѣ (*щёлкать*).

4) Для уясненія вопроса объ имени *войлокъ* я обращался къ академику Б. А. Дорну, и онъ указалъ мнѣ на татарское слово *ojlik*, какъ единственное, которое и по значенію и по звуку *могло бы* дать начало нашему *войлокъ. Ойликъ* означаетъ: чтó служитъ къ покрытію чего-либо; для покрытія же кибитокъ изстари употреблялся у татаръ войлокъ. Вотъ возможное соотношеніе обоихъ словъ, которое однакожъ не выдается за несомнѣнное.

5) Польское слово rysować перешло къ намъ конечно вмѣстѣ съ схоластическимъ ученіемъ изъ кіевскихъ школъ. Оно происходитъ отъ нѣмец. гл. reiszen, нѣкогда употреблявшагося въ [437] томъ же значеніи, или прямѣе отъ сущ. Riss—чертежъ, которое принято поляками только съ измѣненіемъ *i* на *y* (ы). У насъ оно извѣстно въ предложной формѣ—*абрисъ*. Независимо отъ этого поляки образовали еще имя rysunek, взявъ для него окончаніе изъ нѣмец. языка (ung), въ которомъ однакожъ подобнаго слова нѣтъ.

II.

О переходѣ ударенія существительныхъ именъ въ косвенныхъ падежахъ.

Переходъ ударенія во флексіяхъ существительныхъ именъ есть явленіе не общее въ нашемъ языкѣ. Съ этой стороны имена могутъ быть раздѣлены на имена съ подвижнымъ удареніемъ—назовемъ ихъ *гибкими*, и на имена съ удареніемъ неподвижнымъ—назовемъ ихъ *негибкими*. Само собою разумѣется, что здѣсь понятіе *гибкій* принимается совершенно въ условномъ, одностороннемъ значеніи, только въ отношеніи къ просодическому свойству слова.

Въ разсужденіи гибкости или негибкости своего ударенія наши существительныя имена подчиняются слѣдующимъ *общимъ* условіямъ:

а) *Гибкими* именами могутъ быть только тѣ, у которыхъ не болѣе 3-хъ слоговъ въ именительномъ падежѣ. Если же въ этой формѣ болѣе слоговъ, переходъ ударенія почти никогда не встрѣчается (*сковородá*, *скóвороду*—рѣдкое исключеніе).

б) Переходомъ удареній *большею частью* отличаются имена первообразныя и простыя.

в) Составныя имена всегда бываютъ *негибкими*, наприм. *водово́зъ, лѣтопись*.

г) Предложныя имена допускаютъ переходъ ударенія только при томъ условіи, чтобъ удареніе въ именительномъ падежѣ единственнаго числа было на предлогѣ, напр. *по́варъ, повара́; по́вѣсть, повѣсте́й; про́повѣдь, проповѣде́й*. Когда въ именительномъ [438] падежѣ единственнаго числа предлогъ не принимаетъ ударенія, то предложное имя не можетъ быть гибкимъ, напр. *заво́дъ, заво́ды; пригово́ръ, пригово́ры; посте́ль, посте́лей*.

д) Въ именахъ съ производственными окончаніями переходъ ударенія возможенъ почти исключительно только тогда, когда оно въ единственномъ числѣ на послѣднемъ слогѣ, напр. *столя́ръ, сто́ляра́; болту́нъ, болтуна́; пчела́, пчёлы; весло́, вёсла; письмо́, пи́сьма*. Впрочемъ изъ такихъ производственныхъ именъ съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ довольно гибки только имена мужескаго рода; въ именахъ женскаго и средняго съ производственными окончаніями подвижность ударенія составляетъ явленіе болѣе рѣдкое.

По отношенію къ *частнымъ* условіямъ перехода удареній имена должны быть размотрѣны по тремъ родамъ ихъ—мужескому, женскому и среднему.

А) Имена мужескаго рода.

1) Если мѣстный падежъ послѣ предлоговъ *въ* и *на* оканчивается не на *ѣ*, а на *у*, *ю*, то съ этимъ послѣднимъ окончаніемъ неразлучно удареніе, совершенно независимо отъ произношенія прочихъ падежей, наприм. *въ саду́, въ гробу́, на духу́, на берегу́, ввечеру́, въ раю́, въ строю́, въ корню́*. Замѣтимъ, что это окончаніе встрѣчается почти исключительно въ словахъ первообразныхъ, простыхъ и притомъ такихъ, у которыхъ въ именительномъ падежѣ не болѣе двухъ слоговъ, наприм. говорятъ *на ходу́*, но нельзя сказать *на проходу́* (т. е. когда *ходъ* соединилось съ предлогомъ); нельзя также сказать *въ колоколу́* (при трехъ слогахъ въ именительномъ падежѣ). Изъ предложныхъ именъ этому случаю могутъ подлежать только такія, которыя безъ предлога не употребительны, наприм. *о́ткупъ, по́гребъ,—на откупу́, въ погребу́*.

2) Оставляя въ сторонѣ этотъ особенный мѣстный падежъ, мы находимъ, что во всѣхъ другихъ косвенныхъ падежахъ единственнаго числа удареніе бываетъ однообразное, т. е. если одинъ [439] изъ нихъ принимаетъ удареніе, то принимаютъ его и прочіе, напр. *полкъ—а́,—у́, о́мъ, ѣ́*. Въ такомъ случаѣ и всѣ окончанія множественнаго числа являются съ удареніемъ: *полки́,—о́въ* и т. д.

3) Напротивъ, по ударенію множественнаго числа нельзя судить объ акцентѣ косвенныхъ падежей единственнаго, наприм. во множественномъ *сады́,—о́въ*, а въ единственномъ *са́да,—у*, и т. д.

4) Въ переходѣ ударенія во множественномъ числѣ встрѣчаются два случая:

Или оно падаетъ на окончанія всѣхъ падежей, наприм. *сады́,—о́въ,—а́мъ,—а́ми,—а́хъ; мужики́,—о́въ,—а́мъ,—а́ми,—а́хъ.*

Или оно, переходя на окончанія косвенныхъ падежей, остается неподвижнымъ въ именительномъ падежѣ, наприм. *зу́бы,—о́въ,—а́мъ,—а́ми,—а́хъ; во́ры,—о́въ; во́лки,—о́въ.*

Чѣмъ обусловливается каждое изъ всѣхъ приведенныхъ здѣсь явленій перехода ударенія въ именахъ мужескаго рода, опредѣлить очень трудно. Если бъ и удалось показать тутъ постоянные законы, то они были бы слишкомъ сложны и утонченны, а потому я удовольствуюсь замѣчаніемъ, что это относится наиболѣе къ именамъ односложнымъ, и постараюсь указать въ отношеніи къ нимъ только на тѣ случаи, когда удареніе остается неподвижнымъ, т. е. не переходитъ на окончанія. Это бываетъ:

а) Въ односложныхъ именахъ явно *отглагольныхъ*, особенно предложныхъ (съ предлогами *в-, вз-, с-*); *крикъ;—а,—у; и,—овъ; кликъ, искъ, вкладъ, входъ, вздохъ, вздоръ, сборъ, сводъ* и проч. Только слова *ходъ, садъ* и, можетъ быть, нѣкоторыя другія, означающія не дѣйствіе или состояніе, а предметъ, отступаютъ отъ этого закона; говорятъ: *ходы́,—о́въ, сады́,—о́въ* и проч. То же явленіе отсутствія ударенія на падежныхъ окончаніяхъ отглагольныхъ односложныхъ именъ обнаруживается еще болѣе въ единственномъ числѣ: *бредъ,—а; мигъ,—а; моръ,—а; пылъ,—а; ревъ,—а; ходъ,—а; садъ,—а.*

[440] б) Въ односложныхъ словахъ иностраннаго происхожденія, мало употребительныхъ, и вообще въ словахъ, не сдѣлавшихся народными или не встрѣчающихся во множественномъ числѣ: *докъ, мулъ, нервъ, флагъ, франтъ, хоръ; мракъ, адъ, воскъ, югъ.*

Если первоначально иностранное слово, употребительное и во множественномъ числѣ, гибко въ произношеніи, то значитъ, что народъ совершенно свыкся съ нимъ, вовсе забылъ его происхожденіе, напр. *врачъ,—а́, пажъ,—а́, дьякъ,—а́, крестъ,—а́, эта́жъ,—а́.*

Послѣднее замѣчаніе приводитъ насъ къ вопросу: не зависитъ ли степень гибкости слова отъ степени его употребительности и народности? Хотя положительный отвѣтъ на это и заключалъ бы въ себѣ выводъ слишкомъ общій, однакожъ въ немъ есть нѣкоторая доля истины. Наблюденія надъ словами всѣхъ разрядовъ показываютъ намъ, что чѣмъ болѣе въ нихъ жизненности, чѣмъ болѣе они усвоены народомъ, тѣмъ легче они подвергаются переходу ударенія, если только такому переходу не противятся другіе, болѣе сильные и постоянные законы языка.

Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ одинъ случай перехода ударенія, о которомъ я еще не говорилъ. Разумѣю принятіе именами

мужескаго рода въ прямомъ падежѣ множественнаго числа окончанія *а* или *я*. Съ этимъ окончаніемъ у нихъ удареніе связано такъ же необходимо, какъ съ гласною *у, ю* въ мѣстномъ падежѣ единственнаго числа, и всѣ прочіе падежи множественнаго числа при именительномъ на *á, я́* всегда удерживаютъ удареніе на томъ же мѣстѣ, напр. *повара́,—о́въ,—а́мъ* и проч. Окончаніе *á, я́* во множественномъ числѣ именъ мужескаго рода чрезвычайно распространено въ языкѣ—и, можно сказать, безпрерывно дѣлаетъ въ немъ новыя завоеванія. Поэтому вовсе не справедливо смотрѣть на него, какъ на окончаніе неправильное, и на имена, принимающія его, какъ на исключенія. Напротивъ, оно именамъ мужескаго рода столько же свойственно, какъ и среднимъ: между послѣдними найдется даже гораздо менѣе словъ съ ударяемымъ *а* во множественномъ числѣ, нежели между [441] именами мужескаго рода. И въ этомъ яснѣе всего является потребность народной фонетики посредствомъ ударенія рѣзко отмѣчать такіе слоги, которые должны служить какою-нибудь примѣтою и которые безъ этого отличія не довольно явственны въ произношеніи. Сравнимъ напр. слова: *по́вары, лѣкари*; и *повара́, лѣкаря́*: не гораздо ли яснѣе и рѣзче выразилась примѣта множественнаго числа въ послѣдней формѣ?

Для изслѣдованія случаевъ появленія окончаніе *á, я́* въ именахъ мужескаго рода, мы должны раздѣлить слова по числу слоговъ ихъ и разсмотрѣть:

Во-первыхъ, односложныя имена.

Окончаніе *á, я́*, невозможно въ тѣхъ односложныхъ словахъ, которыя и во множественномъ числѣ остаются односложными, наприм. въ словахъ: *ледъ, левъ, лобъ, ротъ, ровъ* (множ. *льды, львы, лбы* и т. д.).

Далѣе, оно невозможно и вообще тогда, когда въ единственномъ числѣ удареніе уже падаетъ на окончаніе флексіи; формы: *быка́, двора́, моста́* невозможны во множественномъ числѣ, потому что онѣ есть уже въ единственномъ. Итакъ первое условіе разсматриваемаго окончанія есть то, чтобъ оно дѣйствительно отличало множественное число отъ единственнаго. Таково въ самомъ дѣлѣ его свойство въ именахъ: *глаза́, бока́, рога́, дома́, мѣха́, года́, вѣка́, хлѣва́, вѣтра́* [1]), *края́*, у которыхъ въ родительномъ падежѣ единственнаго числа удареніе стоитъ на первомъ слогѣ. Другими словами, окончаніе *á, я́* можетъ становиться на мѣсто *ы, и* неударяемыхъ, но почти никогда не становится на мѣсто *ы, и*, имѣющихъ удареніе.

Въ именахъ *хлѣба́, цвѣта́, мѣха́* окончаніе *а* явилось только для

---

[1]) Эта форма множ. ч. слова *вѣтеръ* употребительна въ нашемъ флотѣ.—Нынче говорятъ уже и *счета́*, хотя въ предложныхъ именахъ такое окончаніе рѣдко.

отличія, по значенію, отъ формъ: *хлѣбы, цвѣты́, мѣхи́*; послѣднія два слова представляютъ рѣдкій случай встрѣчи въ [442] одномъ и томъ же имени окончаній *а́* и *ы, и́* съ удареніемъ: *цвѣта́* и *цвѣты́, мѣха́* и *мѣхи́*.

Во-вторыхъ, двусложныя имена (т. е. состоящія изъ двухъ слоговъ).

Двусложныя имена, которыя въ прямомъ падежѣ единственнаго числа имѣютъ удареніе *на послѣднемъ слогѣ*, всегда принимаютъ во множественномъ числѣ окончаніе *ы* или *и*. Исключеніе составляютъ только два слова: *рука́въ—ва́* и иностранное *обшла́гъ—га́*, которыя приняли такую форму, кажется, по аналогіи съ именами: *глаза́, рога́* и *бока́*, означающими также пару предметовъ (двойственное число). Но наприм. слова: *глаго́лъ, ковче́гъ, коро́ль, моро́зъ, овра́гъ, орёлъ, пиро́гъ, буква́ръ, кула́къ, боча́ръ, крику́нъ* оканчиваются во множеств. числѣ только на *ы* или *и*.

Окончаніе *а́, я́* свойственно только такимъ двусложнымъ именамъ мужескаго рода на *ъ*, которыя въ единственномъ числѣ носятъ удареніе *на первомъ слогѣ* и притомъ не имѣютъ какихъ-нибудь явныхъ въ концѣ наставокъ. Такъ имена *сто́ликъ, хло́покъ, мѣ́сяцъ, за́яцъ* и т. п., по причинѣ своего окончанія, не могутъ принимать такой формы множественнаго числа. Притомъ давность, употребительность слова въ этомъ числѣ составляетъ и здѣсь важное условіе для возможности окончанія *а́, я́*: такія имена какъ *и́долъ, гра́дусъ* не могутъ оканчиваться такимъ образомъ, потому что они сравнительно мало распространены въ вседневномъ быту. Употребительность же увлекла въ кругъ господства этого окончанія не только нѣсколько предложныхъ именъ, но и многія иностранныя.

Приведу прежде собственно-русскія простыя: *бе́регъ, ве́ртелъ, ве́черъ, во́лосъ, ве́редъ, вѣ́еръ, го́лосъ, го́родъ, жо́лобъ, жёрновъ, ко́нюхъ, ко́робъ, ку́зовъ, не́водъ, о́стровъ, по́ясъ, то́рмазъ, те́ремъ, сто́рожъ, хо́лодъ, ше́лепъ, че́репъ, я́стребъ* и др.

Предложный: *за́кромъ, о́бразъ, о́ткупъ, по́гребъ, по́варъ, по́логъ, по́трохъ, при́ставъ, про́мыслъ* и нѣкоторыя др.

Иностранныя: *вы́мпелъ, ва́хтеръ, вѣ́еръ, ге́тманъ, до́кторъ, ка́теръ, ки́веръ, ко́рпусъ, ку́полъ, ку́черъ, ле́кторъ. ло́цманъ, ма́клеръ, ма́стеръ, ми́чманъ, но́меръ, о́рденъ, па́русъ, ро́тмистръ, ру́поръ, те́норъ, фе́ршелъ, флю́геръ, фа́кторъ, фла́гманъ, фу́рманъ, це́нзоръ, ша́феръ, шки́перъ, шту́рманъ, шо́мполъ, ю́нкеръ* и др.

Дополнимъ этотъ списокъ именами на *ь*, замѣтивъ напередъ, что между ними лишь немногія чисто-русскія: *пе́карь, пи́сарь, лѣ́карь;* всѣ прочія иностраннаго происхожденія: *ве́ксель, ве́нзель, гри́фель, е́герь, кре́ндель, фли́гель, ште́мпель, ци́ркуль, я́корь* и др., которыя по большей части могутъ принимать во множ. числѣ окончаніе на *я́*.

Такимъ образомъ въ разрядѣ двусложныхъ именъ, принимающихъ во множественномъ числѣ окончаніе *á*, *я́*, оказывается даже болѣе иностранныхъ словъ, чѣмъ русскихъ. Разсматривая далѣе составъ именъ этого разряда, мы находимъ въ нихъ двѣ довольно общія черты:

1) Русскія слова, какъ коренныя, такъ и первообразныя съ производственными окончаніями, въ обоихъ слогахъ своихъ представляютъ по большей части либо одну и ту же гласную (*е*, *о*), либо двѣ однородныя (*о—а*, *о—е*, *е—я*), въ срединѣ же ихъ букву *р* или *л*: *бé-регъ*, *вéр-тель*, *чé-репъ*, *гó-родъ*, *хó-лодъ*, *óст-ровъ*, *кó-робъ*, *жёр-новъ* и т. д. (*берегá*, *вертелá* и проч.).

2) Почти всѣ иностранныя оканчиваются на *р*, *л*, твердое или мягкое съ предшествующими гласными *о* и *е*; есть между ними также нѣсколько именъ съ окончаніемъ *н* (*лоцманъ*, *орденъ* и др.).

Въ-третьихъ, трехсложныя имена.

Трехсложныхъ мужескихъ именъ, принимающихъ во множественномъ числѣ *á*, *я́*, вообще очень мало.

Тутъ мы встрѣчаемъ: 1) нѣсколько русскихъ словъ, отличающихся опять удареніемъ *на первомъ слогѣ* и образованіемъ своимъ, т. е. одинаковостью гласной во всѣхъ трехъ слогахъ; таковы: *кóлоколъ*, *óкорокъ* *пéрепелъ*, *тéтеревъ*; 2) нѣсколько иностранныхъ съ окончаніемъ *оръ* или *ель* и удареніемъ *на предпослѣднемъ слогѣ*: *ефрéйторъ*, *дирéкторъ*, *инспéкторъ*, *профéссоръ*, *фельдфéбель*, и наконецъ 3) небольшое число русскихъ именъ, означающихъ должности, съ производственнымъ окончаніемъ *тель*: [444] *учи́тель—я́*. Въ послѣднее время начали также говорить: *служителя́*, *смотрителя́*; но это еще не освящено общимъ употребленіемъ.

Во всѣхъ трехъ случаяхъ условіемъ для окончанія *á*, *я́* оказывается то, чтобы удареніе въ единственномъ числѣ не было на послѣднемъ слогѣ. Оно должно быть на первомъ или на среднемъ.

Четырехсложныя имена не употребляются съ этимъ окончаніемъ, напр. *репети́торъ*, *экзаминáторъ*, *визитáторъ*.

Это изслѣдованіе показываетъ намъ, что въ именахъ двух- и трехсложныхъ значеніе имѣетъ рѣдко вліяніе на принятіе ими разсматриваемаго окончанія. Прежде говорилось въ грамматикахъ, что изъ иностранныхъ именъ такъ склоняются преимущественно тѣ, которыя означаютъ какое-нибудь званіе; но мы, находя между ними много словъ совсѣмъ другого значенія (напр. *вѣеръ*, *куполъ*, *киверъ* *орденъ*), должны признать, что большое число личныхъ именъ, означающихъ званіе, составляетъ тутъ случайность, происходящую отъ ихъ окончанія *р*, *л*, охотно допускающаго за собою *á* и *я́* во множественномъ числѣ. Тѣмъ менѣе можно согласиться съ мнѣніемъ, будто формы *лéкторы*, *профéссоры*, *дирéкторы*, *учи́тели* благороднѣе, нежели

лектора́, профессора́, директора́, учителя́. Принимая предпочтительно слова *профессоры, учители,* мы должны быть послѣдовательны и говорить въ косвенныхъ падежахъ также: *профе́ссоровъ, учи́телей;* ибо формы *профессоро́въ, учителе́й* возможны только при именительномъ падежѣ *профессора́, учителя́.* Между тѣмъ въ косвенныхъ падежахъ никто уже не скажетъ напр. *профе́ссорами, учи́телями,* потому что тутъ окончанія далеко не такъ ясны, какъ если на нихъ ставится удареніе. Чѣмъ же и въ именительномъ падежѣ неударяемое *ы, и* лучше опредѣлительныхъ *а́* и *я́*, предпочитаемыхъ чуткимъ народнымъ слухомъ?

Въ заключеніе замѣтимъ, что нѣкоторыя имена во множественномъ числѣ исключительно оканчиваются на *а́, я́*; другія принимаютъ иногда и окончаніе *ы, и.* Здѣсь очень важно, что къ [445] первому разряду принадлежатъ названія самыхъ простыхъ предметовъ, наиболѣе извѣстныхъ и понятныхъ народу, напр. *бока́, глаза́, рога́, лѣса́, луга́, берега́, вечера́, города́, острова́, кучера́,* тогда какъ имена высшаго, болѣе духовнаго значенія терпятъ еще и книжное окончаніе, напр. *годы, вѣки, краи* (чужіе краи), *промыслы, авторы, цензоры, ректоры,* и еще обыкновеннѣе трехсложныя *директоры, профессоры.* Отмѣтимъ еще между двусложными именами слово *о́бразъ*, которое, смотря по *значенію*, принимаетъ во множественномъ числѣ двоякое окончаніе и этимъ становится въ одинъ разрядъ съ приведенными выше односложными словами: *хлѣбъ, цвѣтъ, мѣхъ,* оканчивающимися во множественномъ числѣ на *а́* только иногда, по требованію смысла.

Съ формою множественнаго числа *а, я* нѣсколько сходна другая, именно *ья.* Она встрѣчается въ двухъ различныхъ разрядахъ именъ мужескаго рода и обусловливается ихъ двоякимъ значеніемъ.

Окончаніе *ья* принимаютъ:

Во 1-хъ, такія имена (по большей части односложныя), которыя означаютъ предметы природы или домашняго быта, либо остроконечныя (мелкія или длинныя), либо круглыя и притомъ существующія или дѣлаемыя въ большомъ количествѣ; таковы: *крюкъ — чья, сукъ, клинъ, листъ, зубъ* (напр. у пилы), *колъ, брусъ, прутъ, стулъ, струпъ, пукъ, полозъ, копылъ, колосъ, коренъ, лоскутъ, черенъ, волдырь, пузырь, пупырь, клокъ, хлопъ, комъ, батогъ, ободъ, каменъ, уголъ.* Въ этихъ словахъ окончаніе множественнаго числа *ья* остается безъ ударенія, которое падаетъ на слогъ предшествующій. Только въ словѣ *уголъ* удареніе и во множественномъ числѣ остается на первомъ слогѣ.

Такъ же оканчиваются во множественномъ числѣ нѣкоторыя имена средняго рода, представляющія тѣ же особенности значенія: *перо, дерево, звено, колѣно, полѣно, крыло, шило, помело, дно (до́нья),* и даже два имени женскаго рода съ подобнымъ оттѣнкомъ заключающагося въ нихъ понятія: *дыра, щель (ды́рья, ще́лья).* Удареніе во множ. ч. опять на предпослѣднемъ слогѣ.

[446] Во 2-хъ, имена, означающія лица, которыя находятся между собою въ отношеніяхъ родственныхъ, гражданскихъ или сердечныхъ. Тутъ окончаніе *ья* иногда остается безъ ударенія: *бра́тья, холо́пья*, но чаще принимаетъ удареніе: *мужья́, зятья́, шурья́, князья́, дядья́, деверья́.* Въ послѣднемъ случаѣ передъ окончаніемъ *ья* вставляется въ нѣкоторыхъ именахъ еще слогъ *ов: сыновья́, кумовья́, зятевья́, сватовья́.*

Многія изъ именъ, принимающихъ во множественномъ числѣ окончаніе *ья*, могутъ также оканчиваться въ мужескомъ и женскомъ родѣ на *ы, и*, въ среднемъ на *а*, иногда съ перемѣною значенія, напр. *зубъ, мужъ, колѣно*, иногда съ сохраненіемъ того же значенія, напр. *листъ, волдырь, пузырь, дерево*, или съ уничтоженіемъ только оттѣнка собирательныхъ именъ большого числа предметовъ, напр. *крюкъ, пукъ, корень, камень, уголь.*

Въ склоненіи именъ муж. рода съ производственными окончаніями удареніе слѣдуетъ одному довольно общему закону. Если наставка, состоящая изъ гласной и согласной буквы (напр. *икъ, ачъ*), носитъ удареніе, то во флексіи это удареніе переходитъ на падежное окончеіе, въ противномъ случаѣ оно остается неподвижнымъ. Напримѣръ: *остря́къ,-ка́* и т. д.; *хвасту́нъ,-а́; мяте́жъ,-а́; кусо́къ,-ска́; знато́къ,-а́; коне́цъ,-нца́; голи́къ,-а́; ямщи́къ-а́; короты́тъ,-а́; креме́нь,-мня́; буква́рь,-я́.* Тому же закону слѣдуютъ имена съ приставкой *ей: руче́й,-чья́, солове́й,-вья́.*

И наоборотъ:

Ко́ршунъ,-а; пре́докъ,-дка; бра́тецъ,-тца; я́щикъ,-а; перево́дчикъ,-а; мя́кишъ,-а; па́рень,-рня; у́лей,-лья. Сюда же относятся и имена на *тель;* напр. *гада́тель, строи́тель* (кромѣ множественнаго числа словъ: *учи́тель, смотри́тель, служи́тель).*

Я назвалъ этотъ законъ довольно общимъ, потому что есть только двѣ наставки, при которыхъ онъ не всегда соблюдается, именно наставки *анъ* и *инъ: стака́нъ,-а; велика́нъ,-а* (только *каба́нъ* имѣетъ въ косвенныхъ падежахъ *кабана́*); *павли́нъ,-а.* Что [447] касается остальныхъ окончаній, то при нихъ отступленія отъ указаннаго закона очень рѣдки; такъ *госуда́рь,-я* и т. д. Есть случаи, которые съ перваго взгляда могутъ показаться исключеніями, но въ сущности не заслуживаютъ этого названія, потому что въ этихъ случаяхъ окончаніе не есть производственная наставка, напр. слова *овра́гъ,-а; драгу́нъ,-а; черто́гъ-а; хала́тъ,-а.* Эти слова не русскія [1]) и перешли къ намъ съ готовымъ окончаніемъ. Правда однакожъ, что иногда, несмотря на то, такое окончаніе подвергается тому же закону ударенія, какъ производственная наставка, напр. *оча́гъ,-а́* (тюркское слово); *каплу́нъ,-а́.* Вообще подобныя иностранныя имена представляютъ нѣкоторую неопредѣлен-

[1]) *Оврагъ* — готское; *драгунъ* — французское; *чертогъ, халатъ* — восточныя.

ность въ переходѣ ударенія, такъ что иногда въ одномъ и томъ же словѣ косвенные падежи произносятся различно, напр. говорятъ то *эта́жа*, то *этажа́*, что́ замѣчается и во множ. числѣ (*эта́жи* и *этажи́* и т. д.).

Въ словахъ *у́голъ, у́зелъ, у́горь* — удареніе переходитъ на окончаніе флексіи (*угла́, узла́, угря́*), но надо помнить, что въ нихъ наставка не изъ тѣхъ, о которыхъ рѣчь идетъ, или даже не есть собственно производственная наставка, и гласная только вставная: въ косвенныхъ падежахъ она пропадаетъ.

Б) Имена средняго рода.

Въ большей части первообразныхъ именъ средняго рода и въ нѣкоторыхъ производныхъ (на *ло, мо, но, ѣе*) замѣчательна та особенность, что единственное число по ударенію отличается отъ множественнаго, и именно:

Въ двусложныхъ словахъ удареніе съ перваго слога переходитъ во множественномъ числѣ на второй, и наоборотъ со втораго на первый, напр. *сло́во, слова́; дѣ́ло, дѣла́; мо́ре, моря́; по́ле, поля́; се́рдце, сердца́; весло́, вёсла; стекло́, стёкла; село́, сёла; окно́, о́кна; копьё, ко́пья; кольцо́, ко́льца; лицо́, ли́ца.* Замѣтимъ однакожъ, что первый случай встрѣчается въ языкѣ гораздо рѣже, нежели второй.

[448] Въ трехсложныхъ словахъ переходъ ударенія бываетъ обыкновенно съ перваго слога на третій, напр. *о́блако, облака́; о́зеро, озера́; зе́ркало, зеркала́; де́рево, дерева́*, или на средній: *о́зеро, озёра*, и съ третьяго слога на второй: *колесо́, колёса; волокно́, воло́кна; полотно́, поло́тна.* Въ четырехсложномъ *веретено́* — съ 4-го на 3-й: *веретёна.*

Въ этихъ случаяхъ всего яснѣе выражается наклонность языка соединять съ удареніемъ цѣль отличенія понятій единства и множества предметовъ при одинакомъ окончаніи въ падежахъ обоихъ чиселъ.

Трехсложныя имена съ удареніемъ на среднемъ слогѣ единственнаго числа, также и четырехсложныя, всегда удерживаютъ то же удареніе и во множественномъ числѣ: *копы́то, коры́то, полѣ́но, боло́то, полоте́нце.*

Имена съ производственными окончаніями *анье, янье, енье, тье, ило* принадлежатъ къ разряду негибкихъ, напр. *жела́ніе, ку́шанье, гуля́нье, пла́тье, пра́вило, прави́ло*, и проч.

В) Имена женскаго рода.

Различіе между единственнымъ и множественнымъ числомъ по ударенію свойственно и именамъ женскаго рода, но въ гораздо меньшей степени, нежели среднимъ.

Когда въ именахъ женскаго рода съ окончаніемъ *а* или *я* удареніе у двусложныхъ на первомъ слогѣ, а у трехсложныхъ на сред-

немъ, то оно во множественномъ числѣ никогда не переходитъ на другое мѣсто: *би́тва, и́скра, жа́ба, карти́на, забо́та, зано́за.*

Переходъ ударенія въ подобныхъ словахъ возможенъ только тогда, когда оно на послѣднемъ слогѣ, тогда оно во множественномъ числѣ можетъ перемѣщаться на первый слогъ, напр. *вдова́, вдо́вы; возжа́, во́зжи; гора́, го́ры; скала́, ска́лы; доска́, до́ски; борода́, бо́роды; голова́, го́ловы; полоса́, по́лосы; середа́, се́реды; сковорода́, ско́вороды.*

Хотя этотъ переходъ ударенія не составляетъ общей [449] принадлежности всѣхъ подобныхъ именъ, однакожъ можно сказать, что ему подлежитъ большая часть женскихъ двусложныхъ именъ, у которыхъ въ единственномъ числѣ удареніе на послѣднемъ слогѣ.

Но это явленіе у двусложныхъ именъ иногда отличаетъ только именительный падежъ множественнаго числа, напримѣръ въ словѣ *гора́, го́ры,* и напротивъ — *гора́мъ, гора́ми, гора́хъ;* иногда же оно принадлежитъ всѣмъ падежамъ множественнаго числа: *и́гры, и́грами, жо́ны, жо́намъ.* Этотъ послѣдній случай рѣже. Часто въ косвенныхъ падежахъ множественнаго числа возможны оба ударенія, наприм. *слёзамъ* и *слеза́мъ, ска́лами* и *скала́ми.* Разборъ частностей въ этомъ случаѣ не привелъ бы насъ ни къ какому положительному результату.

Такимъ образомъ въ именахъ женскаго окончанія нѣтъ того однообразія удареній во всѣхъ падежахъ одного числа, какое замѣчается въ именахъ средняго рода.

Переходъ ударенія со 2-го и 3-го слога на 1-й у женскихъ именъ бываетъ иногда и въ винительн. пад. един. числа, напр. *доска́, до́ску; вода́, во́ду; гора́, го́ру; голова́, го́лову;* но и на это нелегко отыскать опредѣлительный законъ. Другіе падежи единственнаго числа по ударенію всегда бываютъ сходны съ именительнымъ.

У трехсложныхъ, переносящихъ въ именительномъ падежѣ множественнаго числа удареніе съ 3-го слога на 1-й, и прочіе падежи этого числа принимаютъ его по однообразному закону: *борода́, бо́роды, боро́дъ, борода́мъ; голова́, го́ловы, голо́въ, голова́мъ* и проч. Сходны съ ними по ударенію два четырехсложныя: *сковорода́, ско́вороды, сковоро́дъ, сковорода́мъ* и предложное, употребительное только во множественномъ числѣ: *по́хороны, похоро́нъ, похорона́мъ* и проч.

Имена женскаго рода съ наставками не измѣняютъ своего ударенія. Исключеніе составляютъ лишь немногія имена, кончащіяся на *ота́, ина́,* которыя во множ. ч. перемѣщаютъ удареніе на предпослѣдній слогъ: *красота́, красо́ты; высота́, высо́ты;* [450] *сѣдина́, сѣди́ны.* Отъ *сирота́* образуютъ множ. ч. двояко: *сиро́ты* и *си́роты,* но послѣднее не можетъ быть одобрено.

Г) Имена мужескаго и женскаго рода на ь.

Мужескія имена на ъ, съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, *почти* всегда переносятъ это удареніе на падежное окончаніе, напр. *кошéль, я́; костыль, я́; пузырь, я́; монастырь, я́; ломóть, мтя́; кремéнь, мня́; ковыль, я́; фонáрь, я́.* Это удареніе сохраняетъ свое мѣсто и во всѣхъ прочихъ падежахъ обоихъ чиселъ. Сюда же относятся имена, кончащіяся на шипящія буквы, не исключая и большей части односложныхъ: *ножъ, ножá; мечъ, мечá; кули́чъ, куличá; шалáшъ, шалашá; клещъ, клещá; плащъ, плащá.* Въ словѣ *мужъ* удареніе переходитъ на придаточный слогъ только въ косвенныхъ падежахъ множ. числа. — Само собою разумѣется, что здѣсь не можетъ быть рѣчи объ именахъ съ окончаніемъ *тель.*

Въ именахъ женскаго рода на ъ замѣчаются два общія явленія:

1) Удареніе прямой формы не измѣняется въ единственномъ числѣ и остается на томъ же мѣстѣ въ именительномъ падежѣ множественнаго числа, напр. *дань, и; пóвѣсть, и; постéль, и.* Только въ мѣстномъ падежѣ един. числа у многихъ именъ, послѣ предлоговъ *въ* и *на,* удареніе переносится на окончаніе *и,* наприм. *въ крови́, въ ночи́, на степи́, на мели́, на лошади́, на площади́.* Въ этомъ случаѣ женское окончаніе *и́* совершенно соотвѣтствуетъ мужескому *у́* въ томъ же падежѣ и послѣ тѣхъ же предлоговъ. Здѣсь кстати упомянуть о неправильности, которая по аналогіи съ мѣстнымъ падежемъ вкралась въ склоненіе подобныхъ именъ. Обыкновенно говорятъ не только: *въ Твери́, въ Перми́, на Руси́,* но также *изъ Твери́, изъ Перми́, съ Руси́,* чтó совершенно неправильно; слѣдуетъ говорить: *изъ Твéри, изъ Пéрми, съ Рýси,* какъ говорятъ *изъ крóви, до двéри,* а не *изъ крови́, до двери́.*

2) Въ двусложныхъ именахъ съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ это удареніе не измѣняется и въ косвенныхъ падежахъ множественнаго числа: *свирѣль, ей; гортáнь, ей; печáль, ей;* [451] *болѣзнь, ей; мозóль, ей.* Когда выпадаетъ гласная съ удареніемъ, то оно переходитъ на падежное окончаніе *любóвь, любви́.*

3) Напротивъ въ односложныхъ именахъ и особенно въ двухсложныхъ и трехсложныхъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ, это удареніе часто переходитъ въ косвенныхъ падежахъ множественнаго числа на окончаніе: *вѣсть, éй; честь, éй; власть, éй; кость, éй; дверь, éй; печь, éй; тѣнь, éй; крѣпость, éй; лóшадь, éй; скáтерть, éй; пóвѣсть, éй; вѣдомость, éй; прóповѣдь, éй.*

Настоящее разсмотрѣніе показываетъ, что хотя и нельзя теоретически опредѣлить всѣхъ частныхъ видоизмѣненій перехода ударенія въ склоненіи именъ существительныхъ, однакожъ и это явленіе подчинено извѣстнымъ условіямъ, зависящимъ: 1) отъ числа слоговъ

имени; 2) отъ производства его и образованія; 3) отъ степени его употребительности; 4) отъ мѣста ударенія въ прямой формѣ единственнаго числа, и 5) отъ логическаго стремленія языка къ опредѣлительности окончаній.

Сравнивая эти выводы съ тѣми, какіе были сдѣланы мною при разсмотрѣніи глаголовъ съ подвижнымъ удареніемъ, можно уже позволить себѣ заключеніе, что вообще къ переходу удареній наиболѣе способны у насъ слова простыя, первообразныя, выражающія понятія, близкія народу, и потому слова самыя употребительныя, не мудреныя, обиходныя.

III.

[452] По поводу нѣмецкой брошюры о русскомъ удареніи.

Die Lehre vom russischen Accent. Mit Rücksicht auf die Accentuationssysteme verwandter Sprachen bearbeitet von *Dr. L. Kayssler.* (Ученіе о русскомъ акцентѣ, сравнительно съ системами ударенія родственныхъ языковъ, обработанное *докторомъ Л. Кайслеромъ.* Берлинъ, 1866 г., мал. 8 д. л., 97 стр.).

1868.

Книжечка эта во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія. Прежде всего мы не можемъ не порадоваться, что нашелся ученый, хотя и не единоземецъ нашъ, который, оцѣнивъ всю важность изслѣдованія мало разработанной стороны языка, рѣшился посвятить русскому ударенію особый трудъ. Въ нашемъ филологическомъ мірѣ до сихъ поръ, кажется, еще недостаточно утвердилось убѣжденіе въ многозначительности ударенія при всѣхъ проявленіяхъ законовъ языка. Въ другихъ литературахъ такое положеніе дѣла уже измѣнилось къ лучшему. „Долго“, говоритъ г. Кайслеръ въ своемъ предисловіи, „на удареніе смотрѣли какъ на весьма маловажный въ языкѣ элементъ, хотя уже древній грамматикъ Діомедъ называлъ его душою рѣчи. Только въ новѣйшее время оно стало обращать на себя болѣе вниманія. Бушманъ изслѣдовалъ (1832) англійское удареніе; Гэттлингъ (1835) греческое, Гумбольдтъ—во введеніи къ труду своему о языкѣ Кави (1836) — высказалъ остроумныя замѣчанія о сущности акцента; Бэтлингъ занялся въ первый разъ (1843) удареніемъ санскрита, а Боппъ, опираясь на его приготовительныя работы, сравнилъ (1853) санскритскій языкъ съ греческимъ, [453] литовскимъ и отчасти русскимъ, при чемъ показалъ удивительное во многихъ случаяхъ сходство. Между тѣмъ Бенлэвъ (1847) изслѣдовалъ относительно ударенія цѣлую область индо-европейскихъ языковъ“ (за изъятіемъ, къ сожа-

лѣнію, славянскихъ нарѣчій) „и установилъ теорію, которую впослѣдствіи онъ вмѣстѣ съ Вейллемъ старался еще болѣе утвердить въ примѣненіи къ латинскому. Но вопросы, такимъ образомъ возбужденные, еще далеко не рѣшены окончательно.—Г. Кайслеръ надѣется, что трудъ его послужитъ началомъ матеріала, который необходимо собрать, прежде нежели можно будетъ вполнѣ уразумѣть сущность разнообразнаго русскаго ударенія. Но главная цѣль брошюры—практическая. Авторъ желаетъ доставить облегченіе изучающему языкъ на практикѣ, „дать ему путеводную нить въ хаосѣ русскаго ударенія и показать, что есть границы трудностямъ". Онъ имѣлъ въ виду представить особенно подвижность русскаго ударенія въ склоненіяхъ и спряженіяхъ; книжка его должна составлять дополненіе къ изданнымъ до сихъ поръ русскимъ грамматикамъ, которыя всѣ, какъ онъ замѣчаетъ, съ пренебреженіемъ относятся къ ударенію.—Какими же средствами располагалъ для этого г. Кайслеръ и въ какой мѣрѣ достигъ онъ своей цѣли?

Въ самомъ началѣ своего предисловія онъ жалуется, какъ трудно иностранцу усвоить себѣ въ русскомъ языкѣ правильное удареніе, и сожалѣетъ, что русскія книги давно уже печатаются безъ означенія выговора въ этомъ отношеніи. Мало знакомый съ живымъ русскимъ языкомъ, почтенный авторъ могъ положить въ основаніе своихъ наблюденій только словари и грамматики, да показанія немногихъ лицъ, знающихъ языкъ практически, къ которымъ онъ обращался за справками. Изъ русскихъ грамматиковъ Востоковъ болѣе другихъ останавливается на удареніи, и потому понятно, что г. Кайслеръ преимущественно пользовался его указаніями. Что касается нашихъ посильныхъ опытовъ по тому же предмету, нѣсколько лѣтъ тому назадъ напечатанныхъ въ Изданіяхъ Академіи наукъ и воспроизведенныхъ выше въ [454] настоящемъ сборникѣ, то они остались неизвѣстны автору разбираемой брошюры [1]).

Брошюра эта состоитъ изъ восьми отдѣловъ, которые озаглавлены слѣдующимъ образомъ:

1) Общія начала ученія объ акцентѣ.
2) Общая характеристика русскаго ударенія.
3) Удареніе въ склоненіи существительныхъ.
4) Удареніе прилагательныхъ.
5) Удареніе глаголовъ.
6) Удареніе въ словообразованіи.
7) Энклизисъ.
8) Списокъ подобозвучныхъ словъ, отличаемыхъ удареніемъ.

Въ первой главѣ показано, какъ смотрятъ на удареніе вообще

---

[1]) На это уже было указано въ *Slavisches Centralblatt* 1866, № 50, гдѣ помѣщенъ небольшой разборъ книжки г. Кайслера.

нѣкоторые западные филологи, именно Бернгарди, Вильгельмъ Гумбольдтъ, Бенлэвъ и Боппъ. „Въ слогѣ“, говоритъ Гумбольдтъ, „можно различать три фонетическія свойства: особенный его звукъ, количество и удареніе. Первыя два свойства опредѣляются самымъ существомъ слога и составляютъ какъ бы тѣлесный его видъ; удареніе же зависитъ отъ свободы говорящаго, имъ сообщается звуку и составляетъ въ немъ пришлую силу, какъ бы чужой духъ, въ него вдыхаемый. Оно носится надъ составомъ рѣчи, какъ особенное начало, болѣе одушевленное, чѣмъ языкъ въ веществѣ своемъ, и составляетъ непосредственное выраженіе того вѣса, какимъ лицо говорящее хочетъ заклеймить произносимую рѣчь и каждую часть ея. Самъ по себѣ всякій слогъ способенъ имѣть на себѣ удареніе. Когда же его получаетъ только одинъ изъ нѣсколькихъ, то прочіе, непосредственно его сопровождающіе, остаются безъ ударенія, если только говорящій не захочетъ нарочно придать силу которому-нибудь изъ нихъ. Это повышеніе голоса на одномъ слогѣ и пониженіе на другихъ первому даетъ перевѣсъ, заставляетъ примыкать къ нему выговоръ остальныхъ и тѣмъ смыкаетъ ихъ въ ритмическое [455] цѣлое. Оба эти явленія — отсутствіе ударенія на однихъ слогахъ и совокупленіе ихъ силою ударенія на другомъ — необходимо условливаютъ другъ друга: за однимъ само собою непосредственно слѣдуетъ другое. Такъ съ удареніемъ происходитъ совокупленіе слова въ единицу. Самостоятельнаго слова нельзя и представить безъ ударенія, и каждое слово можетъ имѣть только одно удареніе. Удареніе больше всякаго другого свойства языка подлежитъ двоякому вліянію: со стороны значенія рѣчи и со стороны метрическаго свойства звуковъ. Первоначально и въ своемъ истинномъ видѣ оно, безспорно, зависитъ отъ перваго“ [1]). Не отвергая этого взгляда, г. Кайслеръ находитъ его однакожъ идеалистическимъ и отдаетъ преимущество мнѣнію Бенлэва [2]), который между прочимъ утверждаетъ, „что первоначально мѣстомъ ударенія было послѣдне-опредѣляющее (das letzt Bestimmende), то есть, та часть слова, которая сообщала значенію послѣднее видоизмѣненіе. Но противъ этого начала, уже и прежде заявленнаго Бенфеемъ, возстаетъ Боппъ, полагающій законъ санскритскаго ударенія въ томъ, что дальнѣйшее разстояніе акцента отъ конца слова считается благороднѣйшимъ и сильнѣйшимъ удареніемъ, законъ, который онъ признаетъ и въ греческомъ языкѣ, насколько это возможно при извѣстномъ свойствѣ этого языка, не позволяющемъ ставить акцентъ выше третьяго слога съ конца. Такъ какъ русскій языкъ по свободѣ ударенія подо-

---

[1]) „О различіи организмовъ человѣческаго языка“, перев. Билярскаго. Спб. 1859, стр. 151, 152.

[2]) Louis Benlœw. De l'accentuation dans les langues indo-européennes. Paris 1847.

бенъ санскритскому, то, по мнѣнію автора брошюры, сказанный законъ ударенія относится и къ русскому. Въ этомъ взглядѣ г. Кайслеръ какъ нельзя болѣе ошибается, не замѣчая, что только теоріи, извлеченныя изъ самыхъ общихъ свойствъ ударенія, какъ напримѣръ теорія Гумбольдта, примѣнимы и къ нашему языку; тѣ, напротивъ, которыя основываются на частныхъ наблюденіяхъ надъ тѣмъ или другимъ языкомъ, большею частью не пригодны для русскаго.

[456] Неоспоримо общее положеніе Боппа относительно трехъ системъ ударенія. Первая — логическая, которой слѣдуютъ языки германскіе, гдѣ удареніе падаетъ преимущественно на коренной слогъ слова; вторая — ритмическая, которая постоянно ставитъ акцентъ на слогѣ, занимающемъ опредѣленное въ составѣ слова мѣсто (какъ въ языкахъ финскомъ, мадьярскомъ и чешскомъ, ударяющихъ на первый слогъ, и въ польскомъ, ударяющемъ на предпослѣдній); третья — свободная или грамматическая (не лучше ли фонетическая?) система, которою отличаются санскритъ и, съ нѣкоторыми ограниченіями, греческій языкъ. Она свойственна также русскому и родственному съ славянскими нарѣчіями литовскому языку.

Въ русскомъ языкѣ, говоритъ г. Кайслеръ въ началѣ 2-й главы своей книжки, удареніе не связано ни съ какимъ опредѣленнымъ мѣстомъ слова и не зависитъ даже отъ вліянія *долготы* (количества), потому что или эта послѣдняя въ русскомъ вовсе не принимается въ расчетъ, или чутье къ ней до такой степени пропало, что нѣтъ рѣшительно никакого протяженія въ слогахъ и всѣ они имѣютъ совершенно одинаковую долготу. Отъ этого по необходимости происходитъ, что въ русскомъ языкѣ возможенъ только одинъ родъ акцента — острый. Распространяя высказанное здѣсь замѣчаніе объ отсутствіи долготы въ русскомъ на *всѣ* славянскіе языки, авторъ брошюры опять ошибается. Извѣстно, что чешскій составляетъ въ этомъ отношеніи изъятіе. Приведемъ здѣсь слова уважаемаго чешскаго филолога Шумавскаго [1]): „Каждый языкъ представляетъ и количество и удареніе, но въ нѣкоторыхъ то и другое такъ слились, что человѣкъ, знакомый только съ однимъ такимъ языкомъ, не можетъ и представить себѣ, чтобы каждая изъ обѣихъ принадлежностей могла существовать сама по себѣ. Почти у всѣхъ славянъ долгота (протяженіе) слилась съ удареніемъ; только у чеховъ одно благозвучно держится рядомъ съ другимъ (не то, что одно въ другомъ). Если я говорю [457] zdráva, то произношу удареніе, сросшееся съ долготой; когда же говорю zdravá, то уже на первомъ слогѣ акцентъ, на второмъ — долгота. У насъ, чеховъ, удареніе всегда на первомъ слогѣ, и потому намъ не нужно означать его; напротивъ, долгота, которая очень подвижна,

[1]) „Slovo o řecké mluvnici, od I. F. Šumavského", стр. 3 и 4.

должна быть означаема. У русскихъ удареніе чрезвычайно разнообразно; долгота всегда соединена съ нимъ".

Взглядъ г. Шумавскаго относительно русскаго языка совершенно согласенъ и съ нашимъ, уже прежде выраженнымъ мнѣніемъ [1]), что ударяемый слогъ почти всегда бываетъ и нѣсколько протяжнѣе прочихъ [2]). Это чувствуется особенно тогда, когда на слово падаетъ логическое удареніе. Возьмемъ для примѣра стихи Пушкина.

„Я помню *чудное* мгновенье:
Передо мной явилась *ты*,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты".

Не ясно ли, что въ первыхъ двухъ стихахъ слова́, отмѣченныя курсивомъ, должны произноситься протяжнѣе остальныхъ? Но такъ произносится не цѣлое слово *чудное*, а только тотъ слогъ его, на которомъ лежитъ удареніе. Въ остальныхъ же двухъ стихахъ, правда, нѣтъ словъ, требующихъ особенно протяжнаго выговора; тѣмъ не менѣе и тамъ слоги ударяемые произносятся нѣсколько медленнѣе прочихъ. Отъ умѣнья выбирать слово, которое должно быть отмѣчено логическимъ удареніемъ, зависитъ главнымъ образомъ самое искусство чтенія.

Но различіе протяженія слоговъ въ русскомъ языкѣ этимъ не ограничивается: хотя слогъ безъ ударенія и не можетъ быть долгимъ, однакожъ не всѣ слоги неударяемые равны между собою по степени краткости. Это сдѣлается совершенно яснымъ, если мы пріищемъ два такія слова, въ которыхъ одному и тому же слогу придется стоять то послѣ, то прежде ударяемаго.

[458] Таковы, напримѣръ, слова: *мыш-ка* и *ка-мышъ;* для повѣрки, одинаково ли долгъ слогъ *ка* въ обоихъ этихъ словахъ, будемъ произносить каждое изъ нихъ нѣсколько разъ сряду:

Мыш-ка- мыш-ка- мыш-ка- мыш-ка.
Ка-мыш- ка-мыш- ка-мыш- ка-мышъ.

Читая первую строку, мы увидимъ, что въ ней слогъ *ка* слишкомъ коротокъ для слова *камышъ;* читая же вторую строку, убѣдимся, что тутъ слогъ *ка* слишкомъ долгъ для слова *мышка*.

Тотъ же результатъ получимъ, произведя такой опытъ надъ словами *ра́но* и *нора́*, *тёлка* и *котёлъ то́поль* и *пальто́*, или надъ трехсложнымъ словомъ *засло́нка* и соотвѣтствующими ему двумя словами: *коза́ слонъ*.

---

[1]) См. выше, стр. 290 сл.

[2]) Ломоносовъ не вполнѣ былъ неправъ, когда онъ сказалъ: „Въ россійскомъ языкѣ тѣ только слоги долги, надъ которыми стоитъ сила, а прочіе всѣ коротки" *(Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства)*. Въ первой половинѣ этого замѣчанія слѣдовало бы только прибавить слова̀ *могутъ быть*.

Многократное повтореніе ихъ покажетъ, что слогъ *ка* или *ко* безъ ударенія имѣетъ въ обоихъ случаяхъ неравную степень краткости. Изъ всѣхъ подобныхъ примѣровъ оказывается, что когда слогъ съ неударяемымъ *а* или *о* слѣдуетъ за удареніемъ, то онъ въ произношеніи бываетъ короче, нежели когда стоитъ впереди.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что общепринятое мнѣніе о совершенномъ равенствѣ русскихъ слоговъ въ отношеніи къ долготѣ подлежитъ нѣкоторому ограниченію.

Останавливаясь на свободѣ русскаго ударенія по мѣсту его, г. Кайслеръ выбираетъ для примѣра древній, распространенный по всѣмъ почти индо-европейскимъ языкамъ корень *вѣд*, и показываетъ, что удареніе можетъ стоять на всѣхъ составныхъ частяхъ слова:

а) на *корнѣ:*
вѣдать, вѣдомо, увѣдомить, извѣстіе;

б) на *окончаніи:*
увѣдомля́ть, заповѣдно́й, вѣстово́й, извѣсти́ть;

в) на *предлогѣ:*
вы́вѣдать, за́повѣдь, по́вѣсть;

г) на *представкѣ:*
бла́говѣстить.

[459] „Этотъ примѣръ“, замѣчаетъ авторъ, „заимствованъ изъ словопроизведенія. Но русское удареніе такъ же свободно въ склоненіи и спряженіи... Очевидно, что эта свобода проистекла изъ того понятія, что различныя составныя части слова имѣютъ равную цѣнность (einen gleichen Werth) и что удареніе зависитъ отъ другихъ условій, а не отъ идеальной оцѣнки (von der ideellen Werthschätzung) слоговъ. Впрочемъ“, прибавляетъ онъ, „надобно тотчасъ же замѣтить, что въ настоящемъ состояніи языка большинство русскихъ существительныхъ утратило подвижность ударенія“.

Съ послѣднимъ взглядомъ трудно согласиться. Произношеніе, какъ составляющее самую живую и живучую сторону языка, менѣе всѣхъ прочихъ стихій его подвержено измѣненію. Конечно, у насъ нѣтъ никакихъ средствъ для сравненія нынѣшняго выговора въ отношеніи къ акценту съ тѣмъ, какой господствовалъ въ древнемъ народномъ языкѣ; но, судя по тому, ка́къ еще и въ наше время подвижно удареніе въ коренныхъ и первообразныхъ русскихъ словахъ, мы не имѣемъ основанія думать, чтобъ эта подвижность была гораздо значительнѣе въ древности. Что же касается менѣе отдаленнаго отъ насъ періода, когда на́чалъ развиваться русскій письменный языкъ, то мы не замѣчаемъ съ того времени большихъ перемѣнъ въ удареніи словъ; но и тѣ, которыя замѣчаемъ, ведутъ къ совершенно противоположному заключенію, то есть, что въ письменномъ языкѣ, по примѣру народнаго, подвижность ударенія усиливается. Нѣкоторыя невѣрныя ударенія, которыя

допускались нашими старинными стихотворцами, начиная отъ Ломоносова, и которыя осмѣивались ихъ современниками, особенно Сумароковымъ, остаются невѣрными и смѣшными еще и теперь (напримѣръ *быстро́* вм. *бы́стро)* [1]). Правда, что такъ какъ языкъ въ позднѣйшую эпоху своего развитія обогащается по большей части второобразными словами (напримѣръ именами, оканчивающимися на *ніе, ность, ство, тель*, или предложными [460] глаголами), то значительная часть новыхъ словъ является безъ подвижного ударенія. Но съ другой стороны, подвижное удареніе, какъ принадлежность по преимуществу народнаго языка, болѣе и болѣе вторгается въ языкъ литературный по мѣрѣ того, какъ этотъ послѣдній обогащается заимствованіями изъ перваго. Такъ, еще Ломоносовъ ввелъ *лѣта́* (множ. число) вмѣсто *лѣ́та*, на что̀ несправедливо жаловался Сумароковъ, воображая, что это взято изъ малороссійскаго нарѣчія [1]). Подобно тому и въ наше время стали писать согласно съ произношеніемъ просторѣчія: *учителя́, профессора́*, вмѣсто: *учи́тели, профе́ссоры*, что̀ прежде считалось единственно правильнымъ въ книжномъ языкѣ. Въ 18-мъ вѣкѣ всѣ писали: *во́йски, вѣ́ки*, а теперь пишутъ: *войска́, вѣка́.*

По поводу своего замѣчанія о свободѣ русскаго ударенія, г. Кайслеръ сравниваетъ русскій языкъ съ литовскимъ и приходитъ къ тому выводу, что послѣдній какъ богатствомъ формъ, такъ и разнообразіемъ акцента значительно превосходитъ первый. Предоставляя повѣрку этого мнѣнія знатокамъ литовскаго языка, къ которому авторъ и далѣе не разъ обращается для сравненія, остановимся только на томъ, что̀ прямо относится къ главному предмету книжки.

Въ отношеніи къ вопросу о ходѣ развитія ударенія авторъ продолжаетъ: „Обстоятельство, что новыя слова, какъ бы искусственно образованныя посредствомъ производственныхъ окончаній и сложеній, имѣютъ неподвижное удареніе, заставляетъ предполагать, что въ самомъ отдаленномъ періодѣ языка подвижность акцента была общимъ явленіемъ; но есть многія, несомнѣнно весьма древнія слова, не имѣющія подвижного ударенія“. Ясно, что послѣднимъ замѣчаніемъ опрокидывается только-что высказанное предположеніе, составляющее основную мысль всей книжки. Такъ же произвольны заключенія автора о постепенномъ ослабленіи энергіи ударенія, выводимыя изъ того, что въ нѣкоторыхъ именахъ женскаго рода оно переходитъ съ послѣдняго на средній [461] слогъ, а не на первый, какъ въ другихъ словахъ древнѣйшаго образованія, — что напримѣръ говорятъ: *остро́ту; остро́ты*, не такъ какъ въ словѣ *сковорода́*, гдѣ удареніе въ извѣстныхъ падежахъ перескакиваетъ на первый слогъ, такъ что произно-

---

[1]) Соч. Сумарокова, ч. X, стр. 76 и 90, и *Москвитянинъ* 1842, № 1, стр. 148.
[1]) Соч. Сумар., ч. X, стр. 26.

сятъ: *ско́вороду, ско́вороды*. Мы уже видѣли, что, г. Кайслеръ, руководствуясь сужденіемъ Боппа о санскритѣ, приписываетъ такому ударенію и въ русскомъ языкѣ значеніе особеннаго достоинства и энергіи; но при этомъ онъ не обратилъ вниманія на то, что переносъ ударенія съ третьяго или даже съ четвертаго слога на первый бываетъ у насъ только въ немногихъ именахъ женскаго рода, отличающихся особеннымъ образованіемъ, именно когда въ корнѣ буква *л* или *р* стоитъ между двухъ *о* или двухъ *е*, окончаніе же слова образуется голою гласной *а*, приложенной къ корню. Вотъ чуть ли не всѣ такія слова: *борода́, борона́, голова́, полоса́, сковорода́, сторона́, железа́, середа́*; они, собственно говоря, двухсложныя (*брада́, глава́* и проч.) и удлинены только вслѣдствіе свойственнаго русскому языку полногласія, при которомъ удареніе переходитъ нерѣдко на дополнительную гласную. Такъ произносятся въ единственномъ числѣ имена мужескаго рода: *го́лосъ, во́лосъ, го́родъ, бе́регъ, ве́редъ*; у нихъ во множественномъ числѣ происходитъ обратное явленіе: акцентъ переносится съ перваго слога на третій — *голоса́, волоса́, города́, берега́, вереда́*. Можно ли же сказать, что тутъ въ удареніи замѣчается менѣе энергіи, чѣмъ при обратномъ его движеніи въ словахъ: *бо́роды, го́ловы* и проч.? Еще большее разстояніе перескакиваетъ удареніе въ словахъ: *ко́локолъ, о́корокъ, те́теревъ*, которыя во множественномъ числѣ произносятся: *колокола́, окорока́, тетерева́* [1]).

Что касается до переноса ударенія съ третьяго слога на второй въ словѣ *острота́* (*остро́ту, остро́ты*), то г. Кайслеръ, справедливо признавая въ этомъ явленіе новѣйшаго происхожденія, ошибочно видитъ тутъ ослабленіе энергіи ударенія. Мы уже показали, что здѣсь образованіе слова не даетъ никакого повода къ переносу ударенія на первый слогъ; на второй же оно [462] переносится по логическому началу, которое съ теченіемъ времени все болѣе пріобрѣтаетъ силы въ языкѣ: здѣсь ясно намѣреніе отличить именительный падежъ множественнаго числа (*остро́ты*) отъ родительнаго единственнаго (*остроты́*) по примѣру многихъ именъ женскаго рода; съ именительнымъ же множеств. сходенъ по ударенію и винительный единств. Въ доказательство новости этого ударенія г. Кайслеръ ссылается на то, что о немъ не упоминаютъ наши грамматисты; но настоящая причина этого умалчиванія заключается скорѣе въ томъ, что вообще грамматисты наши, по крайней мѣрѣ прежніе, мало обращали вниманія на живой языкъ и справлялись съ нимъ гораздо менѣе, чѣмъ съ словарями и съ трудами своихъ предшественниковъ по грамматикѣ. Замѣтимъ мимоходомъ, что при окончаніи *ота́* удареніе можетъ переходить на *о* только тогда, когда слова, такъ оканчиваю-

[1]) Ср. еще слово *по́хороны, похоро́нъ, похорона́ми*.

щіяся, означаютъ уже не отвлеченное свойство, а осязательный предметъ (получаютъ конкретное значеніе), напримѣръ *красóты*. По этой же причинѣ и слово *сиротá* можетъ въ извѣстныхъ падежахъ произноситься съ удареніемъ на среднемъ слогѣ.

Подтвержденіе любимой мысли своей о первобытной свободѣ ударенія г. Кайслеръ находитъ въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ. Въ нихъ, по его словамъ, вовсе не нужно, чтобы ритмическій акцентъ совпадалъ съ правильнымъ словоудареніемъ: каждая пѣсня, говоритъ онъ, представляетъ десятки случаевъ, въ которыхъ этого не бываетъ, и повидимому полагается даже особенная заманчивость въ томъ, чтобъ одно и то же слово произносить то такъ, то иначе. Въ примѣръ особенностей пѣсеннаго ударенія онъ приводитъ отрывокъ изъ одной былины, въ которой слова *боя́ре, богатыри́ и де́вять*, нѣсколько разъ повторяющіяся, иногда произносятся *бо́яре, бога́тыри, девя́ть*. Намъ кажется, что такъ какъ языкъ стихотворный и особенно пѣсенный у всѣхъ народовъ пользуется своими исключительными льготами, то и нарушенія акцента, въ немъ допускаемыя, не могутъ служить въ пользу положенія автора. Всякому, кто слышалъ, какъ русскій народъ поетъ или, по его выраженію, *играетъ* свои пѣсни, извѣстно, что [463] часто въ одномъ и томъ же стихѣ иное слово произносится, при повтореніи напѣва, то съ однимъ, то съ другимъ удареніемъ; но такого разнообразнаго произношенія обыкновенная рѣчь не знаетъ. По нашему мнѣнію, въ пѣсенномъ языкѣ слѣдовало обратить вниманіе на другого рода отличіе ударенія, именно на то, что въ немъ нѣкоторыя слова, какъ напримѣръ *молодецъ* и *дѣвица*, постоянно выговариваются съ удареніемъ на первомъ слогѣ, а не на послѣднемъ, какъ въ обиходной рѣчи. Сюда относится и тотъ случай, когда неполныя прилагательныя (*кра́сенъ*; *я́сенъ*), будучи употребляемы въ пѣсняхъ не какъ сказуемыя, а какъ опредѣлительныя, носятъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, такъ что поющій выговариваетъ: *ясёнъ соколъ, добра́ мо́лодца, чисто́ поле, синя́ моря*, при чемъ существительное, когда въ немъ не болѣе двухъ слоговъ съ удареніемъ на первомъ, становится даже энклитическимъ. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ чрезвычайно любопытнымъ явленіемъ, которое, конечно, было общею принадлежностью древняго русскаго языка.

Высказавъ нѣсколько теоретическихъ положеній о русскомъ удареніи на основаніи изслѣдованій западныхъ филологовъ надъ другими языками, авторъ брошюры переходитъ къ разсмотрѣнію акцента во флексіяхъ, и прежде всего въ склоненіи именъ существительныхъ. Нельзя не пожалѣть, что вмѣсто того онъ не поставилъ впереди главу объ удареніи въ словообразованіи, которая у него отброшена къ концу труда. Прежде разсмотрѣнія перехода ударенія въ падежахъ естественнѣе было бы заняться произношеніемъ именъ въ пря-

момъ падежѣ и потомъ уже обратить вниманіе на измѣненія акцента въ другихъ падежахъ. Тогда, можетъ быть, г. Кайслеръ пристальнѣе всмотрѣлся бы въ образовательныя окончанія именъ и избѣгъ бы многихъ промаховъ при исъясненіи словъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, вліяніе окончанія на удареніе незамѣтно. Въ списокъ этихъ словъ попало у него довольно большое число такихъ именъ, гдѣ переносъ ударенія въ косвенныхъ падежахъ зависитъ рѣшительно отъ окончанія. Вотъ эти имена:

[464] Кор-абль, гол-авль, жур-авль,
бур-авъ, рук-авъ,
рыч-агъ,
боч-аръ, гонч-аръ, ком-аръ, мал-яръ,
кис-ель, коб-ель, кош-ель, щав-ель,
каранд-ашъ, торг-ашъ, шал-ашъ,
паст-ухъ, пѣт-ухъ,
боб-ыль, горб-ыль, ков-ыль, кост-ыль.

Такимъ же образомъ въ помянутый списокъ именъ, переносящихъ удареніе на падежное окончаніе, вошло и нѣсколько такихъ, кои либо въ нѣкоторыхъ, либо и во всѣхъ косвенныхъ падежахъ удерживаютъ удареніе на корнѣ, напримѣръ слова: *альтъ, басъ, бантъ, лань, овощъ, часъ.* Всякій русскій скажетъ: пѣть *ба́сомъ, а́льтомъ*, а не басо́мъ, альто́мъ [1]). *Бантъ* во всѣхъ падежахъ обоихъ чиселъ удерживаетъ удареніе на первомъ слогѣ. *Лань*, единственное имя женскаго рода, попавшее въ этотъ списокъ, ни въ одномъ падежѣ не переноситъ ударенія на послѣдній слогъ. *Овощъ* во всѣхъ падежахъ единственнаго числа держитъ удареніе на первомъ слогѣ, а во множественномъ числѣ только въ косвенныхъ падежахъ можетъ переносить его на окончаніе. *Часъ* въ родительномъ единств. числа произносится съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ только при количественномъ или дробномъ числительномъ: *два, три, четверть часа*; въ другихъ же случаяхъ говорятъ *ча́са*, напримѣръ *до второго ча́са*, и — *ча́су*; въ дательномъ и творительномъ единственнаго числа удареніе ставится также на первомъ слогѣ: *къ этому ча́су, цѣлымъ ча́сомъ.*

Подобные замѣченнымъ недосмотры въ разбираемой брошюрѣ показываютъ, что автору недоставало живого знакомства съ русскимъ языкомъ; когда же онъ обращался въ своемъ трудѣ къ посторонней помощи, то не всегда получалъ вѣрныя указанія. Такъ и въ спискѣ именъ жен. рода на *а́*, переносящихъ въ вин. пад. [465] един. числа удареніе на предыдущій слогъ, помѣщены, напримѣръ, слова: *руда́, свинья́*,

---

[1]) Эти два слова въ нѣкоторыхъ падежахъ употребляются однакожъ и съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ. Припомнимъ стихъ Крылова: „Достали нотъ, баса́, альта́, двѣ скрипки“.

тогда какъ никто не скажетъ *рýду*, *свѝнью*; въ нѣкоторыхъ другихъ именахъ, тутъ же приведенныхъ безъ всякой оговорки, удареніе допускается двоякое; напримѣръ, говорятъ: *óвцу* и *овцý*, *рóсу* и *росý*, *щёку* и *щекý*. Такимъ же образомъ, исчисляя неполныя прилагательныя, которыя въ полной формѣ носятъ удареніе на послѣднемъ слогѣ *(воронóй, гнѣдóй, голубóй)*, онъ приводитъ между прочимъ невозможныя въ русскомъ языкѣ формы, *вóронъ*, *гнѣдъ*, *гóлубъ*. Въ другомъ спискѣ, при прилагательномъ *сóлонъ* не пояснено, что вмѣсто неупотребительной полной формы его служитъ причастіе *солёный*. Останавливаться на всѣхъ такого рода пропускахъ и промахахъ книжки г. Кайслера было бы слишкомъ долго и для читателей безплодно.

Представляя по большей части только списки словъ, подходящихъ относительно ударенія подъ одинъ и тотъ же случай, онъ вообще справедливо жалуется на отсутствіе общихъ примѣтъ, по которымъ можно бы опредѣлять мѣсто ударенія. „Одинъ внѣшній признакъ, говоритъ онъ, „можно указать только въ томъ, что имена отглагольныя, изъ древне-славянскаго перешедшія въ книжный языкъ, а равно имена сложныя имѣютъ большею частью неподвижное удареніе, тогда какъ многія иноязычныя слова, особенно же односложныя, имѣютъ также и подвижное удареніе. По большей части, однакожъ далеко не всегда, удареніе измѣняютъ слова, носящія его на послѣднемъ слогѣ". Здѣсь, во-первыхъ, не ясно, какія именно отглагольныя имена разумѣетъ авторъ; если это имена дѣйствія, оканчивающіяся на *ніе*, то почему онъ считаетъ ихъ вообще заимствованными изъ ц.-славянскаго языка? Во-вторыхъ, односложность иноязычныхъ словъ никакъ не служитъ признакомъ подвижности ихъ ударенія, ибо ежели и есть нѣсколько такихъ именъ, на которыхъ это наблюденіе оправдывается (напримѣръ, *руль*-я́, *балъ*-ы́-óвъ), то гораздо большее число ихъ никогда не измѣняетъ ударенія (напримѣръ, *залъ*, *бантъ*, *ботъ*, *брикъ*, *шквалъ*, *штофъ*, *блокъ*, *классъ*, *рейсъ*). Что же касается до замѣчанія, что въ русскомъ языкѣ удареніе чаще [466] переходитъ съ послѣдняго слога на предыдущіе, нежели наоборотъ, то справедливость его неоспорима.

До какой степени законы *свободнаго* ударенія трудно уловить не только въ русскомъ, но и въ другихъ языкахъ, гдѣ оно существуетъ, видно изъ слѣдующихъ словъ г. Кайслера: „Въ трудахъ Боппа и Бенлёва заключается небольшое только число можетъ быть превосходно подобранныхъ примѣровъ, ведущихъ къ заключеніямъ, по которымъ все-таки нельзя вполнѣ удостовѣриться, подтверждаются ли они всею областью языка. Случается, что доказательствамъ на иное правило можно противопоставить такое множество исключеній, что поневолѣ приходитъ на мысль, не на сторонѣ ли послѣднихъ надо искать правила, если только давать силу численнымъ доказательствамъ, такъ

какъ очень часто бываетъ и тотъ случай, что отъ древнѣйшаго состоянія языка остались лишь немногіе слѣды. Но, разсматривая богатство ударенія въ русскомъ и литовскомъ языкахъ и въ немъ тѣ крупныя общія черты, которыя встрѣчаются и въ санскритѣ, нельзя сомнѣваться, что въ первобытномъ состояніи эти языки отличались великимъ разнообразіемъ акцентуаціи, которое мало-по-малу исчезло, но которое прежде раздѣленія языковъ достигло періода полнаго органическаго развитія и господства. Если Боппъ за преобладающее начало санскритскаго акцента принимаетъ удареніе надъ началомъ слова, и если съ другой стороны мнѣніе Бенлэва о вліяніи „послѣдняго опредѣляющаго" на акцентъ подтверждается тѣмъ, что въ четырехъ языкахъ (считая и греческій) удареніе часто падаетъ на падежныя окончанія, то само собою представляется объясненіе, что ни того, ни другого начала нельзя признавать безусловно, правда же оказывается въ серединѣ, то-есть, что корень и окончаніе флексій равно опредѣляли акцентъ и что все дѣло въ рѣшеніи, по какимъ законамъ то или другое брало перевѣсъ. Бенлэвъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ, доказывающихъ „слабость" санскритскаго акцента, и между ними выдающуюся роль играютъ тѣ случаи, въ которыхъ какая-нибудь форма или отдѣльное слово употребляется съ двоякимъ акцентомъ. [467] Впрочемъ, выраженіе „слабость" выбрано неудачно, потому что здѣсь надо означить конечный полюсъ, которому противоположенъ другой... Случаи, приводимые Бенлэвомъ, служатъ прямымъ доказательствомъ того мнѣнія, что удареніе опредѣляется не *однимъ* единовластнымъ, но двумя взаимно дѣйствующими началами".

Замѣчаніе это отчасти справедливо и въ отношеніи къ русскому языку: разница только въ томъ, что у насъ вовсе нѣтъ такъ называемаго Боппомъ сильнаго ударенія, то-есть такого, которое предпочтительно падало бы на извѣстное мѣсто словъ, и есть не два, а нѣсколько разнообразныхъ началъ, отъ которыхъ оно зависитъ. При другомъ случаѣ нами была уже сдѣлана попытка опредѣлить по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ этихъ началъ; мы показали напримѣръ, что соединеніе имени съ предлогомъ въ одно слово всегда отнимаетъ у окончанія *окъ* или *екъ* удареніе: *сни́мокъ*, *спи́сокъ*, *сви́токъ*, *про́сёлокъ*, *доба́вокъ*, тогда какъ при отсутствіи слитнаго предлога имена съ этимъ окончаніемъ, особливо двусложныя, почти всегда передаютъ ему удареніе: *толчо́къ*, *комо́къ*, *куро́къ*, *конёкъ*, *порошо́къ*, *кошелёкъ*, и проч. Или еще всякій предлогъ въ началѣ первообразнаго имени, кончащагося на ъ, будь оно муж. или жен. рода, принимаетъ удареніе (исключеній почти нѣтъ): *при́стань*, *по́вѣсть*, *у́тварь* *и́згородь*, *о́чередь*, *пе́речень*. Въ именахъ первообразныхъ гласная коренного слога иногда рѣшаетъ мѣсто ударенія; такъ, буква *е* въ именахъ средняго и женскаго рода обыкновенно отбрасываетъ удареніе на окончаніе: *весло́*, *стекло́*, *пшено́*,

село́, веретено́, метла́, жена́, пчела́, сестра́, весна́. Въ именит. падежѣ мн. ч. эти имена, напротивъ, переносятъ удареніе на гласную *е*: *вёсла, стёкла, сёла, веретёна, мётлы, жёны, пчёлы, сёстры* [1]). Такъ и въ глаголахъ, особенно первообразныхъ, гласная, предшествующая окончанію, имѣетъ вліяніе на удареніе: буквы *о* и *у* въ неопредѣленномъ наклоненіи передъ окончаніемъ *ить* обыкновенно передаютъ ему удареніе, а во 2-мъ и слѣд. лицахъ наст. времени [468] сами принимаютъ его: *ходи́ть, води́ть, городи́ть, проси́ть, носи́ть, лови́ть, души́ть, сучи́ть, куси́ть, суди́ть, руби́ть, тупи́ть*, и: *хо́дишь,, во́дишь, ду́шишь, су́чишь*, и проч. Привычка переносить въ такихъ случаяхъ удареніе на *о* такъ велика, что и въ тѣхъ глаголахъ, гдѣ слогъ передъ *ить* имѣетъ букву *а*, эта послѣдняя въ наст. времени превращается въ *о*, такъ что народъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ говоритъ: *ко́тишь, пло́тишь, со́дишь, до́ришь, во́ришь, во́лишь*, вм. *ка́тишь, пла́тишь, са́дишь* [2]) и проч. Въ глаголахъ любопытно то обстоятельство, что 1-е лицо единств. ч. наст. времени (почти безъ изъятій) имѣетъ одно удареніе съ неопред. наклон., тогда какъ въ слѣдующихъ лицахъ это удареніе часто переходитъ на предпослѣдній слогъ. Примѣромъ тому могутъ служить приведенные сейчасъ глаголы. Такой переходъ ударенія составляетъ необходимое явленіе въ тѣхъ глаголахъ, кончающихся на *ать*, у которыхъ передъ этимъ окончаніемъ стоитъ измѣняющаяся въ наст. врем. согласная, напримѣръ: *вяза́ть, дрема́ть, писа́ть, пляса́ть, трепета́ть, хохота́ть, лепета́ть, клевета́ть, щебета́ть, иска́ть*: *вяжу́, дремлю́, пишу́* и т. д., и *вя́жешь, дре́млешь, пи́шешь*, и проч. Между подобными глаголами есть однакожъ и такіе, которые уже и въ неопред. наклон. держатъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, таковы: *пла́кать, ма́зать, сыпать*. Съ другой стороны, между ними есть два, которые въ неопред. имѣютъ удареніе на окончаніи, но переносятъ его уже въ 1-мъ лицѣ наст. врем.: *алка́ть, а́лчу; колеба́ть, коле́блю*. Отчего же не *алчу́, колеблю́?* Тутъ-то и видно часто неуловимое разнообразіе началъ русскаго ударенія. Хорошимъ примѣромъ этого разнообразія можетъ также служить приведенный г. Кайслеромъ, какъ показано въ началѣ нашей статьи, корень *вѣд*, который, служа къ образованію множества словъ, то самъ принимаетъ удареніе, то уступаетъ его разнымъ другимъ частямъ именъ и глаголовъ. Этотъ же самый примѣръ можетъ быть употребленъ въ доказательство того, какъ мало удареніе въ [469] русскомъ языкѣ зависитъ отъ той долготы, которая, какъ обыкновенно принимаютъ, первоначально была связана съ нѣкоторыми гласными, особенно съ *ѣ*. Соотношеніе долготы съ удареніемъ разсмотрѣно очень остроумно въ изслѣдованіи г. Каткова *Объ элементахъ и формахъ славяно-*

---

[1]) См. выше стр. 322—325.

[2]) См. выше стр. 280.

русскаго языка: для опредѣленія долгаго слога въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ прибѣгаетъ къ сравненію съ чешскимъ, гдѣ долгота лучше всего сохранилась; но и это не приводитъ его ни къ какому положительному результату, ибо если въ прямой формѣ сло́ва русское удареніе иногда и сходится съ чешской долготой, зато во флексіяхъ это совпаденіе совершенно исчезаетъ, изъ чего ясно видно, какъ мало значенія въ русскомъ языкѣ первоначальная долгота имѣетъ для ударенія.

При разсмотрѣніи перехода ударенія въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ упущенъ г. Кайслеромъ изъ виду одинъ весьма замѣчательный случай, состоящій, въ томъ, что имя, носящее удареніе на послѣднемъ слогѣ, переноситъ его на предыдущій при сложеніи съ предлогомъ или какимъ-либо другимъ словомъ. Возьмемъ, напримѣръ, имена сущ. *житіе́*, *бытіе́*, *Росси́я* и прилагат. *земно́й*, *головно́й*, *слѣпо́й*, *морско́й*, *островско́й*. Составивъ изъ нихъ предложныя или сложныя имена, получимъ: *прожи́тіе*, *сожи́тіе*, *собы́тіе*, *Малоро́ссія*, *подзе́мный*, *средизе́мный*, *уголо́вный*, *подслѣ́пый*, *примо́рскій*, *замо́рскій*, *васильe-остро́вскій*. Это одинъ изъ случаевъ, въ которыхъ удлинненіе слова дѣйствуетъ на удареніе.

Въ замѣчаніяхъ г. Кайслера о предложныхъ глаголахъ приведено 18 причастій, передающихъ удареніе предлогу: „*взо́ткнутъ*, *взо́рванъ* [1]), *во́гнанъ*, *за́званъ*" и проч. Отъ вниманія автора ускользнуло, что списокъ такихъ причастій можетъ быть значительно удлиненъ. Дѣло въ томъ, что вообще говоря, причастныя окончанія *анный* (*аный*) и *утый* не терпятъ на себѣ ударенія: вко́панный, у́знанный, разо́гнанный, и́зданный, и́збранный, обо́рванный, пе́реданный, пере́гнанный, пере́сланный, смо́танный, [470] чёсанный, пи́санный, ма́ранный, свёрнутый, изо́гнутый, разстёгнутый, подо́ткнутый. Эти примѣры показываютъ, что, несмотря на произношеніе неопред. наклоненія (вкопа́ть, узна́ть, мота́ть, писа́ть, сверну́ть, изогну́ть), удареніе въ причастіи переходитъ на предыдущій слогъ, будетъ ли онъ принадлежать глаголу, или предлогу. Въ словѣ *пе́реданный* оно перескакиваетъ черезъ одинъ слогъ. Разность этого слова, по ударенію, съ словами *пере́гнанный* и *пере́сланный* знаменательна: соединеніе двухъ согласныхъ *гн* и *сл* даетъ опору второму *е* въ предлогѣ, и этотъ слогъ получаетъ удареніе. Противорѣчатъ общему замѣчанію о выговорѣ причастій на *анный* только слова: *жела́нный*, *вѣнча́нный*, *избра́нный* и, можетъ-быть, еще весьма немногія. Причину такого отступленія въ первомъ примѣрѣ составляетъ гласная *е*, на что уже выше указано, послѣднія же слова представляютъ въ своемъ произношеніи вліяніе церковно-славянскаго элемента: въ чисто-рус-

[1]) Въ этихъ двухъ словахъ, впрочемъ, удареніе падаетъ не на самый предлогъ, а на вставочную гласную.

скомъ говорѣ естественнѣе произносить *вѣнчанный* (какъ и говорятъ: увѣнчанный, развѣнчанный), *и́збранный*. Слова *неопиcа́нный*, *несказа́нный*, получившія искусственное удареніе, плохо принялись въ языкѣ. Въ словѣ *назва́ный* надобно видѣть скорѣе прилагательное, нежели причастіе.

Несостоятельность долготы, какъ основы русскаго ударенія, подтверждается: 1) многочисленностью случаевъ энклиза и 2) множествомъ словъ, имѣющихъ двоякое удареніе. Хотя г. Кайслеръ и обратилъ вниманіе на оба эти предмета, но каждый изъ нихъ требовалъ бы гораздо большей разработки. На предлогъ переходитъ въ извѣстныхъ случаяхъ удареніе не только съ существительныхъ и числительныхъ, непосредственно за нимъ стоящихъ, но и съ прилагательныхъ, образующихъ въ соединеніи съ нимъ нарѣчіе, напримѣръ, *за́живо*, *за́мертво*, *за́ново*, *съ́изнова*, *на́скоро*, *по́пусту*, *по́часту*, *до́сыта*, *до́красна*, что́ опять возможно только тогда, когда удареніе въ самомъ прилагательномъ падаетъ на первый слогъ (*жи́во*, *мёртво*, *но́во* и проч.). Подобный же случай представляетъ мѣстоименіе *что* въ выраженіи *ни за́ что*, *ни про́ что*.

[471] Списокъ словъ, сходныхъ по звукамъ, но отличаемыхъ по ударенію, въ брошюрѣ не только не полонъ, какъ и самъ авторъ ея сознается, но представляетъ и невѣрности или неточности. Такъ, слово *спѣшить* переведено: vom Pferde steigen; надобно было прибавить: lassen, такъ какъ *спѣшить* — глаголъ переходящій, а steigen — противоположнаго залога. При словѣ *тре́тьяго* сказано: „Gen. von тре́тій“ и затѣмъ, какъ примѣръ иного ударенія, приведено: „*третья́го* дня, vorgestern“. Но развѣ *третья́го* (произн. *третьёва*) не есть также родительный падежъ того же числительнаго, и развѣ не говорятъ равнымъ образомъ: *тре́тьяго дня?* Дѣло въ томъ, что числительное *третій* имѣетъ двоякое удареніе, и не только въ род. падежѣ, но и въ именит., въ выраженіи: *самъ третей*, — замѣчательный, едва ли не единственный случай, когда окончаніе *ій* обращается въ *ей*, точно также какъ *ый* безпрестанно обращается въ *ой* (первый — перво́й).

Этотъ случай наводитъ насъ на другой разрядъ словъ съ различнымъ удареніемъ, именно на такія слова, которыя, не перемѣняя значенія, произносятся, однакожъ, различно. Такъ одни говорятъ: *кладби́ще*, другіе *кла́дбище*, одни: *гра́жданинъ*, другіе *граждани́нъ* и т. д. Сюда же относятся такія слова, какъ *высо́ко* и *высоко́*, *далёко* и *далеко́*, *серди́ться* и *се́рдиться*, *воро́та* и *ворота́*, въ которыхъ перевѣсъ дается то одному, то другому началу ударенія. Даль въ своей статьѣ о нарѣчіяхъ русскаго языка [1]) полагаетъ, что это различіе зависитъ первоначально отъ различія мѣстностей, гдѣ оно встрѣчается, и что въ

[1]) См. 1-й томъ его словаря, стр. XXVI.

этомъ отношеніи господствуетъ одно общее явленіе: въ сѣверовосточныхъ губерніяхъ удареніе ближе къ началу словъ, въ юго-западныхъ къ окончанію; но это наблюденіе далеко не всегда оправдывается: намъ случалось замѣчать, что въ двухъ селеніяхъ, отстоящихъ другъ отъ друга только на нѣсколько верстъ, одно и то же слово произносится различно, и наоборотъ, другое выговаривается одинаково въ двухъ губерніяхъ, находящихся на разныхъ концахъ [472] Россіи, тогда какъ это же слово въ центральныхъ мѣстахъ имѣетъ иное произношеніе. Иногда, когда мы на мѣстахъ спрашивали у крестьянъ о произношеніи того или другого слова, они отвѣчали нерѣшительно, и оказывалось, что слово въ одной и той же деревнѣ произносится то такъ, то иначе.

Возвращаясь къ двоякому ударенію такихъ словъ, которыя, при звуковомъ тожествѣ, имѣютъ различное знаменованіе остановимся на одномъ замѣчаніи г. Кайслера. Не отвергая цѣли такого двоякаго ударенія, онъ однакожъ выражаетъ нѣкоторое сомнѣніе въ логическомъ назначеніи его, такъ какъ есть довольно много словъ, которыя въ нѣкоторыхъ падежахъ отличаются удареніемъ, но за то въ другихъ опять совпадаютъ. „Когда напримѣръ“, говоритъ онъ, „отличаютъ именит. множ. *ви́на* отъ именит. ед. *вино*, то это конечно такъ, но родит. ед. отъ слова *вино́* (*вина́*) совершенно совпадаетъ съ именит. жен. рода *вина́*. Такихъ случаевъ множество. Съ другой стороны взглянемъ, напримѣръ, на слово *полкъ*, которое при склоненіи ударяетъ на послѣдній слогъ и потому въ дательн. пад. имѣетъ форму *полку́*. Но въ томъ же словѣ и мѣстный падежъ оканчивается на *у́*. Если бъ языкъ вообще стремился избѣгать подобныхъ двусмыслій, то здѣсь было бы очень легко достигнуть того переносомъ ударенія или употребленіемъ правильнаго мѣстнаго падежа на *ѣ*; но такое телеологическое намѣреніе совершенно чуждо языку. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ первоначально отличалъ съ большею точностью тончайшіе оттѣнки и при этомъ не гнушался даже самыхъ тяжелыхъ формъ; но въ позднѣйшее время, когда духовное разумѣніе росло въ той же мѣрѣ, какъ исчезало богатство внѣшняго строя, языкъ очень мало заботился о томъ, вполнѣ ли достаточны формы, въ томъ сознаніи, что всѣ открывающіеся въ этомъ отношеніи пробѣлы вознаграждаются съ другой стороны. Въ отдѣльныхъ случаяхъ русскій языкъ даже очень ясно обнаруживаетъ такую небрежность. Такъ, *рабъ* имѣетъ въ род. пад. *раба́*, въ дат. *рабу́*, въ именит. мн. *рабы́*. Но женское *раба́* имѣетъ въ вин. также *рабу́*, въ род. же ед. и въ им. множ. *рабы́*. Такимъ же образомъ [473] совпадаютъ нѣкоторые падежи мужескаго *внукъ* и женскаго *внука*. Итакъ въ обоихъ случаяхъ произошло явленіе противоположное (вышезамѣченному): удареніе мѣшаетъ различенію“.

Это видимое противорѣчіе въ явленіяхъ языка разрѣшается, какъ

намъ кажется, очень просто. Двоякое удареніе въ подобозвучныхъ словахъ языкъ допускаетъ только тогда, когда это можетъ быть сдѣлано безъ насилія законамъ акцента; иначе пришлось бы принять, что акцентъ не имѣетъ никакого органическаго значенія, и ставится случайно, по произволу говорящаго. Но что удареніе служитъ однимъ изъ орудій мышленія, это также несомнѣнно. Если для отличенія разныхъ отношеній между предметами, для выраженія разныхъ видоизмѣненій мысли явились въ языкахъ флексіи, то почему же не могло быть употреблено дли подобной же цѣли удареніе? Неестественно было бы, если бъ умъ человѣческій пренебрегъ такимъ удобнымъ средствомъ для достиженія въ большей степени той точности и опредѣленности, къ которымъ онъ стремится въ выраженіи. Вотъ чѣмъ объясняется логическое назначеніе акцента, и очевидно, что съ постепеннымъ развитіемъ языка подъ вліяніемъ возрастающей строгости мышленія и анализа, логическое начало усиливается и въ этой области слова.

Не считаемъ нужнымъ останавливаться на частныхъ замѣчаніяхъ г. Кайслера въ послѣднихъ главахъ его книжки. Вмѣсто того, чтобъ отмѣчать менѣе важныя ошибки его и недоразумѣнія, выразимъ ему лучше признательность за то, что онъ задумалъ разработать въ системѣ и полнотѣ предметъ, который до сихъ поръ слишкомъ мало обращалъ на себя вниманія. Правда, что г. Кайслеръ практическою стороною своихъ познаній не вполнѣ былъ приготовленъ для успѣшнаго выполненія предпринятой имъ задачи; но не забудемъ, что онъ писалъ для иностранцевъ, а они, безъ сомнѣнія, могутъ найти въ его трудѣ много новыхъ и полезныхъ для себя указаній.

ЗАМѢТКА О НѢКОТОРЫХЪ ФОРМАХЪ ИМЕННЫХЪ ФЛЕКСІЙ.

Fr. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. III-r Band. Wortbildungslehre. Wien, 1876. Стр. 286—312.

1879.

[474] Достоинство и важность трудовъ г. Миклошича признаны всѣмъ ученымъ міромъ. Но при обширности и разнообразіи области, обнимаемой его изслѣдованіями, невозможно ожидать безошибочности во всѣхъ подробностяхъ. Поэтому полезно было бы, еслибъ спеціалисты по каждому изъ языковъ, разсматриваемыхъ въ сравнительной ґрамматикѣ знаменитаго филолога, отмѣчали вкравшіяся въ нее недоразумѣнія и погрѣшности. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что самъ просвѣщенный авторъ принялъ бы съ благодарностью всякое такое указаніе. Въ этой увѣренности рѣшаюсь предложить свои замѣчанія на нѣкоторыя мѣста въ главѣ объ именномъ склоненіи (Nominale declination), при чемъ, для ясности, слова́ и мнѣнія г. Миклошича буду подчеркивать.

Стр. 268. *Въ стихѣ народной пѣсни* [1]: „Потерять тебѣ, сыну, буйну голову", *форма сыну, по мнѣнію его, есть звательный падежъ:* tibi, fili, а не tibi, filio. — Въ русскомъ языкѣ такая форма зват. пад. невозможна и безпримѣрна: здѣсь *сыну* есть приложеніе къ мѣстоим. *тебѣ* и стои́тъ, по общему закону, въ одномъ съ нимъ падежѣ, т. е. въ дательномъ.

[475] Стр. 287. *„Кажется, въ реченіи* смолоду, съ молоду *надо видѣть родит. пад. двойственнаго ч."* — Для этого нѣтъ никакого основанія: здѣсь прилаг. безчленной формы [2]), средн. рода, получило въ род. ед. окончаніе *у*, кажется, по аналогіи съ существит. Такъ же

---

[1]) При курсивѣ кавычки „ " ставлю только тамъ, гдѣ перевожу слова самого автора.

[2]) Употребляю термины *безчленное* и *членное* прилагательныя по примѣру г. Потебни, предпочитая ихъ болѣе обыкновеннымъ, но только по внѣшнему признаку вѣрнымъ названіямъ: *краткое* и *полное*.

образовано *сдуру* по примѣру реченій: *сверху, снизу, отъ роду, съ виду* и пр.

Стр. 288. *„Несправедливо мнѣніе, будто видѣнъ имѣетъ въ жен. и ср. видна, видно“*.—Это замѣчаніе вѣрно, но оно требуетъ дополненія. Прилагательному жен. и ср. *видна, видно*, множ. *видны* отвѣчаетъ муж. ед. *виденъ;* а *видѣнъ* часто пишутъ ошибочно, ибо это было бы страд. причастіе безчленное, которое требовало бы творит. падежа на вопросъ *кѣмъ,* тогда какъ при словѣ *виденъ* возможенъ только вопросъ: *кому?* Если неупотребительны формы: *видѣна, о, ы,* то ясно, что не годится и форма муж. рода *видѣнъ.* Это страд. прич. встрѣчается только въ членной формѣ. Такъ у Жуковскаго въ письмѣ къ вел. кн. Маріи Николаевнѣ: „. . . прежній огонекъ, пробужденный всѣмъ видѣннымъ мною въ этотъ день“.

Стр. 289. „Конь, konja, konju, konjam, konjami, konjach“.—Странно, что г. Миклошичъ, такъ правильно раздѣлившій умягченныя гласныя *я, е, ѣ, ю ю* на präjerirte и präjotirte, здѣсь употребляетъ транскрипцію, изображающую вторые, а не первые звуки, которые одни тутъ умѣстны. Впрочемъ, это конечно неизбѣжное послѣдствіе невѣрной транскрипціи именительнаго konjъ, о чемъ см. выше (стр. 255 и 256) мою статью: „Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка“.

Между именами муж. р., принимающими въ род. ед. у вм. *а, приведено: край, краю.* — Надо однакожъ замѣтить, что это окончаніе въ род. слова *край* встрѣчается очень рѣдко и едва ли не единственно въ томъ случаѣ, когда имя это означаетъ конецъ, предѣлъ, напр. въ поговоркѣ: *моя изба съ краю;* никто не [476] скажетъ: *изъ краю* (вм. *изъ края*) *въ край.* Здѣсь нужно бы прибавить еще слѣдующія замѣчанія: 1) Изъ именъ, не означающихъ дѣлимые предметы или вещества (разумѣется, муж. р.), измѣряемые вѣсомъ и другими способами, но не считаемые единицами, сюда относятся особенно такія, которыя вмѣстѣ съ предлогомъ составляютъ какъ бы нарѣчіе; напр. *съ голоду, йзъ городу, съ голосу* и преимущественно односложныя: *бéзъ году, безъ шуму, со страху, съ часу на часъ, изъ лѣсу, изъ дому, изъ носу, съ вѣтру, съ полу, съ глазу.* 2) Этой особенности всего легче поддаются отглагольныя имена: *съ разбѣгу, безъ удержу, съ размаху* (*„отъ молодецкаго посвисту“*, сказ.), а тѣмъ болѣе односложныя: *ходу, счету, возу, роду, спросу, виду, крику.* 3) Изъ именъ вещественныхъ къ этому окончанію способны даже имена, принимающія въ косв. падежахъ удареніе на послѣдній слогъ, притомъ не только при твердомъ, но и при мягкомъ окончаніи: *песку, табаку, кирпичу, огню, имбирю;* этому не мѣшаетъ и суффиксъ *окъ, ёкъ: табачку, огоньку.* Любопытна между прочимъ форма: *для переду.*

Стр. 290. *Между именами, принимающими въ именит. множ. ч.*

двоякое окончаніе а и ы, упомянуто имя глазъ. — Но *глазы* никогда не употребляется вм. *глазá.*

Стр. 291. „*Русскія формы:* батожья, братья, кумовья, хозяева и господа *должны (по примѣру др.-сл.* братія) *быть понимаемы, какъ собирательныя въ единств. числѣ.*" — Этому противорѣчатъ косвенные падежи, безспорно принадлежащіе къ формамъ множ. ч.: *батожьевъ, братьевъ* и проч., а также и приложеніе опредѣлительныхъ къ этимъ именамъ: *добрые* братья, господа.

Стр. 296. „*Служа названіями мѣстъ, прилагательныя притяжательныя часто принимаютъ въ творит. именное окончаніе:* Гдовомъ, Ярославлéмъ, *рядомъ съ* Кашинымъ, Царицынымъ". Здѣсь слово *часто* излишне. — Правда, что нѣкоторые говорятъ и пишутъ Черниговымъ и т. п., но изъ приведенныхъ г. Миклошичемъ примѣровъ видно, что преимущественно имена мѣстъ, [477] образованныя отъ женскихъ формъ (а—инъ), принимаютъ въ творит. мѣстоименное окончаніе, подобно личнымъ. Напр. говорятъ также: *подъ Бородинымъ.* Любопытно было бы однакожъ знать, не говоритъ ли на мѣстѣ простой народъ: *подъ Бородинóмъ.* По крайней мѣрѣ въ Рязанской губерніи я самъ слышалъ изъ устъ крестьянъ: *за Скопинóмъ* (а не Скопинымъ) [1].

Стр. 297. „*При извѣстныхъ условіяхъ можно отъ каждаго прилаг. образовать винит. ед. съ именнымъ окончаніемъ:* что ты дверь полу оставилъ; увидѣлъ убиту королевишну, нашелъ ее бодру, веселу. Вм. ласточку свою онъ видитъ на полу замерзшую (Крыл.) *можно бы сказать и* замерзшу". — При этомъ замѣчаніи, какъ и при нѣкоторыхъ другихъ, слѣдовало бы оговориться, что они относятся собственно только къ народному, и особенно старинному языку. Между тѣмъ примѣръ, приведенный изъ писателя недавняго періода, указываетъ на недоразумѣніе. Въ наше время подобное усѣченіе или стяженіе прилагательнаго допускается развѣ только въ стихахъ, и притомъ не болѣе въ винит. ед. жен. р., чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ падежахъ, именно въ именит. ед. жен. и ср. рода и въ именит. же и винит. множ. всѣхъ трехъ родовъ. Слѣдующее за симъ замѣчаніе послужитъ еще къ бóльшему разъясненію этого вопроса.

---

[1]) Послѣ приготовленія къ печати настоящей замѣтки я обратился къ уважаемому учителю 3-й Московской гимназіи В. И. Шенроку съ просьбой развѣдать въ Москвѣ, не произноситъ ли на мѣстахъ простой народъ: *подъ Бородинóмъ.* Послѣ нѣсколькихъ справокъ г. Шенрокъ увѣдомилъ меня, что моя догадка вполнѣ подтвердилась. Между тѣмъ и самъ я въ Петербургѣ встрѣтилъ благопріятный случай для рѣшенія вопроса. Именно мнѣ пришлось ѣхать съ извозчикомъ, уроженцемъ Верейскаго уѣзда. Я навелъ разговоръ на Бородино, и онъ въ своихъ разсказахъ совершенно явственно произнесъ: *подъ Бородинóмъ.* Такъ-то наша литературная рѣчь, не руководимая живымъ народнымъ чутьемъ, часто не дастъ намъ вѣрныхъ указаній на законы языка.

Стр. 299. „*Разница между* свѣтелъ, я́сенъ, кра́сенъ, си́не, бѣлы, и свѣтёлъ, ясёнъ, красёнъ, синё, бѣлы́ (у Востокова 41, 62), *а потому и разница между* окончаніемъ спрягаемымъ *и* окончаніемъ усѣченнымъ *не есть органическая: первыя формы употребляются как предикаты безъ существит., послѣднія* [478] *же опредѣляютъ субъектъ:* мѣсяцъ свѣтелъ, luna est splendida; свѣтёлъ мѣсяцъ, splendida luna; *вмѣсто послѣдняго письменный языкъ употребляетъ* свѣтлый". — Здѣсь почтенный ученый смѣшалъ то, что́ у Востокова разграничено очень ясно: г. Миклошичъ поставилъ въ одну категорію всѣ имена, носящія удареніе на послѣднемъ слогѣ, тогда какъ Востоковъ приводитъ *свѣтёлъ*, *ясёнъ* какъ примѣры опредѣлительнаго (въ народной поэзіи), а *бѣлы́*, *синё* какъ примѣры сказуемаго прилагательнаго.

Указанное Востоковымъ весьма существенное различіе было бы еще виднѣе, если бы онъ привелъ болѣе примѣровъ изъ современнаго или по крайней мѣрѣ близкаго къ намъ періода литературнаго языка, и между прочимъ примѣры не только прилагательныхъ, но и мѣстоименій и страд. причастій прошед. вр. Наши стихотворцы прошлаго, а отчасти и нынѣшняго столѣтія (хотя послѣдніе въ меньшей степени) употребляютъ *усѣченныя* или *стяженныя* (по термину г. Потебни) прилагательныя и причастія въ видѣ опредѣлительныхъ, всегда съ тѣмъ же удареніемъ, какъ полныя или членныя, при чемъ однакожъ надо замѣтить, что такъ употребляются собственно только названные въ предыдущемъ замѣчаніи падежи; родительный же и дат. муж. и ср. рода ед. числа весьма рѣдко. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Изъ Ломоносова:

.....въ надеждѣ,
Котора ихъ питала прежде (II, 127) [1]).
Велика радость намъ родилась (129).
Мѣста *святы*, мѣста *прекрасны* (130).
Она — героями *рожденна* (132).

Изъ Державина:

Прочь, *буйна* чернь, *непросвѣщенна* (II, 98) [2]).

[479] Изъ Крылова:

Польсти же мнѣ, надежда *мила* (II, 91) [3]).
Мнѣ жизнь *дѣвическа* ничуть не тяжела (113).
Помертвѣло *чисто* поле (149).
Умильны ямочки пропали на щекахъ (114).

---

1) По Смирдинскому изданію.
2) По 2-му академическому изданію.
3) По Полному собранію сочиненій Крылова.

Изъ Пушкина:

Въ *долгу* ночь на вѣткѣ дремлетъ....
Въ теплый край, за *сине* море (III, 241) [1]).
Летунья *легкокрыла* (тамъ же, 402).

Стр. 300 и 305. При указаніи отступленій отъ обычныхъ формъ склоненія слѣдуетъ прибавить народн. творит. падежъ числит. *сто* — *стомя́*.

300. „Зелень *имѣетъ во множ. еще діалект. форму зеленя́*“. — Это справедливо (хотя неправильна транскрипція zelenьja = зеленья), но необходимо оговорить, что въ такомъ случаѣ *зеленя́* (въ значеніи озимыхъ хлѣбовъ на корню) — мужескаго рода (какъ лѣкаря, учителя) и уже неупотребительно въ единств.

Стр. 302. Между примѣрами именъ на *ёнокъ* пропущено неправильное множ. *чертенята*.

Стр. 308. *Въ склоненіи личнаго мѣстоим. приставляется н передъ гласною „послѣ односложныхъ предлоговъ“* — Не только послѣ односложныхъ, но вообще послѣ первообразныхъ предлоговъ, какъ то: *мимо, между, возлѣ, подлѣ, послѣ, противъ: мимо него, возлѣ нея, противъ нихъ.*

Пропуская нѣсколько другихъ менѣе важныхъ замѣтокъ г. Миклошича, которыя могли бы также быть дополнены или подать поводъ къ возраженіямъ, — повторю въ заключеніе, что все сказанное мною сообщается никакъ не въ укоръ заслуженному филологу, а единственно въ интересѣ науки.

---

[1]) По изданію Анненкова.

ДВѢ КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

1876.

Опыт фонетики резьянских говоров. И. Бодуэна-де-Куртенэ. Варшава. Петербург, 1875 г.
Резьянскій катихизис, как приложеніе к „Опыту фонетики резьянских говоров“ с примѣчаніями и словарем. Издал И. Бодуэн-де-Куртенэ.

[480] Трудъ г. Бодуэна „Опыт фонетики резьянских говоров“ былъ плодомъ его путешествія по славянскимъ землямъ и доставилъ ему степень доктора при Петербургскомъ университетѣ. Имя маленькаго славянскаго народа Резіянъ, составляющаго съ небольшимъ 3.000 душъ, конечно, извѣстно у насъ очень немногимъ. Живетъ онъ въ странѣ, прилегающей къ сѣверному берегу Адріатическаго моря, въ горахъ за рѣкою Сочей или Изонцо, отличается сравнительно нѣкоторою патріархальною чистотою нравовъ, и говоритъ языкомъ, сохраняющимъ многія исконныя особенности. Первый изъ русскихъ посѣтилъ резіянъ въ 1841 году академикъ И. И. Срезневскій, и тогда же напечатано было въ Часописи Чешскаго музея письмо его къ Ганкѣ объ этомъ народцѣ. Благодаря позднѣйшему изслѣдованію И. А. Бодуэна, Срезневскій вспомнилъ дневникъ, веденный имъ во время давнишняго путешествія, но остававшійся съ тѣхъ поръ въ рукописи, напечаталъ его въ академическомъ изданіи съ любопытными приложеніями, между которыми находится и сейчасъ упомянутое письмо его къ чешскому ученому. Въ самомъ дневникѣ онъ живо разсказываетъ свои встрѣчи съ простодушными туземцами, описываетъ ихъ бытъ и нравы. Помѣщенныя имъ подъ строкою замѣтки г. Бодуэна показываютъ, что съ [481] того времени многое измѣнилось даже и въ этомъ тихомъ уголкѣ земли. Впрочемъ, географическое и статистическое описаніе Резьянской долины г. Бодуэнъ обѣщаетъ сообщить въ особой статьѣ; теперь же онъ въ своей книжкѣ разсматриваетъ, съ большою подробностію, только языкъ населенія. Въ предисловіи онъ откровенно сознается, что въ началѣ своихъ наблюденій надъ мѣстными говорами онъ слѣдовалъ отчасти ошибочнымъ пріемамъ. „Находясь под вліяніем какой-то лихорадочной

жадности“, говоритъ онъ, „я старался прежде всего записать по возможности болѣе, не принимая в соображеніе того разумнаго правила, что для науки всего желательнѣе и полезнѣе даже небольшое количество совершенно вѣрных и несомнѣнных фактов и основанных на них выводов, нежели громадная куча наскоро замѣченных явленій и обусловленных ими предположеній иногда весьма проблематическаго свойства“. За то „постоянное упражненіе, вслѣдствіе внимательнаго вслушиванія в малѣйшие оттѣнки произношенія различных, не только славянских, но тоже романских и германских, говоров развило во мнѣ“, продолжаетъ авторъ, „даже без достаточных теоретических познаній, извѣстнаго рода опытность и ловкость, благодаря которым, под конец моих изысканій, я записывал діалектическіе матеріалы, как мнѣ кажется, почти безукоризненно“.

При всемъ томъ, авторъ самъ не вполнѣ доволенъ результатами своихъ изслѣдованій и полагаетъ, что для пополненія оставшихся пробѣловъ и исправленія вѣроятныхъ промаховъ ему нужно было бы еще разъ провѣрить свои наблюденія на мѣстахъ: по его убѣжденію, такія вторичныя поѣздки вообще необходимы для діалектологовъ. Резьяне же, какъ мы узнаёмъ далѣе изъ самаго изслѣдованія, вообще говорятъ очень скоро и невнятно.

Трудъ г. Бодуэна раздѣляется на три части: первая посвящена описанію резьянскихъ звуковъ вообще, вторая — разсмотрѣнію этимологическихъ отношеній этихъ звуковъ, третья — общимъ заключеніямъ и выводамъ. Мы не послѣдуемъ за [482] авторомъ во всѣхъ подробностяхъ его наблюденій, представляющихъ совершенно спеціальный интересъ, но не можемъ не замѣтить, что между ними есть нѣкоторыя чрезвычайно любопытныя. Отъ вниманія его не ускользнули и тѣ измѣненія, которыя отличаютъ современное резьянское нарѣчіе отъ прежняго. Такъ его поразило, между прочимъ, исчезновеніе звука h передъ гласными въ столбицкомъ говорѣ. „Характеристично въ этом отношеніи“, разсказываетъ онъ, „негодованіе одного семидесятилѣтняго старца из Столбицы против молодых людей его же деревни, которых он вовсе не в состояніи понять вслѣдствіе именно невыговариванія ими произносимаго им и его сверстниками согласнаго h. Так напримѣр, одна молодая женщина спросила его „réte nát?“ и он только послѣ догадался, что это должно было означать: „hréte hnát?“ (идете гнать? то-есть скот). Старикъ объяснял этот, по его мнѣнію, предосудительный обычай молодых „бравурой“, то-есть желаніем пофрантить и порисоваться“.

Что касается отношенія резьянскихъ говоровъ къ другимъ славянскимъ нарѣчіямъ, то г. Бодуэнъ находитъ всего болѣе сходства между ними и говорами южныхъ сосѣдей резьянъ, то-есть сербовъ и хорватовъ смежныхъ округовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ

въ языкѣ первыхъ на одну характеристическую особенность, на основаніи которой можно считать ихъ говоры совершенно особой группой въ области сербо-хорватскаго нарѣчія. „Эта исключительно резьянская принадлежность состоит в законѣ гармоніи гласных, которая основывается на противоположности, с одной стороны, темных и ясных гласных, с другой же стороны, на противоположности гласных широких и узких... Эта особенность проявляется в каждом без исключенія малосложном резьянском словѣ, если не в положительном, то по крайней мѣрѣ отрицательном смыслѣ и слѣдовательно проникает весь звуковой организм резьянских говоров".

Такъ какъ подобное построеніе словъ составляетъ главную фонетическую особенность финскихъ и вообще туранскихъ языковъ, и кромѣ того большинство резьянъ отличается совершенно [483] не славянскими физіономіями, то авторъ высказываетъ предположеніе, что они представляютъ смѣсь славянъ съ какимъ-то отпрыскомъ туранскаго племени или, точнѣе говоря, состоятъ изъ смѣси славянъ съ ославянившимися туранами: „Резьянскіе же говоры, сообразно племенному происхожденію их носителей, являются славянскими говорами, подвергшимися сильному туранскому вліянію". Въ подкрѣпленіе этой гипотезы, впрочемъ, никакъ не выдаваемой авторомъ за рѣшительный выводъ, онъ указываетъ и на сознаніе нѣкоторыхъ болѣе образованныхъ резьянъ. Такъ, напримѣръ, учительница мѣстнаго женскаго училища въ Раванцѣ, говоря съ нимъ о трудностяхъ письменной передачи резьянскихъ звуковъ, высказала мнѣніе, что „ta únħarska gramátika ba bíla najbújša za nàš langàč", то-есть: венгерское правописаніе было бы самое подходящее для нашего языка. Но вообще между резьянами и даже внѣ ихъ земли очень распространено, хотя и ни на чемъ не основанное, преданіе, будто родоначальники нынѣшнихъ резьянъ прибыли изъ Россіи и что поэтому резьяне суть русскіе и говорятъ русскимъ языкомъ. Это мнѣніе, вѣроятно, обязано своимъ происхожденіемъ какому-нибудь мѣстному ученому, который такъ истолковалъ случайное сходство названія своего племени съ именемъ русскихъ. На это повѣрье резьянъ указалъ уже и акад. Срезневскій въ своемъ дневникѣ.

Справедлива ли догадка г. Бодуэна объ элементахъ резьянскаго нарѣчія и вообще въ какой степени всѣ частныя замѣчанія его вѣрны, объ этомъ судить не считаю себя въ правѣ безъ спеціальнаго знакомства съ предметомъ его наблюденій. Могу говорить только о его методѣ и выказанныхъ въ его новомъ трудѣ свѣдѣніяхъ и соображеніяхъ. Съ этой стороны, нельзя не отдать полной справедливости изслѣдованію г. Бодуэна, свидѣтельствующему о совершенно правильныхъ пріемахъ его многостороннихъ наблюденій. Можно только усомниться, не слишкомъ ли пространно у него изложены всѣ мельчайшія

подробности подмѣченныхъ имъ явленій, и не лучше ли бы онъ поступилъ, [484] если бъ въ окончательномъ результатѣ своихъ изысканій ограничился болѣе рѣзкими и крупными чертами, отнеся остальное въ приложенія, какъ матеріалъ, послужившій ему основаніемъ для его выводовъ. При менѣе обширныхъ размѣрахъ, его изслѣдованіе конечно выиграло бы въ интересѣ и наглядности. Какъ ни сухи повидимому филологическіе труды, и въ нихъ не должно пренебрегать способомъ изложенія, при которомъ они могутъ становиться болѣе удобочитаемыми даже для спеціалистовъ. Въ заключеніе нельзя пройти молчаніемъ, что хотя слогъ г. Бодуэна вообще правиленъ, однакожъ изрѣдка встрѣчаются у него выраженія не совсѣмъ согласныя съ духомъ русскаго языка. Впрочемъ, можно надѣяться, что подобные частные промахи изложенія скоро исчезнутъ изъ сочиненій г. Бодуэна при его дальнѣйшей дѣятельности въ чисто-русской средѣ и его рѣдкихъ филологическихъ дарованіяхъ.

II.

Этимологія древняго церковно-славянскаго и русскаго языка, сближенная съ этимологіей языковъ греческаго и латинскаго. *Е. Бѣлявскаго*, преподавателя 5-й Московской гимназіи. Москва 1875 г.

[485] Попытка г. Бѣлявскаго внести въ кругъ учебной грамматики сравненіе съ классическими языками входитъ въ область вопроса, раздѣляющаго нынче весь германскій педагогическій міръ на два противоположные лагеря. Вопросъ этотъ весьма обстоятельно разсмотрѣнъ въ изданной 1874 года въ Мюнхенѣ брошюрѣ г. Жолли (Jolly): „Schulgrammatik und Sprachwissenschaft". Затѣмъ его коснулся и критическій отдѣлъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ статьѣ г. Гельбке [1]). Пріятно было видѣть, что здѣсь вопросъ рѣшается точно такъ же, какъ и въ изслѣдованіи г. Жолли, то-есть въ пользу введенія результатовъ сравнительнаго языкоученія въ гимназическій курсъ преподаванія древнихъ языковъ. Само собою разумѣется, что при этомъ необходимо соблюдать извѣстныя границы сообразно съ цѣлію и со степенью интереса, который можно предполагать къ такому методу въ учащихся, по возрасту ихъ и развитію. Надлежащая въ этомъ отношеніи мѣра удачно выдержана въ греческой грамматикѣ Курціуса, въ первый разъ возымѣвшаго и осуществившаго идею по-

[1]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, октябрь 1875: „О примѣненіи результатовъ сравнительнаго языкознанія къ преподаванію грамматики древнихъ языковъ въ гимназіяхъ".

добнаго примѣненія успѣховъ науки слова къ потребностямъ школы.

У насъ прочное основаніе сравнительному методу въ русской грамматикѣ положено Ѳ. И. Буслаевымъ, труды котораго [486] составили эпоху въ исторіи преподаванія отечественнаго языка. Съ его почина изученіе церковно-славянскаго языка стало итти въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ параллельно съ русской этимологіей, и благодаря „Исторической грамматикѣ" начали появляться учебники, развивающіе то же содержаніе въ меньшихъ размѣрахъ и въ болѣе доступной для учениковъ формѣ. Значеніе, какое дано въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ древнимъ языкамъ, подало г. Бѣлявскому счастливую мысль расширить область сравнительнаго метода въ славяно-русской грамматикѣ, положивъ въ основу его формы греческія и латинскія [1]). Называю эту мысль счастливою потому, что ничто такъ не объясняетъ предметовъ ученія, какъ открываемая между ними связь; этимъ только способомъ то, что само по себѣ казалось бы случайнымъ и непонятнымъ, пріобрѣтаетъ смыслъ и законность; то, что иначе усвоивалось бы только памятью, освѣщается соображеніемъ и входитъ въ сознаніе. „Древній церковно-славянскій языкъ, объясняя формы русскаго языка, въ то же время указываетъ на близкое родство этого послѣдняго съ древними классическими языками. Родство это обнаруживается не только въ корняхъ и образованіи словъ, но и во всѣхъ оттѣнкахъ измѣненій словъ. Въ другихъ новыхъ языкахъ измѣненіе частей рѣчи такъ далеко уклонилось отъ первоначальнаго своего вида, что сближеніе въ этомъ отношеніи новыхъ языковъ съ древними классическими дѣлается, по крайней мѣрѣ въ учебникѣ, невозможнымъ. Славянскіе языки болѣе другихъ новѣйшихъ языковъ сохранили первобытныя формы и поэтому удобнѣе могутъ быть сближаемы съ древними классическими языками". Изъ этихъ словъ, которыми начинается предисловіе г. Бѣлявскаго, мы узнаемъ весьма вѣрную исходную мысль новаго руководства, назначаемаго, какъ [487] онъ далѣе объясняетъ, главнымъ образомъ для IV класса гимназій, съ тѣмъ однакоже, чтобы не вполнѣ усвоенное по недостатку времени въ этомъ классѣ проходилось въ высшихъ при чтеніи памятниковъ древней русской литературы.

Новый элементъ проведенъ въ грамматикѣ г. Бѣлявскаго весьма сдержанно и, на первый случай, достаточно для цѣли уясненія состава и формъ языка. Сравненіе съ древними языками оказало здѣсь самое значительное вліяніе на способъ дѣленія существительныхъ по

---

[1]) Изданная Лицеемъ Цесаревича Николая превосходно составленная Латинская грамматика въ соединеніи съ русскою заключаетъ въ себѣ также сравненія по одному изъ древнихъ языковъ съ русскимъ, но она не проводитъ методически сличенія формъ того и другого, а указываетъ лишь вообще на встрѣчающіяся въ обоихъ сходныя грамматическія явленія.

склоненію. Помощію своего метода авторъ убѣдился, что славяно-русское склоненіе существительныхъ почти тожественно съ такимъ же склоненіемъ въ классическихъ языкахъ: такъ какъ тамъ склоненія различаются не столько по окончаніямъ падежнымъ, сколько по основамъ, то онъ, принявъ то же начало, нашелъ всего удобнѣе раздѣлить церковно-славянскія и русскія имена сущ. также на три склоненія, и къ первому изъ нихъ отнесъ имена съ основой на *а*, какъ на самый чистый гласный звукъ. Начать съ склоненія на *а* ему казалось тѣмъ болѣе нужнымъ, что оно въ русскомъ языкѣ имѣло сильное вліяніе на прочія склоненія, которыя во многихъ падежахъ потеряли свою основную гласную и приняли основу склоненія на *а*. Нельзя не признать справедливости этихъ соображеній. Дѣленіе глаголовъ на спряженія и основанія дѣленія, по замѣчанію г. Бѣлявскаго, также весьма сходны въ греческомъ языкѣ. Особенное вниманіе обратилъ онъ на слова, имѣющія такъ называемыя неправильныя окончанія; въ нихъ всего болѣе обнаруживаются остатки древности и одинаковое съ греческими и латинскими словами образованіе, часто даже одни и тѣ же корни.

Предположивъ, что по его руководству преподаваніе должно начаться ученіемъ о буквахъ и звукахъ, послѣ чего слѣдуетъ перейти къ парадигмамъ склоненій и спряженій, г. Бѣлявскій отдѣлилъ всѣ парадигмы отъ самыхъ объясненій. Этимъ онъ достигъ весьма важной выгоды въ томъ отношеніи, что при такомъ способѣ ему легче было избѣгнуть той сухости, какою страдаетъ изложеніе въ бóльшей части грамматикъ. Здѣсь [488] объяснительная часть, при надлежащей сжатости и стройномъ расположеніи, своею удобопонятностью способна заинтересовать достаточно-подготовленнаго ученика. Такимъ образомъ надо отдать полную справедливость умѣнью автора обращаться съ своимъ матеріаломъ. Что касается степени знанія и разумѣнія, обнаруженныхъ имъ при самой разработкѣ его, то и съ этой стороны новый учебникъ является въ весьма благопріятномъ для него свѣтѣ. Въ книгѣ этого рода мы, конечно, не можемъ непремѣнно требовать результатовъ самостоятельныхъ изслѣдованій или новыхъ филологическихъ открытій. Хорошо уже, если авторъ, ознакомившись съ важнѣйшими учеными трудами по своему предмету, извлекаетъ изъ нихъ все то, что съ пользою можетъ быть употреблено для педагогической цѣли. Хотя для законовъ славяно-русской этимологіи главнымъ источникомъ г. Бѣлявскому, очевидно, служила Историческая грамматика г. Буслаева, однакожъ нельзя не замѣтить у него и знакомства съ новѣйшими трудами по русской филологіи. Притомъ и старый матеріалъ во многихъ частяхъ разработанъ имъ самостоятельно. Такъ, отдѣлъ о звукахъ, при всей своей краткости, представляетъ у него въ основномъ ихъ распредѣленіи болѣе вѣрное пониманіе, нежели

какое мы находимъ въ большей части нашихъ грамматикъ. Это можно сказать особенно о его правильномъ дѣленіи гласныхъ на твердые и мягкіе. Жаль однакожъ, что онъ въ системѣ русскихъ звуковъ употребляетъ безъ дальнѣйшаго поясненія иностранную букву j, которую вслѣдъ за большинствомъ филологовъ считаетъ согласною (а не полугласною) и по примѣру нѣмецкихъ славистовъ сопровождаетъ въ концѣ слова *еромъ* [1]). Такъ, напримѣръ, чтобъ уяснить род. падежъ множ. ч. именъ муж. р. на ь онъ пишетъ въ скобкахъ: конь-j-ъ или коне-j-ъ (стр. 47). Подобныя непроизносимыя начертанія едва ли достигаютъ своей цѣли въ учебникѣ. При указаніи на усиленіе звука е въ о и въ jo (стр. 12) условіемъ этого перехода показано только удареніе, но забыто [489] другое, столь же существенное въ большей части случаевъ условіе, то-есть, твердость послѣдующаго звука, напримѣръ, въ словѣ *плеть* такой переходъ невозможенъ, но онъ оказывается въ формѣ *плётка.* Въ фонетической терминологіи авторъ разбираемаго руководства держится общеупотребительныхъ у насъ, хотя и не выдерживающихъ критики названій, напримѣръ, *звучные* и *отзвучные, придыхательные* и т. п. [2]), при чемъ онъ, конечно, можетъ, въ оправданіе свое, опереться на довольно сильные авторитеты. Замѣчаніе, что буква *ѣ* большею частью удерживаетъ на себѣ удареніе (стр. 8), напримѣръ *дѣти, сѣверъ, нѣмецъ*, высказывалось, правда, и другими, но оно положительно невѣрно, если, по крайней мѣрѣ, не ограничить его дополненіемъ: „въ первообразныхъ словахъ“, какъ легко усмотрѣть изъ слѣдующихъ близкихъ къ приведеннымъ словъ: *дѣтúна, сѣверя́нинъ, нѣмéцкій.* Кстати, объ удареніи: по общему у насъ обычаю, г. Бѣлявскій почти вовсе оставляетъ его безъ вниманія при объясненіи законовъ языка: можетъ быть, онъ вмѣстѣ съ своими предшественниками полагаетъ, что удареніе къ ученію о формахъ не относится; я убѣжденъ, напротивъ, что грамматика наша до тѣхъ поръ не вступитъ на истинный путь, пока не внесетъ ударенія, какъ существеннаго элемента, въ теорію русскихъ флексій. Флексіею г. Бѣлявскій (стр. 25) называетъ „измѣняемую по склоненію или спряженію часть слова“, но едва ли не справедливѣе назвать такъ самое это измѣненіе, какъ дѣлаетъ г. Буслаевъ (см. его Учебникъ русской грамматики. М. 1874. § 28).

Вотъ еще нѣсколько частныхъ замѣчаній. Между суффиксами существительныхъ мы находимъ въ грамматикѣ г. Бѣлявскаго „*тл*(*о*) (= лат. tr-um, греч. τρ-ον), при чемъ звукъ *т* передъ *л* отпадаетъ“, и въ примѣръ того приведены: *рало, вертило, било, шило, мыло.* Знаю,

[1]) См. выше, стр. 249 сл.

[2]) Что неудобно какіе бы ни было звуки называть *звучными* и находить *придыхательные* въ языкѣ, гдѣ вообще нѣтъ придыханій, объ этомъ, кажется, можетъ быть только одно мнѣніе: см. II-ую часть *Филологическихъ Разысканій.*

что это мнѣніе выражается не въ первый разъ (г. В. Миллеръ относитъ и слово *миръ* къ тому [490] же суффиксу); но позволяю себѣ сильно сомнѣваться въ справедливости такого взгляда на составъ подобныхъ словъ. Относительно ц.-сл. сущ. *рало* трудно сказать что-нибудь положительное (Я. Гриммъ сближаетъ съ этимъ словомъ нѣм. arl), но въ *русскихъ* именахъ такого образованія нельзя не видѣть просто обращенныхъ въ сущ. причастныхъ формъ ср. рода: западнославянская вставка въ такихъ именахъ звука *д* передъ *л* не что иное, какъ фонетическое явленіе. Когда *д* или *т* есть въ корнѣ, то эти звуки и у насъ не выпадаютъ передъ именнымъ суффиксомъ *ло*, напримѣръ, *сѣдло*, *метла*.

Суффиксъ для означенія дѣтей *ищ*, замѣчаетъ г. Бѣлявскій, перешелъ въ русскомъ языкѣ въ суффиксъ именъ отечественныхъ *ич*, приставляемый обыкновенно къ суффиксамъ прилагательныхъ *ов*, *ев*.— Суффиксъ *ич* образуетъ не одни отечественныя имена въ тѣсномъ смыслѣ, но, присоединяясь и къ нарицательнымъ, означаетъ вообще происхожденіе лицъ мужескаго пола, напримѣръ, *поповичъ*, *королевичъ*, *родичъ*, *дѣдичъ*, *отчичъ*, *москвичъ*; притомъ онъ присоединяется часто, какъ видно изъ этихъ примѣровъ, не къ однимъ прилагательнымъ на *ов*, *ев*, но и прямо къ основѣ имени существ., даже иногда женскаго рода, какъ показываетъ слово *рабыничъ* въ лѣтописи. Эту форму умѣстно было бы сравнить съ гр. ιτης, δης, ιδεος, съ лат. ita, icus, itius, на которыя указалъ еще Павскій (*Ф. Н.*, II, § 76).

По обозрѣніи окончаній множ. ч. всѣхъ склоненій, авторъ новой грамматики (стр. 52) обращаетъ вниманіе на сходныя въ нихъ формы и выводитъ справедливое заключеніе: „Слѣдовательно, во множ. числѣ окончанія, указывающія склоненіе и родъ, хотя тоже съ исключеніями, находятся только въ именит. сред. рода: *а*, *я* и въ род. муж. рода: *овъ*, *евъ*". Здѣсь надобно было прибавить еще одно очень важное замѣчаніе, именно, что и именит. множ. числа въ сущности не имѣетъ окончаній, строго различаемыхъ по родамъ, ибо, какъ звуки *ы*, *и* часто придаются въ этой формѣ именамъ средняго р. (солнцы, яблоки), такъ и наоборотъ имена муж. р. чуть ли не по большей части [491] оканчиваются въ ней на *á*, *я́*. При этомъ слѣдовало бы конечно указать и на законъ, дѣйствующій въ послѣднемъ случаѣ и относящійся къ ударенію. Тутъ есть три неизмѣнныя правила: 1) именит. падежъ тѣхъ именъ муж. р., у которыхъ удареніе падаетъ на падежное окончаніе: *столъ*, *столá* и т. д., не можетъ въ имен. множ. оканчиваться иначе, какъ на *ы́*. 2) Не могутъ оканчиваться на *á*, *я́* и тѣ двух- и трехсложныя имена съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ въ именит. падежѣ ед. ч., которыя не перемѣняютъ акцента и во флексіяхъ; итакъ *стакáнъ*, *стакáны*. 3) Напротивъ, на *á*, *я́* въ именит. падежѣ множ. числа оканчиваются такія имена муж. р., которыя въ

прямой формѣ ед. ч. носятъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, а также и многія односложныя, принадлежащія къ вседневной рѣчи: *пóваръ, поварá, мáстеръ, мастерá, гóлосъ, голосá, учи́тель, учителя́* [1]) и проч. Можетъ быть, авторъ только въ этомъ курсѣ не хотѣлъ касаться ударенія и полагалъ отнести ученіе о немъ къ другому, высшему курсу грамматики; но въ такомъ взглядѣ и заключается существенное недоразумѣніе, потому что у насъ формы флексій тѣсно связаны съ удареніемъ или отсутствіемъ его въ окончаніяхъ.

Вслѣдъ за приведенными строками г. Бѣлявскій объясняетъ средство узнавать по род. падежу множ. ч. родъ именъ, неупотребительныхъ въ единственномъ. Есть однакожъ случаи, въ которыхъ этотъ способъ не можетъ оказать помощи, какъ, напримѣръ, относительно имени *сани*, род. множ. *саней*. Авторъ, по примѣру прежнихъ грамматиковъ, причисляетъ это имя просто къ женскому роду, но есть признакъ для доказательства этого: надо образовать уменьшительную его форму, и тогда родъ ясно окажется: *санки, санокъ* (а не санковъ). При этомъ припоминается общее правило, о которомъ наши грамматики обыкновенно умалчиваютъ: при образованіи увелич. или уменьшительнаго родъ имени не измѣняется, несмотря на окончаніе [492] суффикса. Вотъ почему имена *домишко, домище, домина, мальчишка* — муж. р. Исключеній почти нѣтъ: къ числу немногихъ принадлежатъ: *сидѣлка, веселка, дрянцó* (но есть и форма: *дрянцá*).

При исчисленіи суффиксовъ, служащихъ къ образованію прилагательныхъ, всѣ наши грамматики грѣшатъ тѣмъ, что не отдѣляютъ самыхъ распространенныхъ изъ нихъ отъ тѣхъ, которые имѣютъ болѣе частное примѣненіе. Отъ этого случилось, что г. Бѣлявскій (§ 120) совершенно упустилъ изъ виду самый главный изъ первыхъ, именно суффиксъ *н*, который и въ Исторической грамматикѣ г. Буслаева упоминается только мимоходомъ въ числѣ другихъ. Между тѣмъ онъ образуетъ наибольшее число качественныхъ прилагательныхъ и по способу присоединенія къ основамъ представляетъ множество любопытныхъ видоизмѣненій. Чтобы не входить здѣсь въ слишкомъ большія подробности, удовольствуюсь только примѣрами разныхъ категорій образованія посредствомъ суффикса *ный*: черный важный, сильный, сердечный, чудесный, погребальный, хвалебный, сравнительный, огненный, чувственный. Къ образованію прилагательныхъ отъ иноязычныхъ словъ преимущественно служитъ этотъ же суффиксъ: элементарный, идеальный, деликатный, серіозный и проч. и проч. Онъ же въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при дополнительныхъ слогахъ образуетъ прилагательныя относительныя: гостиный, лебединый, серебряный, нитяный (суффиксъ *яный* приведенъ и г. Бѣляв-

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. выше, стр. 329.

скимъ, но не какъ видоизмѣненіе другого болѣе общаго окончанія). Значеніе относительнаго прилагательнаго суффиксъ *н* сообщаетъ особенно подъ удареніемъ: роднóй, степнóй, временнóй. Далѣе онъ же, въ формѣ *ній*, образуетъ прилагательныя, означающія отношеніе къ пространству или времени: верхній, нижній, средній, древній и проч.

Упоминая объ окончаніяхъ прилагательныхъ, выражающихъ принадлежность лицу (§ 120, пунктъ 3), г. Бѣлявскій (опять по примѣру всѣхъ нашихъ грамматиковъ) вовсе умалчиваетъ о двойныхъ или двучленныхъ суффиксахъ *ов-скій* и *ин-скій*, [493] служащихъ къ образованію прилагат. относительныхъ, всего чаще личныхъ, напримѣръ: поповскій, петровскій, днѣпровскій, мартовскій, шемахинскій, маріинскій. Двучленный суффиксъ *овскій*, такъ же, какъ и отдѣльныя части его (т. е. *овъ* и *скій*), послужилъ къ образованію множества русскихъ родовыхъ именъ, напримѣръ Соколовъ, Соколовскій; гораздо рѣже встрѣчается въ русскихъ именахъ этой категоріи суффиксъ *инскій* (Кульминскій, Ильинскій), хотя одно окончаніе *инъ* также весьма обыкновенно: *Свиньинъ*, *Пушкинъ*.

Въ статьѣ объ образованіи видовъ отъ глаголовъ первообразныхъ (§ 153) слишкомъ мало обращено вниманія на особый разрядъ глаголовъ, въ примѣръ которыхъ г. Бѣлявскій привелъ: *ползти*, *ползать* и *плыть*, *плавать*. Въ нихъ выставилъ онъ только то отличіе, что они, принимая примѣту *а*, „не заключаютъ въ себѣ понятія о давности“, которое, по мнѣнію его, свойственно глаголамъ многократнаго вида: *ѣдать*, *пѣвать* и проч. Въ первыхъ, прибавляетъ онъ, „понятіе о многократности дѣйствія переходитъ въ понятіе о дѣйствіи въ разныхъ направленіяхъ, потомъ о постоянныхъ занятіяхъ предмета, и, наконецъ, понятіе о дѣйствіи предмета переходитъ въ нихъ въ понятіе о свойствѣ: змѣя *ползетъ* (дѣйствіе), змѣя *ползаетъ* (свойство)“. Здѣсь, во-первыхъ, не указанъ существенный признакъ значенія такихъ глаголовъ: всѣ они означаютъ не дѣйствіе вообще, а именно *движеніе*, движеніе разными способами: итти, ходить; бѣжать, бѣгать; плыть, плавать; ползти, ползать; катить, катать; летѣть, летать; валить, валять; ронить, ронять и пр. Во-вторыхъ, различіе этихъ формъ состоитъ совсѣмъ не въ различіи вида, а образуетъ совершенно особую категорію двоякихъ понятій: единство или разнообразіе направленія составляетъ, конечно, одну изъ чертъ этого различія, но что касается постоянства занятія и свойства, то это значеніе можетъ принадлежать и всѣмъ глаголамъ несовершеннаго вида. Въ выраженіи: *змѣя ползаетъ* сказуемое не болѣе означаетъ постоянство занятія или свойство, какъ въ такихъ фразахъ: „животное движется, дерево растетъ, земледѣлецъ пашетъ“ [494] и т. п. Особенность *двоякихъ* глаголовъ *движенія* заключается въ томъ, что они въ одной формѣ озна-

чаютъ движеніе не только въ одномъ направленіи, но и въ *одинъ пріемъ*, а въ другой формѣ движеніе то въ разныхъ направленіяхъ, то безъ опредѣленной цѣли, то повторяющееся (учащательное), хотя и въ одномъ направленіи; напримѣръ, встрѣтивъ кого-нибудь на улицѣ, я спрошу его: *куда ты идешь?* а не *куда ты ходишь?* но могу спросить: „куда ты въ это время каждый день *ходишь* по этой дорогѣ?" Тутъ разумѣется одно направленіе, но имѣются въ виду разные пріемы (краты) и дѣйствіе повторяющееся. Далѣе, особенность этихъ глаголовъ состоитъ еще въ томъ, что они въ обѣихъ формахъ имѣютъ и настоящее и сложное будущее: я иду, я хожу, я буду итти, я буду ходить [1]), чего не представляютъ глаголы, различающіеся по видамъ, напримѣръ: бросить и бросать, хватить и хватать. Слѣдовательно, въ первообразной формѣ своей двоякіе глаголы движенія должны быть разсматриваемы не въ главѣ о видахъ, а какъ совершенно отдѣльный разрядъ славянскаго глагола; образованіе видовъ отъ нихъ опять не подходитъ подъ общія правила, и въ этомъ отношеніи они также должны занимать свое особое мѣсто.

Говоря о дѣленіи глаголовъ на спряженія, г. Бѣлявскій, по старому обычаю нашихъ грамматиковъ, повторяетъ правило, что 1-е спряженіе отличается отъ 2-го по 2-му лицу единств. числа (§ 167, п. 2). Какъ причину принятія 2-го лица ед. ч. признакомъ отличія обоихъ спряженій (на *ешь* и *ишь*), г. Бѣлявскій приводитъ то, что этотъ признакъ *неясно виденъ* въ 1-мъ лицѣ: для [495] бо́льшей ясности принято 2-е лицо ед. ч. Но что́, если это различіе еще *яснѣе* видно изъ другого лица? Не придется ли въ такомъ случаѣ отдать преимущество этому лицу? Такою формой является у насъ, какъ въ семитическихъ языкахъ, 3-е лицо, но не единств., а множ. числа. Доказать это не трудно. Возьмемъ сначала 2-е лицо ед. ч. По формамъ *можешь, берешь* (самимъ по себѣ) еще не узна́ешь 1-го лица ед. ч., ибо такъ же оканчиваются глаголы *мажешь, порешь*; но если взять формы *могутъ, берутъ, мажутъ, порютъ*, то 1-е лицо несомнѣнно образуется по этому: сто́итъ только отбросить *тъ*. Такимъ образомъ получается форма; остается опредѣлить удареніе: указаніемъ ударенія служитъ неопредѣленное наклоненіе. На сходство ударенія въ 1-мъ лицѣ ед. ч. наст. врем. и неопр. наклоненія непремѣнно нужно обра-

[1]) Впрочемъ, это свойство принадлежитъ и небольшому числу другихъ глаголовъ, которые означаютъ не движеніе, а нѣкоторыя дѣйствія, относящіяся къ зрѣнію и слуху, напримѣръ: видѣть и видать, слышать и слыхать, блестѣть и блистать, свистѣть и свистать. Но очевидно, что между обѣими формами этихъ глаголовъ нѣтъ того опредѣленнаго различія, какъ между глаголами движенія. Поэтому *Востоковъ* (Р. Грам. § 59) и *Павскій* (Ф. Н., III § 22) напрасно соединили тѣ и другіе въ одну категорію, назвавъ ихъ: первый (т. е. Востоковъ) опредѣленными и неопредѣленными, и второй (Павскій) однообразными и разнообразными.

тить вниманіе въ учебникѣ, какъ на явленіе весьма характеристичное: *писа́ть, пишу́, дрема́ть, дремлю́, люби́ть, люблю́*, тогда какъ другія лица того же времени въ исчисленныхъ здѣсь и очень многихъ другихъ глаголахъ отступаютъ отъ этого ударенія. Не сходятся въ этомъ отношеніи указанныя двѣ формы только въ такихъ глаголахъ, у которыхъ неопред. накл. односложное (напримѣръ, красть, кра́ду, класть, кладу́), или которые оканчиваются на *чъ* (беречь, берегу); но число тѣхъ и другихъ не велико, и отличіе ихъ ударенія не трудно уразумѣть [1]).

Въ § 207 показаны глаголы, которые по однѣмъ формамъ относятся къ первому спряженію, по другимъ — ко второму. Здѣсь, въ пунктахъ 6-мъ и 7-мъ, приведены глаголы *дышатъ* и *слышатъ* съ такимъ замѣчаніемъ, что въ разговорномъ языкѣ первый принимаетъ иногда формы 2-го спряженія (дышишь), а второй — формы 1-го спряженія (слышешь). Если это бываетъ только иногда, то значитъ, что и наоборотъ, иногда, а можетъ быть и часто, слышится въ обоихъ случаяхъ правильная форма. Но которая же форма правильна? Конечно та, которая [496] соотвѣтствуетъ общему закону спряженія, то есть, форма на *ишъ* (въ окончаніи *атъ* послѣ шипящихъ, *а* замѣнило *ѣ*, а *ѣ* есть только видоимѣненіе *и*: крич*атъ*, какъ смотр*ѣтъ* — *ишъ*). Слѣдовательно, лучше было бы обратиться къ общему явленію, по которому въ глаголахъ окончаніе въ живой рѣчи слышится неправильно: не въ двухъ приведенныхъ глаголахъ только, но и во множествѣ другихъ произносятъ *ешъ* вмѣсто *ишъ*, и *утъ, ютъ* вмѣсто *атъ, ятъ*, и наоборотъ; напримѣръ, многіе говорятъ и ошибочно пишутъ: „онъ скажитъ, онъ пріѣдитъ, они хлопочатъ, надѣятся". Въ чемъ же сущность этого явленія? Въ неопредѣленности нашихъ неударяемыхъ гласныхъ: подобно тому, какъ смѣшиваются въ произношеніи *а* и *о*, — смѣшиваются равнымъ образомъ *е* и *и*, и это не въ однихъ глаголахъ: такъ же точно многіе ошибаются, когда пишутъ: цвѣточикъ, малинькій и т. п. Итакъ, на это явленіе должно быть указано не въ той или другой, случайно выбранной, формѣ, а при общемъ разсмотрѣніи звуковъ, или въ отдѣлѣ правописанія.

Въ главѣ объ архаическомъ спряженіи нѣкоторыхъ глаголовъ (дамъ, ѣмъ, — вѣсть) опущенъ глаголъ *создатъ* съ его неправильными, но замѣчательными личными формами: *создамъ, создашъ*. Надо было, сверхъ того, особо остановиться на глаголахъ: страдать — страждутъ, жаждать (вм. жадать) — жаждутъ, здать — зиждутъ, гнать — женутъ, зыба́ть — зыблютъ, въ спряженіи которыхъ не одни ученики частехонько ошибаются, такъ что, напримѣръ, слышатся такія формы:

---

[1]) Подробнѣе см. выше статью: „О спряженіи глагола и важности въ немъ ударенія".

изженить, зиждить, зыблить (послѣднія двѣ попали даже въ словарь Даля).

Въ указаніи состава и происхожденія словъ книга г. Бѣлявскаго вообще очень исправна. Вотъ, однакожъ, два не совсѣмъ вѣрныя указанія:

1) Въ предлогахъ *подлѣ* и *возлѣ* суффиксомъ означенъ слогъ *лѣ*. Древнія формы: подъль (также подоль, подолѣ, поздолѣ), подлъгъ (польск. podług), въдълѣ, въдолѣ (польск. vedle, vedług) открываютъ намъ въ основѣ этихъ предлоговъ корень *дл* (сущ. доль, длина), чѣмъ объясняется и составъ словъ *по-длинный*, [497] *по-длинникъ*, *по-длинно*. Такъ и первоначальная форма предлога *возлѣ*, какъ замѣтилъ Миклошичъ, должна быть *възъдлѣ*.

2) Нарѣчія *вонъ* и *внѣ* раздѣлены такъ: *в-он-ъ*, *в-н-ѣ*, и при послѣднемъ поставлено въ скобкахъ *въ онъ*. Конечно, г. Бѣлявскій не первый такимъ образомъ разлагаетъ эти частицы, но едва ли не основательнѣе Поттъ, а за нимъ и Миклошичъ, сближаютъ ихъ съ санскр. winâ, древне-прусск. winna почти того же значенія. Этимъ замѣчаніемъ я не хочу сказать, чтобы слѣдовало вводить въ учебники подобныя сравненія, но лучше вовсе не объяснять происхожденія словъ, нежели давать объясненіе невѣрное или даже сомнительное.

Указавъ на эти частности въ грамматикѣ г. Бѣлявскаго, повторю въ заключеніе то, что высказано уже въ началѣ настоящей замѣтки, то-есть, что этотъ трудъ обращаетъ на себя вниманіе какъ по новой идеѣ, положенной въ основу его, такъ и по ея исполненію.

КЪ ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНІИ ПОДЛЕЖАЩАГО ВЪ ПРЕДЛОЖЕНІИ.

1880.

[498] Учитель Корочанской Александровской прогимназіи (Курской губерніи) А. А. Дмитревскій напечаталъ въ *Филологическихъ Запискахъ* двѣ статьи о составѣ предложенія [1]), а вслѣдъ за тѣмъ началъ тамъ же помѣщать „Опытъ учебника русскаго синтаксиса". Обѣ предшествовавшія этому статьи доставлены авторомъ, въ видѣ особыхъ оттисковъ, во второе Отдѣленіе Академіи наукъ съ просьбой разсмотрѣть ихъ и дать о мысляхъ г. Дмитревскаго свой отзывъ.

Нельзя не радоваться, когда преподаватели отечественнаго языка, не довольствуясь старою рутиной, подвергаютъ серьёзной повѣркѣ установившіеся взгляды, и результаты такого пересмотра излагаютъ въ самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ. Поэтому мы съ полнымъ сочувствіемъ встрѣтили трудъ г. Дмитревскаго и охотно приняли на себя исполненіе его желанія. Въ чемъ же заключаются новыя мысли, проводимыя г. Дмитревскимъ? Съ одной стороны, онъ присоединяется къ тѣмъ педагогамъ, которые, будучи сбиты съ толку неудачнымъ опредѣленіемъ подлежащаго („то, о чемъ говорится"), считаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможнымъ принимать за него имя сущ. въ косвенныхъ падежахъ; съ другой, встрѣчая въ рѣчи [499] множество безличныхъ предложеній, изъ которыхъ иныя даже не носятъ на себѣ никакого признака подлежащаго (напр. нельзя, пошелъ, угостили), г. Дмитревскій пришелъ къ убѣжденію, что подлежащее не можетъ считаться однимъ изъ главныхъ членовъ предложенія, а должно быть низведено въ разрядъ второстепенныхъ, и именно *дополненій*. Это, по мнѣнію автора брошюръ,—главное дополненіе сказуемаго, но не болѣе. Въ подкрѣпленіе своей мысли, желая всячески унизить роль

---

[1]) „Практическія замѣтки о русскомъ синтаксисѣ" въ 1878 году и „Еще нѣсколько словъ о второстепенности подлежащаго" въ 1879 г.

подлежащаго, онъ старается какъ можно выше поставить безличное предложеніе, входитъ въ весьма произвольныя толкованія о постепенномъ развитіи человѣческой рѣчи и между прочимъ оспариваетъ неопровержимое замѣчаніе г. Буслаева, что такъ называемый безличный глаголъ имѣетъ грамматическое подлежащее либо, въ своемъ личномъ окончаніи (темнѣ*етъ*, смеркае*тся*), либо какъ въ другихъ языкахъ,—въ неопредѣленномъ мѣстоименіи (il pleut, man sagt). Г. Дмитревскій не признаетъ существеннымъ даже того возраженія, что каждый глаголъ въ личной формѣ уже самъ по себѣ заключаетъ или соединяетъ въ себѣ, вмѣстѣ съ сказуемымъ, и подлежащее, такъ какъ личныя окончанія первоначально были мѣстоименіями. Чтобы опрокинуть эту неоспоримую истину, онъ прибѣгаетъ къ странному предположенію, что мѣстоименные суффиксы глагола присоединились къ нему не въ прямой а въ косвенной формѣ, т. е., что напр. въ формѣ: ѣ*мъ* или да*мъ* окончаніе *м* означаетъ не *я*, а *мнѣ* или *меня!*

Для каждаго, кто посмотритъ на дѣло безъ предубѣжденія, совершенно ясно, что не только когда въ безличномъ предложеніи сказуемое выражено своею главною формой—глаголомъ, но и тогда, когда выразителемъ его служитъ прилагательное въ среднемъ родѣ, напр. *должно*, *тепло*, *холодно*, самое окончаніе формы этого сказуемаго уже указываетъ на какой-то предполагаемый въ умѣ, хотя и не высказываемый, и даже опредѣленно не мыслимый, субъектъ. Когда мы говоримъ: *свѣтаетъ*, *морозило*, то въ сущности логическимъ субъектомъ служатъ [500] предметныя понятія *свѣтъ*, *морозъ*, которыя, будучи представляемы дѣятелями, получили въ языкѣ форму глаголовъ [1]); грамматическими же субъектами такихъ сказуемыхъ служитъ то нѣчто, которое выражается въ окончаніяхъ безличныхъ глаголовъ. Важныя недоразумѣнія въ наблюденіяхъ надъ языкомъ происходятъ отъ смѣшенія логическихъ началъ съ грамматическими. По логическому смыслу предложенія, понятіе, выраженное подлежащимъ, можетъ дѣйствительно гораздо менѣе значить, нежели то, которое заключается наприм. въ косвенномъ дополненіи, но грамматика имѣетъ свои законы и требованія. Г. Дмитревскій самъ сознаетъ разницу обѣихъ точекъ зрѣнія [2]), и однакожъ онъ между прочимъ такъ разсуждаетъ: „Скажетъ ли г. Миловидовъ, что въ предложеніяхъ: *собака лаетъ на вора*, *птица летитъ отъ охотника*, *ученики шумятъ безъ учителя*, собака, птица, ученики есть единственные виновники, творцы дѣйствія сказуемаго и что это дѣйствіе явилось благодаря единственно желанію первой полаять, второй полетать, третьихъ пошумѣть? И воръ вѣдь

[1]) Это всего яснѣе изъ сравненія такихъ безличныхъ глаголовъ, какъ il pleut, il neige, es regnet, es schneit, съ русскими выраженіями: дождь идетъ, снѣгъ идетъ.

[2]) См. его статью „Еще нѣсколько словъ о второстепенности подлежащаго“, с. 6—9.

не меньше, если не больше собаки, виновникъ лая; охотникъ, а не одно желаніе птицы причина ея полета; не хорошо, что шумятъ ученики, да и учитель не безвиненъ, если оставилъ учениковъ однихъ и т. д. Не очевидно ли изъ этого примѣра, что авторъ смѣшиваетъ житейскія условія и логическія отношенія съ грамматическими?

Когда безличное сказуемое заключается въ словѣ, не представляющемъ никакихъ признаковъ подлежащаго, напр. *нельзя, пора*, то понятно, что тутъ опущенъ глаголъ *есть*, который необходимо является въ прошедшемъ и будущемъ времени (было, будетъ). Такого опущенія не допускаетъ г. Дмитревскій и вообще, когда сказуемымъ служитъ имя безъ глагола: по его [501] мнѣнію, имя въ такомъ случаѣ получаетъ „вербальную форму или спрягаемость и само въ себѣ заключаетъ уже признакъ настоящаго времени". Ему не приходитъ на мысль, что еслибъ имя само въ себѣ вмѣщало понятіе настоящаго, то оно не могло бы уже терпѣть при себѣ глагола ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ времени. Можно ли, не грѣша противъ здраваго смысла, отрицать, что когда мы говоримъ напр. *земля планета*, то мы въ умѣ своемъ соединяемъ эти два понятія не высказываемымъ утвержденіемъ *есть?* По мнѣнію г. Дмитревскаго, выраженія: *земля планета* и *земля есть планета* не однозначащи: любопытно было бы услышать, въ чемъ же собственно заключается полагаемая между ними разница? Возставая противъ рутинныхъ объясненій, авторъ не замѣчаетъ, что самъ подчиняется предубѣжденію, которое съ недавняго времени стало распространяться въ преподаваніи русскаго языка, именно взгляду, будто никакого способа выраженія нельзя объяснить подразумѣваемыми словами. Конечно, нельзя утверждать, будто для пополненія того или другого идіотизма необходимо подставить именно такое-то слово, но неоспоримо, что въ русскомъ предложеніи очень часто встрѣчается недосказанная мысль. Вслѣдствіе разныхъ особенностей языка, а также и по самому характеру русскаго ума, наша народная рѣчь особенно богата эллиптическими оборотами. Примѣровъ можно найти множество въ пословицахъ, въ басняхъ Крылова, въ комедіяхъ Островскаго и проч.

Одно изъ главныхъ основаній для признанія подлежащаго дополненіемъ г. Дмитревскій видитъ въ томъ, что именительный падежъ, наравнѣ съ другими падежами, принадлежитъ къ склоненію, слѣдовательно онъ, будто бы и въ синтаксическомъ отношеніи, однороденъ съ ними. До какого абсурда такой взглядъ доводитъ наконецъ автора, становится всего виднѣе въ его опытѣ синтаксиса, гдѣ отношеніе сказуемаго къ подлежащему оказывается вмѣстѣ и управленіемъ и согласованіемъ. Въ параграфѣ, озаглавленномъ: *Управленіе словъ*, говорится, что подлежащимъ управляетъ сказуемое, а въ слѣдующемъ за тѣмъ параграфѣ о [502] *согласованіи* замѣчено: „Подлежащее, нахо-

дясь подъ управленіемъ сказуемаго, часто и само оказываетъ на него вліяніе, выражающееся въ согласованіи сказуемаго съ подлежащимъ". Такимъ образомъ выходитъ, что сказуемое и управляетъ подлежащимъ, и согласуется съ нимъ: именительный падежъ причисленъ къ управляемымъ.

Къ утвержденію г. Дмитревскаго въ его взглядѣ на подлежащее способствовало наблюденіе, что когда оно выражено не словомъ, а цѣлымъ предложеніемъ, то это предложеніе безспорно (?) признается дополнительнымъ. Напр. въ стихѣ Крылова:

„Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ",

второе предложеніе считается дополнительнымъ; оно отвѣчаетъ на вопросъ: что извѣстно? и замѣняетъ именительный падежъ, въ которомъ могло бы стоять существительное *диковинность* или *рѣдкость* (слоновъ). Слѣдовательно и это существ. имя, или простое подлежащее не что иное, какъ дополненіе сказуемаго.

Повидимому, выводъ получился совершенно правильный, но дѣло въ томъ, что какъ скоро подлежащее замѣнено предложеніемъ, то это послѣднее не можетъ быть соединено съ другимъ (сказуемымъ) иначе, какъ посредствомъ союза, въ настоящемъ случаѣ союза *что*, и вотъ причина, почему подлежащее обратилось въ придаточное предложеніе; но это предложеніе служитъ не дополненіемъ сказуемому *извѣстно*, а опредѣленіемъ или поясненіемъ, развитіемъ подразумѣваемаго подлежащаго заключающагося въ указательномъ мѣстоименіи *то*. Здѣсь имѣется случай, очень близкій къ тому, который самъ г. Дмитревскій приводитъ въ доказательство, что сказуемое, какъ слово, не можетъ быть замѣняемо придаточнымъ сказуемымъ предложеніемъ. Именно, тутъ онъ опирается на слова г. Буслаева: „Въ предложеніи *Истинно благотворительный человѣкъ есть тотъ, который дѣлаетъ добро не изъ тщеславія*, придаточное служитъ опредѣленіемъ не цѣлому сказуемому *есть тотъ* и не глаголу *есть*, а [503] подразумѣваемому слову *человѣкъ* при опредѣлительномъ *тотъ*, т. е. тотъ человѣкъ, который и т. д.". Такимъ же образомъ и придаточное предложеніе, которое становится на мѣсто подлежащаго, служитъ, по крайней мѣрѣ иногда, опредѣленіемъ опущеннаго или и прямо выраженнаго подлежащаго *то*. Мы имѣемъ тутъ дѣло съ особенной категоріей придаточнаго предложенія, на которую въ нашемъ синтаксисѣ еще не было обращаемо достаточнаго вниманія, но которая требовала бы основательнаго разъясненія. Когда мы говоримъ: „*До какой степени это важно*, видно изъ того, что оно стало извѣстно", или: „Желательно, *чтобъ онъ пришелъ*, или „*Что онъ боленъ*, это доказывается его отсутствіемъ", неужели подчеркнутыя предложенія суть дополненія сказуемыхъ: видно, желательно, доказывается? Нѣтъ, эти предложенія слу-

жатъ опредѣлительными, а иногда, можетъ быть, и дополнительными или обстоятельственными словами подлежащаго *то* или *это*, высказаннаго или подразумѣваемаго, точно такъ же, какъ въ первомъ примѣрѣ выраженіе: „что оно стало извѣстно“ составляетъ опредѣленіе слова *того*. Это опредѣленіе, присоединяемое къ опредѣляемому посредствомъ союза *что*, конечно не подходитъ подъ тѣ виды опредѣленія, которыми до сихъ поръ ограничивалось понятіе этого члена предложенія, но едва ли можно во многихъ случаяхъ подвести такое поясненіе указательнаго мѣстоименія подъ какую-либо другую категорію. Мы приходимъ къ заключенію, что когда подлежащее состоитъ изъ цѣлаго предложенія, то въ синтаксическомъ разборѣ и надобно говорить о немъ какъ о *подлежащемъ, выраженномъ въ формѣ придаточнаго предложенія такого-то*.

Сказаннаго повидимому достаточно, чтобы убѣдить всякаго въ несостоятельности теоріи, которою г. Дмитревскій думаетъ вытѣснить утвержденное вѣками пониманіе подлежащаго. Очень жаль, что нѣкоторыя дѣльныя замѣчанія, разсѣянныя въ его статьяхъ, заслоняются такимъ крупнымъ парадоксомъ, который неминуемо подрываетъ довѣріе ко всему его труду.

О НАЗВАНІЯХЪ АИСТА ВЪ РОССИИ [1]).

1872—1885.

[504] Нелегко опредѣлить происхожденіе слова *аистъ*. Подъ аистомъ, вообще говоря, разумѣютъ у насъ *чернаго* аиста, который водится почти во всей Европейской Россіи, — за исключеніемъ лишь западныхъ губерній, — до крайняго сѣвера, а равно и по всей Сибири. *Бѣлый* аистъ, имѣющій свое особое названіе, *бусель*, встрѣчается только на западѣ и югѣ Европейской Россіи, да на Амурѣ, а въ Сибири его нѣтъ. Замѣчанія Л. И. Шренка на Словарь Даля въ *Сборникѣ Отд. р. яз. и сл.*, т. VII, прил. № 10, стр. 71. Въ Словарѣ Даля ошибочно сказано, будто „черный аистъ у насъ не водится"). Къ означеннымъ здѣсь предѣламъ нахожденія аиста надобно причислить и низовья Дона, откуда Петръ Великій выписывалъ эту птицу, какъ видно изъ переписки его съ воронежскимъ губернаторомъ Колычевымъ [2]). Въ словарѣ Линде находимъ hajstra со ссылкою на русск. *аистъ*, съ поясненіемъ, что польское слово (впрочемъ не общеупотребительное въ языкѣ) означаетъ большую птицу сѣраго цвѣта, и съ цитатою, что этимъ именемъ [505] несправедливо называютъ породу чернаго цвѣта. Штраленбергъ напротивъ пишетъ: „Такихъ какъ въ Европѣ птицъ этой породы (Störche) я въ Сибири совсѣмъ не видалъ но *черныхъ* съ красными носами и ногами, называемыхъ Agyst или Cara-Tschilan, у которыхъ перья имѣютъ почти такой же блескъ, какъ

---

[1]) Въ 1-мъ изданіи *Филологическихъ Разысканій* имя *аистъ* помѣщено было въ ряду другихъ словъ, извлеченныхъ изъ моего собранія этимологическихъ объясненій. Запасъ матеріаловъ, доставленныхъ мнѣ прежде для разсмотрѣнія этого слова А. А. Куникомъ и послужившихъ основаніемъ для тогдашней моей замѣтки, съ тѣхъ поръ еще значительно увеличился новыми, которые нашъ неутомимый изслѣдователь продолжалъ собирать между прочимъ въ перепискѣ съ голландскими учеными, и вслѣдствіе того статья эта получила такіе размѣры, что должна была занять особое мѣсто.

[2]) Матеріалы Военно-ученаго архива Гл. Штаба Т. I, Спб. 1871, стр. 50.

у павлиновъ, тамъ водится довольно" (Das Nord- u. Ostliche Theil von Europa u. Asia. Stockh. 1730, p. 421). Большая часть нынѣшнихъ славянскихъ народовъ употребляютъ для названія этой птицы разныя формы приведеннаго выше слова *бусель* (или *бочанъ*, см. у Линде Bocian [1]). У нѣкоторыхъ привилось въ различныхъ же видоизмѣненіяхъ германское Storch, которое и въ русскомъ приняло форму *стерхъ* (словарь Даля), а въ ц.-сл. *стръкъ* (Вост.). По мнѣнію А. А. Куника, славяне потому не имѣютъ общаго названія для этой птицы, что она всегда водилась только въ нѣкоторой части ихъ первобытныхъ жилищъ въ Россіи.

По наблюденіямъ естествоиспытателей, многія птицы у насъ отлетаютъ, для вывода птенцовъ, все далѣе на сѣверъ. Къ этому побуждаетъ ихъ недостатокъ корма, происходящій отъ истребленія лѣсовъ и осушки болотъ. Относительно аиста можно указать на любопытные факты. Въ ливонской хроникѣ Франца Нюэнстедта разсказано по поводу переговоровъ съ находившимся въ Ригѣ королемъ Стефаномъ Баторіемъ: „Когда въ 1582 году рыцарство совѣщалось въ домѣ Ганса Баумана, на крышу его, къ общему удивленію, сѣло нѣсколько аистовъ, которыхъ не видали въ Лифляндіи, какъ за много лѣтъ до того, такъ и послѣ" [2]). Профессоръ Гревингъ (изъ Дерпта), помнитъ, что 50 лѣтъ тому назадъ по сю сторону Риги аистовъ не бывало, теперь же крайнюю [506] черту ихъ переселенія въ Лифляндіи составляетъ городъ Валькъ. Въ болотистомъ Бѣлорусскомъ краю аисты всегда находили кормъ въ изобиліи. На дворѣ монастыря св. Евфросиніи стоитъ старая, высокая липа, на которой уже по меньшей мѣрѣ лѣтъ 30 гнѣздятся аисты. И въ окрестностяхъ Полоцка бываетъ ихъ много; напротивъ, они уже болѣе не показываются около Витебска.

Что касается самаго имени *аистъ*, то уже по первой буквѣ его, столь рѣдкой въ началѣ славянскихъ словъ, можно заключить о его иноземномъ происхожденіи. Не принимая на себя рѣшенія труднаго вопроса, откуда именно оно могло взяться, обратимся къ другому названію той же птицы, которое на разстояніи нѣсколькихъ вѣковъ два раза является въ памятникахъ русской исторіи и начало котораго легче опредѣлить.

Извѣстно, что Константинъ Багрянородный, приводя древнія на-

[1]) Въ юго-западныхъ губерніяхъ его называютъ *гайстеръ, чернохвостъ, бусель птица*; въ Полтавской — *лелёка*, въ Малороссіи и на Терекѣ — *бочанъ, неклейка*, въ Астраханской — *колпикъ*. (*Вѣстникъ естественныхъ наукъ*, М. 1854. № 1, стр. 7 и 8). Можно прибавить еще люнебургско-вендское bütjan, лит. busitas. Лит. ботаникъ Iundzill приводитъ еще bodziszek для означенія geranium (Куникъ). По удостовѣренію К. Ѳ. Кесслера, въ Астрахани подъ названіемъ „аистъ" разумѣютъ особую породу бѣлорыбицы (1). См. примѣчанія въ концѣ настоящей статьи.

[2]) Monumenta Livoniae antiquae. II, 85. Riga 1839.

званія днѣпровскихъ пороговъ на двухъ языкахъ: росскомъ (т. е. норманскомъ) и славянскомъ, говоритъ, что четвертый изъ нихъ, главный, называется по-росски 'Αειφάρ, а по-славянски Νεασήτ, потому что въ камняхъ его гнѣздятся „πελεκάνοι". Изъ поясненія Константина Багрянороднаго слѣдовало бы заключить, что подъ ἀειφάρ надобно разумѣть не аиста, а пеликана, или какую-либо другую водяную птицу. Но пеликанъ не былъ извѣстенъ норманнамъ, и они, естественно, назвали порогъ по имени сходной птицы (2), у которой также длинный, хотя совершенно другой клювъ и которая похожа на пеликана и по цвѣту своихъ перьевъ, подобно какъ смѣшиваютъ между собой равнымъ образомъ аистовъ и журавлей [1]). Какъ имя *аиста* могло явиться на мѣсто другого, объясняется географическимъ распространеніемъ этой птицы, которое довольно близко сходится съ областью распространенія бука. У Балтійскаго моря пеликанъ не является даже въ видѣ перелетной птицы, да и самый аистъ (т. е. ciconia alba) едва ли доходитъ на сѣверъ далѣе южной Швеціи [2]). [507] Поразительную аналогію представляетъ свидѣтельство македонскаго грека Никоклиса, который говоритъ, что нынѣшніе греки въ Эпирѣ и Македоніи называютъ аиста не πελαργός, а πελεκάνος [3]). Подъ именемъ *неясыть* (древ.-сл. неѩсыть), по мнѣнію А. А. Куника, должно разумѣть не иное что, какъ пеликана или развѣ какой-нибудь видъ коршуна [4]); но по всей вѣроятности именно *пеликана* (котораго двѣ породы водятся у Чернаго моря), такъ какъ это слово еще осталось въ употребленіи у отдѣльныхъ славянскихъ народовъ. Это отчасти подтверждается именемъ ἀειφάρ, потому что коршунъ могъ бы быть названъ какимъ-нибудь чисто норманскимъ словомъ.

Остановимся теперь на самомъ имени ἀειφάρ, которому нѣтъ созвучнаго слова въ древне-норвежскомъ (норренскомъ или исландскомъ) языкѣ, но которое давно уже объясняютъ голландскимъ словомъ, означающимъ аиста. Это слово, въ разныхъ видоизмѣненіяхъ своей первоначальной формы, встрѣчается у многихъ нижнегерманскихъ народовъ, живущихъ при Сѣверномъ (Нѣмецкомъ) морѣ. Соотвѣтствующее ему слышится и теперь въ нижнегерманскомъ (plattdeutsch) — äbêr

[1]) Такъ растеніе geranium называется по-нѣмецки Storchschnabel.

[2]) См. Ornithologia Svecica, autore Sv. Nilsson. Pars posterior. Havniae 1821. Стр. 31—33 и 47.

[3]) De Albanensium origine et prosapia. Dissertatio inauguralis quam scripsit Nicolaus Nikokles, Graecus Kozanae Macedoniae urbe natus. Göttingae 1855. 8⁰. Стр. 57.

[4]) *Неясыть* въ библіи иногда употребляется въ значеніи коршуна (γῦψ). Въ словарѣ Зизанія при словѣ *неясыть* сказано: „по грецку пелеканъ птахъ есть въ Египтѣ, подобный бусюлови". Въ другомъ же азбуковникѣ оно объяснено такъ: „птица подобна журавлю, а творитъ себѣ гнѣздо на высокихъ древѣхъ или камнѣхъ, или столбѣхъ" и проч. (Сахарова *Сказанія р. н.*, т. II, стр. 128 и 173).

(съ удар. на послѣднемъ слогѣ). Въ нынѣшнемъ голландскомъ языкѣ аистъ называется ôievâr, произн. ujefar (3). Гриммъ въ словарѣ своемъ помѣстилъ adebär, какъ слово не только принадлежащее нижнегерманскому, но встрѣчающееся и въ древне-верхненѣмецкомъ весьма древнее слово, и приводитъ разныя формы его (между прочимъ otivaro, otfer). Онъ думаетъ, что это названіе (вторая половина котораго bär, bero, по его мнѣнію, зн. *носитель*) находится въ связи съ [508] повѣрьемъ, что аистъ приноситъ въ домъ счастье и дѣтей [1]). Какъ бы ни было, по этимъ даннымъ нѣтъ основанія отрицать существованіе слова aifar, ἀειφάρ (визант. ει = ι) въ 10-мъ столѣтіи, хотя и трудно объяснить, какъ оно тогда уже явилось у норманновъ въ этой сокращенной формѣ.

Всего вѣроятнѣе, что прибалтійскіе шведы или готландцы усвоили себѣ это названіе въ нынѣшней Голландіи. Около середины 9-го столѣтія (830 — 850 г.) шведы, для торговыхъ и другихъ мирныхъ цѣлей, часто отправлялись съ озера Мелара въ знаменитый тогдашній городъ Дорстадтъ (нынѣшній Wyk te Duerstede въ Голландіи) [2]). Такъ какъ и у нидерландцевъ, и у нижнихъ саксовъ, нерѣдко выпадаетъ *д* между двухъ гласныхъ (что́ свойственно и другимъ согласнымъ), то такое явленіе могло мѣстами произойти уже рано.

Къ подтвержденію достовѣрности разсматриваемаго нижнегерманскаго слова, занесеннаго къ намъ скандинавами, служитъ и то, что въ началѣ прошлаго вѣка оно снова является въ спискѣ кораблей, построенныхъ Петромъ Великимъ въ Воронежѣ при помощи голландскихъ мастеровъ. Означая многія суда́ голландскими названіями животныхъ и птицъ, онъ одному далъ имя *Ойфаръ* или *Айфаръ*, совершенно отвѣчающее, съ одной стороны, вышеприведенному нынѣшнему голландскому слову, а съ другой — скандинавскому названію порога упоминаемому Константиномъ Багрянороднымъ, но безъ всякаго сомнѣнія оставшемуся неизвѣстнымъ Петру Великому (4).

Лербергъ въ своихъ „Изслѣдованіяхъ" даетъ слову ἀειφάρ символическое значеніе, пріурочивая это названіе къ исландскому прилаг. aefr (fervidus), но онъ, конечно, не поступилъ бы такъ, если бъ ему знакомо было названіе петровскаго [509] корабля [3]). Точно такъ же

[1]) Deutsches Wb., т. I, стр. 176. Sparschuh (Berichtigungen zu Grimms Gesch. d. deutsch. Sprache, Mainz 1850, стр. 99) видитъ въ словѣ adebar кельтское происхожденіе.

[2]) См. Vita Anskarii, Cap. 20. 27. 8. 24. — Впослѣдствіи шведы, для означенія аиста, заимствовали нѣмецкое слово sterk-an.

[3]) То же можно сказать объ авторѣ книги: „The relations between ancient Russia and Scandinavia и пр. Oxford, 1877", появившейся послѣ напечатанія настоящей статьи во 2-мъ изданіи *Филолог. Разысканій.* Г. Томсенъ, поправляя Лерберга, указываетъ на прилагательное *Aiforr*, исл. *Eyforr* всегда стремительный, sem-

и славянскаго слова *неясыть* нельзя принимать въ фигуральномъ смыслѣ, хотя по народному представленію нынѣшнее названіе того же порога (Ненасытецъ, Ненастынскій [1]) и имѣетъ такое значеніе. О названіи ἀειφάρ Струбе говоритъ: „on a droit, selon moi, de juger que les pélicans n'étant point connus dans les régions du Nord et n'ayant par cette raison point eu de nom dans les langues boréales, les Russes (т. е. норманны) auront mis à sa place celui *d'une autre espèce d'oiseaux aquatiques*, tels que les *cicognes* que dénote le mot *aïevar ou oïevar* conservé dans les dialectes tudesques (on trouve ce mot dans tous les dictionnaires hollandais) et qui revenaient ainsi par leur genre et sous l'idée que les Russes y attachaient, aux pélicans des Esclavons" [2]).

Въ недавно напечатанномъ трудѣ: „О мнимомъ призваніи варяговъ" [3]) г. Иловайскій между прочимъ утверждаетъ, что *русскія* названія пороговъ у Константина Багрянороднаго должны быть также объясняемы славянскими, а не норманскими словами, т. е. иначе говоря,— что византійскій императоръ приводитъ названія днѣпровскихъ пороговъ на двухъ разныхъ нарѣчіяхъ славянскаго языка. Къ сожалѣнію, авторъ, сознавая, что „не мало эрудиціи было потрачено скандинавскою школой, чтобы *русскія* [4]) названія объяснить при помощи почти всѣхъ сѣверо-германскихъ нарѣчій", [510] не счелъ нужнымъ противопоставить тому соразмѣрную долю эрудиціи и употребить истинно-научные пріемы для опроверженія столь тщательно-выработанныхъ въ теченіе цѣлаго почти столѣтія доводовъ скандинавской школы. Необходимо было бы для этого, какъ водится въ наукѣ, подвергнуть основательному разбору каждое изъ толкованій, установившихъ убѣжденіе въ германскомъ составѣ такъ называемыхъ Константиномъ *росскихъ* наименованій пороговъ. Необходимо было бы имѣть въ виду, что его двоякія названія должны отвѣчать одно другому по значенію, и что если объясненія нѣкоторыхъ изъ нихъ до сихъ поръ остаются неудовлетворительными, зато другія (какъ напр. третьяго порога Γελανδρί = Звонецъ) до очевидности несомнѣнны. Что же вмѣсто этого дѣлаетъ г. Иловайскій? Онъ „для образца этихъ объясненій приводитъ толкованіе перваго русскаго названія, то есть Ульворси или

---

per praeceps, что́ слѣдовательно въ утвердительной формѣ выражало бы почти то же, что славянское слово (Ненасытецъ) означаетъ отрицательно. Въ недавно вышедшемъ шведскомъ изданіи этой книги („Ryska rikets grundläggning" и пр., Stockh. 1882), переводчикъ г. Сэдербергъ отвергаетъ это толкованіе и вмѣсто того предлагаетъ швед. Aifar всегда недостаточный (такъ какъ порогъ всегда страдаетъ недостаткомъ воды), отъ слова far — недостающій. Ясно, что оба предположенія лишены основанія.

[1]) См. Шафарика *Слав. древности*, т. II, кн. 1, стр. 234.

[2]) Dissertation sur les anciens Russes. St. Pétersburg, 1785.

[3]) *Русск. Вѣстн.* 1871 г., ноябрь и декабрь.

[4]) То-есть предполагаемыя скандинавскія.

Ульборси (Οὐλβορσί)", отвергаетъ весьма удачное во всѣхъ отношеніяхъ возстановленіе этого слова (Holmfors, Островной порогъ), вполнѣ соотвѣтствующее славянскому названію Островьный прагъ (Ὀστροβουνίπραχ), и въ замѣнъ перваго толкованія предлагаетъ другое славянское же составное слово *Холмоборы* (*Холмогоры*) или, держась ближе къ тексту, Вулборы, т. е. Вулнборы, гдѣ первая половина слова будетъ то же, что̀ въ названіи Вулнипрагъ (или въ позднѣйшемъ Вулнѣгъ). Корень *ул*, продолжаетъ онъ, существуетъ въ названіи рѣки *Ула*. Итакъ, какая нужда отыскивать его непремѣнно въ Скандинавіи? А можетъ-быть Улборси совсѣмъ и не означаетъ то же самое, что̀ Островунипрагъ. (Въ Минской губерніи есть р. *Уборть*, можетъ быть сокращеніе изъ *Ульборть*)". Ясно, что г. Иловайскій увлекается предвзятою идеей, которая здѣсь вовсе не идетъ къ дѣлу: положимъ, что новгородскіе славяне и дѣйствительно не призывали Руси изъ Скандинавіи; но что норманны ѣздили по Днѣпру въ Царьградъ, остается неопровержимымъ фактомъ, а въ такомъ случаѣ естественно было имъ наименовать пороги по-своему, переводя туземныя названія на родной языкъ. „Гдѣ же и когда такъ бывало?" спрашиваетъ г. Иловайскій: „географическія имена не [511] переводятся (если и можно найти тому примѣры, то очень немногіе, и отнюдь не въ такомъ количествѣ за разъ и не въ такомъ систематическомъ порядкѣ); вновь поселяющійся народъ обыкновенно или принимаетъ уже существующія названія, видоизмѣняя ихъ по своему выговору, или даетъ свои собственныя" [1]). Здѣсь г. Иловайскій поневолѣ дѣлаетъ уступки тому, что̀ самъ онъ въ то же время рѣзко отрицаетъ. Если фактъ перевода мѣстныхъ именъ имъ допущенъ, то трудно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ положить тому предѣлы. Выше, на стр. 196—198 нашей книги, приведено довольно много примѣровъ такого обычая, весьма часто встрѣчающагося въ предѣлахъ русскаго государства. Можно отыскать ихъ еще гораздо болѣе: такъ многія мѣстности Ижорскаго края носили двоякія, по значенію соотвѣтственныя названія на финскомъ и русскомъ языкахъ (Koivusaari, Березовый островъ), къ которымъ иногда присоединялось еще и шведское, переводное же Björkö): крѣпость Орѣшекъ извѣстна была у финновъ подъ именемъ Pähkinä-linna, у шведовъ — Nöteborg (ф. pähkinä, шв. nöt = орѣхъ). Такимъ образомъ г. Иловайскій, отвергая весьма обыкновенный фактъ двоякаго названія одной и той же мѣстности однозначащими именами на различныхъ языкахъ, въ замѣнъ того предлагаетъ не встрѣчающееся въ области географіи

---

[1]) Только мимоходомъ упомяну о такомъ же взглядѣ г. Юргевича, который съ большими натяжками объясняетъ *росскія* названія пороговъ заимствованіями изъ „венгерскаго" (мадьярскаго). языка, и напр. въ имени Айфаръ видитъ венгерское Héja-var = за̀мокъ коршуновъ (*Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др.*, т. VI, стр. 63).

явленіе, по которому мѣсто носило бы на двухъ нарѣчіяхъ одного и того же языка (славянскаго въ данномъ случаѣ) названія, не имѣющія между собою ничего общаго.

Послѣ этого отступленія, вызваннаго древнимъ названіемъ одного изъ днѣпровскихъ пороговъ, возвратимся къ нынѣшнему слову *аистъ*. Есть ли какая-нибудь этимологическая связь между нимъ и нижнегерманскимъ именемъ, случайно ли только созвучіе [512] перваго слога въ томъ и въ другомъ, на этотъ вопросъ трудно отвѣчать положительно. Польская форма hajstra, южно-русская *гайстеръ* представляютъ еще и въ послѣднемъ слогѣ точку сближенія: только среднія согласныя не сходятся съ согласными b и f въ формахъ нижнегерманскихъ. Но судя по тому, что слово *аистъ* довольно распространено съ одной стороны въ югозападныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, а съ другой въ Сибири, невольно склоняешься къ предположенію, не кроется ли въ немъ восточное начало. Такимъ образомъ происхожденіе слова *аистъ* остается покуда неизвѣстнымъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Имени *чернохвостъ* въ значеніи птицы у Даля нѣтъ, но за то мы находимъ у него равнозначащее слову аистъ *черногузъ*.

У новогрековъ въ народномъ языкѣ λελέκι, въ литерат. ὁ λέλεκας (Kind, Handwb. d. neugr. Sprache). Hahn, Albanes. Studien, Jena 1854, стр. 246, говоритъ: „Den Storch nennen Neugriechen, Albaneser u. Pinduswlachen übereinstimmend λελέκ и λειλjέκ... Leake betrachtet dies Wort als ein von den Türken vorgefundenes angenommenes — wir glauben jedoch dies Wort irgendwo auch als arabisches angetroffen zu haben". Русское *леклекъ* (Акад. словарь) есть вѣроятно искаженіе новогреческаго слова, а оттуда конечно и приведенное выше *неклейка*, какъ дальнѣйшая передѣлка того же названія.

По словарю Даля, *колпикъ* — „чубатая птица изъ породы цапель, чапура, Platalia (бѣлая, носъ ложкою, перья идутъ на казачьи султаны)". У него же *теслоносъ* въ томъ же значеніи, какъ колпикъ: по Линде *теслоносъ* = боцанъ (аистъ).

2) По наблюденіямъ г. Куника въ здѣшнемъ зоологическомъ саду, пеликанъ въ сидячемъ положеніи не очень похожъ на аиста, но какъ скоро пеликанъ распуститъ крылья, вытянутая шея его становится чрезвычайно длинна, а зобъ почти совсѣмъ скрывается.

[513] 3) Лейденскій профессоръ Кернъ, въ отвѣтъ А. А. Кунику,

доставилъ ему подробную замѣтку о голландскомъ словѣ, изъ котораго взято *ἀειφάρ*. Сообщаю изъ нея существенное: „Самая распространенная и господствующая въ письменномъ языкѣ форма слова есть *'ojevaar* (по неправильнымъ начертаніямъ ooievaar, ooijevaar), произн. *ò-jĕvàar* [1]), съ сильнымъ удареніемъ на первомъ слогѣ и второстепеннымъ на послѣднемъ: ĕ совершенно слабо. Областныя формы суть *eiber*, *uiver* (читай euver по верхненѣм. орѳогр.), *uver* (чит. üver), ojevaard. Въ поэзіи употребительно *adebar*.

Если сравнить др. верхненѣм. *odeboro* (Haupt. Zeitsch. V, 325 — 360); *udebero* (у Граффа), *otivaro* и новоалеман. *ötdîfer* (Weinhold, Alem. Gr. 137), то легко замѣтить необъяснимое, но несомнѣнное колебаніе въ 3-мъ и 1-мъ слогѣ. Гласная во 2-мъ слогѣ остается безъ измѣненія; это было i, и оттого перегласовка въ 1-мъ слогѣ за исключеніемъ *ojevaar*, такъ какъ нидерланд. яз. вообще мало развилъ это явленіе.

Этимологія слова, по мнѣнію лейденскаго лингвиста, совершенно темная. Догадка Гримма объ *adebär* ничѣмъ не оправдывается.

Когда эти примѣчанія уже были набраны, А. А. Куникъ передалъ мнѣ только что полученную имъ изъ Лейдена брошюру проф. Фриса (De Vries) подъ заглавіемъ 'Αειφάρ. Авторъ этого изслѣдованія, перепечатаннаго изъ трудовъ амстерд. академіи наукъ, отвергаетъ производство разсматриваемаго названія отъ голландскаго слова и высказываетъ слѣдующія три возраженія: 1) Пеликанъ и аистъ слишкомъ несходны между собою, — пеликана представляютъ себѣ болѣе какъ *гуся*. Въ πελαργός и πελεκάνος смѣшаны только два слова, одинаково начинающіяся. — Но и [514] другіе столь же древніе народы называютъ то гуся, то аиста, то пеликана именами, происшедшими изъ одного корня. См. между прочимъ соч. Дифенбаха: Origines europaeae. Frankf. 1861, стр. 347: литов. gandras, gandrys (аистъ), ganta (гусь, у Плинія), англ. gander (гусь, самецъ) и проч. 2) Въ Скандинавіи нѣтъ слѣда нижнегерманскаго названія. — Но это ничего не доказываетъ, потому что слово то, заимствованное мореплавателями только имъ и могло быть извѣстно. 3) Какъ могло въ словѣ adebar *b* перейти такъ рано въ *f*? — Но надо имѣть въ виду, что и происхожденіе германскаго adebar весьма сомнительно. На стр. 13 г. Фрисъ предполагаетъ древнесканд. dŷfar отъ dîfar, ссылаясь на англосакс. duiker (пеликанъ), анг.

---

[1]) При чемъ надобно знать, что v въ голл. = почти ф. Конечно профессоръ Кернъ хочетъ означить только настоящій звукъ о. Г. Куникъ, доискиваясь діалектическихъ формъ, разспрашивалъ по крайней мѣрѣ шестерыхъ голландцевъ, и всѣ они произносили ujefar. Одинъ бельгіецъ изъ Flandre orientale (Blome) утверждалъ, что на его родинѣ говорятъ ojefar, а г. Pinot изъ французской Фландріи, знавшій голландское названіе, увѣрялъ, что тамъ выговариваютъ ugefar, а не ujefar. Онъ говорилъ „le flamand, c'est ma langue“.

diver (нырокъ). Авторъ позволяетъ себѣ догадку, что писецъ, встрѣтивъ въ подлинникѣ ΔΕΙΦΑΡ, прочелъ ἈΕΙΦΑΡ; но чтобы допустить это, надо бы прежде доказать, что подлинникъ былъ писанъ уставомъ.

4) Уже и Шишковъ въ *Спискѣ кораблей* (ч. I, Спб. 1799, стр. 14) между разными голландскими названіями приводитъ и *Айфаръ*. Такъ какъ голландское названіе, если не съ самаго 9-го столѣтія, то все-таки уже много вѣковъ начинается съ О, то неизлишне будетъ опредѣлить съ возможною точностью петровскую форму слова. *Ойфаръ* встрѣчается два раза. Въ *Исторіи русскаго флота*, соч. Елагина (Прилож. ч. II, Спб. 1864, стр. 173) мы находимъ подъ № 319 „Списокъ судовъ азовскаго флота". Этотъ списокъ содержитъ только имена кораблей, строившихся отъ 1698 до 1704 г.; слѣдовательно, онъ составленъ, вѣроятно, въ 1705 г. Тамъ же (стр. 174) подъ № 320 — „Списокъ судовъ азовскаго флота съ присвоенными имъ девизами". Здѣсь не означены годы, имена перваго списка почти всѣ повторяются и здѣсь, а между ними и нѣсколько новыхъ, такъ что этотъ списокъ очевидно составленъ немного позднѣе. Въ обоихъ читаемъ *Ойфаръ*.

Айфаръ встрѣчается только подъ № 150 (стр. 51): „Статьи, данныя адмиралтейцу Апраксину на Воронежѣ, 1705 года".

Это приказъ, данный Петромъ Великимъ, но подлинникъ не сохранился. По разнымъ спискамъ онъ лучше всего [515] возстановленъ у Елагина, стр. 52. Такъ какъ и князь М. Щербатовъ (Тетрати записныя. Пб. 1777, стр. 3) и Шишковъ въ своихъ спискахъ съ этого документа нашли *Аифаръ*, то надо полагать, что и Петръ по московскому выговору писалъ *Аифаръ*. Вѣроятно, ему извѣстно было изъ святцевъ имя *Айфалъ* [1]), которое также могло въ этомъ случаѣ подѣйствовать на его правописаніе. Если принять въ соображеніе всѣ различныя нижнегерманскія формы слова, то придется заключить, что оно первоначально начиналось съ *а*, а не съ *о*; *д* могло очень легко выпасть и у шведовъ, какъ оно и теперь выпадаетъ у нихъ во многихъ словахъ (А. Куникъ).

---

[1]) Айфалъ, бояринъ новгородскій 1398 года. Ист. Карамз. V, 94, 105, прим. 171, 194. (М. Морошкина *Славянскій Именословъ*).

О СЛОВѢ „ШПИЛЬМАНЪ“ ВЪ СТАРИННЫХЪ РУССКИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ.

1879.

[516] Въ ноябрѣ 1875 г., доцентъ Фогтъ читалъ въ Грейфсвальдскомъ ученомъ обществѣ интересное сообщеніе о нѣмецкихъ *шпильманахъ* (потѣшникахъ), которое въ слѣдующемъ году напечатано отдѣльно въ Галле (Leben und Dichten der deutschen Spielleute im Mittelalter. Vortrag von Dr. Friedrich Vogt. Halle. 1876 — 8°, 25 стр. текста и 4 стр. примѣчаній). Предметъ этой брошюры не чуждъ и для насъ, такъ какъ *шпильманы* заходили и на Русь, и названіе ихъ не разъ встрѣчается въ нашей древней письменности. Въ Кормчей 1284 г. говорится, между прочимъ, „о шпильманѣхъ и о глумцiхъ“.—„Нѣмецкое слово *шпильманъ* дошло къ славянамъ, можетъ быть, еще въ X или XI вѣкѣ съ приходившими отъ нѣмцевъ скоморохами“; такъ замѣчаетъ Востоковъ въ своемъ словарѣ, приводя еще слѣдующія выраженія: изъ Прол. XV в. апр. 17: „в тои҄ дн҃ь страсть ст҃го м҃ченика Ардалеона ш’пил’мана игреца“, и изъ Златостр. XVI в.: „аще бы быша шпил’мани iⁿнiи игреци вiдѣли свое ремество бес прибытка“. Названіе *шпильманъ* для насъ тѣмъ любопытнѣе, что можетъ быть оно оставило за собою слѣдъ въ языкѣ, въ сокращенной народной формѣ *шпынъ*; слово это часто является въ нашей литературѣ прошлаго вѣка и еще въ началѣ нынѣшняго, въ смыслѣ *балагуръ, насмѣшникъ*; оно дало отъ себя производныя: *шпынство, шпынять*. Академическій словарь подъ словомъ *шпынъ* приводитъ слѣдующее мѣсто изъ одного документа 1636 года о прекращеніи въ московскихъ церквахъ разнаго рода безчинствъ: „во время же святаго пѣнія ходятъ по церквамъ *шпыни*, съ безстрашіемъ, человѣкъ по десятку и болши, и отъ нихъ въ церквахъ великая смута и мятежъ“ *(Акты Археогр. эксп.* III, 402); при чемъ разсматриваемое названіе объяснено словами: [517] *шутъ, балагуръ*. Такъ переводитъ славянскій словарь Алексѣева и самое слово *шпилманъ*, прибавляя изъ Кормчей еще и глаголъ *шпилманити*. Академія же, а за нею Даль, дополняютъ примѣры на слово *шпынъ* пословицею:

„Шутъ не шутъ, а хорошій *шпынъ*“. Даль сближаетъ это имя съ словомъ *шпень* (шпенекъ), *шпинь*, но едва ли справедливо, такъ какъ послѣднее очевидно само въ родствѣ съ латинскими spina (нѣчто острое, шип) и по своему значенію слишкомъ далеко отъ первоначальнаго понятія, связаннаго съ названіемъ *шпынъ* (= шутникъ, балагуръ). Что это слово вѣрнѣе производить отъ *шпильманъ*, можно заключить изъ попадающагося въ нашей письменности древняго сокращенія нѣмецкаго термина въ *шпиль:* оно приведено Миклошичемъ въ словарѣ его, съ объясненіемъ: histrio, въ выраженіи «ласкавьци, шьпилкве праздьнословьци», гдѣ второе названіе не что иное, какъ урѣзанное *шпильманъ*. Приспособляясь къ русской фонетикѣ, *шпиль* легко могло обратиться въ *шпынъ*: даже въ коренныхъ русскихъ словахъ *и* нерѣдко переходитъ въ *ы*, а *л* и *н* могутъ замѣнять другъ друга (ср. для примѣра скрыпка вм. скрипка и маненько вм. маленько) [1]).

Замѣчательно, что въ русскомъ, какъ и вообще въ славянскихъ языкахъ, недостаетъ своихъ словъ для означенія людей, которыхъ ремесло—потѣшать другихъ; въ Св. Писаніи употреблено слово *смѣхотворство* (Ефес. 5, 4), составленное отъ *смѣхотворъ*; въ древней письменности встрѣчается еще: *глумецъ, игрецъ, лицедѣй*, но все это искусственно составленныя слова; гораздо болѣе распространены въ языкѣ названія иностраннаго происхожденія: *шпынъ, скоморохъ, скомрахъ* (отъ гот. scamari, ср. сканд. skämta, шутить), *балагуръ* (восточное или западное? ср. точить балы), *гаеръ* (нѣм. Geiger), паяцъ (фр. paillasse), наконецъ *фокусникъ, штукаръ*. Слово *шутъ*—повидимому наше собственное, но такъ какъ оно не встрѣчается въ другихъ славянскихъ языкахъ, то вѣроятно перешло къ намъ отъ какого [518]-нибудь сосѣдняго народа. Рейфъ считаетъ его персидскимъ, choukt), но нельзя не имѣть въ виду и готскаго гл. suthjan забавлять.

Но что такое были собственно нѣмецкіе *шпильманы?* Это объясняетъ намъ брошюра г. Фогта. Шпильманы составляли въ средніе вѣка обширный классъ бездомныхъ людей, которые, странствуя, забавляли народъ всякими потѣшными искуствами и жили добровольными подаяніями за свои труды. Къ числу ихъ принадлежали плясуны, силачи, бойцы, вожаки медвѣдей, музыканты и, наконецъ, пѣвцы. Еще у древнихъ римлянъ потѣшники всякаго рода сливались въ одно сословіе, joculatores или joculares, переродившееся у французовъ въ jongleurs, а у Нѣмцевъ въ Spielleute (Spil первоначально означало забаву вообще). Сюда вошли мало-по-малу и національные пѣвцы, которые нѣкогда, до введенія христіанства, занимали почетное мѣсто въ обществѣ, а потомъ, подвергнувшись гоненію церкви, потеряли свое значеніе. Не прежде 12-го вѣка, когда вслѣдствіе крестовыхъ походовъ свѣт-

[1]) См. 2-ую ч. *Филолог. Разысканій.*

ское направленіе сдѣлалось господствующимъ въ литературѣ, образованные между шпильманами пріобрѣли болѣе выдающееся положеніе и снова стали играть нѣкоторую роль въ домахъ знатныхъ и при дворахъ. Имъ поручали напр. обученіе дѣтей музыкѣ; къ разряду ихъ принадлежали и стихотворцы, снискивавшіе себѣ пропитаніе своимъ искусствомъ. Они въ пѣсняхъ своихъ брали сторону того, кто имъ платилъ, противъ его соперника, восхваляли заслуги или подвиги, распространяли добрую или дурную славу. Самымъ обыкновеннымъ способомъ вознагражденія ихъ служили подарки платьемъ; лучшіе принимали только новую одежду, другіе довольствовались и поношенною. Были у нихъ также пѣсни то нравоучительнаго, то эпическаго содержанія; особенно цѣнились небольшіе, часто комическіе разсказы въ стихахъ, въ родѣ французскихъ fabliaux, пущенныхъ въ ходъ жонглерами, которые значительную часть ихъ почерпали изъ неистощимаго запаса восточныхъ и греческихъ сказаній. Высшею цѣлью стремленій шпильмановъ былъ конечно почетный пріемъ въ кругу вельможъ или у владѣтельныхъ особъ [519], гдѣ они играли роль въ торжественныхъ случаяхъ и украшали пиръ своимъ пѣніемъ или игрою на струнахъ. Отъ названія тѣхъ изъ нихъ, которыхъ инструментомъ была скрыпка (Geige), могло произойти существующее у насъ до сихъ поръ, хотя съ другимъ оттѣнкомъ смысла, слово *гаеръ* [1]). Наконецъ, шпильманы могли служить посредниками для любовныхъ сношеній рыцарей съ ихъ возлюбленными, нерѣдко встрѣчавшихъ неодолимыя препятствія.

Во время крестовыхъ походовъ шпильманы, въ качествѣ музыкантовъ или вообще потѣшниковъ, сопровождали армію въ святую землю, и возвратившись, разсказывали по пути чудеса, которыя тамъ видѣли или слыхали; до насъ дошли нѣкоторые изъ такихъ разсказовъ въ стихотворной формѣ, представляющихъ пеструю смѣсь христіанской легенды, народныхъ сказаній и вымысловъ самого поэта съ цвѣтистыми картинами Востока; самымъ характеристическимъ изъ этихъ произведеній фантазіи шпильмановъ является одинъ варіантъ извѣстной повѣсти о Соломонѣ и Морольтѣ. Рядомъ съ избранною категоріей шпильмановъ, которые имѣли доступъ къ знатнымъ, стояла масса менѣе счастливыхъ служителей искусства, жившихъ, такъ сказать, на большой дорогѣ, принужденныхъ искать себѣ въ городахъ и селахъ публики болѣе благодарной, нежели щедрой. Завися отъ добровольной благостыни своихъ зрителей и слушателей, классъ шпильмановъ вообще не пользовался уваженіемъ: это видно между прочимъ изъ относившихся къ нимъ предписаній закона; такъ, напр. за ними не призна-

[1]) Надо помнить, что слово Geiger (скрыпачъ) въ устахъ большей части коренныхъ нѣмцевъ звучитъ какъ Gaiger.

валось право наслѣдства внѣ ихъ сословія, т. е. шпильманъ могъ наслѣдовать отцу только въ томъ случаѣ, если послѣдній уже принадлежалъ и самъ къ этому званію. Само собой разумѣется, однакожъ, что тѣ изъ шпильмановъ, которые выдвигались впередъ своимъ талантомъ и были вхожи въ дома знатныхъ, стояли въ общемъ мнѣніи выше и, благодаря своимъ покровителямъ, пользовались разными преимуществами.

ОБЪ ЭЛЕМЕНТАРНОМЪ ПРЕПОДАВАНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА [1]).

1855—1885.

[520] Преподаваніе родного языка составляетъ, безъ сомнѣнія, одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ педагогики. По другимъ отраслямъ знанія преподаватель имѣетъ въ рукахъ своихъ матеріалъ готовый, очерченный опредѣленными границами; вопросъ только въ томъ, какъ лучше передать этотъ матеріалъ. Напротивъ, въ отношеніи къ родному языку надобно напередъ опредѣлить, что́ именно должно быть предметомъ преподаванія — только ли умѣніе владѣть языкомъ, или и знаніе его законовъ, сверхъ того — въ какой мѣрѣ нужно сообщить это знаніе, или наконецъ—не лучше ли употребить отечественный языкъ только какъ орудіе для развитія умственныхъ способностей, для передачи множества полезныхъ свѣдѣній разнаго рода. Оттого то обученіе родному языку оставляетъ преподавателю болѣе произвола, нежели всякая другая отрасль знаній и требуетъ отъ него соединенія весьма многихъ условій.

Неудивительно, что въ странахъ, опередившихъ наше отечество на поприщѣ образованія и въ области педагогики, вопросъ объ этомъ предметѣ давно возбуждаетъ жаркіе споры. Особенно въ Германіи онъ вызвалъ цѣлую, очень обширную вѣтвь педагогической литературы. Хотя, несмотря на то, и тамъ дѣло еще до сихъ поръ не рѣшено общимъ соглашеніемъ, однакожъ все-таки въ Германіи составилось уже мнѣніе, которому слѣдуетъ большинство преподавателей.

[521] Принятыя ими основанія проникли и къ намъ, какъ видно изъ нѣсколькихъ учебниковъ русскаго языка, изданныхъ у насъ въ послѣднее десятилѣтіе; даже и изъ старыхъ руководствъ нѣкоторыя были отчасти передѣланы по новому взгляду. Этимъ успѣхомъ мы много обязаны книгѣ г. Буслаева „О преподаваніи отечественнаго языка“, напечатанной въ 1844 году. Точка зрѣнія его видна изъ слѣдующихъ строкъ предисловія: „Въ дѣлѣ общемъ и общественномъ,

---

[1]) Эта статья, писанная въ 1855 г., печатается здѣсь съ сокращеніями.

каково есть обученіе юношества, оригинальнымъ быть не слѣдуетъ: потому моя цѣль единственно та, чтобы показать современное воззрѣніе на предметъ". Конечно, хорошо всякое дѣло вести самостоятельно, примѣняясь къ потребностямъ своего отечества; однакожъ для рѣшенія вопроса, равно относящагося ко всѣмъ образованнымъ народамъ, нельзя же не принять въ соображеніе того, что было передумано и высказано о немъ прежде у просвѣщеннѣйшихъ націй. Руководствуясь, вмѣстѣ съ тѣмъ собственнымъ наблюденіемъ и опытомъ, разсмотримъ: 1) можно ли дѣтей учить языку безъ грамматическихъ объясненій; 2) если нельзя, то должно ли грамматику преподавать систематически, какъ самостоятельный предметъ ученія, или только въ приложеніи къ практикѣ, и 3) въ грамматическомъ преподаваніи языка съ чего начинать: съ предложенія или съ отдѣльныхъ словъ?

Многимъ кажется, что можно и даже должно дѣтей учить языку вовсе безъ грамматики. Этотъ взглядъ имѣетъ на своей сторонѣ сильный авторитетъ Якова Гримма. Г. Буслаевъ въ своей книгѣ (ч. I, стр. 84) привелъ цѣликомъ мнѣніе знаменитаго филолога, высказанное имъ въ предисловіи къ первому изданію (1818) Deutsche Grammatik. Это мнѣніе навлекло на Гримма строгую критику, и онъ въ предисловіи ко второму изданію своей грамматики (1822) такъ оговорился: „Я выразилъ живое сожалѣніе объ искаженіи нѣмецкой грамматики въ нашихъ школахъ, о негодности книгъ, которыя полагаются въ основаніе уроковъ. Если повидимому я въ нѣкоторыхъ положеніяхъ своихъ пошелъ слишкомъ далеко (хотя я нападалъ на безсмысленное
[522] первоначальное преподаваніе и вовсе не осуждалъ разумнаго употребленія грамматики въ высшихъ классахъ), то надѣюсь, что меня освободятъ отъ всякой дальнѣйшей отвѣтственности, и совѣтую благомыслящимъ педагогамъ посмотрѣть, какъ поступаютъ въ преподаваніи отечественнаго языка другія родственныя намъ націи, часто превосходящія насъ практическимъ смысломъ,—англичане, голландцы, датчане и шведы". Здѣсь мимоходомъ замѣтимъ, что англичане, почти не имѣющіе грамматики, находятся по этому предмету въ исключительномъ положеніи. Изъ остальныхъ названныхъ Гриммомъ народовъ, мы всего ближе знакомы со шведами: у нихъ прежде дѣйствительно учили родному языку, но въ послѣднія десятилѣтія это признано важнымъ недостаткомъ народнаго воспитанія, и шведскій языкъ стали вводить въ кругъ обученія юношества. Вообще германскіе народы на материкѣ принимаютъ нѣмцевъ за образецъ въ педагогикѣ и готовы заимствовать у нихъ всякое нововведеніе въ этой области.

Изъ приведенныхъ словъ Гримма видно, что онъ вооружался не столько противъ самаго преподаванія грамматики, сколько противъ превратной въ этомъ дѣлѣ методы. Это становится еще яснѣе изъ замѣчанія, которымъ кончалось его прежнее мнѣніе: „Такъ какъ нѣтъ

грамматики отечественнаго языка для школъ и домашняго употребленія, нѣтъ легкаго извлеченія простѣйшихъ и потому именно удивительнѣйшихъ элементовъ, изъ коихъ каждый доходитъ до теперешняго своего вида отъ незапамятной древности: то обученіе грамматикѣ можетъ быть только строго-ученое" [1]). (1).

Разумѣется, самое первоначальное обученіе должно быть чисто-практическое: ребенку необходимо прежде всего пріобрѣсти навыкъ въ чтеніи и письмѣ, т. е. списываніи; первое руководство со стороны учителя ограничивается поименованіемъ буквъ и указаніемъ ихъ произношенія. Однакожъ — замѣтимъ — самое [523] разложеніе словъ на отдѣльные звуки и изображеніе этихъ звуковъ видимыми знаками есть уже первый шагъ къ анализу языка. Дитя, открывъ, что одинъ и тотъ же звукъ, напр. і, означается различными способами, захочетъ узнать причину этой странности, а какъ удовлетворите вы его, не объяснивъ различія буквъ гласныхъ и согласныхъ? Съ этимъ вы уже прямо вступите въ область грамматики. Избѣгать ея долго, при послѣдующихъ успѣхахъ учащагося, можно бы развѣ только насильственно заглушивъ въ немъ всякое движеніе мысли. При упражненіяхъ въ письмѣ подъ диктовку, ребенокъ, ошибаясь и слыша ваши поправки, будетъ спрашивать: отчего? зачѣмъ? Тогда вамъ будетъ предстоять одно изъ двухъ: или придумывать такія объясненія, которыя, не превышая дѣтскихъ понятій, служили бы ученику руководствомъ въ дальнѣйшихъ его упражненіяхъ, или на всѣ вопросы любознательности отвѣчать диктаторски: такъ должно, такъ принято! Хотя бы ребенокъ былъ одаренъ необыкновенною памятью для нагляднаго ученія, однакожъ, при послѣднемъ способѣ, его успѣхи были бы, во-первыхъ, чисто-механическіе, безплодные для умственнаго развитія; во-вторыхъ, чрезвычайно неполные, потому что во многихъ случаяхъ онъ безъ правилъ все-таки не научился бы давать словамъ надлежащую форму. Сверхъ того, вы рисковали бы пріучить его дѣйствовать безсознательно, не давать себѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ. Трудность обойтись безъ грамматики еще увеличится, когда для учащагося придетъ пора писать что-нибудь отъ себя. При свободномъ употребленіи слова на письмѣ онъ будетъ безпрестанно нуждаться въ наставленіяхъ, въ руководствѣ, а безъ нихъ будетъ ходить ощупью.

Вотъ мысли, извлекаемыя изъ опыта; теперь взглянемъ на предметъ со стороны умозрѣнія. Если въ каждомъ дѣлѣ, даже механическомъ, для успѣшнаго производства нужны правила и указанія, то какъ обойтись безъ нихъ, въ возрастѣ пробужденія умственныхъ силъ, при употребленіи языка, орудія мысли? Положимъ, что вы хотѣли бы выучить ребенка какому-нибудь [524] механическому искусству, наприм.

---

[1]) О препод. отеч. языка, I, 86.

искусству клеить разныя вещицы изъ картона. Вы бы, конечно, не удовольствовались показаніемъ ему формъ, которыя онъ долженъ производить, но познакомили бы его также съ разными пріемами и съ нѣкоторыми математическими фигурами; вы требовали бы отъ ученика своего, чтобъ онъ работалъ аккуратно, не дѣлалъ, напр., острыхъ угловъ вмѣсто прямыхъ; чтобъ онъ умѣлъ вамъ сказать, зачѣмъ сдѣлалъ такъ, а не иначе. Очевидно, что безъ такой отчетности не можетъ быть ничего путнаго въ трудѣ человѣка. Короче, практика, чтобъ быть хорошею, должна быть прежде всего разумною, или другими словами, ни въ чемъ хорошая практика не возможна безъ нѣкоторой теоріи, безъ руководящей мысли.

Напрасно многихъ пугаетъ слово „теорія“: оно сдѣлалось страшнымъ отъ злоупотребленія, но въ сущности нѣтъ никакого человѣческаго дѣла безъ правилъ, которыя можно извлечь изъ него, безъ законовъ, на которыхъ оно основывается. Безъ теоріи поваръ не состряпаетъ ни одного соуса, портной не сдѣлаетъ ни одного шва. Какъ же можно въ такомъ предметѣ, который служитъ только оболочкою мысли—въ языкѣ—отвергать необходимость ея присутствія и руководства для употребленія его? Можно ли отлагать ея помощь до будущаго, отдаленнаго времени, когда эта помощь должна облегчать каждый шагъ?

Языкъ и мысль — одно; законы языка — плодъ здраваго человѣческаго смысла, а не глубокихъ ученыхъ соображеній или выдумокъ. Этимъ орудіемъ человѣкъ начинаетъ владѣть, едва только пробудятся его умственныя силы; необразованный крестьянинъ пользуется имъ наравнѣ съ утонченнымъ горожаниномъ. Дитя усвоиваетъ себѣ языкъ не механически: прислушиваясь къ рѣчи другихъ, пріобрѣтая запасъ словъ, оно ими распоряжается самостоятельно, измѣняетъ ихъ окончанія смотря по надобности, и хотя не во всѣхъ случаяхъ даетъ имъ надлежащую форму, но вообще обнаруживаетъ въ этомъ удивительное чутье и пониманіе, да и въ самыхъ ошибкахъ своихъ выказываетъ постоянное стремленіе къ правильности, къ соблюденію [525] неизмѣнныхъ началъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? что логика, а съ нею и грамматика отвѣчаютъ прирожденной потребности человѣка. Начиная говорить, дитя безсознательно осуществляетъ тайные, кроющіеся въ умѣ его, но въ каждый мигъ рѣчи присущіе ему законы языка. Остается только привести эти законы въ сознаніе, назвать каждое понятіе настоящимъ его именемъ. Уровень дѣтскаго разумѣнія совсѣмъ не такъ низокъ, какъ часто полагаютъ. Ребенокъ можетъ понять весьма многое, если только оно будетъ предложено ему въ доступной формѣ и съ его точки зрѣнія. Конечно, каждый педагогъ въ своей дѣятельности встрѣчалъ случаи, когда дѣти поражали его своею понятливостью и заставляли усомниться, всякій ли взрослый на ихъ мѣстѣ показалъ бы

столько разумѣнія. Какъ же ребенку лѣтъ 9 или 10 не понять основныхъ требованій ума, выражающихся въ формахъ родного слова? Такимъ образомъ грамматическія объясненія, до нѣкоторой степени, являются уже рано неразлучными спутниками практическаго обученія языку (2).

Но въ какой именно мѣрѣ и какъ должно преподавать грамматику дѣтямъ? Если подъ нею разумѣть составленный по образцу латинской грамматики учебникъ съ мудреными опредѣленіями, съ тонкимъ дробленіемъ понятій, съ таблицами склоненій и спряженій, съ исчисленіемъ всякихъ мелочныхъ правилъ и всѣхъ исключеній изъ нихъ, то мы рѣшительно говоримъ: лучше обойтись безъ всякой грамматики при первоначальномъ обученіи языку. Мы считаемъ на первый случай достаточнымъ объяснить ученику одни самыя крупныя, въ глаза бросающіяся явленія языка. Назовите это грамматикой или приготовленіемъ къ ней, или какъ угодно иначе: намъ кажется это необходимымъ основаніемъ сознательнаго ученія родного слова. Но и такая грамматика, по нашему мнѣнію, должна быть преподаваема не сама по себѣ, т. е. не независимо отъ практики, а въ непрерывной связи съ разборомъ примѣровъ и съ упражненіями. Однакожъ — чтобы понятія вытекали одно изъ другого и чтобъ можно было переходить отъ легкаго къ болѣе трудному, нужна [526] же какая-нибудь послѣдовательность. Для достиженія ея пусть учитель начнетъ съ составленія небольшого курса примѣровъ, изъ которыхъ можно бъ было извлечь въ послѣдовательномъ порядкѣ самыя существенныя основанія теоріи языка: природный тактъ и опытность разумнаго преподавателя лучше всего укажутъ ему, изъ чего должны составиться эти основанія, какъ далеко надобно итти въ объясненіяхъ и какъ упростить каждое толкованіе.

Начинать ли объясненіе теоріи языка съ отдѣльныхъ словъ, — съ частей рѣчи, какъ дѣлалось прежде, или съ состава предложенія, какъ по большей части поступаютъ нынче, согласно съ любимой методой новѣйшихъ германскихъ педагоговъ? Признаемся, при всемъ желаніи слѣдовать за успѣхами времени, мы до сихъ поръ не могли убѣдиться въ преимуществѣ послѣдняго способа, который гораздо отвлеченнѣе, сложнѣе перваго и требуетъ бо́льшаго умственнаго развитія. Конечно, съ даровитымъ ученикомъ можно безъ затрудненія начать и предложеніемъ; но ребенку обыкновенному трудно растолковать даже, что́ такое предложеніе: какъ же объяснить ему, что́ значитъ опредѣленіе, дополненіе и особливо обстоятельство? Все это — философія рѣчи, самыя отвлеченныя понятія, требующія особеннаго углубленія мысли въ отношенія словъ, тогда какъ чисто-грамматическія объясненія, опираясь отчасти на форму словъ, на ихъ внѣшніе признаки и примѣты, гораздо доступнѣе уму дитяти. Ясно какъ день, что грамматика, или точнѣе, такъ называемая этимологія, относится къ ученію

о предложеніи какъ низшее къ высшему, какъ простое къ сложному. Извѣстный германскій педагогъ Дистервегъ, стараясь подкрѣпить мысль, что въ теоріи языка надобно начинать съ предложенія, доказываетъ, что оно есть не общее что-нибудь, не отвлеченное, а *конкретное,* хотя имѣющее свои части или члены и потому допускающее разложеніе [1]). Кажется, гораздо легче было бы дойти до истины, противопоставивъ не [527] конкретное отвлеченному, а простое сложному: каждое слово, отдѣльно взятое, также конкретно, но оно передъ предложеніемъ имѣетъ еще преимущество простоты (3). Начиная говорить, ребенокъ сперва произноситъ только первый слогъ каждаго слова, потомъ цѣлыя, но отдѣльныя слова—и медленно, съ большою постепенностью, переходитъ къ фразамъ; принимаясь учить его читать и писать, мы также поневолѣ знакомимъ его прежде съ отдѣльными буквами, потомъ со складами, далѣе съ цѣлыми словами и напослѣдокъ уже переходимъ къ фразамъ. Почему же не слѣдовать этому естественному порядку и въ объясненіи законовъ языка? Развѣ разсмотрѣніе отдѣльныхъ словъ помѣшаетъ позднѣе занимать ученика предложеніями?

Намъ кажется, что новая метода, начинающая ученіе грамматики съ предложенія, произошла отъ превратнаго пониманія дѣтской природы. Чувствовали надобность въ измѣненіи старой методы; но вмѣсто того, чтобы упростить грамматику, дали ей обратный ходъ, и навязали уму дитяти то, что составляетъ потребность зрѣлаго мышленія. Какъ водится, русскіе въ этомъ случаѣ увлеклись примѣромъ нѣмцевъ. Теперь начинаютъ у насъ смотрѣть на дѣло иначе: мы знаемъ нѣсколькихъ опытныхъ педагоговъ, которые уже не считаютъ удобнымъ приступать къ грамматикѣ съ предложенія; нѣкоторые изъ нихъ откровенно сознавались намъ, что пока они слѣдовали этому порядку, ученики ихъ очень мало успѣвали. Но большею частію учебники русскаго языка, появившіеся у насъ въ послѣднія десятилѣтія, составлены на нѣмецкій образецъ — одними по убѣжденію или на вѣру, а другими потому, что они считали себя вынужденными сдѣлать уступку современности. При всемъ томъ эти учебники могутъ значительно облегчить задачу преподаванія, если только умѣть ими пользоваться. Въ нихъ тó особенно хорошо, что правила извлекаются изъ предшествующихъ примѣровъ. Однимъ только грѣшатъ нѣкоторые изъ составителей: какъ бы наученные горькимъ опытомъ, они предполагаютъ въ ученикахъ баснословную тупость: распространяютъ на пяти страницахъ то, что можно бы [528] растолковать на одной, истощаются въ повтореніяхъ и до безконечности плодятъ примѣры тамъ, гдѣ для уразумѣнія дѣла довольно было бы двухъ или трехъ. Это — настоящее испытаніе для

[1]) Wegweiser. I, 483.

терпѣнія ученика; онъ утомляется, скучаетъ, и на грамматику употребляется гораздо болѣе времени, нежели на сколько она въ сущности должна бы имѣть право.

Главнымъ распространителемъ этой методы надобно признать Вурста, котораго „Praktische Sprachdenklehre" въ теченіе 20-ти лѣтъ была издаваема 60 разъ; по образцу ея составлены и нѣкоторые изъ нашихъ новѣйшихъ учебниковъ. Вурстъ принялъ въ основаніе идеи Беккера объ организмѣ языка, хотѣлъ ввести ихъ въ кругъ школьнаго преподаванія и построилъ систему, которую онъ назначилъ для дѣтей отъ 7-ми до 14-ти-лѣтняго возраста. Знаменитое въ свое время сочиненіе Беккера *Организмъ языка* составило эпоху въ исторіи языкоученія. Прежде на языкъ смотрѣли какъ на что-то намѣренно и сознательно изобрѣтенное человѣкомъ; Беккеръ (хотя и неосновательно) представлялъ себѣ языкъ какъ органическое цѣлое, необходимо проистекшее изъ самой природы мыслящаго духа человѣческаго въ силу кроющагося въ немъ закона творчества. Отсюда мысль начинать объясненіе языка съ предложенія, какъ органическаго цѣлаго,— мысль остроумная, но не вытекающая прямо изъ основного положенія Беккера и въ примѣненіи неудобная. Что касается грамматики Вурста, построенной на началахъ Беккерова ученія, то изъ предыдущаго уже видно, въ чемъ заключаются недостатки этого руководства: по своему искусственному расположенію оно слишкомъ мудрено, а по принятой авторомъ методѣ оно убійственно-скучно для живого ребенка, преслѣдуя его на каждомъ шагу ненужными объясненіями и примѣрами, принуждая по образцу безсвязныхъ и бездушныхъ предложеній сочинять другія. Оттого эта книжка была въ самой Германіи осуждаема многими, которые особенно не признавали ея годною для начинающихъ (4).

Противники грамматики безусловно отвергаютъ упражненіе [529] учениковъ въ склоненіи и спряженіи словъ родного языка. „Это, говорятъ они, совершенно излишне, потому что всякій русскій съ дѣтства уже по слуху знаетъ, какія окончанія давать словамъ". Конечно, подобныя упражненія не должны производиться на счетъ другихъ болѣе существенныхъ занятій. Но за злоупотребленіе вещи слѣдуетъ ли осуждать самую вещь? Упражненія въ склоненіи и спряженіи представляютъ ту полезную сторону, что пріучаютъ ребенка къ размышленію и вниманію. Притомъ нельзя утверждать, чтобъ дитя по инстинкту давало всѣмъ словамъ правильныя окончанія, особливо когда на этихъ окончаніяхъ нѣтъ ударенія. Такія упражненія бываютъ особенно полезны, когда дѣлаются на письмѣ: во-первыхъ, они знакомятъ со всѣми формами даннаго слова въ совокупности; во-вторыхъ, они ускоряютъ успѣхи въ правописаніи (5).

Хотя мы и указали на этимологію, какъ на область, въ предѣлахъ которой должны вращаться первоначальныя объясненія, одна-

кожъ этимъ мы не налагаемъ на учителя обязанности съ педантическою строгостью оставаться въ предназначенной рамкѣ: напротивъ, думаемъ, что онъ долженъ свободно пользоваться всякимъ случаемъ для расширенія и уясненія понятій ребенка, а для того касаться иногда и управленія словъ и другихъ сторонъ языка, собственно относящихся уже къ синтаксису, — если разумѣніе ихъ доступно возрасту учащагося. Здѣсь дѣло совсѣмъ не въ строгомъ разграниченіи разныхъ частей теоріи языка, а въ томъ, чтобы предлагаемыя ученику объясненія были дѣйствительными объясненіями и не превышали степени его развитія.

Что касается несовершенства нашей грамматической терминологіи, на которое многіе жалуются, то мы не придаемъ ему особенной важности и находимъ, что всякій терминъ хорошъ, если только съ нимъ соединяется вполнѣ опредѣленное понятіе. Когда терминъ вамъ не нравится какъ нарицательное имя, смотрите на него какъ на имя собственное, и онъ будетъ выполнять свое назначеніе. Поэтому мы не видимъ надобности изгонять, наприм., даже названія *части рѣчи*, вмѣсто котораго стали [530] говорить: *разряды словъ* (Wortarten). Старый, хотя и дурной терминъ, лучше новаго, неизвѣстнаго въ наукѣ. Нѣмцы не сознали этой истины: учебники ихъ испещрены новыми терминами, хотя и очень замысловатыми, но тѣмъ неудобными, что въ преподаваніи произошла отъ нихъ путаница. Другое дѣло — самая разработка теоріи родного слова: въ этомъ отношеніи наша грамматика конечно заставляетъ желать еще очень многаго; но такой преходящій недостатокъ нисколько не можетъ служить доводомъ противъ самой грамматики. Чѣмъ менѣе будутъ пренебрегать ею, тѣмъ болѣе можно ожидать для нея успѣховъ.

Мы показали, изъ чего долженъ образоваться первоначальный остовъ всего теоретическаго ученія языка; этихъ начатковъ будетъ достаточно ребенку на долгое время. На послѣдующіе годы останется забота все далѣе развивать знаніе языка на основаніи практики. Въ начертаніи плана первоначальнаго преподаванія мы съ намѣреніемъ ограничились самыми общими указаніями: въ подробностяхъ и даже болѣе существенныхъ дополненіяхъ каждый преподаватель долженъ руководствоваться своимъ собственнымъ размышленіемъ. Жалокъ тотъ учитель, который не можетъ обойтись безъ готоваго руководства. Какъ бы хороша ни была метода, она должна видоизмѣняться какъ по способностямъ учениковъ, такъ и по личности самого преподавателя; но рѣдко ребенокъ бываетъ такъ обиженъ природою, чтобъ онъ не былъ въ состояніи понять самыхъ простыхъ законовъ рѣчи. Человѣкъ родится съ даромъ слова, и какъ скоро настанетъ пора ученія, онъ не можетъ стоять внѣ сферы понятій, ощутительно связанныхъ съ формами слова.

Изъ всего предыдущаго видно, что мы въ преподаваніи родного языка не хотѣли бы допустить никакой односторонности: мы не считаемъ достаточною одну практику, но не желаемъ и преобладанія теоріи; мы совѣтуемъ только въ основаніе сознательнаго изученія отечественнаго языка заблаговременно полагать знакомство съ существеннѣйшими началами этимологіи. Въ твердомъ знаніи родного языка мы видимъ не средство только, [531] но цѣль важную для всякаго образованнаго человѣка, вполнѣ понимающаго значеніе двухъ великихъ идей: отечество и слово. Заключимъ прекраснымъ замѣчаніемъ швейцарскаго мыслителя [1]): „Грамматическое преводаваніе, если оно заключается въ психологическомъ и простомъ объясненіи не *правилъ*, какъ всегда говорятъ, а *фактовъ* родного языка, составляетъ, вмѣстѣ съ преподаваніемъ закона Божія (эти двѣ отрасли ученія въ самомъ тѣсномъ родствѣ между собою), истинную основу *образованности* всякаго народа. Общество, которое не чувствуетъ своей религіи и не знаетъ своего языка, — находится внѣ условій настоящаго просвѣщенія".

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Нѣмецкій ученый Кэрнеръ въ изданной имъ Исторіи педагогики также говоритъ о господствующемъ у нѣмцевъ разногласіи по этому предмету и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ шаткость своего собственнаго мнѣнія. „Преподаваніе нѣмецкаго языка, говоритъ онъ, составляетъ въ настоящее время крестъ нашихъ училищъ; оно закономъ введено въ ихъ учебный курсъ, а между тѣмъ никто хорошенько не знаетъ, что́ съ нимъ дѣлать. Грамматика или чтеніе — вотъ лозунгъ противоположныхъ партій. Нѣмецкой грамматикой долго занимались съ большимъ усердіемъ; потомъ возникли скромныя сомнѣнія въ ея пользѣ, а теперь хотятъ рѣшительно устранить ее. То, кажется, несомнѣнно, что собственнаго языка не изучаютъ грамматически, это противно природѣ" (противно природѣ было бы начать изученіемъ грамматики знакомство съ своимъ языкомъ, но почему, говоря на немъ, нельзя вникать въ его законы — это непонятно). „Дитя должно въ то время, какъ оно говоритъ, размышлять о своей рѣчи, безпрестанно повѣрять, наблюдать и поправлять само себя — это [532] невозможно" (кто же, не лишенный здраваго смысла, можетъ

---

[1]) Vinet. Chrestomathie française pour la jeunesse et l'âge mûr. Lettre à mr. André Gindroz, p. XI.

и требовать этого?). „Къ тому присоединяются гибельный хаосъ въ терминологіи, пошлость и пустота упражненій, незрѣлость самой грамматики, такъ какъ у насъ нѣтъ даже общепринятой орѳографіи, и наконецъ тяжелыя отвлеченности опредѣленій, которыми какъ пугалами преподаваніе начинается". (Все это доказываетъ только, что нѣмецкому языку учатъ *не такъ*, какъ слѣдуетъ, а не то, что его вовсе не слѣдуетъ преподавать. Но посмотримъ, къ какому неожиданному заключенію авторъ наконецъ приходитъ:) „Съ другой стороны преподаванія родного языка нельзя будетъ устранить совершенно *такъ-какъ* (?) *нужна же терминологія*, почему всего вѣрнѣе держаться середины, соединяя это преподаваніе съ чтеніемъ. Много читать и упражняться — вотъ единственная плодотворная метода; при этомъ необходимѣйшія объясненія и больше ничего" (Th. Körner, Geschichte der Pädagogik, Leipzig. 1857, стр. 315). Въ какой мѣрѣ мы согласны съ этимъ послѣднимъ выводомъ, видно будетъ изъ продолженія нашей статьи.

2) Гегель говоритъ: „Трудно оцѣнить достаточно всю важность ученія грамматики, ибо ею начинается логическое образованіе. Содержаніе грамматики — категоріи, собственныя произведенія и опредѣленія ума; слѣд. въ ней умъ начинаетъ изучать самъ себя. Эти духовные предметы, съ коими она первая насъ знакомитъ, въ высшей степени удобопонятны для юношества, и нѣтъ ничего духовнаго удобопонятнѣе: еще ограниченныя силы сего возраста не могутъ обнять всего духовнаго царства въ его многоразличіи; отвлеченности же грамматическія совершенно просты. Онѣ точно отдѣльныя буквы, и притомъ гласныя духовнаго бытія; ими начинаемъ мы складывать и учиться читать оное. Грамматика предлагаетъ сіи отвлеченности по силамъ юнаго возраста, отличая оныя внѣшними признаками, содержащимися въ самомъ языкѣ". (О препод. от. яз. 1, 39).

3) Дистервегъ въ своемъ Wegweiser говоритъ: „Такъ какъ естественный и легчайшій ходъ преподаванія состоитъ въ [533] извлеченіи неизвѣстнаго изъ извѣстнаго и въ постепенномъ присовокупленіи неизвѣстнаго къ извѣстному: потому въ отечественномъ языкѣ надобно начать съ органическаго цѣлаго, т. е. съ предложенія". (О преп. от. яз. I, 64). Намъ кажется, что этотъ силлогизмъ не вѣренъ, потому что посылка его, хотя и справедлива, къ дѣлу непримѣнима: ребенку еще *неизвѣстно* то, изъ чего должно вытекать понятіе о значеніи опредѣленія, дополненія и обстоятельства.

4) Вурстъ, одинъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ педагоговъ, издалъ нѣсколько сочиненій по своему предмету, въ томъ числѣ: Die zwei ersten Lehrjahre", книгу, въ которой онъ по системѣ Бéнеке предлагаетъ общій планъ ученія для низшаго, элементарнаго класса школъ. Здѣсь онъ старается дать образцы нагляднаго преподаванія и пред-

метомъ разговоровъ съ учениками избираетъ домъ, какъ жилище человѣка. Сущность методы заключается въ наименованіи, классификаціи и изображеніи предметовъ. Все это въ идеѣ превосходно, но при обширности, какую авторъ слишкомъ педантически даетъ каждому объясненію, — должно быть очень утомительно для дѣтей. Критику грамматики Вурста можно найти въ книгѣ г. Буслаева, ч. I, стр. 54. Тутъ выраженъ отчасти другой взглядъ на дѣло, но также неблагопріятный для Вурстовой методы.

5) Мы русскіе можемъ о нашемъ правописаніи сказать то же, что нѣмцы говорятъ о своемъ: „Наше письмо неправильно, а все неправильное изучается съ трудомъ. Потому-то и правописаніе требуетъ много времени и много упражненія: однихъ правилъ недостаточно. Рядомъ съ правиломъ: *Пиши что слышишь*, становится другое: *Не пиши что слышишь*. За правиломъ: *Держись словопроизводства*, слѣдуетъ другое: *Не всегда держись производства*, а соображайся съ *обычаемъ*. Отсюда объясняется трудность выучиться такъ называемому правописанію, а равно желаніе ученыхъ и преподавателей подчинить ороографію опредѣленнымъ законамъ. Желаніе это само по себѣ похвально; однако, въ школахъ мы должны учить писать только такъ, какъ всѣми [534] принято. Школѣ не нужно нововведеній, хотя бы они были дѣйствительными улучшеніями: она должна готовить для жизни въ ея настоящемъ видѣ. Учитель, который заставляетъ учениковъ своихъ отступать отъ общихъ обычаевъ своей націи, доказываетъ явное непониманіе своего положенія и задачи элементарнаго преподаванія. Итакъ, несмотря на ясное сознаніе несовершенства и отчасти произвола нашей ороографіи, мы остаемся при обычаѣ. Послѣдній ведетъ за собою положительныя правила, соблюденіе которыхъ ученикъ долженъ въ полномъ смыслѣ *изучить*. Это предполагаетъ много разнообразныхъ упражненій, а они не должны дѣлаться безъ размышленія, безъ многостороннихъ усилій“ (Diesterweg, Wegw. I, 506).

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ РУССКАГО СЛОВАРЯ.

I.

Дополненія и замѣтки къ «Толковому Словарю» Даля.

1869 — 1885.

[535] Въ продолженіе многихъ лѣтъ я, при встрѣчавшихся случаяхъ, записывалъ слова, которыхъ не находилъ въ нашихъ словаряхъ. Здѣсь собраны въ азбучномъ порядкѣ тѣ изъ нихъ, которыя пропущены и покойнымъ В. И. Далемъ. Къ нимъ присоединены также нѣкоторыя слова, хотя и занесенныя имъ въ *Толковый Словарь*, но не вполнѣ удовлетворительно или не во всѣхъ своихъ значеніяхъ тамъ объясненныя. Такія слова, какъ уже находящіяся въ словарѣ Даля, отмѣчены у меня звѣздочкою. Изъ этого списка не исключены и попадавшіяся мнѣ чисто-мѣстныя слова: они также могутъ пригодиться нашимъ будущимъ лексикографамъ. Народныя слова записаны мною или по собственнымъ моимъ наблюденіямъ (особенно въ Ряз. губ.), или по замѣткамъ, сообщеннымъ мнѣ достовѣрными людьми. Сверхъ того, сюда включены также нѣкоторыя слова, собранныя и обязательно доставленныя мнѣ А. К. Жизневскимъ изъ Твери; они отмѣчены поставленною въ скобкахъ буквою Ж. Приношу здѣсь мою признательность какъ ему, такъ и другому просвѣщенному лицу, имя котораго означено буквою Г при словахъ, въ разное время имъ сообщенныхъ въ мою коллекцію, часто съ запросомъ о ихъ значеніи или происхожденіи [1]). Удареніе ставлю вообще только тамъ, гдѣ оно можетъ казаться сомнительнымъ. При ссылкахъ на Рейфа, я разумѣю здѣсь, какъ и

[1]) Слова, въ первый разъ занесенныя въ 3-е изданіе *Фил. Раз.*, отмѣчены цифрою 1, какъ ссылкою на это примѣчаніе.

вездѣ, не ручные словари покойнаго лексикографа *), а большой его этимологическій словарь, изданный въ 1835 году.

Нелишнимъ считаю прибавить, что въ X-мъ томѣ *Сборника Отд. р. яз. и сл.* напечатаны дополненія къ словарю Даля, записанныя П. В. Шейномъ, а въ XI томѣ того же изданія дополненія и замѣтки І. Ѳ. Наумова.

АЛУЧА (Г.). Закавказскій плодъ, изъ котораго приготовляется варенье.

АНТОНОВЪ ОГОНЬ *. Тутъ не излишне было бы прибавить, что такъ (feu d' Antoine, Antonius-feuer) первоначально называлась воспалительная рожа, которая въ 11-мъ вѣкѣ распространилась въ западной Европѣ и отъ которой, по народному повѣрью, исцѣляли мощи св. Антонія.

БАДЕМЪ [1]. Родъ крупныхъ орѣховъ, которые водятся въ Крыму: „орѣховъ бадемъ, уродившихся въ изобиліи, на ялтинскомъ базарѣ вовсе нѣтъ, а орѣхи фундуки стȯятъ 20 коп. за фунтъ“ (газетная замѣтка).

БА́ЛОВА [1]. Коршунъ. (Орл. губ.).

БА́ТАРЬ. „Растетъ лопухъ, репья, всякій *батарь*, какъ говорятъ здѣсь“ (изъ Тамб. губ.). *Спб. Вѣд.* 1868, № 177.

БЕЗТАКТНЫЙ [1]. Пропущ.

БИРЪ. Поголовная подать, платимая царанами въ Бессарабіи (*Воен. статист. обозрѣніе Бессар.*).

БЛАГОЮРОДСТВОВАТЬ (Ж.). (Моск.).

БОГОМИЛЪ *. Послѣдователь особой ереси; см. Пыпина *Ист. слав. литературъ* (статья Болгарія, стр. 59 и далѣе).

БОЁКЪ *. Та часть цѣпа, которою бьютъ хлѣбъ. (Другая часть называется *ка́дочка*, а кожа, которою обѣ части соединяются—*пу́тце*).

БОКОВУША [1]. *Въ Л.* **) I, 5.

БОМЪ *. Трудно проходимое ущелье; трудно проходимая тропинка между скалами въ горномъ ущельи (Сибирь).

[537] **БОСОЙ** *. *Босая лошадь*—такая, у которой плохія, слабыя копыта; противоположн. *обуви́стая лошадь*. (Послѣднее означено у Даля).

БОЧКА *. Небольшая сѣть, употребляемая для лова снетковъ въ Пск. губ. *(Военно-статист. обозр. Пск. г.).*

БОЯРЫНАШЪ. Человѣкъ, не происходящій отъ дворянскаго сословія, но достигшій низшихъ молдавскихъ чиновъ, дающихъ нѣкоторыя боярскія права (Бессар.).

БРАТЕ́НЕКЪ *. Двоюродный братъ (Смол. губ.).

---

*) Погибшаго такъ трагически 26 сент. 1872 г. въ Карлсруэ отъ руки домашняго убійцы (См. *Гражданинъ* этого года, № 22).

**) Т. е. *Въ Лѣсахъ*, соч. Печерскаго (П. И. Мельникова).

БРАТЪ-ДѢТИ. Двоюродные братья. „Мы съ нимъ *братъ-дѣти*". (Смол.).

БРАШНО *. При этомъ словѣ необходимо было бы прибавить ссылку на народное *бо́рошно* (ржаная мука), которое есть и у Даля, но не сближено съ книжнымъ, болѣе извѣстнымъ *брашно*. См. *бо́рошень*, при которомъ къ объясняющимъ словамъ надо было присоединить *багажъ*: „Свита слѣдовала за нимъ съ борошнемъ (т. е. съ багажемъ) на другой яхтѣ". (Устрялова *Ист. Петра В.*, т. IV, стр. 108).

БРУСНИЦА [1]. Зачерпывалъ брусницу. *А. К.* *) II, 29.

БУБУХАЛИ ПУШКИ. *Война и Миръ.* IV, 318.

БУСѢЕТЪ. (Волог.) плѣснѣетъ.

БѢЛИЗНА (Г.) Рыба въ Кіевской губерніи. См. Отчетъ кіевскаго губернатора за 1869 годъ.

БѢЛУХА. Названіе высочайшей горы въ Алтайскомъ хребтѣ.

ВАЛО́КЪ *. (Пейп.). Мѣшкообразная сѣть для лова угрей.

ВА́ЛУХЪ [1]. У Даля ошибочно *ва́лахъ*. Такой формы нѣтъ.

ВАРНАКЪ [1]. Бѣглый каторжный. *Въ Л.* I, 190.

ВЕЛИЧУРКА (Г.). Родъ гречневой крупы (изъ „Офиціальнаго торговаго прейсъ-куранта С.-Пбургской биржи при финансовомъ обозрѣніи 1880 г., № 23).

ВЕРЕВОЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО (Г.). Слѣдующіе сорта̀ веревокъ, приготовляемые между прочимъ въ Ржевѣ, не упомянуты въ словарѣ Даля: *канавная*, *логлинъ*, *сахарникъ*, *стекленъ*, *хриптинка*.

ВЕРЕТЕНИ́ЦА *. „Это слово имѣетъ въ зоологіи двоякое значеніе; такъ называется: 1) мѣдяница, Anguis fragilis, животное переходное отъ ящерицъ къ змѣямъ, по-нѣм. Blindschleiche, и 2) родъ моллюсковъ, Fusus, раковина котораго похожа на веретено, откуда и нѣмецкое названіе его: Spindelschnecke, или просто Spindel". (Замѣтка Л. И. Шренка).

[538] **ВЕРХОВОЙ** *. При этомъ словѣ надобно еще прибавить реченіе: *верховыя пушки*=мортиры. (Устр. *Исторія Петра В.*, II, стр. 187).

ВЖИКАТЬ. Коса вжикала. *А. К.* II, 28.

ВЗАИМОДѢЙСТВІЕ, (Давно введенное и всѣмъ извѣстное слово).

ВЗДОРНИКЪ. Пропущено у Даля, хотя происходящій отъ этого имени глаголъ *вздорничать* поставленъ на своемъ мѣстѣ.

ВЗБРОДЪ *. Груда соломы, также стогъ сѣна.

ВИДЪ *. „Ружье, стволъ котораго къ концу толще и потому шире,—называется или называлось: *съ видомъ*". (*Восп.* Аксак., стр. 150).

ВИ́ХОРНИЧАТЬ. Быть легкомысленнымъ, напр., часто мѣнять мѣсто службы. (Ряз. губ. Данк. у.).

ВОВКУЛАКА *. (вм. волкодлакъ) есть очевидно не великорусская фор-

---

*) Т. е. *Анна Каренина*, соч. гр. Л. Толстого.

*

ма и потому не должно стоять на первомъ мѣстѣ, форму же *волкодлакъ* слѣдовало включить въ гнѣздо слова *волкъ*. Любопытно сравнить въ Сербскомъ словарѣ Караджича обширныя поясненія подъ словомъ „*вукдлак*". *Длака*, серб. = вóлосъ конскій или коровій; клокъ волосъ. См. также Пыпина *Ист. слав. литературъ*, стр. 74.

ВОДА *. При этомъ словѣ надобно объяснить употребленіе его съ слѣдующими прилаг.: *Матерая*—, глубь; *сочная, жирная*—, глубина въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ межень бываютъ отмели; *сухая*—, мелкая; *живая*—, глубь, ближайшая къ обмелѣвшему мѣсту.

ВОДОВИ́КЪ. Большія сани, употребляемыя при ловлѣ снетковъ въ Пск. губ. подъ свозъ *запаса* (см. это слово). В́одовица, особая ладья, употребляемая лѣтомъ при запасахъ. *Воен.-статист. обозр. Пск. губ.*, стр. 102).

ВОПОПОЛИЦА. Еще форма словъ *водополь и водополье.*

ВÓЗЕРО, ВОКОШКО *). Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Смоленской губ. (Порѣчскомъ, Духовщинскомъ, Красненскомъ и частью Смоленскомъ) слышится призвукъ *в* передъ начальнымъ *о* во всѣхъ словахъ.

ВОЗЖАТЬСЯ [1]. Возиться. *Въ Л.* I, 386.

ВОЛОПЁРЪ. Рослый и дюжій, но лѣнивый парень.

ВОЛÓСЕЦЪ. (Сиб.). Волосатикъ.

[539] **ВОЛЧОКЪ.** (Г.). Въ объяснит. запискѣ къ смѣтѣ расходовъ Департ. неокл. сборовъ на 1879 г., на стр. 2, при исчисленіи расходовъ на починку испортившихся контрольныхъ снарядовъ по винокуренію, говорится: на замѣну мелкихъ частей, какъ-то *волчковъ* и т. д. У Даля слово *волчокъ* въ этомъ смыслѣ не находится.

ВОЛОШСКІЙ [1]. Упóтребл. какъ нарицательное прилагат., напр. въ названіи извѣстнаго рода орѣховъ *волошскіе*, то же, что *грецкіе*. Таково же значеніе перваго слога въ германскомъ Wallnuss (valhnot), гдѣ val сокращ. изъ ср. верхненѣм. walh, дрвн. walah, нвн. welsch = иностранный, особенно франц., итал., вообще романскій. Этотъ орѣхъ, родомъ изъ Кашемира, къ нѣмцамъ первоначально вывезенъ былъ изъ Италіи и Франціи (Weigand. D. WB.).

ВООДУШЕВЛЕНІЕ. Пропущено у Даля, такъ же, какъ и въ академич. словаряхъ.

ВОРОТЪ * (Ж.). Двое дѣтей, а третій *на вороту*. (Новг.).

ВСЕСТОРОННІЙ. ВСЕУСЛЫШАНІЕ. Пропущены.

*) Само собою разумѣется, что эти слова помѣщаются здѣсь не для включенія въ словарь, а только ради приложеннаго къ нимъ замѣчанія,—какъ нѣкоторыя другія ради сопровождающаго ихъ поясненія или примѣра.

ВСКЛОКОЧЕННЫЙ. Пропущено; но въ живомъ языкѣ употребляется чаще, нежели книжное *всклоченный*, хотя и признанное по Гречевой грамматикѣ единственно вѣрнымъ.

ВСПЫРСКИВАТЬ. „Жаворонки вспырскивали". (*Война и Миръ*, IV, 18). *Пырскать* у Даля означено только подъ *прыскать*.

ВСТРЕПЫХАЛАСЬ, какъ курица (*Война и Миръ*, IV, 146).

ВЧИНИТЬСЯ * (Ж.) *Вчинился* не въ свое дѣло. (Пск.).

ВЫВОДЪ *. Плата, которую женихъ вноситъ за невѣсту роднымъ.

ВЫРЕЗУБЪ *, рыба. По Далю, Cyprinus dentex, съ прибавленіемъ въ скобкахъ Cephalus при вопрос. знакѣ. Слышавъ иногда *верезубъ*, я по этому поводу обращался къ Л. И. Шренку, который между прочимъ отвѣчалъ мнѣ: „Cypr. cephalus, какъ Палласъ называетъ эту рыбу, водится въ Черномъ морѣ (а также и въ Каспійскомъ), и изъ него подымается далеко вверхъ по рѣкамъ южной Россіи. По Кесслеру (Путеш. къ сѣверн. берегу Чернаго моря) вырезубъ — Leuciscus Friesii, и встрѣчается во всей южной Россіи. Палласъ приводитъ народное названіе указываемой имъ рыбы изъ Малороссіи: *вырезубъ* и *вирезубъ*. Онъ объясняетъ это названіе тѣмъ, что нѣкоторые изъ зубовъ, которыхъ у этой рыбы, вообще очень немного, да и то лишь въ глоткѣ, въ нижней своей части выдолблены или какъ бы съ вырѣзкою. Кесслеръ приводитъ названія *вырезубъ* и *вырѣзъ*, не объясняя ихъ".

ВЫТОЧКИ [1]. Перешивая, сдѣлала выточки не на мѣстѣ. *А. К.* II, 44.

ВѢКУШИ (Ж.). Старыя дѣвки, раскольницы, начетчицы, учатъ дѣтей грамотѣ. (Самар.). У Даля *вѣковуха*, *вѣкоушка*.

ВЯТКА [1]. Есть у Даля въ значеніи толпы, кучи, ватаги. Употреблено нѣсколько иначе въ замѣткѣ, означенной ниже подъ словомъ *сламъ*.

ГАЛЕРА *. На Днѣстрѣ паро́мъ въ 6 саж. ширины и въ 12 длины, подымающій тяжести отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ пудовъ. (*Воен.-статист. обозр. Бессарабіи*).

ГИЦЕЛЬ [1]. „На наемъ гицеля для отравленія собакъ 120 руб." (*Нов. Время* 1880 г., № 1642, корреспонденція изъ Нѣжина). Что это за слово? не отъ нѣмецк. ли Hetzer — ferarum captator? (см. Словарь братьевъ Гриммовъ). Конечное *г* могло перейти въ *л*, такъ же, какъ напр. въ словѣ дрягиль (träger).

ГЛАГОЛЬ [1]. Висѣлица въ формѣ буквы Г. Изъ актовъ, относящихся къ эпохѣ Пугачевщины.

ГОЛОВАШКА. Носокъ лаптя. См. лапоть.

ГОЛОМЕНА́МИ *. Поперемѣнно или чрезполосно (о бурѣ или дождѣ).

ГОЛОМЕНЬ * или **ГОЛОМЯ** *. Плоская сторона полосы у меча, сабли и пр. (Савваит. *Описаніе царскихъ утварей* и пр., стр. 165).

ГОЛОМЫСЫЙ *. Не только безбородый, но вообще голый, обнажен-

ный, напр. голомысое дерево, т. е. безъ листьевъ (ср. древ. голо(м)усый).

ГОМОЗИТЬСЯ *. Помѣщено неправильно подъ словомъ *гомъ*. Корень его ясенъ изъ чеш. hmiz = насѣкомое.

ГОНЕ́БЩИКЪ. Занимающійся гоньбою.

ГОНОШИТЬ *. (Ж.). Суетиться (Твер.), грести сѣно (Новоторж. у.).

ГОРЛОДРАНЕЦЪ. То же, что горлодеръ.

ГОРЛЮПА́, раст. Bunias orientalis. У Даля и въ Бот. словарѣ Анненкова *Гарлупникъ*.

ГОРЯНЩИНА *. Разная посуда, глиняная и фаянсовая, коробья и всякія деревянныя издѣлія, сплавляемыя въ низовые поволжскіе города съ *горы*, т. е. съ верховьевъ Приволжья, преимущественно изъ Городца и Балахнинскаго уѣзда Нижегор. губ.

ГРЕМЯЧЪ. Народное названіе ключа, по которому такъ называется множество селеній въ разныхъ губерніяхъ.

ГРЕЧИ́ЩЕ. Поле, съ котораго снята греча (у Даля ошибочно: гре́чица).

ГРИБЬЁ, собират. имя.

ГРИВА *. Продольная отмель въ рѣкѣ (Сиб.).

ГРЫДОРОВАТЬ. Вм. *гравировать*, въ 18-мъ вѣкѣ. Одно изъ многихъ [541] словъ первой эпохи новой русской письменности, которыя еще не вошли въ наши словари. См. выше въ этой книгѣ (стр. 217) замѣтку *о нѣкоторыхъ старинныхъ техническихъ терминахъ р. языка*.

ДА́ДЕНЪ. Употребительное въ народѣ страд. причастіе гл. *дать*. Такимъ же образомъ говорится: *отдаденъ*, *продаденъ*. (Смол. губ.).

ДАНЬ. Царь любитъ дань (народ. поговорка).

ДАЧА *. Далемъ пропущено значеніе, показанное въ акад. словарѣ: „Угодья и земли, принадлежащія помѣщику или государственнымъ крестьянамъ. *Въ моихъ дачахъ много строевого лѣсу. Лѣсная дача*“. Въ этомъ смыслѣ говорятъ, напр.: *У него дурная, неудобная, безобразная дача*, т. е. дача, по своему очертанію или другимъ обстоятельствамъ невыгодная.

ДЕМЬЯНКА *. Огородный овощъ, плодъ котораго съ виду похожъ на огурецъ, весьма употреб. въ Астрахани и за Кавказомъ, гдѣ называется *бадиджаномъ*, а въ средней Россіи болѣе извѣстенъ подъ именемъ *баклажана* или *подложана* (solanum melangena, ducamara, pomme d'amour).

ДЕСЯТИНА *. Подъ этимъ словомъ пропущены у Даля названія *тридцатка*, *сороковая* и *сотенная*, которыя и на своихъ мѣстахъ не объяснены имъ въ отношеніи къ десятинѣ.

ДЖУТЪ [1]. По поводу частыхъ газетныхъ толковъ о джутовыхъ мѣшкахъ собраны мною слѣдующія свѣдѣнія. Jute (слово бенгальскаго языка) означаетъ растеніе изъ рода tiliaceae Corchorus,

различные виды котораго съ незапамятныхъ временъ воздѣлываются въ Восточной Индіи ради добыванія волоконъ и отчасти въ пищу. Нынѣ C. capsularis въ особенности сильно разводится въ Индіи, на Малайскихъ островахъ, въ южномъ Китаѣ и даже въ Алжиріи. Употребляется собственно для волоконъ лубъ растенія, и тамъ, гдѣ его родина, джутъ искони служилъ на изготовленіе веревокъ и тканей. Наибольшее количество его вывозится изъ Калькутты въ сыромъ видѣ. Въ Европѣ онъ вошелъ въ употребленіе съ 50-хъ годовъ, когда Крымская война лишила англичанъ привоза русской конопли; потребность въ немъ еще усилилась во время американской междоусобицы за недостаткомъ хлопчатки. Теперь матеріи изъ джута, а также мѣшки, выдѣлываются на фабрикахъ, какъ въ Великобританіи (преимущественно въ Шотландіи), такъ и на материкѣ. Джутовые мѣшки идутъ къ намъ, вѣроятно, главнымъ образомъ изъ Англіи.

[542] **ДИКАСИТСЯ**—ведетъ себя какъ дикій.

ДОЛОВАТЫЙ. *Рожь доловатая* — растущая въ долинѣ или лощинѣ.

ДОМБРА. Варганъ. У Даля есть *домрá* съ значеніемъ: „азіатская балалайка съ проволочными струнами“.

ДОМНЕШТЫ. Бессарабскія яблоки.

ДОРОГОВЬ *. (Ряз.). Дороговизна.

ДОРÓЖКА *. (Пейп.). Рыболовный крючокъ, висящій на шнуркѣ.

ДОСТАКАНЪ, ДОСТОКАНЪ. Другая форма словъ: *досканъ*, *досканецъ* и сокращ. *стаканъ* *) (вм. дстаканъ, какъ *чанъ* вм. *дщанъ*) **). „Кубки золоченые и не золоченые съ пупышами, травами и достокановымъ дѣломъ“. (*Ист.* Соловьева, т. V, стр. 481). „Кувшины, бочки, ендовы, достаканы“ (тамъ же, т. VII, стр. 4).

ДОСТОДОЛЖНЫЙ, ДОСТОСЛАВНЫЙ, ДОСТОХВАЛЬНЫЙ, ДОСТОУВАЖАЕМЫЙ, ДОСТОЧТИМЫЙ. Всѣ эти слова пропущены Далемъ.

ДУЖКА [1], часть грудинки у птицы, должно несомнѣнно стоять подъ словомъ *дуга*, а не подъ *душа*, гдѣ оно написано *душка*, съ прибавленіемъ въ скобкахъ въ видѣ вопроса: *дужка*.

ДУШЕВОЙ надѣлъ [1]. Надѣлъ на душу.

ДУШЬ [1], ж. р., въ значеніи дождеобразнаго или струевого обливанія, а не душъ, м. р.

ДЫБА *. Подробное объясненіе этого орудія пытки см. въ *Соч. Держ.*, 1-е изд. Ак. Н., Т. III, стр. 629.

---

*) Какъ замѣчено и Далемъ подъ сл. *стаканъ;* но въ своемъ мѣстѣ слово *достаканъ* не занесено у него. Совершенно произвольно сближали *стаканъ* съ словомъ *стекло.* Тутъ сходство звуковъ случайное. Стаканы были сперва не стеклянные. Слово же *стекло* готскаго происхожденія.

**) Магницкій въ своей Ариѳметикѣ пишетъ *тчанъ*.

ДЫМКА *. Головной женскій уборъ, по большей части изъ шелковой матеріи, часто съ цвѣтами.

ДѢЛОВИТЫЙ, ДѢЛОВИТОСТЬ, *Спб. Вѣдом.* 1867, нояб. 10.

ДЯДЬКА *. Дядя (Смол. губ.).

ЕГОРІЙ *. У Даля ошибка въ пословицѣ: „Коли къ Егорью листъ не въ полушку, не жди, чтобъ къ Ильину дню класть рожь въ кадушку“. Должно быть: *въ кладушку*, т. е. въ одо́нушко, небольшой скирдъ.

ЕРБОЙЗЪ. Земляной зайчикъ. Объ этомъ названіи Л. И. Шренкъ сообщаетъ: „То же, что бабукъ, или тушканчикъ, грызунъ съ длинными задними (прыгательными) ногами; водится въ степяхъ южной Россіи и Сибири. По-французски животныя этого рода, въ особенности Dipus Sagitta (тушк. быстрый), [543] называются „gerboise“, по-нѣмецки и англійски „jerboa“; отсюда конечно и русское *ербоизъ*, названіе, впрочемъ, во всякомъ случаѣ лишь книжное, въ народѣ неупотребительное“ *).

ЕРМОЛАФІЯ (отъ ирмологія). Семинарское слово: дребедень, шумная, многословная болтовня.

ЖАЛЕЙКА. Дудка изъ камыша (у Даля есть, но ошибочно занесено въ своемъ мѣстѣ и *желейка*).

ЖА́МКИ, ЖА́МОЧКИ [1]. (Ряз. губ.). Пряники.

ЖАРОВИНА. Растеніе: vaccinium, oxycoccos; canneberge, coussinet des marais (Рейфъ).

ЖМУТОКЪ. (Изъ муром. легенды, по Буслаеву. *Атеней* 1858, № 30).

ЗАБАВА *. Стар. и народ. Замедленіе, причина замедленія. *Забавиться* — замѣшкаться. *Позвольте итти: я не забавлюсь.*

ЗАБАСТОВКА. „Нелѣпое притязаніе не допускать до занятій рабочихъ въ той отрасли промышленности, гдѣ устроилась *забастовка*“, т. е. стачка (*Моск. Вѣд.* 1869, № 130: „Изъ Парижа“).

ЗАБѢЖКА [1]. Малый пароходъ. *Въ Л.* I, 142.

ЗАВА́РЪ [1]. (Г.) „Еще во время крѣпостного права во всѣхъ крупныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ Пермской губерніи хозяйственные разсчеты велись по „заварамъ“, имѣющимъ то отличіе отъ періода гражданскаго года, что началомъ завара считается не январь мѣсяцъ, а май“. По представленію мѣстнаго губ. присутствія министръ финансовъ въ 1877 г. ходатайствовалъ о сохраненіи этого срока и для взноса выкупныхъ платежей.

ЗАВѢСЫ [1]. (Ряз. губ.). Передникъ, подвязанный подъ мышки.

ЗАГОЖЕЧКА [1]. (Новг.) **), кукушка. Надо закусить хлѣба-соли, чтобъ

---

*) Описаніе этого животнаго, сдѣланное на мѣстахъ, гдѣ оно водится, см. въ *Соч. Держ.*, Т. V, стр. 385.

**) Слова, означенныя здѣсь въ началѣ словомъ *Новг.*, а въ концѣ буквою П., доставлены въ 1878 г. во 2-е Отдѣленіе Академіи Наукъ членомъ Новгородскаго статистическаго комитета Ѳ. Ѳ. Пардолоцкимъ.

кукушка не закуковала. По понятію народному, кто въ первый разъ услышитъ голосъ кукушки на тощій желудокъ, тому будутъ предстоять бѣды и напасти. (П.). У Даля *загозка*, безъ означенія мѣстности. Нельзя при этомъ не вспомнить зегзицу Слова о полку Игоревѣ.

ЗАКОЛЯНИТЬСЯ. „Ахъ, вороны, заколянились: кричали на ополченцевъ, замявшихся передъ солдатомъ съ оторванной ногой“. (*Война и Миръ*, IV, 298).

[544] **ЗАКОРУЗЛЫЙ**, или **ЗАСКОРУЗЛЫЙ**. У Даля только глаголъ *заскорузнуть*.

ЗАЛИЧИТЬ [1]. (Ряз.). Вынимая кирпичи изъ печи, ихъ сортируютъ и кладутъ такъ, что бѣлые остаются сзади и не бываютъ видны за красными, помѣщаемыми впереди. Тогда говорятъ, что „кирпичи заличены“.

ЗАНОСЫ *. *Спб. Вѣд.* 1867, № 297. Судеб. хрон.

ЗАПАСЪ *. Неводъ особеннаго устройства для ловли снетковъ въ Псков. губ. Главныя составныя части запаса: матня и два крыла. (*Воен.-стат. обозр. Пск. губ.*, стр. 101).

ЗАПИСЬ *. (Въ древнихъ рукописяхъ или на вещахъ). Обыкновенно помѣщенное въ концѣ рукописи свѣдѣніе о томъ, кто ее составлялъ или переписывалъ, и о времени ея происхожденія. *Спб. Вѣдом.* 1867, № 304. Засѣд. Археолог. Общ.

ЗАПЛЕЧИКИ [1]. (Типогр. терм.). Разстояніе между буквами. *Р. Вѣстн.* 1872, май, стр. 336.

ЗАПЛОТЪ *. „Заплотами въ Оренбургскомъ краю обыкновенно крѣпости окружаются“. (Донес. кн. Щербатова отъ 1 іюня 1774 въ архивѣ Генер. штаба).

ЗАСИДКИ *. „Темные осенніе вечера установили между рабочимъ населеніемъ одинъ весьма своеобразный обычай — празднованіе такъ называемыхъ „засидокъ“, т. е. начало работъ при вечернемъ освѣщеніи... Начало *засидокъ* совпадаетъ съ послѣдними числами августа или первыми сентября“. (*Русск. Инв.* 1866, № 232). У нѣмцевъ Lichtbraten.

ЗАСТАВА * (Пейп.). Сѣть, прикрѣпляемая однимъ концомъ къ отверстію ризца, которое она раздѣляетъ на двѣ половины, другимъ же къ жерди втыкаемая въ дно саженяхъ въ трехъ впереди ризца. Этимъ же именемъ *(заставой)* называется сѣть, разставляемая въ нѣкоторомъ разстояніи отъ проруби, чрезъ которую вытягиваютъ зимніе неводá.

ЗАСТАВКА [1]. Точнѣе чѣмъ у Даля можетъ быть опредѣлено такъ: живописное украшеніе, помѣщаемое въ началѣ рукописи или книги, или передъ началомъ каждой статьи, входящей въ составъ ихъ.

ЗАСЫПКА [1]. *Въ Л.* I, 376.

ЗАШИБАТЬСЯ хмелемъ. Запивать. (*Въ Л.* I, 27).

ЗЕЛЕПУХА (собир.). Зеленые плоды, ягоды и проч.

ЗМЕТЪ (сѣверн.). Фасонъ.

ЗОЛА *. Пропущена поговорка: „Надо сѣять хоть въ золу, да въ пору" (не пропускать срока для сѣва).

[545] **ЗРАЗЫ** (Г.). Извѣстное польское кушанье, весьма употребительное и въ Россіи. *Зразы* рубленые.

ИЗАРБАТЪ. У Рейфа: „brocart, étoffe de soie brochée d'or". Въ акад. словарѣ: зарбавъ, родъ парчи. Собственно *зербафъ*, персидское слово, то же что парча, золотная или серебряная, ткань съ узорами шелковыми, серебряными и золотыми (П. Савваитова *Описаніе старинныхъ царскихъ утварей* и проч., стр. 173). Изъ этой дорогой ткани дѣлались съ 1666 г. нарядныя одежды (П. Строева *Указатель къ Выходамъ Государей* и проч., стр. 30).

„Въ изарбатахъ бы ходили,
Во парчахъ и во камкахъ".
(*Соч. Держ.*, Т. IV, стр. 88 и 89).

ИЗБА *. Пропущ. поговорка: „Моя изба съ краю, я ничего не знаю".

ИЗЖИВАТЬ *. (Ж.). *Изживаю* третьяго мужа.

ИЗГАРЬ. Употреб. и переносно, для означенія износившейся, негодной вещи, напр. одежды, или принадлежностей старой телѣги.

ИЗМОРЪ. (Ж.). Ледъ *измо́ромъ* пойдетъ. (Твер.), — то же, что *заморомъ*, т. е. то пойдетъ, то перестанетъ итти.

ИЛКА. Особенный сортъ темной глины.

ИСАДЫ *. Владѣніе, дача.

КАЗНА БѢЛАЯ *. Полотна, скатерти (Бусл. *Ист. Грам.* II, § 219).

КАЛИБЕРЪ *. Извозчикъ съ дрожками особаго устройства (*Моск. Вѣд.* 1864, № 112. Моск. отмѣтки).

КАЛМЫШКА. (пашни). *Война и Миръ*, IV, 319.

КАЛО. *Война и Миръ*, V, 89.

КАНЬГА́ *. Краденое желѣзо, по Камѣ (*Русск. Дневникъ* 1859, № 2). Слѣдоват., вопросительный знакъ у Даля не нуженъ.

КАПЦУКЪ * (намордникъ, наголовникъ на молодыхъ лошадей). Такъ у Даля; у Рейфа же *Капцунъ* (Kappzaun).

КА́ФТЫРЬ. *Въ Л.* I, 334.

КЕЛЕЙНИЦЫ (Ж). Дѣвки, имѣющія наклонность къ монашеской жизни, б. ч. раскольницы. (Самар. губ.).

КЕНЕ́СИТЬ. Совѣтоваться, разсуждать о чемъ (у Сиб. казаковъ на Иртыш. линіи; отъ киргиз. *кенесъ*, совѣтъ).

КИНЗА́. Bifora radians, зонтичное растеніе непріятнаго запаху, употребл. въ пищу за Кавказомъ.

КИПЕННЫЙ (отъ кипень — пѣна). Сѣдой какъ лунь.

КИРЗА. У Даля: „верхній слой земли, почва“. Но это слово имѣетъ [546] еще и совершенно другое значеніе: грубое сукно *киперное*, geköpertes Tuch, т. е. тканое вкось (нѣм. kirsei, англ. kersey, фр. créseau).

КИТЫ. Кульки, набитые камнемъ или землею, погружаемые у подножья учуговъ для укрѣпленія ихъ (Астр.).

КИЧКИРЫ (чикчиры?). „Любуясь... красивыми формами своихъ ногъ подъ натянутыми кичкирами“ (*Война и Миръ.* V, 194).

КЛАДКИ * (множ.). Гранитная стѣна поперекъ Днѣстра, ниже Ямполья, не выдающаяся изъ воды и тѣмъ болѣе опасная. (Бессар.).

КЛАДЫШЪ. Кладеный баранъ.

КЛЕВАШНЫЙ. Проворный, смѣтливый. *Въ Л.* I, 274.

КЛЁВЪ * (рыбы). „...я рѣдко удилъ рыбу, вѣроятно потому, что въ это время года клёвъ всегда бываетъ не значительный; я разумѣю клёвъ крупной рыбы“. (Аксак. *Воспом.* стр. 197).

КЛЮКА. Переплыть въ клюкахъ. *Въ Л.* I, 160.

КНИКСЕНЪ. Пропущено.

КОБУРА, или **КАБУРА** *. Футляръ для пистолета у пояса или на сѣдлѣ.

КОЗНО (?). Въ козны играть. *Въ Л.* I, 142.

КОККУЙ. Купало, сельская игра 23 іюля. (Бусл. *О преподав. отеч. яз.* ч. II, стр. 350). Ср. фин. Kokko.

КОЛБОВЫЙ пирогъ. Этого названія, какъ и вообще прилаг. колбовый, нѣтъ въ словарѣ Даля. Такъ называется довольно извѣстный въ русской кухнѣ круглый пирогъ. Корень слова вѣроятно тотъ же, что въ словѣ коло = кругъ.

КОЛОДЕЗНЯ. „Пчеловодъ открываетъ верхнюю колодезню и осматриваетъ голову улья“. *Война и Миръ*, V, 84).

КОЛОКОЛЕЦЪ * (Ж). Предсмертное клокотаніе мокроты, поднимающейся къ горлу. (Твер.).

КОЛЧА *. „... проѣхали по вновь проложенной артиллеріею по колчамъ пашни дорогѣ“. *Война и Миръ*, IV, 256.

КОЛЪ. Въ поговоркѣ: „ни кола, ни двора“ *колъ* имѣетъ значеніе, въ словарѣ Даля необъясненное. „Это — полоса пахотной земли, шириною въ двѣ сажени. Слѣдовательно не имѣть *кола* значитъ не имѣть пашни... Итакъ, приведенная поговорка употребляется въ крестьянскомъ быту для означенія человѣка, *неимѣющаго недвижимаго имущества* и живущаго личнымъ трудомъ, а вовсе не въ смыслѣ *дурного хозяина*, какъ утверждаетъ Даль“. Авторъ замѣтки, откуда взяты эти строки, г. Александръ Борзенка, объясняетъ, что въ селахъ нѣкоторыхъ [547] мѣстностей Ярославской губ. земля измѣряется кольями, что тамъ слѣдов. *колъ* имѣетъ первоначальное значеніе мѣры для распредѣленія земли и что

названіе мѣры перенесено на отмѣряемое пространство. (Выписано мною изъ *Москов. Вѣдом.* конца 1870-хъ годовъ, но къ сожалѣнію, безъ точнаго обозначенія года и нумера газеты). Выше, стр. 38, уже указано на ту странность, что Даль помѣстилъ слово *колъ* не въ гнѣздѣ глагола *колоть*, какъ явно слѣдовало, а отдѣльно, и притомъ пріурочилъ къ нему глаголъ *колѣть*, который относится совершенно къ другому корню.

КОНЦЕССІЯ [1]. Предоставленіе правительствомъ права на какое-либо общественное, особенно желѣзно-дорожное предпріятіе.

КОПА (Бѣлорус.). Шестьдесятъ.

КОПАНЬ. *Въ Л.* I, 266.

КОПЕЙЩИКЪ. По толкованію Мертваго (см. его „Автографич. Записки" въ *Р. Архивѣ* 1867, стр. 21), такъ назывались въ Пугачевщину конные вооруженные люди, получавшіе отъ правительства по копейкѣ въ день жалованья. Руничъ же въ своихъ Запискахъ (*Р. Старина* 1870 г., № 10, стр. 344) говоритъ, что копейщики были такъ названы по своимъ копья́мъ. Они поступали въ эти отряды добровольно изъ казенныхъ крестьянъ.

КОРЕНЬ. Не означены выраженія: десятина остается на корню, лошадь въ корню.

КОРЕШОКЪ [1]. У Даля не показано значеніе этого слова въ переплетномъ дѣлѣ: „книга въ корешкѣ".

КОРОМЫСЛИКЪ. (*Мос. Вѣд.* 1865, № 130). Насѣкомое, иначе *коромысло.* По объясненію Л. И. Шренка: „сѣтчатокрылое насѣкомое рода Libellula, въ особенности самый большой видъ его, Lib. (или лучше Aeschna) grandis" *).

КОРТОЧКИ (Г.) „Золото и серебро въ корточкахъ и зернахъ". (Отчетъ Госуд. Контроля по исполненію росписи 1875 г., стр. 620).

КОСОБОЧИНА. Неровность на гладкомъ мѣстѣ, маленькій косогоръ.

КОСЯКЪ * КОБЫЛИЦЪ. „...уже степной жеребецъ гордо и строго пасетъ косякъ кобылицъ своихъ, не подпуская къ нему ни звѣря, ни человѣка". (Акс. *Сем. Хр.*, стр. 26).

КОТЛУБА́НИ *. Озеровидныя расширенія рѣки Урала (Н. Данилевскій).

[548] **КОТЛЯНЫЙ** *. Темносиній.

КОТОЧЕКЪ *. Баранья кость, съ одного конца заостренная, употребляемая для исканья въ головѣ.

КОША́КЪ *. Рѣшетка изъ тонкихъ шестовъ, привязываемая къ сваямъ учуга. (На Уралѣ и въ Астрах.).

КОШИРНЫЙ. Коширное мясо (*Спб. Вѣдом.* 1856, № 277, о Бердичевѣ). У Даля *кошира* = овечій хлѣвъ.

---

*) Насѣкомое изъ рода стрекозы. По-фински стрекоза, довольно сходно съ русскимъ словомъ нашего текста, называется: *Sudenkorento* (волчье коромысло). Ahlqvist.

КОШОБА вм. **КОСЬБА.** (Ж.). Записано въ сельцѣ Пекуновѣ, Корчевскаго уѣзда (Твер. губ.), при впаденіи Дубны въ Волгу.

КРАСНАЯ ЛОЗА. (Г.). Кусты въ Кіевской губерніи. (См. отчетъ Кіевскаго губернатора за 1869 годъ).

КРАСНОПЕРКА. Высшій сортъ пшеницы.

КРАСНОРЯДЕЦЪ. Купецъ или сидѣлецъ, торгующій въ рядахъ краснаго товара. (Никитина *Кулакъ*, стр. 127).

КРАСНЫ *, вм. кросны. (Муром. легенда, по Буслаеву. *Атеней* 1858, № 30).

КРЕНЬ. „Самый крень", т. е. развалъ ярмарки (Ниж.-Нвгр.).

КРУТИГОЛОВКА (пташка). Junx torquilla, le torcol (то же, что *вертиголовка*, *вертошейка*).

КРУША. Спб. Вѣд. 1865, № 155.

КРѢПОСТНИ́КЪ. Сочувствующій крѣпостному праву.

КРЮЧОКЪ *. „Выпивъ лишній крючокъ на тычкѣ". (*Война и Миръ*, IV, 224).

КУБАНЪ (Рязан.). Рыболовная снасть.

КУБЫШЪ (Г.). Въ 1877 г. разсматривалось въ Госуд. Совѣтѣ представленіе объ исключеніи изъ Свода Законовъ нѣкоторыхъ статей лѣсного устава, гдѣ въ ст. 588 сказано: „Сіи же самыя предосторожности должны быть наблюдаемы... при удобреніи полей жженіемъ кубышей и суковъ". Слово *кубышъ* въ словарѣ Даля не находится.

КУЛАКЪ *. „Мелкій базарный перепродавецъ, который по нуждѣ и обвѣситъ и обмѣритъ; въ общемъ же смыслѣ всякій, кто личному интересу, матеріальной выгодѣ жертвуетъ всѣми другими соображеніями". (*Спб. Вѣд.* 1858, № 165, фельетонъ). Кулакъ самъ не имѣетъ ни капитала, ни лавки.

КУРОЛЕСИТЬ. Собственно, пѣть kyrie eleison = Господи помилуй, но получило значеніе: поступать странно, проказить. „Что онъ тамъ накуролесилъ!"

КУТЕЙНИКЪ. „... она терпѣть не могла семинаристовъ, въ чемъ совершенно соглашался съ нею мой отецъ, который называлъ ихъ кутейниками". (Акс. *Восп.* стр. 127).

[549] **КУХТАТЬСЯ.** Не показано значеніе, когда говорятъ про погоду: *кухтается*, т. е. хмурится, становится пасмурно передъ дождемъ.

ЛАДЫ *. Употребляется еще въ томъ же смыслѣ какъ стати: лады коровы и др. животныхъ.

ЛАПОТЬ *. Ихъ плетутъ либо съ *ушнико́мъ*, т. е. съ веревочной каймой, либо (какъ подъ Москвой) въ *простоплетку*, т. е. загибаютъ по краю самое лыко. Первый способъ гораздо выгоднѣе, прочнѣе, такъ что такіе лапти могутъ послужить безъ перемѣны нѣсколько сотъ верстъ, тогда какъ съ простоплеткой пройдешь только одну

пряжку, т. е. сдѣлаешь только одинъ конецъ (до Москвы изъ южн. части Ряз. губ., гдѣ слышано это объясненіе). Плесть лапти надо въ *расть*, т. е. въ ту пору, когда листья распускаются, изъ *растоваго лыка;* зимой же приходится распаривать лыко. Носокъ лаптя называется *головашкой*.

ЛАПУХА *. По Карамзину, значитъ: скарлатина, а не вѣтряная оспа (*Атеней* 1858, № 25, п. 125).

ЛЕ́ДЕНЬ *. (Пейп.). Мѣшкообразная сѣть на обручѣ для очистки прорубей отъ мелкаго льда.

ЛЕДЯНКА *. „.. летѣли съ высокой горы... на маленькихъ салазкахъ, конькахъ и ледянкахъ: ледянки были не что иное, какъ старыя рѣшета, или круглыя лубочныя лукошки, подмороженныя снизу такъ же, какъ и коньки“. (Акс. *Восп.* 94).

ЛЕЛЯВА [1]. (Ряз. губ.), канюка. (У Даля только: леляка).

ЛИКОВАТЬСЯ [1]. У старообр. Прикасаться взаимно лицами. *Въ Л.* I, 160.

ЛЛЕНОЙ, АЛЛЕНОЙ [1]. Льняной. (Акс. *Сем. Хр.*, стр. 36).

ЛУЗГА * (гречневая), какъ топливо. *Моск. Вѣд.* 1857, № 34.

ЛУКАШЪ [1]. По Далю *лу́касъ* и значитъ волкъ, бирюкъ; въ скобкахъ, при вопросительныхъ знакахъ, оно сближено съ лукавый и съ греч. λύκος = волкъ. Съ послѣднимъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ слово *лука́шъ* сродни, но значитъ оно: охотникъ на волковъ, иногда приманивающій ихъ подражаніемъ ихъ вою. Въ 1882 г., когда отъ множества волковъ особенно страдала Финляндія, туда, въ окрестности города Або, вызвано было десять псковскихъ и новгородскихъ лукашей, которые вполнѣ оправдали свою славу, помогая туземцамъ въ истребленіи дерзкаго звѣря. Имъ было между прочимъ поручено обучить нѣсколько финскихъ крестьянъ своимъ пріемамъ. (См. Morgonbladet 1882, №№ 6 и 7). „Недавно одному изъ этихъ охотниковъ, Якиму Ивановичу Изотову, за успѣшную дѣятельность, по представленію финляндскаго сената, высочайше пожалована [550] серебряная медаль съ надписью „за полезную дѣятельность“, для ношенія на груди на станиславской лентѣ“. (*Новое Время* 1883 г., № 2529).

ЛУ́КОТЬ [1] (Новг.). Деревяшка у сохи. (П.).

ЛУТОШЛИВЫЙ (?). Не по лѣтамъ смѣтливый (о ребенкѣ).

ЛУЧИТЬСЯ вм. *случаться* (Ряз.).

ЛУЧО́КЪ. „... принялся ловить птичекъ силками, крыть ихъ лучкомъ и сажать въ небольшую горницу“. (Акс. *Восп.* 15).

ЛЬГА *. Подъ этимъ словомъ пропущено выраженіе: не во льгу = не въ мочь (или не въ пользу?).

ЛЬГОТА *. У Ломоносова и у Державина = свобода, благосостояніе.

ЛѢЧУХА (у Рейфа лечуха). Растеніе: sanicula europaea; sanicle, luzerne.

МАЛЁНКА * (сѣверн.). Четверикъ.

МАИНА[1] (?) „... спасъ утопавшаго въ майнѣ большой Невы крестьянина“. (*Нов. Время* 1880, № 1548).

МАНГАЛЫ *. Огромные коши, наполненные угольемъ (Бесс.). Жаровня, около которой грѣются зимою. (Закавк.).

МАРАКУЛЪ [1] (отъ umbraculum = абажуръ). Одно изъ весьма употребительныхъ и всѣмъ извѣстныхъ при Дворѣ словъ, которыя своимъ происхожденіемъ обязаны конечно малограмотной прислугѣ, но между тѣмъ находятся тамъ въ общемъ обращеніи.

МАСТОВЬЕ [1] (Г.). Родъ кожи. (Изъ товарнаго прейсъ-куранта подъ рубрикою: *Кожи*).

МАТЕРИКЪ *. „Прудъ надулся и весь посинѣлъ, ледъ поднялся, истрескался и отсталъ отъ береговъ, материкъ давно прошелъ и вода едва помѣщалась въ каузѣ“. — „... вода-то пойдетъ по канавѣ чай тихо, не то что прямо изъ материка“ (Акс. *Восп.* 97, 99).

МЕДВЯ́НИКЪ. Насѣком. Bombylius (asile velu, bourdon), „родъ мухъ (двукрылыхъ насѣкомыхъ съ хоботомъ, покрытыхъ густыми волосками и извѣстныхъ также подъ именемъ журчалъ“. (Л. И. Шренкъ).

МЕДО́ВИЧЪ. „Беру на себя все управленіе имѣніемъ, чтобы пугнуть твоего сахара медовича“. (Акс. *С. Хр.*, 92).

МЕЖЕУМОКЪ [1]. Хрящъ, самый грубый холстъ (см. также Величурка). Въ значеніи лодки извѣстныхъ размѣровъ на Волгѣ произносится и *межеимокъ*. Эта лодка сидитъ не глубоко, можетъ ходить и въ межень.

МЕЗДРА *. Такъ во всѣхъ нашихъ словаряхъ; но не правильнѣе ли будетъ *мяздра* отъ *мясо?*

МЕЛЮСЪ. Второстепенный сортъ сахару.

[551] **МЕРЕЯ** *. (Павскій, *Филол. набл.* Разсужд. II, § 18). По Далю: мелкоклѣтчатый узоръ. Но отчего помѣщено имъ въ одномъ гнѣздѣ съ *мерда, мереда?*

МЕТАНІЕ. Родъ поклоновъ у раскольниковъ. (*Въ Л.* I, 160). Кажется, авторъ ошибается, считая это слово греческимъ.

МЕТАТЬ ПАРЪ. Вспахивать паровое поле, но не весною только, какъ сказано у Даля.

МЕТЫЛЬ. По акад. словарю насѣкомое Ephemera horaria; а по Карамзину „метыль то же, что *мотылъ*: гной (см. *Лексик. Кутеинскій*), желтоватая нечистая влажность. Ясно, что въ Новѣгородѣ шелъ такъ называемый сѣрный дождь, pluie de soufre (см. Бомара): явленіе довольно обыкновенное въ окрестностяхъ сосноваго лѣса“. (*Ист. Гос. Р.*, т. II, прим. 256).

МИЛЛІАРДЪ (не занесено ни въ одинъ словарь).

МІРОВОЗЗРѢНІЕ, МІРОСОЗЕРЦАНІЕ. Пропущено.

МОЛЁКЪ [1] (Г.), моль. Самая мелкая рыба. То же, что малёкъ.

МОЛОЖЕНКА [1] (Новг.), нѣженка. (П.).

МОНИТОРЪ. Названіе, придуманное въ Америкѣ для броненоснаго судна, котораго главная особенность состоитъ въ томъ, что края его, обитые желѣзомъ, очень мало подымаются надъ водою, въ серединѣ же его устроена круглая башня, тѣмъ же металломъ обложенная, въ отверстіяхъ которой стоятъ пушки. Названіе заимствовано отъ имени насѣкомаго, принадлежащаго къ семейству ящерицъ, имѣющаго броню и будто бы предупреждающаго человѣка о приближеніи крокодила. (См. Dict. de la langue fr. par E. Littré, t. II, Paris, 1868).

МО́РУШКА * (Ж.). Большая смертность. На дѣтей *морушка*. (Твер.).

МОРЦО́ *. Морской заливъ, устье котораго занесено пескомъ (*Списки насел. мѣстъ*, Астрах. губ.). См. *Мурчугъ*.

МОТЫЛЬ. Гной, *И. Г. Р.* II, прим. 256. См. *метыль*. Въ ак. сл. есть *мотыло*, — пометъ, калъ, навозъ). У Даля пропущено.

МУРЧУ́ГЪ (или, можетъ быть, правильнѣе *морчугъ* отъ *морцо*, см. это слово). Наполненныя водой ямины на берегахъ рѣки или озера, глухіе рукава рѣки и т. п. (что́ мѣстами называется *ерикъ* или *узекъ*): „Пугачевъ въ случаѣ побѣгу искать своего спасенія вознамѣрится на Иргизѣ-Узенѣ въ тамошнихъ *мурчугахъ* или у раскольниковъ“. — „Открылъ явный я надъ бѣгущими изъ степи злодѣями, по раскольничьимъ монастырямъ, хуторамъ и *мурчужнымъ* ихъ жилищамъ, поискъ“. (*Соч. Держ.*, Т. V, стр. 11 и 78). Ср. у Тредьяковскаго: „плыть по Москвѣ рѣкѣ [552] *мурчугами*. Не плывите *мурчугами*: я вамъ лучше совѣтую ѣздить прямою дорогою“. (*Соч. Тредьяк.*, Спб. 1849, т. III, стр. 242).

МУХОБРОДЫ. Смѣшанное латышское населеніе за Динабургомъ, около Крейцбурга, имѣнія барона Корфа.

МШЕННЫЙ [1] (мшаный?). Мшенными срубами. *Въ Л.* I, 363.

МЫКАТЬ *. Собственно *мчать*. (См. сказку *Бова Королевичъ*).

МЫСЬ *. Бѣлка (Псков. губ. Опоч. у.). *От. Зап.* 1854, мартъ, стр. 9. У Даля это слово съ вопросит. знакомъ, но, кажется, напрасно.

МЯТУСИТЬ (Ж.). Испугавшись, стали *мятуситься* на плоту. (Твер.).

НАБРОСОКЪ, НАКИДОКЪ. Эскизъ.

НАВОДЪ. Шапка съ наводомъ. (*Ист.* Соловьева, т. VI, стр. 450).

НАВЬЕ [1] (одного корня съ гл. ныть, ср. чеш. unaveni).

НАГОНЩИКЪ [1]. (Г.). Кто нагоняетъ шину на ободъ. (Изъ печатнаго отчета московскихъ больницъ, гдѣ больные распредѣлены по занятіямъ или ремесламъ).

НАДИТЬ [1] (сѣверн.). Точить соху.

НАМЕТКА * (футштокъ). *Накидывать наметку*, т. е. дѣлать промѣръ.

НАНЗЫКЪ. Родъ полотна.

НА́ПЛЫВЪ [1] (Ряз. г.). Употреб. еще въ смыслѣ болѣзненнаго ожирѣнія человѣка.

НАРОХТИ́ТЬСЯ. См. у Даля *норохтиться*. „... прошохала объ его будущемъ богатствѣ и объ его смиренствѣ, захотѣла быть старинной дворянкой и нарохтится за него замужъ". (Акс. *Сем. Хр.*, 113).

НАСЛАНЬЕ. Бѣдствіе. *Первое Божіе насланье*, первая холера (Сарат.).

НАСОСНИКЪ [1] (Г.). Кто накачиваетъ воду. (См. нагонщикъ).

НАСТРЫКАТЬСЯ [1] *А. К.* II, 25.

НАСТЪ. Поставлено Далемъ совершенно произвольно подъ гл. настужать.

НЕВОЛЯ *. *За неволю*. „Я приберегла тебѣ вѣсточку на закуску, ты ей за неволю повѣришь". (*Сем. Хр.*, стр. 114).

НЕДОСТАВАТЬ. Глаголъ этотъ пропущенъ какъ въ академическомъ словарѣ, такъ и у Даля, но кажется, долженъ стоять особо въ своей отрицательной формѣ. Не мѣшало бы присовокупить и его причастіе *недостающій*, употребляемое въ значеніи прилагательнаго имени.

НЕЖИТЬ *. Дополнить по *Исторіи славянскихъ литературъ* г. Пыпина (ст. Болгарія, стр. 77).

НЕПОМѢСТНЫЙ. Тотъ, кому не сидится. (Буслаева *Историч. Очерки*, т. I, стр. 21).

[553] **НЕПРАВЫЙ** — о человѣкѣ съ прирожденнымъ недостаткомъ умственнымъ или тѣлеснымъ.

НЕ́РАБОТЬ. (Ряз. губ.). Собир. о дворовыхъ людяхъ.

НЕРОТА. Рыболовная снасть. (Акс. *Восп.*, стр. 90).

НЕСООБРАЗНОСТЬ. Пропущено.

НЕСУДЕРЖНЫЙ. Не умѣющій смолчать.

НОВШЕСТВО. (С. М. Соловьевъ). Введеніе новизнъ.

НОРА *. (Пейп). Извѣстное количество сѣтей, выставленныхъ въ линію.

НОСОКЛЕЙКА. (Ж). Дать *носоклейку*, т. е. выговоръ. (Самар.).

НУДЪ, медиц. То же, что *нуда?*

НУ́ЖНЕНЬКІЙ. Худенькій, маленькій ростомъ.

НѢТИ, множ. *Быть въ нѣтяхъ*. (Устр. *Ист. Петра В.*, т. I, стр. 178, 188 и 194).

ОБНИМАТЬ [1]. NB. При этомъ глаголѣ въ словарѣ Даля поставлена невозможная по своей безобразной неправильности форма: „объемлить".

ОБОПРѢТЬ. Слова этого нѣтъ въ своемъ мѣстѣ, но оно употреблено самимъ Далемъ въ толкованіи глагола *опрѣть*. Надобно прибавить: *обопрѣлый*, *обопрѣлость*.

ОБРОДЪ [1] (Ряз. губ.). Необыкновенно обильный урожай на плоды и т. п. У Даля есть только гл. обродиться, и прил. обродный.

ОБТЁРХАТЬСЯ [1]. Обноситься. Помѣщено неправильно подъ словомъ *обтирать*. За начало слѣдуетъ принять неупотр. *тёрхать*, значеніе котораго видно изъ подобозвучнаго *дёргать*. У Даля другое удареніе: *обтерха́ться*.

ОБУХЪ *. „По обѣимъ сторонамъ ихъ шли гайдуки въ богатой венгерской одеждѣ съ серебряными обухами". (Устр. *Исторія Петра В.*, т. III, стр. 30).

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ. Пропущено.

ОБЫДЁННЫЙ. Вотъ еще случаи правильнаго употребленія: обыденный хлѣбъ, квасъ (еще не успѣвшій скиснуться), обыденная сметана.

ОВСЕНЬ. Это слово записано Далемъ подъ буквою *А*, что́ едва ли правильно, такъ какъ ни одно чисто славянское слово съ этой буквы не начинается; къ тому же и самъ онъ при *авсень* поставилъ въ скобкахъ, съ вопросительнымъ знакомъ, *овесень.* См. *Сказанія* Сахарова, ч. II, кн. 7, стр. 2. (Такъ же несправедливо Даль поставилъ подъ А слово *абаполъ*, хотя въ предисловіи и самъ порицаетъ за подобную орѳографію Областной Словарь).

[554] **ОГНЕВА** *. Такъ простонародье прозвало пароходы при появленіи ихъ на Волгѣ (иначе: чертова ко́была).

ОДИКОНЪ [1]. *Въ Л.* I, 47.

ОДНОСЕЛЬЧАНИНЪ. Пропущено. Употребляется невѣрно вм. *односелецъ*, ибо *односельчанинъ* образовано отъ *сельцо*, слѣдовательно можетъ означать только крестьянина того же сельца, а не села.

ОЗАГЛАВИТЬ, ОЗАГОЛОВИТЬ. Дать заглавіе. *Озаглавленный.*

ОЛЁХЪ, ОЛЕШНИКЪ. Пропущено.

ОМЧЕНИНЪ. (житель Мценска, иначе Мченянинъ).

ОНДРЕ́ЦЪ (сѣв.). Двуколесная телѣга съ пяльцами, употребляемая для уборки хлѣба и сѣна. Ср. у Даля *андрецъ* и *одръ.*

ОНДУХЪ (духъ). *Въ Л.* I, 278.

ОПРОСТОВОЛОСИТЬСЯ. Пропущено.

ОПѢНЯТЬ, ОПѢНЯЕМЫЙ. Карамзинъ въ статьѣ: *Нѣчто о наукахъ* и проч.

ОРАНЖЕРЕЯ *. Должно быть опредѣлено точнѣе: строеніе, отапливаемое зимою (до 10° Реом.) для сбереженія цвѣтовъ и деревьевъ. Это названіе слѣдуетъ отличать отъ слова *теплица* = низенькое строенье, нагрѣваемое печью до высокой температуры (выше 10°) для произращенія цвѣтовъ и плодовъ на тропическихъ растеніяхъ. Оба строенія имѣютъ покатый, изъ стекольныхъ рамъ состоящій верхъ. Въ нашихъ словаряхъ это различіе не обозначено надлежащимъ образомъ.

ОСЛОПЪ *. Должно быть сравнено съ словомъ *остолопъ*, изъ котораго оно произошло посредствомъ сокращенія. *Остолопъ* же есть русская народная форма слова *столпъ.*

ОСЛЯДЬ [1]. Изъ Записокъ по р. грамматикѣ, проф. Потебни, II, 329. У Даля: осладь.

ОСТРЕЧЬЕ. (Пейп.). Видъ сѣти для лова мелкой рыбы.

ОТБОЙ [1] (Г.). У Даля не отмѣчено значенія, какое получаетъ это слово на коннозаводскомъ языкѣ. Въ Пруссіи берется плата за каждую случку; у насъ за три случки до отбою.

ОТВЕРНИЦА. „Въ сихъ двухъ стихахъ заключается насмѣшливая отверница или обинякъ [équivoque]“. *Соч. Держ.*, Томъ I, стр. 262. Ср. Востокова *Словарь Ц.-сл. яз.* Отвьрьница, противное.

ОТНОСИТЬСЯ КЪ ЧЕМУ-ЛИБО такъ или иначе. (Напр. сочувственно или враждебно). Это значенiе глагола упущено Далемъ изъ виду.

ОТРЕЧЕННЫЯ КНИГИ. См. Пыпина *Исторія слав. литературъ*, стр. 62 и д.

ОТЪЯТО́Й. Пропащій, неисправимый.

ОХИНѢТЬ *. Разбогатѣть. (*Оп. Обл. Словаря*). Существованіе этого слова, заподозрѣннаго у Даля вопросительнымъ знакомъ, [555] подтверждается выраженіемъ Державина въ одномъ шуточномъ письмѣ: охинѣеши бо скоро богатствомъ“. (*Соч.* его, т. V, стр. 661).

ОХРЕЯНЪ *. „Условились также о русскихъ плѣнникахъ и невольникахъ, также объ охреянахъ или *раскольникахъ*, бѣжавшихъ въ Азовъ“. (Устр. *Ист. Петра В.*, т. II, стр. 290). Ср. тамъ же стр. 236: „Азовскій паша подослалъ въ русскій лагерь одного изъ охреянъ, закоснѣлыхъ раскольниковъ“. У Даля *охреянъ* = лѣнтяй неотесаный, неуклюжій, грубый.

ПАДЛЁНОКЪ. Деревцо, выросшее изъ падали, т. е. изъ упавшаго съ другого дерева сѣмени.

ПАЗВУКЪ. (Nachhall). „... произносились съ носовымъ пазвукомъ“. П. Лавровскій въ *Зап. Ак. Н.*, т. VIII, № 3, стр. 34.

ПА́ЗЕМКА (позёмка). Земляника.

ПАЗНОГТЬ [1]. Mikl. Vergl. Gramm. II, 360: vielleicht nicht der rechte nagel.

ПА́ЗОРИ [1]. Сѣверное сіяніе. *Въ Л.* I, 284.

ПАЛЕЯ. Лѣтопись, извлеченная изъ Ветхаго Завѣта, содержащая иногда дословно всѣ свѣдѣнія, въ немъ заключающіяся, и раздѣленная на 10 книгъ.

ПАНДУСЪ (отъ pente douce). См. примѣчаніе къ слову маракулъ.

ПАРЕНЫЙ ЗАЛОГЪ *: „переломали не пареный залогъ“ (Акс. *С. Хр.*, стр. 20). При словѣ *залогъ* находимъ у Даля, между прочимъ, значеніе: „выпаханое и запущеное поле, брошеное на нѣсколько лѣтъ, чтобы снова задернѣло“; но ни *переломать*, ни *пареный* не показаны въ томъ смыслѣ, какой здѣсь присвоенъ этимъ словамъ.

ПАСКА, ПОСКИМИТЬСЯ. Народныя формы вм. церковныхъ греческихъ: *пасха*, *посхимиться*.

ПАТАРЕНЪ. *Изв. II-го Отд.*, т. VII, вып. II, стр. 112: „Очень важно мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что глаголица есть изобрѣтеніе и собственность богомиловъ и патареновъ“ и т. д.

ПЕНДУСЪ. Топкій берегъ, вообще топкое мѣсто. (Ср. у Даля *пе́нусъ*).

ПЕРЕЛЮСТРАЦІЯ, ПЕРЕЛЮСТРОВАТЬ (нѣм. perlustration, perlustriren —

просмотръ, просматривать). Эти выраженія употреблялись въ 18-мъ столѣтіи въ отношеніи къ письмамъ, которыя по распоряженію правительства вскрывались на почтѣ, и встрѣчается часто въ *Дневникъ* Храповицкаго. Дмитріевъ также говоритъ: „двѣ перелюстрованныя реляціи отъ нашего посла“. *Взглядъ на мою жизнь*, стр. 196).

[556] **ПЕРЕ́МЕТЕНЬ**. Вьюга.

ПЕРЕМИ́НКА [1]. Вм. пирамидка. См. подъ словомъ Маракулъ.

ПЕРЕУЧЕТЪ. Повторенный учетъ.

ПИДЖАКЪ. (Англ. Peajacket = толстая шерстяная куртка, какую носятъ матросы и проч. Словарь Вебстера).

ПЛЕХА. Презрит. Женщина дурного поведенія.

ПОБЕРИГИ. (Ж). Побирухи. (Новгр.).

ПОБѢЛКА. *Спб. Вѣдом.* 1867, № 304. Засѣд. Археолог. Общества.

ПОВАРЁШКА. (Новг.). Родъ піявки, величиной съ вершокъ, имѣющей круглую головку и круглый хвостъ, къ концу постепенно отончающійся и напослѣдокъ остроконечный. (П.).

ПОВОЗИТЬСЯ *. Не показано его значеніе въ слѣдующей фразѣ: „Крестьяне обѣщали повозиться“, т. е. повозить хлѣбъ.

ПОГОДА *. Употребляется и во множ. числѣ въ слѣдующемъ присловьи: „Семь погодъ на дворѣ; сѣетъ, вѣетъ, кутитъ, мутитъ, рветъ, сверху льетъ, снизу мететъ“.

ПОДЗЁМКА. (Рязан.). Метель снизу.

ПОДЗОРЩИКЪ [1]. Лазутчикъ. См. Соч. Держ. V. Переписка во время Пугачевщины.

ПОДКРЯКОВАЯ УТКА [1].

ПОДКУСТАРНИКИ. (Ж.). Легковые извозчики зимніе, у которыхъ плохая упряжь. (Моск.).

ПОДЛИННИКЪ *. Описаніе, какъ святой изображается на иконахъ. Слово *подлинникъ* (въ общемъ значеніи своемъ) происходитъ отъ предлога *подлѣ*, означая то, что стоитъ рядомъ съ чѣмъ-то другимъ. Предлогъ же *подлѣ* составленъ изъ *по* съ прибавленіемъ окончанія, сокращеннаго изъ црк.-слов. *длъгъ*, *дълъ* (подлъгъ, подълъ, см. Словарь Востокова).

ПОДОЖОКЪ: „слѣдовало бы ожидать толчка калиновымъ *подожкомъ* (всегда у постели его стоявшимъ)“. *С. Хр.*, стр. 35.

ПОДОРОЖНИКЪ *: „напекли и нажарили разныхъ подорожниковъ“. *Сем. Хр.*, стр. 228.

ПОДСОХЪ. У Даля *подсоха* значитъ м. пр. столбъ, подпора. Рязанскіе плотники говорятъ *подсохъ* въ муж. р.

ПОДХЛЮСТАТЬ (напр. платье). Запачкать снизу.

ПОДХОЖІЙ. „Между тѣмъ послы двинутся изъ подхожаго стана къ мѣсту, назначенному для ихъ пріема“. (Устр. *Ист. Петра В.*, т. III, стр. 121).

ПОДЪЕФЕРИВАТЬ. Поддакивать, а при случаѣ и свое привирать.

[557] **ПОДЪѢЗДЪ** *. Особаго устройства лодка, употребляемая при запасахъ для ловли снетковъ въ Пск. губ. См. *запасъ*.

ПОДЪѢЗЖАЧІЙ *. *Зап.* Держ. (*Русск. Бес.*), стр. 23.

ПОДЫМАТЬ * (Ж.). Воспитывать. *Я подымалъ* ихъ маленькихъ и потомъ отдѣлилъ. (Нвгр.).

ПОКЛАДАТЬСЯ. Уговориться, условиться. *Мы съ нимъ покладались на такую-то цѣну.* (Смол.).

ПОКЛАЖНОЕ. Приданое со стороны жениха.

ПОКОСЪ *. Выраженіе: „въ одномъ покосѣ“ употребляется въ смыслѣ: въ одномъ положеніи.

ПОЛЕ [1] (Г). „Охотничья собака двухъ полей“. У Даля не объяснено это выраженіе. По словамъ И. С. Тургенева, оно означаетъ, что собака уже два года была на охотѣ, и имѣетъ не менѣе трехъ лѣтъ отъ роду. (Изъ частнаго письма окт. 1876 г.).

ПОЛКА. сущ. отъ гл. *полóть*.

ПОЛОТНЯНАЯ ЦЕРКОВЬ [1]. *Въ Л.* I, 47.

ПОЛТИНА *. Состоитъ, по мнѣнію Даля, изъ двухъ словъ: *полъ* и *тинъ*. (См. у него глаг. *тети* съ его производными; самое же слово *полтина*—въ концѣ слишкомъ обширнаго и сбивчиваго гнѣзда, начинающагося словомъ *пола*). На самомъ дѣлѣ *полтина* есть только видоизмѣненіе существ. *полотъ* или *полтъ*, которое собственно значитъ *половина*.

ПОЛУСТÁНОКЪ. Станція на ж. д., безъ станціоннаго дома, у которой поѣздъ останавливается на самое короткое время для пріема пассажировъ.

ПОЛЪ *. Въ значеніи помоста едва ли одного корня съ *полъ*=половина. Въ противномъ случаѣ какъ объяснить слова *полокъ*, *полка*, *полати?* Скорѣе тутъ надо искать того же корня *(пл)*, котораго первоначальное значеніе является въ *плоскій*, *платъ*, *платно*, *поле* (въ герм. языкахъ *fl*, flack, flur (=полъ), feld, fält. Ср. хорут. pola = плоскость: Murko).

ПОЛЪ-ИМЕНИ. Одно крестное имя безъ отчества. Замѣчаніе извозчика о добромъ его хозяинѣ: „Никогда не назоветъ человѣка въ *полъ-имени*,—всегда повеличаетъ“ (т. е. назоветъ и по отчеству).

ПОЛЫЙ *. Открытый: полая дверь, полое окно (Сѣв.). Пустой. Оттуда *полоумный*; это прилаг. вовсе не имѣетъ соотношенія съ словомъ *пола* (половина), подъ которое оно подведено у Даля. Натяжка видна уже изъ того, что посреди множества другихъ, начинающихся съ *полу*—, это одно начинается съ *поло*—.

[558] **ПОМОШНИ́КЪ** (отъ *мохъ*). Камень середи пашни. (Ср. у Даля *пóмошь*, *помóшье*).

ПООБЛИЧИТЬСЯ [1]. *Въ Л.* I, 367.

ПОРЯДКОВЫЙ. Грамматическій терминъ для означенія извѣстнаго вида числительныхъ именъ.

ПОСАДЧИКЪ [1] (Г.). Кто сажаетъ деревья. (См. нагонщикъ) или еще: Рабочій, укладывающій кирпичъ въ обжигательную печь на кирпичныхъ заводахъ.

ПОСКАЗУЛЬЩИКЪ. Значитъ въ Сибири то же, что олонец. *сказитель*, слово, вовсе не извѣстное тамъ даже олонецкимъ переселенцамъ. (Слышано отъ С. И. Гуляева).

ПРАШЕВАНЬЕ (кукурузы). Окучиванье. „По окончаніи весеннихъ посѣвовъ молдаванину остается еще много времени до прашеванія кукурузы и потомъ до сбора ея, который бываетъ только въ концѣ августа или въ началѣ сентября". (*Воен.-статист. обозрѣніе Бессар.*).

ПРЕПАРОВОЧНАЯ (отъ гл. препаровать, сущ. препаровка). Часть анатомическаго театра. (*Спб. Вѣдом.* 1871, № 307. Фельетонъ).

ПРЕСТУПНИ́КЪ * (мн. преступники́). Такъ произносятъ въ Смол. губ.

ПРИВОДЕЦЪ. Вождь: „чтобъ кто былъ тому войску собиратель и приводецъ". (*Ядро Росс. Ист.* М. 1791, стр. 339). „Болѣе нежели одинъ приводецъ за побѣды свои обязанъ соперника своего славѣ". (Державинъ, *Читал. оды*; см. *Соч.* его, Т. III, стр. 280). Ср. польское dowódca.

ПРИГРЕЗИТЬСЯ. Пропущено.

ПРОВЕРЗА́ [1] (Новгор.). То же, что проверзины. Послѣднее слово есть у Даля.

ПРОИСХОДИТЬ *. Пропущено народное значеніе слова: итти впередъ, успѣвать, дѣлать карьеру. „Кальчинскаго хозяинъ не жаловалъ и за то, что онъ *происшедшій*, и за то, что онъ еретикъ и развратникъ". (*С. Хр.*, стр. 220).

ПРОСТОКВАША *. Должно, кажется, стоять не подъ прилаг. *простой*, а подъ глаг. *простоять:* простоемъ кваситься. Такъ думалъ Павскій.

ПРОСТОПЛЕТКА. Лапти плетутся въ простоплетку, когда ихъ дѣлаютъ безъ веревочной каймы (ушника́) и вмѣсто того загибаютъ по краю самое лыко. Такіе лапти далеко не такъ прочны, какъ объяснялъ мнѣ крестьянинъ, занимавшійся плетеніемъ этой обуви въ южной части Рязанской губ. (Данк. у.).

ПРОСЫЛАТЬ, ПРОСЛАТЬ.

[559] **ПРОТЕРЕТЬ ВРЕМЯ** вм. потерять время. (Смол.).

ПРОШОХАТЬ. См. нарохтиться.

ПРУТКИ. Спицы (напр. для вязанья).

ПУСКЪ [1] . . . „Поле, лежавшее восемь лѣтъ въ залежахъ подъ пусками". *А. К.* II, 166.

ПУСТОВАТЬ. Быть пустымъ, вакантнымъ, напр. каѳедра пустуетъ.

ПУ́ЩИ. (множ.). Цѣлыя группы пней на днѣ Днѣстра—особенно ниже

Бендеръ,—о которые по временамъ разбиваются суда. *(Воен.-стат. обозр. Бессар.).*

ПѢСТУНОШЪ. Молодой медвѣдь, который по народному повѣрью, нянчитъ своихъ маленькихъ братьевъ.

ПѢТУХЪ [1]. Перья, насаженныя на палку для чистки мебели отъ пыли.

ПѢШКА́МИ, говоря о многихъ, вм. *пѣшкомъ*, какъ *верхами* вм. *верхомъ* (слыш. въ Раненб. у. Ряз. губ.). Замѣтимъ кстати, что народъ сохранилъ старинную форму *верхи* (твор. пад. множ.) вм. верхами въ поговоркѣ: „Верхи пошли, пѣши вернулись".

РАЖО́ *. Много.

РАЗБИВНОЙ ШРИФТЪ, т. е. шрифтъ съ разрядкой.

РАЗБРАЖИВАТЬСЯ *. Эта, хотя и неупотребительная глагольная форма, все-таки лучше совершенно неправильной *разбредаться*, которую въ послѣднее время стали употреблять писатели: „Русакъ уже до половины затерся (перелинялъ) *), лисьи выводки начали *разбредаться*". (*Война и Миръ*, III, 119). Такъ и въ *Современныхъ Извѣстіяхъ* 1868, № 160, въ передовой статьѣ, сказано: „Солдаты разбредаются между памятниками (Ваганьковскаго кладбища) для прогулки и отдохновенія".

РАЗВРАТЪ *. Вражда, когда ее поселилъ кто-нибудь третій.

РАЗВЯЗА [1]. *А. К.* II, 167.

РАЗДОБЫТЬСЯ чѣмъ. Достать, припасти что.

РАЗДРОБЬ, ж. р. (не *раздробъ* м.). Напр. продажа въ раздробь.

РАЗРѢЗЪ *. Итти съ чѣмъ нибудь въ разрѣзъ.

РАЗСТРѢЛЪ (Ж.). Приговариваютъ за поджогъ къ *разстрѣлу*.

РАМЕНЬ [1]. *Въ Л.* I, 138.

РАМА. Во многихъ мѣстахъ своего словаря Даль утверждаетъ, что это слово есть славянское и заимствовано Германцами отъ *рамо* = плечо. См. его замѣч. подъ этимъ словомъ, также подъ *раменье, обраменье, край.* Но доказательствъ на это предположеніе [560] не приведено. ср. Diefenbach, Vergleich. Wörterbuch., стр. 589.

РАСПОБЫЧИТЬ (?) МЯСО. Разрѣзать на части, что́ въ одно кушанье, что̀ въ другое. (Карсунскій у.).

РАСТУШКА. Извѣстное орудіе для рисованья.

РАСФУФОНИТЬСЯ. Пропущено.

РЕДУТЪ. *Стар.* Мѣсто общественныхъ собраній, гдѣ танцуютъ и пр. (по нынѣшнему домъ дворянскаго собранія, клубъ и т. п.).

РОСЕВОЙ [1] (Г.). Овесъ. Изъ объявленія о цѣнахъ на разные роды хлѣба и другіе съѣстные припасы въ Орлѣ.

РОСЛЫЙ *. Говоря о мѣхѣ, пушистый.

РОСНО́ *. Сыро. (Ряз. губ.).

---

*) Это значеніе слѣдуетъ занести въ словарь при объясненіи гл. *затереться.*

РУКА [1]. (Новг.). Съ рукой стоять—обычай, издревле служившій для содержанія православнаго духовенства въ городѣ Валдаѣ, но отмѣненный самимъ духовенствомъ въ 1852 г. Въ Великомъ посту, послѣ молитвъ по причащеніи, протоіерей или очередной священникъ выходилъ изъ алтаря съ крестомъ, рядомъ съ нимъ становились другіе священники и потомъ причтъ по порядку съ дѣтьми муж. пола, сторожъ церковный и даже тѣ, кто ему помогалъ въ присмотрѣ за церковью, причастники, прикладываясь къ кресту, надѣляли каждаго по усмотрѣнію. (П.).

РУШИТЬ *. Препятствовать. *Не рушь* = пускай: *не рушь говоритъ*; *не рушь идетъ*. (Смол.).

РЫБЕШКА [1]. *Въ Л.* I, 325.

РЫНО́КЪ. Прижимистое къ водѣ мѣсто на нагорной сторонѣ рѣки, почти то же, что мысъ на луговой.

РЫСЬ *, какъ и во всѣхъ словаряхъ, показано женскаго рода; но народъ, по кр. мѣрѣ мѣстами, говоритъ: *рысь убѣжалъ*. Ср. это слово въ другихъ славянскихъ языкахъ, гдѣ оно муж. рода: хорут. ris, серб. ри́с, польс. ryś, чеш. rys, луж. rys. Въ литературномъ языкѣ нашемъ *рысь* женскаго рода; см. напр. у Держ. басню *Медвѣдь и рысь* (*Соч.* его, т. V, стр. 558).

РѢДОЧЬ [1]. Не только полотно, но также напр. рѣдкій въ полѣ овесъ.

РѢШЕ́ТИНА (и Рѣшети́на). Latte, pièce de bois mince pour porter la tuile; crible, sas, bluteau, tamis. (Словарь Рейфа).

РЮМЪ. Пѣвчая птица изъ породы жаворонковъ (Alauda alpestris).

САЙДА [1]. (Г.). Родъ рыбы въ Бѣломъ морѣ (свѣдѣніе изъ Мезени).

САКМА *. Означаетъ также часть рѣчного берега, которая заливается водою.

[561] **САЛМА.** Татарское кушанье въ родѣ лапши или клецокъ. Встрѣч. не разъ у Держ., напр. въ одѣ *На рожденіе Гремиславы.* Ср. отрывокъ изъ семейныхъ записокъ Рожнова въ *Библ. для Чт.* 1862, № 1, стр. 127.

САМОУПРАВЛЕНІЕ. Пропущено.

САМОХОТКА. (Вологод., Яросл. губ.). Тайный бракъ въ деревняхъ.

САХОТА. Русскій базаръ, или торгъ, на который пріѣзжали дикіе горцы въ укрѣпленія по черноморской береговой линіи. У Даля *сатовка* съ вопросительнымъ знакомъ.

СВИТА [1]) (Г.). Въ журналѣ комиссіи о тюремномъ преобразованіи (1877—1878 гг.) относительно ссылки на каторгу, при упоминаніи серебро-свинцовыхъ рудниковъ, сказано: „Возстановленіе цѣлыхъ *свитъ*, затопленныхъ“ и т. д. Слово *свита* въ этомъ значеніи не объяснено Далемъ.

СЕЙЧАСЪ. Не только въ Москвѣ, какъ показано у Даля, но и во всей средней, а можетъ быть и южной Россіи, имѣетъ кромѣ своего

общаго значенія, еще другое: теперь, въ настоящее время, напр. „Онъ служитъ сейчасъ по выборамъ“. — „Церковнымъ старостой сейчасъ такой-то“.

СВОДИТЬСЯ — на что, къ чему.

СЕЛЯВА *. Небольшая вкусная рыбка, въ родѣ ряпушки, добываемая изъ нѣкоторыхъ озеръ Псков. губ. *Воен.-стат. обозр. Пск. губ.*, стр. 112).

СЕРЕНЬ. Снѣга на полѣ очень велики, и осеренило ихъ съ великаго мясоѣда, отъ чего съ лошадьми итти впередъ нельзя, серень не подниметъ“ (*Ист.* Соловьева, т. VI, стр. 422).— „Здѣсь ясно значеніе словъ: серень и осеренить: говорится объ оттепели, которая сдѣлала снѣгъ рыхлымъ, такъ что лошади въ немъ проваливались“. (То же, т. VII, стр. XIV).

СИДКА *. (Ж.). *На сидкѣ, на высидкѣ* (въ тюрьмѣ).

СИЛО [1]. *А. К.* II, 137.

СКВОЗНОЙ (Ж.). *На сквозныхъ*, — на долгихъ, въ противоположность слову: на сдаточныхъ. Выраженіе вольныхъ ямщиковъ. (Твер. губ.).

СКОЛОТИТЬСЯ [1]). Сколочусь по времени съ денжонками. *Въ Л.* I, 34.

СКОРЛОЗУБЕЦЪ (царскіе кудри, Fritillaria Imperialis). *С. Хр.*, стр. 19. У Даля *скалозубецъ* (лилія); въ *Бот. Словарѣ* Анненкова подъ № 803 *скалозубецъ*.

СКРЫЖАПЕЛЬ. Сортъ яблоковъ. Другіе сорты показаны у Даля.

СКРУТА (Сѣверн.). Приданое.

[562] **СЛАВНУКЪ** (Сѣверн.). Молодецъ женихъ, который славится въ деревнѣ. Славнуха, невѣста, славящаяся богатствомъ.

СЛАВУ́ТНИЦА (Сѣверн.). Дѣвушка-щеголиха.

СЛАМЪ [1]. По Далю то же, что *слазъ*=отступное, плата, которую беретъ кто-либо, уступая права свои другому. Иначе объяснено это слово въ одной замѣткѣ о книжномъ аукціонѣ: „Маклаки торговцы покупаютъ продаваемое имущество компаніей или, по употребляемому ими выраженію, *въ сламу*“ ... „... Если на продажу является посторонній покупатель, то компанія маклаковъ предлагаетъ ему тотчасъ же итти съ ними въ сламъ или взять отступного и не торговаться“. (*Спбург. Вѣдом.* 1870, № 36.).

СЛАНЕЦЪ *. Правильно отнесено къ одному корню съ гл. *стлать*. Но отчего же не сближены съ нимъ также слова *слой* (стлой) и *слюда* (стлюда)?

СМАРДЪ (вм. смрадъ?). Туманъ, происходящій отъ гари.

СНЫТКА [1]. *А. К.* II, 48.

СОБЛИСТАТЬ. „Соблещетъ молнія мечу“. (*Соч.* Ломон., ода 15, строфа 8). Ср. у Держ. *Пѣснь Баярда* (*Соч.* его, т. III).

СОКО́ЛЬНИКЪ (въ Галиціи). Hieranium pilosella.

СОКЪ. Не показано старинное значеніе: обвинитель; по Словарю Вос-

токова, доносчикъ. Ср. серб. сȍк = сыщикъ (Ausfinder), свидѣтель; чеш. sok = противникъ, врагъ, клеветникъ; польск. sok = клеветникъ (Словари Караджича, Юнгмана, Линде). Ясно, что въ этомъ значеніи *сокъ* одного корня съ гл. *сочить* (ссочить, высочить) = отыскивать, требовать, доправлять. (Сл. церк.-слав. и русск. языка). Этотъ глаголъ сохранился у насъ и въ народномъ языкѣ: по *Дополненію* къ Областн. Словарю, онъ употребляется въ Курской губ. въ смыслѣ: слѣдить, прогонять звѣря. Ср. польск. soczyć (osoczyć) = травить, клеветать (откуда и существ. soczenie). Въ подобномъ смыслѣ гл. *сочить* принятъ и Далемъ съ объясненіемъ: „манить, выманить... искать; слѣдить, гнаться за кѣмъ" и съ указаніемъ мѣстностей: *зап. вост. пск. прм.*, при чемъ приведены и примѣры изъ народнаго языка. „Можетъ-быть", прибавляетъ Даль, „здѣсь *сочить* знач. течь (самому) куда, а можетъ быть это и вовсе иной глаголъ", т. е. не имѣющій ничего общаго съ словомъ *сокъ*, къ гнѣзду котораго онъ отнесенъ. Вѣрнѣе, *сокъ* одного корня съ глаг. *искать*, гдѣ начальная гласная, можетъ быть, только прибавочная, какъ въ сл. *игра* (малорос. *зкаты* = искать). Ср. англ. seek, шв. söka, герм. suchen, польск. szukać. По Шлейхеру, ср. гот. sak, лит. sak-yti [563] (dicere), нѣм. sag (*Зап. А. Н.* VIII, прил. 2, стр. 19, 20). Тамъ же о глаг. *искати* (др.-нѣм. eis-cô-n).

СОЛНОПЁКЪ. Припекъ солнечный. *Сидѣть на солнопекѣ.*

СОРОВЩИКЪ. Золотарь. (*Моск. Вѣд.* 1866, № 153, перед. ст.). Самое слово *соръ* одного корня съ извѣстнымъ глаголомъ, какъ *боръ* съ гл. *брать*.

СОРОКОПУДЪ. Помѣщено подъ *сорокъ* (40), а должно бы стоять подъ *сорока*; это лат. Lanius; нѣм. Neuntödter; ср. фин. lapin harakka (lanius excubitor). Слово *пудъ* встрѣчается также въ *страхопудъ* и сродни съ гл. *пудить* (ср. чеш. pudit, разгонять, распугивать), церк.-слав. *распудити*: „волкъ расхититъ ихъ и распудитъ овцы". (Іоан. X, 12).

СТАВЕШОКЪ [1]. *Въ Л.* I, 73—74.

СТАВЛЕНЫЙ МЕДЪ. „... нѣсколько ведеръ крѣпкаго ставленаго башкирскаго меду". (*Сем. Хр.*, стр. 12).

СТАНЫЙ. То же, что *статочный, сталый.*

СТАРИЦА *. На Уралѣ такіе рукава рѣки, которые, выходя изъ нея, съ нею же послѣ опять соединяются, называются старицами, потому что нѣкогда были главными руслами Урала. Тѣ, которые имѣютъ истокъ и устье, называются полуусыми *(полоусыми?)* старицами. (Н. Данилевскій въ *Вѣстн. Географ. Общ.* 1858, № 3).

СТАТОВЬЁ. Тканье полотенъ. *(Библіотека для Чт.* 1862, № 1, стр. 129).

СТЕПЬ *. *Записать на степь*, т. е. на переселеніе въ степныя губерніи.

СТЕРЖЕНЬ *. Употребл. въ значеніи *шкворень*. (Ряз. губ. Скоп. у.).
СТОЧНЫЙ (иногда не отъ *стекать*, а отъ *стокать*, *соткать*). Тканый: „сточный поясъ". *(Ист. Гос. Росс.*, т. IV, стр. 386).
СТРЕКОЗИ́ТЬСЯ — шалить, рѣзвиться, напр. о скотѣ.
СТРѢЛКА *. Главный стволъ у луковицы и чесноку, на которомъ бываютъ сѣмена (?).
СТРЮЦКІЙ (иногда *стрюцко́й*). Въ разныхъ концахъ Россіи простолюдье употребляетъ это слово иногда въ презрительномъ значеніи подьячаго, мелкаго чиновника или вообще дрянного человѣка. Объяснить происхожденіе этого слова не легко. У Даля *стрюкомъ* (Костром.) = ключомъ, струею. Однажды, въ Ряжскѣ, на желѣзнодорожной станціи, мужикъ при мнѣ назвалъ *стрюцкимъ* мальчишку, который ловко и плутовски увернулся и убѣжалъ, когда тотъ ловилъ его. (Нѣм. streichen, шв. stryk?).
[564] **СТУШЕВАТЬСЯ** [1]. Сдѣлаться незамѣтнымъ, исчезнуть.
СТЯГЪ СВѢЖИНЫ [1]. *Въ Л.* I, 380.
СУГИБЕЛЬ [1]. Крутой поворотъ въ оврагѣ. Тург. II, 115.
СУЕРЫЖНИЧАТЬ (Ж.). Безъ толку ругаться. (Твер.).
СУКНОВАЛКА. Сукновальня.
СУЛОЙ (и с у в о й) *. „Встрѣча теченій между собою, съ выступами береговъ и рифами, съ противными вѣтрами и т. п., разводитъ сильнѣйшее волненіе, жесточайщую сумятицу; волны кипятъ, низвергаются, сшибаются, вздымаютъ даже стѣны (А. Ѳ. Миддендорфъ). Наши мореплаватели называютъ это явленіе *сулоемъ* и познакомились съ нимъ преимущественно въ проливахъ между Курильскими островами". (Л. И. Шренкъ, *Очеркъ физ. геогр. сѣверо-японскаго моря*, Спб. 1869, стр. 41).
СУМАКЪ или **СУМАХЪ**. Rhus Cotinus. См. *Бот. Слов.* Анненкова № 1193.
СУМАЧЕ́Й. Разносчикъ разнаго мелкаго товара по деревнямъ для продажи.
СУСАКЪ, **СУСАТОКЪ**. Butomus umbelatus. См. Анненк. № 298.
СУ́ТОЛПИЩЕ. Крылова *Зритель*. Ч. I („Ночи"), стр. 149.
СУТЫРЬ [1]. *Въ Л.* I, 297.
СХОДНЫЙ * .... „Сѣвскій воевода, сходный товарищъ князя Голицына въ послѣдній крымскій походъ". (Устр. *Ист. Петра В.*, т. II, стр. 81).
СЪЮТИТЬ. Собрать воедино.
СѢДЛОВИНА. Углубленіе въ горной грядѣ. *(Соврем. Лѣтопись*, 1869, № 23, „Изъ Екатеринбурга").
СѢМЕНИТЬ *, **ЗАСѢМЕНИТЬ**. Ходить скорыми, мелкими шагами. У Даля *семенить* едва ли правильно.
ТАЛІЯ (Г.) Число ударовъ маятника въ одинъ часъ (*Гусевъ.* Часовое мастерство. Нижн. Новг. 1870. Стр. 7).

ТАМЫРЪ. Другъ, пріятель; такъ называются люди, сдружившіеся и обмѣнявшіеся подарками, на Сибирско-Иртышской линіи и въ Киргизской степи (П. Семеновъ).

ТАРАКАЛЬНИКЪ. Въ Мингрельскомъ мѣстномъ положеніи (§ 33) сказано „лѣсные матеріалы, какъ-то: *таракальники*, сошки, жерли, колючки и проч. необходимы для виноградниковъ и другихъ садовъ". (Замѣтка М. И. Броссе).

ТАРАРУ́Й. Прозвище кн. Хованскаго (*Атеней* 1858, статья С. Соловьева объ *Исторіи П. В.* соч. Н. Г. Устрялова).

ТАРАТЫ. На—пойдетъ. *Въ Л.* I, 132.

ТАРЕЛКА *. „Не въ своей тарелкѣ". Эта поговорка помѣщена подъ [565] сл. *тарелка* безъ всякаго поясненія; не лишне было бы прибавить, что она произошла отъ ложнаго пониманія французскаго реченія, въ которомъ assiette значитъ вовсе не тарелка, а—состояніе, расположеніе духа. Первоначально французское слово именно означало положеніе, состояніе; потомъ—мѣсто, занимаемое сидящимъ за столомъ, и наконецъ блюдце, которое передъ каждымъ изъ нихъ ставится. (Dict. de la langue fr., par. E. Littré, t. I).

ТАРЫНЬ (или на́кипень). Родъ глетчеровъ въ Сибири: снѣгъ таетъ на скатахъ горъ (напр., въ Становомъ хребтѣ) и образуетъ ледъ, изъ котораго иногда вытекаютъ рѣки (отъ П. П. Семенова). По свидѣтельству покойнаго адмирала Ѳ. Ѳ. Матюшкина, ледникъ; глетчеръ въ Сибири называется *тараномъ*.

ТЕЛЯТНЯ. Комната въ Воспитательномъ домѣ, гдѣ берутъ оспу отъ телятъ.

ТЕНЬ. Упоминается нѣсколько разъ подъ сл. *коса*, приводится также подъ гл. *теньк*а*ть*, но въ своемъ мѣстѣ его нѣтъ.

ТЕПЛИЦА. См. оранжерея.

ТЕСТЬ *. Въ косвенныхъ пад. ед. числа *е* выпадаетъ: *тстя, тстю* (Смол. губ.).

ТЕША *. Рыбій бокъ. *Спб. Вѣдом.* 1868, № 201.

ТИВУНЪ [1]. Чт. Общ. Ист. и Древн. 1868. Кн. I. Русск. нар. пѣсни, собр. Шейномъ. № 52.

ТИГУСИТЬ [1]. Мучить.

ТИТУЛЪ [1]. Просьба по титулѣ, т. е. просьба, въ началѣ которой прописывается въ извѣстной формѣ обращеніе къ Государю, а затѣмъ идутъ пункты, и въ концѣ каждаго часть подписи просителя.

ТОЛОКА́ *. Пастьба скота на лугахъ или поляхъ. *Худо родится хлѣбъ, потому что не доходитъ толока.* (Воронеж.). *Въ толокѣ будемъ ноньче пахать* (т. е. тамъ, гдѣ скотъ ходитъ). Значеніе *толоки́* въ Малороссіи см. *Спб. Вѣдом.* 1864, № 207. Это же слово см. ниже въ отдѣлѣ подъ цифрою IV.

ТОНКОНОГЪ. Poa bulbosa. Трава, корнемъ которой питаютъ зимою суслика. Впрочемъ, такъ называются и другія растенія; см. *Ботанич. Словарь* Н. Анненкова №№ 604, 749, 1045 и 1046.

ТОПОРНЫЯ БАРКИ (Г.). Суда́ запрещенныя, на которыя наложена двойная пошлина (*Лѣсной уставъ*, ст. 685).

ТОПОТА́ТЬ [1]. Бить землю ногами, оставаясь на мѣстѣ (?).

ТОПЧАЧОКЪ. Россійскій—вашъ. *А. К.* II, 154. У Даля *топчанъ*.

ТОРБАНЪ [1] (инструментъ). *Въ Л.* I, 380.

ТОУРИТЬ (Казан., Симб.). Уставить, пялить: „Увидя Марсъ, тоуритъ взоры". (Держ. *На пріобр. Крыма*, *Соч.* его Т. I, стр. 183). У Даля записано *тоуриться*, какъ слово моск. и владим. Соображая это съ нашей замѣткой, можно заключить, что это общенародное слово.

ТОЧАТЬ [1]. У Даля тачать.

ТРЁШНИКЪ = 3 к. сер. Трёшница = трехрублевая бумажка.

ТРЕЩИНА. Мякина (около Краснаго холма).

ТРУПЁРДА. Неповоротливая женщина.

ТРЫКЪ. *. Модникъ, вѣтреникъ. (*Оп. Обл. Словаря*). Даль поставилъ при этомъ словѣ вопросительный знакъ; но у Державина (*Соч.* его, т. III, стр. 345) мы находимъ стихъ:

„И льстя сѣдаго трыка".

ТРЫНКА. 3 коп. мѣдью, 1 коп. сер. (Казань).

ТРЫНКА. *Въ Л.* I, 375.

ТРЫНЪ - трава. Можетъ быть отъ древняго *трънъ*-тернъ.

ТУЗЛУКЪ *. „И горы соляныхъ кристаловъ по *тузлукамъ* твоимъ пойдутъ". (*С. Хр.*, стр. 24). У Даля *тузлукъ* показано въ значеніи разсола для соленья рыбы и икры; да еще съ вопросит. знакомъ прибавлено: „украшенье на поясѣ".

ТУНБАСЪ. Транспортное судно. (Устр. *Ист. П. В.*, т. II, стр. 274).

ТУНЬЮ. Напрасно. „Чтобъ деньги не пошли тунью". Гр. Л. Н. Толстой въ статьѣ „о народномъ образованіи". *Отеч. Зап.* 1874, сент.).

ТУРСУКЪ *. *Сем. Хр.*, стр. 26: „мѣшокъ изъ сырой кожи, снятой съ лошадиной ноги". По Далю,—„малый кожаный мѣхъ, обычно изъ трехъ окороковъ конскихъ".

ТУРЫ́ШКА *. Буракъ, цилиндрическій сосудъ, сдѣланный изъ бересты (У Даля при этомъ словѣ поставлено *ведерко*, съ вопросительнымъ знакомъ).

ТѢЛЬЧАКЪ. Болѣзнь худосочія у лошадей, при которой у нихъ на шеѣ дѣлаются ранки. Лѣченіе: сжигаютъ ящерицу и даютъ пепелъ внутрь. (Слышано отъ князя В. Р. Долгорукаго).

ТЯГА [1]. (охотн.). *А. К.* II, 253.

УВО́ЩЬЕ. Лѣкарство.

УДОЧЕРЯТЬ, УДОЧЕРЕНЬЕ (Г.). Терминъ, принятый въ параллель выраженіямъ: *усыновлять, усыновленіе,* въ министерствѣ юстиціи и въ вѣдомствѣ Опекунскаго совѣта, но не допущенный въ законодательство Государственнымъ совѣтомъ. [567] Съ филологической точки зрѣнія новое слово это такъ же хорошо, какъ слово *замужство* въ отличіе отъ *женитьба.* Если бъ руководствоваться только примѣромъ другихъ языковъ, то конечно надобно бы отказаться и отъ одного изъ этихъ выраженій, ибо во франц. и нѣмец. есть только le mariage, die Heirath. Между тѣмъ для отверженія словъ *удочерять, удочеренье* нѣтъ другого основанія, кромѣ того, что въ латинскомъ и новѣйшихъ западныхъ языкахъ существуютъ для этого понятія только выраженія: *adoptare, adoptio.* Едва ли мы будемъ правы, если станемъ отказываться отъ своихъ богатствъ потому, что другіе бѣдны.

УЗДЕНИ́. Дворяне горскихъ народовъ въ Кизлярѣ (См. Указатель къ „Матеріаламъ“ П. Г. Буткова).

УЗЪ *. Нижнее дно улья. (*В. и Миръ,* ч. V, стр. 84).

УМОРА *. Въ народномъ языкѣ ходитъ и съ собственнымъ значеніемъ, напр., „скотинѣ въ сухое лѣто умора“. (Ряз. губ., Данк. уѣзда).

УПОСЛѢЖДАТЬ, УПОСЛѢЖИВАТЬ. Обходить, обижать; опаздывать, медлить. (См. *Соч.* Держ., т. I, стр. 256 и 257).

УРАЗА́ (тат.). То же, что *рамазанъ,* постъ, продолжающійся одинъ лунный мѣсяцъ, когда магометане не пьютъ и не ѣдятъ отъ восхода до заката солнца. „Казанскіе Татары держатъ уразу̀“. (Пупаревъ).

УРАЛЪ * Нариц. названіе горнаго хребта въ Запад. Сибири, въ Алтайскихъ и Саянскихъ горахъ.

У́РОМА * (множество плотовъ лѣса). Должно бы стоять въ одномъ гнѣздѣ съ *урема* и *урманъ.*

УРСЫ́. Кучи (напр. рыбы) на Уралѣ.

У́ТОРОКЪ. Порядокъ.

УСТАВЪ *: „Онъ мигомъ увидѣлъ всѣ недостатки въ снастяхъ или ошибки въ *уставѣ* жерноновъ“. (*Сем. Хр.,* стр. 45).

УХНУТЬ [1]. „Сколько ухнуло состояній!“ (Суворинъ въ Фельет. *Спб. Вѣдом.* 13 октября 1874 г.).

УЧАСТЛИВЫЙ [1]. Пропущено.

УШКОЛЪ. То же, что ушкуй. Галера. (Устр. *Ист. П. В.,* т. II, стр. 274).

ФАРИСЪ — витязь.

ФАРШЪ, ФАРШИРОВАТЬ [1].

ФОРТЕЛЬ [1] (простор.). Преимущество или барышъ.

ФУНДУКЛЪ (Татар. = corylus tuberosa). Родъ большого орѣха въ Крыму.

[568] **ХАМОВНИКИ** [1]. Мастера, приготовляющіе для царскаго обихода *бѣлую казну,* т. е. полотна, скатерти и т. п. (У Даля есть, но не совсѣмъ такъ объяснено).

ХАРТУТА (Г.). Закавказскій плодъ, изъ котораго дѣлаютъ варенье.
ХЛУПЬ. Мягкое мясо у птицъ и вообще у животныхъ.
ХЛѢБОСОЛЕЦЪ. Тотъ кто хлѣбъ-соль водитъ (Моск.). Латин. hospes.
ХОЗЪ *. Та часть выдѣланной коровьей кожи, которая употребляется на подошвы.
ХРОМНИКЪ [1] (Г.). (Изъ торговаго прейсъ-куранта, рядомъ съ сѣрою, шпатомъ и т. п.), подъ рубрикой: Москотильные товары. См. Величурка.
ХРУСТАЛИКЪ. Часть глаза. Пропущено во всѣхъ нашихъ словаряхъ.
ЦВѢТОКЪ. Виньетка. *Кашка* = cul-de-lampe. По свидѣтельству Оленина въ его *Письмѣ о Тмуторокансkомъ камнѣ*, первое употребляется такъ въ синодальныхъ типографіяхъ.
ЦУГУНДЕРЪ [1]. „Ну, я разумѣется тотчасъ его подъ цугундеръ". (Соч. Тургенева. М. 1880. Т. V, *Дымъ*, стр. 65). Для объясненія этого слова я совѣтовался со многими. Одинъ говорилъ, что оно значитъ: „на расправу", другой — „для взысканія"; третій утверждалъ, что оно первоначально означаетъ „веревку для вздергиванья собакъ". Наконецъ, самъ Иванъ Сергѣевичъ, на мой вопросъ, сообщилъ, что онъ слышалъ это слово отъ кавалеристовъ и что подъ цугундеромъ разумѣется какой-то способъ усмиренія лошадей. Мы съ покойнымъ ак. Шифнеромъ, большимъ охотникомъ до этимологическихъ разслѣдованій, много толковали о происхожденіи этого слова, но ни до чего вѣрнаго не дознались. Между прочимъ мы предполагали, не происходитъ ли оно отъ возможнаго нѣмец. выраженія: zu hunger, которое могло употребляться въ нѣмецкой арміи, во время напр. Семилѣтней войны, при назначеніи или угрозѣ наказанія на хлѣбъ и на воду. Звукъ *г* очень легко могъ перейти у русскихъ въ *д* сходно съ другими случаями этого рода (kringel = крендель и т. п.).
ЦѢЛО́КЪ. Итти цѣлко́мъ, по цѣлку̀, т. е. не по проложенной дорогѣ. *Соч.* Держ., Т. III, стр. 572).
ЦѢПЕНѢТЬ. Пропущено.
ЧАВРЕ́НЫЙ, АЯ. Блѣдный, исхудалый. *Какая она чавреная!* (Твер. губ.).
ЧАЛА [1]. Растеніе на Кавказѣ. Въ м. Зугдиди производились опыты употребленія въ кормъ лошадямъ рѣзанаго сѣна и чалы.
[569] **ЧЕКЪ**, въ значеніи ярлыка на полученіе въ банкѣ денегъ, взято съ англ. check, сообразно съ чѣмъ и должно быть исправлено показаніе: „Чека, фран.".
ЧЕМАРКА. Одежда извѣстнаго покроя у зап. славянъ. Ср. фр. Simarre.
ЧЕРВЛЯКЪ [1]. *Въ Л.* I, 5.
ЧЕРНАЯ РЫБА. * Мелкія породы рыбы, въ противоположность *красной* (Н. Я. Данилевскій).
ЧЕЧЕНЬ [1]. *Въ Л.* I, 266.

ЧМА́РИТЬ. Кое-какъ пробиваться. (Ряз. губ., Данк. у.).

ЧОХЪ [1]. Не вѣрилъ ни въ —, ни въ смерть. *А. К.* II, 145.

ЧУВЫКАНЬЕ (жаворонковъ). *Война и Миръ* IV, 18.

ЧУЙКА *. Лапоть особенно глубокій, похожій на калошу. (Ряз. губ. Скоп. у.).

ЧУХИ́. Городки (игра).

ШАКАТЬ [1]. Шакаютъ утки особой разновидности, называемыя *шакунами*; обыкновенныя же крякаютъ. Шакуны отличаются еще тѣмъ, что не ходятъ въ воду.

ШАМАТОНЪ [1]. „Пускай онъ будетъ солдатъ, а не шаматонъ въ гвардіи!“. (Пушкинъ. *Кап. Д.*, изд. Анн. V, 319).

ШЕЛОННИКЪ. На Селигерѣ значитъ сѣв. вѣтеръ. См. У Даля Шалоникъ. Но это слово есть и въ Сибири. Точно ли оно происходитъ отъ названія р. Шелони?...

ШЕ́РЕШЬ, ШЕРО́ШЬ (Твер. губ.). Ср. У Даля *шеро́хъ*, къ гнѣзду котораго слѣдовало отнести и прил. *шершавый* и глаг. *шершить* (шуршить произносится неправильно).

ШЕРШЕБКА. Тоже, что шершенка.

ШЕ́РШЕНКА (Ряз.). Родъ рубана. См. предыдущее слово.

ШИБАЙ [1]. Мелкій торговецъ. Шибайныя лавки (Воронежъ).

ШИБЕНЬ. (Гоголь, *Мертв. Души*). Къ сожалѣнію, въ моихъ замѣткахъ нѣтъ точной ссылки на мѣсто, гдѣ употреблено это слово.

ШИРКУНЕ́ЦЪ. Бубенчикъ. (Арх.).

ШЛЮПИКЪ. Родились шлюпиками. *А. К.* III, 219.

ШПАРНЯ (отъ шпарить). Обвариванье.

ШПЕКОВАТЬ. Пропущено.

ШПЕТИТЬ. Сильно уколоть кого словами. (*Дополн. къ Оп. Обл. Сл.*) „Онъ при всѣхъ, чтобъ дать важность своей гордости, не устыдился меня шпетить“. (*Соч.* Держ., Т. V, стр. 843).

ШПУНТЪ * — столярный инструментъ.

ШТОЛЬНА [1]. Горизонтальный ходъ въ копи, выходящій отверстіемъ [570] на свѣтъ; если же онъ идетъ весь подъ землею, то называется штрекомъ.

ШТЫКЪ-ЮНКЕРЪ. Чинъ въ артиллеріи, между сержантомъ и поручикомъ.

ШУКА́ТЬ * — не прямо нѣмецкаго, а польскаго происхожденія; замѣчательно, что это слово чрезъ Смоленскую губ. проникло и въ Московскую. Я слышалъ его отъ крестьянъ въ одной подмосковной деревнѣ, гдѣ въ 1812 г. были Французы; въ разсказѣ о нихъ было упомянуто тутъ и сущ. *шука́ло* въ смыслѣ мародера.

ШУРА́ *. Талый, мелкій ледъ. *Шура идетъ.*

ЩИ́ПОКЪ. Бусл. *Истор. очерки* I, 80.

ЭНДИВІЙ. Родъ салата (латукъ), Cichorium Endivia.

ЭСТРАГОНЪ, Artemisia Dracunculus, растеніе, изъ котораго получается лучшій сортъ уксуса. За Кавказомъ употребляется оно въ пищу какъ закуска. (Ф. И. Рупрехтъ).

ЮТОВОЕ производство (*Москов. Вѣдом.* 1878, № 143, перед. статья). Конечно то же, что позднѣе принято называть *джутовымъ*. См. выше *джутъ*.

ЯГУНЪ. То же, что егунъ. См. у Даля.

ЯДОВИТЫЙ [1]. Съѣдобный (Ряз. губ.).

ЯМЩА. Бревно. „По Днѣстру кромѣ галеръ сплавляютъ еще изъ австрійскихъ владѣній еловые плоты, въ 100 ямщъ или бревенъ каждый, съ досками, гонтомъ и драницами". (*Военно-стат. обозр. Бессарабіи*).

II.

Слова Областного Словаря, сходныя съ скандинавскими [1].

1852.

[571] Въ Опытѣ Областного Великорусскаго Словаря найдено мною довольно много словъ, болѣе или менѣе явно сродныхъ съ словами языковъ скандинавскихъ. Не во всѣхъ случаяхъ можно утвердительно сказать, что русское слово заимствовано изъ иноплеменнаго языка; часто надобно ограничиться только признаніемъ общаго происхожденія словъ славянской породы съ словами скандинавскаго (или и вообще германскаго) семейства языковъ. Должно однакоже замѣтить, что тѣ изъ словъ, сходныхъ съ скандинавскими, которыя собраны въ сѣверныхъ нашихъ губерніяхъ, особенно въ Архангельской, по большей части очевидно почерпнуты изъ этихъ языковъ.

Для нѣкоторыхъ изъ такихъ словъ есть соотвѣтственныя въ двухъ или трехъ скандинавскихъ языкахъ. Въ такомъ случаѣ я избираю тотъ языкъ, въ которомъ оказывается слово самое близкое къ нашему, или отмѣчаю вообще *скандинавское* происхожденіе, если приводимое иноплеменное слово одинаково въ трехъ главныхъ языкахъ этой вѣтви, т. е. *исландскомъ* (или древне-норвежскомъ), *шведскомъ* и *датскомъ*. Исландскій, какъ древнѣйшій по своимъ формамъ, всѣхъ ближе къ первоначальному, впрочемъ не сохранившемуся общему языку скандинавскихъ народовъ, и потому въ тѣхъ случаяхъ, когда можно колебаться въ выборѣ слова [572] того или другого, я предпочитаю исландскій. Четвертый отдѣлъ составляетъ народный норвежскій языкъ, содержащій въ себѣ также значительное количество словъ, которыя могутъ служить къ объясненію русскихъ.

---

[1]) Писано по вызову 2-го Отдѣленія Ак. Н. въ 1852 году.

Въ числѣ словъ, сходныхъ съ скандинавскими, есть такія, которыя представляютъ родство съ словами и другихъ германскихъ языковъ: я отмѣтилъ ихъ равнымъ образомъ, такъ какъ исключить ихъ совершенно не было достаточнаго основанія. Однакожъ, если слово находится и въ другомъ германскомъ языкѣ, но у насъ гораздо ближе подходитъ къ скандинавскому, то оно такъ и означается мною.

Слова, которыя, по моему мнѣнію, дѣйствительно происходятъ отъ *скандинавскихъ* корней, отмѣчаю я звѣздочкою. При изслѣдованіи ихъ сравнивалъ я русскій языкъ и съ другими славянскими нарѣчіями.

Изъ сдѣланныхъ мною выписокъ видно, что число скандинавскихъ реченій, вошедшихъ въ составъ мѣстныхъ говоровъ Россіи, вообще незначительно: если сосчитать въ изданномъ Словарѣ всѣ слова несомнѣнно скандинавскаго происхожденія, то ихъ окажется едва ли болѣе 40. Этимъ подтверждается высказанное уже прежде мнѣніе, что сношенія древней Руси съ Скандинавскимъ Сѣверомъ мало оставили слѣдовъ въ языкѣ ея народа. Но такое заключеніе нисколько не уменьшаетъ важности изученія скандинавскихъ нарѣчій для изслѣдованія языка русскаго: какъ ни мало онъ отъ нихъ заимствовалъ, однакожъ онъ находится съ ними въ весьма близкомъ родствѣ этимологическомъ, и для полнаго разумѣнія начала и состава множества русскихъ словъ нельзя обойтись безъ помощи языковъ скандинавскихъ. Остается опредѣлить точнѣе отношеніе, которое дѣйствительно существуетъ — впрочемъ наиболѣе съ лексической стороны — между нашимъ языкомъ и скандинавскими. При этомъ нельзя не вспомнить, что еще Добровскій считалъ языки древне-норвежскій, датскій и шведскій тѣми изъ германскихъ нарѣчій, которыя представляютъ наиболѣе сходства съ славянскимъ.

[573] **АЛАЛА** (вздоръ, бредъ *), **АЛАЛЫКА** (непонятно говорящій), **АЛАЛЫКАТЬ**: *сканд.* lalla, говорить съ трудомъ, непонятно. Ср. *нѣм.* lallen, *греч.* λαλεῖν, *латин.* lallare. Дор. ἀλαλὰ — воинскій крикъ, вообще крикъ, гамъ.

АНКА (галка): *шв.* anka, домашняя утка (финское ankka, имѣющее то же значеніе, безъ сомнѣнія взято изъ шведскаго языка).

АРТЪ (толкъ, смѣтливость): *шв.* art, качество, нравъ; удача, сила, талантъ; *нѣм.* Art.

БАТЪ: *исл.* bátr, лодка.

БАУЛЪ (бочка): *шв.* bål, большая чаша, тазъ и т. п.; *анг.* bowl.

БЛЕКАВО (блѣдно): *шв.* blek, блѣдный.

БОНДЫРЬ (бочаръ): *шв.* (tunn-) bindare, обручникъ; *нѣм.* (Fass-) Binder.

---

*) Значеніе русскаго слова отмѣчаю въ скобкахъ только тогда, когда оно болѣе или менѣе отступаетъ отъ значенія сходнаго иноязычнаго слова.

БОТВА: *шв.* beta, свекла; *нѣм.* Beete. Ср. *латин.* beta.

БОТНИКЪ: *шв.* båt, лодка, *нѣм.* Boot, въ разныхъ видахъ встрѣчающееся во всѣхъ германскихъ языкахъ.

БУДКА: *исл.* bud, шалашъ. Ср. *нѣм.* Bude (коренъ bua, строить); *пол.* budować, строить.

БУЛГА (тревога), **БУЛГАТИТЬ** (тревожить): *исл.* bilgja, волна; *дат.* bølge, — волноваться (говоря о морѣ). — *Примѣч.* Скандинавское *y* произносится какъ нѣмецкое *ü*. Датское *ø* есть то же, что нѣм. и шв. *ö*.

БУЛДЫГА (безпокойный человѣкъ): *дат.* и *анг.* bold, смѣлый.

БУЛБУШКИ: *шв.* bubbla, водяной пузырь. *Нѣм.* bubbeln.

БУНТЪ (множество хлѣба въ куляхъ): *шв.* bunt, пукъ, связка. *Нѣм.* Bund.

БУРАВЛЬ: *шв.* borr, буравъ. *Нѣм.* Bohrer.

БУРАКЪ * (корзина изъ сосновой драни): *шв.* burk, банка, буракъ, коробка.

БУРЛИТЬ: *шв.* porla, кипѣть, бить ключемъ, бурлить.

ВАЖАТЬ (вѣшать): *шв.* väga, вѣсить. *Нѣм.* Wage.

ГАРВА * (сѣть для ловли семги): *сканд.* garn, сѣть.

ГРИДНЯ * (свадебная комната): *исл.* grid, домъ, хоромы.

ГУГАЛА (качели): *шв.* gunga, качель. Ср. *хорут.* gúgati, качать.

ДРОТЪ, ДРОТЬ (проволока): *шв.* tråd (нить; jern-tråd, проволока). *Нѣм.* Drath, котораго первоначальное значеніе тоже *нить.* (Шв. jern = желѣзо).

[574] **ЕЛАХА** (пиво): *сканд.* öl, пиво. Ср. *анг.* ale, *нѣм.* Ael, *фр.* aile. Сюда же должно отнести областныя слова: Аланя, Алаха.

ИКЛЫ (клыки, ногти у пѣтуха): *сканд.* klo, коготь. Ср. *нѣм.* Klaue.

ИКОТА: *шв.* hicka, икать. *Нѣм.* hicken.

ИНЪ (онъ, иной): *исл.* hinn, онъ, тотъ.

КАКОРКА, КАКУРА, КОКОРА, (ватрушка, пышка, лепешка) и проч. *исл.* kaka, пирогъ. Ср. *анг.* kake, *нѣм.* Kuchen.

КАЛДЫКА (хромой), **КАЛДЫХАТЬ, КОЛТЫНОГІЙ, КОЛДЫХАТЬ:** *шв.* halta, хромать.

КАРГА (ворона): *дат.* krage, ворона. Ср. *анг.* crow, *нѣм.* Krähe.

КАРИТЬ,-СЯ (выговаривать, жаловаться): *исл.* kaera, жаловаться, звать въ судъ. Ср. *лат.* qveri.

КЕРБЬ * (связка льну): *шв.* kärfve, связка, снопъ; *фин.* kerpo, связка изъ листьевъ или прутьевъ.

КЛЕЙНО * (клеймо): *исл.* kleima, пятно.

КЛИПЪ (подводный рифъ): *шв.* klippa, скала, особливо въ морѣ. *Нѣм.* Klippe.

КЛИТЬ (клѣть): *исл.* klefi, кладовая.

КЛЮКА (крюка): *шв.* krycka, посохъ, костыль. *Нѣм.* Krücke.

*

Примѣчаніе. Слово колымага, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ, есть скандинавское, съ намѣреніемъ пропущено мною въ этомъ спискѣ. Я не могу согласиться съ авторомъ *Филологическихъ Наблюденій*, который говоритъ (Разсужд. II, отд. 1-е, § 30): „Имя колымага (=hvëlvagn) сложено изъ скандинавскаго hvël, колесо, и vagn, повозка, и собственно значитъ: повозка на колесахъ“. Сложное hvelvagn въ скандинавскихъ языкахъ не встрѣчается, да и не можетъ встрѣчаться, потому что слово vagn само по себѣ уже означаетъ повозку *на колесахъ*. Притомъ слово коло есть чисто-славянское, и для объясненія его нѣтъ надобности прибѣгать къ посредству иноязычнаго hvel. Въ церковносл. колимогъ зн. шатеръ, куща (Вост.), въ древ.-русс. иногда зн. станъ. (Ипат. 158: „И возвратишася во колымагы свои, рекше во станы“). Шафарикъ думаетъ, что это — сложное слово, въ которомъ первая половина *серб.* кола=(возъ), а вторая *латыш.* mahja= домъ. (*Слав. древности*, т. I, кн. 2, стр. 25).

КОНДА * (смолистая внутренность сосны): *шв.* kåda, *исл.* qvoda, смола. *Примѣч.* Шведское å соотвѣтствуетъ нашему *о*.

КОТУКЪ (шалашъ), **КУТЪ, КУТЬ, КУТНИКЪ, КУТОКЪ** (уголъ): *исл.* kot, хижина; — kota, чуланъ, уголъ. Фин. kota, хижина; — koti, [575] жилище. Ср. *анг.* cottage, *нѣм.* Hütte, *русс.* хата. — Сюда же можно отнести: Катухъ; сверхъ того: Закута съ его производными.

КРАМАРЪ *, *исл.* kramari, торговецъ.
КРАМЪ *, *исл.* kram, мелкій товаръ.
} Ср. *нѣм.* Kram, Krämer.

КУЛЯ: *шв.* kula, пуля.

КУМКА (чайная чашка безъ блюдечка). Въ скандинавскихъ языкахъ подобное слово встрѣчается только въ сложномъ видѣ (*шв.* spilkum, полоскательная чашка;) но въ нѣмецкомъ слово Kumme означаетъ вообще глубокій сосудъ, лаханку. Ср. *греч.* κύμβη; κύββα и *русс.* кубокъ.

ЛАВА, ЛАВЫ (плотъ, мостки): *шв.* lafve, нары, полокъ; *фин.* lawa, нары, помостъ; — lawo, полокъ.

ЛАГОДИТЬ, ЛАДИТЬ,-СЯ, ЛАДКА: *исл.* laga, устраивать, приготовлять, исправлять. *Фин.* laitta, съ тѣми же значеніями.

ЛАДЬЯ, ЛОДЬЯ: *шв.* lodja, а также и *фин.* lotja заимствованы у русскихъ.

ЛАЙКА, ЛАЙКО (собака, воркунъ): *исл.* lái, хулить, охуждать.

ЛАПИКЪ, ЛАПИТЬ: *исл.* lappa, ставить заплатки.

ЛАРЬ (сундукъ): *исл.* lar, ящикъ, шкатулка; *фин.* laari конечно заимствовано.

ЛОГЪ (ровъ, оврагъ), *исл.* lág, углубленіе въ землѣ, ложбина.

ЛЯГА (ляжка): *исл.* leggr, лядвея. *Анг.* leg.

МЕРЁДА *, **МЕРЁТА, МОРДА** (рыболовная снасть): *шв.* mjärde; *фин.* merta есть слово заимствованное *). Сюда же должно отнести слово: Нёрша, составленное изъ мерёжа съ перемѣною *ж* на *ш* и *м* на *н* (какъ въ словахъ: клейно, нимо и др.

МОЛВИТЬ: *исл.* maela, говорить; *шв.* mål, языкъ, рѣчь.

МУСЛЯТЬ * (мочить слюною): *исл.* musla, брать въ ротъ (вмѣсто munsla, отъ munnr, ротъ).

НЯМА (яма въ рѣкѣ): *исл.* nama, яма, рудникъ.

ОТЛОСТИТЬ (прибить): *исл.* liosta, бить, колотить. Сюда же можно отнести слова: лóскать и лощить.

ПАЛИ (сваи): *шв.* påle, шестъ, свая; *нижне-нѣм.* Paal. Ср. *лат.* palus и сходныя слова въ другихъ языкахъ.

ПАСМА (мотушка льняныхъ нитокъ): *шв.* pasma, мотокъ. Судя по [576] тому, что это слово находится въ нѣсколькихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, тогда какъ изъ скандинавскихъ языковъ одинъ шведскій принялъ его, надобно заключить, что оно перешло не отъ шведовъ къ намъ, а скорѣе наоборотъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ славянскихъ нарѣчіяхъ является и первообразное слово (пасъ = поясъ), которое теперь оказывается и въ русскихъ областныхъ словахъ: Опасъ, Опаска.

РАСКЕПИНА (щель): *исл.* skepia, дѣлить, раздѣлять. До сихъ поръ о корнѣ, заключающемся въ этомъ словѣ, можно было догадываться только по слову: раскепъ или правильнѣе: разскепъ. Ясно, что отъ того же корня произошелъ нашъ глаголъ щепать съ своими производными. Въ древнемъ языкѣ встрѣчается онъ иногда и въ видѣ: скепать.

РУДÁ (кровь, что-нибудь грязное), **РУДИТЬ,-СЯ, РУДНЫЙ, РУДЫЙ:** *исл.* ryda обмазывать, пачкать; обагрять кровію.

РУДÓЙ (рыжій), **РУДѢТЬ** (краснѣть), **РУДЯНОЙ** (грязный): *исл.* raudr, красный; — rod, краснота. Ср. *анг.* red, *нѣм.* roth и *русс.* рдѣть.

РЮЖА *, **РЮЗА:** *дат.* ruse, рыболовная сѣть. Финское rysä заимствовано изъ скандин. языковъ **). Ср. *нѣм.* Reuse.

РЮМАТЬ *, **РЮМА** (плакать): *исл.* rymia, ревѣть, кричать.

СКЕЯ * (анбаръ, погребъ): *исл.* skiar, пристройка для сушенія чего-либо.

СКИБА *, **СКИПА:** *исл.* skifa, ломоть, пластина.

---

*) По мнѣнію г. Альквиста, это слово, первоначально финское, заимствов. русскими и шведами: merta — маленькая рыболовная снасть, плетеная изъ ивовыхъ вѣтвей.

**) Такъ и по мнѣнію г. Альквиста, который поясняетъ, что *rysä* — такая же снасть, какъ и мерта, но бóльшаго размѣра и сдѣланная изъ сѣти.

СТРЫНКА, СТРЫНЯ (горшокъ, ларчикъ): *исл.* skrin, сундучокъ, ящикъ. Ср. *лат.* scrinium.

СЛЯЧА: *шв.* slask, слякоть.

СНАЧИТЬ: (взять): *нар.-норв.* snaka, схватить, утащить; — snak, жадный. Ср. *анг.* to snatch.

СНИДОВАТЬ, СНѢДОВАТЬ (закусывать, обѣдать), **СНѢДАТЬ, СНѢДАНЬЕ:** *исл.* snád пища, яство. Дифенбахъ въ своемъ Сравнительномъ Словарѣ готскаго языка признаетъ случайнымъ сходство между древне-славянскимъ снѣдь и древне-норвежск. snád. Если, однакожъ, принять въ расчетъ, что это слово съ тѣмъ же значеніемъ не встрѣчается въ другихъ германскихъ языкахъ и что они равнымъ образомъ не представляютъ корня, изъ котораго бы оно естественно проистекало, то является вопросъ: не отъ славянъ ли заимствовано норманнами имя snád вмѣстѣ съ глаголомъ snaeda (исл.), кушать? Правда, въ [577] англосакс. есть слова: snoed, кусокъ и snoedan, подкрѣплять пищею, но и это, кажется, не даетъ права производить древненорв. snád отъ готскаго глагола sneithan, рѣзать,—какъ сдѣлалъ Дифенбахъ, вообще слишкомъ нестрогій въ выборѣ сближаемыхъ имъ реченій. Приведенныя областныя слова совершенно сходятся съ польскими śniadać, завтракать, и śniadanie, завтракъ. Славянское происхожденіе ихъ такъ очевидно, что мысль г. Сабинина, будто снѣдь есть слово скандинавское, не требуетъ опроверженія.

СНОТА * (догадка, смѣта): *исл.* snotr, благоразумный, искусный; *дат.* snu, хитрый, и snedig, лукавый. Ср. *гот.* snutrs, *англо-сакс.* snoter, *нижне-нѣм.* snöe и пр. *Нар.-норв.* глаголъ snu seg, который собственно значитъ — повертываться, но также употребляется въ смыслѣ: приноравливаться, хитрить, заставляетъ предполагать, что показанныя здѣсь германскія слова находятся въ связи съ обще-скандинавскимъ глаголомъ snua (sno, snoe), вертѣть, вертѣться, быстро двигаться; а этотъ глаголъ въ самомъ тѣсномъ родствѣ съ нашимъ сновать (Акад. Сл. „ходить, летать и плавать туда и сюда") и сноваться („соваться, бродить туда и сюда"). Родство тѣмъ болѣе несомнѣнное, что какъ скандинавскій, такъ и славянскій глаголы имѣютъ еще другое однородное значеніе; напр., *шв.* sno, крутить, сучить (нитку и т. п.). Все сказанное позволяетъ догадываться, что слово снота собственно и первоначально должно значить изворотливость, хотя по законамъ нашего языка и не можетъ оно стоять въ прямомъ соотношеніи съ гл. сновать.

СПИЦА * (спичка), **СПИЦЫНЫ** (деревянные гвозди): *нар.-норв.* spik или spika, узенькій отколокъ дерева, тычинка, также лучина.

Ср. *шв.* spik, гвоздь; *нижне-нѣм.* spiker, гвоздь; *голл.* spyker, гвоздь, клинъ; *анг.* spike, острый конецъ, гвоздь. Замѣчательно, что хотя во всѣхъ этихъ словахъ обнаруживается одинъ и тотъ же корень, но между германскими языками собственно только народный норвежскій представляетъ слово, которое совершенно подходитъ къ нашему спица или, въ общепринятомъ языкѣ, спичка. Впрочемъ надобно принять въ соображеніе и *исл.* spita, деревянный гвоздь, щепка; нельзя также не имѣть въ виду и *нѣм.* Spitze, въ которомъ однакожъ внутреннее сходство съ нашимъ словомъ ограничивается только общимъ понятіемъ острія. Отъ Spitze прямѣе произошло у насъ другое слово, именно шпицъ, остроконечный верхъ.

[578] **СПРЕТЪ** * (гадкій человѣкъ): *шв.* sprätt, франтъ, щеголь. *Исл.* spreyta, gestibus superbus.

СТЕГА́, СТЕЖКА (проселокъ, тропинка): *исл.* stigr, тропинка. Ср. *гот.* staiga, *древне-верх.-нѣм.* stega. Изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій едва ли не одно русское удержало въ этомъ словѣ коренную букву *г* безъ измѣненія въ *з* или въ *ж*.

СТОГЪ: *исл.* stackr, куча. Это слово, встрѣчающееся почти во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, получило въ нихъ смыслъ, по большей части ограниченный понятіемъ сѣна, но въ нашемъ областномъ, такъ же какъ въ польскомъ и нѣкоторыхъ другихъ, оно наравнѣ съ древне-норвежскимъ stack удерживаетъ общее значеніе кучи. Въ нынѣшнихъ скандинавскихъ языкахъ оно приняло средній смыслъ, означая вообще стоящую въ полѣ кладь сѣна, соломы, ржи и т. п.

СТОДЪ * (идолъ): *шв.* stod, статуя. Ср. *греч.* στόα.

СТРАДА́, СТРА́ДА (рабочая пора, тяжелая работа), **СТРАДАТЬ** (трудиться), **СТРАДОВАТЬ, СТРАДОМЫЙ** и проч.: *исл.* strita, работать съ усиліемъ, *нар.-норв.* strita, таскать, носить тяжести; справлять тяжелую работу; — stritarbeid, тяжелая работа, для которой требуется одна сила, безъ всякаго искусства. Ср. *латыш.* strahdaht, работать, быть прилежнымъ.

СТЯГЪ * (колъ): *исл.* stiak, колъ; *дат.* stage. Ср. *древне-нѣм.* stekko, колъ, свая; *ново-нѣм.* Stock, палка. Какъ наши слова: колъ, тычина происходятъ отъ колоть, тыкать, такъ и германское стягъ образовалось отъ однозначащихъ глаголовъ *нѣм.* stechen и stecken. Хотя въ значеніи *знамя, хоругвь* это слово извѣстно и западнымъ славянамъ („Мысли объ исторіи русскаго языка" И. И. Срезневскаго, стр. 153), однакожъ трудно не признать его иноплеменнымъ, такъ какъ оно въ славянскихъ нарѣчіяхъ стоитъ совершенно одиноко, не имѣя въ нихъ корня и не давъ отъ себя производныхъ. Понятіе о *водруженіи* знамени объяс-

няетъ намъ связь обоихъ, повидимому, разнородныхъ значеній разсматриваемаго слова *).

СУСОЛИТЬ (пить медленно, сосать), **СУСЛИКЪ**, **СУСЛЯ** (кто пьетъ понемногу) и проч.: *нар.-норв.* susla, плескать, болтать (мѣшая жидкость); — susl, пачкотня, бурда. Хотя *сканд.* susla по смыслу [579] и не совпадаетъ съ русскими „сусолить, суслить", однакожъ нельзя отвергать нѣкотораго между ними родства, даже и въ этомъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ показанное здѣсь сходство и областная форма сусолить заставляютъ сомнѣваться, чтобы Рейфъ правильно производилъ глаголъ *суслить* отъ *сосать*, хотя первый, въ областномъ языкѣ, и принимаетъ иногда значеніе второго.

СЫРКА́ (виноградный уксусъ): *сканд.* sur, кислый.

ТАЛОВАТЬ (воровать): *исл.* stal, прош. врем. отъ гл. stela, воровать. Ср. *англо-сакс.* stalu, *старо-нѣм.* stala и сходныя слова во всѣхъ германскихъ нарѣчіяхъ. *Таловать* можетъ соотвѣтствовать чужеплеменному s-tal точно такъ же, какъ напр. глаголы тыкать, прыгать, относятся къ однозначащимъ съ ними s-ticka, s-pringa (шв.).

ТВОРИЛКА (квашня). Смыслъ этого слова прямо истекаетъ изъ второго значенія глагола *творить*, какъ оно показано въ академическомъ словарѣ: „Разводить, размѣшивать въ водѣ. *Творить* известь. — *Творить хлѣбъ или квашню:* зн. смѣшивать муку съ водою". — Съ глаголомъ *творить* въ этомъ значеніи разительное сходство представляетъ датскій гл. tvœre, разводить, мѣшать что-либо сухое во влажномъ, напр. „tvœre Mel i Vand" (растворять муку въ водѣ) — смѣшивать муку съ водою; въ исл. языкѣ Þvari означаетъ скатанное комками тѣсто. Ср. русское *растворъ*, смѣшеніе чего-либо сухого съ влажнымъ или одной влажности съ другою (акад. слов.). Это указаніе можетъ служить къ объясненію областныхъ словъ: тварь — мокрый и крупный снѣгъ, и творогъ — начинка. Въ послѣднемъ находимъ общеупотребительное слово съ перемѣною смысла, основанною на сходствѣ предметовъ (ср. творожная начинка) и оно съ другой стороны сближается съ нѣмецкимъ qvarg и qvark, означающимъ: 1) творогъ въ общепринятомъ смыслѣ и 2) мягкую грязь и вообще всякую влажную нечистоту (*сред.-нѣм.* twark). Родство звука dv съ tv, какъ и съ zw, въ германскихъ языкахъ подтверждается множествомъ примѣровъ. Въ приведенномъ датскомъ словѣ tvœre нельзя не признать близкой связи

---

*) Въ значеніи *знамя* слово *стягъ* ближе соотвѣтствуетъ германскому, отъ того же корня происходящему Stange, stenge, steng и т. п., шестъ, палка, древко, и гласная нашего слова въ этомъ случаѣ есть собственно ѫ.

съ слѣдующими германскими глаголами, значащими также переворачивать, мѣшать: *сред.-нѣм.* twern (прош. twar), *древ.-верх.-нѣм.* dweran, *ново-верх.-нѣм.* zweren, откуда пошли второобразные: *англ.* twirl, *ново-нѣм.* zwirlen и qverlen и проч., а отъ нихъ составились, съ [580] значеніемъ мѣшалки, чумички имена: *англо-сакс.* thvyril, *средне-нѣм.* twirel, *ново-нѣм.* qviril и zwirl, *дат.* tvœre. *нар.-норв.* tvara или tvare. Ср. еще *нар.-норв.* tverel, пахтальная кирка. Къ этимъ словамъ, по формѣ и по происхожденію, хотя и не совсѣмъ по значенію, но все-таки также съ главною идеею мѣшанія, подходятъ русскія: общеупотребительное творило и областное творилка *). Трудно рѣшить, какимъ образомъ творило въ областномъ языкѣ могло получить значеніе „поддона, на который ставятся ушаты", и потому можно предполагать, что это слово въ простонародномъ обиходѣ имѣетъ еще какой-нибудь смыслъ, служащій переходомъ къ показанному въ Обл. Словарѣ мѣстному значенію. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ творило дѣйствительно является въ другомъ значеніи: тамъ оно по большей части означаетъ форму, въ которой окончательно сгущается сыръ, а мѣстами и вообще форму, образъ (отъ гл. творить въ смыслѣ *образовать*); у поляковъ оно сверхъ того значитъ: горшокъ для тѣста. (Ср. русс. обл. творилка **).

Примѣчаніе. Изъ соображенія обоихъ значеній русскаго глагола *творить* возникаетъ вопросъ: въ какомъ отношеніи они находятся между собою и которое изъ нихъ надобно признать первоначальнымъ? Вопроса этого нельза рѣшить безъ помощи другихъ родственныхъ языковъ, въ которыхъ являются соотвѣтствующія слова того же корня. Древнѣйшимъ видомъ его надлежитъ принять *санскритское* tvar, спѣшить, скоро дѣлать***). Въ латышкомъ языкѣ tvert значитъ хватать, схватывать. Въ чешскомъ и польскомъ *творить* имѣетъ [581] смыслъ — давать

---

*) Суффиксъ l во многихъ индо-европейскихъ языкахъ служитъ къ образованію словъ, означающихъ орудіе, средство. Ср. *греч.* πτίλο, ὀπτίλο, *лат.* vinculum, speculum, *нѣм.* Schlüssel, Stachel и проч.

**) Въ повѣсти Д. В. Григоровича: *Смедовская долина.* (*Соврем.* 1852, № 1, Отд. I, стр. 106) употреблено слово *тварня.* Желательно было бы принять въ соображеніе и это слово при разсмотрѣніи производныхъ отъ гл. *творить*; но, къ сожалѣнію, я нигдѣ не могъ найти указанія, что значитъ тварня, котораго нѣтъ и въ Словарѣ Даля. Очень полезно было бы, если бъ авторы повѣстей, взятыхъ изъ простонароднаго и вообще изъ провинціальнаго быта, присовокупляли къ нимъ объясненіе словъ, неизвѣстныхъ въ общеупотребительномъ языкѣ.

***) Г. Миклошичъ въ Radices linguae Slovenicae v. d. ошибочно принималъ корнемъ слова творить *санскр.* tu, *facere.* Ср. у Боппа въ Glossarium Sanscritum корень त्वर् (твар), festinare... ratione habita, radicem चर् (чар) et ire facere significare.

образъ или видъ: вотъ, кажется, исходная точка обоихъ значеній русскаго глагола; и основное понятіе, въ которомъ оба они соединяются, можно выразить такъ: посредствомъ быстраго движенія рукъ производить что-либо, имѣющее образъ; а отсюда уже проистекло болѣе отвлеченное значеніе этого глагола. Такъ и въ германскихъ языкахъ глаг. schaffen, *сканд.* skapa, творить, заимствованъ отъ идеи: образъ. (Ср. *анг.* shape, *шв.* skapnad — видъ, образъ). Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ творить значитъ также *строить* (греч. κτίζειν созидать, создавать). Такимъ образомъ въ славянскомъ глаголѣ соединились всѣ тѣ понятія, которыя въ разныхъ языкахъ отдѣльно послужили основаніемъ для выраженія идеи creare.

ТРУДИТЬСЯ (долго и тяжко хворать): *исл.* trauda, принуждать, затруднять; *нар.-норв.* traute, продолжительный и тяжкій трудъ.

ТУЛЯТЬСЯ (прятаться): *дат.* dølge (прош. dulgte), скрывать. Ср. *исл.* dula, покрывало, duldr, скрытый.

ТЫНЪ (плетень): *исл.* tun, селеніе, дворъ, застроенное мѣсто. Ср. *англосакс.* tun, ограда; *анг.* town, городъ. По мнѣнію Шафарика, тынъ—первоначально кельтское слово. (*Сл. Древн.* т. I, кн. II, стр. 206).

УТЕЛЬГА (тюленья самка). Это слово утверждаетъ меня въ догадкѣ, что въ имени *тюлень* буква *ю* не есть первоначальная, а замѣнила собою гласную *е* (ср. для примѣра плюсна и плесна). *Тюлень* должно быть въ родствѣ съ *теля*, *теленокъ*, что́ не покажется страннымъ, когда мы вспомнимъ, что по-латыни vitulus значитъ и теленокъ и тюлень (ученый терминъ: phoca vitulina), да и на многихъ современныхъ языкахъ *тюлень* называется *морскимъ теленкомъ*, напр., по-польски ciele morskie, *фр.* veau marin, *нѣм.* Meerkalb. Въ польскомъ языкѣ cielę и безъ прибавленія morskie употребляется въ смыслѣ: *тюлень*. Тотъ же корень встрѣчается, въ этомъ послѣднемъ значеніи, и въ скандинавскихъ языкахъ (*исл.* selr, *шв.* själ), а равно въ *анг.* (seal) и въ *англо-сакс.* (syle). По всему сказанному трудно согласиться съ Павскимъ, чтобы слово *тюлень* передѣлано было изъ *анг.* seal (*Фил. Набл.* II, А., стр. 146); такъ и въ реченіи *утельга* нельзя признать чуждаго происхожденія.

ХВАТИНО, ХВАТЮГА (хватъ), **ХВАТСКО** (мастерски): *исл.* прил. hvatr (сред. р. hvatt), бойкій, смѣлый, проворный.

ХВИЛЫЙ: *исл.* qvilli, хилость, безсиліе.

[582] **ХРАКЪ** (харканье, харкота): *исл.* hraki въ томъ же значеніи.

ХРАПЪ: *исл.* hrappr, буйный, наглый.

ХРИДА (человѣкъ, по неряшеству измокшій и проч.): *исл.* hrydia плевать, харкать; прил. hrydiulegr, грязный, гадкій.

ХРИЗА (высокая, худая женщина): *скр.* kr ça, испитой, болѣзненный.

ХРУНИ, ХРУННИКЪ, ХРУНЫ, ХРУНЬЕ: *исл.* hrae, изорванная вещь, ветошка.

ХУТРА, ХУТРО, ХУТРОВАТЬ; того же корня въ *сканд.* языкахъ foder, но слово *хутра* ближе къ однозначущему *нѣм.* Futter, подкладка, мѣхъ, а въ архитект. внутренняя обшивка или обдѣлка. Ср. *пол.* futro, futrować.

ШКАЛИКЪ *, **ШКАЛЬЧИКЪ:** *исл.* skál, чаша, чарка. Ср. *нѣм.* Schale.

ШКЕВЕНЬ, вм. штевень (см. общій акад. слов.): *исл.* stafn, *дат.* stavn, носъ у корабля, также корма. Наше слово взято, вѣроятно, съ *голл.* steven, килевая балка.

ШКУ́РА (древесная кора). Корень ska, sku въ герман. языкахъ вообще означаетъ покрышку, верхній слой. Оттуда и *шв.* skara, снѣговая *кора* (настъ); skorpa, корка хлѣбная, земляная кора и т. п. Ср. *древне-нѣм.* schur, мѣхъ, шкура, *пол.* skórka и *рус.* скорнякъ.

ШКУРАТЬ (о птицахъ: быстро спускаться): *сканд.* skur, ливень сильный градъ. Ср. *нижне-нѣм.* schur; вообще сильное, мгновенное движеніе.

ШКУРЯТЬ (прогонять): слово того же корня. Ср. *нѣм.* schüren, *древне-нѣм.* skurian, толкать, вышибать. Гриммъ принимаетъ готскій глаголъ skiuran, impellere, trudere. Сюда же надобно отнести междометіе: шкырь.

ШЛЕНЬКАТЬ (ѣхать слабой рысцой), **ШЛЕНЬКОМЪ, ШЛЫНДАТЬ, ШЛЯНДАТЬ:** *исл.* slen, slenta, безсиліе, лѣнь, *шв.* slentra, шляндать, шататься; ср. *нѣм.* slendern.

ШЛЯХЪ * (дорога): *исл.* slog, тропа, слѣдъ. Ср. *нѣм.* Schlich, Schleichweg, и *пол.* szlak, szlad, откуда русское вѣроятно и заимствовано.

ШЛЯЧА: см. объясненіе слова с л я ч а — слякоть.

ШНУРИТЬ, ШНУРЪ: *исл.* snura, черта, тесемка, вѣроятно въ сродствѣ съ гл. snua, сучить, крутить. Въ смыслѣ ш н у р и т ь употребляется и у нѣмцевъ schnüren.

ШНЫРА, ШНЫРИТЬ, ШНЫРЪ,-Ь, ШНЫХАРИТЬ: *исл.* snudra, обнюхивать по-собачьи; ср. *нѣм.* schnurren, скитаться, ища пропитанія; или отъ другого корня *нар.-норв.* snurre se, кружиться, [583] вертѣться. Для слова ш н ы х а р и т ь можно привести также *шв.* snoka, рыться, шарить, искать.

ШНЯКА * (лодка извѣстныхъ размѣровъ для рыбной ловли): *исл.* snâkr, др.-слав. смокъ, собственно змѣя, также родъ мореходнаго судна; иначе sneckia, легкое судно.

ШПАКЪ (скворецъ): *сканд.* spak въ древности значило умный, мудрый, а нынѣ смирный, ручной; оттуда *нар.-норв.* spekt, способ-

ность говорить (въ старину мудрость). Ср. *анг.* to speak, говорить, и *древне-нѣм.* spacht, говоръ, крикъ, птичье пѣнье; *голл.* spekt, дятелъ.

ШПИГОРЬ *: *дат.* spiger, большой гвоздь.

ШТОПОРИТЬ, ШТОПЫРИТЬ: *шв.* stoppa, затыкать, штопать. *Нѣм.* stopfen, *лат.* stipare и проч.

ШУКАТЬ: *шв.* söka, искать. Ср. *нѣм.* suchen, *пол.* szukać. Глаголъ шука́ть, записанный въ Курской губ., слышалъ я и въ окрестностяхъ самой Москвы (близъ Угрѣшскаго монастыря), гдѣ крестьяне часто употребляли его, разсказывая мнѣ о насиліяхъ французовъ въ 1812 году и называя мародеровъ, дѣлавшихъ по деревнямъ поиски, шука́лами (шука́ло).

ШХОУТЪ, ШКОУТЪ: *шв.* skuta. Ср. *голл.* sckuyt, извѣстнаго рода судно. Здѣсь заимствованіе произошло конечно изъ голландскаго языка.

ЩВЕЛЬ, ЩЕЛИНА: *исл.* skilia, раздѣлять, разлучить;—skil (*нар.-норв.* skjel), отверстіе въ ткани (при тканьѣ).

ЩИРО (искренно): *шв.* skär, чистый, неподдѣльный. Ср. *пол.* szczery.

ЮРКІЙ, ЮРОВАТЫЙ, ЮРОВО, ЮРОВЫЙ: *шв.* yr, рѣзвый, живой.

ЯЛАЯ, ЯЛОВКА, ЯЛОВЫЙ: *исл.* géld, *нѣм.* gelt; неплодный; о коровѣ: не дающая молока, нетель (шв. gall-ko). *Дат.* gold, безплодный, пустой, порожній.

ЯРО (шибко), **ЯРОВАТЬ** (кипѣть), **ЯРОВАТЫЙ, ЯРЫГА** (работникъ), **ЯРЫЙ** (сердитый, сильный): *исл.* errinn, бойкій, пылкій, сильный, работящій, или: aer, ярый, бѣшеный.

ЯЩИКЪ (четвероугольное пространство на бахчѣ; четырехколесная телѣга). Рейфъ производитъ это слово отъ гл. *ять*, а Павскій (II, А. 71) говоритъ только, что въ нашемъ языкѣ нѣтъ имени *ящъ*, но не доискивается происхожденія слова. Оно въ первоначальномъ видѣ находится въ германскихъ нарѣчіяхъ, но всего ближе къ нашему является въ языкахъ скандинавскихъ. *Дат.* aeske, *шв.* ask, *исл.* eski, или askr значитъ именно: ящикъ, коробка и т. п. Ср. *нѣм.* asch, горшокъ, и *пол.* jaszcz, jaszczyk, посудина для масла, творогу и проч.

III.

Слова Областного Словаря, сходныя съ финскими.

1852.

[584] Вообще словъ, заимствованныхъ изъ финскаго языка, отыскалось въ Словарѣ довольно много. Большая часть финскихъ словъ собраны въ сѣверныхъ губерніяхъ; замѣчательно однакожъ, что нѣкоторыя подслушаны и въ среднихъ великороссійскихъ. Вопросъ объ отношеніи финскаго языка не только къ русскому, но и вообще къ индоевропейскимъ еще мало разработанъ, и самое знакомство европейскихъ филологовъ съ этимъ замѣчательнымъ языкомъ началось недавно. Но при изслѣдованіи русскаго языка необходимо принимать въ соображеніе и финскій, который даже и въ грамматическомъ отношеніи можетъ представить нѣкоторыя интересныя сближенія съ первымъ. Здѣсь мѣсто упомянуть объ одномъ реченіи Областнаго Словаря, которое поражаетъ финскимъ образованіемъ своимъ, хотя по корню оно и русское, именно о нарѣчіи сравнительной степени: б е р е ж ѣ е. Его едва ли можно выводить изъ какого-нибудь прилагательнаго: въ сравнительную степень возведено тутъ существит. б е р е г ъ, въ чемъ удостовѣряетъ финское rannemmalla (первоначально rantampa-lla), образованное отъ дательнаго падежа существительнаго имени r a n t a (берегъ=шв. s t r a n d). Въ помѣщаемомъ здѣсь спискѣ приведены какъ слова, явно взятыя у финновъ, такъ и немногія другія, которыя представляютъ только этимологическое родство или о которыхъ трудно сказать, кто у кого заимствовалъ.

[585] **АЛАНЬ** (низменное мѣсто): *фин.* a l a n k o, (отъ частицы a l a, означающей низъ и соотвѣтствующей нашему предлогу *подъ*).

ВАГА (сила): *фин.* w ä k i, сила.

ВАРАКА (каменная гора): w a a r a, каменная гора, скала.

ВАРАТОКЪ: w a r i, кипятокъ.

ВИЦА: w i t s a, розга. Здѣсь чуть ли не финское слово заимствовано отъ русскаго.

ГИРВАСЪ: h i r w a s, оленій самецъ.

ЗУЙ (мальчикъ, готовящій кушанье для промышленниковъ): s y ö d ä, ѣсть (фин. y=нѣм. ü); syö—онъ ѣстъ.

КАНКА, КАНЪ (инд. пѣтухъ, курица): k a n a, курица.

КЕНДА (песчаный возвышенный берегъ озера): k e n t t a, возвышенное невоздѣланное поле.

КЕРСТА (могила): k i r s t u, ящикъ, тюрьма, вѣроятно съ герм. k i s t e.

КЕХТАТЬ (желать, много ѣсть): käkeä, желать, стараться; или kéhdata, не стыдиться, не скучать что дѣлать.

КИПАКА (каменный берегъ, гладкій камень, выходящій изъ моря): можетъ быть, отъ гл. kippata, скакать: kipakka значитъ быстрый, стремительный.

КИРЗА (верхній слой земли): kirsiä, вскапывать поверхность земли; kirsi, ледяная кора, ледъ въ землѣ (подина).

КОБРА (пригоршня): kopra, ладонь, горсть.

КОНГА (сосновый рудовый лѣсъ): honka, pinus silvestris matura.

КУККУЙ (мясной пирогъ при свадьбахъ): kala-kukko, пирогъ съ рыбой (kala = рыба; для kukko ср. нѣм. Kuchen, шв. kaka, пирогъ).

КУЛЕПНЯ (деревня, Костром.): kylä, деревня.

ЛАМБА, ЛАМБИНА (небольшое озеро): lampi, небольшое озеро.

ЛАХТА: lahti, заливъ морской.

ЛЕЙМА: lehmä, корова.

ЛЕМБОЙ (чортъ): lempo, злой духъ, сынъ миѳологическаго героя Ка́левы.

ЛУЗИКЪ: lusikka, ложка. Впроч. ф. lusikka явно заимствовано отъ *ложка* *).

[586] **ЛѢКА** (счетъ), **ЛѢЧИТЬ** (считать): luku, число, счетъ; lukea считать.

МЯНДА (верхніе слои со́сны; лѣсъ): mänty, pinus silvestris.

НЕГЛА (лиственница): negla (nekla, neula), игла, хвоя.

НОРИЛО (шестъ, которымъ продѣваютъ подо льдомъ веревку): nuora, веревка.

ПАВНА (болото): pauni, лужа, небольшое озеро.

ПАЛЕНИНА, ПАЛЪ, ПАЛЫ, ПАЛЬ: palo, выжженное мѣсто. Трудно опредѣлить, происходятъ ли эти слова отъ финскаго глагола palaa, горѣть, или отъ русскаго палить. Такъ какъ они употребляются не въ однѣхъ губерніяхъ, гдѣ народонаселеніе отчасти финское, то нѣтъ достаточнаго основанія признать ихъ иноязычными.

ПАХТУСЪ (комъ масла изъ сметаны): paksu, густой, и гл. pahtaa, сгущать, давать свернуться. Отсюда видно, что нашъ глаголъ пахтать—финскаго происхожденія. Здѣсь должно замѣтить и областное слово опахтанье.

ПЕРТЬ (жилая карельская изба): pirtti, черная изба, баня.

*) Это русское слово перешло къ финнамъ вмѣстѣ съ самою вещью, т. е. съ деревянными ложками, которыя еще и теперь въ большомъ количествѣ ввозятся въ Финляндію и формою своею совершенно отличны отъ туземной финской ложки, которой названіе было *kuiri*. Въ сѣв. губерніяхъ русскіе повидимому приняли финскую форму слова *ложка* (Альквистъ).

ПЕХТИЛЬ,-ЛО, ПИТКИЛЬ (пестъ, неповоротливый человѣкъ): petkeli и pötkeli, пестъ.

ПОЙГА (малютка): poika, мальчикъ, сынъ.

ПУДАСЪ: pudas, рѣчной заливъ, рукавъ, проливъ.

ПУРГА, ПУРЬГА: pyry, мятель, вьюга, и purku, сугробъ снѣжный.

ПЯККОИ: pieksu, сапоги особаго рода.

РАВГА: rauhanen, желѣза́.

РАГА: raha, деньги.

РОВГА, РОВДА, РОВКА: routa, ледъ въ землѣ.

РОПАКА,-КЪ, РУПАКА (стоячая льдина, ледъ): ropakko, грязь по дорогамъ, ко́лоть.

РОПАСЪ (ледяной бугоръ): rapa, грязь, вообще что-нибудь ломкое и разсыпающееся.

РЕМОКЪ,-ОХА,-ОХЪ,-ОШИНА,-УШКИ; РЯМОКЪ,-МКИ,-МОЖНИКЪ,-МУГА (лоскутъ, тряпка): rämä, вещь изодранная и негодная.

РЯМЪ, РЕМА, РЕМНИКЪ (топкое мѣсто, поросшее мохомъ и кустарникомъ): rämet, болотистое мѣсто.

РЯНДА: räntä, мокрый снѣгъ.

РЯСА́ (мокрота, слякоть, топкое мѣсто): räisy, топкая земля.

РЯСКИ (изодр. платье): rätti, лохмотье, тряпка, или rärä, изодранное платье.

САЛМА: salmi, проливъ, иногда заливъ.

[587] **САРГА:** sarja, тонкая и длинная драница, употребляемая въ рыболовныхъ снастяхъ и т. п.

СЕЛЬГА (высокое пахотное мѣсто въ лѣсу): selkä, хребетъ; оттуда вообще—возвышенное, болѣе видное мѣсто.

СИКА: sika, свинья.

ХВАСТАТЬ, (говорить, лгать), **ХВАСТЛИВЫЙ, ХВАСТУНЪ:** haastaa, говорить, нагло говорить, хвастать.

ХОВАТЬ: haudata, зарывать, хоронить.

Глаголы хвастать и ховать, извѣстные и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, не могутъ быть отнесены къ числу заимствованныхъ словъ, но помѣщены здѣсь только какъ сходные съ финскими по корню.

ХОВРА (неповоротливая, непонятливая женщина): houru, глупый, полоумный.

ХОЗАТЬ: hosua, бить, колотить.

ХОНГА, ХОНОЖНИКЪ: honka, сосна. Ср. выше конга.

ХОРА (некладеный баранъ или олень): oro, жеребецъ, вепрь (кладеный). Ср. *чеш.* oř, voř, конь, жеребецъ (Н. Некрасова *Краледв. рукопись*, стр. 82 и 188), и *англ.* horse.

ХОРТЪ (борзой кобель, ловчій песъ): hurtta, охотничья собака, иногда волкъ; также рослый мужчина. Профессоръ Альквистъ,

приводя названное фин. слово, эст. hurt и лив. kurta, полагаетъ, что оно въ этихъ языкахъ заимствовано изъ русскаго или литов. (kurtas *). Дѣйствительно, слово этого корня очень распространено въ славянскихъ нарѣчіяхъ: прк.-сл. хрътъ; др.-чеш. chrt (жен. р. chrtice), польск. chart, хорут. hert, серб. хр̏т или рт и т. д., почему и Шимкевичъ внесъ это имя въ свой *Корнесловъ*. Юнгманъ сближаетъ его съ нѣм. hurtig, но едва ли справедливо: послѣднее скорѣе пріурочивается къ анг. to hurt, франц. heurter, и нѣм. глаг. hurten (stossen).

ХУХНАРИКЪ (гвоздь у лошадиной подковы): huhmari, большая ступка, родъ жернова.

ШИРА hiiri, мышь.

ШИШЪ, ШИШКО, ШИШИГА, ШИШИГАНЪ (домовой, бѣсъ). Только въ видѣ догадки можно здѣсь привести имя Hiisi, которымъ у финновъ, по преданіямъ язычества, называется также злой духъ, бѣсъ.

[588] **ЮНДА** (мережа особеннаго устройства): juoni (неопр. падежъ juonta), длинная рыболовная сѣть.

ЮРКО, ЮРКІЙ, ЮРЪ (покато, скользко, быстрина): jyrkkä, крутой. Весьма вѣроятно, что въ основѣ этого слова только видоизмѣненіе другого, болѣе распространеннаго въ русскомъ языкѣ корня— *яр* (ярый, яркій, яръ), ибо сущ. *яръ* имѣетъ значеніе крутизны, стремнины, такъ же какъ и слово *юръ* въ общеупотребительномъ выраженіи: „на самомъ юру“.

ЯЛАНЬ, ЯЛАНКА (голое пространство земли между лѣсомъ, прогалина; то же, что алань): alanko, низменное мѣсто. Ср. выше алань.

Если въ послѣднихъ листахъ Областного Словаря, сравнительно съ первою половиною его, оказалось не много финскихъ словъ, причиною надобно признать то, что буквы *ф*, *ц*, *ч*, *ш*, *щ* совершенно чужды финскому языку.

IV.

Сравнительно-филологическія и другія замѣтки о нѣкоторыхъ словахъ.

1855—1885.

[589] **АКУЛА**. Еще въ первомъ изданіи Словаря Россійской Академіи это слово признано скандинавскимъ; тамъ сказано: «названіе, отъ

---

*) Dr. August Ahlqvist. Die Kulturwörter der Westfinnischen Sprachen. Helsingfors 1875. Стр. 2.

и сландскаго или норвежскаго наименованія *гакколъ* нашими поморянами принятое». Дѣйствительно, исл. hákall, нар.-норвеж. haakall значитъ squalus carcharias. Различіе между русскимъ и скандинавскими реченіями состоитъ только въ томъ, что у насъ акулою называютъ вообще породу squalus, а hákall означаетъ особый видъ ея, отличающійся огромностью (squalus carcharias — акула исполинская, морской песъ, людоѣдъ, мокой). По мнѣнію Бьёрна-Гальдорсена *), исландскому hákall соотвѣтствуетъ датское havkalv, морской теленокъ, но это едва ли справедливо: havkalv = sökalv = тюлень **).

БЕЗМЕ́НЪ (тюрк. батманъ — мѣра = 7 — 10 — 25 фунтовъ: тонкую веревку для вѣшанья на небольшихъ вѣсахъ не пудами, а батманами, называютъ батманникомъ. *(Изв. 2-го Отд. А. Н.* Мат. II, 30). Швед. besman, др.-шв. bismari, bisman, дат. bismer, нѣм. besemen (по словарю бр. Гриммъ этотъ родъ вѣсовъ употребителенъ въ голштинскихъ хозяйствахъ); лит. bẽzmẽnas; польск. bezmian, przeźmian, чеш. přezmen. Повидимому это — тюрк. слово, заимствованное русскими, а отъ нихъ, путемъ [590] торговли, распространившееся далѣе на западъ. Ср. ниже замѣтку о статьяхъ шведскаго ученаго, г. Тамма.

БУЗА́. Напитокъ, дѣлаемый въ Египтѣ изъ маисоваго хлѣба, положеннаго въ воду: особенно употребителенъ у нубійцевъ и негровъ, но его пьютъ также кавказскіе народы. Отчизна его—едва ли не страна около Ганга. (Записано 1852 г. со словъ знаменитаго оріенталиста, покойнаго гельсингфорсскаго проф. Валли́на).

ЕЖЪ, ИГЛА. Два имени одного корня: въ германскихъ языкахъ eg, egg (исл.) означаетъ наоборотъ иглу, острее, а igel (нѣм.) — ежа. Ср. нѣм. Egel или Igel (Blutegel), піявица, Ecke — уголъ; исл. igull, iglda, ежъ, iglaz, щетиниться. Корень этихъ словъ, котораго первое значеніе—что-то острое, остроконечное, чрезвычайно распространенъ по всѣмъ индо-европейскимъ языкамъ. ἀχή — острее, лат. acus — игла, шв. egg — лезвее, англосакс. ecged — острый и т. д.

ЗАБОТА. Откуда это слово, неизвѣстное въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ? Не въ родствѣ ли оно съ глаголомъ *зобатъ?* Недавно одинъ извозчикъ, лужскій уроженецъ, жаловался мнѣ на дурной путь. Я замѣтилъ шутя, что вѣдь это дѣло лошадей. „А объ лошадяхъ-то, отвѣчалъ онъ, кто же *зо́блется?* Мы же!“ Это значеніе глагола *зобатъся* показано и въ академическомъ „Опытѣ

*) Biörn Haldorsen, Lexicon islandico-latino-danicum, Havniae, 1814.
**) По Фрицнеру, др.-норвежская форма есть hákarl (Fritzner, Ordbog over det gamle norske sprog. Kristiania 1867).

областнаго словаря"; кромѣ того, мы находимъ тамъ, что и глаголъ *зобать* употребляется иногда въ смыслѣ искать, и далѣе *зобачиться* вм. *заботиться*, что́ какъ будто бросаетъ свѣтъ и на происхожденіе этого послѣдняго, столь загадочнаго слова.

КАРЕТА. У однихъ датчанъ слово karreet употребляется совершенно въ томъ же значеніи, какъ наше названіе закрытаго со всѣхъ сторонъ экипажа. У нѣмцевъ die Carrete нынѣ болѣе не употребительно, но прежде означало небольшую коляску; по свидѣтельству Аделунга, это слово въ его время еще употреблялось въ презрительномъ смыслѣ для означенія дурной, жалкой повозки. Оно первоначально образовалось въ итал. языкѣ (carreta, carretta), какъ уменьшительное имени carro (отъ лат. currus), и означало всякую небольшую повозку. На среднелатинскомъ языкѣ carreta, carreda—двуколесная телѣжка.

КНУТЪ. По замѣчанію Шевырева (*Истор. Русс. Слов.*, т. I, стр. 90) это слово шведское; но по-шведски knut значитъ узелъ, и слѣдовательно по смыслу нѣтъ собственно прямого соотношенія [591] между обоими однозвучными именами. Приводимыя Шевыревымъ въ примѣчаніи 68-мъ выраженія: få knut—быть биту кнутомъ, и ge knut—бить кнутомъ, явно заимствованы шведами изъ русскаго языка. Наше слово *кнутъ* удобнѣе было пріурочить къ исландскому глаголу knýta, который иногда значитъ—бить кнутомъ, flagellare. Ср. нѣм. Knüttel, нижне-сакс. knutten, вязать, и сходныя слова во всѣхъ германскихъ нарѣчіяхъ.

КОЛАЧЪ (калачъ). Правильнѣе писать *колачъ*, какъ пишутъ сербы и какъ писалъ Ломоносовъ. Въ словарѣ Караджича объяснено: „когда идутъ въ гости къ другу или родственнику, то всегда въ котомкѣ, кромѣ деревянной фляжки, надобно имѣть и колачъ (т. е. пшеничный хлѣбъ); когда же возвращаются отъ пріятеля, то опять отправляющемуся оттуда надобно приготовить такой колачъ. Потому и говорятъ: южнымъ святкамъ и пріятельскому колачу не надобно радоваться (ибо пріятель принесетъ одинъ колачъ, а съѣстъ нѣсколько, и опять ему надобно приготовить колачъ въ дорогу)". Что касается до значенія слова, то у Караджича сказано: eine Art radförmiges Brot. Нѣтъ сомнѣнія, что оно происходитъ отъ *коло*, кругъ, колесо; итакъ оно по корню совершенно однозначаще съ германскимъ *Kringel*, происходящимъ отъ древне-нѣмецкаго *kring* (кругъ), которое впослѣдствіи потеряло начальное *k* и въ этомъ видѣ сохранило значеніе кольца. Въ исландскомъ языкѣ оно удержалось съ гортанною *k* или *h* передъ *r* (kringr или hringr); kring осталось и въ другихъ скандинавскихъ нарѣчіяхъ въ смыслѣ существ. или предлога: *вокругъ*. Наше *крендель* составилось изъ нѣмецкаго провинціальнаго *kren-*

gel: измѣненіе *г* въ *д* послѣ *н* у насъ естественно; такъ простой народъ и дѣти вмѣсто *ангелъ* часто произносятъ: *андель*.

МИРЪ и МІРЪ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этимологически оба слова тожественны. Употребленіе ихъ весьма точно разграничено, но въ собственныхъ именахъ лицъ и городовъ оно еще колеблется. Чаще пишутъ въ такихъ именахъ *i*, но едва ли не правильнѣе было бы писать: *Владимиръ, Житомиръ* и вотъ на какомъ основаніи. Обыкновенно здѣсь представляютъ себѣ *міръ* въ значеніи свѣта (mundus), но вѣрнѣе принять тутъ еще третье значеніе, выражаемое въ другой формѣ тѣхъ же именъ окончаніемъ *славъ*. Владимиръ то же, что Владиславъ, Станимиръ — Станиславъ, Болемиръ — Болеславъ; [592] такихъ именъ можно насчитать до 70. Древнѣйшая ц.-сл. форма — *мѣръ*, гдѣ *ѣ* вѣроятно имѣлъ еще звукъ еа. Въ германскихъ и кельтскихъ именахъ этому окончанію соотвѣтствуетъ слогъ *mar* (съ долгимъ а), сходно съ которымъ первоначально звучало, вѣроятно, и славянское *миръ*. (Изъ замѣтки, доставленной А. А. Куникомъ).

НАСТЕЖЬ. Хорут. stesaj, сущ. ж. р. — протяженіе, распространеніе, отъ гл. stesati, расширять, растягивать: duri so na stesaj odpèrte, дверь отперта настежь, т. е. во всю ширину (Murko). У насъ соотвѣтствующій глаголъ *стегать* значитъ не то; не сходное его значеніе видно изъ сложныхъ: *застегивать, разстегивать*.

ОБИДѢТЬ. Обыкновенно считаютъ это слово составленнымъ изъ глагола *видѣть* и предлога *объ* (см. Словарь Рейфа и *Корнесловъ* Шимкевича). Съ перваго взгляда это очень правдоподобно: по общему закону здѣсь губная *в* могла выпасть послѣ принадлежащей къ буквамъ того же органа *б*, какъ въ словахъ *обязывать, обернуть* и многихъ другихъ. Но еслибъ такъ было, то отчего же страдательное причастіе получило бы форму *обиженъ*, а не *обидѣнъ*, а неопредѣленное наклоненіе несовершеннаго вида форму *обижать*, а не *обидать* — по образцу простыхъ словъ: *видѣнъ* *), *видать*. Въ невѣрности приведеннаго мнѣнія о составѣ разсматриваемаго слова еще болѣе убѣждаютъ родственные языки. Въ народномъ норвежскомъ находимъ слово *Obyde* (или ubyde) досажденіе, оскорбленіе, порча, вредъ **). Въ литовскомъ *Abyda* — неправда, насиліе, и глаголъ *abyditi*, несправедливо поступать, обижать.

---

*) Мимоходомъ замѣчу, что это слово пишу я такимъ образомъ только какъ неупотребительное причастіе и отличаю его отъ прилагательнаго *виденъ, видна, видно*, въ которомъ *ѣ* не могло бы выпасть и гдѣ слѣдовательно гласная въ окончаніи мужескаго рода есть бѣглая *е*. Такъ же неосновательно пишутъ *болѣнъ* вмѣсто *боленъ*, гдѣ тоже вставлена гласная *е* (*больной*).

**) Ordbog over det norske Folkesprog, af Jvar Aasen. Kristiania 1850, и 2-е изд. этой книги: Norsk Ordbog, Christ. 1873.

Отсюда ясно видно, что нашъ глаголъ произошелъ отъ первообразнаго сущ. *обида* и что поэтому въ старину правильнѣе писали *обидить*. Ср. сербское *обѣдити*, *обйдити* или *обиjедити* — несправедливо обвинять.

СКАТЕРТЬ. Можетъ быть, съ сред.-в.-нѣм. Scheter, Schetter = тонкая бумажная матерія (Weigand. D. WB.). Впрочемъ и у иллирійцевъ [593] skatert, у Галичанъ—скатерка, скатеръ, въ Малор. скатертина, скатерниця. А. А. Шифнеръ указываетъ еще на хорв. skator = шатеръ.

СОЛОМА. Др.-сл. слама въ родствѣ съ герм. Halm, нар.-норв. helma, halma. — Ср. лат. calamus; *семь* съ греч. hepta, и предл. *со* съ латин. *cum* (санскр. сан).

СТРЕКАТЬ. Ср. исл. striuka, бить, ударять, также бѣжать. (Ср. дать стречка). Въ первомъ значеніи еще употребляется глаголъ strikia, а въ послѣднемъ strika и stroka. Швед. ge stryk, поколотить.

СТРОКА. Ср. нар.-норв. stroka, черта, длинный рядъ; нижне-нѣм. strak, анг. straight, прямой; нѣм. strecken, простирать.

СТРЯПЧІЙ. Какое основное понятіе скрывается въ этомъ сущ. и въ глаголѣ *стряпать*, отъ котораго оно несомнѣнно происходитъ? По нѣкоторымъ случаямъ употребленія этого глагола въ старинномъ языкѣ видно, что онъ значилъ: дѣятельно исполнять какую-нибудь работу, справлять дѣло, должность, хлопотать. („Онъ человѣкъ добрый, и ямскую стряпню стряпать можетъ", *Акты Юрид.* 287, или: „да у доспѣха стряпаютъ дѣти князя Щетинина", *И. Г. Р.* III, прим. 98). Подтвержденіе тому находимъ въ литовскихъ словахъ: *stropus* — прилежный, усердный, проворный, и *stropti* — быть проворнымъ, усерднымъ.

СУДНО, СУДКИ, ПОСУДА. Др.-сл. сѫдъ, соудъ, пол. sąd, другія сл. нар. sud, орудіе, instrumentum. Ср. исл. sud (сплоченныя доски, бокъ корабля).

СУДЪ (judicium). Др.-сл. сѫдъ. Корень этого слова, повидимому, обнаруживается въ гот. sundro, нов.-верх.-нѣм. sonder, исл. sundr, анг.-сакс. sunder, зн. врозь: ибо что первоначально значитъ судить? разбирать; ср. греч. κρίνειν, нѣм. urtheilen, entscheiden, шв. skipa (lag) отъ исл. skepia, раздѣлять, щепать. Въ лѣтописи *Судъ* (въ зн. пролива Константинопольскаго *) есть вѣроятно германское sund = проливъ. Это sund, по весьма распространенному мнѣнію, въ родствѣ съ гл. schwimmen (J. Grimm, Gram. II, 479; ср. Weigand D. Wb., стр. 845, и Fick, Indogerm. Wb., 3-е изд.

---

*) Ольга говоритъ посламъ изъ Царяграда: „тако же постоиши у мене въ Почаинѣ, якоже азъ въ Суду" (П. Собр. Р. Лѣт. 1, 26, и Ист. Г. Р., изд. Слепина, I, 169).

Germ. Spr., 895), но вопросъ: не справедливѣе ли [594] пріурочивается и оно къ корню sundr, такъ какъ существенное свойство пролива — раздѣлять два берега.

ТОЛОКÁ. Слово это неизвѣстно въ нашемъ образованномъ языкѣ; оно заимствовано здѣсь изъ Областного Словаря и замѣчательно тѣмъ, что указываетъ на весьма древній обычай въ сельскомъ быту, распространенный — какъ видно изъ другихъ языковъ — въ большей части европейскаго Сѣвера — у литовско-латышскаго племени, у поляковъ и у финновъ. По Областному Словарю вотъ объясненіе этого слова: „Общинная, такъ сказать, уборка хлѣба или сѣна, принадлежащихъ одному хозяину, чрезъ приглашенныхъ къ нему сосѣдей, родныхъ и знакомыхъ". Въ Литовскомъ словарѣ Нессельмана читаемъ слѣдующія любопытныя замѣчанія при словѣ *Talká:* „Всякій пиръ по окончаніи работы, выполненной при помощи многихъ, которыхъ нельзя вознаградить деньгами; — особенно пиръ по окончаніи жатвы, на который приглашаются всѣ, добровольно помогавшіе другъ другу въ работѣ. По окончаніи какой-нибудь постройки хозяинъ также задаетъ *Talká.* Можетъ быть, *Talká* первоначально означаетъ не пиръ, а самую помощь взаимную и добровольную: въ этомъ я не могъ удостовѣриться". Штендеръ въ своемъ латышскомъ лексиконѣ подъ словомъ *Talks* говоритъ: „Множество созванныхъ вмѣстѣ работниковъ обоего пола, которыхъ по окончаніи работы усердно угощаютъ (die nach der Arbeit brav traktiret werden)". Мнѣ самому случилось быть въ одномъ курляндскомъ имѣніи въ день такой *толокú* при окончаніи уборки хлѣба; за нѣсколько времени до того видѣлъ я подобный обычай, разумѣется, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, и въ Финляндіи, гдѣ онъ повсемѣстно извѣстенъ подъ именемъ *talkkò:* это, по словамъ Реналля, пирушка для работниковъ (epulum operariorum copiose collectorum; см. Lexicon linguae finnicae). Работникамъ въ поле безпрестанно выносятъ водку и пиво, а послѣ обильнаго ужина день кончается пляскою. А. А. Шифнеръ передалъ мнѣ еще мадьяр. названіе kaláka, вѣроятно также заимствованное у славянъ.

У поляковъ (см. словарь Линде) tłuka означаетъ какъ самую уборку плодовъ или хлѣба, такъ и пирушку при окончаніи жатвы. Есть въ польскомъ языкѣ еще и слово tłoka, — родъ повинности, барщина, чему соотвѣтствуетъ у хорутанъ и хорватовъ *тлака* — въ томъ же значеніи — иначе *robota* у первыхъ и *робиjа* у послѣднихъ (см. словари Мурко [595] и Караджича). Въ дополненіе приведу, что и въ нашемъ академическомъ словарѣ церковно-славянскаго и общеупотребительнаго языка подъ словомъ *Толóка* есть между прочимъ такое объясненіе: „поголовная

высылка на работу всѣхъ крестьянъ". Что же касается до указанія Областного Словаря, гдѣ это же слово помѣщено съ другимъ удареніемъ, то тамъ оно отнесено къ губерніямъ Курской, Псковской, Смоленской и Тверской. Конечно, найдутся и другія мѣстности, гдѣ соблюдается тотъ же обычай съ тѣмъ же названіемъ.

Спрашивается: у котораго же изъ трехъ племенъ — славянскаго, латышско-литовскаго или финскаго, обычай этотъ является первобытнымъ, а съ нимъ и самое слово туземнымъ? Такъ какъ оно у финновъ и литовцевъ не находится въ органической связи ни съ какими другими словами, напротивъ у славянъ составляетъ одну изъ отраслей общаго языкамъ ихъ корня, то слѣдуетъ, кажется, признать, что слово это, а слѣдовательно и обычай — происхожденія славянскаго. Въ языкахъ славянъ это названіе представляется не безсмысленнымъ звукомъ, а состоитъ въ явномъ родствѣ съ глаголомъ *толочь* (къ гнѣзду котораго оно и отнесено въ словарѣ Даля) или точнѣе *толочься*, который у поляковъ (tłuć się) и у чеховъ (touci se) значитъ суетиться, возиться, съ другими толкаться. Отсюда видно, что первоначальное значеніе слова *толока* не пиръ, а работа, справляемая многими вмѣстѣ. Такимъ образомъ названіе talka, talks, talkko, стоящее уединенно въ языкахъ литовскомъ, латышскомъ и финскомъ, находитъ себѣ объясненіе только въ нарѣчіяхъ славянскихъ *).

ТРАВА, ТРАВИТЬ. Объясн. Востокова: тровати, трую, то же, что травити, травлю = кормить, кормиться въ переносн. смыслѣ. Отъ того трава, собств. кормъ, какъ въ греч. βοτάνη отъ βοτός, кормъ. (Вост. *Ф. Набл.*, Фрейз. рукоп. 54).

УПОВАТЬ. Павскій думаетъ, что это слово въ родствѣ съ нѣмец. hoffen, шв. hopp, анг. hope. Но въ др.-сл. есть *пвати*, *пъвати* = полагаться. Слѣд. корень нашего глагола — *пв*, а *у* есть предлогъ. Корень *пв* образовалъ въ чеш. и польск. *певный* — вѣрный, надежный.

[596] **ХОМУТЪ.** Общеславянское слово, издавна заимствованное нѣмцами въ формахъ kummet, kummt, komat и т. п., и финнами — hamutsa — въ Кареліи. Ср. названіе чешскаго города Kommotau (т. е. Хомутово).

ШЛЯПА. На швабскомъ нарѣчіи der Schapp значитъ: родъ маленькой, обыкновенной кожаной шапки. На верхне-нѣм. die Schlappe — шапка, чепецъ (Heyse). Аделунгъ подъ словомъ Schlepре говоритъ, что въ Баваріи женскій головной уборъ особеннаго устройства называется Schleppe.

---

*) Въ Дополненіи къ Обл. Словарю показано еще любопытное значеніе слова *то́лока* въ Пск. и Тверск. губ. — шумъ толпы, гомонъ. Ср. также выше стр. 428.

ШУБА. Польск. szuba въ томъ же значеніи, серб. шуба, родъ женскаго широкаго платья. Слово это взято съ нѣмецкаго: Schaube въ верх. Германіи означаетъ длинное верхнее платье, покрывающее все тѣло и употребляемое лицами обоего пола: Nacht-Schaube — халатъ: Regen-Schaube, дождевой плащъ; того же корня франц. jupe, итал. giubba — юбка и особое мужское платье, исп. chopa. Ср. араб. джубба. Изъ русскаго *шуба* нѣмцы, забывъ происхожденіе этого слова, составили свое Schuppenpelz (енотовая шуба).

V.

По поводу двухъ сравнительно-филологическихъ изслѣдованій о славянскихъ и скандинавскихъ словахъ.

1883.

---

[597] Въ послѣднее десятилѣтіе филологія въ Швеціи получила необыкновенное развитіе: съ одной стороны оно обнаруживается въ изученіи мѣстныхъ нарѣчій, съ другой въ расширеніи границъ сравнительной лингвистики, въ изученіи и такихъ языковъ, которые прежде оставались совершенно въ сторонѣ. Какъ въ области исторіи шведы въ настоящее время обратили вниманіе на Россію, такъ и въ филологіи нѣсколько молодыхъ ученыхъ пристально занялись славянщиной. Въ этомъ отношеніи особенно выдаются труды доцента Упсальскаго университета г. Тамма (Fredr. Tamm), который въ 1874 году издалъ для полученія степени доктора начало шведскаго этимологическаго словаря. Въ „Ежегодникѣ (årsskrift)“ названнаго университета за 1881 и 1882 гг. онъ напечаталъ два любопытныя изслѣдованія: 1) „Шведскія слова, освѣщенныя съ помощію славянскихъ и балтійскихъ языковъ“ и 2) „Славянскія слова, заимствованныя изъ скандинавскихъ языковъ“. (Svenska ord belysta genom slaviska och baltiska språken — Slaviska lånord från nordiska språk).

Сообщу нѣсколько замѣчаній объ обѣихъ статьяхъ и предварительно упомяну, что подъ балтійскими авторъ разумѣетъ языки литовскій, латышскій и древне-прусскій. Во всѣхъ своихъ сравненіяхъ онъ строго соблюдаетъ научные пріемы [598] сравнительнаго языкознанія, обращаетъ особенное вниманіе на законы передвижки звуковъ и на основаніи ихъ рѣшаетъ, должно ли слово считаться родственнымъ или заимствованнымъ. Надо отдать полную справедливость осторожности г. Тамма въ его выводахъ. Мнѣ показалось только, что въ числѣ соображеній, которыми онъ руководствуется для рѣшенія вопроса о заимствованіи словъ, недостаетъ одного: именно степени вѣ-

роятія, чтобы слово, по самому значенію своему могло быть заимствовано. Такъ, напр., едва ли на этомъ основаніи можетъ быть справедливо заключеніе (I, стр. 38), что германцы заняли у славянъ слово mark, шв. märg, передѣлавъ по-своему славянское мозгъ. Въ большей части случаевъ, однакожъ, тамъ гдѣ нѣтъ полной достовѣрности, г. Таммъ воздерживается отъ положительнаго вывода о томъ, какому языку первоначально принадлежало данное слово.

Первая изъ двухъ выше названныхъ мною статей распадается на 4 отдѣла: я приведу здѣсь заглавія ихъ и при каждомъ исчислю отнесенныя къ нему шведскія слова съ означеніемъ въ скобкахъ соотвѣтствующихъ словъ, русскихъ или другихъ славян. языковъ, тамъ, гдѣ это для ясности окажется нужнымъ. Сверхъ того, надо имѣть въ виду, что нѣкоторыя изъ приводимыхъ словъ г. Таммъ считаетъ первоначально принадлежащими другимъ народамъ, но перешедшими на западъ чрезъ посредство славянъ.

I. Слова, несомнѣнно или весьма вѣроятно заимствованныя изъ славянскихъ языковъ: bulvan (первон. мадьяр.), lodja (ладья), pasma, prestaf (приставъ), torg, tulubb, besman (безменъ), droska, gräns (граница), gurka (огурецъ), juft, kalesch, kantschu (канчукъ, первон. турецк.), karbas (первон. восточн.), knut, krabat (kroat, hrvat), masurka, piska (бичъ), pitschaft (печать), pråm (паромъ), riska (рыжикъ), siska (чижъ), sobel, steglitsa (щеголъ), stepp, tolk, ulan; имена собств.: Polen (съ производными), Pommern, Svante.

II. Слова, сходныя съ славянскими, но которыхъ тожество съ послѣдними не можетъ быть доказано.

[599] Järpe (поль. jarząbek, рябчикъ), mörk (меркнуть), bister (быстръ), brits (чеш. přites), pistol, rapphöna (рябчикъ), smärta (смерть), katten (катъ = палачъ).

III. Слова сомнительнаго происхожденія, которыхъ существованіе у германцевъ и славянъ по законамъ согласныхъ звуковъ указываетъ на заимствованіе:

Humle (хмель), kant (кутъ=уголъ), karp, katt (котъ), trumma (труба), köpa (купить), läka (лѣчить), lök (лукъ), plog (плугъ), silke (шелкъ), skatt (скотъ), stolpe (столпъ), stork (стерхъ, др.-сл. стръкъ), särk (сорочка, др.-сл. срака), dolk (чеш. tulich), körsnär (корзно), sink (цинкъ), trapp (дрофа).

IV. Другія слова сомнительнаго происхожденія, освѣщенныя съ помощію славянскихъ и балтійскихъ языковъ:

Stuga (изба, истба), barr (боръ), gren (серб. грана), lax (лососъ), märg (мозгъ), sadel (сѣдло), sik (сигъ), sill (сельдь), stack (стогъ), vax (воскъ), älg (лось), drummel (лит. drimelis, dåre (дурь), grobian, kaja (пол. kawa, рус. кавица), lindare (линь), stagg (лит. stegē, рыба).

Уже при одномъ бѣгломъ взглядѣ на эти списки трудно въ нѣкоторыхъ случаяхъ согласиться съ авторомъ насчетъ взаимнаго отношенія сопоставленныхъ словъ. Едва ли можно напр. сомнѣваться, что слова stork и dolk не германскими народами заимствованы у славянъ, а скорѣе наоборотъ. Подобно тому, мы склонны думать, что слово грубьянъ, по своему образованію, не можетъ быть славянскимъ: какъ могъ суффиксъ анъ, янъ быть такимъ образомъ приданъ прилагательному грубый? Такъ же точно наше слово пищаль конечно составлено изъ pistol, а не наоборотъ, какъ думаетъ г. Таммъ. Впрочемъ, касательно нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ словъ самъ онъ такого же мнѣнія. Напр. о словѣ sill (сельдь) онъ, послѣ развитія многихъ звуковыхъ соображеній, которыя могли бы привести къ различнымъ выводамъ, весьма справедливо замѣчаетъ: „Здѣсь, какъ часто бываетъ, одного изслѣдованія языка недостаточно: [600] нужна помощь культурной исторіи, чтобы ближе подойти къ рѣшенію вопроса. Мы напомнимъ только, что большинство славянскихъ народовъ не живутъ подобно скандинавскимъ у моря и потому не могутъ заниматься рыболовствомъ. Въ этомъ заключается, конечно, сильная поддержка тому мнѣнію, что слово sill всего вѣроятнѣе наше туземное, у славянъ же чужое“.

Увлеченіе сходствомъ звуковъ у г. Тамма рѣдко, но онъ не вполнѣ избѣгъ его. Такъ, подъ словомъ Polen онъ вѣрно объясняетъ происхожденіе названія народа отъ поле и сближаетъ его съ шведскимъ именемъ города и области Falun (др.-шв. fala = равнина, степь), но затѣмъ онъ идетъ далѣе и подъ тотъ же корень подводитъ не только нѣм. feld, но и сканд. fjell (скала) и южно-слав. планина польск. płonina (безплодная земля), малор. полонина, и находитъ, что эти формы относятся къ слову поле, какъ солонина къ соль (I, 16). Намъ кажется, что поль. płonina совсѣмъ другого корня. Płon', płonia знач. прорубь, польское płonic'— изсушать, płonny — безплодный, тощій. Слово płonina и пр. конечно въ родствѣ съ прилаг. *полый* (открытый, пустой; ср. слова: пологрудый, полоумный). Это заставляетъ насъ отнести къ тому же корню и приведенныя польскія слова.

Въ недоразумѣніе другого рода впадаетъ г. Таммъ относительно слова безменъ (I, 7), распространеннаго въ разныхъ видоизмѣненіяхъ у скандинавскихъ и балтійскихъ народовъ, а отчасти и у нѣмцевъ. Г. Таммъ, по примѣру польскаго ученаго Кольберга, увлекаясь тою самою народною этимологіей, на основаніи которой слово это получило свою славянскую форму, считаетъ его составленнымъ изъ корня мѣнъ и предлога безъ. „Названіе, говоритъ онъ, конечно происходитъ отъ того, что безменомъ вѣсятъ безъ перемѣны гирь“. Давно уже мною высказано предположеніе, что слово безменъ восточнаго

происхожденія и что начало его кроется въ тюркскомъ батманъ, употребительномъ въ южной и восточной Россіи и означающемъ мѣру вѣса въ нѣсколько фунтовъ, почему батманникомъ называется тонкая веревка, служащая для вѣшанья на небольшихъ [601] вѣсахъ батманами *). Важнымъ подкрѣпленіемъ этого мнѣнія служитъ то, что въ Вологодской губ. (а вѣроятно и въ другихъ мѣстахъ) и самое слово безменъ нѣкогда означало условную мѣру вѣса, которая по всей зырянской сторонѣ равнялась 12 фунтамъ. Въ Никольскомъ уѣздѣ названной губерніи это слово и до сихъ поръ еще извѣстно въ томъ же значеніи. Въ актахъ же яренскаго архива найдены, между прочимъ, слѣдующія выраженія: „Покралъ 30 локо́тъ холсту, да десетъ безмѣнъ масла.—Масла коровья шесть безмѣнъ да шесть безмѣнъ прядени холщевово“ (1653 г.) **).

Слово дрожки (шв. droska), употребительное по всей Германіи и въ скандинавскихъ странахъ, по мнѣнію г. Тамма, возникло у русскихъ и отъ нихъ перешло въ западную Европу. Замѣчу, однакожъ, что слово дрога́, отъ котораго оно образовано, заимствовано вѣроятно отъ польскаго drąg, зн. шестъ, рычагъ. Его уменьшительная форма обратилась въ названіе нашего легкаго экипажа. Это названіе перешло къ полякамъ отъ насъ и получило у нихъ не свойственную ихъ языку форму dorožka, точно такъ же какъ наше слово дрога не русскаго склада: у насъ оно должно бы было получить форму другъ, еслибъ образовалось самостоятельно, по законамъ нашей фонетики, соотвѣтственно ц.-сл. дрѫгъ или польск. drąg. Слово другъ, въ этомъ значеніи, само по себѣ, у насъ не существуетъ, но дало начало глаголу водрузить (ц.-сл. вьдрѫзити). Употребительное въ Малороссіи, въ Галиціи и въ нѣкоторыхъ великорусскихъ губерніяхъ дрюкъ, дрючокъ и друкъ, دручокъ (колъ, шестъ, рычагъ) тоже не русскаго происхожденія. По поводу слова дрожки я переписывался съ И. С. Соломоновскимъ, какъ жителемъ Привислинскаго края, и онъ между [602] прочимъ сообщилъ мнѣ, что по-польски drążki (множ. отъ drążek) зн. оглобли. Это польское названіе необходимой принадлежности нашего экипажа могло также служить основаніемъ къ происхожденію его названія. Что касается самаго слова hołoble (по нашему оглобля), то изъ свѣдѣній г. Соломоновскаго оказывается, что оно въ Польшѣ мало извѣстно и, по показанію нѣкоторыхъ, означаетъ нашу русскую дугу; въ Малороссіи же оно ходитъ въ формѣ *го́лобля* съ тѣмъ же значеніемъ, какъ и у

---

*) См. выше, стр. 449, и издававшіяся при Извѣстіяхъ II Отдѣленія Ак. Наукъ Матеріалы I, 30. Даль въ словарѣ своемъ упоминаетъ о крымскомъ, закавказскомъ, саратовскомъ, казанскомъ, даже тамбовскомъ и тверскомъ батманѣ и также признаетъ тожество этого слова съ нашимъ безменомъ.

**) Матеріалы I, 120, 121.

насъ. Это подаетъ мнѣ поводъ думать, не слѣдуетъ ли искать его начала въ нѣмецкомъ gabel, названіи такого рода упряжи? per metathesin оно могло получить употребительную въ Малороссіи форму, а оттуда перейти въ новой передѣлкѣ къ намъ. Любопытно замѣчаніе г. Соломоновскаго о словѣ dorožka. „Такъ, пишетъ онъ, называютъ здѣсь извозчиковъ-лихачей. Въ отдѣльности ни одинъ видъ экипажа не носитъ этого названія; равнымъ образомъ ни кучеръ, ни лошади не называются dorožka. Какъ въ русскихъ городахъ кричатъ: извозчикъ! или: вольный! такъ въ Варшавѣ кричатъ: dorožka! Такъ и называютъ: dorožka № 1, dorožka № 2 и т. д. Но это значитъ не экипажъ, не кучеръ, не лошадь, а все вмѣстѣ. Образованіе этого слова весьма странное. Въ польск. языкѣ полногласія нѣтъ, а здѣсь оrо упорно сохраняется, что́ заставляетъ признать здѣсь do за предлогъ. Какъ ни странно, но иначе нельзя объяснить этимологіи этого слова, какъ, разложивъ его на два: do и rožka. Говорятъ, что встарину курсъ извозчиковъ въ Варшавѣ считался только по прямой линіи до перваго поворота или до угла, по-польски do rožka (rožek, rog = уголъ)“.

Наше паромъ то же, что pram, слово употребительное у скандинавовъ, нѣмцевъ и голландцевъ: г. Таммъ полагаетъ, что славяне первоначально передѣлали его изъ древне-нѣм. farm и что оно у обоихъ племенъ возникло изъ одного корня (fara, fahren).

Слово цинкъ объясняется остроумнымъ соображеніемъ, что означаемый имъ металлъ, котораго особенно много въ Силезіи, [603] этомъ искони славянскомъ краѣ, такъ названъ былъ по сходству его съ оловомъ (Zinn), къ нѣмецкому имени котораго прибавленъ суффиксъ ek (I, 34).

Любопытно указаніе, что знаменитое въ шведской исторіи имя Svante (Svante Sture) произошло отъ др.-слав. свѧтъ и заимствовано отъ вендовъ. Образцомъ для этого заимствованія послужило вѣроятно имя Святополкъ, которое носилъ во 2-й половинѣ XIII-го столѣтія судья въ Остроготіи. Онъ былъ, какъ полагаютъ, датскаго происхожденія, внукъ короля Вольдемара II: этимъ и объясняется, почему онъ получилъ вендское имя.

Перехожу ко второй статьѣ. Въ ней три отдѣла:

I. Славянскія слова, несомнѣнно или весьма вѣроятно заимствованныя изъ скандинавскихъ языковъ. Сюда отнесены: ящикъ (шв. ask), берковецъ (Björkö), будка (исл. búd, отъ bua), хватъ (исл. hvatr), гридинъ (исл. grið), ябедникъ (исл. embœtti), якорь, ершъ, карити, кербь, кипа, костеръ, крюкъ, ляга-ratuboga (чеш.), ретязь (малор.), сайда, сельдь, скатъ (рыба), скирдъ, спудъ, стятъ, стодъ, стрънъ (др.-

слав. = clavus quo regitur gubernaculum), судъ (др.-рус. = проливъ), шкеры, шнека, тіунъ, треска, варягъ, витязь.

II. Славянскія слова, которыя могутъ быть выводимы изъ скандинавскихъ языковъ, но могутъ также быть объясняемы другими германскими формами:

блекнуть, холмъ, дамба, гомонъ, напарей, нута (др.-слав.), плотъ, пудъ, рюжа, сима, стулъ, щелокъ.

III. Славянскія слова, происхожденіе которыхъ отъ сканд. языковъ сомнительно или должно быть совершенно отвергнуто:

анка, буракъ, дротъ, гугать, ярь, кнутъ, корзина, куликать, книга, ларь, лава, луда, rząp (поль.), сигъ, скиба, судорога, штыкъ, выпь.

Слово берковецъ, по мнѣнію г. Тамма, заимствовано у шведовъ и происходитъ отъ др. сканд. слова, входящаго въ [604] составъ названія bjarkeyar-rettr (біаркскій законъ). Русское должно было, слѣдовательно, первоначально означать шведскую мѣру вѣса skeppund, бывшую въ употребленіи у шведскихъ купцовъ на основаніи торговаго устава (björköarätt) и равнявшуюся 400 фунтамъ (= 10 пудамъ). Приведенное же здѣсь названіе устава можетъ быть производимо отъ имени процвѣтавшаго тысячу лѣтъ тому назадъ шведскаго торговаго города, упоминаемаго Адамомъ Бременскимъ подъ именемъ Birca и находившагося на островѣ Björkö на озерѣ Меларѣ. Не невозможно, что этотъ городъ, по своей важности для торговли, сдѣлался исходнымъ пунктомъ торговаго устава, распространившагося впослѣдствіи по всему скандинавскому сѣверу, подобно тому, какъ въ позднѣйшее время городъ Висьбю на о. Готландѣ далъ начало морскому уставу для нѣмецкихъ ганзейскихъ городовъ. Что же касается самаго имени острова Björkö, то оно очень просто объясняется словомъ: björk (береза), весьма обыкновенною составною частью названій мѣстъ въ Швеціи. Весьма вѣроятно, что такъ произошло латинское Birca. Русское берковецъ могло явиться еще въ то отдаленное время, когда соотвѣтствующее ему слово означало ту же мѣру вѣса въ самомъ шведскомъ городѣ Birca, который еще сохранялъ свое торговое значеніе въ эпоху основанія русскаго государства.

Предположеніе о заимствованіи слова хватъ (сканд. hvatr) правдоподобно, такъ какъ значеніе его довольно далеко отъ понятія хватать, и притомъ имена дѣятелей рѣдко образуются отъ одного коренного слога глагола безъ другого суффикса.

Вмѣсто ябедникъ, какъ второобразнаго, слѣдовало поставить ябеда.

Ершъ, ляга, карити скорѣе родственныя, чѣмъ заимствованныя слова. Это относится особенно къ слову карити, корень котораго далъ такъ много отраслей въ славянскихъ языкахъ (ср. русс.: кара, покорить, покорный, укоръ, перекоръ). При этомъ словѣ г. Таммъ

ссылается на меня (см. выше, стр. 435), думая, что я считаю его образованнымъ отъ сканд. [605] kœra жаловаться, но я только сблизилъ оба слова, какъ имѣющія общее происхожденіе, не отмѣтивъ нашего глагола звѣздочкою, условнымъ знакомъ, принятымъ мною для словъ, по моему мнѣнію, заимствованныхъ.

Чеш. ratuboga приведено въ формѣ, невозможной уже потому, что у чеховъ нѣтъ звука g. Чеш. форма слова была бы ratiboha, но и въ ней оно неизвѣстно тѣмъ чехамъ, которыхъ я о томъ спрашивалъ. Г. Таммъ ссылается на Рица, который считаетъ это слово первоначально вестготскимъ и говоритъ, что оно, благодаря англійскимъ и нѣмецкимъ писателямъ-экономистамъ, пріобрѣло почти общеевропейскую извѣстность. Въ Fremdwörterbuch Гейзе оно дѣйствительно нашло мѣсто, но въ Россіи никто его не знаетъ.

При словѣ сельдь дополняется то, что сказано о немъ въ первой статьѣ. Г. Тамма поражаетъ русская форма (съ *ль*), тогда какъ основная славянская форма селдь; для объясненія этого онъ видитъ въ нашемъ словѣ „позднѣйшую форму, выведенную изъ уменьшительнаго селедка, которое, по его мнѣнію, составлено изъ болѣе древней, согласной съ другими славянскими формами: селедь“. Отъ вниманія г. Тамма ускользнуло, что здѣсь буква *ь* послѣ *л* вставлена просто по требованію произношенія или фонетической орѳографіи, такъ какъ мягкое окончаніе (дь) дѣйствуетъ и на смягченіе предыдущихъ звуковъ (см. выше, стр. 220, 224, 240). При другихъ согласныхъ, смягчающихся подъ вліяніемъ послѣдующей мягкой, *ь* обыкновенно не пишется, напр. въ словахъ смерть, вервь, твердь (хотя мы произносимъ сьмерьть, верьвь), но буква *л* находится въ исключительномъ положеніи и мягкое ея произношеніе всегда означается на письмѣ *) (о чемъ подробно изложено мною въ своемъ мѣстѣ).

Сомнительно, чтобы слово шкеры первоначально заимствовано было отъ нѣмцевъ, какъ заключаетъ г. Таммъ по русской [606] формѣ, несходной съ шв. skär (произн. шеръ), отъ которой, конечно, происходитъ это названіе. Съ береговыми скалами русскіе, безъ сомнѣнія, познакомились въ Финскомъ заливѣ, почему всего проще принять, что и слово заимствовано отъ финляндскихъ шведовъ; произнесено же оно съ прибавленіемъ гортаннаго звука, который русскіе грамотные люди видѣли на письмѣ и безъ котораго считали воспроизведеніе слова неполнымъ. Надо припомнить, что въ шв. языкѣ sk передъ мягкою гласной нѣкогда произносилось не какъ ш, а какъ два отдѣльные звука (ск), что отчасти еще и нынѣ продолжается на нѣкоторыхъ островахъ Балтійскаго моря, а у русскихъ вм. ск легко могло явиться шк, тѣмъ болѣе, что названія мѣстъ и урочищъ Финляндіи издавна

*) Исключая случай удвоенія звука *л* (аллея, хотя произносимъ альлея).

воспроизводятся у нихъ въ нѣмецкой передѣлкѣ, какъ болѣе для нихъ привычной, напр., Нейштадтъ, Нейшлотъ, вм. Нюстадъ, Нюслотъ. Въ послѣднемъ имени мы видимъ также смѣшеніе нѣмецкаго элемента съ шведскимъ (шлотъ, а не шлосъ). Подобно слову *шкеры* (или *шхеры*) образовались также рус. слова шкапъ (отъ сканд. skaff, skåp, гол. schap и пр.), шкаликъ, серб. шкипъ (schiff *) и т. п.

Въ тожествѣ словъ: viking и *витязь* нельзя, кажется, сомнѣваться; переходъ k въ t явленіе весьма обыкновенное даже въ предѣлахъ самого русскаго языка, напр. паукъ — паутина, истецъ (отъ искать). Ср. др.-сл. людьстіи (отъ людьскый), нѣм. kranich, шв. trana, также франц. tabatière отъ tabac (встарину говорили tabaquière; см. Dictionnaire de Littré).

Холмъ признается заимствованнымъ изъ герм. языковъ, и г. Таммъ находитъ страннымъ мнѣніе Маценауэра, что это слово по происхожденію общее славянамъ и германцамъ. „Прежде, говоритъ онъ, надо доказать, что славянское х можетъ исходить прямо отъ индоевр. k". Выраженіе нѣсколько странное, такъ какъ г. Таммъ не исключаетъ же слав. языковъ изъ индоевроп. семьи. Въ примѣръ такого соотвѣтствія мы, съ своей стороны [607], приведемъ хладъ, отвѣчающій германскому kalt, cold, — хлопать, klopfen, klappa, — холопъ, knapp, — хвостъ quast и т. д.

Дамба отъ Damm. Прибавленіе звука б послѣ м въ этомъ случаѣ не единственный примѣръ такого звукового обращенія съ иностранными словами: такимъ же образомъ отъ Stamm образовано штамба и глаг. штамбовать.

Объясненіе слова гóмонъ съ помощію готскаго сложнаго ga-man, состоящаго изъ слова man, человѣкъ, и предл. ga, кажется мнѣ рѣшительно неудачнымъ. Болѣе правдоподобно сближеніе гомóнъ (удареніе на послѣднемъ слогѣ) съ шведскимъ gamman (веселье).

Напарей (напарье, напалье) — техническое, мало извѣстное слово (означающее большой буравъ) приводитъ г. Тамма къ догадкамъ о происхожденіи германскаго nafar, nafvare, naber, въ разборъ которыхъ входить считаю излишнимъ.

Симá, бечевка, снурокъ, употребляемый въ рыболовствѣ, также родъ пружины исл. simi, вѣроятно перешло къ намъ изъ Норвегіи отъ sima, того же значенія.

Щелокъ. Г. Таммъ, согласно съ Маценауэромъ, считаетъ это слово въ родствѣ съ исл. skola**), шв. skölja, полоскать, и сходнымъ по основному понятію, съ нѣм. lauge, исл. laug, означающимъ

---

*) Ср. мою замѣтку о географическихъ именахъ Финляндіи въ Современникѣ 1844 г. (т. XXXIII, стр. 146—149).

**) Skola, исл., зн. мыть, но рядомъ съ нимъ г. Маценауэръ ставитъ шв. skolla, исл. skalda, имѣющія совсѣмъ другое происхожденіе и значеніе: опалить, ошпарить.

купанье, воду для мытья. На это можно возразить, что и у нѣмцевъ основное понятіе слова lauge толкуется различно: г. Таммъ слѣдуетъ въ этомъ случаѣ Вейганду, но въ словарѣ бр. Гриммовъ находимъ совсѣмъ другое: „dem worte scheint der begriff des brennenden zu grunde zu liegen und die nächste verwandschaft mit lauch und lohe stattzufinden". Что касается нашего щелокъ, то я считаю это слово чисто-русскимъ и остаюсь при мнѣніи, выраженномъ мною выше (стр. 298 и 325), именно, что въ корнѣ его, сходно [608] съ существеннымъ признакомъ означаемаго имъ предмета, кроется понятіе разложенія (щелокъ означаетъ собственно растворъ солей, вытяжку изъ золы растеній, а затѣмъ уже отваръ золы, растворъ кипятку на золѣ). Основной корень тотъ же, что въ словѣ щель (означающемъ также раздѣленіе, — отверстіе, трещину, разсѣлину, откуда и ущелье), но этотъ же корень является еще съ придачею гортаннаго звука въ глаголѣ щелкáть (раздроблять со звукомъ) и щёлкать (производить этотъ звукъ). Это придаточное к находится и въ словѣ щелокъ, гдѣ послѣдній слогъ отнюдь не есть суффиксъ, какъ видно изъ второобразнаго слова щелочь и изъ того, что *о* не пропадаетъ въ косвенныхъ падежахъ. Слово щель, очевидно, въ родствѣ съ сканд. skilja (раздѣлять, различать), а къ тому же корню относится и skall — рѣзкій звукъ. Подъ нѣм. словомъ schallen Вейгандъ говоритъ, что для объясненія его должно предположить бо́лѣе древній коренной глаголъ skilan, въ которомъ первоначально заключалось понятіе громкаго звука отъ раздробленія и раскалыванія (der laute ton des trennens und spaltens), что́ какъ нельзя болѣе сходится съ двоякимъ значеніемъ нашего, близкаго по звукамъ глагола щелкать. Почти то же самое Вейгандъ говоритъ подъ словомъ schall и приводитъ др.-сканд. слова: skil, skël = trennung, öffnung.

Словомъ щелокъ кончается 2-й отдѣлъ статьи г. Тамма о славянскихъ заимствованныхъ словахъ. Разсмотрѣніе остальнаго повело бы насъ слишкомъ далеко.

Заключимъ замѣчаніемъ, что г. Таммъ въ большинствѣ случаевъ разрѣшилъ свою задачу успѣшно; въ другихъ, хотя ему рѣшеніе представлявшихся вопросовъ и не вполнѣ удалось, тѣмъ не менѣе онъ доставилъ значительный матеріалъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій въ той же области сравнительнаго языкознанія и заслуживаетъ благодарность за свои попытки, въ которыхъ мы желаемъ видѣть только начало болѣе обширныхъ трудовъ въ томъ же отдѣлѣ лингвистики.

VI.

Слова, взятыя съ польскаго или чрезъ посредство польскаго.

1885.

[609]. Еще Ломоносовъ замѣтилъ, что у насъ много словъ польскаго происхожденія, которыя „пришли къ намъ чрезъ сообщество и частыя войны съ поляками“ *). Надо прибавить, что нѣкоторыя изъ этихъ словъ мы приняли путемъ кіевскихъ школъ, развивавшихся, какъ извѣстно, подъ польскимъ вліяніемъ. Но наши заимствованія изъ польскаго до сихъ поръ мало обращали на себя вниманія. Здѣсь является чуть ли не первая попытка собрать ихъ въ алфавитномъ порядкѣ; вѣроятно, списокъ этотъ можетъ быть со временемъ еще значительно распространенъ. Возможно также, что, при дальнѣйшихъ соображеніяхъ, нѣсколько словъ придется изъ него выкинуть. Само собою разумѣется, что сюда занесены только слова общеизвѣстныя, съ исключеніемъ тѣхъ, которыя употребительны только въ западныхъ губерніяхъ или въ Малороссіи. Не помѣщены здѣсь также и тѣ слова польскаго происхожденія, которыя когда-то употреблялись русскими, но теперь уже забыты. Нельзя не вспомнить, что еще и при Петрѣ Великомъ къ намъ входили слова изъ Польши и что самъ онъ въ письмахъ своихъ не разъ прибѣгалъ къ такимъ заимствованіямъ, каковы напр. слова: *жадный* (никакой), *мусить* (долженствовать) **); [610] сюда же слѣдуетъ отнести слово *фортеція* (польск. forteca), которое онъ употреблялъ не только въ собственномъ, но и въ переносномъ смыслѣ („фортеція правды“).

АРЕНДА (arenda, aręda; шв. arrende, отъ ср.-латин. arenda). Перешло къ намъ чрезъ остзейскія провинціи, бывшія нѣкогда подъ владычествомъ Польши, а потомъ Швеціи.

БЕКЕШЪ (bekiesza, мадьяр. bekęs).

БЕРДЫШЪ (berdysz, отъ франц. pertuisane).

БЛЯХА (blacha, отъ нѣм. Blech).

БРИЧКА (bryczka).

БРЫЖИ (bryże = первон. пестрое шитье, обшивка со складками на платьѣ).

БУДКА (budka, buda; budować, строить).

---

*) Акад. рпк. Лом. № 112, стр. 12.

**) Соловьева *Ист. Россіи* XV, 186, 250, 308

БУЛКА (bulka, bułka).
БУНТЪ (bunt, союзъ).
ВАХТМИСТРЪ (wachmistrz).
ВЕНЗЕЛЬ (węzel = узелъ). Замѣчательно, однакожъ, что польское слово węzel не употребляется поляками въ смыслѣ **ВЕНЗЕЛЬ**; въ этомъ значеніи у нихъ ходитъ слово cyfra (фр. chiffre).
ВЕРША (wierza).
ВИЛЬЧУРА (wilczura = волчья шуба).
ВИНТЪ (gwint).
ВИРША (wierz = versus).
ГАЕРЪ (по Рейфу, поль. gaier [?] отъ итал. gaio, веселый; ср. франц. gaillard). Вѣрнѣе, кажется, указанное выше, на стр. 387, производство слова **ГАЕРЪ** отъ нѣм. geiger.
ГАРНЕЦЪ (garniec).
ГАРУСЪ, harus или arus, родъ матеріи).
ГВАЛТЪ (gwałt, насиліе, тревога, шумъ).
ГЕРБЪ (herb).
ГОНТЪ (gont).
ГУРТЪ (hurt = стадо); гуртомъ (hurtem).
ДОСКОНАЛЬНО (doskonalny).
ДЫМКА (dyma, турецкая бумажная матерія).
ДЫШЛО (dyszel, отъ нѣм. Deichsel).
ЗБРУЯ, или **СБРУЯ** (zbroj, zbroja).
КАНДАЛЫ (kajdan; ср. гайтанъ).
КАРПЕТКА (skarpeta, szkarpeta).
КИВЕРЪ (kiwior, по Рейфу съ венгерскаго).
[611] **КЛУМБА** (kłąb drzew, съ англ. clump).
КО́ЗЛЫ (kozły).
КОЗЫРЬ (kozera).
КОЛБАСА (kiełbasa)
КОЛЕТЪ (kolet).
КОЛЯСКА (kolaska). По мнѣнію иностранныхъ филологовъ (Heyse, Diez, Littré), это — славянское слово, передѣланное западными европейцами въ calèche, и т. п.
КОМНАТА (komnata; др.-верх.-нѣм. kamnate, лат. caminata).
КОФТА (koftyr, kofter, турецкая шелковая матерія).
КОШТЪ (koszt).
КРАХМАЛЪ krochmal; отъ нѣм. Kraftmehl).
КУБОКЪ (kubek).
КУХАРКА (kucharka).
КУХМИСТРЪ (kuchmistrz).
КУХНЯ (kuchnia).
ЛЯДУНКА (ładunek, патронъ, зарядъ, свертокъ, отъ нѣм. Ladung).

МАЕТНОСТЬ (majętność, имущество, имѣніе).
МЕТРИКА (metryka).
МУЗЫКА (muzyka).
МУШТРОВАТЬ (mustrować, учить войско).
МѢЩАНИНЪ (mieszczanin, отъ miasto, городъ).
ОГЛОБЛЯ (hołoble, отъ нѣм. Gabel, Gabeldeichsel). См. выше, стр. 458.
ОГУЛОМЪ, ОГУЛЬНЫЙ (ogól, ogólem).
ПАНИБРАТЪ (panie bracie, pan brat).
ПАШПОРТЪ (paszport).
ПОГОНЪ, ПОГОНЧИКЪ (pogon вм. ogon, хвостъ; ogonczyk, ogonek, хвостикъ, жгутикъ). Прежде говорили у насъ, между прочимъ: „погонъ на шляпѣ“ (См. письмо Екатерины II въ *Р. Арх.*, 1863, изд. I, стр. 278).
ПОТЧЕВАТЬ (сущ. poczta = почесть, приношеніе).
ПОЧТА (poczta).
ПРЕДМЕТЪ (przedmiot).
ПРЕДМѢСТЬЕ (przedmeście: miasto = городъ).
РАТУША (ratusz отъ нѣм. Rathhaus).
РИСОВАТЬ (rysować, отъ нѣм. reiszen)
РИСУНОКЪ (rysunek).
РОЖА (болѣзнь: польс. róża имѣетъ оба значенія—роза и рожа).
РОТМИСТРЪ (rotmistrz, отъ нѣм. Rittmeister).
РЫДВАНЪ (rydwan).
[612] **РЫНОКЪ** (rynek).
РЫЦАРЬ (rycerz).
СЕЙМЪ (sejm).
СЛЕСАРЬ (ślósarz, нѣм. Schlösser).
ТАСОВА́ТЬ (tasować).
ТАЧКА (tak, taczka).
ТЕМЛЯКЪ (temblak).
ТУЗЪ (tus, нѣм. Daus).
ФИГЛЯРЪ (figlar, figel, ударъ).
ФИЛЁНКА (filunk, нѣм. Füllung).
ФИНТИТЬ (fint, хитрецъ).
ФОЛЬГА (folga, отъ лат. folium).
ФОРТЕЛЬ (fortel, хитрость, уловка).
ФОРТОЧКА (fortka, foteczka).
ФРАНТЪ (frant).
ФРУНТЪ (front).
ФУКАТЬ (fukać)
ФУРАЖКА (furażerka).
ЦЕХЪ (cech).
ЦЫРЮЛЬНИКЪ (cyrulik, отъ лат. chirurgus).

ЦЫФРА (cyfra).
ШАЛБЕРИТЬ (szalbierz, плутъ обманщикъ).
ШАРОВАРЫ (szarowary, отъ тюрк. szalwar).
ШЕРЕНГА (szereg).
ШКАТУЛКА (szatuła).
ШКВОРЕНЬ (sworzeń).
ШКОЛА (szkoła)
ШЛЕЯ (szla, szleia).
ШЛЫКЪ (szłyk),
ШЛЯХЪ (szlak).
ШОМПОЛЪ (stempel).
ШОРЫ (szory).
ШТЫКЪ (sztych, что̀ въ старину значило bayonette [1]), не отъ нѣм. ли Stichel?).
ШУБА (szuba). Ср. выше.
ШУЛЕРЪ (szuler).
ЩЕГОЛЬ (szczegol = особнякъ).

ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.
1891.

Откуда слово скипидаръ? Изъ всѣхъ славянскихъ языковъ только русскій знаетъ это слово. На всѣхъ другихъ означаемое имъ вещество называется иностраннымъ словомъ terpentin (отъ греч. τερεβίνθος). Какимъ же образомъ произошло, что русскіе наименовали эту смолистую жидкость чужеязычнымъ словомъ, неизвѣстнымъ на другихъ европейскихъ языкахъ? Объясненіемъ названія скипидаръ до сихъ поръ никто еще не занимался; Миклошичъ, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не коснулся его; Матценауэръ вовсе объ немъ не упоминаетъ; только въ Этимологическомъ словарѣ Рейфа сдѣлана попытка объяснить это слово, именно: возлѣ него поставлено въ скобкахъ: pers. sipidâr, peuplier blanc [2]). Но какъ могло чужеземное названіе дерева, не имѣющаго ничего общаго со свойствами жидкости, называемой скипидаромъ, послужить къ означенію ея на русскомъ языкѣ? Я совѣтовался объ этомъ съ оріенталистами, и по ихъ мнѣнію, звуковое сходство нашего названія терпентина съ персидскимъ словомъ должно быть признано случайностью. Въ извѣстномъ сочиненіи покойнаго Гена (Hehn) „Kulturpflanzen und Hausthiere“ (Berlin 1887,

---

[1]) Słownik polsko-francuzki. Berlin 1858.
[2]) Собственно: бѣлое дерево (сипид дор).

*

5-е изд.), которое по справедливости считается цѣннымъ матеріаломъ для рѣшенія между прочимъ лингвистическихъ вопросовъ въ обнимаемой имъ области вѣдѣнія, цѣлая, довольно обширная, статья посвящена терпентину, но къ удивленію моему, я не нашелъ въ ней ни малѣйшаго намека на слово скипидаръ, хотя въ другихъ случаяхъ авторъ не забываетъ приводить, съ надлежащими объясненіями, русскія названія растеній и животныхъ.

Обратившись по этому поводу къ другимъ славянскимъ нарѣчіямъ, я натолкнулся въ нихъ на одно слово, которое очень распространено на всемъ славянскомъ западѣ, у насъ же вовсе неизвѣстно, а между тѣмъ также означаетъ сильно пахучее, душистое растеніе и звуками своими близко подходитъ къ слову скипидаръ. Въ книгѣ Матценауэра „Cizí slova ve slovanských řečech", меня поразило въ этомъ отношеніи (стр. 310) польское Spikanarda и рядомъ съ нимъ почти одинаково звучащія: чешское, словенское, нѣмецкое, итальянское и англійское, всѣ взятыя съ латинскаго spica nardi, но уже не въ первоначальномъ смыслѣ этого названія, а въ значеніи lavendula spica (у насъ лаванда). Посредствомъ обыкновенной при заимствованіяхъ словъ перестановки и передѣлки звуковъ spik легко могло превратиться въ скип, а nard въ дар. При общности нѣкоторыхъ свойствъ спиканарды съ терпентиномъ (именно пахучести и цѣлебности) названіе одного вещества могло перейти на другое.

Именемъ nardus или nardum (греч. νάρδος, отъ инд. naladâ душистое) древніе означали драгоцѣнное благовонное масло (миро), которое добывалось изъ корня и нижнихъ частей стебля растенія, принадлежащаго къ семейству valerianeae и растущаго на горахъ сѣверной Остъ-Индіи. Прибавленное къ названію этого масла слово spica объясняется формою корня самаго растенія, который оканчивается отростками, похожими на колосья (spica). Это-то миро и разумѣетъ евангелистъ Маркъ (14, 3), когда онъ говоритъ о женщинѣ ἔχουσα ἀλάβαστρον μύρου νάρδου, что въ вульгатѣ такъ передано: habens alabastrum unguenti nardi. Впослѣдствіи названіемъ spica nardi, перешедшимъ въ нѣсколько измѣненной формѣ во всѣ западно-европейскіе языки, кромѣ французскаго, стали отмѣчать, какъ выше показано, другое растеніе; а такъ какъ съ одной стороны лаванда, а съ другой терпентинъ были издавна очень распространены въ торговлѣ, то немудрено, что терпентинъ у русскихъ могъ быть названъ спиканардомъ или, въ передѣлкѣ, скипидаромъ: это названіе, на западѣ произвольно данное лавандѣ, было для насъ такъ же непонятно, какъ и слово „terpentin".

Часть вторая.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ РУССКАГО ПРАВОПИСАНІЯ

отъ Петра Великаго донынѣ.

Предисловіе къ 3-му изданію.

Читатель, знакомый съ предшествовавшимъ изданіемъ этой книги, замѣтитъ здѣсь нѣкоторыя, впрочемъ весьма немногія, отступленія отъ прежнихъ указаній.

Въ объясненіе такой перемѣны мнѣ было бы достаточно повторить слова, сказанныя при второмъ изданіи моихъ *Спорныхъ Вопросовъ*: „оставаться въ дѣлѣ науки неподвижнымъ можетъ только тотъ, кто не мыслитъ или не трудится". Но къ этому въ настоящемъ случаѣ присоединяется еще другое обстоятельство: одновременно съ нынѣшнимъ изданіемъ *Филологическихъ Разысканій* выходитъ составленное мною, по порученію Второго Отдѣленія Академіи Наукъ, краткое руководство по русскому правописанію. Обсуждая каждый вопросъ нашей орѳографіи вмѣстѣ съ моими сочленами, я долженъ былъ для пользы дѣла заботиться объ общемъ соглашеніи, а этого невозможно было достигнуть безъ нѣкоторыхъ съ моей стороны уступокъ. Затѣмъ и въ *Спорныхъ Вопросахъ* нельзя было не сдѣлать тѣхъ же измѣненій. Главное изъ нихъ, впрочемъ, заключается въ возстановленіи *ѵиты* по причинамъ, изложеннымъ въ текстѣ.

Въ терминологіи допущены также кое-какія измѣненія, и къ фонетическому отдѣлу прибавлено сокращенное изложеніе *Основаній фонетики*, капитальнаго по этой части сочиненія профессора Іенскаго университета Сиверса.

На сдѣланныя въ разныхъ мѣстахъ книги частныя дополненія не считаю нужнымъ указывать отдѣльно [1]).

Я. Гротъ.

Декабрь, 1884.

---

1) См. Предисловіе къ настоящему изданію въ началѣ книги. *Ред.*

[1] Языкъ проявляется двоякимъ образомъ: какъ *произносимый* (живая рѣчь) и какъ *писанный* (письмо). Каждое слово можемъ мы представлять себѣ либо такъ, какъ оно *слышится*, либо такъ, какъ *видимъ* его начертаннымъ,—иначе говоря: мы можемъ представлять себѣ каждое слово либо въ его *звукахъ*, либо въ *буквахъ*, употребляемыхъ для его изображенія на письмѣ.

А такъ какъ эти два способа представленія слова не всегда между собою согласны, такъ какъ начертаніе не всегда точно передаетъ звукъ, то разумѣется, очень важно строго различать одно отъ другого, и для правильнаго пониманія формы слова необходимо напередъ разсматривать его естественный звуковой составъ.

Между тѣмъ до послѣдняго времени не совсѣмъ ясно понимали важность такого различенія, и даже въ Германіи, которая въ успѣхахъ филологіи идетъ впереди всѣхъ другихъ странъ, одинъ изъ ученыхъ, извѣстныхъ своими трудами по теоріи звуковъ, справедливо замѣтилъ: „Взглянувъ на иную, хотя и хорошую грамматику, мы легко убѣдимся, какъ, согласно съ ея названіемъ (отъ γράφειν писать), письмо гораздо болѣе чѣмъ самый языкъ служитъ въ ней предметомъ разсмотрѣнія, и какъ изслѣдованіе звуковъ всегда до сихъ поръ заслонялось знаками ихъ, буквами. И однакожъ буква—лишь случайное изображеніе дѣйствительнаго звука, и видъ этого начертанія не имѣетъ ничего общаго съ сущностью самаго звука“ [1]).

[2] Такимъ образомъ, желая разъяснить отношеніе между живою рѣчью и письмомъ, надобно прежде всего разобрать, изъ какихъ звуковъ состоитъ языкъ, а потомъ уже разсмотрѣть, насколько вѣрно и точно эти звуки могутъ быть изображаемы придуманными для нихъ общеупотребительными начертаніями.

Вотъ почему и предлагаемый трудъ естественно распадается на двѣ части: фонетическую (о звукахъ) и графическую (о письмѣ). Само собою разумѣется, что обѣ части не могутъ быть совершенно отдѣлены одна отъ другой; раздѣленіе это означаетъ только, что въ первомъ отдѣлѣ дѣло будетъ разсматриваемо съ точки зрѣнія звуковъ, а во второмъ съ точки зрѣнія буквъ.

---

[1]) Thausing. Das natürliche Lautsystem der menschlichen Sprache (Leipzig 1863), стр. 116.

ОТДѢЛЪ I.

ЗВУКИ.

I. Физіологія звуковъ языка.

[3] Произносимый языкъ имѣетъ двѣ стороны: *матеріальную* и *духовную*,—звуки и ихъ содержаніе, какъ тѣло и душу. Поэтому онъ принадлежитъ къ двумъ разнороднымъ разрядамъ наукъ: одною стороной къ естествознанію, другою — къ историческимъ и философскимъ наукамъ.

Составляющіе языкъ членораздѣльные звуки суть произведеніе дѣйствія тѣлесныхъ органовъ, и потому ученіе о звукахъ, фонетика, необходимо соприкасается съ физіологіею. Разсмотрѣнію самыхъ звуковъ должно предшествовать ознакомленіе съ орудіями голоса и рѣчи. Безъ физіологическаго основанія невозможно научное изслѣдованіе звуковъ языка.

Этотъ правильный взглядъ на фонетику, хотя никогда не былъ достаточно распространенъ, однакожъ по происхожденію своему не такъ новъ, какъ обыкновенно думаютъ: судя по систематикѣ звуковъ и по совершенству письменныхъ знаковъ въ санскритѣ, физіологическое ученіе о звукахъ у древнихъ индовъ было развито болѣе чѣмъ у грековъ. Впослѣдствіи фонетика составляла предметъ особеннаго изученія у аравитянъ. Но дальнѣйшіе ея успѣхи начались не прежде какъ въ 16-мъ столѣтіи, благодаря счастливой мысли обучать глухонѣмыхъ произношенію звуковъ [4] рѣчи: необходимость пользоваться при этомъ пособіемъ зрѣнія и осязанія привела къ самому полному изслѣдованію условій образованія звуковъ. Не останавливаясь на отдѣльныхъ примѣрахъ такого преподаванія въ Испаніи и трудахъ, бывшихъ результатами его, замѣтимъ, что въ 17-мъ столѣтіи, независимо отъ нихъ, физіологіи звуковъ было положено основаніе въ Англіи епископомъ Валлисомъ (Wallis), который также обучалъ глухонѣмыхъ. Во Франціи, гдѣ съ начала прошлаго вѣка при академіи наукъ усердно за-

нимались изслѣдованіемъ голосовыхъ органовъ, явилось въ 1765 году замѣчательное по части фонетики сочиненіе президента Дебросса (Debrosses [1]), которое въ нынѣшнемъ столѣтіи обратило на себя вниманіе Россійской академіи и было переведено членомъ ея А. Никольскимъ подъ заглавіемъ: *Разсужденіе о механическомъ составѣ языковъ и физическихъ началахъ этимологіи* (Спб. 1821). Въ этой книгѣ разсѣяно много умныхъ и вѣрныхъ наблюденій, хотя съ другой стороны встрѣчаются въ ней и ошибочныя теоріи, которыми увлекся Шишковъ, снабдившій переводъ сочлена своими примѣчаніями. Въ Германіи теорія звуковъ была обязана, въ концѣ прошлаго вѣка, важнымъ успѣхомъ вѣнскому механику Кемпелену, изобрѣтателю извѣстнаго автомата, играющаго въ шахматы. Онъ же изобрѣлъ говорящую машину и издалъ превосходную книгу о механизмѣ человѣческаго языка (Mechanismus der menschlichen Sprache. Wien 1791), которая всегда будетъ служить основаніемъ всѣхъ дальнѣйшихъ по тому же предмету изслѣдованій.

Однакожъ не ранѣе какъ около середины нынѣшняго столѣтія эта отрасль физіологіи стала въ надлежащей мѣрѣ обращать на себя вниманіе языковѣдовъ. Даже такой геніальный филологъ, какъ Яковъ Гриммъ, не положилъ въ основу своихъ изслѣдованій полнаго вниманія къ отличію писаннаго языка отъ произносимаго [5] къ ихъ взаимнымъ отношеніямъ. По изученію звуковыхъ измѣненій его грамматика представляетъ конечно богатѣйшій матеріалъ и изумительное обиліе остроумнѣйшихъ соображеній, но самыхъ физіологическихъ процессовъ послѣдовательнаго превращенія звуковъ онъ еще не касался. Кромѣ того, онъ при своихъ изслѣдованіяхъ не довольно дорожилъ звуковыми особенностями народныхъ говоровъ, а между тѣмъ это „главный источникъ, которымъ надобно пользоваться, чтобы проникнуть въ тайны древнихъ звукоизмѣненій. Только этимъ способомъ можно достигнуть возможности перелагать старинные письменные памятники въ звуки живой рѣчи. Только этимъ путемъ можно стать выше одного наблюденія этимологической перемѣны буквъ и вникнуть въ самые процессы звукоизмѣненій".

Рудольфъ Раумеръ, которому принадлежитъ это замѣчаніе [2]), первый изъ германскихъ филологовъ внесъ въ свои изслѣдованія полное пониманіе сущности фонетики. Изданное имъ въ 1837 г. сочиненіе

---

[1]) Traité de la formation méchanique des langues, et des principes physiques de l'étymologie (въ двухъ частяхъ, безъ имени автора). Paris 1765. Объ авторѣ названной книги Деброссѣ см. статью въ Revue des deux Mondes 1875 г. за декабрь, но тамъ объ этомъ филологическомъ трудѣ ничего не сказано.

[2]) Gesammelte sprachwissenschaftliche Schriften von R. v. Raumer. Frankf. am M. 1863. См. тамъ стр. 407. Почти то же, но съ большею рѣзкостью, высказываетъ о слабой сторонѣ грамматики Я. Гримма д-ръ Румпельтъ въ своей книгѣ Das natürliche System der Sprachlaute (Halle 1869), стр. 5.

„о придыханіи и перебоѣ звуковъ“ [1]) положило начало новому направленію въ наукѣ слова. За нимъ пошли тѣмъ же путемъ и другіе ученые, во главѣ которыхъ стоитъ незабвенный сотрудникъ нашей академіи Шлейхеръ. Мало того: трудъ Раумера далъ толчокъ и физіологической разработкѣ предмета. Въ этомъ сознается извѣстный профессоръ физіологіи и членъ академіи наукъ въ Вѣнѣ г. Брюкке, составившій въ филологической литературѣ эпоху своимъ сочиненіемъ: „Основныя черты физіологіи и систематики звуковъ языка“ [2]). Авторъ, занимаясь обученіемъ глухонѣмыхъ, представилъ тутъ въ сжатомъ и ясномъ обзорѣ результаты своихъ наблюденій надъ звуками бóльшей [6] части европейскихъ и нѣкоторыхъ азіатскихъ языковъ. Къ сожалѣнію, онъ не былъ знакомъ съ славянскими нарѣчіями, и потому естественно, что будучи принужденъ пользоваться относительно ихъ чужими указаніями, онъ не избѣгъ нѣкоторыхъ недоразумѣній и ошибокъ. Несмотря на то, книга Брюкке сдѣлалась необходимымъ пособіемъ для всѣхъ не только германскихъ, но и иноплеменныхъ ученыхъ, разсматривающихъ звуки на основаніи физіологіи. Новѣйшій же и самый замѣчательный по этому предмету трудъ принадлежитъ профессору Іенскаго университета Сиверсу (Eduard Sievers), напечатавшему въ 1876 году сочиненіе: Grundzüge der Lautphysiologie; въ 1881 году вышло второе, значительно переработанное изданіе этой книги подъ заглавіемъ: Grundzüge der Phonetik. Есть уже и по фонетикѣ славянскихъ языковъ нѣсколько изслѣдованій, какъ напр. г. Новаковича у сербовъ [3]), а у чеховъ г. Гебаура [4]). По-русски физіологическое ученіе о звукахъ языка, въ наше время, въ первый разъ было изложено (если исключить переводы спеціальныхъ сочиненій по физіологіи) въ переводѣ второй серіи лекцій Макса Мюллера [5]); потомъ о предметѣ этомъ читалъ въ Кіевѣ публичныя лекціи г. Туловъ, и онъ же въ исходѣ 1874 года издалъ небольшую книжку *Объ элементарныхъ звукахъ человѣческой рѣчи*, гдѣ, послѣ общихъ соображеній на основаніи иностранныхъ пособій, сдѣлана попытка примѣненія физіологическаго ученія о звукахъ къ русскому языку. Здѣсь же нельзя пропустить изслѣдованія г. Бодуэна-де-Куртенэ о древне-польскомъ языкѣ, которое затрогиваетъ многія явленія обще-славянской фонетики и при этомъ также опирается на выводы естествознанія [6]). Недавно А. С. Будило-

---

[1]) Die Aspiration und die Lautverschiebung. Leipzig. 1837.

[2]) Grundzüge der Physiologie u. Systematik der Sprachlaute für Linguisten u. Taubstummenlehrer, bearb. von Dr. Ernst Brücke. Wien 1856. Второе изданіе 1876 г.

[3]) Физиологиja гласа и гласови српскога jезика. У Београду 1873.

[4]) См. Časopis Musea Královstvi Českeho 1872, XLVI ročnik, svaz. 3 и 4.

[5]) Трудъ г. Лавренка. См. *Филологическія записки*, издан. въ Воронежѣ г. Хованскимъ, 1868.

[6]) *О древне- польскомъ языкѣ до XIV столѣтія.* Лейпцигъ 1870.

вичъ въ своемъ *Начертаніи церковно-славянской грамматики* помѣстилъ основанную на новѣйшихъ изслѣдованіяхъ главу „О природѣ звуковъ человѣческаго языка".

[7] Что касается настоящаго труда, то авторъ, въ этомъ отдѣлѣ его, намѣренъ при помощи физіологическихъ наблюденій разсмотрѣть звуки русскаго языка, насколько того требуютъ задачи филологіи. Въ концѣ отдѣла будетъ приложено извлеченіе изъ помянутаго выше новаго изданія книги г. Сиверса.

Вотъ какъ Брюкке понимаетъ двѣ разныя стороны разсмотрѣнія звуковъ языка: „Можно, говоритъ онъ, изслѣдовать какимъ образомъ смежные звуки дѣйствуютъ одни на другіе и вникать въ измѣненія, претерпѣваемыя звуками въ теченіе временъ или при переходѣ изъ одного языка въ другой, чтобы изъ этого выводить ихъ аттрибуты. Это путь *филолога.* Съ другой стороны можно производить прямыя наблюденія и опыты надъ способами и условіями происхожденія звуковъ и такимъ образомъ знакомиться съ ихъ натурою и свойствами. Это путь *физіолога.* Оба метода, при правильномъ ихъ употребленіи никогда не могутъ вести къ противорѣчивымъ результатамъ, но эти результаты могутъ быть различны, могутъ дополнять другъ друга, такъ какъ филологъ своими изысканіями доходитъ эмпирически до ряда законовъ, которыхъ объясненія надо искать физіологическимъ путемъ. Только посредствомъ физіологическихъ наблюденій филологъ вполнѣ узнаётъ языкъ; пока онъ упускаетъ ихъ изъ виду, онъ знаетъ о языкѣ только то, что слышится ухомъ и пишется рукою. Дивный снарядъ, откуда истекаетъ рѣчь, остается для него сокровенною механикой автомата; а между тѣмъ законы, которые прежде выводились изъ благозвучія, гораздо менѣе зависятъ отъ этого условія нежели отъ механическаго устройства органовъ, которые производятъ отдѣльные звуки языка и только въ извѣстныхъ сочетаніяхъ могутъ производить ихъ легко и точно" [1]).

Прежде всего считаю нужнымъ дать читателю понятіе объ устройствѣ органовъ рѣчи, не входя однакожъ въ излишнія подробности, которыя въ настоящемъ случаѣ только удалили бы насъ отъ цѣли.

[8] Для произведенія звука служитъ такъ называемая голосовая щель (rima glottidis, Stimmritze) въ гортани (guttur, Kehlkopf), расширяемая или суживаемая двумя голосовыми связками (chordae vocales, Stimmbänder), которыя натягиваются или ослабляются гортанными мышцами. Если щель значительно расширена, то никакого звука не можетъ быть слышно, и воздушный токъ, приражаясь къ стѣнкамъ рта, производитъ только придыханіе, въ германскихъ языкахъ означаемое буквою h. Если сузить щель, приподнявъ среднюю

---

[1]) Grundzüge, стр. 1.

часть языка къ нёбу, то это придыханіе усиливается до нашего *г* въ словахъ *Господь, благо, Бога,* звука, который у насъ на письмѣ не отличается отъ твердаго *г*, слышимаго въ словахъ *городъ, багоръ* и проч.

Итакъ звонъ голоса есть непосредственный результатъ суженія голосовой щели [1]). Выйдя оттуда, звукъ до своего оглашенія проходитъ подвижную полость зѣва и рта, которая образуетъ какъ бы надставную трубку (Ansatzrohr), подобную искусственному духовому инструменту, при чемъ надо представить себѣ, что голосовая щель или гортань играетъ роль рта, изъ котораго въ этотъ инструментъ входятъ воздухъ и звукъ. „Вокальный механизмъ, говоритъ англійскій профессоръ Виллисъ, можетъ считаться состоящимъ изъ легкихъ, или мѣховъ, которые посредствомъ дыхательнаго горла проводятъ воздушный токъ черезъ снарядъ, находящійся въ верхнемъ концѣ дыхательнаго горла и называемый гортанью. Этотъ снарядъ способенъ производить разные музыкальные и другіе звуки, слышные по переходѣ чрезъ подвижную полость, состоящую изъ глотки (полости позади нёбной занавѣски), рта и носа“ [2]).— Все это вмѣстѣ составляетъ [9] вокальный механизмъ, но орудіемъ рѣчи слѣдуетъ считать только наружную часть его, то есть гортань и подвижную трубку, или полость рта.

Легкіе или мѣхи.

Дыхательное горло.

Гортань.

Подвижная полость рта.

Гласные звуки.

Самые первоначальные, основные звуки человѣческой рѣчи суть гласные. Для образованія ихъ воздухъ изъ легкихъ выдыхается въ полость рта, имѣющую каждый разъ опредѣленную форму. Прежде всего долженъ быть прекращенъ доступъ воздушнаго тока къ заднимъ носовымъ отверстіямъ поднятіемъ небной занавѣски [3]) для того, чтобы выдыхаемый воздухъ попадалъ только въ полость рта. Если же это не будетъ выполнено, то при громкой рѣчи гласные получатъ особый „носовой“ оттѣнокъ. При произношеніи ихъ форма полости рта измѣняется слѣдующимъ образомъ: при *а* она должна быть совершенно свободною, языкъ ложится плошмя на дно полости,

---

[1]) Для физіологическихъ терминовъ я отчасти пользуюсь изданнымъ подъ редакціей И. М. Сѣченова переводомъ сочиненія Л. Германа: *Основы физіологіи человѣка.* Одесса 1873.

[2]) Robert Willis, извѣстный сочиненіемъ о гласныхъ (1828). Выписанныя строки привожу по книгѣ. J. Earle, The Philology of the english tongue. Oxford 1873, стр. 126.

[3]) Нёбо состоитъ изъ двухъ частей: передней или твердаго нёба, и задней или нёбной занавѣски (der harte Gaumen и das Gaumensegel).

которая поэтому бываетъ всего больше для этого звука и отверстіе широко-раскрытаго рта имѣетъ форму расширенной спереди воронки. При *о у*, наоборотъ, корень языка приподнимается, полость рта суживается вытягиваніемъ губъ въ трубку и принимаетъ форму круглой бутылки съ короткой шейкой; при *э і*, отъ приближенія языка къ твердому нёбу, образуется форма круглой бутылки съ узкимъ горлышкомъ. При всѣхъ гласныхъ, за исключеніемъ *у*, гортань нѣсколько приподнимается къ верху; меньше всего подъемъ при *о*, затѣмъ слѣдуютъ *а э і*, т. е. онъ больше всего при *і*, и оттого тонъ *і* выше, нежели тонъ прочихъ гласныхъ; ниже всѣхъ тонъ *у*. Это различеніе степени высоты тона при разныхъ гласныхъ оспаривается нѣкоторыми физіологами; но ихъ возраженія не вполнѣ убѣдительны.

а составляетъ центральный звукъ. Какъ скоро обѣ стѣнки полости рта, верхняя и нижняя, сближаются между собой, то [10] чистота звука *а* нарушается. Такое сближеніе очень легко происходитъ либо при нёбѣ, гдѣ образуется *і*, либо у губъ, гдѣ звонъ голосовой щели обращается въ *у*. При этомъ подвижная трубка (полость рта) то укорачивается, то удлиняется: она становится всего короче при произнесеніи *і*, такъ какъ гортань тогда приподнимается и углы рта растягиваются въ сторону; всего же длиннѣе становится трубка при произнесеніи *у*, когда гортань опускается съ одновременнымъ протягиваніемъ впередъ губъ и угловъ рта.

Эти три звука *I А У* суть основные въ системѣ гласныхъ. Въ продолженіе вѣкового существованія языка звуки постепенно измѣняются, особенно вслѣдствіе естественнаго стремленія человѣка облегчать трудъ органамъ рѣчи: „удобство выговора, сбереженіе дѣятельности мускуловъ, говоритъ Шлейхеръ, — главный въ этомъ дѣлѣ факторъ [1])“. Въ отношеніи къ гласнымъ эта vis inertiae, по его же замѣчанію, ведетъ къ тому на первый взглядъ странному результату, что тогда какъ болѣе древніе языки имѣютъ лишь малое количество гласныхъ звуковъ, позднѣйшіе обладаютъ ими въ гораздо большемъ обиліи и разнообразіи. Но немногіе гласные старѣйшихъ языковъ рѣзко отличаются одинъ отъ другого, многочисленные же гласные позднѣйшихъ языковъ служатъ по большей части переходомъ отъ одного къ другому совершенно отличному въ древнемъ языкѣ звуку: являются оттѣнки, смѣшанные звуки, чтобы смягчать различія, облегчать органу рѣчи крутой поворотъ отъ одного движенія къ другому и доставить ему удобство нерѣшительныхъ гласныхъ, которыя легко производить малымъ напряженіемъ орудія рѣчи. Слѣдовательно остальные гласные суть только промежуточные, и мы разсмотримъ тѣ изъ нихъ (*э о*), которые естественно образуются между *I* и *А*, между *А* и *У*.

---

[1]) Die deutsche Sprache, стр. 49 и 50.

Изъ всѣхъ гласныхъ звуковъ наиболѣе распространеннымъ былъ искони *а;* но такъ какъ произносить его, сравнительно, не [11] легко, то онъ, независимо отъ вліянія на него сосѣднихъ звуковъ, уже вслѣдствіе одного напряженія мускуловъ, потребнаго на его произношеніе, подвергается разнымъ измѣненіямъ. Если, начавъ отъ расположенія рта для *а*, какъ звука первоначальнаго, постепенно укорачивать устную полость, суживая ее въ серединѣ, то образуются промежуточные звуки, приближающіеся къ *і*, т. е. образуются гласные оттѣнка *э* [1]). Если, напротивъ, мало-по-малу удлинять полость рта и суживать наружное ея отверстіе въ направленіи къ *у*, то образуются гласные характера *о*. Число тѣхъ и другихъ промежуточныхъ гласныхъ неопредѣленно. Брюкке принимаетъ три *э* и два *о*, первообразы которыхъ находитъ у разнымъ западныхъ народовъ; но въ малоизвѣстныхъ ему славянскихъ языкахъ оказываются и другіе гласные звуки этого рода. Не входя еще въ болѣе спеціальное разсмотрѣніе гласныхъ съ примѣненіемъ къ русской фонетикѣ, прибавлю здѣсь только, что звуки эти вообще раздѣляются, по положенію рта при ихъ произношеніи, на твердые: *а о у* и мягкіе: *э и*. Отношеніе этихъ пяти гласныхъ между собою можетъ быть представлено слѣдующею вертикальной линіей, на которой они расположены сверху внизъ, по степени подъема гортани, съ чѣмъ связано и послѣдовательное пониженіе тона:

I
э
А
о
У

Согласные звуки.

Названіе *согласныхъ* (consonae) придумано въ той мысли, что только *гласные* звуки (vocales) совершенно самостоятельны, согласные же могутъ быть вполнѣ произносимы не иначе, какъ въ соединеніи съ однимъ изъ гласныхъ. Брюкке, какъ и многіе [12] другіе, находитъ, что такой взглядъ давно опровергнутъ наукою; этого нельзя однакожъ допустить безъ ограниченія: справедливо, что нѣкоторые согласные, какъ напримѣръ *с ш ф р*, могутъ быть выговорены и сами по себѣ, но какъ произнести ясно, безъ помощи гласной, *б г д п к т?* — Физіологическая особенность согласныхъ заключается въ томъ, что для произнесенія ихъ нужны своего рода движенія въ полости рта

[1]) Принимая эту букву для общаго выраженія чистаго звука, означаемаго греческимъ ε. Наше *е* изображаетъ уже звукъ сложный (= йэ).

при участіи двухъ какихъ-нибудь частей органа рѣчи, такъ что бываетъ одно изъ двухъ: либо онѣ плотно *смыкаются* и *размыкаются* (наприм. обѣ губы одна съ другой для образованія *б*), и въ полости рта образуется *смыканіе, затворъ* (Verschluss), либо между тою или другою частями дѣлается только *суженіе, стѣсненіе* (наприм. между кончикомъ языка и нижними зубами для образованія *с*).

Орудіями затворовъ и стѣсненій для произношенія согласныхъ служатъ:

1) Нижняя губа съ верхнею и съ верхними зубами (рѣзцами): *б п* (затворъ); *в ф* (суженіе).

2) Передняя часть языка съ нёбомъ и съ зубами: *д т* (затворъ); *з с ж ш* (суженіе).

3) Средняя или задняя часть языка съ нёбомъ *г к* (затворъ); *ĭ*[1]) *х* (суженіе).

Но прежде разсмотрѣнія образуемыхъ этими двумя способами звуковъ необходимо показать еще одно физіологическое различіе согласныхъ. Внимательно перебирая звуковую азбуку своего языка, всякій, при самомъ поверхностномъ наблюденіи надъ собою, замѣтитъ, что нѣкоторые звуки могутъ быть сопоставлены попарно, т. е. образуются одинаково, и только произносятся различно. Вслѣдствіе того получаются два ряда звуковъ, которые въ верхнемъ и нижнемъ соотвѣтствуютъ одинъ другому:

1) *п т к ф с х ш*
2) *б д г в з ĭ ж*[1]).

[13] Различіе того и другого ряда объясняется съ физіологической точки зрѣнія различно, а потому для каждаго изъ нихъ придуманы издревле и разныя названія. Всего болѣе вошло въ обыкновеніе называть звуки 1-го ряда *твердыми*, а звуки 2-го ряда *мягкими*. Извѣстно, что греки, выдѣливъ изъ обоихъ рядовъ тѣ звуки **п т к / б д г**, которые не могутъ произноситься длительно[2]), назвали ихъ поэтому *нѣмыми* (ἄφωνα, mutae) и прибавили къ нимъ еще 3-й рядъ особенныхъ, греческому языку свойственныхъ звуковъ, такъ что у нихъ вышли такіе три ряда:

1)	κ	τ	π
2)	γ	δ	β
3)	χ	θ	φ

---

[1]) Чтобы имѣть возможность говорить о звукѣ, для котораго у насъ нѣтъ буквы въ словѣ *благо*, я вынужденъ принять начертаніе *ĭ*.

[2]) Попробовавъ произносить непрерывно, въ одинъ пріемъ, ббб..., ппп..., ддд..., ттт... всякій убѣдится, что это невозможно.

Сообразно съ этимъ расположеніемъ назвали: звуки 1-го ряда *твердыми* (tenues), звуки 3-го ряда *придыхательными* (aspiratae), а звуки 2-го ряда, по внѣшнему признаку мѣстъ, — *средними* (mediae).

Въ большей части новѣйшихъ языковъ нѣтъ *придыхательныхъ* [1]), и потому естественно, что въ нихъ приняты, для двухъ показанныхъ выше рядовъ, названія *твердыхъ* и *мягкихъ*. Нѣкоторые ученые доказываютъ, что эти термины правильны и съ физіологической точки зрѣнія, такъ какъ звуки 1-го ряда (*п т к* и проч.), при выговорѣ ихъ, требуютъ бóльшаго напряженія мускуловъ, чѣмъ звуки 2-го. Согласимся однакожъ, что эти названія сбивчивы, и не разъ уже случалось, что иной по недоразумѣнію прилагалъ, наоборотъ, къ 1-му ряду названіе *мягкихъ*, а ко 2-му *твердыхъ* звуковъ. Удачнѣе терминъ, употребляемый, начиная съ Кемпелена, многими изъ новѣйшихъ ученыхъ, въ томъ числѣ и профессоромъ Брюкке: именно, для 1-го ряда, — *глухіе* (tonlose) или *шопотные* (Flüsterlaute), а для 2-го ряда — *звонкіе* [14] или *громкіе* (tönende). Но еще точнѣе будетъ терминъ: *голосовые* и *безголóсные*, всего ближе отвѣчающій названіемъ Stimmlaute и tonlose Laute.

Физіологическая разница между тѣми и другими заключается въ томъ, что при произношеніи первыхъ голосовая щель остается раскрытою, а для вторыхъ она сжимается, вслѣдствіе чего и слышится голосъ.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію согласныхъ по двоякому, выше показанному способу ихъ образованія. Въ этомъ отношеніи звуки могутъ быть: 1) *смычные* (Verschlusslaute), образуемые плотнымъ смыканіемъ или затворомъ двухъ частей устныхъ органовъ, и 2) *протóрные* (Reibelaute), образуемые суженіемъ или стѣсненіемъ между тѣми же частями.

1) Смычные согласные звуки.

п	*т*	*к*
б	*д*	*г*

Это тѣ самые согласные, которые у грековъ составляли разрядъ *нѣмыхъ*; нынче называютъ ихъ *мгновенными* звуками (momentaneae) въ противоположность другимъ, *длительнымъ* (continuae, Dauerlaute, напр. *ф с*), которые можно въ произношеніи протягивать безъ перерыва, пока позволяетъ дыханіе. Шлейхеръ остроумно замѣтилъ, что первые отличаются отъ послѣднихъ какъ точка отъ линіи [2]). Первые называются также *взрывными* (explosivae) по той причинѣ, что воздухъ, задержанный при образованіи затвора, быстро вырывается, какъ

---

[1]) Въ чемъ заключается ихъ особенность, будетъ объяснено ниже.

[2]) Zur vergleichenden Sprachgeschichte. Zetacismus, стр. 124.

*

скоро устранена преграда. Терминъ Verschlusslaute, въ нашемъ переводѣ *смычные* [1]), въ первый разъ былъ употребленъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія извѣстнымъ въ исторіи акустики ученымъ Хладни.

[15] При произношеніи этихъ звуковъ путь черезъ носъ отрѣзанъ воздуху [2]) и устный проходъ также гдѣ-нибудь прегражденъ, именно они образуются, какъ выше показано, тремя способами:

1) Смыканіемъ нижней губы съ верхнею . . . . *п б.*

2) Прижатіемъ передняго конца языка къ нёбу и верхнимъ зубамъ . . . . *т д.*

3) Прикосновеніемъ средней или задней части языка къ нёбу *к г.*

Замѣтимъ, что звуки *к* и *т* различаются между собою только тѣмъ, что для образованія каждаго изъ нихъ служитъ другая часть языка, т. е. для *т* передняя, для *к* задняя: можно сказать, что артикуляція *к* начинается тамъ, гдѣ прекращается артикуляція *т*. На этомъ основывается метода, по которой глухонѣмыхъ учатъ выговаривать *к*: ихъ заставляютъ произносить *т* и при этомъ прижимаютъ у нихъ къ низу пальцемъ или лопаточкой переднюю часть языка, чтобы они поневолѣ образовали смычку заднею его частью. Различіе *т* и *к* повидимому зависитъ преимущественно отъ величины пространства подвижной полости, остающагося позади смычки, такъ что оно при *т* гораздо болѣе, нежели при *к*.

Г образуется изъ *к* сжатіемъ раздвинутой голосовой щели; поэтому *г* относится къ *к* точно такъ же, какъ *б* къ *п*, и *д* къ *т*.

2) Проторные согласные звуки.

ф с х ш
в з ī ж *ц ч*

Каждому смыканію соотвѣтствуетъ близкое къ нему стѣсненіе въ полости рта. Воздуху загражденъ путь черезъ носовую полость, а устный каналъ гдѣ-нибудь такъ стѣсненъ, что выходящій воздухъ производитъ по смежнымъ частямъ *проторный* шорохъ (Reibungsgeräusch). Греки называли ихъ, въ отличіе отъ [16] *нѣмыхъ*, полугласными (ἡμίφωνα,), но они болѣе извѣстны подъ общеупотребительнымъ латинскимъ терминомъ *спирантовъ* (spirantes). Описаннымъ способомъ образуются многіе звуки, близкіе къ тѣмъ, которые производятся соотвѣтственными смыканіями:

---

[1]) Въ переводѣ Физіологіи Германа они названы *смыкательными*, но это прилагательное можетъ относиться только къ тому, чтò смыкаетъ (здѣсь къ органамъ), а не къ тому, чтò отъ смыканія происходитъ.

[2]) Посредствомъ подъема такъ называемаго мягкаго нёба или нёбной занавѣски, которая, бывъ опущена, даетъ воздуху проходить черезъ носъ.

1) *ф в*: стѣсненіе образуется верхними зубами и нижнею губою.

в образуется, когда мы приспособимъ ротъ для *ф*, но вмѣсто того, чтобы только выпустить воздухъ, заставимъ голосъ звучать. Слѣдовательно *в* относится къ *ф*, какъ *б* къ *п*, и можно представить себѣ *в* происшедшимъ изъ *б* точно такъ же, какъ *ф* изъ *п*.

Ни въ одномъ чисто-славянскомъ словѣ звукъ *ф* не встрѣчается самъ по себѣ, но онъ легко образуется изъ звука *в* передъ безголосными согласными или въ концѣ слова, наприм.: *в*ходъ, *въ* прахъ, рука*въ*, кро*въ*.

2) *с з*: стѣсненіе образуется переднимъ концомъ языка и зубами.

Если затворъ, нужный для произнесенія *т*, образуется не вполнѣ и впереди оставляется промежутокъ, черезъ который можетъ выходить воздухъ, то происходитъ звукъ *с*, который и относится къ *т*, какъ *ф* къ *п*.

Такимъ же образомъ изъ *д* образуется звукъ *з*, относящійся къ *с*, какъ *в* къ *ф*.

3) *ш ж*: стѣсненіе то же, но усиленное тѣмъ, что передній конецъ языка приподымается къ задней стѣнкѣ верхнихъ десенъ.

При открытой голосовой щели происходитъ *ш*, а при сдвинутой *ж*. Проф. Брюкке странно ошибается, стараясь съ особенною настойчивостью доказать, что *ш* есть сложный звукъ, составленный изъ *сх*, и оспариваетъ тѣхъ филологовъ, которые не раздѣляютъ его взгляда [1]. Но это мнѣніе убѣдительно опровергнуто Раумеромъ и Румпельтомъ [2].

[17] Чтобы узнать, есть ли какой-нибудь звукъ — сложный, или простой, самое вѣрное средство произносить его нѣсколько времени непрерывно, и ежели онъ не измѣняется, то это несомнѣнный признакъ его несложности. Если будемъ тянуть *сссс*... и потомъ произносить такимъ же образомъ, безъ всякой паузы, *шшшш*..., то найдемъ, что звукъ *ш* остается такъ же неизмѣненъ, какъ звукъ *с*, отличается же отъ него только тѣмъ, что при переходѣ къ послѣднему языкъ немного отводится назадъ и вверхъ.

4) *ц ч*. Для произнесенія ихъ служитъ почти то же суженіе, что для *с* и *ш*, но ему мгновенно предшествуетъ смыканіе, нужное для *т*, такъ что выходитъ *ц* = *тс*, и *ч* = *тш*. Въ этомъ случаѣ переходъ отъ одной артикуляціи къ другой такъ быстръ, что оба звука, вмѣстѣ слитые, составляютъ одинъ. Произнося непрерывно *ц*, мы убѣдимся, что этотъ звукъ слышится только въ самомъ началѣ, но затѣмъ тотчасъ же обращается въ *с* (*цссс*... т. е. *тсссс*...); при такомъ продолженномъ произношеніи, *ч* также немедленно превращается въ *ш* (*чшшш*...

---

[1] Grundzüge, стр. 63.

[2] См. R. von Raumer, Gesammelte sprachwissenschaftliche Schriften, стр. 373, и H. B. Rumpelt, Das natürliche System der Sprachlaute, стр. 82 — 86.

т. е. *тишиший...*). Но входящіе въ составъ этихъ звуковъ согласные *с* и *ш* нѣсколько отличаются отъ произносимыхъ безъ предшествующей мгновенной артикуляціи.

5) *х* *ĭ*: суженіе между среднею или заднею частью языка и нёбомъ. Если изъ *к* будемъ стараться образовать проторные звуки, такимъ же образомъ, какъ вывели *ф* изъ *п*, и *с* изъ *т*, т. е. дѣлая неполный затворъ и оставляя по средней линіи язычнаго хребта желобокъ, по которому можетъ выходить воздухъ, то получимъ звукъ, означаемый буквою *х*; ему, при сжатой голосовой щели, соотвѣтствуетъ *ĭ*, для котораго въ русской азбукѣ нѣтъ особой буквы, но который слышится въ словахъ: *Г*осподь, бла*г*о, Петербур*г*а, то*г*да и проч.

3) Плавные звуки Л Р.

[18] *л*: проходъ между обоими краями языка и коренными зубами. Если переднимъ концомъ языка устроить затворъ для *д*, но у заднихъ коренныхъ зубовъ съ обѣихъ сторонъ оставить промежутокъ, такъ что воздушный токъ раздѣлится на языкѣ и чрезъ означенные промежутки будетъ вдоль внутренней поверхности щёкъ итти къ устью рта, то изъ *д* образуется *л*. Замѣтимъ, что для произнесенія этого звука, въ устномъ каналѣ образуются *два протока*.

р: При произношеніи обыкновеннаго *р*, соотвѣтствующаго голосовымъ звукамъ зубного разряда, кончикъ языка находится у десенъ верхнихъ зубовъ, но не образуетъ ни плотнаго смыканія, какъ для *д*, ни желобовиднаго суженія, какъ для *з*, а загнутъ нѣсколько къ верху и свободно подвиженъ, такъ что сперва напоръ воздуха изъ легкихъ пригнетаетъ переднюю часть языка къ низу; послѣ того онъ быстро возвращается къ своему первоначальному положенію, потомъ опять нажимается и т. д. У насъ извѣстенъ только одинъ этотъ *р*, но въ нѣкоторыхъ языкахъ бываютъ и другіе однородные звуки (напр. у французовъ гортанный *r*), такъ какъ разныя части устнаго канала могутъ быть приводимы въ дрожаніе [1]).

4) Носовые звуки М Н.

Когда для воздуха путь посредствомъ опущенія небной занавѣски прегражденъ черезъ ротъ, но открытъ носомъ, то образуются такъ называемые *носовые* звуки (nasales), для которыхъ Брюкке, впрочемъ, не совсѣмъ удачно, придумалъ терминъ Resonanten (отзвуки),

[1]) Brücke. Grundzüge, стр. 31, 35, 42, 49. Rumpelt, стр. 54. Брюкке относитъ сюда, между прочимъ, губной звукъ, который, по выраженію Ломоносова, „для остановленія конскаго произносятъ“ (*Грамм.* § 21).

такъ какъ они сопровождаются отраженіемъ голоса въ устной и гортанной полости и не имѣютъ, какъ прочіе согласные, своего собственнаго шороха, независимаго отъ голоса. Этимъ они нѣсколько похожи на гласные.

[19] Если сжать губы, какъ для *б* и при дѣйствіи голоса выпускать воздухъ черезъ носъ, то произойдетъ *м*. Точно такъ же образуется *н*, если устроить смычку для *д* и выпускать воздухъ носомъ при звучащемъ голосѣ. Поэтому *н* относится къ *д* совершенно такъ, какъ *м* къ *б*, и отличается отъ *м* только свойствомъ предшествующаго смыканія.

Носовые звуки подобно проторнымъ — длительные, но отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что требуютъ полнаго смыканія частей рта.

Послѣ этихъ общихъ физіологическихъ поясненій о происхожденіи звуковъ, которые встрѣчаются и въ русскомъ языкѣ, приступимъ къ разсмотрѣнію состава и особенностей нашей звуковой системы, разумѣя общеупотребительное великорусское нарѣчіе.

II. Звуки русскаго языка.

Сравнивая нашъ русскій выговоръ съ артикуляціей западно-европейскихъ языковъ (къ которымъ въ этомъ отношеніи приближаются и другія славянскія нарѣчія), находимъ основную разницу въ томъ, что мы болѣе раскрываемъ ротъ и сильнѣе напрягаемъ мускулы органовъ рѣчи. Оттого у насъ звуки кажутся грубѣе, толще, шире. Это относится какъ къ согласнымъ, такъ и особенно къ гласнымъ. Послѣдними мы вообще бѣднѣе, чѣмъ романскіе и германскіе народы: у насъ, напр., нѣтъ ни **ö**, ни **ü**, нѣтъ и того разнообразія дифтонговъ, какимъ нѣкоторые изъ нихъ могутъ похвалиться; но зато мы имѣемъ *ы*, а въ отношеніи къ согласнымъ мы гораздо богаче и соединяемъ въ своей звуковой азбукѣ почти всѣ согласные, которые тамъ разсѣяны въ разныхъ языкахъ. Намъ недостаетъ, правда **дз** и **дж** итальянцевъ и шепелеватаго **с** (**th**) англичанъ, грековъ и испанцевъ, но за то мы, на ряду съ другими славянами, особенно богаты вообще звуками зубного органа. Мы имѣемъ тутъ, между прочимъ, сложный звукъ **шч** (графически **щ**), котораго нѣтъ ни въ одномъ изъ западныхъ языковъ.

[20] Кромѣ того, наша фонетика еще отличается тѣмъ, что у насъ нѣкоторые гласные выговариваются двояко, смотря по тому, стоятъ-ли они въ ударяемомъ, или неударяемомъ слогѣ; равнымъ образомъ и наши согласные почти всѣ могутъ имѣть два разные оттѣнка произношенія, которые оба отличаются отъ выговора тѣхъ же звуковъ у иноплеменныхъ народовъ, именно звуки:

п	*т*	*к*	*х*	*ф*	*с*	*ц*	*л*	*р*	*м*	*н*
б	*д*	*г*	*г̆*	*в*	*з*					

произносятся передъ твердымъ гласнымъ (*а о у ы* [1]), наприм., **да, ло,** не такъ, какъ передъ мягкимъ (*э и*), напр. **де, ли,** а вслѣдствіе того и въ концѣ слога или слова они (кромѣ гортанныхъ и *ц*) сохраняютъ то же двоякое произношеніе, которое въ послѣднемъ случаѣ, т. е. въ концѣ слова, означается на письмѣ присоединеніемъ къ нимъ *ера* (ъ) или *еря* (ь), напр., *братъ, брать; мѣръ, мѣрь.* Поэтому каждая изъ названныхъ согласныхъ можетъ быть или *твердою* или *мягкою* [2]). Звуки *ш ж* могутъ принимать мягкое произношеніе только передъ *е*; *и* послѣ нихъ слышится почти какъ *ы;* звуки *ч щ* никогда не произносятся твердо; послѣ первыхъ знакъ ъ, послѣ вторыхъ знакъ ь имѣютъ только графическое значеніе.

Русскіе согласные звуки.

При *твердомъ* произношеніи согласныхъ мускулы бываютъ напряжены, удлиняется полость рта и ему дается такое положеніе, какое нужно, чтобы непосредственно за согласною выговорить одну изъ нашихъ твердыхъ гласныхъ: *а о у ы.*

При *мягкомъ* выговорѣ согласныхъ гортань приподнимается, полость рта укорачивается, а углы губъ слегка растягиваются, [21] какъ для произнесенія тонкой гласной *і* или *э*; положеніе языка также измѣняется.

Мягкое произношеніе согласныхъ не только въ концѣ слога, но и передъ мягкими гласными *е и* очень трудно для иностранцевъ: наши слоги **бе, вѣ, лі, ри** (т. е. въ сущности **бьэ, вьэ, льі рьи**) и т. п. произносятся совсѣмъ не такъ, какъ одинаковые повидимому слоги (**bé, vé, li, ri**) въ западно-европейскихъ языкахъ. Сравнимъ для примѣра русскія слова: *меньше, мѣръ, вѣръ, сиръ, ли, нѣтъ, тѣ* съ близкими по составу нѣмецкими: Menschen, Meer, wer, или французскими: sire, lit, nette, tes: въ русскихъ словахъ, вслѣдствіе особеннаго умягченія согласной, слѣдующая за нею гласная произносится съ бо́льшимъ усиліемъ и отверстіемъ рта, отчего и звукъ происходитъ другой.

Произношеніе умягченныхъ согласныхъ еще затруднительнѣе для иностранца, когда непосредственно за ними слѣдуетъ одна изъ твердыхъ гласныхъ (*а о у*), т. е. когда, приготовивъ положеніе рта для мягкой гласной, надобно внезапно перейти къ твердой; въ такомъ

---

1) *ы* невозможно только послѣ гортанныхъ *к г, х ӣ*.

2) *к г х ӣ* и *ц* въ концѣ слога и слова всегда произносятся твердо, и *ь* послѣ нихъ не пишется. Что голосовые согласные въ концѣ слова превращаются въ безголосные — дѣло общеизвѣстное; физіологически оно легко объясняется стремленіемъ органовъ къ облегченію процесса рѣчи.

случаѣ происходитъ сочетаніе мягкой согласной съ твердой гласной и образуются звуки, которые на письмѣ могутъ быть выражены такъ:

бъа, бъо, бъу,

вмѣсто чего мы пишемъ: **бя, бё, бю,**

на какомъ основаніи, будетъ объяснено при разсмотрѣніи русской азбуки.

Что въ сочетаніяхъ **бъа, бъо, бъу,** (бя, бё, бю) или напр. въ словахъ: *коня, синё, велю* умягченіе принадлежитъ собственно только согласнымъ (*б н л*), а слѣдующіе за ними гласные остаются твердыми [1]), въ этомъ легко убѣдиться, если выговаривать отдѣльно тѣ и другіе, протягивая гласные, напр. *коня = конь — аааа; синё = синь — оооо; велю = вель — уууу*. Иностранцы въ такихъ случаяхъ обыкновенно выговариваютъ **я, ё, ю** такъ же, какъ въ началѣ слога, т. е. **йа, йо, йу,** напр., *конь-йа, синь-йо, вель-йу*, т. е. не понимая, что начертанія **я, е, ю** имѣютъ двоякое [22] значеніе, смотря по тому находятся ли они въ началѣ слога, или послѣ согласной, иностранцы низводятъ *и* только на первую степень сокращенія (*й*), а вторая степень сокращенія гласнаго *и*, изображаемая чрезъ *ь*, остается имъ чуждою (объ этомъ см. ниже, въ отдѣлѣ о дифтонгахъ подъ звукомъ *і*). Для объясненія иностранцамъ звука *я* послѣ согласнаго, напр., въ словѣ *меня*, нѣкоторые не безъ основанія совѣтуютъ заставлять ихъ произносить не *menja*, а *menea*, сливая двѣ послѣднія буквы въ одинъ звукъ, „т. е. слегка коснувшись **е**, остановиться на **а**“ [2]).

Еще труднѣе противоположный случай: произнеся согласную твердо, расположивъ, слѣдовательно, ротъ для произнесенія *а о* или *у*, мы можемъ непосредственно послѣ того выговорить съ этимъ отолщеніемъ звукъ *и*, при чемъ подымаемъ языкъ къ нёбу, не направляя его впередъ, и едва замѣтно укорачиваемъ подвижную полость: такимъ образомъ твердый согласный сливается съ мягкимъ гласнымъ *и* въ одинъ простой звукъ, означаемый на письмѣ сложною букою *ы* (**ъ + і = ъі**):

бъі, въі, дъі = бы, вы, ды [3]) и проч.

Трудность такихъ крутыхъ оборотовъ въ движеніи органовъ рѣчи была причиною, что отвержденный звукъ *и* (т. е. *ы*) послѣ такого же согласнаго почти совершенно исчезъ у западныхъ и юго-западныхъ славянъ, вслѣдствіе ли только историческаго хода измѣненія звуковъ, или при участіи вліянія иноплеменной фонетики: звукъ *ы* сохранился во всей чистотѣ своей только у русскихъ и у ближайшихъ сосѣдей ихъ, поляковъ.

---

[1]) Хотя и съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ отонченія, такъ какъ устное отверстіе сужено.

[2]) Катковъ, *Объ элементахъ и формахъ слав.-рус. языка*, стр. 89.

[3]) О физіологическомъ образованіи *ы* см. ч. I нашихъ *Разысканій*, выше стр. 258.

Любопытно, что особенность нашего твердаго произношенія согласныхъ (кромѣ **лъ**) совершенно ускользнула отъ вниманія Брюкке, какъ и другихъ западно-европейскихъ физіологовъ. Что же касается мягкаго произношенія (отличаемаго знакомъ *ь*), то онъ посвящаетъ ему цѣлую главу, приравнивая эти звуки романскому [23] l mouillé (ail, cuiller) и произношенію *n*, стоящему у французовъ послѣ *g* (compagne, vigne). „Сущность этихъ (романскихъ) звуковъ, говоритъ онъ, можно обозначить въ немногихъ словахъ, если сказать, что это *l* и *n* съ непосредственно слѣдующимъ за ними jot (т. е. l mouillé = *lj*; *ng* = *nj*, принимая вторую букву, *j*, въ ея значеніи по нѣмецкой, а не по французской азбукѣ) [1]). Это, продолжаетъ Брюкке, довольно вѣрно выразилъ уже 32 года (нынѣ читай: 66 лѣтъ) тому назадъ Хладни, сказавъ, что *l* mouillé есть сліяніе *l* съ слѣдующимъ за нимъ среднимъ звукомъ между *i* и *j*". Противъ такого взгляда на *l* mouillé нечего возразить; можно также допустить, что этотъ звукъ даетъ нѣкоторое понятіе о славянскомъ мягкомъ *л* (*ль*); тѣмъ не менѣе никакъ нельзя согласиться, чтобы эти два звука были между собою тожественны: романскіе *l* mouillé и *gn* суть звуки сложные, тогда какъ наши *ль*, *нь* и другіе подобные — простые звуки, чтó подтвердитъ всякій славянинъ, языку котораго они сродны или который изучилъ ихъ на практикѣ. Довольно странно, что пр. Брюкке, совѣтовавшійся съ гг. Піотровскимъ и Миклошичемъ (Grundzüge, стр. 73 и 74), могъ впасть въ такое недоразумѣніе, перешедшее изъ его книги и во многія другія нѣмецкія сочиненія по фонетикѣ. Столь же невѣрно его замѣчаніе будто послѣ безголосныхъ согласныхъ (*п т* и др.), когда они такимъ образомъ смягчаются, звукъ jot совершенно пропадаетъ и переходитъ въ *х* (тамъ же, 74). Ничего подобнаго мы не находимъ въ нашихъ тонкихъ согласныхъ.

Русскіе гласные звуки.

Неточное различеніе между писаннымъ и произносимымъ языкомъ, между буквами и звуками — причиною, что до сихъ поръ система нашихъ гласныхъ, при всей своей простотѣ и правильности, обыкновенно представляется не вполнѣ удовлетворительно. Это происходитъ особенно отъ того, что въ русской [24] азбукѣ есть буквы не для однихъ простыхъ, но и для сложныхъ звуковъ; напр. буквы *е я ю* представляютъ звуки составные или двугласные. Вслѣдствіе того у насъ вообще смѣшиваютъ простыя гласныя съ дифтонгами, и въ распредѣленіи гласныхъ оказывается путаница. Для ясности я дол-

[1]) Grundzüge, стр. 70: Mouillierte Laute. — По-русски можно бы изобразить эти звуки, по крайней мѣрѣ, передъ гласными, такъ: **льй, ньй.**

женъ былъ предпослать разсмотрѣнію ихъ замѣчанія объ особенностяхъ нашихъ согласныхъ. Теперь легче будетъ показать значеніе и вліяніе гласныхъ въ общей системѣ нашихъ звуковъ.

Замѣтимъ, что особенность нашего произношенія, на которую указано въ началѣ предыдущаго отдѣла и которая заключается въ усиленномъ дѣйствіи мускуловъ рта съ бо́льшимъ раскрытіемъ его, начинается уже съ гласныхъ; отъ этого частью и зависитъ характеристическое произношеніе нашихъ согласныхъ.

Гласные русскаго языка, какъ звуки (безъ всякаго отношенія къ буквамъ), прежде всего раздѣляются на: 1) *ясные* или *опредѣленные* и 2) *неясные* или *неопредѣленные*. Примѣръ первыхъ: *а* въ словѣ *такъ*, *о* въ словѣ *токъ*; примѣръ вторыхъ: *а* въ словѣ *выданъ*, *о* въ словѣ *говорить*.

Чистыхъ или простыхъ (т. е. не составныхъ) гласныхъ перваго разряда у насъ шесть:

і э а о у ы.

Звуки *і э* суть *мягкіе*, остальные четыре *твердые*. Звуку *ы* дано послѣднее мѣсто по его родству съ *у*, а также и потому, что съ одной стороны онъ отличается отъ прочихъ, образуясь только послѣ твердыхъ согласныхъ, а съ другой составляетъ переходъ къ тонкому *і*, которымъ начинается этотъ рядъ гласныхъ.

Вполнѣ явственно слышатся исчисленные гласные только тогда, когда на нихъ падаетъ удареніе; въ противномъ случаѣ *і* (*и*), *э а о*, отчасти также *у ы*, звучатъ неопредѣленно, и потому на письмѣ часто смѣшиваются одна мягкая съ другою мягкою и одна твердая съ другою твердою, напр. вмѣсто *тоненькій* пишутъ тониնькій, вм. *аннинскій* — анненскій, вм. *дышатъ* — дышутъ.

Звукъ I.

[25] Разсмотрѣніе гласныхъ русскаго языка начинаю съ *і* не только по важной роли, которую этотъ звукъ играетъ въ нашей фонетикѣ, по его вліянію на другіе звуки, но и потому, что онъ въ естественной ска́лѣ гласныхъ составляетъ одинъ изъ двухъ крайнихъ звуковъ [1]).

Этотъ звукъ изображается на письмѣ двояко: буквою *і*, когда слѣдуетъ гласная, и буквою *и* передъ согласною или въ концѣ слова.

Звукъ *і* можетъ укорачиваться на двѣ степени: первая степень его сокращенія означается буквою *й* (*и съ краткой*), которая пишется почти исключительно послѣ гласныхъ, рѣдко передъ гласною; на второй степени, когда дѣлается только приступъ къ произношенію *і*

---

[1]) См. Heyse. System der Sprachwissenschaft, стр. 76.

послѣ согласнаго звука, происходящее отъ того видоизмѣненіе этого послѣдняго изображается знакомъ *ъ* (ерь).

Звукъ Й. Русскіе дифтонги.

Звукъ *й* близокъ къ нѣмецкому или скандинавскому jot [1]), и служитъ у насъ къ образованію двугласныхъ (дифтонговъ) двоякаго рода, именно: восходящихъ: **йа, йэ, йо, йу**, и нисходящихъ: **ай, эй, ой, уй, ый, ій,** и проч.

Двугласнымъ звукомъ или дифтонгомъ называется соединеніе двухъ гласныхъ, непосредственно одинъ за другимъ произносимыхъ однимъ выдыхательнымъ толчкомъ, такъ что они вмѣстѣ составляютъ одинъ только слогъ, при чемъ одинъ изъ гласныхъ есть главный, а другой, произносимый быстрѣе, — второстепенный. Смотря по мѣсту главнаго звука, дифтонги раздѣляются на *восходящіе* и *нисходящіе*. Въ однихъ языкахъ преобладаютъ первые, въ другихъ вторые. У нѣмцевъ *j* служитъ также къ образованію [26] восходящихъ дифтонговъ (**ja**, **ju**), но есть и много нисходящихъ разнообразнаго состава; у французовъ всѣ дифтонги—восходящіе, напр. въ словахъ: roi (дифт. **уа** по произношенію), viande, lui, lieu; у итальянцевъ почти всѣ: buono, fiore. У насъ второстепеннымъ членомъ дифтонга можетъ служить только *й*, но зато въ соединеніи со всѣми другими гласными, то передъ ними, то позади. Другіе гласные могутъ у насъ также стоять другъ возлѣ друга, но не образуя одного слога и сохраняя каждый свое обыкновенное протяженіе, напр. *паутина, неучъ, выучить, Яуза* (въ послѣднемъ словѣ сочетаніе гласныхъ ближе всего подходитъ къ дифтонгу) [2]). Второстепенный звукъ дифтонга по своей краткости и по роли, исполняемой имъ для образованія слога, получаетъ характеръ согласной и называется полугласнымъ; такимъ образомъ *у* послѣ другого гласнаго у насъ иногда обращается въ *в*; мы говоримъ напр. *завтра* вм. *заутра*, *Августъ* вм. *Аугустъ*. На этомъ основаніи съ нашей фонетикой сообразнѣе произносить и писать напр. *Вильямъ, Вуличъ* нежели *Уильямъ, Ууличъ*, ибо незнакомый съ иностранными языками русскій не выговоритъ **уи, уу**, какъ восходящій дифтонгъ, однимъ слогомъ.

Въ восходящихъ дифтонгахъ *й* не пишется, хотя и очень ясно слышится: въ древне-славянскомъ первый членъ ихъ означался припискою передъ главнымъ гласнымъ черточки, равнявшейся грече-

---

[1]) Нѣмцы пишутъ jot только передъ гласною, напр. Jahr, послѣ же гласной они выражаютъ этотъ звукъ посредствомъ *i*: bei, sein; но шведы употребляютъ jot и послѣ гласныхъ, напр. nej, bojor. Эти иностранныя слова мы по-русски могли бы написать такъ: йаръ, бей, зейнъ; ней, боййоръ.

[2]) Въ чужеязычныхъ словахъ мы однакожъ умѣемъ произносить дифтонгъ ау, напр.: *гаубица, гауптвахта, цейхгаузъ*.

ской іотѣ (ꙗ, ѥ), но въ гражданской азбукѣ дифтонги этого рода изображаются простыми, т. е. одиночными (не двойными) буквами: *е, я*, и оттого-то Ломоносовъ называлъ эти дифтонги *потаенными двогласными*, что конечно вѣрно въ отношеніи къ письму, но непримѣнимо къ звукамъ, въ которыхъ обѣ составныя части ясно слышатся.

Держась того же порядка, какому слѣдовали мы при исчисленіи простыхъ гласныхъ, получимъ въ произносимомъ языкѣ слѣдующіе восходящіе дифтонги:

[27] **йи**. Этотъ дифтонгъ вовсе не означается на письмѣ; для выраженія его служитъ та же буква, которая означаетъ простой звукъ *і*. Вмѣсто *йихъ, ручьйи* пишутъ: *ихъ, ручьи*. По мнѣнію нѣкоторыхъ германскихъ славистовъ, *и* въ др.-сл. послѣ гласной всегда произносилось какъ **йи**, (напр. мо-йи, тво-йи), но въ русскомъ языкѣ мы въ такихъ случаяхъ ясно слышимъ простое *і*.

йэ — изображается двумя разными способами: *е, ѣ*. Обѣ буквы нынче произносятся совершенно одинаково, но пишется то одна, то другая, смотря по требованіямъ словопроизводства и грамматики.

йа Пишется *я*.

йо. Для этого составного звука опять нѣтъ особой буквы, а употребляется также *е*, иногда съ поставленнымъ надъ нею двоеточіемъ. Встарину писали іо̑, но это начертаніе оставлено по сходству его съ принятою издревле буквою для слѣдующаго дифтонга.

йу. Пишется *ю*; здѣсь мы видимъ въ первой части буквы остатокъ того способа, которымъ въ церковно-славянской азбукѣ вообще означались восходящіе двугласные (греч. іота); во второй части видимъ начало взятой съ греческаго же церковно-славянской буквы ѹ.

Наши нисходящіе дифтонги суть слѣдующіе:

ій. Однакожъ это сочетаніе мало свойственно произносимому языку, и хотя на письмѣ оно очень обыкновенно, но въ живой рѣчи слышится только въ такихъ словахъ, которыя или принадлежатъ церковно-славянскому, или составлены искусственно, по книжнымъ началамъ, напр. въ словахъ: убі*й*ца, кровопі*й*ца (ц.-сл.), стихі*й*ный, россі*й*скій, италі*й*скій (книж.). Въ окончаніяхъ этотъ дифтонгъ обращается то въ **ей**, то въ **ой**, напр. *убей* (вм. *убій*), *третéй* (вм. *третій*: *самъ-третéй*), *змѣй* (вм. *змій*), *соловей* (вм. *соловій*), *какой* (вм. *какій*), *сухой* (вм. *сухій* [1]), при чемъ, [28] когда нѣтъ ударенія на слогѣ,

[1]) Свойство это проходитъ черезъ всѣ части рѣчи. Мѣстоим. *сей* также передѣлано изъ *сій*; то же видимъ въ собств. именахъ *Сергѣй, Алексѣй*, въ прилагательныхъ: *линейный, армейскій, библейскій, индѣйскій* и т. п. Сюда же должно отнести окончаніе род. падежа множ. числа на *ей*: *статей, свиней, судей*. Только въ отглагольныхъ именахъ на *іе* сохранилось въ этомъ падежѣ окончаніе *ій*: *явленій, знаній*. Въ глаголахъ: *лить, бить, вить, брить* повелит. наклоненія получаетъ форму: *лей, бей, вей, брей*. Звукъ *ї* съ удареніемъ и передъ гласною противенъ

первый звукъ дифтонга дѣлается неяснымъ. Въ словахъ: *синій, рыжій, легкій* гласный передъ *й* произносится неопредѣленно, въ первыхъ двухъ между *и* и *э*, въ послѣднемъ между *а* и *о*.

Сказанное о дифтонгѣ **ій** относится и къ дифтонгу **ый**, который въ сущности тотъ же самый (=**ъій**); разность обнаруживается только въ томъ, что **ый** обращается исключительно въ **ой**: *крой* (вм. *крый*), *хромой* (вм. *хромый*), а при отсутствіи ударенія, *о* также получаетъ неясный звукъ: *доброй* (вм. *добрый*). Объ этомъ см. ниже подъ звукомъ *ы*.

эй. Послѣ согласныхъ пишется **ей, ѣй**.

ай, ой, уй.

Восходящій дифтонгъ можетъ соединяться съ нисходящимъ, и тогда образуется *трехгласный* звукъ, или трифтонгъ; таковы сочетанія:

произносится:	пишется:
йэй	**ей**
йай	**яй**
йой	**ёй** (бадьёй)
йуй	**юй** (вою̆й)

Впрочемъ начертанія *я е ё ю* имѣютъ значеніе дифтонговъ (**йа, йэ, йо, йу**) только тогда, когда начинаютъ слогъ; когда же ставятся послѣ согласныхъ буквъ, напр. въ слогахъ **бя, ве, дё, лю**, то этимъ замѣняется другое неупотребительное, но въ сущности болѣе правильное начертаніе, именно: **бьа, вьэ, дьо, льу**; т. е. стоя послѣ согласныхъ, буквы *я е ё ю* показываютъ, что согласная должна произноситься мягко (**бь, вь, дь, ль**), а гласная остается чистою (*а э о у*).

[29] На этомъ основаніи Миклошичъ, смотря по такому двоякому употребленію буквъ *я е ё ю*, называетъ ихъ въ первомъ случаѣ: präjotierte (съ предшествующимъ йотомъ, когда онѣ произносятся **йа, йэ** и т. д.), а во второмъ: präjerierte (съ предшествующимъ *еремъ*, когда произносятся послѣ согласныхъ **ьа, ьэ** и т. д.) [1]).

Что касается натуры звука *й*, то большинство филологовъ причисляетъ его къ разряду согласныхъ, но, по моему убѣжденію, ошибочно: *й* есть не что иное, какъ *и*, такъ быстро произнесенный, что онъ уже не составляетъ особеннаго слога, а входитъ въ составъ того, который образуется другою гласной, будетъ ли она впереди, или послѣ *и*. Такимъ образомъ *й* есть явно—укороченный *и*, звукъ, ко-

---

народному говору: оттого имена *Марія*, *Софія* обратились въ *Марья*, *Софья* и *Россія* въ *Россея*. Не оттого ли и мѣстоимѣніе *сей* съ его формами: *сія*, *сіе*, *сіи* осталось чуждымъ народной рѣчи?

[1]) *Vergleichende Lautlehre der Slav. Sprachen.* Wien 1852, стр. 106.

торый долженъ быть признанъ за *нёбный полугласный,* точно такъ, какъ у англичанъ *w* есть *губной полугласный* звукъ. Древніе индійскіе грамматики справедливо называли звукъ jot полугласнымъ и отличали его особымъ начертаніемъ य. Въ нашей грамотѣ *й* признается также гласнымъ элементомъ; это видно изъ того, что передъ нимъ, какъ передъ всѣми гласными, издавна пишется *і*, а не *и* **ій,** не **ий**), а послѣ *й* въ концѣ слова не ставится ъ, чтó было бы неизбѣжно, еслибъ *й* считался согласнымъ [1]). По всему сказанному нельзя сомнѣваться, что сочетанія **йа, йо, йу** и т. п. суть дѣйствительно двугласные, какъ совершенно подходящіе подъ общее понятіе объ этой категоріи звуковъ. Напрасно Добровскій, а за нимъ и нѣкоторые другіе не хотятъ признавать этого (Institutiones, § VIII): по мнѣнію Добровскаго, *j* въ этомъ случаѣ принимаетъ натуру согласнаго. Дѣло въ томъ, что и всякій гласный, занимающій въ дифтонгѣ второстепенное мѣсто, дѣйствительно получаетъ въ слогѣ значеніе согласнаго, но по натурѣ своей онъ все-таки остается гласнымъ, становясь по степени протяженія полугласнымъ. Такъ [30] смотритъ и Востоковъ на сочетанія ꙗ, ѥ, ю, ѩ, которыя онъ не разъ называетъ *двоегласными* [2]). Добровскій же, принимая слоги **ай, ой, уй,** и проч. за двугласныя, и отказывая въ этомъ названіи сочетанію тѣхъ же звуковъ при обратномъ порядкѣ ихъ, противорѣчитъ самому себѣ.

Брюкке, считая германскій jot согласнымъ и называя его *i* consona, говоритъ: „Если произнести *i* и потомъ еще болѣе сузить промежутокъ между языкомъ и нёбомъ тамъ, гдѣ онъ всего тѣснѣе, то произойдетъ jot. Черезъ это *не пропадаетъ* гласный звукъ *i*, но мы дѣйствительно слышимъ одновременно гласный *i* и согласный *j*. Лучшимъ примѣромъ тому, продолжаетъ онъ, кажется мнѣ англійскій y (тотъ же *й*), когда служитъ согласнымъ. Правда, когда за нимъ слѣдуетъ звукъ *i*, какъ напр. въ year (произн. йиръ), то *y* звучитъ какъ *i* consona у нѣмцевъ; но когда слѣдуетъ другая гласная, то при образованномъ произношеніи передъ нимъ обыкновенно слышится легкій *i*, а это происходитъ отъ того, что производя звукъ jot, гортань приподымается, и вмѣстѣ съ тѣмъ одновременно осуществляются условія для *i*" [3]). Несмотря на странность мысли, будто можно разомъ слышать и гласный и согласный, надо признать, что въ этомъ объясненіи много правды. Точно такъ же Брюкке видитъ въ англійскомъ *w* совмѣстное произношеніе гласной *u* и согласной *v*, но очевидно, что это невоз-

---

[1]) Такъ и поступаютъ германскіе слависты, но неосновательно, употребляя въ своихъ филологическихъ трудахъ начертанія: мойъ, крайъ и т. п., о чемъ см. ч. I нашихъ *Разысканій*, стр. 249.

[2]) См. его *Филологическія Наблюденія*, стр. 8 и 12, и его *Русскую грамматику*.

[3]) Grundzüge, стр. 70.

можно: *w* всегда сохраняетъ свойство гласной, хотя также укороченной, напр., въ словахъ: water, wool, were, wind, гдѣ нельзя не признать двугласныхъ.

О вліяніи звука *й* на измѣненіе предшествующей согласной (напр., *т* въ *ч*, *д* въ *ж*) не считаю умѣстнымъ здѣсь распространяться. Это дѣйствіе звука jot на согласные, остроумно отнесенное Шлейхеромъ къ общему явленію языковъ, названному имъ Zetacismus [1]), не входитъ въ планъ настоящаго труда.

[31] Вторая степень сокращенія *и*, означаемая знакомъ *ь*, не образуетъ не только гласной, но и полугласной: начертаніе это послѣ согласной означаетъ только нёбное направленіе или нёбный оттѣнокъ ея произношенія (палатализацію). Но родство *ь* съ *и*, выведенное изъ физіологическаго наблюденія, подтверждается и этимологически, какъ видно изъ такихъ случаевъ, въ которыхъ *ь* является сокращеніемъ *и*, напр. въ глаголахъ на *ть* вм. *ти*, въ окончаніи 2-го лица *шь* вм. *ши*, въ существительныхъ формахъ *мать*, *здоровье* вм. *мати*, *здоровіе* и т. п. [2]).

Звуки Э, ЙЭ (Е, Ѣ).

Чистый *э*, рѣдко встрѣчающійся у русскихъ въ началѣ слога, бываетъ двоякій по произношенію [3]): 1) широкій или открытый, похожій на французское *è* (e ouvert) и нѣмецкое *ä*, слышится передъ твердымъ согласнымъ или гласнымъ, или въ концѣ слова: э̀-тотъ, по-э̀тъ, э̀-осъ, э̀во-э̀, 2) узкій или сжатый, похожій на французское *é* (e fermé), слышится передъ мягкимъ согласнымъ или гласнымъ звукомъ, напр, э́-ти, поэ́-зія, э́й [4]).

При соединеніи съ предшествующимъ полугласнымъ *й* или какимъ-нибудь согласнымъ, звукъ *э* изображается на письмѣ буквами *е* или *ѣ*, въ произношеніи сохраняетъ тѣ же два оттѣнка, въ чемъ всего легче убѣдиться, наблюдая выговоръ названій буквъ ъ и ь; йэ̀ръ (ср. фр. hier, ère) и йэ́рь (ср. фр. vérité). Такимъ образомъ слышится —

съ одной стороны:	съ другой:
шѐстъ	ше́сть
ужѐ	уже́ли
грѣ̀тъ	грѣ́ть
умѣ̀	умѣ́й

---

[1]) См. A. Schleicher. Zur vergleichenden Sprachengeschichte. Bonn 1848, стр. 91.

[2]) Ср. Срезневскаго *Мысли объ исторіи русскаго языка*, стр. 55; 2 изд. (1887), стр. 45—46.

[3]) См. примѣчаніе въ ч. I настоящаго изданія, стр. 224.

[4]) Разницу произношенія *э* въ этихъ двоякихъ примѣрахъ позволяю себѣ означать двумя французскими акцентами grave и aigu.

[32] Различіе обоихъ звуковъ съ особенною ясностью обнаруживается, если одно и то же слово произносить, согласно различному обычаю, двояко, напр.:

пѐрвый (перъвый) и пéрьвый (какъ встарину и писали).
вѐрба и вéрьба.
Сѐрпуховъ и Сéрьпуховъ (какъ иногда говорятъ Москвичи).

Звукъ между Э и И.

Наличность этого средняго, неопредѣленнаго звука въ русскомъ языкѣ лучше всего доказывается шаткимъ употребленіемъ на письмѣ буквъ *и* и *е*; такъ весьма часто пишутъ: маминька, Олинька, Васинька, малинькій вм. *маменька*, *Оленька*, *Васенька*, *маленькій*, или еще пишутъ: онъ пріѣдитъ, вы ска́жите, вы пи́шите вм. *пріѣдетъ*, *скажете*, *пишете*. Наоборотъ, многіе пишутъ: „екатериненскій, анненскій“ вм. *екатерининскій*, *аннинскій*. Отъ неясности и сходства неударяемыхъ звуковъ *э* и *и* происходило также, что у насъ нѣкогда преобладали начертанія: „синей, Василей“, какъ писалъ и Ломоносовъ, вм. *синій*, *Василій*, и что одно время многіе, напр., Шевыревъ, Павскій, по этимологіи писали: „этѣ, этѣхъ“ и т. д. и „двѣстѣ“, отвергая общеупотребительную орѳографію *эти*, *двѣсти*. Надобно замѣтить, что разсматриваемый неопредѣленный звукъ приближается однакожъ болѣе къ *и*, нежели къ *э*, чѣмъ и объясняется предпочтеніе послѣдняго изъ приведенныхъ сейчасъ двоякихъ начертаній, а также ошибочное правописаніе, выше указанное. На это сходство звуковъ *э* и *и*, когда они встрѣчаются безъ ударенія, обратилъ вниманіе еще М. Н. Катковъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи и при этомъ остроумно замѣтилъ, что оба элемента сходятся въ посредствующемъ *ѣ*-ѣ. „Мѣстоименіе *сь*, опредѣляясь“, говоритъ онъ, „становится въ церковно-славянскомъ *сій*, въ русскомъ *сей*. Въ сущности своей *ѣ* тутъ долженъ быть признанъ за краткое *і* или за тотъ между *і — е* въ серединѣ колеблющійся звукъ“ [1]).

Звуки А и О.

[33] Въ общеупотребительномъ великорусскомъ нарѣчіи эти звуки слышатся явственно только въ ударяемыхъ слогахъ, въ неударяемыхъ же произносятся неопредѣленно. Звукъ *а* измѣняетъ свою ясность въ трехъ направленіяхъ: онъ становится неопредѣленнымъ или среднимъ между *а* и *о*, между *а* и *э*, между *а* и *у*.

Звукъ между А и О.

Общепринятое правило, что *о* безъ ударенія выговаривается какъ *а*, неточно, потому что напр. слова́: *господа*, *хорошо*, не произносятся

---

[1]) *Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка*, стр. 48.

„гаспада, харашо“: въ первыхъ двухъ слогахъ обоихъ словъ слышится вовсе не чистый *а*, а средній звукъ между *а* и *о* [1]); то же находимъ и въ послѣднихъ двухъ слогахъ имени *колоколъ*. Притомъ приведенное правило представляетъ дѣло только на половину, ибо и *а* безъ ударенія произносится тѣмъ же смѣшаннымъ звукомъ; слѣдовательно, вѣрнѣе будетъ такое правило: гласный безъ ударенія, который, смотря по производству слова, пишется то *а*, то *о*, произносится въ обоихъ случаяхъ совершенно одинаково, какъ средній звукъ между этими двумя гласными. Доказательствомъ тожества его въ томъ и другомъ случаѣ служитъ то, что на письмѣ буква *а* нерѣдко смѣшивается съ *о*. Такъ, одни пишутъ: „расти, раждать, поглащать, покланяться, тварогъ, тароватый, грамата, казакъ“, а другіе: „рости, рождать, поглощать, поклоняться, творогъ, тороватый, грамота, козакъ“. Въ нѣкоторыхъ словахъ, напр.: *калачъ*, *каракатица*, *а* утвердилось на письмѣ неправильно. Въ словарѣ Даля многія изъ такихъ словъ повторены въ двухъ мѣстахъ, напр. *каравай* и *коровай*, *касатка* и *косатка*.

Звукъ между А и Э.

[34] Неопредѣленный звукъ между *а* и *э*, склоняясь болѣе къ *э*, слышится послѣ такъ называемыхъ шипящихъ буквъ *ж ш ч щ*, напр. въ словахъ: *жаркое*, *часы*, *щавель*, *плащаница*.

Тутъ, по общему закону, долженъ бы слышаться средній звукъ между *а* и *о* (см. выше); но такъ какъ шипящіе обыкновенно не терпятъ послѣ себя звука *о* неударяемаго, напр. не говорятъ: „жолтá, шороховáтый, щотѝна, шоколáдъ“, и во всѣхъ этихъ случаяхъ слышится *е*, то естественно, что и *а* безъ ударенія послѣ шипящихъ переходитъ въ тотъ же звукъ. Такое свойство неударяемаго *а* въ этихъ случаяхъ бываетъ виною нѣкоторыхъ ошибочныхъ начертаній, напр. когда пишутъ: „смѣшенный, услышенъ“ вм. *смѣшанный*, *услышанъ*, или когда пишутъ: „окончанъ, развѣшанъ“ вм. *окончен*ъ, *развѣшенъ*.

А во всѣхъ языкахъ легко переходитъ въ *э*, какъ звукъ болѣе удобный для произношенія; вездѣ постепенное видоизмѣненіе звуковъ много происходитъ отъ небрежнаго выговора, отъ желанія сберечь время и трудъ. Такъ у древнихъ грековъ *а* во многихъ случаяхъ мало-по-малу перешло въ *э* [2]).

---

[1]) Эту неопредѣленность звука *а* безъ ударенія уже понималъ и Ломоносовъ: въ § 96 своей *Грамматики* онъ говоритъ, что когда надъ *о* нѣтъ ударенія, то оно выговаривается какъ *а*, *нѣсколько съ о смѣшанное;* но о произношеніи *а* безъ ударенія и онъ отдѣльно не упоминаетъ. — У шведовъ есть буква å, которая въ ихъ письмѣ означаетъ звукъ чистаго *о*, но справедливѣе могла бы намъ служить для изображенія нашего неопредѣленнаго звука между *а* и *о*.

[2]) Schleicher. Die Deutsche Sprache, стр. 51.

Замѣтимъ однакожъ, что приближеніе *а* къ *э* подъ вліяніемъ предшествующей шипящей постоянно встрѣчается только передъ ударяемымъ слогомъ, послѣ же него не всегда: въ послѣднемъ слогѣ словъ, какъ напр. *кожа, ваша, туча, куща*, вовсе не слышно оттѣнка *э*, а является обыкновенный средній звукъ между *а* и *о*; въ неударяемыхъ же окончаніяхъ 3-го лица множ. ч. глаголовъ на **шать, жать, чать, щать** произношеніе *а* приближается къ *у*, какъ сейчасъ будетъ показано.

Звукъ между А-О и У

— слышится послѣ шипящихъ буквъ въ окончаніяхъ глаголовъ. Произносятъ напр. не совсѣмъ ясное *у* въ словахъ: „держутъ, дышутъ, перечутъ, тащутъ“ вм. *держатъ, дышатъ,* [35] *перечатъ, тащатъ.* Причиной тому замѣчаемое вообще стремленіе, при отсутствіи ударенія на окончаніи 3-го лица множ. числа въ глаголахъ, яснѣе обозначать форму отличительнымъ звукомъ *у* (или **ьу = ю**), безъ чего она была бы въ произношеніи слишкомъ безхарактерна и близка къ единств. числу, напр. говорятъ также: „ходютъ, вѣрютъ, строютъ, клеютъ“, вм. *ходятъ* и проч.

Звукъ Я (ЙА или ЬА).

Подобно *а*, звукъ **йа** или **ьа** слышится явственно только подъ удареніемъ; въ неударяемыхъ же слогахъ онъ переходитъ въ неопредѣленный *е*; слова: *яйцо, ячмень, явитъ, пятно, рябой, принятъ, девятъ, десятъ* произносятся почти какъ: „ейцо, ечмень, евитъ, петно, ребой, принетъ, деветъ, десетъ“. Оттого и въ окончаніяхъ именительнаго падежа множ. числа прилагательныхъ слухъ не указываетъ, должно ли писать *е* и *я*, или же *и*, къ которому такъ близко *е*, напр.: „вѣрные, вѣрныя или вѣрныи; дорогіе, дорогія или дорогіи“. Объ этомъ долго спорили, пока наконецъ для рѣшенія вопроса принято было произвольное правило, основанное на различіи родовъ прилагательнаго имени. Средній звукъ между *я* и *е* соотвѣтствуетъ такому же звуку между *а* и *о* [1]).

Въ глагольныхъ окончаніяхъ 3-го лица множ. числа и въ дѣйствительныхъ причастіяхъ *я* безъ ударенія, какъ уже было упомянуто, приближается въ произношеніи къ *ю*: *„стóятъ, ѣздятъ, спорящій, покоя-*

---

[1]) Если неударяемое *а* произносится какъ такое же *о*, то ясно, что и неударяемое **йа** (*я*) должно произноситься какъ неударяемое **йо** (*ё*), а неударяемое *ё* есть *е*. Оттого и неударяемое *о* послѣ *й* или *і* превращается въ *е*. Вотъ почему произносятъ: *Іердáнь* (вм. Іордáнь), *Іевъ* (вм. Іовъ). Еще Востоковъ замѣтилъ: „Замѣна *о* гласною є въ словахъ ієрданъ и пр., кажется, принадлежитъ къ особенностямъ языка словенскаго, требовавшаго сей замѣны“. (*Остромирово Евангеліе*, стр. 123).

*

щій произносятся почти какъ: „стóютъ, ѣздютъ, спорющій, покоющій". Тутъ очевидно является смѣшеніе съ глаголами, которые правильно оканчиваются такимъ образомъ: *дремлютъ*, *сыплютъ*, *топчутъ*, *вяжутъ*. Неопредѣленность звука *ю* въ подобныхъ случаяхъ видна изъ того, что и наоборотъ [36] вмѣсто: *дремлютъ*, *сѣютъ*, *колютъ*, *колеблютъ* многіе пишутъ неправильно: „дремлятъ, сѣятъ, колятъ, колеблятъ" или еще: „сыпятъ" вм. *сыплютъ*.

Звукъ Е (ЙО или ЬО)

— всегда происходитъ въ русскомъ языкѣ изъ звука *е* (**йэ** или ьэ) по закону, который будетъ объясненъ ниже, и потому **йо** изображается не иначе, какъ съ помощію буквы *е*, надъ которою для означенія такого выговора иногда ставится двоеточіе (*ё*). Общеупотребительный языкъ допускаетъ этотъ звукъ только въ *ударяемомъ слогѣ*, тогда какъ во многихъ народныхъ говорахъ слышатся и такія сочетанія, какъ напр. „йомý" (ему).

Звукъ *ё* (**йо, ьо**) есть отличительная принадлежность русскаго языка, совершенно чуждая древне-славянскому, почему тамъ и не было начертанія для этого звука. Оттого и теперь слышится произношеніе *ё* только въ тѣхъ словахъ, которыя употребительны въ языкѣ народномъ, слова же книжныя, заимствованныя изъ церковнаго или искуственно составленныя, остаются безъ этого измѣненія звука *е* даже и тогда, когда они одного происхожденія съ народными. Для примѣра сравнимъ слова *подмётки* и *предметъ*, гдѣ слогъ *мет* выговаривается различно, хотя въ обоихъ онъ происходитъ отъ глагола *метать*. Нѣкоторыя слова въ этомъ отношеніи звучатъ различно въ народѣ и въ образованномъ языкѣ, напр. *крестъ*, *смертный* народъ иногда произноситъ *крёстъ* (или *хрёстъ*), *смёртный*. Явленіе перехода звука *е* въ *ё* не поддается постояннымъ правиламъ, или по крайней мѣрѣ правила эти очень сложны, какъ показываетъ попытка Востокова, который въ первый разъ старался опредѣлить ихъ [1]). Однакожъ главное дѣйствующее тутъ (сверхъ акцента) условіе удачно указано имъ: именно оно заключается въ томъ, что *е* можетъ обращаться въ *ё*, въ началѣ, внутри и въ концѣ слога, почти исключительно передъ дебелымъ (твердымъ) звукомъ, или вообще въ [37] концѣ слова. Напр. въ такихъ словахъ какъ: *ель*, *везть*, *плеть*, *е* никогда не измѣняется въ *ё*; напротивъ, слова: *елка*, *везъ*, *плетка*, требуютъ этого измѣненія; иногда оно допускается также въ случаяхъ подобныхъ слѣдующимъ: *берё-шь*, *тё-тя*, *Лё-ля*, *зарё-ю*, при чемъ однакожъ надобно сдѣлать оговорку, что первый примѣръ (берёшь), несмотря на *ь* послѣ *ш*, подходитъ

---

[1]) См. въ книгѣ Борна: *Краткое руководство къ россійской словесности*, стр. 3—6, и ниже, въ настоящемъ изданіи, отдѣлъ о произношеніи *е* въ ударяемыхъ слогахъ.

подъ общее правило, ибо въ произношеніи 2-е лицо един. числа оканчивается твердымъ звукомъ. Что касается послѣднихъ примѣровъ, то съ другой стороны произносятъ безъ измѣненія *е* въ *ё* слова́: *ше-я, Се-ня, ме-летъ* и т. п. Но на чемъ же основывается обращеніе **йэ** въ **йо** или **ʼэ** въ **ʼо**, передъ твердымъ звукомъ? или иначе: на чемъ основывается такое дѣйствіе твердаго звука на измѣненіе предыдущаго мягкаго гласнаго (*э*) въ соотвѣтствующій твердый (*о*)? Сущность этого явленія опредѣляется закономъ *уподобленія звуковъ*; превращеніе **е** въ **ё**, или **ʼэ** въ **ʼо**, т. е. мягкой гласной въ твердую, обусловливается послѣдующимъ твердымъ звукомъ, при чемъ кромѣ того непремѣнно требуется удареніе на гласной.

Звуки У, Ю (ЙУ, ЬУ)

— также не совсѣмъ ясны, когда на нихъ нѣтъ ударенія. Это доказывается, кромѣ появленія ихъ на мѣсто *а*, *я* въ окончаніяхъ глаголовъ, еще и тѣмъ, что малограмотные люди въ прилагательныхъ именахъ, именно въ винит. и творит. падежахъ ед. числа женскаго рода, пишутъ *о*, *е* вм. *у*, *ю* и наоборотъ *у*, *ю* вм. *о*, *е*, напр. *доброю* вм. *добрую*, *крайнею* вм. *крайнюю*, что́ не могло бы конечно быть, если бъ слухъ имъ положительно указывалъ требующуюся букву.

Звукъ Ы.

Выше было уже объяснено происхожденіе звука *ы*. Изъ этого объясненія видно, что въ составѣ словъ онъ можетъ встрѣчаться только послѣ согласной; тѣмъ не менѣе однакожъ русскій способенъ произносить этотъ звукъ и въ началѣ слога или отдѣльно: привыкнувъ давать устнымъ органамъ надлежащее [38] положеніе для произнесенія, послѣ согласныхъ, звука *ы*, мы можемъ, образовавъ такое положеніе органовъ, произносить тотъ же гласный и отдѣльно, безъ артикуляціи согласнаго.

Звукъ *ы* большею частью слышится явственно не только въ ударяемомъ, но и въ неударяемомъ слогѣ; напр. въ словахъ: *силы*, *воры*, *вырывать* слухъ ясно отличаетъ *ы*, хотя надъ этимъ звукомъ и нѣтъ ударенія. Бываютъ однакожъ случаи, когда въ одномъ изъ слѣдующихъ за удареніемъ слоговъ звукъ *ы* также произносится неясно и смѣшивается съ *о* или *а*, это встрѣчается особенно въ окончаніяхъ глаголовъ на *ывать* и *овать*, почему одни пишутъ, напр., *проповѣдывать*, другіе *проповѣдовать*, и слухъ не разрѣшаетъ вопроса, что́ правильнѣе [1]); нѣкоторые по недоразумѣнію пишутъ: „выиграшъ“ вм.

---

[1]) См. объ этомъ ниже во II-мъ отдѣлѣ.

выигрышъ, и т. п. Въ прилагательныхъ муж. р. ед. ч., какъ напр. *старый*, *слабый*, *ы* также произносится какъ неударяемый *о*; но здѣсь звука *ы* собственно и нѣтъ: эта буква только пишется, чтобы выставить окончаніе **ый** какъ характеристическій признакъ муж. рода; въ сущности же тутъ имѣется окончаніе **ой**, гдѣ *о* произносится какъ неопредѣленный гласный между *а* и *о*. Доказательствомъ того, что въ прилагательныхъ мужескаго рода настоящее русское окончаніе есть **ой**, а не **ый**, служатъ прилагательныя съ удареніемъ на окончаніи, какъ *сѣдой*, *крутой*, которые еще не такъ давно писались: *сѣдый*, *крутый*, (Ср. сказанное выше на стр. 494).

На основаніи предыдущаго разсмотрѣнія, всѣ имѣющіеся въ современномъ русскомъ языкѣ гласные могутъ быть представлены въ слѣдующей схемѣ, гдѣ надъ линіей означены явственные звуки, а подъ нею, въ промежуткахъ, неопредѣленные или смѣшанные изъ двухъ элементовъ. Подъ *і* поставленъ, по связи съ нимъ, звукъ *ы* [1]).

і		*э*		*а*		*о*		*у*
ы	*і—э*		*э—а*		*а—о*		*о—у*	

Имъ соотвѣтствуютъ слѣдующіе двугласные:

Звуки:	*йи*	*йэ*	*йа*	*йо*	*йу*
Буквы:	*и*	*е,ѣ*	*я*	*ё*	*ю*

Классификація звуковъ.

Раздѣленіе звуковъ языка на разряды составляетъ одинъ изъ трудныхъ вопросовъ филологіи, чему доказательствомъ служитъ замѣчаемое въ этой классификаціи разнообразіе: почти у каждаго изслѣдователя оно является въ другомъ видѣ.

Чтобы притти въ этомъ дѣлѣ къ правильному результату, начнемъ съ нѣсколькихъ общихъ замѣчаній, въ которыхъ отчасти будемъ возвращаться къ тому, что́ уже было сказано выше.

Прежде всего, говоритъ Раумеръ [2]), мы различаемъ тоны человѣческаго голоса и звуки человѣческой рѣчи. Тоны производятся колебаніями голосовыхъ связокъ въ голосовой щели; звуки — приpаженіемъ выдыхаемаго изъ гортани воздушнаго тока къ органамъ, простирающимся отъ надгортанника (Kehldeckel) до губъ. Въ отно-

---

[1]) Т. е. *ъи*: въ польскомъ языкѣ не только *и*, но и *э* также можетъ слѣдовать за твердымъ согласнымъ (łe); у русскихъ твердый *э* не встрѣчается въ составѣ словъ, но онъ слышится при переходѣ отъ слова съ твердымъ согласнымъ окончаніемъ къ другому, начинающемуся гласнымъ *э*, напр. въ словахъ: *былъ этотъ*, *объ этомъ*, *отъ этого*, звукъ **ъэ** является при сочетаніи твердаго гласнаго съ началомъ слова *этотъ*.

[2]) R. Raumer. Gesam. sprachw. Schr., стр. 369 и д.

шеніи къ тонамъ, производимымъ въ голосовой щели, отличаютъ громкую рѣчь отъ шопотной (vox clandestina). Громкая рѣчь бываетъ тогда, когда производимые звуки сопровождаются тонами голосовыхъ связокъ; шопотная рѣчь — когда мы говоримъ безъ этихъ тоновъ.

Звуки раздѣляются, во 1-хъ, по положенію органовъ; во 2-хъ, по тѣмъ органамъ, которыми они производятся. Первое дѣленіе называется *количественнымъ*, второе *качественнымъ*.

По количеству звуки распадаются прежде всего на: 1) *гласные*, когда ротъ болѣе или менѣе раскрытъ и воздушный токъ не [40] встрѣчаетъ никакой преграды; 2) *согласные*, когда ротъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ плотнѣе или слабѣе смыкается, такъ что воздушный токъ встрѣчаетъ болѣе или менѣе значительную преграду. Въ этомъ отношеніи согласные дѣлятся на *мгновенные* (смычные), требующіе полнаго смыканія органовъ, и на *длительные*, которые образуются безъ такого полнаго смыканія. При послѣднихъ воздухъ проходитъ столь узкимъ каналомъ, что шумъ приражения ясно слышится, чѣмъ они отличаются, съ другой стороны, отъ гласныхъ, и такимъ образомъ составляютъ середину между согласными мгновенными и гласными.

Кромѣ гласныхъ и согласныхъ, принимаютъ еще разрядъ *полугласныхъ*, терминъ, которымъ мы означаемъ слабѣйшій гласный дифтонга [1]), но они отличаются отъ гласныхъ не мѣрою преграды, а только степенью протяженія голоса: они въ произношеніи короче гласныхъ. Въ русскомъ языкѣ собственно только одинъ полугласный — *й*. Нѣкоторые (Востоковъ) называютъ ъ и ь также полугласными, но въ сущности эти двѣ буквы означаютъ болѣе чѣмъ на половину укороченный гласный звукъ. Ломоносовъ назвалъ ихъ *безгласными*; нельзя однакожъ не признать, что въ выговорѣ согласной, означаемомъ буквою ъ, слышится приступъ къ произношенію послѣ нея твердой гласной, а въ выговорѣ, означаемомъ буквою ь, — такой же приступъ къ произношенію мягкой гласной; по-настоящему онѣ изображаютъ не звукъ, а только легкій пазвукъ (Nachhall).

Количественное раздѣленіе согласныхъ на *мгновенные* и *длительные* уже разсмотрѣно выше по наблюденіямъ Брюкке. Тѣ и другіе дѣлятся еще на *голосовые*, въ образованіи которыхъ участвуетъ голосъ, и *безголосные*, образуемые безъ участія голоса.

[41] Длительные звуки подраздѣляются на: *проторные* (Reibelaute, fricativae) [2]), *носовые м, н*, и *дрожательный р*.

---

[1]) Впрочемъ терминъ *полугласный* употребляется филологами очень различно: Боппъ разумѣетъ подъ нимъ принадлежащіе санскриту звуки *j r l w*; Гейзе—*j w s*; Шлейхеръ—*l* и *r*; Гриммъ этого названія вовсе не употребляетъ; за то онъ придумалъ другое—*gebrochener* vocal (дробный гласный) для означенія неполной краткости гласнаго въ дифтонгахъ.

[2]) См. ниже въ приложеніи статью: *Основанія фонетики*.

Проторные могутъ быть либо съ однимъ протокомъ: *ф х с ш* и *в г з ж*, либо съ двумя протоками: *л*, при которомъ воздушный токъ идетъ по обѣ стороны языка.

Всего болѣе разнообразія допускаетъ дѣленіе согласныхъ по органамъ. Если при этомъ вдаваться въ слишкомъ большія тонкости или искать слишкомъ симметрической правильности, какъ поступилъ напр. г. Таузингъ, то легко запутать дѣло, вмѣсто того чтобы уяснить его, и потому лучше держаться возможной простоты, измѣняя общепринятые термины только тогда, когда они противорѣчатъ вновь добытымъ результатамъ науки.

Слѣдуя этому правилу, получимъ, для обозрѣнія простыхъ звуковъ русскаго языка, такую таблицу:

Разряды звуковъ по органамъ.	Согласные.							Гласные.	
	Мгновенные.		Длительные.						
			Проторные.			Носовые.	Дрожательный.	Полные.	Полугласный.
			Съ однимъ протокомъ.		Съ двумя протоками.				
	Безголосные.	Голосовые.	Безголосные.	Голосовые.					
I. Гортанные (gutturales)	*к*	*г*	*х*	*ĭ*				*а*	
II. Нёбные (palatales) .			*ш*	*ж*				*і*	*й*
III. Зубные (dentales) . .	*т*	*д*	*с*	*з*	*л*	*н*			
IV. Губные (labiales) . .	*п*	*б*	*ф*	*в*		*м*		*у*	
V. Язычный (lingualis) .							*р*		

Гласные звуки не могутъ съ такою же опредѣленностію, какъ согласные, быть относимы къ тому или другому органу; въ [42] предпослѣдней графѣ помѣщены только три основные гласные, болѣе для того, чтобы, держась мысли Раумера [1]), яснѣе представить положеніе длительныхъ согласныхъ, которые, по своему образованію, занимаютъ середину между согласными мгновенными и гласными звуками. Но означенные тутъ три гласные дѣйствительно образуются при участіи того органа, на линіи котораго каждый изъ нихъ поставленъ: при центральномъ звукѣ *а* дѣйствуетъ только *гортань*, для *і* языкъ приподымается къ переднему *нёбу*, для *у* протягиваются впередъ губы.

Большинство согласныхъ, собственно говоря, должно бы стоять въ таблицѣ вдвойнѣ: т. е. разъ съ твердымъ оттѣнкомъ и другой разъ съ мягкимъ. Такъ привелъ ихъ, въ своемъ обозрѣніи звуковъ польскаго

---

[1]) Gesam. sprachw. Schriften, стр. 372.

языка, г. Бодуэнъ-де-Куртенэ; напр. въ разрядѣ *зубныхъ* мы у него видимъ два слѣдующіе ряда [1]):

твердые	*t*	*d*	*n*	*s*	*z*	*ł*
мягкіе	*t'*	*d'*	*ń*	*ś*	*ź*	*l*

или, перелагая это на русскій алфавитъ:

твердые	*тъ*	*дъ*	*нъ*	*съ*	*зъ*	*лъ*
мягкіе	*ть*	*дь*	*нь*	*сь*	*зь*	*ль*

При этомъ г. Бодуэнъ справедливо замѣчаетъ, что въ сущности у согласныхъ нижняго ряда мѣсто артикуляціи нѣсколько иное, нежели у согласныхъ верхняго ряда. „Если, говоритъ онъ, *n t d* происходятъ отъ прижатія конца языка къ верхнимъ зубамъ, то для образованія *n' t' d'* дѣйствуетъ не конецъ, а передняя часть языка на верхнихъ деснахъ“. Поэтому въ строго-физіологическомъ смыслѣ мягкіе согласные слѣдовало бы поставить въ другой разрядъ, чѣмъ твердые, но неудобно раздѣлять звуки, столь сходные между собою въ другихъ отношеніяхъ. Всего удобнѣе показалось мнѣ вовсе не повторять ихъ, отчего таблица [43] значительно выигрываетъ въ простотѣ и достаточно дополняется общимъ напоминаніемъ о двоякомъ произношеніи согласныхъ.

Не довольствуясь простыми названіями: гортанные, нёбные, нѣкоторые германскіе филологи стали употреблять, при распредѣленіи звуковъ, такія обозначенія: „заднее нёбо и задняя часть языка“, „передняя часть нёба и языка“, или выраженія: „задне-нёбные“, „передне-нёбные“ и т. п. Конечно, эти указанія точнѣе, но зато они сбивчивы и затруднительны при часто встрѣчающейся въ нихъ надобности.

Противъ термина *язычный* для *р* можно возразить, что языкъ есть главный участникъ въ произношеніи и другихъ звуковъ; но такъ какъ для *р* онъ является особенно характеристическимъ дѣятелемъ, то едва ли справедливо было бы называть этотъ звукъ, наравнѣ съ другими, зубнымъ.

Въ нашей таблицѣ недостаетъ сложныхъ звуковъ *ц ч щ*, такъ какъ они не могутъ быть относимы ни къ одной изъ категорій простыхъ звуковъ: *ц* (*тс*) и *ч* (*тш*) представляютъ въ первомъ членѣ своего состава мгновенный *т*, а во второмъ длительные *с* и *ш*, и хотя въ обоихъ случаяхъ сліяніе звуковъ такъ полно, что они слышатся какъ простые, но тѣмъ не менѣе они по происхожденію своему остаются составными (см. выше стр. 485). Что касается до *щ*, то тутъ связь обоихъ звуковъ *шч* далеко не такъ тѣсна — оба явственно слы-

---

[1]) *О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія*, стр. 26.

шатся — и собственно говоря, они должны бы означаться двумя отдѣльными начертаніями: тутъ соединеніе только графическое, т. е. два звука изображаются однимъ знакомъ.

Названіе носовыхъ не принято въ нашей таблицѣ за основаніе самостоятельнаго различія по органамъ, такъ какъ звуки *м* и *н* подходятъ также подъ остальные разряды *устныхъ* органовъ (первый — губной, второй — зубной) и носъ служитъ тутъ только путемъ воздушнаго тока. Звукъ *м* требуетъ такого же смыканія губъ, какъ *п* и *б*, а *н* образуется какъ *т* и *д*, но съ опущеніемъ нёбной занавѣски для открытія воздуху носового канала.

[44] Звуки *л р*, какъ всего ближе подходящіе къ гласнымъ, издревле носятъ названіе *плавныхъ* (liquidae), конечно метафорическое, не научное въ физіологическомъ смыслѣ, но тѣмъ не менѣе удобное по своей краткости и опредѣлительности.

Такое же удобство представляетъ названіе *шипящихъ*, присвоенное звукамъ *ш ж ч* и *щ*. Иногда встрѣчается еще названіе *свистящихъ* (sibilantes) для *с з* и *ц*, но этотъ терминъ не вошелъ въ общее употребленіе. Звукъ *ц* отличаютъ сверхъ того названіемъ assibilata.

Не вводя подобныхъ ненаучныхъ названій въ таблицу, основанную на систематическомъ дѣленіи, считаю однакожъ позволительнымъ употреблять главные изъ нихъ на практикѣ. Еще Я. Гриммъ, въ своей нѣмецкой грамматикѣ, замѣтилъ, что давно установившаяся, хотя и не совсѣмъ удачная, терминологія имѣетъ то преимущество передъ новой, что прямо и несомнѣнно указываетъ на предметъ, хотя и не всегда соотвѣтствуетъ существенному его признаку.

Нѣкоторые филологи, напр. Миклошичъ и Шлейхеръ, исключаютъ *ф* изъ системы славянскихъ звуковъ; но что этотъ спирантъ не чуждъ названнымъ языкамъ, доказывается произношеніемъ буквы *в* передъ безголосными и въ концѣ словъ (напр. *все* = фсе, *ровъ* = рофъ): справедливо только, какъ уже и прежде замѣчено, что *ф* не встрѣчается, какъ самостоятельный элементъ, въ составѣ славянскихъ корней.

Шлейхеръ, напечатавшій въ 1852 г. свой трудъ о формахъ церковно-славянскаго языка [1]), въ распредѣленіи звуковъ по разрядамъ довольно близко подошелъ къ истинѣ. Въ его таблицѣ звуки раздѣлены вообще весьма правильно, но съ нѣкоторыми частностями ея трудно согласиться. Такъ, онъ къ *язычнымъ*, кромѣ *р*, причисляетъ еще *л ш ж ч шт (щ)* и *жд*. Въ другомъ своемъ сочиненіи Шлейхеръ [2]) самъ признаетъ неудобство термина *язычные* при распредѣленіи звуковъ, и повидимому не было никакой [45] необходимости вводить въ этотъ разрядъ шипящіе, особенно сложные звуки, которые

---

[1]) Formenlehre der kirchenslavischen Sprache. Bonn, 1852.

[2]) Zetacismus, стр. 134.

вообще, какъ было показано мною, несправедливо относить къ одному какому-нибудь органу. Далѣе Шлейхеръ не приводитъ, въ ряду гортанныхъ, *голосового* звука, соотвѣтствующаго *безголосному х*, и въ замѣнъ г̆, которому принадлежитъ это мѣсто, ставитъ въ нёбномъ классѣ jot (*й*). Прямое соотвѣтствіе съ одной стороны *к* и *г*, съ другой *х* и г̆ лучше всего видно изъ наблюденія двоякихъ существительныхъ муж. рода, оканчивающихся въ писанномъ языкѣ на *г*, напр. въ словахъ *другъ* и *богъ*. Въ первомъ слышится *к*, во второмъ *х*; въ косвенныхъ падежахъ у перваго, въ произношеніи, является *г* (друга), у второго г̆ (бога). Ту же разницу представляютъ слова: *рогъ, кругъ* (*г* = *к*), род. п. *рога, круга* (*г* = *г*); — и *Петербургъ*, *Лейпцигъ* (*г* = *х*), род. п. *Петербурга, Лейпцига* (*г* = г̆), и мн. др. Въ своей систематикѣ звуковъ Шлейхеръ сохраняетъ латинскіе термины. Называть извѣстные звуки mutae и spirantes еще можно, но названія tenues и mediae для новыхъ языковъ вовсе не пригодны; въ отношеніи къ греческому мы понимаемъ терминъ *среднихъ* (γ δ β), какъ означающій мѣсто между tenues и aspiratae, но между какими же звуками занимаютъ середину наши *г д б*?

Этой несообразности избѣгъ г. Лескинъ (Leskien) въ своемъ „руководствѣ по древне-болгарскому языку“ [1]), принявъ уже новую терминологію и раздѣливъ согласные на мгновенные и длительные, а послѣдніе на спиранты, носовые и звуки *р*, *л*. Но г. Лескинъ также отнесъ *ш* и *ж* къ язычнымъ звукамъ; въ соотвѣтствіе къ безголосному *х* и онъ не поставилъ голосового г̆, а j (*й*) помѣстилъ въ число голосовыхъ согласныхъ. Звуковъ *ц ч шт* и *жд* онъ справедливо не внесъ въ таблицу простыхъ звуковъ.

Посмотримъ теперь, какъ представляется ученіе о звукахъ русскаго языка въ трудахъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ филологовъ.

Грамматика Ломоносова.

[46] Изъ грамматики Ломоносова къ предмету настоящаго изслѣдованія относятся собственно только первыя два *наставленія*, касающіяся звуковъ и буквъ, и знакомящія насъ вообще со взглядомъ автора на составъ языка; но при разсмотрѣніи этой части знаменитаго труда нельзя не затронуть и нѣкоторыхъ другихъ вызываемыхъ имъ вопросовъ. До сихъ поръ у насъ нѣтъ еще полнаго критическаго разбора его. Слѣдующія за симъ замѣчанія составятъ попытку болѣе обстоятельной въ отношеніи къ нему критики. Обратимся сперва къ тому, что́ заключаетъ въ себѣ эта грамматика, а потомъ постараемся указать, какими источниками Ломоносовъ пользовался при ея составленіи.

Въ его грамматикѣ вниманію нашему представляются двѣ стороны: во-первыхъ, расположеніе; во-вторыхъ, содержаніе.

---

[1]) Handbuch der altbulgarischen (altkirchen-sl.) Sprache. Weimar. 1871.

Въ первомъ отношеніи она раздѣлена на шесть *наставленій*, изъ которыхъ каждое подраздѣляется на нѣсколько главъ (числомъ отъ пяти до семи). Содержаніе первыхъ двухъ *наставленій* мною уже обозначено; 3-е и 4-е посвящены разсмотрѣнію двухъ *главныхъ* частей рѣчи: имени и глагола; 5-е занимается *служебными* частями рѣчи; 6-е относится къ синтаксису. Надобно согласиться, что этотъ планъ чрезвычайно простъ и разуменъ.

Первое *наставленіе* озаглавлено: *О человѣческомъ словѣ вообще.* Подъ *словомъ*, какъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, разумѣется языкъ; это послѣднее названіе часто встрѣчается въ посвященіи грамматики великому князю, которое и начинается извѣстною фразою: „Повелитель многихъ *языковъ*, *языкъ* россійскій“ и т. д.

Впрочемъ и тамъ Ломоносовъ говоритъ о своемъ „долговременномъ въ россійскомъ *словѣ* упражненіи“, но за основаніе изученія *своего языка* ставитъ „общее философское понятіе *о человѣческомъ словѣ*“. Вникая въ различіе, полагаемое имъ въ употребленіи этихъ двухъ терминовъ, мы находимъ, что онъ пользуется ими съ большою разборчивостью, и во всей грамматикѣ пишетъ [47] исключительно *слово*, когда разумѣетъ общую принадлежность человѣческаго рода, способность говорить; *языкомъ* же называетъ онъ конкретно достояніе того или другого народа. Оттого и въ заглавіяхъ отдѣльныхъ главъ I-го наставленія грамматики говорится все о *частяхъ слова.* Этотъ способъ выраженія проведенъ въ грамматикѣ съ большою послѣдовательностью, напр.: „По самой натурѣ *человѣческаго слова* всѣ сіи падежи потребны... Однако нѣкоторые *языки* имѣютъ въ нихъ недостатокъ“ (§ 57).

Вслѣдствіе такого пріема Ломоносовъ въ своей грамматикѣ, подобно Смотрицкому, уже никогда не употребляетъ имени *слово* въ смыслѣ звукового цѣлаго для выраженія отдѣльнаго понятія: для этого имъ обоимъ постоянно служитъ имя *реченіе.*

Въ этомъ же смыслѣ Ломоносовъ однажды въ посвященіи употребилъ названіе *рѣчь*: „Тончайшія философскія воображенія и разсужденія *и проч.* имѣютъ у насъ пристойныя и вещь выражающія рѣчи“. Но въ грамматикѣ это послѣднее слово является у него равносильнымъ нынѣшнему *предложеніе*: „Сложеніе *реченій* производитъ *рѣчи*, полной разумъ въ себѣ составляющія“ (§ 77).

Идея и цѣль I-го наставленія заключаются въ томъ, чтобы прежде разсмотрѣнія частностей обозрѣть всю область языка и уяснить основныя понятія науки о немъ. Оно должно было служить вступленіемъ въ русскую грамматику.

Приведу теперь заголовки отдѣльныхъ главъ, содержащихся въ этомъ наставленіи; но такъ какъ многіе термины Ломоносова впослѣдствіи замѣнены другими и потому для насъ не совсѣмъ понятны, то я рядомъ съ его заголовками поставлю въ скобкахъ, гдѣ нужно, ихъ переводъ на нынѣшніе термины:

Глава 1. О голосѣ.
„ 2. О выговорѣ и нераздѣлимыхъ частяхъ человѣческаго слова (*объ элементарныхъ звукахъ языка*).
„ 3. О сложенiи нераздѣлимыхъ частей слова (*о сочетанiи элементарныхъ звуковъ*, т. е. о слогахъ).
[48] „ 4. О знаменательныхъ частяхъ слова (*о реченiяхъ*, т. е. отдѣльныхъ словахъ).
„ 5. О сложенiи знаменательныхъ частей слова (*о сочетанiи словъ* или *реченiй*).

Эти пять отдѣловъ могутъ быть сведены на три, изъ которыхъ виднѣе будетъ правильное и симметрическое расположенiе предмета: 1) о голосѣ и звукахъ языка вообще; 2) объ элементарныхъ звукахъ языка и о соединенiи ихъ въ слоги, а слоговъ въ слова; 3) о словахъ и соединенiи ихъ въ предложенiя.

Отступая отъ общепринятаго въ его время порядка, Ломоносовъ начинаетъ свою грамматику размышленiями о *голосѣ*, слѣдовательно уже понимаетъ необходимость итти въ изученiи языка отъ живой рѣчи. Но качества и измѣненiя голоса различены имъ не довольно ясно, и главы этой нельзя считать вполнѣ удачною.

Замѣчательно, что ни въ ней, ни далѣе, въ цѣлой грамматикѣ, онъ, говоря о языкѣ, ни разу не употребляетъ слова *звукъ*, и только изрѣдка замѣняетъ его неупотребительнымъ нынѣ въ этомъ смыслѣ реченiемъ *звонъ*, напр. объясняя, что „сами гласныя *а у ы* произносятся яснымъ и неотмѣняемымъ *звономъ* (§ 93, ср. § 94).

Вмѣсто того онъ останавливается на *выговорѣ человѣческаго слова*, который, по его мнѣнiю, составляетъ одинъ изъ видовъ образованiя голоса. Къ образованiю же голоса относитъ онъ „тѣ отмѣны его, которыя отъ повышенiя, напряженiя и протяженiя не зависятъ“ и примѣчаются „въ сиповатомъ, звонкомъ, тупомъ и въ другихъ голосахъ разныхъ“. Особенно же, какъ видно изъ послѣдующаго, Ломоносовъ подъ „выговоромъ“ разумѣетъ произносимые человѣкомъ разнообразные звуки языковъ, которые у многихъ азiатскихъ, африканскихъ и американскихъ народовъ „больше на шумъ другихъ животныхъ, нежели на человѣческiй разговоръ походятъ“. Вообще понятiя Ломоносова о голосѣ и выговорѣ оказываются нѣсколько сбивчивыми, а потому мы на нихъ и не будемъ останавливаться долѣе.

[49] Отъ *выговора* онъ, въ началѣ 2-й главы, обращается къ *нераздѣлимымъ частямъ слова*. Такъ называетъ онъ, подобно Смотрицкому [1]), то, что въ наше время разумѣютъ подъ именемъ членораздѣльныхъ элементарныхъ звуковъ и ихъ изображенiй, т. е. буквъ. То и другое можетъ быть соединено подъ общимъ понятiемъ *элементовъ* языка.

---

[1]) „Что есть письмя?—Есть реченiя часть нераздѣльная“. (*Грам.* Смотрицкаго).

Вслѣдъ за симъ начинается у Ломоносова весьма обыкновенное еще и донынѣ смѣшеніе понятій о звукѣ и о буквѣ, смѣшеніе, на которое жаловался еще древній грамматикъ Присціанъ [1]).

Тѣмъ не менѣе, однакожъ, здѣсь тотчасъ выказывается естествоиспытатель. „Различность ихъ" (т. е. нераздѣлимыхъ частей слова), говоритъ Ломоносовъ, „происходитъ отъ разности органовъ, отъ разнаго ихъ положенія и движенія". Органы эти тутъ же исчислены имъ вѣрно: „губы, зубы, языкъ, небо и гортань съ положенными близъ ея частями, т. е. съ язычкомъ, и со скважинами въ ноздри (§ 14 и 15). Затѣмъ слѣдуетъ различеніе *гласныхъ* и *согласныхъ*, изъ которыхъ первые Ломоносовъ, по примѣру Смотрицкаго, называетъ иногда и *самогласными* (Selbstlaute); хотя различіе тѣхъ и другихъ объяснено не совсѣмъ удовлетворительно, однакожъ постоянно обращается вниманіе и на физіологическую сторону дѣла. Различіе гласныхъ очень остроумно обозначено характеристическими признаками разныхъ положеній рта, именно расширеніемъ (*е*), *стисненіемъ* (*и*), округленіемъ (*о*) и протяженіемъ (*у*).

Гласныя дѣлятся на два разряда, отмѣченные у Ломоносова тѣми же терминами — *дебелыя* и *тонкія*, которые употреблены Смотрицкимъ, а потомъ приняты и Востоковымъ, и Павскимъ, для обозначенія двоякаго выговора согласныхъ (при ъ и при ь). Иначе Ломоносовъ называетъ ихъ *тупыми* и *острыми*. Но [50] самое распредѣленіе гласныхъ на этомъ основаніи у него невѣрно. Именно онъ принимаетъ (§ 20):

дебелыя:	тонкія:
а	*я*
е	*ѣ*
ы	*и*
о	*іо*
у	*ю*

Тутъ смѣшаны звуки съ буквами, простые звуки съ составными и дебелые съ тонкими: во 1-хъ, *е* и *ѣ* выражаютъ одинъ и тотъ же звукъ [2]), слѣдовательно не могутъ стоять въ различныхъ категоріяхъ; во 2-хъ, *е* (хотя бы ему дать начертаніе: *э*) не можетъ относиться къ дебелымъ; въ 3-хъ, *я ѣ іо* и *ю* суть двугласные, и потому между элементарными звуками („нераздѣльными частями слова") находить

[1]) „Abusive tamen et elementa pro literis, et literae pro elementis vocantur". (*Prisciani Caesariensis grammatici opera*. Lipsiae 1819, Vol. I, p. 11).

[2]) Самъ Ломоносовъ (§ 100) сознаётся, что „буквы *е* и *ѣ* въ просторѣчіи едва имѣютъ чувствительную разность"; это сознаніе выражено имъ еще яснѣе въ §§ 113 и 114, гдѣ онъ говоритъ, что кромѣ „твердаго ученія грамотѣ и прилежнаго чтенія книгъ" нѣтъ никакихъ другихъ средствъ отличать въ употребленіи на письмѣ *е* и *ѣ* по причинѣ „сходнаго произношенія" словъ, гдѣ онѣ пишутся.

мѣста не могутъ. Припомню здѣсь предлагаемое мною раздѣленіе нашихъ гласныхъ:

Гласные простые звуки.		Двугласные.
Твердые.	Мягкіе.	
ы	*и*	йи (*и*)
	э	йэ (*е*, *ѣ*)
а		йа (*я*)
о		йо (*ё*)
у		йу (*ю*)

Большею правильностью отличается у Ломоносова таблица согласныхъ по органамъ; въ этомъ отношеніи онъ принимаетъ: *губныя*, *зубныя*, *язычныя*, *поднебныя*, и *гортанныя* (§ 21). Особенность [51] его таблицы заключается въ томъ, что въ ней отведена отдѣльная графа для *буквъ чужестранныхъ*, соотвѣтствующихъ тѣмъ же органамъ, при чемъ однакожъ дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ ошибокъ: напр. онъ считаетъ италіанское *g* (*дж*) звукомъ тожественнымъ съ нашимъ *жд* въ словѣ *трождыı*. За то Ломоносовъ понялъ различіе нашихъ двухъ звуковъ, выражаемыхъ буквою *г*; жаль только, что онъ поставилъ ее въ два разные разряда, отнеся звукъ ея въ словѣ *глазъ* къ поднебнымъ, а въ словѣ *благо* къ гортаннымъ [1]); съ первымъ звукомъ онъ правильно сопоставилъ *к*, со вторымъ *х*, а этого, какъ мною уже было замѣчено, не сознаютъ и многіе изъ нашихъ современниковъ. Впрочемъ, надобно помнить, что на эти два звука слегка указалъ уже и Смотрицкій, принявъ въ своей азбукѣ два *г* (*г* для славянскаго звука въ словѣ *благо*, и греч. Г для гаммы), а позднѣе на нихъ было обращено вниманіе въ краткой грамматикѣ, приложенной къ словарю Вейсмана (1730) и въ извѣстномъ Разговорѣ Тредьяковскаго (1748). Въ особенной табличкѣ Ломоносовъ представляетъ раздѣленіе буквъ каждаго органа на *мягкія* и *твердыя* (чему, по нашей терминологіи, соотвѣтствуютъ голосовыя и безголосныя), но о физіологическомъ различіи изображаемыхъ тѣми и другими звуковъ онъ еще не имѣетъ надлежащаго понятія и объясняетъ его различною мѣрой стремленія воздуха и силы движенія (§ 24). Такъ и раздѣленіе согласныхъ на *мгновенные* и *длительные*, хотя бы и подъ древними названіями *нѣмыхъ* (mutae) и *полугласныхъ* (semivocales), вовсе

[1]) Это раздѣленіе означенныхъ двухъ звуковъ по органамъ невѣрно: они оба гортанные; различіе между ними количественное, а не качественное (см. выше стр. 486, 504 и 507).

еще чуждо сознанію Ломоносова, и онъ полагаетъ, что *всѣ* согласныя, въ противоположность гласнымъ, „слышны бываютъ въ *нераздѣлимое* слухомъ время“ (§ 16): отъ вниманія его совершенно ускользнуло, что есть согласныя, которыя, подобно гласнымъ, также „могутъ дать голосу отмѣну на чувствительное и весьма долгое время, сколько духа человѣческаго станетъ“, какъ, напр., *с з ш ж ф в*.—Что [52] касается терминовъ: *носовыя*, *плавныя* и *шипящія*, то изъ нихъ только средній („плавкія“) является у Ломоносова, и именно въ таблицѣ его.

Въ слѣдующей главѣ (3-й) *о сложеніи нераздѣлимыхъ частей слова* разсматривается образованіе *слоговъ*, которые Ломоносовъ постоянно называетъ *складами*. Послѣ того объяснено значеніе *ударенія* и *количества* съ указаніемъ на различіе языковъ въ этомъ отношеніи. Мы не разъ слышали замѣчаніе, будто Ломоносовъ, раздѣляя слоги на краткіе и долгіе, смѣшивалъ акцентъ съ протяженіемъ; но это несправедливо: называя одни слоги русскихъ стиховъ *долгими*, а другіе *короткими*, онъ употребляетъ эти термины только для удобства выраженія; самую сущность дѣла онъ очень хорошо понималъ. Это отчасти видно уже изъ его *письма о правилахъ россійскаго стихотворства*, хотя тамъ сказано: „въ россійскомъ языкѣ тѣ только слоги долги, надъ которыми стоитъ сила, а прочіе всѣ коротки“. Гораздо яснѣе Ломоносовъ высказалъ свой взглядъ на русскую просодію въ грамматикѣ, писанной годами 15-ю позже означеннаго письма [1]). Здѣсь (§ 32) онъ говоритъ уже не о *долгихъ* слогахъ, а о *повышенныхъ*, или *имѣющихъ на себѣ удареніе*, которое „составляется разностію возвышенія и униженія“ (голоса). Какъ вѣрно Ломоносовъ смотрѣлъ на это свойство русской просодіи, доказывается особенно § 34-мъ грамматики: „разность складовъ чрезъ протяженіе была весьма явственна у древнихъ грековъ и римлянъ, такъ что и стихотворство ихъ на томъ основано, не взирая на ударенія, которыя по сему не такъ чувствительны были, какъ протяженія. Въ нынѣшнее время у европейскихъ народовъ хотя удареніе на складахъ преимущество одержало; однако протяженіе не токмо не совсѣмъ истребилось; но и нѣкоторую разницу причиняетъ между реченіями одного выговора, напримѣръ: у Нѣмцовъ Stall краткое, значитъ конюшню, Stahl [53] долгое, сталь“. Приведеніе здѣсь примѣра изъ нѣмецкаго языка не оставляетъ мѣста ни малѣйшему сомнѣнію, что Ломоносовъ совершенно понималъ отсутствіе *долгихъ* слоговъ въ русскомъ. Чередованіе слоговъ съ удареніемъ и безъ ударенія или свойство голоса, которымъ оно производится, онъ называлъ *выходкой* (музыкальный терминъ [2]) и прибавлялъ: „выходка

---

[1]) Письмо писано въ 1739 г.; собранные для грамматики матеріалы Ломоносовъ сталъ приводить въ порядокъ съ 1751 года. (См. его *Рапортъ о своихъ трудахъ* въ Смирд. изд. его сочиненій, т. I, стр 729).

[2]) Ср. въ § 115 его Грамм. выраженіе, что музыканты въ протяжныхъ распѣвахъ обходятъ букву *и*, „не протягивая на ней *долгихъ выходокъ*“.

въ различеніи складовъ примѣчается у всѣхъ извѣстныхъ народовъ; протяженіе у нѣкоторыхъ“ (§ 31).

По плану I-го наставленія грамматики, которое имѣетъ цѣлью дать понятіе о языкѣ независимо отъ письма, глава 3-я должна была ограничиться немногими приведенными мною сокращенно замѣчаніями объ образованіи и произношеніи слоговъ; но здѣсь Ломоносовъ, потерявъ изъ виду свою идею, начинаетъ далѣе говорить о знакахъ ударенія и титлахъ, также о сложныхъ буквахъ (напр. *щ*) и такимъ образомъ преждевременно касается правописанія, составляющаго у него предметъ II-го наставленія.

Отъ слоговъ онъ переходитъ къ составленію изъ нихъ цѣлыхъ словъ или *реченій*, которыя и разсматриваетъ въ 4-й главѣ, озаглавленной: *о знаменательныхъ частяхъ слова*. Эта глава подала поводъ къ недоразумѣнію, которое долго держалось въ нашей ученой и учебной литературѣ, и произошло единственно отъ недовольно внимательнаго чтенія первыхъ страницъ грамматики Ломоносова. Сколько разъ повторялось даже въ спеціальныхъ трудахъ (не исключая академическаго изданія этой грамматики въ 1855 г.), что подъ *знаменательными* частями слова онъ разумѣетъ *имя* и *глаголъ* въ противоположность остальнымъ, которыя называетъ *служебными*. Но такъ какъ тутъ же первымъ терминомъ явно означены въ одномъ мѣстѣ всѣ части рѣчи, то находили въ этой главѣ неясность или недоконченность въ отдѣлкѣ [1]). Нельзя дѣйствительно отрицать, что въ изложеніи ея [54] есть нѣкоторая сбивчивость, но если вникнуть въ дѣло, то оно вполнѣ выясняется.

Отъ членораздѣльныхъ звуковъ Ломоносовъ постепенно переходитъ къ болѣе и болѣе развивающимся сочетаніямъ ихъ: изъ нераздѣлимыхъ частей языка образуются *склады* (слоги), которые сами по себѣ въ отдѣльномъ видѣ еще не имѣютъ знаменованія; изъ слоговъ же „раждаются *знаменательныя части слова, т. е. реченія*“ (§ 29); наконецъ „сложеніе знаменательныхъ частей слова или реченій производитъ *рѣчи*“ (по нынѣшнему, предложенія), „полный разумъ въ себѣ составляющія“ (§ 77). Ясно, что реченія, или *слова вообще*, названы у него *знаменательными* частями языка, какъ такія сочетанія звуковъ, которыя уже сами по себѣ, отдѣльно взятыя (не такъ, какъ слоги), имѣютъ значеніе.

Знаменательныя же части слова (терминъ, означающій у него и реченія, и то, что мы теперь называемъ частями рѣчи) дѣлитъ онъ

---

[1]) Такъ г. Будиловичъ говоритъ: „Не можемъ не замѣтить, что Л-въ не представилъ еще ясно и твердо различія частей рѣчи знаменательныхъ и служебныхъ... То называетъ онъ знаменательными или главными только *имя* и *глаголъ* (§ 40 и 45), считая остальныя 6 частей рѣчи служебными (§ 45), то говоритъ: „слово человѣческое имѣетъ осмь частей знаменательныхъ“ (§ 46). Мы склонны впрочемъ считать это обмолвкой“ и проч. (*Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ*. Спб. 1869, стр. 75).

на два разряда: *главныя* и *служебныя*. Это съ несомнѣнною опредѣлительностью выражено имъ такъ: „Слово человѣческое имѣетъ *осмь частей знаменательныхъ*“, и послѣ исчисленія этихъ частей рѣчи прибавлено: „Сіи части слова, двѣ *главныя*, и шесть *вспомогательныхъ* или *служебныхъ*, должны быть по своей необходимости во всякомъ языкѣ“ (§§ 46 и 47). Мѣсто, подавшее поводъ къ недоразумѣнію (§ 40), изложено такъ: „Слово дано для того человѣку, чтобы свои понятія сообщать другому. И такъ понимаетъ онъ на свѣтѣ и сообщаетъ другому идеи вещей и ихъ дѣянія. Изображенія словесныя вещей называются *имена*: напр., *небо, вѣтръ, очи*; изображенія дѣяній, *глаголы*: напр. *синѣетъ, вѣетъ, видятъ*. И такъ понеже они всегда вещь или дѣяніе знаменуютъ; по справедливости *знаменательныя части слова* названы быть могутъ“.

[55] Здѣсь можно отмѣтить только недомолвку или нѣкоторую неточность: вмѣсто „по справедливости“ слѣдовало сказать „по преимуществу“, какъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, гдѣ и остальныя принимаемыя Ломоносовымъ части рѣчи (мѣстоименіе, причастіе, нарѣчіе, предлогъ, союзъ и междометіе) положительно названы *знаменательными* же *частями слова*. Какъ понималъ Ломоносовъ этотъ терминъ, лучше всего видно изъ его *грамматической табели*, оставшейся въ рукописи и здѣсь прилагаемой [1].

Разсуждая о разрядахъ словъ, Ломоносовъ бросаетъ любопытный взглядъ и на исторію языка. „Какъ всѣ вещи отъ начала въ маломъ количествѣ начинаются, и потомъ присовокупленіями возрастаютъ: такъ и слово человѣческое, по мѣрѣ извѣстныхъ человѣку понятій, въ началѣ было тѣсно ограничено, и однѣми простыми реченіями довольствовалось. Но съ приращеніемъ понятій и само по малу умножилось, что происходило *произвожденіемъ и сложеніемъ*“ (§ 51).

Въ остальной части 4-й главы Ломоносовъ продолжаетъ развивать понятія о языкѣ: объясняетъ значеніе рода и вида, раздѣленіе именъ на собственныя и нарицательныя, на существительныя и прилагательныя; далѣе указаны разные способы измѣненія словъ: степени сравненія (*разсудительный* степень вм. нынѣшняго термина: *сравнительная* степень); числа, падежи (новый терминъ: *предложный* вм. *сказательный*), увеличительныя и „умалительныя“ имена; роды именъ; времена глаголовъ, лица, наклоненія (или „образы“) и залоги. Изъ понятія о перемѣнахъ окончаній глагола по этимъ отношеніямъ выводится понятіе о его *спряженіи*; потомъ упомянуто о причастіяхъ, о мѣстоименіи и объ остальныхъ частяхъ рѣчи. Вѣрный плану своего введенія „о человѣческомъ

---

[1]) Табель эта, сохранившаяся въ академической рукописи Ломоносова (№ 112), въ первый разъ была напечатана г. Будиловичемъ (см. его *Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ*, стр. 1).

Къ ст 514.

Грамматическая т лица Ломоносова.

Слово человѣческое начинаетъ: голосъ.

- Его отмѣняютъ:
  - повышеніе
  - напряженіе
  - протяженіе
  - образованіе.
- Сего видъ **выговоръ**
  - Нераздѣлимыя: **буквы**
    - Самогласныя
      - кія
      - елыя
    - Согласныя
      - ткія
      - рдыя
      - вкія
        - губныя
        - зубныя
        - язычныя
        - поднёбныя
        - гортанныя.
  - Раздѣлимыя или сложенныя: **склады**
    - Двугласныя и т гласныя
      - Явственныя
      - Потаенныя.
    - Двусложныя и т сложныя
      - Самогласное напереди
      - Гласное назади
      - Согласное въ срединѣ.
- Его части:
  - Знаменательныя: **реченія.**
    - Главныя: **имя**
      - цествит.
        - Собственное
        - Нарицательное
        - Собирательное
          - первообразное
          - производное
      - илагаг.
        - Именное
        - Глагольное или
        - Причастіе.
          - простое
          - сложенное.
      - Къ имени принадлежитъ:
        - Родъ: муж., жен., средн.
        - Число: единствен., множествен.
        - падежъ, склоненіе: 7 пад., 5 ск.
        - уравненіе, увеличеніе, умаленіе: 3 ст., ласк., презр.
    - **глаголъ**
      - йствительный
      - радательный
      - едній
      - щій
      - имный
        - Оные суть: первообразные и производные.
      - Къ нимъ принадлежатъ:
        - времена — врем.: 8.
        - числа — чис.: 2.
        - лица и — лиц.: 3.
        - роды. — род.: 3.
  - **Служебныя.**
    - стоименіе
    - едлогъ
    - юзъ
    - рѣчіе
    - еждуметіе.
      - Еще глаголы раздѣляются на
        - личные
        - безличные
        - правильные и неправ.
        - полные и неполные и
        - изобилующіе.

словѣ вообще“, Ломоносовъ въ I-мъ наставленіи иногда предлагаетъ философскія соображенія и при [56] каждомъ новомъ предметѣ касается другихъ языковъ, не только европейскихъ, древнихъ и новыхъ, но часто и еврейскаго. Его замѣчанія относительно новыхъ языковъ не всегда точны, такъ какъ онъ за исключеніемъ нѣмецкаго не зналъ ихъ практически: напр. онъ думаетъ, что французское *u* въ lutte выговаривается такъ, какъ наше *ю* въ *лютость*. Но важно то, что Ломоносовъ уже предчувствуетъ значеніе сравнительной филологіи и по мѣрѣ возможности прибѣгаетъ къ ней съ первыхъ шаговъ въ объясненіи законовъ языка. Не менѣе важно, что онъ употребляетъ синтетическій методъ, восходя отъ единичныхъ явленій къ болѣе сложнымъ и отъ частнаго къ общему, наприм. разобравъ „перемѣны“, случающіяся въ частяхъ рѣчи, кончаетъ главу замѣчаніемъ: „По всему сему раздѣляются части слова на *склоняемыя* и *несклоняемыя*“. Въ послѣдней (5-й) главѣ I-го наставленія: „О сложеніи знаменательныхъ частей слова“ онъ излагаетъ только самыя общія понятія о предложеніи, которое, какъ я уже замѣтилъ, называетъ *рѣчью*, о способахъ распространять его, о простыхъ и сложныхъ предложеніяхъ, наконецъ о періодахъ. Заключительныя слова этой первой части грамматики Ломоносова подтверждаютъ сказанное выше о его методѣ. Кончая свое I-е наставленіе, онъ какъ бы оглядывается на все его содержаніе и говоритъ: „Здѣсь при вступленіи въ Россійскую грамматику больше общаго понятія о человѣческомъ словѣ не требуется. Довольно для краткости будетъ знать, что *общая грамматика есть философское понятіе всего человѣческаго слова; а особливая, какова Россійская, есть знаніе, какъ говорить и писать чисто Россійскимъ языкомъ по лучшему разсудительному его употребленію*“. (Курсивъ у самого Ломоносова). Его I-е наставленіе есть сокращенное изложеніе общей грамматики и притомъ съ фонетикою во главѣ ея [1]). Хотя еще и не совсѣмъ сознательно и не совсѣмъ [57] полно, онъ уже отличаетъ произносимый языкъ отъ писаннаго и посвящаетъ первому вступительную часть своего труда.

Со II-го наставленія Ломоносовъ приступаетъ къ изложенію собственно русской грамматики и прежде всего къ правописанію, именно къ тому, чѣмъ въ его время начиналась всякая частная грамматика. Здѣсь мы остановимся, такъ какъ предметъ II-го наставленія относится уже къ другому отдѣлу нашего изслѣдованія, и говорить теперь о правописаніи было бы преждевременно. Поэтому на первый случай

---

[1]) Новѣйшая филологія отвергаетъ возможность *общей* или такъ называемой философской грамматики. Въ каждомъ языкѣ выражается индивидуальный способъ мышленія говорящаго на немъ народа, и опредѣленной схемы логическихъ категорій для всѣхъ языковъ человѣческаго рода не существуетъ. См. Heyse. System der Sprachwissenschaft, стр. 162.

представлю за симъ лишь нѣсколько общихъ замѣчаній о грамматикѣ Ломоносова и ея источникахъ. Трудъ этотъ планомъ своимъ отличается отъ всѣхъ современныхъ трудовъ того же рода. Принадлежитъ ли идея этого плана исключительно самому Ломоносову, или она хотя отчасти заимствована? Постараюсь опредѣлить отношеніе его грамматики къ состоянію тогдашней филологической литературы вообще [1]).

Откуда могъ онъ почерпнуть мысль о необходимости начинать грамматику свѣдѣніями о звукахъ человѣческой рѣчи и философскими понятіями о языкѣ, составляющими принадлежность такъ называемой общей грамматики? Съ перваго взгляда можно подумать, что такое убѣжденіе было вынесено имъ изъ знакомства съ германской ученой и учебной литературой, но ни Готшедъ, издавшій свою грамматику въ 1748 году, ни другіе извѣстные въ то время авторы по этой части не представляютъ ничего подобнаго. У нихъ могъ онъ научиться между прочимъ пріему приводить сравненія съ другими языками, что̀ было особенно умѣстно въ отдѣлѣ о человѣческомъ словѣ вообще. Богаче въ отношеніи къ разработкѣ теоріи звуковъ и общей грамматики въ 18-мъ и уже въ 17-мъ столѣтіяхъ были англійская, голландская и французская литературы. Въ Англіи, еще въ 1653 году,
[58] ученый епископъ Іоаннъ Валлисъ (Johannis Wallis), профессоръ геометріи при Оксфордскомъ университетѣ, издалъ по-латыни грамматику своего языка, передъ которою помѣстилъ „грамматико-физическій трактатъ о живой рѣчи или образованіи звуковъ“ [2]). Это сочиненіе имѣло большой успѣхъ, перепечатывалось не въ одной Англіи [3]) и въ 18-мъ вѣкѣ было очень извѣстно въ Европѣ. Вскорѣ послѣ Валлиса писалъ о томъ же врачъ Амманъ, уроженецъ Шафгаузена, поселившійся въ Голландіи; онъ, подобно Валлису, занимался обученіемъ глухонѣмыхъ и на основаніи своихъ наблюденій напечаталъ два сочиненія о звукахъ языка [4]). Судя по отсутствію въ грамматикѣ Ломоносова нѣкоторыхъ мѣткихъ указаній этихъ обоихъ ученыхъ, надобно полагать, что онъ съ ихъ изслѣдованіями знакомъ не былъ [5]). Напротивъ, въ руки его повидимому попадались нѣкоторые изъ французскихъ руководствъ общей грамматики, издававшихся во второй половинѣ

---

[1]) Считаю это тѣмъ болѣе нужнымъ, что вопросъ о томъ не былъ затронутъ писавшими о грамматикѣ Ломоносова Ѳ. И. Буслаевымъ и П. А. Лавровскимъ. См. *Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова* и пр. М. 1865, и *Памяти Ломоносова*. Харьк. 1865.

[2]) Grammatica linguae anglicanae, ubi praefigitur de loqvela sive sonorum formatione tractatus grammatico-physicus. Oxoniae (4-е изд. 1674).

[3]) Оно было вновь издано въ Лейденѣ въ 1727 г.

[4]) Amman (Joh. Conr., род. 1669, ум. 1724) издалъ: въ 1692 Surdus loqvens, а въ 1700 De loqvela. Оба соч. напечатаны въ Амстердамѣ и издавались не разъ.

[5]) Кромѣ ихъ, о томъ же писалъ англичанинъ Holder (Elements of speech. London 1669).

17-го и въ первой 18-го вѣка. Это предположеніе было уже выражено А. С. Будиловичемъ [1]).

Очевидно однакожъ, что главнымъ источникомъ понятій о живой рѣчи и вообще о языкѣ послужили Ломоносову древніе писатели, Аристотель, Квинтиліанъ, Донатъ, Присціанъ, а можетъ быть еще и другіе. Вѣрнѣйшій признакъ, ведущій къ этому заключенію, представляетъ терминологія Ломоносова. Самое различеніе понятій *слово* и *языкъ*, на которое мною выше указано, взято у древнихъ: они для означенія отдѣльныхъ языковъ употребляли большею частью терминъ lingua (*γλῶσσα, διάλεκτος*), а въ общемъ смыслѣ говорили sermo, loquela (*λόγος*). По примѣру древнихъ писателей, Ломоносовъ, подобно [59] Смотрицкому, для означенія того, что́ мы называемъ *слово* (mot), употребляетъ исключительно имя *реченіе* (*λέξις; φωνή*, vox, vocabulum, dictio) [2]). Изъ того же источника объясняются его двоякія *части слова*: *нераздѣлимыя* (элементарные звуки и буквы), и *знаменательныя* (реченія, части рѣчи), а наконецъ и раздѣленіе послѣднихъ на два разряда, т. е. на главныя и служебныя. Даже мыслью назвать главные отдѣлы своей грамматики *наставленіями* Ломоносовъ обязанъ древнимъ, которые ставили слово institutiones въ заглавіе своихъ грамматическихъ и реторическихъ трудовъ. Тому же примѣру послѣдовалъ въ позднѣйшее время, между многими другими, и Добровскій.

Донатъ, наставникъ св. Іеронима, жившій въ 4-мъ вѣкѣ, начинаетъ свою „Ars grammatica“ замѣткою *De Voce* (о голосѣ) [3]). Правда, что у него вся эта глава ограничивается двумя строками, но важна основная идея, которою воспользовался Ломоносовъ. Другой древній грамматикъ, Присціанъ, содержавшій въ 525 г. училище въ Константинополѣ, въ 1-й книгѣ своихъ Institutiones также разсматриваетъ прежде всего голосъ и его виды, потомъ значеніе и раздѣленіе буквъ; во 2-й же книгѣ онъ говоритъ о слогахъ, о различіи между ними и реченіями, а потомъ о предложеніи и частяхъ его. Въ началѣ 1-й книги онъ между прочимъ замѣчаетъ: „Буква есть малѣйшая часть составного звука... что́ короче всего, способнаго дѣлиться, то нераздѣлимо. Можемъ и такъ опредѣлить: буква есть звукъ (въ подл. vox), который можетъ быть написанъ какъ нераздѣлимый“. Фонетическія понятія древнихъ ведутъ свое начало еще отъ Платона и Аристотеля; по-

---

[1]) *Ломоносовъ какъ натуралистъ и филологъ*, стр. 75.

[2]) Такъ какъ у насъ позднѣе для этого понятія установилось употребленіе имени *слово*, то старинный терминъ *реченіе* въ томъ же смыслѣ сдѣлался, пожалуй, не нужнымъ. Лучше бы дать ему болѣе полезное значеніе того, что́ французы называютъ locution, т. е. соединенія двухъ или нѣсколькихъ словъ, равносильныхъ предлогу или нарѣчію.

[3]) См. Corpus grammaticorum latinorum veterum collegit Fr. Lindemann. Lipsiae 1831. T. I.

слѣдній изложилъ ихъ преимущественно въ своихъ сочиненіяхъ: *о душѣ, объ исторіи животныхъ* и въ піитикѣ. По его ученію [60] *голосъ*, φωνή, долженъ быть отличаемъ отъ звука и шума вообще, ψόφος; отъ голоса же, далѣе, отличается рѣчь, λόγος, διάλεκτος, двоякимъ образомъ: наружно, такъ какъ она есть артикулованный языкомъ голосъ; внутренно, такъ какъ она не только имѣетъ значеніе (что́ свойственно и голосу животныхъ), но служитъ символомъ понятія [1]). Элементарный звукъ, нераздѣлимый тонъ голоса, называется у Аристотеля, какъ и у Платона, στοιχεῖον (elementum); употребляемые же для изображенія его знаки суть γράμματα (literae), т. е. буквы. На этомъ основаніи и Присціанъ говоритъ: „Различіе между элементами" (нераздѣлимыми частями слова, по Ломоносову) „и буквами, въ томъ состоитъ, что элементы собственно называются *выговорами* (звуками), а знаки ихъ — буквами. Неправильно зовутъ буквы элементами, а элементы буквами" [2]). Это различіе не вполнѣ сознано и Ломоносовымъ, такъ что онъ, подобно позднѣйшимъ латинскимъ грамматикамъ, для *нераздѣлимыхъ частей слова* не знаетъ другого названія, кромѣ буквъ или „письменъ" (терминъ Смотрицкаго, иногда удерживаемый и Ломоносовымъ), и въ главахъ о голосѣ и выговорѣ разсматриваетъ только *произношеніе буквъ*; даже въ таблицѣ звуковъ по органамъ онъ употребляетъ названіе *буквъ*. Когда же ему необходимо нужно отличить понятіе звука, то онъ прибѣгаетъ къ выраженіямъ: *отмѣна голоса*, *выговоръ*, *произношеніе*, или говоритъ, что такія-то буквы произносятся такимъ-то, напр. чистымъ и открытымъ, *звономъ*.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Ломоносовъ былъ знакомъ съ піитикою Аристотеля, слѣдовательно многія понятія о языкѣ могъ почерпнуть непосредственно изъ этого источника; другія могъ заимствовать изъ латинскихъ грамматиковъ или и изъ писателей новаго времени, которые, разумѣется, сами также болѣе или менѣе пользовались древними. Такъ и представленная Ломоносовымъ [61] таблица гласныхъ и согласныхъ съ раздѣленіемъ ихъ по органамъ конечно была новостью только на русскомъ языкѣ: подобную (но безъ разрядовъ зубныхъ и язычныхъ) находимъ мы уже у Валлиса въ названномъ выше трактатѣ его о языкѣ. Такую же таблицу, но съ нѣкоторыми измѣненіями, составилъ вскорѣ послѣ того докторъ Амманъ [3]).

Понятіе о словѣ (реченіи), какъ *знаменательной* части языка (φωνὴ σημαντική), также высказано еще Аристотелемъ и потомъ не разъ повторялось грамматиками. Такъ Присціанъ говоритъ: „Реченіе (dictio)

---

[1]) Steinthal. Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen u. Römern. Berlin 1863, стр. 247.

[2]) Prisciani Caesariensis grammatici opera recensuit Aug. Krehl. Lipsiae 1819. T. I, стр. 10, 11.

[3]) См. его Tractatus de Loqvela. Amsterd. 1700, стр. 57.

есть ме́ньшая часть стройной рѣчи, т. е. въ порядкѣ расположенной. Реченіе же отличается отъ слога не только тѣмъ, что слогъ есть часть реченія, но и тѣмъ, что реченіе выражаетъ, даетъ разумѣть нѣчто. Слогъ никогда самъ по себѣ не можетъ что-либо значить: это — свойственно только реченію" [1]): вотъ полное объясненіе Ломоносовскаго термина — *знаменательная часть слова:* онъ служитъ синонимомъ *реченія* и съ тѣмъ вмѣстѣ замѣняетъ терминъ *часть рѣчи* (pars orationis). Впрочемъ, это послѣднее названіе уже употреблялось во время Ломоносова, чему доказательствомъ служитъ напечатанная въ 1752 г. по-русски французская грамматика Ресто́ (Restaut) въ переводѣ Василія Теплова, гдѣ „parties du discours" названы „частями рѣчи". Но Ломоносовъ, для единообразія своей терминологіи, предпочелъ терминъ *части слова,* употребленный Смотрицкимъ, который подъ *словомъ* разумѣетъ рѣчь или предложеніе [2]); только къ этому термину Ломоносовъ, по примѣру древнихъ, прибавилъ [62] аттрибутъ знаменательности. О недоразумѣніи, къ которому терминъ его подалъ поводъ, было уже выше говорено.

Извѣстно, что преобразователю нашей письменной рѣчи долго ставили въ особенную заслугу раздѣленіе частей рѣчи на два принятые имъ разряда: *главныхъ* (или, какъ говорили, знаменательныхъ) и *служебныхъ*, при чемъ иногда замѣчали, что онъ за сто лѣтъ до Беккера умѣлъ различить Begriffswörter и Formwörter [3]). Но исторія грамматики показываетъ, что это различеніе, хотя и не въ столь оконченной формѣ, восходитъ до отдаленной древности. Еще Платонъ признавалъ только двѣ части рѣчи: *имя* и *глаголъ*, при чемъ онъ

---

[1]) „Dictio est pars minima orationis constructae, id est in ordine compositae. Pars autem, quantum ad totum intelligendum, id est ad totius sensui intellectum. Differt autem dictio (реченіе) a syllaba, non solum quod syllaba pars est dictionis, sed etiam quod dictio dicendum, hoc est intelligendum, aliquid habet... nunquam syllaba, per se potest aliquid significare: hoc enim proprium est dictionis". (Prisciani gram. op. T. I, стр. 65. Ср. тамъ же Т. II, 12, 80, 89).

[2]) „Реченія составляютъ слово: есть же слово реченій сложеніе, разумъ совершенъ являющее, яко: уповахъ на милость Божію". (*Грамматики Славенскія правильное Сѵнтагма* 1618). Къ сожалѣнію, нельзя точнѣе указать мѣсто, потому что въ этомъ изданіи нѣтъ нумераціи страницъ.

[3]) См. между прочимъ предисловіе И. И. Давыдова къ послѣднему изданію грамматики Ломоносова (Спб. 1855), стр. XXIII. Напрасно нѣкоторые думаютъ, что подобное замѣчаніе въ первый разъ пущено въ ходъ Ѳ. И. Буслаевымъ; въ его книгѣ *О преподаваніи отечественнаго языка* (ч. II, стр. 7) сказано только, что три части рѣчи: существительное, прилагательное и глаголъ „могутъ быть названы *знаменательными* (Begriffswörter), въ противоположность остальнымъ, кои назовемъ *служебными* (Formwörter)". Г. Буслаевъ только переложилъ термины Беккера на ломоносовскіе, давъ однакожъ одному изъ послѣднихъ („знаменательныя") иное значеніе, чѣмъ какое соединялъ съ нимъ самъ Ломоносовъ. У Гейзе находимъ терминъ: Stoffwörter и Formwörter.

подъ этими терминами разумѣлъ вообще подлежащее и сказуемое [1]). У Аристотеля ученіе о частяхъ рѣчи развито уже нѣсколько опредѣленнѣе: онъ принимаетъ *имя*, *глаголъ*, *членъ* и *союзъ*, и называетъ первыя двѣ *знаменательными звучностями* (σημαντικαὶ φωναί), а послѣднія противопоставляетъ имъ подъ именемъ *незнаменательныхъ* (ἄσημοι) [2]). Выше уже было показано, что Ломоносовъ беретъ слово *знаменательный* въ болѣе обширномъ смыслѣ, отмѣчая имъ реченіе вообще, что́ также согласно съ Аристотелемъ [3]). Дѣленіе же знаменательныхъ частей слова, по ихъ смыслу, на два разряда встрѣчается у [63] позднѣйшихъ латинскихъ грамматиковъ. Донатъ, исчисливъ 8 частей рѣчи, прямо говоритъ: „Изъ нихъ двѣ *главныя* (principales), имя и глаголъ“ [4]). Присціанъ также учитъ, что по мнѣнію діалектиковъ, собственно двѣ только части рѣчи, имя и глаголъ, потому что онѣ однѣ сами по себѣ могутъ составлять полное предложеніе (plenam faciunt orationem), остальныя же называютъ *однозначущими* (consignificantia), т. е. второстепенными, не самостоятельными [5]). Вѣроятно, ту же мысль нашъ ученый нашелъ у кого-нибудь изъ ближайшихъ къ его времени западно-европейскихъ грамматиковъ. Въ тогдашнихъ нѣмецкихъ трудахъ этого рода, ни у Готшеда, ни у его предшественниковъ, мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго, но другое представляютъ французы: въ библіотекѣ Ломоносова была грамматика французскаго языка, съ нѣмецкимъ текстомъ, подъ заглавіемъ: „Nouvelle et parfaite grammaire royale française et allemande. Neue und vollkommene Königliche Französische Grammatica“, изданная въ Берлинѣ, въ 1736 году [6]).

---

[1]) Платонъ говоритъ о частяхъ рѣчи въ *Софистѣ* и *Кратилѣ*. Нѣтъ сомнѣнія, что эта терминологія употреблялась еще и до него (Schoemann. Die Lehre von den Redetheilen nach den Alten. Berlin 1862, стр. 274). Ср. Egger. Apollonius Dyscole. Essai sur l'histoire des théories grammaticales dans l'antiquité. Paris 1854, стр. 62.

[2]) См. Піитику Арист., гл. 20, 21. Также Steinthal, Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen u. Römern. Berlin 1863, стр. 234, 239.

[3]) См. Steinthal, стр. 247.

[4]) Corpus grammaticorum lat. veterum, collegit Fr. Lindemannus. Lipsiae 1831. T. I, стр. 9. Въ этой же книгѣ есть сочиненіе грамматика Фоки, учившаго въ Константинополѣ послѣ Присціана, которое озаглавлено: Ars de nomine et verbo.

[5]) Prisciani opera, стр. 66.

[6]) Она была куплена Ломоносовымъ въ бытность его за границею, какъ видно изъ *Сборника матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ*, А. А. Куника (I, 131). Г. Будиловичъ принялъ-было эту книгу за Grammaire de Port-Royale (См. *Сборникъ Отд. р. яз. и слов.*, VIII, 271). Авторъ Grammaire Royale — академикъ des Pepliers. О ней упоминаетъ Готшедъ въ предисловіи къ своей грамматикѣ, какъ объ учебникѣ, имѣвшемъ необыкновенный успѣхъ.

Между книгами, бывшими въ рукахъ Ломоносова, показана еще „Grammaire des dames avec introduction“, въ первый разъ изданная въ 1712 году и посвященная царевичу Алексѣю Петровичу. Вначалѣ она выходила подъ заглавіемъ: L. G.

Въ одномъ изъ послѣдующихъ изданій этой грамматики (1752) послѣ обыкновеннаго исчисленія частей рѣчи сказано: „Одинъ изъ новѣйшихъ грамматиковъ отецъ Бюффье́, признаётъ за [64] истинныя и дѣйствительныя части рѣчи только *имя* и *глаголъ* [1]). Прочія отдѣляетъ онъ подъ именемъ *дополнительныхъ* и *видоизмѣняющихъ* (suppletivi и modificativi): къ первымъ онъ причисляетъ членъ и междуметіе, къ послѣднимъ нарѣчіе, предлогъ и союзъ. Мѣстоименіе и причастіе онъ относитъ къ имени". Ломоносовъ, разсуждая о частяхъ рѣчи и отличивъ между ними двѣ *главныя*, хотя и соединяетъ всѣ остальныя подъ именемъ *вспомогательныхъ* или *служебныхъ*, но также дѣлитъ ихъ на два разряда: сперва говоритъ о предлогахъ и союзахъ, какъ показывающихъ отношенія между главными частями рѣчи, а потомъ о мѣстоименіи, нарѣчіи и междуметіи, какъ служащихъ только къ болѣе краткому выраженію мыслей. Впрочемъ онъ, слѣдуя системѣ древнихъ, которая, съ немногими отступленіями, держалась во все продолженіе среднихъ вѣковъ, принимаетъ не болѣе и не менѣе *восьми* частей рѣчи. Исключивъ членъ, какъ не существующій въ русскомъ языкѣ, онъ исчисляетъ ихъ въ томъ же точно порядкѣ, въ какомъ онѣ вообще ставились въ тогдашнихъ грамматикахъ, т. е. имя, мѣстоименіе, глаголъ, причастіе, нарѣчіе, предлогъ, союзъ и междуметіе. Совершенно то же число и тотъ же порядокъ *частей слова* находимъ и у Смотрицкаго. Хотя Ломоносовъ вслѣдъ за такимъ исчисленіемъ и утверждаетъ, что греческіе грамматики считали девять частей рѣчи (то есть, прибавляя членъ), но въ этомъ онъ ошибается: древніе греческіе писатели, даже позднѣйшей Александрійской школы, никогда не считали частью рѣчи *междуметіе*, которое римляне ввели въ замѣнъ недостававшаго у нихъ члена (чтобы удержать завѣтное число 8); въ греческой грамматикѣ междуметіе появилось между частями рѣчи лишь незадолго передъ временемъ Ломоносова [2]).

Steinbrechers Leichte französische Grammaire vor das Frauenzimmer (Dresden 1744). Въ ней я не могъ найти ничего любопытнаго въ отношеніи къ вопросу объ источникахъ грамматики Ломоносова, изданной притомъ за нѣсколько лѣтъ до полученія имъ этой названной у Билярскаго Grammaire des dames (*Матеріалы для біогр. Лом.*, стр. 741).

[1]) Бюффье́, послѣ замѣчаній о разныхъ разрядахъ словъ, говоритъ: „On voit par là que le *nom* et le *verbe* sont les plus essentielles parties du langage" (*Grammaire française sur un plan nouveau.* Nouvelle édition. Paris 1714).

[2]) См. K. E. A. Schmidt. Beiträge zur Geschichte der Grammatik des Griechischen und des Lateinischen. Halle 1859, стр. 219. Ср. Schoemann въ названномъ выше соч., стр. 11. Не забудемъ при этомъ и сочиненія черноризца Храбра „о осми частехъ слова". Зизаній также придалъ своей грамматикѣ названіе „съвершеннаго искуства осми частей слова". Въ предисловіи къ грамматикѣ Смотрицкаго (изд. 1648) сохранено древнѣйшее исчисленіе на славянскомъ языкѣ частей рѣчи по греческой грамматикѣ: тутъ ихъ также восемь, и впереди всѣхъ названы: 1) *имя*, 2) *рѣчь* (т. е. глаголъ); а далѣе идутъ: 3) *причастіе*, 4) *различіе* (членъ), 5) *мѣстоименіе*, 6) *предлогъ*, 7) *нарѣчіе* и 8) *союзъ*.

[65] Несмотря однакожъ на нѣкоторыя черты, указывающія на заимствованія въ грамматикѣ Ломоносова, сравненіе ея со множествомъ пересмотрѣнныхъ мною руководствъ этого рода, оставшихся отъ 16-го и 17-го вѣка, удостовѣряетъ, что трудъ его есть вполнѣ самостоятельный и зрѣло обдуманный плодъ внимательнаго изученія. Грамматика Ломоносова оригинальна и по своему расположенію, и по самой разработкѣ законовъ языка. Здѣсь не мѣсто входить въ болѣе подробный разборъ того и другого, но нельзя оставить безъ возраженія слѣдующихъ словъ, читаемыхъ въ предисловіи покойнаго Давыдова къ академическому изданію этой грамматики, напечатанному въ 1855 году (стр. XIX): „Способъ, употребленный имъ (Ломоносовымъ) въ изслѣдованіяхъ грамматическихъ, былъ въ его время общій у западныхъ ученыхъ: сначала излагаетъ онъ философское понятіе о словѣ человѣческомъ, потомъ переходитъ къ русской грамматикѣ. Во внесеніи въ грамматику философскаго основанія могъ служить ему образцомъ Куръ-де-Жебеле́нъ, а въ практическомъ воззрѣніи на нее, какъ на средство правильно говорить и писать — онъ послѣдовалъ школѣ Готшеда".

Тщательныя изысканія приводятъ къ противоположнымъ заключеніямъ: 1) Между грамматиками предшествовавшаго времени мнѣ не удалось найти ни одной, которая бы начиналась изложеніемъ „философскаго понятія" о языкѣ вообще. Существовали уже философскія грамматики [1]), но онѣ были изданы отдѣльно, въ другомъ распорядкѣ и объемѣ. Такихъ грамматикъ новаго времени, гдѣ бы прежде всего шла рѣчь о голосѣ и звукахъ, также не оказалось, за исключеніемъ появившейся еще въ 17-мъ столѣтіи уже упомянутой мною англійской грамматики Валлиса [66] на латинскомъ языкѣ, которая, какъ я уже замѣтилъ, повидимому не была извѣстна Ломоносову.

Болѣе вѣроятно, что онъ зналъ книгу Бернара Лами *De l'art de parler* [2]), въ которой первая глава разсматриваетъ „органы голоса: какъ образуется слово"; но трудно сказать положительно, чтобъ онъ что-нибудь извлекъ и изъ этой книги, преимущественно посвященной реторикѣ.

2) Куръ-де-Жебеле́нъ никакъ не могъ служить Ломоносову образцомъ, потому что началъ издавать свои замѣчательные филологическіе труды только черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти нашего академика († 1765): по имѣющимся у насъ показаніямъ каталоговъ, первое сочиненіе названнаго французскаго ученаго, вошедшее въ его много-

---

[1]) Напр. Caspar Scioppius (1649) Grammatica philosophica, также Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal.

[2]) Изданную безъ имени автора въ Парижѣ 1675 г. Въ Императорской Публичной Библіотекѣ есть экземпляръ этого сочиненія съ припискою въ заглавіи: par Bernard Lamy.

томный сборникъ Monde primitif, появилось не прежде 1773 года [1]). Нѣкоторыя сходныя черты въ трудахъ Ломоносова и Жебеле́на объясняются знакомствомъ того и другого съ существовавшею до нихъ грамматическою литературой. Такъ въ своей всеобщей грамматикѣ послѣдній, указавъ на мнѣніе древнихъ объ имени и глаголѣ, прибавляетъ: „Всѣ прочія части рѣчи считались у нихъ только второстепенными“ (toutes les autres n'étaient qu'en sous-ordre [2]). Мы уже видѣли, что этотъ взглядъ передается и въ нѣкоторыхъ другихъ французскихъ грамматикахъ 18-го вѣка. Ломоносову принадлежитъ въ этомъ случаѣ только счастливый выборъ выраженія *служебныя части слова*. Но едва-ли ему было извѣстно и имя Куръ-де-Жебеле́на, который родился въ 1725 году и слѣдовательно былъ еще молодымъ человѣкомъ, когда нашъ академикъ уже собиралъ матеріалы для своей грамматики.

3) По опредѣленію Ломоносова, русская грамматика „есть знаніе, какъ говорить и писать чисто Россійскимъ языкомъ [67] *и по лучшему, разсудительному его употребленію*“. Готшедъ напротивъ учитъ, что грамматика есть указаніе, какъ должно правильно и красиво говорить и писать на языкѣ извѣстнаго народа *по лучшему его нарѣчію и по соглашенію лучшихъ его писателей.*

Очевидно, что оба эти опредѣленія расходятся во взглядѣ на основанія правильнаго обращенія съ языкомъ. Самое слово *употребленіе* показываетъ, что Ломоносовъ въ пониманіи задачи грамматики болѣе приближался къ французамъ, у которыхъ usage всегда считался однимъ изъ самыхъ сильныхъ авторитетовъ.

Названный уже выше іезуитъ Бюффье́, котораго „Grammaire française sur un plan nouveau“ пользовалась въ 18-мъ вѣкѣ особеннымъ уваженіемъ, въ началѣ ея подробно разсуждаетъ о значеніи и цѣли грамматики; особенно останавливается онъ именно на употребленіи, и въ главѣ: „Ce que c'est que l'usage et d'où il se tire dans les diverses langues“ (т. е. что такое употребленіе и откуда оно берется въ разныхъ языкахъ) замѣчаетъ между прочимъ: „надобно со всѣми составителями грамматикъ признать, что въ каждомъ языкѣ есть *и хорошее и дурное* употребленіе“, и потомъ пространно разбираетъ, въ чемъ заключается хорошее употребленіе. Мы видимъ, что Ломоносовъ точно такъ же обособляетъ въ своемъ понятіи *разсудительное и лучшее употребленіе*, но въ выводѣ своемъ относительно употребленія грамматики онъ стоитъ гораздо выше Бюффье, который пришелъ къ такому заключенію: „Грамматика есть сборъ размышленій (un amas de

---

[1]) Ни Брюнѐ, ни Кераръ не приводятъ болѣе раннихъ изданій трудовъ Court de Gébelin, который род. 1725, ум. 1784.

[2]) См. Monde primitif, томъ II, Grammaire universelle, стр. 32.

réflexions), сдѣланныхъ и приведенныхъ въ порядокъ для преподаванія и изученія языка".

Мы не знаемъ, была ли въ рукахъ Ломоносова грамматика Готшеда, въ первый разъ напечатанная въ 1748 году, т. е. въ то время, когда нашъ ученый уже былъ занятъ приготовительными работами для своего труда; но во всякомъ случаѣ очевидно, что грамматика Ломоносова осталась совершенно независимою отъ вліянія Готшедовой. Окончу на этотъ разъ замѣчаніемъ, что нѣкоторыя недостатки первой и та доля заимствованій, какая въ ней оказывается, нисколько не могутъ [68] уменьшать въ нашихъ глазахъ заслугъ Ломоносова по языку: русскіе въ правѣ гордиться появленіемъ у себя въ срединѣ 18-го столѣтія такой грамматики, которая не только выдерживаетъ сравненіе съ однородными трудами за то же время у другихъ народовъ, давно опередившихъ Россію на поприщѣ науки, но и обнаруживаетъ въ авторѣ удивительное пониманіе началъ языковѣдѣнія.

Позднѣйшіе взгляды русскихъ на свою фонетику.

Какъ смотрѣлъ на звуки русскаго языка знаменитый славистъ, открывшій носовое произношеніе *юсовъ* древняго письма (Ѫ, Ѧ), вотъ вопросъ для насъ особенно любопытный. Востоковъ написалъ три руководства: 1, *Сокращенную русскую грамматику* для низшихъ учебныхъ заведеній (1831); 2, *Русскую грамматику, полнѣе изложенную* (1831), и 3, *Грамматику церковно-славянскаго языка* (изд. 1863). Во всѣхъ трехъ — замѣчаніямъ о звукахъ посвящено лишь нѣсколько незначительныхъ строкъ, и можно подумать, что стало-быть авторъ мало обращалъ вниманія на эту сторону языка. Но для объясненія такой краткости его въ изложеніи этого предмета довольно вспомнить мѣткое сужденіе И. И. Срезневскаго о Востоковѣ: „Слабыя стороны его грамматики зависѣли почти исключительно отъ дѣйствія силъ, надъ нимъ тяготѣвшихъ: отъ привычныхъ взглядовъ и ожиданій того времени. Податливость его характера позволяла ему соглашаться съ чужими приговорами не только о томъ, что ему менѣе было знакомо, но даже и о томъ, что зналъ онъ и понималъ лучше всѣхъ въ то время, чему противное лежало въ его умѣ, какъ чистое убѣжденіе, добытое провѣренными наблюденіями и уже высказанное въ прежнихъ печатныхъ трудахъ. Изъ этого запаса самостоятельныхъ выводовъ онъ далъ мѣсто въ своей грамматикѣ только тому, что казалось ему не обижавшимъ привычекъ, не ставившимъ его въ борьбу со всѣми. Что это дѣйствительно дѣлалъ онъ, можетъ видѣть всякій, кто потрудится [69] сравнить его Русскую грамматику съ его Разсужденіемъ о славянскомъ языкѣ и съ другими его сочиненіями. Осторожность заставила его въ Русской грамматикѣ дать мало-видное мѣсто языку простонарод-

ному и языку древне-славянскому; *осторожность заставила его объяснять звуковую сторону языка русскаго въ границахъ привычнаго правописанія*" [1]).

Дѣйствительно, не только въ названномъ разсужденіи Востокова, относящемся къ 1820 году, но и въ самомъ раннемъ грамматическомъ опытѣ его, напечатанномъ въ 1808 [2]), разсѣяны такія замѣчанія, изъ которыхъ видно, какъ хорошо понималъ онъ свойство звуковъ языка, или какъ по крайней мѣрѣ старался дать себѣ отчетъ въ томъ, что еще не было достаточно разъяснено. Въ отношеніи къ фонетикѣ онъ вообще держался терминологіи Ломоносова, но отступалъ отъ нея всякій разъ, когда въ самой сущности дѣла приходилъ къ другому выводу. Такъ въ первыхъ же строкахъ грамматики онъ говоритъ: „*Слова* составляются изъ *звуковъ голоса*, изображаемыхъ *буквами*". Къ этому надо прибавить, что въ его разсужденіи буквы иначе названы *стихіями* слова. При раздѣленіи буквъ по натурѣ ихъ онъ, сверхъ гласныхъ и согласныхъ, принимаетъ разрядъ *полугласныхъ*, разумѣя подъ этимъ названіемъ ъ, ь и *й*. „Буквы ъ и ь, говоритъ онъ въ 1808 г., ставятся послѣ согласныхъ, первая: когда слово или слогъ произносится *дебело*, а вторая, гдѣ они *тонко*, какъ бы въ половину гласной буквы *и*, произносятся [3])". Это самое понятіе о полугласныхъ встрѣчаемъ мы и въ Разсужденіи о славянскомъ языкѣ, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ старается физіологически объяснить сущность выговора, означаемаго *еромъ* и *еремъ*. „Полугласныя ъ и ь, говоритъ онъ, не что [70] иное суть, какъ стремленіе воздуха изъ гортани, потребное для образованія всякой изъ пяти гласныхъ *а*, *е*, *і*, *о*, *у*, но не достигающее сего полнаго изглашенія, потому, что на половинѣ пути остановленное ударяется въ нёбо, вмѣсто того, чтобы устремиться въ отверстіе рта.—ь ближе подходитъ къ полнымъ гласнымъ отъ того, что гортанный воздухъ для произношенія его совершаетъ въ устахъ болѣе пути и ударяется въ переднюю часть нёба почти къ деснамъ; ъ напротивъ того, при самомъ исходѣ изъ гортани, въ нёбо ударяется" [4]). Впрочемъ, это замѣчаніе Востокова не совсѣмъ согласно съ физіологическими наблюденіями надъ натурою обоихъ звуковъ, и, кажется, было внушено нашему покойному сочлену слѣдующимъ размышленіемъ Ломоносова: „Въ продолженіи голоса уда-

---

[1]) *Филологическія Наблюденія Востокова*, изданныя И. Срезневскимъ, стр. XLIX.

[2]) Въ *Краткомъ руководствѣ къ росс. словесности*, изд. И. Борномъ.

[3]) Далѣе Востоковымъ почти повторено то же самое: „Дебелое и тонкое ъ и ь, свойственное только славянскому и происшедшимъ отъ него языкамъ, суть ничто иное какъ литеры *о* и *и* нѣмыя или тайногласныя, въ половину произносимыя". *Краткое руковод.*, стр. 2—10).

[4]) *Филол. Набл.* Вост., стр. 18.

ряетъ воздухъ больше въ переднія части рта къ губамъ, или во внутреннія къ гортани. Отъ перваго происходятъ гласныя *тонкія* или *острыя*, отъ послѣднихъ *дебелыя* или *тупыя*" [1]). Общему размышленію Востокова нѣсколько противорѣчитъ его же частное и весьма вѣрное наблюденіе, что при произношеніи *лъ* языкъ прижимается крѣпко къ верхнимъ зубамъ [2]). Оба знаменитые наши ученые, объясняя вообще различіе дебелаго звука отъ тонкаго, не обратили вниманія на особенное при каждомъ изъ нихъ положеніе языка.

Разсматривая ъ и ь, Востоковъ еще замѣчаетъ о первомъ: „Сей во глубинѣ рта поднебный звукъ между всѣми европейскими языками одному только славянскому принадлежитъ, да и между славянами остался, какъ кажется, у однихъ русскихъ и поляковъ. Но ь или *й* (ибо это одно и то же) находится и въ другихъ языкахъ подъ именемъ *j* согласнаго или *y* [3])" (англійскаго Wye). На это позволю себѣ возразить, что звука *еря* при согласной нельзя вполнѣ приравнивать *й* послѣ гласной: ь не представляетъ [71] какого-нибудь отдѣльнаго элемента [4]): таковъ онъ только на письмѣ; иначе иностранцамъ ничего бы не стоило произносить наши *нь*, *ть*, *пь* и т. п. Нѣтъ, нашъ ь не то же, что *й*, а развѣ только половина его, и потому-то выговоръ отмѣченныхъ имъ согласныхъ такъ труденъ для иноплеменниковъ. Напротивъ, согласныя, отмѣченныя дебелымъ знакомъ (кромѣ *лъ*), произносятся почти такъ же, какъ тѣ же согласныя въ другихъ языкахъ. (То, что Востоковъ замѣтилъ объ этомъ выговорѣ, болѣе относится къ звуку *ы*). Между тѣмъ самъ онъ въ 1808 г. высказалъ совершенно противоположное, но, какъ мнѣ кажется, болѣе вѣрное мнѣніе, что въ окончаніяхъ словъ согласныя съ *еромъ* произносятся такъ же, какъ иноязычныя таковыя же буквы: *грибъ* какъ trieb; *бравъ*, *солгавъ*, brav, gaff и т. д. Но съ тонкою ь имѣютъ онѣ совсѣмъ другой звукъ: дробь, бровь, ладь, сглазь" и т. д. (Странно только высказанное Востоковымъ передъ этимъ замѣчаніе, будто *б в г ф д з м р п т* не имѣютъ дебелаго, а одно только тонкое произношеніе [5]).

Гласныя буквы, въ отличіе отъ полугласныхъ, Востоковъ иногда называетъ *полными* (*Фил. Наб.*, стр. 17). Между ними онъ еще въ 1808 г. отличилъ *чистыя* или *простыя* гласныя *а э и о у* (*Кр. руков.*, 11) отъ *я е ѣ ю*, которыя въ своихъ грамматическихъ трудахъ назы-

---

[1]) *Грамм. Ломоносова*, § 20.

[2]) *Крат. руковод.*, стр. 9.

[3]) *Филолог. Набл.*, стр. 18.

[4]) „Смягченіе, говоритъ академикъ О. Н. Бетлингъ, состоитъ не просто въ соединеніи согласной съ буквою *j*, а въ полномъ сліяніи обоихъ звуковъ, такъ что слышится простой согласный звукъ". (*Учен. Зап. по I и III отд. И. Ак. Н.*, т. I, стр. 59).

[5]) *Кратк. руков.*, стр. 11.

валъ то двоегласными, то сложными, то составными [1]). Востоковъ вполнѣ понималъ, что эти сочетанія составляютъ *двоегласные* звуки, чему доказательствомъ служитъ частое употребленіе имъ этого термина какъ въ Разсужденіи о славянскомъ языкѣ, такъ и въ грамматическихъ правилахъ, извлеченныхъ изъ Остромірова евангелія (*Фил. Набл.*, стр. 8 и 31). Въ „грамматическихъ правилахъ славянскаго языка" онъ замѣчаетъ, что [72] „буквы ꙗ, ѥ, ю суть *а, е, у облеченныя гласною і* (*собственно полугласною й* или *j*); почему, прибавляетъ онъ, онѣ и помѣщены мною непосредственно послѣ чистыхъ гласныхъ а, є, ѹ" (*Фил. Набл.* стр. 30). Нѣсколько далѣе онъ подтверждаетъ то же, говоря, что надъ гласными є и а употреблялся въ древности надстрочный ерикъ „для означенія, что ихъ должно произносить *двоегласно*, какъ ѥ и ꙗ.

Одною изъ многихъ услугъ, оказанныхъ Востоковымъ русской фонетикѣ, было обстоятельное опредѣленіе въ 1808 году случаевъ, когда буква *е* произносится кахъ *ё*, при чемъ онъ въ первый разъ замѣтилъ, что этотъ выговоръ сроденъ только русскому языку и потому не сообщается словамъ, принятымъ изъ славянскаго, напр. *требовать*, *цѣлебно*, *блаженство*, *семъ* и т. д. Нельзя не пожалѣть, что статья эта, при внесеніи ея въ грамматику, подверглась значительному сокращенію. Къ первоначальному же объясненію правилъ указаннаго произношенія Востоковъ прибавилъ любопытную замѣтку, въ которой отдалъ Ломоносову справедливость за то, что и онъ въ своей грамматикѣ хотя не попалъ еще на настоящую точку при разсмотрѣніи „сей грамматической мелочи", однакожъ, „не пренебрегъ войти въ нѣкоторую подробность о бездѣлицѣ, если можно назвать бездѣлицею вниманіе къ механизму языка, неизслѣдованнаго и необработаннаго, — вниманіе, которое должно вести къ отысканію многихъ важнѣйшихъ сего правилъ, донынѣ еще подъ Изидинымъ покровомъ таящихся" [2]).

Раздѣленіе гласныхъ на *дебелыя* (*а о у ы*) и *тонкія* (*э и*) было также принимаемо Востоковымъ [3]); нельзя только одобрить, что онъ къ послѣднему разряду причисляетъ также двугласныя *ю я*, у которыхъ только первый элементъ — тонкій.

Что касается до согласныхъ звуковъ, то Востоковъ сначала въ точности держался дѣленія Ломоносова на: *губные*, *язычные*, [73] *зубные*, *поднебные* и *гортанные*, причемъ однакожъ распредѣлялъ ихъ нѣсколько иначе. Впослѣдствіи онъ отнесъ *гортанные* къ *поднебнымъ* и такимъ образомъ ограничился только четырьмя разрядами (*Фил. Набл.* стр. VII и 17).

---

[1]) См. въ его *Русской грамматикѣ* Ч. III, о правописаніи, а въ *Славянской* Ч. I. стр. 2.

[2]) *Краткое руководство*, стр. 3—6.

[3]) *Филол. Набл.*, стр. 19 и 20. *Русск. грамм.*, Ч. III, о правописаніи.

Буквы *ж ш ц ч щ* онъ называлъ *шепелеватыми* (*Ф. Н.* стр. 20). Различіе же произношенія бо́льшей части согласныхъ при звукахъ *ъ* и *ь* онъ, по примѣру Ломоносова, означалъ терминами *дебелый* и *тонкій* или *отонченный* (тамъ же, стр. 15).

Разсуждая о произношеніи, онъ уже не ограничивается однимъ терминомъ *буквы*, но употребляетъ и слово *звукъ*, какъ показано выше на стр. 525. Такимъ образомъ изъ всего здѣсь изложеннаго видно, что Востоковъ, если исключить нѣкоторыя обмолвки, на звуковую сторону русскаго языка смотрѣлъ замѣчательно вѣрно; можно только пожалѣть, что онъ въ этомъ отношеніи не высказывался рѣшительнѣе, прямѣе, и слишкомъ избѣгалъ столкновенія съ противоложными взглядами.

Современный Востокову составитель пособій по русской грамматикѣ и даже соперникъ его въ отношеніи къ внѣшнему успѣху, Гречъ, никогда не былъ въ сущности изслѣдователемъ языка; тѣмъ не менѣе по распространенности, которою его руководства пользовались нѣсколько десятилѣтій сряду въ нашемъ педагогическомъ мірѣ, необходимо хотя въ немногихъ словахъ сдѣлать оцѣнку подробной „Практической грамматики" Греча [1]). Здѣсь по части фонетики, какъ и въ отношеніи къ языку вообще, онъ выводитъ свои положенія чисто механическимъ образомъ, безъ всякаго углубленія въ предметъ и самостоятельныхъ наблюденій. При чтеніи первой главы его грамматики всякій хорошо знакомый съ трудомъ Ломоносова тотчасъ замѣтитъ, что Гречъ, измѣняя и подновляя форму изложенія, не только не уясняетъ дѣла, но напротивъ скорѣе затемняетъ его. Приступаетъ онъ къ этимологіи очень громко заявленіемъ намѣренія разсмотрѣть „способъ произведенія слышимыхъ звуковъ голоса" и [74] „начать изслѣдованіе сіе обозрѣніемъ отдѣльныхъ звуковъ голоса нашего", но какъ же онъ исполняетъ это намѣреніе? Непосредственно за приведеннымъ заявленіемъ слѣдуетъ заключеніе, что „*буква* есть отдѣльный или начальный *звукъ*, служащій къ составленію словъ", и затѣмъ уже разсматриваются однѣ буквы. Слѣдовательно съ перваго же шага правильность основного взгляда нарушена, вопросъ о томъ, соотвѣтствуютъ ли начертанія звукамъ языка, устраненъ, и начинается путаница понятій; напр., по мнѣнію его, устремляющійся изъ груди черезъ ротъ воздухъ *соединяется съ звукомъ* и это движеніе воздуха называется *дыханіемъ*, aspiratio (§ 87). Принявъ совершенно правильно, по ученію Востокова, разряды *полугласныхъ* и *двугласныхъ* буквъ, Гречъ при опредѣленіи ихъ опять впадаетъ въ явныя несообразности, напр. говоритъ, что „полугласная буква есть звукъ, теряющійся до исхода изо рта". Но всего страннѣе, что онъ, слѣдуя Грамматикѣ Россійской Академіи,

[1]) Спб. 1834, 2-е изданіе.

считаетъ звукъ *ѣ* двугласнымъ (§ 85 и 92), т. е. сложеніе *буквы* изъ *ъ* и *і* (*ъ*+*і*=*ѣ*) принимаетъ за сложность самаго *звука*, очевидно простого.

Указавъ на важныя ошибки Гречевой фонетики, мы были бы однакожъ несправедливы, если бъ не прибавили, что у него встрѣчаются отдѣльныя очень вѣрныя и остроумныя наблюденія, но значеніе ихъ много уменьшается тѣмъ, что они являются безъ органической связи съ остальными замѣчаніями и лишены общей сознательно-выработанной основы.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ явились въ первый разъ *Филологическія Наблюденія* протоіерея Г. П. Павскаго [1]). До тѣхъ поръ ученый авторъ былъ извѣстенъ только немногимъ по неизданному переводу части Ветхаго Завѣта и по напечатанной имъ въ 1818 году *Краткой еврейской грамматикѣ*. Новый трудъ доставилъ ему разомъ громкое имя въ русской наукѣ слова. Обладая рѣдкою способностью анализа, наблюдательностью и преимуществомъ простого, яснаго изложенія, Павскій внесъ много свѣта [75] въ теорію русскаго языка. Онъ оказалъ ей большую услугу особенно по словообразованію и словопроизводству, значительно подвинулъ пониманіе состава и свойствъ русскаго глагола; но вѣрности его выводовъ много вредило недостаточное изученіе другихъ славянскихъ нарѣчій и пріемовъ сравнительнаго языкознанія; вообще его филологическія свѣдѣнія были нѣсколько односторонни; изслѣдованія его не довольно глубоки и осмотрительны: вотъ чѣмъ онъ такъ много теряетъ въ сравненіи съ Востоковымъ. Слабую сторону труда Павскаго составляютъ, между прочимъ, его сближенія русскаго съ другими языками и извлекаемыя оттуда объясненія словъ, часто основывающіяся на одномъ случайномъ сходствѣ звуковъ, каково напр. объясненіе русскаго *дешевый* англійскимъ *dogcheap*.

Не болѣе отвѣчаютъ требованіямъ науки воззрѣнія Павскаго на фонетику. Въ его глазахъ письмо должно бы служить закономъ для произношенія. Это ясно изъ слѣдующихъ словъ его: „Выговоръ, встрѣтивъ сильную препону со стороны смысла и правописанія, идетъ однакожъ своею дорогою, и поставилъ себѣ за правило: произносить буквы по-своему, какъ бы онѣ ни были написаны. Это правило, принятое выговоромъ вопреки правописанію, я называю *самоуправствомъ* его“ (подчеркнуто самимъ авторомъ *Фил. Наблюд.* I, 101). „Самоуправство выговора, продолжаетъ Павскій, у насъ до того простирается, что онъ основалъ себѣ особенную довольно обширную область и составилъ себѣ постоянные законы, и даже во многихъ случаяхъ увлекъ за

[1]) Полное заглавіе было: *Филологическія Наблюденія надъ составомъ русскаго языка.* „Первое разсужденіе“ вышло въ 1841 году.

собою правописаніе, подчинившееся его законамъ безъ умысла и безъ яснаго сознанія пишущихъ". — Отсюда выходитъ, что живой языкъ какъ бы незаконно завоевалъ себѣ, наперекоръ письму, „довольно обширную область"!

Удивительно ли, что при такомъ взглядѣ дѣленіе буквъ представляетъ у Павскаго странныя несообразности? Въ составленной имъ схемѣ согласныхъ по органамъ, насъ прежде всего поражаетъ, что ему кажутся *глухими* именно тѣ буквы (*б в д г з ж*), при произношеніи которыхъ дѣйствуетъ голосъ, а [76] противоположныя имъ (*п ф т к х с ш*), т. е. безголосныя, названы у него *ясными*.

Но особенная путаница понятій скрывается за однимъ терминомъ, который имъ введенъ былъ въ нашу грамматику и сбилъ съ толку почти всѣхъ писавшихъ послѣ него о русскихъ звукахъ и буквахъ. Это — выраженіе: *придыханія* и *придыхательныя согласныя*. Чтобъ уяснить дѣло, надобно прежде опредѣлить, что́ именно слѣдуетъ разумѣть подъ *придыханіемъ* (aspiratio). Вопросъ этотъ уже достаточно выясненъ въ германской филологической литературѣ. Благодаря изслѣдованіямъ Кольбрука, Раумера, Брюкке и др., современная наука полагаетъ придыханіе санскрита и древне-греческаго языка въ томъ, что непосредственно за произнесеніемъ мгновенныхъ согласныхъ $\left(\begin{smallmatrix} п & т & к \\ б & д & г \end{smallmatrix}\right)$ слѣдовалъ нѣкоторый пазвукъ (Nachhall), по мнѣнію Раумера—не вполнѣ развитый спирантъ того же органа, къ которому принадлежалъ предыдущій звукъ, по мнѣнію же другихъ — просто spiritus asper, *h*. Придыхательными буквами у грековъ были φ θ χ; въ позднѣйшее время онѣ повидимому уже не произносились такъ, какъ сейчасъ описано, но слѣдъ первоначальнаго выговора ихъ остался въ способѣ изображенія ихъ у римлянъ сочетаніями: *ph th ch*.

Первое замѣчательное по этому предмету изслѣдованіе, напечатанное Раумеромъ въ 1837 году [1]), еще не было извѣстно Павскому, и онъ, не вникнувъ въ сущность сходныхъ латинскихъ терминовъ, смѣшалъ aspiratio (придыханіе) и spiritus asper (густое дыханіе) съ названіемъ spirans (длительный звукъ: *в ф х с з ш ж*). Самою существенною ошибкой его было то, что для объясненія ъ-а и ь-я онъ счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ греческому языку и увидѣлъ въ нихъ то же явленіе, какое представляютъ два греческіе spiritus, исходя при этомъ изъ убѣжденія, что „придыханія находятся во всѣхъ вообще языкахъ". (*Ф. Н.* I, § 18). Въ другомъ мѣстѣ (§ 32) Павскій признаетъ придыханіе за что-то среднее между гласными и согласными буквами и, стараясь [77] опредѣлить его, говоритъ: „Звукъ, происшедшій отъ приражения дыханія къ устамъ, естьли онъ слабъ и едва примѣтенъ, называется *придыханіемъ* (aspiratio); естьли же твердъ и совершенно

---

[1]) *Die Aspiration und die Lautverschiebung.*

ясенъ, называется *согласною буквою*". Изъ предложеннаго выше физиологическаго объясненія звуковъ видно уже, что эти слова Павскаго никакъ не выдерживаютъ критики, хотя бы онъ здѣсь подъ придыханіями разумѣлъ *спиранты*.

Развивая далѣе свою искуственную теорію, онъ прибавляетъ: „У всякаго органа устъ есть свое придыханіе, равно какъ есть свои согласныя буквы: гортанное придыханіе изображается буквою *ъ*, гортанно-нёбное буквою *ь* (*й*), губное буквою *в*, зубное буквами *с*, *р*, язычное буквою *л*, носовое буквами *н* и *м*". Мы видимъ здѣсь странное недоразумѣніе: во 1-хъ, полугласные *ъ* и *ь* (въ нынѣшнемъ языкѣ означающіе только способъ произношенія согласныхъ) поставлены въ одинъ разрядъ съ такъ называемыми спирантами, а во 2-хъ, эти послѣдніе названы *придыханіями*. Вотъ откуда пошло у насъ часто повторяемое положеніе, что при русскомъ словообразованіи къ гласнымъ присоединяются *придыханія*, какъ напр. въ словахъ *в*острый (вм. острый), *я*блоко (вм. аблоко), с*н*имать (вм. сымать), стра*х*ъ, зѣ*в*ъ, сли*в*ать, влі*я*ть. Дѣло въ томъ, что русскій языкъ, для избѣжанія чистыхъ гласныхъ въ началѣ слога, также для избѣжанія встрѣчи двухъ чистыхъ гласныхъ и для образованія окончаній именъ, пользуется нѣкоторыми изъ длительныхъ согласныхъ, которые, приближаясь къ гласнымъ (см. выше, стр. 504), и играютъ въ такихъ случаяхъ роль придаточныхъ, вспомогательныхъ звуковъ, не принадлежащихъ къ этимологическому составу слова. Таковы: *в г й х*. Справедливѣе называть ихъ просто *призвуками*. Придыхательныхъ же, въ смыслѣ санскритскихъ и греческихъ aspiratae, въ русскомъ языкѣ нѣтъ, какъ нѣтъ ихъ и въ большей части другихъ новѣйшихъ языковъ [1]). Названіе это [78] можетъ быть придаваемо только германскому *h*, которое отвѣчаетъ греческому spiritus asper.

Далѣе, Павскій еще распространяетъ терминъ *придыхательныхъ* буквъ съ одной стороны на звукъ *с* и на шипящіе *ж ч ш щ* (§ 37), съ другой на звукосочетанія *я е ю*, которыя называетъ придыхательными гласными (§ 25).

Считая *ъ* и *ь* придыханіями, онъ долженъ былъ находить страннымъ, что Востоковъ и Гречъ называли ихъ полугласными: „нѣкоторые, говоритъ онъ (§ 35), вздумали увѣрять насъ, будто буквы *ъ* и *ь* въ древнемъ словенскомъ языкѣ были то же, что краткія гласныя *о* и *е*". Но отвергая вокализмъ *ъ*-а и *ь*-я даже въ первоначальной письменности, онъ самъ видитъ въ нихъ какое-то непонятное, воображаемое значеніе и установляетъ такой законъ: „Естьли гдѣ грамматическое

---

[1]) Изъ словъ И. И. Срезневскаго въ *Мысляхъ объ ист. р. яз.* (стр. 60; 2 изд. стр. 49) можно заключить, что въ верхне-лужицкихъ звукахъ **кх** и **тх** слышится что-то подобное древнему придыханію.

*

правило потребуетъ удержать твердое придыханіе ъ послѣ гласной (!), то въ промежутокъ между гласною и ъ-омъ вставить можно помогательныя буквы *в, к, х* и т. п., которыя и предохраняютъ ъ отъ уничтоженія. Такъ изъ корней **ду, слу, слы, сѣ, смѣ, зна,** когда къ нимъ надобно было приложить ъ, произошли слова: *духъ, слухъ, слыхъ, сѣвъ, смѣхъ, знакъ*" (*Ф. Н.* I, § 45). Выше было показано, что самые звуки *в к х,* по мнѣнію Павскаго, суть придыхательные, а здѣсь они становятся между гласною и придыханіемъ. Ясно, что онъ смѣшиваетъ понятіе звука и буквы. Это очевидно и изъ такихъ предполагаемыхъ имъ чисто буквенныхъ построеній: *корабъъ, журавъъ скорбъъ, червъъ,* въ которыхъ, при встрѣчѣ будто бы двухъ ъ-ей, первый превращается въ *л,* или принимаетъ въ помощь бѣглую гласную, т. е. образуются формы: *корабль, скорбей* (§ 49). Другимъ доказательствомъ такого смѣшенія понятій служитъ то, что Павскій, сознавая безразличіе буквъ *е* и *ѣ* въ выговорѣ (§ 18), въ то же время отводитъ послѣдней *среднее* мѣсто между *твердыми* и *мягкими* гласными, потому-де что съ нею могутъ сочетаться (т. е. на письмѣ) всѣ вообще согласныя, тогда какъ *е* въ русскихъ словахъ никогда *не пишется* послѣ *г к х* (§ 55).

[79] Высказанныхъ замѣчаній достаточно для оцѣнки фонетической теоріи Павскаго. Теперь посмотримъ, откуда взялся любимый имъ терминъ *придыханіе.* Хотя этого слова не было въ нашихъ лексиконахъ до изданія, въ 1847 году, академическаго „Словаря церковно-славянскаго и русскаго языка", однакожъ оно въ практическомъ употребленіи встрѣчалось уже и прежде: это видно изъ перевода грамматики Добровскаго, въ 1-й части которой (§ VIII) Погодинъ выраженіе leni flatu передаетъ словами: *легкое придыханіе* [1]); въ другихъ грамматикахъ прежняго времени мнѣ не удалось найти этого слова, но вѣроятно оно употреблялось, если не въ книгахъ, то въ преподаваніи. Очевидно, что оно первоначально было составлено по образцу латинскаго aspiratio, какъ точный переводъ его; въ словарь же было включено вслѣдствіе роли, какую оно играетъ въ трудѣ Павскаго; но при этомъ принято въ выше показанномъ у него значеніи, какъ „звукъ, происшедшій отъ слабаго и едва примѣтнаго приращенія дыханія къ устамъ" [2]). Иначе, но совершенно произвольно, понимаетъ разсматриваемое слово Даль. Это, по его опредѣленію,

---

[1]) „в въ окончаніяхъ ав, ов, оув, ев, ив, должно произносить почти такъ же, какъ передъ гласною, то-есть съ легкимъ придыханіемъ (leni flatu), которое ближе подходитъ къ латинской буквѣ *f*, нежели къ гласной оу". *Грамматика языка славянскаго по древнему нарѣчію,* соч. *аббата І. Добровскаго. Ч. І. Перев. съ лат. М. Погодинъ.* С.-Петербургъ 1833. Стр. 14.

[2]) *Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка,* т. III, стр. 463. Ср. то что приведено мною выше, стр. 531 изъ Павскаго.

„дѣйствіе противоположное вдыханію". Примѣръ: „*Гласная буква съ придыханьемъ, придыхательная*, передъ коею" (поясняетъ онъ) „произносится придышкою латинское и нѣмецкое *h*". Слѣдовательно, по толкованію Даля, въ нѣмецкихъ словахъ haben, Hut, во французскихъ hasard, héros, гласные звуки *a, u, é* суть *придыхательные*.

Вотъ до какой степени понятіе этого слова у насъ еще не установилось: изъ предыдущаго, кажется, уже довольно ясно, что оно пригодно только для передачи термина aspiratio въ томъ смыслѣ, какой придается ему въ отношеніи къ извѣстнымъ [80] звукамъ древнегреческаго и индскихъ языковъ, но въ этомъ смыслѣ оно къ русскому вовсе не примѣнимо.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ перваго появленія замѣчательной книги Павскаго, именно въ 1845 году, вышла въ свѣтъ диссертація М. Н. Каткова *объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка*. Успѣвъ уже ознакомиться съ трудами Боппа, Гриммовъ, Вильсона, Бюрнуфа и изучивъ основныя отличія славянскихъ нарѣчій, молодой кандидатъ Московскаго университета подвергъ самостоятельному изслѣдованію звуковые законы ихъ и съ большою основательностью разсмотрѣлъ звуки русскаго языка въ ихъ историческомъ развитіи. Хотя вначалѣ авторъ и заявляетъ намѣреніе держаться подалѣе отъ физіологическихъ наблюденій, однакожъ онъ вездѣ обнаруживаетъ вниманіе къ выводамъ ихъ и вообще вѣрно смотритъ на происхожденіе и свойства звуковъ. Это видно изъ самой терминологіи его: такъ онъ уже отличаетъ *звонкіе* или *ясные* согласные (*г д б з* и проч.) отъ *глухихъ* (*к т п с*), правильно раздѣляетъ звуки по органамъ рѣчи и вполнѣ понимаетъ сущность значенія *ера* и *еря*, которые, говоритъ онъ, „въ древнѣйшій періодъ славянскаго языка заступали мѣсто гласныхъ" (стр. 21); онъ понимаетъ, какъ важна роль, какую они играютъ въ языкѣ, и замѣчаетъ, что при изученіи какого-либо славянскаго нарѣчія прежде всего долженъ быть поставленъ вопросъ: какую тамъ судьбу имѣли оба эти элемента? (стр. 180). Поэтому отъ г. Каткова не могла укрыться ошибочность воззрѣній Павскаго въ дѣлѣ русской фонетики, и, называя его *Наблюденія* остроумными и глубокомысленными, онъ въ то же время не обинуясь выставляетъ встрѣчающіеся въ нихъ недостатки. Такъ въ отношеніи къ *еру* и *ерю* г. Катковъ хорошо оцѣнилъ невѣрность примѣненія къ нимъ теоріи *придыханій*, и указавъ уже отчасти на превратныя понятія Павскаго объ этомъ родѣ звуковъ, замѣтилъ: „Добрая часть недоразумѣнія состоитъ въ словѣ придыханіе. Что за странная мысль заключать придыханіемъ каждое реченіе, которое не кончится на гласную?" Хотя же въ другихъ случаяхъ авторъ и самъ принимаетъ придыханія [81] въ смыслѣ Павскаго, напр. смѣшиваетъ подъ этимъ именемъ aspiratae и spirantes, считая звуки *ф с ш ж придыхательными*, но надобно по-

мнить, что въ то время вопросъ о различіи этихъ двухъ категорій звуковъ вообще не былъ еще достаточно разъясненъ, такъ что въ ту же ошибку впадали знаменитѣйшіе филологи: самъ Боппъ считалъ *f* и *v* придыханіями (Vergl. Gram. I [1]), 114).

За то М. Н. Катковъ обнаружилъ уже тогда совершенно правильное пониманіе древне-греческой и санскритской аспираціи (стр. 7 и 80), вполнѣ согласное съ приведеннымъ выше заключеніемъ Р. Раумера, хотя и есть поводъ думать, что сочиненіе послѣдняго по этому предмету не было ему извѣстно. Вообще авторъ диссертаціи „объ элементахъ и формахъ сл.-р. языка" во всѣхъ частяхъ своего труда является на высотѣ современной науки, и это изслѣдованіе, въ бóльшей части затронутыхъ имъ вопросовъ, до сихъ поръ не утратило цѣны. Замѣчателенъ выраженный въ немъ взглядъ на русскій языкъ, который, по мнѣнію автора, страдаетъ излишнею долготою и неуклюжестью словъ, тѣмъ болѣе неудобныхъ для произношенія, что въ нихъ слабое удареніе иногда слишкомъ далеко отъ ихъ середины, отъ чего мы легко впадаемъ въ скороговорку (стр. 76). По поводу сокращенія согласныхъ въ сербскомъ (напр. *човество* вм. *человѣчество*), высказана мысль, что „одинъ неумѣстный педантизмъ можетъ преслѣдовать подобныя уступки благозвучію... Лукавая книга, не чуя ни мало утраты элементовъ гласныхъ, болѣе тонкихъ, какъ бы болѣе духовныхъ, крѣпко держится тяжелой вещественности согласныхъ". Такой взглядъ объясняетъ намъ, почему г. Катковъ уже и въ самомъ этомъ сочиненіи иногда позволяетъ себѣ новыя формы словъ, напр., *художный, соотвѣтный*, вм. художественный, соотвѣтственный.

Дальнѣйшимъ важнымъ шагомъ въ наукѣ о славянской фонетикѣ было столь извѣстное въ ученомъ мірѣ изслѣдованіе нашего сочлена: *Мысли объ исторіи русскаго языка.* Чтобы [82] объяснить особенности родной рѣчи, И. И. Срезневскій разсматриваетъ ихъ въ двоякомъ направленіи: времени и пространства, т. е. съ одной стороны постоянно переходитъ отъ настоящаго ко всѣмъ ступенямъ прошедшаго, а съ другой сравниваетъ одновременныя явленія у всѣхъ славянскихъ народовъ. Въ первый разъ онъ настойчиво заявляетъ о необходимости исторіи языка, какъ нераздѣльной съ исторіей народа, и представляетъ опытъ подобнаго изслѣдованія въ такое время, когда только что появившійся трудъ Я. Гримма по исторіи нѣмецкаго языка еще не успѣлъ дойти до насъ; по исторіи же русскаго не было еще ничего, кромѣ слабой попытки Фатера, которая только по своему названію заслуживаетъ быть упомянутою [2]). Г. Срезневскій уже строго

[1]) Rumpelt. Das natürliche System der Sprachlaute, стр. 129.

[2]) Zur Geschichte der Russischen Sprache во 2-мъ выпускѣ книги Analecten der Sprachenkunde, von Dr. I. S. Vater. Leipzig, 1821. Еще менѣе можно при этомъ принимать въ соображеніе Frisch, I. L. Historia linguae slavonicae. Berolini

отличаетъ народный языкъ отъ письменнаго, требуетъ отдѣльнаго разсмотрѣнія судебъ каждаго, и рѣшительно признаётъ законность „требованій народнаго выговора“ въ противоположность „ученому правописанію“ (124). Если и онъ, при разсмотрѣніи согласныхъ, говоритъ объ *евфоническихъ придыханіяхъ (в н л j г)*, то употребляетъ это слово только какъ общепринятый въ то время терминъ, не касаясь его физіологическаго значенія. Это ясно изъ слѣдующихъ словъ его: „Придыханія господствуютъ издавна и въ русскомъ языкѣ, попадаясь, впрочемъ, въ древнихъ памятникахъ гораздо рѣже, чѣмъ въ позднѣйшихъ, и теперь гораздо чаще, чѣмъ прежде (*юдоль, союзъ, юха* вмѣсто *удоль, съузъ = сънусъ, уха — Вольга, вонъ, вотчина, воспа, восемь* вмѣсто *Ольга, онъ, отъчина, осъпа, осьмь, — параскевгія, гето, генварь* вмѣсто *параскевиі-а, ето, іанваръ* и пр.). Между говорами русскими есть въ этомъ отношеніи и довольно чувствительная разница (напр. *онъ = вонъ = вйнъ = jонъ = гонъ*)“. (*Мысли*, стр. 117, 123, 124).

[83] *Историческая грамматика* Ф. И. Буслаева занимаетъ такое почетное мѣсто въ области науки и педагогики, что возраженія противъ той или другой частности этого труда, конечно, не могутъ поколебать заслуженнаго имъ авторитета. Сбираясь сказать нѣсколько словъ относительно перваго отдѣла этой книги, я тѣмъ охотнѣе приступаю къ тому, что уважаемый авторъ ея не только выражалъ нѣсколько разъ желаніе слышать критическія о ней замѣчанія, но и на дѣлѣ воспользовался не однимъ изъ тѣхъ, которыя были высказаны [1]).

Самое заглавіе означеннаго отдѣла: „Звуки и соотвѣтствующія имъ буквы“ уже показываетъ, какъ правильно авторъ смотритъ на дѣло. „Грамматика, говоритъ онъ, полагаетъ строгое различіе между буквами и членораздѣльными звуками, которые ими выражаются“. Поэтому въ основу правописанія у него совершенно справедливо положено разсмотрѣніе звуковъ. Можно только пожалѣть, что различеніе звуковъ и буквъ проведено имъ не довольно полно и отчетливо.

Это бросается въ глаза особенно при разборѣ его теоріи *согласныхъ*. Двумя главными категоріями ихъ, по примѣру Миклошича, въ *Исторической грамматикѣ* признаны *плавные* (*л м н р*) и *твердые* [2]) (всѣ остальные). Затѣмъ изъ числа *твердыхъ* отдѣлены *в г* (*h*), *c* и *j*, которые и г. Буслаевъ называетъ уже разсмотрѣннымъ нами терми-

---

1727—1736 (4 программы). Шафарикъ въ своей Geschichte der slav. Sprache u. Litteratur nach allen Mundarten преимущественно занимается политическою и литературною исторіею.

[1]) См. въ *Зап. Ак. Наукъ* 1865 г., т. VIII, кн. I критическую статью П. А. Лавровскаго, гдѣ также указано на выраженное г. Буслаевымъ желаніе и откуда авторъ *Ист. грамматики* впослѣдствіи принялъ иное къ соображенію.

[2]) Съ тою только разницею, что Миклошичъ всѣ остальные звуки называетъ не *твердыми*, а *нѣмыми* (stumme).

номъ *придыханій*. Далѣе твердые вмѣстѣ съ плавными подраздѣлены у него по органамъ произношенія на: *губные, гортанные, зубные, нёбные, язычные* и *носовые*. Мы сейчасъ видѣли, что къ разряду *согласныхъ* отнесенъ имъ между прочимъ звукъ *j* (йотъ); къ какому же органу онъ принадлежитъ? Въ распредѣленіи по органамъ мы этого звука у г. Буслаева уже не находимъ, но что такое *j*? Въ звуковомъ отношеніи съ нимъ совершенно тожественъ нашъ *й* (самое названіе буквы [84] *j* мы можемъ написать не иначе, какъ *йотъ*, если не прибѣгнемъ къ иностранной буквѣ *j* или къ неудобному сокращенію *ётъ*, гдѣ *ё* = **йо**); а звукъ *й* въ § 25 *Исторической грамматики* признанъ за *краткій гласный* или *полугласный*. Такимъ образомъ одинъ и тотъ же звукъ причисленъ у г. Буслаева къ двумъ разнымъ категоріямъ: и къ согласнымъ, и къ гласнымъ. Выше мы уже видѣли, что этотъ звукъ, какъ сокращеніе гласной, по справедливости можетъ быть названъ *полугласнымъ*. Хотя г. Буслаевъ почему-то и избѣгаетъ изображенія *j* посредствомъ *й*, однакожъ онъ не можетъ вполнѣ воздержаться отъ этого, и въ началѣ § 32 самъ говоритъ, что *й* „смягчаетъ гласные, *передъ* которыми оказывается, напр. поко-й, род. пад. *поко-я* (вм. *поко-й-а*), дат. *поко-ю* (вм. *поко-й-у*)“; далѣе онъ пишетъ: „*мое-j-а* или *мое-й-а, истино-j-у* или *истино-й-у*“. Не ясно ли, что г. Буслаевъ самъ признаетъ тожество *й* съ *j*? Ниже (I, стр. 63 [1]) онъ употребляетъ еще и такія начертанія: *да-і-аніе, одѣ-і-аніе;* здѣсь въ значеніи *й* употреблена уже буква *і*, что́ не излишне было бы оговорить.

Никто не станетъ отрицать, что *ѳ* произносится у насъ, какъ *ф*; на это указано и въ *Истор. грам.* (стр. 60), а между тѣмъ эти двѣ буквы подведены г. Буслаевымъ подъ разные органы: *ф* причислена къ губнымъ, а *ѳ* къ зубнымъ; слѣдовательно, здѣсь смѣшаны понятія звука и буквы, и начертанію *ѳ* дано мѣсто не по русскому его выговору, а по его иноязычному происхожденію, что́ въ теоріи русской фонетики не можетъ быть признано правильнымъ.

Вмѣсто терминовъ: *звонкіе* и *глухіе* согласные (предложенныхъ г. Катковымъ) г. Буслаевъ употребляетъ названія: *звучные* и *отзвучные* [2]), едва ли предпочтительныя, такъ какъ слово *звукъ* есть общее названіе всѣхъ членораздѣльныхъ элементовъ голоса: [85] согласные *п т ф* и пр. составляютъ, конечно, явленія звука, точно такъ же, какъ и соотвѣтствующіе имъ *б д в* и пр., и трудно понять, чѣмъ можетъ оправдываться относимое къ первымъ понятіе *отзвука* (иначе отголоска или резонанса). Между *звучными* въ *Ист. грам.* помѣщенъ и *г*, но безъ оговорки, что знакъ этотъ представляетъ два разные звука (*g* и *h*).

---

[1]) Всѣ ссылки на *Ист. Грамматику* дѣлаются мною по 3-му ея изданію.

[2]) Ср. *Мысли объ ист. р. яз.*, стр. 118, и статью г. Лавровскаго въ *Зап. Ак. Наукъ*, т. VIII, кн. I, стр. 23.—Нельзя одобрить и термина *беззвучный*, употребляемаго г. Бодуэномъ-де-Куртенэ: звукъ никакъ не можетъ быть *беззвучнымъ*.

Очевидно, что наша буква принята тутъ только въ первомъ значенiи, такъ какъ между *отзвучными* (т. е. безголосными) также пропущенъ *х*, которому соотвѣтствуетъ звукъ *г* (см. выше стр. 482), близкiй къ латинскому *h* (*богъ* = бохъ, *бога* = бога), чтó указано уже Ломоносовымъ. Въ заключенiе, при распредѣленiи согласныхъ, г. Буслаевъ замѣчаетъ: „Отъ звучныхъ и отзвучныхъ звуковъ отличаются *придыхательные ф ѳ* и *х*, означаемые въ латинскомъ алфавитѣ сочетанiемъ тонкихъ *p t c* (т. е. *к*) съ придыханiемъ *h*; а именно *ph (ф)*, *th (ѳ)*, *ch (х)*". Выше *придыханiями* были названы у г. Буслаева звуки *в г с j*: слѣдовательно, и онъ не избѣгъ извѣстнаго недоразумѣнiя, навязаннаго намъ греко-латинскою грамматикою.

Конечно, не надо забывать, что въ *Ист. грамматикѣ* рѣчь идетъ не объ одномъ современномъ, но и о древнемъ языкѣ, въ которомъ была своя особенная фонетика. Но о произношенiи древне-славянской рѣчи мы можемъ говорить только, соображаясь съ нынѣшнимъ языкомъ: отъ извѣстнаго переходятъ къ неизвѣстному. Авторъ *Ист. грам.* очень хорошо понималъ это, а потому и въ главѣ о звукахъ исходною точкою служитъ ему новый языкъ. Такъ и при разсмотрѣнiи согласныхъ онъ исчисляетъ только тѣ буквы славянской азбуки, которыя сохранились въ русской.

Исчисляя труды, относящiеся къ русской фонетикѣ, нельзя не остановиться на изданной въ концѣ 1874 г. книжкѣ М. А. Тулова *Объ элементарныхъ звукахъ человѣческой рѣчи и русской азбукѣ*. Она заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманiя, что составляетъ произведенiе нашей небогатой провинцiальной литературы и напечатана въ Кiевѣ. Уже прежде мы знали изъ газетъ, что авторъ [86] ея читалъ тамъ публичныя лекцiи о звукахъ языка [1]). Нельзя было не порадоваться такому рѣдкому у насъ проявленiю умственной жизни вдали отъ столицы. Книга г. Тулова представляетъ въ главномъ составѣ своемъ результатъ добросовѣстнаго изученiя изслѣдованiй Гельмгольца и Таузинга [2]). Несмотря на ощутительный въ ней недостатокъ системы, она сообщаетъ весьма полезныя свѣдѣнiя по теорiи звуковъ вообще, сопровождая ихъ отчасти физiологическими объясненiями. Въ концѣ ея разсматривается русская азбука по отношенiю къ звукамъ языка. Здѣсь разсѣяно не мало вѣрныхъ замѣчанiй, хотя иногда и можно поспорить съ авторомъ. Такъ, напр., онъ говоритъ (стр. 69), что между

---

[1]) См. *Спб. Вѣдомости* 1871 окт. 8 и 22 (№№ 277 и 290).

[2]) На трудъ г. Таузинга я не разъ ссылался въ предыдущемъ; что касается до классической книги пр. Гельмгольца, то она недавно появилась въ русскомъ переводѣ г. Пѣтухова подъ заглавiемъ: *Ученiе о слуховыхъ ощущенiяхъ, какъ физiологическая основа для теорiи музыки.* Спб. 1875. (Die Lehre von den Tonempfindungen als physiologische Grundlage für die Theorie der Musik. Von H. Helmholtz. Braunschweig).

элементарными звуками русскаго языка вовсе нѣтъ мягкихъ гласныхъ. Справедливо, что такъ нельзя называть составныхъ звуковъ *я ю е*, но развѣ *э*, *и (i)* не *мягкія* гласныя? Вслѣдствіе отсутствія такого различенія гласныя въ букварѣ г. Тулова получили слѣдующее неправильное расположеніе:

а — о — у

э — ы — и — i.

Въ другомъ мѣстѣ книги (стр. 72) весьма справедливо замѣчено, что *ы* есть *i* гортанное, отличающееся отъ нёбнаго особымъ начертаніемъ; но затѣмъ г. Туловъ не поясняетъ, что *ы* образуется вслѣдствіе произношенія *i* послѣ *твердой* согласной. Между тѣмъ при разсмотрѣніи буквъ *я ю е* послѣ согласныхъ онъ очень правильно разлагаетъ изображаемые первыми звуки, показывая, что тутъ къ мягкой согласной присоединяется чистая или элементарная гласная (**бьа, вьу, вьэ**). Точно такъ же надо было разобрать звуки **бы, вы** и показать, что здѣсь [87] наоборотъ къ согласной дебелой приложенъ тонкій гласный звукъ *и* (**бъи, въи**). При такомъ анализѣ г. Туловъ, конечно, не помѣстилъ бы *ы* во второмъ ряду, между *э* и *и*, и дошелъ бы можетъ быть до заключенія, что этой гласной правильнѣе стоять либо въ концѣ перваго ряда, либо особо между обоими рядами твердыхъ и мягкихъ гласныхъ.

Послѣ вполнѣ вѣрнаго объясненія авторомъ начертаній *я е ю*, когда они слѣдуютъ за согласными, очень страннымъ является его мнѣніе (стр. 70), будто „было бы гораздо основательнѣе соединеніе мягкой согласной съ гласной *о* выразить на *ö*, а не на *е* и писать *лöдъ, мöдъ, нöсъ*, [1]“. Какъ согласить это съ объясненіемъ г. Тулова, что *о* сохраняетъ тутъ свой чистый звукъ, видоизмѣняется же только звукъ согласной (= **льо, мьо, ньо**)? Знакъ *ö* выражаетъ германскій и романскій звукъ, совершенно чуждый русскому языку, и потому онъ намъ вовсе не пригоденъ, исключая развѣ случай, когда нужно передать этотъ самый чужеязычный звукъ въ собственныхъ именахъ (Öhman, Göthe); но иностранныхъ буквъ заимствовать въ нашу азбуку не приходится. „Переходъ *ё* въ *е*“, прибавляетъ авторъ, „еще не много говоритъ въ пользу употребленія *ё*“. Мы думаемъ напротивъ, что этотъ переходъ, или, правильнѣе, обратный переходъ *е* въ *ё* чрезвычайно много говоритъ въ пользу начертанія *ё*: ибо въ русскомъ языкѣ звукъ, соотвѣтствующій этому начертанію, иначе и не является какъ вслѣдствіе обращенія, по извѣстнымъ законамъ, *е* въ *ё*. Пока въ русской азбукѣ будетъ оставаться въ силѣ система, по которой мы пишемъ въ двоякомъ значеніи *я е ѣ ю* (вм. **йа, йэ, йу**, и вм. **ьа, ьэ, ьу**),

---

[1]) *Объ элемент. звукахъ*, стр. 70.

до тѣхъ поръ и для изображенія звука **йо, ьо,** трудно придумать начертаніе лучше *ё*.

При бо́льшемъ знакомствѣ автора съ изслѣдованіями по исторіи русскаго языка, съ прежними трудами въ области нашей филологіи, книга г. Тулова, конечно, много выиграла бы въ основательности, но и въ настоящемъ видѣ она не лишена нѣкотораго [88] значенія, особенно какъ первый спеціальный въ русской литературѣ опытъ по физіологіи звуковъ языка. Въ какой мѣрѣ она отвѣчаетъ педагогической цѣли, о которой заявлено какъ въ заглавіи [1]), такъ и въ предисловіи книжки, рѣшать не берусь, находя, что разсмотрѣніе этого вопроса сюда не относится.

---

[1]) Къ означенному выше заглавію прибавлены слова: „Пособіе для обучающихъ русской грамотѣ“.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ОСНОВАНІЯ ФОНЕТИКИ

по сочиненію профессора Сиверса: **Grundzüge der Phonetik** zur Einführung in das Studium der Lautlehre der indogermanischen Sprachen, von *Eduard Sievers.* Leipzig. 1881 [1]).

[89] Подъ этимъ новымъ заглавіемъ и въ существенно измѣненномъ видѣ явилось въ 1881 году, вторымъ изданіемъ, сочиненіе профессора Іенскаго университета Сиверса, вышедшее въ первый разъ въ 1876 г. подъ названіемъ: Grundzüge der Lautphysiologie.

Пользуясь преимущественно наблюденіями англійскихъ изслѣдователей, въ особенности Белля, Эллиса и Свита (Sweet), г. Сиверсъ разсмотрѣлъ предметъ со всѣхъ сторонъ, сталъ во многомъ на новую точку зрѣнія, откровенно сознавая невѣрность нѣкоторыхъ изъ прежнихъ своихъ взглядовъ, и такимъ образомъ далъ книгу, которая надолго составитъ эпоху въ области фонологіи. Такъ какъ этотъ трудъ имѣетъ цѣлью служить введеніемъ къ изученію фонетики индоевропейскихъ языковъ вообще, то содержаніе его очень обширно, и потому естественно, что автору не могло одинаково удасться рѣшеніе всѣхъ относящихся сюда вопросовъ; во многихъ случаяхъ онъ самъ предупреждаетъ, что [90] говоритъ только гадательно, или прямо заявляетъ о недостаточности своихъ свѣдѣній. Вообще не надо забывать, что разсуждать о звукахъ на бумагѣ и изучать ихъ не всегда съ живого говора людей той или другой національности есть дѣло чрезвычайно трудное и представляющее свои опасности. Выйти побѣдителемъ изъ этихъ опасностей не всегда удается и такому тонкому

---

[1]) По важности сочиненія г. Сиверса для изученія началъ фонетики въ примѣненіи ко всѣмъ индо-европейскимъ языкамъ, здѣсь помѣщается обзоръ содержанія этой книги.

наблюдателю, каковъ г. Сиверсъ. Одно уже отсутствіе въ немъ практическаго знакомства съ славянскими языками (онъ уроженецъ Гессена) не могло не составлять важнаго неудобства при выполненіи его задачи. Впрочемъ онъ самъ, въ своемъ предисловіи, говоритъ, что приводя примѣры большею частью изъ нѣмецкаго языка и его нарѣчій, онъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ своихъ соотечественниковъ, изъ которыхъ лишь немногіе были бы въ состояніи основательно провѣрять иноземный матеріалъ. Главною его цѣлію, какъ онъ объясняетъ, было доставить руководство для самостоятельныхъ наблюденій каждаго читателя. Онъ совѣтуетъ всякому начинать изученіе фонетики съ своего родного нарѣчія, отъ котораго слѣдуетъ постепенно переходить къ другимъ нарѣчіямъ того же языка; иноязычный же матеріалъ усвоивать себѣ только какъ пособіе для изученія родной рѣчи. Само собою разумѣется, что профессоръ Сиверсъ очень хорошо понимаетъ необходимость въ основаніе фонетическихъ выводовъ полагать свой собственный опытъ, и въ наибольшей части своей книги онъ, конечно, говоритъ по личнымъ своимъ наблюденіямъ надъ самыми звуками. Желая ознакомить русскихъ читателей съ его сочиненіемъ, я намѣренъ сообщить въ сокращенномъ видѣ, большею частію въ дословномъ переводѣ, главные его положенія и выводы, присоединяя къ нимъ иногда свои замѣчанія.

Руководящая точка зрѣнія нашего автора видна изъ слѣдующаго отрывка:

„Общепринятая грамматика начинаетъ обыкновенно съ буквъ или звуковъ, а отъ нихъ восходитъ къ разсмотрѣнію слоговъ, словъ и предложеній. Но само по себѣ ясно, что строго [91] систематическая фонетика должна бы прежде всего разсматривать предложеніе, ибо только оно есть нѣчто въ живомъ языкѣ дѣйствительно существующее, прямо подлежащее наблюденію: слово же, слогъ, отдѣльный звукъ часто принимаютъ въ предложеніи различный видъ, а слогъ, а отдѣльный звукъ въ той абсолютной формѣ, въ какой привыкла представлять его намъ грамматика, по большей части даже и не появляется въ языкѣ одиноко. Поэтому надлежало бы напередъ изслѣдовать предложеніе со всѣми измѣненіями, которымъ оно при устномъ выраженіи можетъ подвергаться (напримѣръ, съ тѣми, какія одно и то же предложеніе испытываетъ, когда оно употребляется какъ простое заявленіе, какъ восклицаніе или какъ вопросъ и т. д.). Не прежде какъ научившись обращать вниманіе на эти измѣняющіяся качества предложенія, должно бы приступать къ анализу самаго предложенія, то-есть, къ изслѣдованію отдѣльныхъ *тактовъ рѣчи* и *слоговъ*, какъ членовъ этихъ тактовъ; послѣ этого было бы своевременно разсматривать *слоги*, какъ таковые, и ихъ *отдѣльные звуки*. То, что въ заключеніе является какъ опредѣленіе отдѣльнаго звука, въ концѣ

концовъ не болѣе, какъ зависящій отъ произвольныхъ точекъ зрѣнія отвлеченный выводъ изъ тѣхъ измѣняющихся формъ, въ которыхъ такъ называемый отдѣльный звукъ можетъ появляться въ предложеніи. Но по практическимъ причинамъ, и при изученіи фонетики переходятъ обыкновенно отъ самыхъ простыхъ элементовъ къ болѣе сложнымъ комплексамъ: эта общепринятая метода соблюдается и въ разсматриваемомъ сочиненіи. Но, слѣдуя ей, необходимо имѣть въ виду тотъ важный фактъ, что то немногое, что́ можно сказать объ искусственно обособленномъ отдѣльномъ звукѣ, нисколько не исчерпываетъ сущности его въ живомъ языкѣ. Во всякомъ случаѣ, установленіе системы звуковъ, какъ оно само по себѣ ни важно, составляетъ лишь одну изъ самыхъ элементарныхъ задачъ фонолога, въ кругъ дѣятельности котораго входятъ всѣ формы проявленія произносимой рѣчи. Итакъ, не успокоиваясь надъ изученіемъ однихъ звуковъ, надо столь же [92] внимательно изслѣдовать, опять-таки руководясь всего болѣе роднымъ языкомъ, образованіе слоговъ, тактовъ и предложеній. Затѣмъ всѣ пріобрѣтенныя такимъ образомъ свѣдѣнія должны быть повѣряемы надъ разработкой живыхъ языковъ и нарѣчій, и только сознавая себя вполнѣ подготовленнымъ, можно приняться за приложеніе фонетическихъ выводовъ къ объясненію болѣе давнихъ состояній языка и постепенныхъ его измѣненій до настоящаго времени“.

Въ параграфѣ, озаглавленномъ: „Общія акустическія положенія“, г. Сиверсъ выясняетъ главныя основанія теоріи звуковъ. Къ сожалѣнію, русскій языкъ не имѣетъ того богатства терминовъ, какимъ обладаетъ нѣмецкій, для выраженія всѣхъ оттѣнковъ понятій о звукахъ. Такъ, у насъ нѣтъ слова для отличія Schall отъ Laut. Первое авторъ употребляетъ въ самомъ обширномъ смыслѣ, второе только въ примѣненіи къ языку.

Понятіе Schall онъ подраздѣляетъ на Geräusche (шорохи) и musikalische Klänge (музыкальные тоны), и разницу между ними опредѣляетъ тѣмъ, что ощущеніе тона вызывается быстрыми періодическими движеніями звучащихъ тѣлъ, ощущеніе же шороха—непеpіодическими движеніями.

Всякое тѣло, способное производить музыкальные звуки, имѣетъ свой особенный тонъ, который различенъ, напримѣръ, у смычкового инструмента, у фортепіано, наконецъ въ каждомъ замкнутомъ воздушномъ пространствѣ. Такія пространства называются резонансовыми (отзвучными) и въ разныхъ видахъ имѣются при духовыхъ инструментахъ. Въ этомъ примѣненіи ихъ называютъ надставными трубами, потому что они по большей части бываютъ непосредственно соединены съ источникомъ звуковъ. Такую же связь источника музыкальныхъ звуковъ съ надставною трубой, способною къ самымъ разнообразнымъ видоизмѣненіямъ проходящаго звука, и внутри которой мо-

гутъ быть въ то же время производимы весьма различные шорохи, представляетъ органъ человѣческой рѣчи.

Далѣе подробно описываются три существенно несходныя [93] между собой части этого органа: дыхательный снарядъ, гортань и расположенная впереди послѣдней надставная труба [1]).

Дыхательный снарядъ производитъ необходимый для произнесенія звуковъ воздушный токъ; гортань же и надставная труба служатъ къ тому, чтобы своими артикуляціями, одновременно или независимо одна отъ другой, обработывать этотъ воздушный токъ.

Надставною трубой называется совокупность всѣхъ полостей, принадлежащихъ къ органу рѣчи и находящихся надъ голосовою щелью. Сперва идетъ полость зѣва, потомъ устная и носовая полости.

Полость рта, самая сложная часть надставной трубы, лежитъ между неподвижною верхнею челюстью и подвижною нижнею. Отъ подъёма и опущенія послѣдней измѣняются въ различной степени пространство и форма устной полости. Ихъ разнообразіе еще увеличивается отъ движеній мягкихъ частей, соединенныхъ съ обѣими челюстями, именно: мягкаго нёба, языка и губъ.

Мягкое нёбо или нёбная занавѣска (velum palati) начинается за твердымъ нёбомъ, которое идетъ до окончанія верхняго ряда зубовъ. За чертою ихъ можно пальцемъ ощупать эту мягкую мускульную плоскость. Когда ротъ закрытъ, она бываетъ опущена, и дыханіе проходитъ черезъ носъ; когда же какой-нибудь звукъ произносится болѣе или менѣе открытымъ ртомъ, то мягкое нёбо подымается, чтобы преградить воздуху путь черезъ носъ.

За зубами лежитъ языкъ, участвующій въ произнесеніи почти всѣхъ звуковъ и заостренный впереди свободно-движущимся, менѣе массивнымъ кончикомъ. Къ его задней, спускающейся части примыкаетъ надгортанникъ, который имѣетъ [94] форму груши, обращенной впередъ широкимъ концомъ своимъ, и закрываетъ какъ клапанъ верхнее отверстіе гортани.

Губы, участвуя въ образованіи разныхъ звуковъ, то раскрываются широко, какъ для произнесенія *а*, то образуютъ щель съ отдергиваніемъ угловъ рта, какъ для *і*, то представляютъ круглое или овальное отверстіе, какъ для *о* и *у*, при чемъ губы, сверхъ того, выдвигаются впередъ.

Надъ полостью рта, вдоль всего ея протяженія лежитъ носовой каналъ, окруженный твердыми стѣнками и потому неизмѣнный въ своей формѣ. Онъ отдѣляется отъ устной полости твердымъ и мягкимъ

---

[1]) Многія изъ излагаемыхъ за симъ по книгѣ г. Сиверса данныхъ далеко не новы, но они являются у него въ новой группировкѣ и въ новомъ освѣщеніи, а потому и сообщаются здѣсь въ извлеченіи для связи съ послѣдующими свѣдѣніями.

нёбомъ, о чемъ уже было говорено, и оканчивается двумя устьями — ноздрями, которыя не могутъ быть закрываемы подобно рту.

Пока органы рѣчи остаются неподвижны, невозможно произнести ни одного звука; для этого необходимо, по крайней мѣрѣ, одну какую-нибудь часть ихъ вывести изъ спокойнаго состоянія и противопоставить какъ преграду дыхательному току, другими словами: должна произойти артикуляція.

Однимъ дыханіемъ, даже при усиленіи его, невозможно произвести ни одного звука рѣчи. Во время обыкновеннаго молчанія мы дышимъ медленно и равномѣрно; когда же говоримъ, то быстрымъ подъемомъ грудной полости вводимъ въ легкія большее количество воздуха; выдыханіе происходитъ толчками, при различномъ давленіи, съ различною энергіей. Итакъ, хотя дыханіе служитъ также факторомъ образованія звуковъ, но выраженіе „артикуляція" можетъ быть употребляемо только въ смыслѣ прегражденія выдыхательнаго тока тѣми или другими частями органовъ рѣчи.

Первый изъ этихъ органовъ, который посредствомъ артикуляціи можетъ противопоставить преграду выдыхательному току, есть гортань. Здѣсь артикуляція заключается только въ постепенномъ суженіи голосовой щели до совершеннаго затвора. Съ различными степенями суженія голосовой щели сопряжены разныя степени силы выдыханія воздуха, и смотря по этому, въ [95] гортани происходятъ самые разнородные шорохи и тоны. Первые называются гортанными шорохами, послѣдніе общимъ именемъ голоса или голосового тона. Итакъ, подъ голосомъ мы разумѣемъ музыкальный тонъ, произведенный мѣрными дрожаніями голосовыхъ связокъ, какой бы то ни было силы, высоты и т. д., и притомъ независимо отъ образованія посредствомъ его разныхъ звуковъ рѣчи.

Изъ гортанныхъ шороховъ при обыкновенной громкой рѣчи появляются только два — греческіе spiritus asper (нѣмецкій h) и spiritus lenis [1]). Голосъ же служитъ къ образованію гласныхъ, носовыхъ, плавныхъ и другихъ „звонкихъ" согласныхъ, то-есть, именно тѣхъ звуковъ, на которыхъ главнымъ образомъ основывается слышимость и музыкальность языка.

При шопотѣ голосовая щель бываетъ не совсѣмъ закрыта; въ то же время выдыхательное давленіе такъ уменьшено, что воздушный токъ уже не имѣетъ силы произвести звучаніе голосовыхъ связокъ, и можетъ только своимъ треніемъ о нихъ образовать тѣ самые гортан-

[1]) Звукъ легкаго придыханія (spiritus lenis), по наблюденіямъ англійскихъ фонетиковъ и г. Сиверса, предшествуетъ произношенію всѣхъ гласныхъ и слышится особенно при шопотной рѣчи: въ горлѣ какъ будто хруснетъ (ein eigenthümliches Knacken: *Сиверсъ*, стр. 110). Признаюсь, при всемъ стараніи, я не могу уловить этого звука, по крайней мѣрѣ, при громкой рѣчи.

ные шорохи, о которыхъ было упомянуто. Насколько позволяетъ ихъ акустическій характеръ, они бываютъ сходны съ голосовымъ тономъ.

Есть цѣлые ряды звуковъ, при которыхъ гортань остается совершенно пассивною. Напротивъ, надставная труба всегда имѣетъ замѣтное вліяніе на характеръ отдѣльныхъ звуковъ, и ея артикуляціи постоянно производятъ только особые звуки. Каждой формѣ артикуляціи надставной трубы отвѣчаетъ только одинъ образуемый ею звукъ рѣчи, въ которомъ, конечно, могутъ быть различныя степени, смотря по силѣ выдыхательнаго давленія, или различныя качества, смотря по тому, участвуетъ, или не участвуетъ гортань въ артикуляціи. Если, напримѣръ, мы дадимъ надставной трубѣ форму [96] артикуляціи, нужную для *а*, то будемъ неизмѣнно производить *а*, пока будетъ продолжаться данное рту положеніе, станемъ ли говорить громче, или тише, или шопотомъ, выше или ниже. То же можно замѣтить при образованіи *ф*, *с*, *х*, или *б—п*, *д—т*, *г—к* и т. д. Однакожъ различія степени сопровождаются и небольшими измѣненіями въ формѣ артикуляціи, напримѣръ, болѣе сильнымъ сжатіемъ губъ при *п*, нежели при *б* и проч.

Наблюдая образованіе *п*, *т*, *к* или *ф*, *с*, *х*, легко замѣтить, что при этомъ гортань не принимаетъ участія въ произведеніи звука, что, напротивъ, незвонкій воздушный токъ гдѣ-то въ надставной трубѣ (напримѣръ, у губъ при *п* и *ф*) встрѣчаетъ преграду, подающую поводъ къ образованію въ этомъ мѣстѣ шороха. Съ уничтоженіемъ преграды тотчасъ же прекращается и шорохъ, хотя бы выдыханіе продолжалось. Если ее произвести въ другомъ мѣстѣ надставной трубы, то появится совершенно отличный отъ перваго шорохъ. Въ каждомъ случаѣ можно внутри надставной трубы опредѣлительно указать мѣсто, гдѣ шорохъ беретъ свое начало.

Совсѣмъ другое видимъ при образованіи гласнаго, напримѣръ *а*. Мы знаемъ, что здѣсь гортань доставляетъ голосъ, какъ субстратъ звука; но голосъ же служитъ необходимымъ матеріаломъ для *і*, *у* и т. д. Отъ *а* доходятъ до *і* или до всякаго другого гласнаго одними измѣненіями формы надставной трубы, между тѣмъ какъ гортань вполнѣ удерживаетъ прежнее артикуляціонное положеніе. Поэтому разница между *а*, *і*, *у*, точно такъ же, какъ разница *ф*, *с*, *х*, зависитъ отъ артикуляціи надставной трубы, но нигдѣ внутри ея нельзя указать пункта, при которомъ былъ бы образованъ свойственный гласному *а* въ противоложность *і* и *у* звукъ (какъ нѣчто отъ голоса независимое). Напротивъ, здѣсь надставная труба дѣйствуетъ какъ цѣлое (по закону отраженія), видоизмѣняя произведенный гортанью голосъ.

Итакъ, въ первомъ случаѣ артикуляція надставной трубы производитъ образованіе самостоятельнаго звука (*ф*, *с*, *х*), во второмъ же случаѣ только видоизмѣненіе образованнаго въ [97] другомъ мѣстѣ

звука (голоса). Поэтому артикуляцію перваго рода г. Сиверсъ называетъ *образующею звукъ* (звукообразовательною, schallbildend), артикуляцію же второго рода — *видоизмѣняющею звукъ* (schallmodificirend).

Изъ сказаннаго видно, что для образованія звука рѣчи нужны три фактора:

1) Выдыхательный токъ различной силы и продолжительности.

2) Производящее звукъ преграждeніе этого тока, которое можетъ быть различно, смотря по мѣсту (въ гортани, въ надставной трубѣ, или въ обѣихъ одновременно), по степени (затвору или стѣсненію), по продолжительности или энергіи; энергія преграждeнія соразмѣряется съ энергіей выдыханія.

3) Отражающее пространство, которое даетъ звуку его особую окраску.

Переходя къ принципіальному вопросу о дѣленіи и системѣ звуковъ рѣчи, г. Сиверсъ находитъ, что старинное различеніе гласныхъ (вокаловъ) и согласныхъ (консонантовъ), хотя и очень удобное на практикѣ, не вполнѣ удовлетворительно въ научномъ смыслѣ, потому что основано не на сущности звуковъ, а на функціи ихъ, то-есть, на роли, какую они играютъ при образованіи слоговъ. Это, по его мнѣнію, издавна мѣшало успѣшному изслѣдованію дѣйствія однихъ звуковъ на другіе и ихъ самостоятельныхъ измѣненій. Г. Сиверсу кажется, что даже и въ отношеніи къ функціи гласныхъ и согласныхъ, между ними нельзя провести точной границы, потому что нѣкоторые такъ называемые согласные, именно плавные и носовые, также могутъ служить къ образованію слоговъ, въ примѣръ чего онъ приводитъ нѣмецкія слова ritten и handel, при произношеніи которыхъ гласная *e* вовсе не артикулуется, а отъ *t* дѣлается переходъ прямо къ *n* и *l*, получающимъ въ этомъ случаѣ значеніе гласныхъ. Разница же звуковъ въ отношеніи къ функціи ихъ, по наблюденію нашего автора, заключается въ томъ, что въ каждомъ слогѣ бываетъ одинъ звукъ, который выдается надъ [98] другими и который поэтому можно называть вершиной слога (Silbengipfel) или носителемъ слогового акцента, а остальные служатъ только его спутниками; въ примѣръ первыхъ приводится *a* въ слогахъ *an*, *al*, *ab*, *ap*, *at* и *na*, *la*, *ba* *pa* и т. д. Такъ точно, говоритъ г. Сиверсъ, въ словахъ: *rit-tn*, *han-dl* звуки *n*, *l* несутъ на себѣ акцентъ второго слога. Такіе звуки уже Таузингъ предлагалъ называть сонантами, а второстепенные — консонантами (Mitlauter, созвучными). Въ томъ, что послѣднее названіе будетъ, вслѣдствіе того, имѣть двоякое значеніе (то-есть, и значеніе согласныхъ по-старинному), нашъ авторъ не видитъ большого неудобства, такъ какъ роль сонантовъ будутъ по большей части играть гласные, а консонантовъ согласные, по прежнему дѣленію. Ниже мы яснѣе увидимъ, въ чемъ собственно заключается

сущность вновь установляемаго различія, а покуда замѣтимъ, что, несмотря на указанные г. Сиверсомъ недостатки стариннаго раздѣленія звуковъ на вокалы и консонанты, оно никогда не выведется изъ употребленія, что́ впрочемъ признаётъ и самъ онъ.

Это раздѣленіе, по его словамъ, такъ тѣсно связано со всею относящеюся сюда терминологіей, вообще со всѣми фонетическими изслѣдованіями, что было бы невозможно вполнѣ замѣнить его чѣмъ-нибудь другимъ. По моему мнѣнію, кромѣ того, въ самомъ способѣ образованія гласныхъ и согласныхъ есть различіе, которое заставляетъ относить ихъ къ двумъ разнымъ категоріямъ звуковъ: гласные образуются болѣе или менѣе открытымъ ртомъ при нѣкоторомъ только участіи языка и губъ; согласные же требуютъ бо́льшаго или меньшаго сближенія двухъ частей органовъ рѣчи, — преграды, которая составляетъ необходимое условіе для произнесенія подобнаго звука.

Затѣмъ разсматривается вопросъ: что́ разумѣть подъ отдѣльнымъ звуко́мъ? До сихъ поръ обыкновенно довольствовались означеніемъ формы артикуляціи звука въ надставной трубѣ и опредѣленіемъ: уча́ствуетъ, или не участвуетъ гортань (то-есть, голосъ) въ артикуляціи его; но при этомъ не обращали [99] вниманія на многообразные оттѣнки звука, зависящіе отъ выдыханія и качественнаго вида преградія въ гортани. Такъ напримѣръ, подъ категорію звука *а* подводили всѣ тѣ звуки, которые могутъ быть производимы при извѣстномъ положеніи рта и при звучащемъ голосѣ, не принимая въ расчетъ продолжительности, силы, высоты отдѣльныхъ звуковъ изъ которыхъ выведена категорія *а*. Но недостаточно противопоставлять одинъ звукъ другому, напримѣръ *а* звуку *о* по одной формѣ артикуляціи ихъ: необходимо давать себѣ отчетъ и въ разновидностяхъ, отличаемыхъ слухомъ подъ каждымъ изъ этихъ общихъ типовъ.

Конечно, нѣтъ никакой возможности составить удовлетворяющую всѣмъ требованіямъ общую систему, въ которой нашли бы мѣсто всѣ возможные звуки органовъ человѣческой рѣчи: никто не въ состояніи обозрѣть всѣхъ возможныхъ видоизмѣненій отдѣльныхъ формъ артикуляціи. Всякій вновь изслѣдованный языкъ можетъ доставить новыя видоизмѣненія, которыя не подойдутъ подъ систему, извлеченную изъ прежде-извѣстныхъ намъ языковъ. Но и въ болѣе ограниченномъ кругѣ наблюденій составленіе общей системы неисполнимо, потому что условія образованія звуковъ такъ разнообразны, что для созданія системы нужно бы произвольно отдать предпочтеніе однимъ факторамъ передъ другими, а за полученною такимъ способомъ системой нельзя признать безусловнаго значенія. Поэтому г. Сиверсъ, въ противоположность новѣйшимъ стремленіямъ установить общую систематику звуковъ, держится той мысли, что дальнѣйшее развитіе звуковой систематики можетъ имѣть успѣхъ только на основаніи изслѣдованія и

описанія частныхъ системъ отдѣльныхъ говоровъ, изъ чего, далѣе, могутъ происходить болѣе общія системы для цѣлыхъ группъ нарѣчій и языковъ, но всегда въ примѣненіи къ опредѣленнымъ потребностямъ. Въ разсматриваемомъ трудѣ, какъ имѣющемъ свое спеціальное назначеніе, авторъ прямо устраняетъ разсмотрѣніе всѣхъ звуковъ, которыхъ до сихъ поръ не оказывалось въ индоевропейской [100] звуковой системѣ, каково, напримѣръ щёлканье (Schnalzlaute) готтентотовъ или гортанные звуки семитскихъ языковъ. Цѣль книги, говоритъ онъ, должна служить рѣшающимъ указаніемъ и при составленіи общихъ опредѣленій извѣстныхъ звуковыхъ группъ, то-есть, мы должны считать нормальными тѣ формы звука (его разновидности, принимавшіяся до сихъ поръ за звуковую единицу), которыя съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ могутъ быть угадываемы какъ нормальныя формы общаго прародителя новыхъ индоевропейскихъ языковъ или, во всякомъ случаѣ, какъ историческіе предшественники новѣйшихъ звуковъ.

Разсуждая объ основныхъ началахъ, на которыхъ можетъ быть построена такая система звуковъ, г. Сиверсъ выставляетъ трудность выбрать предпочтительно который-нибудь изъ факторовъ артикуляціи, необходимыхъ въ совокупности для образованія звука; они были выше исчислены, таковы именно: выдыханіе, прегражденіе и резонансъ; первое можетъ быть различно по силѣ и продолжительности; второе — по степени и мѣсту. Каждый изъ этихъ факторовъ можетъ быть взятъ теоретически за исходную точку дѣленія; но къ тому можетъ служить также и акустическое значеніе звуковъ, вытекающее изъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ факторовъ. Въ практическомъ отношеніи автору кажется всего удобнѣе начать съ послѣдняго основанія, за которымъ будутъ слѣдовать и другія.

Этимъ оканчивается введеніе, составляющее первую главу книги. Во второй главѣ разсматриваются, по обозначенной системѣ, группы звуковъ рта и отдѣльные звуки.

По своему акустическому значенію звуки раздѣляются на двѣ группы: 1) сонóры или чисто-голосовые звуки (reine Stimmlaute), исходящіе исключительно изъ гортани и имѣющіе основою голосъ, и 2) шорохи, образующіеся въ надставной трубѣ; ихъ можно назвать безголóсными (tonlos). Къ разряду соноровъ отнесены гласные, плавные (то-есть, звуки *л* и *р*) и носовые (*м* и *н*). Къ разряду безголосныхъ, напримѣръ *к*, *т*, *ф*, *с*.

[101] Но есть еще и такіе звуки, при произнесеніи которыхъ голосъ и шорохи сливаются, напримѣръ *в*, *з*. Такіе смѣшанные звуки составляютъ въ акустическомъ отношеніи переходъ отъ соноровъ къ шорохамъ, и потому ихъ можно причислять къ одному изъ двухъ названныхъ разрядовъ, смотря по тому, который изъ обоихъ элементовъ въ нихъ преобладаетъ и субъективно признаётся наиболѣе суще-

ственнымъ. Вмѣстѣ съ сонорами они образуютъ группу голосовыхъ звуковъ (stimmhafte Laute); съ чистыми же шорохами они сближаются по общему способу образованія шороховъ, но для отличія отъ первыхъ получаютъ названіе голосовыхъ или полусонорныхъ шороховъ. Отсюда видно, что, собственно говоря, нельзя провести безусловной границы между сонорами и голосовыми шорохами. Поэтому мнѣ кажется, что едва ли не справедливѣе и не проще было бы оставаться при прежнемъ раздѣленіи звуковъ на голосовые (tönende) и безголосные (tonlose) [1]).

Затѣмъ излагаются виды артикуляціи: сперва гортани, а потомъ надставной трубы. Въ послѣдней устный каналъ представляетъ три принципіально различныя положенія:

1) Устный каналъ на всемъ своемъ протяженіи такъ широко раскрытъ, что выдыхаемый воздухъ проходитъ чрезъ него, не производя устнаго шороха; тогда полость рта служитъ только резонансовою средою. Это бываетъ при всѣхъ сонорахъ.

2) Устный каналъ настолько стѣсненъ, что выдыхаемый токъ производитъ между краями тѣснины шорохъ тренія; [102] это бываетъ, напримѣръ, при такихъ звукахъ, какъ *ф, с, х*, или *в, з*.

3) Устный каналъ въ одномъ мѣстѣ совершенно закрытъ, напримѣръ у губъ при *б, п*; за зубами при *д, т*; у нёба при *г, к*, а также и при такъ-называемыхъ носовыхъ *м, н*.

Если назвать всѣ тѣ звуки, которые происходятъ отъ тренія воздушнаго тока о края тѣснины, спирантами или протóрными звуками [2]) (Reibelaute, fricativae), звуки же, образующіеся посредствомъ полнаго затвора органа рѣчи, — смычными (Verschlusslaute), то изъ вышеуказанныхъ факторовъ получатся слѣдующія группы звуковъ: 1) гласные и плавные, — чистые соноры (безъ участія носового

---

[1]) Прежде называлъ я первые *громкими*, вторые же, по примѣру Брюкке, *шопотными*, но сознаюсь, что эти названія не довольно точны; громкость можетъ быть различной степени, да и не заключаетъ въ себѣ никакого опредѣлительнаго признака; съ шопотною же рѣчью соединяются условія, которыми не всегда сопровождается произнесеніе безголосныхъ звуковъ. Притомъ г. Сиверсъ, согласно съ нѣкоторыми другими изслѣдователями, утверждаетъ, что и при шопотѣ можно сохранять отличіе голосовыхъ шороховъ отъ безголосныхъ. Еще менѣе удачнымъ нахожу терминъ: *звучные* и *отзвучные*, придуманный, кажется, Срезневскимъ, а потомъ употреблявшійся и нѣкоторыми другими. Согласимся, что называть *звуки звучными* или *отзвучными* по меньшей мѣрѣ странно.

[2]) Иногда употреблявшійся у насъ терминъ *проточные* оказывается неудобнымъ, такъ какъ и другіе звуки образуются при условіи протока воздуха черезъ ротъ или носъ. Прил. *протóрный* образовано отъ занесеннаго въ акад. словарь слова *протóръ*, означающаго „возможность съ трудомъ проходить или протираться“, чтó совершенно отвѣчаетъ понятію звуковъ, извѣстныхъ у нѣмцевъ подъ именемъ Reibelaute.

канала); 2) назализированные гласные и назализированные плавные; 3) спиранты; 4) смычные звуки (собственно говоря, — устно-смычные), и 5) носовые, которые могутъ быть названы назализированными устно-смычными звуками, такъ какъ при образованіи ихъ устный каналъ, посредствомъ опущенія нёбной занавѣски, бываетъ совершенно закрытъ, воздушный же токъ проходитъ чрезъ носовую полость.

Относительно смычныхъ звуковъ г. Сиверсъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что одно положеніе смычки (затвора) само по себѣ еще не можетъ образовать звука; при безголосномъ выдыханіи затворъ обоихъ отверстій устной области для пропуска воздуха просто равносиленъ полному прекращенію всякаго звукообразованія, равно какъ и затворъ голосовой щели. При звучаніи голоса положеніе устнаго затвора можетъ, пожалуй, видоизмѣнять звукъ, но особенно характеристическую черту смычныхъ звуковъ составляетъ актъ затвора и разрѣшенія его, то-есть, тѣ два момента, которые предшествуютъ положенію смычки и слѣдуютъ за нею. Но такъ какъ эти три момента [103] (смыканіе, положеніе смычки и растворъ) необходимо связаны одинъ съ другимъ, то мы на практикѣ и считаемъ ихъ фонетическій результатъ за единичный звукъ языка.

Въ одномъ изъ примѣчаній къ параграфу о видахъ артикуляціи нашъ авторъ предостерегаетъ противъ смѣшенія выраженій: spirant и aspirata, на что́ было обращено вниманіе уже и мною въ Филологическихъ Разысканіяхъ (см. выше, стр. 530). „Большая путаница“, говоритъ онъ, — „которою долго страдало, напримѣръ, ученіе о развитіи медіальныхъ придыханій въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ, была въ сущности слѣдствіемъ неясныхъ представленій въ этой области... Когда спиранту предшествуетъ смычка, то получается двойной звукъ — affricata, то-есть смычной звукъ + спирантъ [1]); когда же за растворомъ смычки слѣдуетъ простое дыханіе, то происходитъ то, что́ мы называемъ aspirata (придыхательный звукъ). Къ числу смычныхъ звуковъ принадлежатъ только такъ-называемые tenues и mediae съ ихъ aspiratae по общеупотребительной терминологіи; къ спирантамъ, напротивъ, всѣ другіе звуки-шорохи, въ особенности же латино-нѣмецкіе *ф* и *х* (ch), англійскій *th* или φ, χ, ϑ по новогреческому произношенію, которые только по недоразумѣнію смѣшиваются съ греческими придыхательными.

Далѣе звуки разсматриваются по мѣстамъ артикуляціи ихъ, то-есть, по тѣмъ пунктамъ органовъ рѣчи, гдѣ образуются тѣснины или смычки; такимъ образомъ мы говоримъ, что, напримѣръ, мѣстомъ артикуляціи *п, б, м* (безъ отношенія къ вопросу о совмѣстномъ дѣйствіи голоса) служатъ обѣ губы, мѣсто артикуляціи *ф* находится

---

[1]) Напримѣръ: pf, gs.

между нижнею губой и верхними зубами, и т. д. Опредѣлить мѣсто артикуляціи звука бываетъ тѣмъ легче, чѣмъ явственнѣе производится стѣсненіе устнаго канала (до совершеннаго затвора); оттого звуки, образуемые сближеніемъ среднихъ частей языка съ небомъ, представляютъ гораздо болѣе трудностей къ точному опредѣленію мѣста артикуляціи, чѣмъ [104] другіе звуки, тѣмъ болѣе, что почти единственнымъ средствомъ къ тому можетъ служить осязаніе. Всего труднѣе опредѣлять артикуляціи гласныхъ, оттого что эти послѣдніе сопровождаются наименѣе энергическими стѣсненіями устнаго канала. Поэтому описаніе гласныхъ и отлагается въ книгѣ г. Сиверса до другой главы, гдѣ рѣчь идетъ объ отдѣльныхъ звукахъ. Для опредѣленія мѣстъ артикуляціи небныхъ звуковъ придумана недавно очень остроумная метода окрашиванія: Грюцнеръ густо намазываетъ карминомъ или китайскою тушью сухо обтертый языкъ, и потомъ какъ можно яснѣе и непринужденнѣе артикулуетъ звуки. Открытый при этомъ ротъ осматривается при надлежащемъ свѣтѣ съ помощью большого ларингоскопа, косвенно обращеннаго вверхъ къ небу, и обыкновеннаго туалетнаго зеркала. Грюцнеръ замѣчаетъ, что изображенія того же звука у различныхъ людей бываютъ не совсѣмъ одинаковы, но у одного и того же лица не мѣняются.

Сколько же мѣстъ артикуляціи слѣдуетъ принимать и какъ они взаимно расположены? Согласно съ звуковою системой грековъ и римлянъ, прежде принимали только три мѣста артикуляціи, продукты которыхъ означали названіями: g u t t u r a l e s (гортанные), d e n t a l e s (зубные) и l a b i a l e s (губные). Ознакомясь съ санскритомъ, прибавили еще: p a l a t a l e s (небные), c e r e b r a l e s (мозговые!), которые по индійской звуковой системѣ помѣстили между гортанными и зубными. Но составившаяся такимъ образомъ система въ физіологическомъ смыслѣ не совсѣмъ правильна. Обращая вниманіе на органы, участвующіе въ образованіи отдѣльныхъ звуковъ, слѣдуетъ прежде всего принять два отдѣла: г у б н ы е (labiales), образуемые только губами съ помощью, въ случаѣ надобности, зубовъ, и я з ы ч н о-н е б н ы е (linguo-palatales), производимые сближеніемъ какой-нибудь части языка съ какою-нибудь частью мягкаго или твердаго неба, а по мѣрѣ надобности, и зубовъ (вообще, слѣдовательно, съ частью внутренней устной полости). Можно прибавить еще третью группу — velares (отъ velum palati, небная занавѣска), [105] образуемые сближеніемъ магкаго неба съ заднею стѣнкою зѣва, но не составляющіе впрочемъ отдѣльной группы, а появляющіеся только при встрѣчѣ между собою другихъ звуковъ.

Г у б н ы е звуки раздѣляются на ч и с т о-г у б н ы е (иначе называемые также bilabiales, labiolabiales) и г у б о-з у б н ы е, въ артикуляціи которыхъ участвуютъ и зубы. При образованіи я з ы ч н о-н ё б н ы х ъ

собственно только языкъ составляетъ подвижное орудіе артикуляціи. Измѣненіями его формы (посредствомъ подъема и опущенія нижней челюсти) производятся надлежащія стѣсненія и затворы. Нёбо же, разумѣется твердое нёбо, играетъ при этомъ пассивную роль. Если начать съ такъ называемыхъ гортанныхъ звуковъ, то крайнимъ смычнымъ этого ряда со стороны гортани будетъ *к*, образуемое прикосновеніемъ задней спинки языка къ самому нижнему краю нёбной занавѣски. Ясно, что подвигаясь отсюда впередъ, можно по порядку каждую часть языка сближать съ соотвѣтственнымъ мѣстомъ нёба, точку прикосновенія можно постепенно и незамѣтно вести отъ корня языка къ кончику его. Каждому мѣсту прикосновенія долженъ естественно отвѣчать особый звукъ. Такимъ образомъ получается непрерывная лѣстница звуковъ, которыхъ число въ теоріи должно быть безконечно. Но на практикѣ считаютъ за единицу цѣлый рядъ такихъ звуковъ, которые отличаются сходнымъ въ сущности тономъ, такъ что для артикуляціи каждаго звука служитъ извѣстное пространство въ опредѣленныхъ границахъ. Поэтому наши выраженія: нёбные, зубные, гортанные и т. д., какъ и вообще названія звуковъ рѣчи и ихъ группъ, не указываютъ на точно опредѣленную артикуляцію или неизмѣнно установленный звукъ языка, а означаютъ лишь цѣлыя категоріи звуковъ, которые располагаются по сходству способовъ ихъ артикуляціи и число которыхъ мы опредѣляемъ противопоставляя одни изъ нихъ другимъ. Въ общемъ достаточно принять области переднюю, среднюю, и заднюю стотря по тому, артикулуются ли звуки кончикомъ языка, среднею или заднею частью его спинки: первая обнимаетъ, слѣдовательно, [106] зубные древнегреческой системы (включая и санскритскіе церебральные), вторая — такъ называемые нёбные, третья — гортанные.

Кромѣ опредѣленія мѣста артикуляціи этихъ звуковъ, должно также обращать вниманіе на форму частей рта, которыми они образуются. Въ этомъ отношеніи г. Сиверсомъ отмѣчены:

А. Серединныя артикуляціи (mediane Articulationen); мѣсто артикуляціи находится на серединной линіи рта, и именно:

1) Концовая артикуляція (coronale): она производится оконечностью языка, который приподнимается къ нёбу (зубные звуки).

2) Спиночныя артикуляціи (dorsale): для требующихся стѣсненій или смычекъ поднимается къ небу часть спинки языка (напримѣръ при *к*, *х*, задняя часть).

В. Боковая артикуляція (laterale): при ней характеристическія стѣсненія или смычки находятся между боковыми краями языка и коренными зубами (при *л*).

На этомъ основаніи нашъ авторъ распредѣляетъ всѣ язычно-нёбные звуки по двумъ главнымъ группамъ и въ каждой изъ нихъ

принимаетъ нѣсколько подраздѣленій, исчислять которыя въ настоящемъ обзорѣ было бы излишне.

Къ разсмотрѣнію звуковъ по группамъ отнесенъ также вопросъ объ интенсивности или силѣ и продолжительности звуковъ рѣчи.

Различеніе ихъ въ отношеніи къ силѣ служитъ только цѣлямъ образованія слоговъ и словъ, такъ какъ, напримѣръ, всѣ звуки слога ударяемаго, при выдыханіи, сильнѣе звуковъ неударяемаго. Слѣдовательно, для характеристики звуковъ рѣчи это различеніе не важно. Однакожъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ встрѣчаются различныя степени силы, вовсе не зависящія отъ акцента и потому принадлежащія прямо къ характеристикѣ звуковъ. Такимъ образомъ, если посредствомъ извѣстнаго аппарата [1]) [107] измѣрить давленіе воздуха при произношеніи безголосныхъ и голосовыхъ параллельныхъ звуковъ, какъ *п* и *б*, или *ф* и *в* (произнося съ равною по возможности интенсивностью всѣ слоги въ сочетаніяхъ: паба, бапа, фава, вафа), то окажется, что при всѣхъ безголосныхъ звукахъ давленіе воздуха сильнѣе, чѣмъ при соотвѣтственныхъ голосовыхъ. Поэтому, въ разсужденіи относительной мѣры давленія воздуха при образованіи ихъ шороха, слѣдуетъ называть *п* и *ф* fortes, противоположные же имъ *б* и *в* lenes.

Конечно, въ языкахъ, которые отличаютъ такіе параллельные звуки, какъ *п* и *б* и т. п., отсутствіемъ или присутствіемъ голоса, нѣтъ надобности считать особенно важнымъ признакомъ меньшую силу *б* и проч., но надобно помнить, что есть языки, противопоставляющіе между собою безголосные звуки различной силы. У швейцарцевъ, напримѣръ, *п* и *б*, *ф* и *в* равно произносятся безъ помощи голоса, и различаются только болѣе сильнымъ давленіемъ голоса при *п* и *ф*, нежели при *б* и *в*. Итакъ, здѣсь различіе силы составляетъ единственный отличительный признакъ звуковъ, и выраженія fortis и lenis становятся необходимы. Тотъ, кто привыкъ замѣчать только качественное различіе безголосныхъ и голосовыхъ звуковъ, можетъ всего легче понять разсматриваемую разницу силы съ одной стороны на взрывныхъ, съ другой на плавныхъ и носовыхъ. Въ словахъ: вилла, сумма очень ясно слышится бо́льшая интенсивность *л* и *м* въ сравненіи съ вила, дума, если отрѣшиться отъ внушаемаго письмомъ обманчиваго представленія объ удвоенномъ *лл* или *мм*: дѣло въ томъ, что тутъ въ первомъ случаѣ мы слышимъ fortis, во второмъ lenis. При *к*, *т*, *п*—*г*, *д*, *б* сто́итъ только отдать себѣ отчетъ

[1]) Согнутая на подобіе латинскаго U, на одну треть налитая водою стеклянная трубка, къ одному концу которой прикрѣплена каучуковая кишка; другой конецъ этой кишки кладется въ ротъ и приставляется позади того мѣста, гдѣ происходитъ смычка или тѣснина, производящая звукъ.

въ ощущеніи взаимно соприкасающихся частей рта; при этомъ всякій легко убѣдится, напримѣръ, въ болѣе сильномъ сжатіи губъ при *п* въ противоположность *б* и т. д.

[108] Количество (Quantität, то-есть, долгота и краткость) звука само по себѣ не имѣетъ вліянія на его качество, а потому и не можетъ служить основаніемъ дѣленія. Между тѣмъ, принимая во вниманіе протяжимость или непротяжимость звуковъ рѣчи, отличаютъ длительные звуки отъ мгновенныхъ. Къ послѣдней группѣ принадлежатъ только смычные, допускающіе одно удлинненіе паузы между смычкою и растворомъ (или голоса, раздающагося въ продолженіе этого времени). Здѣсь, какъ мнѣ кажется, г. Сиверсъ впалъ въ нѣкоторое недоразумѣніе: названія длительныхъ и мгновенныхъ даны звукамъ только по отношенію къ возможности протягивать въ произношеніи одни изъ нихъ и къ неизбѣжной краткости другихъ; но это не значитъ, чтобы при обыкновенномъ произношеніи длительные звуки, напримѣръ, *в, с, ш,* были длиннѣе или протяжнѣе мгновенныхъ: *г, т, б* и т. п. Равнымъ образомъ и поставленное мною въ скобкахъ выраженіе, заимствованное у г. Сиверса, едва ли вѣрно: голосъ, сопровождающій какой-нибудь мгновенный звукъ, вырывается одновременно съ растворомъ, а не въ продолженіе паузы, и можетъ звучать болѣе или менѣе времени только въ примѣненіи къ спиранту, который дѣлается его носителемъ.

Отъ разсмотрѣнія звуковъ по группамъ авторъ переходитъ къ отдѣльнымъ звукамъ, и прежде всего говоритъ о сонорахъ вообще, къ которымъ относитъ: 1) устные соноры, то-есть, гласные и плавные *р, л;* разница между этими обѣими группами очень незначительна и зависитъ (кромѣ различной степени стѣсненія надставной трубы) только отъ несходной формы артикуляціи языка; 2) носовые соноры или просто носовые звуки (резонанты, по неудачной терминологіи Брюкке), и 3) назализированные соноры, въ числѣ которыхъ всего чаще встрѣчаются носовые гласные: вслѣдствіе ослабленія затвора нёбной занавѣски звучащій воздушный токъ можетъ отчасти выходить черезъ носовую полость и получаетъ такимъ образомъ вторую резонансовую среду.

Гласные, какъ занимающіе главное мѣсто между сонорами, [109] были издавна предметомъ чисто-акустическихъ анализовъ со стороны естествоиспытателей; но такъ какъ подобныя изслѣдованія, требующія спеціальной подготовки и разныхъ искусственныхъ аппаратовъ, имѣютъ лишь второстепенное значеніе для филолога, то я и не буду на нихъ останавливаться. Не войду также, вслѣдъ за г. Сиверсомъ, въ подробное изложеніе двухъ системъ гласныхъ звуковъ, нѣмецкой и англійской, потому что онѣ основываются главнымъ образомъ на произношеніи нѣмцевъ и англичанъ: мы же не имѣемъ пол-

ной возможности повѣрять ихъ выводы, построенные на наблюденіяхъ, требующихъ величайшей точности. Удовольствуюсь приведеніемъ вступительныхъ замѣчаній нашего автора.

Индоевропейскій праязыкъ различалъ, какъ полагали (что́ однакожъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ индоевропейскаго вокализма отвергается), только три опредѣленные вида гласныхъ: *а і у*, да и въ болѣе сложныхъ вокальныхъ системахъ новыхъ языковъ эти три гласные особенно выдавались, какъ представители самыхъ рѣзкихъ противоположностей музыкальной окраски. Обыкновенно группировали эти „три столпа" вокализма въ видѣ равносторонняго треугольника, имѣвшаго *а* въ вершинѣ, чѣмъ давалось знать, что между каждыми двумя изъ нихъ (*і—а, а—у, у—і*) существуетъ одинаковое разстояніе. Остальные гласные заносились между тѣми звуками, между которыми они повидимому составляли середину, именно: *э* между *а* и *і*, *о* между *а* и *у*. Эта, первоначально придуманная Гельвагомъ (1780), пирамида получила наконецъ, у Брюкке, слѣдующее развитіе:

$$\begin{array}{c} a \\ a^e \; a^o \\ e^a \; a^{oe} \; o^a \\ e \; e^o \; o^e \; o \\ i \; i^u \; u^i \; u \end{array}$$ (то-есть, наше у)

(a^e означаетъ здѣсь приближающійся къ *а* звукъ *ä*, e^a обыкновенное *ä* или открытое *е* и т. д.).

[110] Эта схема, продолжаетъ, г. Сиверсъ, можетъ, пожалуй, считаться вѣрною, если имѣть въ виду только субъективное акустическое впечатлѣніе. Но ошибка такого дѣленія заключается въ томъ, что оно почти вовсе не принимаетъ въ расчетъ форму артикуляціи и тѣмъ отнимаетъ возможность ясно обозрѣть чрезвычайно важныя и для исторіи языка отношенія отдѣльныхъ звуковъ между собою и къ отдѣльнымъ шорохамъ (напримѣръ, *і* къ нёбнымъ, *у* къ губнымъ и гортаннымъ). Поэтому Винтелеръ [1]) оказалъ дѣлу несомнѣнную услугу, предложивъ размѣстить эти три звука: *у—а—і* (или, что́ все равно, *і—а—у*) въ послѣдовательномъ порядкѣ по прямой линіи [2]): здѣсь *у—і* образуютъ крайніе предѣлы всей системы гласныхъ, въ которой *а* занимаетъ нейтральную середину.

При *а* весь устный каналъ раскрытъ; языкъ не много удаляется

---

[1]) Въ книгѣ: Die Kerenzer Mundart in ihren Grundzügen dargestellt. Leipz., 1876.

[2]) Это сдѣлано еще прежде мною въ „Филолог. Разысканіяхъ": см. выше, стр. 481, 491, 502.

отъ своего спокойнаго положенія. При *i*, *y*, напротивъ, болѣе сильная артикуляція производитъ значительныя стѣсненія въ надставной трубѣ (слѣдовательно приближается въ артикуляціи согласныхъ [1]). А такъ какъ при усиленномъ образованіи тѣснинъ малыя различія въ артикуляціи имѣютъ болѣе замѣтное вліяніе на характеръ соотвѣтственныхъ звуковъ, чѣмъ при слабомъ образованіи, то *i*, *y* гораздо чувствительнѣе къ перемѣнамъ артикуляціи, нежели *a*, которое, несмотря на весьма различную степень раскрытія рта, все-таки произносится съ тою же музыкальною окраской. Вотъ почему Винтелеръ нашелъ справедливѣе не начинать, по господствовавшему до него обычаю, съ *a* какъ „съ самаго простого и чистаго вокала", а (согласно съ тѣмъ, что̀ указывалъ уже Буа-Реймондъ) исходить отъ обоихъ [111] крайнихъ пунктовъ вокальной линіи, подлежащихъ болѣе точному опредѣленію, и затѣмъ уже подвигаться къ серединѣ.

Этотъ методъ имѣлъ еще то преимущество, что онъ съ самаго начала рѣзче выставлялъ артикуляцію тѣхъ двухъ частей рта, которыя служатъ къ образованію отзвучной среды для вокаловъ, именно языка и губъ; ибо при *y*, *i* обѣ артикулуютъ гораздо энергичнѣе, чѣмъ при *a* и ближайшихъ къ нему гласныхъ, и формы ихъ артикуляціи наиболѣе между собою противуположны. Приводя этотъ взглядъ г. Сиверса, я съ своей стороны однако замѣчу, что не придаю особенной важности измѣненію порядка, въ которомъ располагаются гласные, и нахожу, что несмотря на всѣ только-что высказанныя соображенія, методъ, начинающій разсмотрѣніе гласныхъ съ *a*, какъ дѣйствительно простѣйшаго звука, нагляднѣе представляетъ двѣ ска́лы звуковъ въ обоихъ противоположныхъ направленіяхъ. Къ тому же, и при расположеніи звуковъ не по прямой линіи, а по сторонамъ угла или треугольника съ *a* въ вершинѣ, ничто не мѣшаетъ итти отъ *i* къ *y* или наоборотъ.

Языкъ при *y* цѣлою своею массой отдергивается назадъ и въ задней своей части поднимается къ нёбу. При *i*, напротивъ, онъ выдвигается впередъ и переднею частью приближается къ твердому нёбу.

Губы при *y* (произносимомъ съ возможною полнотою) стягиваются, оставляя лишь небольшое круглое отверстіе, и въ то же время нѣсколько выдвигаются впередъ, удлинняя надставную трубу; при *i*, возможно ясномъ, углы рта оттягиваются, и образуется широкая щель вмѣсто круглой скважины при у.

Итакъ, при *y* образуется въ передней части рта довольно боль-

---

[1]) Вѣрный своей идеѣ, г. Сиверсъ ослабляетъ здѣсь дѣйствительную черту различія въ образованіи гласныхъ и согласныхъ. Какъ незначительно стѣсненіе при *i*, *y*, лучше всего доказывается ихъ сравненіемъ съ *jot* и *в* (*w*), которые по образованію подходятъ къ этимъ двумъ гласнымъ.

шое шаровидное отзвучное пространство съ маленькимъ круглымъ выходомъ; при *i* объемъ этой полости до крайности уменьшается, и вмѣстѣ съ тѣмъ выходъ чрезвычайно увеличивается. Соразмѣрно съ этимъ при *у* низкіе тоны голоса усиливаются, а высокіе заглушаются; при *i* бываетъ обратное дѣйствіе.

[112] Отъ этого происходитъ, что *у* и въ обыкновенной рѣчи звучитъ ниже чѣмъ *i*, и что *у* въ весьма высокихъ тонахъ, а *i* наоборотъ въ очень низкихъ уже звучатъ непріятно.

Кромѣ названныхъ двухъ факторовъ, принимали въ соображеніе также подъёмъ гортани при *i* и опущеніе ея при *у*. Но эти движенія не бываютъ большею частью произвольны, а обусловливаются существенно протягиваніемъ или отдергиваніемъ языка, почему и можно безъ неудобства оставлять ихъ въ сторонѣ.

Показавъ способъ, какъ опредѣлять изъ множества видоизмѣненій всѣхъ трехъ гласныхъ „нейтральную средину“ ихъ, то-есть, такъ сказать, средній или нормальный звукъ (способъ, который, по практической трудности воспроизводить его, не рѣшаюсь передать въ переводѣ), г. Сиверсъ продолжаетъ:

Если, начиная съ *у*, проходить всѣ промежуточныя ступени до *i*, то языкъ будетъ все болѣе выдвигаться впередъ и передняя часть его постепенно подниматься вверхъ къ твердому нёбу; нижняя челюсть, нѣсколько опущенная при переходѣ отъ *у* къ *а*, также снова поднимается постепенно кверху, и опять можетъ начаться артикуляція губъ, когда углы рта будутъ раздвигаться въ обѣ стороны.

Такимъ образомъ, начиная съ *у*, можно проходить всѣ оттѣнки гласныхъ ряда *у* — *i*, постепенно уменьшая характеристическія движенія артикуляціи *у*, пока они почти совершенно сравняются съ *о*, а затѣмъ переходя къ положенію *i* также постепенно усиленнымъ дѣйствіемъ двухъ факторовъ (языка и губъ). Итакъ, между *у* и *i* оказывается цѣлый непрерывный рядъ равномѣрно измѣняющихся и переходящихъ другъ въ друга оттѣнковъ гласныхъ. Слѣдовательно, всѣ оказывающіяся здѣсь различія должны быть отмѣчаемы на упомянутой выше линіи гласныхъ отъ *у* до *i*.

Но такъ какъ нельзя для каждой отдѣльной точки этой линіи, для каждаго возможнаго оттѣнка имѣть особенный знакъ, то остается только раздѣлить эту линію на извѣстное число частей, [113] то-есть, вмѣсто отдѣльныхъ оттѣнковъ гласныхъ означать категоріи звуковъ, которыя по формѣ артикуляціи и по акустическому впечатлѣнію соединяли бы въ себѣ ближайшія другъ къ другу и не являющіяся противоположными между собой видоизмѣненія. Представителемъ категоріи, нормальнымъ гласнымъ, долженъ служить тотъ оттѣнокъ, который всего опредѣлительнѣе выражаетъ музыкальный характеръ категоріи.

На основаніи этой системы Винтелеръ насчитываетъ 12 категорій гласныхъ *у, о, а, э, і*, съ ихъ оттѣнками, а присоединяя еще смѣшанные нѣмецкіе звуки ü, ö, — всего 14. Но, кончая изложеніе этой системы, г. Сиверсъ признаетъ ея несовершенство и неполноту, такъ какъ въ ней недостаетъ цѣлаго ряда звуковъ, образуемыхъ артикуляціей средней спинки языка съ нёбомъ. По его мнѣнію, всѣхъ этихъ недостатковъ избѣгаетъ англійская система Мельвиля Белля [1]), еще усовершенствованная Свитомъ [2]) и Стормомъ [3]). Она, говоритъ онъ, совершенно исключаетъ субъективный моментъ оцѣнки по акустическому сходству гласныхъ, который такъ преобладаетъ въ нѣмецкихъ системахъ и сдѣлался источникомъ многихъ ошибокъ: англійская система вокаловъ, такъ же, какъ и система согласныхъ, построена исключительно на анализѣ положеній артикуляціи. Прежде всего надо строго различать артикуляціи языка и губъ. Есть три горизонтальныя и три вертикальныя положенія языка. Въ первомъ отношеніи гласные бываютъ: задніе (гортанные), передніе (нёбные) и смѣшанные (гортаннонёбные). Промежуточныя степени могутъ быть внутреннія и внѣшнія. Затѣмъ, по большему или меньшему отдаленію языка отъ нёба, бываютъ высокіе, средніе и низкіе гласные, да [114] еще промежуточные, называемые пониженными и повышенными. Каждый изъ полученныхъ такимъ образомъ гласныхъ можетъ еще быть закрытымъ (узкимъ) или открытымъ (широкимъ). Кромѣ того, каждый изъ этихъ гласныхъ можетъ сдѣлаться округленнымъ посредствомъ суженія устнаго отверстія; округленіе же это бываетъ троякое по степени и различное по формѣ (вертикальное, горизонтальное и смѣшанное).

Для нагляднаго изображенія этой системы служитъ таблица, состоящая изъ 6-ти вертикальныхъ и 6-ти горизонтальныхъ, а всего изъ 36-ти клѣтокъ или стольких же гласныхъ звуковъ. Но, несмотря на высокое мнѣніе, высказываемое г. Сиверсомъ объ этой системѣ, я не могъ убѣдиться въ ея превосходствѣ: она кажется мнѣ черезчуръ сложною и сбивчивою; да и не всѣ примѣры звуковъ, приводимые въ доказательство ея положеній авторомъ „Grundzüge", можно признать вѣрными. Страненъ, между прочимъ, взглядъ его на звукъ русскаго *ы*. „Всего менѣе", — говоритъ онъ, — „понятны для нѣмца артикуляціи смѣшанныхъ гласныхъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ русское *еры* (ї [1]),

---

[1]) *Bell, A. Melville*, The Principles of Speech and Vocal Physiology. London, 1865. — Visible Speech. London 1867.

[2]) *Sweet, H.* Handbook of Phonetics. Oxford 1877, и статьи въ *Transact. of the Philol. Soc.* 1873 — 1881.

[3]) *Storm, J.* Englische Philologie. Heilbronn 1881. Первое изданіе, на датскомъ языкѣ, было напечатано въ Христіаніи, гдѣ авторъ занимаетъ каѳедру при университетѣ. Второе, нѣмецкое, сдѣлано при собственномъ его участіи.

изъ котораго посредствомъ опущенія языка происходитъ нѣмецкій подобный *ǒ* неударяемый звукъ *e* въ *Gabe* [1]) и т. п., а изъ этого вторичнымъ опущеніемъ звукъ *ǒé* въ анг. *bird*". Открытый звукъ, отвѣчающій русскому *еры*, часто слышится, по мнѣнію г. Свита, въ *pretty* и *just* и въ нѣкоторыхъ другихъ англійскихъ словахъ. Для насъ тутъ ясно полное недоразумѣніе на счетъ русскаго звука, и напрасно г. Сиверсъ, въ другомъ мѣстѣ своей книги (стр. 71), такъ рѣшительно отрекается отъ прежняго своего взгляда, согласнаго съ толкованіемъ Лепсіуса, что *ы* образуется соединеніемъ язычной артикуляціи *у* съ губною артикуляціей *і* [2]).

[115] Коснувшись затѣмъ носовыхъ и безголосныхъ вокаловъ (tonlose Vocale), изображаемыхъ на письмѣ съ помощью нѣмецкаго h, г. Сиверсъ кончаетъ этотъ отдѣлъ нѣсколькими замѣчаніями о томъ, что для изслѣдователя народные говоры должны быть равноправны съ такъ-называемымъ образованнымъ языкомъ, и что нельзя довольствоваться только немногочисленными звуками, изображаемыми въ письменной азбукѣ, а необходимо вникать также въ особенности артикуляціи всѣхъ ихъ оттѣнковъ, къ изображенію которыхъ должна служить придуманная для каждаго языка или нарѣчія система нормальныхъ знаковъ. При сравненіи языковъ между собою важно обращать вниманіе не столько на отношеніе одного отдѣльнаго звука къ другому, сколько на взаимное отношеніе цѣлыхъ системъ: нужно удостовѣряться, не зависятъ ли различія между отдѣльными гласными одной или нѣсколькихъ системъ отъ какого-нибудь общаго начала, отличающаго характеръ этихъ системъ. Такія начала заключаются въ большемъ или меньшемъ участіи губъ, въ различныхъ степеняхъ ринезма, въ особенномъ положеніи языка и т. п. Надо, такъ сказать, найти операціонный базисъ артикуляціи, который потомъ и имѣть въ виду при изслѣдованіи разныхъ звуковъ; такъ напримѣръ отличительныя черты англійскаго произношенія состоятъ въ томъ, что языкъ, отдернутый назадъ, какъ бы расплющивается и располагается къ церебральному способу артикуляціи, то-есть конецъ поднимается къ нёбу и загибается назадъ, а губы остаются пассивными и принимаютъ мало участія въ образованіи звуковъ [3]).

Другая группа соноровъ, плавные и носовые, разсматриваются

---

[1]) То же самое еще прежде (Grundzüge, стр. 73) замѣчено объ этомъ словѣ: такъ, по показанію г. Сиверса, Gabe произносится на нѣмецкой сценѣ.

[2]) Я имѣлъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ случай сослаться на остроумный взглядъ г. Лепсіуса и привелъ въ переводѣ все относящееся сюда мѣсто его статьи: „Über die arabischen Sprachlaute und deren Umschrift". См. мои „Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка" въ I-й части настоящаго изданія.

[3]) Въ Англіи считается правиломъ приличія при разговорѣ какъ можно менѣе приводить въ движеніе губы (Grundzüge, 14).

также весьма подробно. Въ каждомъ изъ обоихъ разрядовъ принимается по пяти подраздѣленій. Занимаясь плавными, авторъ останавливается между прочимъ на русскомъ твердомъ [116] *л* (*лъ*) и говоритъ, что со времени Пуркинье фонетисты считаютъ этотъ звукъ гортаннымъ. Но, прибавляетъ онъ, въ пониманіи его, кажется, еще не пришли къ соглашенію. По Беллю и Свиту (которые называютъ его back-divided, задне-раздвоеннымъ), нужна „центральная смычка", произведенная всѣмъ корнемъ языка, при чемъ языкъ надо сильно отдергивать назадъ: воздухъ проходитъ между сторонами язычнаго корня и задними стѣнками щекъ. Стормъ, напротивъ, утверждаетъ, что задняя часть языка поднимается и весь задній устный каналъ стѣсняется (слѣдовательно, не раздвояется), и что отъ этого происходитъ гортанный характеръ звука, чѣмъ объясняются и частые переходы его въ *у* и *ö*. По моему мнѣнію, замѣчаніе о формѣ устнаго канала справедливо, но относительно движенія языка слѣдуетъ сдѣлать поправку, что онъ для нашего твердаго *л* сильно прижимается къ верхнимъ зубамъ, тогда какъ для западно-европейскаго *l* онъ поднимается далѣе къ твердому небу и загибается.

Едва ли можно согласиться съ г. Сиверсомъ, когда онъ, вопреки своему прежнему убѣжденію, признаетъ возможность безголосныхъ *м* и *н* (tonlose nasale), будто бы существующихъ во многихъ языкахъ; первый звукъ находитъ онъ, между прочимъ, въ междометіи *гм*. Трудно понять, чѣмъ же инымъ, какъ не голосомъ, можетъ быть выражено присутствіе носового звука.

Точно такъ же трудно вмѣстѣ съ г. Сиверсомъ признать за одною категоріею смычныхъ звуковъ принятое имъ названіе tonlose mediae (безголосныхъ *b*, *d*, *g*). Сказавъ, что установленные древними грамматистами термины двухъ родовъ согласныхъ: tenues (*p*, *t*, *k*) и mediae (*b*, *d*, *g*) перешли и въ новѣйшую фонетическую терминологію нѣмцевъ, г. Сиверсъ замѣчаетъ, что первые выговариваются въ разныхъ краяхъ весьма различно, изъ послѣднихъ же звуки *b* и *g* произносятся не только какъ смычные, но и какъ голосовые и безголосные спиранты. Далѣе онъ говоритъ: „Рядомъ съ безголосными сильными (tonlose starke) смычными, выражаемыми чрезъ *p*, *t*, *k*, есть въ разныхъ [117] языкахъ и безголосные слабые смычные; какъ швейцарскіе нѣмцы произносятъ *b*, *d*, *g*, да и вообще въ нѣмецкомъ языкѣ эти звуки нерѣдки" (стр. 95). Это вполнѣ справедливо: кому не случалось, даже не бывавъ въ Германіи, слышать нѣмцевъ, которые произносятъ *b*, *d*, *g* почти или совершенно такъ, какъ *p*, *t*, *k*? Справедливо и слѣдующее за симъ замѣчаніе: „Основываясь на томъ, что́ изложено было выше о степеняхъ интенсивности согласныхъ, tenuis греко-римскихъ грамматиковъ должна бы называться безголосною fortis (tonlose fortis), только что упомянутый безго-

лосный звукъ—безголосною lenis (tonlose lenis), а голосовая media—голосовою lenis (tönende lenis)". Но вотъ заключеніе, которое возбудитъ много противорѣчій: „Если означеннымъ безголоснымъ lenes (то-есть *б*, *д*, *г*, произносимымъ какъ *п*, *т*, *к*) долженъ быть усвоенъ одинъ изъ терминовъ tenuis и media, то конечно такимъ можетъ быть только послѣдній, ибо нѣтъ сомнѣнія, что во всѣхъ языкахъ, гдѣ безголосные и голосовые *б*, *д*, *г* существуютъ рядомъ, первые слышатся какъ звуки родственные голосовымъ mediae, а не какъ искаженія непридыхательныхъ tenues. Итакъ, мы старому понятію слова „media" въ такомъ же смыслѣ придаемъ болѣе широкое значеніе для всѣхъ слабыхъ смычныхъ, будутъ ли они голосовые или безголосные. Другими словами: мы признаемъ существованіе безголосной media въ такомъ же смыслѣ, какъ мы приняли существованіе безголосныхъ плавныхъ или носовыхъ вопреки первоначальнымъ опредѣленіямъ плавныхъ и носовыхъ, какъ чистыхъ сонорныхъ звуковъ", то-есть въ одномъ и томъ же звукѣ признается соединеніе глухого и звонкаго!

Глава оканчивается частными замѣчаніями о смычныхъ и спирантахъ, въ разборъ которыхъ мы входить не будемъ.

Разсмотрѣвъ звуки индоевропейскихъ языковъ въ отдѣльности, авторъ переходитъ къ изслѣдованію ихъ во взаимной между собою связи, и посвящаетъ этому обширный отдѣлъ сочиненія подъ заглавіемъ: Combinationslehre (теорія сочетаній). „Остается разсмотрѣть", говоритъ онъ, — „какъ эти отдѣльные [118] звуки соединяются въ болѣе сложныя группы эмпирическаго языка, то-есть въ слоги, такты, предложенія. Здѣсь мы прежде всего встрѣчаемся съ вопросомъ: какъ изолированный отъ предыдущаго или послѣдующаго звукъ возникаетъ и прекращается, то-есть въ какой послѣдовательности и какимъ образомъ нужныя для его произнесенія артикуляціонныя движенія начинаются и кончаются. Рѣшеніемъ этого вопроса занимается ученіе о звуковыхъ приступахъ и отбояхъ (Lauteinsätze und-absätze). Затѣмъ разсмотрѣнію подлежатъ переходные звуки (glides, какъ называютъ ихъ англичане), то-есть тѣ звуки, которые появляются, когда выдыхательный токъ продолжается покуда какая-нибудь часть органовъ рѣчи переводится изъ опредѣленнаго положенія для одного звука въ такое же положеніе для другого. При произнесеніи, напримѣръ, слога *al* голосъ продолжаетъ звучать, пока языкъ изъ положенія для *a* переводится въ положеніе для *l*. Во время этого перехода, естественно, не можетъ существовать ни чистый звукъ *a*, ни чистый звукъ *l*: между изглашеннымъ сначала чистымъ *a* и заключительнымъ *l* вдвигается непрерывный рядъ переходныхъ звуковъ. Но такъ какъ продолжительность этого перехода въ сравненіи съ продолжительностью положеній для *a* и для *l* ничтожна, то переходные звуки, вообще говоря, отдѣльно не бываютъ замѣтны. Если же они замѣ-

чаются, то переходный звукъ считаютъ либо окончаніемъ предыдущаго, либо началомъ послѣдующаго.

Какъ видно изъ словъ самого автора, мы находимся здѣсь въ области явленій, едва доступныхъ наблюденію. Слѣдить за этими явленіями, которыя г. Сиверсъ исчисляетъ особо подъ каждымъ разрядомъ звуковъ, — задача не легкая. Читатель, желающій ознакокомиться съ ними, долженъ обратиться къ самой книгѣ, о которой рѣчь идетъ. Но въ слѣдующемъ за тѣмъ параграфѣ о соприкосновеніи сосѣднихъ сonоровъ нахожу полезнымъ остановиться на нѣкоторыхъ изъ замѣчаній нашего автора. Вотъ что онъ говоритъ о дифтонгахъ (двугласныхъ):

Подъ дифтонгомъ разумѣютъ соединеніе двухъ простыхъ [119] гласныхъ, производимыхъ однимъ и тѣмъ же выдыхательнымъ толчкомъ, то-есть образующихъ одинъ слогъ и изъ которыхъ первый носитъ болѣе сильное удареніе. По практическимъ соображеніямъ принимаютъ два рода дифтонговъ: собственные и несобственные (echte und unechte). Къ первой категоріи принадлежатъ формы, какъ *ай, эй, ау, оу*, то-есть, такія, у которыхъ второй компонентъ требуетъ болѣе сильнаго устнаго стѣсненія, чѣмъ первый; ко второй категоріи, напримѣръ, сохранившіеся еще и до сихъ поръ въ южно-германскихъ нарѣчіяхъ средненѣм. *іе, ио, йе*, представляющіе обратное отношеніе. Мнѣ кажется, что послѣдніе, по вышеприведенному опредѣленію, не могутъ называться дифтонгами, а состоятъ каждый изъ двухъ слоговъ, хотя г. Сиверсъ и утверждаетъ, что такъ можетъ думать только тотъ, кто не имѣетъ достаточной практики въ произнесеніи этихъ звуковыхъ группъ. Между тѣмъ, онъ же тотчасъ послѣ этого говоритъ, что главное условіе для образованія дифтонга заключается въ томъ, чтобы второй компонентъ въ отношеніи къ первому исполнялъ функцію или игралъ роль согласнаго звука (müsse consonantisch fungiren); но возможно ли это въ группахъ: *іе, ио, йе?*

Посмотримъ теперь, какъ онъ понимаетъ названіе „полугласный". Подъ полугласными, говоритъ онъ, мы разумѣемъ такіе гласные, которые подъ вліяніемъ неударяемости низошли на функцію согласныхъ. Изъ этого видно, что выраженіе полугласный принадлежитъ къ ученію о функціяхъ и значитъ не болѣе, какъ „не слогообразовательно (unsilbisch) употребленный гласный". „Послѣ того, что сейчасъ было изложено о дифтонгахъ, ясно, что вторые компоненты дифтонговъ должны быть признаваемы за полугласные. Но практика не усвоила себѣ этого взгляда, видя въ дифтонгахъ нѣчто само по себѣ существующее, не поддающееся параллелизаціи съ другими звуковыми комплексами. Поэтому выраженіе „полугласный" употребляютъ только для означенія вокала въ функціи согласнаго передъ слогообразовательнымъ звукомъ. Означая необразующіе слога гласные

подстрочнымъ ‿, [120] мы будемъ имѣть полугласные i̯, u̯ только въ такихъ случаяхъ, какъ i͡a, u͡a, а не при a͡i, a͡u“.

Къ этому г. Сиверсъ прибавляетъ однакожъ примѣчаніе: „Здѣсь мы употребляемъ слово дифтонгъ исключительно въ томъ смыслѣ, какой съ нимъ соединяется въ терминологіи старинной грамматики индовъ, грековъ и латинянъ. Но новѣйшая практика и нѣкоторые фонетики, напримѣръ Свитъ, придаютъ этому термину болѣе обширное значеніе, называя дифтонгами всѣ вообще односложныя сочетанія двухъ гласныхъ, напримѣръ i͡a. Въ такомъ случаѣ различаютъ н и с х о д я щ і е дифтонги, у которыхъ ударяемый гласный впереди, какъ въ *ai*, *au* (это по теоріи г. Сиверса собственные дифтонги), и в о с х о д я щ і е, у которыхъ сочетаніе начинается полугласнымъ, какъ въ i͡a, u͡a; послѣдніе часто встрѣчаются въ романскихъ языкахъ, напримѣръ во французскомъ: *ie oi*, въ итал. *uo*, въ исп. *ue* и проч.“

Остановимся здѣсь на минуту, чтобы разсмотрѣть это замѣчаніе въ примѣненіи къ русскому языку. Оно совершенно согласно съ тѣмъ, что́ было высказано мною относительно нашихъ дифтонговъ какъ выше, стр. 493, такъ и въ статьѣ: „Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ р. яз.“ (см. ч. I настоящаго труда): по моему мнѣнію, наши слоги *ай, ой, ій, уй* и т. п. суть н и с х о д я щ і е дифтонги, точно такъ же какъ *йа, йэ, йо, йу* (на письмѣ я, е, ё, ю) — дифтонги восходящіе. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, *й* есть полугласный звукъ, то-есть по натурѣ гласный, имѣющій функцію согласнаго.

Этотъ й я прежде считалъ тожественнымъ съ германскимъ *йотомъ* (jot, j), но теперь вмѣстѣ съ г. Сиверсомъ признаю, что j, развившись изъ полугласнаго *i* посредствомъ бо́льшаго стѣсненія въ задней части рта, есть дѣйствительно длительный согласный, и именно голосовой спирантъ, который отвѣчаетъ безголосному *х* въ *ich*, точно такъ же, какъ *в* есть спирантъ, развившійся изъ гласнаго *у*. Наблюденіе, которое приводитъ къ заключенію о натурѣ *jot*, было сдѣлано мною еще при составленіи названныхъ „Замѣтокъ“, гдѣ между прочимъ сказано: [121] „Если станемъ произносить *и* (*i*) не переводя дыханія, такъ чтобы онъ звучалъ нѣсколько времени непрерывно, а потомъ вдругъ перейдемъ къ другой гласной, напримѣръ къ *а* или *о*, то непосредственно передъ нею *и* (i) непремѣнно обратится въ *й*, въ положеніи же органовъ рѣчи при этомъ не произойдетъ никакой перемѣны. Только въ томъ случаѣ, если непосредственно послѣ *й* (j) надо опять произнести *и* (i), какъ напримѣръ въ англійскомъ словѣ year или въ русскомъ *ихъ, имъ, ручьи*, то нельзя отрицать, что при переходѣ *и* въ *й* (которое у насъ тутъ не пишется), языкъ нѣсколько (болѣе) приближается къ нёбу, ибо иначе этотъ переходъ былъ бы невозможенъ“. Совершенно сходно съ этимъ и г. Сиверсъ (стр. 124) замѣчаетъ: „Если передъ гласными *i*, *u* (русск. *и*, *у*) и т. д. долженъ быть образованъ

*

соотвѣтствующій полугласный (то-есть, группы *ji*, *wu*), то полугласный всегда произносится болѣе сперто (geschlossener), чѣмъ гласный, такъ что здѣсь достигаются такія стѣсненія, какихъ не бываетъ обыкновенно при слогообразовательныхъ гласныхъ тѣхъ же языковъ".

Еще Добровскій въ звукахъ ꙗ ѥ ю (*я*, *ȇ*, *ю̣*) не хотѣлъ признавать дифтонговъ на томъ основаніи, что въ началѣ этихъ сочетаній онъ видѣлъ согласный *jot*; но всякій, кто безъ предубѣжденія вникнетъ въ ихъ составъ, убѣдится, что первымъ компонентомъ ихъ служитъ тотъ же полугласный *й*, которымъ кончаются группы *ай*, *ой* и т. д., что слѣдовательно тѣ и другіе суть дифтонги, но съ обратнымъ расположеніемъ составныхъ частей. Эта теорія нашихъ ложныхъ монографовъ *я*, *е*, *ю* — самая простая и вмѣстѣ самая практическая.

Пропускаю крайне утонченныя наблюденія надъ движеніями устныхъ органовъ и надъ происходящими во время ихъ посторонними шорохами при соприкосновеніяхъ однихъ звуковъ съ другими, и перехожу къ статьѣ, заслуживающей особеннаго вниманія, о такъ называемыхъ Mouillirung или Palatalisirung и Labialisirung или Rundung. Дѣло идетъ о двухъ явленіяхъ, имѣющихъ преобладающее значеніе въ русскомъ языкѣ и [122] характеризуемыхъ тѣмъ двоякимъ произношеніемъ согласныхъ, которое на письмѣ отмѣчается буквами ь и ъ. Въ акустическомъ смыслѣ первое можно назвать *отонченіемъ* (палатализаціей), второе — *отолщеніемъ* (лабіализаціей) согласныхъ. Г. Сиверсъ начинаетъ слѣдующими вступительными замѣчаніями:

„Соединеніе какого бы ни было согласнаго съ послѣдующимъ гласнымъ можетъ совершаться двоякимъ образомъ, — можно либо: 1) исходя отъ спокойнаго положенія, артикуловать согласный, не заботясь о гласномъ, то-есть, такъ, что изъ спокойнаго положенія выводятся только тѣ части органа рѣчи, которыхъ участіе необходимо при образованіи специфической артикуляціи согласнаго, либо 2) заранѣе принимать во вниманіе послѣдующій гласный, давая ненужнымъ при артикуляціи согласнаго частямъ органа рѣчи такое положеніе, какого требуетъ гласный. Объяснимъ это примѣромъ.

„Слогъ *mi* по первому способу производится такъ, что губы сжимаются, нёбная занавѣска опускается и издается голосъ; продуктъ этой артикуляціи есть *м*; при этомъ языкъ остается въ своемъ спокойномъ положеніи, губы едва замѣтно выдвинуты. Переходъ къ *i* дѣлается такимъ образомъ, что по возможности одновременно нёбный клапанъ запирается, губы раскрываются и языкъ приводится въ положеніе, потребное для *i*: если надо образовать *i* съ энергическимъ движеніемъ губъ, то и онѣ должны въ тотъ же моментъ расшириться въ формѣ щели.

„При этомъ въ одинъ моментъ перехода совпадаютъ три или четыре артикуляціонныя движенія. Чтобъ избѣжать этого, можно уже

во время произношенія *м*, одновременно съ его устроеніемъ, поднять языкъ въ положеніе для *i*, а также и губы могутъ вмѣстѣ со смычкой расшириться въ формѣ щели, причемъ *м* вовсе не утратитъ качества губного носового; тогда въ моментъ перехода останется сдѣлать только два артикуляціонныя движенія.

„Такимъ же образомъ, при *ку* можно по произволу протянуть и округлить губы для *у* либо въ моментъ перехода, либо уже передъ устроеніемъ артикуляціи *к*.

[123] „Итакъ, здѣсь специфическое положеніе органа для *i* или *у* произведено уже одновременно съ специфическимъ положеніемъ *м* или *к*, или, другими словами, заранѣе взята специфическая артикуляція. Если бы порядокъ звуковъ былъ обратный, то пришлось бы говорить объ удержаніи специфической артикуляціи.

„Ясно, что заблаговременнымъ взятіемъ артикуляціи *i*, *у* достигается болѣе тѣсное сліяніе обоихъ звуковъ (*м*—*i*, *к*—*у*), потому что при этомъ рядъ переходныхъ звуковъ по возможности сокращается. Естественно, что разница обоихъ способовъ образованія должна быть всего замѣтнѣе при гласныхъ съ энергическою дѣятельностью губъ и языка, ибо у нихъ движенія, которыя собственно должны бы происходить въ моментъ перехода, такъ сильны и продолжительны; и такъ какъ трудно ихъ произвести одновременно, то непремѣнно явились бы излишніе промежуточные звуки. Въ ряду этихъ возможно совершенныхъ гласныхъ первое мѣсто естественно занимаютъ *i*, *у*".

Предвзятіемъ устной артикуляціи *i* или *j* согласный подвергается измѣненію, извѣстному у нѣмцевъ подъ именемъ Mouillirung (отъ французскаго *l* mouillé). Это явленіе подмѣчено прежде всего надъ извѣстными звуками романскихъ языковъ, означаемыми у французовъ посредствомъ *l* или *ll* съ предшествующими гласными или посредствомъ *gn* передъ гласною; звуки эти оказываются сложными и, какъ ихъ правильно описалъ Брюкке, оканчиваются *йотомъ*; но германскіе филологи, а вслѣдъ за ними и г. Сиверсъ, сюда же относятъ русскіе и польскіе согласные передъ (первоначальнымъ) *i*, *j*, въ примѣръ чего нашъ авторъ приводитъ русскія *лить*, *никто*, польскія ń, ś. Что между разсматриваемыми здѣсь звуками романскихъ и славянскихъ языковъ есть нѣкоторое сходство, это неоспоримо; однакожъ не слѣдовало бы ихъ безразлично означать однимъ и тѣмъ же терминомъ: въ русскомъ и польскомъ слышится звукъ простой, одинокій. Отъ смѣшенія двухъ сходныхъ, но не тожественныхъ явленій происходитъ, что не всѣ замѣчанія г. Сиверса [124] справедливы въ отношеніи къ обоимъ. Слѣдующее, напримѣръ, относится только къ славянскимъ звукамъ:

„Если отонченные (mouillirte) звуки являются не передъ *i*, а передъ другою гласной, то естественно, переходъ отъ согласнаго въ

положеніи *i* къ положенію слѣдующаго гласнаго бываетъ болѣе или менѣе замѣтенъ для слуха, и такъ какъ мы нѣмцы большею частью знаемъ только безразличныя сочетанія согласныхъ или только сочетанія ихъ съ гласными одинаковой артикуляціи, то намъ кажется, что при этомъ переходѣ вставляется *j*, и мы въ своемъ школьномъ произношеніи дѣйствительно присоединяемъ *i* къ отонченному согласному. Но это рѣшительно невѣрно; отсутствіе такого похожаго на *i* переходнаго звука въ окончаніи ясно доказываетъ, что онъ не составляетъ существенной принадлежности отонченнаго звука. „Этимъ", заключаетъ г. Сиверсъ, — „конечно, не отрицается, что соединеніе отонченнаго звука съ *i* гдѣ-нибудь дѣйствительно можетъ встрѣчаться". Но дѣло въ томъ, что какъ скоро послѣ французскаго *l mouillé* или *gn* слѣдуетъ какая бы ни было гласная, то между ею и предшествующею согласною непремѣнно слышится и должно слышаться *i*, напримѣръ, въ словахъ: *gagner*, *gagna*, *gagnons*, *dépouiller*, *dépouilla*, *dépouillons*. Что же касается русскихъ отонченныхъ звуковъ, то совершенно справедливо, что иностранцы вмѣсто, напримѣръ, *меня*, *вѣрю* произносятъ „менья, вѣрью": слѣдовательно, терминъ Moullirung здѣсь прилагается неправильно.

Невѣрнымъ нахожу и слѣдующее за симъ замѣчаніе, будто *передъ* отонченною согласною слышится легкое *i* послѣ другой гласной, съ которою оно можетъ образовать дифтонгъ. Но далѣе удачно объяснено, почему собственно-гортанные звуки не способны къ отонченію: причина та, что при нихъ задняя часть языка такъ отдергивается назадъ и вверхъ, что передняя часть уже не можетъ надлежащимъ образомъ приблизиться къ положенію *i*. Поэтому, если отонченіе гортанныхъ звуковъ необходимо, то мѣсто ихъ артикуляціи должно быть подвинуто къ твердому нёбу, то-есть собственно гортанный звукъ долженъ быть [125] замѣненъ нёбнымъ: этимъ объясняется переходъ *г* въ *ж*, *к* въ *ч*, *х* въ *ш*.

Любопытно, наконецъ, еще явленіе, подмѣченное западными фонетистами надъ нашими отонченными согласными. „При нихъ", говоритъ г. Сиверсъ, — „характерно образованіе тѣснины между переднимъ языкомъ и твердымъ нёбомъ. Исторически оно получаетъ еще особенное значеніе тѣмъ, что при смычныхъ звукахъ можетъ происходить новый шорохъ, и это тѣмъ легче, чѣмъ сильнѣе выдыханіе и чѣмъ болѣе выталкивается воздуха. Когда переходъ отъ смычки къ слѣдующему согласному производится не быстро и выдыханіе не размѣряется тщательно, то за взрывнымъ шорохомъ слѣдуетъ еще соотвѣтственный проторный шорохъ, который послѣ голосового звука естественно бываетъ голосовымъ, а послѣ безголоснаго безголоснымъ. Ср. русское *брать*, *пять* или литовское *reik'* вмѣсто *reikia* и т. д. Эти

шорохи проторные похожи на нёбные *x* (безголосный противень спиранта *j*), но они съ нимъ никакъ не тожественны".

О противоположномъ явленіи, которое мы назвали отолщеніемъ, г. Сиверсъ, назвавшій его лабіализаціей или округленіемъ, выражается такъ: „При *у* дѣятельность губъ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ при *i*, и вліяніе *у* на предшествующіе согласные заключается существенно въ заблаговременномъ округленіи (или выставленіи) губъ". Къ сожалѣнію, г. Сиверсъ не обратилъ вниманія на связь этого явленія съ тѣмъ характернымъ произношеніемъ русскихъ согласныхъ, которое на письмѣ означается *еромъ*, и тѣмъ оправдалъ прежнее мое замѣчаніе, что до сихъ поръ фонетисты вообще мало занимаются изслѣдованіемъ образованія русскихъ согласныхъ, сопровождаемыхъ этимъ звуковымъ элементомъ. Чѣмъ, какъ не особенно сильною лабіализаціей, можно объяснить разницу произношенія, въ русскомъ и западноевропейскихъ языкахъ слоговъ, состоящихъ повидимому изъ однихъ и тѣхъ же звуковъ? Ср. напримѣръ, русскіе *котъ*, *ротъ*, *радъ* съ нѣмецкими koth, roth, rad, и французскими côte, rotte, rate. Въ замѣчаемой разницѣ выговора много участвуетъ [126] конечно и сила выдыханія и энергія движенія устныхъ органовъ, но особенно много значитъ тутъ, какъ мнѣ кажется, предвзятое положеніе русскаго *у*.

Въ заключеніи этой статьи наблюдательность г. Сиверса выразилась въ слѣдующихъ двухъ замѣчаніяхъ:

1) Возможность палатализаціи или лабіализаціи никакъ не ограничивается однимъ только согласнымъ: напротивъ, вообще говоря, въ нихъ участвуютъ всѣ предшествующіе въ томъ же слогѣ звукамъ *i*, *у* пресогласные, а иногда даже и тѣ согласные, на которые кончается предыдущій слогъ, могутъ подчиняться этому произношенію [1]).

2) Выраженія: Mouillirung и Labialisirung нельзя относить только къ измѣненіямъ зависящимъ отъ *i*, *у*; ибо и другіе близкіе къ этимъ звукамъ согласные часто производятъ совершенно сходныя дѣйствія (ср. частую палатализацію гортанныхъ передъ *е*). Но чѣмъ ближе гласный къ крайнему *i* или *у*, тѣмъ характернѣе является его вліяніе на звукъ согласнаго, и тѣмъ скорѣе онъ можетъ вредить произношенію послѣдняго.

Изслѣдованіе о звуковыхъ сочетаніяхъ кончается параграфомъ, озаглавленнымъ: Редукція (ослабленіе). Такъ называетъ г. Сиверсъ рядъ измѣненій, которымъ подвергаются извѣстные звуки рѣчи, при чемъ они въ большей или меньшей степени теряютъ существенныя особен-

---

[1]) Здѣсь авторъ ссылается на академика Бетлинга, который въ Mélanges russes, II, 26 и д. (1852 г.) указалъ на законъ, еще ранѣе подмѣченный и описанный мною въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (1847 г.), — законъ обратнаго дѣйствія мягкихъ (отонченныхъ) звуковъ на произношеніе предшествующихъ согласныхъ и гласнаго *э*, *е*, *ѣ* (см. выше, въ разныхъ мѣстахъ).

ности, имѣвшія значеніе для ихъ опредѣленія, и оттого испытываютъ модификаціи, не предусмотрѣнныя въ самой системѣ звуковъ. Какъ на одинъ изъ видовъ редукціи, авторъ указываетъ на обращеніе нѣкоторыхъ голосовыхъ звуковъ въ безголосные, явленіе, бывающее у насъ постоянно съ согласными, оканчивающими слово.

Послѣ этого г. Сиверсъ приступаетъ къ изслѣдованію о [127] построеніи слоговъ, словъ и предложеній. Надо умѣть различать простой рядъ звуковъ, слоговъ и словъ отъ дѣйствительнаго слога, слова и предложенія. „Комплексы послѣдняго рода возможны только при подчиненіи одного или нѣсколькихъ членовъ ряда другимъ членамъ и при вполнѣ опредѣленномъ отношеніи различныхъ степеней взаимнаго подчиненія. Такъ, сходно со сказаннымъ уже прежде, въ слогѣ консонанты подчиняются сонанту; въ каждомъ по меньшей мѣрѣ двусложномъ словѣ бываетъ одинъ сильнѣе ударяемый слогъ; наконецъ, предложеніе отличается особеннымъ ритмомъ, который оно получаетъ вслѣдствіе подчиненія менѣе важныхъ для выраженія словъ болѣе важнымъ.

„Въ теоріи слогообразованія нужно знать, при какихъ условіяхъ звуки соединяются въ слогъ: тутъ рѣшительное значеніе принадлежитъ разнымъ степенямъ естественной звонкости (Schallfülle). Затѣмъ слѣдуетъ разсмотрѣть зависящую отъ хода выдыханія относительную интенсивность отдѣльныхъ членовъ слоговъ и ихъ протяженіе (Quantität). Далѣе надо заняться различными формами выдыхательнаго движенія въ слогахъ или выдыхательнымъ акцентомъ, къ чему присоединяется изслѣдованіе надъ тоническимъ слоговымъ акцентомъ. Правила раздѣленія слоговъ составятъ переходъ къ образованію словъ и предложеній, которыя съ фонетической точки зрѣнія нераздѣлимы, да и вообще едва ли раздѣлимы. Задачу послѣдующаго отдѣла составитъ изслѣдованіе слова и предложенія и разностепенность ихъ отдѣльныхъ частей (слоговъ, тактовъ) по интенсивности протяженія и тоническимъ условіямъ“. Всѣ эти отдѣльныя точки зрѣнія составляютъ результатъ новѣйшихъ изслѣдованій англійскихъ фонетиковъ, впервые указавшихъ на необходимость различать въ предложеніяхъ элементы, которые прежде подводились подъ общее понятіе акцентуаціи.

Итакъ, сначала о составѣ слога. Изъ разныхъ опредѣленій слога самымъ удобнымъ на практикѣ представляется [128] г. Сиверсу слѣдующее: „Подъ слогомъ надо разумѣть звуковой комплексъ, который производится однимъ самостоятельнымъ, непрерывнымъ выдыхательнымъ толчкомъ“. Но для того, чтобъ эти звуки дѣйствительно слышались какъ нѣчто единое (когда слогъ содержитъ болѣе одного звука), необходимо под-

чиненіе одному всѣхъ остальныхъ звуковъ на основаніи различія ихъ естественной звонкости и естественнаго свойства выдыхательнаго движенія. Какъ уже выше было объяснено, главный звукъ называется сонантомъ слога, прочіе же консонантами. Отсюда выводятся два самые существенные закона построенія слога: 1) способность дѣлаться сонантомъ зависитъ въ каждомъ слогѣ отъ его естественной звонкости, такъ что при стеченіи нѣсколькихъ звуковъ тотъ долженъ служить сонантомъ, который самъ по себѣ обладаетъ наибольшею звонкостью. Только слоги, стоящіе на одинаковой степени звонкости, могутъ попеременно быть и сонантами и консонантами; 2) въ такомъ же отношеніи находятся консонанты между собою: чѣмъ ближе къ сонанту, тѣмъ болѣе должна быть естественная звонкость. Оттого разряды консонантовъ, которые могутъ предшествовать сонанту, должны стоять въ обратномъ порядкѣ, когда слѣдуютъ за нимъ; но для окончанія слога, законы строже, чѣмъ для начала его.

„Звонкость бываетъ различна по степени, въ какой проявляется музыкальный элементъ языка — голосъ. Поэтому всѣ голосовые звуки берутъ верхъ надъ безголосными. Первое мѣсто вездѣ занимаютъ гласные, и между ними *а*, такъ какъ при воронкообразной формѣ надставной трубы голосъ звучитъ всего свободнѣе; звонкость становится тѣмъ слабѣе, чѣмъ болѣе ротъ закрывается, то-есть, чѣмъ тѣснѣе образуется гласный или чѣмъ сильнѣе онъ округляется.

„Вслѣдъ за гласными идутъ плавные и носовые, равные между собой по звонкости, когда одному приходится быть сонантомъ, другому консонантомъ. Когда обоимъ выпадаетъ роль консонантовъ, то, повидимому, плавные имѣютъ болѣе звонкости [129] то-есть возможны слоги *мла́, мра́*, и *а́лмъ, а́рмъ*, но не *лма́, рма́* и не *а́мл, а́мр*.

„Въ числѣ шороховъ спиранты звончѣе взрывныхъ (смычныхъ) звуковъ: *тса́, пса́*, такъ же, какъ и *аст, апс* образуютъ простые слоги, если мы не будемъ принимать въ расчетъ взрыва конечнаго консонанта: ибо такъ какъ со смычкою взрывного звука выдыхательный токъ по необходимости прерывается, то взрывъ сопровождается новымъ выдыхательнымъ толчкомъ, то-есть принадлежитъ уже къ другому слогу. Итакъ, когда въ образованіи слога участвуютъ смычные звуки, то онъ можетъ продолжаться не болѣе, какъ отъ взрыва предшествующаго сонанту звука до смычки непосредственно слѣдующаго смычного.

„Еще менѣе возможны сочетанія двухъ смычныхъ звуковъ въ началѣ или въ концѣ слога, равно какъ и сочетанія спиранта + смычной звукъ въ началѣ или обратно въ концѣ слога. Если мы, несмотря на то, принимаемъ за простые слоги: ptá, ktá, ápt, ákt, spá, stá, áps, áts и даже átst, átšt, štšá (то-есть ща), áštš (ащ), то это просто оттого,

говъ (Nebensilben), образуемыхъ здѣсь начальными или конечными сочетаніями консонантовъ; мы оставляемъ ихъ безъ вниманія по ничтожной звонкости появляющихся тутъ безголосныхъ шороховъ, надъ которыми главный слогъ съ его звонкимъ сонантомъ рѣшительно преобладаетъ.

„Много ли мы допускаемъ такихъ побочныхъ слоговъ рядомъ съ главнымъ, зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ привычки, отъ большей или меньшей легкости послѣдовательно производить переходныя движенія. Мы легко терпимъ, напримѣръ, сочетанія, въ которыхъ вторымъ членомъ служитъ зубной или губной звукъ: *ptá*, *ktá*, *ápt*, *ákt*, тогда какъ *tpá*, *tká*, *átp*, *átk* непріятны для слуха. Изъ конечныхъ сочетаній взрывного звука + спирантъ всѣхъ легче кажутся affricatae. Голосовые шорохи, по большей звонкости ихъ, еще менѣе удобны; ср., напр. *zbá*, *ábz* съ *spá*, *áps* и т. п.“.

[130] Этими замѣчаніями г. Сиверса не исчерпывается, однако, все то, что можно бы сказать о слогообразованіи въ славянскихъ языкахъ, особенно въ русскомъ. Такой слогъ, какъ, напримѣръ, второй въ род. множ. ч. *искусствъ* (или по произнош. — *кустфъ*), конечно, не входилъ въ соображеніе нашего автора. Этотъ предметъ въ примѣненіи къ названной группѣ языковъ требовалъ бы особеннаго изслѣдованія. То же можно сказать и о послѣдующихъ параграфахъ, гдѣ разсматриваются изложенныя выше условія слогообразованія. Чтобы съ интересомъ и пользою слѣдить за изложеніемъ этихъ заключительныхъ отдѣловъ сочиненія г. Сиверса, нужно такое знакомство со всѣми звуковыми тонкостями германскихъ языковъ, такая музыкальная подготовка, что я не рѣшаюсь продолжать свои выписки и замѣчанія. Скажу только, что эти свѣдѣнія, по новости и важности своей, заслуживаютъ внимательнаго изученія, и очень желательно, чтобы нашелся достаточно подготовленный изслѣдователь для примѣненія указанныхъ основаній къ славянскимъ языкамъ, которыхъ г. Сиверсъ могъ здѣсь лишь изрѣдка и бѣгло касаться.

Окончу заимствованіемъ общихъ или вступительныхъ мыслей самой послѣдней, также весьма замѣчательной главы его книги: объ измѣненіяхъ звуковъ (Lautwandel). „И теперь еще“, говоритъ онъ, — „въ филологическихъ трудахъ часто можно встрѣтить предположеніе, что всякое измѣненіе звуковъ проистекаетъ изъ стремленія облегчить себѣ выговоръ, упростить артикуляцію; другими словами, что при всякомъ измѣненіи звуки ослабляются, а не усиливаются. Нѣтъ спора, что многія явленія въ исторіи языковъ подходятъ подъ этотъ выводъ, но слишкомъ обобщать его несправедливо“. Приводя нѣсколько примѣровъ, подтверждающихъ его наблюденіе, авторъ очень вѣрно замѣчаетъ: „Вообще надо твердо помнить, что собственно всѣ звуки языка произносятся почти съ одинаковою легкостью и что дѣйствительныя

трудности встрѣчаются только въ воспроизведенiи иноязычныхъ звуковъ. Каждый членъ человѣческаго тѣла, развитый однообразнымъ ежедневнымъ упражненiемъ, въ [131] совершенствѣ исполняетъ свое назначенiе; но для другихъ цѣлей онъ бываетъ мало пригоденъ и даже просто неспособенъ: такъ и органъ рѣчи, вслѣдствiе непрерывнаго навыка смолоду производить звуки родного языка, прiобрѣтаетъ полную власть надъ всѣми артикуляцiонными движенiями, которыхъ онъ требуетъ. Но только надъ ними. Когда орудiя языка посредствомъ и для своего опредѣленнаго дѣйствiя получили уже одностороннее развитiе, то все, выходящее изъ рамки привычныхъ артикуляцiй, представляетъ затрудненiе... Въ предѣлахъ извѣстнаго народа языкъ одного поколѣнiя наслѣдуется другимъ безъ большихъ перемѣнъ въ звуковыхъ привычкахъ. Разумѣется, что и въ предѣлахъ того же поколѣнiя говорящихъ перемѣны могутъ быть производимы лишь постепенно, шагъ за шагомъ, и тѣмъ не менѣе въ этихъ еще ускользающихъ отъ нашего наблюденiя перемѣнахъ кроются главные зародыши развитiя звуковъ. Но достаточно только одного продолжительнаго накопленiя этихъ малѣйшихъ оттѣнковъ, чтобъ и для нашего слуха являлись замѣтныя различiя, а наконецъ и совершенныя перемѣщенiя цѣлыхъ звуковыхъ системъ, такъ что первоначальное становится уже неузнаваемымъ.

„Итакъ всякое измѣненiе звуковъ заключается въ постепенно развивающемся и безсознательно совершаемомъ перемѣщенiи ихъ; оно простирается либо на цѣлую звуковую систему, либо на опредѣленныя части ея. Въ этой обширной области надо различать два рода звуковыхъ измѣненiй: одни бываютъ самородныя, другiя зависимыя или совокупныя. Къ первому отдѣлу относятся всѣ тѣ измѣненiя, которымъ подвергаются тѣ или другiя части системы независимо отъ сосѣднихъ звуковъ; ко второму — тѣ случаи, въ которыхъ измѣненiе связано съ положенiемъ звука посреди другихъ, слѣдовательно, между прочимъ, всѣ явленiя ассимиляцiи, перемѣны окончанiй и т. п.

„Едва ли не важнѣе этого еще другое начало дѣленiя, именно основывающееся на перемѣнахъ въ факторахъ артикуляцiи, которыя обусловливаютъ и перемѣны звуковъ: только такимъ образомъ можно правильно группировать отдѣльныя измѣненiя [132] по ихъ физiологическому родству. Соображаясь съ главными факторами образованiя звуковъ, надо различать измѣненiе послѣднихъ: 1) по причинѣ перемѣнъ артикуляцiи надставной трубы (напримѣръ, постепенное перемѣщенiе рядовъ гласныхъ, переходъ отъ голосовыхъ смычныхъ къ голосовымъ спирантамъ и наоборотъ); 2) вслѣдствiе перемѣнъ гортанной артикуляцiи (напримѣръ, переходъ голосовыхъ звуковъ въ безголосные и наоборотъ), и 3) вслѣдствiе перемѣнъ выдыханiя (напримѣръ, переходъ изъ lenis въ fortis, также всѣ звукоизмѣненiя, зависящiя отъ выдыхательнаго акцента)“.

Эти три разряда встрѣчаются, какъ въ области самородныхъ, такъ и въ области зависимыхъ измѣненій. Затѣмъ разсматриваются отдѣльные случаи въ каждомъ изъ означенныхъ видовъ. Подробности повели бы насъ слишкомъ далеко. Не могу лучше окончить своего обзора содержанія книги г. Сиверса, какъ признавъ за авторомъ великую заслугу въ томъ обиліи новыхъ свѣдѣній, точекъ зрѣнія и соображеній, которымъ онъ обогатилъ науку индоевропейской фонетики.

ОТДѢЛЪ II.

ПИСЬМО И ПРАВОПИСАНІЕ.

I. Значеніе и развитіе письма.

Verba volant, scripta manent.

[133] Чтобы правильно судить о русскомъ письмѣ, необходимо напередъ уяснить себѣ значеніе и ходъ развитія письма вообще. Привыкнувъ съ дѣтства ко вседневному употребленію буквеннаго письма, мы не довольно цѣнимъ это великое изобрѣтеніе, не спрашиваемъ себя о происхожденіи столь простого повидимому механизма и не думаемъ о тѣхъ попыткахъ, чрезъ которыя долженъ былъ пройти человѣкъ прежде нежели ему удалось разложить звуки рѣчи на основныя части ихъ и научиться изображать эти членораздѣльные элементы голоса отдѣльными знаками.

Начало новѣйшимъ изслѣдованіямъ по этому вопросу положилъ Вильгельмъ Гумбольдтъ въ двухъ статьяхъ: 1) „О связи письма съ языкомъ“ и 2) „О буквенномъ письмѣ и его связи съ строемъ языка“ [1]. Въ обѣихъ знаменитый авторъ сообщилъ множество новыхъ свѣдѣній о живописномъ письмѣ американскихъ народовъ и объ египетскихъ іероглифахъ, главнымъ образомъ старался доказать, что какъ бо́льшее или меньшее совершенство внутренней формы языковъ зависитъ отъ различія словесныхъ [134] способностей народовъ, такъ и высшее или низшее достоинство письма находится въ прямомъ отношеніи къ совершенству языка. Г. Штейнталь, въ своей брошюрѣ: „Развитіе письма“ [2], разсмотрѣвъ критически изслѣдованія Гумбольдта, дополнилъ ихъ и по-

---

[1]) См. въ VI томѣ собранія сочиненій Вильгельма Гумбольдта разсужденія: 1) Ueber den Zusammenhang der Schrift mit der Sprache, 2) Ueber die Buchstabenschrift und deren Zusammenhang mit dem Sprachbau.

[2]) H. Steinthal. Die Entwicklung der Schrift. Berlin, 1852.

ложительными данными и новыми философскими взглядами. Наконецъ, въ недавнее время, лейпцигскій профессоръ Вутке, извѣстный многими историческими сочиненіями, предпринялъ обширный трудъ, который долженъ обнять всю исторію письма, начиная отъ самыхъ грубыхъ попытокъ татуировки до проведенія электромагнитныхъ проволокъ. Первый томъ этого труда уже изданъ въ 1872 г. подъ заглавіемъ: „Происхожденіе письма, различныя его системы и письмо народовъ, пишущихъ не буквами“ [1]). Сообщаемыя за симъ свѣдѣнія и замѣчанія извлечены мною изъ этихъ превосходныхъ, у насъ еще мало извѣстныхъ изслѣдованій.

Письмо есть изображеніе рѣчи видимыми знаками; оно переноситъ языкъ изъ области слуха въ область зрѣнія. Когда мы говоримъ, то слово, достигнувъ слуха другого, сейчасъ же исчезаетъ; когда пишемъ, то оно, сдѣлавшись видимымъ, отдѣляется отъ человѣка, пріобрѣтаетъ самостоятельное вещественное бытіе, можетъ быть сохраняемо, и пока сохраняется во внѣшнемъ образѣ, можетъ безъ посторонняго посредничества быть разбираемо другими по волѣ ихъ. Говорящій употребляетъ свой собственный тѣлесный матеріалъ, и потому живой языкъ предполагаетъ совмѣстное присутствіе говорящаго и слушающаго; письмо же, помощію руки человѣческой, употребляетъ внѣ насъ находящійся матеріалъ и предполагаетъ, какъ въ пространствѣ, такъ и во времени, отдаленіе пишущаго отъ читающаго. Отсюда слѣдуетъ, [135] что языкъ неотдѣлимъ отъ говорящаго и принадлежитъ только къ настоящей его дѣятельности, тогда какъ письмо имѣетъ спокойное, прочное бытіе только отдѣльно отъ пишущаго и во времени и въ пространствѣ. Именно потому, что письмо можетъ быть сохраняемо, оно сберегаетъ мысль для воспріятія ея въ отдаленіи или въ будущемъ. Отношеніе между языкомъ и мыслью — непосредственное; между письмомъ и мыслью находится живое слово.

Безъ письма языкъ оставался бы лишь мгновеннымъ орудіемъ сообщенія. Одно письмо придаетъ прочность летучему слову, побѣждаетъ и пространство и время. Письмо — необходимое дополненіе языка, сильнѣйшій рычагъ общежитія, знанія, религіи. Безъ него немыслимы ни достовѣрная исторія, ни наука.

Дальнѣйшее развитіе самаго языка — въ прямой зависимости отъ

---

[1]) H. Wuttke. Die Entstehung der Schrift, die verschiedenen Schriftsysteme und das Schrifttum der nicht alfabetarisch schreibenden Völker. Leipzig 1872. Къ тексту приложена особая тетрадь изображеній. Содержаніе книги г. Вутке изложено на французскомъ языкѣ въ Journal des Savants 1875 года за августъ и другіе смежные мѣсяцы извѣстнымъ Alfred Maury; а вслѣдъ за тѣмъ появилась еще статья того же французскаго ученаго въ *Revue des deux Mondes* 1-го сентября 1875 года, подъ заглавіемъ: „L'invention de l'écriture, les origines et le développement des alphabets“.

письма. По выводамъ Гумбольдта, письмо есть только послѣдній актъ творческой силы человѣка въ языкѣ, необходимо обусловливаемый сущностью и направленіемъ нашей словесной дѣятельности. „Самое общее послѣдствіе его для языка", говоритъ Гумбольдтъ, „то, что письмо доставляетъ легкое средство сравнивать слова, сказанныя въ разное время, и мысли, облеченныя въ слова, послѣ чего собственно только и становится возможнымъ размышлять о языкѣ и разрабатывать его. При распространеніи грамотности, письмо, и въ живой рѣчи и въ мышленіи, по необходимости вступаетъ въ связь съ языкомъ, частью по законамъ сопряженія родственныхъ идей, частью вслѣдствіе множества случайныхъ поводовъ отыскивать соотношеніе между тѣмъ и другимъ. Поэтому потребности, границы, преимущества, особенности обоихъ дѣйствуютъ другъ на друга. Измѣненія въ письмѣ ведутъ къ измѣненіямъ въ языкѣ, и хотя собственно такъ пишутъ потому, что такъ говорятъ, но часто бываетъ и наоборотъ, что такъ говорятъ потому, что такъ пишутъ" [1]). Все это относится особенно къ азбучному письму.

[136] Происхожденіе письма теряется во мракѣ доисторическихъ временъ; это — одно изъ первобытныхъ, необходимыхъ дѣйствій человѣческаго духа, покрытое такою же тайной, какъ происхожденіе самого человѣка, его языка, религіи, или какъ раздѣленіе народовъ. Въ строгомъ смыслѣ положительная исторія письма невозможна: по крайней мѣрѣ при нынѣшнихъ нашихъ познаніяхъ мы можемъ только угадывать ее, наблюдая извѣстные намъ способы письма у разныхъ народовъ, отчасти уже сошедшихъ съ мірового поприща. Письмо, очевидно, должно было предшествовать успѣхамъ просвѣщенія, но и само оно не могло возникнуть безъ нѣкотораго умственнаго развитія въ народѣ. Какъ языкъ является первымъ шагомъ перехода изъ животнаго состоянія въ человѣческое, такъ и письмо должно считаться переходомъ отъ первобытной грубости къ образованію. Какъ начало слова тожественно съ пробужденіемъ ума, такъ, по мнѣнію Штейнталя, и происхожденіе цивилизаціи и культуры совпадаетъ съ образованіемъ письма [2]). Для появленія письма, говоритъ этотъ же писатель, необходимо было, чтобы что-нибудь уже совершилось въ народѣ, и чтобы совершившееся считалось достойнымъ сохраненія въ памяти. Чтобы образовать письмо, народъ долженъ былъ не только знать нѣкоторое общежитіе, не только имѣть нѣкоторыя религіозныя представленія,

---

[1]) W. Humboldt. Gesamm. Werke. VI, 432.

[2]) Штейнталь избѣгаетъ выраженія: *изобрѣтеніе письма*, находя, что этотъ актъ вовсе не похожъ на изобрѣтеніе напр. огнестрѣльнаго оружія или паровой машины; тѣмъ не менѣе нельзя однакожъ не согласиться, что для „образованія письма" (терминъ, имъ предпочитаемый) надобно было напередъ придумать, слѣдовательно именно *изобрѣсти* способъ, какъ писать.

но и ощущать выходящія за предѣлы необходимаго въ ежедневномъ быту, самосозданныя и сознанныя потребности [1]).

Поводомъ къ изобрѣтенію письма могло послужить либо желаніе сообщаться съ отсутствующими, либо стремленіе сохранить память какого-либо лица или событія. Итакъ, первыми опытами выраженія мысли для зрѣнія должны были быть или [137] письма, или начертанія на могильныхъ камняхъ, на памятникахъ и т. п. [2]).

Самое первобытное подобіе письма составляютъ знаки, дѣлаемые для памяти на какомъ-нибудь предметѣ. Они обыковенно могутъ отвѣчать только опредѣленному тѣсному кругу понятій, преимущественно въ области счисленія. Таковы употребляемые еще и нынѣ простонародьемъ въ разныхъ странахъ *бирки* (Kerbstöcke); таковы же были нѣкогда у перуанцевъ и, въ самыя отдаленныя времена, у китайцевъ такъ называемые *квипосы,* разноцвѣтные шнурки съ узлами (Knotenschnüre). Значеніе ихъ, по словамъ В. Гумбольдта, заключалось въ числѣ узловъ, въ различіи цвѣтовъ ихъ и кромѣ того, вѣроятно, въ способѣ ихъ переплетенія. Но для пониманія ихъ, повидимому, нужно было знать еще разныя постороннія обстоятельства, какъ то: отъ кого исходило сообщеніе, къ чему оно относилось и т. д. Извѣстно, что посредствомъ этихъ квипосовъ, напр., судьи извѣщали о родѣ и количествѣ присужденныхъ наказаній, при чемъ цвѣта́ означали преступленія, а узлы — роды наказаній. Такимъ образомъ квипосы, какъ кажется, были только пособіями для памяти при другихъ необходимыхъ къ тому свѣдѣніяхъ или устномъ преданіи: употребленіе ихъ требовало ключа, и они въ собственномъ смыслѣ даже не заслуживаютъ названія письма.

Первою степенью его справедливѣе считать д ѣ й с т в и т е л ь н ы я и з о б р а ж е н і я означаемаго предмета, которыя только тѣмъ отличаются отъ живописи, какъ искусства, что имѣютъ практическую цѣль сообщенія, поученія. Но такое письмо сообщаетъ еще не слова, а только мысли или понятія, такъ что можетъ быть разбираемо независимо отъ языка, на которомъ говоритъ пишущій: самъ онъ конечно имѣетъ въ виду слова, которыя желаетъ передать, но читающему трудно не подставлять другихъ словъ, часто [138] въ измѣненномъ порядкѣ, а иногда съ видоизмѣненіемъ и самыхъ понятій. Отсюда ясно, какъ несовершенно это *живописное* или *о́бразное* письмо. Но оно нигдѣ не остается долго исключительнымъ: по мѣрѣ распространенія понятій и познаній, является потребность замѣнять полное

[1]) Steinthal, стр. 48 — 51, 58.

[2]) Steinthal, стр. 62, 63. Этимъ отрицается противорѣчивое замѣчаніе того же автора (см. у него стр. 48): „Никакъ не слѣдуетъ выводить письма изъ потребностей сообщенія: оно образовано не торговцами, а священниками и царями“.

изображеніе предмета сокращеніемъ его или вообще знакомъ, который бы только напоминалъ о предметѣ, на основаніи какой-нибудь болѣе или менѣе искусственной системы. Эту вторую степень письма, обыкновенно возникающую рядомъ съ первой, а потомъ господствующую, составляетъ *символическое письмо* [1]).

Тотъ и другой способъ означенія понятій начертаніями подходитъ подъ общій разрядъ *мысленнаго* или *идеографическаго* письма.

Когда изображенія съ теченіемъ времени до того искажаются, или когда имъ дается такой отдаленный и изысканный смыслъ, что глазъ уже не узнаётъ означаемаго предмета, и до него надобно добираться памятью и размышленіемъ, то происходитъ новый родъ письма, которое Гумбольдтъ назвалъ *фигуральнымъ*, разумѣя подъ нимъ преимущественно китайское письмо и находя въ начертаніяхъ его сходство съ математическими фигурами. Хотя во всякомъ хорошемъ живописномъ письмѣ каждое изображеніе по-настоящему должно соотвѣтствовать слову, но это относится особенно къ китайскому письму: въ немъ каждое начертаніе изображаетъ отдѣльное слово, только не какъ звуковую единицу, а опять-таки какъ понятіе, безъ всякаго отношенія къ фонетическому составу слова. Поэтому китайское письмо можетъ быть названо по преимуществу *словеснымъ* или *пословнымъ* и занимаетъ какъ бы середину между óбразнымъ и звуковымъ письмомъ.

З в у к о в о е письмо составляетъ конечно самый совершенный способъ передачи мыслей посредствомъ видимыхъ знаковъ, но и [139] оно представляетъ разныя степени совершенства, изображая въ большей или меньшей полнотѣ и точности составныя части слова. Въ этомъ отношеніи оно можетъ быть или *слоговымъ*, когда каждый знакъ выражаетъ цѣлый слогъ, или *буквеннымъ* (азбучнымъ въ собственномъ смыслѣ), когда для каждаго членораздѣльнаго звука употребляется особый знакъ. Различная степень совершенства звукового письма зависитъ также отъ того, служатъ ли орудіемъ его все еще изображенія предметовъ, какъ у египтянъ, или особые знаки, называемые буквами, какъ у семитовъ и арійскихъ (индо-европейскихъ) народовъ.

Во всякомъ письмѣ, по замѣчанію Штейнталя, непремѣнно бываютъ три фактора: 1) рѣчь, или то, что́ нужно передать; 2) видимые знаки, или внѣшняя форма письма, и 3) внутренняя форма письма, или способъ представленія рѣчи, какъ предмета, подлежащаго внѣшнему означенію. Внутренняя форма письма, какъ уже было замѣчено согласно съ глубокомысленнымъ заключеніемъ В. Гумбольдта, находится въ

[1]) Авторъ новѣйшаго сочиненія по исторіи письма, г. Фаульманъ, не признаетъ систематизаціи, по которой принимаютъ три послѣдовательныя степени развитія письма, и считаетъ звуковое письмо столь же древнимъ, какъ и живописное (Faulmann. Geschichte der Schrift. Einleitung).

тѣсной связи съ внутреннею формой самого языка, которая бываетъ очень различна, смотря по разному способу означать взаимное соотношеніе словъ и категоріи выражаемыхъ ими понятій. Такъ *китайскій* и *японскій* (обособляющіе или разъединяющіе, isolirende, иначе односложные, корневые) языки не имѣютъ, для этого обозначенія, никакихъ средствъ, кромѣ порядка въ словорасположеніи; *туранскіе* (слѣпляющіе, agglutinirende) означаютъ связь понятій лишь наружнымъ присоединеніемъ къ корню другого вспомогательнаго слова; а *семитическіе* и *арійскіе* (флективные) — совершеннымъ срощеніемъ корня съ приставками и окончаніями, выражающими форму понятія. Многіе думаютъ, что эти три класса языковъ представляютъ три послѣдовательныя ступени развитія, по которымъ проходили всѣ языки на пути своего образованія; но можно также принять, что та или другая внутренняя форма языка, хотя онѣ и дѣйствительно выражаютъ разныя степени совершенства, принадлежатъ искони различнымъ племенамъ, смотря по характеру самаго мышленія и свойствамъ ума того или другого народа. Нельзя [140] сказать, чтобы каждому разряду языковъ соотвѣтствовалъ и извѣстный способъ письма; однакожъ несомнѣнно, что болѣе совершенной внутренней формѣ языка отвѣчаетъ и высшая внутренняя форма письма. Такъ звуковой способъ, въ полномъ своемъ развитіи, могъ явиться только у арійскихъ народовъ. „Особенность языковъ въ ихъ преимуществахъ и недостаткахъ“, говоритъ В. Гумбольдтъ, „зависитъ большею частью отъ различія дара слова у разныхъ народовъ и отъ благопріятныхъ или противодѣйствующихъ обстоятельствъ. Несправедливо было бы думать, что всѣ языки шли однимъ и тѣмъ же путемъ развитія, безъ вліянія національной особенности этого рода. То же относится и къ письму. Такъ какъ оно болѣе всего приближается къ совершенству, когда передаетъ слова и ихъ послѣдовательность въ томъ же порядкѣ и въ той же опредѣленности, въ какой они произносятся, то оно будетъ тѣмъ лучше, чѣмъ болѣе народъ сознаётъ потребность не только выражать мысль, но и выражать ее такъ, чтобы рядомъ съ содержаніемъ получала значеніе и форма. Итакъ, дѣйствіе духа будетъ однородно на языкъ и на письмо; оно будетъ вліять на пріобрѣтеніе и выборъ письма: болѣе совершенные языки будутъ сопровождаться и совершеннѣйшимъ письмомъ“. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же ученый такъ объясняетъ сущность разныхъ родовъ письма: „Различное достоинство его опредѣляется степенью, въ какой оно (т. е. письмо) можетъ сообщать познанія помощью одного размышленія, безъ предварительныхъ усилій памяти. Различіе между разными способами письма заключается въ бо́льшей или меньшей опредѣленности сообщенной ему первоначально формы мысли и въ степени вѣрности, съ какою они могутъ сохранять ее при исполненіи задачи сообщенія.

Слѣдовательно письмо, собственно говоря, есть всегда *означеніе языка*, но не всегда для разбирающаго (который часто можетъ перелагать написанное на другой языкъ или на другія слова того же языка) и не всегда въ равной степени опредѣленности со стороны пишущаго [1])".

[141] Показавъ общія основанія письма и разные роды его, взглянемъ теперь на дѣйствительно существующіе или существовавшіе образцы его у различныхъ народовъ.

Живописное письмо американскихъ народовъ.

Живописное письмо, какъ простое изображеніе предметовъ, встрѣчается у всѣхъ племенъ, мало-мальски возвысившихся надъ состояніемъ дикости. Самые первобытные образцы его находимъ у сѣвероамериканцевъ, которые, передавая напр. свои пѣсни, употребляютъ для каждаго стиха отдѣльный образъ. Человѣкъ, бьющій въ колдовской барабанъ, долженъ значить: „Я пою, слушай меня". Нарисованное сердце = „говорю твоему сердцу".

Вотъ одна изъ ихъ пѣсенъ:

Мужчина съ крыльями, вмѣсто рукъ, значитъ: „О, еслибъ я былъ быстръ какъ птица!"

Воинъ подъ голубою звѣздой = „Смотрю на утреннюю звѣзду".

Вооруженный воинъ подъ небомъ = „Посвящаю свое тѣло борьбѣ".

Орелъ въ поднебесьи = „Орелъ летаетъ въ вышинѣ".

Лежитъ воинъ, въ груди стрѣла = „Радъ положить голову съ другими".

Небесный геній = „Горніе духи славятъ меня".

Очевидно, что написанную такимъ образомъ пѣсню можетъ разобрать только тотъ, кто ее напередъ уже знаетъ. Слѣдовательно, чтобъ понимать этого рода письмо, надобно, путемъ устнаго преданія, выучивать пѣсни наизусть, и такое письмо служитъ только поддержкою для памяти, независимо же отъ нея не имѣетъ почти никакого значенія.

Вотъ другой примѣръ:

На деревянномъ могильномъ столбѣ нарисованъ сѣверный олень головою внизъ, ногами вверхъ; налѣво отъ него семь поперечныхъ чертъ, подъ ними три продольныя; еще ниже голова лося; наконецъ стрѣла и дудка. Изъ этого прохожій узнаётъ, что [142] здѣсь погребенъ предводитель изъ семейства, котораго знакъ [2]) — сѣверный олень. Положеніе животнаго вверхъ ногами означаетъ смерть. Покойный

---

[1]) W. Humboldt. *Gesam. Werke* VI, 431 и 434.

[2]) Такой знакъ замѣнялъ родовое имя и назывался *тотемъ* или *до-демъ*, что на языкѣ индѣйцевъ значило: жилище семейства.

водилъ свой родъ *семъ разъ* на войну, получилъ *три раны*, однажды выдержалъ опасный бой съ лосемъ и пріобрѣлъ большое значеніе на войнѣ и въ мирное время (дудка). На другихъ могильныхъ столбахъ толстыя поперечныя черты показываютъ, сколько мирныхъ договоровъ было заключено умершимъ. Самое исполненіе такихъ изображеній не лучше того, чтó производятъ у насъ пятилѣтнія дѣти. Голову представляетъ кругъ съ двумя точками и отвѣсной чертой, а на маленькомъ рисункѣ даже просто кругъ; подъ нимъ черта внизъ означаетъ шею; къ ней подведена недлинная поперечная черта, а отъ обоихъ концовъ послѣдней идутъ накрестъ двѣ пересѣкающіяся линіи, и фигура человѣка готова. Рисунки колдовскихъ пѣсенъ ярко раскрашены.

Мы видимъ, что во всѣхъ этихъ первоначальныхъ опытахъ письма встрѣчается уже и символика. Обращаться къ ней свойственно природѣ человѣка: онъ въ самомъ себѣ не можетъ не замѣчать двойственности внутренняго и внѣшняго, и послѣднее становится для него символомъ перваго. Рѣчь и письмо сами по себѣ уже составляютъ средства символики. Не только символъ вообще есть достояніе всего человѣчества, но и частныя формы его такъ сходны у разныхъ народовъ, что это можно объяснить только человѣческимъ инстинктомъ. Такъ рука служитъ и у дикихъ знакомъ дружбы; сердце и у нихъ означаетъ сѣдалище желаній, а соединеніе сердецъ — дружбу.

При всемъ томъ живописное письмо такъ несовершенно, что посредствомъ его можно узнать почти только предметъ, о которомъ идетъ дѣло, а не то, что о немъ говорится: изображаются только подлежащія, а не сказуемыя. Внутренней формы въ такомъ письмѣ, собственно говоря, совсѣмъ нѣтъ: между нимъ и языкомъ нѣтъ никакого отношенія; форма мысли вовсе [143] не обозначается; передается только матеріалъ; слѣдовательно мы видимъ тутъ одно чувственное созерцаніе.

Значительно выше стоитъ письмо мексиканцевъ, какъ оно найдено было въ эпоху покоренія ихъ европейцами; но и оно еще отдѣлено отъ позднѣйшаго развитія письма цѣлою бездной: въ немъ еще тотъ же принципъ, но богаче развитый вслѣдствіе болѣе разнообразной жизни полуобразованнаго народа въ сравненіи съ совершенно необразованнымъ. Сѣверо-американецъ ведетъ подвижную охотническую жизнь, мексиканецъ живетъ въ городахъ и образуетъ государство. У него есть собственность. При этомъ являются государственныя отношенія и государственные споры. Между письменами мексиканцевъ найдено много тяжебныхъ актовъ. Адвокатовъ у нихъ не было; судящіеся лично являлись передъ судьями и для памяти отдавали имъ въ руки письменный документъ о предметѣ спора. У мексиканцевъ было уже историческое преданіе относительно государства, религіи и искусства. Ихъ письмо является уже на сложенныхъ бумажныхъ полосахъ

и содержитъ государственную лѣтопись. Но для насъ важно не содержаніе, еще менѣе объемъ написаннаго: насъ интересуетъ способъ воззрѣнія на содержаніе, какъ то, что̀ надлежитъ означить письмомъ. Въ этомъ отношеніи письмо мексиканцевъ не представляетъ существеннаго успѣха передъ сѣверо-американскимъ. Однакожъ у нихъ изображенія уже гораздо лучше или по крайней мѣрѣ имѣютъ опредѣленную форму: въ сущности только здѣсь и можно говорить о рисованіи, котораго у дикихъ индѣйцевъ по-настоящему не было. Впрочемъ, чтобы не составлять себѣ преувеличеннаго понятія объ относительномъ превосходствѣ письма мексиканцевъ, надобно имѣть въ виду то, что А. Гумбольдтъ говоритъ о безобразіи начертанныхъ въ ихъ рукописяхъ человѣческихъ фигуръ и уродливой неправильности рисунка вообще [1]).

[144] Вутке такъ передаетъ главныя начала мексиканскаго письма [2]):

1. Группы имѣвшихъ между собою видимую связь рисунковъ изображали цѣлые ряды событій и полныя мысли, не дробя и не разъединяя ихъ содержанія. Нѣсколько сопоставленныхъ изображеній передавали представленіе или мысль, но не выражали опредѣленныхъ словъ или рѣчей. То, что было представлено, могло, хотя и въ опредѣленныхъ границахъ, читаться въ произвольно избранныхъ выраженіяхъ.

2. Къ изображенію предмета присоединялись знаки, которые служили къ его объясненію и часто отвѣчали отдѣльнымъ словамъ. По показанію испанцевъ, это письмо состояло: а) изъ изображеній предметовъ, б) изъ чиселъ, в) изъ знаковъ: вѣроятно, послѣдніе первоначально также были изображеніями, но для насъ потеряли это значеніе.

3. Образы предметовъ представлялись сокращенно, напр. вмѣсто цѣлаго человѣка рисовали одну голову; голова съ діадемой представляла царя, домъ означалъ городъ.

4. Для выраженія того, что́ не имѣетъ образа, прибѣгали къ символикѣ.

5. Для большей легкости въ распознаваніи предметовъ употреблялись яркія краски: мужчины окрашивались въ темнокоричневый цвѣтъ, женщины въ желтый; человѣкъ въ красной одеждѣ означалъ испанца; четыре красныя волнообразныя полосы поперекъ означали кровь.

6. Вслѣдствіе неправильности или неполноты рисунка, для нѣкоторыхъ понятій и вещей входили въ обыкновеніе не легко объяснимые знаки. Отсюда произошло, что въ случаѣ затрудненія въ выра-

---

[1]) Al. Humboldt. Vues des Cordillères et Monumens des peuples indigènes de l'Amérique (I. p. 198, pl. XIII) по Штейнталю, стр. 74. Изъ этого же писателя (Die Entwicklung der Schrift) заимствованы приведенные выше примѣры сѣверо-американскаго письма и слѣдующія за ними замѣчанія.

[2]) H. Wuttke. Die Entstehung der Schrift, стр. 206.

женіи придумывались произвольные знаки съ условнымъ смысломъ. Подобныхъ знаковъ мы находимъ много; они ставились рядомъ съ изображеніями. Такимъ же образомъ произошли вѣроятно письменные знаки для чиселъ; ихъ начертанія (напр. кружокъ или точка для единицы, маленькое знамя для [145] 20-и) [1]) могли быть отчасти такъ же произвольны, какъ наши цифры, которыя и теперь, среди звукового письма, даютъ намъ понятіе о письмѣ мысленномъ [2]).

7. Необходимость передавать собственныя имена послужила первымъ поводомъ къ слабому еще употребленію звуковыхъ знаковъ. Такъ какъ собственныя имена были большею частью заимствованы отъ видимыхъ предметовъ, то изображеніемъ этихъ предметовъ и означались имена или части именъ. Тласкилланъ, напр., значило въ переводѣ „хлѣбный городъ", т. е. мѣсто, гдѣ онъ былъ построенъ, рождало въ изобиліи маисъ. Итакъ, названіе его легко было изобразить издавна установившимися средствами; земли и области означались какъ бы гербами, и начертанія этихъ гербовъ заимствовались отъ естественныхъ произведеній или событій. Вообще мексиканское письмо нѣсколько напоминаетъ геральдику.

8. Подвигаясь далѣе по тому же пути, ацтеки (главный мексиканскій народъ) иногда выражали одинъ предметъ изображеніемъ другого, котораго названіе напоминало первый.

9. Дальнѣйшимъ шагомъ, можетъ быть еще въ до-испанское время или уже по ознакомленіи съ европейскимъ письмомъ, было употребленіе образа предмета для первой части имени его. Такъ напр. царь Ицкоатль изображался тремя знаками: стрѣла (ицли) означало **иц**, надъ ней горшокъ (комитль) — **ко**, а на немъ сукъ съ четырьмя широкими концами означалъ **атль**, т. е. воду. Такимъ способомъ отъ изображенія самыхъ означаемыхъ предметовъ мексиканцы стали переходить къ означенію словъ, употребляя часть имени предмета на то, что́ слѣдовало представить. Такъ фигура, служившая для воды (атль), означала не только весь этотъ звукъ, но и одинъ его элементъ а; изображеніе устрицы, эптли, означало слогъ эп; бобъ, этль = э; глазъ, [146] ихстли = и; домъ, калли = к, и т. д. Надобно однакожъ помнить, что этотъ пріемъ употреблялся лишь изрѣдка, служилъ только дополненіемъ, вспомогательнымъ средствомъ о́бразнаго мексиканскаго письма. Такъ означались только отдѣльныя слова, далеко не цѣлая рѣчь. Это было лишь началомъ перехода къ звуковому письму, а никакъ не введеніемъ новаго принципа.

Выше было замѣчено, что Гумбольдтъ первый открылъ отношеніе между письмомъ и языкомъ того народа, у котораго оно употреби-

---

[1]) На томъ основаніи, что извѣстные отряды войска состояли изъ 20-ти человѣкъ.

[2]) Такъ называемыя *арабскія* цифры происходятъ собственно изъ отдаленнаго Востока, отчасти изъ Индіи; аравитяне только перенесли ихъ въ Европу.

тельно. Какое же отношеніе можно указать между письмомъ сѣвероамериканцевъ и мексиканцевъ и ихъ языками? Отличительный признакъ письма этихъ народовъ заключается въ томъ, что оно представляетъ созерцанію цѣлые, неразложенные процессы [1]); именно въ этомъ мы и можемъ видѣть отраженіе особенности языковъ названныхъ народовъ, у которыхъ предложеніе образуется не посредствомъ самостоятельныхъ отдѣльныхъ словъ, а однимъ длиннымъ сложнымъ словомъ. Если же мы вспомнимъ, что образное письмо господствуетъ не въ одной Америкѣ, что оно вообще не находится почти ни въ какомъ соотношеніи съ языкомъ, то мы должны будемъ сдѣлать болѣе общій и отрицательный выводъ: какъ тѣ народы въ своихъ языкахъ пренебрегли элементомъ формы, такъ то же самое обнаружилось и въ ихъ письмѣ. Создавъ себѣ разъ безформенный языкъ, они уже не находили побужденія и къ соблюденію формы и къ разчлененію мысли въ письмѣ [2]).

Китайское письмо.

Китайское письмо возникло на той степени разумѣнія языка, на которой человѣкъ каждое слово или, что въ этомъ случаѣ то же самое, — каждый слогъ понималъ какъ цѣлое, [147] содержащее опредѣленный смыслъ, и сообразно съ тѣмъ изображалъ его. Китаецъ, не желая дать исчезнуть своему слову, хотѣлъ закрѣпить его, но при этомъ заботился не о произношеніи его, а о заключенномъ въ немъ представленіи. Такъ какъ китайскій языкъ всегда состоялъ изъ односложныхъ словъ, то изобрѣтателю письма не было повода думать о разложеніи слова на его звуки. Ему нужно было изобразить *цѣлое* слово, и этого онъ достигъ, держась его значенія. Ему было дѣло не до звука, а до идеи; содержащейся въ словѣ. Такая точка зрѣнія требовала для каждаго слова особаго знака, и такъ какъ вначалѣ число словъ и ихъ значеній въ китайскомъ языкѣ было не велико, то это требованіе легко могло быть удовлетворено [3]).

Отъ письма сѣверо-американцевъ китайское отличалось тѣмъ, что первые пытались безформенно изображать самыя представленія, китайцы же старались передавать ихъ въ принятой для нихъ язычной формѣ, и такимъ образомъ средство, дѣйствующее на

[1]) Т. е. изъ такого письма узнаёшь только предметы, о которыхъ идетъ дѣло, а не то, что о нихъ хотятъ сказать: видишь одни подлежащія безъ сказуемыхъ, которыя не всегда легко угадать. Не означается даже, представляетъ ли изображеніе что-нибудь существующее, прошлое или желаемое; а гдѣ не выражено ничего подобнаго, тамъ нѣтъ и формы мысли.

[2]) Steinthal, стр. 80.

[3]) Wuttke, стр. 253.

слухъ, обращать въ средство, разсчитанное на зрѣніе, рѣчь обращать въ письмо, передавать хотя не звуки, но все-таки слова. При этомъ, кромѣ вещественныхъ предметовъ, можно было изображать представленія, и всѣ богатства духовной жизни сообщать въ прочныхъ образахъ. Но это были уже не группы образовъ, связанныхъ между собою своимъ видимымъ значеніемъ, какъ въ живописномъ письмѣ; эти начертанія замѣняли слова. Съ другой стороны однакожъ это было и не силлабическое письмо, ибо хотя всѣ китайскія слова, а слѣдовательно и знаки ихъ, суть отдѣльные слоги, но они не имѣли въ виду передавать звуковыхъ явленій. Въ мексиканской іероглификѣ письмо и языкъ были совершенно разрознены, независимы другъ отъ друга; въ китайской они были раздѣлены, только на половину, такъ какъ письмо слѣдовало за языкомъ, но передавало не звучащее слово, а то представленіе, которому слово служитъ посредникомъ.

Поэтому китайскіе языковѣды, вѣроятно не безъ основанія [148], утверждаютъ, что писанное въ древности произносилось иначе, нежели нынѣ, и что древній выговоръ совершенно исчезъ. Вѣдь письмо и не касалось выговора. Новые изслѣдователи, на основаніи сличенія рифмъ въ старинныхъ пѣсняхъ и фонетическихъ разысканій въ смежныхъ съ Китаемъ областяхъ, пришли также къ выводу, что прежнее произношеніе значительно отличалось отъ нынѣшняго.

Вначалѣ просто изображались немногими мѣткими чертами предметы, напр. солнце, луна, гора, дерево, собака, рыба; глазъ съ идущими отъ него внизъ чертами означалъ: „видѣть"; кружокъ на высокой подставкѣ значилъ: „твердо, вѣрно"; два дерева на трехъ другъ надъ другомъ поставленныхъ горахъ значили: „высоко" и т. д.

Впослѣдствіи отличія понятій болѣе и болѣе выражались на письмѣ, напр. нѣсколько рядомъ нарисованныхъ горъ означали горный хребетъ, группа деревьевъ — лѣсъ. Многое стали изображать черточками или точками. Потомъ начали выражать и то, что́ не имѣетъ образа: такъ треугольникъ или соединеніе трехъ линій представляло связь, единство. Надобно было дойти до того, чтобы представляемые образы и штрихи, посредствомъ ловкаго ихъ примѣненія, покрывали весь матеріалъ языка и доставляли изображенія для каждаго отдѣльнаго слова. Для этого фигуры переворачивались, искажались, сокращались, слагались. Конечно, требовалось большое напряженіе ума, чтобы мало по малу изобразить всѣ понятія, и дѣло продолжалось цѣлыя столѣтія. Развитіе письма шло постепенно, и надъ нимъ работали многіе изобрѣтатели: для одного и того же понятія, (выражаемаго однимъ словомъ) являлось нѣсколько знаковъ. Такъ напр., „вверху и внизу" выражаются разными способами. Мало по малу число знаковъ возросло свыше 100,000; но только меньшая половина, 40 — 50 т., получили право гражданства; остальные же появляются кое-гдѣ лишь изрѣдка, а многіе и совсѣмъ забыты.

Свойство самого языка доставляло тутъ облегченіе. Въ китайскомъ не отличается названіе предмета отъ дѣйствія и качества [149] и слово, означающее извѣстное понятіе, соединяетъ въ себѣ всѣ эти разныя стороны представленія: смотря по связи, оно въ томъ или въ другомъ смыслѣ относится къ другимъ словамъ предложенія. Одинъ и тотъ же письменный образъ можетъ означать и „среди“ и „середину“ и „средній“. Такой способъ письма вообще возможенъ только въ томъ состояніи языка, въ которомъ отдѣльныя слова остаются неподвижны и неизмѣнны въ своей формѣ и ихъ взаимное отношеніе опредѣляется ихъ расположеніемъ или мѣстомъ, въ рѣчи имъ занимаемымъ. Такъ и на письмѣ порядокъ образовъ рѣшалъ ихъ взаимное отношеніе. Означеніе связи (копула), времени, опредѣленности или неопредѣленности казалось китайцу излишнимъ, разумѣлось само собой. Въ случаѣ же надобности были и на это средства. Множественное число, напр. если нужно было положительно выразить его, означалось повтореніемъ образа. Повтореніе, кромѣ того, усиливаетъ понятіе: такъ ши ши (время время) значитъ „всегда“, чю чю (мѣсто мѣсто) зн. „вездѣ“, вангъ вангъ (ходить ходить) зн. „во всѣ стороны“. Соединеніе двухъ образовъ употреблялось также для выраженія понятій, которыя въ нихъ обоихъ заключались. Такъ вода и глазъ вмѣстѣ означали слезы, домъ и огонь—несчастіе, бѣдствіе.

Непримѣтно китайское письмо должно было перейти на другую степень развитія. Долго китайцы, при взглядѣ на свое письмо, конечно, видѣли въ немъ только изображаемыя вещи, не обращая вниманія на звуковое ихъ выраженіе; но такъ не могло всегда оставаться. Поводомъ къ примѣси звукового начала къ ихъ письму послужила одна изъ особенностей самого языка. Въ китайскомъ всего около пятисотъ односложныхъ словъ; при этомъ почти каждое звуковое цѣлое, т. е. каждое слово, должно неминуемо имѣть нѣсколько или даже много (иногда болѣе 50-ти) совершенно различныхъ значеній; такимъ образомъ для китайскаго слуха всегда соединялось много знаменованій въ одномъ и томъ же звукѣ. Когда сходство звука двухъ словъ совпадало съ родственною связью ихъ значеній, то это могло навести на мысль видѣть въ фигурѣ изображеніе звука. Для одного и того же [150] словозвучія были часто разныя начертанія по его различному значенію, но нерѣдко и одинъ знакъ имѣлъ много значеній. Сначала каждому слову соотвѣтствовало одно или нѣсколько начертаній для изображенія его содержанія; но по мѣрѣ того какъ слова получали болѣе обширное значеніе, фигура теряла свой смыслъ, и уже ничего не говорила взору своими чертами: надобно было помнить, какому слову она соотвѣтствовала. Сходство начертаній съ предметами требовало искусства, которое конечно не могло быть общею принадлежностью; отъ неточнаго исполненія образы должны были дѣлаться все

менѣе понятными и становиться какъ бы произвольными начертаніями для извѣстныхъ словъ. Требованія удобства и небрежность болѣе и болѣе измѣняли первоначальное изобразительное письмо. Кто хотѣлъ понимать множество письменныхъ изображеній, долженъ былъ уяснять себѣ ихъ произношеніе.

Такъ какъ подъ однимъ изображеніемъ можно было разумѣть много понятій, то впослѣдствіи оказалось необходимымъ къ избранному знаку, для отличія, присоединять еще другой опредѣлительный знакъ, который получалъ постоянное мѣсто, либо сбоку, обыкновенно влѣво отъ изображенія, либо сверху, но всегда въ соединеніи съ главнымъ начертаніемъ. Изображая особый предметъ, этотъ знакъ самъ по себѣ выражалъ совсѣмъ другое слово, другой звукъ, но въ такомъ сочетаніи онъ отказывался отъ своего отдѣльнаго значенія и служилъ только намекомъ, какъ слѣдуетъ понимать главное начертаніе. Такими пояснительными знаками часто служили родовыя названія животныхъ, деревьевъ, сосудовъ и т. п. Ихъ присоединеніе указывало читателю, что онъ долженъ разумѣть напр. животное, называемое звукомъ изображеннаго имени. Такъ **йо** означаетъ и птицу и флейту. Чтобы написать: *птица*, рисовали флейту и прибавляли знакъ птицы. Видя рыбу и **ли**, читатель понималъ, что дѣло идетъ о карпіи, которая по-китайски называется этимъ звукомъ, имѣющимъ и много другихъ значеній. Ложка называется **пи**: чтобы знакъ *пи* не былъ понятъ иначе, къ нему приставляется еще знакъ дерева (му); но [151] эти два знака не должны произноситься *пи-му* (въ смыслѣ *деревянной* ложки), а просто *пи*. Такія поясненія были особенно нужны для выраженія собственныхъ именъ. Есть слова, для разнаго смысла которыхъ имѣется болѣе полусотни знаковъ. Отъ пишущаго зависитъ выборъ ихъ.

Китайцы пишутъ въ направленіи сверху внизъ по прямой отвѣсной линіи, столбцами, идущими справа влѣво. Впрочемъ, иногда, при недостаткѣ мѣста, позволяется писать и горизонтальными строками, начиная справа; такъ пишутся только короткія предложенія или напр. заглавіе книги.

Египетскіе іероглифы.

Относительно египетскихъ іероглифовъ мнѣнія ученыхъ до сихъ поръ еще не совсѣмъ установились. Согласно съ изслѣдованіями Зейфарта [1]), проф. Вутке считаетъ это письмо силлабическимъ, т. е. основаннымъ на звуковомъ началѣ, по которому для каждаго слога бываетъ особый знакъ. Болѣе послѣдователей имѣетъ прежній

[1]) Seyffarth. Systema astronomiae aegypticae quadripartium. Leipzig, 1830; также позднѣйшія его сочиненія.

взглядъ, опирающійся на ученіе Шамполліона, что въ египетскихъ іероглифахъ соединяются разные способы письма, начиная отъ простого живописнаго изображенія предметовъ до звуковыхъ начертаній. Штейнталь приписываетъ это консервативному характеру египтянъ, по которому они при каждомъ новомъ успѣхѣ письма, сохраняли и старинные пріемы. На іероглифахъ, по его заключенію, можно прослѣдить весь путь, пройденный духомъ въ стремленіи закрѣпить летучее слово: всѣ степени развитія письма лежатъ рядомъ въ іероглифахъ и показываютъ исторію послѣднихъ, какъ составъ различныхъ слоевъ земли знакомитъ насъ съ исторіей ея образованія. Почти вездѣ у египтянъ дѣйствительныя изображенія сопровождаются символическимъ письмомъ, которое отъ нихъ отличается мелкостью, размѣщеніемъ и положеніемъ, какъ нѣчто совершенно особое.

[152] Въ средѣ этого народа, искони отличавшагося глубокимъ религіознымъ духомъ, письмо возникло для прославленія боговъ, для украшенія храмовъ и восхваленія великихъ дѣлъ. Ни въ какой странѣ нѣтъ такого множества надписей, какъ въ Египтѣ; нигдѣ онѣ не представляютъ такого разнообразія въ содержаніи и не служатъ въ такой степени памятниками литературы и исторіи.

Письмо у египтянъ началось дѣйствительными изображеніями. Мы видимъ на ихъ зданіяхъ живописныя начертанія, которыя хотя и отличаются отъ настоящихъ іероглифовъ своею сущностью и отдѣлены отъ нихъ въ пространствѣ, но не могутъ быть сравниваемы ни съ греческими рельефами, ни съ нашими картинами. Въ нихъ цѣль разсказа, сообщенія посредствомъ извѣстныхъ образовъ и символовъ, проглядываетъ сильнѣе, чѣмъ цѣль простого художественнаго изображенія, полагающаго свою задачу въ красотѣ формъ, какая господствовала у грековъ. Обѣ цѣли въ этихъ египетскихъ начертаніяхъ повидимому еще соединены. Отъ нихъ письмо стало развиваться далѣе, и такимъ образомъ древнія изображенія получили болѣе прежняго характеръ настоящаго искусства.

Между мексиканскимъ и египетскимъ живописнымъ письмомъ оказывается та важная разница, что первое представляетъ самыми изображеніями цѣлый ходъ событія, тогда какъ между изображеніями египтянъ по бóльшей части нѣтъ видимой для глаза связи, и чтобъ найти эту связь, надобно переводить начертанія въ мысли. Кромѣ того, египетское письмо стало болѣе прибѣгать и къ другимъ средствамъ, особенно къ символикѣ. Такъ напр. разныя состоянія духа изображаются въ видѣ животныхъ или неодушевленныхъ предметовъ: храбрость означаетъ левъ, ненависть — рыба, справедливость — страусово перо, покорность подданнаго — пчела, слабодушіе, отдающее себя въ опеку,—раковина, въ которой сидитъ ракъ, набожность — саранча, примирительное и сочувственное настроеніе — лира, и проч. Или ночь

изображалась звѣздою, вкусъ — ртомъ и языкомъ, [153] слухъ — ухомъ быка [1]). Но и метафора, начертаніе части вмѣсто цѣлаго, орудіе вмѣсто самаго дѣла, причины вмѣсто дѣйствія оказывались недостаточными. Переходъ къ звуковому письму совершился способомъ, похожимъ на тотъ, который мы видѣли у китайцевъ: когда два разныя понятія въ языкѣ означаются однимъ и тѣмъ же звукомъ, то естественно начертаніемъ простѣйшаго предмета возбудить представленіе о другомъ; такъ напр. у египтянъ звукъ **ба** означалъ сову и душу: понятно, что для означенія души стали употреблять образъ совы. Вотъ примѣненіе къ живописному письму омонимики. Корзина, **небъ**, ставилась вмѣсто *господинъ* (понятія; означаемаго тѣмъ же звукомъ), а впослѣдствіи и вмѣсто не опредѣленнаго мѣстоименія **небъ**, каждый, все. Такъ пріучались въ образѣ видѣть не столько предметъ, сколько звукъ, и мысленное письмо въ умѣ египтянъ перерождалось въ словесное. Но оно и на этомъ не остановилось: оно стало выражать знаками сперва слоги, а потомъ и отдѣльные звуки.

Такъ образъ льва, **лабо**, означалъ букву *л*, образъ орла, **ахомъ** — букву *а*. Собственныя имена почти всегда означались такимъ способомъ, и удачная попытка Шамполліона разобрать на этомъ основаніи знаменитую надпись въ Розеттѣ, содержащую имена Птолемея и Клеопатры, доставила ключъ къ чтенію іероглифовъ. Въ новѣйшее время сдѣлано открытіе, что іероглифическія начертанія, означающія согласныя, представляютъ не одинъ отдѣльный элементъ, а цѣлый слогъ, что напр. квадратъ означаетъ не просто *п*, а **па**, ломаная линія — не просто *н*, а **на**. При всемъ томъ никакъ нельзя принимать, чтобы іероглифическое письмо съ многочисленными его знаками (болѣе 600) было вполнѣ фонетическимъ или звуковымъ; напротивъ, оно сохраняло множество изображеній для цѣлыхъ понятій или словъ. Чтобы предупредить смѣшеніе ихъ или недоразумѣнія, употреблялись, такъ же, какъ и у китайцевъ, добавочные знаки, которые ставились [154] при изображеніяхъ съ цѣлію показать, къ какому кругу идей принадлежитъ обозначенное слово. Такъ, напр., если къ іероглифу присоединялся человѣкъ, трогающій рукою свой ротъ, то этимъ означалась какая-нибудь дѣятельность рта, двѣ шагающія ноги означали ходьбу, три цвѣтка на стеблѣ — понятіе, относящееся къ растительному царству, и т. д. Такъ мысленное и звуковое письмо явились рядомъ. Египетскій языкъ представляетъ самый разнообразный составъ слоговъ, начинающихся и кончающихся то гласной, то согласной, и это разнообразіе должно было служить сильнымъ поводомъ къ ихъ различенію. Имѣя звуковой знакъ для **мэн** и другой для **эн**, легко было замѣтить, что въ первомъ противъ

[1]) W. Humboldt. Gesamm. Werke, VI, 457 и 462.

второго лишнее *м*. Присутствіе *к* въ **ка**, **кам**, **кат** и **ска** (жертвовать, черный, строить, пахать) могло навести вниманіе на это **к**; одной свѣтлой мысли, говоритъ Штейнталь, было повидимому достаточно воспріимчивому уму, чтобъ разомъ перейти къ сознанію звуковъ и буквъ [1]).

Звуковое письмо.

Между живописнымъ и азбучнымъ письмомъ было однакожъ еще посредствующее звено, именно письмо силлабическое, въ которомъ еще не отдѣльные элементарные звуки, а цѣлые слоги, напр. **ри**, **ре**, **ра**, **ро** и т. д., изображались особыми знаками.

Съ одной стороны такое письмо образовалось у японцевъ. Первоначально они заимствовали искусство письма у китайцевъ, [155] но значительно упростили его, благодаря особеннымъ свойствамъ своего языка, который располагаетъ только 47 слогами. Слова у нихъ большею частью односложныя, а слоги состоятъ изъ согласнаго и слѣдующаго за нимъ гласнаго звука (въ древнемъ японск. языкѣ было только 10 согласныхъ и 5 гласныхъ). Узнавъ китайское письмо, они взяли оттуда знакъ для каждаго изъ своихъ 47-ми слоговъ, но отбросили слишкомъ мудреныя начертанія и такимъ образомъ составили себѣ очень удобное письмо, такъ называемое ката-кана. Ихъ азбука извѣстна подъ именемъ и-ро-фа по первымъ тремъ слогамъ, ее составляющимъ, какъ греческая азбука по той же причинѣ называется алфавитомъ.

Съ другой стороны, особаго рода силлабическое письмо развилось изъ египетскихъ іероглифовъ: это — найденное на памятникахъ въ Месопотаміи и смежныхъ съ нею земляхъ клинообразное письмо. Оно такъ названо по формѣ начертаній, изъ которыхъ состоитъ: двойной ударъ зубриломъ (родъ долота) по камню образовалъ прямыя, съ одного конца острыя черты, похожія на стрѣлы; онѣ ставились то рядомъ, по двѣ, по три, по четыре, то составляли между собою углы. Вездѣ онѣ отличаются большою простотой и твердостью, безъ вся-

[1]) Избѣгая подробностей, упомяну только мимоходомъ о дальнѣйшемъ развитіи іероглифовъ. Это монументальное письмо производилось собственно только на камнѣ и деревѣ, откуда и названіе его (въ переводѣ *святорѣзы*); съ изобрѣтеніемъ папируса писать сдѣлалось гораздо легче: стали сокращать знаки, и такимъ образомъ возникло, хотя и съ сохраненіемъ того же характера, бѣглое (скоропись, курсивное) письмо, которое однако еще долго оставалось достояніемъ духовныхъ и потому впослѣдствіи получило у грековъ названіе *іератическаго* (іерейскаго). Со временъ Псамметиха (въ 7-мъ вѣкѣ до Р. Х.) это письмо еще болѣе упростилось, отчасти подъ вліяніемъ азбучнаго черезъ пріѣзжавшихъ въ Египетъ семитовъ; оно употреблялось въ рукописяхъ свѣтскаго содержанія и стало извѣстно грекамъ подъ именемъ *демотическаго* (народнаго) или *энхорическаго* (туземнаго).

кихъ кривыхъ линій или округленій. Полагаютъ, что началомъ этого письма послужили разныя прямоугольныя фигуры, которыя у халдеевъ начертывались на мягкомъ матеріалѣ, напр., на глинѣ. Впослѣдствіи клинообразное письмо перешло и къ древнимъ персамъ (арійское письмо). Группы клиньевъ представляютъ самыя разнообразныя формы: клинъ дѣлался то отвѣсно, то горизонтально, то вкось, вправо или влѣво. Система этого письма до сихъ поръ только отчасти разгадана. По мѣрѣ распространенія на востокъ, на западъ и сѣверозападъ (до Арменіи), оно подвергалось разнымъ измѣненіямъ, такъ что есть нѣсколько видовъ его. Ассирійское и вавилонское клинообразное письмо представляетъ смѣсь пословныхъ и слоговыхъ начертаній. Многія выражаютъ цѣлыя слова или какое-либо опредѣленное понятіе, означаемое словомъ, [156] напр. Богъ, человѣкъ, царь, отецъ, сынъ, небо, земля; но по большей части отдѣльные знаки соотвѣтствуютъ слогамъ.

Отъ слогового письма до а з б у ч н а г о (буквеннаго) или с о б с т в е н н о - з в у к о в о г о одинъ только шагъ, но и этотъ шагъ совершился не вдругъ. Не вполнѣ развитую систему азбучнаго письма представляетъ семитическое, въ которомъ изображаются почти одни согласные элементы, а изъ гласныхъ только немногіе: прочіе подразумѣваются. Отъ семитовъ азбучное письмо перешло на западъ къ арійскимъ народамъ, въ пелазгійскій міръ, а оттуда распространилось впослѣдствіи по всей Европѣ.

Какъ бы ни интересна была для насъ исторія этого письма, непроницаемая тайна покрываетъ ее. О ходѣ распространенія его дошли до насъ одни темныя преданія, и всѣ изслѣдованія для повѣрки или разъясненія ихъ остаются до сихъ поръ и, вѣроятно, навсегда останутся тщетными. По одному изъ этихъ преданій, изобрѣтателемъ письма у египтянъ былъ Тотъ, а отъ египтянъ оно было заимствовано финикіянами [1]). Г. Вутке склоняется къ предположенію, что первоначально семитическое письмо изобрѣтено было въ Вавилонѣ, гдѣ, по библейскому повѣствованію, раздѣлились племена, гдѣ былъ центръ обширной торговли и другихъ сношеній между многими народами. Такому изобрѣтенію не могло помѣшать существовавшее тамъ издревле и послѣ долго сохранявшееся въ употребленіи клинообразное письмо. Алфавитное легко могло развиться изъ слогового, но на родинѣ не сдѣлаться общимъ достояніемъ.

Доказательство давняго существованія буквеннаго письма тотъ же ученый видитъ въ томъ, что евреи, во время своего долгаго пребыванія въ Египтѣ, не заимствовали тамошняго іероглифическаго письма;

---

[1]) О переходѣ отъ образнаго письма къ звуковому см. популярную брошюру норвежскаго ученаго Либлейна: Det gamla Egypten i dess skrift. Stockholm, 1877.

изъ этого онъ заключаетъ, что они еще въ Палестинѣ, до выхода оттуда, знали алфавитное письмо; а если они, будучи кочевниками, уже пользовались имъ, то тѣмъ болѣе[157] оно должно было давно быть извѣстно осѣдлымъ жителямъ края. Отъ финикіянъ буквенное письмо, если вѣрить преданію, перенесено въ Грецію Кадмомъ.

Относительно способа изобрѣтенія азбуки, мнѣнія также различны: многіе полагаютъ, что до изображенія того или другого звука на письмѣ доходили мало по малу въ теченіе долгаго времени; г. Вутке, напротивъ, находитъ эту мысль странною и старается доказать, что какъ скоро понята была система изображенія звуковъ буквами, то человѣкъ, который возымѣлъ эту счастливую идею, долженъ былъ выполнить ее разомъ, хотя и не въ окончательномъ совершенствѣ. То и другое мнѣнія опираются на уважительные доводы. Выше мы видѣли, какимъ образомъ у китайцевъ и египтянъ мысль примѣненія знаковъ къ звукамъ развивалась постепенно; возможно что какой-нибудь мудрецъ у семитовъ, понявъ эту систему, разомъ построилъ на ней цѣлую азбуку.

Древнѣйшими до сихъ поръ извѣстными образцами буквеннаго письма служатъ двѣ надписи, открытыя не такъ давно, именно: одна найдена въ 1855 г., близъ древняго Сидона, на гробницѣ царя Ашмацоцара, и писана, по изслѣдованіямъ Эвальда и др., во времена процвѣтанія Сидона, вѣроятно за 1000 лѣтъ или еще ранѣе до Р. Х. Позднѣе (около 1870 г.) въ Дибанѣ, къ востоку отъ Мертваго моря, на большомъ черномъ камнѣ открыта надпись моавитскаго царя Мешо, писанная въ — 897 г. или вскорѣ послѣ того: судя по нѣкоторымъ ея начертаніямъ, она не такъ стара, какъ первая. На обѣихъ встрѣчаются уже округлыя формы буквъ, изъ чего должно заключать, что это письмо издавна, можетъ быть нѣсколько столѣтій передъ тѣмъ, употреблялось на мягкомъ матеріалѣ, допускавшемъ такія округлости. Если такъ, то азбучно писали далеко за тысячу лѣтъ до Р. Х. Не смотря на свои грубые и простые облики, буквы этихъ надписей, особенно нѣкоторыя, уже немного напоминаютъ извѣстныя намъ позднѣйшія начертанія; главный типъ этихъ буквъ составляетъ прямая крупная черта или палочка (врѣзанная [158] или вбитая ударомъ остраго орудія), наклоненная слѣва вправо, такъ какъ писали въ направленіи отъ правой руки къ лѣвой [1]). Къ главной чертѣ прибавленъ сбоку, большею частью съ лѣвой стороны, какой-нибудь дополнительный зна-

---

[1]) По мнѣнію г. Вутке, эта форма азбуки совершенно оправдываетъ греч. названіе буквъ στοιχεῖα, т. е. *палочки*. Но Максъ Мюллеръ доказалъ, что слово στοιχεῖα можетъ означать только „составныя части цѣлаго, образующія полный рядъ, будутъ ли то часы, или буквы, или части рѣчи, или физическіе элементы, лишь бы такіе элементы расположены были въ систематическомъ порядкѣ". (M. Müller-Böttger. *Vorlesungen über die Wissensch. d. Sprache. II Serie.* Leipzig, 1866. Стр. 73).

чокъ; только немногія буквы вовсе не имѣютъ стоячей черты; округлость господствуетъ въ *о* (кружокъ) и въ *ѳ* (кружокъ, перерѣзанный поперекъ черточкой, какъ у грековъ).

Трудная задача, долгіе вѣка остававшаяся невыполненною, была рѣшена. Понятно, какъ не легко было замѣтить, что льющаяся въ такомъ разнообразіи рѣчь можетъ быть разложена на нѣсколько основныхъ элементовъ, которые попеременно повторяются то въ одномъ, то въ другомъ словѣ, и что эти элементы могутъ быть изображаемы знаками. Конечно, образное письмо имѣетъ то преимущество, что можетъ быть разбираемо людьми всѣхъ націй, звуковое же доступно только говорящимъ на одномъ языкѣ; притомъ съ перваго взгляда оно труднѣе разбирается; но въ сущности оно легче и примѣнимо ко всѣмъ языкамъ. „Безъ тѣхъ подробныхъ сказаній о его происхожденіи, какія повѣствуются о жреческихъ письменахъ, тихо, какъ бы во мракѣ распространялся алфавитъ, вѣроятно между народами, у которыхъ еще не было неподвижной іерархіи и вполнѣ развившагося монархическаго правленія, давшихъ начало іероглификѣ и клинообразному письму. Съ передвиженіями племенъ, обладавшихъ алфавитомъ, порвались нити преданій о его изобрѣтеніи. Но эти маловажныя съ виду черты, это безродное письмо покорило весь міръ. Великолѣпные, разукрашенные храмы, нѣкогда говорившіе своими письменами, обратились въ непонятныя загадки; величавыя надписи на скалахъ прослыли чародѣйскими знаками; но [159] путемъ алфавита спасены отъ забвенія всѣ великія, достопамятныя мысли и дѣла людскія. Буква сдѣлалась формою мысли для всего образованнаго человѣчества, стала силою, величайшею силою въ мірѣ“ [1]).

Въ отношеніи къ исторіи буквеннаго письма желательно было бы разъяснить, по крайней мѣрѣ, слѣдующіе два вопроса:

1) Откуда произошли формы и древнія названія буквъ?

2) Отчего буквы во всѣхъ азбукахъ расположены безъ всякой системы, такъ что гласныя перемѣшаны съ согласными, звуки одного и того же органа (напр. *б* и *п*) разбросаны, мгновенные стоятъ возлѣ длительныхъ (напр. *п* возлѣ *р*) и т. п., словомъ, буквы размѣщены въ такомъ порядкѣ, который не основанъ ни на количественномъ, ни на качественномъ [2]) соотношеніи между звуками?

Извѣстно, что въ древнихъ алфавитахъ буквы по большей части называются цѣлыми словами, начинающимися съ означаемой буквы. Весьма правдоподобно мнѣніе (хотя и отвергаемое очень рѣшительно г-мъ Вутке), что какъ формы, такъ и подобныя названія буквъ были остатками означенія словъ посредствомъ изображенія предметовъ. При

---

[1]) Wuttke. Die Entstehung der Schrift Стр. 726.

[2]) Объясненіе этихъ терминовъ см. выше на стр. 503.

первоначальномъ переходѣ къ звуковому письму отдѣльный звукъ означался образомъ, въ названіи котораго онъ составлялъ начало. Такъ фигура головы значила *р*, потому, что имя головы въ семитическихъ языкахъ начинается съ *р* (евр. rosch): оттого изображеніе головы, обращенной профилемъ вправо, служило сперва іероглифомъ для этого звука, а впослѣдстіи изъ іероглифа образовался знакъ *R*, родоначальникъ начертаній того же звука во многихъ алфавитахъ. Или напр. въ финикійскомъ алфавитѣ знакъ 𐤂, остатокъ изображенія шеи верблюда, далъ начало буквѣ *г* (gimel, γάμμα), которая у евреевъ и грековъ названа по евр. имени верблюда (gamal). Позднѣе древнія названія буквъ были сокращены: гласныя стали означаться однимъ чистымъ своимъ звукомъ, а согласныя [160] приняли въ помощь одну гласную, *а* или *э*, произносимую либо послѣ (**бе, ве, ка**), либо прежде согласнаго звука (**эф, эс, эн, эм**). Такая двойственность въ позднѣйшихъ названіяхъ буквъ объясняется различно: по мнѣнію однихъ, къ числу которыхъ принадлежалъ уже Присціанъ, оно отвѣчаетъ основному дѣленію согласныхъ на *нѣмыя* (mutae, по нашему — мгновенныя) и *полугласныя* (semivocales, — длительныя): названія, начинающіяся согласною, служатъ къ означенію первыхъ, а прочія — къ означенію вторыхъ. Другіе полагаютъ, что двоякія названія буквъ произошли вслѣдствіе сокращенія древнѣйшихъ именъ; такъ напр. названія **эм** и **эн** образовались будто бы отъ семитическихъ **мем** и **нюн**, у которыхъ въ первомъ отброшена начальная согласная, а во второмъ сверхъ того измѣнена гласная [1]). Нельзя однакожъ не замѣтить, что это послѣднее мнѣніе отзывается натяжкой, и не отдать преимущества первому. Указанное Присціаномъ начало различнаго наименованія буквъ оказывается дѣйствительно въ латинскомъ алфавитѣ: оно не соблюдено только въ отношеніи къ буквамъ *h* и *z*; но *h* почти то же, что греческое густое дыханіе (spiritus asper), и не можетъ заканчивать слога послѣ гласной, а *z* есть чисто греческая буква, почему сохранила и первоначальное свое названіе (ζῆτα). Составители новѣйшихъ алфавитовъ не поняли причины двоякихъ названій буквъ, и потому въ этихъ алфавитахъ явились названія: **ве** [2]), **же, зе, ха, ша** и др., въ которыхъ, по основному правилу древнихъ, гласная должна бы стоять впереди.

Относительно формы буквъ надобно прибавить, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не безъ основанія видятъ отраженіе сущности образованія самаго звука. Такъ напр. фигура *м* въ большей части алфавитовъ

---

[1]) C. B. Cayley. „On the modern names of the letters of the Alphabet“ въ *Transactions of the Philological Society*. London 1870—1872. Стр. 11.

[2]) Извѣстно, что въ латинскомъ алфавитѣ буквы V и J явились только въ новѣйшія времена для отличія отъ U и I.

составлена изъ іероглифа 〰, означавшаго воду: изъ него для изображенія *м* заимствована часть [161] ломаной линіи какъ бы для означенія полугласной натуры *плавнаго* звука и изображенія тѣхъ дрожаній, звучащихъ почти безъ помощи гласнаго, которыя при произношеніи *м* образуются нашими органами, особенно губами [1]). Такимъ же образомъ при гласной *о* невольно представляемъ себѣ округлое отверстіе рта, какимъ сопровождается произношеніе его.

Что касается порядка или, вѣрнѣе, безпорядка въ расположеніи азбукъ, то для рѣшенія этого вопроса, не имѣя никакихъ историческихъ данныхъ, мы можемъ руководствоваться только соображеніемъ и догадкой. Такой недостатокъ системы можетъ быть объясняемъ тѣмъ, что буквы ставились одна подлѣ другой по мѣрѣ того, какъ различаемы были отдѣльные звуки и какъ для нихъ придумывались особые знаки, — было ли это дѣломъ нѣсколькихъ, жившихъ послѣдовательно одинъ за другимъ людей, или одного изобрѣтателя. Разсуждая объ этомъ, мы разумѣется должны имѣть въ виду хоть одинъ изъ древнихъ алфавитовъ, и всего удобнѣе взять для примѣра греческій, какъ послужившій источникомъ всѣхъ европейскихъ. Въ немъ на самомъ первомъ мѣстѣ вполнѣ раціонально поставленъ основной и простѣйшій гласный *а*; за тѣмъ идутъ три голосовые согласные (β γ δ), совершенно разнородные по органамъ. Изъ этого Вутке заключаетъ, что контрасты въ артикуляціи звуковъ, съ первыхъ шаговъ замѣченные изобрѣтателемъ азбуки, именно и усилили его вниманіе и проложили ему путь къ дальнѣйшему расчлененію слоговъ. Буквы эти, вѣроятно, поставлены такъ вслѣдствіе естественнаго движенія органовъ: послѣ произнесенія *а* открытымъ ртомъ сомкнувшіяся губы образовали впереди его *б*, потомъ въ задней полости рта произнеслось *г*, затѣмъ въ средней части *д* при главномъ участіи языка [2]). По мнѣнію того же автора, противоположности сопоставлялись и далѣе: „Отыскивать и группировать родственные звуки, продолжаетъ онъ, было бы только остановкою [162] въ началѣ такого изслѣдованія и произвело бы путаницу". Такъ ли дѣйствительно происходило дѣло, трудно сказать положительно [3]). Во всякомъ случаѣ надобно помнить, что изобрѣтатель азбуки могъ еще и не имѣть достаточно-вѣрныхъ понятій о натурѣ звуковъ, для правильной группировки ихъ. При обсужденіи вопроса объ алфавитахъ, мы не должны также забывать, что древ-

[1]) Karl Böttger. Sprache und Schrift. Das Lautdenken für Ohr u. Auge. Leipzig. 1868. Стр. 114.

[2]) Wuttke, стр. 714.

[3]) Мысль, будто порядокъ буквъ основанъ на томъ, что названія, которыми онѣ первоначально означались, образовали въ этомъ расположеніи послѣдовательную рѣчь, здѣсь не принимается въ соображеніе, потому что связь между названіями буквъ очевидно придумана искусственно въ позднѣйшее время.

нѣйшій изъ нихъ, самый первоначальный, намъ неизвѣстенъ; мы даже не можемъ съ полною достовѣрностью опредѣлить, у какого народа онъ возникъ. При каждомъ заимствованіи для другого языка азбука по необходимости видоизмѣнялась; съ ходомъ развитія языка она подвергалась новымъ измѣненіямъ. Такъ о греческомъ или пелазгійскомъ алфавитѣ есть извѣстіе, что онъ сперва состоялъ только изъ 16 буквъ (изъ которыхъ одна, дигамма Ϝ, впослѣдствіи оказалась лишнею); позднѣе къ нему Паламедъ прибавилъ четыре буквы, а потомъ Симонидъ еще четыре [1]). Естественно, что при такомъ ходѣ составленія азбукъ, въ нихъ нельзя ожидать правильной послѣдовательности буквъ. Самый близкій намъ примѣръ извращенія порядка звуковъ при заимствованіи и дополненіи чужой азбуки представляетъ *кириллица* [2]), въ которой такой недостатокъ достигъ крайней степени. Къ этой-то азбукѣ мы теперь и перейдемъ по плану нашего изслѣдованія.

II. Славяно-русская азбука.

Иностранцы, начиная учиться русскому языку, обыкновенно жалуются на то, что у насъ своя особая, а не латинская азбука, [163] и увѣряютъ, что это очень затрудняетъ дѣло, даже отбиваетъ охоту продолжать ученіе. Нѣкоторымъ наша азбука кажется безобразною. Такъ, извѣстный американскій филологъ Витней, въ своихъ лекціяхъ о языкѣ говоря объ алфавитахъ, заимствованныхъ изъ греческаго, называетъ нашъ „самымъ неуклюжимъ и несимметрическимъ“ [3]), а нѣмецкій переводчикъ Витнея еще усиливаетъ этотъ отзывъ, находя въ русской азбукѣ „самое неграціозное и неловкое отродіе щеголеватаго письма грековъ“ [4]). При безпристрастномъ на нее взглядѣ нельзя однакожъ не согласиться, что наши буквы вовсе не такъ рѣзко отличаются отъ греческихъ и латинскихъ, съ которыми многія изъ нихъ даже совершенно сходны: своеобразное очертаніе имѣютъ по большей части только тѣ, которыя представляютъ и звуки особые. Но едва ли труднѣе удержать въ памяти фигуру, напр., нашего *ч* или *щ*, нежели

---

[1]) K. Böttger. Sprache und Schrift. Leipzig 1868. Стр. 111. — Wulfes. De literarum inventione. Rostochii. 1870. Стр. 11 — 13.

[2]) Востоковъ справедливо пытался ввести древнюю форму *кирилловица* вм. неправильно образованнаго слова *кириллица*, но послѣ его неудачи можно считать дѣло окончательно рѣшеннымъ въ пользу аномаліи.

[3]) „The modern Russian (*alphabet*), the most ungainly and unsymmetrical, perhaps, of all its (*т. е. греческаго*) descendants“ (Whitney. *Language and the study of language*. Стр. 463).

[4]) „Das russische Alphabet, das... wohl die ungraciöseste und unbeholfenste Abart der zierlichen Schrift der Griechen darstellt“ (Jolly. *Die Sprachwissenschaft*. Стр. 621).

*

при изученіи хоть польскаго языка, употребляющаго латинское письмо, запомнить значеніе соотвѣтствующихъ имъ сложныхъ начертаній *cz* или *szcz*. Главная трудность заключается совсѣмъ не въ знакахъ, а въ звукахъ, ими выражаемыхъ. Попытки ввести у насъ латинскій алфавитъ никогда не будутъ имѣть успѣха, какъ не имѣли его до сихъ поръ. Полуторавѣковое существованіе русскаго гражданскаго письма и довольно уже богатая литература, распространенная въ русской печати, навсегда обезпечиваютъ сохраненіе нашей національной азбуки.

Иностранцы, разсуждая о ней, смотрятъ только на внѣшнюю ея сторону; но для насъ гораздо важнѣе вопросъ: въ какой степени она точно и вѣрно отвѣчаетъ фонетическому составу языка или, иначе говоря, сходится съ его дѣйствительно-звуковою (слышимою) азбукой. Нашъ алфавитъ не былъ придуманъ непосредственно для звуковъ русскаго языка, а заимствованъ, [164] съ нѣкоторыми передѣлками, изъ готовой азбуки другого, церковно-славянскаго языка, и не могъ не отразить на себѣ послѣдствій такого происхожденія. Чтобы правильно судить о характерѣ и степени удовлетворительности русскаго письма, мы должны, во 1-хъ, опредѣлить, въ чемъ состоитъ совершенство азбуки вообще, а во 2-хъ — припомнить исторію нашей азбуки.

Такъ какъ прямая задача звукового письма — изображать знаками, въ возможной точности, полнотѣ и правильной послѣдовательности, всѣ звуки слышимой рѣчи, то естественно, что письмо бываетъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе простыми и легкими средствами цѣль эта достигается. Отсюда, для азбуки, истекаютъ слѣдующія требованія:

1) Каждому особому членораздѣльному *звуку* языка долженъ соотвѣтствовать и особый письменный *знакъ:* сколько окажется такихъ звуковъ, столько же должно быть и знаковъ или буквъ, не болѣе и не менѣе.

2) Каждый *знакъ* (т. е. каждая буква) долженъ служить къ изображенію только одного опредѣленнаго *звука,* а никакъ не двухъ или нѣсколькихъ, ни отдѣльно взятыхъ, ни соединенныхъ [1]).

Такова теорія, но лишь весьма немногіе языки приближаются къ осуществленію ея: изъ нынѣшнихъ западно-европейскихъ болѣе всѣхъ удовлетворяетъ ей италіанскій [2]); изъ славянскихъ нарѣчій — серб-

---

[1]) „The two greatest defects in the orthography of any language are the application of the same letter to several different sounds and of different letters to the same sound". William Jones. *Works.* London. 1807. III. 261. Клопштокъ также сказалъ: „Kein Laut darf mehr als ein Zeichen, und kein Zeichen mehr als einen Laut haben". Fragmente, стр. 198. Ср. R. v. Raumer. Gesam. sprachw. Schriften, стр. 124, 125.

[2]) Но не вполнѣ, потому что и въ его азбукѣ двѣ буквы *g* и *z* имѣютъ по два разные звука (*g* = то *г*, то *дж*; *z* = то *ц*, то *дз*); *h* пишется, но вовсе не произносится.

ское. Причина несовершенства большей части азбукъ та, что только при самомъ изобрѣтеніи знаковъ для передачи звуковъ того или другого языка могутъ быть выполнены помянутыя условія; позднѣе же, по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія и измѣненія звуковъ, начертанія, неминуемо, болѣе или менѣе [165] удаляются отъ нихъ, и азбука требуетъ исправленій, которыя часто, безъ совершенной передѣлки ея, бываютъ трудны или даже невозможны. Для большей же части нынѣшнихъ европейскихъ языковъ азбука была заимствована изъ латинскаго и не всегда удачно прилажена къ своеобразнымъ ихъ звукамъ. Вотъ какъ отзывается объ этомъ французскій ученый Вольней: „Азбучныя методы нашей Европы настоящія карикатуры: множество неправильностей, двусмыслій, двоякихъ примѣненій той же буквы оказывается даже въ италіянскомъ и въ испанскомъ алфавитахъ, но особенно въ нѣмецкомъ, въ польскомъ, въ голландскомъ. Что касается французскаго и англійскаго, то въ нихъ совершенная путаница [1]). Какова же была бы и славянская азбука, если бъ она по той же методѣ была составлена изъ латинской?

Въ противоположность приведеннымъ выше рѣзкимъ отзывамъ о нашей азбукѣ не было недостатка и въ похвалахъ Кириллу за проницательность, обнаруженную имъ при изобрѣтеніи славянскихъ письменъ: изъ старинныхъ писателей достаточно припомнить Шлецера съ его восторженнымъ обращеніемъ къ первоучителямъ славянъ [2]), а изъ новыхъ — нашего уважаемаго сочлена О. Н. Бётлинга, который въ своей статьѣ „Beiträge zur russischen Grammatik“ [3]) сознаётся, что нельзя безъ удивленія смотрѣть на алфавитъ, вполнѣ достигающій своей цѣли столь малыми средствами.

Въ самомъ дѣлѣ, если принять въ соображеніе время, когда жилъ Кириллъ, то надо согласиться, что онъ при выполненіи своей задачи сдѣлалъ гораздо болѣе, чѣмъ можно бы было ожидать отъ него. Для приложенія означенныхъ выше требованій [166] къ его азбукѣ мы, къ сожалѣнію, лишены одного необходимаго условія, — точнаго знакомства съ фонетикой древнеславянскаго языка; тѣмъ не менѣе едва ли ошибемся, сказавъ, что кириллица, обличающая большую книжную ученость, придумана была также съ строгимъ вниманіемъ къ звуковымъ явленіямъ языка. Основываясь на коренныхъ особенностяхъ, до сихъ

---

[1]) Volney. Alfabet européen appliqué aux langues asiatiques. Стр. 21.

[2]) „Привѣтствую васъ здѣсь, безсмертные изобрѣтатели славенскія граматы! Вы первые дерзнули грубый языкъ, имѣющій множество ему только свойственныхъ звуковъ, взять, такъ сказать, изъ устъ народа и писать греческими буквами; но въ этомъ дѣлѣ поступили вы, какъ люди, отличнымъ умомъ одаренные“ и проч. (*Несторъ* въ перев. Языкова, Ч. II, стр. 477).

[3]) Переводъ ея напечатанъ въ *Уч. Запискахъ по I и III отдѣленіямъ Ак. Н.* т. I. См. тамъ стр. 60.

поръ живущихъ въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, особенно русскомъ, мы можемъ составить себѣ достаточно ясное понятіе о соотвѣтствіи между кириллицей и древнеславянскою фонетикой. Но такъ какъ въ послѣдней были, конечно, и свои исключительныя свойства, то и въ кириллицѣ могли оказаться знаки, не совсѣмъ для насъ понятные. Послѣ важнаго открытія, сдѣланнаго Востоковымъ относительно ринезма *юсовъ*, не вполнѣ объясненною буквою остается особенно *ѣ*, которую однакожъ и мы приняли въ наслѣдство какъ знаменательный графическій знакъ. Весьма правдоподобно, что первоначально буква *ѣ* всегда принадлежала долгому слогу: недаромъ же она и теперь никогда не выпадаетъ. Темнымъ представляется также вопросъ объ удареніи и о длительности нѣкоторыхъ другихъ гласныхъ въ древнеславянскомъ; высказывалось мнѣніе, будто оу и ꙑ были дифтонгами, но на это нѣтъ положительныхъ доказательствъ. По всей вѣроятности оу выражало то же, что ȣ, какъ равнымъ образомъ и, і, о, ѡ, ѕ, з были двоякіе знаки для одинакихъ звуковъ. Слѣдовательно, правило имѣть для каждаго звука только по одному знаку не было строго выполнено; было ли такъ съ самаго начала, мы не знаемъ, но въ Остромировомъ евангеліи всѣ эти буквы уже встрѣчаются, хотя правда ȣ и і только въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ сократительные знаки вм. оу и и. Между согласными была только одна буква, выражавшая соединеніе двухъ звуковъ, именно *щ*, которая первоначально, какъ думаетъ Востоковъ, служила сокращеніемъ *шт*. Что касается ѯ, ѱ, то онѣ, вмѣстѣ съ ѳ и ѵ, были помѣщены въ концѣ азбуки, какъ назначенныя только для употребленія въ греческихъ и отчасти въ еврейскихъ словахъ.

[167] Особеннаго вниманія въ кириллицѣ заслуживаютъ буквы ъ и ь и диграфы (двойные знаки) ꙑ, ѥ, ю, ꙗ, ѩ.

Благодаря успѣхамъ филологіи никто уже теперь не сомнѣвается, что ъ и ь въ древности не означали только то двоякое произношеніе согласныхъ, которое искони составляло особенность славянскихъ нарѣчій, но служили дѣйствительными буквами (не одними знаками, какъ нынче) для выраженія двухъ гласныхъ звуковъ, твердаго и мягкаго. Эти два гласные звука тѣмъ отличались отъ всѣхъ остальныхъ, что не могли произноситься сами по себѣ, безъ опоры согласныхъ, не могли стоять ни отдѣльно, ни въ началѣ слога или слова. Они слышались только въ замкнутыхъ слогахъ, а можетъ быть и въ концѣ словъ, какъ дополненіе согласныхъ. Поэтому буквы ъ и ь у нѣкоторыхъ филологовъ и называются *глухими*, у другихъ *слабыми*, Востоковымъ же признаны за *полугласныя*. ъ представлялъ ослабленіе *о* или *у*, а *ь* — глухое *е* или *и*, но, собственно говоря, этимологическою основою *ера* былъ *у*, а *еря* — *и*, т. е. два крайніе звука системы гласныхъ, которые поэтому и считаются: первый полнотою *ера*, второй полнотою *еря*.

Въ позднѣйшее время ъ и ь въ серединѣ словъ были замѣнены полными гласными *о* и *е*, и только въ концѣ они сохранились для означенія двухъ различныхъ оттѣнковъ произношенія согласныхъ. Между *и* и *ъ-мъ* есть еще средній по протяженію звукъ, письменнымъ представителемъ котораго служитъ *й*, равняющійся какъ было показано въ 1-й части, германскому jot. Для выраженія этого звука передъ гласною Кириллъ ввелъ греческую *іоту* (ι); понятно, что ему не могло притти на мысль составить съ такой цѣлью особое начертаніе, такъ какъ греки не знали самаго звука jot и произносили ι передъ гласной какъ отдѣльный слогъ, напр., въ словѣ ἰατρός (врачъ); у римлянъ, напротивъ, звукъ былъ, но не изображался на письмѣ: *j* вмѣсто *i* стало употребляться въ латинскихъ книгахъ не ранѣе 16-го столѣтія [1]. [168] Послѣ гласной, для составленія дифтонга, въ древнеславянскомъ писалось *и* безъ всякаго отличительнаго знака.

Особенно хвалятъ Кирилла за ловкое средство, которое онъ придумалъ для означенія мягкости согласныхъ передъ твердыми гласными: вмѣсто того, чтобы употребить какой-нибудь знакъ для отличія самой согласной (какъ поступили поляки), онъ воспользовался для этого двугласными ꙗ, ю и проч. Онъ принялъ за правило писать, напр., бꙗ, лѥ, рю (вм. бьа, льэ, рьу) — и весьма основательно, такъ какъ мягкая гласная, слѣдующая за согласной, дѣлаетъ ее также мягкою; нельзя не признать остроумнымъ примѣненія однихъ и тѣхъ же диграфовъ къ двоякой потребности — означать отонченіе то послѣдующей гласной, то предыдущей согласной.

Гораздо менѣе пониманія дѣла обнаружили составители или составитель *гражданской* азбуки при обращеніи этихъ диграфовъ въ простые знаки: *я*, *е*, *ю*; правда, что послѣдняя изъ этихъ трехъ буквъ удержала прежнюю церковно-славянскую форму; но такъ какъ покинута общая система изображенія приведенныхъ звуковыхъ группъ, то и начальная черта буквы *ю* совершенно потеряла свое значеніе. Такая ничего не говорящая форма буквъ, служащихъ для изображенія звуковыхъ комплексовъ, неизбѣжно затемняетъ правильное пониманіе фонетики. Это относится особенно къ буквѣ *е* (= ѥ, йэ), которой очертаніе многимъ до сихъ поръ мѣшаетъ видѣть, что она въ началѣ слога никакъ не можетъ замѣнять *э* и что послѣдняя такъ же необходима для выраженія соотвѣтственнаго ей звука: безъ нея мы имѣли бы еще одну букву (т. е. *е*) съ двоякимъ значеніемъ.

---

[1]) Изъ германскихъ языковъ только въ готскомъ былъ особый знакъ для звука *йотъ* (G). Въ новонѣмецкій и новоскандинавскіе языки буква j перешла съ употребленіемъ латинскаго письма. Ее заимствовали и тѣ славянскіе народы, которые пишутъ латинскими буквами. Караджичъ включилъ ее и въ свой русско-сербскій алфавитъ. По этому поводу Я. Гриммъ говоритъ: „Das j scheint sogar rathsam in das Altslavische aufzunehmen“. (*Kleine Serbische Gramm.* Leipzig, 1824. Стр. XXII).

Начало русской гражданской азбуки и оцѣнка ея.

[169] Составленіе гражданской азбуки при Петрѣ Великомъ было дѣломъ чрезвычайно знаменательнымъ для послѣдующихъ судебъ нашей литературы. Это былъ первый шагъ къ созданію народно-русскаго письменнаго языка. Вопросъ о взаимномъ отношеніи обоихъ издавна существовавшихъ въ Россіи, другъ возлѣ друга, языковъ еще далеко не исчерпанъ, но онъ сюда не относится. Примѣры преобразованія азбуки бывали и въ другихъ странахъ. Греческіе языковѣды въ 5-мъ столѣтіи до Р. Х. установили іоническій алфавитъ, въ которомъ устранены *коппа* и *сампи*; рядомъ съ *хи* и *фи* введены *кси* и *пси*, и для отличія долгаго и краткаго *е* приняты двѣ буквы (ε и η). Арабскіе грамматисты и іудейскіе масореты 9-го и 10-го вѣковъ также исправили и установили свое письмо. Армяне писали нѣкогда греческими буквами, а впослѣдствіи составили себѣ особую азбуку съ новыми знаками и въ новомъ порядкѣ. Древніе скандинавы употребляли сперва руническое письмо, но потомъ оставили его и вмѣстѣ съ христіанствомъ приняли болѣе удобныя латинскія буквы въ той формѣ, какую ввели монахи въ средніе вѣка и которая иногда называется готическою [1]). Всѣмъ извѣстно, какъ примѣнилъ Караджичъ дополненную имъ русскую азбуку къ сербскому языку.

Подобныя перемѣны дѣлались не только въ раннемъ возрастѣ образованія народовъ, но и тогда, когда они обладали уже литературой. Англичане и голландцы долгое время послѣ изобрѣтенія книгопечатанія употребляли ломаныя готическія буквы, но позднѣе замѣнили ихъ простѣйшими латинскими начертаніями. Почти то же произошло и въ Россіи; но нигдѣ преобразованіе этого рода не имѣло такого глубокаго значенія и такихъ важныхъ, далекихъ послѣдствій, какъ измѣненіе письма, совершившееся у насъ по указанію Петра Великаго. Хотя гражданская печать и введена была имъ въ нашу литературу разомъ, но самое [170] составленіе русской свѣтской азбуки произошло повидимому не вдругъ, а постепенно. Объ этомъ сохранилось, къ сожалѣнію, очень мало извѣстій. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ высказана была догадка, что въ ооразованіи гражданской печати важное участіе принималъ справщикъ московской духовной типографіи Поликарповъ; но ученая критика не подтвердила этого предположенія и напротивъ замѣтила, что первые начатки гражданской азбуки появляются ранѣе того времени, къ которому обыкновенно относятъ ея происхожденіе: именно указано было на напечатанное въ 1699 году амстердамское изданіе Ильи Копьевича *Поверстаніе круговъ небесныхъ*,

---

[1]) Hazelius. Rättstafningens grunder. Stockholm, 1870. Стр. 17.

гдѣ особенно курсивъ представляетъ поразительное сходство съ нынѣшними буквами [1]). И въ другихъ голландскихъ изданіяхъ уже замѣтна отчасти та круглота и чистота шрифта, которая позднѣе, въ московскихъ книгахъ новой печати, такъ нравилась Тредьяковскому. Вниманія заслуживаетъ, напр., напечатанная въ 1700 году книжка *Краткое собраніе Лва Миротворца показующее дѣлъ воинскихъ обученіе*. Здѣсь заглавіе набрано отчасти капителью, отчасти курсивомъ, въ которомъ многія буквы мало отличаются отъ нынѣшнихъ, а на послѣдней страницѣ книги слово *Конецъ* напечатано крупнымъ шрифтомъ, въ которомъ всѣ буквы, кромѣ латинскаго *N*, совершенно сходны съ введенною впослѣдствіи гражданскою азбукою. Такіе образчики новаго для глазъ шрифта безъ сомнѣнія поражали Петра Великаго и подали ему первую мысль преобразованія церковной печати для свѣтскихъ изданій. Однимъ изъ главныхъ участниковъ въ этомъ дѣлѣ слѣдуетъ считать Копьевича, который въ 1700 году завелъ въ Амстердамѣ свою собственную типографію, „самъ единъ труждаяся и въ строеніи книгъ, и въ друкарнѣ, обучая мастеровъ въ сицевомъ дѣлѣ". По его же указаніямъ могъ быть подготовленъ и новый шрифтъ [171] въ Голландіи [2]). Тредьяковскій говоритъ, что Петръ, видя красивую печать европейскихъ книгъ, пожелалъ имѣть такую же и въ русскихъ изданіяхъ. Поэтому онъ кому-то поручилъ составить образецъ гражданской азбуки и отправить ее въ Амстердамъ для вылитія тамъ новаго шрифта, который въ 1708 году и былъ привезенъ въ Москву. Здѣсь она была нѣсколько измѣнена самимъ царемъ [3]).

Съ 1708 г. этимъ шрифтомъ стали печататься книги въ Россіи. Показанія Тредьяковскаго о постепенныхъ измѣненіяхъ въ гражданской азбукѣ оказываются не совсѣмъ точными. Такъ онъ несправедливо утверждаетъ, будто новый *друкъ*, въ которомъ не было *и*, *з*, *г*, оставался безъ всякихъ перемѣнъ до 1716 года. Измѣненія начались уже въ 1710-мъ, но здѣсь безполезно было бы входить въ подробности ихъ [4]). Замѣтимъ только, что, по словамъ Тредьяковскаго, въ

---

[1]) *Наше Время* 1860, № 10, стр. 159: „Историческая дѣятельность московской синодальной типографіи" (покойнаго Викторова) по поводу статьи П. А. Безсонова „Типографская библіотека въ Москвѣ" (*Р. Бесѣда* 1859, V).

[2]) Пекарскаго *Наука и Лит. при Петрѣ В.*, т. I, стр. 16, 18. Копьевичъ возвратился въ Россію около 1707 года; вмѣстѣ съ Тредьяковскимъ можно полагать, что отличіе новаго шрифта произошло по меньшей мѣрѣ за годъ до привоза его въ Москву; самое же образованіе буквъ и изготовленіе матрицъ должно быть отнесено еще къ болѣе раннему времени. По преданію, сообщенному Евгеніемъ Болховитиновымъ, гражданская азбука изобрѣтена самимъ Петромъ Великимъ около 1704 года (*Словарь дух. писат.* II, 277).

[3]) Пекарскаго *Наука и Литература при Петрѣ В.*, т. II, стр. 644.

[4]) Въ первопечатныхъ книгахъ 1708 года мы дѣйствительно находимъ только ı (палочку безъ точки) и Ѕ (зѣло), но уже въ 1710 появляются:

Ї (съ двоеточіемъ), начертаніе, которое оставалось въ нашей печати чуть ли не до начала нынѣшняго столѣтія;

1733 году былъ вылитъ новый шрифтъ (нѣсколько продолговатѣе прежняго) для напечатанія при Академіи Наукъ перевода „Меморій или Записокъ“ Сенъ-Реми объ артиллеріи. Тредьяковскій же говоритъ, что въ 1735 году [172] изгнана буква s (зѣло), а возстановлена *з* (земля), которая съ тѣхъ поръ и удержалась; отмѣнены *ѵ* (ижица) и Ξ (кси); прибавлены *й* и *э* (послѣдняя, впрочемъ, встрѣчается уже и ранѣе [1]); наконецъ тогда же опредѣлено: слова́, имѣющія двоякое значеніе, отмѣчать знакомъ ударенія. Благодаря разысканіямъ Пекарскаго, мы знаемъ теперь, что эти нововведенія сдѣланы были по распоряженію Академіи Наукъ, типографія которой въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій была единственною въ Россіи для печатанія книгъ гражданскимъ шрифтомъ. Новая азбука была окончательно установлена учрежденнымъ при Академіи „Россійскимъ собраніемъ“ и сообщена въ руководство типографіи двумя записками Тауберта и Шумахера [2]). Въ этой азбукѣ являлись, между прочимъ, три знака (*и*, *і*, *ѵ*) для звука *і* (не считая *й*, какъ отличающагося особымъ произношеніемъ и потому не лишняго). Изъ нихъ *і* долго писалось не только передъ гласными, но и для означенія этого звука въ иностранныхъ словахъ. Различное употребленіе *иже* и втораго *і*, смотря по тому, слѣдуетъ ли за ними гласная или согласная, установилось, какъ увѣряетъ Тредьяковскій, съ 1738 года [3]). По свидѣтельству Ломоносова, *і* осталось въ употребленіи только для того, „чтобы частое стеченіе подобныхъ буквъ непріятнымъ видомъ взору не казалось противно и въ чтеніи запинаться не принуждало“ [4]). Сверхъ

и въ трехъ случаяхъ: 1) въ сочетаніи двухъ **і** (**Іи**); 2) въ началѣ русскихъ словъ, и 3) въ концѣ словъ. Такъ въ заглавіи одной книжки 1710 г. мы читаемъ: „Інструкціи и артїкулы военные надлежащіе къ россїискому флоту“.

з (*земля*) во всѣхъ случаяхъ, вмѣсто отмѣненнаго **S** (*зѣло*).

д для означенія звука *д*.

Въ *Географіи*, напечатанной также въ 1710 году, **S** очень рѣдко появляется вмѣсто **з**; а **і** только передъ гласною и для означенія соединительнаго союза; во всѣхъ же другихъ случаяхъ, и даже въ иностранныхъ словахъ, стоитъ **и**, недостаетъ только **й**. Тутъ же встрѣчаемъ уже и **э**.

[1]) См. предыдущее примѣч. *Ижица* вскорѣ опять была принята въ азбуку.

[2]) *Исторія Акад. Наукъ* I, 639.

[3]) *Разговоръ между чужестраннымъ человѣкомъ и россійскимъ объ ортографіи старинной и новой.* (Смирд. изд. соч. Тредьяковскаго, т. III, стр. 245).

[4]) *Росс. Грам.* § 85. Объ употребленіи **і** въ древнихъ рукописяхъ Срезневскій замѣчаетъ: „**і** замѣняло въ древности **и** только случайно или по недостатку мѣста; но потомъ стали употреблять его и нарочно и между прочимъ съ двумя черточками ('ı'), означавшими **и** надписанное, и превратившимися еще позже въ точки (ї); иные писцы пытались писать это ї послѣдовательно передъ гласными“.... Въ печатномъ *Апостолѣ* 1564 г. обѣ буквы уже употребляются по нынѣшнему (*О Русск. правописаніи. Письмо 1-е. Журн. Мин. Нар. Просв.* 1867). Востоковъ же говоритъ: „Употребленіе **і** передъ **и** и другими гласными; *сіи*, *Іюдея* и пр. началось у русскихъ, можетъ быть, не ранѣе 15-го вѣка и заимствовано, какъ кажется, отъ сер-

[173] того введена буква іо̂ для звука, который позднѣе стали изображать посредствомъ *ё* [1]).

Съ тѣхъ поръ составъ нашего алфавита уже не измѣнялся (за исключеніемъ развѣ того, что *ѵ*, ижица, почти совершенно вышла изъ употребленія). Попытки нѣкоторыхъ писателей усовершенствовать эту азбуку прибавленіемъ недостающихъ буквъ или исключеніемъ лишнихъ, остались безуспѣшны. Одно только нововведеніе было нѣсколько счастливѣе, именно двоеточіе надъ *е*, введенное Карамзинымъ для означенія извѣстнаго произношенія этой буквы, да и имъ пользуются довольно рѣдко.

При введеніи у насъ гражданскаго письма сдѣлана была та важная ошибка, что обращено вниманіе только на форму буквъ, звуковыя же особенности языка, къ которому ихъ примѣняли, упущены вовсе изъ виду. Не такъ поступилъ Кириллъ: заимствовавъ греческія буквы для сходныхъ звуковъ славянскаго языка, онъ чутко разобралъ тѣ звуки послѣдняго, которые были исключительно ему свойственны, и составилъ для нихъ новые знаки на основаніи придуманной имъ весьма вѣрной и остроумной системы. Преобразованіе церковной азбуки для *гражданскаго* письма ограничилось почти единственно упрощеніемъ и округленіемъ начертаній — сближеніемъ ихъ съ латинскими буквами, такъ что азбука сдѣлалась пріятнѣе для глазъ и удобнѣе для скорописи. Изъ лишнихъ буквъ церковной нѣкоторыя, какъ извѣстно, были исключены, но другія удержаны, напр., всѣ три знака для звука *і* (*и*, *і*, *ѵ*), два для звука *е* (*е*, *ѣ*), два для звука *ф* (*ф*, *ѳ*). Сначала было два же знака для *з* (з и ѕ). Съ теченіемъ [174] времени число лишнихъ знаковъ было еще уменьшено, но *і*, *ѣ* и *ѳ*, рядомъ съ *и*, *е* и *ф*, до сихъ поръ остаются.

Съ другой стороны, въ церковномъ алфавитѣ недоставало нѣсколькихъ знаковъ для звуковъ, которыми русскій языкъ отличается отъ славянскаго. Этого составитель гражданской азбуки не принялъ въ соображеніе и не подумалъ о пополненіи ея. Еще Я. Гриммъ замѣтилъ, что „при большемъ пониманіи сущности алфавита, Петръ

бовъ. Первоначально эта 10-я буква греческаго алфавита служила только для означенія 10-ти, почему и была названа десятеричною"; и т. д. (Востоковъ, *Граммат. црк. слав.*, стр. 3).

[1]) Въ архивѣ Академіи Наукъ хранится записка Адодурова (связка 76, лит. G) объ употребленіи ъ и ь, подписанная 11-го марта 1737 г.; въ этой запискѣ къ русской азбукѣ прибавлено въ самомъ концѣ буква іо̂; тутъ же исчислены „выкинутыя" буквы, и между ними *ѳ* и *ѵ*, и замѣчено, что всѣ эти буквы „съ довольнымъ основаніемъ выкинуты и нигдѣ, ни въ письмѣ, ни въ печати уже не употребляются". Форма іо̂, хотя въ сущности совершенно правильная, была тѣмъ неудобна, что возстановляла ту самую систему означенія двугласныхъ, отъ которой отступлено было для передачи двухъ остальныхъ звуковъ этого рода (*я*, *е*); кромѣ того іо̂ слишкомъ было похоже на ю.

конечно пошелъ бы нѣсколько далѣе“ [1]). Впослѣдствіи практика указала на необходимость ввести въ письмо буквы *э* и *ё*; вторая, однакожъ, и понынѣ не включена въ азбуку, равно какъ и *й*, буква, которая, представляя особый звукъ, непремѣнно должна бы занимать и въ ней особое мѣсто. Но для нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка до сихъ поръ нѣтъ въ точности соотвѣтствующихъ знаковъ. Таковы:

1) Между *гласными*: а) всѣ неопредѣленные или промежуточные гласные звуки, какъ-то: между *а* и *о*, между *я* и *е*, между *и* и *е*, между $\frac{a}{o}$ и *у*, между $\frac{a}{o}$ и *ы* (см. выше стр. 497—501); б) двоякій, т. е. широкій и узкій звукъ *э*, такіе же двоякіе *е* и *ѣ* (см. выше стр. 496, 497). Изъ этого одного видно, что тѣ, которые мечтаютъ о введеніи у насъ чисто-фонетическаго письма, не знаютъ, чего хотятъ: для такого письма мы не имѣемъ первѣйшаго и существеннѣйшаго условія, т. е. строго-фонетической азбуки, которая совершенно покрывала бы собою дѣйствительный или слышимый звуковой алфавитъ.

2) Между *двугласными*: звукъ **йи** (напр. въ словахъ: имъ, ихъ, ручьи, Ильинъ), для начертанія котораго нѣтъ иного средства, кромѣ употребленія простой гласной *и* [2]).

[175] 3) Между *согласными*: звукъ *ї* (благо). Кирилловскій *глаголь* только и выражалъ этотъ звукъ, какъ усвоенный древне-славянскому, который не зналъ *гаммы* [3]); но такъ какъ въ русскомъ господствуетъ послѣдній, то у насъ буква эта получила по преимуществу значеніе *гаммы*, а за *глаголь* употребляется она только въ видѣ исключенія или въ иностранныхъ словахъ, вмѣсто латинскаго *h*. Въ этомъ случаѣ мы видимъ примѣръ воздѣйствія правописанія на выговоръ: ибо вслѣдствіе такой орѳографіи русскіе произносятъ: *Гамбургъ*, *Гомеръ*, *Горацій*, *го-*

---

[1]) Wuk's Stepanowitsch *Kleine Serbische Grammatik*. Стр. XXIII.

[2]) Относительно буквы *и* Караджичъ, а за нимъ и Я. Гриммъ упрекаютъ составителя кириллицы въ томъ, что̀ онъ этой гласной не облекъ знакомъ ı, чтобы означать умягченіе согласной, къ которой она прилагается. Авторъ сербской грамматики и его переводчикъ (см. Kleine Serb. Gramm., стр. 19) полагаютъ, что, если писать *книга, учители*, не означая смягченія стоящей предъ *и* согласной (какъ по се́рб. књига, учитељи), то можно на такомъ же основаніи писать: землу, богину, кона и проч. вм. *землю, богиню, коня*. Но при этомъ оба знаменитые филолога упустили изъ виду, что твердая гласная сама по себѣ не отончаетъ предшествующей согласной, тогда какъ дѣйствіе это именно производитъ *и*, и для произношенія стоящей передъ нимъ согласной все равно, будетъ ли къ ней приставлено ꙇи или **и**: звукъ *і* и *и* — одинъ и тотъ же. Кириллъ, можетъ быть, не находилъ нужнымъ утроять знака ї (ııı), потому что въ случаѣ надобности букву *и* и такъ можно представлять себѣ состоящею изъ двухъ *і*. Былъ ли въ древне-славянскомъ дифтонгъ **йи** (какъ въ русскомъ), произносилось ли, напр., мо — и, или мо — йи, мы не знаемъ, а потому не можемъ обвинять Кирилла и за то, что не встрѣчаемъ у него сочетанія ꙇи.

[3]) По крайней мѣрѣ, установившійся у насъ на Руси, можетъ быть, подъ вліяніемъ малороссійскаго, отличающагося этою особенностью.

спиталь, гусаръ, Голландія, гармонія, вовсе не думая, что эти имена должны начинаться собственно не *гаммою*, а развѣ *глаголемъ*, въ замѣнъ *h* [1]).

Вотъ, слѣдовательно, существенныя или внутреннія несовершенства нашей азбуки:

1) Нѣсколько лишнихъ знаковъ для однихъ и тѣхъ же звуковъ; 2) недостатокъ нѣсколькихъ буквъ для существующихъ въ языкѣ звуковъ, и 3) простые знаки для составныхъ звуковъ (*я, е, ю,* и *щ*).

Въ отношеніи къ наружной формѣ буквъ, менѣе другихъ удобными представляются двѣ съ надстрочными знаками, именно *й* и *ё*. Звукъ первой легче было бы изображать посредствомъ латинскаго *j*, какъ и сдѣлалъ Караджичъ, а вторая годна только для чисто-русскихъ словъ, въ которыхъ она хорошо выражаетъ [176] тотъ звукъ позднѣйшаго образованія, который при извѣстныхъ условіяхъ рождается изъ *е*. Въ словахъ же иностраннаго происхожденія крайне неловко этою буквою выражать звукъ **йо**; не много нужно соображенія, чтобъ понять, какъ странно было бы писать: *Ёркъ, батальёнъ*, и потому въ такихъ случаяхъ трудно избѣжать употребленія нашего *йота*, т. е. *й*, съ помощію котораго многіе и пишутъ: *Йоркъ, майоръ, батальйонъ* и т. п. Впрочемъ, согласно съ Востоковымъ, едва ли не лучше въ подобныхъ словахъ передавать нашему *і* роль *йота* и писать: *Іоркъ, маіоръ, баталіонъ* (См. его *Русс. Грамм.*, § 160).

То обстоятельство, что для нашего письма служитъ азбука, изобрѣтенная для другой, хотя и близкой, однакожъ, во многихъ отношеніяхъ своеобразной фонетики, было причиною, что наше правописаніе приняло преобладающій *историческій* или *этимологическій* характеръ. Пока не измѣнится азбука, и правописаніе по необходимости должно сохранять этотъ характеръ. Есть ли однакожъ настоятельная потребность въ пополненіи или сокращеніи нашей азбуки? Этотъ вопросъ стоитъ серіознаго разсмотрѣнія.

Изображеніе неопредѣленныхъ гласныхъ особыми начертаніями имѣло бы то неудобство, что затемняло бы и словопроизводство и грамматическія отличія; рѣдко встрѣчающійся двугласный **йи** также можетъ обойтись безъ отдѣльнаго знака. Изъ согласныхъ звуковъ только одинъ, собственно говоря, не имѣетъ соотвѣтственной буквы: это тотъ звукъ *г*, который слышится въ словѣ *благо* и др. Всякій разъ, когда рѣчь заходила о недостаткахъ русской азбуки, онъ обращалъ на себя всего болѣе вниманія и вызывалъ попытки пополненія ея. Это проис-

---

[1]) О преобладаніи того или другого изъ двухъ звуковъ *г* у разныхъ славянскихъ народовъ и сравнительной ихъ древности см. *Мысли* И. И. Срезневскаго, стр. 117. Мы уже замѣтили выше, что Смотрицкій занесъ въ азбуку оба звука, отличивъ гамму прописнымъ греческимъ начертаніемъ той же буквы *г*.

ходило главнымъ образомъ отъ чувствуемой всѣми несообразности русской транскрипціи иностранныхъ словъ съ буквою *h* при помощи нашего *г*, которое, по своему господствующему произношенію, отвѣчаетъ совсѣмъ другой латинской буквѣ (*g*). Но эта транскрипція уже такъ утвердилась, что, какъ замѣчено выше, она отразилась на самомъ произношеніи многихъ словъ и собственныхъ именъ; [177] слѣдовательно теперь дѣло уже едва ли поправимо [1]). Притомъ тутъ является другой, болѣе общій вопросъ, вопросъ о принципѣ: слѣдуетъ ли имѣть въ азбукѣ буквы для выраженія иноязычныхъ звуковъ? Вопросъ этотъ рѣшенъ еще Ломоносовымъ: „Ежели для иностранныхъ выговоровъ“, замѣчаетъ онъ, „вымышлять новыя буквы, то будетъ наша азбука съ китайскую, и таково же смѣшно по правдѣ покажется, естьли бы для подлиннаго выговору нашихъ реченій, въ которыхъ стоитъ буква *ѣ*, оную въ какой нибудь чужестранный языкъ приняли, или бы вмѣсто ея новую вымыслили" [2]). Что касается собственно русскихъ словъ, гдѣ звукъ *г* произносится близко къ латинскому *h* (почему онъ у славянъ, пишущихъ латинскимъ шрифтомъ, и передается этою буквою), то конечно желательно было бы имѣть знакъ для отличія такого *г*, но здѣсь недостатокъ буквы менѣе чувствуется отъ того, что немногія слова, въ которыхъ этотъ звукъ встрѣчается, далеко не всѣми русскими одинаково произносятся: такъ въ рязанскомъ и нѣкоторыхъ другихъ говорахъ *г* въ словахъ *благо*, *Господь*, *богатство*, слышится такъ же твердо, какъ въ словахъ *городъ*, *говоритъ* и проч. Изъ примѣровъ, приводимыхъ въ *Грамматикѣ* Ломоносова видно, что число словъ, гдѣ *г* нѣкогда произносилось какъ *глаголь*, со времени его значительно уменьшилось, ибо онъ къ нимъ между прочимъ относитъ: *государь*, [178] *государство*, *господинъ*, *разглашаю*, въ которыхъ теперь слышится чистая *гамма*. Правда, и у Павскаго (*Фил. Набл.* I, § 126) много примѣровъ, гдѣ мы не можемъ согласно съ нимъ признать присутствія

---

[1]) Въ предисловіи къ книгѣ *Иранъ К. Риттера* (ч. I, Спб. 1874) переводчикъ, покойный Н. В. Ханыковъ, жалуясь на упомянутую транскрипцію, заявляетъ, что самъ онъ въ такихъ случаяхъ рѣшился употреблять *х* вмѣсто *г*, хотя и не надѣется найти подражателей. Жаль только, что при этомъ онъ не подумалъ о неудобствѣ передѣлывать такимъ образомъ давно утвердившіяся уже въ языкѣ общеизвѣстныя названія, напр. писать *Холландія*, *Хамбургъ* и т. п. Конечно, Ханыковъ говоритъ только о географическихъ именахъ, но тотъ, кто принялъ бы эту новую транскрипцію, долженъ бы также писать и говорить: *Хомеръ*, *Хорацій*, ибо греч. густое дыханіе то же, что лат. и нѣм. 𝔥. Ломоносовъ въ своей грамматикѣ (§ 99) говоритъ, что букву *г* „въ иностранныхъ реченіяхъ, которыя въ Россійскомъ языкѣ весьма употребительны, выговаривать пристойно какъ 𝔥, гдѣ 𝔥; какъ 𝔤, гдѣ 𝔤 у иностранныхъ; однако, въ томъ нѣтъ дальней нужды“. Другое неудобство предложенія Ханыкова то, что пришлось бы означать одинаково греч. густое дыханіе и букву χ, такъ что, напр., исчезла бы разница между 𝔥orograp𝔥ia и c𝔥orograp𝔥ia.

[2]) *Росс. Грамм.* § 85.

глаголя; но надобно помнить, что онъ принадлежалъ къ духовному званію, лица котораго въ этомъ отношеніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, держатся особеннаго выговора.

Затѣмъ, нельзя ли чего-нибудь выкинуть изъ нашей азбуки?

По правилу, сейчасъ приведенному со словъ Ломоносова и соблюдаемому во всѣхъ языкахъ, въ азбуку не должны быть вводимы буквы для чужихъ звуковъ. По близкому отношенію первоначальной славянской письменности къ духовной византійской правило это въ кириллицѣ было нарушено, и къ ней (по мнѣнію Павскаго, уже послѣ Кирилла) прибавлены четыре буквы, нужныя только для греческихъ именъ, „которыя переносились въ богослужебныя книги безъ перемѣны“ [1]): ѯ, ѱ, ѳ и ѵ.

При составленіи гражданской азбуки, онѣ были перенесены и въ нее, но первыя двѣ продержались не долго; *ижица* (замѣтимъ это куріозное названіе, составленное изъ *иже* и придуманное вм. *ѵпсилонъ*) употреблялась сначала для выраженія двухъ звуковъ *и* и *в* (*сѵмволъ*, *еѵангеліе*); потомъ она являлась только въ первомъ значеніи, и наконецъ стала совершенно исчезать; нынче она употребляется, и то не всѣми, въ трехъ словахъ церковнаго языка, именно: *мѵро*, *сѵнодъ* и *сѵмволъ*. Но стóитъ ли имѣть особую букву для трехъ словъ? Не лучше ли совсѣмъ разстаться съ *ижицей* и исключить ее изъ азбуки? Остается вопросъ о *ѳитѣ*. Замѣтимъ, что хотя Ломоносовъ и отказывалъ ей мѣсто въ русской азбукѣ, однакожъ самъ онъ употреблялъ ее на письмѣ и тѣмъ признавалъ въ ней надобность. Но для чего же она нужна? Конечно, не для означенія звука, потому что мы произносимъ ее точь въ точь какъ *ф*. Кромѣ этого, противъ нея много доводовъ, которые были развиты мною подробно въ предыдущемъ изданіи *Филологическихъ Разысканій*, но всѣ эти доводы опровергаются [179] однимъ важнымъ соображеніемъ, которое мною же было высказано въ другомъ мѣстѣ, именно тѣмъ, что по причинѣ отличія нашей азбуки отъ общеевропейской, мы должны особенно заботиться о томъ, чтобы въ заимствованныхъ именахъ по возможности передавать ихъ подлинную форму. Мы напр. пишемъ *Кронштадтъ*, чтобы отличить въ этомъ имени слово *Stadt* отъ *Staat*, передаваемаго по-русски начертаніемъ *штатъ*; мы сѣтуемъ, что у насъ недостаетъ буквы для изображенія западно-европейскаго *h*. Поэтому, имѣя букву для отличія греко-латинскаго *th* отъ *ph* и *f*, мы не должны пренебрегать ею. Обѣ буквы, отвѣчающія звуку *ф*, нужны намъ собственно только для иностранныхъ словъ: на какомъ же основаніи мы одну изъ нихъ предпочтемъ другой? Наконецъ, согласно съ историческимъ началомъ нашей орѳографіи, важнымъ доводомъ въ пользу сохраненія *ѳиты* служитъ давность и при-

---

[1]) Павскій I, § 21.

вычка ея употребленія. Попытка употреблять только *ф* нашла очень немногихъ послѣдователей. Да, признаться, и совѣстно писать напр.: *Фивы, Фракія, Афины, Фемистоклъ, Феофанъ.*

Главную трудность въ правилѣ объ употребленіи *ѳиты* (или *ѳе*, чтобы называть эту букву на общемъ съ другими буквами основаніи) составляетъ то, что нельзя отъ всякаго пишущаго по-русски требовать такого знанія иностранныхъ языковъ, которое во всѣхъ случаяхъ исключало бы смѣшеніе буквъ *ф* и *ѳ*. Дѣйствительно, мы не только у людей съ обыкновеннымъ образованіемъ, но даже у литераторовъ и ученыхъ нерѣдко встрѣчаемъ это смѣшеніе. Пушкинъ напр. писалъ „Ѳебъ": это же начертаніе находимъ два раза на 25-й стр. „Исторіи русской словесности" проф. Порфирьева (2-е изд.); въ книгѣ Погодина „Карамзинъ" (II, 138) — читаемъ „кориѳей"; у Тургенева (III, 270), „Агафья"; имя *Марѳа* онъ же пишетъ то такъ, то „Марфа"; однажды покойный Срезневскій при мнѣ написалъ „Р у ѳ ь и Э с ф и р ь", что̀ конечно, подало мнѣ поводъ подтрунить надъ товарищемъ; въ современныхъ журналахъ, правда не лучшихъ, мнѣ не разъ попадались такія начертанія: „Никиѳоръ, сѳера, [180] исторіограѳъ" и даже „Орѳей изъ Фракіи" (!!). Единственнымъ средствомъ для избѣжанія подобныхъ вопіющихъ ошибокъ, при сохраненіи *ѳиты*, было бы имѣть подъ рукой для справокъ орѳографическіе указатели, которые въ алфавитномъ порядкѣ содержали бы между прочимъ и собственныя имена, какъ личныя, такъ и географическія. Впрочемъ, такъ какъ тутъ дѣло идетъ только о точности начертанія словъ *иностраннаго* происхожденія, то почему бы не разрѣшить и письма безъ *ѳиты* людямъ, не имѣющимъ притязанія на соблюденіе ученой орѳографіи: пусть *ѳита* останется принадлежностью одного вполнѣ строгаго правописанія. Павскій, отъ котораго, по его званію, можно бы ожидать пристрастія къ этой буквѣ, говорилъ: „Теперь употребленіе *ѳ* со дня на день сокращается. Кто не знаетъ греческаго языка, тотъ легко можетъ ошибиться и вмѣсто *ѳ* написать *ф*. Ошибка простительная! Не всѣ же обязаны знать греческій языкъ" [1]).

Хотя *ѣ* изображаетъ также звукъ, для котораго есть другое простѣйшее начертаніе (*е*), но буква *ѣ* совсѣмъ въ другомъ положеніи чѣмъ *ѳ*: съ первою связанъ вопросъ объ исконномъ составѣ словъ родного языка. Звукъ, первоначально соотвѣтствовавшій буквѣ *ѣ*, нѣкогда принадлежалъ славянскому языку, и знаніе тѣхъ корней, гдѣ онъ слышался, не лишено значенія для науки русскаго слова. Эта буква въ нашихъ словахъ имѣетъ двоякое *знаменательное* назначеніе: 1) словопроизводное или корнесловное, для отличія извѣстныхъ корней, напр. *вѣдать, бѣлый*; 2) грамматическое или флексивное, для озна-

---

[1]) *Филол. Набл.* I, § 41.

ченія нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ, напр. *женѣ*, *всѣми*, *добрѣе*, *имѣть*. Въ послѣднемъ случаѣ употребленіе буквы *ѣ* опредѣляется весьма положительными правилами: въ первомъ оно, къ сожалѣнію, не вездѣ опирается на твердыя научныя основанія. Еще болѣе надобно жалѣть, что въ нѣкоторыхъ заимствованныхъ словахъ, и особенно въ именахъ собственныхъ, *ѣ* пишется безъ надобности, только по условному соглашенію, напр. *Сергѣй*, *Апрѣль*.

[181] Наконецъ, двоякое изображеніе звука *і*, столь часто встрѣчающагося въ русскомъ языкѣ, имѣетъ практическое значеніе для красоты и удобства письма, такъ какъ безпрестанное повтореніе точки надъ строкою вредило бы и въ томъ и въ другомъ отношеніи. Притомъ употребленіе нашихъ *и* и *і* опредѣляется такимъ простымъ и постояннымъ правиломъ, что различеніе ихъ не представляетъ ни малѣйшаго затрудненія, и не зачѣмъ заботиться объ изгнаніи одного изъ нихъ.

Что касается *ера* и *еря*, то хотя они и потеряли значеніе *буквъ* (представителей особыхъ членораздѣльныхъ звуковъ), но служатъ и теперь весьма полезными *знаками* для отличенія двоякаго выговора согласныхъ и для раздѣленія слоговъ.

Мы разсмотрѣли русскую азбуку въ отношеніи къ ея составу, и знаемъ теперь, какія буквы въ ней излишни, и какихъ ей недостаетъ. Мы видѣли, что, по необходимости мирясь съ историческимъ ея характеромъ, надобно сознаться, что она не страдаетъ ни особеннымъ избыткомъ, ни скудостью начертаній. Многочисленность ея буквъ сравнительно съ западно-европейскими азбуками происходитъ не столько отъ двоякаго изображенія нѣкоторыхъ звуковъ (ибо и наоборотъ есть въ языкѣ звуки, въ ней не выраженные), сколько отъ того, что она, сверхъ элементарныхъ звуковъ, представляетъ звуковыя *сочетанія*, къ сожалѣнію невѣрно выраженныя *простыми* же знаками, именно дифтонги и сложную согласную *щ*. Въ этомъ она противоположна другимъ европейскимъ азбукамъ, которыя для нѣкоторыхъ простыхъ звуковъ не имѣютъ отдѣльныхъ буквъ и означаютъ эти звуки соединеніемъ нѣсколькихъ буквъ (напр. у нѣмцевъ *ch*, *sz*, *sch*): при такомъ условіи западно-европейскіе языки, имѣя и безъ того менѣе звуковъ, конечно могли извернуться и меньшимъ количествомъ буквъ, но это — только кажущееся преимущество.

Что касается неправильнаго расположенія русской азбуки, то въ интересахъ толковаго ученія грамотѣ нельзя не желать, хотя и безъ большой надежды на исполненіе такого желанія, чтобы [182] когда-нибудь буквы наши размѣщены были въ болѣе осмысленномъ порядкѣ. Но уже и теперь, допуская на практикѣ исконную послѣдовательность, въ которой наша азбука затверживается на всю жизнь и въ какой располагаются словари, наука имѣетъ и право и обязанность измѣ-

нять это расположеніе для своихъ цѣлей, по своимъ законамъ и соображеніямъ. На такомъ основаніи предлагаю, для теоретическаго изученія, слѣдующій по возможности симметрическій распорядокъ нашей азбуки, при чемъ дополняю ее какъ недостающею *ї̆* (постановленною въ скобкахъ), такъ и тѣми двумя буквами — *й* и *ё*, — которыя всѣми употребляются, но въ обыкновенную азбуку нашу не внесены.

Хотя всякій, кто внимательно прочтетъ фонетическій отдѣлъ настоящаго тома, легко пойметъ основанія принятаго мною порядка буквъ, однакожъ, для большей ясности, считаю нелишнимъ предпослать моей таблицѣ нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній.

1. Буквы идутъ въ прямой линіи сверху внизъ, но изъ двухъ буквъ, выражающихъ тотъ же звукъ, только простѣйшая стоитъ на этой линіи, другая же — въ сторонѣ, рядомъ съ первою. Такое второстепенное мѣсто занимаютъ буквы: *и ѣ ѳ.*

2. Вся азбука раздѣлена на три большіе разряда: I. Гласныя съ полугласными и составленными изъ этихъ обѣихъ категорій звуковъ двугласными; II. Согласныя длительныя, и III. Согласныя мгновенныя и составныя.

3. Въ каждомъ разрядѣ буквы, по самому звуковому соотношенію своему, расположены попарно, т. е. каждыя двѣ буквы въ вертикальномъ направленіи образуютъ звуковую пару. Исключеніе составляютъ только: въ концѣ гласныхъ *ы*, въ концѣ согласныхъ *щ*; изъ нихъ первая есть сложный *знакъ* (*ъ* + *і*), вторая изображаетъ сложный *звукъ* (*шч*).

4. Сперва идутъ гласныя, при чемъ за каждою слѣдуетъ соотвѣтствующая ей двугласная [1]); а такъ какъ въ составъ всѣхъ [183] двугласныхъ входитъ сокращеніе звука *і*, то азбука и начинается этою буквой, которая впрочемъ и по самой системѣ этого рода звуковъ занимаетъ у меня первое мѣсто; остальныя гласныя слѣдуютъ за ней по той же системѣ (см. выше стр. 481). Послѣ всѣхъ гласныхъ поставлены: сперва *ь*, какъ сокращеніе *і*, начинающаго таблицу, потомъ *ъ* въ соотвѣтствіе твердымъ гласнымъ, и наконецъ *ы*, которая, хотя и полная гласная, не могла, по своему происхожденію (см. стр. 489), быть помѣщена выше *ера*, но правильно слѣдуетъ непосредственно за нимъ.

5. Изъ числа двугласныхъ, буквѣ *ё*, по ея формѣ и происхожденію, удобно было бы стоять тотчасъ послѣ *е*; но по своему звуковому значенію, она не могла быть удалена отъ *о*, такъ точно какъ *я* слѣдуетъ за *а*, и *ю* за *у*; иначе было бы нарушено принятое въ руководство общее правило.

---

[1]) Кромѣ *и*: образованный изъ него двугласный звукъ *йи* не означается особою буквой; вмѣсто этого двугласнаго поставленъ подъ *и* полугласный *й*.

6. Ко II-му главному разряду отнесены длительныя согласныя, какъ составляющія переходъ или ступень отъ гласныхъ къ мгновеннымъ согласнымъ, и притомъ на первомъ мѣстѣ расположены плавныя, какъ ближе всего, по своей натурѣ, подходящія къ гласнымъ.

7. Отъ послѣдней плавной *м* естественный переходъ къ однородной съ нею по органу (губной) *в*. Отсюда до *к* включительно двойчатки представляютъ особенное соотношеніе, состоящее въ томъ, что въ каждой изъ нихъ первая буква произносится съ голосомъ, а вторая безъ него. Передъ *х* поставлена *ĩ* (ĩа), которая, при образованіи гражданской азбуки, по недоразумѣнію не была включена въ нее (см. выше стр. 482 и 605-6).

8. Какъ между длительными согласными въ концѣ стоятъ *ĩ х*, такъ въ разрядѣ мгновенныхъ (III-мъ) послѣднюю же пару составляютъ гортанныя *г к*.

9. Затѣмъ слѣдуютъ *ц ч* на томъ основаніи, что и эти два въ сущности составные звука (см. выше стр. 485) равнымъ образомъ, хотя и иначе, родственныя между собой: стоящее надъ ними *к* на первой степени умягченія обращается въ *ц*, а на второй [184] въ *ч* (гре*к*ъ, гре*ц*кій, гре*ч*ескій) [1]); оба они, по первой составной части своей *т* ($т + с = ц$ и $т + ш = ч$), принадлежатъ къ мгновеннымъ, но по своей сложности могутъ занимать въ этомъ разрядѣ лишь послѣднее мѣсто.

10. Еще ниже, на самомъ концѣ азбуки, должна стоять *щ*, какъ буква составная (щ = *шт*), выражающая и сложный звукъ (*штъ*=*шч*).

11. Общеупотребительныя названія буквъ оставлены въ моей таблицѣ почти безъ измѣненія ,такъ какъ въ большей части ихъ послѣдовательно проведено различіе, основанное на самой разнородности звуковъ, и названія эти сходны съ тѣми, какія утвердились въ цѣломъ образованномъ мірѣ. Только относительно *э* и *е* я нахожу, что къ названію первой совершенно излишне присоединять эпитетъ *оборотное*, если вторая, сообразно съ названіями другихъ дифтонговъ, будетъ называема *йэ*, а не *э*. Кромѣ того *й*, въ противность названіямъ всѣхъ остальныхъ буквъ, несправедливо называется по внѣшнему признаку своего начертанія (*съ краткой*), и вѣрнѣе было бы называть эту букву, по ея натурѣ, просто *и краткое* или *и полугласное*. Наконецъ, возлѣ *эфъ* поставлено: *ве*, которымъ для аналогіи слѣдовало бы замѣнить старинное названіе: *вита*.

---

[1]) Въ *ц*, какъ въ латинскомъ (Cicero, Циперо); въ ч, какъ въ италіанскомъ (cicerone, чичероне).

[185] РУССКАЯ АЗБУКА,
систематически расположенная.

Разряды буквъ.	Порядокъ буквъ.	Названія.
I.	и і	и
	й	и краткое
	э	э
Гласныя,	е ѣ	йэ, ять
	а	а
	я	я
полугласныя и	о	о
	ё	йо
	у	у
	ю	ю
двугласныя.	ь	ерь
	ъ	еръ
	ы	еры
II.	л	эль
	р	эръ
	н	энъ
	м	эмъ
Согласныя	в	ве
	ф ѳ	эфъ, ѳе
длительныя.	з	зе
	с	эсъ
	ж	же
	ш	ша
	(г̆)	г̆а
	х	ха
III.	б	бе
	п	пе
Согласныя	д	де
	т	те
мгновенныя и	г	ге
	к	ка
составныя.	ц	це
	ч	че
	щ	ща

III. Правописаніе.

[186] Изъ понятія о письмѣ, основанномъ на разложеніи звуковъ рѣчи, естественно вытекаетъ понятіе *о правописаніи.*

Не довольно писать: надобно писать правильно. Если рѣчь какъ слѣдуетъ разложена на членораздѣльные звуки и каждый звукъ постоянно изображается соотвѣтствующимъ ему знакомъ, такъ что по писанному рѣчь вполнѣ возстановляется въ своемъ первоначальномъ видѣ, то значитъ, и письмо правильно. Вотъ первоначальное понятіе объ орѳографіи; слѣдовательно она, при возникновеніи своемъ, по необходимости должна быть въ полномъ смыслѣ *звуковою* или *фонетическою.* Таково вначалѣ и было конечно письмо греческое и латинское, а также и древнеславянское. Но по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія языка, по мѣрѣ измѣненія его звуковъ, письмо, сохраняя прежнія формы ихъ, должно болѣе и болѣе удаляться отъ живой рѣчи. „Правописаніе всѣхъ образованныхъ народовъ запада", говоритъ г. Брюкке, „построено на одномъ основномъ началѣ, именно на томъ, чтобы поставленными одинъ возлѣ другого знаками указывать на рядъ слѣдующихъ другъ за другомъ положеній органовъ рѣчи. Такъ какъ отъ одного положенія къ другому всегда бываетъ только одинъ кратчайшій путь, то потребныя движенія рѣчи происходятъ сами собой. Буквы составляютъ какъ бы рядъ камней, положенныхъ на дорогу пишущимъ, чтобы читающій могъ глазами и языкомъ итти по его слѣдамъ. Какъ ни часто это начало было упускаемо изъ виду въ подробностяхъ, однакожъ въ цѣломъ оно всегда сохраняетъ свою силу, и нарушенія его происходятъ частью отъ того, что произношеніе измѣнилось, а письмо осталось прежнее, частью отъ неразумнаго усердія нововводителей, — рѣже, какъ кажется, отъ неумѣлости первоначальныхъ строителей. Начало это само по себѣ такъ естественно, просто и практично, что оно вѣроятно уже никогда не будетъ покинуто при сооруженіи новаго зданія" [1]). Между тѣмъ молодыя [187] поколѣнія, вновь

---

[1]) Brücke. Grundzüge der Physiologie и пр., стр. 123. — Самый процессъ чтенія объясняется въ этомъ сочиненіи слѣдующимъ образомъ: „Буквы нашихъ условныхъ алфавитовъ указываютъ на положеніе голосового снаряда (то-есть гортани такъ какъ мы имѣемъ особые знаки для шопотныхъ и громкихъ звуковъ), а сверхъ того на форму, принимаемую каждый разъ надставной трубкой, простирающейся отъ гортани до устнаго или носового отверстія. Каждый знакъ исполняетъ это по-своему, при чемъ видъ его не обличаетъ его естественнаго родства и въ немъ символы для положенія голосового снаряда и для формы звуковой трубки другъ отъ друга не отдѣлены. Этимъ затрудняется пониманіе алфавита, и для фонетической транскрипціи требуется чрезвычайно много знаковъ". Къ означенному различенію должно бы стремиться при улучшеніи алфавитовъ. Это былъ бы, продолжаетъ авторъ, „естественный успѣхъ

выучивающіяся грамотѣ, уже не могутъ писать только согласно съ звуками, а должны соображаться съ употребительнымъ по преданію письмомъ, которое такимъ образомъ становится *историческимъ* или *этимологическимъ*.

Эти два термина часто смѣшиваются, но въ сущности они должны быть различаемы: первый предполагаетъ только соблюденіе традицій, установившихся по большей части конечно на основаніи производства словъ; при письмѣ, заслуживающемъ второго названія, грамотеи идутъ далѣе: не довольствуясь первоначальнымъ правописаніемъ, основаннымъ на прежнихъ звукахъ, они доискиваются корней или первоначальнаго состава словъ, иногда обращаясь къ другимъ, древнѣйшимъ языкамъ, и поэтому видоизмѣняютъ орѳографію. Такъ нѣкогда поступали французы, исправляя свое письмо по производству словъ изъ греческихъ и латинскихъ. Но при измѣненіяхъ орѳографіи трудно бываетъ достигнуть полной послѣдовательности и единообразія: рядомъ съ наукою привычка, обычай берутъ свое, надъ этимологическимъ началомъ во многихъ случаяхъ фонетическое получаетъ перевѣсъ, устанавливаются разныя условныя и произвольныя правила, и правописаніе не стоитъ на твердой теоретической почвѣ. Тогда происходятъ попытки сообщить ему болѣе единообразія, послѣдовательности и простоты. Въ этомъ положеніи [188] находится нынче правописаніе бóльшей части образованныхъ народовъ, и вездѣ повторяется почти одно и то же явленіе: въ правописаніи сознаются бóльшія или меньшія несообразности, разногласія, противорѣчія, и многіе стараются объ устраненіи ихъ тѣми или другими способами.

Чтобъ имѣть возможность основательнѣе судить о нашемъ правописаніи, взглянемъ напередъ на развитіе и состояніе орѳографіи у главныхъ европейскихъ народовъ, при чемъ, разумѣется, будемъ останавливаться только на такихъ обстоятельствахъ, которыя могутъ быть и для насъ интересны и поучительны.

Орѳографическій вопросъ у культурныхъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ.

а) У нѣмцевъ.

Въ Германіи до Якова Гримма господствовало, съ незначительными разнорѣчіями, общепринятое традиціонное правописаніе, которое

въ ходѣ развитія алфавитики. Отъ знаковъ, которые нѣкогда изображали цѣлыя слова, перешли къ такимъ, которые представляли слоги, а отъ этихъ къ буквамъ. Для цѣлей же науки анализъ долженъ пойти еще дальше, и то, что означаетъ отдѣльная буква, должно разлагаться на свои факторы". (Тамъ же, стр. 124).

однакожъ постепенно упрощалось [1]). Гриммъ, вникая въ законы и исторію языка, нашелъ въ этомъ правописаніи много невѣрнаго и непослѣдовательнаго, и съ 1820-хъ годовъ сталъ вводить коренныя измѣненія. Такъ онъ на мѣсто ломанаго готическаго шрифта началъ употреблять круглый латинскій, отбросилъ большія буквы, не только въ началѣ существительныхъ именъ (кромѣ собственныхъ), но и послѣ точки, опредѣлилъ случаи употребленія разныхъ способовъ для означенія долгихъ гласныхъ (удвоеніе ихъ, вставка e послѣ i или вставка согласной h), постановилъ правила для начертаній ss и sz и проч. Съ теченіемъ времени Я. Гриммъ находилъ между учеными болѣе и болѣе послѣдователей, и образовалась такъ называемая *историческая* школа письма. Главное ея правило было: пиши сообразно съ историческимъ развитіемъ звуковъ языка. Но какъ трудно [189] ввести на новыхъ началахъ послѣдовательное правописаніе, доказывается тѣмъ, что самъ Гриммъ не могъ во всѣхъ случаяхъ строго выдержать своей системы и не рѣшался примѣнять ее безусловно. При всей сознательности своихъ началъ, онъ никогда не могъ усвоить себѣ въ частностяхъ вполнѣ послѣдовательное, постоянное правописаніе и до конца жизни колебался въ начертаніи множества словъ, которыя писалъ различно не только въ разныя эпохи, но въ одномъ и томъ же сочиненіи, на близкомъ разстояніи, иногда на одной и той же страницѣ. Сознаніе трудности достигнуть въ этомъ дѣлѣ строгой послѣдовательности было, кажется, причиною, почему Гриммъ избѣгалъ въ печати объясненій на счетъ своей орѳографіи и не написалъ объ ней ничего цѣльнаго, довольствуясь одними отрывочными замѣчаніями въ своей грамматикѣ и другихъ сочиненіяхъ. Болѣе отчетливо по этому предмету выразился онъ только въ предисловіи къ своему словарю. Послѣ смерти Гримма (1863) стали появляться особыя монографіи о его правописаніи. Наиболѣе подробно разсмотрѣно оно въ гёттингенской брошюрѣ г. Андресена [2]), который имѣлъ терпѣніе прослѣдить въ этомъ отношеніи всѣ труды Я. Гримма, изучить всѣ основанія его орѳографіи и отмѣтить всѣ случаи, въ которыхъ онъ самъ отступалъ отъ нихъ. Въ дополненіе къ этой брошюрѣ г. Михаэлисъ въ Берлинѣ разсмотрѣлъ тотъ же предметъ въ публичномъ чтеніи, которое потомъ было напечатано [3]). Изъ этихъ двухъ брошюръ и множества другихъ, занимающихся этой стороной языка самостоятельно, видно, какъ многочисленны и многообразны спорные вопросы нѣмецкаго

---

[1]) Нѣкогда, въ 16-мъ столѣтіи, писали vnndt, thuoch, jhedenn вм. нынѣшнихъ: und, Tuch, jeden и проч. И еще не такъ давно начертанія verlohren, Bluhme, wohl, Seegen, Schaaf, loos и т. д. уступили мѣсто простѣйшимъ: verloren, Blume, wol, Segen, Schaf, los.

[2]) Ueber J. Grimms orthographie, von K. G. Andresen. Gœttingen 1867.

[3]) Ueber J. Grimms Rechtschreibung. Berlin 1868.

правописанія. Оттого въ современной нѣмецкой литературѣ трудно найти двѣ книги, которыя по правописанію были бы совершенно сходны между собою [1]).

[190] Какъ часто случается, ученики Гримма (особенно гг. Вейнгольдъ и Андресенъ) пошли еще далѣе его. Опираясь на законы развитія звуковъ, они стали проводить не только такія измѣненія письма, которыя передаютъ въ другомъ видѣ тѣ же звуки, но и такія, которыя, во множествѣ словъ, влекутъ за собою новое произношеніе: слѣдовательно дѣло шло уже объ измѣненіяхъ не въ одномъ правописаніи, но и въ самомъ языкѣ. Напр. доказывали, что вмѣсто lügen betrügen, schöpfer, erschöpfen, ereigniss, надобно писать и говорить: liegen, betriegen, schepfer, erschepfen, eräugnis. Къ числу такихъ послѣдователей Гримма принадлежалъ и покойный Шлейхеръ, который не признавалъ между прочимъ надобности означать долготу слога вставкою буквы h и писалъ напр. вм. ihm, ihn просто im, in, не отличая этихъ мѣстоименныхъ формъ отъ предлога in съ краткимъ i.

Такія нововведенія вызвали множество споровъ, и составилась обширная литература по вопросу о правописаніи. Всего замѣчательнѣе то, чтó высказалъ эрлангенскій профессоръ Рудольфъ Раумеръ въ цѣломъ рядѣ статей, касающихся этого предмета [2]). Онъ убѣдительно развилъ, къ какимъ нелѣпымъ послѣдствіямъ привело бы правописаніе крайнихъ послѣдователей Гримма, и называетъ эту школу — *новоисторическою* въ отличіе отъ *древнеисторической*. Послѣднимъ названіемъ означаетъ онъ такое письмо, какъ напр. англійское, гдѣ, вопреки постепенному измѣненію звуковъ, начертанія остаются прежнія, такъ что происходитъ рѣзкій разладъ между письмомъ и произношеніемъ, но живая рѣчь не измѣняется вслѣдствіе письма. Что же касается до традиціоннаго нѣмецкаго правописанія, то Раумеръ ясно показалъ, что оно, несмотря на всѣ свои несовершенства, есть преимущественно фонетическое письмо, передающее, хотя далеко не во всѣхъ случаяхъ и не всегда послѣдовательно, [191] произношеніе образованнаго языка [3]). Поэтому онъ стоитъ за сохраненіе въ сущности старинной ороографіи съ нѣкоторыми только преобразованіями, къ числу кото-

---

[1]) „Нынче всякій, кто хочетъ прослыть нѣмецкимъ филологомъ, долженъ имѣть по крайней мѣрѣ свою собственную ороографію“, говоритъ, г. Таузингъ, рѣзко осуждая нововведенія своихъ соотечественниковъ. См. названное выше сочиненіе его, стр. 122.

[2]) См. его Gesammelte sprachwissenschaftliche Schriften, на которыя я уже часто ссылался, особенно статью: Das Princip der d. Rechtschreibung, стр. 118 и д.

[3]) Съ этимъ впрочемъ несогласны многіе весьма уважаемые знатоки языка: такъ Шлейхеръ находитъ, что нынѣшнее нѣмецкое письмо — ни историческое, ни фонетическое, и „носитъ отпечатокъ случайнаго произвола“ (Die deutsche Sprache, Stuttgart 1860. Стр. 170).

рыхъ особенно относитъ большее единообразіе въ отличеніи долгихъ гласныхъ отъ краткихъ. Однакожъ доводы Раумера убѣдили далеко не всѣхъ, и въ Германіи нынче господствуютъ двѣ главныя системы правописанія, со множествомъ оттѣнковъ и различій въ каждой: въ большей части ученыхъ сочиненій, особенно филологическихъ, держатся историческихъ началъ, впервые провозглашенныхъ Гриммомъ, пишутъ латинскимъ шрифтомъ и избѣгаютъ большихъ буквъ; вообще же, въ литературѣ и въ общежитіи, слѣдуютъ принятому издавна правописанію съ тѣми или другими отступленіями въ частностяхъ. Безпрестанно издаваемыя брошюры по этому предмету свидѣтельствуютъ объ общей потребности въ улучшеніи дѣла. Въ разныхъ городахъ бываютъ учительскіе съѣзды для соглашенія относительно орѳографіи, и результаты ихъ печатаются [1]). Съ другой стороны, и правительства отдѣльныхъ государствъ (напр. Виртемберга) издаютъ иногда обязательныя для училищъ и офиціальныхъ учрежденій правила правописанія; но все это до сихъ поръ не привело еще къ общему объединенію нѣмецкаго письма. Несмотря на то, можно ожидать, что тщательное обсужденіе дѣла мало-по-малу приведетъ пишущій міръ къ бóльшему [192] согласію. Въ числѣ нѣмецкихъ брошюръ этого содержанія за послѣдніе годы особеннаго вниманія заслуживаетъ напечатанная въ Берлинѣ г. Лефманомъ [2]). По его замѣчанію, въ истекшее десятилѣтіе убѣжденіе въ необходимости реформы проникло въ обѣ противоположныя партіи, и между людьми мыслящими осталось уже немного приверженцевъ неизмѣнной старины, утверждающихъ, будто историческая грамматика вызвала еще бóльшую противъ прежняго путаницу въ письмѣ. Въ послѣднее время уже и началось нѣкоторое примиреніе между строгою теоріей и разумною практикой: фонетика должна допускать то, чего исторія требуетъ не на счетъ живого языка; а историкъ не долженъ трогать того, чтó въ употребленіи языка твердо установилось. Г. Лефманъ ставитъ требованіе: „пиши такъ, какъ ты правильно говоришь“. Правильно же говорить, по его

---

[1]) Между прочимъ такая брошюра издана въ Берлинѣ, вслѣдствіе рѣшенія вопросовъ на съѣздѣ по большинству голосовъ, подъ заглавіемъ: Regeln und Wörterverzeichniss für deutsche Orthographie. Herausgegeben („auf Grundlage des Usus“) von dem Verein der Berliner Gymnasial-und Realschullehrer. Разборъ этой книги — въ Beilage zur Allgemeinen Zeitung 1871, № 342. Ср. National-Zeitung, № 576, Beiblatt: „Die deutsche Rechtschreibung, eine Nationalfrage“. Также: Zeitschrift für das Gymnasialwesen 1871, Juni. — Кстати замѣтимъ, что вслѣдствіе учебной реформы, предпринятой графомъ Туномъ въ Австріи, эта страна сдѣлалась по преимуществу ареной орѳографической борьбы, и введеніемъ новыхъ руководствъ по языку споръ преждевременно занесенъ въ среднія и народныя училища (Lefmann).

[2]) Dr. S. Lefman. Ueber deutsche Rechtschreibung. Berlin 1871. — Это одинъ изъ выпусковъ изданія: Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge. VI Serie, Heft 129.

мнѣнію, значитъ не только говорить безъ всякаго вліянія діалектовъ, но говорить исторически-правильно, т. е. такъ, какъ требуетъ законное развитіе языка не въ одномъ сочетаніи словъ и предложеній, но и въ звуковомъ отношеніи. Односторонняя фонетика не имѣетъ почвы въ письмѣ, односторонніе историки не признаютъ ограниченій, предписываемыхъ живымъ языкомъ: только взаимное проникновеніе обоихъ элементовъ, какъ соотношеніе языка и письма между собою, можетъ привести къ надежнымъ и твердымъ правиламъ. Шлейхеръ, основываясь на улучшеніяхъ, которыя въ нѣмецкомъ письмѣ можно прослѣдить чуть не по десятилѣтіямъ, находилъ неразумнымъ отказаться отъ надежды на совершенное, хотя и медленное исправленіе его въ далекомъ будущемъ [1]). Въ 1876 году въ Германіи было опять сильное движеніе по вопросу о введеніи единообразнаго правописанія. На [193] этотъ разъ попытка была сдѣлана прусскимъ министромъ просвѣщенія (г. Путкаммеромъ): учреждена особая комиссія и въ нее приглашенъ Рудольфъ Раумеръ, о трудахъ котораго по ороографіи мы недавно упоминали. Однакожъ составленный имъ проектъ оказался неудобнымъ, и комиссія выработала свои правила, которыя были утверждены министромъ и опубликованы. Но ввести эти правила въ общую практику было не во власти его. Послѣдовало соглашеніе по нѣкоторымъ пунктамъ, но, вообще говоря, результатъ всѣхъ толковъ, статей и брошюръ, вызванныхъ этою мѣрой, былъ ничтожный [2]). Въ послѣдніе годы появился журналъ Zeitschrift für Orthographie.

б) У англичанъ.

Въ Англіи мы видимъ примѣръ правописанія, въ полномъ смыслѣ историческаго. Тамъ старинные письменные знаки остаются въ ходу, какъ бы ни противорѣчило имъ измѣняющееся произношеніе, даже то, которое считается образованнымъ и правильнымъ. Начертанія большинства словъ представляютъ условное изображеніе звукового цѣлаго почти независимо отъ отдѣльныхъ элементовъ, изъ которыхъ оно состоитъ. Это — въ нѣкоторомъ смыслѣ по-словное, а не звуковое письмо. Кто пишетъ Glocester, Brougham, colonel, а произноситъ Gloster, Brum, körnel, тотъ значитъ вовсе не желаетъ письмомъ выражать звуки своей рѣчи, а довольствуется графическими образами словъ, которые посредствомъ глаза сообщаютъ уму соотвѣтствующее понятіе; ка́къ ихъ пере-

[1]) Die deutsche Sprache, стр. 172: „Какъ уже покончили съ vnndt и другими чудищами, такъ справятся и съ знакомъ протяженія h, съ удвоеніемъ гласныхъ, съ ie и другими менѣе значительными безобразіями, которыя теперь еще торжествуютъ въ нашемъ письмѣ“.

[2]) См. между прочимъ въ берлинской National-Zeitung 1880 г., 16-го марта, передовую статью: Die deutsche Rechtschreibung.

лагать на живую рѣчь, это предоставляется традиціи и памяти [1]). Одинъ и тотъ же звукъ изображается самыми различными знаками; каждая гласная, а иная и согласная имѣютъ по нѣскольку звуковъ, и нѣтъ положительныхъ правилъ, которыя бы каждый разъ опредѣляли произношеніе буквъ. Такъ [194] напр. snow, low выговариваются sno, lo, a bow, low, слышатся какъ bou, lou; bear произносится ber, a hear — hir и т. д. Оттого первоначальное обученіе грамотѣ нигдѣ не представляетъ такихъ трудностей какъ въ Англіи, и этому въ значительной мѣрѣ приписывается большое число неграмотныхъ людей между англичанами [2]). Ученый Эллисъ горько сѣтуетъ, что его соотечественники слишкомъ дорого поплатились за пріобрѣтенное ими единообразное письмо, именно: утратили знаніе, ка́къ говорили ихъ предки, лишились возможности означать на письмѣ нынѣшнее свое произношеніе и создали неисчислимыя затрудненія читающему и пишущему на ихъ языкѣ [3]). Знаменитый филологъ Вильямъ Джонсъ, положившій начало изученію санскрита въ Европѣ, замѣтилъ, что несовершенство англійскаго письма доходитъ до безобразія и почти до смѣшного [4]).

Въ послѣднія триста лѣтъ было въ Англіи не мало опытовъ преобразованія орѳографіи (spelling-reform), и между нововводителями встрѣчаются почтенныя имена; но всѣ эти попытки до сихъ поръ оставались безуспѣшными. Самая сильная агитація въ пользу фонетическаго письма началась въ 1843 году въ Бирмингамѣ; тамъ нѣкто Гиллъ (Hill) пожертвовалъ съ этою цѣлью значительный капиталъ (phonetic fund) и учредилъ школу, въ память чего, въ названномъ городѣ ежегодно дается фонетическій праздникъ. Въ то же время въ Батѣ (Bath) основанъ былъ [195] *Фонетическій Журналъ*, до сихъ поръ издаваемый. Ревностными поборниками новаго письма сдѣлались вскорѣ Исаакъ Питманъ и Эллисъ, придумавшіе для этого дѣла разныя измѣненія и дополненія въ азбукѣ: по ихъ системѣ уже и напечатано множество книгъ и брошюръ, особенно религіозныхъ, для народнаго чтенія. Въ 1862 году было въ Англіи шесть журналовъ съ чисто-

---

[1]) Raumer. Gesam. sprachwiss. Schriften, 215 и д.

[2]) „Когда у какого-нибудь народа господствуетъ историческое письмо, то и тотъ, кто растетъ въ образованномъ кругу, кто къ изученію грамоты приступаетъ съ правильнымъ выговоромъ, долженъ усвоить себѣ почти новый языкъ, — письменный. Но онъ все еще счастливъ тѣмъ, что знаетъ по крайней мѣрѣ, какъ слово звучитъ, хотя и долженъ особо выучиться, какъ писать его. Тотъ же, который первые годы провелъ въ необразованномъ кругу, долженъ выучиться двумъ языкамъ. До сихъ поръ онъ говорилъ на своемъ нарѣчіи, болѣе или менѣе отличающемся отъ образованнаго произношенія; теперь онъ долженъ разомъ запоминать, какъ слово звучитъ и какъ оно пишется". (K. Panitz. Das Wesen der Lautschrift. Weimar 1865, стр. 34,

[3]) A. J. Ellis. On early english pronunciation. Hertford 1869. Стр. 22.

[4]) „Our english alphabet and orthography are disgracefully and almost ridiculously imperfect". W. Jones, *Works*. III, 269.

фонетическимъ письмомъ. Нѣкоторые нововводители довольствуются менѣе рѣзкими перемѣнами, давая только существующимъ уже буквамъ болѣе опредѣленное значеніе, чтобы такимъ образомъ сообщить англійскому письму ту же послѣдовательность, какою, по ихъ мнѣнію, отличается французская орѳографія. Таковъ характеръ „аналогической" системы Эдуарда Джонса, которая не такъ давно обсуждалась на съѣздѣ въ Ливерпулѣ. Но противъ него возсталъ Эллисъ, доказывая, что всѣ попытки частныхъ измѣненій ни къ чему не приведутъ и что если разъ предпринимать реформу, то надобно возстановить древнее фонетическое начало, господствовавшее до войнъ обѣихъ Розъ. Наконецъ, еще проектъ преобразованія письма принадлежитъ Денби Фрею, который, подобно другимъ умѣреннымъ реформаторамъ, пользуется имѣющимися уже буквами почти безъ всякихъ прибавленій, но считаетъ нужнымъ во многихъ случаяхъ ввести болѣе точные способы изображенія звуковъ. Его мысль—установить послѣдовательное, отчасти фонетическое правописаніе, съ соблюденіемъ, по мѣрѣ возможности, этимологическаго элемента [1]. Послѣднее условіе, по мнѣнію Макса Мюллера, не составляетъ существенной надобности для орѳографіи. „Произношеніе языковъ, говоритъ онъ, измѣняется по опредѣленнымъ законамъ, а правописаніе передѣлываютъ самымъ произвольнымъ образомъ, такъ что, если бъ наша орѳографія строго согласовалась съ выговоромъ словъ, то на дѣлѣ она оказала бы будущему изслѣдователю языка болѣе пользы, нежели нынѣшній неточный и ненаучный способъ письма [2]". М. Мюллеръ не отчаивается, что [196] старанія Питмана черезъ нѣсколько поколѣній увѣнчаются успѣхомъ; однакожъ, судя по прошлому и по примѣру другихъ странъ, можно въ томъ усомниться. Совсѣмъ иначе смотритъ на эти нововведенія Витней. „Неимовѣрна, говоритъ онъ, сила сопротивленія перемѣнамъ, присущая великому народному дѣлу, связанному съ интересами цѣлаго общества и составляющему часть помысловъ и привычекъ каждаго... Какъ осмѣяны и опозорены были тѣ, которые въ послѣднее время думали произвести по нѣкоторымъ пунктамъ весьма желательныя для всѣхъ улучшенія въ англійскомъ правописаніи" [3]. При всѣхъ недостаткахъ настоящаго письма, нельзя однакожъ не признать за нимъ того великаго преимущества, что оно твердо установилось и принято всею націею: преобразованіе его не могло бы совершиться безъ долговременныхъ колебаній, розни и путаницы. Притомъ, вотъ еще важное соображеніе, высказанное г. Эрлемъ противъ введенія въ Англіи фонетическаго письма: „Какъ скоро вы рѣшаетесь въ точности изображать

---

[1] Transactions of the Philological Society 1870—72.
[2] Max Müller-Böttger. Vorlesungen. II Serie. Leipzig 1866. Стр. 92.
[3] W. D. Whitney. Language and the study of language. London 1867. Стр. 44.

письмомъ звуки, вы ставите на первый планъ то, что́ до сихъ поръ оставалось почти незамѣченнымъ, — великое разномысліе, какое существуетъ относительно правильнаго произношенія многихъ словъ“ [1]). Дѣйствительно при этомъ обстоятельствѣ задача нововводителей дѣлается почти неразрѣшимою.

в) У французовъ.

Французское правописаніе представляетъ отчасти тѣ же недостатки, какіе мы видѣли въ англійскомъ; но оно образовалось совершенно инымъ путемъ. Въ немъ также многіе звуки изображаются разными способами, и часто однѣ и тѣ же буквы произносятся различно; въ немъ также множество несообразностей, непослѣдовательностей, противорѣчій; но все это произошло не отъ того, что на письмѣ удержались начертанія, означающія прежній выговоръ, а вслѣдствіе ученыхъ соображеній: [197] французская орѳографія развилась по большей части искусственнымъ образомъ и должна быть названа не *историческою*, а развѣ *этимологическою*, хотя принципъ словопроизводства проведенъ въ ней далеко не всегда послѣдовательно и правильно. По выраженію Литре́ (въ предисловіи къ его словарю), у французовъ письмо и произношеніе — двѣ силы, которыя въ постоянной между собою борьбѣ. Французскій письменный языкъ произошелъ частью отъ латинскаго, частью же и отъ тѣхъ живыхъ народныхъ нарѣчій, которыя, съ сильною примѣсью латыни, издревле господствовали въ разныхъ мѣстностяхъ Галліи. До 16-го столѣтія, пока у французовъ школьное дѣло было еще слабо развито и еще не было грамматикъ, всякій писалъ, конечно, по собственному разумѣнію, руководствуясь преимущественно выговоромъ. До 13-го вѣка господствовало фонетическое правописаніе: „тогда, говоритъ Раў, буквы служили для изображенія звуковъ, а не для хвастливаго щегольства лингвистическою ученостью“ [2]). Позднѣе, со введеніемъ древнихъ алфавитовъ, нѣмыя, праздныя буквы стали вкрадываться между фонетическими. Когда же распространилось книгопечатаніе, когда размножились школы и стали появляться грамматики и словари, а въ то же время утвердился и авторитетъ греко-римскаго образованія, грамотные люди начали болѣе прежняго соображаться съ латинскими начертаніями и плодить на письмѣ лишнія буквы, напр. писать: teste, honneste, debvoir, febvrier, nuict, escripture. Тогда же обнаружилось однако и сильное противодѣйствіе этому направленію, и съ тѣхъ самыхъ поръ рядъ поборниковъ фонетическаго письма, отчасти знаменитыхъ писателей, не прекращается во Франціи до нашего времени.

---

[2]) J. Earle. The philology of the english tongue. Oxford 1873. Стр. 180.
[1]) Ed. Raoux. Orthographe rationnelle et écriture phonétique. Paris 1865.

Въ серединѣ 17-го столѣтія грамматика Поръ-Рояля предлагала, для соглашенія письма съ выговоромъ, слѣдующія разумныя правила:

1. Всякое начертаніе должно означать какой-нибудь особый звукъ, т. е. не надобно писать ничего такого, что́ бы не произносилось.

[198] 2. Всякій звукъ долженъ быть означенъ особымъ начертаніемъ, т. е. не слѣдуетъ произносить ничего, что́ не написано.

3. Всякое начертаніе должно изображать одинъ звукъ, простой или двойной.

4. Одинъ и тотъ же звукъ не долженъ быть означаемъ различными начертаніями.

Эти правила никогда не могли однакожъ сдѣлаться господствующими во Франціи, и вопреки имъ этимологическое письмо рѣшительно утвердилось послѣ изданія, въ 1694 году, словаря Французской академіи, основанной лѣтъ за 60 до того (1635). Ни для какой націи авторитетъ подобнаго учрежденія не могъ имѣть такого вѣса, какъ для французовъ, трезвый и точный умъ которыхъ во всемъ ищетъ строгой опредѣлительности и мѣры.

Напрасно, впрочемъ, думаютъ, будто эта академія сама взяла на себя рѣшеніе a priori всѣхъ относящихся до языка вопросовъ; опасаясь той же неудачи, какая обыкновенно постигаетъ частныхъ *неографовъ* (нововводителей въ дѣлѣ правописанія), она весьма осторожно придерживалась обычая, этого могущественнаго руководителя, который во Франціи имѣетъ свое исключительное значеніе, этого usage, передъ которымъ благоговѣютъ и преклоняются какъ передъ какою-то высшею силой. Академію не разъ упрекали въ томъ, что она мало пользовалась своимъ правомъ узаконять языкъ и, довольствуясь однимъ утвержденіемъ общепринятаго или наиболѣе распространеннаго употребленія, позволяла себѣ только частныя, болѣе или менѣе маловажныя измѣненія и сокращенія въ отдѣльныхъ словахъ. Такимъ образомъ и въ словарѣ 1694-го года академія, слѣдуя господствовавшему направленію, дала перевѣсъ письму, основанному на знаніи латинскихъ и греческихъ формъ, и допустила только кое-какія упрощенія въ начертаніяхъ. Члены, желавшіе болѣе радикальныхъ измѣненій, какъ Корнель и Боссюэ, остались въ меньшинствѣ. И въ послѣдующихъ пяти изданіяхъ своего словаря академія медленно сдавалась на улучшенія ороографіи, которыя проглядывали въ печати, какъ отступленія отъ преобладавшей рутины. [199] Замѣчательно, между прочимъ, что Французская академія, не ранѣе какъ въ 1835 году, т. е. въ позднѣйшемъ изданіи этого словаря, наконецъ, безусловно приняла вольтеровское правописаніе, т. е. **ai** вмѣсто **oi**, въ такихъ словахъ, какъ français, avait (начертаніе, которое впрочемъ не Вольтеръ первый придумалъ). Нѣкоторыя другія нововведенія этого же писателя не были приняты академіей и остались однѣми попытками. Для насъ поучительно между

прочимъ его стараніе писать взятыя съ греческаго слова по выговору, безъ лишняго груза чужихъ буквъ (напр. **th, ph, y**); такъ онъ писалъ: philosofe и даже filosofe, enciclopédie, tipografe, téologie, métafisique, tèse, historiografe, bibliotèque. Введеніе подобныхъ начертаній для греческихъ словъ находило многихъ защитниковъ еще съ 16-го столѣтія. Ронсаръ соглашался сохранить *y* (ижицу) только для собственныхъ именъ греческой миѳологіи и исторіи (Téthys, Ulysse); въ словахъ же, давно получившихъ въ языкѣ право гражданства, гдѣ слышится чистый звукъ *i* (abyme, cygne, lyre и даже Nymphe), онъ не хотѣлъ означать его этимъ „ужаснымъ крючкомъ *y*“: „я того мнѣнія, говорилъ онъ (если мой умъ чего-нибудь да стóитъ), что когда такія греческія слова давно живутъ во Франціи, то надо принимать ихъ въ нашу родню и писать ихъ просто съ французскимъ **i**, чтобъ показать, что они свои, а не чужія; ибо кто не догадается тотчасъ же, что Sibille, Cibelle, Cipris, Ciclope, Nimphe, lire — по природѣ греческія или, по крайней мѣрѣ, пришлыя, но усыновленныя французами, хотя они не будутъ означены этимъ пиѳагоровскимъ пугаломъ“. Въ томъ же духѣ и Вожля́ (Vaugelas) говорилъ: „Уважаю почтенную древность и мнѣнія ученыхъ, но не могу не согласиться съ той неоспоримой истиной, что всякій языкъ *долженъ быть у себя хозяиномъ*“. Академія подтвердила вѣрность этого довода, но только въ отношеніи къ нѣкоторымъ словамъ; такъ она давно уже пишетъ: fantôme, fantaisie, frénétique (безъ **ph**), trône, trésor (безъ **th**), но она же во множествѣ другихъ случаевъ пишетъ **ph** и **th**, даже въ словахъ одного съ приведенными корня.

[200] Нѣкоторыя поразительныя непослѣдовательности французскаго письма вызываютъ и нынѣ частыя попытки преобразованій; не проходитъ года, чтобы во Франціи не явилось одной или нѣсколькихъ книгъ объ упрощеніи письма, но большая ихъ часть грѣшатъ тѣмъ, что стремятся къ слишкомъ крутымъ нововведеніямъ, начиная съ передѣлки самой азбуки или предлагая писать безъ всякаго вниманія къ грамматикѣ или установившемуся обычаю (напр., il fo s'antr'ede mutuelleman [1]). Такія попытки никогда не могутъ имѣть успѣха, тѣмъ болѣе что онѣ противны самымъ свойствамъ французскаго языка, гдѣ вслѣдствіе давнишнихъ усѣченій столько словъ различнаго смысла произносятся совершенно одинаково (напр. слова: cinq, saint, sain, sein, ceint, seing) и многія грамматическія измѣненія означаются только на письмѣ (напр. ед. число il cherche, множ. ils cherchent ничѣмъ не различаются въ выговорѣ), а притомъ вошедшее въ обычай сліяніе конечной согласной одного слова съ начальною другого (il-z-

---

[1]) Такъ совѣтовалъ писать, въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, Marle издатель Journal Grammatical.

aiment) объясняется только воздѣйствіемъ письма на живую рѣчь. Поэтому естественно, что ревнители безусловной фонетической реформы часто подвергаются обсужденію и насмѣшкамъ со стороны людей разсудительныхъ [1]).

Можно впрочемъ назвать нѣсколько трудовъ, заявляющихъ болѣе разумныя требованія. Такъ г. Бернаръ Жюльенъ (Jullien) указываетъ на умѣренныя и постепенныя поправки, которыя были бы желательны въ нынѣшнемъ французскомъ письмѣ. Онъ справедливо замѣчаетъ, что если поборники безусловно фонетическаго правописанія хотятъ быть вполнѣ послѣдовательны, то они не должны отдѣлять на письмѣ одного слова отъ другого (такъ какъ въ живой рѣчи такое отдѣленіе незамѣтно), а установить развѣ только разстановку словъ по просодическимъ періодамъ рѣчи. „У насъ, говоритъ онъ, письмо есть настоящій руководитель [201] правильнаго произношенія въ хорошемъ обществѣ, и это одно показываетъ, какъ дурно знаютъ французскій языкъ тѣ, которые настаиваютъ на противоположномъ началѣ и думаютъ, что языки еще на той точкѣ, гдѣ они были до изобрѣтенія азбуки". Въ томъ же смыслѣ другой защитникъ умѣренной реформы пишетъ: „Конечно, если-бъ дѣло шло единственно о томъ, чтобы необразованному народу, не имѣющему литературнаго прошлаго, быстро сообщить умѣніе читать и писать по-французски, то фонетическая метода доставила бы большую пользу; но народъ, обладающій восьмивѣковою литературой, не можетъ не видѣть въ каждомъ своемъ словѣ и даже въ слогахъ его какъ бы нераздѣльную часть своей умственной исторіи: перевернуть все наше письмо вверхъ дномъ значило бы разорвать непрерывную цѣпь преданій, которыя создали духъ націи".

Авторъ этихъ строкъ, г. А. Фирменъ Дидо́ (A. F. Didot), типографщикъ Французской академіи, къ которому эта должность перешла наслѣдственно отъ отца и дяди, написалъ въ 1860-хъ годахъ объёмистый томъ, уже имѣвшій два изданія, подъ заглавіемъ: *Observations sur l'orthographe ou ortografie française* [2]), — конечно, самый основательный трудъ по этому предмету, откуда и почерпнута большая часть сообщаемыхъ здѣсь свѣдѣній по исторіи французскаго правописанія. Разсмотрѣвъ всѣ недостатки его и указавъ на средства къ ихъ исправленію, г. Дидо́ приглашаетъ академію внести предлагаемыя имъ измѣненія въ предпринятое ею новое изданіе словаря. По его мнѣнію, она и въ прежнее время недостаточно пользовалась своимъ авторитетомъ; иначе французская орѳографія давно могла бы сдѣлаться совершеннѣе.

---

[1]) Напр. надъ „réforme orthographique" остроумно издѣвается Alfred Deavau въ своемъ предисловіи къ Dictionnaire de la langue verte, argots parisiens. Paris. 1867. Стр. XXII.

[2]) Напечатано въ Парижѣ; 2-е изданіе 1868 г.

Происходившія между академиками разногласія по вопросамъ этого рода часто вынуждали ученое собраніе предоставлять рѣшеніе ихъ кому-нибудь одному, и коллективный трудъ, рѣдко приводящій къ результату вполнѣ удовлетворительному, превращался въ единоличный; окончательное же соглашеніе остававшихся въ [202] рукописяхъ разнорѣчій зависѣло отъ усмотрѣнія типографщиковъ и корректоровъ, которымъ въ дѣлѣ правописанія (говоритъ г. Дидо́) писатели иногда бываютъ болѣе обязаны, чѣмъ самимъ себѣ. Главные недостатки французской орѳографіи, выставляемые г. Дидо́, заключаются въ томъ, что въ совершенно сходныхъ случаяхъ согласная въ серединѣ словъ то удвояется, то нѣтъ, что въ окончаніяхъ именъ пишутъ, безъ правильнаго этимологическаго основанія, s и x, tion и sion, ant и ent; иногда два слова, образующія одно понятіе, пишутся слитно, въ другомъ совершенно однородномъ случаѣ только соединяются черточкой или оставляются отдѣльно, вовсе безъ знака соединенія. Мысли, изложенныя въ книгѣ г. Дидо́, были одобрены лучшими критиками, въ томъ числѣ покойнымъ Сентъ-Бевомъ, который также возлагалъ въ этомъ дѣлѣ большія надежды на академію. Правда, иногда слышатся голоса и противъ авторитета ея; напр., г. Жюльенъ выразилъ желаніе, „чтобы современное правописаніе было подчинено правильной системѣ, а не зависѣло отъ прихоти нѣсколькихъ академиковъ или отъ произвола корректоровъ той типографіи, гдѣ словарь печатался"; тѣмъ не менѣе сила этого традиціоннаго авторитета такъ велика, что самъ Литтре́, въ своемъ образцовомъ словарѣ, при всей самостоятельности своихъ взглядовъ, нигдѣ не рѣшился отступить отъ общеупотребительной, одобряемой академіею орѳографіи, и только въ частныхъ случаяхъ позволилъ себѣ теоретически критиковать ее. Напр., подъ словомъ Dessiller онъ замѣчаетъ, что академія предпочла дурное начертаніе хорошему (déciller) [1]), но самъ повторяетъ ту же ошибку. При такихъ условіяхъ и дальнѣйшая судьба французскаго правописанія останется въ рукахъ академіи. Замѣчательно, что даже во время первой французской революціи, когда упразднена была эта корпорація, и словарь вновь изданъ помимо ея, въ немъ [203] однакожъ строго соблюдена академическая орѳографія. Въ постоянствѣ такого начала есть одна хорошая сторона, именно твердо установленное, для всей націи обязательное единообразіе письма. Нельзя при этомъ не вспомнить замѣчанія Раумера, что правописаніе хотя и не вполнѣ удовлетворительное, но общепринятое во всей странѣ, заслуживаетъ пред-

---

[1]) „*Dessiller* est une mauvaise orthographe, puisque le mot vient de *cil*. L'académie l'a préférée à la bonne (*déciller*), qu'elle consigne pourtant à son rang alphabétique et qu'elle abandonne pour suivre une vicieuse tradition". Что же мѣшало Литтре́ избрать противоположный путь?

почтенія передъ болѣе совершеннымъ, если оно признается только нѣкоторою частью народа и тѣмъ вызываетъ новый, вовсе нежелательный разладъ [1]).

г) У остальныхъ романскихъ народовъ.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи орѳографія остальныхъ романскихъ народовъ. Италіянцы, испанцы и португальцы успѣли сообщить своему письму въ высокой степени звуковой характеръ. Этимъ впрочемъ языки ихъ обязаны не однимъ благопріятнымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, но главнымъ образомъ своему внутреннему строю. Они гораздо болѣе французскаго близки къ латинскому, и по своей вокальности не нуждаются въ этимологическихъ знакахъ для уясненія глазу состава словъ. Возьмемъ для примѣра звукъ **san**, который во французскомъ языкѣ пишется на столько разныхъ ладовъ для показанія различныхъ его значеній (cent, sang, sans, sens, sent, s'en); въ италіянскомъ соотвѣтствующія слова въ самомъ произношеніи явственно отличаются одно отъ другого и пишутся согласно съ нимъ: cento, sangue, senza, senso, sente, se ne. Такихъ примѣровъ можно бы привести множество. Точно такъ же и различіе окончаній при спряженіи глаголовъ ясно слышится уже въ живой рѣчи: французы произносятъ многіе глаголы одинаково въ един. и во множ. числѣ: il trouve, ils trouvent, итальянцы говорятъ: egli trova, eglino trovano. Вотъ почему послѣднимъ легко было отказаться отъ историческаго письма, которое и у нихъ во многихъ случаяхъ нѣкогда господствовало; напр., писали: apto, octo, decto, а произносили atto, otto, detto. Но грамматики 16-го столѣтія, особенно же [204] даровитый Lionardo Salviati, стали соглашать письмо съ произношеніемъ и, благодаря имъ, италіянская орѳографія, за немногими исключеніями, сдѣлалась вполнѣ фонетическою, почему и считается образцовой. Основное начало своего преобразованія Сальвіати такъ выразилъ: „Истинное, первое и общее основаніе правильнаго письма въ томъ состоитъ, чтобы письмо слѣдовало выговору, такъ какъ оно не имѣетъ иной цѣли, а слѣдовательно и иной задачи, какъ изображать рѣчь для тѣхъ, до кого не доходитъ звукъ ея“ [2]).

Относительно испанскаго правописанія достаточно привести здѣсь краткія свѣдѣнія, сообщаемыя Р. Раумеромъ (стр. 147): „Въ Испаніи уже старѣйшій грамматикъ Антоніо де Неброха (около 1492 г.) главнымъ условіемъ хорошаго правописанія призналъ совершенное согласіе

---

[1]) Raumer. Gesam. sprachw. Schriften, стр. 138.

[2]) „Che la scrittura seguiti la pronunzia, vero, primo e general fondamento dello scriver correttamente“. *Autori del bel parlare.* Venetia 1643. Vol. I, del Cavalier Lionardo Salviati. Стр. 155. (По Раумеру).

письменныхъ знаковъ съ звуками языка. Къ этой цѣли съ тѣхъ поръ и стремилось испанское правописаніе. Съ 1741 г. за это дѣло взялась основанная Филиппомъ V академія. Однакожъ, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія письмо испанцевъ представляло много неяснаго и двусмысленнаго. Поэтому мадридская академія въ 1815 г. установила фонетическую орѳографію, которая и принялась очень легко".

д) У скандинавскихъ народовъ.

Въ скандинавскихъ земляхъ господствуютъ два очень близкіе одинъ къ другому литературные языка: шведскій въ Швеціи и датскій въ Даніи и Норвегіи. Близость между ними обнаруживается особенно въ ихъ лексическомъ составѣ и синтактическомъ строѣ; въ звуковомъ же отношеніи оба языка значительно отличаются одинъ отъ другого: шведы сохранили древнюю фонетическую основу словъ въ гораздо большей чистотѣ нежели датчане, у которыхъ звуки, частью подъ вліяніемъ нѣмецкаго языка, подверглись разнороднымъ перемѣнамъ и искаженіямъ [205] (напр., шв. lag = дат. lov; шв. namn = дат. navn). Оба народа издавна разошлись въ своей исторіи, и естественно, что у каждаго изъ нихъ литературный языкъ, а съ нимъ и правописаніе развивались своимъ особеннымъ путемъ. Тотъ и другой первоначально употребляли готическое или ломаное („монашеское") письмо; у датчанъ оно только въ послѣднее время начало исчезать, тогда какъ шведы уже давно отъ него отказались. Въ подражаніе нѣмцамъ первые до сихъ поръ въ началѣ всякаго существительнаго имени ставятъ большую букву. Составъ шведской и датской азбуки почти одинъ и тотъ же; однакожъ, есть въ каждой и свои особенности; напр., звукъ **о** по-шведски часто выражается буквою **å**, по-датски же двойнымъ **aa**; шв. **ä** = дат. **œ**; шв. **ö** = дат. **ø**; шведы звукъ нашего *в* между гласными изображаютъ посредствомъ **fv**, датчане употребляютъ одно **v**. Для долгаго гласнаго звука послѣдніе прибѣгаютъ къ удвоенію соотвѣтствующей буквы, чего шведы никогда не дѣлаютъ.

Развитіе шведскаго правописанія со времени введенія книгопечатанія и перевода библіи продолжалось, съ частыми измѣненіями и разными колебаніями, до конца прошлаго столѣтія, когда по основаніи шведской академіи Густавомъ III (1786 г.) оно подъ вліяніемъ этого учрежденія прочнѣе установилось. Къ тому способствовали особенно труды двухъ академиковъ, знаменитыхъ поэтовъ Леопольда и Чельгрена (Kellgren), которые приняли главное участіе въ составленіи отъ имени академіи правилъ орѳографіи. Не смотря на свое поверхностное филологическое образованіе — общій недостатокъ того времени, — они выполнили свою задачу съ большимъ смысломъ и практическимъ тактомъ; но при незнакомствѣ съ древнимъ скандинавскимъ

языкомъ и его звуковою системой, они конечно не могли избѣжать нѣкоторыхъ ошибокъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря ихъ разумнымъ указаніямъ, въ шведской литературѣ утвердилось правописаніе, которое въ большей части случаевъ очень удачно примиряло фонетическій элементъ съ этимологическимъ.

Датская ороографія установилась еще ранѣе, именно съ [206] половины 18-го вѣка, и съ незначительными измѣненіями держалась въ томъ же видѣ до нашего времени. Но различіе той и другой было настолько велико, что сходство обоихъ языковъ затемнялось на письмѣ, тогда какъ звуковыя отличія не мѣшаютъ шведамъ, датчанамъ и норвежцамъ весьма легко понимать другъ друга въ живой рѣчи.

Желаніе устранить трудности письменныхъ сношеній и литературнаго обмѣна объединеніемъ шведской и датской ороографіи давно выражалось съ обѣихъ сторонъ и было причиною, что знаменитый филологъ Раскъ въ 1826 году издалъ обширное ученое сочиненіе о датскомъ правописаніи [1]). Какъ знатокъ древненорвежскаго языка, онъ могъ говорить о предметѣ съ полнымъ разумѣніемъ дѣла. Для соглашенія ороографіи обоихъ языковъ, онъ предлагалъ отчасти замѣнить, отчасти дополнить нѣкоторыя датскія начертанія (**aa**, ø) шведскимъ (**å**, **ö**). Основнымъ же, верховнымъ началомъ всякаго письма онъ провозгласилъ произношеніе, а на второмъ планѣ поставилъ: а) обычай, б) происхожденіе словъ, и в) ясность начертаній (т. е. означеніе различія въ сходствѣ, какъ напр. у насъ *миръ* и *міръ*). Точка зрѣнія Раска лучше всего видна изъ слѣдующихъ словъ его изслѣдованія: „Правда, что устраненіе изъятій или ошибокъ обычая также можетъ производить временное броженіе или разногласіе; но это — неизбѣжное послѣдствіе всякаго улучшенія, такъ какъ поправки не могутъ быть приняты всѣми тотчасъ же, когда въ первый разъ предлагаются; итакъ надо или объявить путь ко всякому преобразованію навсегда загражденнымъ, или примириться съ такимъ неудобствомъ. Но въ такомъ колебаніи нѣтъ никакой бѣды, потому что оно составляетъ только переходъ отъ общепринятаго обычая къ правильному употребленію, которое само по себѣ ясно и несомнѣнно, слѣдовательно по справедливости скоро обратится также въ обычай. Только то, что уничтожаетъ основной законъ обычая, или [207] идетъ прямо наперекоръ ему, только то ведетъ къ запутанности и должно быть отвергаемо. Притомъ въ нашемъ (т. е. датскомъ) письмѣ уже господствуетъ такая шаткость, что часто одинъ и тотъ же авторъ, въ той же книгѣ, пишетъ то же самое слово различно. Итакъ колебаніе,

---

[1]) Forsøg til en videnskabelig Dansk Retskrivningslaere, af R. Rask. Это сочиненіе занимаетъ весь I-й томъ журнала Tidsskrift for Nordisk Oldkyndighed. Kjøbenhavn 1826.

происходящее отъ исправленія и опредѣленія обычая въ правописаніи родного языка, не нарушаетъ какого-либо существующаго единства, а ведетъ напротивъ къ основательному и потому прочному единообразію,—цѣли, которой едва ли и можно достигнуть инымъ путемъ. Поэтому я надѣюсь, что не слишкомъ оскорбляю обычай, когда, собирая и разбирая множество введенныхъ имъ и часто противорѣчащихъ другъ другу правилъ, дѣлаю между ними выборъ, при чемъ пользуюсь и трудами нашихъ лучшихъ лингвистовъ, не предлагая, однакожъ, какого-либо коренного преобразованія, чтобы установить порядокъ или построить систему въ этой наукѣ. Только такимъ образомъ, какъ мнѣ кажется, можно согласить противныя стороны, изъ которыхъ одна признаётъ главнымъ и высшимъ началомъ обычай, а другая вовсе не хочетъ знать или мало цѣнитъ его... Неоспоримо, что безъ вниманія къ обычаю ничего нельзя сдѣлать, но столь же вѣрно, что, если не подчинить его разуму, то никогда теорія правописанія не будетъ достойна названія науки" [1]).

Итакъ главною задачею Раска было возвести ороографію на степень науки. Въ трудѣ его видно много учености, остроумія и трудолюбія, но цѣли своей онъ не достигъ. Хотя его ученіе вначалѣ и нашло довольно большое число послѣдователей, особенно между молодыми филологами, уважавшими авторитетъ Раска, но мало-по-малу прежняя ороографія, по старой привычкѣ, и въ ихъ средѣ стала одерживать верхъ. Впрочемъ, конечно, нѣкоторыя изъ его нововведеній все-таки являлись въ печати, и единство правописанія было нѣсколько нарушено. Дѣло еще болѣе запуталось, когда въ 1840-хъ годахъ замѣчательнѣйшій изъ учениковъ Раска, извѣстный Петерсенъ, захотѣлъ провести хотя нѣкоторыя [208] изъ неудавшихся предположеній своего предшественника. Между тѣмъ развивалась идея о братствѣ скандинавскихъ народовъ, а съ нею вскорѣ соединилась и мысль, что для содѣйствія литературному единенію должны собраться представители всѣхъ трехъ странъ на совѣщаніе о введеніи въ нихъ болѣе сходнаго правописанія. Главнымъ поборникомъ этой мысли слѣлался профессоръ университета въ Христіаніи по каѳедрѣ исторіи, покойный До (Daa). По поводу предстоявшаго въ 1869 году національно-экономическаго съѣзда въ Стокгольмѣ положено было заняться на немъ и ороографическимъ вопросомъ. Въ Копенгагенѣ, въ Упсалѣ, въ Лундѣ и въ Христіаніи образовались комитеты для избранія депутатовъ ороографическаго конгресса. Затѣмъ въ концѣ іюля мѣсяца означеннаго года созвано было въ Стокгольмъ общее собраніе уполномоченныхъ. Совѣщанія продолжались пять дней подъ предсѣдательствомъ упсальскаго профессора исторіи Мальмстрема. Каждый изъ трехъ отдѣловъ,

[1]) См. тамъ стр. 96 и 97.

т. е. шведскій, датскій и норвежскій, избралъ своего секретаря, и каждый секретарь долженъ былъ издать (что́ впослѣдствіи и исполнено) отчетъ о принятыхъ собраніемъ правилахъ по его отдѣлу: такъ какъ языки датскій и норвежскій въ сущности тожественны и отличаются лишь нѣкоторыми особенностями произношенія, то и правила для письма обоихъ были установлены почти одинакія.

Въ основаніи было принято положеніе, что каждый языкъ сохраняетъ то, что́ въ немъ оказывается безспорно правильнымъ; соглашеніе же разнорѣчій между отдѣльными языками должно стоять на второмъ планѣ. За первенствующій элементъ правописанія было признано звуковое начало, такъ какъ цѣль письма есть вѣрное изображеніе знаками слышимаго слова.

Происхожденію словъ, историческому началу и обычаю дано менѣе существенное значеніе. Далѣе, предположенныя перемѣны раздѣлены на два разряда: къ первому отнесены легкія измѣненія, которыя могутъ быть введены тотчасъ же, ко второму такія, которыя, по своей рѣзкости, должны встрѣтить бо́льшее противодѣйствіе и потому могутъ быть сознаны только постепенно, при [209] послѣдующемъ развитіи правильныхъ требованій орѳографіи. Одни нововведенія распространялись на оба языка, другія касались только одного изъ нихъ. Датскія реформы, вообще говоря, были повтореніемъ того, что и прежде уже предлагалиРаскъ и Петерсенъ.

Дѣйствіе, произведенное опредѣленіями съѣзда, было неодинаково въ Даніи и въ Швеціи. Такъ какъ шведы въ собраніи составляли большинство (9) противъ другихъ двухъ національностей (4 + 4), то датчанамъ показалось, что всѣ нововведенія относительно ихъ правописанія были дѣломъ шведовъ; „а сколько бы довѣрія ни заслуживали эти наши братья въ другихъ отношеніяхъ", говоритъ одинъ копенгагенскій профессоръ, „все же отъ датской скромности слишкомъ много ожидали, требуя, чтобъ мы въ чисто-національномъ вопросѣ подчинились заключеніямъ такого сомнительнаго происхожденія" [1]). Между тѣмъ однакожъ и въ Даніи нашлось не мало людей, которые стали вводить въ письмо тѣ или другія изъ предложенныхъ на съѣздѣ измѣненій, и въ орѳографіи стала оказываться все бо́льшая и бо́льшая путаница. Для противодѣйствія тому, въ 1870 г. нѣсколько датскихъ ученыхъ и литераторовъ издали *Мнѣніе* о наиболѣе нужныхъ и удобныхъ улучшеніяхъ письма, которыми слѣдовало бы на первый случай удовольствоваться. Этимъ воспользовалось датское министерство просвѣщенія и издало циркуляръ сперва къ ректорамъ ученыхъ школъ

---

[1]) Ср. Датчанина Роусинга: Retskrivnings-Spørgsmaalet i dets Betydning for Literaturen og Folket, af Prof. K. Rovsing. Kjøbenhavn 1871. („Орѳографическій вопросъ въ его значеніи для литературы и народа"). Стр. 26.

(классическихъ гимназій), а потомъ и къ низшимъ училищамъ о принятіи въ руководство правилъ, изложенныхъ въ помянутомъ *Мнѣніи*. Тогда же напечатанъ былъ на этомъ основаніи орѳографическій словарь [1]), одобренный министерствомъ.

Въ Швеціи еще прежде, нежели появился отчетъ о съѣздѣ, заключенія его встрѣтили рѣзкое противорѣчіе со стороны сильнаго авторитета, именно покойнаго академика Рюдквиста, [210] котораго изслѣдованія о законахъ шведскаго языка („Svenska Språkets lagar") составили эпоху въ разработкѣ исторіи его. Въ то время онъ трудился надъ четвертымъ томомъ ихъ. Заключенія съѣзда, поверхностно сообщенныя въ газетной статьѣ, подали этому ученому поводъ сообщить новому отдѣлу своего труда полемическій характеръ и издать эту часть особо подъ заглавіемъ „Законы звуковъ и законы письма". Не отвергая надобности нѣкоторыхъ улучшеній въ шведской орѳографіи, авторъ находитъ однакожъ, что она уже и въ настоящемъ видѣ своемъ представляетъ удовлетворительное по возможности соглашеніе противоположныхъ началъ и, будучи твердо установлена, можетъ только пострадать въ своемъ единообразіи отъ нововведеній, которыя, за исключеніемъ весьма немногихъ, кажутся ему излишними. Сверхъ того въ стараніи сблизить правописаніе двухъ языковъ, Рюдквистъ увидѣлъ стремленіе подчинить шведскій вліянію датскаго, — подобное тому, чтó представилось многимъ и въ Даніи, только въ обратномъ смыслѣ.

Книга Рюдквиста вызвала къ энергическому отпору секретаря по шведскому отдѣлу съѣзда, г. Гацеліуса, который прежде напечатанія своего обширнаго отчета издалъ особую брошюру „Объ основаніяхъ правописанія вообще съ примѣненіемъ къ шведскому языку" [2]). Въ обѣихъ книгахъ авторъ весьма рѣзко, хотя и съ полнымъ уваженіемъ къ своему ученому противнику, опровергаетъ его возраженія. Не вдаваясь въ подробности этого любопытнаго спора, замѣчу только, что г. Гацеліусъ не безъ пристрастнаго увлеченія ратуетъ за торжество фонетическаго начала, тогда какъ Рюдквистъ, также съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, отстаиваетъ элементъ историческій и обычай. Полемика эта отозвалась и въ періодической литературѣ. Вообще говоря, орѳографическая реформа нашла въ Швеціи сочувствіе, такъ что многія изъ предположенныхъ на съѣздѣ измѣненій сплошь и рядомъ встрѣчаются въ печати. Особенно весьма [211] распространенная газета Aftonblad приняла эту реформу къ сердцу и представила цѣлый рядъ статей, написанныхъ въ пользу ея. Редакторъ совѣтуетъ всѣмъ

---

[1]) Dansk retskrivnings-ordbok, извѣстнаго Грундтвига († 1872): 2-е изданіе соглашено съ *Мнѣніемъ*.

[2]) A. Hazelius. Om rättstafningens grunder med särskildt afseende på svenska språket.

принять не обинуясь новое правописаніе и утверждаетъ, что предлагаемыя начертанія (напр. där вм. der, stjärna вм. stjerna, torsdag вм. thorsdag, fälde вм. fällde, kvinna вм. qvinna) только въ первые дни будутъ колоть глаза, а потомъ сдѣлаются до того привычными, что, напротивъ, прежняя орѳографія будетъ казаться безобразной и нелѣпой. Это предсказаніе отчасти уже сбывается.

Въ дополненіе нашего обзора исторіи правописанія у другихъ европейскихъ народовъ надо упомянуть и о тѣхъ мѣрахъ, которыя правительства въ разныхъ государствахъ неоднократно считали нужнымъ принимать по этой отрасли народнаго образованія. Мы уже видѣли, въ самое недавнее время, подобное явленіе въ Даніи. Такимъ же образомъ и въ Испаніи, по утвержденіи Мадридскою академіею орѳографической системы, правительство предложило ее ко всеобщему употребленію. Позднѣе примѣры такихъ распоряженій администрацій представили между прочимъ Баварія, Виртембергъ и Ганноверъ. По поводу того, что́ было сдѣлано въ послѣдней изъ этихъ странъ, Рудольфъ Раумеръ высказалъ слѣдующія любопытныя замѣчанія, доказывающія, какъ велика въ Германіи орѳографическая рознь: „Вопросъ, въ какое отношеніе училищная администрація должна стать къ правописанію, очень труденъ“. „Конечно нелѣпо было бы“, продолжаетъ тотъ же ученый, „если бы какое-нибудь правительство вздумало предписывать частнымъ лицамъ, какой орѳографіи они должны держаться въ своихъ письмахъ, или и въ печатныхъ трудахъ. Но совсѣмъ не таково положеніе администраціи относительно общественныхъ учебныхъ заведеній. Правда, и здѣсь не для чего заботиться о правописаніи, пока рѣчь идетъ о немногихъ спорныхъ словахъ“ (какъ у насъ въ Россіи). „Но совсѣмъ другое дѣло, когда вопросъ коснется измѣненія самыхъ началъ орѳографіи, когда задумаютъ устранить большую часть употребительныхъ начертаній [212] и замѣнить ихъ новыми. Тутъ администрація, какъ бы ни уважала она личную свободу каждаго, скоро убѣдится въ необходимости тѣмъ или другимъ способомъ принять въ дѣлѣ участіе, — не потому, чтобы администрація обладала высшимъ научнымъ знаніемъ, а потому, что въ педагогіи множество лицъ работаютъ вмѣстѣ для достиженія той же цѣли, и слѣдовательно нужна извѣстная степень гармоніи между сотрудниками для того, чтобы предположенная цѣль дѣйствительно могла быть достигнута. Что тутъ тѣмъ или другимъ путемъ непремѣнно надобно притти къ соглашенію, это оказывается теперь въ разныхъ пунктахъ Германіи. Сильнѣе всего такая потребность ощущается между учителями одного и того же заведенія. Невыносимо положеніе, когда въ училищѣ преподаватель одного класса провозглашаетъ ошибочнымъ и всячески

старается изгнать письмо, которое учитель предшествующаго класса съ такимъ же усердіемъ вбилъ въ голову ученикамъ. Изъ потребности въ подобномъ соглашеніи проистекли руководства, изданныя въ разныхъ городахъ Германіи. Но соглашеній между учителями одного и того же заведенія или и нѣсколькихъ однородныхъ училищъ еще недостаточно. Тутъ-то именно и связаны между собою интересы самыхъ разнообразныхъ заведеній. Положимъ, напр., что между гимназіями состоялось такое-то соглашеніе, а между элементарными училищами другое, существенно отличающееся отъ перваго: въ такомъ случаѣ ученики, поступая изъ элементарныхъ училищъ въ гимназіи, должны бы совершенно переучиться правописанію, и трудъ, употребленный ихъ прежними учителями, оказался бы вполнѣ безполезнымъ. Поэтому очень понятно, что заботливыя учебныя начальства, подобно ганноверскому въ 1855 и 1857 годахъ, стараются офиціальнымъ вмѣшательствомъ вводить порядокъ въ этотъ хаосъ" [1]).

Наконецъ, въ Бельгіи, по предложенію министра внутреннихъ дѣлъ въ 1868 году назначена была комиссія для [213] установленія фламандскаго правописанія. Мы не имѣли случая узнать ни заключеній этой комиссіи, ни послѣдствій ихъ, но намъ извѣстны соображенія, высказанныя министромъ въ первоначальномъ докладѣ его: „Ходатайствуя объ этомъ, говоритъ онъ, я далекъ отъ намѣренія принудительно ввести офиціальную орѳографію, но важно, чтобъ было согласіе между системою письма, преподаваемаго въ училищахъ, и системой, принятою филологами и литераторами, которые одни въ состояніи правильно судить объ этомъ дѣлѣ. Итакъ, предполагаемая мною комиссія должна изыскать средства къ достиженію желаемаго единства. Правительство, разсмотрѣвъ ея трудъ и вовсе не стѣсняя частной свободы, приметъ и предложитъ, въ предѣлахъ своей власти, правила, какія установитъ комиссія. Достаточно будетъ, я въ томъ убѣжденъ, нравственнаго ея авторитета, чтобы согласить самыя разнородныя мнѣнія и привести къ единообразной системѣ всѣхъ, имѣющихъ дѣло съ фламандскимъ письмомъ" [2]).

Общіе выводы.

Соображая все, что представляютъ намъ исторія и настоящее положеніе орѳографическаго вопроса въ другихъ странахъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ.

Правописаніе, какъ и всякое другое проявленіе умственной жизни, не остается неподвижнымъ: оно развивается постоянно, хотя и ме-

[1]) R. von Raumer. Gesamm. sprachw. Schriften. Стр. 300, 301.

[2]) Didot. Observations и проч., стр. 378.

дленно, но не по какой-либо заранѣе опредѣленной теоріи, а подъ вліяніемъ множества одновременно и послѣдовательно дѣйствующихъ обстоятельствъ, пока наконецъ надолго установится обычай, обращающійся въ законъ, такъ что вмѣсто: usus norma loquendi, можно сказать и такъ: usus norma scribendi.

Такое установленіе ороографіи совершается особенно путемъ литературы и школы послѣ появленія словаря и грамматики. Дальнѣйшій ходъ дѣла главнымъ образомъ зависитъ отъ [214] развитія науки слова; но и ея двигатели могутъ улучшать правописаніе только тогда, когда въ общемъ его характерѣ соображаются съ обычаемъ, довольствуясь постепенными и не слишкомъ крутыми преобразованіями. Это доказывается неудачею или, по крайней мѣрѣ, неполнымъ успѣхомъ нововведеній такихъ авторитетовъ, каковы были Вольтеръ во Франціи, Гриммъ въ Германіи, Раскъ въ Даніи. У насъ также не принялись нѣкоторыя ороографическія соображенія Ломоносова и, позднѣе, Павскаго. Напротивъ, разумное правописаніе Карамзина, основанное, съ небольшими лишь измѣненіями, на общихъ началахъ прежняго письма и распространенное общепринятыми учебниками Востокова и Греча, утвердилось прочно на цѣлыя десятилѣтія. Для массы всего обязательнѣе привычка; затѣмъ новизна, почему-либо кажущаяся удачною или отвѣчающая современному настроенію, прививается легче, нежели нововведеніе, хотя и основательное, но требующее серіознаго соображенія. „Тотъ, кто возьмется исправить правописаніе какого-нибудь народа", говоритъ датчанинъ Петерсенъ, „и при этомъ пойдетъ противъ теченія, можетъ на вѣчныя времена ожидать лишь неблагодарности" [1]).

Такимъ-то образомъ мы почти нигдѣ не находимъ одной правильно и послѣдовательно развившейся системы правописанія. Южно-романскіе языки, составляющіе въ значительной мѣрѣ изъятіе изъ общаго явленія, обязаны тѣмъ не столько благопріятнымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, сколько своему строю.

Распространенная въ наше время мысль, что фонетическая ороографія есть идеалъ, къ которому должны стремиться всѣ языки, эта мысль въ теоріи прекрасна, но, какъ часто бываетъ, она расходится съ практикой и едва ли осуществима [2]). Почти [215] вездѣ письмо не въ точности слѣдуетъ за произношеніемъ по разнымъ причинамъ:

[1]) N. M. Petersen. Bidrag til den Danska Literaturen. IV, стр. 369.

[2]) Нѣмецкіе лингвисты, начиная съ 17-го столѣтія и донынѣ, безуспѣшно провозглашали правило: „Пиши какъ говоришь" (разумѣя правописаніе). Это правило признавали: Шоттель, Готшедъ, Клопштокъ. Его не оспаривали и противники послѣдняго, Аделунгъ и Фоссъ (R. v. Raumer, Gesam. sprachw. Schr., 115). Таковъ же смыслъ брошюры: Das Wesen der Lautschrift, von Dr. K. Panitz. Weimar 1865, которая нашла и въ Швеціи усердныхъ послѣдователей.

самая простая изъ нихъ та, что азбука, бывъ заимствована у другого народа, по большей части не вполнѣ отвѣчаетъ звукамъ языка. Кромѣ того, слова́ въ живой рѣчи мало-по-малу измѣняются, а начертанія ихъ остаются прежнія, или, при быстрыхъ колебаніяхъ языка отъ внѣшнихъ обстоятельствъ (какъ было въ Англіи отъ слѣдовавшихъ одно за другимъ завоеваній), правописаніе мѣняется прежде, нежели успѣетъ установиться, или наконецъ, оно усложняется отъ стремленія пишущихъ означать въ начертаніяхъ происхожденіе словъ, какъ было во Франціи. Уничтожить дѣло исторіи, изгладить слѣды ея въ правописаніи столько же трудно, какъ и во всякой другой области жизни. Фонетическая орѳографія дѣйствительно представляетъ большія преимущества для народнаго обученія, но она не можетъ быть создана наперекоръ ходу развитія письма въ данной странѣ. Приблизить письмо къ произношенію удается только въ той мѣрѣ, въ какой это согласно съ коренными условіями его прошедшаго. Для осуществленія идеала звуковой системы необходимо было бы періодически обновлять устарѣвшія начертанія [1]).

Попытки измѣненій въ письмѣ должны быть предпринимаемы съ величайшею осторожностію, потому что нарушить единообразіе его очень легко, но ничего нѣтъ труднѣе, какъ удачно замѣнить нововведеніями общепринятыя начертанія, да и какъ [216] распространить поправки между тысячами людей, для которыхъ старая привычка обратилась уже во вторую природу?

Такая осторожность нужна особенно въ школѣ. Задача школы — передавать каждую отрасль вѣдѣнія въ ея настоящемъ положеніи: иначе ученикъ въ опасности вмѣсто истинныхъ знаній пріобрѣсти запасъ мудрованій и догадокъ своего учителя, которыя впослѣдствіи окажутся непригодными для жизни. Подвигать и развивать науку не есть дѣло школьнаго учителя. Прежде нежели новые результаты ея могутъ быть допущены въ школу, они должны быть одобрены зрѣлою критикой и провѣрены опытомъ. Къ сожалѣнію, въ письмѣ строгая аналогія и логическая послѣдовательность почти никогда не одержи-

---

[1]) О невозможности осуществить на дѣлѣ фонетическое письмо очень умно разсуждаетъ г. Таузингъ, на этотъ разъ противъ проф. Брюкке, увлекшагося, подобно многимъ, мечтою составить фонетическій алфавитъ для всѣхъ языковъ. „Положимъ, говоритъ его критикъ, что была бы возможность, были бы и средства: какой смыслъ имѣла бы нынче замѣна нашего національнаго письма хотя бы и самымъ лучшимъ фонетическимъ алфавитомъ? Дальнѣйшія превращенія языковъ этимъ нисколько не остановились бы...; оставалось бы только перенести измѣнчивость языка въ его образованіи на самое письмо, которое до сихъ поръ оказывало намъ столько охранительной пользы. Въ какой хаосъ противорѣчій и путаницы вовлекло бы насъ преслѣдованіе такой задачи, о томъ не станемъ и распространяться. Это было бы совершенно излишне, такъ какъ нельзя и предполагать, чтобы такой проектъ получилъ практическое значеніе для Европы“ (Thausing, стр. 121).

ваютъ полной побѣды надъ своеволіемъ и несообразностями обычая, и окончательно правописаніе оказывается въ значительной степени дѣломъ укоренившейся практики или рутины [1]). Тѣмъ не менѣе наука должна стремиться къ уясненію основаній, по которымъ слова пишутся такъ или иначе, направлять и исправлять обычай, бороться съ его произволомъ и вводить въ письмо законъ и единство, соглашая, насколько это возможно, противорѣчащія другъ другу начала. Это особенно нужно, когда, вслѣдствіе частныхъ нарушеній давняго обычая, мало-по-малу заведутся въ нѣкоторыхъ случаяхъ двоякія начертанія.

По замѣчанію Якова Гримма, письмо, это драгоцѣнное средство схватывать и распространять летучее слово, должно для всѣхъ народовъ составлять одно изъ важнѣйшихъ дѣлъ. Разнообразіе въ письмѣ потому предосудительно, что признаваемое однимъ за правильное другому кажется ошибочнымъ, и для большинства возникаетъ сомнѣніе: что же предпочтительно? кому слѣдовать? Отсюда требованіе разумно-установленнаго правописанія. Языкъ есть достояніе цѣлаго народа, одинъ для всѣхъ, кѣмъ онъ употребляется, и нѣтъ причины допускать разногласіе въ рѣшеніи вопросовъ, на которые отвѣта должно искать въ [217] однихъ и тѣхъ же законахъ. Еще Сумароковъ очень умно сказалъ: „Правописаніе должно быть общее и по естеству дѣла, и по существу слова“ [2]).

Все это неоспоримо; но здѣсь только одна сторона медали: на оборотной является множество такихъ причинъ разнообразія, которыя вполнѣ устранить едва ли возможно. Когда въ правописаніи господствуютъ рядомъ одно съ другимъ два начала, то возникаетъ вопросъ: гдѣ и какъ провести рѣзкую черту законности между тѣмъ и другимъ? При преобладаніи этимологическаго элемента, какъ отвратить естественное разногласіе въ объясненіи производства нѣкоторыхъ словъ? Поэтому, какъ ни разумно требованіе единообразія въ правописаніи, это требованіе не должно быть безусловно. Надобно умѣть отличать важныя разногласія отъ неважныхъ. Несоблюденіе этого правила уже не разъ было причиною слишкомъ строгихъ оцѣнокъ и несправедливыхъ взысканій въ школѣ. Всѣмъ, и особенно экзаминаторамъ, полезно было бы помнить замѣчаніе, принятое въ руководство первыми составителями словаря французской академіи: „Въ бо́льшей части языковъ правописаніе не такъ твердо установлено, чтобы не было многихъ словъ, которыя могутъ быть написаны двумя разными, но одинаково хорошими способами, при чемъ случается, что одинъ изъ нихъ менѣе другого употребителенъ, но также не заслуживаетъ охужденія“ [3]). При

[1]) Rovsing. Retskrivnings-Spørgsmaalet. Стр. 26.
[2]) Соч. Сумарокова. Ч. X, стр. 32.
[3]) A. F. Didot. *Observations* и проч., стр. 24.

авторитетѣ, который впослѣдствіи пріобрѣла во Франціи принятая академическимъ словаремъ орѳографія, это замѣчаніе утратило тамъ свою силу, но у насъ, при отсутствіи такого внѣшняго критеріума, оно навсегда сохранитъ свою неоспоримую справедливость. Положительныя ошибки не должны быть терпимы, грубыя заслуживаютъ строгаго осужденія, но если ученикъ напишетъ напр., *свѣденіе*, вм. *свѣдѣніе*, *жолтый* вм. *желтый*, *возрасло* вм. *возросло*, *лице* вм. *лицо*, то разсудительный учитель, конечно, не вмѣнитъ ему въ преступленіе такихъ начертаній. Важно только, чтобы пишущій умѣлъ отдавать [218] отчетъ въ томъ, что онъ пишетъ. Если его основаніе неправильно, то пусть ему объяснятъ это, но всякая сознательная причина имѣетъ право на вниманіе. Итакъ, требуя въ правописаніи единообразія и стремясь къ нему, будемъ однакожъ остерегаться педантизма, который во всякомъ частномъ и мелочномъ отступленіи отъ принятыхъ нами начертаній видитъ грамматическую ересь и непростительное невѣжество.

Общій взглядъ на русское правописаніе.

У насъ вошло въ обычай жаловаться на трудность, неопредѣленность и шаткость русскаго правописанія; но если безпристрастно сравнимъ его съ правописаніемъ большей части другихъ народовъ, то убѣдимся, что наше, по своей простотѣ, точности и ясности, должно быть признано однимъ изъ самыхъ удовлетворительныхъ. Главную трудность при изученіи его составляетъ буква *ѣ*, для употребленія которой нѣтъ никакого указанія въ выговорѣ, не отличающемъ ея отъ *е*; но число коренныхъ словъ съ буквою *ѣ* вовсе не велико (они исчислены въ грамматикахъ), а затѣмъ въ производныхъ и составныхъ словахъ уже не трудно знать ея мѣсто; что же касается употребленія этой буквы въ грамматическихъ окончаніяхъ, то на это есть точныя правила. Наконецъ она ставится условно въ нѣсколькихъ случаяхъ, которые запомнить не особенно трудно. Случаи употребленія *ѣ* у насъ довольно твердо опредѣлены, и въ этомъ отношеніи незамѣтно большого разногласія. Сверхъ того въ нашемъ письмѣ есть и множество другихъ правилъ, соблюдаемыхъ всѣми съ величайшею точностью. Таковы особенно тѣ, которыя основаны на условномъ соглашеніи, напр. въ имен. пад. множ. ч. прилаг. именъ всѣ безпрекословно пишутъ въ муж. р. *е*, въ жен. и средн. *я*; всѣ ставятъ *і* передъ гласной, *и* передъ согласной, всѣ пишутъ двояко, смотря по значенію, *миръ* и *міръ*. Далѣе въ весьма многихъ случаяхъ очень постоянно соблюдается общепринятое правописаніе въ предѣлахъ *этимологическаго* или *фонетическаго* начала. Такъ никто вопреки первому не напишетъ: [219] *рапъ* (вм. рабъ), *готъ* (вм. годъ) и т. п., ни одинъ образованный человѣкъ

не позволитъ себѣ написать *драцца* или *дратца* вм. *драться*, или *смеёшса* вм. *смѣешься;* или *зделать, оддать, потписать, бутто, свѣцкой* вм. *сдѣлать, отдать, подписать, будто, свѣтскій;* или *хто, штопъ, нарошно,* вм. *кто, чтобъ, нарочно;* съ другой стороны, и наперекоръ фонетическому началу никто не рѣшится писать: *изкусство, возкресенье, разходъ,* или *двадсять* (вм. двадцать); равнымъ образомъ рѣдко кто согласно съ этимологіей напишетъ: *мяккій, кдѣ, сдѣсь, весдѣ* (вм. *мягкій, гдѣ, здѣсь, вездѣ*).

Въ чемъ же собственно заключаются разногласія нашего письма? Они могутъ быть раздѣлены на два разряда. Одни происходятъ только отъ недоразумѣній и потому могутъ быть устранены надлежащимъ разъясненіемъ; причиною другихъ — неодинакій взглядъ на предметъ, и тутъ, конечно, возможно двоякое рѣшеніе вопроса. Къ числу первыхъ разногласій я отношу, напр., написаніе прилагательныхъ: *болѣнъ* и *видѣнъ* съ буквою *ѣ* вмѣсто *е*, или глаголовъ: *сыплятъ, дремлятъ, надѣятся, морочутъ*, съ неправильнымъ окончаніемъ, вмѣсто: *сыплютъ, дремлютъ, надѣются, морочатъ.* Всякаго серіозно относящагося къ дѣлу легко убѣдить, что первая орѳографія просто ошибочна.

Разногласія другого рода зависятъ: 1, отъ того, что въ сферѣ этимологическаго письма составъ или образованіе словъ толкуется различно (напр., *разсчетъ* и *разчетъ, четвергъ* и *четверкъ, смѣта* и *смета*); 2) отъ желанія приблизить начертаніе къ произношенію и тѣмъ перевести слово на почву фонетической орѳографіи, когда напр. послѣ шипящихъ буквъ, въ ударяемыхъ слогахъ, пишутъ *о* вм. *е* (*учоный, жжошь, просвѣщонъ, счотъ*); 3) отъ неодинаковаго пониманія условій передачи иностранныхъ словъ въ русскомъ письмѣ (*коммиссія, коммисія, комиссія, комисія*); 4) отъ различнаго взгляда на назначеніе прописныхъ буквъ въ началѣ словъ, напр. *Славяне* и *славяне, Московскій* и *московскій,* и 5) отъ разномыслія относительно надобности писать слитно или раздѣльно слова, образующія вмѣстѣ одно понятіе и потому [220] принимаемыя многими, въ этомъ соединеніи, за составные предлогъ или нарѣчіе, каковы, напр., слова: *въ слѣдствіе, въ замѣнъ, въ старину, по прежнему, со временемъ,* которыя пишутся то врознь, то слитно.

Всѣ эти разнорѣчія письма будутъ въ своемъ мѣстѣ разсмотрѣны подробнѣе, но здѣсь мнѣ остается еще пополнить свои замѣчанія объ общемъ характерѣ нашего письма. Выше уже было показано, что въ немъ преобладаетъ элементъ *историко-этимологическій* и что самая сущность русской азбуки, вслѣдствіе ея происхожденія, не позволяетъ думать о коренномъ преобразованіи нашего письма въ фонетическомъ смыслѣ. Оно невозможно совсѣмъ не потому, — какъ обыкновенно думаютъ, что въ Россіи множество отличающихся въ звуковомъ отношеніи нарѣчій и мѣстныхъ говоровъ (ибо письменный языкъ обязанъ

согласоваться только съ образованною рѣчью), а именно потому, что у насъ и въ образованной-то рѣчи, и въ ней преимущественно, много звуковъ неопредѣленныхъ, неявственныхъ, для которыхъ недостаетъ буквъ, а создавать теперь новыя буквы было бы уже поздно и безуспѣшно.

Чтобы убѣдиться въ справедливости этихъ замѣчаній, стóитъ только попробовать прочитать хоть нѣсколько строкъ любого русскаго текста по слогамъ точно такъ, какъ онѣ написаны, а потомъ постараться написать эти же строки совершенно согласно съ произношеніемъ. При первой части опыта всякій удивился бы, до какой степени письмо наше расходится съ дѣйствительными звуками языка, а при послѣдней увидѣлъ бы, что нынѣшняя наша неполная азбука вовсе не допускаетъ строго-фонетическаго письма [1]).

Къ поддержанію въ нашемъ правописаніи этимологическаго начала не могло не способствовать и то обстоятельство, что [221] русскій языкъ болѣе всѣхъ другихъ славянскихъ нарѣчій сохранилъ въ цѣлости и чистотѣ звуковой составъ своихъ словъ. Звуки въ немъ часто видоизмѣняются, смягчаются, правильно подвергаются извѣстнымъ превращеніямъ, но рѣдко выпадаютъ или теряютъ слѣды своего происхожденія; законы ихъ переходовъ просты, ясны, очевидны, и потому естественно, что письмо стремится къ наглядному отраженію процесса звуковыхъ превращеній. Для сравненія достаточно указать на сербскій языкъ, который систематически такъ исказилъ множество звуковъ, что въ его словахъ трудно и узнавать первоначальную форму, вслѣдствіе чего то же искаженіе перенесено и въ правописаніе. Живучестью своихъ формъ русскій языкъ можетъ быть отчасти обязанъ и тому, что рядомъ съ нимъ, въ высшей сферѣ жизни, продолжаетъ свое существованіе церковно-славянскій; послѣдній, естественно, оставался неподвиженъ въ своихъ формахъ, а въ виду ихъ и русскій письменный языкъ долженъ былъ въ нѣкоторой степени сдерживать свое поступательное движеніе.

Такимъ образомъ перевѣсъ этимологическаго элемента въ нашемъ письмѣ находитъ себѣ оправданіе въ исторіи и пріобрѣтаетъ въ глазахъ науки несомнѣнную законность. Еще болѣе примиримся мы съ нимъ, если вникнемъ въ существенное отличіе письма отъ живой рѣчи: въ послѣдней языкъ дѣйствуетъ непосредственно на слухъ, и содержаніе рѣчи мгновенно переходитъ въ наше сознаніе, между тѣмъ какъ при письмѣ мысль путемъ зрѣнія медленнѣе передается сознанію въ знакахъ, имѣющихъ прочность и потому гораздо болѣе подлежащихъ нашему разбору.

---

[1]) Шведъ Рюдквистъ замѣчаетъ, что и никакое фонетическое письмо не можетъ выполнить всѣхъ требованій, не можетъ въ точности передать всѣхъ особенностей и тонкостей выговора въ живомъ языкѣ. (*Ljudlagar och skriflagar*, стр. 18).

По какой бы системѣ мы ни писали, орѳографія есть *теоретическое* воспроизведеніе звуковъ рѣчи для зрѣнія: начертаніе слова не можетъ происходить безъ нѣкотораго размышленія, и естественно, что мы изображаемъ его на основаніи не того только, *что́* слышимъ, но и того, *ка́къ* понимаемъ составъ слышимаго. „Мы пишемъ для того, чтобы другой (а такимъ становимся мы сами черезъ минуту послѣ начертанія звука) вполнѣ понималъ и [222] легко сознавалъ написанное нами слово“ [1]). Изъ всего, что̀ пишется, только наименьшая доля воспроизводится голосомъ для слуха; большею частью чтеніе происходитъ безмолвно. Отсюда ясно, что цѣль письма — не одно воспроизведеніе звуковъ языка, но и удовлетвореніе постигающаго языкъ ума посредствомъ органа зрѣнія. Грамота есть прежде всего орудіе изученія самаго языка. Начертаніемъ первой буквы уже начинается анализъ его: естественно при письмѣ отдавать себѣ отчетъ въ составѣ каждаго слова. Знакомясь съ образованіемъ словъ, пишущій самъ чувствуетъ потребность передавать и видѣть въ ихъ начертаніяхъ отраженіе своего пониманія. Здѣсь кстати припомнить приведенное выше дѣльное замѣчаніе г. Дидо́ о неудобствѣ ввести фонетическое правописаніе для языка, на которомъ литература уже нѣсколько столѣтій употребляла этимологическое письмо, и исторія котораго неразрывно связана съ исторіею самого народа.

„Цѣль правописанія, говоритъ г. Раумеръ, есть ясное изображеніе образованнаго языка простѣйшими средствами [2]). Подъ простѣйшими средствами онъ разумѣетъ такія, которыя сберегаютъ наиболѣе труда и времени. Соглашаясь съ этимъ опредѣленіемъ въ самомъ общемъ смыслѣ, нельзя однакожъ оставить его безъ нѣкотораго видоизмѣненія относительно языковъ, въ которыхъ вѣками установилось этимологическое письмо. Въ примѣненіи къ русскому придется дать приведенному опредѣленію такую форму: „Цѣль нашего правописанія, *согласно съ его историческимъ развитіемъ*, — изображать образованный языкъ ясно и *отчетливо*, пользуясь *по возможности* простѣйшими средствами, *но такъ, чтобы въ начертаніяхъ, сходно съ обычаемъ, видны были слѣды происхожденія и состава словъ*“. Это будетъ совершенно согласно съ мыслью, выраженной Ломоносовымъ, когда онъ, еще не отдавая себѣ полнаго отчета въ теоріи нашего правописанія, чрезвычайно мѣтко попалъ однакожъ на истину, [223] опредѣливъ сущность орѳографіи, по преимуществу этимологической, но отчасти и фонетической, словами: „Въ правописаніи наблюдать надлежитъ: 1) чтобы оно не удалялось много отъ чистаго выговору, и 2) чтобы не закрылись совсѣмъ слѣды произвожденія и сложенія реченій“ [3]). Иначе смотритъ на дѣло

[1]) Lefmann. Ueber deutsche Rechtschreibung.

[2]) R. v. Raumer. Gesam. sprachw. Schriften. Стр. 170.

[3]) Грамм. § 108.

авторъ превосходнаго, впрочемъ, изслѣдованія о звукахъ, сербскій ученый, г. Новаковичъ. Съ точки зрѣнія счастливой ороографіи своего языка онъ, между множествомъ остроумныхъ и вѣрныхъ замѣчаній о европейскихъ способахъ письма, произноситъ слѣдующее нѣсколько одностороннее сужденіе объ историческомъ правописаніи: „Если иногда встрѣтится затрудненіе, вопреки обновленному или хоть нѣсколько измѣненному народному говору, соблюсти историческое изображеніе слова въ древней формѣ, то на помощь является страсть къ этимологизаціи. Обыкновенно думаютъ, что въ написанныхъ словахъ не позволено означать всѣхъ звуковыхъ измѣненій, чтобы не затемнить корня и не затруднить пониманія. Отъ того напослѣдокъ происходитъ, что письмо не служитъ болѣе или менѣе транскрипціей говора, чѣмъ бы слѣдовало ему быть, а дѣлается какимъ-то полуматематическимъ означеніемъ этимологико-историческихъ формулъ“ [1]). Вслѣдъ за усердными поборниками чисто-фонетическаго правописанія, г. Новаковичъ повторяетъ, что при господствѣ производственнаго начала, къ простой и единственной цѣли всякаго письма — изображенію звуковъ — примѣшиваются совершенно будто бы чуждыя ему цѣли этимологіи и исторіи языка. Но развѣ можно такимъ образомъ строго раздѣлять стихіи познанія родного языка, безотчетно сливающіяся при воспроизведеніи на письмѣ словъ, пониманіе которыхъ въ отношеніи къ ихъ корню и составу доступно и любопытно всякому сколько-нибудь мыслящему лицу той же націи. Максъ Мюллеръ весьма справедливо замѣтилъ, что „человѣческому духу присуща потребность въ этимологіи, [224] сродно влеченіе прямымъ или окольными путями узнавать, почему то или другое называется именно такъ, а не иначе“. По мнѣнію знаменитаго оксфордскаго филолога, потребность эта такъ сильна, что вслѣдствіе ея „слова́ подвергаются даже измѣненіямъ, чтобы сдѣлаться понятными, и если два первоначально различныя сло́ва на дѣлѣ смѣшались въ одно, то является надобность въ поясненіи, и оно охотно дается, чтобы устранить всякое недоразумѣніе“ [2]). Эти замѣчанія М. Мюллера, хотя онъ прежде и высказался въ пользу фонетической ороографіи, могутъ служить сильнымъ подкрѣпленіемъ доводовъ въ защиту этимологическаго письма.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, перехожу къ разсмотрѣнію частностей русскаго правописанія въ двухъ отношеніяхъ: 1) историческомъ, 2) теоретическомъ.

Сперва прослѣдимъ главныя явленія въ ходѣ развитія употребительной нынѣ ороографіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разныя попытки преобразованія нашей азбуки. Затѣмъ обратимся къ вопросамъ, которыхъ обсужденіе составляетъ главный предметъ нашего изслѣдованія.

---

[1]) *Физіологиjа гласа и гласови српскога jезика*, лингвистичка студиjа Стоjана Новаковича. У Београду 1873. Стр. 103.

[2]) *Die Wissenschaft der Sprache*. II Serie. (Переводъ Бэтгера). Стр. 486.

IV. Очеркъ исторіи русскаго правописанія.

Русское правописаніе въ обширномъ смыслѣ начинается съ первыхъ памятниковъ письменности, возникшихъ въ Россіи; особенности церковно-славянскаго письма, развившіяся на этой почвѣ, уже составляютъ отличительныя черты русскаго правописанія. Но въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ только о томъ періодѣ его, началомъ котораго было введеніе при Петрѣ Великомъ гражданской печати.

О постепенномъ образованіи новой азбуки сообщены уже свѣдѣнія выше (см. стр. 600). Естественно, что въ первопечатныхъ книгахъ гражданскаго шрифта, при неизбѣжномъ смѣшеніи церковнаго языка съ мірскимъ, и самое правописаніе явилось въ [225] хаотическомъ состояніи, изъ котораго могло выбиться только мало-по-малу. Попытки къ болѣе твердому установленію его могли сдѣлаться успѣшнѣе только съ оживленіемъ литературы, съ появленіемъ первыхъ мыслящихъ писателей, и при этомъ должны были обнаружиться несогласія. Дѣйствительно, такая эпоха борьбы для русскаго правописанія настала въ царствованіе Елисаветы Петровны, когда на литературной аренѣ одновременно подвизались три разнохарактерные писателя, каждый съ своимъ особымъ взглядомъ на дѣло орѳографіи —

Тредьяковскій, Ломоносовъ и Сумароковъ.

Жаркіе споры произошли особенно между двумя первыми. Сущность противоположныхъ теорій ихъ состояла въ томъ, что Тредьяковскій [1]) хотѣлъ перестроить русское правописаніе на фонетическомъ основаніи, съ коренными нововведеніями; а Ломоносовъ, понявъ историческій характеръ нашего письма и держась благоразумной середины, стоялъ, какъ мы уже видѣли, за примиреніе по возможности обоихъ началъ.

Тредьяковскій написалъ объ орѳографіи цѣлую книгу, которая и была напечатана съ предлагаемыми имъ нововведеніями [2]). Они состоятъ въ слѣдующемъ: онъ вовсе не употребляетъ буквъ: *и*, *э*, *щ*, *ѳ*, *з*, и вмѣсто ихъ ставитъ: *і*, *е*, *шч*, *ф*, *ѕ*; послѣдняя, по его мнѣнію, красивѣе *з* и болѣе отвѣчаетъ цѣли Петра Великаго сблизить русскую азбуку съ латинскою. Кромѣ того, для означенія двугласнаго звука *е*, *ѣ* въ началѣ слога или слова онъ употребляетъ форму прописной

[1]) Самъ онъ писалъ *Тредіаковскій*; но эта орѳографія, кажется, не принадлежала его роду, а проистекала изъ личныхъ его соображеній.

[2]) „Раѕговоръ между Чужестраннымъ человѣкомъ і Россійскімъ объ ортографіі старінной і новой". Спб. 1748. 464 нум. стр.

буквы е, и такимъ образомъ пишетъ, напр., есть (не отличая *есть* отъ *ѣсть), двое* и т. п. Въ другихъ случаяхъ онъ, однакожъ, оставляетъ неприкосновенною букву *ѣ*, — почему, объяснено будетъ ниже. Наконецъ, онъ находитъ букву *г* годною только для звука, слышимаго напр. въ [226] словахъ: *Господь, благо, богатый*; для твердаго же гортаннаго звука въ словахъ *городъ, голодъ, голый* и т. п. предлагаетъ особое видоизмѣненіе этой буквы (г') подъ названіемъ *голь*. Впрочемъ замѣтимъ, что мысль объ этомъ нововведеніи въ первый разъ высказана была за 17 лѣтъ ранѣе въ русской грамматикѣ, напечатанной на нѣмецкомъ языкѣ при словарѣ Вейсмана и приписываемой Адодурову. „Иные", говорится здѣсь, „замѣтивъ недостатокъ буквы *g*, стали изображать ее литерою г', какъ можно видѣть въ нѣкоторыхъ до сего напечатанныхъ книгахъ. Итакъ было бы желательно, чтобы вошло въ обычай буквою г всегда означать *h*, а буквою г'—звукъ *g*" [1]). Тредьяковскій въ своемъ *Разговорѣ* ничего не упоминаетъ объ этомъ болѣе раннемъ заявленіи мысли, которую онъ выдаетъ за свою; предлагаемую букву онъ иначе называетъ *гаммою* и поясняетъ, что у нея „верьхній кончікъ молоточкомъ ѕдѣланъ" [2]). Основнымъ началомъ орѳографіи Тредьяковскаго было требованіе, которое онъ горячо отстаивалъ: „писать по звонамъ" (т. е. держаться произношенія). Въ этомъ взглядѣ онъ шелъ такъ далеко, что писалъ напр. *порятку, свѣцкой* (вм. *свѣтскій*), *обрасцы, извѣсно, кресьяне, скушно, книшка* и т. п.

Что касается теоріи Ломоносова, то особенно любопытно, что онъ не хотѣлъ вводить въ азбуку нѣкоторыхъ буквъ, которыя самъ употреблялъ и считалъ вообще позволительными въ употребленіи. Это были: *і, щ, іо* (нынѣшнее *ё*). Относительно двухъ первыхъ онъ объяснялъ, что *і* произносится одинаково съ [227] *и* и употребляется только для четкости письма, а *щ* состоитъ изъ двухъ звуковъ (*шч*) и „не больше права имѣетъ быть въ азбукѣ какъ ѯ и ѱ". Сверхъ того онъ не признавалъ надобности въ буквахъ *э* и *ѳ* даже на практикѣ. Мнѣніе его объ излишествѣ *ѳиты* и особой буквы для изображенія звука, близкаго къ латинскому *h*, было уже выше изложено (см. стр 606 и 607).

Рѣзкое разногласіе произошло между Ломоносовымъ и Тредьяков-

---

[1]) Teutsch-Lateinisch-und Russisches Lexicon. St.-Petersburg 1731. Anfangs-Gründe der Russischen Sprache. — Подтвержденія словъ автора грамматики объ употребленіи въ печати предлагаемой имъ буквы мы не встрѣчали въ книгахъ указываемаго имъ времени. Въ 1731 году Тредіаковскій, только что возвратившійся изъ-за границы, жилъ у Адодурова, который въ то время былъ еще академическимъ студентомъ (Пек. *Ист. А. Н.*, I, 504; II, 18). Поэтому возможно, что одинъ изъ нихъ заимствовалъ у другого выраженную въ *Разговорѣ* мысль о двоякомъ начертаніи для различнаго произношенія буквы *г*.

[2]) *Разговоръ*. Спб. 1748, стр. 380, 386. Въ первой части настоящаго труда мы, наоборотъ, позволили себѣ употреблять знакъ г̃ для звука, похожаго на h, какъ болѣе рѣдко встрѣчающагося въ русскомъ языкѣ.

*

скимъ по возникшему тогда вопросу объ окончаніяхъ именъ прилагательныхъ въ именительномъ множественнаго числа, которыя до тѣхъ поръ писались въ этой формѣ какъ попало, то съ *е*, то съ *я* во всѣхъ родахъ. Тредьяковскій съ особеннымъ жаромъ доказывалъ, что въ мужескомъ родѣ они должны оканчиваться на *ыи* (*іи*), въ женскомъ на *ые* (*іе*), въ среднемъ на *ыя* (*ія*). Ломоносовъ, напротивъ, стоялъ за правописаніе, принятое академическою типографіею, по показанію Тредьяковскаго, съ 1733 года: въ муж. *е*, въ жен. и сред. *я* [1]). Споры о томъ начались между обоими писателями въ Академіи наукъ еще въ 1746 году. Тредьяковскій сочинилъ тогда и представилъ въ конференцію цѣлое разсужденіе объ этомъ предметѣ, а Ломоносовъ написалъ возраженіе [2]). Позднѣе Тредьяковскій, въ *Разговорѣ* объ ороографіи, повторилъ съ тою же настойчивостью свои доводы въ пользу придуманныхъ имъ окончаній, которыя (хоть онъ и не упомянулъ о томъ) какъ разъ соотвѣтствовали окончаніямъ множ. числа латинскихъ прилагательныхъ: муж. *i*, жен. *ae*, сред. *a*. Напротивъ того, Ломоносовъ, въ своей *Грамматикѣ*, выразился [228] по этому вопросу съ замѣчательною умѣренностью: „*е* и *я*, говоритъ онъ, нерѣдко за едино употребляются, особливо во множ. числѣ прилагательныхъ пишутъ *святые* и *святыя*. Сіе различіе буквъ *е* и *я* въ родахъ именъ прилагательныхъ никакова раздѣленія чувствительно не производитъ: слѣдовательно обѣихъ буквъ *е* и *я*, во всѣхъ родахъ, употребленіе позволяется; хотя мнѣ и кажется, что *е* приличнѣе въ мужескихъ, а *я* въ женскихъ и среднихъ“ [3]). Построенное на этомъ основаніи правило, какъ оно ни произвольно, такъ утвердилось мало-по-малу, что стало соблюдаться съ величайшею строгостью. Такова сила условныхъ соглашеній въ языкѣ: имъ обыкновенно подчиняются съ гораздо большею внимательностью, нежели многимъ дѣйствительнымъ законамъ его. Замѣтимъ однакожъ, что въ первое время ломоносовскому взгляду на окончанія прилагательныхъ не всѣ безпрекословно слѣдовали: между противниками его выдается особенно Сумароковъ, который во всѣхъ трехъ родахъ продолжалъ постоянно писать *я*.

---

[1]) Тредьяковскій ошибочно утверждаетъ, что эта ороографія уже соблюдена въ книгѣ: *Меморіи или записки артиллерійскія*, соч. Сенъ-Реми, перев. съ фр. при его, Тредьяковскаго, участіи (Спб. 1732—1733): на повѣрку выходитъ, что здѣсь прилагательнымъ въ именит. множ. числа окончанія даются совершенно случайно. Вотъ примѣры: *славныя Авторы, станки суть разныя, цѣльные пушки, пороховые ящики, веревки которые, вещей которые*. Кстати, приведу еще нѣсколько образчиковъ правописанія этой книги: *ни одново, такова* (род. п. муж. рода); *о чомъ, щотъ, учоныхъ, щасливъ, очюнь, дватцать, на конецъ* (нарѣчіе), *по нынѣ*.

[2]) Пекарскаго *Дополн. извѣстія для біографіи Ломоносова*, Спб. 1865, стр. 98—119.

[3]) *Росс. Грам.* § 112.

Во взглядѣ на общій характеръ русской орѳографіи Ломоносовъ совершенно расходился съ Тредьяковскимъ. Послѣдній былъ такъ убѣжденъ въ превосходствѣ своей фонетической системы, что твердо вѣрилъ въ будущее торжество ея. „Я не отчаяваюсь, говорилъ онъ, чтобъ въ нѣкоторое время не сталі всѣ у насъ (такъ) пісать, ешче и учоны, ізъ которыхъ катоноватѣйшіі, позвольте учоное слово, наібольше хорохорятся противъ звоновъ“ [1]). Съ своей стороны Ломоносовъ, на котораго явно мѣтятъ эти слова, выразилъ противоположное мнѣніе съ крайнею осмотрительностью, требуя только: „чтобы правописаніе не удалялось много отъ чистаго выговору и чтобы не закрылись со всѣмъ слѣды произвожденія и сложенія речeній“ [2]).

Относительно буквы *ѣ* Тредьяковскій, отъ лица одного изъ своихъ вымышленныхъ собесѣдниковъ, спрашиваетъ: „Для чего [229] бы вмѣсто *ѣ* не писать вездѣ *е*?“ [3]), но рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно, опасаясь, что въ противномъ случаѣ „воспослѣдуетъ превелікая гібель чістому нашему выговору, въ премногіхъ тысячахъ рѣчей“ [4]): съ одной стороны, онъ очень хорошо понималъ, что въ произношеніи между *е* и *ѣ* нѣтъ никакой разницы (это нѣсколько разъ выражено въ *Разговорѣ*); но съ другой ему казалось, что если писать *тебе, победа, славе, верная, песнь, действо, крепко*, то всѣ будутъ произносить *е* такъ, какъ эту букву въ серединѣ слова произносятъ малороссіяне, т. е. безъ отонченія предыдущей согласной [5]). Основываясь на этомъ, онъ считалъ необходимымъ сохранить букву *ѣ*, когда она слѣдуетъ за согласною. Мы уже видѣли, что въ началѣ слоговъ онъ замѣнялъ ее буквою *е*.

Ломоносовъ отстаивалъ букву *ѣ* безусловно. По господствовавшимъ тогда понятіямъ, онъ различалъ, въ отношеніи къ выговору, *просторѣчіе* отъ *чтенія* и *предложенія рѣчей изустныхъ*. Несомнѣнное въ наше время тожество произношенія буквъ *е* и *ѣ* признавалось имъ только во вседневномъ говорѣ, да и то не вполнѣ: онъ находилъ, что „буквы *е* и *ѣ* въ просторѣчіи едва имѣютъ чувствительную разность, которую въ чтеніи весьма явственно слухъ раздѣляетъ, и требуетъ въ *е* дебелости, въ *ѣ* тонкости“ [6]) (т. е. напр. съ каѳедры надобно произносить какъ бы *дъэбъэлый, бъэзъ*, въ отличіе отъ вседневнаго выговора: *дебелый, безъ*, который сближаетъ эти слова съ произноше-

---

[1]) *Разговоръ объ ортографіи*, стр. 68 и 285 (изд. Смирдина).

[2]) *Росс. Грам.* § 108.

[3]) *Разговоръ*, стр. 41.

[4]) Тамъ же, стр. 127.

[5]) Въ этомъ опасеніи Тредьяковскаго было, очевидно, недоразумѣніе. Онъ не соображалъ, что передъ тонкою гласной, будетъ ли то *и*, или *э*, согласная непремѣнно должна подвергнуться отонченію: всякая наша согласная можетъ быть только двоякая; напр. *л* можетъ произноситься не иначе, какъ либо *лъ*, либо *ль*; но звука **лъэ** мы не имѣемъ, слѣд. можемъ имѣть единственно **льэ** или **лэ = ле**.

[6]) *Росс. Грам.* § 100.

ніемъ *бѣлый, бѣсъ*). Окончательно Ломоносовъ приходилъ къ такому заключенію: „Нѣкоторые покушались истребить букву *ѣ* изъ азбуки [230] Россійской [1]). Но сіе какъ не возможно, такъ и свойствамъ Россійскаго языка противно. Ибо ежели безъ буквы *ѣ* начать писать, а особливо печатать: то 1) тѣмъ, которые раздѣлять *е* отъ *ѣ* умѣютъ, не токмо покажется странно, но и въ чтеніи препятствовать станетъ. 2) Малороссіянамъ, которые и въ просторѣчіи *е* отъ *ѣ* явственно различаютъ, будетъ противъ свойства природнаго ихъ нарѣчія. 3) Уничтожится различеніе реченій разнаго знаменованія, а сходнаго произношенія, напр. *лечу*, *летѣтъ* отъ *лѣчу*, *лѣчитъ; пеню* (имя въ винительномъ) отъ *пѣню, пѣнишъ; пенье, пеньевъ* отъ *пѣнье, пѣнья; плень*, родительный множественный отъ именительнаго *плена́*, отъ *плѣнъ*, то есть *поло́нъ*, которыя всѣ и другія многія сими двумя буквами различаются" [2]).

Между особенностями ломоносовской ороографіи сто́итъ замѣтить еще слѣдующія начертанія: *рассѣятъ, иссушитъ; ево, твоево, слѣпова; доброй, синей, хорошей* (въ имен. муж. рода единств. ч.), *Василей; дватцатъ, бутто, лутче, змей; съ перьва*.

Въ общемъ характерѣ нашего правописанія конечно восторжествовала система Ломоносова, но въ частностяхъ, не смотря на громкую славу этого писателя, его ороографія ни при жизни его, ни послѣ не сдѣлалась общею. Насъ не можетъ удивлять, что и въ средѣ Академіи наукъ она не была вполнѣ принята; такъ въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ" Миллера, которыя издавались во все послѣднее десятилѣтіе жизни Ломоносова, является правописаніе, не всегда согласное съ его грамматикой.

Бо́льшаго распространенія правописаніе Ломоносова могло ожидать отъ школы; но многіе ли учили́сь по его грамматикѣ, да и каково было ученіе? Съ другой стороны, распространенію ломоносовскихъ правилъ мѣшала литературная вражда. Извѣстно, какова ороографія Сумарокова въ изданіяхъ его сочиненій; не лучше она была и въ его рукописяхъ, какъ видно напр. изъ его [231] писемъ къ И. И. Шувалову [3]). Но хотя онъ и плохо зналъ употребленіе буквы *ѣ*, хотя и вообще писалъ небрежно, однакожъ любилъ разсуждать о правописаніи и посвятилъ ему три статьи: одну въ видѣ наставленія „типографскимъ наборщикамъ" [4]) и двѣ по поводу появленія постороннихъ

---

[1]) Можетъ-быть, намекъ на Тредьяковскаго, который хотѣлъ ограничить употребленіе *ѣ*.

[2]) *Росс. Грам.* § 114.

[3]) См. въ *Запискахъ Акад. Наукъ*, т. I, изданныя нами Письма Ломоносова и Сумарокова къ И. И. Шувалову.

[4]) Полное собраніе всѣхъ соч. Сумарокова, т. VI, стр. 307.

трудовъ объ этомъ предметѣ [1]). Книжка, вызвавшая первую рецензію Сумарокова, намъ неизвѣстна: онъ приписываетъ ее своему пріятелю *Б.* (кто былъ этотъ Б., мы также не знаемъ). Въ другой критической статьѣ своей Сумароковъ разбиралъ изданную въ 1773 г. при Академіи наукъ брошюру подъ заглавіемъ: *Опытъ новаго россійскаго правописанія.* Подписанныя подъ предисловіемъ ея буквы *В. С.* означаютъ *Василія Свѣтова,* бывшаго переводчикомъ при Академіи, издавшаго русскую грамматику и разные переводы. По показанію Евгенія Болховитинова, онъ умеръ въ 1787 году, къ которому относится также 2-е изданіе его книжки о правописаніи. Въ его трудахъ обнаруживается рѣдкое для того времени пониманіе законовъ языка, такъ что въ исторіи русскаго слова и письма нельзя забыть Свѣтова. Сумароковъ, разбирая его книжку, справедливо одобряетъ многія его мнѣнія, иногда же высказываетъ и свои собственныя. Во всѣхъ трехъ орѳографическихъ статьяхъ своихъ онъ, съ свойственнымъ ему задоромъ, безъ всякаго систематическаго порядка, повторяя по нѣскольку разъ одно и то же, предлагаетъ то правила, не выдерживающія никакой критики, то весьма разумныя замѣчанія, показывающія инстинктивную лингвистическую смѣтливость. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ опирается на потомство, и потомство оправдало его. Такъ, онъ отвергаетъ ломоносовское правило писать въ муж. родѣ един. ч. *синей*, *хорошей*, *Василей*, вм. *синій*, *хорошій* и т. д., хотя это правило и было совершенно послѣдовательно при тогдашней орѳографіи муж. р. *доброй*, *знатной*, вм. *добрый*, [232] *знатный*. Вмѣстѣ съ Свѣтовымъ Сумароковъ осуждаетъ употребленіе въ иностранныхъ словахъ *і* вм. *и* (напр. *історія*), форму *генварь* вм. *январь*, *всіо* вм. *все*, *щастіе* вм. *счастіе*, а относительно словъ, оканчивающихся на *ж ч ш щ*, совѣтуетъ *принять въ основаніе лёгкое правило,* что имена мужскія этихъ окончаній пишутся съ *ъ* (*ножъ*, *мечъ*), а женскія — съ *ь* (*ложь*, *вещь*).

Сумароковъ возставалъ также противъ излишества прописныхъ буквъ въ началѣ словъ, замѣчая, что мы „великостью литеръ и нѣмцевъ перещеголяли"... Въ старину, по словамъ его, „кромѣ начала статьи, нигдѣ не ставливались большія литеры ниже во имени Божіемъ. Сіе пестритъ письма наши; да и на что то введено, въ чемъ кромѣ безобразія ничего нѣтъ?... Чтожъ до собственныхъ прилагательныхъ надлежитъ, такъ я ихъ малыми литерами начинаю: а ставятъ въ отсутствіи моемъ ихъ большими наборщики, думая, что я въ моей рукописи ошибся" [2]). Но въ то же время онъ такъ же безуспѣшно, какъ Ломоносовъ и Тредьяковскій, преслѣдовалъ букву *э*, которая всѣмъ имъ казалась лишнею: „Вошла было въ нашу азбуку",

---

[1]) Соч. Сум., X, 6.

[2]) Соч. Сум., X, 35, 36, 45.

говоритъ Сумароковъ, „странная литера для изъясненія словъ чужихъ; однако сей пришлецъ выгнанъ“ [1]). Такъ рѣшилъ и Свѣтовъ въ своей книжкѣ, но на практикѣ *э* удержалось. Что касается *ѳиты*, исключенной изъ азбуки Ломоносовымъ, то Сумароковъ, напротивъ, ее отстаивалъ, находя, будто она „произносится хотя и не такъ, какъ у грековъ, но гораздо нѣжняе нежели *ф*“. По этому-то поводу онъ передаетъ разговоръ свой съ знаменитымъ своимъ противникомъ: „Спрашивалъ я г. Ломоносова, ради чего онъ *ф*, а не *ѳ* оставилъ; на что мнѣ онъ отвѣчалъ тако: *Ета де литера стоитъ подпершися, и слѣдовательно бодряе*: отвѣтъ издѣвоченъ, но не важенъ“ [2]). Сумароковъ не понималъ мысли Ломоносова, что такъ какъ обѣ буквы произносятся совершенно одинаково, то нужна только та, которая прямо соотвѣтствуетъ [233] наличному звуку. Букву *щ* онъ терпѣлъ только по давности ея употребленія (для него главнымъ началомъ орѳографіи было писать такъ, какъ писали „наши разумные предки“ [3]), но собственно онъ, на этотъ разъ согласно съ Ломоносовымъ и Тредьяковскимъ, предпочиталъ *шч*. По тому самому у него вообще не лежало сердце къ гражданскому письму: онъ признавалъ большимъ неудобствомъ существованіе у насъ двухъ азбукъ и находилъ, что мы *нечувствительно* „отошли отъ несвойственнаго намъ латинскаго начертанія“ (принятаго за образецъ Петромъ Великимъ) „и пристали къ своему, данному намъ отъ грековъ, откуда и римляне свое начертаніе получили, и прилѣпилися мы къ подлиннику, отставъ отъ преображеннаго списка“ [4]). Здѣсь онъ разумѣлъ преимущественно замѣну буквы *зѣло* (ѕ) *землею* (з). Такое ученіе Сумароковъ проводилъ главнымъ образомъ, конечно, par esprit de contradiction, наперекоръ Тредьяковскому и особенно Ломоносову, увѣряя, что грамматика послѣдняго построена на основаніи провинціализмовъ, то холмогорскихъ, то малороссійскихъ. Замѣчательно вѣрно однакожъ смотрѣлъ Сумароковъ на законы сочетанія нашихъ согласныхъ съ слѣдующими за ними гласными и уже понималъ, что начертаніе послѣднихъ зависитъ отъ того, есть ли предыдущая — *тупая* (напр. **бъ**), или *острая* (напр. **бь**); въ послѣднемъ случаѣ онъ правильно разсуждалъ, что **бя** есть не что иное, какъ **бьа**, что въ сущности намъ не нужно буквы *і̂о* (т. е. позднѣйшаго *ё*), потому что „когда она необходима, такъ мы ее легко изобразить можемъ и писати *Альона, Семьонъ*, а слова, какъ напр. *ежъ*, можемъ мы писати *йожъ, Іокаста, Йокаста*... но, прибавлялъ онъ, трудняе новости вводить, нежели выводить“. Равнымъ образомъ онъ утверждалъ, что послѣ буквъ *і, е* наши чистыя гласныя *а* и *у* не могутъ оста-

---

[1]) Соч. Сум., VI, 314.
[2]) Тамъ же, X, 10 и 48.
[3]) Тамъ же, 32.
[4]) Тамъ же, 11.

ваться безъ отончченія впереди, почему и писалъ *Діяна, театръ*, какъ всѣ мы пишемъ: *матерія, Азія* или *іюнь, іюль* (не *іунь, іуль*); но здѣсь онъ былъ не совсѣмъ [234] правъ, какъ показываютъ слова: *тіунъ, діэта, Сіонъ* и др. Съ особенною настойчивостью онъ доказывалъ произвольность окончанія *е*, принятаго для прилагательныхъ муж. рода въ именит. падежѣ множ. числа. „Никто, говоритъ онъ по этому поводу, правила сего не устанавливалъ" (ср. выше, стр. 644, необязательное предложеніе Ломоносова); „но невѣжествомъ ввезено въ нашъ языкъ, ко трудности и ко безобразію онаго" [1]). — „Вы скажете, такъ пишутъ нынѣ. Кто такъ пишетъ нынѣ? Всѣ, вы скажете. Право не всѣ, ибо не всѣ еще симъ заражены, и никогда не заразятся, а то, что не имѣетъ ни малѣйшаго основанія, стоять не можетъ" [2]). Въ этомъ Сумароковъ жестоко ошибся, и его правило въ наставленіи наборщикамъ: „имена прилагательныя кончаются у меня во множественномъ всѣхъ родовъ въ именительномъ падежѣ на *я*", осталось одною изъ забытыхъ особенностей сумароковской орѳографіи; осуждаемое же имъ правило сдѣлалось строго-соблюдаемымъ закономъ. Браня Ломоносова, Сумароковъ однакожъ наивно жалуется на порчу языка по смерти великаго писателя. Въ своемъ обращеніи къ нему, онъ между прочимъ восклицаетъ: „Были врали и при жизни твоей; но было ихъ и мало, и были они поскромняе, а нынѣ они умножилися за грѣхи своихъ прародителей; и такъ пишутъ они, что бы имъ и стѣнъ стыдиться надлежало; а они и просвѣщенныхъ людей не стыдятся" и т. д. [3]). Любопытно замѣчаніе Сумарокова, что Ломоносовъ ужаснулся бы, если бъ увидѣлъ, какъ по смерти его печатаютъ его сочиненія, слѣдуя въ нихъ такому правописанію, котораго онъ не могъ бы одобрить (*востокъ, источникъ*) [4]). Для противодѣйствія искаженію языка онъ взываетъ къ Адодурову, Теплову, Полѣтикѣ, особенно же къ Козицкому и Мотонису; онъ жалѣетъ, что нѣтъ ученаго общества, которому бы [235] поручено было охраненіе языка, и что въ школахъ не учатъ ни правописанію, ни грамматикѣ [5]).

Состояніе правописанія послѣ Ломоносова.

Дѣйствительно, послѣднее изъ упомянутыхъ обстоятельствъ еще долго оставалось препятствіемъ къ распространенію у насъ болѣе правильнаго и однообразнаго письма. Съ 1770-хъ годовъ начали появ-

---

[1]) Соч. Сум., X, 29.
[2]) Тамъ же, VI, 309.
[3]) Тамъ же, X, 25.
[4]) Тамъ же (Ср. *Росс. Гр.*, § 123). Извѣстно, что въ этомъ обвиняютъ Козодавлева, подъ надзоромъ котораго печатались при Академіи соч. Ломоносова.
[5]) Тамъ же, 14, 37 и 56.

ляться краткіе учебники грамматики и правописанія, но съ одной стороны недоставало хорошихъ учителей и разумныхъ методъ преподаванія, съ другой большинство пишущихъ лишено было всякаго школьнаго образованія. „Наука", справедливо замѣчаетъ г. Буличъ, „была тогда достояніемъ немногихъ; она сосредоточивалась только въ академіи и московскомъ университетѣ и находилась въ рукахъ иностранцевъ, не умѣвшихъ писать по-русски" [1]). Свѣтовъ жалуется на множество людей, „которые по худымъ примѣрамъ и по закоренѣлой къ неправому письму привычкѣ пишутъ безразсудно, каковыми, прибавляетъ онъ, я почитаю большую часть поддьячихъ" [2]). Просматривая тогдашнія изданія и особенно рукописи, мы находимъ однакожъ, что тотъ же упрекъ падаетъ и на большую часть не только высшихъ должностныхъ лицъ, но и писателей. Вспомнимъ, напр., какъ писали Бецкой и Державинъ. Нѣкоторые писатели не могли являться въ литературѣ съ своею собственной орѳографіей и при печатаніи своихъ трудовъ обращались къ помощи другихъ. Такое положеніе дѣла продолжалось еще и въ нынѣшнемъ столѣтіи: Карамзинъ въ своей *Запискѣ о древней и новой Россіи* (стр. 2259 [3]) говоритъ: „Въ цѣломъ государствѣ едва ли найдешь человѣкъ сто, которые совершенно знаютъ правописаніе". Періодическія изданія уже и въ прошломъ столѣтіи представляютъ большое разнообразіе орѳографіи. Особенною обдуманностью ея [236] отличалась *Всякая Всячина* (1769) Козицкаго, котораго не даромъ хвалилъ Сумароковъ за знаніе языка [4]). Козицкій, по свидѣтельству ученика его, Свѣтова, называющаго его великимъ витіей, также написалъ сочиненіе о русской орѳографіи, оставшееся неизданнымъ [5]). О тогдашнемъ нашемъ правописаніи Свѣтовъ замѣчаетъ: „Оно подвержено многимъ изъятіямъ, великимъ несогласіямъ, сомнѣніямъ и трудностямъ, такъ что каждый почти писатель или пе-

---

[1]) *Сумароковъ и современная ему критика*, стр. 221.

[2]) *Опытъ нов. правописанія*, 4.

[3]) По изданію *Русскаго Архива*.

[4]) Не разъ онъ въ этомъ смыслѣ упоминаетъ о Козицкомъ и Мотонисѣ; см. напр. его *Соч.* X, 53.

Вотъ нѣсколько примѣровъ правописанія *Всякой Всячины*: того (не тово), никакого, какій, честный, сомнѣніе (впрочемъ иногда и сумнѣніе), изчезли, если (не естьли); въ нѣкоторыхъ случаяхъ Козицкій конечно писалъ не такъ, какъ пишутъ нынче, напр. по томъ, въ прочемъ (но не протчемъ), рускій, вышшій, истинна. Буквы э и онъ не употреблялъ.

[5]) Вѣроятно, рѣчь идетъ о Козицкомъ въ *Опытѣ нов. правопис.*, стр. 5. Витіей Свѣтовъ могъ называть его потому, что онъ былъ учителемъ краснорѣчія, т. е. греческой и латинской словесности, и писалъ рѣчи о пользѣ миѳологіи (Билярскаго *Матеріалы*). Кажется, Пекарскій въ своей статьѣ о *литературной и журнальной дѣятельности Екатерины II* напрасно выражаетъ сомнѣніе въ томъ, что Козицкій былъ издателемъ *Всякой Всячины*.

реводчикъ отличенъ чемъ ни будь въ правописаніи отъ другаго" [1]). Къ этому надобно прибавить, что даже въ каждомъ отдѣльномъ періодическомъ изданіи рѣдко соблюдалось однообразное правописаніе. Хотя нѣкоторые изъ этихъ изданій и печатались подъ надзоромъ одного лица (такимъ былъ напр. Козодавлевъ при *Собесѣдникѣ* княгини Дашковой), однакожъ почти во всякой статьѣ замѣтны различія, зависящія конечно отъ особенностей письма авторовъ.

Вотъ нѣсколько образчиковъ ороографіи *Собесѣдника: совсемъ, ково, отъ нее, знатной* (муж. р.), *младшей* (также), *нравственныя доводы*, и рядомъ съ тѣмъ: *какіе лѣса, предмѣтъ, присудствовать, свѣденія, если*, а въ другихъ случаяхъ: *естьли, порутчикъ, предметъ, витъ* (вм. вѣдь), *что бы, на конецъ, Эйлеръ, эй* (т. е. *э* употреблялось, хотя тутъ же встрѣчаемъ *поезія*).

Любопытно, между прочимъ, что въ то время существовало во многихъ случаяхъ двоякое правописаніе, одно для просторѣчія, [237] другое для *штиля* (т. е. высокаго слога): „Кажется, говоритъ Свѣтовъ [2]), что въ высокомъ слогѣ высокія особливо слова лучше кончить на **ый, ій**, оставивъ окончанія **ой, ѳй** просторѣчію и низкому, каковъ Комической, роду сочиненія". Этого правила придерживался еще и Карамзинъ (см. его *Письма къ Дмитріеву*), употребляя то или другое окончаніе, смотря по предмету, о которомъ онъ говорилъ. По этой же причинѣ, въ „Письмахъ Русскаго Путешественника" (*Моск. Журналъ*) онъ писалъ *этова*, а другія прилагательныя въ род. пад. муж. р. ед. ч. обыкновенно оканчивалъ на *аго*. Это напоминаетъ, что еще не такъ давно подобныя правила соблюдались иногда и въ произношеніи; такъ въ высокомъ слогѣ не позволялось говорить *Пётръ* вм. *Пэтръ*. „Неопредѣленныя наклоненія, утверждалось такимъ же образомъ, кончить на **ти** можно въ высокихъ рѣчахъ, и чемъ ближе глаголъ Словенскому свойству подходитъ, тѣмъ сіе окончаніе слуху пріятнѣе становится, напр. *вѣщати, глаголати*" [3]). Согласно съ этимъ поступалъ даже и Козицкій во *Всякой Всячинѣ*. Надобно однакожъ замѣтить, что Ломоносовъ съ обыкновеннымъ своимъ филологическимъ тактомъ отвергъ окончаніе **ти** въ глаголахъ [4]) и что въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, его послѣдователи не воспользовались его примѣромъ. Это окончаніе глаголовъ не встрѣчается и въ *Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ* Миллера, хотя названное изданіе, какъ уже было замѣчено, не во всемъ слѣдовало Ломоносову. Вотъ нѣкоторыя черты ороографіи этого замѣчательнаго журнала: *разсужденіе* (по правилу Ломон.), *прямого*,

---

[1]) *Опытъ нов. правоп.*, 7.

[2]) *Опытъ*, 17.

[3]) *Опытъ* Свѣтова, 26.

[4]) См. его *Грамматику*, § 115, гдѣ онъ говоритъ, что буква *и* „отъ окончанія неопредѣленныхъ глаголовъ и отъ втораго лица единст. ч. давно отставлена".

святаго, приятна, нужняе, притчина, протчимъ (и въ то же время *въ прочемъ*), *въ низъ, въ верхъ, на статуахъ, аудіэнція, искусство, риѳма, эпитафія*. На всѣхъ словахъ однозвучныхъ, но имѣющихъ различное удареніе, даже только въ разныхъ падежахъ, ставились *силы*, напр. *нача́ло, стои́тъ, пото́мъ*.

[238] Изъ всего сказаннаго видно, что орѳографія наша въ первыя десятилѣтія по смерти Ломоносова далеко не установилась. Нѣкоторыя слова писались просто неправильно; насчетъ другихъ были разныя мнѣнія. Иныя неправильности озабочивали грамматиковъ, которые однакожъ надѣялись, что онѣ со временемъ исчезнутъ. Такъ Свѣтовъ [1]) жаловался, что у насъ названія мѣсяцевъ искажены (*октябрь* вм. *октоврій, ноябрь* вм. *ноемврій, февраль* вм. *феврарій*), не замѣчая, что тутъ дѣло идетъ уже не о правописаніи, а о своеобразномъ произношеніи усвоенныхъ языкомъ, по его духу, названій. Поэтому, надежда его на будущее могла исполниться, и дѣйствительно исполнилась только въ отношеніи къ названію *января*, котораго другое написаніе *генварь* ему не нравилось. „Надобно, прибавляетъ онъ, исподоволь и по легоньку вводить въ употребленіе таковыя новости. Можетъ быть, со временемъ испорченныя простымъ и обыкновеннымъ выговоромъ слова не странно будетъ писать по настоящему ихъ произношенію". Въ самомъ дѣлѣ, во многихъ случаяхъ, гдѣ ошибки являлись только въ правописаніи, онѣ впослѣдствіи исчезли, хотя и очень медленно, такъ что напр. слово *генварь* еще и нынче нѣкоторыми, но уже весьма немногими, пишется по-старому.

Старанія изгнать лишнія буквы, и особенно Ѣ.

Въ старинныхъ журналахъ нашихъ остались слѣды того, что спорные вопросы орѳографіи не всегда обсуживались хладнокровно. Такъ въ *Новыхъ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ* 1787 года [2]), въ „Разсужденіи о стихотворствѣ россійскомъ" читается фраза: „не напрасно проименуются педантами или сими школьными упрямцами, которые за единую *ѳ* объявляютъ кровавую брань своему ближнему". По временамъ эти споры вызывали въ періодической литературѣ замѣтки или предложенія перемѣнъ. Въ *Собраніи Новостей* 1775 года, журналѣ, который впрочемъ не щеголялъ [239] орѳографіей, помѣщена довольно обширная статья безъ подписи [3]), присланная, по показанію редакціи, изъ Ярославля, подъ заглавіемъ: „Опытъ о языкѣ во общѣ (sic) и о россійскомъ языкѣ". Она раздѣлена на небольшія главы, изъ которыхъ

---

[1]) *Опытъ*, 27.
[2]) Ч. X, апрѣль, 38.
[3]) Октябрь, 58—79.

одна посвящена замѣчаніямъ „о нѣкоторыхъ буквахъ и правописаніи". Какъ вся статья, такъ и эта глава содержитъ въ себѣ большею частью неудачныя, отчасти даже нелѣпыя, но тѣмъ не менѣе любопытныя мысли. Такъ напр. авторъ предлагаетъ: вмѣсто новой буквы *э*, которую вообще преслѣдовали, писать *е* съ точкой наверху (*ė*), и такою же точкой отмѣчать букву *о*, когда она произносится какъ *а*; далѣе онъ предлагаетъ вовсе не употреблять буквъ *щ*, *ѣ*, *ѳ* и *ѵ*, какъ ненужныхъ по его мнѣнію, а вмѣсто ихъ ставить *шч*, *е*, *ф*, *и*. „Но языкъ нашъ", говоритъ онъ, „имѣетъ нужду въ буквѣ *ιô*, которую надлежитъ употреблять на письмѣ согласно съ произношеніемъ словъ". Въ концѣ статьи авторъ выразилъ весьма дѣльное желаніе, „чтобы въ Россіи, по примѣру другихъ просвѣщенныхъ народовъ, составленъ былъ Словарь, съ опредѣленіемъ точныхъ понятій на каждое слово. Желаніе это около того же времени высказывалось и другими. Незадолго передъ тѣмъ въ *Собраніи Новостей* [1]) напечатанъ былъ планъ русскаго словаря, задуманный обществомъ „нѣкоторыхъ партикулярныхъ людей, любителей наукъ словесныхъ": предполагалось составить его съ толкованіями на нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, италіянскомъ языкахъ и въ то же время приготовить словари этихъ языковъ съ русскимъ; смѣлые предприниматели намѣревались періодически (черезъ каждые два года) напечатать въ небольшомъ числѣ экземпляровъ три изданія, съ тѣмъ, чтобы напередъ вызвать замѣчанія свѣдущихъ лицъ, и надѣялись окончить все предпріятіе въ пять или шесть лѣтъ. Къ сожалѣнію это предпріятіе не осуществилось [2]), Около того же времени, въ октябрѣ [240] 1779 года, въ *Академическихъ Извѣстіяхъ* (стр. 77) напечатаны „Нѣкоторыя примѣчанія о языкѣ россійскомъ", подписанныя В. С. (т. е. извѣстнымъ уже намъ Вас. Свѣтовымъ). Мечтая также о русскомъ словарѣ и предлагая нѣсколько очень вѣрныхъ замѣчаній (хотя другія конечно отзываются тогдашнимъ младенчествомъ филологіи), онъ въ концѣ статьи говоритъ о Ломоносовѣ: „Онъ же и въ опредѣленіи числа россійскихъ буквъ и въ раздѣленіи ихъ кажется самъ съ собою не былъ согласенъ. Положивъ нужныхъ буквъ

---

[1]) Сентябрь, стр. 115.

[2]) Мы не знаемъ, кто были эти лица, но вотъ нѣкоторое указаніе на нихъ. Въ началѣ 1778 года Фонвизинъ писалъ изъ Монпелье къ Я. И. Булгакову: A„ propos! Я вижу, что и лексиконъ нашъ умираетъ при самомъ своемъ рожденіи. Повивальная бабушка, то есть Даниловскій, плохо его принимаетъ. Я считалъ его за половину, а онъ еще около первыхъ литеръ шатается. Увѣдомьте меня искренно, не спала ли у него охота. Я купилъ уже le Grand Vocabulaire. Въ маѣ онъ его вѣрно получитъ; но если молодецъ лѣнится, то пожалуйте, по привозѣ le Grand Vocabulaire, продайте его и деньги ко мнѣ переведите". (*Соч. Д. И. Фонъ-Визина*, Спб. 1866, стр. 273). Какой-то Даниловскій около 1783 г. былъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Гагѣ; въ Смирд. *Росписи* значится Іоакимъ Евфим. Даниловскій, который въ 1812 и 1814 г. напечаталъ два учебника по географіи и по французскому языку.

токмо 30, выключилъ изъ алфавита Росс. *і*, *щ* и *ѳ*, кои однако самъ вездѣ употреблялъ. Не смотря на одинакой *и* и *і* выговоръ, различается одна отъ другой тщательно въ правописаніи Россійскомъ. Букву *щ* за тѣмъ не внесъ въ число, что она сложена изъ двухъ письменъ *шч* или *сч*; но ежели по сему правилу поступать, то надлежало ему выключить также *ц* и *ч*, потому что *ц* сложена изъ *тс* или *дс*, *ч* изъ *тш*". Къ примѣчаніямъ приложена особая статейка: „Споръ у буквы *и* съ *і*". *Ѳита* рѣшаетъ этотъ споръ слѣдующими словами: „Перестаньте и подите по своимъ мѣстамъ: вы оба въ одно время въ Русь пріѣхали изъ Греціи; только *ц* и другія нѣкоторыя буквы не нашего поколѣнія". Рѣшеніе *ѳиты* получило силу закона, но только собственное ея право на существованіе весьма сомнительно.

Нельзя также оставить безъ вниманія орѳографическихъ соображеній Подшивалова, напечатанныхъ послѣ его смерти въ *Трудахъ Общества любителей россійской словесности* (Ч. V, 1816), въ статьѣ: „Чтеніе и письмо" (стр. 82). И онъ полагаетъ, [241] что со временемъ изъ русской азбуки исчезнутъ, какъ ненужныя, буквы: *ѳ*, *и*, *щ*, *ѣ*, *э*, вмѣсто которыхъ будутъ писать: *ф*, *і*, *сч*, *е*. Букву *й* предлагаетъ онъ замѣнить *ί*, а разные случаи употребленія *е* означать акцентами ´ ` ^. Кромѣ того, онъ считаетъ возможнымъ обойтись безъ *ъ* и *ь*, вмѣсто которыхъ можно бы ставить черточки (—) или знакъ апострофа ('), или *ерокъ*. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, азбука наша можетъ быть сокращена до 27-ми или, много, 28-ми буквъ.

По примѣру Подшивалова и А. Е. Измайловъ считалъ безполезными *и*, *э*, *ѣ*, *ѳ*, *щ* и *ъ*, и сожалѣлъ, что эти шесть буквъ не были изгнаны изъ русской азбуки вмѣстѣ съ *кси*, *пси* и *икомъ*, т. е. *оу* (*Благонамѣр.* 1824, № 11).

Гоненія на букву *ъ* начались очень рано. Еще Тредьяковскій въ своемъ „Разговорѣ" упоминаетъ о „нѣкоторыхъ особахъ", которыя хотѣли замѣнить ее надстрочнымъ знакомъ [1]). Болѣе рѣшительныя покушенія противъ **ера** являются въ печати подъ конецъ прошлаго столѣтія. По распоряженію директора Академіи наукъ Домашнева, въ нѣсколькихъ книжкахъ *Академическихъ Извѣстій* за 1781 годъ печатался безъ этой буквы отдѣлъ: „Показанія новѣйшихъ трудовъ разныхъ Академій". Есть свѣдѣніе, что профессоръ Московскаго университета Антонъ Алексѣевичъ Барсовъ, въ своемъ латинскомъ раз-

---

[1]) *Разговоръ*, стр. 222. Тутъ надо, вѣроятно, разумѣть главнымъ образомъ Адодурова, который „считается однимъ изъ первыхъ русскихъ писателей, хотѣвшихъ изгнать изъ русскаго алфавита букву *ъ*". (Пекар. *Истор. Ак. Наукъ*, I, 507). Къ сожалѣнію, я нигдѣ не могъ найти слѣдовъ книжки „Правила россійской орѳографіи", приписываемой Новиковымъ Адодурову. Самъ Тредьяковскій находилъ, что мы могли бы обойтись безъ *ера*, и усердно доказывалъ, что *ъ* и *ь* не буквы, а только знаки извѣстнаго произношенія, въ чемъ онъ и правъ; но дѣло не въ названіи.

сужденіи De brachygraphia, предлагалъ выключить ъ изъ русской азбуки и употреблять на письмѣ, кромѣ того, разныя сокращенія; было ли это сочиненіе напечатано, намъ неизвѣстно; оно не отыскалось ни въ петербургской Публичной библіотекѣ, ни въ библіотекѣ Московскаго [242] университета [1]). Но что Барсовъ дѣйствительно желалъ, въ концѣ словъ, обходиться безъ **ера**, на это есть другія доказательства: въ *Краткихъ правилахъ Россійской грамматики*, учебникѣ, составленномъ имъ для гимназій и изданномъ въ первый разъ въ 1771 году, а потомъ часто перепечатывавшемся, находимъ слѣдующее замѣчаніе: „ъ значитъ только природное, т. е. дебелое окончаніе согласныхъ и употребляется при нихъ только въ концѣ реченій; хотя оныя буквы тутъ и безъ него не иначе бы выговорены были какъ и въ срединѣ безъ него жъ выговариваются. Напр. въ словѣ *Антонъ* послѣдній складъ *тонъ* не иначе выговаривается какъ и первой *Ан*, слѣдовательно можнобъ оное слово такъ и писать всегда *Антон*, а потому и всѣ другія согласными буквами оканчивающіяся такимъ же образомъ, какъ во всѣхъ другихъ извѣстныхъ языкахъ, изъ которыхъ ни въ одномъ сего знака нѣтъ, хотя всякой изъ нихъ безчисленное множество словъ на согласныя кончающихся имѣетъ; и такъ онъ въ семъ разсужденіи почти совсѣмъ излишній. Напротивъ того почитается надобнымъ, для отдѣленія согласной, принадлежащей къ первой части сложнаго реченія, отъ гласной, которая принадлежитъ ко второй части онаго, наприм. *объявляю, подъемлю, изъятіе* и проч., дабы не читать *обявляю, подемлю, изятіе*“. Точно такъ же Барсовъ въ грамматикѣ своей признаетъ излишними двѣ греческія буквы *ѵ* и *ѳ*. О послѣдней онъ отзывается очень категорически: „какъ точное греческое оной буквы произношеніе большей части изъ Россіанъ неизвѣстно и трудно и она у насъ въ выговорѣ никакой не имѣетъ разности отъ *ф*, то можно вмѣсто ея вездѣ *ф* писать“ [2]). Полнымъ образчикомъ правописанія, какого желалъ [243] Барсовъ, можетъ служить отрывокъ изъ оставшихся послѣ него рукописей, напечатанный Карамзинымъ, съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника, въ *Московскомъ Журналѣ* 1792 года [3]), подъ заглавіемъ: „Сводъ бытій Россійскихъ“. Вотъ нѣсколько строкъ оттуда: „Словар Географіческії мѣст,

---

[1]) Евгеній въ своемъ Словарѣ, относя это разсужденіе къ 1790 году, говоритъ, что здѣсь Барсовъ совѣтовалъ также „писать многія русскія слова сокращенно, а нѣкоторыя только одною, двумя или тремя начальными буквами, а особливо имена собственныя и часто повторяемыя существительныя и даже прилагательныя“. По біографическому Словарю профессоровъ Моск. университета, эта диссертація была произнесена въ 1768 году. Приношу Н. С. Тихонравову искреннюю мою признательность за его стараніе, хотя и не увѣнчавшееся успѣхомъ, отыскать, по моей просьбѣ, сочиненіе De brachygraphia.

[2]) *Краткія правила Росс. грамм.* М. 1782, стр. 84—88.

[3]) Часть VII, стр. 344—347.

с проісшествіямі в ніх случівшіміся, із коіх многіе частные словарї в том же отношеніі ізвлечены быт могут, на прім. Юрідіческії, ученыї, военныї, Історіі Естественної і проч. всеж то с пріобщеніем разных спісков собрано імрек такім-то, і нѣкоторым новым, сокращеннѣїшим протів обыкновеннаго образом і способом напечатано"...

Мысль объ изъятии изъ нашего письма буквы ъ, вполнѣ или только въ концѣ словъ, не только повторялась многими, но и осуществлялась по временамъ въ печати, какъ въ прошломъ, такъ и въ нынѣшнемъ столѣтіи. О новѣйшихъ врагахъ этой буквы упомяну ниже, а здѣсь укажу, кромѣ названныхъ уже Домашнева и Барсова, еще на Чеботарева, Шлецера, Н. Ѳ. Эмина, Лабзина, Языкова и Измайлова, не говоря о другихъ менѣе извѣстныхъ. Здѣсь же кстати привести заглавія книгъ, въ былое время напечатанныхъ безъ ъ: 1) Ода на заключеніе мира съ Готѳами. Н. Эмина. Спб. 1790 [1]); 2) Кровопролитная война у Архипыча с'Еремѣевной. Соч. Михаила Бранкевича, М. 1810. (По словамъ Геннади, это сатирическая бесѣда, вызванная войною съ Турками); 3) Дух Эккартсгаузена, М. 1810 [2]); 4) Влюбленный Шекспир, соч. Дювиля, пер. Д. Языкова. Спб. 1807; [244] 5) Сравненія, замѣчанія и мечтанія, писанныя в' 1804 году во время путешествія одним Руским. Перевод съ Нѣмецкаго (соч. Д. Языкова) [3]) Спб. 1808.

Что касается Чеботарева и Шлецера, то ихъ нерасположеніе къ буквѣ ъ видно изъ письма послѣдняго къ профессору Московскаго университета Гейму. Въ этомъ письмѣ (1804 г.) Шлецеръ, говоря объ учрежденіи ученаго общества для критическаго изданія русскихъ лѣтописей, замѣчаетъ, что свѣдѣніе о томъ сообщилъ ему „г. Чеботарев, который терпѣть не может ъ, и я также", прибавляетъ знаменитый историкъ [4]).

О враждѣ мистика А. Ѳ. Лабзина къ буквѣ ъ намъ извѣстно по преданію, которое подтверждается слѣдующими словами изъ записокъ В. И. Панаева: „Въ бумагахъ покойнаго отца моего нашлось множе-

[1]) Къ этой-то одѣ, какъ теперь несомнѣнно, относится двустишіе Державина:
„Прекрасно написалъ ты оду безъ еровъ;
Но лучше бы еще, когда бъ совсѣмъ безъ словъ". Соч. Держ. III, 199).

[2]) Заимствую эти указанія изъ двухъ статей, за подписью *Григорія Книжника* напечатанныхъ: въ *Моск. Вѣд.* 1856, № 92, и въ *Книжномъ Вѣстникѣ* 1862; № 11. Въ числѣ противниковъ *ера* Геннади называетъ также извѣстнаго Сковороду; но по справкамъ, обязательно доставленнымъ мнѣ А. Ѳ. Бычковымъ, большая часть рукописей Сковороды оказывается съ *еромъ*; у И. И. Срезневскаго нашлось нѣсколько собственноручныхъ писемъ малороссійскаго философа (1786—1788 г.), гдѣ онъ не употреблялъ ни ъ, ни ь.

[3]) Ниже будутъ исчислены позднѣйшія изданія книгъ безъ *ера*.

[4]) „Hr. Чеботарев (der kein ъ leiden kan, ich auch nicht)". См. *Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей.* Ч. IV, кн. 1. М. 1828.

ство писемъ Лабзина подъ псевдонимомъ *Безъеровъ*, вѣроятно потому, что онъ нигдѣ *еровъ* не ставилъ" [1]). Мы знаемъ, что Лабзинъ напечаталъ нѣсколько переводовъ изъ Эккартсгаузена. Соображая то и другое свѣдѣніе, можно догадываться, что названное выше подъ цифрою 3 изданіе „Дух Эккартсгаузена" находится въ связи со взглядами Лабзина, хотя переводъ этой книги и принадлежитъ М. Бранкевичу, какъ видно изъ его подписи подъ посвященіемъ И. В. Лопухину. Біографъ Лабзина, г. Безсоновъ, жалуясь на трудность перечислить всѣ его сочиненія и переводы, свидѣтельствуетъ, что есть такія изданія, которыя напечатаны безъ его имени, но составлены подъ его руководствомъ [2]).

Въ исторіи нашего *ера* случайно является также одно изъ знаменитѣйшихъ именъ европейской науки, впрочемъ, опять на сторонѣ противниковъ этой буквы. Находясь въ Петербургѣ въ 1830 году, Александръ Гумбольдтъ, на вечерѣ у извѣстнаго [245] А. Н. Оленина [3]), выразилъ свое мнѣніе о совершенномъ излишествѣ *ера* въ нашей азбукѣ. На другое утро онъ получилъ написанное изящнымъ французскимъ языкомъ письмо за подписью: „la lettre ъ", въ которомъ кто-то съ жаромъ вступился за права этой буквы, основанныя не только на древности ея, но и на ея значеніи, особливо въ серединѣ словъ. Авторомъ письма, за котораго Гумбольдтъ сперва принялъ-было Д. Н. Блудова, оказался потомъ Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій, печатавшій свои сочиненія подъ псевдонимомъ Антонія Погорельскаго [4]).

Правописаніе Карамзина.

Эпоху въ успѣхахъ русскаго правописанія составило появленіе въ 1791 году *Московскаго Журнала*. Всегдашнюю свою заботу о чистотѣ и правильности языка Карамзинъ распространялъ и на орѳографію: отдавалъ себѣ строгій отчетъ въ употребленіи не только каждаго слова, но и каждой буквы, не устраняя изъ своего письма ни одной. Такимъ образомъ ему должно быть приписано установленіе не только литературнаго языка, но и правописанія русскаго. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ однакожъ онъ вначалѣ писалъ не такъ, какъ мы теперь пишемъ и какъ самъ онъ писалъ впослѣдствіи: такъ въ *Моск. Журн.* мы читаемъ: *растѣніе*, *щастіе*, *не чего*, *по томъ*, *поселенцовъ*, *Руской*

---

[1]) *Вѣст. Евр.* 1867, IV, стр. 248 въ *Воспоминаніяхъ* Панаева.

[2]) *Р. Архивъ* 1866, стр. 825.

[3]) Слышано отъ покойнаго графа Ѳ. П. Литке, бывшаго также на этомъ вечерѣ.

[4]) Сколько мнѣ извѣстно, это письмо и отвѣтъ Гумбольдта были напечатаны четыре раза: 1) въ *Литер. Газетѣ* барона Дельвига, 1830, № 22; 2) въ *Маякѣ* 1842, кн. VIII; 3) въ сочиненіяхъ Погорельскаго, изд. 1853, т. II, и 4) въ *Русскомъ Архивѣ* 1865, стр. 1128—1138.

народъ, яицы, этова (какъ слово просторѣчія), *естьли, сверьхъ, яишница, молошный, порутчикъ, серебреной, ширъ, ни кто, лѣсница, ни чѣмъ, прилѣжность, почтилліонъ.* Но онъ уже тогда писалъ: *истина, свѣдѣніе, лучше* (не *лутче*), *плечо, искусство, лекарь, лечить, завтрашній, причина, письмо, страдальцевъ, эѳиръ, вѣдь, прочее, навѣки, ввечеру, пѣвцомъ, лицомъ* и проч.

[246] Постепенно Карамзинъ видоизмѣнялъ нѣкоторыя частности своего правописанія. Такъ въ *Моск. Журналѣ* онъ писалъ сперва *почтилліонъ,* позднѣе же *почтильйонъ*, способъ написанія, который въ 1840-хъ годахъ былъ принятъ *Отеч. Записками*, а въ 60-хъ *Московскими Вѣдомостями* для словъ подобнаго рода (*батальйонъ*). Букву *й* употреблялъ онъ не только въ этомъ случаѣ, но иногда и въ началѣ иностранныхъ словъ, напр. въ имени *Йокке* (*Ист. Гос. Росс.* т. IV, стр. 161). Не любя надстрочныхъ знаковъ, не отмѣчая напр. ударенія, онъ однакожъ ввелъ *двоеточіе* надъ буквою *е* въ тѣхъ случаяхъ, когда прежде писали *іô*. Въ одной изъ книжекъ *Аонидъ* въ первый разъ написано такъ, въ концѣ стиха, словъ *слёзы* и въ выноскѣ замѣчено: „Буква *е* съ двумя точками замѣняетъ іô“ [1]). Въ сложныхъ реченіяхъ, составленныхъ изъ двухъ отдѣльныхъ словъ, онъ въ концѣ перваго (муж. рода) иногда не писалъ *ера*. Такъ въ „Похвальномъ словѣ Екатеринѣ II“ написано: „*Ангальт-Цербстскаго Дома*“ [2]). Слово *если* писалъ онъ долго со вставкою буквъ *ть*, и только въ послѣдніе годы жизни сталъ писать его такъ, какъ оно теперь пишется и какъ иногда писалось уже въ весьма давнее время. (Такъ эта орѳографія встрѣчается уже, по крайней мѣрѣ разъ, въ *Духовномъ Регламентѣ*, напечатанномъ гражданскимъ шрифтомъ). Не оправданную временемъ черту орѳографіи Карамзина составляетъ обиліе большихъ буквъ: ими начинаются у него не только всѣ иностранныя существительныя имена (не говоря уже о собственныхъ, сущ. и прилаг.), но и многія свои, которымъ приписывалось особое значеніе. Такъ напр. онъ пишетъ всегда, не измѣняя этой привычкѣ до конца жизни: *Авторъ, Литтература, Герой, Поэтъ. Лѣтописецъ, Вѣра* (даже *Магометова*), *Судьба, Правительство, Природа, Держава, Члены* (о лицахъ), *Науки, Искусства* и проч. Это дѣлалось и другими на основаніи правила, что большою буквою означаются имена *почтенныя* [3]) и что взятыя [247] съ иностранныхъ языковъ слова отличаются отъ „природныхъ россійскихъ прописною начальною буквою“. Свѣтовъ сознавался, что на это нѣтъ достаточныхъ причинъ; но прибавлялъ, что такъ какъ большая часть писателей такъ поступаетъ, „то должно непремѣнно въ томъ всѣмъ согла-

[1]) *Аониды*, кн. 2-я (1797), стр. 176: „Опытная Соломонова мудрость“.
[2]) *Соч. Карамзина*, т. VIII, стр. 6. М. 1804.
[3]) Правило, принятое уже Ломоносовымъ (см. его *Грамматику*, § 129).

ситься и принять за правило, почитая за безполезное спорить о такихъ мелочахъ" [1]). Здѣсь не мѣсто говорить объ особенностяхъ Карамзинскаго языка; упомяну однакожъ объ одной, по связи ея съ орѳографіею. Карамзинъ не признавалъ глагольной формы *рѣшать*, которой нѣтъ во всѣхъ одиннадцати томахъ его Исторіи, и употреблялъ только форму *рѣшить*, считая ее несовершеннымъ видомъ. Того же мнѣнія былъ и Пушкинъ, который, въ особенной замѣткѣ, указывая на первую форму, какъ на ошибочную, хотя и многими употребляемую, заключаетъ: „Рѣшу спрягается какъ грѣшу" [2]). Очевидно, что разсуждать такъ значитъ налагать на языкъ произвольныя грамматическія оковы.

Впрочемъ, Пушкина никакъ нельзя вообще упрекать въ подобномъ направленіи. Но, въ рукахъ нѣкоторыхъ другихъ, теоретическая разработка русскаго языка въ началѣ нынѣшняго столѣтія приняла этотъ характеръ. Такою явилась она уже въ первомъ изданіи академической грамматики (1802), вызвавшемъ извѣстную статью Карамзина въ *Вѣстникѣ Европы*: „Великій мужъ русской грамматики" [3]). Въ трудѣ Росс. Академіи, въ которомъ главное участіе принадлежало П. И. Соколову, первая часть посвящена правописанію; но она въ этомъ отношеніи очень неудачно поправляетъ Ломоносова, наприм. буквы *и* и *ы* причисляетъ къ *сложнымъ* гласнымъ по той причинѣ, что „онѣ состоятъ изъ двухъ письменъ", а ъ и ь называетъ *средними* [4]) буквами; [248] когда *е* произносится какъ *іо*, она совѣтуетъ удерживать въ правописаніи лучше букву *е*, исключая: *сиґо, Маіоръ, Маіорскій;* о карамзинскомъ начертаніи *ё* нѣтъ и помину. Въ главѣ объ „особенныхъ правилахъ правописанія" пропущены многіе случаи, на которые уже было обращено вниманіе Ломоносовымъ, Свѣтовымъ и Сумароковымъ, а вмѣсто того введены нѣкоторыя либо несостоятельныя, либо мелочныя правила; между прочимъ предлагается въ словахъ *щетъ, пещаный* и т. п. удерживать предпочтительно букву *щ*.

Востоковъ и Гречъ.

Въ 1808 году Ив. Март. Борнъ, учитель русскаго языка въ нѣмецкомъ училищѣ Св. Петра, издалъ *Краткое руководство къ россійской словесности*, книгу, для насъ любопытную особенно тѣмъ, что въ ней напечатаны первыя грамматическія замѣтки Востокова, присоеди-

---

[1]) *Опытъ новаго росс. правописанія.* Спб. 1787, стр. 16.

[2]) *Соч. Пушк.* (изд. Анн.), т. V, стр. 43.

[3]) Подъ этимъ именемъ, какъ извѣстно, Карамзинъ разумѣлъ Барсова. См. Погодина *Карамзинъ*, II, 126.

[4]) Въ названіи этихъ буквъ долго не могли согласиться грамматисты. Французъ Модрю (Maudru), 1808 г., называетъ *ъ слюнобезгласною!* См. его *Основательное сокращеніе Россійскія грамматики* (М. 1808).

ненныя мѣстами къ тексту издателя, въ видѣ особыхъ примѣчаній, съ подписью *Остенекъ-Востоковъ.* Онъ является тутъ критикомъ Россійской Академіи и послѣдователемъ Карамзина. Въ главѣ „о правописаніи и словопроизношеніи" разъяснены съ особенною внимательностью случаи, когда буква *е* произносится какъ *іо̂*, и замѣчательно, что кромѣ этого послѣдняго начертанія принята въ многочисленныхъ примѣрахъ уже и буква *ё* (*берёза, дешёвый, жёлудь* и проч.) [1]. Неменѣе любопытны, хотя и не со всѣми ими можно согласиться, тогдашнія замѣтки Востокова о буквахъ *ѣ ъ ь*; особенно справедливо то, чтó онъ говоритъ о буквѣ ъ, которую считаетъ излишнею: „..пишется она только въ окончаніи словъ, а слышна бываетъ вездѣ, и въ началѣ и въ серединѣ словъ, напр. лъошадь, желъаю, полъка, нъашъ, гнъу, приманъка, съало, масъло, невѣсъта. Ежели она во всѣхъ сихъ случаяхъ не пишется, а [249] подразумѣвается, то можетъ и въ окончаніи подразумѣваться тамъ, гдѣ не будетъ стоять ь: но и сію букву весьма бы можно замѣнить апострофомъ или какимъ другимъ знакомъ" [2]. Кстати замѣтимъ, что послѣ буквъ *ж ч ш щ* въ концѣ именъ муж. рода Востоковъ ставилъ ъ, отличаясь тѣмъ отъ Карамзина, который писалъ *мечь, лучь,* но послѣ остальныхъ шипящихъ также писалъ ъ. Относительно прописныхъ буквъ В. держался стариннаго правила, что онѣ пишутся между прочимъ въ началѣ названій „важныхъ государственныхъ мѣстъ и чиновъ". Впослѣдствіи онъ видоизмѣнилъ это правило, сказавъ, что изъ нарицательныхъ именъ прописною буквою пишутся: „титла, чины и должности лицъ разнаго званія, выключая самыя низшія степени, какъ-то: *солдатъ, матросъ, дьячекъ, пономаръ*", также: „имена Правительствъ и мѣстъ Судебныхъ, Обществъ и сословій; напр.: *Государство, Правительство, Сенатъ, Департаментъ, Дворянство, Купечество и пр.*" [3].

Въ 1811 году на грамматическое поприще выступаетъ Гречъ, и вскорѣ русское правописаніе надолго подчиняется его вліянію. Первымъ трудомъ его по теоріи языка была брошюра *Опытъ о русскихъ спряженіяхъ* [4]. Но еще важнѣе было начатое имъ въ [250] слѣдую-

---

[1]) Впослѣдствіи Востоковъ говорилъ: „Для изображенія звука іо̂, слышимаго въ просторѣчіи вмѣсто *е*, введено начертаніе *ё*, но употребленіе сего начертанія нѣкоторыми не одобряется, будучи признаваемо излишнимъ тамъ, гдѣ можно писать *е*" (*Русск. Грамм.*, Спб. 1839, стр. 253).

[2]) *Кр. руковод. къ росс. словесн.*, стр. 11.

[3]) *Русск. Грамматика*, Спб. 1839, стр. 373.

[4]) „*Съ таблицею*" (Спб. 1811). Въ началѣ эпиграфъ изъ Гёте. Въ короткомъ предисловіи авторъ сознается, что основная мысль брошюры (раздѣленіе глаголовъ по значенію, — по объему дѣйствія, — на простые, однократные, учащательные и сложные) принадлежитъ Борну, его другу и предмѣстнику въ нѣмецкомъ училищѣ Св. Петра. Общество любителей словесности, наукъ и художествъ, въ которомъ этотъ опытъ былъ читанъ, поручило Востокову разсмотрѣть рукопись, и его отзывъ, вполнѣ

щемъ году изданіе *Сына Отечества*. Здѣсь, какъ и во всѣхъ дальнѣйшихъ своихъ изданіяхъ, Гречъ, въ отношеніи къ языку вообще и къ правописанію въ особенности, является строгимъ послѣдователемъ Карамзина. Вся его грамматика была впослѣдствіи построена на сочиненіяхъ знаменитаго исторіографа. Нисколько не уменьшая услугъ, оказанныхъ Гречемъ русскому языку, особенно въ педагогической сферѣ, нельзя однакожъ не замѣтить, что онъ обращался съ нимъ такъ же, какъ Готшедъ съ языкомъ нѣмецкимъ. Господствующимъ направленіемъ Греча было не изслѣдованіе законовъ языка, для чего необходимо справляться и съ исторіею его, и съ народною, вообще съ живою рѣчью, а установленіе *правилъ* по избраннымъ литературнымъ образцамъ. Когда же образцы не давали отвѣта, или когда между ними замѣчалось разногласіе, — придумывались правила чисто-условныя, основанныя на механической правильности построенія фразы, или на внѣшнихъ соображеніяхъ. Свобода, разнообразіе, прихотливость языка, иногда видимыя отступленія отъ правилъ, не принимались въ расчетъ, или служили поводомъ къ *исключеніямъ*. Положимъ напр., что вы употребили выраженіе: „можно бы подумать“ или написали: „всклокоченные волосы“. Нѣтъ, восклицалъ Гречъ: надобно сказать: „можно было бы подумать“ [1]; — „всклоченные волосы“, не обращая вниманія на то, что вся Русь говоритъ иначе. Такъ и по орѳографіи говорилось: „пишите *лекарь* (какъ писалъ Карамзинъ): это слово происходитъ отъ [251] глагола *лечить*; пишите *наизустъ*, а не *наизусть*, потому что предлогъ *изъ* требуетъ родительнаго падежа: *устъ*. Но авторитетъ Греча,

---

одобрительный, напечатанъ въ концѣ книжки. Слѣдующій грамматическій трудъ Греча былъ изданъ въ 1823 г. въ числѣ 50-ти экземпляровъ подъ заглавіемъ: *Корректурные листы Русской Грамматики*, тетрадь 1, въ 4 д. л., съ большими полями для замѣчаній. Въ предисловіи объяснено, что Общество любителей словесности предложило автору „привести въ порядокъ и издать собранныя имъ въ теченіе многихъ лѣтъ правила русской грамматики“. Въ концѣ предисловія сказано: „Почтенный писатель нашъ В. А. Жуковскій сообщилъ мнѣ рукописныя свои замѣчанія о Русс. Грам., изъ коихъ я заимствовалъ много новаго и полезнаго“. (Жуковскій преподавалъ тогда русскій языкъ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ). Въ 1827 г. напечатаны: *Практич. русская грамматика* и *Пространная русс. грам.*, Греча; въ 1828 г. *Начальныя правила русс. грам.*, и съ тѣхъ поръ тѣ же труды являлись въ разныхъ видахъ и подъ разными заглавіями. — Грамматическіе труды Востокова напечатаны были отдѣльно въ первый разъ въ 1831 году подъ заглавіями: *Русская Грамматика* и *Сокращенная русс. грам. для употребленія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ* (по порученію Комитета для разсмотрѣнія учебныхъ пособій). Каждая изъ нихъ, особенно послѣдняя, перепечатывалась потомъ нѣсколько разъ. Въ началѣ Востоковъ заявилъ, какъ много онъ обязанъ труду чеха А. Я. Пухмайера: „Lehrgebäude der Russischen Sprache, nach dem Lehrgebäude der Böhmischen Sprache des H. Abbe Dobrovsky. Prag. 1820“.

[1]) На томъ будто бы основаніи, что глаголъ *быть* можетъ подразумѣваться только въ настоящемъ времени.

проповѣдывавшаго эти произвольныя правила въ многочисленныхъ изданіяхъ своей грамматики и проводившаго ихъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Булгаринымъ, въ журналахъ, въ *Сѣверной Пчелѣ* и въ отдѣльныхъ книгахъ, былъ такъ великъ, что правила этого рода сдѣлались господствующими и держались почти неизмѣнно лѣтъ двадцать, то-есть почти до сороковыхъ годовъ. Разумѣется, впрочемъ, что въ первое время существованія *Сына Отечества* встрѣчаются въ немъ начертанія словъ, позднѣе оставленныя самимъ издателемъ. Такъ въ 1812 году онъ еще писалъ, напр.: *естьли, щастіе, порутчикъ, Рускіе, угнѣтенный*, т. е. писалъ такъ, какъ Карамзинъ до появленія *Исторіи Государства Россійскаго*.

Измѣненія орѳографіи послѣ Карамзина.

Нѣкоторыя отступленія отъ карамзинской орѳографіи становятся особенно замѣтными сперва въ *Вѣстникѣ Европы* Каченовскаго, а потомъ въ *Библіотекѣ для чтенія* Сенковскаго. Каченовскій (см. *В. Е.* 1830) не отдѣлялъ напр. частицы *не* отъ глаголовъ (*неслѣдуетъ*), любилъ ударенія (*ка́къ, та́къ, ни́же, нахо́дите*), не употреблялъ ни *э* (*ето, Поезія*), ни *ё* (*Гете*), писалъ *идти* (не *итти*), *искуство, другій, вразсужденіи* (хотя онъ же писалъ *не уже ли*); но особенно оригинально его правописаніе въ греческихъ словахъ, въ которыхъ онъ для звука *и* писалъ то *і*, то *ѵ*, напр. *Іліада, Іѳака, Ахіллесъ, Ѳерсітъ, Политіка, Улѵссъ, Смѵрна, сѵстема*. Отступленія *Библіотека для Чтенія*, которая начала издаваться съ 1834 года, заключались главнымъ образомъ въ менѣе частомъ употребленіи прописныхъ буквъ и въ стремленіи обозначать черточками (единичными знаками, какъ называли ихъ въ старину) совокупленіе двухъ или нѣсколькихъ словъ въ нарѣчіе (locution adverbiale); такъ здѣсь пишутся слова: *можетъ-быть* (иногда безъ запятой), *по-крайней-мѣрѣ, по-счастію, во-первыхъ, по-видимому, между-тѣмъ, едва-ли*; *несмотря* [252] пишется слитно; тутъ же мы находимъ *смѣшонъ* и рядомъ съ этимъ орѳографію *лице*.

Еще далѣе въ подобныхъ, для того времени новыхъ начертаніяхъ пошли *Отечественныя Записки*, основанныя въ 1839 году А. А. Краевскимъ. Здѣсь прилагательныя *собственныя имена* начинаются уже во многихъ случаяхъ маленькою буквой (*русскій, нѣмецкій*); однакожъ имена народовъ (*Русскіе, Шведы*) и учрежденій (напр. *Дворянское Уѣздное Училище*) пишутся еще по прежнему съ прописною буквой; послѣ *ж ч ш щ* иногда является *о* (*бичомъ*); въ предлогахъ **воз**, **из**, **раз** сохраняется передъ всѣми буквами *з* (*разкрыть, изтреблять*); слова *что́, не́чего, ка́къ* въ извѣстныхъ случаяхъ отмѣчаются удареніемъ; но особенно выдаются черточки для соединенія словъ одного и того же реченія, напр.: *въ-самомъ-дѣлѣ, въ-слѣдствіе, въ-послѣдствіи, потому-что, для*

того, въ-теченіе, должно-быть, какъ-можно-строже. Мало-по-малу многія изъ такихъ словъ стали писаться даже слитно, напр. *вслѣдствіе,* что́ сначала возбуждало общее вниманіе и толки, особенно, когда увидѣли написанныя такимъ же образомъ слова: *ксожалѣнію, ксчастію.* Съ этими двумя послѣдними начертаніями, такъ же какъ и съ прилагательною формой *пѐтербуржскій*, которою отличались *Отеч. Записки*, публика никакъ не могла примириться, и редакція принуждена была наконецъ отказаться отъ нихъ. Менѣе противодѣйствія нашло введенное ею опущеніе *ера* въ сложныхъ словахъ, подобныхъ слѣдующимъ: *генерал-адъютантъ, пол-листа;* однакожъ и эта орѳографія мало распространилась.

Съ этихъ поръ нарушено было то довольно общее однообразіе правописанія, которое установилось-было по образцу карамзинскаго, и началась пестрота его въ подобныхъ приведеннымъ случаяхъ. Болѣе и болѣе стала обнаруживаться наклонность не употреблять прописныхъ буквъ, писать слитно слова, прежде писавшіяся отдѣльно, и сближать письмо съ говоромъ, особенно употребленіе *о* вмѣсто *е* (*ё*) послѣ *ж ч ш щ*, что́, по примѣру *Голоса*, было принято и нѣсколькими другими изданіями.

Нововведенія и противодѣйствіе имъ.

[253] Перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ частнымъ попыткамъ измѣнить въ томъ или другомъ отношеніи наше правописаніе. Эти попытки касались то самой азбуки, то различныхъ способовъ передавать звуки существующими у насъ буквами. Такъ какъ то́ и другое часто соединяется въ предположеніяхъ одного и того же лица, то мы и будемъ разсматривать вмѣстѣ оба рода нововведеній.

Въ 1828 году нѣкто (по показанію Геннади, умершій 1835, П. Л. Яковлевъ [1]) издалъ въ Москвѣ книжку: *Рукопись покойнаго К. А. Хабарова,* авторъ которой выдаетъ себя за отставного корректора и разсказываетъ, что тотчасъ по окончаніи своего ученія въ школѣ, онъ опредѣлился въ типографію. „Сталъ набирать, печатать, читать корректуру — разсказываетъ онъ въ своей автобіографіи — и въ годъ выучился всему типографскому дѣлу. Работа трудная — за то здоровая. Всѣмъ, потерявшимъ аппетитъ, всѣмъ разслабленнымъ отъ удовольствій, я бы совѣтовалъ только одинъ мѣсяцъ поработать въ типографіи въ должности тередорщика [2]). Увѣренъ, что они выздоровѣютъ совершенно“. По увѣренію автора, онъ цѣлые 22 года постоянно занимался при разныхъ типографіяхъ, а потомъ, наскучивъ этимъ дѣ-

---

[1]) См. *Книж. Вѣст.* 1862 № 11: „Библіографич. справки по предполагаемому изгнанію изъ азбуки буквы ъ“ Григорія Книжника.

[2]) Это слово, значащее печатникъ, взято съ итальянскаго tiratore. Я. Г.

ломъ, завелъ книжную торговлю. Онъ убѣдился, что русская азбука, форма литеръ требуютъ большихъ преобразованій. „Всякій разъ, набирая какую-нибудь книгу, продолжаетъ онъ, я думалъ о улучшеніи литеръ азбуки: вмѣсто отдыха, послѣ работы, чертилъ формы буквъ или задумывался надъ безтолковой азбукой нашей! Сдѣлавшись книгопродавцемъ и имѣя много свободнаго времени, я сталъ записывать свои мысли и предположенія о литерахъ и азбукѣ — вышло небольшое сочиненіе, которое и назначаю издать въ свѣтъ черезъ 25 лѣтъ послѣ моей смерти“. [254] Онъ умеръ будто бы въ 1803 году, и рукопись издана кочующимъ книгопродавцемъ Евгеніемъ Третейскимъ. Сочиненіе это напечатано въ той же книжкѣ подъ особымъ заглавіемъ: „Усовершенствованная русская азбука или средства облегчить изученіе оной и способъ сократить число русскихъ буквъ, поясненные примѣрами. Бутырки, 1800 г. января 5 дня“. Въ маленькомъ предисловіи мнимый Хабаровъ утверждаетъ, что мысль о возможности улучшенія русской азбуки представилась ему, когда онъ сталъ набирать съ рукописи профессора Барсова, въ которой не было буквъ *ъ* и *и* и которая была, какъ видѣли выше, напечатана въ *Московскомъ журналѣ*.

Улучшенія Хабарова состоятъ въ томъ, что онъ предлагаетъ 1) исключить изъ русской азбуки буквы: *і щ ъ ь ѣ э ѳ ѵ*, такъ что вмѣсто 35-ти останется только 27 буквъ. По мнѣнію его, въ азбукѣ нашей недостаетъ двухъ буквъ іô и й̈, но ихъ не нужно вводить туда: *ё* замѣнитъ *іô*, а знакъ ‿ надъ *а е и о у ы ю я* замѣнитъ *й*. Вмѣсто *і* Хабаровъ совѣтуетъ употреблять вездѣ *и*, вм. *щ* — *сч* или *шч*, вм. *ъ* кавычку или черточку, вм. *ь* надстрочный знакъ ^, а вм. *ѣ* ставить *е*. — „*ѣ* говоритъ онъ, буква безполезная, но которая, какъ пронырливый лицемѣръ или хлопотливый бездѣльникъ, сдѣлалась не только нужною, но необходимою, полезною, — она одна можетъ дать вамъ патентъ на званіе грамотнаго и ученаго человѣка — только узнайте напередъ гдѣ ее употреблять... а етаго-то... никто не знаетъ! *ѣ* совершенный лицемѣръ... Одни говорятъ, пишите *ѣ* во всѣхъ тѣхъ словахъ, въ которыхъ Малороссіяне произносятъ *и*! Покорнѣйше благодаримъ! слѣдовательно, чтобъ писать по-русски надобно ѣхать въ Малороссію или имѣть у себя ручнаго Малороссіянина для справокъ?... Другіе, Богъ знаетъ съ чего, рѣшительно вопіютъ: пишите *ѣ* въ словахъ: *гнѣздо, блѣдный, свѣтъ, мѣсяцъ. Но почему? зачѣмъ?* Развѣ меня не поймутъ, если я напишу: *гнездо, бледный* и проч. Развѣ смыслъ слова измѣнится отъ моей антипатіи къ езуитской буквѣ *ѣ*? Никакія усилія учености не могутъ доказать, что для насъ, имѣющихъ уже букву *е*, [255] нужно еще *ѣ*... Одно изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ есть: такъ писали — такъ пишутъ всѣ грамотные — но будто ето доказательство?“

Мы видимъ, что Хабаровъ противъ буквы *ѣ* выставляетъ совершенно тѣ же доводы, къ которымъ и въ наше время не разъ обра-

щались, чтобы доказать ея излишество. Таковы же и аргументы его противъ другихъ осуждаемыхъ имъ на изгнаніе буквъ. Относительно *ѳиты* онъ замѣчаетъ: „Чему намъ учиться прежде: русской грамотѣ, или греческому, латинскому, французскому и татарскому языкамъ?“ — Чтобы дать наглядное понятіе о правописаніи Хабарова, выпишемъ одинъ изъ предлагаемыхъ имъ самимъ примѣровъ новаго письма: „Глаз по своему образованию не может смотреҁ на себя без зеркала. Мы видим себя тоҁко в́ других предметах. Чувство бытия, личноҁ, душа, все сие сусчествует тоҁко потому, что вне нас сусчествует“ и проч.

Утверждая, что письмо наше будетъ одинаково понятно, писать ли вездѣ *е*, или *ѣ*, и приводя тому примѣры, авторъ этой книжки между прочимъ говоритъ: „Скажу: веденіе—напишу веденіе, или вѣдѣніе— все равно“. Неумѣстность такого примѣра портитъ всю его аргументацію: очевидно, что именно между этими двумя начертаніями величайшая разница, потому что каждое изъ нихъ отличаетъ слово, имѣющее свое самостоятельное значеніе; корень того и другого совершенно различный.

Покойный Лажечниковъ въ романѣ *Басурманъ* (1838) попытался-было сблизить правописаніе съ произношеніемъ. Главныя черты его письма состояли въ слѣдующемъ: 1) мѣстоименія и прилагательныя муж. и сред. рода въ род. пад. ед. числа оканчиваются на *ова, ева: ево, ничево, этова, старова, дальнева;* 2) буква *е* пишется съ двоеточіемъ всякій разъ, когда она извѣстнымъ образомъ произносится, а послѣ шипящихъ буквъ на мѣсто ея ставится *о*: *чорный, шолковый, въ чомъ, вошолъ;* 3) *ѳита* вездѣ замѣняется буквою *ф*: *Афанасій, Марфа;* 4) слова, составляющія вмѣстѣ какъ бы одно понятіе, пишутся слитно или [256] соединяются черточками: *какбы, какбудто, както, сверхтово, квечеру, можетбыть, снебольшимъ, вутѣшеніе; въ-самомъ-дѣлѣ, на-этотъ-разъ, Успенской-Соборъ;* 5) вмѣсто *сч* пишется *щ*: *нещастный, ращотъ.* Въ то же время, однакожъ, Лажечниковъ слѣдуетъ иногда противоположному правилу, т. е. усиливаетъ этимологическое начало, и пишетъ: *этѣ, этѣмъ.* Но его нововведенія не встрѣтили ни въ обществѣ, ни въ литературѣ сочувствія; напротивъ, они возбудили только насмѣшки, и во 2-мъ изданіи *Басурмана*, напечатанномъ въ 1841 г., мы уже не встрѣчаемъ этихъ особенностей письма.

Въ 1842 году нѣкто Кадинскій, въ Петербургѣ, рѣшился выступить съ новою азбукой, составленною изъ латинскихъ буквъ, которымъ онъ въ разныхъ сочиненіяхъ давалъ совершенно условное значеніе для передачи звуковъ русскаго языка. Все это было изложено въ брошюрѣ, названной „Упрощеніе русской грамматики. Uproscenie ruskoi grammatichi“ и напечатано двоякимъ шрифтомъ: русскимъ и вновь предлагаемымъ латинскимъ. Какъ поводъ къ своему изобрѣтенію, составитель выдаетъ некрасивость и неудобство русскаго шрифта, съ ко-

торымъ будто бы неизбѣжно связаны неясность при чтеніи и опечатки; далѣе ему кажется, будто наша орѳографія такъ произвольна и трудна, что требуетъ измѣненія шрифта. Входить здѣсь въ подробности орѳографической затѣи г. Кадинскаго было бы утомительно и совершенно безполезно. Довольно, что въ свое время Бѣлинскій обстоятельно разобралъ эту брошюру [1]), справедливо замѣтивъ, что ее слѣдовало бы назвать не упрощеніемъ, а „затрудненіемъ“ русской грамоты или новою, еще ужаснѣйшею путаницею нашей грамматики. Знаменитый критикъ съ особенной охотою занялся этимъ разборомъ, потому что русское правописаніе, какъ видно, сильно интересовало его и самъ онъ носился съ мыслями о преобразованіяхъ по этому предмету. Нашъ алфавитъ казался ему по многимъ изъ своихъ буквъ некрасивымъ и даже [257] безобразнымъ; употребленіе *ѣ* находилъ онъ основаннымъ часто на шаткихъ правилахъ и потому нужнымъ только въ грамматическихъ окончаніяхъ; да и тутъ онъ предпочиталъ вмѣсто этой не нравившейся ему буквы писать *е* съ облеченнымъ знакомъ (*ê*); нѣкоторыя другія буквы представлялись ему также излишними; кромѣ того Бѣлинскій недоволенъ былъ слишкомъ искусственной орѳографіей нашихъ прилагательныхъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ онъ предлагалъ: 1) буквы *п ц ш щ* изъ угловатыхъ сдѣлать округленными посредствомъ верхней и нижней поперечной черты (любопытно, что эта мысль, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ буквѣ *п*, была лѣтъ через 20 выполнена въ московской типографіи М. Н. Каткова [2]); 2) выкинуть изъ азбуки буквы: *и й ѣ э ѳ ѵ*; изъ нихъ *й* замѣнить длиннымъ латинскимъ *j*, а букву *е*, посредствомъ надстрочныхъ знаковъ, различать по свойству выражаемыхъ ею трехъ звуковъ; 3) для именительнаго падежа именъ прилагательныхъ муж. р. ед. ч. и всѣхъ трехъ родовъ множ. ч. принять ихъ настоящія, естественныя, какъ ему казалось, окончанія (**ой, ей — ыи, іи, еи**: ед. больн*ой*, всяк*ой*, син*ей*; мн. больныи, всякіи, синеи) вмѣсто искусственныхъ и книжныхъ; въ род. же пад. ед. ч. писать: славн*ово*, больш*ово*, верхн*ева*, нижн*ева*. Изъ этого видно, что въ предположеніяхъ Бѣлинскаго повторились мысли частью Ломоносова, также писавшаго *доброй, верхней* и изгонявшаго изъ азбуки *э* и *ѳ*, частью Тредьяковскаго, который писалъ во множ. *добрыи, верхніи*, а вмѣсто *ѣ* ставилъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ *е*. Впрочемъ Бѣлинскій, серіозно предлагая эти измѣненія, какъ осуществимыя

[1]) *Соч. Бѣлинскаго*, т. IX, стр. 484—510.

[2]) Ту же мысль выразилъ въ *Маякѣ* 1843 года (т. VII) кто-то подписавшійся *Старая Кавыка* въ статьѣ: „Совѣтъ типографщику моему“ и проч. Авторъ хлопочетъ особенно о красотѣ буквъ, предлагаетъ для звука *д* одно изъ начертаній, употребительныхъ въ скорописи (∂ или д), находитъ, что вмѣсто *ё* слѣдовало бы, соотвѣтственно выговору, писать *é*, поправляетъ порядокъ нашей азбуки и т. п.

по его убѣжденію на практикѣ, — шелъ въ теоріи гораздо далѣе и доказывалъ, какъ [258] было бы хорошо дать нашей азбукѣ болѣе латинскій характеръ, измѣнивъ значеніе нѣкоторыхъ изъ ея буквъ (такъ чтобъ напр. *р* значило *п*) и введя новыя латинскія же буквы вмѣсто тѣхъ, которыя бы такимъ образомъ остались за штатомъ. Но на такомъ коренномъ преобразованіи азбуки Бѣлинскій не настаивалъ, понимая, что „подобныя реформы не зависятъ отъ воли и желанія одного лица" и прибавляя, что онъ высказалъ свое мнѣніе только какъ мечту.

Что касается до г. Кадинскаго, то мы увидимъ ниже, что онъ не удовольствовался одною только попыткою дать ходъ своей странной орѳографіи.

Замѣтимъ, что мысли въ родѣ выраженныхъ Бѣлинскимъ о бо́льшемъ сближеніи нашей азбуки съ латинскою, высказывались и прежде, и послѣ него. Въ 1833 году, въ Москвѣ, появилась брошюра подъ заглавіемъ: „Новыя усовершенствованныя литеры для русскаго алфавита". Неизвѣстный авторъ заботится о томъ, чтобы облегчить и сократить *первоначальное ученіе*, и для того находитъ нужнымъ: перемѣнить въ нашей азбукѣ нѣкоторыя буквы, сообразно съ исправленіями, сдѣланными Петромъ Великимъ; къ заимствованнымъ прежде изъ латинскаго алфавита прибавить или приспособить еще нѣсколько буквъ, а излишнія вовсе исключить. Чтобы разомъ дать понятіе о предлагаемыхъ имъ измѣненіяхъ, выписываю другое заглавіе книжки, представляющее смѣсь латинскихъ буквъ съ русскими: „ОPЫТ WEDENIA NOVЫH RUSSKIH LITER". При такомъ нововведеніи, по мнѣнію автора, можно бы выкинуть изъ нынѣшней азбуки четверть числа буквъ и ограничиться 27-ю; „прекратились бы, говоритъ онъ, безпрестанные споры объ *е ѣ э и і г ф ѳ* и проч.; иностранцы не будутъ смотрѣть на наши буквы какъ на полуазіятскія; какое торжество для типографій! тогда прямо могутъ печатать красивыми дидотовскими литерами или получать самые красивые шрифты изъ всѣхъ столицъ Европы". Вовсе устраняются буквы *и щ ъ ь ѣ э ѳ ѵ*; сохраняются *а о е* (для звука *е* вообще) и *т*; вмѣсто остальныхъ буквъ предлагаются соотвѣтствующія латинскія [259] начертанія (*б*=*b*, *в*=*v*, *г*=*g* и т. д.); вм. *и*, *й*=*i*, *i*; вм. *щ*—*сч*, *шч*; вм. *ъ*—черточка, вм. *ь*—надстрочный знакъ.

Рядомъ съ этими фантастическими нововведеніями авторъ выражаетъ одну мысль, въ наше время уже осуществленную, но тогда еще сравнительно новую, заимствованную имъ у германскихъ педагоговъ во время заграничнаго путешествія: онъ горячо рекомендуетъ звуковой способъ обученія грамотѣ [1]).

---

[1]) Нашъ вѣкъ гордо приписываетъ себѣ введеніе этой методы; но мысль ея уже весьма стара. Звуковой способъ обученія грамотѣ рекомендуется уже въ 1620 году

Совершенно съ тою же идеей, по которой неизвѣстный москвичъ сорокъ лѣтъ тому назадъ перестраивалъ нашу азбуку, выступилъ недавно г. Засядко въ книгѣ: „О русскомъ алфавитѣ“ (М. 1871). Ему также наша азбука кажется не красивою и не довольно четкою; кромѣ того онъ видитъ въ нашемъ письмѣ „чрезмѣрную растянутость, послѣдствіе излишняго числа письменныхъ знаковъ, и оттого напрасную трату времени, капитала и труда, и всѣ другія затрудненія для издателей, писателей и типографій“. Поэтому авторъ считаетъ необходимымъ подвергнуть русскій шрифтъ коренному измѣненію сохранивъ въ немъ „древній греческій корень“, но исправивъ его съ помощію латинскаго алфавита. Особенно осуждается то свойство нашего шрифта, что онъ имѣетъ одну только форму для литеръ, которыя здѣсь почти всѣ прописныя: при введеніи Петромъ Великимъ гражданской печати не озаботились, въ наибольшемъ числѣ случаевъ, дать строчнымъ литерамъ форму, отличную отъ прописныхъ. Въ латинской азбукѣ, замѣчаетъ г. Засядко, изъ 26 литеръ только 8 имѣютъ одинакія очертанія съ прописными; у насъ, наоборотъ, изъ 36 литеръ, составляющихъ нашъ алфавитъ, только 5 (*а, б, е, р, у*) имѣютъ въ печатномъ шрифтѣ различныя очертанія для прописной и для строчной формы; а всѣ [260] остальныя, въ томъ и другомъ случаѣ, печатаются совершенно сходно [1]). Авторъ находитъ это весьма страннымъ, мѣшающимъ изяществу и четкости шрифта. Послѣ подробной критики нашего алфавита какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны, т. е. какъ по очертаніямъ буквъ, такъ и по отношенію ихъ къ звукамъ (критики, въ которой о многомъ можно бы поспорить съ авторомъ), онъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: буквы *ъ ь ѣ ы и й э ю я ж ц ч ш щ ѳ* должны быть изгнаны; вновь предлагаются: 1) латинскія h и j

въ книгѣ испанца Juan Pablo Bonet „Reduction de las letras y arte para enseñar a hablar los mudos. Madrid, 1620“ (Brücke, *Grundzüge*, стр. 5). Далѣе, объ этой же методѣ упоминается въ „Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal“ (изд. 1810, стр. 264) и въ названномъ мною выше сочиненіи Аммана „De loqvela“, Amsterd. 1700 (стр. 58).

[1]) До 1830-хъ годовъ для звука *т* была въ печати особая строчная буква, подобная рукописной (*т*), т. е. *ш* вверхъ ногами; строчное т было въ первый разъ придумано и употреблено въ печати покойнымъ академикомъ Кеппеномъ въ „Собраніи Словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи“, Спб. 1827. Мало-по-малу это нововведеніе вошло въ общій обычай; но сперва оно казалось страннымъ: въ газетѣ *Сѣверная Пчела* оно является только съ начала 1833 года; слѣдовательно тогда этою новою буквой завелась типографія Греча, примѣру которой послѣдовали затѣмъ и другія. Самъ Кеппенъ упоминаетъ о своемъ нововведеніи въ Bulletin de la Classe historico-philologique 1847 г. (V, 48). Въ курсивномъ шрифтѣ до сихъ поръ остается еще въ употребленіи *т* рукописное; недавно, по желанію А. А. Куника, въ типографіи Академіи наукъ отлито строчное *Т* и для этого шрифта. Отсюда видно, что не всѣ, подобно г. Засядко, считаютъ неудобствомъ одинаковость формы строчныхъ и прописныхъ буквъ.

для выраженія густого дыханія (Номеръ вм. Гомеръ), и іотированія гласныхъ (јолка, мојо, пoјотъ); 2) *я* и *ю* замѣняются слогами ја, ју; 3) вмѣсто шипящихъ вводятся: ç (*ц*), zh (*ж*), ch (*ш*), çh (*ч*), ćçh (*щ*). За этими и другими предлагаемыми авторомъ измѣненіями, вотъ его русская азбука: *a b v g d e h z i j k л m n o n p c m u ф x ç zk ch çh* (всего 26 знаковъ). *ъ* и *ь* замѣняются надстрочными черточками.

А вотъ и образчикъ письма по этой азбукѣ:

„Ia, jakop', ćtojanka, npedjavlenije, objavit', pazjacnit', linija, nepja, ctpuçja“.

Это читается такъ:

„*я*, якорь, стоянка, предъявленіе, объявить, разъяснить, линія, перья, стручья“.

Читатель видитъ, что расходясь, въ частностяхъ, [261] изобрѣтатели двухъ новыхъ азбукъ, являющіеся на разстояніи почти 40 лѣтъ одинъ отъ другого, чрезвычайно согласны между собою и не очень далеки отъ г. Кадинскаго. Едва ли была бы какая-нибудь польза въ серіозномъ разборѣ подобныхъ попытокъ, совершенно чуждыхъ практической почвѣ. Приходится повторить то, что́ сказалъ Полевой при появленіи первой изъ этихъ двухъ книгъ: „Несовершенство русскаго алфавита заставляло многихъ думать объ исправленіи и даже о перемѣнѣ онаго. Но употребленіе, вѣчный врагъ всѣхъ нововведеній противится преобразователямъ нашего алфавита, и уничтожаетъ ихъ попытки. Нѣтъ сомнѣнія, что и сей новый *Опытъ введенія новыхъ русскихъ литеръ* не будетъ имѣть никакихъ слѣдствій“ [1]).

Къ попыткамъ этого же рода можно отнести и стараніе нѣкоторыхъ, впрочемъ гораздо болѣе раціональное, видоизмѣнить или дополнить тѣ или другія русскія буквы для болѣе точной передачи звуковъ въ иностранныхъ словахъ, особливо въ именахъ собственныхъ. Тутъ сперва является Тредьяковскій, о предложеніи котораго ввести букву *голъ* уже говорено выше. Позднѣе академикъ Палласъ, въ *Сравнительныхъ словаряхъ* [2]), далъ буквѣ *г*, для звука h, въ отличіе подстрочный значокъ (седиль). Кэппенъ въ своихъ *Матеріалахъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи* ставилъ съ этою цѣлью надъ *г* знакъ греческаго густого придыханія (г̔). Срезневскій и Катковъ въ упомянутыхъ выше изслѣдованіяхъ также употребляли надстрочный знакъ. Академикъ Бэтлингъ предлагалъ писать ҕ. Иные совѣтовали просто перенести въ русскій алфавитъ латинскую букву h. Бывшій профессоръ Гельсингфорсскаго университета С. И. Барановскій въ своихъ географическихъ пособіяхъ прибѣгалъ для этого звука къ знаку греческаго густого дыханія (‘). Покойный Ястребцевъ въ изданной имъ книжкѣ

[1]) *Моск. Телеграфъ* 1833, № 14, стр. 263.

[2]) Ч. I. Спб. 1787: см. Explicatio literarum Alphabeti Rossici.

„О умственномъ воспитаніи дѣтскаго возраста“ [1]) слѣдовалъ примѣру Кэппена. Онъ же, для означенія англійскаго [262] звука **th**, употребляетъ, какъ въ греческихъ именахъ, *ѳиту* [2]); тонкое произношеніе буквы *л* отмѣчаетъ онъ надстрочнымъ *ерикомъ*, напр. Паллась; наконецъ, для изображенія французскаго носового *н* (какъ въ словѣ Cousin) онъ сначала писалъ н' (съ апострофомъ), а потомъ, по совѣту египтолога Гульянова, сталъ ставить надъ н букву г, „такъ какъ во французской носовой буквѣ *n*, кромѣ *словесной стихіи*, выражаемой русскимъ н, находится еще часть *стихіи*, выражаемой буквою г“. Въ 1830-хъ и 40-хъ годахъ стали у насъ являться еще нововведенія въ правописаніи чужихъ собственныхъ именъ и другихъ заимствованныхъ словъ. Такъ въ *Библіотекѣ для Чтенія* вошло въ обычай писать ихъ иностранными буквами, а при склоненіи ставить апострофъ между именемъ и падежнымъ окончаніемъ, напр. съ Lagrange'емъ, beau monde'а; это распространилось въ нашей печати и держится до сихъ поръ, хотя не можетъ быть вполнѣ одобрено, такъ какъ апострофъ собственно означаетъ пропускъ гласной. *Отеч. Записки* начали писать: *Уальтеръ Скоттъ*, *Уашингтонъ*, *Бэкнъ;* многіе приняли эту орѳографію; другіе остались при прежней, какъ видно, напр., изъ напечатанной въ *Москвитянинѣ* 1849 года [3]) статьи М. Лихонина „О правописаніи иностранныхъ собственныхъ именъ“.

Названный выше профессоръ Барановскій, въ брошюрѣ „О согласованіи правописанія съ произношеніемъ“ [4]), представляя свои наблюденія надъ фонетикой главныхъ нарѣчій русскаго народа, совѣтуетъ писать: мужеск*ого* и средн*его* рода“, „для господствующ*его русского* нарѣчія“; далѣе: „розличіе, розпространять“ (т. е. предлогъ *раз*, по его мнѣнію, долженъ всегда писаться *роз*, потому что иногда онъ такъ произносится). Впрочемъ г. Барановскій — усердный защитникъ не только буквы *ѣ*, которая на его слухъ имѣетъ свое особое произношеніе, но также *ѳиты* и [263] *ижицы*, полезныхъ, какъ онъ находитъ, для изображенія иностранныхъ звуковъ.

Мимоходомъ упомяну здѣсь о брошюрѣ г. В. Васильева: *Грамматическія разысканія* (1845), первая часть которой посвящена разсмотрѣнію буквы *ё* какъ въ произношеніи, такъ и на письмѣ. Хотя взглядъ автора и не совсѣмъ правиленъ въ строго-научномъ смыслѣ, однакожъ во многихъ случаяхъ онъ заслуживаетъ вниманія. Между прочимъ брошюра осуждаетъ покойнаго Межевича за употребленіе начертаній:

---

[1]) М. 1831; отрывки были напечатаны въ *Моск. Телеграфѣ* 1832.

[2]) Чтó и въ наше время дѣлалось въ *Моск. Вѣдом.* Gatherly = Гаѳерли.

[3]) Ч. IV, Отд. III, Науки и художества.

[4]) Напечатанной отдѣльно безъ означенія года и помѣщенной также въ *Иллюстраціи*, когда именно не упомнимъ.

почотный, счотъ, въ чомъ, чорный, и приводитъ изъ *Сѣверной Пчелы* слова Булгарина, выражавшія его негодованіе противъ тѣхъ, которые говорили, что должно писать, какъ говорятъ. Мы не будемъ слѣдить здѣсь за предлагаемыми г. Васильевымъ, не всегда основательными доводами, и предоставляемъ себѣ изложить ниже свое собственное мнѣніе объ этомъ нелегкомъ вопросѣ русской орѳографіи.

Въ 1852 году издатель С.-Петербургскихъ полицейскихъ Вѣдомостей Фурманъ вздумалъ возбудить въ этой газетѣ вопросъ о русскомъ правописаніи [1]). „Не только каждый журналъ, говоритъ онъ, но почти каждый нѣсколько замѣчательный писатель придерживается *своего* правописанія... Съ одной стороны мы видимъ постоянное сліяніе предлоговъ съ существительными: ксожалѣнію, впродолженіи, втеченіе и т. п.; съ другой замѣненіе буквы *е* буквою *о*: учоный, чорный, душою, отцомъ и т. п.; далѣе особенную любовь къ дательному падежу — подобнаго роду, такого разряду [2]) и т. д.". Затѣмъ авторъ статьи старается доказать, что буквы *ѳ* и *э* совершенно излишни „*ѳ,* говоритъ онъ, сдѣлалась въ нашей азбукѣ буквою *мертвою,* т. е. осталась только въ нѣкоторыхъ старыхъ греческихъ словахъ; во всѣхъ же другихъ, переходящихъ въ нашъ языкъ, начиная съ вѣка Екатерины II, является вмѣсто *ѳ* буква *т*. Слѣдственно, [264] мертвый членъ можно отсѣчь легко, безъ всякаго ущерба для всего тѣла, особенно, если онъ можетъ быть замѣненъ другимъ, *вполнѣ ему равносильнымъ...* Русскій языкъ не имѣлъ нужды поддѣлываться подъ греческій звукъ, а прямо превратилъ его въ свой губной звукъ, для выраженія котораго назначена буква *ф*. Для чего же *ѳ?* Развѣ для того только, что славянскіе учители были греки и произносили *ѳ* по гречески. Для ихъ уха было странно превратить зубной звукъ въ губной; а быть можетъ они даже не угадывали, въ какой звукъ славянскій говоръ превратитъ ихъ *ѳ*. Вотъ какъ явилась въ славянской азбукѣ *ѳ*; явилась она *разумно,* не какъ лишняя, но какъ буква со своимъ особеннымъ звукомъ. Славянскій языкъ, по свойству своему, не принялъ этого звука. Зачѣмъ же остался знакъ, его выражавшій? Съ какой стати буква *ф* получила вовсе не нужный дупликатъ?" Что касается буквы *э*, то Фурманъ совершенно неудачно силится доказать ея безполезность и мнимую сбивчивость ея употребленія. Все дѣло въ томъ, что она соотвѣтствуетъ дѣйствительно-существующему въ языкѣ звуку и что она необходимо принадлежитъ къ системѣ нашихъ гласныхъ, которая безъ нея не имѣла бы полнаго на письмѣ изображенія. Наши восходящіе дифтонги (по Ломоносову, потаенныя двоегласныя) произошли отъ гласныхъ:

---

[1]) *Вѣд. Спб. гор. полиціи* 1852, №№ 213 и 226.

[2]) Намекъ на Сенковскаго, который часто употреблялъ это польское окончаніе род. падежа.

а о у; я=йа, ё=йо, ю=йу; очевидно, что и *е=йэ*, т. е. что это также дифтонгъ; безъ начертанія *э* мы не могли бы правильно изобразить состава быквы *е*.

Замѣтки Фурмана и возбужденные ими толки подали поводъ г. Стоюнину помѣстить въ Полицейской же газетѣ [1]) дѣльную статью „о русской азбукѣ“, гдѣ онъ противъ безотчетныхъ умствованій выставляетъ знамя науки. Разматривая постепенное развитіе нашей азбуки со времени введенія гражданской печати, онъ нѣсколько подробнѣе останавливается на мнѣніяхъ Тредьяковскаго, Ломоносова, Сумарокова и, наконецъ, вступается за оспариваемыя нѣкоторыми права буквы *ѣ*. „Въ грамматическомъ [265] устройствѣ языка“, говоритъ г. Стоюнинъ, „обѣ буквы — *ѣ* и *е* — имѣютъ свое значеніе и свои особенные, отличные одинъ отъ другого законы. Мы можемъ уничтожить знакъ, но не уничтожимъ законовъ, которые всегда останутся въ языкѣ: вредъ будетъ состоять только въ томъ, что мы лишимся *видимыхъ* фактовъ, какъ представителей звука. Пусть *ѣ* уступитъ всѣ свои права *е*, тогда у насъ для одной буквы явится множество правилъ, различныхъ, несогласныхъ и, можетъ быть, часто противорѣчащихъ правилъ, которыя теперь распредѣляются между *двумя* буквами и составляютъ немногосложныя и простыя правила. Но намъ скажутъ: вѣдь исключена же буква *юсъ*, которая имѣетъ свои особенности, отличныя отъ коренныхъ *у* и *я?* Да, въ письмѣ она исключена, но мы безпрестанно должны къ ней обращаться при изученіи грамматическаго образованія многихъ русскихъ словъ; въ русскомъ письмѣ ея нѣтъ, но въ русской грамматикѣ она все-таки существуетъ во всей своей силѣ и не можетъ оттуда никогда исчезнуть. Въ такомъ случаѣ не можетъ ли и буква *ѣ* существовать только въ одной грамматикѣ? Какая же изъ того польза? Развѣ та, что большинство не будетъ затрудняться въ правописаніи многихъ словъ; но вѣдь и кромѣ буквы *ѣ* есть не мало случаевъ въ русскомъ правописаніи, гдѣ затрудняется большинство: неужели все это уничтожать и измѣнять по требованію большинства, которому между тѣмъ легко можетъ помочь наука? Такимъ образомъ буква *ѣ* не можетъ назваться *условною* буквой, до которой нѣтъ дѣла филологіи; нѣтъ, она имѣетъ свое свайство, свое значеніе, имѣетъ полное право стать подъ защиту разумной науки“.

Особенною смѣлостью отличается орѳографическая попытка, выразившаяся изданіемъ книги: „Філоктіт, трагедія Софокла. С греческова перевел і замѣчаніямі объясніл Н. Т. Санктпетербург, 1856“. Въ предисловіи переводчикъ говоритъ: „... я держался правопісанія, которое назову правопісаніем безъяцкім — безъяцкії, безъяк, без *ѣ*; прідержіваясь этова правопісанія я выпустіл із азбукі букву *ѣ* і все ізлішнія

[1]) 1852, №№ 242 и 243.

буквы, знакі не імеющіе [266] ілі потерявшіе значеніе и смысл, я старался довесті русское правопісаніе до возможноі простоты; мне кажется, я надеюсь на то, я даже уверен в том, что это правопісаніе со временем должно воiдті в употребленіе, ібо оно раціонально, оно просто, оно унічтожает всякія устаревшія, потерявшія значеніе, безсмысленныя і затрудняющія формы азбукі. Впрочем раціональная послѣдовательность требует ввесті новыі знак ę для обозначенія мягкова *о*, т. е. *ё*, *іо*, какъ, напрімер в словах: ещę, всę, перевęл: такім образомъ все гласныя будут іметь знак для обозначенія іх смягченія, а іменно: *а — ја = я*, *э — је = е*, *і — јі = ї*, *о — јо = ę*, *и — ју — ю;* о знаке ę не буду спорітъ: еслі можно прідумать лучшіі, более удобныі знак, то тем лучше".

Орѳографію того же рода находимъ въ книгѣ: „Греческая мифология, или сказание о вере и богах древних народов. Н. Причудинскова". (Спб. 1860. 12°). Авторъ находитъ, что при множествѣ предметовъ, которые русскому человѣку нужно изучать, ему нельзя „терять время на то, чтобы научиться писать букву *ѣ* и другія безполезныя буквы — нет, нет и тысячу раз нет!... Университетское изучение русскова языка и славянскихъ наречий", объясняетъ онъ, „убедило меня в возможности выпустить букву *ѣ* и другия лишния буквы (*ѳ*, *і*, *ъ* въ конце слов); вот почему я написал эту книжку безъяцким правописанием". Послѣднія слова и другія особенности этой книжки, хотя и не совсѣмъ согласныя съ тѣмъ, что мы видѣли въ предыдущей, заставляютъ предполагать, что обѣ одного происхожденія [1]).

Въ 1857-мъ году является опять г. Кадинскій; на этотъ разъ его книжка озаглавлена: „Преобразованіе и упрощеніе русскаго правописанія". Чтобы дать понятіе о скромномъ взглядѣ самого автора на свое изобрѣтеніе, достаточно выписать нѣсколько строкъ изъ послѣдней страницы этого творенія: „.... pri Latinscoi asbucae y pri moyx pravilax ni odin rebénoc ne moget sdeelath [267] oxibchi v' pravopisaniy; potomu chto u menea caghdy zvuc imeeiet sobstvennoie nacertanie, nezameenimoie nicachim drughim nacertaniem; tac chto vseacoi proizvoll v' pravopisaniy na vsegda ustraneaietsea. Y docolae Ruscaia rech budet gith v' ustax naroda, dotolee moié pravopisanie soxranit neizmeenno svoi xaracter". При появленіи этой книжки, Сенковскій, остроумно поднявъ на смѣхъ такое письмо [2]), воспользовался случаемъ, чтобы и съ своей стороны предложить нововведеніе, не менѣе странное. Считая „истиннымъ горемъ русской грамоты отсутствіе въ ней всякой методы выражать съ надлежащею вѣрностью иностранныя собственныя имена", онъ придумалъ слѣдующій оригинальный способъ поправить эту бѣду. „Есть

[1]) По мнѣнію г. Геннади, это—соч. Н. Тимаева; начальными буквами его имени означено и предыдущее изданіе.

[2]) *Сынъ От.* 1857, № 32.

у насъ", говоритъ *Брамбеусъ* (такъ онъ подписался подъ статейкой), „одна *оборотная* буква (э). Основаніе системы положено: нельзя ли дать ей нѣкоторое развитіе... распространить кругъ оборотности? Почему бы оборотное г не могло выражать у насъ латинскаго, нѣмецкаго и англійскаго h [1])? Почему оборотный ерикъ ь, поставленный послѣ н, не указывалъ бы на французское носовое n, или оборотное л на англійское th?... Французское u можно было бы удобно выразить посредствомъ того же мягкаго знака, поставленнаго послѣ твердаго русскаго у такъ: *уь*. Глухое h хорошо выражается оборотнымъ апострофомъ: фамилія Victor Hugo приняла бы въ русской печати видъ „Викторъ ʻУьго"... и т. д. Сенковскій (серіозно или шутя?) находилъ эту мысль полезною и выражалъ желаніе, чтобы она удостоилась вниманія и утвержденія главнѣйшихъ періодическихъ изданій.

Послѣ г. Кадинскаго соотечественникъ его г. Котковскій пошелъ еще далѣе, и въ изданной 1862 г. въ Кіевѣ брошюрѣ Postęp i wsteczność и проч. доказывалъ, что всѣ славяне должны [268] принять польскую азбуку и польское правописаніе (см. *Кіев. Курьер* 1862 № 35, статья К. Шейковскаго „О польскомъ правописаніи"). Вотъ что между прочимъ говоритъ рецензентъ этой брошюры: „Г. Котковскій видит в *гражданицѣ* (так он называет теперешній русскій алфавит) много азіятскаго. Но в своей брошюрѣ он употребляет такіе филологическіе пріемы, которые и в Азіи уже не употребительны" и проч.

Орѳографическія собранія въ Петербургѣ.

Въ 1860 году начали выходить въ Воронежѣ *Филологическія Записки*, изданіе, которое и до сихъ поръ ведется съ похвальнымъ постоянствомъ и любовью къ наукѣ. Въ первомъ же выпускѣ его напечатана довольно обширная статья издателя А. А. Хованскаго: „Взглядъ на правописаніе вообще". Хотя эта статья и не представляетъ полнаго и систематическаго труда, однакожъ авторъ ея заслуживаетъ благодарность за эту первую въ своемъ родѣ попытку выяснить современное положеніе русскаго правописанія и обозрѣть его видоизмѣненія въ разныхъ органахъ нашей печати. Г. Хованскій по большей части не входитъ въ критическое разсмотрѣніе того или другого способа начертанія словъ, а довольствуется указаніемъ нѣкоторыхъ, самыхъ видныхъ разнорѣчій правописанія, и приходитъ къ такому заключенію: „Что же намъ наконецъ остается дѣлать, чтобы

[1]) Сенковскій, повидимому, не зналъ, что мысль объ *оборотномъ* Г уже выражена въ слѣдующемъ примѣчаніи къ *Разговору* Тредьяковскаго: „Нѣкто ізъ іскусныхъ людей, котораго я къ себѣ благосклонность почітаю, вымышляетъ сей буквѣ двѣ фігуры, а именно сію ᒣ і сію L: но мнѣ сіе не нравітся длятого что онѣ обѣ странны, і дікі очамъ россійскимъ" (*Разг.*, Спб. 1748, стр. 382).

установить единство въ правописаніи? Остается одно — доказывать право употребленія той или другой буквы, изыскивать и выяснять то начало, на которомъ можно было бы основать неоспоримое доказательство того или другого правила, — въ остальномъ согласиться не трудно, а согласіе въ этомъ необходимо: оно святое дѣло" [1]).

Кажется, эта статья не осталась безъ послѣдствій и имѣла нѣкоторое участіе въ возбужденіи тѣхъ орѳографическихъ совѣщаній, которыя въ первой половинѣ 1862 года обращали на [269] себя вниманіе всего грамотнаго Петербурга. По крайней мѣрѣ, г. Стоюнинъ въ рефератѣ, прочитанномъ въ первомъ засѣданіи, не забылъ упомянуть о статьѣ г. Хованскаго. Впрочемъ, довольно необыкновенное появленіе этого грамматическаго конгресса было въ связи съ господствовавшими тогда въ нашемъ обществѣ стремленіями къ распространенію въ народѣ образованія и грамотности. Съ 1860 года во 2-й петербургской гимназіи происходили, по два раза въ мѣсяцъ, педагогическія собранія. На одномъ изъ нихъ, въ январѣ 1862 г., Стоюнинъ предложилъ „пригласить всѣхъ учителей русскаго языка, занимающихся въ Петербургѣ, съ тѣмъ, чтобы они согласились въ общихъ орѳографическихъ основаніяхъ и, разъяснивъ нѣкоторые спорные пункты, упростили бы самую орѳографію" [2]). Мысль эта была одобрена собраніемъ, и въ Великомъ посту начались совѣщанія, въ которыхъ, кромѣ педагоговъ, приняли участіе и нѣкоторые журналисты; было тутъ много и любопытныхъ изъ публики. Отчеты объ этихъ разсужденіяхъ печатались въ журналѣ *Учитель*, и притомъ печатались одно время съ новою, одобренной въ собраніяхъ орѳографіей. Въ первомъ собраніи, на которомъ присутствовало болѣе ста человѣкъ и въ томъ числѣ нѣсколько дамъ, г. Стоюнинъ прочелъ составленную имъ записку о предлежавшей этимъ сходкамъ задачѣ. Его программа отличалась умѣренностью, и если бъ совѣщавшіяся лица остались вѣрны главнымъ его началамъ, то вѣроятно тогдашнія собранія имѣли бы большій успѣхъ, нежели какой въ самомъ дѣлѣ выпалъ на долю ихъ. Г. Стоюнинъ очень хорошо понималъ, что невозможно предоставить въ орѳографіи исключительнаго господства ни этимологическому основанію, ни фонетическому, и что рѣчь можетъ итти только о примиреніи ихъ, объ опредѣленіи, „въ какихъ случаяхъ держаться словопроизводства, въ какихъ произношенія". Онъ очень умно замѣтилъ, что *историческое основаніе*, т. е. не одна филологическая сторона, но и давняя привычка, [270] обратившаяся въ законъ, „никакъ не допускаетъ крутыхъ и рѣзкихъ преобразованій и измѣненій, которыя должны были бы заставить все настоящее дѣйствующее поколѣніе переучиться писать и даже читать,

---

[1]) *Фил. Зап.* 1860, вып. I, стр. 65.
[2]) *Учитель* 1862, стр. 132.

и которыя могутъ угрожать будущимъ поколѣніямъ не понимать безъ особеннаго ученья того, что напечатано до настоящаго времени" [1]). Къ сожалѣнію, г. Стоюнинъ, развивая далѣе частности своего плана, самъ забылъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ свое основное начало и предлагалъ между прочимъ такія нововведенія, которыя конечно принадлежатъ къ разряду коренныхъ преобразованій письма; напр., онъ предлагалъ писать по слуху: *голанецъ*, *голанскій*, *лапланецъ*, вм. *голландецъ* и проч., т. е. такъ, какъ до тѣхъ поръ никто не писалъ.

Программа г. Стоюнина была принята собраніемъ; положено считать вопросы рѣшенными только по общему согласію, и приступлено къ разсмотрѣнію русскаго алфавита, при чемъ немедленно рѣшено исключить изъ него *ѳиту*.

Собравшіеся во второй разъ, при самомъ открытіи совѣщаній, отступили уже отъ руководящей мысли первоначальнаго плана, заявивъ себя, большинствомъ голосовъ, на сторонѣ коренныхъ преобразованій, т. е. такихъ, которыя клонятся къ измѣненію правилъ, принятыхъ всѣми. По прочтеніи покойнымъ Кеневичемъ остроумной записки, направленной противъ буквъ *ѣ ъ ь ѳ* и *ѵ*, происходили долгіе споры о буквѣ *ѣ*; наконецъ почти всѣ согласились, что исключеніе ея было бы желательно, несмотря на возраженія г. Стоюнина и нѣкоторыхъ другихъ педагоговъ, указывавшихъ на практическія неудобства такого исключенія. „Есть ли возможность, спрашивалъ г. Стоюнинъ, учить орѳографіи безъ *ѣ*, пока эта буква не выйдетъ изъ печати, и можно ли надѣяться, что такое нововведеніе будетъ принято въ литературѣ и вообще грамотными людьми? Ученіе дѣтей происходитъ по книгамъ, а разлада или разрыва между ученіемъ и тѣмъ, что дѣти находятъ въ своихъ учебныхъ книгахъ, быть не должно. [271] Дѣлать же пробу въ надеждѣ, что со временемъ такая орѳографія утвердится, не значитъ ли играть учениками, чего никто также позволить себѣ не можетъ" [2]). Кѣмъ-то было сдѣлано еще другое, не менѣе основательное возраженіе: „Положимъ, что правила правописанія, одобренныя настоящимъ собраніемъ, будутъ приняты и установятся въ свѣтской литературѣ; но духовная-то литература что́ скажетъ? Будетъ ли она согласна принять ихъ? А ея согласіе очень важно: мы теперь хлопочемъ о распространеніи грамотности въ народѣ, а народъ, какъ всякому изъ присутствующихъ извѣстно, всего охотнѣе берется за книги духовнаго содержанія".

Съ 3-го засѣданія увлеченіе педагоговъ желаніемъ передѣлать кириллицу, вопреки *историческому началу*, признанному въ 1-мъ собраніи,

---

[1]) *Учитель* 1862, стр. 266.

[2]) *Учитель*, стр. 302. Ср. выше, стр. 265, защиту буквы *ѣ* въ прежней статьѣ г. Стоюнина.

замѣтно растетъ. Пренія касались особенно предложенія не употреблять буквъ ъ и ь, замѣнивъ ихъ надстрочными знаками. Но вопросъ о знакѣ смягченія возбудилъ вопросъ о типографскомъ удобствѣ. Кеневичъ объявилъ, что онъ наводилъ справки въ типографіи Академіи наукъ и тамъ узналъ, что предлагаемый имъ знакъ ударенія надъ согласною буквою значительно долженъ увеличить типографскую буквенную кассу, такъ какъ нужно будетъ отливать особенно каждую согласную букву со знакомъ. Это заявленіе заставило собраніе отложить вопросъ о буквахъ ъ и ь. Между тѣмъ, однакоже, всѣ согласились принять за основаніе такое правило: каждая буква должна выражать опредѣленный звукъ; каждый существующій въ языкѣ звукъ долженъ имѣть соотвѣтствующую букву въ алфавитѣ, но только одну; знакъ, не соотвѣтствующій никакому звуку, не долженъ входить въ разрядъ буквъ, а быть знакомъ надстрочнымъ [1]). На этомъ основаніи одобрено предложеніе г. Стоюнина ввести въ азбуку букву *ё*, и большинствомъ голосовъ опредѣлено ставить ее, между прочимъ, послѣ *ж ч ш щ* и *ц* тамъ, гдѣ она [272] звучитъ какъ *о*. Затѣмъ, для изображенія звука *и* большинство отдало предпочтеніе буквѣ *і*, и рѣшило оставить ее въ алфавитѣ, исключивъ *и*, а вмѣсто *й* употреблять *і* съ краткимъ знакомъ [2]). Замѣтимъ, что тутъ, вопреки первоначальному постановленію собранія, вопросы рѣшаются уже по большинству голосовъ, а не съ общаго согласія.

Въ слѣдующемъ засѣданіи г. Стоюнинъ, одобривъ принятыя совѣщавшимися заключенія, какъ согласныя съ установленнымъ предварительно основаніемъ (въ чемъ, однакожъ, трудно убѣдиться), напомнилъ между тѣмъ, что всѣ предложенныя исключенія буквъ могутъ быть заявлены „только какъ разумное желаніе, чтобы упростить и облегчить нашу орѳографію: ввести же эти новизны въ общее употребленіе, въ печать“, замѣтилъ онъ, „не въ нашей власти; поэтому нельзя ихъ вводить и въ педагогическую практику, пока онѣ не примутся въ печати“ [3]). Затѣмъ онъ совѣтовалъ заняться болѣе практическими вопросами правописанія и перейти къ третьему отдѣлу программы, т. е. *перебрать всѣ разногласія въ орѳографіи по частямъ рѣчи*. Согласно съ этимъ и были разсмотрѣны нѣкоторые частные случаи, и тутъ высказаны кое-какія дѣльныя и интересныя замѣчанія, но постановлено опять нѣсколько совершенно непрактическихъ по новизнѣ своей правилъ, напр., по предложенію г. Стоюнина опредѣлено писать: *щастіе, щитать, пищая, бумага*, и далѣе: *рассказъ, рассужденіе, бесснѣжье, бессловесный*, или еще: *Лягарпъ, Ляморисьеръ, маёръ* (вм. маіоръ),

[1]) *Учитель*, 345.
[2]) *Учитель*, 347.
[3]) *Учитель*, 401.

петербурскій, выборскій, француcкій, персицкій. Кеневичъ, прочитавшій особую записку о правописаніи слитныхъ предлоговъ *воз, из, низ, раз, без* и *чрез* и подавшій ею поводъ къ приведенному окончательному заключенію по этому предмету, вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ весьма основательный разборъ орѳографіи этихъ предлоговъ въ словарѣ Даля, который пишетъ: *бесбруйный, бесвязный, беславіе, бесловесный* и т. п.

[273] Изъ помѣщенныхъ выше примѣровъ новаго правописанія, задуманнаго орѳографическими собраніями, достаточно видно, какъ они незамѣтно удалились отъ первоначально принятой ими программы и, въ прямомъ противорѣчіи съ нею, стали на путь, по которому итти далѣе было трудно. Отчетъ о 6-мъ совѣщаніи кончается заявленіемъ, „что по случаю наступающаго лѣта и каникулъ орѳографическія собранія откладываются до осени. Очередные вопросы слѣдуютъ: о флексіяхъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ“. Осенью однакожъ орѳографическія совѣщанія не возобновились; въ *Учителѣ* прочли мы только нѣсколько замѣтокъ по этому предмету, присланныхъ заинтересованными лицами на обсужденіе бывшихъ собраній и по большей части отличавшихся смѣлостью предложеній. Такимъ образомъ орѳографическія собранія 1862 года не привели ни къ какому практическому результату и остались только любопытнымъ и поучительнымъ эпизодомъ въ исторіи попытокъ перестроить нашъ алфавитъ и наше правописаніе на новыхъ основаніяхъ. Если бъ затѣявшіе это дѣло сумѣли удержаться на практической почвѣ, если бъ они ограничили свою задачу разъясненіемъ нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ и рѣшеніемъ: которое изъ двухъ или трехъ уже употребительныхъ начертаній болѣе раціонально, то, можетъ-быть, результатъ былъ бы другой и публика сказала бы совѣщавшимся лицамъ спасибо. Но въ данныхъ условіяхъ орѳографическія собранія 1862 года послужили только новымъ подтвержденіемъ той истины, что никакія крутыя преобразованія въ языкѣ, предпринятыя по теоріи, не удаются, хотя бы и имѣли за себя авторитетъ извѣстныхъ спеціалистовъ.

Явленія, вызванныя орѳографическими совѣщаніями.

Органы нашей журналистики очень различно отнеслись къ орѳографическимъ совѣщаніямъ. Въ апрѣльской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* явилась юмористическая статья въ видѣ отрывковъ изъ несуществующаго журнала *Самодуръ*, [274] напечатанныхъ на основаніи новой орѳографіи, въ которой осуществлены не только предположенія, одобренныя собраніями, но и нѣкоторыя черты частныхъ мнѣній, не принятыхъ ими [1]). Въ мартовской книжкѣ *Библіотеки для чтенія*

[1]) *Отеч. Зап.* т. CXLI, статья, „Все и ничего“, стр. 239—254.

неизвѣстный авторъ статьи „По вопросу объ упрощеніи русской ороографіи" нападаетъ съ ожесточеніемъ на всякую связь правописанія съ грамматикой, и потому, находя даже предположенныя преобразованія недостаточными, требуетъ чисто-фонетической ороографіи, не касаясь однакоже вопроса о практической возможности осуществленія такой мысли [1]). Особенно-живая статья по поводу петербургскихъ совѣщаній о правописаніи явилась въ журналѣ *Время* (март. книжка) подъ заглавіемъ: „Ороографическая распря". Извлеченіе изъ нея помѣщено въ приложеніяхъ къ настоящему труду. Съ безусловнымъ сочувствіемъ къ преобразовательнымъ планамъ конгресса отнесся *Книжный Вѣстникъ*, напечатавъ (въ № 5) статью г. Бѣлобородова, „Нѣсколько словъ объ упрощеніи правописанія" [2]). Авторъ не сомнѣвается въ благотворныхъ результатахъ совѣщаній, приходитъ къ заключенію, что „какъ народъ нельзя заставить говорить такъ, какъ пишется, то, натурально, надо писать, какъ говорится", и представляетъ образчикъ новой ороографіи, въ которой идетъ еще далѣе совѣщавшихся и пишетъ напр.: географическаво, гражданскова, общева".

Между провинціальными газетами всѣхъ серіознѣе взглянулъ на дѣло *Кіевскій Курьеръ*. Въ статьѣ: „По поводу преобразованія нашего правописанія" разсказано о преніяхъ 2-го собранія и между прочи́мъ замѣчено, что тутъ были „и такіе господа, которые позволили себѣ недостойное глумленіе надъ наукою, что́ хотя было и остроумно, но вовсе не умно. Смѣйтесь надъ педантизмомъ, надъ рутиной, сколько вамъ угодно, а науку, воли которой не перемѣнить, оставьте въ покоѣ". Всего любопытнѣе, что вмѣстѣ съ тѣмъ редакція объявила, что съ слѣдующаго (12) [275] нумера изгоняетъ изъ своей газеты ъ въ концѣ словъ, и дѣйствительно во все остальное время изданія газеты, т. е. до конца іюля мѣсяца того же года, *Кіевскій Курьер* печатался безъ еровъ, начиная отъ заглавія и кончая подписью: „Редактор Петр Стрешнев".

Въ Москвѣ *Наше Время* напечатало по тому же поводу статью одного изъ тамошнихъ преподавателей, покойнаго Робера, вступившагося за честь русской ороографіи. Въ его статьѣ особенно важно заявленіе, что онъ, „къ удивленію своему, не видитъ ни малѣйшей причины къ такому возстанію противъ нашей ороографіи", какое произошло въ Петербургѣ. „Едва ли какой языкъ", по его мнѣнію, „представляетъ такую правильность, такое богатое развитіе въ производствѣ словъ, какъ русскій языкъ... И едва ли есть языкъ, въ которомъ бы такъ ясно производство слова выражалось въ правописаніи. Только въ очень немногихъ случаяхъ наше правописаніе отступило отъ

[1]) *Библ. для Чт.* т. 170, стр. 76—92.
[2]) Эта же статья была напечатана и въ *С О.* 1862, № 36.

производства... Всякое коренное измѣненіе въ нашемъ правописаніи будетъ замѣною правилъ, основанныхъ на разумныхъ началахъ, другими, основанными на простомъ условномъ соглашеніи: гдѣ же будетъ болѣе сбивчивости и шаткости? „Вслѣдъ за тѣмъ авторъ „Филологическихъ Разысканій" помѣстилъ въ *Современной Лѣтописи* свои соображенія „по поводу толковъ о правописаніи" [1]). Не могу здѣсь умолчать объ этой статьѣ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, она выражала не одно личное мое мнѣніе, а во-вторыхъ, она вызвала возраженіе со стороны одного изъ тѣхъ членовъ орѳографическихъ собраній, которые принимали въ нихъ наиболѣе дѣятельное участіе. Статья моя была главнымъ образомъ посвящена вопросу о возможности сократить или пополнить нашъ алфавитъ. Желающіе ознакомиться съ тогдашними замѣчаніями моими найдутъ ихъ въ приложеніи къ настоящему труду. Здѣсь же упомяну только, что я находилъ неумѣстною въ *русскомъ* алфавитѣ *греческую* букву (*ѳиту*) и кромѣ того [276] считалъ полезнымъ прекратить употребленіе въ концѣ словъ *ера*, который тутъ можетъ всегда подразумѣваться. Съ этимъ послѣднимъ взглядомъ предварительно согласились покойные сочлены мои по Академіи наукъ: Востоковъ и Срезневскій. Только впослѣдствіи я узналъ, что Востоковъ уже въ самомъ началѣ своего филологическаго поприща былъ того же мнѣнія [2]). Наконецъ, нельзя умолчать, что и другой академикъ-филологъ, О. Н. Бэтлингъ, въ извѣстныхъ замѣткахъ своихъ высказался о безполезности буквы ъ [3]).

Такъ взглянула на этотъ вопросъ и редакція газеты, гдѣ появилась означенная статья моя, и въ выноскѣ было помѣщено примѣчаніе: „Намъ также кажется, что дѣло слѣдуетъ начать съ отмѣны *ера* въ концѣ словъ; но мы полагаемъ, что для этого нужно согласіе по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ изъ наиболѣе распространенныхъ нашихъ журналовъ. Мы заранѣе заявляемъ готовность присоединиться къ договору". Такое устраненіе буквы ъ (было замѣчено въ той статьѣ) не только сберегло бы много мѣста и времени, но уменьшило бы и издержки печатанія. При этомъ редакція газеты исчислила, что „сбереженіе составило бы приблизительно 8% на наборѣ, печати и бумагѣ. Изданіе, тратящее на эти предметы 100.000 р., платитъ за букву ъ приблизительно 8000 р.".

Относительно этого уже и въ орѳографическихъ собраніяхъ было исчислено Кеневичемъ, что ъ и ь „составляютъ болѣе чѣмъ двадцатую часть всего печатаемаго [4]). Такъ въ сочиненіи [277] Буслаева „Исто-

[1]) *Совр. Лѣт.* 1862, № 28 (іюль).

[2]) См. выше, стр. 660, Борна *Крат. руковод. къ росс. слов.*, стр. 11.

[3]) *Ученыя Записки по I и III Отд.*, т. I, стр. 61.

[4]) Въ прошломъ столѣтіи враги буквы ъ сдѣлали ариѳметическое вычисленіе, и нашли, что эта буква занимаетъ 1/16 долю всего типографскаго набора буквъ (Стою-

рическіе очерки народной поэзіи", въ томѣ 40 листовъ; можно полагать, что изъ нихъ слишкомъ 2 листа заняты полугласными. Въ Энциклопедическомъ лексиконѣ, который предполагается издать въ 40 томахъ, два тома будутъ заняты только полугласными; между тѣмъ изданіе тома обходится среднимъ числомъ около 15 тысячъ; слѣдовательно, издатели Энциклопедическаго лексикона платятъ 30 тысячъ р. только за полугласныя".

Двадцать слишкомъ лѣтъ прошло со времени всѣхъ этихъ разсужденій; однакожъ, буква ъ и до сихъ поръ не потеряла своего права гражданства на концѣ словъ въ русскомъ письмѣ, и невольно припоминается замѣчаніе русской грамматики, изданной въ 1750 г. на шведскомъ языкѣ: „Хотя этотъ знакъ въ произношеніи и начертаніи словъ не только никакой пользы не приноситъ, а напротивъ еще скорѣе затрудняетъ чтеніе, однакожъ онъ такъ вошелъ во всеобщій обычай, что почти нельзя ожидать, чтобы названный знакъ когда-нибудь былъ исключенъ изъ числа русскихъ буквъ" [1]). Послѣ 1862 года было только одно довольно крупное изданіе, которое умѣло хотя отчасти облегчить себя отъ бремени буквы ъ. Это *Настольный Словарь* покойнаго Толля, гдѣ ъ удержанъ только въ заглавныхъ словахъ; въ объясненіяхъ онъ послѣ конечной согласной исключенъ, оставаясь однакожъ какъ въ серединѣ словъ, гдѣ нужно (напр., въ словѣ „объявить"), такъ и при предлогахъ, состоящихъ изъ одной согласной (въ, къ) [2]). Такъ же точно и *ѳита* совершенно устранена изъ этого словаря.

нинъ, *О русской азбукѣ*). *Въ Книжномъ Вѣстникѣ* утверждали, что отказавшись отъ буквъ *и й ѣ ѳ ѵ ъ* и ь, мы „выиграемъ *шестую* часть времени и капитала, т. е. на $1/6$ часть будемъ меньше тратить бумаги, чернилъ, перьевъ и пр., а слѣдовательно меньше потребуется времени и писарей". (*К. В.* 1862, № 5). Еще до того Сенковскій, по поводу книжки Кадинскаго, говорилъ: „Пагубнѣе всѣхъ и всего этотъ тунеядъ ъ, эта піявка, высасывающая лучшую кровь русскаго языка, этотъ злокачественный наростъ — родъ грамматическаго рака — на хвостѣ русскихъ словъ: онъ пожираетъ болѣе восьми процентовъ времени и бумали, стóитъ Россіи ежегодно болѣе 4.000.000 руб., — а какую приноситъ ей выгоду или честь"? и т. д. (*Листки бар. Брамбеуса*, Спб. 1858, стр. 633).

[1]) „Россійская Грамматика. Thet är Grammatica Russica eller Grundelig Handledning till Ryska Språket &c. Utgifven af Michael Groening" Stockholm 1750.

[2]) Помѣщенный выше списокъ изданій безъ буквы ъ можно дополнить, за послѣднія десятилѣтія, еще слѣдующими:

О числѣ. Мысль Порфирія Гоствилло-Карниловича. С приложеніем. Кіев 1852—1853. 16 д. л.

Патологія Нимейера, изд. 2-е Спб. 1864.

Суп для грудных дѣтей, Юстуса Либиха, перев. Розалія Коган. Спб. 1866.

Практическое примѣненіе естественныхъ наук к требованіям личнаго существованія, д-ра Кленке, перев. съ нѣм. М. 1866. 8 д. л.

Граф Бисмарк. Біографическій этюд. Съ англійскаго. Спб. 1870 (Межова 2-е *Прибавл. къ Каталогу* Базунова, № 672).

М. Стариченко. 13 малороссійских переводов сказок Андерсена. Кіев (Межова

[278] Что касается буквы *ѣ*, то въ статьѣ 1862 я находилъ, что изгнаніе этой буквы равнялось бы уничтоженію этимологическаго характера нашей орѳографіи. В. Ѳ. Кеневичъ, оставаясь вѣрнымъ тому, что́ онъ говорилъ въ собраніяхъ, является и въ возраженіи своемъ на мою статью непримиримымъ врагомъ этой буквы [1]). Главнымъ доводомъ служитъ ему то, что правильное употребленіе ея въ корняхъ словъ издавна не вполнѣ соблюдается, такъ что во многихъ случаяхъ мы не пишемъ ея тамъ, гдѣ она въ древности писалась; во флексіяхъ же можно-де равнымъ образомъ обойтись безъ нея, такъ какъ мѣсто, занимаемое словомъ въ предложеніи, достаточно опредѣляетъ грамматическую форму слова. Въ заключеніе авторъ спрашиваетъ: „Сто́итъ ли учиться тому, что, требуя отъ уча́щагося большихъ усилій, не даетъ никакого положительнаго знанія, не развиваетъ его [279] способностей и ни въ какомъ случаѣ не можетъ принести пользы? Сто́итъ ли терять время, замѣтьте, лучшее время жизни, на то, чтобы пріобрѣсть навыкъ совершать дѣйствіе, не имѣющее ни опредѣленной цѣли, ни разумнаго основанія". — Едва ли можно согласиться съ Кеневичемъ въ посылкахъ, на которыхъ построены его вопросы. Едва ли знаніе разнохарактернаго состава словъ языка и различнаго образованія его флексій можно считать безцѣльнымъ, неразумнымъ и безполезнымъ. Нельзя сказать, что́бы неодинаковое начертаніе такихъ словъ, какъ напр. *сведеніе* и *свѣдѣніе*, ни на чемъ не было основано. Если скажутъ, что для различенія этихъ двухъ словъ при одинаковомъ начертаніи ихъ достаточно было бы знака ударенія, то можно спросить, чѣмъ же этотъ способъ былъ бы лучше и былъ ли бы онъ достаточно знаменателенъ?

---

5 и 6-е *Приб.*, №№ 908, 913, 916, 930, 962, 977, 1013, 1020, 1024, 1034, 1039, 1043 и 1044).

М. Троцкій. *Як теперь одбуватиметься военна служба.* Кіев 1874 (тамъ же, № 1259).

Дух Римскаго права на различных степенях его развитія. Соч. Р. Іеринга. *Часть I. Перевод с 3-го изданія. Спбург* 1875.

Историческія пѣсни малороссійскаго народа съ объясненіями В. Антоновича и М. Драгоманова. Кіевъ 1874 — 1875. Два тома (безъ *еровъ* собственно одинъ текстъ пѣсенъ; въ предисловіи и примѣчаніяхъ издателей ъ удержанъ). Такимъ же образомъ въ *Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности*, т. XVII, напечатанъ безъ *еровъ* текстъ пѣсенъ и сказокъ, сообщенныхъ покойнымъ Колосовымъ въ приложеніяхъ къ его отчетамъ Отдѣленію.

Опыт фонетики резьянских говоров, И. Бодуэна-де-Куртенэ. Петербургъ 1875 (и въ видѣ приложенія къ этой книгѣ *Резьянскій катихизис*). Проф. Б. де К. вообще печатаетъ свои труды безъ *ера*. Равнымъ образомъ и проф. Р. Ѳ. Брандтъ.

Сборник правил р. правописанія. Валько́ва. Спб. 1875.

Наконецъ, журналъ *Филологическій Вѣстникъ*, издав. въ Варшавѣ.

Замѣтки объ изгнаніи буквы ъ, см. въ *Книжн. Вѣстн.* 1860, №№ 3 — 6, 7—8; 1864, № 23; также въ *Русск. Инвалидѣ* 1860, № 96 и въ *Русск. Мірѣ* 1860, № 19.

[1]) *Сѣв. Пч.* 1862, № 314: „Нѣсколько замѣчаній по поводу статьи г. Грота".

Дальнѣйшія попытки улучшенія русской orѳографіи.

Въ истекшее десятилѣтіе самыя замѣтныя отступленія отъ господствующаго правописанія позволилъ себѣ покойный В. И. Даль въ своемъ словарѣ. Вотъ главныя особенности его письма:

1) Находя, будто фонетикѣ русскаго языка противно удвоеніе одной и той же буквы, онъ во многихъ случаяхъ не допускаетъ такого удвоенія и пишетъ, напримѣръ: *беславіе, бесмертіе, бесмысліе, конченый, опредѣленый, исполненый*, также: *вобще, вображеніе, воружать* и т. п. Однакожъ надобно замѣтить, что Даль самъ не выдерживаетъ своего правила и, по мѣрѣ удаленія отъ начала словаря, болѣе и болѣе измѣняетъ себѣ: такъ предлогъ *из* передъ *с* онъ уже пишетъ то цѣликомъ, то ставя *з* въ скобкахъ, напр: *изсасывать, изсиня, и(з)спѣсивѣть, и(з)страдать, и(з)стари*, хотя въ обоихъ случаяхъ не слышно никакой разницы въ произношеніи; а предлога *раз* онъ даже нигдѣ и не сокращаетъ передъ *с*, и пишетъ: *разсаживать, разсуждать*, и проч. Да и трудно было бы остаться вѣрнымъ правилу, основанному на совершенно ложномъ положеніи: [280] русская фонетика не только не чуждается удвоенія буквъ, но напротивъ часто безъ основанія сдваиваетъ согласныя, особенно букву **н**, какъ видно изъ произношенія страдательныхъ причастій и прилагательныхъ въ родѣ: *деревянный, соломенный, мысленный*, также глагола *итти*, словъ подобныхъ *прочій, причина, поручикъ* и проч. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ правописаніе давно уступило говору, такъ что напр. всѣ теперь пишутъ съ двойнымъ **н** извѣстныя причастія и прилагательныя; прежде писали на томъ же основаніи: *впротчемъ, притчина.*

2) Постояннѣе Даль держится своего правила въ иноязычныхъ словахъ, которыя считаетъ справедливымъ писать только по слуху, безъ соображенія съ подлинною ихъ orѳографіею; но между тѣмъ строго слѣдуя принятому началу, онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ произношеніемъ, когда напр. пишетъ: *каса, маса* и т. п.

Другія особенности orѳографіи Даля касаются частныхъ случаевъ, и я не буду останавливаться на нихъ, тѣмъ болѣе, что онѣ уже обозначены мною въ другомъ мѣстѣ [1]). Нѣкоторыя черты этого правописанія нашли у насъ послѣдователей: есть люди, которые пишутъ: *Росія, Прусія, комисія, професоръ, колегія, класъ*, и проч. Но объ этомъ ниже, въ критическомъ отдѣлѣ.

Въ послѣдніе годы одинъ изъ типографскихъ корректоровъ въ Петербургѣ, г. Студенскій, убѣдившись на опытѣ въ неудобствахъ

---

[1]) См. въ I-й части Р. Ф. разборъ *Толковаго Словаря* для присужденія автору Ломоносовской преміи.

пестроты нашего правописанія, издалъ одну за другою двѣ справочныя книжки для авторовъ и переводчиковъ. Первая изъ нихъ (1869, 52 стр.) озаглавлена: „Корректурный Списокъ 700 словъ наиболѣе требующихъ одинаковаго начертанія"; вторая (1870) названа: „Корректурно-грамматическій или корректорскій списокъ". Послѣдняя, и по объему (200 стр.) и по плану, гораздо обширнѣе первой и заключаетъ въ себѣ 4 отдѣла:

I. Рукопись. — Издатель. — Списокъ словъ, требующихъ одинаковаго начертанія. — Корректура. — Наборщики. — [281] Типографія. — II. Грамматика и правописаніе. — III. Лексикографія. — IV. Языкъ и философія языка.

Нельзя не признать справедливою мысль автора о потребности въ такомъ пособіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ не пожалѣть, что у него исполненіе вовсе не соотвѣтствуетъ доброму намѣренію. Ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ нѣтъ системы; вмѣсто серіознаго отношенія къ дѣлу, вездѣ странное балагурство; положительныхъ свѣдѣній мало, лишняго пропасть и наконецъ множество невѣрныхъ указаній и просто ошибокъ, такъ что пользоваться этою книжкой невозможно. Что сказать, напр., о слѣдующихъ замѣчаніяхъ: „*Борются* матеріально, тѣлесно, напр. боксеры; *борятся* съ предразсудками и пр. *Надѣются* и *надѣятся* — разсужденія тѣ же" (стр. 28), или: *С*ѣверная Америка, а не сѣверная, *Ю*жная Америка, а не южная, и это потому, что Америка самой природой такъ перехвачена въ срединѣ, какъ талія самой отчаянной кокетки. — А грудь?... пожалуй спросите вы. — Соединенные Штаты. — А башмачокъ? — Огненная земля... Сл. у Бокля о плодородіи Бразиліи и гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ о въѣздѣ Колумба" (стр. 72). Но довольно... Иначе пришлось бы выписать почти всю книжку.

Около того же времени на нѣкоторыя трудности нашего правописанія указалъ бывшій преподаватель военно-учебнаго вѣдомства г. Новаковскій въ особой статьѣ, которую онъ представилъ въ Академію Наукъ и потомъ напечаталъ [1]); въ этой статьѣ, имѣющей цѣлію примиреніе этимологической ороографіи съ говоромъ, Академія приглашается къ рѣшенію спорныхъ вопросовъ своимъ авторитетомъ.

Мысль, что единство ороографіи можетъ быть установлено только рѣшеніемъ ученаго ареопага, очень естественна. Ее выражали не разъ, и тѣмъ настойчивѣе, что примѣръ тому видѣли во Франціи. Такъ и одинъ изъ бывшихъ нашихъ сочленовъ, покойный П. А. Плетневъ, при разборѣ грамматическаго [282] сочиненія, изданнаго въ 1844 г., замѣтилъ: „До тѣхъ поръ мы будемъ писать по привычкѣ или по прихоти, пока этотъ грамматическій вопросъ" (т. е. вопросъ объ ороогра-

---

[1]) *Филол. Записки* 1872, вып. 1 и 2.

фіи) „не рѣшенъ будетъ, какъ во Франціи, единодушно обществомъ истинныхъ представителей Русскаго слова“ [1]). Надобно однакожъ замѣтить, что примѣръ Франціи остается до сихъ поръ едва ли не единственнымъ въ этомъ отношеніи: да и тамъ давно уже рѣшенія академіи принимаются не безусловно и не безъ критики, чему новѣйшимъ доказательствомъ можетъ служить недавно оконченный превосходный словарь Литтре́. Можно навѣрное сказать, что и у насъ опредѣленія Академіи, если бъ и можно было достигнуть въ средѣ ея общаго соглашенія по этому предмету, не привели бы къ полному единообразію въ правописаніи: не только въ разныхъ органахъ печати нельзя предполагать такой уступчивости, которая побудила бы ихъ отказаться отъ своихъ орѳографическихъ привычекъ, но можетъ статься и тѣ, которые теперь взываютъ къ авторитету Академіи, первые отвергли бы ея опредѣленія, если бъ эти послѣднія не были согласны съ ихъ собственными взглядами.

Поэтому Академія, по выслушаніи письма г. Новаковскаго, передала его статью въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности, которое поручило мнѣ разсмотрѣть ее. Настоящій трудъ, въ первоначальномъ видѣ своемъ, и былъ предпринятъ по этому поводу. Въ своей запискѣ г. Новаковскій, жалуясь на пестроту и шаткость нашей орѳографіи, указывалъ на необходимость согласить два разнородныя начала ея, и для того выставлялъ нѣсколько частныхъ случаевъ, въ которыхъ, съ помощію этимологіи и логическихъ доводовъ, доказывалъ преимущество одного начертанія передъ другимъ, или предлагалъ новое. — Такъ онъ совѣтовалъ писать: 1) *ити* вмѣсто *идти* или *итти*; 2) *попрежнему, помоему, понынѣшнему*, не отдѣляя предлога; 3) *въ слѣдствіе*, т. е. отдѣляя предлогъ, вм. *вслѣдствіе*; 4) *ниодинъ* слитно [283] вм. *ни одинъ*, соображаясь съ словами: *никто, ничто, никогда*, и проч.; 5) *двѣстѣ*, какъ двойств. число, вм. *двѣсти*. Особенно настаивалъ онъ на томъ, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда *е* съ удареніемъ слѣдуетъ за шипящими буквами *ж ч ш щ*, писать не *о* и не просто *е*, а *е* съ двоеточіемъ (*ё*), за исключеніемъ немногихъ словъ (*свѣжо, горячо, плечо, хорошо*), въ которыхъ окончаніе на *о* уже утвердилось.

Разбирая вопросы, затронутые г. Новаковскимъ, я счелъ нужнымъ расширить свою задачу и пересмотрѣть, какъ съ исторической, такъ и съ теоретической точки зрѣнія, все нынѣшнее наше правописаніе. Замѣчанія мои, по мѣрѣ ихъ составленія, читались то въ Академіи, то въ существующемъ при Университетѣ Филологическомъ обществѣ, и хотя не во всѣхъ случаяхъ можно было достигнуть единогласныхъ заключеній, но по крайней мѣрѣ каждый спорный вопросъ подвергался многостороннему обсужденію. Выводы, основанные на внимательн-

[1]) *Соврем.* 1844, т. XXXIX, стр. 311.

номъ соображеніи разнообразныхъ мнѣній, были тогда же напечатаны мною (*Спорные вопросы* и проч.).

Передъ самымъ изданіемъ тогдашняго труда моего въ *Голосъ* [1]) появилась статья г. Скандовскаго о томъ, что разнорѣчія правописанія могутъ иногда, въ нашихъ гимназіяхъ, имѣть очень прискорбныя послѣдствія для экзаменующихся учениковъ. Жаль, ежели въ самомъ дѣлѣ есть преподаватели, которые на обычныя орѳографическія разнорѣчія письма смотрятъ какъ на ошибки. Выше я уже коснулся этой стороны предмета. Очень любопытны наблюденія автора (хотя мы съ нимъ и не во всемъ согласны) надъ особенностями орѳографіи современныхъ газетъ и журналовъ; не лишенъ также интереса разсказъ его „о томъ, что́ происходило въ 1872 году во второй московской гимназіи въ комиссіи, обсуждавшей учебникъ русскаго правописанія, составленный *И. Е. Соснецкимъ*. Комиссія состояла изъ директора, инспектора и трехъ преподавателей русскаго языка и [284] словесности; инспекторъ (г. Гулевичъ) участвовалъ въ ней тоже въ качествѣ преподавателя словесности и русскаго языка. При обсужденіи разныхъ вопросовъ, „каждый изъ насъ", говоритъ авторъ, „не разъ и не два оказывался несостоятельнымъ, и мы провѣряли себя академическимъ и другими словарями, которые, въ свою очередь, отказывались иногда отъ рѣшенія нашихъ вопросовъ. Г. Гулевичъ представилъ болѣе сотни словъ, предлагая устранить въ нихъ двоякое правописаніе и постановить что-нибудь одно, на научныхъ, прочныхъ основаніяхъ. Но мы не пришли тогда ни къ какимъ прочнымъ результатамъ, такъ какъ поднимались вопросы о совершенномъ устраненіи нѣкоторыхъ словъ". Далѣе авторъ такъ разсуждаетъ: „Прочные результаты, безъ сомнѣнія, желательны во всякомъ дѣлѣ, но едва ли они достижимы тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ установленіи прочнаго въ непрочномъ, *обязательныхъ навсегда и для всѣхъ* правилъ *въ живомъ еще языкѣ*. Тутъ возможно только *временное* соглашеніе. Потрудитесь-ка сосчитать число грамматическихъ, *по нашему*, ошибокъ въ грамматикѣ *Ломоносова* и въ грамматикѣ *Востокова!* Устанете. Но кто же обвинитъ ихъ въ незнаніи грамматики?" — На эти замѣчанія, какъ надѣемся, предыдущее уже заключаетъ въ себѣ отвѣтъ. Въ каждую эпоху правописаніе, дѣйствительно, представляетъ свои особенности, свою фазу развитія. Многаго, что́ писалъ Ломоносовъ, теперь конечно никто уже не напишетъ; но нельзя же не согласиться, что въ нынѣшнихъ начертаніяхъ виденъ успѣхъ науки, и что она должна постоянно стремиться къ большему и большему установленію послѣдовательнаго письма. А что касается Востокова, то и нынѣшнимъ грамотеямъ полезно было бы почаще справляться съ нимъ. Иное дѣло обычай, иное — наука. То, что Вос-

[1]) 1872, № 162.

токовъ предписываетъ, соображаясь только съ употребленіемъ, напр. большія буквы въ началѣ нѣкоторыхъ словъ, могло измѣниться; но его научные выводы едва ли когда-нибудь утратятъ свою цѣну.

Это перечисленіе главныхъ фактовъ въ исторіи русскаго правописанія было бы неполно, если бъ мы не упомянули объ [285] ученыхъ трудахъ, способствовавшихъ къ ближайшему разъясненію происхожденія славянской азбуки и употребленія ея, начиная съ древнѣйшихъ временъ: послѣ Востокова важныя услуги въ этомъ дѣлѣ оказали: Павскій, Срезневскій и Буслаевъ, которыхъ изслѣдованія необходимо принимать въ соображенія и при разсмотрѣніи орѳографіи позднѣйшаго времени. Собственное правописаніе покойнаго Павскаго отличалось нѣкоторыми особенностями (напр. *естьли*, *этѣ*), которыя однакожъ, несмотря на его ученый авторитетъ и на успѣхъ его книги, не перешли въ общее употребленіе. — Указаніе на учебники повело бы насъ слишкомъ далеко. Но я не могу вовсе умолчать объ одной книжкѣ съ притязаніями на педагогическое значеніе, которая была вызвана на свѣтъ моимъ трудомъ и напечатана, хотя и противъ положительно выраженнаго мною желанія, съ моимъ именемъ въ заглавіи. Въ началѣ 1875 года у петербургскихъ книгопродавцевъ появилась брошюра: „Сборник правил русскаго правописанія, составленный, на основаніи Филологических разысканій академика Я. К. Грота, Иваном Вальков ым“ (псевдонимъ). Чтобы дать понятіе, до какой степени точно это заглавіе, довольно упомянуть, что многія изъ установляемыхъ авторомъ правилъ прямо противоположны моимъ выводамъ, при чемъ однакожъ такое разнорѣчіе съ принятыми имъ будто бы въ руководство началами, въ бо́льшей части случаевъ не оговорено: только изрѣдка оно обозначено едва замѣтною звѣздочкой. Не желая утомлять вниманія читателей безполезною полемикой, позволю себѣ только для примѣра указать, что г. Вальковъ совѣтуетъ писать: *чепорный*, *трущеба*, *плече*, и въ то же время: *шорстка*, *жордочка*, *ржот*, или: *часовова*, *святова*, *жаркова*, *мороженова*, *животнова*, *горячева* (въ сущ. именахъ), и въ то же время: *хрупкаго*, *синяго*, *меньшого* (въ прилагательныхъ). Затѣмъ отсылаю къ самой брошюрѣ тѣхъ, которые захотѣли бы убѣдиться въ основательности причинъ, заставившихъ меня вскорѣ послѣ ея выхода заявить, что я не принимаю на свою отвѣтственность излагаемыхъ въ ней правилъ правописанія (см. № 79 *Голоса* 1875 г.).

V. Критическій обзоръ современнаго правописанія.

[286] Выше уже замѣчено, что наше правописаніе далеко не представляетъ тѣхъ многочисленныхъ и запутанныхъ затрудненій, которыя тяготѣютъ надъ письмомъ большей части другихъ европейскихъ на-

родовъ: это подтверждается и обзоромъ постепенныхъ измѣненій и самымъ родомъ колебаній нашей орѳографіи. Мы видѣли также, что ея господствующій характеръ — историко-этимологическій, но что рядомъ съ нимъ въ значительной степени имѣетъ силу и фонетическій элементъ. Предшествующій очеркъ показываетъ, что въ нашемъ письмѣ, какъ и у другихъ народовъ, постоянно происходило движеніе впередъ въ обоихъ направленіяхъ. Съ одной стороны звуковыя или ошибочныя начертанія исправлялись по требованіямъ словопроизводства; напр. долго писали: „здѣлать, прозьба, щетъ, щастіе, мѣлкій, мѣльница, истинна, лутче, протчій, вить, тово, этова, доброй, Василей, поперегъ"; потомъ стали писать по этимологіи: *сдѣлать*, *просьба*, *счетъ*, *счастіе*, *мелкій*, *мельница*, *истина*, *лучше*, *прочій*, *вѣдь*, *того*, *этого* *добрый*, *Василій*, *поперекъ*. — Съ другой стороны этимологическія, не согласныя съ живымъ языкомъ начертанія измѣнялись сходно съ выговоромъ; такъ нѣкогда писали: „шестый, хромый, концемъ, дружекъ, естьли"; впослѣдствіи же стали писать ближе къ произношенію: *шестой*, *хромой*, *концомъ*, *дружокъ*, *если*.

Спрашивается: можно ли допустить въ правописаніи совмѣстное присутствіе такихъ двухъ противоположныхъ началъ, и не слѣдуетъ ли стремиться къ исключительному утвержденію одного изъ нихъ, съ устраненіемъ другого? Такъ какъ по самой нашей азбукѣ русское правописаніе — преимущественно этимологическое, а чисто-фонетическое письмо, при сохраненіи этой азбуки, невозможно, то не нужно ли окончательно подчинить все наше правописаніе этимологическому началу, слѣдовательно, напр., начать писать: „возпитать, двадсять, чужій, плечё, хорошё" и т. п.?

[287] По теоріи это было бы конечно справедливо, но практика всѣхъ языковъ убѣждаетъ насъ въ невозможности строго провести въ правописаніи одно начало, и потому приходится признать законность двойственнаго элемента не только въ прошедшемъ, но и въ будущемъ развитіи нашей орѳографіи. Это вытекаетъ изъ самой сущности дѣла. „Въ дѣйствительности, говоритъ Раумеръ, ни то, ни другое письмо не можетъ быть на долгое время установлено безъ ограниченій: *историческое* — потому, что разладъ (между письмомъ и произношеніемъ) въ теченіе вѣковъ становится невыносимымъ; *фонетическое* — потому, что живой языкъ, послѣ введенія такого письма, не перестанетъ измѣняться и разница между письмомъ и произношеніемъ снова будетъ обнаруживаться, пока она не устранится новымъ фонетическимъ исправленіемъ" [1]). Изъ этого вполнѣ вѣрнаго замѣчанія легко вывести заключеніе, что оба начала должны дѣлать другъ другу уступки всякій разъ, когда въ противномъ случаѣ одно изъ нихъ было бы слиш-

[1]) R. Raumer. *Gesam. sprachw. Schriften.* Стр. 110 и 243.

комъ рѣзко нарушено и когда такою уступкой достигается бо́льшее удобство либо въ пониманіи формы или состава слова, либо въ вѣрности изображенія звука. Такъ этимологическія начертанія: *добрый, хорошій, синій,* [1]) легко принялись вм. болѣе близкихъ къ просторѣчію: „доброй, хорошей, синей", потому что, не отступая замѣтно отъ произношенія, первыя очень уясняютъ форму, давая возможность наглядно отличать имен. падежъ ед. ч. муж. рода отъ род. и дат. жен. По аналогіи стали также писать *легкій, ветхій,* хотя тутъ несогласіе съ произношеніемъ уже замѣтнѣе. Напротивъ, при удареніи на послѣднемъ слогѣ мѣстоименій и прилагательныхъ *(тако́й, како́й, второ́й, прямо́й),* восторжествовало на письмѣ произношеніе, потому что начертанія *такій, вторый* и проч. были бы въ слишкомъ большомъ разладѣ съ выговоромъ. По той же [288] причинѣ многіе въ недавнее время справедливо начали писать: *прямого, второго,* чтобы ослабить несходство съ произношеніемъ формъ: *прямаго, втораго.* Такимъ же образомъ, наоборотъ, въ старинныхъ начертаніяхъ „дватцать, тритцать" сдѣлана поправка введеніемъ *д* вмѣсто *т,* чтобы, по правилу Ломоносова, „слѣдъ происхожденія этихъ словъ не совсѣмъ закрывался", хотя въ послѣднемъ ихъ слогѣ и допущена уступка произношенію (буква *ц* вм. *с*).

Но, сводя всѣ различные способы начертаній въ современномъ русскомъ письмѣ, мы находимъ, что оно, кромѣ этимологическаго и фонетическаго началъ въ истинномъ ихъ значеніи, представляетъ еще два другіе элемента, именно: во 1-хъ, *условное правописаніе,* когда, не находя точныхъ основаній ни въ томъ, ни въ другомъ началѣ, мы пишемъ по произвольному соглашенію, напр. *добрые, добрыя; они, онѣ; ея, ее; Андрей, Матвѣй, соловей, змѣй;* во 2-хъ, основанное на ложныхъ этимологическихъ или грамматическихъ толкованіяхъ, слѣдовательно просто *ошибочное,* напр. бол*ѣ*нъ, вид*ѣ*нъ, см*е*та, м*е*ткій, росп*и*ска, р*о*зысканіе.

Ясно, что изъ этихъ двухъ добавочныхъ элементовъ только первый можетъ быть терпимъ; второй долженъ постепенно ослабѣвать и наконецъ исчезнуть передъ успѣхами языкознанія.

Теоретическое разсмотрѣніе нашего правописанія въ систематическомъ порядкѣ — не легкое дѣло. Всего проще было бы конечно проходить отдѣльно каждую букву и указывать всѣ случаи, когда на письмѣ означается одинъ звукъ, а слышится другой, и т. п., какъ обыкновенно и дѣлается въ руководствахъ къ правописанію. Но этотъ способъ разсмотрѣнія и дологъ, и скученъ. Оттого уже и въ первомъ изданіи настоящаго труда я старался группировать по отдѣламъ однородные

---

[1]) Въ нынѣшнемъ произношеніи такихъ прилагательныхъ грамотными людьми съ яснымъ сохраненіемъ окончаній **ый, ій** мы видимъ одинъ изъ примѣровъ обратнаго дѣйствія письма на живую рѣчь.

случаи письма; той же идеѣ буду слѣдовать и теперь, но принявъ отчасти и другія основанія для раздѣленія предмета на группы.

I. Употребленіе согласныхъ буквъ.

Удвоеніе одной и той же буквы.

[289] Начинаю съ этого вопроса по обширному его значенію для нашего письма. Нѣкоторые до сихъ поръ думаютъ, что удвоеніе согласныхъ противно свойствамъ русскаго языка. Павскій утвержалъ, что языкъ нашъ „не терпитъ удвоенія однозвучныхъ буквъ и накопленія многихъ согласныхъ при одной гласной" [1]). Въ другомъ мѣстѣ однакожъ онъ справедливѣе называетъ эту особенность „стариннымъ закономъ словенорусскаго языка" и замѣчаетъ, что *въ старину* избѣгали разными способами встрѣчи двухъ однозвучныхъ буквъ: то опускали одну изъ нихъ, то перемѣняли на другую, напр. говорили и писали: „бесѣмене, безависти, исохну, даный, иждивеніе" вм. *безъ сѣмени, безъ зависти, изсохну, данный, изживеніе* [2]).

Нѣкоторыя изъ такихъ старинныхъ формъ, какъ наприм. *иждивеніе, вождельніе* (вм. возжелѣніе, или возжеланіе) перешли и въ нынѣшній языкъ или отразились въ немъ: такъ еще и теперь произносятъ и пишутъ: *отворить, разѣвать, разинуть, подьячій* (вм. отгворить, раззѣвать, раззинуть — отъ зіять, — поддьячій), но, вообще говоря, мы на письмѣ легко допускаемъ, даже и безъ надобности, удвоеніе буквъ [3]).

Въ физіологическомъ смыслѣ, удвоенія одного и того же согласнаго звука въ словѣ какого бы ни было языка не бываетъ, а есть только *способъ произношенія* звуковъ этого рода, который на письмѣ *такъ* означается. Въ 1-й части настоящаго изслѣдованія я съ намѣреніемъ еще не касался этого вопроса по тѣсной связи его съ письмомъ. Когда мы пишемъ: *ванна, труппа,* [290] *масса,* то это не значитъ, что звукъ повторенной буквы долженъ дѣйствительно быть дважды вполнѣ образованъ и произнесенъ: это далеко не то, что́ должно бы слышаться, если бъ мы написали: „трупъ-па, ванъ-на, масъ-са". Цѣль двойного начертанія согласной — только показать, что при артикулованіи звука должно произойти его удлинненіе, или точнѣе, что раздѣленіе слога

---

[1]) *Филол. набл.* I, § 93.

[2]) Тамъ же, § 106, примѣч. По замѣчанію Шлейхера (Formenlehre. d. Kirch.-sl. Spr., стр. 147) тутъ дѣйствуетъ скрытая ассимиляція.

[3]) Въ этомъ сознается и Павскій: „нынѣ встрѣча однозвучныхъ буквъ не противна... мы нынѣ допускаемъ удвоеніе одинакихъ буквъ не только въ предложныхъ словахъ, гдѣ нужда того требуетъ, но и въ простыхъ... и даже преступаемъ въ семъ случаѣ предѣлы умѣренности" (тамъ же).

должно пасть не между гласною и согласною (тру-па), не передъ согласною, а на самую эту букву [1]). При этомъ артикуляція звука, если онъ мгновенный (*п б, т д, к г*), раздѣляется на двѣ части: сперва органамъ дается положеніе, нужное для образованія преграды, а потомъ, послѣ небольшой паузы, преграда эта разрѣшается (труп-па); длительный же звукъ (*в ф, з с, ж ш, м, н, р, л*) просто протягивается, такъ что на письмѣ можно бы, для означенія этого процесса, вмѣсто удвоенія буквы, только ставить надъ нею знакъ протяженія (черточку, которая въ скорописи издавна и употребляется съ этою цѣлью); но такъ какъ во всѣхъ европейскихъ языкахъ принято означать такое звуковое явленіе двойною буквою, то мы и въ фонетическомъ смыслѣ можемъ, для краткости, говорить объ *удвоеніи* согласныхъ.

Въ собственно-русскихъ словахъ (объ иностранныхъ рѣчь будетъ въ особомъ отдѣлѣ) удвоеніе бываетъ либо *этимологическое*, т. е. основанное на составѣ или образованіи словъ, либо *фонетическое*, т. е. требуемое только выговоромъ.

А. Этимологическое удвоеніе согласныхъ.

Оно встрѣчается:

1) Въ корнѣ словъ, отъ органическаго превращенія одного звука въ другой, напр. *жжетъ, жженъ, жженіе* (при корнѣ **жг**, въ которомъ **г** переходитъ въ **ж**); слѣдовательно принятая Далемъ орѳографія *зженъ* не можетъ быть терпима.

[291] 2) Въ составныхъ или второобразныхъ словахъ, отъ встрѣчи однихъ и тѣхъ же звуковъ въ первичномъ словѣ и въ представкѣ или въ суффиксѣ, напр. в-вести, под-данный, с-суда, без-заботный, из-зябнуть, воз-зрѣніе, рус-скій, один-надцать, кон-ный, казен-ный, мошенникъ (въ двухъ послѣднихъ словахъ суффиксъ приложенъ къ слогамъ *казн, мошн*, принявшимъ бѣглое *е*).

Слово *женнинъ* пишется многими съ однимъ *н* въ серединѣ; но Павскій справедливо рѣшаетъ вопросъ въ пользу удвояющаго эту букву начертанія, ибо прилагательныя: *братнинъ, мужнинъ, дочернинъ, зятнинъ* явно доказываютъ существованіе притяжательнаго окончанія *нинъ*, котораго присутствіе въ спорномъ словѣ подтверждается и выговоромъ [2]). Впрочемъ *женинъ* не было бы неправильно по примѣру словъ: *сестринъ, невѣсткинъ* и т. п. *)

---

[1]) Brücke, Grundzüge. Стр. 52. Ср. Thausing, стр. 113. По мнѣнію же шведскаго филолога Леффлера тутъ происходитъ дѣйствительное удвоеніе. (См. въ настоящемъ изданіи ч. I, стр. 351).

[2]) *Филолог. набл.* Павскаго. Разсужд. II, § 63.

*) **Въ Справ. Указателѣ къ „Русскому Правописанію" (изд. X, 1893) стоитъ форма *женинъ*, а въ скобкахъ *женнинъ*.** *Ред.*

Часто въ предложныхъ словахъ этимологическое удвоеніе звуковъ означается на письмѣ различными, хотя и однородными по органу буквами (т. е. **тд**, **дт**, **сз**, **зс**, **сш**, **зж**). Извѣстно, что у насъ шопотная буква передъ громкою сама произносится какъ соотвѣтствующая громкая, и наоборотъ, громкая передъ шопотною — какъ шопотная [1]), но пишется почти всегда буква, изображающая коренной звукъ [2]). Оттого напр. въ словахъ: *отдать, сзади, подтянуть, возсъсть, изстари, сшибить, изжарить* и т. п. слышится, въ принятомъ нами условномъ смыслѣ, удвоеніе звуковъ *д з т с ш ж*, но на письмѣ это скрывается этимологическимъ начертаніемъ перваго звука.

При встрѣчѣ *з* съ *ж* иногда вмѣсто этихъ двухъ звуковъ произносится **жд**, отчего и въ ороографіи утвердились двѣ приведенныя выше формы: *вожделѣніе* и *иждивеніе*. Удвоеніе не означается на письмѣ также въ случаяхъ, подобныхъ слѣдующимъ: *ѣзжу, пріѣзжій, размозжить, брюзжать, визжать,* [292] *позже, высшій, низшій,* хотя мы произносимъ: „ѣжжу, пріѣжжій, разможжить, брюжжать, вижжать, пожже, вышшій, нишшій“ и т. п.

Есть у насъ два слова, являющіяся въ двоякомъ начертаніи; пишутъ: *возжи* и *вожжи, дрожжи* и *дрожди* [3]). Начертаніе *возжи* (отъ *возить*), какъ болѣе согласное съ общимъ характеромъ нашей ороографіи, предпочтительно *); въ словѣ *дрожди* буква *д* собственно не оправдывается корнемъ (ср. исл. dregg въ томъ же значеніи), но эта форма согласна съ ц.-сл. правописаніемъ.

Случаи пропуска одной изъ буквъ удвоенія были уже показаны (напр. *отворить*); къ нимъ же относится старинное правописаніе словъ: *росада, росолъ* вмѣсто правильнѣе употребляемыхъ нынѣ начертаній: *разсада, разсолъ*. Безъ причины выговариваютъ и пишутъ *россомаха:* по-польски и по-чешски rosomak по образцу средне-латинскаго rosomacus (словарь Линде).

Въ глаголѣ *встать* между *в* и *с* пропущена для удобства выговора послѣдняя буква предлога *вз;* то же должно разумѣть и о глаголѣ *вступить*, когда по смыслу онъ требуетъ послѣ себя предлога *на* (вступить *на* поприще), а не *въ* (вступить *во* владѣніе). Въ первомъ случаѣ этимологическій составъ глагола: вз-ступить, во второмъ в-ступить; но на письмѣ это различіе не соблюдается.

---

[1]) Изъ этого общаго закона только одно исключеніе: шопотныя передъ громкою *в* не измѣняются въ произношеніи, напр. слова: *твой, свой, шваль, квасъ, хвостъ* не произносятся какъ: „двой, звой“ и т. д.

[2]) Исключеніе допущено для предлоговъ *воз, из, низ, раз,* о которыхъ см. ниже.

[3]) Даль безъ всякаго основанія принимаетъ въ своемъ словарѣ еще и третью форму: *дрозжи*.

*) Въ „Р. Правописаніи“ (изд. X.), стр. 71: „Формы ***вожжи*** и ***дрожди*** правильнѣе нежели „возжи“ и „дрожжи“... *Ред.*

Въ словѣ *искуство* этимологія требуетъ сохраненія *с* (корень кус) передъ окончаніемъ *ство*. Большею частью и пишутъ *искусство*, хотя для избѣжаніи стеченія четырехъ согласныхъ позволительно было бы опускать одно *с* *), котораго излишество особенно замѣтно въ род. множ. ч. *искусствъ* и при дальнѣйшемъ удлинненіи суффикса, въ словахъ *искусственный, искусственность*. Глаголы *ки(д)нуть, дви(г)нуть, вер(т)нуть* и т. д. показываютъ, что опущеніе послѣдней согласной въ корнѣ не противно законамъ русскаго словообразованія.

[293] Объ ошибочномъ начертаніи „искустный" вм. *искусный* не стоило бы и говорить, если бъ оно не встрѣчалось довольно часто даже въ такихъ сочиненіяхъ, гдѣ бы никакъ нельзя было ожидать такой ороографіи.

Начертанія: *разсориться* вм. *расссориться*; *возженный, возженіе, разженный, разженіе* вм. *возжженный* и т. д. допускаются для избѣжанія излишняго въ живой рѣчи скопленія шипящихъ.

Б. Фонетическое удвоеніе согласныхъ.

Русскій языкъ особенно расположенъ къ удвоенію буквы *н*, безъ этимологическаго основанія, въ прилагательныхъ именахъ и страдательныхъ причастіяхъ; напр. говорятъ и пишутъ: *косвенный, сказанный*. Въ прежнее время подобныя явленія обыкновенно приписывались требованіямъ *благозвучія*; но этотъ способъ объясненія отвергается наукою. „Такъ называемые законы благозвучія", говоритъ г. Брюкке въ одномъ изъ своихъ фонетическихъ изслѣдованій, „мало зависятъ отъ угожденія или не угожденія слуху, но существенно основываются на механизмѣ органовъ рѣчи; точно такъ же перемѣны, испытываемыя языками съ теченіемъ времени, обусловливаются не слухомъ, а механическими законами, которымъ подлежатъ орудія слова" [1]). М. Мюллеръ также становится рѣшительно на сторону мнѣнія, что бо́льшая часть звуковыхъ перемѣнъ происходитъ отъ стремленія органовъ рѣчи къ удобству и легкости выговора [2]). Къ этому закону должно быть конечно отнесено и безпричинное повидимому удвоеніе согласныхъ.

Замѣчательно, что этому процессу легко подвергаются носовые звуки не только въ русскомъ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ индоевропейскихъ языкахъ. Ср. нѣмецк. Mann, [294] Königinnen, Stamm; шв.

---

1) *Phonetische Bemerkungen* въ *Zeitschrift für österreichische Gymnasien* 1857. Стр. 749.

2) *Vorlesungen über die Wiss. d. Sprache*. II Serie. Стр. 169.

*) **Въ „Р. Правоп.", стр. 71, принимается „строго-этимологическое начертаніе съ удвоеннымъ с.".** *Ред.*

mannen, furstinna, tummen; франц. donner (donare), honneur (honor), homme (homo), pomme (pomum) и проч. Наклонность къ удвоенію *н* между двумя гласными въ германскихъ языкахъ не ускользнула отъ вниманія Боппа, который видѣлъ въ немъ (употребляя обычный въ его время терминъ) чисто-эвфоническое явленіе, прибавляя, что и въ санскритѣ конечное *н* послѣ краткой гласной, когда слѣдующее слово начинается какою-либо гласною, постоянно удвояется [1]). Яковъ Гриммъ, замѣчая, что въ германскихъ языкахъ удвоеніе плавныхъ (*ll*, *mm*, *nn*, *rr*) встрѣчается только въ серединѣ словъ, находитъ, что упрощеніе конечнаго звука должно быть уподобляемо измѣненію серединныхъ *б* и *д* въ конечные *п* и *т*, изъ чего онъ выводитъ то важное заключеніе, что простая плавная (подобно безголосной мгновенной) тверже удвоенной (голосовой мгновенной). Гриммъ видитъ въ такомъ удвоеніи позднѣйшее, ослабляющее начало [2]), съ чѣмъ согласны и наблюденія Рюдквиста надъ шведскимъ языкомъ [3]).

У насъ удвоеніе *н* весьма обыкновенно:

1) Въ полной формѣ причастій страдательныхъ прошедшаго на *н*: *сдѣланный, представленный, снесенный, совершенный.*

Однакожъ многія причастія этой формы, особенно такія, которыя употребляются въ значеніи прилагательныхъ или существительныхъ (съ утратою понятія времени и дѣйствующаго лица), не удвояютъ *н*: *вареный, жареный, граненый, сушеный, пряденый, раненый, суженый, береженый, ученый, смышленый, званый, жданый, браный, тканый, вкопаный, незваный; мороженое, приданое.*

Такія слова представляютъ конечно болѣе древнюю, первоначальную форму, не принявшую позднѣйшаго удвоенія; многія изъ нихъ принадлежатъ преимущественно народному языку и встрѣчаются въ пословицахъ и поговоркахъ, напр. *береженаго* [295] Богъ бережетъ; не*званый* гость хуже татарина; не *ждано*, не *гадано*. Это слова — *бо́льшею частью*, но не исключительно безпредложныя; по присоединеніи къ нимъ предлога, придающаго имъ значеніе причастія, они получаютъ и двойное *н*, напр. *наученный, израненный, сотканный.* Нѣкоторыя ходятъ въ двоякой формѣ (иногда съ различнымъ удареніемъ), смотря по тому, имѣютъ ли значеніе прилагательнаго, или причастія: *назва́ный* (древ.) и *на́званный, положо́ный* и *поло́женный.*

Слова *данный* и *желанный* неупотребительны безъ двойного *н*, послѣднее — не смотря на свое прилагательное значеніе и оттѣнокъ народности. Первое только въ древнемъ сложеніи: *приданое* удерживаетъ свою первоначальную форму съ однимъ *н*. Въ сущ. *подданный*

---

[1]) *Vergleichende Grammatik* von Fr. Bopp, T. III², стр. 315 и 316.

[2]) *Deutsche Grammatik* von J. Grimm. T. I³, стр. 122, 383, 389 и д.

[3]) *Ljudlagar och skriflagar* af J. E. Rydqvist. Стр. 46.

удвоеніе *н* сохраняется. Ту же особенность представляютъ прилагательныя: *бездыханный*, *неустанный*, *окаянный*.

2) Въ прилагательныхъ относительныхъ, оканчивающихся на *ный* и *ній*, послѣ вставочной гласной *е*: *собственный*, *свойственный*, *мысленный*, *болѣзненный*, *внутренній*, *искренній*. Многія прилательныя этой формы суть первоначальныя причастія: *обыкновенный* (отъ обыкнуть), *откровенный* (отъ открыть), *вдохновенный* (отъ вдохнуть).

Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ прилагательныхъ двойное *н* получило какъ бы органическое значеніе, такъ что даже при переводѣ ихъ въ краткую форму (въ новомъ языкѣ полная форма является первообразною) это удвоеніе не исчезаетъ; говорятъ: напр. *совершененъ*, *обыкновененъ*, *откровененъ*, *искрененъ* (а не совершенъ, обыкновенъ, откровенъ, искренъ); такъ и въ жен. и ср. р. ед. ч. и во всѣхъ родахъ множ. *совершенна*, *откровенны* (а не совершена, откровены). Часто отъ той или другой формы зависитъ различіе между причастіями и прилагательными; напр. не все равно, сказать ли: *понятіе опредѣлено*, или: *понятіе опредѣленно*; въ первомъ случаѣ (причастіе) является вопросъ: *чѣмъ*? во второмъ (прилаг.) смыслъ полонъ.

3) Въ немногихъ вещественныхъ прилагательныхъ [296] окончаніе *яный*, при удареніи на предпослѣднемъ слогѣ, превращается, согласно съ произношеніемъ, въ *янный*: *деревянный*, *оловянный*.

Прежде писали также „стеклянный, серебрянный, кожанный", но уже съ 1830-хъ годовъ двойное *н* остается чуть ли не только въ двухъ приведенныхъ словахъ; нынче пишутъ: *стекляный*, *серебряный*, *кожаный*, *конопляный*, *глиняный*, *нитяный*, *жестяной* и проч. Очевидно, что слѣдуетъ также писать *замшаный*, а не „замшеный" [1]), какъ это слово занесено въ наши словари.

Примѣчаніе. Окончаніе *яный*, когда на *я* нѣтъ ударенія, произносится такъ близко къ окончанію *еный* или *енный* (безъ ударенія на *е*), что часто можно усомниться, которое изъ обоихъ правильнѣе, тѣмъ болѣе, что они иногда смѣшиваются и въ значеніи, т. е. для образованія вещественнаго прилаг. въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребляется суффиксъ *енный* предпочтительно предъ *яный*, напр. *соломенный*, *клюквенный*. Отъ именъ *вѣтеръ* и *масло* могутъ образоваться прилагательныя двояко, съ различными оттѣнками значенія: *вѣтряный* и *вѣтреный*, *масляный* и *масленый* (поясненіе см. въ концѣ книги въ филологическомъ указателѣ).

Для начертанія прилагательныхъ и причастій съ однимъ или съ двумя *н* слѣдуетъ держаться вообще произношенія. Что удвоеніе этой буквы въ показанныхъ случаяхъ не оправдывается производствомъ, — несомнѣнно. Но такъ какъ здѣсь фонетическое правописаніе весьма

---

[1]) О произношеніи *а* за неясное *е* послѣ шипящихъ см. выше.

давно уже и твердо установилось, то не зачѣмъ отступать отъ него. Даль и нѣкоторые другіе, пытаясь ввести тутъ одно *н*, противорѣчатъ самимъ себѣ, ибо они же въ другихъ случаяхъ стремятся напротивъ къ сближенію письма съ говоромъ.

По образцу такихъ прилагательныхъ и причастій пишутся и произведенныя отъ нихъ существительныя: а) съ двумя *н*: *воспитанникъ*, *избранникъ*, *священникъ*, *промышленность* (Карамзинъ, а за нимъ и Гречъ писали: *промышленость*); б) съ однимъ [297] *н*: *ученикъ*, *труженикъ*, *вѣтреникъ*, *вареникъ*, *дощаникъ*; слѣдовательно и *гостиница* (отъ гостиный), а не гостинница, какъ многіе неправильно произносятъ и пишутъ.

Фонетическому удвоенію подвергается также другой звукъ зубного органа, — *т* въ глаголѣ *итти*.

Большею частью пишутъ: *идти*, *выйдти*, *дойдти*, *прійдти*, *обойдти*, *перейдти*, *пройдти*, т. е. предполагаютъ этимологическое, или органическое удвоеніе согласной, принимая, что буква *д* принадлежитъ не только настоящему времени, но и неопредѣленному наклоненію.

Объ этомъ были выражаемы разныя мнѣнія. Павскій принимаетъ за корень этого слова одинъ звукъ *и*, который образуетъ основаніе того же глагола въ санскритѣ, греческомъ и латинскомъ. Подтвержденіе тому онъ находитъ въ правописаніи древнихъ памятниковъ: *ити* [1]); но для насъ это начертаніе не можетъ имѣть силы доказательства, такъ какъ древніе русскіе писцы вообще избѣгали удвоенія буквъ. Гораздо убѣдительнѣе то, что еще и нынче при сложеніи съ предлогами разсматриваемый глаголъ сохраняетъ въ произношеніи форму: *дойти*, *пойти*, *найти* и проч. *и* не могло бы обратиться въ й, если бъ послѣ этой гласной стояло органическое **дт**. Слѣдовательно остается только принять, что безпредложная форма, по своей краткости, подала поводъ къ удвоенію согласной [2]); какъ же скоро къ ней присоединяется предлогъ, то исчезаетъ и физіологическая причина къ удвоенію. У насъ есть народное словцо, которое часто произносится съ такимъ же пріемомъ, именно указательное *этта* въ [298] рѣчи простолюдиновъ. Букву *д* и въ настоящемъ времени *иду* надобно, согласно съ Миклошичемъ, считать вставкою для избѣжанія встрѣчи двухъ гласныхъ: мы находимъ ее также въ формѣ *буду* и въ нѣко-

---

[1]) *Филолог. Набл.* I, § 97. Ср. Max Müller, *Vorlesungen* etc. II Serie, стр. 74: „Es kann wohl Wurzeln geben, welche nur aus einem Vokal bestehen, wie z. B. I, gehen, im Sanskrit". У насъ другимъ примѣромъ одной гласной въ корнѣ можетъ служить глаголъ *уть*, неупотребительный безъ предлога: *обуть*, *обувать*.

[2]) Нельзя согласиться съ П. А. Лавровскимъ, который говоритъ: „При формѣ *ити* нѣтъ рѣшительно побужденія для языка усиливать *т* удвоеніемъ". *Зап. Ак. Н.* т. VIII, прил. 3: „Объ Истор. Грамм. Ѳ. И. Буслаева", стр. 31. Такое удвоеніе t очень обыкновенно издревле въ нѣмецкомъ языкѣ: см. *Deutsche Gramm.* Якова Гримма, I, стр. 167.

торыхъ сербскихъ глаголахъ, какъ то: *зна-д-ем*, *има-д-ем*, *хте-д-ем*, *зна-д-ох*, *има-д-ох*, *хте-д-ох* [1]).

Въ неопредѣленномъ наклоненіи буква *д* передъ окончаніемъ *ти* невозможна: по общему закону она, какъ и всякая другая согласная, должна бы тутъ превратиться въ *с* (вес-ти, сѣс-ть, грес-ть, цвѣс-ть вм. вед-ти, сѣд-ти и т. д.). Тѣ, которые поддерживаютъ противоположное мнѣніе, приводятъ польскую форму iść, утверждая, что здѣсь звукъ *s* не могъ бы явиться безъ первоначальнаго *д*. Но русская форма могла образоваться иначе: сравнивая въ этомъ отношеніи между собой живыя славянскія нарѣчія, мы находимъ въ нихъ трояку̀ю форму неопред. накл. разсматриваемаго глагола: въ однихъ *ити* или *итъ* (напр. хорв., хорут., чеш., луж.), въ другихъ *итти* (н. п. иллир.), въ третьихъ *истъ* (польск., словац.) [2]); въ сербскомъ встрѣчается три формы: *йсти, йти* и *йћи* [3]). Гдѣ передъ окончаніемъ нѣтъ *с*, тамъ нельзя допускать и подразумѣваемаго *д*. Впрочемъ съ начертаніемъ *идти* можно бы еще примириться, если бъ оно не влекло за собой невозможныхъ въ фонетическомъ смыслѣ формъ: *дойдти*, *зайдти* *перейдти* и т. п. Въ несостоятельности этихъ формъ легко убѣдиться при раздѣленіи ихъ на слоги: написать при переносѣ изъ строки въ строку: *дойд-ти, зайд-ти, перейд-ти* было бы такъ же неудобно, какъ и *дой-дти, зай-дти, перей-дти*: слоги съ замкнутымъ нисходящимъ дифтонгомъ (какіе мы видимъ напр. въ словахъ: войскъ, войнъ, Суйскъ, Пропойскъ), [299] сами по себѣ очень рѣдки въ языкѣ [4]), но по крайней мѣрѣ они возможны подъ удареніемъ; неударяемые же слоги *дойд*, *зайд* и проч. составляли бы безпримѣрную аномалію. Съ другой стороны, и слогъ *дти*, перенесенный изъ строки въ строку, представлялъ бы небывалое сочетаніе.

Замѣчательно, что при соединеніи этого глагола съ предлогами *вы* и *при*, коренная гласная *и* опускается, и въ народномъ языкѣ неопредѣленное наклоненіе принимаетъ форму *вытти*, *притти*, наст. вр. *выду*, *приду*, повел. накл. — *приди*, *выди* или *выдь*. Это оттого, что народная рѣчь чуждается дифтонговъ *ый*, *ій* (см. выше стр. 494); въ книжномъ языкѣ однакожъ предпочитаются формы: *выйти*, *прійти*.

---

[1]) Miklosich. Vergleich. Lautlehre der slav. Sprachen, стр. 125; тоже повторяетъ онъ въ Vergleich. Formenlehre (Wien 1856), стр. 113. Г. Буслаевъ, принявъ это объясненіе (*Ист. Грамм.* I, стр. 210), допускаетъ однакожъ и то и другое начертаніе: *идти* и *итти*; о чемъ см. Hattala *Uvaha* (Прага 1862), стр. 22.

[2]) См. между прочимъ Словарь Линде и *Корнесловъ* Шимкевича.

[3]) См. Словарь Караджича.

[4]) На это указалъ уже О. Бётлингъ въ своихъ „Грамматическихъ изслѣдованіяхъ о русскомъ языкѣ“ (*Уч. Зап. по I и III Отд.*, I, стр. 70). Ученый авторъ признаетъ также форму *идти* неправильною. По его мнѣнію, форма *итти* „образовалась въ устахъ народа и ученые стали употреблять ее, слѣдуя народному выговору, а форму *идти* составили посредствомъ этимологіи“. (Тамъ же).

Въ этихъ двухъ сложеніяхъ особенно ясно, какъ неправильны начертанія неопр. наклон. съ *д*: *выйдти*, *прійдти*, черезчуръ несогласныя съ произношеніемъ.

Фонетическое употребленіе С вмѣсто З въ предлогахъ: **воз**, **низ**, **раз**, **из**.

Было уже замѣчено, что голосовыя согласныя въ концѣ слова пишутся у насъ по производству, несмотря на выговоръ ихъ за безголосныя, напр. мы пишемъ: *чтобъ*, *другъ*, *сводъ*, *груздъ*, *корабль*, хотя произносимъ: „штопъ, друкъ, свотъ, грусть, корапъ". Равнымъ образомъ, и при встрѣчѣ тѣхъ и другихъ звуковъ въ началѣ или въ серединѣ слова, мы на письмѣ слѣдуемъ не выговору, а производству, и опять пишемъ: *сдать*, *втянуть*, *отзвукъ*, *низкій*, *низшій*, *родство* (хотя произносимъ: „здать, фтянуть, одзвукъ, ниской, нисшій, ротство" [1]).

[300] Въ отношеніи къ предлогамъ наша фонетика представляетъ одно очень замѣчательное явленіе, на которое, кажется, еще не было обращено вниманія. Во всѣхъ прочихъ словахъ конечная голосовая всегда произносится безъ голоса, несмотря на свойство первой буквы слѣдующаго слова, напр. *хлѣбъ нашъ*, *разъ-два*, *ходъ мыслей*, *чтобъ въ* произносятся: „хлѣпъ нашъ, расъ-два, хотъ мыслей, чтопъ вы"; въ предлогахъ же, даже и раздѣльныхъ, выговоръ конечной голосовой зависитъ отъ начала слѣдующаго слова; такимъ образомъ произносятъ, какъ пишутъ, безъ измѣненія звуковъ: *объ немъ*, *изъ дому*, *подъ небомъ*, *передъ моремъ* (а не „опъ немъ, исъ дому, потъ небомъ, перетъ моремъ"). Въ этомъ выразилось разумное сознаніе народа, что предлоги не составляютъ самостоятельной части рѣчи, а находятся въ необходимой связи съ управляемыми ими словами [2]).

Наоборотъ, конечный голосовой звукъ предлоговъ произносится безъ голоса передъ начальнымъ голосовымъ другого слова, напр. *подъ столъ*, *изъ крыши* = „потъ столъ, исъ крыши". Когда предлогъ стоитъ отдѣльно, то на письмѣ всегда соблюдается общее правило этимоло-

---

[1]) Такъ пишутъ и нѣмцы, напр. ab, und, Rad, Tag. Римляне такимъ же образомъ изображали громкіе звуки въ концѣ слова, напр. ab, sub; въ серединѣ же словъ поступали различно, напр. писали scripsi, lectum (вм. scribsi, legtum), но absque, absinthium, subferre.

[2]) Въ нѣмецкомъ языкѣ мы видимъ совсѣмъ другое начало: тамъ голосовая буква, сдѣлавшись въ концѣ слова безголосною, остается такою даже и при соединеніи этого слова (хотя бы и предлога) съ другими, не только передъ безголосною же, но и передъ голосовою или гласною. Такъ abnehmen, abwärts, leibeigen выговариваются: ap-nehmen, ap-wärts, leip-eigen, что по русской фонетикѣ было бы невозможно. Оттого нѣмцы, говоря по-русски, часто произносятъ: опнимать, опъявить" и т. п. У итальянцевъ даже s передъ v обращается въ z: Slavi произн. Zlavi Злави = Славяне).

гическихъ начертаній. Когда предлогъ пишется слитно, то это правило опять остается въ силѣ въ отношеніи къ буквамъ *в б д*, которыя на письмѣ не измѣняются передъ безголосными согласными, напр. пишутъ: *вставить, обтянуть, подписать* (а не „фставить, оптянуть, потписать“).

Въ отношеніи же къ буквѣ *з* издревле допущено исключеніе, которое донынѣ соблюдается въ четырехъ предлогахъ: въ слитныхъ *воз, низ, раз,* и въ раздѣльномъ *изъ,* когда онъ употребляется слитно съ именами или глаголами: именно они пишутся, по [301] произношенію: *вос, нис, рас, ис,* передъ шопотными согласными *к х п т ф,* передъ шипящими *ч ш щ* и передъ *ц.* Это правописаніе долго колебалось; еще и по грамматикѣ Востокова (§ 170) предлоги эти не перемѣняютъ *з* на *с* передъ послѣдними четырьмя изъ приведенныхъ мною буквъ, но теперь почти всѣми уже признаётся то общее правило, что названные предлоги пишутся такъ, какъ произносятся, то съ *з,* то съ *с.* Только передъ *с,* какъ уже было показано, всегда пишутъ *з* (Ломоносовъ старался поддержать старинныя начертанія: „иссохнуть, расславить, восстановить“, но не успѣлъ въ томъ).

Не слѣдуетъ ли распространить это правописаніе и на остальные два предлога того же окончанія, т. е. на *без* и *чрез?*

Казалось бы, что этого требуетъ аналогія, но съ другой стороны, если вспомнить, что начертанія *ис, нис, вос, рас* составляютъ противорѣчіе общему характеру нашей ороографіи и что всѣ прочіе предлоги съ громкой согласной въ концѣ всегда сохраняютъ свои коренныя буквы (*под, над, об, пред*), то мы придемъ къ убѣжденію, что лучше не давать дальнѣйшаго хода неправильности и ограничить исключеніе четырьмя предлогами, хотя въ древности и писали: „беспечальство, бесплоденъ“, чему слѣдовалъ и Ломоносовъ. Если бъ предвидѣлась возможность измѣнить давно укоренившійся обычай, то лучше было бы установить, чтобъ всѣ предлоги безъ изъятія всегда писались по этимологіи; конечно начертанія: *изтреблять, снизходить, возкресъ, вразплохъ,* когда бы глазъ успѣлъ къ нимъ привыкнуть, были бы вовсе не страннѣе, чѣмъ *подслушивать, надпись, обставить,* и т. п. [1]).

[302] Есть нѣсколько случаевъ, въ которыхъ возникаетъ сомнѣніе,

---

[1]) Для исторіи этого вопроса см. мнѣніе Лепехина въ *Исторіи Россійской Академіи,* М. И. Сухомлинова (*Сборн. Отд. р. яз. и сл.* т. XIV, стр. 283) и *Собесѣдникъ,* ч. XVI. Въ *Филологическихъ Запискахъ* (1875 вып. II) г. Козловскій предлагалъ распространить ороографію исчисленныхъ четырехъ предлоговъ и на остальные два, но въ концѣ своей замѣтки онъ справедливо сознался, что на томъ же основаніи можно бы потребовать однороднаго начертанія и для предлоговъ *предъ, подъ, надъ* (потсохнуть, поттасовать, потфабрить, претпослать): изъ такого затрудненія авторъ могъ выйти только заявленіемъ, что это къ предмету его замѣтки не относится.

писать ли *раз* или *рас*, такъ какъ составъ словъ понимается различно, именно:

Расчесть (разчесть), или *разсчесть?*

Расчетъ (разчетъ), или *разсчетъ?*

Для повѣрки, нуженъ ли тутъ, кромѣ *раз*, еще добавочный предлогъ *съ*, самымъ вѣрнымъ пріемомъ будетъ попробовать слагать глаголъ *честь* и сущ. *четъ* съ другими предлогами. Тутъ мы увидимъ глаголы: *зачесть, вычесть, причесть, отчесть, перечесть, сочесть;* сущ. *зачетъ, вычетъ, отчетъ, перечетъ, счетъ.* Изъ этого разбора ясно, что въ составѣ словъ *рас-честь, рас-четъ* находится сверхъ предлога *раз* только корень *чет, честь,* и слѣдовательно предлогъ *съ* тутъ совершенно излишенъ.

Но какъ писать: *расчесть*, или *разчесть?*

расчетъ, или *разчетъ?*

Согласно съ общимъ правиломъ, слѣдуетъ отдать предпочтеніе первому начертанію; нѣкоторые употребляютъ второе по двумъ соображеніямъ: 1) потому что въ нѣкоторыхъ формахъ глагола *разчесть* предлогъ *раз* при встрѣчѣ съ двумя согласными *чт* принимаетъ добавочную гласную *о*, и тогда вмѣсто *с* по необходимости возстановляется *з: разочли, разочту, разочтенъ*; 2) съ цѣлью яснѣе изобразить составъ слова и не дать повода къ мысли, будто въ формѣ *расчетъ* сокращенъ предлогъ *раз* въ *ра* и будто съ нимъ соединены слова *счесть, счетъ,* буква же *з* выброшена изъ предлога.

Но противъ перваго основанія можно возразить, что въ этомъ случаѣ буквы *з* и *с* пишутся, какъ и всегда, смотря по слѣдующей буквѣ, а противъ второго, что такая заботливость объ отвращеніи этимологическаго недоразумѣнія излишня.

Расчитать (разчитать), или *разсчитать?*

Расчитывать (разчитывать), или *разсчитывать?*

Здѣсь при употребленіи того же пріема для повѣрки начертанія, результатъ выйдетъ противоположный. Это требуетъ нѣсколько подробнаго объясненія.

[303] Глаголъ *читать* при соединеніи съ предлогами имѣетъ двоякій смыслъ, означая: 1) дѣйствіе счисленія; 2) дѣйствіе чтенія.

Только во второмъ значеніи онъ употребляется и безъ предлога; въ первомъ же только съ предлогами, и притомъ съ такой разницей, что если къ слову *читать* (о письмѣ) присоединить предлогъ, то онъ низведетъ этотъ глаголъ на степень совершеннаго: *вычитать, дочитать, почитать, прочитать, перечитать;* при другомъ же значеніи (т. е. дѣйствія счисленія) предлогъ придаетъ глаголу *читать* только

длительный видъ: *вычитáть, зачитать, почитать* (и *предпочитать*), *считать*.

Что же выходитъ изъ этого?

Это приводитъ къ заключенію, что (—)*читать* (вм. *чьтать*, д. счисленія) есть многократный видъ глагола *честь*, неупотребляемый безъ предлога, какъ (—)*вирать* отъ *врать*, (—)*рывать* отъ *рвать*, (—)*цвѣтать* отъ *цвѣсть*, (об)*рѣтать* отъ (об)*рѣсть*. Чтобъ низвести этотъ глаголъ на степень длительнаго, нуженъ предлогъ; именно, для приданія ему полнаго значенія дѣйствія счисленія служитъ предлогъ *съ*, а къ сложному глаголу *считать* присоединяются, для развитія дальнѣйшихъ оттѣнковъ значенія, другіе предлоги: *насчитать, пересчитать, обсчитать, отсчитать* и даже *со-считать* (двойной предлогъ *съ*). Слѣдовательно и *раз-считать*. При этомъ глаголъ переходитъ въ совершенный видъ.

Далѣе, отъ этого вида можно уже обыкновеннымъ способомъ образовать новый длительный видъ: *обсчитывать, пересчитывать, насчитывать, отсчитывать* и *разсчитывать*.

Очевидно, что начертаніе „рас-читать, рас-читывать" представляетъ составъ слова неполно. Должно писать: *разсчитать, разсчитывать*.

При формѣ же: *расчитать* глаголъ *читать* означалъ бы дѣйствіе чтенія.

Расказать (разказать), или *разсказать?*

Расказъ (разказъ), или *разсказъ?*

Росказни (розказни), или *розсказни?*

[304] Здѣсь мы видимъ почти то же, что и относительно глагола *читать*. Глаголъ *казать*, чтобъ получить значеніе, прямо относящееся къ рѣчи, къ человѣческому слову, долженъ напередъ соединиться съ предлогомъ *съ* и обратиться въ *сказать*, при чемъ однакожъ глаголъ этотъ тотчасъ сводится на степень совершеннаго. Къ этому уже предлогу присоединяются другіе предлоги для разныхъ оттѣнковъ значенія: *высказать, досказать, насказать, пересказать, подсказать*, слѣдовательно и *раз-сказать, раз-сказъ, роз-сказни*. Совсѣмъ другое значеніе имѣетъ глаголъ *казать* въ такихъ сочетаніяхъ: *выказать, доказать, наказать, отказать, показать, приказать*. Понятіе рѣчи даже въ словахъ: *доказать, отказать, приказать* не есть непосредственное и главное.

Распросить (разпросить), или *разспросить?*

Распросы (разпросы), или *разспросы?*

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что тутъ *с* послѣ предлога *раз* не нужно, такъ какъ глаголъ *просить* имѣетъ уже значеніе interrogare при предлогахъ *во* и *до* (*вопросить, допросить, вопросъ, допросъ*). Но, по ближайшемъ размышленіи, мы убѣждаемся, что между этими

формами и выписанными въ заглавіи сомнительными словами съ предлогомъ *раз*, есть существенное различіе: то древнія формы, тогда какъ глаголъ *разспрашивать*, подобно глаголамъ *выспрашивать, переспрашивать*—новаго образованія: это сочетаніе очевидно относится къ тому времени, когда слово *просить* уже получило болѣе опредѣленное значеніе petere, orare, а для значенія interrogare образовался сложный глаголъ *спросить, спрашивать* точно такъ же, какъ *считать* и *сказать*. Итакъ —*разспрашивать, разспросы*.

Разысканіе, или *розысканіе?*

Расписка, или *росписка?*

Въ русскомъ языкѣ часто случается, что коренное *а*, получивъ удареніе, обращается въ *о*, и наоборотъ. Такъ, народъ во многихъ мѣстностяхъ говоритъ: *посóдишь, покóтишь, подóришь, вóришь, тóщишь, плóтишь*, вмѣсто этихъ же словъ съ буквою [305] *а*. Форма *плотишь, заплочено* перешла и въ образованный языкъ [1]). На томъ же основаніи предлогъ *раз*, получивъ удареніе въ народной рѣчи [2]), обращается въ *роз* или *рос*: *розвальни, розняли, розговѣнье, розыскъ, розыгрышъ, роздалъ, розобрало, роспись, розсыпь, розсказни*. Значитъ ли это, что и тогда, когда предлогъ *раз* въ соединеніи съ словами того же корня не носитъ ударенія, онъ долженъ писаться съ буквою *о?* Никакъ. Перенесеніе на него ударенія съ обращеніемъ *а* въ *о* есть частный случай, въ которомъ мы на письмѣ соображаемся съ произношеніемъ. Зачѣмъ же это частное, исключительное правописаніе переносить на тѣ случаи, гдѣ основаніе для такой перемѣны, особый выговоръ, исчезаетъ? Въ большей части случаевъ никто этого и не дѣлаетъ; не пишутъ напр. *рознимать, розсказывать* вслѣдствіе того, что говорятъ: *розняли, розсказни;* но большинство ошибочно пишетъ *розыскать, розысканіе* и *росписка* на томъ основаніи, что есть слова *розыскъ* и *роспись*.

Когда мы пишемъ: *расписка, расписаться, разыскать, разысканіе*, намъ вовсе нѣтъ надобности соображаться съ исключительнымъ случаемъ произношенія предлога *раз;* оно въ приведенныхъ словахъ не имѣетъ мѣста, слѣдовательно не должно имѣть мѣста и его послѣдствіе, употребленіе на письмѣ буквы *о* вм. *а*.

Отсюда правило:

Когда предлогъ *раз*, принявъ удареніе, произносится *роз*, то онъ такъ и пишется, но исключительно въ тѣхъ словахъ, гдѣ слышно это произношеніе; въ другихъ же составныхъ словахъ одинаковаго проис-

---

[1]) Примѣромъ противоположнаго случая можетъ служить гл. *ловить*. Въ нѣкоторыхъ губ. говорятъ: „лáвишь, лáвитъ“ и т. д. Этимъ объясняется и существит. *облáва*.

[2]) Въ словахъ высшаго духовнаго значенія, перешедшихъ изъ церк.-слав., предлогъ *раз* и подъ удареніемъ сохраняетъ чистое *а*: *рáзумъ рáспятъ*.

хожденія, гдѣ онъ ударенія не носитъ, онъ пишется чрезъ *а*, напр. *разнимать, развалины, разсказъ, расписка, разысканіе*, а никакъ не: „рознимать, розвалины, росписка, розысканіе“.

Другіе случаи фонетическаго письма.

[306] Слова: *гдѣ, здѣсь, вездѣ, ноздри, свадьба, мяздра, розга, ѣшь* (повел.) пишутся по произношенію вм. этимологически правильныхъ, но неупотребительныхъ начертаній: *кдѣ* (ср. куда), *сдѣсь* (ср. сюда), *весдѣ* (ср. всюду), *носдри* (ср. серб. ноздрва), *мясдра, сватьба* (ср. женитьба), *ростга* [1]), *ѣжь*. *Четвергъ* пишется такъ по произношенію косвенныхъ падежей *).

Начертаніе *свадьба* находитъ себѣ оправданіе въ томъ, что звуковая форма этого слова взяла перевѣсъ надъ этимологіей и въ произведенныхъ отъ него — уменьшительномъ имени *свадебка*, и прилагательномъ *свадебный*. Превращеніе *т* въ *д* между двумя гласными встрѣчается также въ народныхъ формахъ: *эдакъ, эдакій* вм. *этакъ, этакій* [2]), *околодокъ* вм. *околотокъ*. У насъ есть примѣръ противоположнаго случая, гдѣ однакожъ на письмѣ восторжествовало производство. Это сущ. *будка*, отъ котораго по произношенію же составлено другое, всегда произносимое *буточникъ*, но на письмѣ сохраняющее *д: будочникъ*.

Въ словахъ *мягкій, мягкость, мягчить*, буква *г* поставлена вм. кореннаго *к* (*мякоть, мякишъ*), на основаніи произношенія словъ: *легкій, облегчить, когти, ногти*, т. е. на томъ основаніи, что въ нихъ *г* въ концѣ слога = *к* (*рогъ, лугъ* произн. какъ рокъ, лукъ), а *к* передъ другимъ *к* или передъ *т* (о родствѣ этихъ буквъ см. выше стр. 484) произносится какъ *х*, напр. *къ кому* произн. х-кому, *кто* произн. хто. (Эта послѣдняя форма встрѣчается и на письмѣ въ древне-славянскомъ языкѣ [3]).

Слово *збруя* взято съ польскаго: zbroj, zbroja (снарядъ, доспѣхъ), въ которомъ и предлогъ остался неприкосновеннымъ въ [307] своей польской формѣ (*з* вм. *съ*). Сходно съ русскою формою этого предлога можно писать и *сбруя*.

Встрѣчающееся нерѣдко въ нашей печати начертаніе „*сумазбродъ*“ вм. *сумасбродъ* непослѣдовательно.

---

[1]) Изъ црк.-сл. формы *рождіе* нельзя заключать, что корень слова—*род*: здѣсь *жд* замѣнило, по произношенію, *зж*, какъ напр. въ словѣ *иждивеніе*.

[2]) Мнѣ случалось еще слышать *эракъ, эракій*, но было ли это слѣдствіемъ индивидуальной особенности выговора, или явленіемъ какого-нибудь мѣстнаго говора, не умѣю сказать положительно. Съ этими словами надо сблизить еще слышимую иногда въ народѣ форму: *сварьба*.

[3]) Mikeosich. *Vergl. Lautlehre*, стр. 208.

*) Срв. „Р. Правописаніе“, стр. 46. *Ред.*

Въ словахъ: *отверстый, отверстіе* с объясняется древними формами: *отврьсти, отърьстіе.* Ошибочно по выговору писать: *ляшка* вм. *ляжка* (отъ ляга, лядвея), *душка* вм. *дужка* (отъ дуга), *затхлый* вм. *задхлый* (за́дохлый).

Употребленіе Ч, Т и Д при встрѣчѣ съ другими согласными.

Звукъ *ч*, происшедшій изъ *к* или *ц*, передъ суффиксомъ, начинающимся на *н*, произносится въ народномъ говорѣ какъ *ш*, но на письмѣ не измѣняется. Между тѣмъ въ этомъ случаѣ часто пишется неправильно *ш*, напр: „прачешная, башмашникъ". Для повѣрки употребленія этой буквы необходимо справляться, какъ произошелъ въ данномъ случаѣ звукъ ея, и если въ первообразномъ словѣ *к* или *ц*, то слѣдуетъ писать *ч*; если *г*, то писать *ж: пряничный, коричневый* (отъ пряникъ, корица); *бумажка* (отъ бумага) *).

Для объясненія упомянутаго здѣсь выговора надо вспомнить составъ *ч* (= *тш*; см. выше стр. 485), слѣд. *чн* = *тшн*. Такимъ образомъ *ш* тутъ очутилось между двумя звуками того же зубного органа, близкими между собой по образованію: естественно, что устные органы, въ облегченіе себя, охотно пропускаютъ первый зубной звукъ и вмѣсто *тшн* произносятся только *шн*, напр. въ словахъ *скучно, нарочно, закадычный, башмачникъ, табачный, молочный, копеечный.* Впрочемъ въ словахъ, принадлежащихъ къ книжной рѣчи, или такихъ, которыя при показанномъ произношеніи могли бы быть смѣшаны съ другими, *ч* не измѣняется на *ш*, напр. *точно, вѣчный, тучный, скоротечный, звучный, неразлучный, безпечный.* Нѣкоторыя слова этого состава произносятся двояко, смотря по ихъ значенію или по оттѣнку языка, въ которомъ они употребляются: такъ въ народѣ [308] говорятъ *сердешный*, а въ образованномъ языкѣ *сердечный*; прилаг. *конечный* (въ смыслѣ: относящійся къ концу) сохраняетъ въ выговорѣ звукъ *ч*, а нарѣчіе произносится большею частью „конешно".

Въ женскихъ отчествахъ: *Ильинична, Лукинична, Ѳоминична, Кузьминична*, также не слѣдуетъ писать *ш* вмѣсто *ч*. Они образованы почти такимъ же образомъ, какъ болѣе обыкновенныя имена этого рода на *овна* и *евна*, но полнѣе (т. е. съ удержаніемъ окончанія *ичъ*); какъ въ этихъ послѣднихъ въ основаніе принято мужское отчество съ окончаніемъ *ов*, и къ нему прибавленъ слогъ *на*, такъ точно и въ тѣхъ болѣе рѣдкихъ именахъ къ мужескому полному окончанію на *ич* присоединено окончаніе *на*.

Но откуда же явилось *ин* передъ окончаніемъ *ичъ?*

---

*) Срав. „Р. Правописаніе", стр. 50. *Ред.*

Какъ отъ *Иванъ*, *Семенъ* образованы сперва лично-притяжательныя *Иван-овъ*, *Семен-овъ;* такъ отъ *Илья*, *Лука* образованы, вслѣдствіе ихъ женскаго окончанія: *Иль-инъ*, *Лук-инъ*.

Въ мужескихъ отчествахъ слогъ *инъ* опущенъ (Иль-ичъ вм. Ильиничъ) подобно тому, какъ въ просторѣчіи выкидывается и слогъ *ов* (Иван-ычъ вм. Ивановичъ); въ женскихъ же онъ возстановляется и тутъ и тамъ: *Иван-ов-на*, *Иль-ин-ична* [1]). (Только въ имени *Никитична*, вѣроятно по долготѣ его и другому ударенію, слогъ *ин* и въ женскомъ отчествѣ остается пропущеннымъ).

Разница между именами формы *ов* и формы *ин* заключается въ томъ, что въ первыхъ слогъ *ичъ*, при образованіи женскаго отчества, оказывается излишнимъ, потому можетъ быть, что слогъ *ов*, какъ примѣта муж. рода, уже достаточно показываетъ происхожденіе; во второмъ же случаѣ, слогъ *инъ*, будучи [309] произведенъ отъ жен. окончанія, самъ по себѣ какъ бы не довольно выразителенъ и потому въ дополненіе къ нему прибавленъ болѣе характеристическій суффиксъ *ичъ*, который въ женскихъ отчествахъ передъ слогомъ *на* произносится какъ *иш*.

Совершенно сходное звуковое явленіе представляетъ измѣненіе выговоромъ *ч* въ *ш* передъ *т* (въ словѣ *что*), съ тою разницею, что тутъ, при сохраненіи первоначальнаго звука, пришлось бы произнести *тшт*, т. е. образовать ту же самую артикуляцію два раза — передъ и послѣ *ш*, — а это конечно еще труднѣе. Этотъ народно-русскій выговоръ соблюдается и въ образованномъ языкѣ, но означать его на письмѣ не принято.

Когда передъ суффиксомъ, начинающимся на *н*, стоятъ звуки корня *ст* или *зд*, то *т* и *д* въ произношеніи скрадываются, но на письмѣ не опускаются, напр. въ словахъ *извѣстный*, *честный*, *крестный*, *постный*, *лѣстница* (отъ ц.-сл. лѣствица), *поздній*, *поздно*, *праздникъ* [2]).

Какъ передъ *н*, такъ и передъ *л* сочетаніе *ст* трудно произносится, и при встрѣчѣ этихъ звуковъ *т* легко выпадаетъ. Такъ вм. *стлать* выговариваютъ *слать*. Но на письмѣ слово должно быть воспроизво-

---

[1]) Причину, почему въ именахъ: *Ильичъ*, *Козьмичъ* и т. п. слогъ *инъ*, соотвѣтствующій слогу *овъ*, никогда не является, а въ женскихъ отчествахъ напротивъ почти всегда составляетъ необходимую принадлежность формы, можно, кажется, объяснить, какъ чисто фонетическое явленіе, сокращеніемъ окончанія въ первомъ случаѣ.

[2]) Трудность произнесенія обѣихъ согласныхъ *зд* передъ *н* была причиною, что нарѣчіе *поздно* выговаривается двояко, т. е. съ опущеніемъ то *д*, то *н*: *позно* и *поздо*. Послѣдняя форма употреблялась иногда и на письмѣ. Намъ попадалось иногда замѣчаніе, что отъ словъ *надежда* и *прежде* прилагательныя *надежный* и *прежній* образуются съ опущеніемъ звука *д*. Но дѣло здѣсь въ томъ, что эти прилагательныя образованы не отъ этой церк.-слав. формы, а отъ народной: *надежа прежe* (Бусл. *Ист. Грам.* I, стр. 71).

димо вполнѣ. Между тѣмъ въ образованномъ отъ того же корня имени *сланецъ* этимологія забыта и буквы *т* писать не принято [1].

Систематически опускается она также въ союзѣ *если* вмѣсто *естьли* (см. выше стр. 688).

[310] По причинѣ стеченія четырехъ согласныхъ, буква *т* выбрасывается еще изъ слова *склянка* (вм. „стклянка").

Напротивъ, эта же буква, по особенному свойству народной фонетики [2], часто вставляется между *с* и *р*, но на письмѣ она въ большей части такихъ случаевъ устраняется (*срамъ*, *сраженіе*) и утвердилась только въ словахъ: *встрѣтить*, *встрѣча* (отъ корня *рѣт* съ предл. *съ*: сърѣсти, сърѣтати) и *строгій*. Первоначальная форма послѣдняго въ древне-славянскомъ: *срагъ* (польск. srogi) того же значенія.

Сочетаніе коренного *т* съ буквою *с* суффикса (какъ напр. въ словахъ *свѣтскій*, *Гжатскъ*) не обращается въ *ц*. Исключеніе представляетъ общепринятая орѳографія двухъ собственныхъ именъ: *Полоцкъ* и *Шацкъ*, которыя на общемъ основаніи должны бы писаться: *Полотскъ* и *Шатскъ* по названіямъ рѣкъ Полоты и Шати *). Въ Географическомъ словарѣ Щекатова мы и находимъ (впрочемъ не во всѣхъ случаяхъ) приведенныя правильныя начертанія.

Употребленіе Щ, СЧ, ЗЧ, ЖЧ.

Буква *щ*, изображающая сложный звукъ, употребляется: 1) въ первоначальныхъ, не очень многочисленныхъ корняхъ словъ, напр. *щавель*, *щи*, *щетина*, *щирый*, *щебень*, *ущербъ*, *щедрый*, *лещъ*; 2) въ звукоизмѣненіяхъ, происшедшихъ въ корнѣ отъ умягченія *т*, *ск*, *ст*: *пища* (кор. пит), *хищный* (хит), *клевещу* (клевет), *ищу* (иск), *тащу* (таск), *мощеніе* (мост), *роща* (рост); 3) въ окончаніяхъ: *щій* (причастный суффиксъ), *ище*, *щина*, *щикъ*.

Вообще говоря, народный языкъ чуждается этого сложнаго звука и охотно употребляетъ *ч* или *ш* тамъ, гдѣ въ церковно-славянскомъ произносится *щ*; оттого образованный языкъ представляетъ въ этомъ отношеніи смѣсь элементовъ народной и книжной рѣчи. Напр. съ одной стороны говорятъ и пишутъ: *ночь*, *печь*, *мочь*, *тысяча*, *печерскій*,

---

[1] Можно бы предполагать, что къ этому же корню (т. е. *стл*) относится и сущ. *слой*, но соотвѣтствующія ему въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ имена не допускаютъ этого производства. Трудно впрочемъ опредѣлить происхожденіе имени *слой*. Оно есть также въ польскомъ и чешскомъ. Линде сближаетъ его съ корнемъ *логъ*, а Юнгманъ съ глаг. *лить*; Шимкевичъ, въ недоумѣніи, поставилъ его особо какъ коренное слово.

[2] Общеславянской, особенно свойственной чешскому языку.

*) Въ „Р. Правописаніи", стр. 51: „Городъ Шацкъ (Тамб. губ.) такъ названъ по рѣкѣ Шачѣ". *Ред.*

ворочать, свѣча, отвѣчать; съ другой: *пещись, мощный, помощь, пещера, возвращать, просвѣщать*, [311]*завѣщать*. Нѣкоторыя слова въ образованной рѣчи имѣютъ *щ*, а въ народной *ч*, напр. имя *общество* произносится въ крестьянскомъ быту *обчество*. Любопытный примѣръ замѣны *щ* буквою *ч* представляетъ общеупотребительное имя *перчатка* вм. *перщатка* (отъ перстъ; стар.: рукавица перстатая, позднѣе перщетая [1]).

Отъ замѣны *щ* звукомъ *ч* въ просторѣчіи происходитъ, что передъ суффиксомъ, начинающимся на *н*, буква *щ* иногда произносится какъ *ш*, напр. въ словахъ: *помощникъ, безпомощный, всенощная, овощной*, причемъ въ основѣ надобно представлять себѣ народныя формы: „помочникъ, безпомочный, всеночная", гдѣ по весьма обыкновенному пріему, *ч* въ произношеніи измѣняется въ *ш*. На письмѣ въ подобныхъ случаяхъ сохраняютъ *щ*; только слово *тошно* (отъ тощій) пишется по произношенію.

При обращеніи коренныхъ *ск* и *ст* въ звукъ *щ*, онъ и на письмѣ не разлагается на *сч*, отъ чего происходятъ слѣдующія начертанія: *ищу* (отъ иск), *пищать* (писк), *лощить* (лоск), *тощій* (тоск), *проще* (прост), *чаще* (част), *чище* (чист), *дощечка, дощатый, дощаникъ* (доск) и т. п.

Въ словѣ *песокъ*, *к* также принадлежитъ, вмѣстѣ со звукомъ *с*, къ корню, и потому слѣдовало бы писать „пещаный, пещаникъ"; но вмѣсто того издревле писали: пѣсъчанъ, конечно на томъ основаніи, что *с* отдѣлено отъ *ч* гласною, и окончаніе *окъ* приняло какъ бы видъ суффикса. Такъ и у насъ обычай требуетъ начертаній: *песчаный, песчаникъ*.

Когда *с* или *з* составляютъ послѣднюю букву корня, а суффиксъ начинается съ *ч*, то *сч* и *зч* не сливаются въ *щ*; поэтому пишутъ: *рѣз-че, неотвяз-чивый, занос-чивый, колес-чатый, пис-чій;* то же бываетъ, когда *с* или *з*, въ началѣ слова, составляютъ представку, а корень начинается на *ч: с-четъ, с-частіе, ис-чадіе* (въ старину писали „щетъ, щастіе, иштадиѥ).

[312] На основаніи этого весьма раціональнаго правила въ суффиксахъ можно писать *щ* только тогда, когда къ составу ихъ принадлежитъ весь этотъ звукъ; таковы окончанія: причастное *щій*, далѣе *ище, щина* и *щикъ*. О первыхъ двухъ распространяться нечего; что касается двухъ послѣднихъ, то они, по свойству предыдущаго звука въ корнѣ слова, иногда обращаются въ *чина* и *чикъ*: поэтому, когда предшествуютъ имъ буквы *з, с*, или *ж*, важно умѣть опредѣлять дѣйствительный составъ суффикса.

---

[1]) Буслаева *Истор. Грамм.* II, стр. 11.—Въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ до сихъ поръ сохраняется форма *перщатка*.

*

Сомнѣніе относительно этого состава даетъ поводъ къ вопросу, которыя изъ двоякихъ начертаній правильны:

1) *мужчина*, или *мущина?*

2) *разскащикъ*, *извощикъ*, *перепищикъ* и т. п.,

или: *разсказчикъ*, *извозчикъ*, *переписчикъ?*

Оба окончанія, *щина* и *щикъ*, происходятъ изъ прилагательнаго суффикса *ск: женскій — женщина, ямской — ямщикъ*. (Прилагательное, служащее началомъ такихъ именъ, не всегда употребительно: большею частью оно должно только предполагаться, напр. для имени *вѣстовщикъ* — съ посредствующимъ слогомъ ов — надобно предполагать прилаг. *вѣстовской*) *).

Послѣ буквъ *д* и *т* оба суффикса — *щина* и *щикъ* — явно измѣняютъ *щ* въ *ч*: вмѣсто „склад-щина, солдат-щина", говорятъ и пишутъ: *склад-чина, солдат-чина;* вмѣсто „перевод-щикъ, пере-плет-щикъ, лазут-щикъ" — *перевод-чикъ, переплет-чикъ, лазут-чикъ* (отъ сущ. лазутка, которое, по словарю Даля, зн. лазокъ, лазъ въ плетнѣ) **). Подобное же бываетъ, когда съ суффиксомъ *щикъ* встрѣтится коренная буква *к*. Такъ слова: *потатчикъ*, *ясатчикъ*, *кабатчикъ* [1]) замѣняютъ неудобныя для выговора формы: „потак-щикъ, ясак-щикъ, кабак-щикъ". *К* имѣетъ три степени умягченія: *т*, *ц* и *ч*. О родствѣ звуковъ *к* и *т* было уже говорено въ 1-мъ отдѣлѣ (см. стр. 484) [2]). Примѣры первой степени умягченія *к* [313] мы видимъ въ словахъ: *паутина* (отъ паукъ), *витязь* (отъ викингъ), *истецъ* (отъ *искать*), и въ предл. падежахъ ц.-сл. прилаг. на *скій* (напр. июудеистѣи), *Авдотья* (отъ Евдокія) и др. Такимъ же образомъ и въ приведенныхъ именахъ дѣятелей (какъ *потатчикъ*) *к*, для избѣжанія трудной встрѣчи съ *щ*, обратилось въ *т*, а *щ* вслѣдствіе того измѣнилось въ *ч*.

На этомъ основаніи, какъ уже замѣтилъ Павскій, прежде правильно писали „порутчикъ" (вм. порук-щикъ, отъ порука) [3]). По нынѣшней орѳографіи: *поручикъ*, выходило бы, что *ч*, образовавшееся изъ *к*, при-

---

[1]) Напрасно г. Николичъ въ *Филологич. Запискахъ* 1875 (вып. III) увѣряетъ, что *кабатчикъ*—несостоятельная форма.

[2]) Примѣромъ этого родства можетъ служить въ нашемъ народномъ языкѣ смѣшеніе *к* и *т*, напр. простолюдины говорятъ: *кіятеръ* вм. *театръ*. Одна изъ этихъ буквъ нерѣдко замѣняетъ другую въ родственныхъ языкахъ: такъ у нѣм. Kranich, шв. trana; нѣм. qvark, русск. творогъ. О смѣшеніи этихъ двухъ звуковъ ср. во 2-й серіи чтеній Макса Мюллера (нѣм. переводъ Бэтгера), стр. 158, 159.

[3]) *Филол. Набл.* I, стр. 75.

*) Въ „Р. Правописаніи", стр. 51, находимъ еще примѣры: временщикъ, гребенщикъ. *Ред.*

**) Тамъ же, стр. 52, отмѣчены исключенія: брильянтщикъ, монументщикъ. *Ред.*

надлежитъ къ корню и что суффиксомъ служитъ тутъ только слогъ *икъ*, но эта наставка въ такихъ словообразованіяхъ не встрѣчается *).

Въ разобранныхъ до сихъ поръ словахъ обращеніе *щ* въ *ч* болѣе и менѣе явно; но бываютъ случаи, когда распознаніе его труднѣе. Сюда относится особенно встрѣча коренныхъ *з*, *с* и *ж* съ суффиксами *щикъ* и *щина*.

Отъ имени *муж-ской* правильно образованная форма сущ. была бы *муж-щина*. Языкъ упрощаетъ ее и произноситъ *мущина*. Но не сохранилась ли въ корнѣ буква *ж* и не обратилось ли *щ* суффикса въ *ч*? Если такое превращеніе происходитъ послѣ *д* и *т*, то нѣтъ причины не предполагать его и послѣ *ж*.

Точно то же относится конечно и къ трудно-произносимымъ формамъ: разказ-щикъ, извоз-щикъ, разнос-щикъ, рѣз-щикъ, которыя, подобно словамъ *переводчикъ*, *переплетчикъ*, принимаютъ видъ: *разсказчикъ, извоз-чикъ, разнос-чикъ, рѣз-чикъ.* Мы по привычкѣ миримся съ начертаніями: „разскащикъ, извощикъ, разнощикъ, рѣщикъ", потому что они не даютъ повода къ недоразумѣнію; но „перепищикъ, подпищикъ" уже менѣе удовлетворяютъ насъ и [314] мы охотнѣе пишемъ: *переписчикъ, подписчикъ* [1]), потому что сочетаніе *пищ* напоминаетъ намъ совершенно другіе корни (въ словахъ *пища*, *пищать*); а рѣдко употребляемыя слова, какъ напр. „нагрущикъ, вящикъ, подлащикъ, перебѣщикъ" покажутся намъ еще страннѣе, если не написать: *нагрузчикъ, вязчикъ, подлазчикъ, перебѣжчикъ.* Но для словъ одного и того же состава слѣдовать двумъ разнымъ системамъ орѳографіи было бы слишкомъ непослѣдовательно, и потому лучше принять ту, которая вытекаетъ изъ этимологическаго разбора словъ и согласна съ общимъ правиломъ, что буква *ч* суффикса съ предшествующимъ ей *ж*, *з*, *с* корня не сливается въ *щ*. Тѣмъ, кому показалось бы, что буквы *зч*, *сч* не передаютъ въ точности звука *щ*, мы напомнимъ произношеніе этихъ же буквъ въ словахъ: *счастіе, счетъ, песчаный, привязчивый:* по закону уподобленія звуки *с* и *з* передъ *ч* въ выговорѣ не могутъ не измѣняться въ *ш*: мы ясно слышимъ это произношеніе даже въ такихъ сочетаніяхъ, какъ *съ чѣмъ*, *изъ чего*, *безъ чаю*, гдѣ звуки *с* (*з*) и *ч* принадлежатъ къ двумъ разнымъ словамъ.

По мнѣнію Павскаго, слѣдуетъ писать: „мущина, разскащикъ, извощикъ" на томъ основаніи, что въ корнѣ буквы *ж з с* сами передъ *щ* выпадаютъ, а *щ*, какъ отличительная буква, происшедшая отъ *ск*, не

---

[1]) Странно, что въ академ. словарѣ употреблены обѣ орѳографіи: *подписчикъ* и *подпищикъ*, смотря по двоякому значенію слова. *Нагрузчикъ* также встрѣчается тамъ двояко написаннымъ. Въ словарѣ Даля слова этого состава вообще пишутся то однимъ, то другимъ способомъ, напр. „перепищикъ" и „нагрузчикъ".

*) **Тѣмъ не менѣе по „Р. Правописанію", стр. 52, эта орѳографія признана узаконенною обычаемъ.** *Ред.*

должна исчезать [1]). Очевидно, что означенная здѣсь причина несостоятельна, такъ какъ послѣ *д* и *т* (въ словахъ, какъ *кладчикъ*, *отвѣтчикъ*) буква *щ* измѣняется же въ *ч*. — Востоковъ въ своей грамматикѣ (Спб. 1839, стр. 354) пишетъ *мужчина*, и по этому-то поводу, вѣроятно, Павскій [315] замѣтилъ: „преобразователи нашего правописанія несправедливо поступили съ словомъ *мущина*, передѣлавъ его на *мужчина*". По замѣчанію г. Буслаева (*Ист. Гр.*, I, стр. 151), послѣднее начертаніе употребительнѣе.

Подъ однородную ороографію подходятъ также слова: *объѣздчикъ* (ужъ конечно не „объѣщикъ") и *образчикъ*. Писать *обращикъ* неудобно потому, что тутъ объ окончаніи *щикъ* не можетъ быть и рѣчи: это — уменьшительное отъ *образецъ*, какъ *кончикъ*, *рубчикъ* отъ *конецъ*, *рубецъ*, гдѣ *ц*, по общему словообразовательному закону, измѣнилось въ *ч*.

Но неужели мы будемъ также писать: „помѣстчикъ и сыскчикъ" вмѣсто общепринятыхъ формъ: *помѣщикъ* и *сыщикъ*? Нѣтъ, если внимательно разберемъ эти два слова, то увидимъ, что выведенное нами правило къ нимъ не примѣняется. На общемъ основаніи находящіяся въ корнѣ этихъ двухъ словъ буквы *ст* и *ск* должны измѣниться въ *щ* (ср. мѣщанинъ, ищу), а звукъ *щ*, разумѣется, не можетъ быть повторенъ въ окончаніи: итакъ, формы помѣщ-щикъ, сыщ-щикъ должны обратиться въ *помѣщикъ*, *сыщикъ*.

Незаконно является *щ* въ прилагательномъ *косящатый*, которое, происходя отъ сущ. *косякъ*, должно бы имѣть форму *косятчатый*; но въ томъ же родѣ начертаніе *слаще* вм. „сладче", и мы его допускаемъ.

Объясненія требуетъ еще прилагательное *вящшій*, которое нѣкоторые пишутъ *вящій*. Первое начертаніе однакожъ предпочтительно, потому что выставляетъ на видъ признакъ сравнительной степени, окончаніе *шій*: ср. поль. większy (т. е. бо́льшій, отъ wielki), верх.-луж. вятши (или въ просторѣчіи вячи), серб. векши. Образецъ для ороографіи этого слова мы имѣемъ въ такомъ же прилаг. сравнит. степени: *лучшій*. Въ црк.-сл. словаряхъ Востокова и Миклошича находимъ мы вѧщии, вѧщє, вѧштии, вѧштє; въ Фрейзинген. ркп. (по транскрипціи Вост.) вєнчиχ или вѧщшаииχъ, вящшихъ (см. его *Филол. Набл.*, стр. 34 второй нум.). Начертаніе безъ *ш* конечно ближе къ первоначальному [316] письму, но мы должны помнить, что древніе писцы́, согласно съ фонетикой современнаго имъ языка, избѣгали стеченія подобозвучныхъ буквъ, что́ къ нашему правописанію непримѣнимо [2]).

---

[1]) Въ первомъ изданіи настоящаго труда я былъ въ этомъ вопросѣ на сторонѣ Павскаго, потому что мнѣ казалось невозможнымъ повѣрить въ разсматриваемыхъ словахъ дѣйствительную форму окончанія; но аналогическіе случаи, гдѣ суффиксы *щина* и *щикъ* несомнѣнно обращаются въ *чина* и *чикъ*, убѣдили меня, что то же происходитъ и въ этихъ словахъ.

[2]) При этомъ сто́итъ упомянуть объ одномъ изъ куріозовъ въ словарѣ Даля,

II. Употребленіе гласныхъ.

Вопросы объ употребленіи той или другой гласной касаются не только неопредѣленныхъ, но иногда и совершенно ясно произносимыхъ съ удареніемъ звуковъ этого рода. Это относится особенно къ буквамъ *а* и *о*, которыми мы прежде всего и займемся.

А или О?

Звуки *а* и *о* въ русскомъ языкѣ такъ родственны, что одинъ изъ нихъ легко обращается въ другой, и это повидимому — весьма древнее свойство: даже въ Остромировомъ евангеліи (стр. 56 б.) *о* разъ употреблено вм. *а*: написано *нєродити* вм. *нерадити*. Въ 15-мъ столѣтіи замѣна одной изъ этихъ буквъ другою является нерѣдко; вѣроятно уже и раньше южно-русскій говоръ обращалъ неударяемое *о* въ *а* (и ударяемое *а* въ *о*), сѣверно-русскій, наоборотъ, обращалъ неударяемое *а* въ *о* [1]), вслѣдствіе чего, разумѣется, на письмѣ легко происходило смѣшеніе обѣихъ буквъ.

Нынче ударяемое *а* всегда пишется тамъ, гдѣ оно слышится, между прочимъ въ глагольной формѣ многократнаго вида, въ которой оно образуется изъ *о*, напр. *страивать* (отъ строить), *хаживать, обрабатывать, брасывать, кланяться.* Въ нѣкоторыхъ глаголахъ, напр. *успокоивать, озабочивать*, такое превращеніе не принято и въ живомъ употребленіи образованнаго нарѣчія.

[317] Подобнымъ образомъ и ударяемое *о* должно писаться вездѣ сходно съ произношеніемъ. Изъ этого, въ прежнее время, строго соблюдались два исключенія: именно въ полныхъ прилагательныхъ съ удареніемъ на окончаніи вмѣсто произносимаго *о* писали: въ именит. п. ед. ч. муж. р. *ы* (*вторый, святый*), а въ родит. п. того же числа муж. и сред. р. — *а* (*втораго, святаго*).

Измѣненіе первоначальныхъ прилагат. формъ *ый, ій* въ русскомъ народномъ говорѣ на *ой, ей* (хромой, самъ-третей) весьма древне и происходитъ конечно отъ избѣжанія несвойственнаго ему дифтонга изъ двойного звука *и* (ый, ій) [2]).

Въ письмѣ новаго времени окончанія *ый* и *ій* (послѣднее послѣ

вообще несильнаго въ этимологіи. Подъ словомъ *вящій* онъ ставитъ, въ видѣ догадки, съ вопросительнымъ знакомъ: „*вязать*? вязнѣе, вязче, вяще?" и потомъ, опять въ видѣ догадки, несомнѣнно первообразную форму: „великій".

[1]) Колосовъ. *Очеркъ исторіи звуковъ русскаго языка*, стр. 131 и 132.

[2]) О чемъ см. выше, стр. 494. Въ *Очеркѣ исторіи звуковъ р. яз.* г. Колосовъ сперва (стр. 43) считаетъ эту особенность не фонетическою; но потомъ (стр. 45) склоняется однакожъ къ справедливому предположенію, „что здѣсь сказалось стремленіе языка къ диссимиляціи звуковъ".

гортанныхъ), когда они должны носить удареніе, давно уже выходятъ изъ употребленія и уступаютъ мѣсто формѣ живого языка *ой*. Нынче почти всѣ уже пишутъ: *кривой, прямой, роковой, какой, сухой, нагой*, а не „кривый, прямый, роковый, какій, сухій, нагій“, хотя эти послѣднія формы еще и вошли въ академическій словарь 1840-хъ годовъ.

Окончаніе родит. падежа *аго*, произносимаго какъ *ова*, труднѣе поддается на письмѣ измѣненію, сообразному съ выговоромъ. Здѣсь и согласная и ударяемая гласная пишутся не тѣ, что слышатся. Между тѣмъ уже въ весьма отдаленное время являлись въ письменныхъ памятникахъ попытки писать это окончаніе по слуху, именно уже въ 15-мъ вѣкѣ читаются начертанія: *великово, никакова* и проч. [1]). Подобныя начертанія не были рѣдкостью и въ гражданской печати, съ самаго введенія ея; но со времени Ломоносова они стали считаться позволительными только въ просторѣчіи, въ важномъ же слогѣ строго соблюдалась форма *аго*. Того же различія держался и Карамзинъ; только въ родит. падежѣ мѣстоименій *какого* и *такого*, склоняемыхъ по [318] образцу мѣст. *тотъ, того*, онъ уже постоянно писалъ *о* [2]). Но еще Павскій говорилъ: „Ежели пишемъ худой вм. худый, то почему не писать худого или худово вм. худаго?“ [3]). Дѣйствительно, въ послѣднее время начертаніе *ого*, при слышимомъ на первомъ *о* удареніи, стало болѣе и болѣе употребляться вм. *аго*. Съ сохраненіемъ *г* на письмѣ вопреки произношенію мы еще можемъ мириться, потому что это коренной звукъ разсматриваемой формы во всѣхъ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, но для удержанія *а* нѣтъ основанія, такъ какъ эта гласная въ нихъ различна, напр. у поляковъ является *едо*, у сербовъ *ога*. Въ памятникахъ русской письменности окончаніе *ого* встрѣчается уже въ 11-мъ, и особенно въ 12-мъ вѣкѣ; мы находимъ его даже и въ Фрейзингенской рукописи (инога) [4]). Противъ начертанія *ого* можно только замѣтить, что если принять его, то при окончаніи имен. падежа на *ій* пришлось бы, въ случаѣ ударенія на окончаніи, писать въ род. падежѣ, для аналогіи, *его* вм. *яго*, напр. въ выраженіи *третьёго дня*. Но въ этомъ не было бы никакого неудобства, тѣмъ болѣе, что приведенный примѣръ составляетъ чуть ли не единственный случай такого окончанія.

Можно еще замѣтить, что нѣтъ этимологическаго основанія отличать въ родит. падежѣ прилагательныя съ удареніемъ на окончаніи *ой* отъ прилагательныхъ, не имѣющихъ этого ударенія, и что въ случаѣ принятія начертанія *ого* слѣдовало бы и всѣмъ прилагатель-

---

[1]) Колосова *Очеркъ исторіи звуковъ русскаго языка*, стр. 54, 136, 141.

[2]) См. его сочиненія, М. 1804, т. VIII, стр. 109.

[3]) *Филол. Набл.* I, § 112.

[4]) Востоковъ *Филол. Набл.*, стр. 44. Колосова *Очеркъ*, стр. 42.

нымъ давать въ родит. п. это окончаніе, т. е. наприм. писать также: *доброго; синего.* Это отчасти справедливо, но мы опять сошлемся на мѣстоименія: *какого* и *такого,* которыя отличаются же въ этой формѣ склоненія отъ прочихъ, имѣющихъ другое удареніе (напр. *котораго*); а также и на то, что и въ именит. падежѣ мы, при удареніи на послѣднемъ слогѣ, пишемъ: *дурной, хромой,* а безъ этого ударенія — *холодный, мнимый.* Если, смотря по ударенію, допускаемъ различное [319] правописаніе въ именит. падежѣ, то для послѣдовательности должны допускать такое же различіе и въ родительномъ. Притомъ прилагательныя, не имѣющія ударенія на окончаніи, всѣми пишутся въ род. падежѣ однообразно, слѣдов. объ нихъ нечего и говорить: твердо установившагося правописанія, если оно не противно законамъ языка, измѣнять не слѣдуетъ.

Начертаніе *ого* безспорно употребляется въ родит. падежѣ един. ч. мѣстоименій *тотъ, этотъ, самъ* и числит. имени *одинъ (того, этого, самого, одного).*

Въ глаголѣ *платить* гласная *а,* при паденіи на нее ударенія, въ живой рѣчи обыкновенно измѣняется на *о;* именно это бываетъ въ формѣ настоящаго вр., кромѣ 1 лица ед. ч. („пло́тишь, пло́титъ" и т. д.) и въ страдат. причастіи („заплоченъ"). Въ народномъ говорѣ есть довольно большое число глаголовъ съ этимъ же звукоизмѣненіемъ, но изъ нихъ въ образованный языкъ перешелъ только одинъ названный; впрочемъ, при тщательномъ произношеніи слышится первоначальный звукъ *а,* который обыкновенно изображается и на письмѣ, хотя форма *пло́тятъ* встрѣчается уже въ письменности 15-го вѣка [1]).

Неударяемыя гласныя *а* и *о* въ произношеніи такъ тожественны (см. выше стр. 497), что строгое различеніе ихъ на письмѣ представляетъ большія трудности; поэтому въ словахъ сомнительнаго происхожденія двоякое начертаніе неизбѣжно [2]); такъ одни пишутъ: *тварогъ, тароватый, казакъ, калачъ, каравай, касатка, грамата,* другіе *творогъ, тороватый, козакъ, колачъ, коровай, косатка, грамота.* Такое же различное правописаніе встрѣчается во многихъ глаголахъ; одни пишутъ: *расти, возрастать, возрастить,* другіе *рости, возростать, возростить.* Есть сущ. *ростъ* и другое *растъ* и предложныя формы [320] *возрастъ, отрасль, недоросль.* Двояко пишется также глаголъ *рождать* или *раждать.* Особенно сомнительно въ этомъ отношеніи начертаніе многихъ глаголовъ въ многократной формѣ съ предлогомъ

---

[1]) Колосова *Очеркъ,* стр. 148.

[2]) Еще въ рукописяхъ 13-го вѣка *о* часто является вм. *а,* напр.: *Ольксандръ, Лазорь, робу, розгнѣваешь, розбои;* въ 15-мъ же столѣтіи, кромѣ того попадаются такія начертанія: *знахори, довалъ, боранъ, ласкавъ, изнемагати* (Колосова *Очеркъ,* стр. 91, 131, 151).

Твердо установилось *а* въ глаголахъ: *полагать* (при корнѣ *лог* и формѣ *положить*) и *касаться* (при корнѣ *кос* и формѣ *коснуться, макать* (при корнѣ *мок* и формѣ *мокнуть*); затѣмъ пишутъ то *о*, то *а* въ слѣдующихъ: *поклоняться, загорать, возгораться, поглощать.*

Превращеніе *о* въ *а* у подобныхъ глаголовъ весьма обыкновенно въ древнихъ памятникахъ церк.-слав. письма и относится къ явленіямъ подъема, или усиленія гласныхъ [1]), какъ напр. въ глаголахъ: *възгарати, изламати, раждати, свобаждати, хаждати.* Въ нынѣшнемъ языкѣ всѣ подобные глаголы, для единообразія, лучше писать съ *о*, исключая тѣ случаи, гдѣ *а* сохранилось сообразно съ древнимъ обычаемъ, именно въ глаголахъ: *полагать, касаться, макать,* также *расти,* въ существительныхъ: *растеніе, возрастъ, отрасль, водоросль.* Впрочемъ предпочтительное по этимологіи или болѣе согласное съ обычаемъ начертаніе всѣхъ сомнительныхъ словъ этого отдѣла будетъ означено въ справочномъ Указателѣ, въ концѣ книги.

Неопредѣленныя гласныя въ глагольныхъ окончаніяхъ.

Глагольныя окончанія опредѣляются положительными законами, отъ которыхъ нельзя отступать въ угоду неясному или неправильному произношенію.

1) Относительно настоящаго (будущаго) времени изъявительнаго наклоненія есть законъ, не допускающій ни одного исключенія: когда въ един. числѣ *ишь, итъ* и т. д., то во множ. *ятъ* или *атъ*; когда въ един. *ешь, етъ,* то во множ. *ютъ* или *утъ*; тѣ и другія окончанія всегда соотвѣтствуютъ извѣстнымъ формамъ неопред. наклоненія. Слѣдовательно, при существующей въ [321] русскомъ языкѣ неясности произношенія неударяемыхъ гласныхъ, необходимо повѣрять эти окончанія одни другими и не писать, напр., „колеблятъ, хлопочатъ, держутъ, клеютъ, строютъ, безпокоютъ, надѣятся, сѣятъ, морочутъ", вм. *колеблютъ, хлопочутъ, сѣютъ, надѣются; морочатъ, держатъ, клеятъ, строятъ, безпокоятъ;* „вы ска́жите, вы пи́шите" вм. *скажете, пишете,* потому что въ един. числѣ: *колеблешь, хлопочешь, сѣешь, надѣешься; морочишь, клеишь, строишь, безпокоишь; скажешь, пишешь* [2]).

Въ этомъ отношеніи всего чаще смѣшиваются два разряда глаголовъ, правда, весьма сходные по звукамъ въ настоящемъ времени, но рѣзко отличающіеся одинъ отъ другого въ неопредѣленномъ наклоненіи. Сюда особенно принадлежатъ тѣ глаголы, которые въ наст.

---

[1]) *Vergl. Lautlehre,* стр. 137.

[2]) Само собою разумѣется, что нельзя считать исключеніями тѣ глаголы, у которыхъ единств. и множеств. относятся къ разнымъ темамъ, напр. хочешь и хотятъ, бѣжишь и бѣгутъ.

врем. имѣютъ передъ неударяемымъ окончаніемъ шипящую букву. Вотъ примѣры изъ каждаго разряда:

1) держ*ишь* — *жать*	2) вя*жешь* — *жутъ*
слы*шишь* — *шать*	пи*шешь* — *шутъ*
кор*чишь* — *чать*	топ*чешь* — *чутъ*
та*щишь* — *щать*	клеве*щешь* — *щутъ*.

У гл. 1-го столбца неопредѣл. наклоненіе кончится на *ать* съ тою же шипящею буквой, какая въ изъявительномъ; глаголы же 2-го столбца имѣютъ передъ окончаніемъ на *ать* другую согласную, которая въ наст. времени измѣняется по общему закону: *вязать* (*з* на *ж*), *писать* (*с* на *ш*), *топтать* (*т* на *ч*), *клеветать* (*т* на *щ*).

Такимъ же образомъ смѣшиваются и многіе другіе глаголы, не имѣющіе въ настоящ. вр. шипящей буквы передъ окончаніемъ:

[322]	1) кле*ишь* — *ятъ*	2) сѣ*ешь* — *ютъ*
	мо*лишь* — *ятъ*	ме*лешь* — *ютъ*
	стро*ишь* — *ятъ*	ро*ешь* — *ютъ*
	се*лишь* — *лятъ*	сте*лешь* — *лютъ*
	лю*бишь* — *бятъ*	коле*блешь* — *блютъ*
	ло*мишь* — *мятъ*	дрем*лешь* — *млютъ*.

Здѣсь неопредѣл. наклоненія всѣхъ глаголовъ 1-го столбца оканчиваются опять на *ить*, а всѣ, отвѣчающіе 2-му, имѣютъ другія окончанія, именно: *сѣять*, *молоть*, *рыть*, *стлать*, *колебать*, *дремать*. Послѣднія три относятся къ тому же разряду, какъ и приведенные выше со 2-мъ столбцѣ глаголы, но они имѣютъ передъ окончаніемъ *ать* не шипящую, а другую, либо также измѣняющуюся (б, м), либо неизмѣняющуюся букву (л).

Изъ сказаннаго видно, что на *ишь* — *ятъ* или *атъ* въ наст. времени оканчиваются такіе глаголы, которые въ неопр. наклоненіи передъ *ть* имѣютъ также *и* (иногда и *ѣ* *), напр. *смотрѣть*, *видѣть*, *обидѣть*) или *а* съ предыдущею шипящею буквою **).

Иногда ошибаются въ обоихъ числахъ наст. врем.; такъ въ обычай вошло писать: *дышетъ*, *дышутъ*, тогда какъ слѣдуетъ писать: *дышитъ*, *дышатъ*, какъ *слышишь*, *слышатъ*; *значишь*, *значатъ*. Форма *дышешь* тоже существуетъ, но она принадлежитъ неупотребительному глаголу *дыхать* (какъ *пашешь* — *пахать*, *пышетъ* — *пыхать*) [1]. Это

---

[1]) См. часть I *Филол. Разысканій*, стр. 276.

*) „Р. Правописаніе“, стр. 32: „когда эта гласная въ настоящемъ времени изъявительномъ наклоненіи исчезаетъ“. *Ред.*

**) Тамъ же, стр. 32: „когда гласная *а* въ настоящ. времени (кромѣ 3-го л. множ. ч.) исчезаетъ“. *Ред.*

недоразумѣніе поддерживается, къ сожалѣнію академическимъ словаремъ и Ист. Грамматикою г. Буслаева, которые при глаголѣ *дышать* показываютъ 2-е лицо ед. числа наст. вр. *дышешь*. Но Востоковъ спрягаетъ этотъ глаголъ правильно, какъ видно изъ IX-го различія его таблицы спряженій (къ § 76). И дѣйствительно, къ чему допускать стороннюю несоотвѣтственную форму, когда у глагола есть своя почти не отличающаяся и въ фонетическомъ отношеніи: мы видимъ тутъ на письмѣ то же недоразумѣніе, какое замѣчается, какъ выше показано, и во многихъ другихъ случаяхъ отъ [323] сходства произношенія неударяемыхъ гласныхъ *е* и *и*. У старинныхъ нашихъ писателей можно найти примѣры правильнаго пониманія разсматриваемой формы. Такъ даже Державинъ, вообще не строгій въ этомъ отношеніи, говоритъ однажды, хотя и съ неупотребительнымъ удареніемъ, но съ правильнымъ окончаніемъ:

„Гдѣ вѣтерокъ едва дыши́тъ".

(*Фелица*, строфа 7, стихъ 4).

Съ окончаніями изъявительнаго наклоненія необходимо сообразовать и формы причастій; поэтому неправильны начертанія: „значущій покоющій, стоющій" вм. *значащій, покоящій, стоящій*. Форму *стоющій* позволяютъ себѣ нѣкоторые для отличія отъ *стоящій* [1]); но употреблять неправильныя начертанія, чтобы отличать одно слово отъ другого, несогласно съ общими требованіями правописанія. Для этого есть другое, законное средство, именно знакъ ударенія, которымъ, при встрѣчающейся надобности, не для чего пренебрегать: въ настоящемъ случаѣ должно писать *сто́ящій*. Собственно, и въ неопредѣленномъ наклоненіи слѣдовало бы писать: *сто́ять*, а не *стоить*; но въ этой послѣдней формѣ нѣтъ по крайней мѣрѣ вопіющей неправильности: эта форма возможна и твердо установилась.

Что въ обоихъ значеніяхъ является одно и то же слово *стоять*, различаемое только удареніемъ, это легко доказать: во 1-хъ, въ томъ же двоякомъ смыслѣ употребляется глаголъ *стать*: „во что вамъ это *стало?*" говорятъ вмѣсто: *что сто́ило?* во 2-хъ, такъ употребляется соотвѣтствующій глаголъ и въ другихъ языкахъ: лат. *constare* (въ значеніи стоить) далъ начало германскому kosten, фр. coûter, ит. costare; такимъ же образомъ нѣмцы употребляютъ свой глаголъ stehen; zu stehen kommen значитъ: стать, обойтись во что. И у другихъ славянскихъ народовъ гл. stati, ста̀ти имѣетъ оба значенія. Въ *Отечественныхъ* [324] *Запискахъ* 1840-хъ годовъ была попытка писать въ обоихъ случаяхъ *стоять* съ знакомъ ударенія на *о* во второмъ значеніи, но это правописаніе не нашло послѣдователей.

Отъ причастныхъ формъ, въ родѣ *сто́ящій, покоящій* надо отличать прилагательныя, которыя иногда могутъ и не быть согласны съ

---

[1]) См. I ч. *Филолог. Разыск.* стр. 266 и слѣд.

первыми. Вопреки спряженію глагола русскія прилагательныя иногда оканчиваются на *ущій* и *ющій* (чему соотвѣтствуетъ болѣе народная форма на *чій*, напр. горючій, кипучій, летучій, не смотря на причастія *горящій, кипящій, летящій*). Такъ есть прилагательныя *вѣрющій* (вѣрющее письмо), *свѣдущій, малозначущій, огнедышущій* (впрочемъ это послѣднее слово можетъ быть правильно произведено и отъ причастія гл. *дыхать, дышутъ*).

2) Въ глаголахъ на *овать* и *ывать* должно съ разборомъ употреблять эти два окончанія. Окончаніе *овать* принадлежитъ особенно двумъ разрядамъ глаголовъ: а) кореннымъ (*сѣтовать*), или образованнымъ отъ сущ.-ныхъ и прилаг.-ныхъ именъ (*вѣровать, миловать*), и б) взятымъ съ другихъ языковъ (*арестовать, командовать*). Окончаніе *ывать* свойственно многократному или, при соединеніи глагола съ предлогомъ, несовершенному виду глаголовъ разнаго образованія и обыкновенно служитъ признакомъ, что можно сокращеніемъ окончанія низвести глаголъ на степень несовершеннаго, или, при предлогѣ, совершеннаго вида: такъ изъ *дѣлывать* можно составить *дѣлать*, изъ *проповѣдывать* — *проповѣдать*, изъ *обманывать* — *обмануть*, изъ *наказывать* — *наказать*, изъ *образовывать* — *образовать*.

Послѣ этого спрашивается: правильна ли форма *обнародывать*, такъ какъ она не можетъ сокращаться? Можетъ ли она быть допускаема рядомъ съ другою, *обнародовать?* Первая обыкновенно употребляется для означенія вида несовершеннаго, позволяющаго поставить глаголъ въ настоящемъ времени: *обнародываю*. Обычай узаконилъ эту форму; но для оправданія ея необходимо предположить въ ней фонетическое опущеніе одного [325] слога, т. е. принять, что такъ произнесены неудобный для выговора глаголъ *обнародовывать*; тогда форма *обнародывать* можетъ быть приравнена къ глаголамъ: *образовывать, разрисовывать* и др.

По-настоящему форма *обнародовать* сама по себѣ не заключаетъ въ себѣ значенія совершеннаго вида, точно такъ же, какъ и форма *образовать*, потому что нѣтъ глаголовъ *народовать, разовать*; но первый изъ этихъ простыхъ глаголовъ можно, по крайней мѣрѣ, предположить; второй же совершенно невозможенъ, потому что предлогъ *объ* принадлежитъ уже къ составу имени, изъ котораго образованъ глаголъ. Причина неправильнаго пониманія кратности дѣйствія въ глаголѣ *образовать* кроется въ привычкѣ соединять понятіе совершеннаго вида съ предложными глаголами этой формы (*об—радовать, о—сновать*), или, иначе говоря, причиною служитъ тутъ аналогія, неправильно примѣненная къ глаголу *образовать*; но, какъ бы ни было, вслѣдствіе подобнаго пониманія его допущена форма *образовывать*, а на томъ же основаніи можно допустить и потребность въ формѣ *обнародывать*. Встрѣчаются также формы: *обжалывать, изслѣдывать* вм. *обжаловывать, изслѣдовывать*.

Совсѣмъ другое представляетъ часто встрѣчающійся въ нашей печати глаголъ *совѣтывать*, образованный отъ существительнаго *совѣтъ*. Эта форма ничѣмъ не оправдывается, такъ какъ съ другою правильною формой *совѣтовать* не соединяется въ употребленіи понятіе совершеннаго вида и слово *совѣтую* можетъ имѣть только значеніе настоящаго времени; для образованія же совершеннаго вида и будущаго времени, въ распоряженіи говорящаго находятся предлоги: *по, при, отъ*.

Впрочемъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ надобно помнить древнее родство окончаній *овать* и *ывать*, которыя иногда встрѣчаются въ одномъ и томъ же глаголѣ, смотря по тому, принадлежитъ ли форма церк.-славянскому, или русскому языку (*проповѣдовати, испытовати, связовати*). То же отражается и въ настоящемъ времени, которое еще и теперь иногда употребляется [326] двояко: *проповѣдую* и *проповѣдываю, испытую, обязую* и т. п. рядомъ съ болѣе употребительными формами на *ываю* [1]).

3) Одни пишутъ: *раскаиваться, разсѣивать*, другіе—*раскаяваться, разсѣявать*, третьи — *раскаеваться, разсѣевать*. Что правильнѣе? Для рѣшенія этого вопроса, здѣсь важнымъ указаніемъ служитъ удареніе. Въ простыхъ глаголахъ: *каять, сѣять*, какъ и въ глаголахъ: *таять, чаять, смѣяться*, корень составляютъ слоги *ка, сѣ, та, ча, смѣ*: если бъ къ корню принадлежала и гласная *я*, то для образованія многократнаго вида вставлялся бы слогъ *ва́* (съ удареніемъ), какъ въ глаголахъ *да-ва-ть, зна-ва-ть;* но въ настоящемъ времени буква *я* отпадаетъ, и въ неопредѣленномъ накл. многократнаго вида она должна замѣняться неударяемою вставкою *ива*, соотвѣтствующею слогамъ *ыва*, всегда остающимся безъ ударенія въ другихъ глаголахъ (*игрывать, дѣлывать*) [2]). Итакъ, правильно только первое изъ трехъ указанныхъ начертаній: *раскаиваться, оттаивать, отчаиваться, осмѣивать*. Несомнѣнно эта форма многократнаго вида является въ глаг. *бояться, стоять: баиваться, стаивать*. Глаголы *таять* и *чаять* съ предлогами принимаютъ и другую церк.-сл. форму съ измѣненнымъ удареніемъ: *истаева́ть, отчаева́ться* (по словарю Академіи) *). У нѣкоторыхъ изъ подобныхъ глаголовъ предложный несовершенный видъ образуется еще иначе, т. е. вставкою слога *ва́* (съ удареніемъ): *посѣ-ва-ть, затѣ-ва-ть* (отъ *затѣять*: за-

---

[1]) *Русская Грамм.* А. Востокова. Спб. 1839, стр. 141. Въ формѣ **ую** буква *у* замѣняетъ **ов**, а въ формѣ **ываю** буква *ы* равносильна древней гласной ъ, которая позднѣе обратилась въ наше *о*. Ср. Каткова *Элементы и формы*, стр. 38. Въ 1873 г. различное правописаніе подобныхъ словъ подало поводъ къ спору, изъ котораго возникло судебное дѣло. См. приложеніе въ концѣ нашей книги.

[2]) Съ этимъ отчасти согласенъ и академическій словарь; онъ пишетъ: *раскаиваться*, но *отчаяваться; разсѣивать* въ немъ вовсе нѣтъ.

*) Срв. „Р. Правописаніе“, стр. 40. *Ред.*

тѣивать неупотребительно), при чемъ надо имѣть въ виду, что звукъ *в* наравнѣ съ *й* служитъ для облегченія гласнаго при встрѣчѣ съ другимъ гласнымъ внутри слова: этимъ объясняется двойственность такихъ формъ, какъ напр. *вліять* и [327[*вливать, одѣять* (откуда *одѣяло*) и *одѣвать.* Въ глаголѣ *сіять* буква *я* принадлежитъ къ корню; она не исчезаетъ въ настоящемъ времени (*сіяю*) и въ многократной формѣ, которая потому и образуется также вставкою *ва́* (*осіява́тъ*).

4) Неопредѣленность неударяемыхъ гласныхъ подаетъ часто поводъ къ ошибочнымъ окончаніямъ страдательныхъ причастій. Пишутъ: „услышенъ, окончанъ, смѣшены, развѣшаны“ вм. *услыша́нъ, конченъ, смѣшаны, развѣшены.* Чтобы не ошибаться въ этихъ случаяхъ, необходимо справляться съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ и помнить, что окончанію *ать* соотвѣтствуетъ въ этомъ причастіи *анъ*, а окончанію *итъ* — *енъ*: отъ *разбросать* — *разбросанъ;* отъ *бросить* — *брошенъ. Слышанъ* отличается отъ *слышенъ* тѣмъ, что первое — причастіе, а второе — краткое прилагательное; въ жен. родѣ *слышана* и *слышна. Развѣшенъ* должно писаться съ *е*, ибо образовано отъ *развѣсить*, а не отъ *развѣшать.* Ср. также формы: *застрѣленъ* (отъ застрѣлить); *разстрѣлянъ* (отъ разстрѣлять); *измѣненъ* и *размѣнянъ.*

Въ причастіяхъ: *разсмотрѣнъ, заподозрѣнъ* нѣкоторые пишутъ *е*, и не совсѣмъ безъ основанія, такъ какъ отличительную форму страд. прич. прош. вр. глаголовъ спряженія на *ишь* составляетъ окончаніе *енъ*, и притомъ простые глаголы *смотрѣть* и *зрѣть* имѣютъ въ разныхъ слав. нарѣчіяхъ и другую форму съ отличительной гласной *и* вмѣсто *ѣ* (ср. ц.-сл. смотрити и народно-русск. *зрить*). Но такъ какъ образованный языкъ знаетъ только форму ихъ съ буквою *ѣ*, то въ обычай вошло ставить ее и въ причастіяхъ, подобно тому, какъ пишутъ: *презрѣнъ, призрѣнъ, велѣно* и проч.

Двоякое окончаніе въ неопредѣленномъ наклоненіи имѣетъ также глаголъ *обидѣть* (обидити, ц.-сл.), но употребительна только форма съ *ѣ;* причастіе же страдательное образуется съ умягченіемъ буквы *д*: *обиженъ.* Такъ и отъ гл. *вертѣть* причастіе: *верченъ.*

Малоупотребительное причастіе *видѣнный* (отъ гл. *видѣть*) вовсе не употребляется въ краткой формѣ (*видѣнъ*). Съ этою [328] послѣдней не должно смѣшивать прилагательнаго краткаго *виденъ*, которое иные ошибочно пишутъ съ буквою *ѣ*, забывая, что въ жен. родѣ говорятъ: *видна*, сред. *видно*, мн. ч. *видны*, и что въ этихъ формахъ причастное *ѣ* не могло бы исчезнуть. Притомъ *виденъ* управляетъ дательнымъ падежомъ (кому), причастіе же страдательное сочетается всегда съ творительнымъ (кѣмъ). *Виденъ* — *видны* — такъ же, какъ *слышенъ* — *слышны.*

Здѣсь кстати упомянуть о подобной же ошибкѣ правописанія въ прилагательномъ *боленъ*, которое многіе неправильно пишутъ съ буквою *ѣ*; слѣдуетъ писать: *боленъ, больна*, какъ *доволенъ, довольна.*

Е и И въ неударяемыхъ слогахъ.

Мы уже видѣли, какъ *е* и *и* могутъ быть смѣшиваемы въ глагольныхъ формахъ (напр. „вы ска́жите, вы пи́шите, пріѣдите“ вм. скажете, пишете, пріѣдете“). Кромѣ того эти гласные звуки нерѣдко смѣшиваются:

1. Въ окончаніяхъ ласкательныхъ уменьшительныхъ именъ, какъ существит., такъ и прилаг., именно въ такихъ словахъ, какъ: *цвѣточекъ, кусочекъ, кулечекъ, мѣшечекъ*;

Оленька, папенька, маменька, рученька;
маленькій, миленькій, синенькій.

Въ окончаніяхъ такихъ словъ ошибочно пишется *и*, напр. „цвѣточикъ, маминька, тонинькій“.

Приведенныя въ первой строкѣ слова суть уменьшительныя 2-й степени; т. е. уменьшительныя: *цвѣтокъ, кусокъ* уменьшены еще разъ посредствомъ прибавленія образовательнаго слога *екъ*, при чемъ конечное *к* первоначальнаго суффикса обратилось въ *ч*. Здѣсь слогъ *икъ* совсѣмъ не примѣнимъ; онъ имѣетъ то же значеніе, но не повторяется, а ставится всего чаще послѣ существительныхъ односложныхъ, также кончащихся на *ецъ* или на шипящія буквы; такъ образуются имена: *столикъ, дождикъ, кончикъ* (отъ *конецъ*), *кузнечикъ* (отъ *кузнецъ*), *ножикъ, шалашикъ*.

[329] Для повѣрки правописанія такихъ словъ сто́итъ только образовать одинъ изъ косвенныхъ падежей ихъ: исчезновеніе гласной передъ *к* (напр. *мѣшеч*[е]*ка* будетъ несомнѣннымъ признакомъ, что слово оканчивается на *окъ* или *екъ*, а не на *икъ*, такъ какъ буква *и* никогда не бываетъ бѣглою: *кузнечикъ, кузнечика*.

Въ именахъ на *енька* необходимость *е* объясняется посредствующею формой, оканчивающеюся въ церковно-сл. языкѣ на ѧ (юсъ), т. е. на тонкій носовой звукъ (ен), откуда произошли наши имена молодыхъ животныхъ, напр. *ягненокъ* (отъ ягнѧ). По образцу такихъ именъ, какъ думаетъ Павскій, составлены и другія ласкательныя имена. Дѣйствительно, наши дѣтскія имена *Ваня, Коля, Вася, Надя* и проч. оканчиваются на такое же *я*, какъ и самое слово *дитя* (ѧ). Въ именахъ на **ша** (*Саша, Даша*) это *я* только скрыто по причинѣ предыдущей *ш* (изъ *х*; сравн. нѣм. chen). Имя *Лиза* не имѣетъ первой степени уменьшительной формы на *я* и прямо переходитъ на вторую, въ которой и пишется *Лизанька* [1]).

Въ нарицательныхъ именахъ: *рученька, ноженька, подруженька, доченька, душенька* окончаніе *енька* имѣетъ другое происхожденіе: здѣсь

---

[1]) Павскій, *Разсужд. II*, § 121 и сл., стр. 213.

первая степень уменьшенія образуется приложеніемъ къ корню слога *ка*, съ измѣненіемъ конечной согласной, если ей удобно принять умягченіе: *ручка, ножка*; когда же нужно придать такому уменьшительному имени еще большій оттѣнокъ ласки, то передъ окончаніемъ *ка* вставляется добавочный слогъ *ень*, который по значенію противоположенъ другому, похожему, но оканчивающемуся дебелымъ звукомъ **ен** или **он**) съ удареніемъ на гласной: *бабенка, сестренка, старушонка*.

То же значеніе слога *ень* передъ *к* видимъ мы и въ прилагательныхъ: *тоненькій, сѣренькій, голенькій*. Присутствіе въ нихъ *е* яснѣе всего доказывается при переходѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ краткую форму или въ нарѣчіе съ перемѣною ударенія: *худенекъ, толстенекъ, жиденекъ; хорошенько, бѣдненько*. Когда этому [330] окончанію приходится стать послѣ гортанной буквы корня, то *е* обращается въ *о*, чтó особенно ясно оказывается въ нарѣчіяхъ, при удареніи на первомъ слогѣ окончанія: *тихонько, плохонько, легонько*: слѣдовательно надо писать и прилаг.: *плохонькій, легонькій, мяконькій*, хотя произносимъ мы обыкновенно по аналогіи: „тихенькій, легенькій, мякенькій".

2. Въ прилагательныхъ относительныхъ, оканчивающихся на *енскій* и *инскій*. Эти два окончанія, когда на нихъ нѣтъ ударенія, должны быть различаемы: для образованія обоихъ есть особый законъ.

Имена женскаго рода на *а* и *я* даютъ отъ себя окончаніе *инскій*: Анн-а — *Анн-инскій*, Екатерин-а — *Екатерин-инскій*, Елисавет-а — *Елисавет-инскій*, Марі-я — *Марі-инскій*, Александр-а — *Александр-инскій*.

Очевидно, что это двусложное окончаніе *ин-скій* есть только распространеніе односложнаго женск. притяжательнаго: *Анн-инъ, Екатерин-инъ* и проч., точно такъ же, какъ *ов-скій, ев-скій* не что иное, какъ распространеніе мужского притяжательнаго окончанія *овъ* или *евъ*: *Петровскій, Алексѣ-евскій*.

То же самое видимъ мы часто и въ относит. прилагательныхъ, произведенныхъ отъ именъ мѣстъ или урочищъ: какъ при муж. окончаніи такого имени вставляется для удобства выговора **ов**, напр. *Днѣпр-ов-скій, Орл-ов-скій* (отъ Орелъ); такъ, для облегченія выговора при женскомъ окончаніи, вставляется **ин**: отъ собств. именъ: *Шемаха, Бугульма, Бухтарма, Таращa, Жиздра, Ломжа, Ялта, Сайма, Висла* должны быть образованы прилагательныя: *шемах-инскій, бугульминскій, бухтарм-инскій, таращ-инскій, жиздр-инскій, ломж-инскій, ялт-*

---

[1]) Объ этомъ въ первый разъ было упомянуто мною въ замѣткѣ, напечатанной въ *Сборникѣ Отдѣленія русск. яз. и словесн.*, т. VIII, стр. XIII. Тамъ, между прочимъ, было сказано: „Отъ собственныхъ именъ прилагательныхъ образуются: 1) лично-притяжательныя: *Петр-овъ, Алексѣ-евъ, Марі-инъ*; 2) лично-относительныя: *Петр-ов-скій, Алексѣ-ев-скій, Марі-ин-скій*; 3) мѣстно-относительныя: *Клин-скій, Твер-ской, Кам-скій*. Отсюда видно, что лично-относительныя образуются помощію двухъ

инскій, сайм-инскій, привисл-инскій [1]) [331] (соотвѣтственную форму представляютъ существит.: *Семипалат-инскъ, Рыб-инскъ*) [1]).

Форма *енскій* напротивъ придается именамъ, оканчивающимся не на *а* и *я*, а иначе (напр. отъ *Керчь — керченскій*), или и на эти гласныя, но при двухъ передъ ними согласныхъ, изъ которыхъ вторая принадлежитъ къ образовательному окончанію, такъ что онѣ могутъ быть раздѣлены при составленіи прилагательнаго; всего чаще окончаніе *енскій* происходитъ отъ вставки *е* между двумя согласными передъ конечной гласной, напр. отъ *Борз-на, Колом-на, Ков-но, Лив-ны, Ром-ны* образуются прилаг.: *борзенскій, коломенскій, ковенскій, роменскій, ливенскій*.

Большею частью и пишутъ правильно по этимъ двумъ способамъ образованія прилагательныхъ; но въ отношеніи къ нѣкоторымъ не обошлось безъ отступленій: такъ обычай ввелъ неправильныя формы: *пензенскій, прѣсненскій, привислянскій*.

Таковы же и двѣ общеупотребительныя формы: *гродненскій* и *чесменскій*. Отъ *Гродно* прилаг. должно бы собственно образоваться такъ же, какъ отъ *Ковно*, т. е. со вставкою *е* между *д* и *н*; но оно послѣдовало другому способу образованія, т. е. на мѣсто конечной гласной приняло окончаніе *енскій*.

3. Въ окончаніяхъ: а) предлож. падежа именъ ср. рода на **іе**, когда *і* сокращено въ *ь*; б) предложнаго же падежа собств. [332] именъ муж. рода на **ій**; в) въ дат. и предлож. падежахъ женскихъ именъ на **ія**, когда *і* также сокращено въ *ь*.

Отсюда происходитъ недоумѣнье, писать ли:

а) на *безлюдьи*, о *здоровьи*, въ *кушаньи*, въ *счастьи*, или — *ѣ?*

Въ этомъ случаѣ оба окончанія равно законны: *и* есть остатокъ полнаго окончанія (**іи**) при сокращеніи *і* въ *ь*, а *ѣ* есть обыкновенная форма предложнаго падежа именъ средняго рода на *о* или *е*: мы говоримъ о *копьѣ*, при *ружьѣ*, въ *платьѣ*, о *житьѣ-бытьѣ*, въ *забытьѣ*, но говоримъ также: въ *забытьи*, на *новосельи*, въ *имѣньи*.

приставокъ, изъ которыхъ послѣдняя *скій* присоединяется къ лично-притяжательному— при муж. окончаніи *овъ*, при женскомъ *инъ*. Такъ производятъ прилагательныя и отъ иностранныхъ именъ: *Шекспир-ов-скій, Гомер-ов-скій, Виргилі-ев-скій*. Напротивъ, мѣстно-относительныя прилагательныя образуются присоединеніемъ окончанія *скій* прямо къ имени: *Петербург-скій, Нев-скій*. Таковъ общій законъ образованія. Случается однакожъ, что, ради облегченія выговора, у лично-относительныхъ опускается слогъ *ов* или *инъ*, напр. *Владимір-скій, Гофман-скій, Софій-скій*, и наоборотъ, у мѣстно-относительныхъ слогъ *овъ* или *инъ* вставляется, напр. *Днѣпр-ов-скій, Орл-ов-скій, Балахн-ин-скій, Бугульм-ин-скій*. Въ первомъ случаѣ опущеніе посредствующаго слога, а во второмъ вставки его должны быть отнесены къ числу довольно рѣдкихъ явленій". — Но оправдывается и форма: *привислянскій*, какъ это видно въ „Р. Правописаніи" стр. 36. *Ред.*

[1]) Рѣдкое отступленіе находимъ мы въ собственныхъ именахъ: *Моршанскъ, Мокшанскъ, Цымлянскъ*, отъ именъ рѣкъ: *Мокша, Морша* и *Цымля*.

б) При *Василіи*, о *Григоріи*, или — *ѣ?* Здѣсь окончаніе на *и* единственно правильное при полной формѣ, въ которой предпослѣдній *і* уподобляетъ себѣ и конечную гласную; но въ случаѣ сокращенія *і* въ *ь* причина этого уподобленія исчезаетъ, и тогда слѣдуетъ употребить обыкновенное окончаніе именъ муж. рода въ предлож. падежѣ: при *Васильѣ*, о *Григорьѣ*.

в) То же относится и къ женскимъ именамъ, кончающимся въ имен. пад. ед. ч. на **ія**. При полномъ окончаніи они принимаютъ въ дат. и предл. пад. *іи*, напр., въ *молніи*, *къ Софіи*, *при Наталіи*, а при сокращеніи *і* въ *ь*, говорятъ и пишутъ: *къ Софьѣ*, *при Натальѣ*, т. е. такъ же, какъ въ нарицательныхъ, при удареніи на послѣднемъ слогѣ: *къ судьѣ*, *въ скуфьѣ*, *о семьѣ*, а не *къ судьи́* и т. д.

Смѣшивая *е* съ *і*, нѣкоторые, по недоразумѣнію, пишутъ также: „по аллеи, въ идеи" вм. *по аллеѣ*, *въ идеѣ*. (Мимоходомъ можно упомянуть и о встрѣчающемся, сходно съ этимъ, невѣрномъ правописаніи: „къ обѣдни" вм. къ *обѣднѣ*, „на недѣли" вм. на *недѣлѣ*).

4. Когда имя средняго рода, кончащееся на *ье* (*платье*, *имѣнье*), является въ уменьшительной формѣ съ суффиксомъ *це*, то предшествующій послѣднему звукъ *е* безъ ударенія измѣняется въ *и*: *платьице*, *имѣньице*; ударяемый же *ё* только теряетъ акцентъ: отъ *копье* образуется уменьшительное *копьецо́*.

5. Въ окончаніяхъ указательнаго мѣстоименія: *этотъ*, [333] писать ли *этѣ*, *этѣхъ* и т. д. по этимологіи, или *этихъ* по произношенію? Фонетическое правописаніе въ этомъ случаѣ можно считать окончательно установившимся. Напрасно нѣкоторые, напр. Шевыревъ и Павскій, старались возстановить правильное начертаніе: *этѣ*, *этѣхъ*; они не нашли послѣдователей, и Шевыревъ наконецъ уступилъ общему обычаю. Въ примѣчаніяхъ къ своей *Исторіи русской словесности* (т. I, стр. 134) онъ говоритъ, что есть три способа писать это слово: 1) принятое Карамзинымъ: *эти* во всѣхъ трехъ родахъ, основанное на произношеніи; 2) правописаніе, принятое нѣкоторыми писателями: *эти* для муж. и ср. родовъ, какъ *они*; *этѣ* для женскаго, какъ *онѣ*; 3) правописаніе, основанное на этимологіи слова *этотъ*: различіе между *тотъ* и *этотъ* состоитъ въ одномъ прибавленіи указательнаго *э*, точно такъ какъ *вотъ* и *эвотъ*. „Я слѣдовалъ сему послѣднему", прибавляетъ Шевыревъ, „о чемъ объявилъ въ примѣчаніи къ своей *Теоріи Поэзіи*, но теперь, передумавъ дѣло, охотно признаю правописаніе Карамзинское и слѣдую ему, но раціонально сознавъ его и основавшись на устномъ произношеніи". — Павскій же въ своихъ „Филологическихъ Наблюденіяхъ" постоянно пишетъ: *этѣ*, *этѣхъ*.

6. Въ числительномъ *двѣсти*, какъ всѣ пишутъ вм. *двѣстѣ*, что́ было бы конечно правильнѣе (*стѣ* двойств. число, какъ *двѣ*), но для большинства пишущихъ загадочно, а потому и неупотребительно.

*

Употребленіе Е въ ударяемыхъ слогахъ.

До сихъ поръ мы видѣли, что однѣ гласныя пишутся на мѣсто другихъ въ слогахъ неударяемыхъ по неясности звуковъ; въ одномъ только окончаніи прилаг. *аго* намъ встрѣтился случай произношенія ударяемаго *а* какъ *о*. Но въ буквѣ *е* намъ представляется употребленіе одного и того же знака для трояка произношенія; именно она изображаетъ: 1) собственно ей принадлежащій звукъ *е* (йэ или ьэ); 2) *ё* (йо или ьо), и 3) простой звукъ *о* послѣ шипящихъ. Отъ различнаго произношенія буквы [334] *е* въ *ударяемомъ* слогѣ затрудняется еще болѣе чтеніе, нежели письмо (особенно для иностранцевъ), и потому здѣсь надобно показать, когда именно имѣетъ мѣсто тотъ или другой выговоръ. О переходѣ *е* въ *ё* было уже говорено въ общихъ чертахъ выше, на стр. 500 и 501. Остановимся теперь съ бо́льшимъ вниманіемъ на этомъ явленіи, по его связи съ письмомъ [1]). Вотъ, прежде всего, общее правило касательно собственно-русскихъ словъ, принадлежащихъ къ народной или разговорной рѣчи: ударяемое *е* сохраняетъ свое чистое произношеніе передъ мягкимъ звукомъ, т. е. какъ передъ *и*, *й* и всякой восходящей двугласной (*я е ю*), такъ и передъ мягкою согласной, будетъ ли она въ томъ же слогѣ, или въ началѣ другого, будетъ ли это означено на письмѣ буквой *ь*, или только замѣтно въ выговорѣ, напр. *ше́-я*, *мое́-ю*, *водоле́-й*, *е́-ль*, *де́нь*, *плеть*, *се́льскій*, *тепе́рь*, *сме́рть*, *тре́петъ*, *жердь*, *жесть*, *ме́длить*, *чернь*, *есте́ственный*, *суще́ственный* [2]). Во всѣхъ словахъ этого случая *е* произносится не только чисто, но еще и сжато (см. выше стр. 496), и такое его произношеніе зависитъ именно отъ послѣдующаго тонкаго звука.

Напротивъ, ударяемое *е* произносится какъ *ё* передъ твердою согласною въ концѣ слога или такою, за которой слѣдуютъ твердыя гласныя *а о у ы*, или наконецъ когда *е* кончаетъ слово, напр. *мелъ*, *остеръ*, *ел-ка*, *се-ла*, *жест-кій*, *жер-дочка*, *чер-ный*, *ще-ку*, *перышко*, *сле-зы*, *мое*, *житье*, *остреё*, *все*, *еще*. (Во всѣхъ этихъ примѣрахъ читай *ё* вм. общеупотребительнаго *е*).

Это требованіе выговора такъ сильно, что ему повинуются и нѣко-

---

[1]) Мы видѣли, что на этотъ предметъ слегка было обращено вниманіе уже Ломоносовымъ; въ первый разъ оно было подробно разсмотрѣно Востоковымъ (См. *Краткое руководство Борна* и *Русск. Грам. Вост.*, § 169). Потомъ оно пересмотрѣно Павскимъ (*Фил. Набл.* Разсужд. I, § 117—122). Здѣсь постараемся еще пополнить ихъ наблюденія.

[2]) Въ послѣднихъ двухъ словахъ ударяемое *е* отдѣлено отъ слѣдующей мягкой гласной тремя буквами, но вліяніе послѣдней простирается на всѣ эти три согласныя, а вслѣдствіе того и на четвертый звукъ.

торые изъ такихъ слоговъ, въ которыхъ стоитъ не *е*, а *ѣ*, вообще отличающійся особенною негибкостью: *звѣз-ды*, *цвѣлъ* и проч.

[335] Отъ общаго закона оказывается однакожъ много частныхъ отступленій, происходящихъ либо отъ перевѣса другихъ, болѣе настоятельныхъ звуковыхъ требованій, наприм. отъ сосѣдства извѣстныхъ буквъ, либо отъ того, что слово относится не къ общенародному, а къ другому элементу языка, или что нынче въ немъ неправильно пишется *е* вмѣсто прежняго *ѣ*; иногда соединяются разнородныя причины. Такимъ образомъ есть не мало случаевъ, въ которыхъ *е* не измѣняетъ своего первичнаго произношенія и передъ твердымъ звукомъ, и наоборотъ, есть другіе случаи, въ которыхъ *е* и передъ мягкими звукосочетаніями произносится какъ *ё*. Мы должны исчислить и тѣ и другіе.

I. *е* не измѣняетъ своего первичнаго произношенія и передъ твердымъ звукомъ въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Въ словахъ церковно-славянскаго, вообще книжнаго образованія или оттѣнка, напр. *небо*, *крестъ*, *предметъ*, *дебелый*, *клеветъ*, *судебъ*, *клевретъ*, *согбенный*, *ветхій*, *вселенная*, *словесный*, *древесный*, *обыкновенный*, *мгновенный*, *блаженный*, *священный*, *умершій*, *ведши*, *прошедшій* (причастіе этой формы народному языку не свойственно), *сіе* (а не сіё).

Къ той же категоріи относится большая часть словъ, гдѣ въ корнѣ непосредственно передъ *л* или *р* стоитъ другая согласная, а за ними слѣдуетъ *е* (вм. церк.-слав. *ѣ*) [1]): *бредъ*, *брежу*, *мрежа* (народ. мерёжа), *вредъ*, *среду*, *членъ*, *воскресъ*, *запретъ*, *треба*, *предъ*, *чрезъ*. Однакожъ *е* измѣняется въ словахъ и формахъ народнаго языка: *клёнъ*, *врётъ*, *прётъ*, *грёбъ*, *скрёбъ*, *блёкну*, *встрёпка*.

2) Въ словахъ иностраннаго происхожденія, когда на томъ языкѣ, откуда они заимствованы, произносится чистый звукъ *е*: *кавалеръ*, *офицеръ*, *скверъ*, *рельефъ*, *сюжетъ*, *пьеса*, *министерство*, *интересъ*, *крепъ*, *тарелка*, *газета*, *нервы*, *лента*, *гербъ*, *мизерный*, *черкесъ*, *шведъ*, *чехъ*, *сербъ*. Въ заимствованныхъ словахъ ё произносится только для передачи звука *ö* (франц. eu) [336] или *о* послѣ тонкаго *л*: *актёръ*, *суфлёръ*, *акушёръ*, *флёръ*, (Flor). Иногда по недоразумѣнію такъ же выговариваютъ: *партнеръ*, *доктринеръ* (вопреки дѣйствительному окончанію этихъ именъ: partner, doctrinaire).

Ѳёдоръ произн. вм. *Ѳеодоръ*, *Семёнъ* вм. *Симеонъ*, *Матрёна* вм. *Матрона*; но иногда и чистое *е* измѣняется такимъ образомъ въ именахъ, издревле усвоенныхъ народомъ, напр. *Пётръ*, *Ѳёкла*, *Олёна* (вм. Елена).

3) Въ замкнутомъ слогѣ, передъ *р* или *л*, особливо если за этими

---

1) И въ другихъ словахъ, гдѣ нѣкогда было *ѣ*, замѣнившее его *е* съ удареніемъ не измѣняетъ своего звука, напр. *векша* (др. вѣкша).

согласными слѣдуетъ еще другая согласная и другой слогъ: *сердце, серна, меркнуть, верба, тверже, дверца, колыбелка, мелкій, дерзкій, мерзкій.*

Но вставочное, бѣглое *е* въ такихъ случаяхъ обращается въ *ё*: *сѣдёлка, ведёрко.* Чаще слова́ этого разряда произносятся по общему закону: *семёрка, четвёрка, весёлка, дёргать.*

Слово: *первый, верхъ, четвергъ, церковь, Сергій, черви* сюда не относятся, такъ какъ въ нихъ *р* произносится тонко (хотя знакъ *ъ* и не пишется), слѣдовательно они прямо подходятъ подъ общее правило выговора, по которому *е* передъ тонкимъ звукомъ не обращается въ *ё.*

4) Въ замкнутомъ слогѣ прилагательныхъ передъ окончаніемъ *скій*: *земскій, женскій, дѐревенскій, вселенскій,* и передъ окончаніемъ *ный,* особенно когда между нимъ и буквою *е* стоитъ не *н,* а другая, или другія согласныя: *смертный, усердный, скверный, подземный, туземный, слезный, полезный, любезный, безмездный, прилежный, тщетный, лестный, смежный, честный, ежедневный, хвалебный, судебный, служебный, учебный, волшебный,* какъ и въ производныхъ отъ нихъ существительныхъ: *судебникъ, учебникъ, волшебникъ.*

Часто и передъ удвоеннымъ *н* въ прилагательныхъ *е* не измѣняется, что́ и составляетъ отличіе ихъ отъ страдат. причастій: *денный, степенный, здоровенный, совершенный* (въ отличіе отъ прич. совершонный), *несравненный* (въ отлич. отъ прич. сравнённый).

[337] Впрочемъ, это различіе не постоянно соблюдается, такъ какъ и въ значеніи прилагательныхъ причастія нерѣдко измѣняютъ *е* на *ё*: *опредѣленный, просвѣщенный.* Ср. также прилагательныя народнаго языка: *черный, темный, забубенный.* Народъ произноситъ такъ и слово *смежный.*

5) Вообще очень часто послѣ шипящихъ: *шестъ, щепка, исчезъ, черпать, ужé, вообще, вотще* (впрочемъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ словъ дѣйствуетъ и славянское ихъ происхожденіе).

6) Въ предлогѣ *без* и въ частицѣ *не*: *бездна, безтолочь, недругъ, ненависть, не былъ, не молодъ.*

7) Въ окончаніяхъ *ецъ, ецкій*: *конецъ, молодецкій;* то же бываетъ иногда и въ окончаніи *ежъ* въ словахъ, не сдѣлавшихся народными: *мятежъ, падежъ* (грамм.); но *падёжъ* (скота), *платёжъ, грабёжъ, молодёжъ* (хотя ь).

Востоковъ относитъ къ этому же отступленію чистый выговоръ *е* въ слогахъ *ечъ, еча, ечка, ечко, ечный;* но *ч* въ сущности всегда составляетъ мягкій звукъ, какъ видно изъ произношенія передъ этой согласной звука *е* какъ *é* (сжатаго), а не какъ *è* (широкаго), хотя послѣ *ч* и пишутся *ъ, а, у.* Поэтому призношеніе приведенныхъ Востоковымъ словъ: *плечъ, греча, печка, овечка, сердечко, конечный* (а не «плёчъ» и проч.) отношу я, несмотря на ихъ начертанія, не къ исключеніямъ, а къ общему правилу.

II. Вопреки общему правилу, *е* измѣняется въ *ё* передъ мягкими звукосочетаніями:

1) Въ падежныхъ или производныхъ окончаніяхъ такихъ словъ, у которыхъ въ прямой или первообразной формѣ буква *е* стоитъ передъ твердымъ звукомъ и потому произносится какъ *ё*, напр.: *берёзъ* (отъ береза), *Серёжи* (отъ Сережи), *чёрненькій* (отъ черный), *денёчекъ* (отъ денёкъ), *намёки*, *тетёхи*, *далёкимъ*. Иногда такія второобразныя слова произносятся различно, напр. *кулечекъ* и *кулёчекъ*, *мѣшечекъ* и *мѣшочекъ*, *сплетни* и *сплётни*, *переплетчикъ* и *переплётчикъ*.

2) Въ окончаніяхъ глаголовъ ударяемая буква *е* передъ *ешь* [338] и *те* произносится *ё*, такъ же какъ передъ *тъ* и *мъ*: *встаешь*, *встаете*, *ревешь*, *ревете*, *бережешь*, *бережете*. (Ср. выше стр. 500).

3) Въ уменьшительныхъ родственныхъ и собственныхъ именахъ: *те-тя* (на подобіе тёт-ка), *Лё-ля*. Но *Пе-тя*, *Се-ня* произносятся безъ измѣненія *е* въ *ё*.

4) Въ творительномъ падежѣ сущ. имени съ жен. окончаніемъ *я* буква *е* передъ *ю* произносится какъ *ё*, напр. *зарё-ю*, *ступнё-ю*. Впрочемъ это собственно не исключеніе, потому что окончаніе творит. падежа такихъ именъ есть **ою** или, при утонченіи предыдущей согласной, **ею**. Здѣсь буква *е* пишется только за неимѣніемъ средства показать иначе отонченіе предшествующей согласной.

Востоковъ относитъ сюда также окончанія *ца*, *ча*, *ша*, *ща*; т. е. напр. *Тверцею*, *свѣчею*, *лѣвшею*, *пращею*, но здѣсь не зачѣмъ и писать *е*, такъ какъ именит. падежъ оканчивается на *а*, и начертанія: *Тверцою*, *свѣчою*, *лѣвшою*, *пращою* относятся къ правильнымъ формамъ склоненія.

5) Наконецъ, въ коренномъ слогѣ глаголовъ многократныхъ и предложныхъ длительныхъ передъ окончаніями *гивалъ* или *хивалъ* *е* также произносится какъ *ё*: *застёгивалъ*, *отпёхивалъ*.

Начертаніе звука Е, измѣненнаго въ ЙО (ьО) или О.

Показавъ, въ какихъ случаяхъ звукъ *е* измѣняется въ *ё*, надобно разсмотрѣть, какъ онъ изображается.

1) Послѣ согласныхъ, за которыми встрѣчается это звуковое превращеніе (кромѣ *ц* и иногда шипящихъ), т. е. послѣ *б в д з л м н п р с т*, произношеніе буквы *е* какъ *ё* обыкновенно вовсе не означается на письмѣ. Двоеточіе надъ *е* ставится только въ рѣдкихъ случаяхъ, именно: а) для яснѣйшаго обозначенія выговора, особенно для различенія словъ, одинаково пишущихся, напр. *ведро* и *вёдро́*, *призна́етъ* и *признаётъ*; и б) въ стихахъ, для болѣе нагляднаго изображенія риѳмы, напр. *заботъ* и *гнётъ*.

[339] 2) Послѣ *ц* и шипящихъ (*ж ш ч щ*) звукъ *ё*, вполнѣ или отчасти обращающійся въ *о*, рѣдко означается посредствомъ двоеточія,

и либо остается вовсе безъ знака, либо изображается буквою *о*. Послѣдній способъ установился въ слѣдующихъ случаяхъ: а) послѣ буквы *ц*, напр. *лицо*, *купцомъ*, *отцомъ*, *перцовка*, *цоколь*; б) въ извѣстныхъ словахъ послѣ шипящихъ, именно въ окончаніяхъ: *свѣжо*, *ужо*, *чужой*, *вожжой*, *дружокъ*; *хорошо*, *большой*, *душой*, *шорохъ*, *шопотъ*, *вершокъ*; *горячо*, *плечо*, *свѣчой*, *сверчокъ*; *трущоба*; иногда и въ корняхъ словъ: *обжора*, *чопорный*.

Но этотъ способъ изображать измѣненное произношеніе *е* послѣ шипящихъ не признанъ обычаемъ для огромнаго большинства случаевъ того же выговора; особенно неупотребителенъ онъ въ замкнутыхъ слогахъ, между крайними согласными коренного слога, т. е. въ такихъ словахъ, какъ: «жолтый, жолчь, чорный, счотъ, въ чомъ, пшонный, щотка“ [1]), также въ глагольныхъ формахъ: „возвращонъ, учоный, течошь, бережоте“. Вмѣсто того по большей части пишутъ: *желтый*, *желчь*, *черный*, *счетъ*, *въ чемъ*, *возвращенъ*, *ученый*, *течешь*, *бережете*, т. е. удерживаютъ на письмѣ *е*, или изрѣдка для ясности ставятъ надъ этой буквой двоеточіе.

Для уясненія вопроса объ этихъ различныхъ начертаніяхъ обратимся къ исторіи.

Пестрота правописанія въ отношеніи къ постановкѣ гласныхъ вообще и полугласныхъ ъ, ь послѣ шипящихъ замѣчается въ самыхъ древнихъ памятникахъ письменности; послѣ *ж ш ч щ* правило требовало писать ь, но между тѣмъ и въ Остромировомъ евангеліи, и въ другихъ рукописяхъ писалось иногда ъ. Поэтому шипящія не должны были собственно терпѣть послѣ себя и твердыхъ гласныхъ *а о у ы* (также широкаго юса): но на дѣлѣ послѣ нихъ не ставились только *о* и *ы* (вм. *о* ставилось [340] *е* или ь, вм. *ы*—*и*), буквы же *а*, *у* и ѫ постоянно писались послѣ шипящихъ какъ въ склоненіяхъ, такъ и въ извѣстныхъ формахъ спряженія.

Устраненіе *о* при шипящихъ происходило конечно отъ того, что обращеніе звука *е* въ *ё* было совершенно чуждо др.-славянскому языку, а отсутствіе *ы* на томъ же мѣстѣ объясняется тѣмъ, что такъ какъ послѣ этихъ согласныхъ не писалось ъ, то не было повода писать и *ы*, которое притомъ не вполнѣ отвѣчало произношенію.

Особенность русской фонетики, обращающей *е* въ *ё*, была причиною, что уже весьма рано въ русской письменности гласная *е* начала уступать мѣсто буквѣ *о*: именно уже въ памятникахъ 12-го или по крайней мѣрѣ 13-го вѣка, мы читаемъ: *съвършонъ*, *кръщонъ*, *жонъ*, *шолъ*, *у чомъ*, *хочомъ*. Въ то же время послѣ *ш* начинаетъ являться *ы* (*слышымъ*) [2]). Въ 15-мъ столѣтіи обращеніе *е* въ *о* является уже и

[1]) Однакожъ *о* принялось уже въ существительномъ *поджогъ* какъ бы для отличія отъ глагольной формы *поджегъ*.

[2]) Колосовъ, *Очеркъ*, стр. 80, 93.

не при однѣхъ шипящихъ (напр. въ словѣ *рубловъ*), а при шипящихъ—не въ одних ударяемыхъ слогахъ (напр. *пригожо, пишотъ, шостой, перевѣсищо*). Происходило ли это послѣднее правописаніе отъ мѣстныхъ особенностей выговора, или отъ стремленія къ однообразію въ письмѣ, во всякомъ случаѣ, какъ эти, такъ и другіе примѣры сочетанія шипящихъ и *ц* съ твердыми гласными (*Богородицы, жати, держы*) доказываютъ, что названные согласные въ живомъ русскомъ языкѣ весьма давно утратили способность *умягчаться*, что они, по крайней мѣрѣ уже въ 15-мъ столѣтіи, сочетались только съ твердыми гласными [1]).

Обращаясь къ современному русскому говору, мы должны въ этомъ отношеніи раздѣлить шипящіе на два разряда: *ж, ш*, а съ ними и *ц*, сочетаются только съ твердыми гласными (т. е. мы слышимъ только **жа, жо, жу, жы, ша, шо, шу, шы, ца, цо, цу, цы**); напротивъ *ч* и *щ*—только съ мягкими (**чя**, [341] **че, чю, чи, щя, щё, щю, щи**). Конечно и въ томъ и въ другомъ случаѣ гласныя обоихъ разрядовъ нѣсколько видоизмѣняются, т. е. однѣ теряютъ часть своей твердости, другія—часть своей мягкости, но все-таки въ общемъ характерѣ, кажется, такое различіе ихъ сочетаемости для слуха неоспоримо. Тѣмъ не менѣе они, для практическаго удобства, по неопредѣленной степени своей твердости и мягкости, могутъ быть подводимы подъ одинъ общій разрядъ, и можно согласиться съ тѣмъ, что́ Востоковъ сказалъ о нихъ еще въ 1808 году: что буквы *ж ч ш щ* „не имѣютъ ни дебелаго, ни тонкаго, а одно среднее произношеніе, и потому въ сущности не принимаютъ ни *ъ*, ни *ь*"; онъ прибавлялъ, что онѣ не слагаются ни съ дебелою гласною *ы*, ни съ тонкими *ё ю я*, и „слѣдовательно *ъ* и *ь* приписывается къ нимъ совершенно напрасно" [2]).

Естественно, что при такихъ фонетическихъ условіяхъ, правила сочетанія съ этими буквами твердыхъ или мягкихъ полугласныхъ и гласныхъ могутъ быть основаны только на общемъ соглашеніи, какъ чисто графическія. Оттого мы у нашихъ грамматиковъ и не находимъ положительныхъ по этому предмету указаній. Ломоносовъ ничего не говоритъ объ употребленіи гласныхъ послѣ шипящихъ: между тѣмъ мы, какъ у него, такъ и у Тредьяковскаго и многихъ другихъ, съ самаго введенія гражданской печати, нерѣдко встрѣчаемъ *о* послѣ этихъ буквъ. [3]) (Позднѣе особенно Болтинъ придерживался такой орѳографіи). Въ грамматикѣ Греча только коротко замѣчено (§ 240), что во всѣхъ склоненіяхъ послѣ *ж ч ш щ ц* гласная *о* (на письмѣ?) превращается

---

[1]) Колосовъ, *Очеркъ* стр. 135.

[2]) *Краткое руководство къ росс. словесности*, стр. 10.

[3]) Въ Грамм. своей Ломоносовъ писалъ: „*лице* или *лицо*" (§ 149), также: *плечо, горшокъ, сверчокъ, мѣшокъ* (§§ 179, 197).

въ *е*. Въ Русской грамматикѣ Востокова только въ таблицѣ склоненій показано, что послѣ *ж ш ч щ* творительный падежъ ед. ч. муж. р. оканчивается на *емъ*. Г. Буслаевъ ограничивается замѣчаніемъ, что „въ сочетаніи гласныхъ съ свистящими (*з с ц*) и шипящими русскій языкъ слѣдуетъ црк.-славянскому съ [342] нѣкоторыми уклоненіями и между прочимъ употребляетъ и твердое *о* вмѣсто мягкаго *е* съ удареніемъ, напр. *хорошо, гордецовъ* вм. „хороше, гордецевъ“ [1]). О предѣлахъ этого правописанія онъ вовсе не упоминаетъ; однакожъ изъ его собственной орѳографіи видно, что такія начертанія лишь въ рѣдкихъ случаяхъ имъ допускаются. Подробнѣе всѣхъ по этому вопросу высказывается Павскій. „Буквы *ж ч ш щ* (говоритъ онъ), какъ передѣланныя изъ чистыхъ при встрѣчѣ въ ъ-мъ и для ъ-я, должны терпѣть при себѣ только ъ. И дѣйствительно въ древнемъ правописаніи послѣ *ж ч ш щ* видны ъ и мягкія гласныя, а ъ-а и твердыхъ гласныхъ не видно. Но какъ выговоръ сихъ умягченныхъ буквъ въ нашемъ языкѣ вовсе не мягокъ, то правописаніе не устояло на своемъ и во многихъ случаяхъ склонилось на сторону выговора. Гдѣ встарину писали: мечь, ножь, тощь, грѣшю, мажю, тамъ нынѣ пишемъ: мечъ, ножъ, тощъ, грѣшу, мажу“ [2]). Далѣе Павскій въ таблицѣ сочетаній согласныхъ съ гласными между прочимъ помѣстилъ слѣдующіе три столбца:

жъ	жа	жо
чъ	ча	чо
шъ	ша	шо
щъ	ща	що

Въ послѣдней колонкѣ онъ противъ каждаго сочетанія съ *о* поставилъ вопросительный знакъ и внизу прибавилъ: „не охотно“.

Между тѣмъ со стороны фонетики Павскій находилъ эти начертанія совершенно вѣрными; онъ въ звуковомъ отношеніи не замѣчалъ разницы между *ж, ш* и *ч, щ*; ему казалось, что послѣ всѣхъ этихъ буквъ *и* произносится какъ *ы* и что мы говоримъ „чынъ, щыпцы“ точно такъ же, какъ „жыла, шыло“. Но на письмѣ онъ не могъ примириться ни съ употребленіемъ *о* послѣ шипящихъ, ни съ начертаніемъ *ё* вообще, и потому говорилъ: „Для избѣжанія многихъ несообразностей и обоюдностей не [343] лучше ли принять за правило, чтобъ правописаніе вездѣ постоянно ставило гласную *е*? Пусть самъ выговоръ по своимъ законамъ произноситъ ее то за *е*, то за **jо**, то за *о*. Если наше правописаніе во многихъ случаяхъ не склоняется на сторону выговора, то и здѣсь нѣтъ ему нужды быть уступчивымъ. Будемъ писать: ель, елка, щеть, щетка, а произносить будемъ: ель, jôлка,

---

[1]) *Ист. Грам.* I, § 37, стр. 76.

[2]) *Филолог. Набл.* Разсужд. I, § 53, стр. 63.

щеть, щотка". [1]) Замѣтимъ однакожъ, что самъ Павскій не выдерживалъ во всей строгости этого правила, и писалъ, напр. „ножонка, душонка, старушонка, денжонки [2]).

Нельзя сказать, чтобы со времени изданія его *Филологическихъ Наблюденій* начертаніе *о* послѣ шипящихъ вовсе не распространилось; замѣчаемое у насъ общее стремленіе сближать письмо съ выговоромъ обнаружилось до нѣкоторой степени и въ этомъ вопросѣ нашей ореографіи. Но консерватизмъ въ этомъ случаѣ объясняется, кромѣ обыкновенной силы привычки, еще и тѣмъ, что повсемѣстное введеніе *о* послѣ шипящихъ находится въ противорѣчіи: во 1-хъ, съ преобладающимъ этимологическимъ характеромъ русскаго правописанія, во 2-хъ съ начертаніемъ *е* вмѣсто ё послѣ другихъ согласныхъ (напр. идетъ, ледъ, полетъ). Когда въ безчисленномъ множествѣ случаевъ этотъ обычай не мѣшаетъ правильному произношенію, то естественно, что и послѣ шипящихъ нѣтъ необходимости всякій разъ означать на письмѣ выговоръ, измѣняющій *е* въ *ё*. Но отчего же въ нѣкоторыхъ случаяхъ начертаніе **жо, шо, чо, що** окончательно утвердилось? Конечно причина заключается въ томъ же, почему иногда ставятъ двоеточіе надъ *е*, именно въ желаніи яснѣе обозначить различный выговоръ двухъ одинаково или сходно написанныхъ слоговъ, напр. въ словахъ *совершенный* и *совершонный*, *жены* и *жоны*, *чертъ* и *чортъ*, и *положенный* и *положоный*, *шестъ* и (самъ) *шостъ*, *душенька* и *душонка*. Въ концѣ слога чаще, нежели въ серединѣ, принято начертаніе *о* послѣ шипящихъ потому, что въ первомъ случаѣ (свѣже, хороше, ше-рохъ, желобъ [344] и т. п.) легче можетъ произойти сомнѣніе, какъ произнести *е:* въ серединѣ же слога, въ такихъ напр. словахъ какъ *счетъ*, *желтый черный*, *черствый*, *щелкать*, *е* по общему закону обращается въ *ё* при падающемъ на слогъ удареніи передъ твердымъ звукомъ.

Сверхъ показанныхъ случаевъ, послѣ *ж ш ч щ* удобно писать *о* въ такихъ окончаніяхъ, которымъ эта буква свойственна и при другихъ согласныхъ, напр. 1) въ окончаніи *окъ*: почему не писать: *дружокъ*, *сверчокъ*, *вершокъ*, когда есть слова *листокъ*, *голубокъ*, *носокъ* и проч. 2) въ творит. падежѣ ед. ч. именъ муж. и женскаго рода: *душой*, *свѣчой*, *мечомъ*, *ножомъ* (хотя въ именахъ муж. р. это еще мало употребительно); 3) въ разныхъ падежахъ ед. числа прилагательныхъ именъ муж. и жен. р.: *большой*, *меньшой*, *чужой*.

Всего менѣе удобно писать *о:*

1) въ глаг. личныхъ формахъ, гдѣ *е* принадлежитъ къ органическому составу окончанія, именно: *ешь*, *етъ*, *емъ*, *ете* (течошь и т. д. вм. *течешь*, какъ берешь); въ прошед. вр. того же накл. на *елъ* (шолъ вм.

---

[1]) Тамъ же, § 122.

[2]) Тамъ же, Разс. II, § 50, стр. 91.

шелъ по подобію велъ, брелъ); въ страд. причастіи прошедшаго на *ен:* наречонъ, рѣшонъ, прельщонъ вм. *нареченъ, рѣшенъ, прельщенъ;* 2) въ предлож. пад. мѣстоименія *что* (въ *чомъ* вм. въ *чемъ*), несогласно съ формою склоненія въ другихъ падежахъ: *чего, чему;* 2) въ замкнутыхъ *коренныхъ* слогахъ, какъ *жесткій, шелкъ, четки, щетка.*

Впрочемъ по родству звуковъ *о* и *е* нельзя придавать различію въ ихъ употребленіи послѣ шипящихъ слишкомъ большой важности: пишущіе постоянно *о* имѣютъ на своей сторонѣ то оправданіе, что послѣдовательно держатся въ этомъ случаѣ одного (фонетическаго) начала, ясно означая не только выговоръ, но и удареніе (ибо *о* послѣ шипящихъ возможно только въ ударяемыхъ слогахъ), тогда какъ тотъ, кто употребляетъ то *е*, то *о*, не можетъ избѣжать упрека въ нѣкоторой непослѣдовательности. Разъ допустивъ *о* послѣ шипящихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, русское правописаніе косвенно признало возможность писать [345] **жо, шо, чо, що** вездѣ, гдѣ эти сочетанія слышатся. Нѣкоторые предлагаютъ употреблять въ такихъ случаяхъ начертаніе *ё*, но во 1-хъ, тогда пришлось бы и послѣ другихъ согласныхъ всякій разъ отмѣчать измѣненное *е* двоеточіемъ, что́ неудобно; во 2-хъ, передѣлать общепринятыя уже начертанія и начать писать: „плечё, хорошё, большёй, чужёй", на что конечно немногіе были бы согласны.

Отъ шипящихъ звуковъ *ц* отличается гораздо большею способностью соединяться съ твердыми гласными: это объясняется составомъ его изъ *т* и *с*; ибо *с* не только легко допускаетъ за собою всѣ эти гласныя, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ неохотно смягчается, такъ что вмѣсто *сь, ся*, иногда и *сю* (по крайней мѣрѣ въ мѣстоименномъ значеніи этихъ звуковъ) многіе произносятъ *съ, са, су*, напр. „держисъ, я примусъ, дѣлатьса, взялса, суда" (вм. сюда). Поэтому неудивительно, что послѣ *ц* безъ затрудненія произносится и пишется даже *ы*, а слѣдовательно для этой согласной нѣтъ причины чуждаться *о*, которое и пишется послѣ нея всякій разъ, когда, при первоначальномъ *е*, на этотъ слогъ падаетъ удареніе, напр. *лицо, кольцомъ, купцовъ.*

Въ противномъ случаѣ, т. е. при отсутствіи надъ этимъ слогомъ ударенія, пишутъ *е*, напр. *зеркальце, перцемъ, иностранцевъ, улицею.* Однакожъ въ словѣ *танцовать* ставится *о*, на томъ основаніи, что тутъ ясно слышится широкая гласная и что наст. время изъяв. накл. имѣетъ форму *танцую*, а не *танцюю* *). Но, собственно говоря, въ неударяемыхъ окончаніяхъ *це, цемъ, цевъ, цею* также слышится не *е*, а средній звукъ между *а* и *о*, и потому тутъ равнымъ образомъ можно бы писать *о*, употребляя *е* только въ такомъ случаѣ, когда оно дѣйствительно замѣтно въ произношеніи, напр. въ словахъ *лицевой, лицемѣръ,*

---

*) Въ экземплярѣ автора на поляхъ приписано его рукою еще: ***гарцовать, глянцовать,—витый;*** срв. „Р. Правописаніе", стр. 44. *Ред.*

вѣнценосецъ. Такъ какъ однакоже установленное обычаемъ различіе въ употребленіи *о* и *е* послѣ *ц* имѣетъ свою полезную сторону, именно служитъ указаніемъ относительно ударенія, то лучше сохранить это двоякое правописаніе.

[346] Не совсѣмъ удобно только писать *це* въ окончаніяхъ фамильныхъ именъ, особенно старинныхъ родовъ, напр. въ имени *Румянцевъ*, такъ какъ вслѣдствіе введенія такого начертанія нѣкоторыя изъ нихъ пишутся теперь уже не такъ, какъ писались тѣми, которые ихъ носили. По-настоящему, слѣдовало бы держаться правила писать фамильныя имена историческихъ дѣятелей безъ измѣненія способа ихъ начертанія самими лицами рода.

Когда въ словахъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ, звукъ *и* слѣдуетъ послѣ *ц*, то на письмѣ соблюдается различіе между словами, сохраняющими у насъ свой первоначальный видъ, и тѣми, которыя издавна передѣланы на русскій ладъ или взяты съ польскаго: въ первыхъ пишется *ци*, въ послѣднихъ *цы*, напр.

1) Цилиндръ, цитадель, медицина, капуцинъ, цикорій.

2) Цыбикъ, цыганъ, цыфры, цынга, цырюльникъ.

Обыкновенно пишутъ „цифра", но это несогласно ни съ произношеніемъ, ни съ общеупотребительнымъ начертаніемъ *цыфирь*, и потому лучше писать равнымъ образомъ: *цыфра* *).

Употребленіе буквы Ѣ.

О двоякомъ употребленіи *ѣ*: 1) въ корняхъ словъ, и 2) въ формахъ было уже упомянуто при разсмотрѣніи азбуки.

Мы знаемъ, что у насъ *ѣ* издавна не что иное, какъ графическій знакъ, буква, представляющая тотъ же звукъ, для изображенія котораго служитъ *е* [1]); но нѣтъ сомнѣнія, что при изобрѣтеніи кириллицы буква *ѣ* имѣла цѣлію выражать особый [347] звукъ древне-славянскаго языка,— какой именно, объ этомъ высказано много разныхъ, болѣе или менѣе правдоподобныхъ и остроумныхъ мнѣній. Большинство филологовъ, на основаніи пріемовъ сравнительной филологіи, признаетъ, что первона-

---

[1]) Нѣкоторые у насъ до сихъ поръ еще утверждаютъ, что *ѣ* произносится *мягче*, чѣмъ *е*; но кромѣ того, что это отвергается авторитетомъ лучшихъ знатоковъ языка, признающихъ тожество обѣихъ буквъ въ отношеніи къ звуку, можно указать и на частое смѣшеніе ихъ: значитъ, что слухъ не доставляетъ никакого руководства для рѣшенія, гдѣ писать одну, и гдѣ другую: въ одномъ и томъ же словѣ одни пишутъ *е*, другіе *ѣ*, да и то же лицо въ разное время пишетъ различно. Миклошичъ не безъ нѣкоторой ироніи замѣтилъ, что русскимъ нужны особые списки словъ, въ которыхъ пишется *ѣ*, а не *е* (Vergl. Lautlehre, 377).

*) **Въ „Р. Правописаніи", стр. 45 находимъ уступку: „укоренившійся обычай даетъ перевѣсъ начертанію *цифра*" (какъ и *циферблатъ*).** *Ред.*

чальнымъ звукомъ, изъ котораго произошелъ *ять*, былъ дифтонгъ **ai**[1]). затѣмъ писавшіе о звукѣ этой буквы полагали, что она произносилась:

1) Какъ французское *é*—*e* fermé (Копитаръ [2]) Шлейхеръ, Лескинъ). По Шлейхеру *ѣ* произносился въ древнѣйшій періодъ языка какъ долгое нѣмецкое ē [3]), „сбиваясь нѣсколько на *i*", прибавляетъ ученикъ Шлейхера, Лескинъ [4]).

2) Какъ **je** (Добровскій, Павскій). Добровскій говоритъ, что въ южныхъ славянскихъ земляхъ есть провинціи, въ которыхъ *чистое славянское произношеніе* сохраняется, такъ что слова *вѣра, свѣтъ, бѣлъ* выговариваются: „вьера, свьетъ, бьелъ", а нѣкоторые и пишутъ: *вијера, свијетъ, бијел* [5]). Павскій прибавляетъ: „Этотъ не слитный выговоръ буквы *е* у изобрѣтателя азбуки отмѣченъ знакомъ *ѣ*, въ которомъ буква *ъ* препоясана гласною *е*" [6]).

3) Какъ долгое *ъ*,—нѣчто среднее между *э* и *и* (Катковъ): „Долгій элементъ въ отличіе отъ краткаго снабженъ только поперечною чертою" [7]).

4) Ближе къ *и*, чѣмъ *е*, т. е. *ѣ* соотвѣтствовала нашему Є, сложенному съ *j*, а старо-славянское Є = нашему *ä*: *ѣ* было вѣроятно долгое ꙓ (Бётлингъ) [8]).

5) [348] Какъ *я* (Шафарикъ [9]), Востоковъ, Срезневскій, Шлейхеръ). Замѣтивъ, что въ Супрасльской рукописи *ѣ* употребляется вм. ꙗ (читателѣ, вьсѣко, Константинѣ града), что̀ попадается и въ Остромировомъ ев., Востоковъ говоритъ: „Видно, что буквами сими изображались звуки сходные между собою, которые потому и смѣшиваемы были въ произношеніи" [10]).

И. И. Срезневскій, найдя то же смѣшеніе буквъ въ другихъ (юсовыхъ) памятникахъ, заключаетъ изъ этого, что *ѣ* по крайней мѣрѣ нѣкоторою частью тѣхъ, кѣмъ и для кого писались эти рукописи, выговаривалось какъ *а*, требующее смягченія предыдущей согласной [11]).

---

[1]) Первый высказалъ это Шафарикъ въ своихъ *Elemente der altböhm. Grammatik*, стр. 14.

[2]) Kopitar. *Glagol. Cl.* 51.

[3]) Schleicher. *Compend.* § 76: „Warscheinlich war es in einer älteren Sprachperiode ē".

[4]) Leskien. *Handbuch der altbulg. Sprache*, стр. 4.

[5]) Dobrowsky. Institut. § X и XXIII. Это относится къ Герцеговскому нарѣчію (*Катковъ, Объ элем. и форм. сл.-р. языка*, стр. 51).

[6]) Павскій. *Ф. Набл.* I, § 18.

[7]) Катковъ. *Объ элем. и формахъ*, 50.

[8]) Бётлингъ. *Зап. А. Н. по I и III Отд., I*, 86.

[9]) Шафарикъ. *Elemente der altböhm. Grammatik*, l. c.

[10]) Востоковъ. *Филол. Набл.*, 162.

[11]) *Древніе славянскіе памятники юсового письма*, стр. 158 первой нумерац. При чтеніи настоящихъ замѣчаній въ Отдѣл. русск. яз. и сл. И. И. Срезневскій пояснилъ, что по позднѣйшимъ его наблюденіямъ, *ѣ* въ древне-славянскомъ, а отчасти

Шлейхеръ былъ прежде того же мнѣнія, но полагалъ, согласно съ Шафарикомъ, что **ја** образовалось перестановкою звука **аj** [1]).

6) То какъ *я*, то какъ *е* (Миклошичъ) [2]).

7) Какъ долгое *е* (Буслаевъ) [3]): *нѣтъ* = не есть.

8) Какъ *ĕă* (Шафарикъ, Шлейхеръ, Лескинъ и Бодуэнъ-де-Куртнэ) [4]). Шафарикъ первый отмѣтилъ это произношеніе, основываясь на нынѣшнемъ выговорѣ болгаръ; за нимъ то же высказалъ Шлейхеръ сначала въ Beiträge, потомъ въ Compendium.

Колосовъ, который сдѣлалъ первую попытку свести всѣ заявленныя по этому предмету мнѣнія, самъ не высказался положительно о древнемъ произношеніи буквы *ѣ*, а только призналъ его неизвѣстнымъ и замѣтилъ, что ни одно изъ этихъ мнѣній не рѣшаетъ дѣла [5]).

[349] Чтобы ничего не упустить для разсмотрѣнія вопроса, остается еще обратить вниманіе на тѣ многообразные звуки, которые въ живыхъ славянскихъ языкахъ заступили мѣсто древняго *ѣ*. Самая буква сохранилась только въ русскомъ письмѣ, но въ немъ она издавна то замѣнялась буквой *е*, то ставилась напрасно вмѣсто *е*. Напротивъ, по замѣчанію Востокова, сербы и болгаре въ старинной письменности употребляли букву *ѣ* правильно [6]). Не значитъ ли это, что у нихъ она сохраняла свой отличительный звукъ? Но нынѣшніе сербы въ словахъ, гдѣ она встрѣчалась, ставятъ **ије** (или и просто *е*), болгаре **еа**. Изъ этого, кажется, вытекаетъ заключеніе, что произношеніе *ѣ* составляло средній звукъ между **йэ** и **йа**. Какъ объяснить этотъ средній звукъ? При какихъ условіяхъ онъ возможенъ? Отчего не могли его усвоить себѣ другіе славянскіе народы? Тамъ, гдѣ онъ встрѣчался, малороссіяне произносятъ *і*, чехи то также *і*, то слабо йотованное *е*, поляки то **іа**, то *е*, въ большей части другихъ славянскихъ нарѣчій онъ перешелъ рѣшительно въ элементъ *е*, у словинцевъ сохранилъ

и въ позднѣйшемъ языкѣ произносился какъ долгое *е*, впитавшее въ себя предшествующую согласную, о чемъ можетъ дать понятіе звукъ въ словѣ *нѣтъ*.

1) Schleicher. *Formenlehre*, 78.

2) Miklošich. *Vergleich. Lautlehre*, стр. 91.

3) Буслаевъ. *Ист. Грамм.* § 25. 2.

4) *Бодуэнъ-де-К.* О др.-польскомъ языкѣ, 76.

5) *Филол. Зап.* 1872, вып. IV, и *Очеркъ ист. зв.*, 35. Недавно высказано еще новое мнѣніе о буквѣ *ѣ*. Г. Житецкій въ своемъ изслѣдованіи о малорусскомъ нарѣчіи пришелъ къ заключенію, „что буква *ѣ* не имѣла собственнаго звука, что единство она имѣла для глазъ, а не для слуха, и что въ выговорѣ она звучала различно“ (*Университ. Извѣстія.* Кіевъ 1875. № 3., стр. 284).

6) *Филол. Набл.* 93. Въ своей црк.-сл. грамматикѣ Востоковъ вводитъ въ азбуку еще особый знакъ **ҍ** и причисляетъ эту букву къ числу составныхъ (йотованныхъ); это еще болѣе затрудняетъ вопросъ о сущности *ѣ*; ужели же простой *ѣ* означалъ, какъ думаетъ г. Колосовъ, звукъ нейотованный? Нельзя ли скорѣе принять, что начертаніе **ҍ** было только графическимъ видоизмѣненіемъ той же буквы?

форму **ej**, у полабовъ звучалъ иногда какъ двоегласное **ai** [1]). Все это позволяетъ сдѣлать по крайней мѣрѣ одинъ несомнѣнный выводъ,— что въ произношеніе *ѣ* входили три элемента: *i*, *a* и *э*.

Въ позднѣйшее время произношеніе разсматриваемаго звука видоизмѣнялось у славянскихъ народовъ, смотря по тому, который изъ трехъ элементовъ получалъ перевѣсъ: въ нѣкоторыхъ [350] нарѣчіяхъ остался только одинъ изъ этихъ трехъ элементовъ, въ другихъ по два (**ia**, **ie**), въ третьихъ то одинъ, то два. Одновременная встрѣча въ томъ же звукѣ элементовъ *a* и *э* возможна только при одномъ условіи — при сильномъ растворѣ рта для *э*. Произносимый при этомъ условіи звукъ **йэ** неминуемо сближается съ **йа**, о чемъ даетъ приблизительное понятіе французское *e* ouvert съ accent grave (*è*), изображаемый также группами ais, ait, особенно послѣ полугласнаго *y*, *i*: voyais, pièce. Во франц. языкѣ этотъ звукъ часто происходитъ изъ латинскаго *a*, напр. слова́: père, frère образовались изъ: pater, frater.

Извѣстно, какъ легко вообще звукъ *a* переходитъ въ *э*; слѣдовательно весьма понятно, что древній широко-открытый звукъ буквы *ѣ*, составлявшій середину между **йа** и **йэ**, съ теченіемъ времени могъ перейти у насъ въ обыкновенный звукъ **йэ**, ничѣмъ не отличающійся отъ изображаемаго буквой *е*. Разницу же между древнимъ и нынѣшнимъ вѣроятно составляла различная степень устнаго раствора. Объ этомъ среднемъ звукѣ можетъ дать, какъ мнѣ кажется, приблизительное понятіе одинъ звукъ финскаго языка, выражаемый буквою *ä*, но весьма похожій на наше *я*, хотя и не тожественный съ этимъ послѣднимъ, напр. въ словахъ mäki (гора), tämä (этотъ), hyvä (хорошій),— звукъ, для транскрипціи котораго одни употребляютъ русское *е*, а другіе *я*.

Но какъ бы ни произносилось *ѣ* въ древности, въ нынѣшнемъ русскомъ языкѣ оно не болѣе, какъ письменный знакъ, имѣющій цѣлію только отличать извѣстные корни языка и грамматическія окончанія. Другими словами: живой языкъ не знаетъ *ѣ*: имъ занимаются только правописаніе и грамматика; *ѣ*, достояніе частью науки, частью навыка, имѣетъ значеніе только этимологическое и практическое. Въ формахъ, въ грамматическихъ окончаніяхъ склоненія, спряженія и образованія сравнительной степени употребленіе *ѣ* опредѣлено точными правилами; но оно шатко въ корняхъ и въ нѣкоторыхъ образовательныхъ окончаніяхъ именъ существит. и прилагательныхъ; а потому [351] только эти два случая употребленія *ѣ* и должны быть здѣсь разсмотрѣны.

---

[1]) Pfuhl. *Ueber die Sprache der Lün. Polaben*, 1868, стр. 196. По статьѣ г. Кочубинскаго объ учебникѣ г. Лескина, *Филол. Зап.* 1872 г. вып. I, стр. 18.

1) *ѣ* въ корняхъ *).

Почти съ самаго начала црк.-слав. письменности у русскихъ, по крайней мѣрѣ уже съ конца 11-го вѣка, въ памятникахъ встрѣчается смѣшеніе буквъ *ѣ* и *е*, и мало-по-малу послѣдняя вытѣснила первую изъ двухъ категорій словъ:

а) послѣ *р* и *л*, слѣдующихъ за начальною согласной, въ словахъ, которыя въ русскомъ языкѣ имѣютъ соотвѣтственную полногласную форму, т. е. когда сочетанію *лѣ*, *рѣ* соотвѣтствуетъ въ русскомъ выговорѣ двусложное *ере*, *оло*, какъ напр. въ словахъ: *брѣгъ*, *брѣза*, *врѣдъ*, *прѣдъ*, *чрѣзъ*, *млѣко*, *влѣку*. Причина тому ясна: это произошло подъ вліяніемъ русскихъ формъ: *берегъ*, *береза*, *вередъ*, *передъ*, *черезъ*. Вслѣдствіе этого тому же измѣненію подверглись и такія слова сходной формы, въ которыхъ не обнаруживается полногласія, т. е. стали писать: *блескъ*, *дремать*, *преніе*, *претить*, *стрекать*, вм. *блѣскъ*, *дрѣмать*, и т. д. Въ другихъ подобныхъ словахъ *ѣ* сохранилось; таковы: *грѣхъ*, *хрѣнъ*, *хлѣбъ*, *клѣть*, *плѣнъ* (при полногл. формѣ *полонъ*), *плѣсень*, *плѣшь*, *слѣдъ*, *слѣпъ*.

б) въ глаголахъ, у которыхъ въ др.-слав. языкѣ хотя коренная форма имѣетъ *е*, но которые по закону *усиленія гласной* [1]) принимаютъ, при измѣненіи формы, букву *ѣ*, какъ, напр., *гнести* и *гнѣтати*, *летѣти*, и *лѣтати*, *лежати* и *лѣгати*, *метати* и *мѣтати*, *несу* и *нѣсъ*, *реку*, *рещи*, *реченіе* и *рѣкати*, *рѣкъ*, *рѣчь*. Всѣ эти слова, исключая послѣднее, постоянно пишутся теперь съ *е*.

Равнымъ образомъ и во многихъ другихъ случаяхъ русскіе вмѣсто др.-сл. *ѣ* употребляютъ *е*; таковы напр. слова: *векша*, *клей*, *колебать*, *мезга*, *песокъ*, *семья*, *темя* и др., которыя въ ц.-сл. писались: *вѣкша*, *клѣй*, *колѣбать* и т. д.

[352] Наоборотъ, *ѣ* пишутъ иногда въ словахъ, гдѣ его въ древности не было и гдѣ этой буквы по этимологіи не нужно: *рѣдька*, *рѣшето*, *рѣшетка* и др.

2) *ѣ* въ образовательныхъ окончаніяхъ.

а) Въ собственно-русскихъ словахъ. И тутъ противъ древняго письма есть отмѣны. Мы пишемъ: *добродѣтель*, *колыбель*, *кудель*, *обитель*, тогда какъ нѣкогда въ окончаніяхъ этихъ словъ ставилось *ѣ*.

Далѣе, у насъ пишутъ: *змѣй*, *брадобрѣй*, какъ и во взятомъ съ

---

[1]) См. Miklosich. *Vergl. Lautlehre* 134. Шлейхеръ называетъ это явленіе Ersatzdehnung (замѣстительное протяженіе). *Compendium*, § 79.

*) **Въ „Р. Правописаніи", стр. 60—62, перечислены всѣ корни съ буквой *ѣ*, въ систематическомъ порядкѣ по мѣсту ея и по согласной, которую она сопровождаетъ всего насчитано 130 корней).** *Ред.*

греческаго словѣ *грамотѣй*, вѣроятно потому, что звукъ *ѣ* не пропадаетъ и въ косвенныхъ падежахъ: *змѣя*, *брадобрѣя*, *грамотѣя*, тогда какъ въ словахъ: *воробей*, *соловей*, *ручей*, звукъ *е* при склоненіи измѣняется въ *ь*. Ломоносовъ писалъ *змей*, но его орѳографія въ этомъ случаѣ не утвердилась (хотя въ словѣ *иней* буква *е* также не пропадаетъ при склоненіи). *Брадобрей*, отъ *брить*, должно писаться съ *е*, какъ *водолей* отъ *лить*; равнымъ образомъ: *брею*, *бреешь* (см. Указатель).

По общей формѣ сравнительной степени мы пишемъ *болѣе*, *менѣе*, тогда какъ въ древнемъ языкѣ имѣлись только формы *боле*, *мене*; но наши новѣйшія формы окончательно утверждены употребленіемъ, и въ сокращенномъ видѣ (преимущественно въ стихахъ) пишутъ: *болѣ*, *менѣ*. Вопреки древней орѳографіи (къде, сьде) пишемъ также: *гдѣ*, *здѣсь*.

Слово *копейка*, сомнительнаго происхожденія, обыкновенно пишется съ *ѣ*, но безъ основанія.

б) Относительно именъ нарицательныхъ и собственныхъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ, есть правило, что иностранное **e** въ такихъ словахъ и у насъ не измѣняется, а **i** или **ai** обращается въ *ѣ*; поэтому пишутъ, съ одной стороны: *Тимоѳей*, *Андрей*; съ другой: *Апрѣль*, *Алексѣй*, *Сергѣй*, *Еремѣй*, *Матвѣй*, *Елисѣй*, *индѣецъ*, *индѣйскій* (отъ Aprilis, Alexius, Ἐλισαῖος и пр.). Переходъ *і* въ *ѣ* въ подобныхъ случаяхъ [353] основывается повидимому на томъ, что въ малорусскомъ языкѣ является *і* тамъ, гдѣ у великоруссовъ пишется *ѣ*.

Но это правило въ точности не соблюдается и потому рядомъ съ приведенными словами пишутъ: *Аггей*, *Амплей*, *Пелагея*, *Асмодей* (отъ Ἀγγαῖος, Ἀμπέλιος, Πελάγια, Ἀσμοδαῖος), елей (ἔλαιον), *батарея*, *лотерея*, *армейскій*, *библейскій*, *линейка*, *линейный* (batterie, loterie, армія, библія, линія).

Изъ всего сказаннаго видно, что въ русскомъ языкѣ употребленіе буквы *ѣ* въ корняхъ словъ и въ образовательныхъ окончаніяхъ нѣкоторыхъ именъ есть дѣло преданія и обычая, въ которомъ выражается уваженіе къ историческому началу, но безъ строгаго вниманія къ правильному его примѣненію. Во многихъ случаяхъ *ѣ* остается воспоминаніемъ особеннаго древняго произношенія слоговъ, въ другихъ языкъ по прихоти или недоразумѣнію удалился отъ старины. Какъ бы ни желательно было возстановить въ этомъ отношеніи правильное письмо, трудно теперь, да едва ли нужно, измѣнять начертаніе словъ, которыя всѣми пишутся одинаково. Попытка къ такому измѣненію могла бы только произвести еще бо́льшій разладъ въ орѳографіи.

Но есть и такія слова, гдѣ одни пишутъ *ѣ*, а другіе *е*. Относительно этихъ словъ замѣтимъ, что основательнѣе писать *е* въ слѣдующихъ:

болень (ср. больной, больна и проч.)
виденъ (ср. видный, видна и проч.)
брею, бреешь и пр., брадобрей (какъ водолей)

грамотей (греч. γραμματεύς)
греча (греческое зерно)
железа
затменіе, затмевать (отъ затмить, затменъ)
звено (отъ звенѣть; ср. польск. dzwono)
копейка
купель (какъ колыбель, обитель)
надменный, надмеваться (отъ дмить)
[354] пенязь (сканд. peningr)
прилежный
решето
хмель *)
цехъ (нѣм. Zeche)

Напротивъ, въ слѣдующихъ словахъ надо писать *ѣ*:
зѣница (народ. *зѣнки*)
лѣчить, лѣкарь (отъ корня *лѣкъ*, зелье)
мѣткій (одного корня съ гл. *мѣтить*)
рѣсница (поль. rząsa, rzęsa; чеш. řasa)
свѣдѣніе (отъ *вѣдѣти*)
смѣта, смѣтливый — одного корня съ гл. *мѣтить*
телѣга (род. множ. ч. произн. *телѣгъ*, не телёгъ).

Болѣе подробное объясненіе этихъ словъ читатель найдетъ въ нашемъ Справочномъ Указателѣ.

Общее правило при избраніи *ѣ* или *е* въ сомнительныхъ случаяхъ должно быть слѣдующее: если нѣтъ вполнѣ ясной и положительной причины для начертанія *ѣ*, то должно писать *е*.

Употребленіе Э.

Буква эта — обращенное въ другую сторону древне-славянское є — началась, какъ утверждаетъ Тредьяковскій [1]), еще съ поврежденія кириллицы, а намъ сдѣлалась извѣстна со времени появленія грамматики Смотрицкаго. Послѣднее замѣчаніе однако не оправдывается: въ названной грамматикѣ мы находимъ только кирилловское є, правда въ особенно крупномъ и выдающемся начертаніи, но не оборотное. Между тѣмъ, и въ славянской грамматикѣ серба Крижанича, относящейся къ 17-му вѣку, есть такое указаніе на раннее появленіе этой буквы: „никоьи Билорусjани jесут издумали ову чертину э, да би стоjала [355] за чисту

---

[1]) *Разговоръ*, стр. 246, примѣч.

*) **Въ „Р. Правописаніи", стр. 62; въ Справочн. Указателѣ, въ скобкахъ и *„хмѣлъ"*.** *Ред.*

*

Гречску гласницу епсјлон, и да бисмо њеју писали такова туджа (чужія) јмена: Элисеь, Элизарјь, Эмаус; алити то слово *э* јест безделно" [1]). Окончательно эта буква введена въ нашу печать вскорѣ послѣ установленія гражданской азбуки [2]), и конечно совершенно основательно: она отвѣчаетъ весьма положительному и неоспоримому условію полноты всякой азбуки, — что каждый особый звукъ долженъ быть изображаемъ и особымъ знакомъ, что одному и тому же начертанію не слѣдуетъ давать двойного звукового значенія. Изъ этого правила само собой вытекаетъ, что буква *е*, выражающая звукъ **йэ**, не должна служить и для выраженія простого е. Между тѣмъ этого долго не понимали, даже и тѣ, которымъ, какъ напр. Тредьяковскому, приведенное общее правило было очень хорошо извѣстно [3]). Буква *э*, какъ сравнительно новая въ кириллицѣ, болѣе столѣтія была предметомъ незаслуженной вражды. Изъ приведенныхъ словъ Крижанича видно уже, какъ самъ онъ къ ней относился. Позднѣе на нее единодушно ополчились три писателя, почти во всемъ другомъ стоявшіе на ножахъ другъ противъ друга, — Тредьяковскій, Ломоносовъ и Сумароковъ. Всѣ трое почему-то находили ее безобразною и считали лишнею, а Сумароковъ къ этому присоединялъ еще площадную брань. Такъ онъ между прочимъ говорилъ: „Противнѣйшая и мнѣ и г. Ломоносову литера *э* недостойна, чтобъ о ней и говорить. Вить мы не пишемъ же *Эвропа*, *эвнухъ* и проч. Мы же знаемъ отдѣлять *г* (*g*) отъ *г* (*h*); такъ ввезли мы едакова въ нашу Азбуку урода" и т. д. [4]). Сумарокову было не вдогадъ, что мы потому только не пишемъ *Эвропа*, *эвнухъ*, что и не говоримъ такъ, а говоримъ невѣрно: *Европа*, *Египетъ* именно потому, что такъ издревле писали. Въ кириллицѣ не даромъ были двѣ буквы є и ѥ, но ихъ звуковое [356] различіе для русскихъ писцовъ затерялось. Взглядъ трехъ названныхъ писателей относительно *э* держался долго и послѣ нихъ: еще и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, буквы этой не употребляли многіе изъ извѣстнѣйшихъ писателей, напр. митрополитъ Евгеній, Державинъ, Крыловъ, Калайдовичъ. Наконецъ, къ удивленію нашему, даже и Павскій говорилъ: „Обратная є (*э*), допущенная въ нынѣшнюю азбуку, ни мало не дополняетъ ее". Ему казалось, что послѣ многихъ согласныхъ слышится чистая *е* безъ умягченія предыдущаго звука, и что слѣдовательно въ такихъ случаяхъ надобно бы писать *э*; но такъ какъ этого никто не дѣлаетъ, то буква *э*, не достигая своей цѣли, излишня. Такое мнѣніе Павскаго, вообще не всегда умѣвшаго отли-

---

[1]) *Граматично изказанје об Руском језику*, попа Јурка Крижанича. М. 1859. Стр. 128. На выписанныя въ нашемъ текстѣ изъ этой книги строки указалъ еще Калайдовичъ въ *Іоаннѣ, экзархѣ Болгарскомъ*, стр. 218.

[2]) Очертаніе *э* почти то же, какое имѣла буква для звука *е* въ глаголицѣ.

[3]) См. *Разговоръ*, стр. 69.

[4]) *Соч.* Сумарокова, т. X, стр. 44.

чать букву отъ звука, основывалось на старинномъ неправильномъ употребленіи є вм. ѥ. „Нововведенной *э*, заключалъ Павскій, достались на долю (только) междометія: *э, эй, эва, эхъ, экъ* и нѣсколько чужестранныхъ словъ“ [1]).

Несмотря на такія продолжительныя гоненія, буква *э*, какъ знакъ, отвѣчающій дѣйствительной потребности, удержалась въ нашей грамотѣ. Однакожъ, благодаря показанной выше давней ошибкѣ, эта буква въ началѣ иностранныхъ именъ далеко не получила подобающаго ей распространенія; по примѣру древнихъ писцовъ мы неправильно пишемъ и столько же неправильно произносимъ: *епархія, епископъ, епитимья, Европа*, и вообще почти всѣ взятыя съ греческаго слова и собственныя имена съ приставкою εὐ: *евангеліе, евхаристія, Евлампій, Евдокимъ, Евстратъ* и проч.

Но, какъ бы въ вознагражденіе за стѣсненіе правъ буквы *э* въ началѣ слоговъ, въ послѣднія десятилѣтія стали болѣе и болѣе давать ей такое назначеніе, о которомъ первоначально вводившіе ее вовсе и не думали, т. е. употреблять ее послѣ согласныхъ. Многіе теперь пишутъ напр. *Бэкнъ, Блэръ, Тэнъ, мэръ, тэма, Жервэ, Богарнэ*. Правило такого употребленія нигдѣ не высказано, но изъ практики ясно, что такъ пишутъ для [357] изображенія иностраннаго открытаго звука (франц. *è*, нѣм. *ä*, англ. *ai, ay*) и для означенія, что предыдущая согласная должна произноситься безъ умягченія. Для болѣе точной передачи иноязычныхъ звуковъ можно допустить это начертаніе въ собственныхъ именахъ, но въ нарицательныхъ оно не имѣетъ основанія, потому что каждый языкъ, естественно, пользуется правомъ примѣнять къ заимствованнымъ словамъ свою фонетику. Если писать: „мэръ, тэма, проблэма“, то для послѣдовательности пришлось бы также ввести, вопреки давнему обычаю, такія начертанія, какъ: „партэръ, тэрмомэтръ, камергэръ“ и т. п., что́ очевидно было бы крайне странно и затруднительно *).

Употребленіе ера, еря и еры.

Какое бы значеніе ни имѣли въ древности ъ и ь, о которыхъ уже такъ много писано, въ нынѣшнемъ языкѣ они служатъ только знаками, имѣющими цѣлью: 1) отмѣчать произношеніе согласной: *столъ, столь; мѣръ, мѣрь; ь* ставится съ этимъ назначеніемъ и въ серединѣ слова: *столько, горькій, деньги*, но ъ только въ концѣ; 2) въ серединѣ слова отдѣлять отъ согласной йотованную гласную, чтобы показать,

---

[1]) *Фил. Набл.* I, § 20.

*) **Срв. „Р. Правописаніе“ стр. 78, и тамъ же о буквѣ ё для иностранныхъ словъ.** *Ред.*

что послѣдняя должна быть произнесена какъ двугласная, напр. *съѣсть, изъять, подъемъ, адъютантъ; пьянъ, сафьянъ, платье, честью, серьёзно, соловьи.*

Что ъ и ь нѣкогда служили гласными въ серединѣ слова, несомнѣнно, какъ уже и выше было замѣчено; но имѣли ли они то же значеніе въ концѣ словъ, остается еще спорнымъ вопросомъ. Есть мнѣніе, что по крайней мѣрѣ въ то время, къ которому относятся древнѣйшіе изъ извѣстныхъ намъ памятниковъ славянской письменности, эти двѣ буквы въ концѣ словъ уже не произносились [1]). Возможно, что и при изобрѣтеніи кириллицы онѣ, служа слабыми гласными въ замкнутыхъ слогахъ, въ [358] концѣ словъ выражали, какъ и нынѣ, едва замѣтный приступъ къ твердой или мягкой гласной. Въ такомъ случаѣ можно бы конечно было, съ самаго начала, отмѣчать въ концѣ словъ особымъ знакомъ только мягкое произношеніе согласныхъ, при твердыхъ же отсутствіе знака могло служить достаточнымъ указаніемъ выговора; но постоянное употребленіе обоихъ знаковъ объясняется разными причинами: во-1-хъ, оно могло основываться на подражаніи грекамъ, которые каждую начальную гласную непремѣнно отмѣчали знакомъ либо густого, либо тонкаго придыханія; во-2-хъ, въ ту отдаленную пору писали сравнительно еще и рѣдко и мало; досугу было довольно, и грамотнымъ людямъ не входило въ голову придумывать средства для сбереженія времени. Но съ 18-го вѣка, почти съ самаго введенія гражданской печати, ученымъ людямъ стало казаться, что выдѣлывать въ концѣ множества словъ непроизносимый знакъ есть совершенно напрасная, а слѣдовательно и неразумная трата времени и труда. Съ конца прошлаго столѣтія начались уже и попытки избавиться на практикѣ отъ безполезнаго расширенія письма, и замѣчательно, что первый тому примѣръ поданъ былъ Академіей Наукъ въ лицѣ ея директора. Объ этой и дальнѣйшихъ попыткахъ ограничить употребленіе *ера* было подробнѣе сообщено уже выше [2]).

Нельзя отрицать, что въ настоящее время, когда вслѣдствіе великихъ изобрѣтеній уже достигнута изумительная скорость передвиженія, а телеграфами и стенографіей скорость эта еще въ усиленной степени примѣнена къ сообщенію мысли, частое употребленіе лишней буквы на письмѣ является какъ бы анахронизмомъ; но сила привычки и традиціи такъ велика, что едва-ли можно ожидать когда-либо въ общеупотребительномъ письмѣ отмѣны *ера* въ концѣ словъ. Собственно говоря, онъ необходимъ только во второмъ случаѣ его употребленія, т. е.

---

[1]) Такъ думаетъ Лескинъ; см. недавно напечатанное въ Лейпцигѣ сочиненіе его: *Die Vocale* ъ и ь *in den sogenannten altslovenische Denkmälern des Kirchenslavischen.* Von A. Leskien. Leipzig 1875 (Оттискъ изъ Записокъ саксонскаго ученаго общества). Стр. 36—137.

[2]) Стр. 654 и 680. См. также въ приложеніи I.

внутри словъ послѣ предлоговъ, за которыми слѣдуетъ йотованная [359] гласная, напр. въ словахъ: *объединить, съемка, объятіе, отъѣздъ*. Напротивъ, передъ твердыми гласными никогда не надобно писать *ера*. Какъ не пишутъ: „отъучить, объуза, съумасшедшій, съумасбродъ“, такъ не должно равнымъ образомъ писать: „съумѣть и „съузить“ (начертанія очень обыкновенныя): всякій и такъ пойметъ, что въ словахъ *сумѣть* и *сузить с* не принадлежитъ къ корню слова, чего, кажется, добиваются ставящіе тутъ *съ*. Излишне также разлагать звукъ *ы* на *ъ* и *и* въ предложныхъ словахъ, и писать напр. „предъидущій, возъимѣть, безъименный“. Этимъ разложеніемъ хотятъ какъ будто показать, что *ы* въ такихъ случаяхъ не есть коренная гласная; но понятно, что такое недоразумѣніе невозможно. Звукъ *ы*, вообще являющійся только послѣ согласныхъ, и всегда не что иное, какъ *ъ* + *и*, но для краткости придуманъ знакъ *ы*; имъ и надобно всегда пользоваться, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ сложныхъ словахъ употребленіе его уже безспорно установилось; никто не напишетъ: „взъисканіе, съищикъ, объискъ, подъимать“; но если послѣ твердаго звука можно написать *-ыскать, -ымать*, то почему нельзя равнымъ образомъ писать внутри слова: *-ымѣть, -ыменный* (*возымѣть, безыменный*)? Между предразсудками разнаго рода бываютъ и орѳографическіе. Все дѣло въ пріученіи глаза къ послѣдовательнымъ начертаніямъ. Желая обойти спорный вопросъ, нѣкоторые стали писать, напр., „безименный“, но и это не годится, потому что несогласно съ выговоромъ.

Объ уменьшеніи случаевъ употребленія *еря* не можетъ быть рѣчи. Знакъ этотъ въ концѣ словъ необходимъ для означенія выговора согласныхъ. Что касается употребленія его внутри словъ, то въ этомъ отношеніи и теперь оно довольно ограниченно: тутъ *ь* имѣетъ двоякое назначеніе: 1, также означать выговоръ или грамматич. форму, напр. *колокольня, меньше, боишься, знаться*; 2, служить сокращеніемъ или замѣною гласной *е* или *і*, напр. *больной, вольный, валька* (отъ валекъ), *имѣнья* (вм. имѣнія).

Внутри словъ *ь* очень часто подразумѣвается, когда мягкій выговоръ гласной безъ того обусловливается сочетаніемъ звуковъ, напр. послѣ буквы *р*, при извѣстныхъ условіяхъ: *верхъ*, [360] *первый* и т. п. (см. стр. 726), также послѣ согласныхъ, за которыми непосредственно слѣдуетъ конечная согласная, отмѣченная *еремъ* или отонченная мягкой гласной, напр. слова *смерть, естественный, лѣтній, вѣтви* произносятся такъ, какъ если бъ было написано: „смерьть, есьтесьтвенный“, но *ь* въ серединѣ ихъ не пишется [1]).

При встрѣчѣ *с* и *т* съ *м* часто бываетъ сомнѣніе, ставить ли между ними *ь*. Вопросъ рѣшается закономъ о вліяніи послѣдующаго звука

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ часть I *Филолог. Разыск.*, см. выше стр. 242 и д.

на предыдущій. Поэтому слѣдуетъ писать: *восьмой, тьма* и наоборотъ: *восми, тмитъ, затменіе*, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ звуки *с* и *т* умягчаются на общемъ основаніи по причинѣ слѣдующаго за ними мягкаго звука *ми, ме*; въ словахъ же *восьмой*, и *тьма* согласные с и *т* безъ еря остались бы, вопреки произношенію, твердыми передъ твердыми звуками *мо* и *ма*. Ломоносовъ писалъ *писмо*; а нынче установилось начертаніе: *письмо*, согласное съ указаннымъ закономъ; въ прилагательномъ же *письменный* *ь* въ сущности не было бы нужно, но узаконено обычаемъ. Въ окончаніяхъ *очка, ечка, ечко* ставить, какъ нѣкоторые дѣлаютъ, *ь* между *ч* и *к* совершенно излишне, здѣсь и такъ **ч=кь**, ибо эти двусложныя окончанія происходятъ отъ удвоенія суффикса.

Есть также нѣсколько случаевъ, въ которыхъ возникаетъ сомнѣніе, писать ли *ъ* или *ь*.

1) Извѣстно, что въ древности послѣ шипящихъ въ концѣ слова всегда писалось *ь*; но смѣшеніе въ этомъ случаѣ *ера* и *еря* началось уже очень рано. Смотрицкій предписываетъ на этотъ счетъ довольно сбивчивыя правила. Въ практическомъ отношеніи очень удобно, хотя и не основано на различіи въ звукахъ, господствующее нынѣ правило, которое предлагали еще Свѣтовъ и Сумароковъ, которое отчасти соблюдалъ уже и Ломоносовъ (*Грам.*, § 191),—т. е. въ имен. падежѣ е. ч. именъ и причастій муж. рода писать *ъ*, а жен. рода *ь*, напр. *мечъ, Ильичъ, ножъ, плащъ, блестящъ* и *печь, рожь, вещь;* въ родит. же падежѣ мн. ч. именъ женскихъ на *а* также писать *ъ*, напр. *тысячъ, тучъ, крышъ.* Въ частицахъ *же, уже* и въ предлогѣ *между*, при сокращеніи ихъ, обыкновенно пишутъ равнымъ образомъ *ъ: что жъ, ужъ, межъ.*

[361] 2) В ъ н ѣ к о т о р ы х ъ д р у г и х ъ с л у ч а я х ъ. Род. падежъ множ. числа женскихъ именъ на *нь*, при бѣглой буквѣ *е* безъ ударенія, обыкновенно образуютъ съ окончаніемъ на *ъ*, напр. *пѣсенъ, басенъ, башенъ, купаленъ, колоколенъ* (хотя *бань, деревень, барышень*). Окончаніе *енъ* въ такихъ случаяхъ признавалъ уже и Ломоносовъ, какъ видно изъ § 165 его *Грамм.*, хотя онъ, приводя тутъ примѣры этого склоненія, и не остановился на разницѣ твердаго и мягкаго окончанія. Подобно приведеннымъ словамъ, въ род. пад. множ. числа оканчиваются на *нъ* и слово *сажень*, принадлежащее къ другому склоненію *)

Предлогъ *близъ* въ древности писался двояко, теперь же для отличія отъ существительнаго *близь* пишется съ *еромъ*, *Покамѣстъ* — пишется такъ по причинѣ состава слова (вм. «по кои мѣста»; ср. др. *потамѣстъ* и *посямѣстъ*). *Наизусть*, напротивъ, пишется съ *еремъ* по

*) Въ Р. „Правописаніи", стр. 55, кромѣ *саженъ* еще приведенъ примѣръ *дёнъ* (отъ день). *Ред.*

выговору и по предположенію, что тутъ съ предлогомъ *на* соединилось существительное *изустъ*, образованное отъ древняго глагола *изустѣвати* (Вост.).

При образованіи прилагательныхъ отъ именъ мѣсяцевъ, кончащихся на *бръ* и *нъ*, буква *ъ* обыкновенно сохраняется на письмѣ: *іюньскій, сентябрьскій* и пр., хотя по закону образованія такихъ прилаг. отъ нарицательныхъ именъ *ъ* тутъ излишенъ, какъ показываютъ примѣры: *царскій, монастырскій, конскій, денской,*.

Относительно звука *ы* замѣтимъ еще, что по закону уподобленія онъ слышится иногда въ коренныхъ слогахъ вмѣсто *и*: слѣдуетъ ли тогда и писать *ы?* Таковы напр. слова: *дыра, скрыпѣть, скрыпка, крынка, грыбъ, охрыпъ.*

Здѣсь надобно отличать произношеніе, узаконенное образованнымъ языкомъ, и другое, не одобряемое имъ; письмо должно сообразоваться съ первымъ. Такъ какъ никто не говоритъ: „дира“, то незачѣмъ такъ и писать; напротивъ *грибъ, охрипъ* — единственныя формы, слышимыя въ хорошей рѣчи. Что касается словъ: *скрипѣть, скрипка,* то хотя въ произношеніи ихъ и преобладаетъ *ы*, однакожъ писать ихъ принято съ гласною *и*. Въ старину говорили и писали „товарыщъ“, начертаніе, часто [362] встрѣчающееся въ раннихъ сочиненіяхъ Крылова, но давно исчезнувшее какъ изъ живой рѣчи, такъ и изъ письма. Вниманія заслуживаетъ сущ. форма *латынь* рядомъ съ прилаг. *латинскій.*

Вообще же, по особенному фонетическому свойству русскаго языка, *р* въ корнѣ словъ соединяется съ *ы* охотнѣе, нежели съ *и*. Единственныя слова, въ началѣ которыхъ у насъ встрѣчается слогъ **ри**, суть: *ринуть* и *ристаніе, ристалище,* но они, собственно, принадлежатъ церковно-славянскому; первоначальной формѣ второго, глаголу *ристать*, этимологически соотвѣтствуетъ наше *рыскать*. Потому же ц.-сл. *крило* у насъ приняло форму *крыло*. Въ польскомъ также нѣтъ словъ, начинающихся съ **ri**, но есть много такихъ, которыя начинаются съ **ry** (ры) и **rzy** (ржы). Слово *рынокъ* перешло къ намъ изъ польскаго (rynek), гдѣ взято съ нѣмецкаго Ring (круглая площадь, ограда). Наши *рыдванъ* и *рыцарь* — также наслѣдіе Польши (rydwan, ricerz). Польское rysunek у насъ потеряло звукъ *ы*: *рисунокъ*.

У насъ есть еще собственное имя: *Давидъ*, которое въ народной фонетикѣ передѣлывается въ *Давыдъ* и въ этой формѣ стоитъ наравнѣ съ другими измѣненными на русскій ладъ личными именами чуждаго происхожденія, напр. *Степанъ, Осипъ, Сергѣй, Яковъ*. Такія формы въ глазахъ многихъ принимаютъ унизительный оттѣнокъ, такъ что какъ сами носящія эти имена, такъ и обращающіяся къ нимъ лица, возводятъ ихъ въ *Стефановъ, Іосифовъ, Сергіевъ, Іакововъ* и *Давидовъ*. *Кузьма*, не довольствуясь передѣлкою въ *Козьму*, переименовы-

ваетъ себя еще и *Косьмой*. Но если сообразить, что множество другихъ именъ звучатъ одинаково въ простомъ народѣ и въ образованномъ кругу, то нельзя не притти къ заключенію, что справедливѣе было бы не отвергать русскаго склада и въ такихъ передѣланныхъ именахъ, потому что народная фонетика есть общее достояніе всей націи, и законовъ ея, по которымъ измѣняются чужеязычныя слова, нельзя считать ни для кого унизительными. Мы не видимъ, чтобы другіе народы, напр. англичане или [363] итальянцы, передѣлывали своихъ Giuserpe или James въ Giosefo или Iacob. Притомъ, если изъ Якова дѣлать Іакова, то почему же останавливаться на полудорогѣ и не обращать ужъ за одно и въ окончаніи *в* въ *б*? Есть однакожъ нѣсколько именъ, которыя въ своей народной формѣ дѣйствительно остаются исключительнымъ достояніемъ низшихъ сословій, напр. *Олена* (вм. Елена), *Овдокимъ* (вм. Евдокимъ). Во взглядахъ нашихъ на формы языка нельзя отрицать значенія обычая, который иногда, хотя и подъ вліяніемъ предразсудка, оказываетъ свое господство съ неотразимой силой.

Заимствованныя слова и имена собственныя.

Источники заимствованій и звуковыя формы словъ.

Заимствованныя слова въ большемъ или меньшемъ количествѣ составляютъ принадлежность и законное пріобрѣтеніе всѣхъ языковъ. Въ сочиненіяхъ Якова Гримма мы находимъ по этому предмету много прекрасныхъ мыслей. Вотъ между прочимъ замѣчательныя слова, сказанныя имъ въ *Нѣмецкой грамматикѣ* и сочувственно повторенныя Шафарикомъ въ *Славянскихъ древностяхъ*:

„Принятіе чужихъ словъ естественно и неизбѣжно; оно не оскорбляетъ народной чести, потому что между всѣми народами происходитъ обмѣнъ предметами и словами, и такое заимствованіе, если оно остается въ надлежащихъ предѣлахъ, можетъ даже способствовать къ развитію и обогащенію родного языка. Но я нахожу большое различіе въ томъ, какимъ образомъ мы въ нынѣшнее время допускаемъ въ свой языкъ чужія слова. Древность поступала при этомъ гораздо простодушнѣе и свободнѣе. Нынче мы стараемся сохранять и произносить чужія реченія совершенно такъ, какъ они употребительны у того народа, отъ котораго взяты; мы боимся нарушить вѣрность чужому слову, если какъ-нибудь переиначимъ его удареніе, сократимъ въ немъ одну букву или измѣнимъ его родъ, и охотнѣе [364] налагаемъ руку на самихъ себя, всячески насилуя прирожденный намъ органъ рѣчи. Древне-нѣмецкій языкъ пользовался принадлежащимъ каждому языку правомъ приноравливать чужое слово къ своимъ звукамъ и при-

вычкамъ“ [1]). Все это можетъ быть вполнѣ примѣнено и къ русскому языку.

Русскіе, по географическому положенію своей страны, обширной равнины между Европой и Азіей, издревле пользовались легкостью обогащенія своего языка заимствованіями у всѣхъ своихъ сосѣдей — народовъ тюркскихъ, чудскихъ и арійскихъ. Такъ было въ доисторическій періодъ; такъ продолжалось дѣло и впослѣдствіи, во все время гражданской жизни этого народа: поглотивъ въ свое исполинское государственное тѣло части всѣхъ этихъ разнородныхъ элементовъ, онъ со всѣхъ ихъ собиралъ словесную дань для расширенія своего духовнаго міра и уподоблялъ ихъ своему собственному языку. Въ то же время онъ со всѣхъ концовъ Европы принималъ въ свою сокровищницу годные для него матеріалы, и такимъ образомъ почти всѣ европейскіе языки сдѣлались его вкладчиками, способствовали къ пополненію умственныхъ запасовъ русскаго народа. Очень ошибочно было бы видѣть въ этомъ униженіе для богатаго языка его; напротивъ, онъ въ правѣ гордиться тѣмъ, что на пути своего государственнаго и общественнаго развитія, не предаваясь коснѣнію и надменной исключительности, не пренебрегалъ чуждыми источниками просвѣщенія, и стремясь къ усовершенствованію, обильно черпалъ изъ тѣхъ, которые находилъ у народовъ, въ умственномъ образованіи опередившихъ его.

Древнѣйшимъ періодомъ подобныхъ заимствованій русскаго народа на памяти исторіи, было время принятія христіанства. На порогѣ историческаго бытія, русскій языкъ, чтобы сдѣлаться [365] орудіемъ удовлетворенія высшихъ духовныхъ потребностей, принялъ въ себя обильную струю новыхъ словъ, формъ и понятій изъ сокровищницы другого родственнаго нарѣчія, которое само не задолго предъ тѣмъ вынесло богатую жатву изъ соприкосновенія съ образованнѣйшимъ членомъ арійской семьи языковъ. Путемъ церкви и церковной письменности русское слово получило это плодотворное двойственное наслѣдіе, эту главную стихію своего дальнѣйшаго развитія въ общеніи съ Западомъ. „Съ греческаго языка, говоритъ Ломоносовъ, имѣемъ мы великое множество словъ русскихъ и словенскихъ, которыя для перевода книгъ сперва за нужду были приняты, а послѣ въ такое пришли обыкновеніе, что бутто бы они съ перьва въ Россійскомъ языкѣ родились“ [2]). Разумѣется, что это большею частью названія видимыхъ предметовъ,

---

[1]) J. Grimms Deutsche Grammatik, III, 557. Шафар. *Славянскія древности,* т. I, кн. II, 339. — Въ предисловіи къ Сербской грамматикѣ Караджича (стр. XV) Гриммъ опять замѣчаетъ: „Основательное языкоизслѣдованіе признаетъ необходимость и естественность примѣси нѣкоторыхъ чуждыхъ стихій почти во всякомъ языкѣ. Онѣ — скрѣпляющій цементъ и пополняютъ пробѣлы, служатъ даже къ окраскѣ и гибкости выраженія“.

[2]) Рукопись Ломоносова № 112, стр. 14.

напр. *церковь, налой, кутья, елей, уксусъ, известь;* но есть и слова другого значенія, какъ напр. *исполать* — εἰς πολλὰ ἔτη (въ точномъ переводѣ: на многія лѣта), *накануне* — отъ слова κανοῦν (корзина) [1].

То же можно сказать о множествѣ словъ иного происхожденія, сдѣлавшихся достояніемъ русскаго народа въ незапамятныя времена его младенчества. Такія слова есть у него во всѣхъ сферахъ жизни, начиная отъ высшей правительственной и нисходя до простѣйшаго сельскаго быта, напр. *князь, царь, палата, теремъ,* — *кафтанъ, сапогъ, лошадь, сбруя, оглобля* [2]). Подобныя слова встрѣчаются во всякомъ языкѣ: они какъ бы усыновлены народомъ, подвергшись на новой почвѣ разнымъ звуковымъ измѣненіямъ и совершенно потерявъ свой чуждый отпечатокъ, такъ что въ народѣ исчезло сознаніе или чутье ихъ происхожденія и только наука способна отыскать ихъ источникъ. Къ этимъ-то словамъ особенно примѣнимо поэтическое замѣчаніе [366] Я. Гримма: „когда чуждое слово случайно западетъ въ воды какого-нибудь языка, то оно носится по нимъ, пока не приметъ его цвѣта и, на перекоръ своей натурѣ, не станетъ похоже на туземное“ [3]). Впослѣдствіи, когда распространится грамотность и усилится съ одной стороны обдуманная разработка родного языка, а съ другой знакомство съ иностранными, — является напротивъ стараніе о сохраненіи въ чужеземныхъ словахъ ихъ подлинной формы съ возможною точностью. Тогда случается, что передѣланное слово, издавна получившее право гражданства, исправляется или уступаетъ мѣсто своему двойнику, позднѣе зашедшему въ менѣе измѣненной формѣ. Такъ многія греческія слова переходили къ намъ въ двоякомъ видѣ: сперва съ *ѳ* изъ Византіи, потомъ съ буквою *т* изъ западной Европы, сперва съ *в*, потомъ съ *б*, сперва съ *и* (по рейхлин. произношенію б. η), потомъ съ *э* (эразмовскому выговору): припомнимъ напр. *ѳеатръ* и *театръ*, *вивліоѳика* и *библіотека*, *піита* и *поэтъ*, *Омиръ* и *Гомеръ*; въ словѣ *библіотека* мы находимъ всѣ три разновидности. Такимъ же образомъ нѣмецкое имя *ярмонка*, видоизмѣненное такъ по славянской фонетикѣ, не терпящей двухъ *р* въ томъ же словѣ, должно было въ недавнее время посторониться передъ *ярмаркой*.

Изъ всего изложеннаго вытекаетъ, что заимствованныя слова, по времени ихъ появленія въ языкѣ, раздѣляются на два разряда: издавна пришлыя могутъ быть названы *усвоенными* или, еще проще, *обрусѣвшими* (Lehnwörter), а другія, новѣйшія, — *иноязычными* (Fremd-

---

[1]) См. Е. Голубинскаго *Исторія р. церкви*, т. I. (стр. 441).

[2]) Вотъ еще примѣры заимствованныхъ словъ: 1) готскихъ: стекло, буква, оврагъ, плясать; 2) греческихъ: икона, лента, лепта, трапеза, известка, сорокъ; 3) скандинавскихъ: гридень, фата, пенязь, витязь, костеръ.

[3]) См. часть I *Филолог. Разысканій*, стр. 158.

wörter) [1]). Но между этими двумя главными разрядами могутъ быть ещё разныя степени давности заимствованія, иногда же и разныя степени обрусѣнія независимо отъ давности; поэтому не всегда можно явственно провести границу между тѣмъ и другимъ разрядомъ, а оттуда сомнительная [367] или двойственная форма нѣкоторыхъ словъ, вслѣдствіе чего являются и затрудненія въ начертаніяхъ. Такъ напр. обрусѣвшее слово *просвира* на письмѣ часто получаетъ болѣе правильную форму: *просфора*.

Слова перваго разряда часто носятъ рѣзкіе слѣды особенностей народной фонетики. Такъ у насъ во многихъ заимствованныхъ словахъ отразились два свойства народной славянской фонетики: 1) перестановка имѣющихся въ томъ же словѣ *р* и *л*, напр. произнесеніе *крылосъ* вм. *клиросъ*, *перелинка* вм. *пелеринка*, и 2) замѣна звукомъ *л* или *н* одного изъ двухъ *р*, напр. лыцарь, колидоръ, кульеръ, лесора, фалеторъ, бланкартъ, дилехторъ, секлетарь, (вм. рыцарь, коридоръ, курьеръ, ресора, форрейторъ, бранкардъ и т. д.), антилерія, некрутъ (вм. артиллерія, рекрутъ). Особенно характеристично относящееся сюда древнее слово *пономарь*, первоначально панамонарь, потомъ пономонарь [2]), отъ гр. *παραμονάριος*. Эта звуковая особенность до того сродна русскому простонародью, что проникла даже въ чисто-русское слово *прорубь*, произносимое „пролубь". Нѣкоторыя изъ искаженныхъ такимъ образомъ словъ прорвались и въ общеупотребительный и письменный языкъ; таковы: *февраль* (вм. феврарь), *тарелка* (вм. талерка), *футляръ* (вм. футралъ), *фершелъ* (вм. фельдшеръ), *Фролъ* (вм. Флоръ). Довольно распространено также въ образованномъ языкѣ имя *крылосъ* вм. клиросъ. Такимъ же образомъ, какъ съ двумя *р*, поступлено въ одномъ случаѣ съ двумя *л*, и вм. „фалбола" (falbola) говорится всѣми *фалбора*. По физіологическому сходству *р* и *л* такое смѣшеніе и чередованіе этихъ двухъ звуковъ весьма естественно; мы знаемъ, какъ легко у дѣтей *л* является вмѣсто *р*, а иногда и наоборотъ.

То же замѣчается и въ словообразованіи большей части языковъ: такъ нашему *корова* (крава) въ готскомъ соотвѣтствуетъ kalbo (теленокъ), лат. prunum — нѣм. Pflaume; лат. [368] peregrinus—франц. pélerin; франц. coridor—прован. colidor; извѣстно также въ латинск. родство окончаній alis и aris. Изъ другихъ славянскихъ нарѣчій можно для сравненія припомнить: польск. lubryka (отъ rubrik), cyrulik (отъ chirurgus); луж. кламарь (отъ Krämer, торговецъ), ерманкъ (отъ Jahr-

---

[1]) О двоякихъ словахъ этой категоріи у нѣмцевъ см. *Die fremden Wörter in der deutschen Sprache*, Vortrag von Prof. Tobler. Basel 1872. Также *Über d. Volksetymologie*, von K. G. Andresen. Heilbronn 1876.

[2]) См. словарь Миклошича и нашъ Указатель ниже, въ концѣ книги. Ср. малорос. *паламарь*.

markt) [1]. Такимъ же образомъ смѣняютъ иногда другъ друга *н* и *л*, напр. *канифоль*, произнесено вм. колофонь (χολοφώνιον); или простонародное *фонталка* вм. *фонтанка*. Этимъ же, вѣроятно, надобно объяснить форму прилаг. *смертельный* вм. „смертенный“: иначе она не понятна [2].

Одною изъ причинъ фонетической передѣлки заимствованныхъ словъ бываетъ наклонность народа искать въ нихъ соотношенія съ знакомыми ему своими словами и такимъ образомъ влагать въ непонятные звуки какой-нибудь смыслъ. Въ нѣмецкомъ языкѣ Яковъ Гриммъ указалъ на большое число словъ такого образованія [3]; у насъ можно также отыскать довольно много примѣровъ подобнаго явленія. Такъ въ древнемъ словѣ *рубль* обыкновенно вовсе не подозрѣваютъ чуждаго происхожденія, тогда какъ оно, вѣроятно, первоначально занесено въ Россію съ востока, подобно большей части названій, означающихъ монетныя цѣнности (деньга, копейка, алтынъ). Сближеніе имени *рубль* съ глаголомъ *рубить* еще ничего не доказываетъ. „Рубь, говорилъ Сенковскій, есть арабское слово и значитъ четверть, но оно искони принято всѣми магометанами и вошло въ ихъ языки. Индѣйская рупія Великихъ Моголовъ происходитъ отъ него же“ [4]. Замѣчательный примѣръ передѣлки иностранныхъ звуковъ на русскій ладъ представляетъ морской терминъ *рынду бей* (изъ [369] ring the bell, т. е. звони въ колоколъ). Иностраннаго же происхожденія слово *рубка*, означающее родъ будки на палубѣ судна, хотя Даль опять сближаетъ и это имя съ глаголомъ *рубить* („каютка, *нарубленная* сверхъ судна“); оно передѣлано изъ голл. roef, англ. roof (произн. руфъ), означающихъ именно эту постройку. Есть мнѣніе, что слово *противень* передѣлано изъ нѣм. Bratpfanne [5]. Сюда же можно

---

[1]) Объ этихъ звуковыхъ явленіяхъ у другихъ народовъ см. Thausing, стр. 54, и Max Müller-Böttger, II, стр. 160, 161.

[2]) Павскій *Филолог. Набл.* Разс. II, отд. 2, § 58.

[3]) См. т. *I Филолог. Разысканій*, стр. 212.

[4]) *Библ. для чт.* 1854, № 1. Критика, стр. 35. Павскій въ своихъ *Филол. Набл.* (Разс. II, § 49) сначала предполагалъ и въ словѣ *полушка* греческій корень, но во второмъ изданіи (1850) названной книги отступился отъ этого мнѣнія. Рейфъ производитъ это слово отъ турецкаго названія монеты *пулъ*.

[5]) См. нашъ Указатель. Вотъ еще нѣсколько словъ и формъ, которыя могутъ быть отнесены къ той же категоріи: *высокосный*, *горностай*, *прахвостъ*, *куролесить*, *василёкъ*, *близорукій* (вм. близзорокій) *сорокоустъ*, *вертенаръ* (вм. ветеринаръ), *шалопай*, (chenappant), *безмѣнъ*. Извѣстны возникшія въ народѣ названія: *міродеръ* (marodeur), *лежанецъ* (дилижансъ), *обнимусь* (омнибусъ) и прозвища: *Сидоръ Ермолаичъ* (Зюдерманландскій герцогъ, Карлъ шведскій), *Брюховъ* (Блюхеръ), *Болтай да и только* (Барклай де Толли), *Голодай* (Holiday), *Сердоболь* (отъ фин. Sorttavala), *Стеколна* (въ лѣтоп. вм. Стокгольмъ). Такъ произошли и наши фамильныя имена: *Козодавлевъ* (Kos von Dalen), *Палаузовъ* (изъ „Полоусовъ“). Недавно одинъ петерб. извозчикъ, говоря о предсказаніи погоды, назвалъ астронома *остроломомъ*. Такимъ же образомъ „адвокатъ“ обратился въ *облоката*. Забавно, что въ народѣ чисто русское слово *страховать* замѣнилось болѣе понятнымъ или знаменательнымъ для него *штрафовать* (откуда *штрафовка*, страхованіе). Иногда

отнести слова: *пушка* (нѣм. Büchse, др.-верх.-нѣм. puhsa), *миноги* (Neunaugen) и др.

Изслѣдованіе происхожденія и законовъ передѣлки заимствованныхъ русскими словъ доставило бы весьма любопытный и поучительный матеріалъ для фонетики языка, но здѣсь мы должны ограничиться только тѣми немногими частностями этого предмета, которыми онъ соприкасается съ нашей спеціальной задачей. Въ этомъ отношеніи, для сознательнаго правописанія неизлишне будетъ отмѣтить нѣкоторые пріемы усвоенія языкомъ иностранныхъ словъ, преимущественно въ отдаленное время. Само собою разумѣется, что прежде всего онъ самовластно измѣнялъ не только чуждые ему звуки, но и такія сочетанія употребляемыхъ имъ самимъ звуковъ, которые ему неизвѣстны или недоступны [370]. Вникая въ подробности этого общаго закона, мы находимъ тутъ между прочимъ слѣдующія явленія:

1) Начальное неударяемое *е* иногда и *а* измѣняется въ *о: Олена, Овдотья, Остафій, Овдокимъ, оладья, олтарь*, (вм. Елена, Евдокія, Евстафій, еладья, алтарь); неударяемое краткое а такимъ же образомъ измѣняется въ *о* и внутри слова [1]): *якорь, грамота* (вм. якарь, изъ др.-шв. ankari, грамата изъ γράμματα).

2) Трудно произносимая или неудобная гласная замѣняется другою: с*е*ртукъ, поз*у*ментъ, К*у*зьма, гал*у*нъ, фр*у*нтъ, порт*у*пея, почт*а*ліонъ, департ*а*ментъ, карант*и*нъ, тракт*и*ръ, н*о*м*е*ръ, н*о*ль, с*ы*ропъ (вм. сюртукъ, позаментъ, Козьма, галонъ, фронтъ, портэпея, почтиліонъ, департементъ и т. д.).

3) Отбрасываются гласныя и согласныя въ началѣ слова (aphairesis): *Лизавета, Настасья, Сидоръ, Дмитрій, Юрій, Мануилъ, Ларіонъ*, (вм. Елисавета, Анастасья, Исидоръ, Димитрій, Георгій, Эммануилъ, Иларіонъ).

4) Между гласными вставляются призвуки, неправильно называемые у насъ придыханіями (epenthesis): *Иванъ, Радивонъ, Ларивонъ, Левонтій*, (вм. Іоаннъ, Родіонъ и проч.).

5) Смѣшиваются звуки *п, ф, х*, напр. *Осипъ*, (Есипъ), *Степанъ*, (вм. Іосифъ, Стефанъ), и наоборотъ: *панафида, Прокофій, Аграфена* (вм. панихида, Прокопій, Агриппина), *ахинея* [2]), или *ф* и *в: Матвѣй* (вм. Матѳей).

сами образованные люди примѣняютъ народную этимологію къ словамъ неяснаго для нихъ происхожденія; такъ слову *обыденный* (однодневный) дали невѣрное значеніе, производя его отъ глагола *иду;* такъ слово италіанскаго произношенія mezzanino сблизили съ француз. maison и составили *мезонинъ*. Такъ изъ *Сарскаго села* сдѣлали *Царское*. Наконецъ здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о простонародныхъ словахъ: *великатный* и *художество* (въ сближеніи съ прилаг. худой).

[1]) Ср. Прил. А. А. Куника къ соч. Б. А. Дорна *Каспій* въ *Зап. Ак. Н.* т. XXVI.

[2]) *Ахинея*—вѣроятно такое же семинарское слово, какъ напр. катавасія, ерунда, ермолафія. Кажется, можно согласиться съ мнѣніемъ Т. И. Филиппова, что слово это произошло отъ имени города *Аѳинъ*, какъ заставляетъ думать стихъ изъ акаѳиста Божіей Матери: „Радуйся, аѳинейскія сплетенія растерзающая.“

6) Изъ двухъ сходныхъ по артикуляціи согласныхъ звуковъ одинъ замѣняется другимъ: *сертукъ* (вм. сюртутъ), *Овдотья* (вм. Евдокія). По этой же причинѣ народъ произноситъ „кіатеръ“.

7) При громкой буквѣ сосѣдняя шопотная обращается въ громкую же: *брезентъ* (гол. presenning), *мундиръ* (нѣм. Montirung), [371] *цензура* (вм. ценсура), *Козьма* (вм. Косьма), *манжеты* (вм. маншеты), *транжирить* (отъ фр. trancher), *кондакъ* (отъ гр. κοντάκιον), *трамбовать* (отъ trampen), *графинъ* (karafine), *кардонка* (carton), *дрягиль* (träger). Наоборотъ, громкая при шопотной обращается въ шопотную же: *фельдфебель,* нѣм. Feldwebel (въ концѣ слога д=т), *оршатъ*, фр. orgeat.

8) Изгоняется носовой звукъ: *кадило, паникадило* (вм. кандило: нов.-гр. καντῆλα, πολυκάντιλο); *плита* отъ πλίνθος.

9) Послѣ *н* вставка или, въ концѣ слова, прибавленіе *д* и *т* (по примѣру русскаго слова *ндравъ*): *зонтикъ* (отъ Sonne), *крендель* (отъ Kringel: въ дѣтскомъ и простонародномъ говорѣ слышится также: „андель“ вм. *ангелъ*, или въ крестьянск. быту „плантъ„ вм. *планъ*), *Евгентій, Арсентій.* Такимъ же образомъ, наоборотъ, въ имени *Кодратъ*, вставлено *н*, и ему въ народѣ дана форма: *Кондратій.*

10) Неударяемое *о* послѣ *і* и шипящихъ обращается въ *е: Іерданъ, Іевъ, Іевлевинъ* (вм. Іордань, Іовъ), *шеколадъ* (вм. шоколадъ). Письмо не всегда воспроизводитъ эти два измѣненія.

11) Измѣненіе или придача окончаній, ближе къ русскому или болѣе удобному словообразованію: *коленкоръ* (вм. calicot), *галстукъ, фартукъ, антикварій, егеръ, фижмы*, (отъ Fischbein), *авантюристъ* (aventurier), *маляръ* (maler), *филей* (отъ filet), *паска* (вм. пасха), *гувернантка, табакерка; танецъ, глянецъ, ординарецъ* (ordonnance), простонар. *дилижанецъ*, также *дамба, штамба* (отъ Damm, Stamm).

12) Образованіе слова въ един. числѣ отъ иноземнаго во множественномъ: *устрицы* (стар. устерса), *рельсъ, Зулусъ* (отъ англ. oysters, rails, les Zoulous). Отъ rails прежде у насъ образованы были слова́: *рели, арели.*

13) Измѣненіемъ *с* въ *ч: мачта, почта, параличъ* (отъ mast, post, παράλυσις).

Впрочемъ означенные здѣсь способы приноровленія иноязычныхъ словъ и именъ къ народной фонетикѣ не соблюдаются постоянно. Пріобщая чужія слова къ запасу своихъ собственныхъ, [372] языкъ поступаетъ чрезвычайно прихотливо, то слѣдуя какъ будто опредѣленнымъ правиламъ видоизмѣненія звуковъ, то прилагая различно и произвольно свои нелегко уловимыя требованія. Отсюда возникаютъ трудности и для правописанія, стремящагося къ единообразію и послѣдовательности при изображеніи по-русски иностранныхъ словъ. Мы въ другомъ положеніи нежели тѣ германскіе, романскіе и славянскіе народы, которые употребляютъ латинское письмо: они имѣютъ возмож-

ность изображать заимствованныя слова въ ихъ подлинныхъ начертаніяхъ; затѣмъ читателю предоставляется произносить ихъ, какъ кто умѣетъ. Мы напротивъ, при совершенно своеобразной азбукѣ, большею частью лишены средствъ сохранять на письмѣ точную форму такихъ словъ и принуждены изображать ихъ по произношенію, держась сколько можно ближе иностраннаго выговора. Такая приблизительная точность нужна особенно въ начертаніи собственныхъ именъ: о нихъ мы поэтому и поговоримъ напередъ.

Правописаніе собственныхъ именъ.

Раздѣленіе заимствованныхъ словъ на два разряда, по времени ихъ перехода въ русскій языкъ, распространяется и на собственныя имена, какъ на личныя, такъ и на географическія. Они также, при заимствованіи ихъ въ давнія времена, подвергались разнымъ фонетическимъ измѣненіямъ, которыя разумѣется далеко не въ той степени свойственны именамъ, принимавшимся въ позднѣйшія эпохи. Самымъ сильнымъ искаженіемъ отличаются тѣ греческія и еврейскія имена, которыя, послѣ введенія христіанства въ Россію, стали при крещеніи даваться русскимъ людямъ. На нихъ всего удобнѣе изучать особенности русской фонетики. Нѣкоторыя изъ именъ, испытавшихъ на себѣ наибольшую ломку, были уже приведены выше. Они пишутся такъ, какъ произносятся, при чемъ тѣ, въ которыхъ встрѣчается звукъ ф, отвѣчающій греческой *ѳитъ*, сохраняютъ и въ русскомъ письмѣ эту букву.

[373] Между древними именами, перешедшими къ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, особенную категорію представляютъ тѣ, которыя свое первоначальное окончаніе *лъ* въ народномъ языкѣ измѣнили на *ла*: *Данила*, *Гаврі́ла*, *Кирила*, *Михайла*. Ихъ часто оканчиваютъ на *ло*, но соображаясь съ употребительными въ просторѣчіи косвенными падежами ихъ: у *Гаврилы*, къ *Кирилѣ*, съ *Михайлой*, послѣдовательнѣе давать имъ и въ именит. падежѣ окончаніе *ла*. Подтвержденіемъ того можетъ служить народная форма другого имени, правда иначе образовавшаяся, но также оканчивающаяся на *а*: *Никола* (ср. Никол*инъ* день). Въ исторіи звуковъ языка Колосовъ, остановившись мимоходомъ на формѣ *Михайло*, видитъ въ ея окончаніи остатокъ гласности *ера* и полагаетъ, что „дѣйствующею здѣсь причиной является обнаруживающееся нерѣдко въ языкѣ стремленіе къ удержанію, такъ сказать, *равновѣсія* въ словахъ“; въ подобіе этому случаю ставитъ онъ русское *вѣтеръ* сравнительно съ др.-сл. *вѣтръ* [1]). На это замѣчаніе можно возразить вопросомъ: отчего же такому наращенію гласнымъ окончаніемъ подверглись бы только имена на *илъ*? Скорѣе тутъ дѣйствуетъ причина совершенно другого рода, именно аналогія формъ, имѣющая такое ве-

---

[1]) *Очеркъ исторіи звуковъ*, стр. 43.

ликое значеніе въ построеніи языковъ. Окончаніе *илъ* составляетъ въ русскомъ отличительную примѣту прошедшаго времени многочисленнаго класса глаголовъ, и никогда не служитъ къ образованію сущ. имени. Напротивъ, эта же форма съ окончаніями жен. и средн. рода получаетъ нерѣдко значеніе имени; но форма средняго рода на *ло* отличаетъ названія орудій: *мыло, рыло, сушило, опахало, покрывало, одѣяло*; женская же нерѣдко обращается въ имя дѣятеля: *курила, кутила, запѣвала, надоѣдала*. Подводя чужія формы подъ свои законы, языкъ, по примѣру подобныхъ названій, и передѣлалъ на свой ладъ непривычныя ему окончанія собственныхъ именъ на *илъ*. Правда, что и нарицательныя имена, подобныя приведеннымъ на *ла*, у насъ многими пишутся съ окончаніемъ *ло*. [374] Такъ поступилъ и Павскій [1]), но склоненіе ихъ (родит.—*лы*, дат.—*лѣ* и пр.) лучше всего обнаруживаетъ прямую ихъ форму. Да они и по значенію своему совершенно подходятъ подъ имена съ женскимъ окончаніемъ, которыя вообще, какъ весьма вѣрно замѣтилъ самъ Павскій [2]), носятъ въ себѣ унизительный оттѣнокъ. Окончанію уменьшительныхъ именъ для неодушевленныхъ предметовъ *ишко* (дом*ишко*, крест*ишко*, чин*ишко*) соотвѣтствуютъ для одушевленныхъ *ишка*: мальч*ишка*, вор*ишка*, плут*ишка*, которыя и склоняются какъ женскія. Женское окончаніе носятъ слова́: *батька, батюшка* и уменьшительныя имена собственныя: *Ваня, Ванюшка, Ванька, Саша* и т. п. Изъ кличекъ лошадей только тѣ, у которыхъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, удержали окончаніе *ко* (гнѣд*ко*, сѣр*ко*); прочія, какъ *сивка* и *бурка*, перемѣнили его на *ка* („отъ сивки, отъ бурки, отъ вѣщей коурки"). Возвращаясь къ разсматриваемымъ мужескимъ именамъ на *ла*, добавлю, что именно вслѣдствіе презрительнаго оттѣнка, свойственнаго мужескимъ именамъ съ женскимъ окончаніемъ (кутила, долбила, неряха, повѣса, рохля, пустомеля, невѣжа) [3]), имена: *Михайла, Кирила* и т. п. составляютъ, собственно, только достояніе просторѣчія и мало употребительны въ письменномъ языкѣ. На этомъ же основывается и привычка простонародья давать и нѣкоторымъ другимъ мужскимъ именамъ женское окончаніе: Александр*ѣ* Ивановичу, у Петр*ы* Петровича.

Другой разрядъ иностранныхъ собственныхъ именъ, приноровленныхъ къ формамъ русскаго языка, составляютъ имена древнихъ историческихъ и миѳическихъ лицъ; впрочемъ передѣлка ихъ ограничи-

[1]) *Филол. Набл.* Разс. II, § 111. Впрочемъ Павскій въ примѣчаніи самъ оговаривается и прибавляетъ: „одни говорятъ *карло, сивко, бурко, мѣняло... Михайло*, другіе: *карла, сивка, бурка, мѣняла . . . Михайла*". Неясно только, отчего онъ считаетъ второе окончаніе, получившее перевѣсъ въ склоненіи, неправильнымъ.

[2]) Тамъ же, § 109.

[3]) Такія имена, какъ *предтеча, вельможа, воевода, владыка, судья, витія*; очень немногочисленны и вѣроятно отличаются отъ множества унизительныхъ именъ этой формы древностью своего образованія (Пав. *Филол. Набл.* Разс. II, § 109).

вается [375] только окончаніями, да особымъ произношеніемъ нѣкоторыхъ греческихъ буквъ: Ахиллъ, Одиссей, Улиссъ, Алкивіадъ, Пиѳагоръ, Периклъ; Цицеронъ, Виргилій, Теренцій, Августъ, Плавтъ, Ювеналъ; Аспазія, Лукреція, Корнелія; Сивилла, Весталка, Муза, Харита, Гарпія.

Имена лицъ болѣе близкаго къ намъ времени мы стараемся передавать съ возможною точностью какъ въ произношеніи, такъ и на письмѣ, сообразно съ выговоромъ. Такъ мы говоримъ и пишемъ: *Шекспиръ, Штейнъ, Брумъ*, а не Шакеспеаръ (какъ нѣкогда писали у насъ), Стейнъ, Бругамъ. Но такъ какъ сходныя между собою иностранныя имена иногда болѣе или менѣе отличаются другъ отъ друга въ произношеніи или на письмѣ, то мы въ такихъ случаяхъ соблюдаемъ по возможности признаки этого различія. Поэтому совершенно правы тѣ, которые пишутъ напр. съ удвоеніемъ буквъ: *Скоттъ, Гриммъ, Шиллеръ, Мюллеръ* (въ отличіе отъ Мюлеръ), *Штаммъ, Траппъ, Витте, Энгельгардтъ, Гумбольдтъ, Оомъ, Цеэ.* Къ сожалѣнію, мы часто не имѣемъ средствъ къ сохраненію подлинной формы имени, напр. къ отличенію h отъ g (какъ въ приведенномъ сейчасъ имени Гумбольдта), ö отъ e (Эртель-Örtel, Эманъ-Öhman) и т. п. Есть однакожъ и нѣкоторыя условныя отступленія отъ помянутаго правила; такъ нѣм. слово mann въ составѣ собственныхъ личныхъ именъ принято писать съ однимъ *н*: *Гартманъ, Циммерманъ.* И въ другихъ окончаніяхъ фамильныхъ именъ удвоенная буква часто сокращается, напр. *Рашетъ, Лафайетъ, Радзивилъ, Рейфъ* (Rachette, La Fayette, Radzivill, Reiff).

Нѣтъ причины не склонять иностранныхъ именъ собственныхъ, когда ихъ окончаніе поддается русскому склоненію. Нынче на письмѣ и въ печати безпрестанно встрѣчаются такого рода формы: *г-ну Гартманъ* (вм. — Гартману), у *г-на Бокъ* (вм.—Бока). Но въ этомъ выражается скорѣе какая-то аффектація, нежели приноровленіе къ требованіямъ языка, который напротивъ охотно подчиняетъ себѣ иностранныя формы. Слѣдуя такой практикѣ грамотеевъ нашего времени, приходилось бы равнымъ [376] образомъ писать: сочиненія *Шиллеръ*, Иліада *Гомеръ*, трагедіи *Шекспиръ.* Да наконецъ, тогда не слѣдовало бы склонять и такихъ именъ, какъ *Ѳедоръ, Александръ, Петръ*, потому что въ сущности они, по происхожденію, не болѣе русскія, чѣмъ *Гартманъ, Бокъ* и проч. [1]).

Въ старину у насъ поступали совершенно противоположно, т. е.

[1]) Иностранныя фамильныя имена на *овъ* и *инъ* склоняются у насъ по образцу такихъ же русскихъ именъ, принадлежащихъ по своей формѣ къ разряду лично-притяжательныхъ. Говорятъ: *Базедовымъ, Штелинымъ*, съ *Гейтлинымъ* такъ же, какъ *Ивановымъ, Шульгинымъ*, съ *Головинымъ.* Конечно, это не правильно (слѣдовало бы говорить: съ *Штелиномъ* и т. п.), но здѣсь надъ правильностію беретъ верхъ законъ аналогіи.

вопреки произношенію придавали иностранному имени письменное его окончаніе именно съ цѣлью сдѣлать его удобнѣе для склоненія; такъ вошли у насъ въ обычай слѣдующія формы собственныхъ именъ: *Фальконетъ*, *Ламбертъ*, *д'Аламбертъ*, *Дидеротъ*, *Вертотъ*. Удерживать въ этой формѣ можно развѣ только два первыя изъ нихъ, которыя сдѣлались въ Россіи историческими; остальныя нынче по справедливости пишутся: *д'Аламберъ*, *Дидро́*, *Верто́*.

Сюда же относится вопросъ о склоненіи малороссійскихъ фамильныхъ именъ на *ко*. Такъ какъ окончаніе *ко* въ мужескомъ родѣ звучитъ чуждо для великорусса, то онъ до сихъ поръ все еще хорошенько не знаетъ, какъ ему поступать съ такими именами. Въ обиходной рѣчи онъ давно обратилъ и это окончаніе въ знакомое ему *ка*, съ которымъ и склоняетъ ихъ какъ имена женской формы: у *Пащенки*, къ *Марченкѣ*, съ *Шевченкой*. Но на письмѣ онъ еще до нѣкоторой степени затрудняется такъ обращаться съ ними, и потому, охраняя настоящее окончаніе ихъ на *ко* въ именит. падежѣ, въ прочихъ падежахъ старается, по большей части, вовсе не склонять ихъ. Пишутъ напр.: *Ивану Ивановичу Кованько*, отъ *г. Крамаренко*. Но избѣжать тутъ склоненія трудно въ тѣхъ случаяхъ, когда передъ именемъ нѣтъ никакого опредѣлительнаго слова, и потому, сообразуясь съ произношеніемъ именительнаго падежа, обыкновенно пишутъ такъ же, какъ говорятъ: отъ *Крамаренки*, съ *Пащенкой*, черезъ *Безбородку*. Такую форму склоненія этихъ именъ можно найти у многихъ изъ нашихъ писателей, начиная съ прошлаго столѣтія, какъ напр. въ Запискахъ Державина: „послать графа *Безбородку*, перешло отъ *Безбородки*"; въ Запискахъ Энгельгардта: *„Костюшкою"*; у кн. Вяземскаго въ сочиненіи „Фонъ-Визинъ": „съ княземъ Потемкинымъ и графомъ *Безбородкою*"; у С. Т. Аксакова въ „Семейной хроникѣ": „стихи *Родзянки*". Однакожъ Карамзинъ, Соловьевъ, Костомаровъ и нѣк. др. пишутъ въ род. пад.: *Бунка* (именит. Бунко), *Дорошенка*, *Коновченка*. На этомъ правильномъ склоненіи настаиваютъ особенно сами малороссіяне. Въ 1869 году Г. П. Галаганъ напечаталъ замѣтку въ этомъ смыслѣ [1]), доказывая, что такія имена, будучи русскими, должны по всей Россіи склоняться такъ, какъ склоняются природными малороссіянами. Онъ жалуется, что съ недавняго времени завелся обычай, какъ въ книгахъ, такъ и въ оффиціальныхъ бумагахъ, оставлять такія имена безъ склоненія, какъ будто бы они были иностранныя: даже въ самой Малороссіи, изъ подражанія, говоритъ онъ, стали дѣлать эту грамматическую ошибку. Нельзя не признать этой жалобы справедливою и не согласиться, что правильная форма склоненія именъ на *ко* заслуживаетъ предпочтенія. Склоненіе, искаженное по великорусской народной фонетикѣ можетъ

---

[1]) *Русск. Арх.*, стр. 1718.

быть допускаемо развѣ только въ просторѣчіи [1]). Склоненіе по образцу именъ муж. рода неудобно лишь въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о лицахъ женскаго пола; въ примѣненіи къ этимъ послѣднимъ фамильныя имена на *ко* должны быть оставляемы безъ склоненія, подобно многимъ другимъ [378] собственнымъ именамъ, которыя, по своимъ окончаніямъ, не подходятъ подъ флексіи русскихъ именъ, какъ напр. *Гэте*, *Коцебу*, *Дюпанлу*, *Гюго* [2]).

Объ изобрѣтеніи Сенковскаго писать иностранныя имена и у насъ латинскими буквами съ присоединеніемъ къ нимъ русскаго падежнаго окончанія было уже упомянуто въ предложенномъ выше историческомъ очеркѣ [3]). Странная мысль — отъ каждаго русскаго требовать умѣнія читать на всѣхъ европейскихъ языкахъ, и уклоняться отъ необходимости выражать чужія имена русскимъ письмомъ. Конечно, они часто не могутъ быть начертаны удовлетворительно; но въ такихъ случаяхъ не лучше ли къ русскому ихъ изображенію прилагать въ скобкахъ подлинное? Русскія книги пишутся не для однихъ ученыхъ или свѣтски-образованныхъ, знакомыхъ съ произношеніемъ главныхъ европейскихъ языковъ; прочіе же читатели ничего не выиграютъ, если вмѣсто: „Брума“ или „Юэллю“ имъ написать: „Brougham'а“, „Whewell'ю“. Къ тому же, какую роль играетъ тутъ апострофъ, назначеніе котораго замѣнять опущенную букву? Основательнѣе было бы замѣнять его, по крайней мѣрѣ, черточкою.

Въ числѣ именъ *географическихъ* надобно также отличать издавна усвоенныя языку отъ вновь заимствуемыхъ. Первыя представляютъ болѣе или менѣе значительныя передѣлки формы, напр. между названіями странъ: *Европа*, гдѣ мы видимъ йотованное *е* (см. выше стр. 741), *Швеція* (гдѣ латинская форма является съ нѣмецкимъ превращеніемъ s, въ *ш*); между названіями городовъ: *Римъ* (древнее измѣненіе *о* въ *и*) *Парижъ* (итал. Parigi), *Выборгъ* (шв. Viborg). Послѣднее имя указываетъ на то, что въ самыхъ предѣлахъ Русской имперіи есть чуждыя имена, передѣланныя въ общемъ употребленіи по національной [379] фонетикѣ. Такъ слово *ландія*, входящее въ составъ названій нѣкоторыхъ странъ и, сохранившее эту форму въ именахъ земель, къ Россіи

---

[1]) Замѣчательно, что съ фамильнымъ окончаніемъ *ко* поступаютъ такъ не только великоруссы, но и нѣкоторые другіе славянскіе народы, по крайней мѣрѣ чехи, которые говорятъ напр.: u Vrt'átky (отъ Vrt'átko). Такое склоненіе именъ на *ко* внесено у нихъ даже въ грамматику. См. Грамматику Зикмунда, которая приводитъ слѣдующее склоненіе: „Jan Komedko, gen. Jana Komedky, dat. Janu Komedkovi, acc. Jana Komedku, lok. o Janu Komedkovi, inst. Janem Komedkou.

[2]) По мнѣнію г. Галагана, именамъ на *о* въ примѣненіи къ женскому полу слѣдуетъ давать окончаніе *ова* и говорить напр.: г-жа Крайченкова, но съ этимъ сопряжено то неудобство, что такія имена можно принимать за женскія формы великорусскихъ фамилій на *овъ*.

[3]) См. стр. 670.

не принадлежащихъ (Зеландія, Голландія, Исландія, Гренландія), — превратилось въ *ляндію* при означеніи частей русскаго царства: *Курляндія, Лифляндія, Эстляндія, Финляндія*. Неотонченное *л* сохранила только *Ингерманландія*, конечно, потому, что у нея было свое русское имя *Ижора*, и въ чужеязычномъ не было надобности, тѣмъ болѣе, что этотъ край, вскорѣ по покореніи его, получилъ другое административное названіе (*С.-Петербургская* губернія съ 1710 года). Такъ какъ нѣмецкія формы многихъ словъ издревле знакомѣе русскому слуху, чѣмъ соотвѣтствующія имъ шведскія въ словахъ того же корня, притомъ Выборгскій край, прежде другихъ частей Финляндіи присоединенный къ Россіи, впослѣдствіи былъ онѣмеченъ, то имена нѣкоторыхъ финляндскихъ мѣстностей, пріобрѣтшія извѣстность въ исторіи, перешли къ намъ не въ шведской, а въ нѣмецкой, или вѣрнѣе въ смѣшанной формѣ, напр, *Нейшлотъ, Нейшлотъ, Нотебургъ, Фридрихсгамъ* (а не Нюслотъ, Нюстадъ, Нэтеборгъ, Фредриксгамнъ). Другія имена того же происхожденія обрусѣли еще во времена новгородскія, напр. *Кюмень, Сердоболь, Вокша* (Kymmene, Sorttavala, Wuoksen). Изъ подходящихъ къ этому же разряду нарицательныхъ именъ финско-шведскаго міра вниманія заслуживаетъ слово *шкеры* — skär — нынѣ произносимое въ шв. языкѣ *шеръ*, но вѣроятно извѣстное русскимъ еще въ то время, когда буквы sk произносились отдѣльно, что еще и до сихъ поръ продолжается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Швеціи и Финляндіи, особенно на островахъ [1]).

Разумѣется, что такія передѣланныя имена, какъ *Парижъ, Римъ, Аѳины, Ѳивы* и т. п., не могутъ и не должны быть измѣняемы въ настоящее время. Между тѣмъ однакожъ надъ нѣкоторыми изъ подобныхъ именъ дѣлались, особенно съ 40-хъ годовъ, [380] попытки измѣненій, напр. вмѣсто *Валлисъ* стали писать *Уэльсъ* или *Вельсъ* [2]), вмѣсто *Мексика* — *Мехика*. Но при послѣднемъ начертаніи не было принято въ соображеніе, что вновь пущенная въ ходъ испанская форма имени также несогласна съ его подлиннымъ произношеніемъ, въ въ которомъ вм. *х* слышится средній звукъ между *ж* и *ш* [3]): почему основательнѣе было бы не трогать утвердившейся издавна формы *Мексика*. Впрочемъ такія искусственныя попытки исправленій этого рода рѣдко удаются, какъ доказываетъ между прочимъ не одинъ примѣръ изданія у насъ географическихъ атласовъ съ измѣненными по осо-

[1]) См. мою замѣтку объ именахъ нѣкоторыхъ финляндскихъ городовъ и урочищъ въ *Современникѣ* 1844 г., т. XXXIII, стр. 146.

[2]) Можно припомнить тутъ еще форму *Гольстейнъ*, которая въ настоящее время встрѣчается вмѣсто сдѣлавшихся у насъ историческими названій: *Голштинія, голштинскій*.

[3]) См. В. Гумбольдта *О различіи организмовъ человѣческаго языка*. Переводъ Билярскаго. Стр. 157.

бенной системѣ названіями мѣстъ древняго міра. Пестрота въ способахъ усвоенія ихъ происходила не только отъ недостатка въ русской азбукѣ соотвѣтственныхъ знаковъ, но и отъ двоякаго произношенія нѣкоторыхъ буквъ греческаго алфавита по системамъ Рейхлина и Эразма, отъ чего напр. у насъ встрѣчаются, рядомъ однѣ съ другими, формы: реторъ и риторъ, хрестоматія и христоматія, риѳма и ритмъ. Особенное разнообразіе господствовало въ передачѣ густого дыханія, такъ что въ началѣ словъ облеченная имъ гласная ε выражается то чистымъ звукомъ *э*, то йотованнымъ *е* (йэ), то сочетаніемъ **ге**, напр. *Эллада* (Hellas), *экзаметръ* (hexameter), *Елена* (Helenē), *еврей* (hebraios), *герой* (hērōs).

Здѣсь мѣсто упомянуть о новѣйшей попыткѣ преобразованія у насъ передачи греческихъ и латинскихъ именъ не только на письмѣ, но и въ произношеніи. Въ 1881 году напечатана въ Кіевѣ довольно объемистая брошюра А. А. Иванова: *О раціональной передачѣ греческихъ и латинскихъ словъ въ русской рѣчи и въ письмѣ*. Авторъ съ большой энергіей и настойчивостью возстаетъ противъ употребительныхъ нынѣ формъ и начертаній [381] словъ древне-классическаго міра и строитъ новую систему ихъ произношенія и письма. Въ теоріи г. Ивановъ, пожалуй, правъ, но онъ не принялъ въ расчетъ, что въ языкѣ теорія должна быть извлекаема изъ практики, создавшейся вѣками, и что тотъ, кто безусловно идетъ противъ установившагося обычая, остается одинокимъ въ своихъ нововведеніяхъ. Вотъ образчики тѣхъ странныхъ измѣненій, которыхъ требуетъ г. Ивановъ Онъ хочетъ, чтобы мы писали: *Ѳесей, һгмнъ, һгіэна, һЕсіодъ, һОрацій, һОры, һексаметръ, эксаминовать, Ѳобъ, ігмнасье* или *ігмнасіе, семинарье, ѣресь, Псгха* (вм. Психея), *ѳесь* (вм. тезисъ), *басъ* (вм. базисъ), *фразъ* (вм. фраза), *Ювеналъ, äсѳетика, эксемпларъ*. О послѣднемъ словѣ онъ впрочемъ замѣчаетъ: „было бы хорошо, да трудновато провести“. Удивительно, что это самое соображеніе не остановило г. Иванова и въ прочихъ его требованіяхъ, тѣмъ болѣе, что и въ немногихъ другихъ случаяхъ онъ говоритъ: „тутъ дурной обычай слишкомъ силенъ“, или „я потому не предлагаю этого, что такая орѳографія противорѣчила бы и старой и новой нашей практикѣ“. Неужели же, по мнѣнію г. Иванова, *ігмнасье* и *семинарье* не такъ рѣзко противорѣчатъ практикѣ? Несмотря на дикость предлагаемыхъ имъ новыхъ формъ, онъ надѣется, что „исправленіе однихъ словъ неизбѣжно будетъ распространяться и на другія однородныя, которыя представляются нынѣ недотрогами. Я самъ, прибавляетъ онъ, долго затруднялся писать напримѣръ „Грѣкъ“; мнѣ казалась эта форма странною, а теперь кажется страннымъ, какъ это люди могутъ писать „Грекъ“; прекрасную женскую форму *классь* (classis) вмѣсто сугубо-неправильной, и по окончанію и по роду, „классъ“ я и понынѣ не рѣшался употреблять; но часто возвращаясь къ фор-

мѣ „классъ“, я съ нею такъ освоился, что она уже нисколько меня не смущаетъ, а потому скоро научная объективность восторжествуетъ и здѣсь надъ субъективнымъ предразсудкомъ“ (т. е. теорія надъ практикой?); „менѣе сжилась мысль моя съ формою *эксемпларъ*“. Этихъ немногихъ выписокъ, кажется, достаточно, чтобы показать всю непримѣнимость къ дѣлу новшествъ [382] г. Иванова. Поэтому я и не считаю нужнымъ вступать съ нимъ въ полемику по поводу нѣкоторыхъ его выходокъ противъ моихъ *Филологическихъ Разысканій*. Особенно не нравится ему, что я, не одобряя вообще глагольнаго суффикса *ировать*, всетаки примиряюсь съ иными утвердившимися въ употребленіи глаголами этого образованія. Самъ онъ предлагаетъ вмѣсто ихъ, напр., *сѵмпаѳизовать* или еще лучше *сѵмпаѳовать* вм. симпатизировать, *ассимиловать* вм. ассимилировать. О вкусахъ, конечно, спорить нельзя.

Въ *Географическихъ Извѣстіяхъ* 1850 г. (вып. II) покойный оріенталистъ В. В. Григорьевъ напечаталъ статью: О правописаніи въ дѣлѣ русской номенклатуры чужеземныхъ мѣстностей и народовъ“. Авторъ справедливо жалуется на усиливавшуюся болѣе и болѣе въ тогдашней печати пестроту въ географическихъ собственныхъ именахъ, приводитъ множество любопытныхъ тому примѣровъ и въ заключеніе предлагаетъ принять слѣдующее весьма основательное правило: „писать иностранныя географическія имена какъ можно ближе къ ихъ туземному произношенію, но съ уваженіемъ къ освященнымъ уже вѣковымъ употребленіемъ русскимъ формамъ ихъ и къ законамъ языка нашего, руководствуясь: въ первомъ случаѣ—историческими памятниками отечественной словесности, въ послѣднемъ — трудами нашихъ ученыхъ языкоизслѣдователей“. Замѣтимъ однакожъ, что все, столь умно и живо излагаемое въ этой статьѣ В. В. Григорьевымъ, относится собственно не къ правописанію, а къ вопросу, какія предпочитать названія: издавна ли образовавшіяся, хотя и неправильныя, или измѣненныя согласно съ подлиннымъ произношеніемъ. Если разсмотрѣть дѣло не a priori только, но и съ должнымъ вниманіемъ къ практикѣ, то окажется, что на этотъ вопросъ невозможно отвѣчать однимъ общимъ правиломъ. Напримѣръ, кто рѣшится измѣнить старинныя названія *Римъ* и *Парижъ?* а между тѣмъ нелѣпо и смѣшно было бы говорить „Стекольна“ вм. *Стокгольмъ*; называть *Аграмъ* „Загребомъ“ вовсе не странно, но говорить „Дрождяны“ вм. *Дрезденъ* [383] никто не отважится. Выходитъ, что здѣсь, какъ и вообще въ дѣлѣ языка, окончательное рѣшеніе по большей части принадлежитъ *обычаю:* въ однихъ случаяхъ давнее злоупотребленіе беретъ перевѣсъ надъ новой поправкой, въ другихъ удачная новизна одолѣваетъ ошибку старины, и нечего дѣлать: кто не хочетъ казаться чудакомъ, долженъ подчиниться обычаю. Надо впрочемъ сознаться, что невѣрности, не слишкомъ укоренившіяся, довольно легко уступаютъ поправкамъ. Такъ

на нашей памяти принялись, напр., формы: *Скарборо, Шрюзбери, Бенъ-Нюизъ, Норчёпингъ* вм. употреблявшихся прежде: „Скорборугъ, Шревсбури, Бенъ-Невисъ, Норкепингъ“; но *Кадиксъ, Дургамъ, Коннаутъ* остаются частью по своей общеизвѣстности, частью потому, что замѣнить ихъ болѣе правильными формами на русскомъ языкѣ, по особенностямъ его фонетики, трудно. Вполнѣ справедливо замѣчаніе Григорьева, что для уменьшенія разногласій въ этомъ отношеніи необходимо было бы издать географическій словарь (Ср. *Филологическихъ Разысканій* ч. I, стр. 204).

Удвоеніе согласныхъ въ иноязычныхъ словахъ.

Въ отношеніи къ заимствованнымъ въ недавнее время словамъ соблюдается вообще правило охранять съ возможною вѣрностью ихъ подлинную звуковую форму, за исключеніемъ окончанія, измѣняемаго по законамъ нашего языка. На этомъ основывается отличіе образованнаго выговора отъ искаженнаго въ устахъ малограмотныхъ людей (которые произносятъ напр. „екзаментъ, монаментъ, арендатель, булгахтеръ“ или нѣкогда произносили „фармазонъ“). Въ правильномъ изображеніи словъ этого разряда главный вопросъ касается удвоенія согласныхъ. Для разсмотрѣнія его припомнимъ то, что̀ выше было объяснено (стр. 690) объ истинномъ свойствѣ выговора, означаемаго такимъ начертаніемъ: объ удвоеніи звука въ точномъ смыслѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи; дѣло идетъ только о нѣкоторой остановкѣ голоса на согласной. Въ иностранныхъ словахъ, заимствованныхъ въ болѣе или менѣе отдаленныя времена, даже еще и въ петровскую [384] эпоху, удвоеніе согласныхъ бо́льшею частью пропало. Слова *грамота, арестъ, офицеръ, батарея, атака, карета, команда, комендантъ, камергеръ, канцелярія* всѣми безспорно пишутся такъ, вмѣсто: „граммата, аррестъ, оффицеръ“ и т. д. Но съ другой стороны, иногда и въ старинныхъ заимствованіяхъ сохраняется удвоеніе, напр. пишутъ: *коллегія, аттестатъ*. Между тѣмъ, на основаніи первыхъ изъ приведенныхъ примѣровъ, нѣкоторые въ наше время стали, во всѣхъ безъ исключенія заимствованныхъ словахъ, и старыхъ и новыхъ, отбрасывать двойную букву и писать: „професоръ, комисія, колегія, Прусія, Одеса“, не обращая вниманія даже на мѣсто ударенія и на различіе выговора такихъ словъ. Спрашивается: справедливо ли это? Правда, подобное упрощеніе правописанія давно введено у сербовъ, отчасти оно распространилось и у чеховъ, но тамъ оно согласно съ произношеніемъ, вообще отвергающимъ удвоеніе согласныхъ; у насъ же удвоеніе этого рода не противно народной фонетикѣ, допускающей иногда и въ собственно-русскихъ словахъ не только одно, но даже два удвоенія, напр. *без-законный, под-дан-ный*. Этому свойству языка явно противорѣчатъ такія

урѣзанныя начертанія, какъ напр. *комисія*, несогласныя ни съ произношеніемъ, ни съ производствомъ подлинныхъ словъ, которыя мы, по нашему знакомству съ иностранными языками, не лишены возможности воспроизводить точнѣе. При отступленіи отъ настоящей формы слова, оно становится трудно-узнаваемымъ, особливо ежели есть однозвучное другого значенія, какъ напр. *металъ* (глаг.); *колосъ, класъ*, (колосъ), *балъ*, отъ которыхъ не безполезно отличать на письмѣ близкія къ нимъ по звукамъ: *металлъ, колоссъ, классъ, баллъ* (цыфровая отмѣтка). Удвоеніе звука особенно явственно слышится послѣ гласной съ удареніемъ: итакъ въ этомъ случаѣ по преимуществу оно должно быть соблюдаемо и на письмѣ, напр. въ такихъ словахъ, какъ: *ма́нна, су́мма, коло́нна, тру́ппа, телегра́мма, пре́сса, ми́ссія, се́ссія*, а потому и въ соединеніи съ представками какъ эти имена, такъ и составныя части подобныхъ имъ не могутъ терять своего [385] удвоенія; слѣд. надо писать: *комиссія, комиссаръ, колоннада, грамматика* (отъ missio, colonna, γράμμα).

Писать „коммисія" (форма, въ которой это слово долго держалось въ нашемъ правописаніи, да и теперь еще держится, особенно въ канцелярскомъ письмѣ)—не вполнѣ основательно потому, что это начертаніе противно выговору. То же должно сказать и объ орѳографіи *ком-мис-сія*. По примѣру множества заимствованныхъ словъ, въ которыхъ представка теряетъ свою конечную согласную при встрѣчѣ съ тою же буквой (комендантъ, командиръ, рекомендовать, афиша, офицеръ), позволительно писать: *комиссія*, что́ совершенно точно передаетъ произношеніе. Такое же сокращеніе почти всею Европою допущено въ словѣ *комитетъ*, взятомъ съ франц. *comité*, которое въ свою очередь передѣлано изъ англ. *committee* (отъ глаг. to commit, поручать, довѣрять).

Вообще два удвоенія въ заимствованномъ словѣ излишни потому, что одно изъ нихъ непремѣнно скрадывается въ выговорѣ: на письмѣ должно быть исключаемо то, которое менѣе слышится; на этомъ основаніи справедливо писать, наприм. *апелляція*. Сокращеніе двойной буквы въ сочетаніи слова съ представкою тѣмъ болѣе позволительно, что въ самыхъ языкахъ, откуда мы почерпаемъ свои заимствованія, удвоеніе не всегда бываетъ безспорно. Дидо́, авторъ сочиненія о французскомъ правописаніи, на которое я уже ссылался, говоритъ между прочимъ: „Двойныя буквы не всегда входили въ орѳографическую систему нашего языка; онѣ вообще составляютъ подражаніе грамматическимъ пріемамъ классической латыни, которой вліяніе начинаетъ развиваться съ 15-го столѣтія". Поэтому Дидо́ совѣтуетъ и во французскомъ языкѣ ограничить употребленіе двойныхъ согласныхъ, напр. писать: *corespondant* (по примѣру coreligionnaire), также *honeur*, *dictionaire*. Въ то же время однакожъ онъ полагаетъ

сохранить, по произношенію, начертанія: *correcteur*, *terreur*, *horreur* и т. п. [1]).

[386] Изъ всего до сихъ поръ сказаннаго можно вывести заключеніе, что въ словахъ, заимствованныхъ въ позднѣйшее время, нѣтъ основанія безусловно исключать всѣ двойныя буквы, но употребленіе ихъ можетъ быть нѣсколько ограничено, когда оно не вызывается правильнымъ произношеніемъ. Гдѣ удвоеніе издавна исчезло, тамъ нѣтъ надобности возстановлять его, между прочимъ и на концѣ словъ, напр. въ именахъ: *адресъ*, *интересъ*, *протоколъ*, *партеръ*, *камергеръ*. Но когда удвоеніе слышно въ косвенныхъ падежахъ, то оно должно быть соблюдаемо и въ именительномъ: *конгрессъ*, *процессъ*; наоборотъ, когда оно въ окончаніи женскихъ именъ находится въ прямой формѣ слова, то не можетъ быть исключаемо и въ родит. множественнаго; слѣдов. должно писать: *программъ*, *суммъ*, *колоннъ*, *труппъ*, *группъ*. *Группа* во франц. языкѣ пишется, правда, groupe (муж. р.), но у насъ оно взято съ нѣмецк. die Gruppe; по-итал. также: gruppo, groppo.

Не отвергая двойныхъ согласныхъ въ словахъ, гдѣ онѣ нужны, надобно однакожъ избѣгать употребленія ихъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ въ языкѣ, откуда заимствовано слово. Въ нѣкоторыхъ латинскихъ и греческихъ именахъ у насъ нерѣдко являются на письмѣ лишнія буквы, какъ и другія невѣрности; слѣдуетъ писать безъ удвоенія буквъ: *привилегія*, *Иліада*, *Иларіонъ*, *драма*, *литература*, *проблема*, *катавасія*, *карикатура*, а не *привиллегія* и т. д. Кстати замѣтимъ также ошибочное начертаніе „экзаменаторъ" вм. *экзаминаторъ*: это слово образовано не отъ имени *экзаменъ*, а отъ глагола examinare и перешло къ намъ уже готовое.

Другой общій вопросъ при русской транскрипціи иностранныхъ словъ касается способа изображенія гласныхъ звуковъ, особенно *а* и *о* послѣ *i*.

IA или IЯ?

Въ концѣ слова *а* послѣ *i* всегда обращается въ *я*, напр. *Азія*, *матерія*; въ серединѣ же слова у насъ пишутъ то *а*, то [387] *я*, напр. *азіатскій* и *-ятскій*, *матеріалъ* и *-ялъ*, *италіанскій* и *-янскій*. Чтобы внести нѣкоторую норму въ такія начертанія, Гречъ принялъ за правило: писать *я* въ тѣхъ случаяхъ, когда эта буква уже есть въ окончаніи заимствованнаго существительнаго имени, въ противномъ случаѣ *а*, напр. *матеріяльный* отъ *матерія*, и *специальный* (такъ какъ нѣтъ сущ. специя); но это правило потому неудобно, что такимъ образомъ

---

[1]) A. F. Didot. *Observations sur l'orthographie*. Стр. 56. Исключеніемъ двойныхъ буквъ во Франціи отличался особенно грамматикъ Buffier; см. тамъ же стр. 259

приходится по случайной причинѣ писать различно одни и тѣ же суффиксы.

Гораздо проще согласиться писать *я* только въ концѣ словъ, въ серединѣ же употреблять букву *а*; это представляется тѣмъ удобнѣе, что и теперь въ рѣдкихъ только случаяхъ пишутъ *я*, именно въ словахъ: *италіянскій, азіятскій, персіянинъ*. Если и въ этихъ словахъ замѣнить *я* буквою *а*, то изъ предлагаемаго правила не будетъ исключеній, кромѣ развѣ слова: *россіянинъ*, которое однакожъ въ сущности не составляетъ исключенія, потому что рѣчь идетъ только о заимствованныхъ словахъ, а это—наше собственное, правильно оканчивающееся на *янинъ*, какъ другія имена того же образованія, напр. *дворянинъ, кіевлянинъ* и проч. При этомъ, относительно нашихъ прилагательныхъ иностраннаго происхожденія, обратимъ вниманіе на ту особенность, что лишь немногія изъ нихъ составлены по законамъ нашего словообразованія отъ самыхъ существительныхъ именъ, обращающихся въ русскомъ языкѣ: большею частію они передѣланы изъ соотвѣтствующихъ имъ прилагательныхъ же иностранныхъ. Такъ, отъ *Англія, Германія, Испанія* мы имѣемъ прилагательныя русскаго образованія: *англійскій, германскій, испанскій*, но отъ *Европа* не европскій, а *европейскій*, отъ *Азія—азіатскій*, отъ *Америка, Италія—американскій, италіанскій;* т. е. западно-европейскія прилагательныя: europaeus, asiaticus, americanus, italiano перешли къ намъ вмѣстѣ съ своими суффиксами. То же видимъ въ прилагательныхъ: *матеріальный, епархіальный*. По изложенному выше правилу, слѣдуетъ писать единообразно: *матеріалъ, имперіалъ, матеріальный, епархіальный, специальный, официальный*, а также: *фоліантъ, варіантъ*, [388] *провіантъ, форте-піано, сіамскій, ліаносъ, діагностика, ліардъ, ересіархъ*. Замѣтимъ, однакожъ, что въ нѣкоторыхъ изъ подобныхъ словъ *і* можетъ иногда, смотря по удобству или въ случаѣ надобности (наприм. для стиха), сокращаться въ *ь*; тогда, разумѣется, и *а* по необходимости переходитъ въ *я*. Въ словахъ, уже издавна сроднившихся съ русск. языкомъ, напр. *дьякъ, дьячокъ*, всегда пишутъ *ь* (б. ч. и въ *дьяконъ*), подобно тому, какъ принято писать: *Васильевичъ, Григорьевичъ* вм. *Василіевичъ, Григоріевичъ*; *судья*, а не *судія*. При французскомъ такъ называемомъ l mouillé (см. выше стр. 490) неудобно обращать *а* въ *іа*: согласнѣе съ натурой подлиннаго звука изображать его посредствомъ *лья*: напр. billard—*бильярдъ*, brillant—*брильянтъ*. Другое дѣло слово *milliard*, въ которомъ послѣ l mouillé слѣдуетъ *і*, почему оно по-русски и должно писаться: *милліардъ*; впрочемъ и тутъ позволительно сокращеніе: *мильярдъ*.

IO, ЙО, ЬЁ, или ЬО?

Еще труднѣе вопросъ, какъ означать въ иностранныхъ словахъ звукъ **йо**, для котораго мы въ своей азбукѣ имѣемъ только букву *ё*,

вовсе не удобную для изображенія въ нихъ йотованнаго *о*. Объ этомъ уже говорено выше, на стр. 605. Здѣсь прибавлю еще нѣсколько замѣчаній.

Сказанное затрудненіе всего чаще встрѣчается, когда *о* во французскихъ словахъ стоитъ послѣ l mouillé или gn. Проще всего въ такихъ случаяхъ писать по-русски *лі, ні*: *баталіонъ, медаліонъ, папиліотка, компаніонъ* (какъ *милліонъ*, million). Могутъ возразить, что въ первыхъ четырехъ словахъ одному франц. слогу соотвѣтствуютъ у насъ два, но здѣсь *і* въ произношеніи по необходимости сокращается въ *й*; притомъ то же самое допускается въ другихъ случаяхъ, напр. пишутъ *кампанія* для передачи *campagne* (равно какъ и *компанія* для передачи *compagnie*). На этомъ основаніи можно писать и *Авиніонъ*, тѣмъ болѣе, что по-латыни этотъ городъ называется *Avenio*. Карамзинъ употреблялъ начертанія: *батальйонъ, почтальйонъ*; но [389] такая орѳографія неудобна тѣмъ, что она для сокращенія звука прибѣгаетъ къ удлинненію письма. Гораздо проще довольно употребительныя нынче начертанія: *батальонъ, почтальонъ*, которыя можно допустить, если принять, что *о* въ подобныхъ случаяхъ произносится съ йоатаціей такъ же, какъ гласная *и* выговаривается иногда въ началѣ слова и послѣ *ъ* (ихъ, имъ, ручьи).

Буква *ё*, означающая русское измѣненіе звука *е*, допускается только въ такихъ словахъ, какъ *курьёзный, серьёзный*, по той причинѣ, что въ нихъ она соотвѣтствуетъ фр. слогу eux, нѣм. *ö*; впрочемъ, и тутъ правильнѣе писать *куріозный, серіозный*, (итал. curioso, serioso). Довольно употребительныя нынѣ начертанія *майоръ, Байонна*, конечно, точнѣе прежнихъ *маіоръ, Баіонна*, и заслуживаютъ предпочтенія, хотя мы не во всѣхъ случаяхъ держимся этого способа изображенія звука *j* передъ гласной и пишемъ, напр.: *Іена, Іосифъ* и т. п. [1]).

ИЭ, ІЭ, ІУ.

Начертаніе **йэ** въ большей части случаевъ такъ же безполезно, какъ и **йа**, потому что вполнѣ замѣняется буквою *е*, которой въ сущности и было бы достаточно въ началѣ словъ для передачи иностраннаго звука **je**, напр., въ словахъ: *іезуитъ, Іеменъ*. Между тѣмъ въ этихъ словахъ пишется **іе**, такъ же какъ въ слѣдующихъ, гдѣ звуку *е* дѣйствительно должно предшествовать і (хотя и не чистое): *іерей, іероглифъ, Іерусалимъ, Іеронимъ*. Въ первомъ случаѣ прибавленіе і произошло отъ того, что буква *е* одна въ старину часто употреблялась какъ для

[1]) *Майоръ* началъ писать еще Карамзинъ (*Вѣст. Евр.* 1803, № 14, „Рыцарь нашего вр."). Онъ же писалъ: *Монтескьйо, йонга* (*Моск. Журн.* VII, 65, 93) и *Оверньйскій, гильйотцнада* (*В. Е.* 1802 и 1803, № 11, стр. 185). По примѣру Карамзина и Мартыновъ писалъ: *Монтаньй* (*Сѣв. Вѣст.* II, 7). Очевидно, что употребленіе Й въ концѣ или въ серединѣ слога безъ гласной буквы не выдерживаетъ критики.

чистаго звука ε, такъ и для греческаго ἑ (съ густымъ дыханіемъ = he), напр. писали и до сихъ поръ пишутъ: *Елена* (Helena), *еврей* (hebraeus). На исправленіе этихъ начертаній теперь уже нельзя [390] надѣяться. Когда і составляетъ отдѣльный слогъ передъ иностраннымъ *е*, то мы пишемъ іэ, напр. *діэта*, *піэтистъ*, въ противномъ случаѣ ье: *пьеса*, *пьедесталъ*, *Пьерро*, *курьеръ*, *Кордильеры*, что́ очевидно вѣрнѣе, чѣмъ *піеса* или *піэса* и проч. Диграфъ *йэ* можно употреблять развѣ только въ собственныхъ именахъ, чтобы дать слову форму болѣе близкую къ его иностранному начертанію, напр. въ шведскомъ фамильномъ имени *Йэрне* (Hjärne). Написавъ *Ерне*, мы бы рисковали, что многіе стали бы неправильно произносить „Эрне".

Что касается звука іу, то въ именахъ, перешедшихъ къ намъ путемъ церковной письменности, онъ не сокращается въ *ю*, а изображается обѣими буквами: *Іуда*, *Іудея*, иногда съ излишнею йотаціей второй изъ нихъ: *іюнь*, *іюль*, тогда какъ мірскія личныя имена, соотвѣтствующія этимъ названіямъ, пишутся: *Юдинъ Юній*, *Юлій*. Въ серединѣ слова звукъ іу передается правильнымъ начертаніемъ: *тіунъ*, *Фріуль*, *Міусъ*, *радіусъ*.

Здѣсь кстати упомянуть о флексивной формѣ косвенныхъ падежей географическихъ именъ, оканчивающихся на *уа*: *Генуа*, *Капуа*. Очевидно, что въ род. падежѣ слѣдуетъ писать: *Генуи* *Капуи*, а не Гену-ы, Капу-ы, въ дат. *Гену*-ѣ, *Капу*-ѣ; сообразно съ этимъ винит. падежъ получитъ форму: *Гену*-ю, *Капу*-ю, творит. *Гену*-ей, *Капу*-ей, изъ чего выходитъ, что согласнѣе съ русской фонетикой было бы писать и въ именит. падежѣ: *Генуя*, *Капуя* (какъ нарицат. *статуя*).

Одни изъ звуковъ, встрѣчающихся въ заимствованныхъ словахъ, принадлежатъ всѣмъ западно-европейскимъ языкамъ, другіе свойственны только тому или другому отдѣльному языку. Къ числу первыхъ относится средній, неизвѣстный въ нашей фонетикѣ *l*, который потому и передается у насъ различно, т. е. то твердымъ звукомъ (лъ), то мягкимъ (ль). Въ русской рѣчи и грамотѣ намъ попадаются, напр., то *канделябръ*, *Людвигъ*, то *канделабръ* *Лудвигъ*: остается слѣдовать преобладающему [391] обычаю. Изъ чужихъ словъ, имѣющихъ этотъ звукъ, одни перешли къ намъ сходно съ первою, другіе — со второю формой. Напримѣръ, съ одной стороны у насъ ходятъ слова: *астролябія*, *школяръ*, *популярный*, *полярный*; *канцелярія*, *аппеляція*; *лютеранинъ*, *плюсъ*, *полюсъ*, *Люциферъ*, *салютовать*, *иллюминація*, *флюсъ*; съ другой стороны: *Николай*, *фистула*, *салатъ*, *шеколадъ*, *классъ*, *планисфера*; *луна*, *лупа*, *блуза*, *клубъ*, *Лузитанія*, *Луиза*.

О различной формѣ, въ какой къ намъ перешло германское слово *land*, было уже говорено выше (стр. 757). Въ началѣ словъ вообще

гораздо употребительнѣе слогъ **ла**: *лабораторія, лампасы, латынь, латунь, лама, лампа, лакъ, ландшафтъ, лакрица, Лара, Лаго-Маджоре*, напротивъ, слогъ **лу** вм. **лю** въ заимствованныхъ словахъ довольно рѣдокъ. Что же касается буквы *о* послѣ *л*, то она почти никогда не передѣлывается въ *ё*, и *л* передъ нею произносится твердо, напр. *логариѳмъ, лозунгъ, лотерея, ломбардъ, локомотивъ, флотъ*. Рѣдкій случай въ словѣ *флёръ* (нѣм. Flor).

Такъ же точно *l* и въ концѣ слога или слова переходитъ къ намъ двояко, — съ звукомъ то твердымъ, то мягкимъ: *Периклъ, Алкивіадъ, Карлъ, перлъ, каналъ, балъ, стулъ, палтусъ, галстукъ, кристаллъ, металлъ* и — *сталь, вальсъ, мольбертъ*, (Malbret), *Вольтеръ, Вальтеръ, Даль, хрусталь, Бельведеръ, шаль, дуэль*. Нѣкоторыя слова употребительны въ двоякой формѣ, напр. *Белгія* и *Бельгія;* второе удобнѣе для произношенія и потому предпочтительно. Особенную аномалію въ этомъ отношеніи представляютъ сущ. *алфавитъ* и прилаг. *алфавитный*, установившіяся въ этой формѣ вопреки названію буквы *альфа*. Французское l mouillé въ концѣ слова обыкновенно переходитъ въ *ль*, напр. *эмаль, портфель, Бретель*, точно такъ же какъ окончаніе *gne* въ *нь*: *Шампань, Монтань, Бретань, Де-Линь* и проч.

Французскій носовой звукъ *in, ain*, напр. въ *Saint, Villemain*, принято выражать буквами *енъ*: *Сенъ, Вильменъ*, или *енъ*: *bulletin, Rollin, Gobelin—бюллетень, Ролленъ, гобеленевы* (обои); какъ ни [392] далеки эти начертанія отъ настоящаго выговора, они лучше другихъ (напр., *янъ* или *янь*), и могутъ быть удержаны, какъ наиболѣе установившіяся.

Слоги *ant, ent*, изображаются то ближе къ французскому выговору, то согласно съ ихъ начертаніемъ, наприм. *ресторанъ, интриганъ*, и— *негоціантъ, презентъ*. Двойная форма, въ какой у насъ ходятъ многія французскія слова съ носовымъ звукомъ, происходитъ отъ того, что нѣкоторыя изъ нихъ проникли къ намъ не прямо изъ французскаго языка, а отъ другихъ народовъ, которые сами ихъ заимствовали. Въ орѳографіи *сантиментальный* непослѣдовательность: первый носовой звукъ *en* переданъ тутъ черезъ **ан**, а второй черезъ **ен**; болѣе основанія писать: *сентиментальный*. Тотъ же носовой звукъ, изображаемый по-французски буквою m передъ *b* и *p*, обыкновенно и у насъ передается съ помощію буквы *м*: *д'Аламберъ, амбра, каламбуръ*. Чужеязычный законъ сочетанія звуковъ *м* и *б* оказалъ воздѣйствіе и на русскія имена: старинныя формы *анбаръ, Синбирскъ, Танбовъ* уступили въ позднѣйшее время мѣсто измѣненнымъ: *амбаръ, Симбирскъ, Тамбовъ* (какъ и Виртембергъ).

Фр. дифтонгъ **oi** передается по произношенію посредствомъ *уа*, напр. *туалетъ, амплуа, тротуаръ, вуаль, эксплуатація, Пуатье, Блуа, Лувуа*, а передъ двоегласною *я* черезъ одно *о*: *рояль*. Слово *гобой* хотя и происходитъ отъ франц. *hautbois*, но перешло къ намъ чрезъ посредство итальянскаго *oboe*.

Въ словахъ, взятыхъ съ англійскаго, разногласіе правописанія замѣтно особенно въ способѣ изображенія двугласной w и неопредѣленной гласной (u) въ замкнутомъ слогѣ.

Въ старину у насъ писали не иначе какъ: *Вальтеръ, Виндзоръ, Вильямъ, Вордсвортъ;* около 1840-хъ годовъ многіе стали писать: *Уальтеръ, Уиндзоръ, Уильямъ, Уордсуортъ.* Справедливо, что звукъ *у* въ этихъ дифтонгахъ ближе чѣмъ *в* подходитъ къ англійскому двугласному w, но прежнее правописаніе все-таки предпочтительно по слѣдующимъ причинамъ: 1) обращеніе *у* въ *в* въ дифтонгахъ свойственно русскому языку, какъ видно изъ [393] старинныхъ формъ заимствованныхъ именъ: *Аврора, августъ, евангеліе, Европа, январь* и изъ собственно-русскаго слова *завтра*; 2) начертаніе *у* не можетъ быть выдержано, напр., передъ тою же гласною *у*; такъ сло́ва Woolwich никто не напишетъ *Ууличъ* вм. *Вуличъ*; всѣ пишутъ также: *вагонъ*, а не *уагонъ, Дарвинъ*, а не *Даруинъ*; 3) имена *Виндзоръ, Вальтеръ Скоттъ, Вашингтонъ* и др. пріобрѣли уже издавна право гражданства въ русскомъ языкѣ.

Англійскій звукъ, изображаемый чрезъ th, у насъ переходитъ въ *т*: *Темза* (Thames), *Томасъ* (Thomas), *Теккерей* (Thackeray); были попытки употреблять въ этомъ случаѣ *ѳиту* (см. выше стр. 670) или *с*, напр. писать *Каскартъ* (Cathcart), но онѣ не заслуживаютъ одобренія, потому что противны исторіи.

Для передачи u, i или e въ замкнутомъ слогѣ англійскихъ словъ, напр. Burns, Butt, Murray, sir, Derby мы не имѣемъ даже приблизительно подходящей буквы, и потому пишемъ различно: *Борнсъ, Бёрнсъ, Ботъ, Батъ, Муррей, серъ, Дерби, Дарби.*

Этотъ звукъ нѣсколько похожъ на краткій нѣмецкій ö (франц. eu), который также не поддается нашему письму. Какъ уже было замѣчено, для изображенія его у насъ прибѣгаютъ обыкновенно къ ё: *Шлёцеръ, Тёпферъ, Сентъ-Бёвъ,* но эта транскрипція можетъ болѣе служить указаніемъ на иностранную орѳографію, чѣмъ средствомъ къ передачѣ выговора, ибо если написать просто *е*, то едва ли оно по звуку своему не ближе къ ö и eu, чѣмъ наше *ё*, произнесенное чистымъ русскимъ способомъ, при которомъ, правда, умягчается предыдущая согласная, но гласная звучитъ совершенно какъ *о*: *Шлʼоцеръ, Тʼопферъ.* Потому ничѣмъ не хуже писать просто: *Шлецеръ, Тепферъ,* какъ мы и поступаемъ напр. въ окончаніи *инженеръ*, произнося *е* обыкновеннымъ образомъ. Для большей же точности можно въ такихъ случаяхъ употреблять недавно появившуюся въ московской печати букву ӭ, которая означаетъ измѣненіе нейотованнаго *э* съ такимъ же правомъ, какъ *ё*—измѣненіе йотованнаго *е*. Особенно пригодна она для изображенія звука *ö* въ началѣ слова: *Ӭленшлегеръ, Ӭженъ* [394]. Но издавна установившіяся начертанія: *Эдипъ, экономія* должны конечно оставаться безъ измѣненія.

Означать способы транскрипціи всѣхъ многообразныхъ звуковъ западно-европейскихъ языковъ повело бы насъ слишкомъ далеко. Коснемся еще только немногихъ начертаній, часто передаваемыхъ невѣрно въ нашемъ письмѣ. Это, во-1-хъ, италіанскія *sc* и *g* передъ тонкою гласной (е, і) и во-2-хъ, скандинавскія *st* и *sk* передъ *j* (йотомъ).

Италіанское *crescendo* часто произносятъ и пишутъ у насъ „крешчендо" вм. правильнаго *крешендо*. Равнымъ образомъ названіе города *Brescia* должно читать *Брешіа*, а не „Бресчіа". Вообще же слоги *scia*, *gia* и т. п. должны произноситься не *шіа*, *джіа*, а просто *ша*, *джа*: здѣсь *i* въ италіанскомъ письмѣ вставляется только для означенія выговора c и g. Такъ *lasciare*, *Giacomo*, *Maggiore* читаются (по крайней мѣрѣ большею частію): *лашаре Джакомо*, *Маджоре*.

Шведскія фамильныя имена Oxenstjerna, Nordenskiöld и т. п. читаются: *Оксеншерна*, *Норденшёльдъ*. По-датски, напротивъ, въ начертаніи skiøld буквы s и k сохраняютъ каждая свой отдѣльный звукъ. Голландское sche = *схе*, oe = *у*. Слѣдовательно, не Шевенингенъ, а *Скевенинген*ъ (Scheveningen), не Боэргавъ, а *Бургавъ* (Boerhaave).

Окончанія заимствованныхъ словъ.

Для правильнаго начертанія чужеземныхъ словъ важно умѣть отдавать себѣ отчетъ, ка́къ языкъ, принимая ихъ, распоряжается съ ихъ окончаніями. Изъ другихъ языковъ мы заимствуемъ, за немногими исключеніями, только 3 части рѣчи: имена существительныя, прилагательныя (съ производными нарѣчіями) и глаголы.

Такъ какъ существительныя часто переходятъ къ намъ чрезъ посредство образованныхъ напередъ прилагательныхъ, то мы и начнемъ съ послѣднихъ. Прилагательныя заимствуются не иначе, какъ съ помощію русскихъ суффиксовъ. Такими для этой цѣли служатъ у насъ: *ный* (иногда *енный*), *скій*, *ическій* и *ичный* [395]. Первое приставляется очень разнообразно то прямо къ иностранному прилагательному, то къ заимствованному существ. или корню (въ обоихъ случаяхъ за обнаженіемъ имени отъ флексивнаго окончанія), напр.

а) къ прилаг.: *идеаль-ный*, *спиритуоз-ный*, *наив-ный*, *деликат-ный*, *гуман-ный*, *солид-ный*, *компетент-ный*.

б) къ сущ. или его основѣ: *мод-ный*, *интерес-ный*, *литер-ный*, *рельеф-ный*, *фабрич-ный*; *форм-енный*, *казарм-енный*; *доктор-скій*, *медицин-скій*, *коллеж-скій*.

Окончаніе *ическій* обыкновенно переводитъ къ намъ иностранныя прилагательныя на *icus* (франц. ique, нѣм. isch): *критическій*, *физическій*; иногда, для сокращенія формы и для удобства образованія краткаго прилагательнаго, употребляется въ томъ же значеніи суффиксъ *ичный*: *поэтичный*, *логичный*, т. е. къ французскому окончанію

ique прилагается нашъ обычный суффиксъ *ный*, при чемъ предшествующій звукъ *к* (que) превращается въ *ч*. Случается, впрочемъ, что мы прибѣгаемъ и къ другимъ окончаніямъ при образованіи прилагательныхъ изъ иностранныхъ сущ., напр. *фальш-ивый* (отъ нѣм. falsch), *іод-истый, платин-овый, роз-овый*.

При заимствованіи существительныхъ, составляющихъ, по весьма понятной причинѣ, самый большой процентъ иностранныхъ словъ въ языкѣ, употребляются три главные способа:

1) Если окончаніе слова въ другомъ языкѣ не противно нашей фонетикѣ и законамъ нашего словообразованія, то имя принимается къ намъ цѣликомъ, иногда съ легкою только отмѣною въ конечномъ звукѣ, необходимою для опредѣленія ему грамматическаго рода (т. е. муж., жен. или средн.), напр. *докторъ, генералъ, стулъ, этажъ, кабинетъ, университетъ; сплинъ, грумъ; грубьянъ; спектакль, вексель; мода, дама, актриса, директриса, логика, партія, армія; пальто, трюмо*.

При этомъ твердость или мягкость конечнаго согласнаго звука зависитъ отъ удобства произношенія или другихъ требованій нашего языка; но такъ какъ наши природныя имена на *ь* могутъ [396] быть либо муж., либо жен. рода, а иногда и обоихъ, то нѣкоторыя чужія имена, переходящія къ намъ съ этимъ окончаніемъ, употребляются въ двоякомъ родѣ. Лучшимъ примѣромъ такой неопредѣленности служитъ слово *псалтырь*; въ народной рѣчи оно однакожъ чаще обращается съ флексіею муж. рода (*псалтыря́*, въ *псалтырѣ́*), что́ согласно и съ его происхожденіемъ (греч. ψαλτήρ), и съ употребленіемъ въ цсл. языкѣ [1]). По примѣру нашихъ словъ: *постель, колыбель, свирѣль*, и др., заимствованныя имена на *ель* у насъ обыкновенно ходятъ въ женскомъ родѣ, несмотря на свой первоначальный родъ, напр. *дуэль, картель, портфель, капитель, карусель, мебель, модель. Картофель* внутри Россіи также употребляется по большей части въ женск. родѣ.

Уже изъ нѣкоторыхъ здѣсь приведенныхъ примѣровъ видно, что родъ заимствованнаго имени иногда въ русскомъ языкѣ бываетъ не тотъ, какой оно имѣетъ въ природномъ языкѣ; но есть и множество другихъ очень употребительныхъ словъ, въ которыхъ обнаруживается эта разница; таковы между прочимъ имена: *классъ, методъ, періодъ*.

---

[1]) Примѣрами русскихъ нарицательныхъ именъ, обращающихся то въ муж., то въ жен. родѣ, могутъ служить: *рысь, мышь*. Мнѣ не разъ случалось слышать въ муж. родѣ и то и другое, особенно послѣднее, когда оно употреблялось въ собирательномъ смыслѣ. Разсказывая напр. о томъ, что мыши испортили много яблонь, крестьяне говорятъ: „Такой мышь пошелъ“. (Ряз. губ. Данк. уѣзда). Подобную двоякость рода представляетъ также слово *степень*, которое въ старину постоянно ходило въ муж. родѣ, а нынче почти исключительно ходитъ въ женскомъ. (Впрочемъ въ духовномъ сословіи оно еще и теперь нерѣдко слышится въ мужескомъ родѣ; такъ большею частію оно употреблено напр. въ *Словахъ и рѣчахъ Филарета*). *Сажень* въ народномъ языкѣ также обыкновенно муж. р.

Слѣдовательно такое различіе рода не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобы признавать заимствованное слово неправильнымъ или незаконнымъ.

Слово *зала* слышится у насъ и съ окончаніями муж. и ср. рода: *залъ, зало*. Въ жен. родѣ оно однакожъ употребительнѣе.

2) Если окончаніе иностраннаго слова звучитъ нѣсколько чуждо для нашего слуха или оказывается слишкомъ длиннымъ, то мы его видоизмѣняемъ или сокращаемъ; такъ образовались слова: [397] *монастырь* [1]) (μοναστήριον), *келья* (нов.-гр. κελλεῖον), *карнизъ* (нѣм. Karniesz), *сервизъ* (фр. service), *эскизъ* (фр. esquisse). При этомъ извѣстные иноязычные суффиксы у насъ передѣлываются всегда или почти всегда однимъ и тѣмъ же способомъ; такъ греч. ος, ον, латинск. us, um, часто отбрасываются: *академикъ, типъ, талантъ, элементъ, фактъ;* ius у насъ измѣняется въ *ій* или сокращается въ *ь*, напр. secretarius — *секретарь*, cellarius — *келарь,* julius — *іюль,* antiquarius — *антикварій,* Virgilius — *Виргилій*. Такимъ же образомъ нѣм. окончанія ier, ierer, ör (франц. eur) у насъ превращаются то въ *еръ*, то въ *иръ, ира*, или передаются двояко: *офицеръ, банкиръ, кассиръ, квартира* (въ народѣ чаще *квартера*). Иногда вм. одного иностр. суффикса употребляемъ другой иностранный же, но удобнѣйшій; такъ изъ фр. aventurier мы сдѣлали *авантюристъ*. Иногда ед. ч. передѣлываемъ во множ.: *фортепіаны* (слышится вм. — *но*), строить *куры* (faire la cour).

Лат. o муж. р. (съ темою on) переходитъ къ намъ съ согласною своей основы: *Цицеронъ, Сципіонъ*.

tio, sio, франц. tion, sion обращается въ *ція, сія* (зія): *нація, функція, претензія*; иногда же сохраняетъ и гласную своей темы: ср. *пенсія* и *пансіонъ*.

ium въ *ія*, collegium — *коллегія*, gymnasium — *гимназія*, consistorium — *консисторія*, seminarium — *семинарія*.

aeum, eum въ *ей*: musaeum — *музей*, coliseum — *колизей*, tropaeum — *трофей* (сходно съ франц. trophée).

Нѣкоторыя греческія и латинскія имена заимствованы впрочемъ вмѣстѣ съ ихъ окончаніями, напр. *хаосъ, лексиконъ, библія* (собственно средн. родъ множ. ч. βιβλία), *альбомъ* (съ фр. album), *градусъ, корпусъ, архиваріусъ, нотаріусъ* [2]).

---

[1]) Слогъ *ырь* служитъ по большей части для перевода къ намъ иностранныхъ именъ, какъ видоизмѣненіе ихъ природнаго суффикса, напр. *монастырь, пластырь, псалтырь, богатырь, козырь*, однакожъ является и производственнымъ окончаніемъ въ собственно-русскихъ словахъ: *пустырь, пузырь*.

[2]) Хотя окончаніе *іусъ* въ нѣкоторыхъ взятыхъ съ латинскаго словахъ и непріятно звучитъ, но едва ли можно надѣяться измѣнить ихъ на подобіе словъ: *пономарь, келарь, секретарь, аптекарь* или хоть *антикварій*. Сообщаю здѣсь замѣтку, доставленную мнѣ по поводу этихъ словъ А. А. Куникомъ: „Сколько мнѣ извѣстно, византійское ἀσηκρῆτις никогда не переводилось, а только передавалось

*

[398] 3) Наконецъ, для дальнѣйшихъ второобразныхъ словосоставленій служатъ и при иностранныхъ именахъ употребительныя въ русскомъ языкѣ производственныя окончанія, и именно, для означенія отвлеченныхъ понятій, суффиксы *ство* и *ость*, напр. *мастерство, шпіон-ство, крейсер-ство, резонер-ство, фразер-ство; спеціаль*н-ость; *солидар*н-ость; *логич*н-ость; *эксцентрич*н-ость.

Помощію суффикса *ство* образовано также, съ отступленіемъ отъ общей нормы, сущ. *адмиралтейство*. (Собственно должно бы было образоваться „адмиралитетъ" по образцу *университетъ* и т. п.).

в) Для переведенія въ русскую форму многихъ иностранныхъ названій женскаго (а иногда и муж.) рода, означающихъ не слишкомъ крупные предметы, или и лица по отношенію къ ихъ званію, происхожденію или не особенно уважительнымъ свойствамъ, служитъ очень часто имѣющій въ языкѣ такое обширное приложеніе суффиксъ ка: *табакерка, этажерка, папильотка, картонка, шифоньерка, папироска, кушетка, салфетка, спичка, шпилька; гувернантка, компаніонка, пепиньерка, кокетка, кокотка, акушерка, модистка, шведка, блондинка, брюнетка*. Въ новѣйшее время вошли въ употребленіе названія: *педагогичка, курсистка*; изъ нихъ особенно первое не можетъ быть признано удачнымъ, тѣмъ болѣе, что въ муж. родѣ нельзя образовать „педагогикъ".

[399] Къ образованію женскихъ именъ иностраннаго происхожденія изрѣдка служитъ также суффиксъ *ица: царица, императрица, мастерица, фельдшерица* (какъ львица, пророчица).

Нѣкоторыя имена, образованныя отъ иностранныхъ на et и ette, принимаютъ двоякую форму, напр. *браслетъ* и *браслетка*.

Для означенія женъ такихъ лицъ, которыхъ должности или званія носятъ иностранныя имена, служитъ окончаніе *ша*: *профессорша, генеральша, докторша*.

Мужскіе суффиксы, безъ уменьшительнаго оттѣнка, какъ напр. въ словѣ *шнурокъ*, встрѣчаются въ заимствованныхъ иностранныхъ именахъ весьма рѣдко.

Всѣ суффиксы природнаго языка при иностранныхъ именахъ очень облегчаютъ обращеніе этихъ послѣднихъ на чуждой имъ почвѣ. Затруд-

транскрипціей. Но слово *секретарь* я нахожу уже въ 17-мъ столѣтіи; именно оно встрѣчается въ Записи 1609 года, которою Шуйскій уступилъ городъ Корѣлу (*Акты ист. Археогр. коммиссіи*, II, № 272). Этотъ документъ отысканъ въ сборникѣ изъ разныхъ тетрадей, писанныхъ разными почерками XVI и XVII вѣка. Въ заглавіи акта отмѣчено: „Такова Государева грамота о Корѣлѣ дана на Москвѣ королевскому *секретарю* Монсу Мартынову 118 ноября въ 22 день". Понятно, почему Тредьяковскій уже въ 1734 и 1735 годахъ, называлъ себя *секретаремъ* („отъ секретаря Академіи Наукъ"). Однакожъ я помню, что въ петровскихъ бумагахъ мнѣ встрѣчалось *секретаріусъ*. *Нотарь* не разъ читается въ словарѣ Миклошича, и въ древ.-серб. та же форма, напр. нотар бнетачки (венеціанскій). Въ польск. notariusz".

пительно напротивъ употребленіе именъ, которыя по окончаніямъ своимъ не прививаются къ языку; почему онъ или оставляетъ ихъ безъ склоненія, или даетъ имъ не соотвѣтствующія прямой формѣ падежныя окончанія. Сюда относятся особенно имена средняго рода на *о* и *е*, какъ то: *депо, бюро, пальто, трюмо, кофе, алоэ, канапе, портъ-моне, пресъ-папье.* У насъ, правда, не мало своихъ именъ, оканчивающихся на *о* и *е*, но мы чувствуемъ, что въ подобныхъ иноземныхъ словахъ *о* имѣетъ совсѣмъ другое значеніе и не составляетъ примѣты рода и склоненія. Поэтому самое обычное изъ этихъ именъ *кофе* не безъ основанія передѣлывается (напр. у Пушкина) въ *кофей* или *кофій* и такимъ образомъ становится гибкимъ для склоненія.

По этой же причинѣ чувствуется неловкость и происходитъ неправильность при употребленіи въ великорусскомъ языкѣ малороссійскихъ фамильныхъ именъ на *ко*, о которыхъ уже было говорено выше.

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о глаголахъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ. Они большею частью французскаго происхожденія, но переходятъ къ намъ чрезъ посредство нѣмецкой передѣлки окончанія er въ iren (или ieren), которое у насъ измѣняется въ *ировать.* Послѣдняя часть этого [400] двучленнаго окончанія — *овать, евать* служитъ вообще къ образованію глаголовъ изъ сущ. именъ *вѣр-овать дн-евать.* Въ старину иностранные глаголы передѣлывались при помощи одного этого окончанія: *арестовать, атаковать, командовать, танцовать, экзаменовать;* но при позднѣйшихъ заимствованіяхъ слогъ **ир** сдѣлался обычнымъ, если не всегдашнимъ спутникомъ русскаго суффикса: *абонировать, гравировать, вальсировать, маршировать, бомбардировать, экипировать.* Замѣтимъ, что удареніе на послѣднемъ слогѣ двучленнаго окончанія *ировать* есть признакъ болѣе давняго образованія слова и бо́льшаго его сліянія съ русскимъ языкомъ, тогда какъ удареніе на **ир** даетъ слову иностранную окраску: *игнорировать, контролировать, импровизировать, эксплуатировать, йотировать.*

Впрочемъ и въ новѣйшее время нѣкоторые иностранные глаголы переходятъ къ намъ безъ помощи слога **ир**, по крайней мѣрѣ многіе стараются ихъ вводить въ этой простѣйшей формѣ, употребляя напр. *формуловать*, вм. *формулировать*, *цитовать*, вм. *цитировать.* Такія попытки, конечно, заслуживаютъ одобренія, но не всегда бываютъ удачны.

Нѣкоторые глаголы этого рода образуются невѣрно и должны быть исправляемы, напр. *цензировать* (отъ нѣм. censiren) лучше, нежели *цензуровать* (отъ цензура); *крейсеровать* (отъ сущ. крейсеръ) правильнѣе, нежели *крейсировать*, форма, которая не могла произойти отъ голл. kruissen. *Классифировать* (отъ фр. classifier) лучше — потому что короче — нежели *классифицировать* (отъ нѣм. klassificiren).

Нѣкоторые иностранные глаголы перешли къ намъ съ обоими окончаніями, но въ двоякомъ значеніи: такъ глл. *командовать* и *командировáть* имѣютъ каждый свой особенный смыслъ *).

Есть однакожъ глаголы, которые образованы отъ иностранныхъ именъ только прибавленіемъ къ основѣ ихъ окончанія *ить*, напр. *штукатурить, франтить, плоить* (голл. plooijen отъ франц. ployer), *каламбурить, французить*.

Велико число иностранныхъ словъ, обращающихся въ [401] русской рѣчи. Мы видѣли, что они весьма различнаго свойства и достоинства, связь ихъ съ языкомъ въ различной степени крѣпка и прочна. Въ запасѣ почерпаемыхъ имъ извнѣ элементовъ происходитъ безпрерывное движеніе; одни изъ заимствованныхъ словъ навсегда вошли въ плоть и кровь языка и едва еще носятъ на себѣ слабый слѣдъ своего происхожденія; другіе, отживъ свое время, по минованіи надобности сдаются въ архивъ; третьи принимаются какъ бы на смѣну выбывшихъ. У насъ давно уже слышатся жалобы на излишнее гостепріимство наше къ иностраннымъ словамъ, какъ и къ иностраннымъ людямъ. Въ послѣднія два десятилѣтія наши усилившіяся связи съ западною Европой и новыя заимствованія оттуда въ области гражданскаго и юридическаго быта повлекли за собою новый наплывъ чужеземныхъ словъ. Русскіе, при политической самостоятельности своей страны, не ставятъ національную гордость въ чистотѣ своего языка, рѣзко отличаясь этимъ отъ своихъ, подвластныхъ инымъ народамъ, единоплеменниковъ. Но само собою разумѣется, что какъ ни позволительна терпимость въ этомъ отношеніи, однакожъ необходима извѣстная умѣренность и разборчивость въ заимствованіи чужихъ словъ. Къ сожалѣнію, у насъ ходятъ и такія, безъ которыхъ легко было бы обойтись тѣмъ болѣе, что иныя изъ нихъ выражаютъ не какой-либо опредѣленный предметъ, а только утонченный оттѣнокъ мысли по иноземному ея складу. Таково, напримѣръ, недавно введенное слово *шансы*, значеніе котораго не многіе изъ употребляющихъ его сумѣютъ объяснить, и которое однакожъ въ большомъ ходу. Мы имѣли недавно случай, въ одной изъ внутреннихъ губерній, слышать отъ молодого помѣщика такую фразу: „Безъ рыску нѣтъ шансовъ на авáнтажъ“. Но всего страннѣе, что во всѣхъ классахъ народа, если исключить сельскихъ жителей, распространилось по всей Россіи французское слово для выраженія благодарности. Покойный Даль мечталъ объ обогащеніи литературнаго языка неизвѣстными образованному кругу словами изъ народнаго быта. Но какъ онъ ошибался, видно изъ того, что наше прекрасное чисто-русское [402] *спасибо* (спаси Богъ!) считается годнымъ только въ разговорѣ съ простонародьемъ и прислугою. Оно недостойно чести

---

*) Въ экземплярѣ автора приписано его рукой: ***формовать*** и ***формировать***. *Ред.*

выражать благодарность людямъ высшаго круга. Замѣчательно, что ни одинъ славянскій народъ не имѣетъ своего собственнаго слова для выраженія этого чувства. Поляки, чехи, лужичане, галичане *декуютъ* (danken) на разные лады, сербы *захваливаютъ* [1]), русскіе и сербы иллирійскіе *благодарятъ*, *благодарствуютъ* — неуклюжее и непонятное народу подражаніе греческому εὐχαριστεῖν; потому это слово рѣдко и слышится въ Россіи вопреки Буасту, который въ одномъ изъ изданій своего словаря помѣстилъ слово „Bladasti" съ поясненіемъ: „Terme de remercîment usité en Russie". Теперь оказывается, что въ русскій словарь придется занести съ этимъ самымъ поясненіемъ французское „мерси".

Употребленіе большихъ, или такъ называемыхъ прописныхъ буквъ.

Было время, когда у насъ всякое иностранное существительное имя отличали на письмѣ большою буквой. Карамзинъ писалъ: *Авторъ*, *Литтература*. Такъ же писались, еще долѣе, имена званій, должностей, учрежденій, наукъ, титулы, независимо отъ происхожденія словъ, напр. *Генералъ*, *Профессоръ*, *Предсѣдатель*, *Департаментъ*, *Землеописаніе*. Но вскорѣ послѣ Карамзина старая привычка стала измѣняться. Вотъ что говорилъ Сенковскій въ 1835 году: „Смѣшно было бы привязывать (sic) важность грамматической правильности въ употребленіи малыхъ или большихъ буквъ въ извѣстныхъ словахъ: никто, кромѣ общаго обыкновенія и ясности смысла, не имѣетъ права предписывать въ этомъ случаѣ законовъ, подъ карою взысканія за педантство... Во всѣхъ хорошихъ типографіяхъ, французскихъ, англійскихъ, итальянскихъ, испанскихъ, голландскихъ, словомъ, гдѣ только пекутся о красивости изданій, признано коренною системою, что ничто такъ не пестритъ, не обезображиваетъ, не мараетъ печати, [403] какъ множество прописныхъ буквъ; что чѣмъ меньше такихъ буквъ на страницѣ, тѣмъ печать ровнѣе, чище и пріятнѣе для глазъ. Поэтому умные литераторы стали писать маленькія буквы вездѣ, кромѣ собственныхъ именъ и двухъ родовъ словъ — Богъ, Спаситель, Дѣва и проч., и Государь, Императоръ, Король и проч., разумѣя подъ первыми истиннаго христіанскаго Бога, истиннаго Спасителя, и т. д., а подъ вторыми собственнаго своего Государя, Императора, Короля, Герцога, для различія его отъ постороннихъ владѣтельныхъ лицъ, которыхъ приличнѣе писать тоже маленькими буквами — король, государь, императоръ, герцогъ, и т. д." [2]).

---

[1]) Захвальи́вати, зафа́љивати, захвалити — danken, gratias agere (Словарь Караджича).

[2]) Собраніе соч. Сенковскаго, т. IX, стр. 366.

Мы вполнѣ согласны съ Сенковскимъ, что относительно употребленія большихъ буквъ установить совершенно точныя правила невозможно; за правилами все-таки еще многое останется рѣшать такту и здравому смыслу. Оттого въ этомъ отношеніи и господствуетъ у насъ такое разногласіе. Слишкомъ пестрить письмо большими буквами конечно не годится, но съ другой стороны и слишкомъ тщательно избѣгать ихъ нѣтъ основанія: большія буквы во многихъ случаяхъ доставляютъ ту практическую пользу, что при бѣгломъ чтеніи или при пересмотрѣ прочитаннаго даютъ глазу точки опоры, облегчаютъ ему отысканіе нужнаго. Кромѣ того онѣ помогаютъ узнавать такія собственныя имена, которыя, по своей малоизвѣстности, могутъ возбудить недоумѣніе, напр. напишите: *кокату* или *кинканупъ*,—никто не догадается, что это названія двухъ племенъ, обитающихъ въ Австраліи. Прописное *К* укажетъ по крайней мѣрѣ, что это — имена собственныя. Нельзя сказать, чтобы англійская или, еще болѣе, нѣмецкая печать, изобилующія большими буквами, много теряли отъ этого въ изяществѣ. Держась частью логическихъ основаній, частью общепризнаннаго обычая, мы принимаемъ за правило, что съ большой буквы пишутся:

[404] 1. Первое слово строки, начинающей новый отдѣлъ текста, или первое слово послѣ точки.

2. Первое слово чужой рѣчи, приводимой послѣ двоеточія между кавычками.

3. Каждое слово, начинающее стихъ.

4. Имена трехъ Лицъ Божества и высшихъ существъ, составляющихъ предметъ религіознаго почитанія христіанъ: *Богъ, Господь, Творецъ, Всевышній, Спаситель, Богородица, Святый Духъ, Св. Троица* и т. п.; также слова: *Провидѣніе, Промыслъ, Небо, Церковь* въ духовномъ смыслѣ.

Не требуютъ большой буквы названія цѣлыхъ разрядовъ или видовъ существъ, признаваемыхъ Церковію: *ангелъ, херувимъ, серафимъ*; тѣмъ болѣе подходятъ подъ это правило языческія названія: *нимфа, дріада, наяда, муза, парка, гарпія, гора; альфъ, норна, валкирія; русалка, вила* и т. п.

5. Титла царствующаго въ Россіи Дома: *Государь Императоръ, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Ихъ Императорскія Величества.*

Съ большой же буквы пишутся мѣстоименія, замѣняющія имена, означенныя въ пунктахъ 4-мъ и 5-мъ: *Ты, Твой, Онъ, Его, Себя* и проч.

6. Собственныя личныя имена, а также составляющія съ ними одно прозваніе придаточныя титла или нарицательныя имена, равно прилагательныя и числительныя: Іоаннъ *Креститель*, Юліанъ *Отступникъ*, Иванъ *Калита*, Иванъ *Грозный*, Петръ *Великій*, Екатерина *Вторая* и пр.

Всякія другія титла и наименованія званій, должностей и чиновъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ,

пишутся съ малой буквы: *патріархъ, пророкъ, апостолъ, евангелистъ, митрополитъ, архіерей; консулъ, преторъ, сатрапъ; канцлеръ, министръ, генералъ-губернаторъ; князь, графъ, баронъ; камергеръ, гофмаршалъ; академикъ, профессоръ; генералъ, полковникъ, тайный совѣтникъ.*

Въ *письменныхъ* сношеніяхъ слова́, употребляемыя для титулованія, какъ-то: *Его Высокоблагородію, Ваше Превосходительство,* [405] *Ваше Сіятельство*, также слова: *Милостивый Государь* и даже просто *Господинъ* пишутся съ большой буквы, равно какъ и мѣстоименія 2-го лица множ. ч.: *Вы, Вашъ.*

7. Собственныя географическія имена, означающія государства, страны, области, селенія, горы, моря, озера, рѣки, каналы, также названія улицъ, зданій, мостовъ: *Россія, Бессарабія, Нижній-Новгородъ, Мураевня, Пріютино, Морская, Мойка,* гора *Благодать, Тихое море, Байкалъ, Волга; Адмиралтейство* (какъ зданіе), *Синій мостъ.*

Когда названіе состоитъ изъ прилагательнаго и существительнаго, то различаются два случая: а) если существительное означаетъ видъ, къ которому принадлежитъ предметъ, то съ большой буквы пишется только прилагательное: *Бѣлое море, Тверская губернія, Троицкій соборъ, Ладожское озеро, Черная рѣчка, Зимній дворецъ, Лѣтній садъ, Чернышевъ переулокъ, Красный мостъ*; б) если существительное не означаетъ вида, подъ который подходитъ именуемый предметъ, то и оно пишется съ большой буквы: городъ *Царское Село, Великія Луки,* село *Черная Грязь.*

Когда прилагательное состоитъ изъ двухъ словъ, то оба пишутся съ большой буквы: *Александро-Невская Лавра, Киргизъ-Кайсацкая степь, Кіево-Печерскій монастырь.*

Названія странъ свѣта: *сѣверъ, востокъ* и т. д. пишутся съ большой буквы только тогда, когда подъ ними разумѣются земли или народы, коихъ географическое положеніе означается этими именами.

Имена племенъ, народовъ, населеній, имена исповѣданій или ученій и послѣдователей ихъ, также названія орденовъ, полковъ, учебныхъ заведеній и лицъ, именуемыхъ по полкамъ или заведеніямъ, къ которымъ они принадлежатъ, пишутся въ обоихъ числахъ съ малой буквы: *славянинъ, славяне, чехи, поляки, нѣмцы, москвичи, европейцы; христіане, христіанство, католики, православные, лютеране; исламъ, сунниты; буддизмъ; неоплатоники; классическая гимназія; кадетскій корпусъ; студентъ,* [406] *лицеистъ, правовѣдъ, кадетъ; измайловскій полкъ; преображенецъ, гусаръ, уланъ, владимирскій крестъ, аннинская лента, александровскій кавалеръ.*

8. Названія высшихъ государственныхъ и ученыхъ учрежденій, также различныхъ обществъ. Если названіе состоитъ изъ двухъ или нѣсколькихъ словъ, то большою буквою можетъ быть отмѣчаемо или только первое, или же и второе слово, смотря по тому, считать ли

его въ этомъ случаѣ за собственное, или за нарицательное имя: *Правительствующій Сенатъ, Святѣйшій Синодъ, Государственный Совѣтъ, Государственный Контроль, Академія Наукъ, Императорская Публичная библіотека, Московскій университетъ, Русское Историческое общество, Техническое общество, Общество для пособія нуждающимся литераторамъ, Министерство иностранныхъ дѣлъ* *).

9. Нѣкоторыя названія праздниковъ, недѣль и дней, имѣющихъ особенное церковное значеніе: *Рождество Христово, Пасха, Благовѣщеніе, Великій постъ, Страстная, Свѣтлая недѣля, Великій четвергъ, Преполовеніе.*

Но имена мѣсяцевъ и дней недѣли, а также народныя названія праздниковъ и разныхъ эпохъ года, пишутся съ малой буквы: *святки, масленица, мясоѣдъ, семикъ, каникулы.*

Съ малой же буквы пишутся названія историческихъ событій и эпохъ: *реформація, бироновщина, пугачевщина* **).

10. Заглавія книгъ, періодическихъ изданій, статей, стихотвореній: *Дѣянія Святыхъ Апостоловъ, Исторія Государства Россійскаго, Московскій Вѣстникъ, Новое Время.* Иногда съ большой буквы пишется только первое слово заглавія, напр.: *Капитанская дочка.*

Но названія книгъ, приводимыя не въ видѣ ихъ заглавій, а для означенія содержанія ихъ, не пишутся съ большой буквы: *календарь, святцы, священное писаніе, евангеліе, грамматика.*

11. Названія кораблей и другихъ судовъ: *Держава, Орелъ, Слава Россіи, Проворный.*

12. Прилагательныя притяжательныя, образованныя отъ [407] личныхъ именъ посредствомъ окончаній *овъ* и *инъ*: *Петрово* время, *Гомерова* эпопея, *Екатерининъ* вѣкъ.

Прилагательныя относительныя на *скій* и *кій*, образованныя какъ отъ личныхъ именъ, такъ и отъ именъ народовъ и мѣстностей, тогда только пишутся съ большой буквы, когда входятъ въ составъ названій и могутъ почитаться собственными именами, напр. *Тульская губернія, Французская академія, Русское Историческое общество* Во всѣхъ другихъ случаяхъ такія прилагательныя пишутся съ малой буквы: *ломоносовскій слогъ, шведская нація, португальскій языкъ, тамбовскій губернаторъ, тульскій самоваръ, вяземскій пряникъ; нѣмецкій театръ, донецкій уголь.*

---

*) Срв. „Р. Правописаніе“, стр. 90: Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. *Ред.*

**) Въ „Р. Правописаніи“, стр. 90, къ этому прибавлено: „Но если названіе состоитъ изъ прилагательн. и существ., то первое, служа собственнымъ именемъ, пишется съ прописной буквы: Троянская война, Крестовые походы, Семилѣтняя война. *Ред.*

О слитномъ письмѣ составныхъ реченій.

Одинъ изъ вопросовъ, производящихъ наиболѣе пестроты и путаницы въ нашемъ правописаніи, состоитъ въ томъ, когда писать слитно и когда врознь такія два или иногда и три слова, которыя вмѣстѣ составляютъ одно понятіе и могутъ быть разсматриваемы какъ цѣльная часть рѣчи, т. е. какъ нарѣчіе, предлогъ или союзъ, напр. пишутъ слитно слова: *впослѣдствіи, вслѣдствіе, взамѣнъ, оттого.*

Вопросъ этотъ особенно важенъ по своему значенію для лексикографіи, ибо слова, слитно пишущіяся, должны занимать въ словарѣ отдѣльныя мѣста въ азбучномъ порядкѣ, а обременять словарь безъ надобности множествомъ лишнихъ словъ, не только неразумно въ научномъ смыслѣ, но и неудобно на практикѣ. Другое соображеніе противъ слишкомъ усиленнаго обычая сливать два слова въ одно заключается въ томъ, что это можетъ вредить ясности рѣчи и давать поводъ къ двусмыслію, напр. начертаніе *наряду* легко можетъ быть принято за дат. падежъ сущ. *нарядъ.*

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что писать слитно многія слова въ подобныхъ случаяхъ совершенно законно и правильно: мы видимъ это обыкновеніе во всѣхъ языкахъ; но съ другой стороны чрезвычайно легко переступить въ немъ надлежащія границы. Въ [408] нашей орѳографіи давно уже замѣчается такая наклонность, и потому не безполезно будетъ заняться обстоятельнымъ разсмотрѣніемъ относящихся сюда явленій.

Начнемъ съ мнѣнія, которое выразилъ по этому предмету Ломоносовъ. „Нѣкоторые“, говоритъ онъ въ § 125 своей Грамматики, „неправильно соединяютъ предлоги раздѣльные съ именами, которыя съ ними знаменованіемъ походятъ на нарѣчія: *Ввечеру, нанизу,* вмѣсто *въ вечеру, на низу:* ибо *вечеръ* и *низъ* суть существительныя, съ предлогами сочиненныя въ пристойныхъ падежахъ и въ надлежащемъ знаменованіи. Дѣйствительно претворяются имена съ предлогами въ нарѣчія, и съ ними слитно поставлены быть должны, 1) когда предлогъ стоитъ не съ пристойнымъ падежемъ, напримѣръ: *Вдругъ,* ибо никакой другой предлогъ съ именительнымъ падежемъ не сочиняется. 2) Когда отъ надлежащаго знаменованія въ сложеніи отходитъ, напр. *вмѣстѣ:* ибо здѣсь разумѣется *купно;* и такъ писать должно: *Житъ вмѣстѣ съ братомъ. Житъ въ мѣстѣ многолюдномъ.* 3) Ежели предлогъ стоитъ передъ именемъ, въ другихъ случаяхъ неупотребительнымъ: *Вдоль, вкосъ*“.

Въ этихъ замѣчаніяхъ Ломоносова мы прежде всего должны отмѣтить одну невѣрность: въ составѣ нарѣчія *вдругъ* онъ видитъ им. падежъ сущ. *другъ,* и на этомъ ложномъ основаніи строитъ правило.

Кромѣ того мы видимъ, что нѣкоторыя слiянiя, которыхъ не допускалъ Ломоносовъ, послѣ него давно уже вошли во всеобщее употребленiе; нынче всѣ, или почти всѣ пишутъ: *ввечеру, внизу*. Конечно, предлагаемыя имъ два послѣднiя правила еще и теперь оказываются справедливыми; но сверхъ того есть еще и много другихъ случаевъ, когда вошло въ обычай слитно писать слова, образующiя вмѣстѣ какъ бы одну часть рѣчи. Опредѣлить такiе случаи точными правилами невозможно. Главнымъ тутъ руководителемъ долженъ служить установившiйся обычай, и чѣмъ онъ давнѣе, тѣмъ болѣе имѣетъ права на то, чтобъ съ нимъ сообразовались. Нѣтъ надобности безпрестанно распространять количество такихъ словъ.

[409] Слитно писать два слова слѣдуетъ тогда, когда соединенiе ихъ безпрекословно утверждено общимъ сознанiемъ; когда же встрѣчается сомнѣнiе, писать ли ихъ слитно, или врозь, то лучше избирать послѣднее.

Слитно пишутся предлогъ и существительное большею частью тогда, когда оба слова теряютъ свое индивидуальное, самостоятельное значенiе и образуютъ вмѣстѣ одно понятiе, или, въ грамматическомъ смыслѣ, нарѣчiе, напр.: *вверхъ, внизъ, вверху, внизу, вмѣстѣ, вовѣкъ, впередъ, врознь, вслѣдъ, втайнѣ, втиши, вдали, впослѣдствiи* [1]).—*Кстати, издали.* — *Сначала, сверху, снизу, слишкомъ.* — *Наверхъ, наверху, навѣки, наконецъ, наоборотъ, назадъ, напередъ, напримѣръ* *).

Характеръ такого соединенiя виденъ изъ противоположныхъ случаевъ, когда имя сохраняетъ свое индивидуальное значенiе, будетъ ли къ нему (имени) присоединено опредѣленiе, или нѣтъ; или когда предлогъ употребленъ какъ дополненiе къ глаголу: *въ самый верхъ, съ какой стати, съ начала года, на конецъ* (напр. указать). Сюда идетъ также приведенный Ломоносовымъ примѣръ: *жить въ мѣстѣ многолюдномъ.*

Отъ словъ, слитыхъ въ одно нарѣчiе, надобно отличать такiя слова, которыя составляютъ только метафору и потому должны писаться врознь, напр.: *въ гору, съ плеча.*

Мы здѣсь покуда говоримъ только о нарѣчiяхъ, составленныхъ изъ предлога и имени существительнаго, и утверждаемъ, что не для чего быть слишкомъ щедрымъ на образованiе подобныхъ нарѣчiй, что напр. лучше писать отдѣльно слова: *въ виду, въ заключенiе, въ старину за границу, за границей, съ размаху, съ разу, со временемъ, въ волю, въ*

---

[1]) На нашей еще памяти писали не иначе, какъ *въ послѣдствiи времени.* Употреблять абсолютно въ такомъ же смыслѣ одно слово *послѣдствiе* стали недавно, и такъ какъ это значенiе придается слову только въ соединенiи съ предлогомъ *въ*, то мы и считаемъ позволительнымъ видѣть тутъ нераздѣльное нарѣчiе.

*) **Также *насчетъ*** (въ значенiи: относительно), см. „Р. Правописанiе", стр. 92. *Ред.*

пору и мн. др. Но еще болѣе осмотрительности нужно въ составленіи такимъ образомъ [410] новыхъ предлоговъ, ограничиваясь тѣми, которые издавна утверждены уже обычаемъ, напр. *вокругъ, вмѣсто, сверхъ:* нѣтъ надобности въ искусственномъ образованіи такихъ предлоговъ, какъ напр. *втеченіе, впродолженіе.*

Нѣкоторые пишутъ: „въ теченіи, въ продолженіи", но это противно общему закону, по которому въ русскомъ языкѣ протяженіе дѣйствія во времени выражается винительнымъ падежемъ съ помощію предлога *въ,* напр. *въ жизнь* не видѣлъ, *въ свой вѣкъ* испыталъ, сдѣлалъ *въ недѣлю, въ мѣсяцъ, въ годъ;* случилось *въ царствованіе...; въ мою болѣзнь, въ ея пребываніе, въ вашъ пріѣздъ, въ твою бытность, въ отечественную войну.* То же видно изъ присоединенія опредѣлительныхъ словъ къ двумъ разсматриваемымъ выраженіямъ; мы говоримъ: *во все продолженіе,* какъ и *во все царствованіе,* а не *во всемъ продолженіи.* Лучшимъ же подтвержденіемъ нашего указанія можетъ служить выраженіе *во время* (а не во времени), однозначущее съ выраженіемъ *въ продолженіе.*

Правило Ломоносова писать предлогъ слитно съ именемъ, которое въ другихъ случаяхъ неупотребительно, едва ли и теперь можетъ встрѣтить противорѣчіе. Вотъ примѣры изъ нынѣшняго языка: Вдоль, вдоволь, взаймы, взапуски, внутрь, внутри, вплавь, впредь, вновь, встарь, вкось, вкривь, впрямь, врознь, врозь, вопреки, взаперти, вблизи, впотьмахъ, впопыхахъ, второпяхъ. Набекрень, навыворотъ, навзрыдъ, навзничь, навзрячь, назади, наземь, наперекоръ, навѣрняка, напрямки, напрямикъ, наружу, снаружи, наяву; оземь, изстари, искони, поодаль, позади, поодиночкѣ, понутру, сзади, спереди, сплошь.

Подобныя сочетанія естественно изображать слитно, потому что нельзя принимать за отдѣльныя слова, и заносить особо въ словарь такія существительныя, которыя сами по себѣ въ языкѣ неизвѣстны.

Кромѣ существительныхъ, съ предлогами соединяются еще въ одно понятіе прилагательныя, числительныя, мѣстоименія и самыя нарѣчія. Разсмотримъ и тутъ каждый случай отдѣльно.

[411] Прилагательное можетъ являться при этомъ въ трехъ различныхъ формахъ:

1) Прилагательное полное средняго рода.

Такъ какъ подобное прилагательное можетъ и само по себѣ, безъ предлога, быть употребляемо какъ существительное, напр. „кто *старое* вспомянетъ", то нѣтъ причины писать его слитно съ предлогами, напр. *по старому, по прежнему* *), *по нынѣшнему, по дорожному, по приказному, по трактирному, по книжному, по домашнему, по праздничному, по*

---

*) Въ „Р. Правописаніи" стр. 92, ***попрежнему*** въ слитной формѣ стоитъ рядомъ съ словами: ***впрочемъ, повидимому.*** См. тамъ же, въ Указателѣ. *Ред.*

будничному. Другое дѣло, когда при такомъ соединеніи настоящее значеніе прилагательнаго какъ будто забывается, напр. *впрочемъ*, *повидимому*.

Сюда же относятся и мѣстоименія притяжательныя, имѣющія форму прилагательныхъ: *по моему*, *по вашему*, которыя также нѣтъ надобности писать слитно съ предлогомъ, но можно соединять съ нимъ черточкою.

2) Прилагательное краткое средняго рода.

Такое прилаг., когда оно не играетъ роли сказуемаго, только и употребляется для образованія съ предлогами нарѣчій, которыя потому пишутся нераздѣльно: *вдалекѣ*, *вполнѣ*, *вскорѣ*, *вкратцѣ* (ц.-сл.), *вчернѣ*; *вправо* [1]), *влѣво*; *вообще*, *вотще*; *докрасна*, *досыта*; *навѣрно*, *надолго*, *налѣво*, *направо*, *набѣло*, *начерно*; *налегкѣ*, *навеселѣ*, *наготовѣ*, *заново*, *запросто*; *слегка*, *слѣва*, *справа*, *смолоду*, *снова*, *сполна*, *сгоряча*, *свысока*, *изрѣдка*, *издалека*, *изсиня*.

3) Прилагательное полное женскаго рода.

Такъ какъ прилагательныя въ этой формѣ неупотребительны отдѣльно, безъ существительнаго и безъ предлога, то они пишутся слитно съ послѣднимъ: *вразсыпную*, *вкрутую*, *всплошную* *зачастую*, *напропалую*.

4) Числительныя: *вдвое*, *вдвоемъ*, *втроемъ*, *заодно*; *вдвойнѣ*, *впервые*. Но въ словахъ: *во-первыхъ*, *во-вторыхъ* соединеніе предлога съ числительнымъ лучше означать черточкою, такъ [412] какъ при сліяніи ихъ въ одно слово пришлось бы занести въ словарь всѣ порядковыя числительныя до самыхъ высокихъ цыфръ вторично съ предлогомъ *въ*.

5) Мѣстоименія съ предлогами образуютъ, между прочимъ, слѣдующія реченія: *потому*, *посему*, *поэтому*, *почему*; *потомъ*; *притомъ*; *затѣмъ*, *зачѣмъ*, *оттого*, *отчего*; *вовсе*.

Слитно пишутся эти слова, когда они служатъ союзами; но когда предлогъ сохраняетъ свое самостоятельное значеніе и дополняетъ глаголъ, то онъ долженъ становиться отдѣльно, напр.: смотря *по тому*, присутствовать *при томъ*, дойти *до того*, платить *за то*, слѣдовать *за тѣмъ*, зависѣть *отъ того*. Слова *при этомъ* не составляютъ союза и не должны писаться слитно, какъ это въ послѣднее время иногда стало встрѣчаться въ печати: тутъ предлогъ *при* сохраняетъ свое самостоятельное значеніе, а въ этомъ случаѣ и слова́ *при томъ* пишутся отдѣльно. По той же причинѣ и реченіе *при чемъ* должно оставаться въ видѣ двухъ отдѣльныхъ словъ.

6) Нарѣчіе, какъ часть рѣчи неизмѣняемая, не можетъ подлежать управленію предлога и потому пишется съ нимъ слитно: *докуда*,

---

[1]) *Въ правѣ* (сущ. имя) нѣтъ причины писать слитно.

дотуда; доколѣ, доселѣ, дотолѣ, донынѣ, понынѣ, покуда; насколько, настолько *), *поскольку, повлику, послѣзавтра.*

Сюда же можно отнести нарѣчія: *свыше, втуне.*

Нарѣчія въ родѣ слѣдующихъ: *попеременно, поочередно, дословно, поголовно, повзводно* сюда не относятся: они образованы отъ соотвѣтствующихъ имъ прилагательныхъ: *попеременный* и проч., и не могутъ считаться составными въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы разсматриваемъ слова этой категоріи.

Но здѣсь слѣдуетъ упомянуть о другомъ разрядѣ нарѣчій, которыя образуются съ помощію предлога *по*, правильно отдѣляемаго отъ нихъ черточкою: *по-дружески, по-молодецки, по-стариковски, по-дѣтски, по-свойски, по-каковски; по-русски; по-французски.* Нѣкоторые пишутъ эти слова и слитно, но безъ надобности и къ напрасному обремененію словаря.

[413] Есть и предлогъ, соединяющійся съ другимъ предлогомъ въ нарѣчіе: *напротивъ.*

Для образованія составныхъ реченій соединяются еще:

1) Числительныя то между собою, то съ существительными: *полтора* (т. е. полвтора), *двѣсти, триста, пятьсотъ;* почему и въ косвенныхъ падежахъ слѣдуетъ писать слитно: *двухсотъ, тремстамъ.* Слово *полъ* (половина) должно быть отдѣляемо черточкою отъ существительнаго начинающагося гласною, *полъоборота*, кромѣ того слѣдуетъ писать *полъ-листа*: если бъ написать *поллиста*, то пришлось бы читать „польлиста", такъ какъ при встрѣчѣ двухъ согласныхъ, изъ коихъ вторая тонкая, первая всегда уподобляется ей *(милліонъ, ранній).* Что *полъ* собственно не соединяется тутъ въ одно слово съ существительнымъ, видно изъ косвенныхъ падежей въ реченіяхъ: *полу́листа́, полу́пути́*, хотя принято писать слитно: *полгода, полчаса* и проч.

2) Мѣстоименіе съ существительнымъ: *сейчасъ, сегодня, тотчасъ.*

3) Мѣстоименіе или нарѣчіе съ союзомъ: *тоже* (нарѣч.), *однакоже, ужели, также* (но раздѣльно, когда выражается сравненіе, напр. *такъ же скоро; такъ же, какъ*).

Въ другихъ случаяхъ частица *же, жъ* пишется отдѣльно: *кого же, что жъ, тотъ же, та же, то же* (мѣстоим.); отдѣльно же пишутся частицы *ли, лъ, бы, бъ: та ли, если бы, если бъ, ежели бы*, за исключеніемъ словъ *ужели, чтобы* (союзъ). Но когда *что* остается мѣстоименіемъ, то оно отдѣляется отъ *бы: что бы* предпринять? *что бы ни* говорили. Соединеніе частицъ *либо, нибудь, таки* съ предыдущимъ словомъ означается черточкою: *кто-либо, что-нибудь, все-таки.* Заключительный союзъ *итакъ* (фр. donc, par conséquent) для отличія отъ случая, когда *и* сохраняетъ значеніе отдѣльнаго союза, пишется слитно,

---

*) См. „Р. Правописаніе", стр. 93, примѣч. *Ред.*

напр.: „вы согласны; *итакъ* дѣло кончено"; или „онъ говорилъ такъ умно *и такъ* краснорѣчиво", или: „такъ я понимаю жизнь, *и такъ* рѣшился жить".

[414] 4) Два нарѣчія, составляющія по смыслу одно, обыкновенно соединяются между собой черточкою: *мало-мальски, давнымъ-давно, ранымъ-рано, просто-напросто.*

Такимъ же образомъ обозначается соотношеніе двухъ предлоговъ, изъ которыхъ управленіе остается за первымъ: *изъ-за* границы, *изъ-подъ* стола.

Иногда составное нарѣчіе заключаетъ въ себѣ три слова, которыя и пишутся слитно: *сызнова, сыздѣтства, снаружи, наизусть, наискось, насупротивъ, наврядъ, вполсыта, вполпути, сполагоря, исподволь, исподлобья.* Впрочемъ, собственно говоря, тутъ соединеніе образуютъ только два члена, изъ которыхъ одинъ сложный; такимъ бываетъ большею частью второй членъ.

5) Два существительныя иностраннаго происхожденія, означающія извѣстныя должности, званія и чины: *камергеръ, камеръюнкеръ, гофмейстеръ, егермейстеръ, фельдмаршалъ, фельдъегерь.*

Иногда же оба имени пишутся врозь и соединяются черточкою: *камеръ-лакей, штабъ-лѣкарь, штабъ-офицеръ, гофъ-интендантъ, унтеръ-офицеръ, оберъ-гофмаршалъ, генералъ-майоръ, генералъ-губернаторъ, генералъ-штабъ-докторъ.* Во всѣхъ такихъ соединеніяхъ склоняется только послѣднее слово.

Въ заключеніе нужнымъ считаю разсмотрѣть, когда частица *не* должна писаться отдѣльно и когда слитно.

Отрицаніе *не* пишется у насъ, по большей части, безъ всякой послѣдовательности, то слитно, то раздѣльно. Для избѣжанія этой неопредѣленности нѣкоторые приняли за правило никогда не отдѣлять *не* отъ слѣдующаго за нимъ слова, забывая, что вслѣдствіе того каждое такое слово пришлось бы вносить въ словарь два раза, въ положительной и въ отрицательной формѣ.

Съ прилагательными и нарѣчіями частица *не* вообще пишется слитно, напр. *неловкій, недавній, невозможный, невѣрно, невольно.* Но если отрицается не самое прилагательное или нарѣчіе, а подразумѣваемый въ сказуемомъ глаголъ, то частица [415] *не* должна писаться раздѣльно, напр. въ предложеніи: „я вамъ за это *не* благодаренъ". Совсѣмъ иную мысль выразитъ начертаніе: „я *неблагодаренъ*" [1]). Для повѣрки правописанія въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ употребить вмѣсто на-

---

[1]) Эту разницу нагляднѣе представляютъ тѣ языки, гдѣ слитное отрицаніе получаетъ особенную форму, напр. въ нѣм. un, misz, во франц. in, dé, dés. Такъ, очень легко понять различие между фразами: il m'est désagréable и — il ne m'est pas agréable.

стоящаго прошедшее или будущее время и посмотрѣть, поставимъ ли мы тогда отрицаніе передъ глаголомъ *быть*, или передъ прилагательнымъ.

Когда отрицанію соотвѣтствуетъ въ другомъ предложеніи противоположное утвержденіе, то частица *не* должна отдѣляться, напр. онъ былъ *не* боленъ, а разстроенъ духомъ; *не* богатъ, но честенъ; они слабы, а *не* добры. Поэтому и реченіе *не только*, которому соотвѣтствуетъ *но и*, должно писаться раздѣльно. Бываютъ и другіе случаи, въ которыхъ, смотря по смыслу, слѣдуетъ писать *не* то слитно, то раздѣльно, напр.: онъ *немного* (т. е. немножко) работаетъ—не одно и то же, что: онъ *не много* работаетъ.

Передъ глаголомъ частица *не* составляетъ, вообще говоря, отдѣльное отрицаніе: *не знать, не хожу, не видитъ*. Слѣдовательно, то же относится и къ причастію: человѣкъ, *не любящій* ссоръ; ничего *не видящій, не любимый* товарищами. Причастіе сохраняетъ свой характеръ всякій разъ, когда съ словомъ соединяется понятіе времени: или когда при глаголѣ есть дополненіе положительное или отрицательное. Но когда причастіе обращается въ прилагательное, и означаемое имъ качество безусловно отрицается, то *не* пишется слитно: человѣкъ *нелюбящій, нелюбимый, независимый, несвѣдущій, неумолимый*.

Съ глаголомъ отрицаніе *не* можетъ составлять одно слово только тогда, когда онъ образованъ съ помощью этой частицы и безъ нея неупотребителенъ: *ненавидѣть, негодовать*. Слитно пишутся также *нельзя, недостаетъ, несмотря*.

Не входитъ въ составъ многихъ существительныхъ: [416] *ненависть, негодованіе, невѣрность, непокорность, невѣжда, неряха, нетель, недругъ, несчастіе, немилость;* случаи, въ которыхъ отрицаніе пишется отдѣльно отъ имени, не требуютъ особаго поясненія.

Что касается частицы *ни*, то она пишется слитно въ словахъ: *никто, ничто, никакой, нигдѣ, никуда, никогда, нисколько*, какъ составляющихъ отдѣльныя понятія, въ нѣкоторыхъ языкахъ выражаемыя даже особыми словами, но остается не соединенною въ другихъ случаяхъ, напр. *ни одинъ, ни который, ни мало, ни откуда**).

Знаки препинанія (пунктуація).

Въ живой рѣчи логическое отношеніе между словами обозначается интонаціею и пріостановками голоса (паузами). На письмѣ къ означенію такихъ паузъ служатъ *знаки препинанія*.

Такъ какъ паузы, смотря по бóльшей или меньшей связи между словами, бываютъ неодинаковой продолжительности, то имъ соотвѣтствуютъ и различные знаки.

---

*) **См. еще замѣчанія о частицѣ *ни* въ „Р. Правописаніи", стр. 97.** *Ред.*

Основныхъ знаковъ препинанія два: *точка* (.) и *запятая* (,), означающія двѣ крайнія степени роздыха: точка—пріостановку послѣ законченной мысли или цѣлаго ряда мыслей; запятая—послѣ предложенія или слова, которое нужно только въ слабой степени отдѣлить отъ слѣдующихъ за нимъ.

Изъ этихъ двухъ знаковъ составляются два другіе, для означенія пріостановки средней продолжительности: *точка съ запятою* (;) и *двоеточіе* (:).

Къ точкѣ примыкаютъ еще два знака, служащіе для указанія не одной паузы, но и особыхъ оттѣнковъ и интонаціи, именно: знакъ *восклицательный* (!) и знакъ *вопросительный* (?).

Употребленіе знаковъ препинанія находится въ тѣсной связи съ синтаксисомъ или ученіемъ о предложеніяхъ, основанія котораго здѣсь предполагаются извѣстными.

При изложеніи мыслей на письмѣ нынче принято за общее [417] правило не писать слишкомъ сложными или распространенными предложеніями, т. е. выражаться болѣе отрывистою, нежели періодическою рѣчью. Отрывистая же рѣчь состоитъ въ томъ, чтобы для бо́льшей простоты и ясности изложенія выражаться по возможности краткими предложеніями и тѣмъ давать читателю чаще пріостанавливаться. Въ отношеніи къ употребленію знаковъ препинанія это значитъ: между двумя точками не накоплять слишкомъ много предложеній, находящихся во взаимной зависимости или тѣсной между собою связи, и притомъ располагать ихъ такъ, чтобы они одно отъ другого могли отдѣляться по крайней мѣрѣ точкою съ запятой или двоеточіемъ.

Неумѣренный наборъ придаточныхъ предложеній между главными запутываетъ и затемняетъ рѣчь.

Это понималъ уже и Карамзинъ, однако у него еще встрѣчаются иногда очень длинныя предложенія, напримѣръ: „*Хотя новѣйшіе лѣтописцы говорятъ, что Славяне скоро вознегодовали на рабство, и какой-то Вадимъ, именуемый Храбрымъ, палъ отъ руки сильнаго Рюрика вмѣстѣ со многими изъ своихъ единомышленниковъ въ Новгородѣ— случай вѣроятный: люди, привыкшіе къ вольности, отъ ужасовъ безначалія могли пожелать властителей, но могли и раскаяться, ежели Варяги, единоземцы и друзья Рюриковы, утѣсняли ихъ — однакожъ сіе извѣстіе, не будучи основано на древнихъ сказаніяхъ Нестора, кажется одною догадкою и вымысломъ*“ (*И. Г. Р.*, изд, 2-е, I, 115—116).

Предпочтеніемъ къ отрывистой рѣчи отличается особенно проза Пушкина. Вотъ какъ, напр., онъ выражается въ „Исторіи Пугачевскаго бунта“:

Но яицкіе заговорщики слишкомъ привязаны были къ своимъ богатымъ, роднымъ брегамъ. Они, вмѣсто побѣга, положили быть новому мятежу. Самозванство показалось имъ надежною пружиною. Для сего

нуженъ былъ только пришлецъ дерзкій и рѣшительный, еще неизвѣстный народу. Выборъ ихъ палъ на Пугачева. Имъ не трудно было его уговорить. Они немедленно начали собирать себѣ сообщниковъ. (Соч. Пушк., изд. Анн. VI, 125).

[418] Точкою съ запятой отдѣляются одно отъ другого не слишкомъ короткія предложенія, относящіяся къ одной главной мысли и между которыми нѣтъ никакого союза:

Въ черной бородѣ его показывалась просѣдь; живые, большіе глаза такъ и бѣгали... Волоса были обстрижены въ кружокъ; на немъ былъ оборванный армякъ и татарскіе шаровары. (Ист. П. б.).

Служи вѣрно кому присягнешь; слушайся начальниковъ; за ихъ лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; отъ службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье съ нову, а честь съ молоду. (Кап. дочка).

Точка съ запятою между главными предложеніями бываетъ нужна особенно тогда, когда при этихъ предложеніяхъ находятся придаточныя или вводныя, которыя уже раздѣлены запятыми:

Осаждающіе слабѣли духомъ и тѣломъ, терпя ненастье, иногда и голодъ; роптали; не смѣя винить короля, винили главнаго воеводу Замойскаго; говорили, что онъ въ академіяхъ италіанскихъ выучился всему, кромѣ искусства побѣждать Россіянъ; безъ сомнѣнія уѣдетъ съ королемъ въ Варшаву и т. д. *(И. Г. Р.),*

Точка съ запятой ставится и тогда, когда такія предложенія отдѣлены одно отъ другого союзами: *но, а, же, однакожъ*, передъ которыми впрочемъ, при краткихъ (особенно слитныхъ) предложеніяхъ, достаточно бываетъ и одной запятой. Иногда съ этими союзами можетъ появляться и новое предложеніе послѣ точки.

Вотъ примѣры всѣхъ трехъ случаевъ:

1. *Нѣкоторые изъ послушныхъ* (казаковъ) *хотѣли его поймать и представить, какъ возмутителя, въ комендантскую канцелярію; но онъ скрылся вмѣстѣ съ Денисомъ Пьяновымъ. (Ист. Пуг. б.).*

2. *Онъ былъ добрый малый, но вѣтренъ и безпутенъ до крайности. (Кап. дочка).*

Я вчера напроказилъ, а тебя напрасно обидѣлъ. (Кап. д.).

3. *Брантъ послалъ въ Москву къ генералъ-аншефу князю Волконскому, требуя отъ него войска. Но московскій гарнизонъ былъ весь отряженъ для отвода рекрутъ. (Ист. Пуг. б.).*

[419] Точкою съ запятой могутъ быть раздѣляемы не только главныя предложенія, но и придаточныя, относящіяся къ одному главному, если они не очень кратки:

Сигизмундовъ посланникъ объявилъ Іоанну, что во многихъ нѣмецкихъ городахъ ходятъ письма бранныя; что царь долженъ торжественно отказаться отъ сихъ клеветъ; что герцогъ Магнусъ съ помощію Россіянъ

воевалъ королевскія мызы; что мы въ противность договору заняли Тарвастъ; что Сигизмундъ и т. д. *(И. Г. Р.).*

Двоеточіе ставится:

1. Передъ предложеніемъ, содержащимъ причину, слѣдствіе, доказательство или объясненіе предыдущаго *):

Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья:
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья. (Лерм.).

Исторія есть безпрестанное оправданіе Божія Промысла: неправда сама себя губитъ, и никогда, напротивъ, правда не имѣла послѣдствій губительныхъ (Жук.).

2. Передъ приводимыми пишущимъ чужими словами или мыслями, передъ цитатами, изреченіями, заглавіями и т. п.

Мнѣ скажутъ: „А лужокъ, а темная дуброва?“ (Крыл.).

Самъ думаетъ: „Молчи жъ, ужъ я тебя, воструху!“ (Крыл.).

Вмѣсто отвѣта она показала свое кольцо съ надписью: „Ничто, кромѣ смерти“ (И. Г. Р.).

Передъ началомъ и при концѣ приводимыхъ авторомъ чужихъ словъ, заглавій и т. п., обыкновенно ставятся кавычки „ “. При цитатахъ нужны кавычки только тогда, когда выписка дѣлается слово въ слово.

3. Передъ словами, составляющими исчисленіе нѣсколькихъ предметовъ, лицъ или дѣйствій, иногда съ прибавленіемъ частицъ: *какъ-то, именно:*

[420] *Насъ было двое: братъ и я.* (Пуш.).

Друзья! не все ль одно и то же:
Забыться праздною душой
Въ блестящей залѣ, въ модной ложѣ
Или въ кибиткѣ кочевой? (Евг. Он.).

Между предложеніями, представляющими параллелизмъ мыслей или выраженій:

Капитолій граничилъ въ Римѣ съ Тарпейскою скалою: въ Новгородѣ престолъ съ темницею. (И. Г. Р.).

Въ періодической рѣчи Карамзинъ раздѣлялъ двоеточіемъ два предложенія, взаимная связь которыхъ выражена союзами: *какъ — такъ, когда — тогда, если — то,* или мѣстоименіями *кто — тотъ:*

---

*) Въ „Р. Правописаніи“, стр. 103, прибавлено: „когда эти два предложенія не связаны союзами: потому что, такъ какъ, ибо и др.“. *Ред.*

Если бы всѣ матеріалы были у насъ собраны, изданы, очищены критикою: то мнѣ оставалось бы единственно... (И. Г. Р.).

Но послѣдующіе писатели обыкновенно замѣняли въ такихъ предложеніяхъ двоеточіе либо точкою съ запятою, либо, еще чаще, одною запятою.

Многоточіемъ, т. е. тремя и болѣе точками сряду (. . .), отмѣчается либо неконченная мысль, либо многозначительное размышленіе или сильное чувство:

А я... отъ горькихъ, горькихъ слезъ
И свѣтъ въ очахъ затмился... (Жук.).

Вошелъ... Ахъ, новость, да какая! (Пушк.).

Желанья!... что пользы напрасно и вѣчно желать?...
А годы проходятъ — всѣ лучшіе годы!
Любить... но кого же?... на время—не стóитъ труда,
А вѣчно любить невозможно. (Лерм.).

Боюсь сказать... душа дрожитъ... (Лерм.).

[421] Запятая ставится между краткими однородными предложеніями, т. е. между двумя главными или двумя придаточными, когда они непосредственно слѣдуютъ одно за другимъ, или раздѣлены союзами: *а, же, но, да* (въ значеніи *но*), *или:*

Проходитъ годъ,
Никто нейдетъ,
Еще минулъ годокъ, еще уплылъ годъ цѣлый. (Крыл.).

... Что онъ не вѣдаетъ святыни,
Что онъ не помнитъ благостыни,
Что онъ не любитъ ничего,
Что кровь готовъ онъ лить какъ воду,
Что презираетъ онъ свободу,
Что нѣтъ отчизны для него. (Пушк.).

Ужъ мы ль на все не мастерицы,
А этого у насъ искусства не видать. (Крыл.).

Кто знатенъ и силенъ,
Да не уменъ. (Крыл.).

Когда два сказуемыя при одномъ и томъ же подлежащемъ соединены союзомъ *и*, то обыкновенно запятой не ставится:

Я сѣлъ въ кибитку съ Савельичемъ и отправился въ дорогу (Кап. д.).

Отнесъ полчерепа медвѣдю топоромъ
И брюхо прокололъ ему желѣзной вилой. (Крыл.).

Но когда изъ двухъ сказуемыхъ, соединенныхъ союзомъ *и*, второе означаетъ либо позднѣйшее дѣйствіе, либо слѣдствіе того, что выражено первымъ, то и передъ союзомъ *и* ставится запятая:

Не знаю скуки съ зѣвотою, и благодарю Бога. (Вяз.).

[422] Когда два предложенія, соединенныя союзомъ *и*, имѣютъ не одно и то же подлежащее, то они раздѣляются запятою:

Бурное объясненіе облегчило ея душу, и она спокойнѣе могла разсуждать. (Вяз.).

Клубами черный дымъ несется къ облакамъ,
И пламя лютое всю рощу вдругъ объемлетъ. (Крыл.).

Когда союзы: *и, да* (въ значеніи *и*) соединяютъ однородныя *части* предложенія (два подлежащія, два опредѣленія и т. п.), то передъ ними запятой не ставится, напр.

Однажды лебедь, ракъ да щука (Крыл.).

Но при повтореніи этихъ союзовъ запятая ставится:

И лаять, и визжать, и рваться. (Крыл.).

Нѣтъ, пускай послужитъ онъ въ арміи, да потянетъ лямку, да понюхаетъ пороху, да будетъ солдатъ, а не шаматонъ въ гвардіи. (Кап. д.).

Впрочемъ, когда *и* повторяется только разъ, то запятая обыкновенно опускается: *и тотъ и другой; и тамъ и сямъ; и жалко и смѣшно.*

И день и ночь до новой встрѣчи (Пушк.).

И радость и печаль, все было пополамъ. (Крыл.).

Запятая ставится и при повтореніи другихъ союзовъ или нарѣчій въ одномъ и томъ же простомъ или слитномъ предложеніи:

Казакъ не хочетъ отдохнуть
Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
Ни при опасной переправѣ. (Пушк.).

Долго ль мнѣ гулять на свѣтѣ,
То въ коляскѣ, то верхомъ,
[423] *То въ кибиткѣ, то въ каретѣ,*
То въ телѣгѣ, то пѣшкомъ? (Пушк.).

Иль явно, иль исподтишка. (Пушк.).

Здоровъ ли, сытъ ли онъ, укрытъ ли отъ ненастья! (Крыл.).

То же соблюдается, когда *или* чередуется съ союзомъ *ли:*

Паду ли я, стрѣлой пронзенный,
Иль мимо пролетитъ она. (Пушк.).

Все разскажу: дѣла ль, обычай ли какой,
Иль гдѣ какое видѣлъ диво. (Крыл.).

Боялся ли народъ остаться безъ власти, или, упоенный дерзостью, хотѣлъ явить разительный примѣръ. (И. Г. Р.).

Вообще между повторяемыми въ предложеніи словами, къ какой бы части рѣчи ни принадлежали они, ставится запятая:

Придутъ, придутъ часы тѣ скучны. (Держ.).

Дверь тихо, тихо уступаетъ. (Пушк.).

Когда союзъ *или* стоитъ между *частями* предложенія, то надобно различать, служитъ ли онъ для раздѣленія двухъ разныхъ понятій, или для поясненія одного слова другимъ. Только во второмъ случаѣ нужна передъ союзомъ *или* запятая. Примѣры:

1) *Ему иль мнѣ погибнуть надо.* (Пушк.).
2) *Скорбь, или печаль, есть состояніе души, томимой* и проч. (Жук.).

Когда союзъ *или* раздѣляетъ два предложенія, то передъ нимъ ставится запятая:

Надежды сердца оживи,
Иль сонъ тяжелый перерви. (Пушк.).

---

[424] *Когда случалось гдѣ-нибудь*
Ей встрѣтить черного монаха,
Иль быстрый заяцъ межъ полей
Перебѣгалъ дорогу ей. (Пушк.).

Стоящія передъ предложеніемъ нарѣчія: *да, нѣтъ,* и междометія: *ну, увы, ахъ,* если не произносятся съ особенною силой, отдѣляются отъ него запятою (и только въ противномъ случаѣ знакомъ восклицательнымъ).

Да, Гэте не дошелъ до положительнаго примиренія (Тург.).

Нѣтъ, рано чувства въ немъ остыли. (Пушк.).

Ну, намъ вѣдь весело съ тобой. (Крыл.).

Но иногда частица *ну* бываетъ въ такой тѣсной связи со слѣдую-

щими за нею словами, что не должна быть отдѣляема отъ нихъ запятою:

Ну то-то жъ, говоритъ имъ слонъ: смотрите. (Крыл.).

И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться. (Крыл.).

Слова, стоящія въ звательномъ падежѣ, какъ означающія лицо или предметъ, къ которому говорящій обращается, также отдѣляются отъ предложенія запятыми (иногда же знакомъ восклицанія, о чемъ ниже):

Такъ видишь ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ? (Крыл.).

Куда такъ, кумушка, бѣжишь ты безъ оглядки? (Крыл.).

Запятыми же обыкновенно отдѣляются нарѣчія и другія подобныя реченія, когда они не входятъ въ составъ предложенія, а служатъ къ обозначенію либо степени увѣренности говорящаго, либо отношенія его къ предмету рѣчи, либо основанія мысли его и т. п., именно слова: *конечно, вѣроятно, можетъ-быть, право, кажется, помнится, разумѣется, знать, безъ сомнѣнія, словомъ, короче, признаться, къ счастью, къ сожалѣнью, впрочемъ,*[425]*посмотришь, пожалуй, нѣтъ спору, напримѣръ, повидимому, напротивъ, наоборотъ, по моему мнѣнію, во-первыхъ,* [*во-вторыхъ* и т. д., *съ одной стороны,* и др.

Посмотришь, въ Тришкиномъ кафтанѣ щеголяютъ. (Крыл.).

Это показалось ему, повидимому, страннымъ. (Пушк.).

Деньги, по моему обѣщанію, находились въ полномъ его распоряженіи. (Пушк.).

Можетъ-быть, Жуковскій и даже самъ Карамзинъ были бы не вполнѣ хорошими министрами. (Вяз.).

Гора хоть не гора, но, право, будетъ съ домъ. (Крыл.).

Ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретѣ. (Крыл.).

На большой мнѣ, знать, дорогѣ
Умереть Господь судилъ. (Пушк.).

Жизнь наша есть, такъ сказать, ночь подъ звѣзднымъ небомъ. (Жук.).

Часто однакожъ, для избѣжанія излишества знаковъ, нѣкоторыя изъ этихъ словъ вставляются въ предложеніе и безъ запятыхъ.

Когда въ предложеніи слѣдуетъ одно за другимъ, безъ союзовъ,

нѣсколько подлежащихъ, сказуемыхъ, опредѣленій или дополненій, то каждое отдѣляется отъ стоящаго рядомъ запятою:

Еще амуры, черти, змѣи
На сценѣ скачутъ и шумятъ. (Пушк.).

Еще не перестали топать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать. (Пушк.).

---

[426] *Мы малодушны, мы коварны,*
Безстыдны, злы, неблагодарны. (Пушк.).

Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрипки. (Крыл.).

Умный, добрый, просвѣщенный начальникъ. (Пушк.).

Онъ былъ лѣтъ сорока, росту средняго, худощавъ и широкоплечъ. (Пушк.).

Но два сряду стоящія опредѣленія (прилагательныя имена) не раздѣляются запятою, когда значеніе одного входитъ въ понятіе другого, или, говоря иначе, когда одно прилагательное служитъ опредѣленіемъ не существительнаго только, но вмѣстѣ съ нимъ и другого прилагательнаго, напр. *толстое красное сукно; морозный зимній день; шумная городская жизнь.*

Изяславъ велъ за собою многочисленное стройное войско. (И. Г. Р.).

Лѣтописцы славятъ взаимную искреннюю дружбу сихъ государей (И. Г. Р.).

Она была въ бѣломъ утреннемъ платьѣ. (Пушк.).

Клопитокъ былъ одаренъ замѣчательнымъ полемическимъ талантомъ. (Тург.).

Опредѣлительное прилагательное или причастіе, стоящее передъ опредѣляемымъ словомъ, не отдѣляется отъ него запятою даже и тогда, когда сопровождается дополненіемъ:

Упоенные виномъ союзники лежали какъ мертвые. (И. Г. Р.).

Запущенный подъ облака
Бумажный змѣй. (Крыл.).

[427] Прилагательное или причастіе, стоящее и послѣ существительнаго въ качествѣ его опредѣленія, также не отдѣляется отъ него запятою:

Лицо его имѣло выраженіе довольно пріятное, но плутовское. (Пушк.).

Въ лавкахъ отворенныхъ лежали товары, деньги. (Карамз.).

Человѣкъ пьющій ни на что не годенъ. (Пушк.).

Но когда прилагательное или причастіе, съ дополненіемъ или и безъ онаго, употреблено не какъ опредѣленіе, а какъ обстоятельственное слово или какъ сокращенное придаточное предложеніе (см. ниже), то оно отъ своего существительнаго отдѣляется запятою, будетъ ли стоять передъ нимъ или послѣ него.

Неужасаемый ничѣмъ,
Мазепа козни продолжаетъ. (Пушк.).

Мазепа, въ думу погруженный,
Взиралъ на битву, окруженный
Толпой мятежныхъ казаковъ. (Пушк.).

Мужественный, твердый, (т. е. будучи мужественъ и твердъ) *Александръ былъ неподвижнымъ столпомъ, на который оперлась уязвленная Россія.* (Ѳ. Глинка).

Іоаннъ имѣлъ легкость въ нравѣ, несогласную (которая была несогласна) *съ глубокими впечатлѣніями горести (И. Г. Р.).*

Я погрузился въ размышленія, большею частію печальныя (Пушк.)—которыя были большею частью печальны.

Лицо его, полное и румяное (которое было полно и румяно), *выражало важность и спокойствіе.* (Пушк.).

---

[428] *Въ разговорѣ, и самомъ правильномъ,* (т. е. хотя бы онъ былъ и самый правильный) *не скажешь...* (Вяз.).

Приложеніе, т. е. опредѣленіе, выраженное существительнымъ, употребленнымъ въ одномъ падежѣ съ опредѣляемымъ, не отдѣляется отъ послѣдняго запятою, если стоитъ передъ нимъ. Приложеніе же, слѣдующее за опредѣляемымъ именемъ, отдѣляется отъ него запятыми:

Прачка Палашка, толстая и рябая дѣвка, и кривая коровница Акулька. (Пушк.).

Хозяинъ, родомъ яицкій казакъ, казался мужикъ лѣтъ 68, еще свѣжій и бодрый. (Пушк.).

Если стоящее передъ опредѣляемымъ приложеніе само имѣетъ при себѣ опредѣленіе или дополненіе, то иногда, для ясности смысла, оно также отдѣляется запятою.

Отецъ мой, Андрей Петровичъ Гриневъ въ молодости своей служилъ при графѣ Минихъ. (Пушк.).

Впрочемъ, въ этомъ примѣрѣ имена отца, могутъ, наоборотъ, считаться приложеніемъ, и тогда они должны быть поставлены между запятыми.

Запятая ставится равнымъ образомъ и передъ предложеніемъ, поясняющимъ мѣстоименіе:

Вокругъ одра, гдѣ онъ лежитъ,
Могучій мститель злыхъ обидъ. (Пушк.).

Запятою отдѣляется придаточное предложеніе отъ главнаго, стоятъ ли они рядомъ, или придаточное поставлено между частями главнаго:

А. Опредѣлительныя предложенія.

1. Полныя, образуемыя мѣстоименіями: *который* (въ косв. падежахъ и *кой), какой, кто, что.*

Примѣры опредѣлительныхъ предложеній съ мѣстоименіемъ *который:*

[429] а) *Я встрѣтилъ генерала Бурцова, который звалъ меня на лѣвый флангъ.* (Пушк.).

Марья Ивановна подала бумажку незнакомой своей покровительницѣ, которая стала читать ее про себя. (Пушк.).

Я расплатился съ хозяиномъ, который взялъ съ насъ умѣренную плату (Пушк.).

б) *Мнѣ приснился сонъ, котораго никогда не могъ я позабыть.* (Пушк.).

Если смотрѣть на чинъ и почести, до коихъ дослужился Фонвизинъ, то нельзя назвать блестящимъ служебное поприще его. (Вяз.).

Есть разница между фразами, помѣщенными подъ литерою *а*, и тѣми, которыя приведены подъ лит. *б*. Въ первомъ случаѣ опредѣлительное предложеніе составляетъ только добавочную подробность при главномъ, во второмъ оно необходимо для полноты мысли. Поэтому въ нѣкоторыхъ языкахъ предложенія послѣдняго рода не отдѣляются запятою отъ главныхъ.

Примѣры опредѣлительныхъ предложеній съ другими мѣстоименіями:

Каждый, кто только одаренъ чувствомъ любви къ нравственно-прекрасному. (Вяз.).

Тотъ самый, что былъ комендантомъ въ одной изъ оренбургскихъ крѣпостей. (Пушк.).

Онъ для одной меня подвергался всему, что постигло его. (Пушк.).

Каковъ я прежде былъ,
Таковъ и нынѣ я. (Пушк.).

2. Сокращенныя придаточныя предложенія, образуемыя причастіями дѣйствительнаго или страдательнаго залога, а также [430] прилагательными, когда тѣ и другія стоятъ при опредѣляемомъ ими существительномъ и притомъ съ принадлежащими къ нимъ дополненіями и обстоятельственными словами:

Я увидѣлъ генерала Муравьева, разставляющаго пушки. (Пушк.).

Все потянулось къ новой каменной церкви, построенной Кирилломъ Петровичемъ и ежегодно украшаемой его приношеніями. (Пушк.).

Двери кабинета, недоступнаго для постороннихъ, были настежъ растворены для семейства. (Вяз.).

Сюда относятся также примѣры, приведенные выше на стр. 794.

Б. Дополнительныя и обстоятельственныя предложенія, какъ полныя, образуемыя при помощи союзовъ: *что, когда, гдѣ, куда, откуда, какъ, ибо, потому что, если, хотя, чтобы, дабы,* и т. п., такъ и сокращенныя, выраженныя посредствомъ дѣепричастій, отдѣляются запятыми отъ главныхъ.

а) Съ союзами:

Смотря на то, что происходитъ между нами, мы уже можемъ сказать, что свобода Англіи начинаетъ гибнуть. (Жук.).

Вотъ что Жанъ-Поль Рихтеръ написалъ въ то время, когда королева Луиза покинула землю. (Жук.)

Чтобы не быть темнымъ или смѣшнымъ, я долженъ сдѣлать отступленіе. (Жук.).

Если Англія хочетъ занять въ христіанскомъ мірѣ мѣсто языческаго Рима, то она должна ожидать и судьбы его. (Жук.).

Все же мнѣ васъ жаль немножко,
Потому что здѣсь порой... (Пушк.).

---

[431] *Отъ натяжки выраженіе затемняетъ самую мысль, ибо не можетъ вполнѣ ей соотвѣтствовать.* (Жук.).

Когда при употребленіи сложнаго союза *потому что,* съ особеннымъ удареніемъ произносится первая часть его, то запятая ставится передъ *что:*

Онъ не знаетъ, гдѣ и какъ проснется, не знаетъ потому, что смотритъ на жизнь сквозь черное стекло скептицизма. (Жук.).

б) При дѣепричастіяхъ:

Я выѣхалъ изъ Симбирска, не простясь съ моимъ учителемъ. (Пушк.).

Неправда! возразила дама, вся вспыхнувъ. (Пушк.).

Вставъ изъ-за стола, я чуть держался на ногахъ. (Пушк.).

Когда стоящее безъ дополненія дѣепричастіе имѣетъ значеніе нарѣчія (напр. *молча, шутя, стоя, лежа*), то при немъ запятыя не употребительны:

Что за вздоръ! отвѣчалъ батюшка нахмурясь. (Пушк.).

Вообще обстоятельственныя слова отдѣляются запятыми только тогда, когда ихъ нѣсколько, или когда они вставляются, для поясненія мысли, между частями предложенія.

Вмѣстѣ прошли они, рука въ руку, душа въ душу, честное поприще дѣятельной жизни. (Вяз.).

Эта книга, во всѣхъ отношеніяхъ, представляетъ цѣлое самое гармоническое. (Плетн.).

Книги, сдѣлавшіяся, по оригинальности своей или по вѣрному изображенію человѣка, необходимымъ пріобрѣтеніемъ литературы. (Плетн.).

Всѣ жаждутъ власти, явно или тайно, и каждый украшаетъ свою жажду заимствованнымъ именемъ. (Жук.).

Такъ какъ придаточныя предложенія всякаго рода отдѣляются отъ главнаго запятою, то и передъ всѣми словами, которыми [432] можетъ начинаться придаточное предложеніе, вставленное въ середину рѣчи, употребляется запятая:

1. Передъ мѣстоименіями относительными: *кто, что, который,* когда они слѣдуютъ за указательными: *тотъ, то,* или за существит. именами.

2. Передъ союзами: *что, будто, какъ, если, хотя, нежели, чѣмъ;* также передъ предлогомъ *кромѣ* и послѣ управляемыхъ имъ словъ.

3. Между отвѣчающими другъ другу союзами: *тогда, когда; тамъ гдѣ; такъ, какъ; столько, сколько:*

Въ письмахъ своихъ Карамзинъ, какъ въ чистомъ и вѣрномъ зеркалѣ, изображается во всей своей ясности. (Вяз.).

Вся Германія занялась преимущественно, если не исключительно, одними литературными вопросами. (Тург.).

Вижу въ немъ человѣка болѣе, нежели царя. (Карамз.).

Кромѣ исчисленныхъ главныхъ знаковъ препинанія, одинаковое съ ними назначеніе имѣетъ черта, или тире (—).

Она употребляется:

1. Между подлежащимъ и сказуемымъ при опущеніи связки въ настоящемъ времени (*есть*, *суть*), когда безъ черты отношеніе между обѣими частями предложенія не было бы ясно:

Между откупщиковъ,
Съ которыми теперь и графы и князья —
Друзья. (Крыл.).

Велико дѣло — милліонъ! (Крыл.).

А философъ —
Безъ огурцовъ. (Крыл.).

[433] 2. Вообще, когда при ускоренной рѣчи опускаются слова, употребительныя при спокойномъ выраженіи мыслей, или когда нарушается обыкновенный порядокъ изложенія, а также для означенія быстроты дѣйствія или передъ неожиданною мыслью, передъ разительнымъ заключеніемъ предложенія:

Кому нѣтъ мѣста и причины, и проч.
Кого мы называемъ — Богъ! (Держ.).

Лѣвѣй, лѣвѣй, и съ возомъ — бухъ въ канаву. (Крыл.).

Вспорхнулъ — и полетѣлъ за тридевять земель. (Крыл.).

Шагнулъ — и царство покорилъ. (Держ.).

Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра — гдѣ ты человѣкъ? (Держ.).

Надежду и пловца — все море поглотило. (Крыл.)

И щуку бросили — въ рѣку. (Крыл.).

Сказалъ — и бросилъ повода. (Лерм.).

3. Для означенія рѣзкой противоположности:

Я царь — я рабъ — я червь — я Богъ. (Держ.).

4. Въ періодической рѣчи, передъ вторымъ членомъ періода, особенно когда пропускаются союзы: *то*, *такъ*, *тогда*:

Въ журналахъ новость онъ найдетъ —
Все перероетъ, пересадитъ. (Крыл.).

5. Иногда черта замѣняетъ запятую и отдѣляетъ:

а) Не принадлежащія къ предложенію (вводныя) слова:

Какъ вдругъ — о чудо, о позоръ! —
Заговорилъ оракулъ вздоръ. (Крыл.).

---

[434] *Я слышалъ — правда ль — будто встарь*
Судей такихъ видали. (Крыл.).

Тутъ — дѣлать нечего — друзья поцѣловались. (Крыл.).

б) Приложеніе, когда оно довольно длинно:

И тебя не стало, нашъ Государь 12-го и 14-го годовъ — эпохъ сожженія Москвы и пощады Парижа. (Ѳ. Глинка).

в) Слова повторяемыя:

Встряхнулся и лежитъ, — лежитъ и видитъ онъ. (Крыл.).

6. Черта можетъ ставиться и вмѣстѣ съ другими знаками препинанія, какъ показываетъ уже и послѣдній изъ приведенныхъ здѣсь примѣровъ. Когда приводятся чужія рѣчи, то слова одного лица отдѣляются отъ словъ другого чертою при точкѣ, при восклицательномъ или вопросительномъ знакѣ:

Но вѣдать я желаю:
Вы сколько пользы принесли? —
Да наши предки Римъ спасли! —
Все такъ, да вы что сдѣлали такое? —
Мы? ничего! — Такъ чтожъ и добраго въ васъ есть? (Крыл.).

Отъ черты должно отличать черточку - (или, какъ въ старину говорили, единитный знакъ). Она ставится:

1. Между двумя существительными, соединяемыми въ одно названіе:

Царь-птица, жаръ-птица, баба-яга, кума-лиса, адъюнктъ-профессоръ, генералъ-майоръ, чудо-богатырь.

Вообще между словами, составляющими вмѣстѣ одно понятіе, но которыя не принято писать слитно:

Что-то, какой-то, кто-нибудь, что-либо, то-есть, все-таки, изъ-подъ, изъ-за, по-нашему, по-русски, по-молодецки, самъ-третей, можетъ-быть.

3. Иногда нарѣчіе соединяется черточкою съ слѣдующимъ за нимъ прилагательнымъ, напр.: *Истинно-патріотическій, западно-европейскій, греко-латинскій, древне-классическій.*

Сводъ небесъ зелено-блѣдный (Пушк.).

[435] Чтобы явственнѣе отдѣлять отъ предложенія вводныя слова, къ нему не относящіяся, или вообще слова, служащія къ поясненію предыдущихъ, употребляются скобки ( ): иногда между скобками ставится цѣлое предложеніе, напр.:

Ну что, братъ, каково дѣлишки, Климъ, идутъ?
(Въ комъ нужда, ужъ того мы знаемъ, какъ зовутъ). (Крыл.).

И съ обществами та жъ судьба (сказать межъ нами),
Что съ деревянными домами. (Крыл.).

Непосредственно передъ скобками большею частью не ставится знаковъ препинанія; если скобками прерывается предложеніе, или отдѣляется главное отъ придаточнаго, то требующійся знакъ ставится послѣ второй скобки. См. предыдущій примѣръ.

Отъ всѣхъ другихъ знаковъ препинанія отличаются своимъ назначеніемъ знаки: восклицательный (!) и вопросительный (?), служащіе для указанія тона рѣчи.

Знакъ восклицательный ставится:

1. Послѣ слова, употребленнаго въ звательномъ падежѣ, когда зову придается особенная сила, преимущественно въ началѣ рѣчи:

Глаголъ временъ! металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ. (Держ.).

2. Послѣ предложенія, содержащаго восклицаніе, а также и послѣ междометія:

Вязать! Топить! Да здравствуетъ Димитрій! (Пушк.).

Ага! увидѣлъ ты! (Пушк.).

О! да исполнятъ безсмертные боги твои всѣ желанья! (Жук.).

Впрочемъ послѣ междометія, служащаго только для усиленія восклицанія, часто достаточно бываетъ запятой:

О, если бъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
Я скрыть подвалъ! (Пушк.).

[436] Когда междометіе *о* поставлено передъ словомъ, которое само по себѣ употреблено въ видѣ восклицанія, то первое отъ послѣдняго вовсе не отдѣляется знакомъ:

О горе! (Жук.).

О страшное, невиданное горе! (Пушк.).

Знакъ вопросительный ставится послѣ главнаго предложенія, содержащаго прямой вопросъ:

Сей монахъ молчаливый и мрачный — кто онъ?
Та монахиня — кто же она? (Жук.).

Что видѣли мы въ послѣднее время? Съ кѣмъ изъ возмутителей не дружилась Англія? Въ какой землѣ Европы, гдѣ кипѣлъ мятежъ, не были англійскими деньгами разъярены и награждены уличные, обрызганные кровью герои? (Жук.).

Вопросительный знакъ ставится также послѣ придаточнаго предложенія, относящагося къ прямому вопросу, выраженному главнымъ:

Не Англія ли бросила Швейцарію во власть грабителей радикаловъ,

дабы основать въ ней постыдную рабочую мятежа и разврата, которые не даютъ свободно вздохнуть Европѣ? (Жук.).

Передъ косвеннымъ вопросомъ, выраженнымъ въ придаточномъ предложеніи, ставится по общему правилу запятая, вопросительнаго же знака въ концѣ вопроса не нужно.

Никто не можетъ сказать, когда началась вѣра въ Бога. (Жук.).

Можетъ ли русскій языкъ пріобрѣсти это свойство, не знаю. (Жук.).

Иногда, когда предложеніе заключаетъ въ себѣ вопросъ и восклицаніе вмѣстѣ, ставятся одинъ за другимъ оба знака, или, если въ вопросительномъ предложеніи преобладаетъ восклицаніе, то ставится одинъ восклицательный знакъ:

Лишь объ одномъ я буду плакать:
Зачѣмъ они не дѣти! (Лерм.).

[437] Для болѣе явственнаго означенія выговора употребляются два надстрочные знака: 1) знакъ ударенія (´) и 2) двоеточіе (¨) надъ буквами *е* и *э*.

Для отличія ударяемаго слога намъ совершенно достаточно одного знака (остраго ´), такъ какъ наше удареніе всегда одинаково, и вовсе не нужно, какъ обыкновенно дѣлается, ставить въ концѣ слова на гласной другое (тяжелое `) удареніе; напр. пишутъ: *сло́ва* и *слова̀*. Въ этой практикѣ нельзя не видѣть остатка рабскаго подчиненія нашей грамматики правиламъ древнихъ языковъ: въ греческомъ знакъ тяжелаго акцента ставится только на послѣднемъ слогѣ.

Знакъ ударенія употребляется либо для показанія различія въ произношеніи двухъ словъ, которыя пишутся одинаково, напр. въ словѣ *за́мокъ* для отличія отъ *замо́къ*, либо для означенія выговора малоизвѣстнаго слова, областного или иноязычнаго, или же наконецъ собственнаго имени.

Для тѣхъ же цѣлей служитъ начертаніе *ё*, напр. въ словѣ *нёбо* для отличія отъ *небо*. Кромѣ того, къ двоеточію надъ *е* прибѣгаютъ иногда въ стихахъ, чтобы яснѣе показать созвучіе одного слова съ другимъ, иначе написаннымъ; напр. пишутъ *слёзъ* для болѣе нагляднаго означенія риѳмы къ слову *грозъ*.

Употребленіе буквы ӭ исключительно въ собственныхъ именахъ объяснено выше на стр. 768.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I (къ стр. 680).

По поводу толковъ о правописаніи [1]).

[438] Было время, когда у насъ не существовало гражданской азбуки: ее ввелъ и отчасти самъ составилъ Петръ Великій. Составленіе ея было слѣдствіемъ новой потребности и первымъ шагомъ къ созданію новаго, то-есть *русскаго* письменнаго языка, который долженъ былъ мало-по-малу вытѣснить изъ литературы языкъ церковно-славянскій: вмѣстѣ съ тѣмъ это было первымъ отступленіемъ отъ преданій кирилловскаго письма.

Гражданская наша грамота установилась не вдругъ. Нѣкоторыя буквы славянской азбуки, не тронутыя Петромъ I, были исключены изъ нея впослѣдствіи. Нѣсколько разъ составъ гражданской азбуки измѣнялся: однѣ буквы были изгоняемы, другія прибавлялись. Такимъ образомъ теперешняя наша азбука составлялась постепенно, и кое-что вошло въ нее послѣ первоначальнаго преобразованія, по мѣрѣ потребности и успѣховъ времени. Теперь вопросъ въ томъ: считать ли сдѣланное доселѣ совершенно законченнымъ, вполнѣ удовлетворительнымъ, или требующимъ нѣкоторыхъ усовершенствованій, — измѣненій, а можетъ быть и дополненій?

Попытки нововведеній въ нашемъ правописаніи, [439] повторяющіяся отъ времени до времени, доказываютъ, что есть дѣйствительная потребность въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ.

Но затѣмъ спрашивается: должны ли эти измѣненія коснуться цѣлой системы нашего правописанія, или ограничиться нѣкоторыми частностями?

---

[1]) *Совр. Лѣт.* 1862, № 28. Для избѣжанія повтореній, печатается здѣсь съ нѣкоторыми сокращеніями. Какъ читатели могли видѣть изъ текста 3-го изданія *Филологическихъ Разысканій*, я отказался отъ предположеній объ отмѣнѣ употребленія *ѳиты* й, въ концѣ словъ, *ера*. Сила привычки такъ велика, что въ двадцатилѣтіе, протекшее съ того времени, какъ многіе вмѣстѣ со мною высказывали противоположный взглядъ, старинная практика осталась господствующею, и вопросъ о сохраненіи этихъ двухъ буквъ можно считать рѣшеннымъ.

Господствующій характеръ системы русскаго правописанія состоитъ въ соблюденіи словопроизводства: въ этомъ отношеніи наше правописаніе отличается большою правильностію и послѣдовательностію, такъ что можно указать только на частныя отступленія отъ этого начала (напримѣръ: *здѣсь* вмѣсто *сдесь*, *гдѣ* вмѣсто *кде*). Въ самомъ дѣлѣ, съ этой стороны языки образованнѣйшихъ націй Европы далеко уступаютъ нашему, и нѣтъ ни основанія, ни надобности измѣнять коренныя начала нашего правописанія. Притомъ, опытъ другихъ литературъ уже показалъ, что крутыя преобразованія орѳографіи никогда не удаются, даже и тогда, когда предлагаются людьми, пользующимися большимъ авторитетомъ. Поэтому Яковъ Гриммъ въ своемъ словарѣ не рѣшился осуществить всѣхъ нужныхъ по его мнѣнію орѳографическихъ нововведеній, чтобы не отбить читателей. Такъ и профессоръ Лео, который долго печаталъ свою очень извѣстную Исторію съ особеннымъ правописаніемъ, долженъ былъ (какъ самъ онъ говорилъ намъ) напослѣдокъ отказаться отъ него по просьбѣ книгопродавцевъ, находившихъ, что эти особенности вредятъ сбыту книги.

Совсѣмъ другое — немногія частныя измѣненія въ письмѣ, польза которыхъ можетъ быть всѣми понята и почувствована.

Тѣ, которые въ этомъ дѣлѣ придаютъ безусловный вѣсъ историческому началу, ссылаясь на происхожденіе кириллицы, забываютъ, что мы уже болѣе полутора вѣка тому назадъ измѣнили ей, и что теперь дѣло идетъ только о довершеніи реформы, начавшейся еще въ 1704 году.

Дѣйствительно, если уже въ первое время гражданскаго письма исключены были изъ азбуки нѣкоторыя лишнія буквы, почему то же самое не можетъ быть сдѣлано и теперь, ежели [440] окажется, что первые преобразователи исключили еще не всѣ лишнія буквы кириллицы?

Лишними *могутъ* казаться слѣдующія буквы: *ѣ, э, и, ѳ, ъ:* которыя же изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ лишнія?

Буква *ѣ* въ нынѣшнемъ великорусскомъ языкѣ ничѣмъ не отличается отъ *е*. Если бъ было иначе, то всякій русскій по слуху узнавалъ бы безошибочно, гдѣ должно писаться *ѣ*. Нѣкоторые думаютъ, что разница есть, но только самая утонченная, неуловимая. Если бъ и было такъ, то разница этого рода, при безчисленныхъ видоизмѣненіяхъ въ говорѣ людей одной и той же націи, равнялась бы совершенному безразличію. Сравните, для примѣра, слова: *лѣнь* и *олень*, *ѣли* и *ели*, *ѣсть* и *есть*. Слѣдовательно неоспоримо, что у насъ для одного и того же звука употребляются двѣ разныя буквы. Но здѣсь является вопросъ: какая же тому причина? Если случайная, основанная на произволѣ, то такая двойственность не должна быть терпима; но если причина разумная, то и явленіе, вслѣдствіе ея происшедшее, должно быть уважено, особенно если оно и теперь имѣетъ свой смыслъ и свою пользу.

Нѣкогда буква *ѣ* конечно отличалась особеннымъ произношеніемъ; какъ именно она выговаривалась, объ этомъ мнѣнія различны; но у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ нашей буквѣ *ѣ* въ большей части словъ, гдѣ она встрѣчается, соотвѣтствуетъ особенный звукъ, напримѣръ въ польскомъ языкѣ **ia** (biały, wiara, бѣлый, вѣра) [1]), въ чешскомъ долгое *і* или *ĕ* (почти [441] наше **йэ**), а въ малорусскомъ нарѣчіи — *и* (напримѣръ вм. *снѣгъ — снигъ*, вм. *бѣсъ — бисъ*). Такимъ образомъ *ѣ* составляетъ исконную принадлежность многихъ корней языка и служитъ отличіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ подобозвучныхъ съ буквою *е*, напримѣръ *вѣд (вѣдать)* отъ *вед (веду)*, *мѣт (мѣтить)* отъ *мет (метать)*. Такъ же точно *ѣ* помогаетъ болѣе ясному различенію производныхъ словъ и формъ, каковы напримѣръ слова: *свѣдѣніе* и *сведеніе*, *вѣсть* и *весть*. Но, возражаютъ многіе, цѣль уяснять правописаніемъ значеніе словъ не оправдываетъ существованія двухъ буквъ для одного и того же звука; значеніе слова каждый разъ видно изъ связи всей рѣчи. Нельзя однакожъ не согласиться, что чѣмъ менѣе будетъ случаевъ возможнаго смѣшенія понятій въ письменномъ изображеніи словъ, тѣмъ письмо будетъ совершеннѣе. Для избѣжанія такого смѣшенія служитъ часто и употребленіе буквы *ѣ* въ окончаніяхъ словъ. Такъ отличаются напримѣръ формы: *искреннее* и *искреннѣе*, *свѣжее* и *свѣжѣе*, *синее* и *синѣе*, въ *поле* и въ *полѣ*. Словомъ, каждая изъ обѣихъ буквъ имѣетъ свое назначеніе и свои законы. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе ихъ. Припомню только, что *ѣ* рѣдко под-

---

[1]) Кеневичъ въ своемъ возраженіи приводитъ множество польскихъ словъ, въ которыхъ нашей буквѣ *ѣ* соотвѣтствуетъ не **ia**, а другіе звуки; показываетъ, что иногда и русское *е* переходитъ въ **ia** (dziarzki, ziarno, wiadro), что наконецъ и польскій звукъ **ie** не соотвѣтствуетъ русскому *ѣ*. „Изъ приведенныхъ фактовъ, заключаетъ онъ, видно, что въ настоящее время одинъ и тотъ же польскій звукъ передается въ русскомъ языкѣ двумя начертаніями одного и того же звука, и наоборотъ русской буквѣ *ѣ* соотвѣтствуетъ въ польскомъ не одинъ, а нѣсколько различныхъ звуковъ". Такимъ образомъ Кеневичъ не признаетъ, чтобы *ѣ* служила постояннымъ отличіемъ извѣстныхъ корней. Далѣе онъ выражаетъ мысль, что какъ скоро первоначальное произношеніе буквы *ѣ* было забыто, то писцы стали сбиваться въ употребленіи ея и впали въ непослѣдовательность. Совершившееся давно уничтоженіе *юсовъ* даетъ ему новое оружіе противъ *ѣ* и служитъ поводомъ утверждать, что желающіе сохраненія этой буквы должны стараться и о возстановленіи *юсовъ*. Объ этомъ было говорено и въ орѳографическихъ собраніяхъ; но дѣло въ томъ, что *юсы* были оставлены прежде, нежели грамматика могла вступиться за нихъ, и что возстановить потерянное гораздо труднѣе, чѣмъ сберечь то, что еще имѣется. Авторъ, какъ и многіе другіе, отвергаетъ надобность отличать на письмѣ слова разныхъ значеній, утверждая что для различенія ихъ достаточно положенія въ фразѣ. Однакожъ понятно, что чѣмъ чаще будетъ встрѣчаться такое смѣшеніе словъ на письмѣ, тѣмъ грамота будетъ менѣе ясна и удовлетворительна. Что было бы напримѣръ съ французскимъ письмомъ, если бъ, при изобиліи въ языкѣ омонимовъ, они писались одинаково, если бъ напр. *san* означало и *сто*, и *чувство* и *кровь*, и предлогъ *безъ*?

вергается измѣненію при переходахъ слова изъ одной формы въ другую [1]), тогда какъ *е* есть по большей части [442] вставочная, бѣглая, легко выпадающая или измѣняющаяся буква. Въ окончаніяхъ именъ *е* служитъ для прямой формы единств. числа *(море, здоровье, доброе)* именъ ср. рода; *ѣ* для косвенныхъ падежей един. числа *(водѣ, въ морѣ)* и для прямой формы множественнаго въ мѣстоименіяхъ *(тѣ, всѣ)*. Для нашей цѣли достаточно вывода, что *ѣ* имѣетъ въ языкѣ не только историческое значеніе, но и свой смыслъ, свою разумную цѣль. Эта буква всякій разъ обозначаетъ, такъ сказать, особенную натуру слога. Хотѣть изгнать ее значитъ посягать вообще на начало словопроизводства въ русской орѳографіи и вводить систему правописанія, основывающуюся на одномъ выговорѣ. Но эта система вовсе не примѣнима къ русскому языку по причинамъ, которыхъ объясненіе здѣсь повело бы насъ слишкомъ далеко; введеніе ея у насъ никогда не могло бы имѣть успѣха. Главный доводъ противъ буквы *ѣ* заключается въ томъ, что она затрудняетъ изученіе письма, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыя слова она вошла неправильно, и наоборотъ, иногда мы ея не пишемъ тамъ, гдѣ бы ей слѣдовало быть. Но подобныя затрудненія и частныя непослѣдовательности правописанія встрѣчаются во всѣхъ языкахъ. Первыя побѣждаются навыкомъ, а изъ-за послѣднихъ нѣтъ причины касаться несравненно бóльшаго числа случаевъ, гдѣ особенность правописанія раціональна.

Буква *э* (къ названію которой вовсе не нужно прибавлять эпитета *оборотное*, если другую называть какъ слѣдуетъ, то-есть **йе**), буква *э* не можетъ считаться излишнею, ибо выражаетъ отдѣльный звукъ, дѣйствительно существующій въ языкѣ. Нужды нѣтъ, что число собственныхъ нашихъ словъ, гдѣ она встрѣчается, не велико: надобность буквы не можетъ измѣряться количествомъ случаевъ, въ которыхъ звукъ ея слышится. Та же буква *э* находится въ множествѣ перешедшихъ къ намъ иностранныхъ словъ, совершенно уже слившихся съ нашимъ языкомъ (напр. *эпоха, эхо, элементъ* и проч.). У насъ есть другая буква, которая не попадается ни въ одномъ чисторусскомъ словѣ: это *ф*; ужели же мы за то изгонимъ ее?

[443] Для звука *і* мы опять находимъ у себя двѣ буквы. Различное употребленіе ихъ совершенно условно, и безъ одной изъ нихъ можно бы очень хорошо обойтись. Разумѣется, мы предпочтительно сохранили бы ту, которая принадлежитъ намъ обще съ другими европейскими народами. Такъ въ началѣ поступилъ и Петръ Великій. По какимъ соображеніямъ онъ опять ввелъ *и* рядомъ съ *і*, мы не знаемъ положи-

[1]) Есть нѣсколько случаевъ перехода буквы *ѣ* въ *и*, съ которою она въ явномъ родствѣ, и наоборотъ *дитя, дѣти; лѣпить, липнуть; тѣснить, тискать; вѣсить, висѣть; сѣверъ, сиверко.* Такимъ же образомъ *ѣ* въ родствѣ и съ *я* *(ѣсть-яство, сѣсть-сяду)*.

тельно; вѣроятно, однакожъ, онъ при этомъ руководствовался мыслію, что такъ какъ звукъ *і* безпрестанно встрѣчается въ нашемъ языкѣ, то слишкомъ часто повторяющаяся надстрочная точка придавала бы печати не совсѣмъ пріятную пестроту, а въ скорописи задерживала бы письмо. Особенно два *і* сряду въ окончаніи словъ должны были казаться неудобными. Красота письма очень принималась въ расчетъ преобразователями нашей азбуки. Не даромъ и Тредьяковскій, восхищаясь круглыми, четкими буквами первопечатныхъ русскихъ книгъ, отказывался отъ *э* и *з* потому только, что находилъ ихъ некрасивыми. Но вкусы различны, и онъ же, вопреки Петру Великому, опять исключилъ *и*, удерживая только *й*. Такъ мнѣніе нашихъ стариковъ колебалось относительно *и*, да и теперь нельзя не согласиться, что ежели есть причины выбросить эту лишнюю букву, то есть съ другой стороны и доводы къ сохраненію ея. Скоропись тѣмъ удобнѣе, чѣмъ менѣе въ ней надстрочныхъ знаковъ: едва ли не легче и не скорѣе можно начертить двѣ палочки, чѣмъ одну съ точкою надъ ней [1]). Да и печать, кажется, выиграетъ въ ясности и благообразіи (послѣдняго начала и теперь нельзя же вполнѣ выпускать изъ виду), если по крайней мѣрѣ подъ *краткой* сохранить старинное *и*. Другихъ основаній для удержанія его нѣтъ. Могутъ замѣтить, что во многихъ словахъ, взятыхъ съ греческаго, оно играетъ роль буквы *эты* (η), изъ которой и составлено, и въ такихъ словахъ должно быть сохранено. Однакожъ, какая въ томъ бѣда, что мы будемъ изображать [444] звукъ другою соотвѣтствующею ему буквой въ словахъ, не принадлежащихъ нашему языку? Тутъ нѣтъ разницы въ выговорѣ, и нѣтъ надобности отмѣчать происхожденіе чуждаго намъ слова. Это не то, что буква *ѣ*, которая важна именно потому, что отличаетъ наши собственные корни и окончанія. Вѣдь ужъ мы замѣнили *ижицу* буквой *и*, напримѣръ въ именахъ: лира, типъ, ритмъ; такъ точно и вмѣсто *и* можно бы ввести *і* даже и въ такихъ греческихъ словахъ, какъ риторъ, скипетръ и проч.

Еще менѣе можно стоять за *ѳиту*, которая служитъ только для передачи греческой ϑ. Добро бы еще, если бъ этотъ чуждый звукъ всегда переходилъ къ намъ одинакимъ образомъ. Мы говоримъ и пишемъ: *театръ, математика*, вмѣсто *ѳеатръ, маѳематика*, и ничѣмъ не отличаемъ первое фальшивое *т* отъ второго настоящаго. За что же фальшивый звукъ *ф* будетъ въ одинаковыхъ случаяхъ пользоваться привилегіей особаго знака? Пора изгнать этого монополиста русской азбуки и начать писать: *Мефодій*, точно такъ, какъ давно уже пишемъ: *Кириллъ* вмѣсто Кvриллъ; Федоръ, Федотъ и Агафья ничѣмъ не хуже

[1]) Можно бы писать **I** безъ точки, какъ дѣлали древніе греки; но въ скорописи такое ı слишкомъ мало выдавалось бы между другими буквами, въ составъ которыхъ входитъ одинаковое начертаніе.

Кипріана, Акиндина и Олимпіады. Греческую υ мы изображаемъ то какъ *и* (напримѣръ въ приведенныхъ сейчасъ словахъ), то какъ *в* (напримѣръ въ словѣ *евангеліе*), смотря по произношенію; почему же не можемъ изображать и греческую ϑ то какъ *т*, то какъ *ф*, по требованію выговора?

Остается разсмотрѣть букву ъ. Говорятъ, что она не буква, потому что сама по себѣ не выражаетъ никакого звука. Положимъ, что ъ и ь не буквы, а только знаки, принятые въ азбуку, но и знаки законны, если они нужны.

Нужны ли ъ и ь?

Въ древнемъ языкѣ, который перешелъ въ нашу церковную литературу, согласныя буквы не могли сами собою заканчивать слóва и требовали поддержки гласной, которая могла быть твердою или мягкою и выражалась начертаніемъ *ера* или *еря*. Это видно изъ древнѣйшихъ крюковыхъ нотъ, гдѣ ъ и ь въ концѣ слова всегда составляютъ особый слогъ. Эти гласныя не совсѣмъ [445] опредѣленнаго для насъ звука и очень краткаго протяженія (почему онѣ и названы были полугласными) долго употреблялись и въ серединѣ многихъ словъ тамъ, гдѣ мы теперь ставимъ *о* и *е*, напримѣръ въ словахъ *плъть* (плоть), *вьртьпъ* (вертепъ). Между тѣмъ онѣ и въ концѣ словъ давно утратили свое первоначальное значеніе, и начертанія ихъ остались только знаками дебелаго или тонкаго произношенія согласныхъ. При такомъ положеніи дѣла нельзя ли обойтись безъ того изъ нихъ, который и въ серединѣ словъ безпрестанно опускается? Такъ мы пишемъ: *полка*, *долго* безъ ъ послѣ *л*, и только умягченіе этой согласной отмѣчаемъ особеннымъ знакомъ, напримѣръ въ словахъ *польза*, *только*. Очень легко было бы согласиться принять за правило, что когда и на концѣ слова нѣтъ знака послѣ согласной, то она произносится твердо. При сліяніи двухъ словъ въ одно, и теперь уже ъ выпускается послѣ перваго, не только передъ согласными, но и передъ гласными, когда правильность выговора отъ этого не страдаетъ, всѣ пишутъ: *радуемся*, а не радуемъся, *разумъ*, а не разъумъ. Напротивъ ь, при соединеніи словъ, почти всегда сохраняется, напримѣръ въ словахъ: *радоваться*, ты *гордишься*. Въ этомъ различіи уже выразилось сознаніе въ необходимости ограничивать употребленіе обоихъ знаковъ дѣйствительною потребностью. Лѣтъ 25 тому назадъ сдѣланъ новый шагъ къ сокращенію *ера* въ предлогахъ, составляющихъ съ существительнымъ или мѣстоименіемъ какъ бы нарѣчіе. *Отечественныя Записки* стали писать, напримѣръ, *оттого*, *вслѣдствіе*, *впослѣдствіи*; тотъ же журналъ принялъ орѳографію: *пол-листа*, *генерал-маіоръ* и т. п. Эти нововведенія, сначала казавшіяся странными, скоро нашли однакожъ множество послѣдователей. Да уже и прежде писали: *кстати*, *вверху*, *слишкомъ* и т. п. Точно такъ не было бы и теперь невозможнымъ пойти еще

далѣе и исключить ъ въ концѣ словъ. Этимъ мы сберегли бы много времени, мѣста, а при печатаніи — и денегъ, безъ всякаго ущерба полнотѣ и ясности изображенія словъ на письмѣ. Отсюда однакожъ не слѣдуетъ, чтобы должно было совсѣмъ исключить ъ изъ азбуки. [446] Онъ удержалъ бы свое мѣсто въ предложныхъ словахъ передъ буквами *е, ѣ, я, ю,* напримѣръ: *съемка, отъѣздъ, объятіе.* Вмѣсто пріисканія другого раздѣлительнаго знака для подобныхъ случаевъ, не лучше ли удержать старый, который переданъ намъ исторіей и будетъ жить въ тысячахъ уже напечатанныхъ книгъ? Во всѣхъ прочихъ случаяхъ сложенія предлоговъ съ другими словами ъ совершенно излишенъ, и непонятно, почему многіе считаютъ нужнымъ писать: *съумѣть, съузить, отъучить,* когда они же пишутъ: *сумасшедшій* (не съумасшедшій), *обучатъ* и т. д. Когда въ такомъ случаѣ ъ встрѣчается съ *и*, то слѣдуетъ писать просто *ы*, такъ какъ самое названіе этой буквы показываетъ ея составъ изъ ъ и *и.* Зачѣмъ же употреблять два знака, когда есть замѣняющій ихъ одинъ? Всѣ уже пишутъ *взыскать, обыскъ:* почему же не писать такимъ же образомъ *сыграть, безыменный, предыдущій?* Встрѣча ъ съ *и* наводитъ меня на другой случай, который въ глазахъ многихъ можетъ помѣшать безусловному опущенію *ера* и въ концѣ словъ. Случай этотъ представляется намъ въ одномъ изъ слѣдующихъ стиховъ басни Крылова „Стрекоза и Муравей:“

Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ и столъ и домъ?

Не потерпитъ ли правильность произношенія послѣдняго стиха отъ опущенія *еровъ* передъ *и?* Отсутствіе ъ послѣ согласной позволяетъ сливать ее съ послѣдующимъ *и* въ мягкій звукъ: *готов и стол-и домъ.* То же можетъ случиться и при отдѣльно-стоящихъ предлогахъ, напримѣръ, когда *въ* и *съ* находятся передъ именемъ, начинающимся съ *и (въ иномъ, съ иломъ).* Итакъ можно ли писать: *в иномъ, с іломъ,* или при подобныхъ встрѣчахъ можно удерживать ъ въ предлогахъ и въ концѣ словъ? Кажется, приведенный случай не долженъ служить препятствіемъ къ опущенію ъ въ концѣ словъ и въ предлогахъ, если принять за правило, что каждое слово составляетъ отдѣльное цѣлое и тѣмъ самымъ уже ограждено отъ слiянія съ послѣдующимъ.

[447] Съ исключеніемъ *виты* не полезно ли было бы дополнить нашу азбуку какою-нибудь другою буквой? Много разъ, и еще недавно [1]), было говорено о недостаткѣ у насъ особаго знака для одного изъ звуковъ нынѣшней буквы *г,* именно для звука, слышимаго въ словахъ: *благо, Господь, Богу, богатый.* Такой знакъ, говорятъ, былъ бы намъ особенно нуженъ для передачи h въ иностранныхъ именахъ, напримѣръ въ Halle, Heine, Hegel. При нынѣшнемъ употребленіи въ

[1]) См. *Спб. Вѣд.* 1862, № 89.

такихъ случаяхъ буквы *г*, никогда нельзя узнать настоящаго имени, если оно уже напередъ не извѣстно, или если не стоитъ въ скобкахъ подлинное иностранное начертаніе его. Писать въ такихъ именахъ, какъ недавно предлагалось, *Хамбургъ*, *Хорацій*, *Бетховенъ*, было бы также не совсѣмъ вѣрно, потому что *х* соотвѣтствуетъ германскому ch, совершенно отличному отъ придыханія h. Тредьяковскій предлагалъ, для означенія этого звука, нѣсколько измѣнить очертаніе *г*. Палласъ, при изданіи „Сравнительныхъ словарей" Екатерины II, ввелъ для той же цѣли *г* съ подстрочнымъ хвостикомъ (cédille испанцевъ и французовъ). Но на введеніи этого или подобнаго знака все-таки нельзя слишкомъ настаивать [1]), потому что есть и другіе чужеязычные звуки, для передачи которыхъ мы не имѣемъ способовъ. Таково напримѣръ германское *ö* или французское Eu, особливо въ началѣ словъ (Öhmann, Eugène). Конечно, мы не можемъ не соболѣзновать, что такимъ образомъ напримѣръ присваиваемъ жителямъ острова *Эзеля* (Ösel) имя, которое носить никому не лестно (Esel, оселъ), но подобное неудобство въ передачѣ именъ другихъ націй раздѣляютъ съ нами многіе и даже вѣроятно всѣ языки. Такъ нѣмцы превращаютъ наше *ж* въ *ш* (Schukoffski); а французы *щ* въ *ш* или въ *ч* (Cherbatoff, Tcherbatoff) и т. п.

[448] Для образца здѣсь помѣщаются первыя строки *Капитанской дочки*, напечатанныя безъ *ъ* въ концѣ словъ. „Отец мой Андрей Петрович Гринев в молодости своей служил при графѣ Минихѣ и вышел в отставку премьермаіоромъ въ 17** году, с тѣх пор жил он в своей симбирской деревнѣ, гдѣ и женился на дѣвицѣ Авдотьѣ Васильевнѣ Ю., дочери бѣднаго тамошняго дворянина".

Такое письмо на первыхъ порахъ конечно показалось бы дикимъ. Но сознаемся, что противъ него можно замѣтить только одно: мы не видимъ въ немъ того, къ чему нашъ глазъ привыкъ, но что мы сами находимъ лишнимъ. Отбросивъ *ъ* въ концѣ словъ, мы бы освободили и себя отъ лишняго труда, и самое письмо отъ обремененія безполезными знаками.

Кто не допускаетъ въ письмѣ сокращеній для скорости? Какъ же не хотѣть допустить такого, которое не только не затемняетъ смысла, но и вообще не влечетъ за собою ни малѣйшаго неудобства, потому что рѣчь идетъ не о представителѣ звука, а о мертвой буквѣ, лишенной звукового значенія. Сербы, усвоивъ себѣ нашу гражданскую азбуку, не приняли однакожъ *еровъ* и читаютъ напримѣръ *под владом турском* безъ всякаго затрудненія. Прибавлю, что А. Х. Востоковъ и И. И.

---

[1]) Кажется, дѣло звука h невозвратно проиграно въ русскомъ языкѣ: ибо съ давнихъ поръ уже онъ въ однихъ словахъ отвердѣлъ въ наше обыкновенное г (Голландія, госпиталь, гусаръ); въ другихъ совсѣмъ выпалъ (исторія, Ираклъ), въ третьихъ составилъ съ послѣдующею гласною звукъ е (Елена).

Срезневскій, которымъ я сообщалъ эти замѣчанія, вполнѣ согласны со мною во взглядѣ на излишество буквы ъ въ концѣ словъ.

II (къ стр. 679).

Изъ статьи: „Орѳографическая распря" [1]).

. . . .

[449] *Президентъ*. Мы уклонились бы отъ порядка, въ какомъ должны происходить наши совѣщанія, если бъ прямо начали съ алфавита. Въ прошлое засѣданіе вопросъ объ общихъ основаніяхъ нашего правописанія остался нерѣшонымъ, и потому неугодно ли будетъ собранію приступить теперь къ обсужденію вопроса: слѣдуетъ ли произвесть *коренное* преобразованіе въ нашей ортографіи, или ограничиться только *второстепенными* вопросами?

Г. К-въ положительно объявляетъ, что коренное преобразованіе въ нашей ортографіи уже потому невозможно, что языкъ нашъ еще не установился (Странно!)

Г. С-ій. Прежде всего слѣдовало бы кажется обсудить: что надобно разумѣть подъ кореннымъ преобразованіемъ и что подъ второстепеннымъ?

Кто-то. Очень просто: коренная реформа будетъ та, которая заставитъ насъ учиться писать сызнова. Напримѣръ когда правописаніе будетъ сближено съ выговоромъ.

Другой кто-то. Мнѣ кажется напротивъ, грамматика должна устанавлять выговоръ.

Г. М-нъ, которому тоже ужасно нехочется коренной реформы, принимается доказывать, что во всемъ на свѣтѣ, то-есть рѣшительно во всемъ, даже въ установленіи правописанія, *должна быть постепенность*. Онъ начинаетъ издалека, рѣчь его тянется, тянется. . . Присутствующіе переглядываются, являются улыбки; споръ, начатый шопотомъ, становится громче, громче. Звонокъ.

[450] *Г. С-въ*. Ужъ если дѣлать въ нашей ортографіи измѣненія, такъ ужъ лучше бы всего по-моему преобразовать ее вполнѣ: полумѣры ни къ чему не поведутъ.

Кто-то замѣтилъ, что выраженіе „полумѣры" употребляется говоря только о важныхъ реформахъ, а не о такихъ пустякахъ, какъ наше правописаніе.

Г. К-ій. Мы живемъ въ эпоху коренныхъ преобразованій; крестьян-

---

[1]) *Время* 1862, № 3 (т. VIII). Чтобы отнять у этого отрывка всякій оттѣнокъ личнаго характера, считаемъ нужнымъ означать имена участвовавшихъ въ преніяхъ сокращенно. Сохраняемъ правописаніе и пунктуацію автора статьи, который подписался: К. Су—въ.

скій вопросъ напримѣръ совершенно долженъ преобразовать наше общество. Поэтому мнѣ кажется и реформа въ правописаніи должна быть коренная.

— Но ежели эта реформа не дастъ никакихъ результатовъ, всѣми принята не будетъ?

— Поддержку мы всегда найдемъ, поддержка будетъ!

Кто-то. Кчему ломать все? Всего ломать ненужно. Кчему непремѣнно *коренная* реформа? Лучше начать со второстепенныхъ вопросовъ, а потомъ отъ мелочей мы доберемся и до главнаго, до полной реформы.

Г. М-нъ. Да, да, совершенно справедливо, во всемъ нужна постепенность. Ныньче будутъ сдѣланы одни измѣненія, черезъ десять лѣтъ другія, а ужъ тамъ и пойдетъ.

Кто-то (кажется г. Кл.). Ежели предпринято будетъ коренное преобразованіе нашей ортографіи, то оно необходимо коснется или историческаго хода нашего правописанія, или же будетъ направлено къ полному сближенію съ выговоромъ, то-есть будетъ имѣть дѣло съ мѣстными говорами. Стало-быть для того чтобы рѣшить, какую именно реформу намъ слѣдуетъ предпринять, коренную или только второстепенную, мы предварительно должны отвѣтить на вопросъ: что́ для насъ важнѣе — исторія ли языка, или сближеніе ортографіи съ произношеніемъ? Если мы примемъ второе, то для того чтобы выразить на письмѣ всѣ звуки, существующіе въ русскомъ народномъ говорѣ, во всѣхъ нашихъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ, намъ придется *покрайней-мѣрѣ утроить* нашъ алфавитъ. А ежели мы примемъ историческое начало, въ такомъ случаѣ путаница въ правилахъ правописанія [451] у насъ останется попрежнему, хоть бы напримѣръ относительно употребленія буквы *ѣ*, про которую Миклошичъ совершенно справедливо говоритъ, что русскіе до тѣхъ поръ будутъ биться съ буквой *ѣ*, пока совсѣмъ не изгонятъ ея изъ своего алфавита.

Президентъ установляетъ поднятые вопросы въ такомъ порядкѣ: мы должны опредѣлить 1) что́ должны разумѣть подъ кореннымъ преобразованіемъ нашей ортографіи и что́ подъ второстепеннымъ; 2) какъ слѣдуетъ смотрѣть на историческую основу нашего правописанія и 3) что́ принять за норму, когда дѣло коснется сближенія нашей ортографіи съ произношеніемъ?

Г. К. Всѣ прежнія реформы нашего правописанія касались однихъ только мелочей и потому не имѣли успѣха; стало-быть и теперь намъ незачѣмъ гоняться за мелочами, и толковать о томъ, какое преобразованіе лучше — коренное или второстепенное, значитъ вступать въ совершенно безполезные споры. Кчему все давнымъ-давно уже пережованное пережовывать снова? По-моему ужь если дѣлать преобразованіе, такъ дѣлать радикальное. Будетъ ли оно всѣми принято, нѣтъ ли—какая намъ нужда толковать объ этомъ? На нашей сторонѣ *истина*— чегожъ еще больше? Ручательство за успѣхъ самое вѣрное.

Г. С-ій. Но чтоже такое мы должны разумѣть подъ именемъ мелочей? Писать напримѣръ *лекарь* черезъ *е* или черезъ *ѣ*, *матерьялизмъ* или *матерьялисмъ*.

Г. К. Всего лучше будетъ начать съ крупнаго, а тамъ дойдемъ и до мелочей.

Г. С-ій. Но всѣ главнымъ образомъ существующія разногласія въ нашемъ правописаніи заключаются именно въ мелочахъ: такъ не лучше ли поэтому начать съ мелочей?

Г. К. Позвольте мнѣ отклониться отъ этого вопроса. Я хотѣлъ только заявить собранію, что что́ бы ни называли кореннымъ преобразованіемъ, во всякомъ случаѣ я объявляю себя въ пользу такого преобразованія.

Г. М-въ. Мы приглашены сюда затѣмъ, чтобы условиться [452] въ установленіи правилъ нашего правописанія и чрезъ то облегчить самое преподаваніе этой части грамматики. Но кажется намъ нечего бояться, что всякій будетъ писать по-своему...

Г. С-нъ. Съ этимъ нельзя согласиться: установленіе однообразія въ правописаніи намъ необходимо для установленія самаго говора. Но опять если мы будемъ сближать письмо съ говоромъ, мы вдадимся въ крайность; чрезъ это мы просто уничтожимъ всякое правописаніе.

Г. К-ій. Лѣтъ двадцать тому назадъ я издалъ „Упрощеніе русской грамматики". Въ этомъ сочиненіи... вѣроятно кто-нибудь изъ общества читалъ его?

Слышатся смѣшанные голоса: „Какже, читали, читали!... Что́ это, К—скаго? еще бы!... всѣ читали!".

Г. К-ій. Въ этомъ сочиненіи я предлагалъ сдѣлать коренное преобразованіе въ нашей грамматикѣ, и принявъ предложенную мной реформу, всѣ бы легко и скоро научились писать по-русски безъ ошибки; средство самое простое: принять вмѣсто нынѣшняго русскаго шрифта латинскій. Я нахожу, что нашъ алфавитъ неудовлетворителенъ. Возьмемъ напримѣръ такую фразу: „онъ ее еще и гонитъ". Ка̀къ прочтетъ ее тотъ, кто только-что еще учится читать? А вотъ какъ: „онъ ээ эщэ и гонитъ". Все это греки. Самаго звука этого (то-есть *э*) нѣтъ въ русскомъ языкѣ, онъ изобрѣтенъ у насъ греками. А у меня бы этого небыло.

Подымается крикъ со всѣхъ сторонъ:

— Въ такомъ случаѣ надо завести школы для всѣхъ насъ! мы должны будемъ учиться грамотѣ снова!

— Русскій шрифтъ не умретъ! Онъ будетъ жить, пока Россія не умретъ!

— Вы обрекаете всю нашу литературу на сожженіе!

Г. К-ій. Но какъ же вы различите въ письмѣ выговоръ буквы *г* напримѣръ въ словахъ „господину Головину"? Или напримѣръ *вещь*

и *плащъ* — какая тутъ разница въ выговорѣ буквы *щ?* Да вотъ вамъ, чего жъ еще лучше: неудобство русскаго шрифта доказывается тѣмъ уже, что въ прошедшее. [453] совѣщаніе кто-то изъ господъ читавшихъ прочелъ *умпли* вмѣсто *успѣли.*

Шумъ. Звонокъ.

Кто-то изъ сидящихъ за столомъ. Вотъ я сейчасъ написалъ по вашей грамматикѣ слово *еще:* кажется чуть ли не десять буквъ выходитъ. Позвольте сейчасъ сосчитаю. Разъ, двѣ, три...

Г. К-ій (горько). Ну вотъ, сейчасъ и видно, что вы совсѣмъ и не читали моей грамматики.

Смѣхъ и опять звонокъ.

Президентъ. Намъ кажется пора покончить съ вопросомъ о шрифтѣ, тѣмъ болѣе, что съ мнѣніемъ г. К—скаго никто изъ общества не согласенъ. Г. С—ій, кажется вамъ угодно было что-то возразить г. К—скому.

Г. С-ій распространяется о богатствѣ русскаго языка, о прелести нашего алфавита, вполнѣ удовлетворяющаго всѣмъ русскимъ звукамъ, о недостаточности латинской азбуки для передачи нѣкоторыхъ русскихъ звуковъ и проч.

Г. К-ій. А у меня всѣ грамматическія правила умѣщаются на одномъ листѣ.

Легкій смѣхъ.

Г. Кл. Преобразованіе, предлагаемое г. К—скимъ, есть больше чѣмъ коренное преобразованіе. Кромѣ того мы видимъ, что всѣ славянскіе народы, принявшіе латинскій шрифтъ, должны были придумать множество новыхъ знаковъ для передачи тѣхъ звуковъ, кото рыхъ латинскій алфавитъ не выражаетъ. Это...

Г. К-ій. Да они писать не умѣютъ. (Смѣхъ).

Г. Кл. Это крайнее неудобство. А между тѣмъ Кирилъ придумалъ начертанія, именно вызванныя нашими звуками. Для выраженія напримѣръ звуковъ *щ, ѣ* и другихъ, вамъ придется употреблять или какіе нибудь надстрочные знаки, или хвостикъ внизу какъ напримѣръ въ польскомъ носовые звуки ą и ę.

Г. К-ій (съ увлеченіемъ). Я буду безъ хвостиковъ писать.

Страшный хохотъ укрощается смирительнымъ [454] колокольчикомъ. Когда шумъ стихъ, г. К—скій беретъ лежащую передъ нимъ афишу и говоритъ:

— Въ русскомъ языкѣ чрезвычайно много иностранныхъ словъ. Вотъ напримѣръ я вамъ прочту начало этой афиши: „Концертъ въ пользу бѣдныхъ студентовъ императорской медико-хирургической академіи“. Много ли въ этой фразѣ русскихъ словъ? Прочесть ее, такъ всякій иностранецъ пойметъ, о чемъ тутъ говорится...

Улыбки, легкій смѣхъ, шумъ, звонокъ.

Кто-то. А не угодно ли вамъ выразить латинскимъ алфавитомъ звукъ *ѣ*, не прибѣгая къ комбинаціи буквъ?

Г. К-ій. Да я совсѣмъ не о томъ говорю. Я говорю, что если мы перемѣнимъ нашъ шрифтъ на латинскій, то хоть намъ и не легче будетъ послѣ этого учиться грамотѣ, зато иностранцамъ будетъ легче. Вотъ я объ чемъ говорю. Ктому же наборщикамъ при вставкѣ иностранныхъ фразъ въ русскій текстъ не придется лазить изъ одной кассы въ другую...

Шумъ и смѣхъ. „Это будетъ измѣненіе, а не преобразованіе!“ слышится съ одной стороны. „Да мы о себѣ хлопочемъ, а не объ иностранцахъ! Чтó намъ до нихъ за дѣло!“ раздается съ другой. Звонокъ, разумѣется. Президентъ предлагаетъ обществу разсмотрѣть вопросъ: что должно разумѣть подъ *кореннымъ преобразованіемъ* нашего правописанія?

Г. Р-въ. Въ числѣ нашихъ ортографическихъ правилъ есть такія, которыя принимаются всѣми пишущими и печатающими безусловно, на которыя всѣ согласны; но съ другой стороны встрѣчаются и случаи разногласія въ способѣ писанья — одни пишутъ такъ, другіе иначе, — случаи, которые легко устранить. Отсюда кажется можно прямо заключить, что подъ коренными преобразованіями надобно понимать такія измѣненія въ правописаніи, которыя касаются общепринятыхъ правилъ; соглашеніе же разностей въ правописаніи я считаю второстепенной реформой. Но теперь вопросъ: какихъ основаній держаться при коренномъ преобразованіи? Мнѣ кажется всего справедливѣе — тѣхъ, [455] на которыя въ прошлый разъ указалъ г. С., именно этимологическаго начала и фонетическаго.

Г. Н-ій. Такъ какъ дѣло идетъ о томъ, какое преобразованіе совершить будетъ лучше, то позвольте мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе въ пользу радикальнаго преобразованія. Кругъ читающей Россіи въ настоящее время можно сказать довольно еще ограниченъ; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что по мѣрѣ успѣховъ распространенія грамотности будетъ возрастать и число читающихъ. Если теперь читающихъ у насъ найдется положимъ три мильона, то лѣтъ черезъ десять ихъ будетъ можетъ быть десять мильоновъ. Имѣя это въ виду, мы кажется не должны допускать иного преобразованія въ нашей ортографіи, какъ только радикальное. Чѣмъ дальше мы будемъ откладывать реформу, тѣмъ больше она будетъ становиться невозможною. Если нами будетъ произведена коренная реформа (иной мы не допускаемъ), то послѣдующее за нами поколѣніе будетъ избавлено отъ всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ затрудненій въ правописаніи, которыя теперь поминутно сбиваютъ насъ съ толку. Настоящій моментъ какъ нельзя больше удобенъ для радикальной реформы. Если наше предпріятіе — произвесть въ нашемъ правописаніи коренную реформу — имѣетъ въ себѣ вну-

треннюю силу и за него говоритъ сама истина, то оно примется; непремѣнно примется. Итакъ вотъ въ чемъ заключается мое предложеніе: *въ виду распространенія грамотности необходимо произвесть радикальное преобразованіе въ нашемъ правописаніи.*

— Но въ такомъ случаѣ вы затронете и общепринятыя правила...

— Чтожъ такое, если они и будутъ затронуты?

— Тогда намъ всѣмъ придется переучиваться.

— Переучиваться легче, чѣмъ учиться.

Сильный говоръ. Сквозь шумъ слышится вопросъ г. К—скаго: „А какъ вы напишете напримѣръ *что-жъ?*" и чей-то отвѣтъ: „Вотъ это-то мы и рѣшимъ тогда, какъ будетъ предпринято коренное преобразованіе". Звонокъ.

[456] *Президентъ.* Сдѣлаемъ же теперь résumé изо всего сказаннаго. Въ виду распространенія грамотности, въ настоящій благопріятный моментъ всего лучше будетъ совершить въ нашемъ правописаніи радикальное преобразованіе, хоть бы оно касалось и общепринятыхъ правилъ, — принимая при этомъ то опредѣленіе радикальнаго преобразованія, какое сдѣлалъ г. Р—въ. Итакъ большинство стоитъ за коренное преобразованіе. Послѣ этого мнѣ кажется лучше будетъ перейти прямо къ разсмотрѣнію нашей рѣчи, оставя алфавитъ въ сторонѣ.

Новый Шумъ. Между прочимъ слышатся голоса:

— Да, да! А то мы никогда не кончимъ.

— Помилуйте, какже это можно! надо же вѣдь чѣмъ-нибудь кончить съ алфавитомъ.

— Непремѣнно. По крайней мѣрѣ при дальнѣйшихъ обсужденіяхъ у насъ не будетъ вопросовъ, отклоняющихъ отъ дѣла. (Звонокъ).

Президентъ предлагаетъ обществу рѣшить большинствомъ голосовъ вопросъ: съ чего начать обсужденіе — съ алфавита ли, или съ частей рѣчи? Кто за части рѣчи, тотъ пусть встанетъ. Большинство оказалось на сторонѣ сидящихъ, и потому опять потянулся споръ о буквахъ...

III (къ стр. 718).

Грамматическій споръ на судѣ [1]).

[457] „Кавказъ" передаетъ слѣдующія свѣдѣнія о процессѣ, производившемся у одного изъ мѣстныхъ мировыхъ судей. 4-го апрѣля, въ ордубатскомъ мировомъ участкѣ разбиралось дѣло по жалобѣ г. Х. на П. о взысканіи съ послѣдняго въ пользу перваго 10 руб. за проигранное пари, или, говоря юридически, о взысканіи 10 руб. по договору. Разборъ дѣла происходилъ слѣдующимъ образомъ:

---

[1]) С.-Петерб. Вѣдом. 1873 г. мая 6, № 123.

Судья (обращаясь къ П.). „Г. Х. 25-го октября прошлаго 1872 г. подалъ мнѣ заявленіе о томъ, что 23-го октября, въ селѣ Верх. Акулисахъ, вы между собою держали пари, т. е. *заключили договоръ о томъ, что если отъ слова завѣдывать причастіе будетъ „завѣдывающій“*, то вы платите ему (указывая на г. Х.) 10 руб., а если отъ него, т. е. отъ слова завѣдывать, причастіе будетъ „завѣдующій“, то онъ платитъ вамъ 10 р. Въ заключеніе г. Х. говоритъ—продолжаетъ судья—что на всѣ доводы, приведенные имъ въ пользу своего мнѣнія, вы отклонялись весьма неосновательными данными, вѣроятно, съ цѣлью не заплатить ему условленныхъ договоромъ 10 руб.; при этомъ г. Х. представилъ русскую грамматику Н. Греча, изд. 1860 г., и указываетъ, въ пользу своего мнѣнія, на § 83, гласящій: „Надлежитъ отличать глаголы, кончащіеся на *овать* и *евать*, отъ глаголовъ, кончающихся на *ывать* и *ивать*. Первые имѣютъ въ настоящемъ времени окончаніе на *ую* (рисую, врачую), а послѣдніе *ываю* и *иваю: зазываю, покрикиваю; подчивать* имѣетъ *подчиваю*, а не *подчую*“ [1]) — и пр., и пр., а потому проситъ взыскать съ васъ эти деньги и таковыми удовлетворить его. Что́ вы на это скажете?“

[458] *Отвѣтчикъ*. П. „Да, дѣйствительно я имѣлъ договоръ съ г. Х., т. е. держалъ пари объ этомъ; но дѣло въ томъ, что г. Х. не такъ понимаетъ этотъ параграфъ, на который онъ ссылается, и что у него нѣтъ своихъ собственныхъ убѣжденій, а онъ все ссылается на чужіе авторитеты... Кромѣ того, чтобъ опровергнуть его доводы, я могу указать и въ литературѣ, и въ печати въ нѣсколькихъ мѣстахъ, что это слово пишутъ: и *„завѣдующій“*, и *„завѣдывающій“*, но, конечно, правильнѣе писать: *„завѣдующій“*... такъ обыкновенно пишутъ писаря... я получилъ академическое воспитаніе, самъ коренной русскій и на основаніи этого утверждаю, что это слово слѣдуетъ писать такъ, а не иначе; притомъ же разборъ и разрѣшеніе этого вопроса зависитъ, во-первыхъ, отъ собранія педагогическаго совѣта, а во-вторыхъ, не подлежитъ разсмотрѣнію мирового судьи, потому что пари есть договоръ, исполненіе котораго зависитъ отъ совѣсти, чести и взаимнаго довѣрія нашего другъ къ другу“.

Судья (къ истцу). „Что́ вы скажете на возраженіе г. П.?“

Истецъ. „Удивляюсь, право, что г. П. можетъ хвалиться академическимъ воспитаніемъ. Академія, какъ видно, принесла г. П. мало пользы; это доказывается, во-первыхъ, тѣмъ, что въ академіяхъ не проходятъ грамматики; а во-вторыхъ, тѣмъ что если г. П. слушалъ лекціи въ филологическомъ факультетѣ, то плохо слушалъ, потому что въ русскомъ языкѣ нѣтъ глагола *завѣдать*, отъ котораго могло

---

[1]) Объ этомъ послѣднемъ словѣ см. приложенный въ концѣ настоящаго труда Справочный Указатель.

бы произойти причастіе *завѣдующій*. Въ доказательство настоящаго своего мнѣнія и въ дополненіе перваго моего заявленія, поданнаго вамъ 25-го октября 1872 года, я имѣю честь представить при семъ удостовѣреніе высшаго на Кавказѣ современнаго учебнаго начальства—директора тифлисской классической гимназіи отъ 10-го ноября 1872 г. за № 465, изъ котораго видно, что такъ могутъ разсуждать только люди, незнакомые съ русскою грамматикою"...

Отвѣтчикъ П. „Директоръ гимназіи такой же воспитанникъ высшаго учебнаго заведенія, какъ и я, и авторитетъ его въ настоящемъ дѣлѣ не имѣетъ смысла"...

[459] *Судья* (къ г. П.). „Позвольте остановить васъ и просить выслушать". Судья беретъ бумагу, поданную истцомъ, и читаетъ вслухъ: вотъ содержаніе: „Имѣю честь увѣдомить васъ (титулъ г. Х. былъ прописанъ весь), что авторитетъ Н. И. Греча слишкомъ уважаемъ въ русской наукѣ, чтобъ сомнѣваться въ его грамматикѣ; что же касается до собранія педагогическаго совѣта по возбужденному вами и врачемъ П. вопросу, то это я считаю совершенно излишнимъ, въ виду вами самими указаннаго авторитета; для незнакомыхъ съ русскою грамматикою привосокупляю, что причастіе производится отъ третьяго лица множественнаго числа изъявительнаго наклоненія, перемѣною окончанія на *щій* слѣдующимъ образомъ: *гуляютъ—гуляющій, исповѣдаютъ—исповѣдающій, исповѣдываютъ—исповѣдывающій, завѣдываютъ—завѣдывающій*; глагола *завѣдать* нѣтъ, а потому нѣтъ и причастія *завѣдующій*". Послѣ защитительной рѣчи истца судья черезъ пять минутъ объявилъ слѣдующую резолюцію: „Г. Х. въ искѣ съ г. П. 10 руб. за пари отказать; представленные же г. Х. русскую грамматику Греча и отзывъ директора тифлисской гимназіи за № 465 возвратить ему". Настоящимъ рѣшеніемъ мирового судьи истецъ остался недоволенъ и потому хочетъ принесть апелляціонную жалобу подлежащей судебной власти.

Черезъ нѣсколько дней послѣ напечатанія въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ этого разсказа, въ той же газетѣ явилась слѣдующая замѣтка [1]):

„Изъ № 123 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" читателямъ извѣстно, что въ одномъ изъ закавказскихъ судовъ разбиралось курьёзное дѣло по грамматическому спору о томъ, какъ слѣдуетъ говорить: *завѣдывающій* или *завѣдующій*. Защитникъ первой изъ этихъ формъ, г. Х., сослался на грамматику Греча, въ которой сказано: „Надлежитъ отличать глаголы, кончающіеся на *овать* и *евать*, отъ глаголовъ кончающихся на *ывать* и *ивать*. Первые имѣютъ въ настоящемъ времени окончаніе *ую* (рисую, [460] врачую), а послѣдніе *ываю* и *иваю*".

---

[1]) 1873 мая 12, № 129.

Но потомъ, забывъ это правило, г. X. отвергаетъ форму *завѣдующій* уже на томъ основаніи, что нѣтъ глагола *завѣдать* (онъ вѣрно хотѣлъ сказать: *завѣдовать*). Правда, что этотъ глаголъ въ неопредѣленномъ наклоненіи не употребителенъ; но вѣдь не болѣе употребительны формы: *сказовать, обязовать, наказовать*, а между тѣмъ встрѣчаются слова: *сказуемое, обязуюсь, наказую*. Чтó же это значитъ? Востоковъ, имѣвшій болѣе глубокое филологическое образованіе, нежели Гречъ, обратилъ въ своей грамматикѣ вниманіе на древнее родство глагольныхъ окончаній *овать* и *ывать*, которыя иногда попеременно являются въ одномъ и томъ же глаголѣ, смотря по тому, принадлежитъ ли форма церковно-славянскому, или русскому языку: въ первомъ довольно обычны глаголы: *проповѣдовати, испытовати, сказовати, свяѕовати*, а сообразно съ тѣмъ и въ настоящемъ времени изъявительнаго наклоненія возможна двоякая форма: *исповѣдываю* и *исповѣдую, проповѣдываю* и *проповѣдую, испытываю* и *испытую, указываю* и *указую, связываю* и *связую* и проч. Желающіе подробнѣе ознакомиться съ этимъ вопросомъ найдутъ нѣсколько замѣтокъ о немъ въ недавно изданныхъ „Филологическихъ Разысканіяхъ“ [1]) и т. д. Такимъ образомъ, ясно, что и глаголъ *завѣдывать* можетъ имѣть въ настоящемъ двоякое окончаніе (завѣдываю и завѣдую), а слѣдовательно и обѣ причастныя формы, каждому изъ нихъ соотвѣтствующія, вполнѣ законны“.

IV.

Нѣсколько Разъясненій по поводу замѣчаній о книгѣ «Русское Правописаніе».

Записка, читанная во II-мъ Отд. Имп. Академіи наукъ. [2]).

Успѣхъ книги „Русское правописаніе“ при появленіи ея и желаніе сдѣлать все возможное для ея усовершенствованія въ новомъ изданіи побудили меня тогда же обратиться чрезъ газеты къ лицамъ, интересующимся этимъ дѣломъ, и въ особенности къ преподавателямъ русскаго языка, съ просьбою присылать мнѣ свои замѣчанія на быстро распространявшуюся книгу.

Вскорѣ мнѣ было доставлено не мало письменныхъ сообщеній, и въ печати явилось нѣсколько отзывовъ объ академическомъ руководствѣ.

Естественно было, что въ дѣлѣ, для всякаго близкомъ и въ которомъ поэтому всякій считаетъ себя полноправнымъ судьею, оказа-

---

[1]) См. выше стр. 718.

[2]) Сборникъ Отдѣл. русск. языка и слов., т. XL, 1887, и отд. оттискъ.

лось чрезвычайное разнообразіе взглядовъ: не было ни одного вопроса, по которому не обнаружилось бы двухъ противоположныхъ между собою мнѣній [1]). Такъ одинъ жалѣлъ, что академія не ввела въ наше правописаніе болѣе рѣзкихъ измѣненій, другой напротивъ былъ недоволенъ тѣмъ, что она иногда отступаетъ отъ общаго употребленія; одинъ упрекалъ насъ за недостаточную рѣшительность нѣкоторыхъ правилъ, другой одобрялъ выражающуюся въ этомъ терпимость, вполнѣ согласную съ свободнымъ развитіемъ самаго языка.

Къ сожалѣнію, большинство упускало изъ виду ту основную идею, которой мы держались и которая была ясно высказана нами: не преобразовывать русское правописаніе, вообще стоящее на вѣрномъ пути, взялись мы, а желали только упорядочить его, соображаясь съ господствующимъ обычаемъ, исправляя лишь явно ошибочное, рѣшая сомнѣніе въ спорныхъ случаяхъ, приводя въ сознаніе то, что́ писалось безсознательно. Всѣ получавшіяся мною, крайне разнообразныя замѣчанія подвергаемы были тщательному обсужденію, и тѣ изъ нихъ, которыя не противорѣчили нашему основному взгляду, принимались во вниманіе. На основаніи ихъ уже во второмъ и въ послѣдующихъ изданіяхъ руководства сдѣланы были кое-какія измѣненія, правда, не въ способѣ написанія словъ, отъ котораго отступать не было достаточныхъ причинъ, а только въ нѣкоторыхъ объясненіяхъ и подробностяхъ правилъ, въ дополненіяхъ какъ въ текстѣ книги, такъ и особенно въ справочномъ указателѣ.

Приступая теперь къ 5-му изданію руководства, я счелъ обязанностью пересмотрѣть всѣ дошедшія до меня въ теченіе года замѣчанія, и намѣренъ въ настоящей запискѣ разобрать тѣ изъ нихъ, которыя въ томъ или другомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія; сверхъ того я предполагаю дать здѣсь нѣсколько объясненій по высказаннымъ нѣкоторыми лицами недоразумѣніямъ.

При установленіи письма для какого бы ни было языка правописаніе естественно бываетъ чисто-фонетическимъ, т. е. по возможности воспроизводитъ слышимые звуки рѣчи; но въ сущности написанное слово никогда не можетъ быть въ полномъ смыслѣ точнымъ изображеніемъ произносимаго.

Мы говоримъ, что каждый языкъ имѣетъ опредѣленное число членораздѣльныхъ звуковъ, но это только относительно справедливо. На дѣлѣ въ произношеніи каждаго звука можетъ быть почти безчислен-

---

[1]) При самомъ выходѣ книги одинъ почтенный ученый выразилъ мнѣ сожалѣніе, что я пишу: *проектъ*, а не „проэктъ“. Въ тотъ же день другой встрѣтилъ меня одобреніемъ за многое, найденное имъ въ этой книгѣ, и между прочимъ за то, что я пишу не „проэктъ“, а *проектъ*, соображаясь съ латинскимъ projectum, тѣмъ болѣе что „проэктъ“ грѣшитъ и противъ русской фонетики, требующей *е*, а не э послѣ другой гласной.

ное множество оттѣнковъ. Объяснимъ это примѣромъ. Извѣстно, что согласные *к* и *т* образуются, первый прикосновеніемъ спинки языка къ нёбу, второй прижатіемъ кончика языка къ верхнимъ зубамъ. Но въ томъ и другомъ случаѣ можно представить себѣ цѣлую линію точекъ, къ которымъ поперемѣнно можетъ прикасаться языкъ, и результатъ прикосновенія къ каждой точкѣ будетъ иной, т. е. звукъ отъ малѣйшаго видоизмѣненія мѣста будетъ видоизмѣняться. Между точками прикосновенія для артикуляціи *к* и *т* будетъ даже одна такая, въ которой оба звука почти не представятъ разницы. Это различіе произношенія звуковъ служитъ собственно источникомъ происхожденія различныхъ говоровъ или нарѣчій. Но есть еще другое обстоятельство, по которому писанное слово не можетъ во всей точности передавать произносимое: между двумя звуками, соединяемыми между собой въ живой рѣчи, всегда бываютъ переходы, правда почти неуловимые для слуха, но тѣмъ не менѣе существующіе: они на письмѣ не означаются. Мы означаемъ буквами только нѣкоторые характеристическіе, или, такъ сказать, центральные оттѣнки цѣлаго ряда звуковъ: для всѣхъ видоизмѣненій *к*, *т* и др. имѣемъ только по одной буквѣ [1]).

Вопросъ, въ какой степени русское правописаніе отвѣчаетъ цѣли воспроизводить господствующую на обширномъ пространствѣ Россіи живую рѣчь, можетъ быть рѣшаемъ различно: если имѣть въ виду, что азбука наша составлена изъ ц.-славянской и не имѣетъ знаковъ для нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка (особенно для неопредѣленныхъ гласныхъ), то надо конечно сознаться, что письмо наше въ фонетическомъ отношеніи неудовлетворительно; но если помнить двоякое значеніе нашихъ гласныхъ и весьма положительные законы произношенія нашихъ согласныхъ при встрѣчѣ ихъ между собою и въ концѣ словъ, то мы придемъ къ заключенію, что и теперь еще наше письмо въ значительной мѣрѣ сохранило фонетическій характеръ, т. е. за сказанными ограниченіями, слова у насъ пишутся такъ, какъ они произносятся: мы не знаемъ тѣхъ сочетаній буквъ для означенія одного звука, которыми такъ изобилуетъ письмо нѣмецкое, французское, англійское, польское или чешское. Но вмѣстѣ съ тѣмъ фонетическое начало письма у насъ подчинено этимологическому, требующему, чтобы въ начертаніяхъ ясны были слѣды происхожденія и состава словъ. Только изрѣдка это требованіе нарушается.

Русское правописаніе развивалось постепенно изъ церковно-славянскаго, но подъ вліяніемъ произношенія, во многихъ случаяхъ рѣзко отличающагося отъ фонетики славянской: явилась потребность сбли-

---

[1]) H. Paul. Zur orthographischen Frage, Berlin 1880, Ср. замѣчанія Сиверса о переходныхъ звукахъ въ его „Основаніяхъ фонетики" (*Филол. Разысканія*, выше стр. 561).

жать старинное историческое письмо съ живою рѣчью, но, разумѣется, безъ системы и не всегда послѣдовательно, однакожъ во многихъ случаяхъ такъ положительно, что на этомъ основался обычай, произошло общее соглашеніе. Естественно, что въ раннемъ періодѣ цсл. письма сохранялись многія чисто-фонетическія начертанія. Это замѣтно особенно въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, при слитномъ письмѣ словъ съ предлогами, напр. когда писалось: иштезнути, ищезъ, иштитати, вмѣсто: *изчезнути, изчезъ, изсчитати*, или: иждивение, ицѣление, ишьствие, вождѣлати, вм. *изживеніе, исцѣленіе* и т. д., и даже просто въскричати вм. *възкричати*, и во-вторыхъ, при такомъ же сліяніи предлога съ другимъ слогомъ, для избѣжанія удвоенія звуковъ, не свойственнаго цсл. языку; такъ писали: расъмотрити, расѣꙗти, расѣшти. Въ Остром. евангеліи мы находимъ: ицркве, ишьдъ, раширꙗжтъ. Почти во всѣхъ подобныхъ случаяхъ русскій языкъ, на основаніи этимологіи, согласной съ его произношеніемъ, возстановилъ цѣльность предлога, давъ ему въ слитномъ письмѣ, по древнему обычаю, фонетическое окончаніе *с* вмѣсто этимологическаго *з*, но не поступилъ подобно этому съ предлогами, оканчивающимися на *д* (над, под, пред) и не замѣнилъ это *д* буквою *т* передъ безголосными звуками. Такимъ же образомъ русскіе, по склонности ихъ фонетики къ усиленію звука *н* между двумя гласными, во всѣхъ страдательныхъ причастіяхъ полной формы стали писать два *н*: *желанный, спасенный*. Такое же усиленіе звука *т* оказалось въ русской формѣ неопр. накл. *итти*, который въ цсл. писали съ однимъ *т*.

Всѣ частныя явленія этого рода, которыхъ вообще немного, объяснены въ руководствѣ, каждое въ своемъ мѣстѣ. Можно бы, пожалуй, указать нѣсколько категорій такихъ явленій, но это такъ просто, что всякій смышленый преподаватель самъ легло сумѣетъ ихъ вывести. Двѣ изъ нихъ сейчасъ уже были упомянуты; именно, фонетическое правописаніе имѣетъ мѣсто: 1) въ силу закона уподобленія звуковъ, который иногда не сходится съ словопроизводствомъ: измѣненію, по требованію слуха, подвергаются особенно свистящіе *з, с* и гортанный *к* въ предлогахъ и нарѣчіяхъ; такъ, вмѣсто: „возходъ, изполнять“, пишутъ: „*восходъ, исполнять;* вмѣсто: сдѣсь, вездѣ“ пишутъ: *здѣсь, вездѣ*; вмѣсто „кдѣ“ пишутъ *гдѣ*. Мы видимъ тутъ приспособленіе предшествующей согласной къ послѣдующей въ мѣстоименныхъ корняхъ; изрѣдка встрѣчается такое измѣненіе и въ словахъ глагольнаго или вещественнаго корня, какъ-то: *мягкій, ноздри, отверстіе*, вмѣсто „мяккій“ и т. д.; 2) вслѣдствіе наклонности органовъ рѣчи усиливать произношеніе согласныхъ *н* и *т* между двумя гласными, какъ видно изъ приведенныхъ выше случаевъ; 3) по требованію произношенія опускать одну изъ трехъ или даже четырехъ рядомъ стоящихъ согласныхъ; такъ пишутъ: „*склянка, если, четверга*, вмѣсто: стклянка, естьли, четвертка“; 4) по требованію слуха замѣнять гласную, хотя и правильную

по закону словопроизводства или морфологіи, но въ произношеніи уступающую мѣсто другой, ясно слышимой, когда напр. пишутъ: *прямой, дорогой*, вмѣсто: „прямый, дорогій"; *кружокъ, лицо* вмѣсто: „кружекъ, лице"; *латынь, псалтырь*, вмѣсто: „латинь, псалтирь"; *ребенокъ*, вмѣсто „робенокъ"; и 5) вслѣдствіе сліянія двухъ согласныхъ въ одну или превращенія ихъ въ другія двѣ согласныя, напр. въ словахъ: *Полоцкъ, двадцать, вожделенный*, вмѣсто: „Полотскъ, двадсять, вожделѣнный".

Правда, что для примѣненія того или другого начала письма къ данному случаю нѣтъ опредѣленнаго правила, и въ предпочтеніи одного изъ нихъ встрѣчается непослѣдовательность, даже противорѣчіе, напр. пишутъ *двадцать* и въ то же время оставляютъ *с* въ мѣстоименіи *ся* послѣ *т* въ глаголахъ, напр. пишутъ *дѣлаться*, а не „дѣлатца", но въ томъ-то и дѣло, что въ правописаніи, какъ и въ самомъ языкѣ, рѣшающее значеніе окончательно принадлежитъ утвердившемуся обычаю, преданію и соглашенію. Ломоносовъ писалъ: *дватцать, тритцать*; но послѣдующая практика рѣшила по-своему: въ первой половинѣ этихъ числительныхъ именъ она сдѣлала поправку въ пользу этимологіи, замѣнивъ *т* буквою *д*, а во второй удержала уступку фонетикѣ. Вообще же правило Ломоносова, узаконяющее равномѣрное участіе обоихъ началъ въ русскомъ письмѣ, чрезвычайно вѣрно и никогда не утратитъ своей силы: „Въ правописаніи", сказано имъ, „наблюдать надлежитъ: 1) чтобы оно не удалялось много отъ чистаго выговора, и 2) чтобы не закрылись совсѣмъ слѣды произвожденія и сложенія рѣченій". Замѣчательно, что тутъ на первомъ мѣстѣ поставлено фонетическое требованіе. Этимъ-то требованіемъ оправдывается между прочимъ наше правило писать въ род. пад. ед. ч. муж. и ср. р. прилагательныхъ именъ: *простого, дорогого*, ибо что̀ можетъ быть противнѣе обычному выговору какъ формы: *простаго, дорогаго*? На возраженіе, почему же мы въ этомъ случаѣ не проводимъ фонетическаго начала до конца и не пишемъ: „простова, дорогова", я уже объяснялъ, что звукъ *г* въ этой формѣ у всѣхъ славянскихъ народовъ составляетъ ея исконную принадлежность, тогда какъ предшествующая этому звуку гласная въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ бываетъ различна (напр. въ цсл. *а*, въ сербскомъ *о*, въ польскомъ *е*), и притомъ окончаніе родит. падежа на *ого* изстари узаконено въ мѣстоименіяхъ, у которыхъ именит. падежъ ед. ч. муж. р. оканчивается на *ой* и которыя по формѣ своей ничѣмъ не отличаются отъ другихъ прилагательныхъ. Наконецъ, у насъ давно уже многіе и въ прилагательныхъ пишутъ *ого*, но никто не пишетъ *ова*, помня неудавшуюся въ 1830-хъ годахъ попытку Лажечникова. Замѣчаніе, будто *ого* есть исключительно мѣстоименная флексія, устраняется тѣмъ, что и въ мѣстоименіяхъ прилагательной формы, у которыхъ именит.

падежъ ед. ч. муж. род. оканчивается не на *ой* съ удареніемъ, родительный получаетъ окончаніе *аго*: *котораго, онаго*.

Такимъ образомъ наше фонетико-этимологическое письмо образовалось въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ на основаніи однихъ и тѣхъ же началъ и можетъ продолжать свое дальнѣйшее развитіе не иначе какъ тѣмъ же историческимъ путемъ. Въ обоихъ отношеніяхъ письмо наше можетъ подвергаться измѣненіямъ, какъ было и до сихъ поръ, согласно съ тѣми двумя разумными правилами, которыя такъ ясно высказаны Ломоносовымъ. Въ прошломъ мы имѣемъ тому нѣсколько примѣровъ: такъ по первому правилу, т. е. чтобы письмо не слишкомъ противорѣчило выговору, лѣтъ сорокъ тому назадъ стали писать *кривой, другой* вм. „кривый, другій"; по второму правилу исправлена напр. орѳографія словъ: *вѣдь, мелкій, прилежный, поперекъ, истина, январь*, которыя прежде писались: „вить, мѣлкій, прилѣжный, поперегъ, истинна, генварь".

Но никакой будущности не имѣютъ предположенія тѣхъ, которые думаютъ, что со временемъ удастся ввести у насъ вполнѣ фонетическое правописаніе: письма́, точно такъ же какъ и самаго языка, нельзя свести съ его исторической почвы и двинуть по новой искусственной колеѣ. Еслибъ даже кому-нибудь вздумалось пополнить нашу азбуку недостающими буквами, то затѣмъ оставалось бы еще рѣшить вопросъ: гдѣ взять норму общаго всѣмъ русскимъ произношенія каждаго слова? Узналъ ли бы всякій въ читаемомъ имъ начертаніи то слово, которое пишущій, по обычному въ окружающей его средѣ произношенію, хотѣлъ изобразить? Явилось бы по нѣскольку мнѣній о томъ, какъ писать одно и то же слово, и тутъ-то началась бы настоящая путаница въ правописаніи. Довольно примѣровъ того мы уже видѣли въ странахъ, гдѣ производятся попытки замѣнить установившееся историческое письмо фонетическимъ: у каждаго нововводителя своя система, которая и остается въ тѣсномъ кругу его послѣдователей. Да и у насъ уже не мало было безплодныхъ попытокъ передѣлывать русскую азбуку и писать по произношенію, какъ можно видѣть изъ очерка исторіи нашего правописанія во 2-й части моихъ *Филологическихъ Разысканій*.

Слово должно имѣть на письмѣ такую же опредѣленную, всѣми признанную и всѣми тотчасъ узнаваемую форму, какую оно имѣетъ въ живомъ языкѣ: тогда только письменный образъ слова вызываетъ непосредственно, безъ пособія звуковой его формы, заключающееся въ немъ понятіе: вотъ почему важно единообразное правописаніе. Но достигнуть полнаго единообразія, совершеннаго согласія орѳографіи всѣхъ пишущихъ никогда не удастся: письмо, какъ и самый языкъ, живетъ, развивается, имѣетъ свою исторію, и нѣкоторое въ немъ колебаніе во всякій моментъ этой исторіи будетъ неизбѣжно. Поэтому и не должно

слишкомъ смущаться кое-какими орѳографическими разнорѣчіями и относиться педантически ко всякому отступленію отъ того или другого признаваемаго лучшимъ правописанія. Какъ не вспомнить тутъ замѣчательной статьи Якова Гримма: „Ueber das pedantische in der deutschen sprache", изъ которой иное можно бы примѣнить и къ нашимъ черезчуръ взыскательнымъ грамотеямъ. Можно ли, напримѣръ, ставить ученику въ ошибку, когда онъ напишетъ *жолтый* вм. *желтый* или *козакъ* вм. *казакъ* и т. п.? Остерегаться надо, между прочимъ, излишней требовательности въ отношеніи къ переносу слоговъ изъ одной строки въ другую: вотъ почему я не могу согласиться съ г. Соломоновскимъ насчетъ важности затрудненій, которыя онъ встрѣчаетъ при соблюденіи изложенныхъ въ руководствѣ правилъ по этому предмету [1]).

Изъ необходимости заботиться о единообразіи письма не слѣдуетъ равнымъ образомъ, что когда слово въ живомъ языкѣ имѣетъ двоякую форму, грамматикъ долженъ произвольно устанавливать на письмѣ одно болѣе нравящееся ему начертаніе: онъ не только не обязанъ дѣлать это, но не имѣетъ на то никакого права. Отсюда видно, какъ несправедливы были упрекавшіе насъ въ томъ, напр., что мы говорили: „обращеніе *о* въ *а* при образованіи многократнаго вида у насъ еще не вполнѣ установилось", или когда мы признавали двѣ формы, наприм. для словъ: *кувырнуть* и *кувыркнуть, занавѣсъ* и *занавѣсь, заматерѣлый* и *заматорѣлый* и т. д. Обѣ формы этихъ и многихъ другихъ словъ въ языкѣ существуютъ, и выборъ той или другой въ данномъ случаѣ можетъ и долженъ быть предоставленъ пишущему. Были однакожъ критики, которые ставили намъ въ заслугу допущеніе двоякихъ формъ. Такъ профессоръ Варшавскаго университета А. И. Смирновъ замѣтилъ: „Прекрасную сторону указателя ак. Грота составляетъ то, что онъ часто даетъ въ немъ мѣсто двумъ формамъ, одинаково употребительнымъ на письмѣ или одинаково распространеннымъ въ выговорѣ. Этимъ устраняется педантизмъ, вольный и невольный, отъ котораго рѣдкіе изъ преподавателей могутъ быть свободны" [2]). Если вѣрить газетному реферату, другой критикъ (г. Стоюнинъ) въ собраніи преподавателей даже заявилъ, что допущеніе нѣкоторыхъ словъ въ двоякой формѣ составляетъ существенное достоинство нашего руководства. Это однакожъ не значитъ, что мы принимаемъ два способа *писать* слово; это только значитъ, что мы не передѣлываемъ языка, а допускаемъ и на письмѣ обѣ существующія въ немъ формы,

---

[1]) См. статью И. С. Соломоновскаго: „Психологическая справка по поводу преподаванія словопроизводства" въ *Филологическихъ Запискахъ* г. Хованскаго 1886, вып. 1.

[2]) *Р. Филол. Вѣстникъ* 1885, вып. 3. Мои замѣчанія см. въ 1-мъ вып. этого журнала на 1886 г.

потому что не считаемъ себя въ правѣ признавать во всѣхъ случаяхъ только одну изъ нихъ.

Часть доклада г. Стоюнина была напечатана [1]): несомнѣнно вѣрна его мысль, что перемѣны въ общепринятомъ правописаніи не должны быть проводимы черезъ школу. Это было еще прежде выражено и мною: по поводу предложенія одного критика ввести новое исключительно-этимологическое письмо, я замѣтилъ, что „школа должна чуждаться всякихъ опытовъ, еще сомнительныхъ въ своемъ результатѣ и можетъ-быть непримѣнимыхъ въ будущемъ“ [2]). Г. Стоюнинъ совершенно правъ, указывая на противорѣчіе, въ какое ученики будутъ поставлены, когда увидятъ, что ихъ учатъ писать многія слова не такъ, какъ пишутъ въ книгахъ и всѣ грамотные люди. На этомъ основаніи я согласенъ, что хотя мое производство слова *ветчина* отъ корня *вяд* и неоспоримо и со временемъ вѣроятно установится соотвѣтственное его начертаніе, однако покуда лучше сохранить прежнюю историческую форму, въ которой это слово издавна является въ русскомъ письмѣ. Совсѣмъ иное представляетъ вопросъ: какъ поступать въ школѣ съ такими словами, которыя и въ печати пишутся двумя или тремя способами? Если каждый изъ этихъ различныхъ способовъ имѣетъ то или другое основаніе, то можно, пожалуй, согласиться съ мнѣніемъ г. Стоюнина, что „дѣло учителя въ такихъ случаяхъ сводится къ тому, чтобы, признавъ законными существующія начертанія и указавъ ихъ, выбрать одно какъ наиболѣе правильное и *предложить* своимъ ученикамъ держаться этого начертанія“. Но бываетъ и такъ, что въ печати безпрестанно являются ошибочно написанныя слова, какъ напр. *болѣнъ, видѣнъ* (вм. боленъ, виденъ), *цаловать* (вм. цѣловать), *ушибленъ* (вм. ушибенъ), *хлопочатъ* (вм. хлопочутъ), *сыпятъ* (вм. сыплютъ). Неужели учитель долженъ допускать такія ошибки только потому, что ученикъ видитъ ихъ въ книгахъ? Конечно, нѣтъ: явно ошибочныя начертанія должны быть исправляемы, несмотря на ихъ обычность, и устраненіе ихъ изъ литературы возможно только путемъ школы. Но и независимо отъ словъ такого рода важно все-таки, чтобы въ школѣ господствовало по возможности единообразное письмо, а этого нельзя достигнуть предоставленіемъ каждому преподавателю выбора той или другой орѳографіи: многими уже было обращаемо вниманіе на неудобства, могущія происходить отъ такого произвола при перемѣнѣ учителя или при переходѣ изъ одного класса въ другой, изъ одного заведенія въ другое. Нельзя поэтому отрицать справедливость мнѣнія, которое въ послѣднее время не разъ

---

[1]) Въ журналѣ *Женское Образованіе*, февр. 1886 г.

[2]) См. Приложеніе къ 4-му изданію „Русскаго Правописанія“; также *Филолог. Разысканія*, II, выше стр. 635.

было выражаемо въ печати, — о необходимости обязательнаго правописанія для школы. Это поняли нѣмцы: въ Пруссіи, въ 1870-хъ годахъ, министерство просвѣщенія рѣшилось принять мѣры для введенія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ одной и той же орѳографіи. Созвана была комиссія изъ филологовъ и преподавателей, и по состоявшемуся въ ней, послѣ долгихъ преній, соглашенію, издана правительствомъ книжечка подъ заглавіемъ: „Правила правописанія и списокъ словъ для употребленія въ прусскихъ школахъ“ [1]). Передъ спискомъ сдѣлано примѣчаніе: „Прибавленное въ скобкахъ при нѣкоторыхъ словахъ написаніе не обязательно, но не должно считаться ошибочнымъ“. Полкнижки (21 стр.) занято правилами, а другая половина (22—46) спискомъ словъ. То же самое сдѣлано въ Баваріи и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ Германіи, при чемъ однакожъ не вездѣ введены одни и тѣ же правила.

Само собою разумѣется, что и при такомъ обязательномъ письмѣ остается въ своей силѣ требованіе, чтобы учитель умѣлъ отличать важныя разнорѣчія отъ неважныхъ и чтобы предписываемая орѳографія была въ возможной степени согласна съ наиболѣе распространеннымъ въ литературѣ письмомъ.

По этой-то причинѣ мы не сочли возможнымъ вывести изъ употребленія *ѳиту*, которая, несмотря на толки о ея излишествѣ, упорно держится въ бо́льшей части книгъ и періодическихъ изданій. Ломоносовъ, хотя и изгонялъ ее изъ русской азбуки, однакожъ самъ на практикѣ употреблялъ ее.

Вообще надо быть осторожнымъ при обсужденіи нѣкоторыхъ замѣчаній руководства относительно письма иностранныхъ заимствованныхъ словъ.

У насъ пишутъ: Крон*штадтъ* и: Соединенные *штаты*; встарину писали *олтарь*, нынче же пишутъ *алтарь* (отъ лат. altare); до 1840-хъ годовъ писали: *Вестминстеръ*, *Вашингтонъ*, а съ тѣхъ поръ многіе стали писать: *Уэстминстеръ*, *Уашингтонъ*; названіе *Мехика* болѣе и болѣе вытѣсняетъ прежнее *Мексика*: не значитъ ли это, что русское правописаніе иностранныхъ словъ справляется съ ихъ подлиннымъ звуковымъ составомъ? Поэтому нельзя считать безусловно справедливымъ правило, противопоставляемое нашему, будто вообще „иностранныя слова нужно писать согласно съ произношеніемъ ихъ въ русскомъ говорѣ“, нельзя тѣмъ болѣе, что произношеніе можетъ нерѣдко быть сомнительнымъ, напр. относительно удвоенія согласныхъ. Этотъ послѣдній вопросъ представляетъ особенную трудность. Повторю

[1]) Regeln und Wörterverzeichniß für die deutsche Rechtschreibung zum Gebrauch in den preußischen Schulen. Подробное объясненіе основаній установленной здѣсь орѳографіи явилось въ особой книгѣ подъ заглавіемъ: Kommentar zur preußischen Schulorthographie, von Wilmanns, Berlin 1880.

здѣсь то, что было сказано мною въ другомъ мѣстѣ [1]): „Относительно удвоенія согласныхъ въ заимствованныхъ словахъ одинъ изъ нашихъ критиковъ полагаетъ, что лучшимъ способомъ рѣшить этотъ вопросъ было бы во всѣхъ чужихъ словахъ отбросить вторую согласную, т. е. писать, напр., „комисія, асесоръ". Но самъ же онъ прибавляетъ: „за немногими исключеніями (касса, масса, ванна, вилла и т. п.)". Вотъ въ этихъ-то исключеніяхъ и кроется вся бѣда, потому что отъ приведенныхъ и имъ подобныхъ словъ есть производныя; слѣдовательно придется также писать, напримѣръ: *кассиръ, кассовый, массивный, вилледжіатура.* Отъ *колонна* пойдетъ *колоннада, колонновожатый.* Затѣмъ, нельзя же не только во множествѣ собственныхъ именъ, но и въ нѣкоторыхъ нарицательныхъ не удвоять согласныхъ для отличія одного имени отъ другого, напр., Мюллеръ (Müller) отъ Мюлеръ (Mühler), Келлеръ (Keller) отъ Кэлеръ (Köhler), балъ отъ балла, греческое фило (philo) отъ филло (phyllo, напримѣръ, въ словѣ phylloxera). Оказывается, что намъ вполнѣ освободиться отъ удвоенія согласныхъ въ словахъ иностраннаго происхожденія невозможно. Нѣкоторому различію въ начертаніи ихъ не слѣдуетъ придавать слишкомъ большой важности. Но зачѣмъ же мы станемъ, вопреки произношенію и общепринятому обычаю образованныхъ народовъ, писать, напр., *преса, принцеса, Одеса, Прусія, програма* и т. д.?" Остается только согласиться, въ какихъ именно словахъ слѣдуетъ удвоять букву, и въ какихъ это не нужно, т. е. поступить такъ, какъ поступили французы, принявъ за авторитетъ словарь своей академіи.

Въ одной изъ газетъ было напечатано, что собраніе преподавателей сочувственно отнеслось къ правилу, будто бы помѣщенному въ „Русскомъ Правописаніи", о выбрасываніи слога *ир* изъ глаголовъ иностраннаго происхожденія, напр. *цитовать, формуловать.* Референтъ не раздѣляетъ этого сочувствія и приводитъ нѣсколько примѣровъ (галопировать, драпировать, лавировать, маршировать, пародировать) въ доказательство, что обычай переводить такимъ способомъ въ русскій языкъ нѣмецкіе глаголы на *iren* обратился уже въ законъ русскаго языка, отъ котораго (будто бы) никто и не думаетъ отступать.

По поводу этихъ замѣчаній я долженъ заявить: во-первыхъ, что въ цѣлой книгѣ „Русское Правописаніе" нѣтъ ни слова о глаголахъ этой формы (какъ предметѣ, вовсе не относящемся къ ороографическимъ вопросамъ), а есть два-три случая, въ которыхъ при объясненіи правилъ говорится, что звуки *артикулуются*, что гласные бываютъ *йотованные* (термины, которые употреблялись уже и другими), да въ справочный указатель занесены глаголы: *импровизовать, организовать, парализовать, формуловать, цитовать*, какъ образчики попытокъ сокращать неуклю-

---

[1]) Въ газетѣ *Новости* 1885, № 326, по поводу замѣчаній г. Малорошвилова.

жее полунѣмецкое окончаніе, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ этому сокращенію не противится слишкомъ закоренѣлая привычка: „Такія попытки, сказано въ моихъ *Филолог. Разысканіяхъ* (II, выше, стр. 773), конечно заслуживаютъ одобренія, но не всегда бываютъ удачны". Во-вторыхъ, нельзя сказать, чтобы оканчивать заимствованные глаголы на *ировать* сдѣлалось закономъ: недавно стали вводить въ употребленіе глаголы *скомбиновать* и *скомпоновать* (послѣдній впрочемъ взятъ, кажется, съ польскаго). И между менѣе новыми словами не мало иностранныхъ глаголовъ, оканчивающихся на *овать* безъ вставки *ир;* таковы напр. *аттестовать, конфирмовать, пасовать, претендовать, рекомендовать, трактовать, ревизовать, линевать,* не говоря уже о тѣхъ глаголахъ, которые, независимо отъ нѣмецкой или французской формы, образованы прямо отъ пришлаго существительнаго: *критиковать, фабриковать, интересовать, пробовать, танцовать, титуловать* и т. п. отъ именъ: *критика, фабрика* и проч.

Защитникамъ русскихъ глаголовъ на *ировать* не худо ознакомиться со взглядомъ самихъ нѣмцевъ на окончаніе, которое мы у нихъ такъ покладно заимствовали. Вотъ что говоритъ Яковъ Гриммъ по этому предмету: „Нѣкоторыя чуждыя нѣмецкому языку формы получили въ немъ непомѣрное развитіе. Лучшимъ тому примѣромъ могутъ служить безчисленные глаголы на *ieren*. Изъ разсмотрѣнія ихъ оказывается, что въ средне-нѣм. ихъ было около ста (теперь 160 слишкомъ) и что до второй половины XII стол. ничего подобнаго въ Германіи не было; они явились только путемъ придворной поэзіи, имѣвшей романское происхожденіе. Естественно, что при заимствованіи иностранныхъ словъ языкъ усвоиваетъ себѣ только самое слово, а отъ чуждой флексіи отказывается; но у насъ въ этихъ глаголахъ звукъ *r* — романская форма латинскаго инфинитива, которая во всякомъ другомъ наклоненіи тотчасъ исчезаетъ, — удержанъ въ цѣломъ спряженіи: надо сознаться, что нѣмцы показали самое грубое пониманіе чужой формы, введя въ свое подражаніе знакъ инфинитива и характерно сохранивъ его вездѣ, а къ этому привѣсивъ еще и свой собственный знакъ" [1]).

Относительно главы о знакахъ препинанія намъ было замѣчено, что основывать употребленіе ихъ на пріостановкахъ или паузахъ въ чтеніи неправильно, и что будто вѣрнѣйшимъ указаніемъ въ этомъ дѣлѣ служитъ интонація, состоящая въ повышеніи и пониженіи голоса, и т. д. Не надо забывать, что пріостановки въ чтеніи были поставлены нами въ зависимость отъ раздѣленія рѣчи на предложенія, находящіяся въ большей или меньшей связи между собою. Тѣмъ не менѣе помянутое замѣчаніе заставило насъ еще разъ при-

---

[1]) J. Grimm. Ueber das pedantische in der deutschen sprache. Kl. Schriften. I, 343.

стально разсмотрѣть вопросъ о дѣйствительномъ началѣ пунктуаціи, и смы пришли къ убѣжденію, что хотя большинство теоретиковъ до сихъ поръ держится взгляда, что „знаками препинанія означаются бо́льшія или меньшія паузы, соблюдаемыя въ правильно произносимой рѣчи“, но въ сущности цѣль знаковъ препинанія заключается просто въ показаніи состава рѣчи, въ уясненіи взаимной связи, болѣе или менѣе тѣсныхъ отношеній между предложеніями. Эту связь предложеній намъ нужно видѣть на письмѣ не только когда мы читаемъ вслухъ, но и при чтеніи про себя: вотъ лучшее доказательство, что не въ интонаціи тутъ дѣло. Только знаки восклицательный и вопросительный указываютъ на интонацію, но и при нихъ она можетъ быть различна. Назначеніе знаковъ препинанія — облегчать разумѣніе письменной рѣчи указаніемъ границъ между предложеніями, а отчасти и между членами ихъ [1]).

Разсмотрѣвъ въ предыдущемъ главныя изъ отдѣльныхъ замѣчаній, которыя съ разныхъ сторонъ были высказываемы по поводу „Русскаго Правописанія“, я долженъ теперь остановиться на одной критической статьѣ, которая, и по обширности своей и по характеру, отличается отъ другихъ заявленій, вызванныхъ нашею книгой. Разумѣю брошюру: „Возможно ли примѣнить русское правописаніе Я. К. Грота къ практикѣ?“ Авторъ ея, нѣкто г. Доброписцевъ, задался мыслію доказать, что все наше руководство, отъ первой страницы до послѣдней, представляетъ только рядъ недостатковъ всякаго рода. Разобрать эту статью является тѣмъ болѣе нужнымъ, что прежде напечатанія она была читана въ довольно многочисленномъ собраніи преподавателей и потому могла возбудить недоразумѣнія въ педагогическомъ мірѣ. Едва ли можно ожидать, чтобы каждый изъ прослушавшихъ критику г-на Д. имѣлъ охоту и терпѣніе сличить для повѣрки каждое его показаніе или толкованіе съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ руководства.

Уже во вступительной части своей брошюры авторъ обнаруживаетъ весьма смутныя понятія о предметѣ, въ которомъ беретъ на себя роль верховнаго судьи: „У насъ, говоритъ онъ на 1-й страницѣ, до настоящаго времени не выясненъ и чуть ли затронутъ вопросъ о томъ, долженъ ли *книжный языкъ* [2]) воспроизводить всякое звуковое видоизмѣненіе языка живаго, устнаго; долженъ ли филологъ сберечь новую нарождающуюся форму и пренебрегать старою, — или — дорожить древнею формою, охранять ее; слѣдуетъ ли на слово написанное смотрѣть, какъ на воспроизведеніе слова сказаннаго и видѣть въ

---

[1]) Желающимъ въ подробности изучить вопросъ о пунктуаціи укажу на соч. Das princip der deutschen Interpunktion nebst einer übersichtlichen Darstellung ihrer Geschichte, von Dr. Alexander Bieling. Berlin 1880.

[2]) Въ подлинномъ нѣтъ курсива.

немъ точную фотографію, подлинный образъ рѣчи устной, — или писать, какъ того требуетъ установившійся обычай, предоставивъ живому слову развиваться и идти своимъ путемъ, и ждать времени, когда *печатное слово* [1]) едва едва будетъ напоминать своимъ начертаніемъ устное слово".

Что это такое? Отдалъ ли авторъ самому себѣ ясный отчетъ въ своихъ сомнѣніяхъ? жаль, что онъ не подкрѣпилъ ихъ примѣрами. О какомъ *книжномъ языкѣ* тутъ говорится? До сихъ поръ подъ книжнымъ языкомъ разумѣли особенный складъ и тонъ рѣчи, а здѣсь этотъ терминъ долженъ означать просто письмо, которое нѣсколькими строками ниже названо еще *печатнымъ словомъ!* Въ подстрочномъ примѣчаніи г. Д. прибавляетъ, что въ моихъ „Спорныхъ вопросахъ русск. правоп. собрано нѣсколько замѣчаній разныхъ авторовъ о фонетическомъ и этимологическомъ началѣ письма; но о поставленномъ вопросѣ рѣчи нѣтъ". Сказанное мною выше на стр. 819—822 можетъ послужить, хотя и не отвѣчающимъ на этотъ столь неумѣло поставленный вопросъ, но не безполезнымъ прибавленіемъ къ тому, чтó о занимающемъ насъ предметѣ содержится въ Спорныхъ Вопросахъ. Жáлобы критика на неопредѣленность и разнорѣчія русскаго правописанія непомѣрно преувеличены. Во всѣхъ существенныхъ вопросахъ письмá у насъ грамотные люди слѣдуютъ установившейся практикѣ, и только въ частныхъ случаяхъ встрѣчаются отступленія, къ которымъ, какъ уже выше было замѣчено, не должно относиться слишкомъ педантически. Если мы сравнимъ нынѣшнія разнорѣчія нашего правописанія съ тѣми, какія въ немъ господствовали въ былое время, то найдемъ въ пользу настоящаго значительную разницу. Говоря о существующихъ въ правописаніи колебаніяхъ, обыкновенно упускаютъ изъ виду, что многія изъ нихъ относятся къ самому языку и потому не могутъ быть устранены орѳографическою регламентаціей. Продолжая свои разсужденія, нашъ критикъ такимъ же образомъ смѣшиваетъ понятіе о разнорѣчіяхъ правописанія съ понятіемъ о различіи между *формами книжнаго языка* и *формами областными* и между *формами словеснаго языка* и *формами живой рѣчи*, т. е. разные способы словообразованія и измѣненія словъ смѣшиваются у него со способами ихъ начертанія. Не распространяюсь подробнѣе объ этой теоретической части трактата г-на Д., такъ какъ она въ сущности къ задачѣ его не относится и разсмотрѣніе ея только напрасно утомило бы вниманіе читателей.

Переходя далѣе къ разбору руководства, авторъ постоянно приписываетъ его мнѣ одному, какъ бы не зная или не признавая въ немъ участія цѣлой академической коллегіи, на что однакоже ясно указано въ книгѣ: это незнаніе было нужно критику, чтобы придать

[1]) Въ подлинномъ нѣтъ курсива.

видъ справедливости замѣчанію, что „академикъ Гротъ во многомъ отступаетъ отъ прежнихъ своихъ мнѣній и нерѣдко вводитъ начертаніе несогласное съ тѣмъ, котораго онъ держался и въ Фил. Разысканіяхъ и въ Сп. Вопросахъ". Приходится повторить здѣсь то, что было сказано мною по поводу того же упрека, сдѣланнаго мнѣ другимъ лицомъ: „Филологическія Разысканія имѣли характеръ изслѣдованія, и потому неудивительно, что я, болѣе и болѣе размышляя о томъ же предметѣ, на разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ, приходилъ къ новымъ выводамъ. Пушкинъ когда-то сказалъ, что только глупецъ не мѣняетъ своихъ мнѣній. Тутъ же дѣло шло не о какихъ-либо важныхъ истинахъ и даже не о законахъ языка, а просто о лучшемъ способѣ изображать на письмѣ то или другое слово. При третьемъ изданіи Филологическихъ Разысканій немногія отступленія отъ прежнихъ моихъ начертаній оговорены и между прочимъ замѣчено: „оставаться въ дѣлѣ науки неподвижнымъ можетъ только тотъ, кто не мыслитъ или не трудится. Но къ этому въ настоящемъ случаѣ присоединяется еще и другое обстоятельство: одновременно съ нынѣшнимъ изданіемъ выходитъ составленное мною, по порученію Второго отдѣленія Академіи Наукъ, краткое руководство по русскому правописанію. Обсуждая каждый вопросъ нашей орѳографіи вмѣстѣ съ моими сочленами, я долженъ былъ для пользы дѣла заботиться объ общемъ соглашеніи, а этого невозможно было достигнуть безъ нѣкоторыхъ съ моей стороны уступокъ. Затѣмъ и въ *Спорныхъ Вопросахъ* (то-есть во II-й части Филологическихъ Разысканій) нельзя было не сдѣлать тѣхъ же измѣненій".

Г-ну Д. кажется, будто принятый мною порядокъ изложенія, хотя „сообщаетъ руководству единство внѣшнее, но въ то-же время представляетъ значительныя затрудненія опредѣлять, этимологическому или фонетическому началу дается предпочтеніе". Это несправедливо: вездѣ весьма опредѣленно указывается то или другое основаніе письма. Что нѣкоторыя (очень немногія) объясненія помѣщены не въ текстѣ, а въ справочномъ указателѣ — такая мелочь, которая нисколько не измѣняетъ сущности дѣла и легко поправима.

Относительно существующихъ въ русскомъ письмѣ двухъ началъ критикъ упрекаетъ насъ въ томъ, будто бы „самая система примѣненія этимологическаго и фонетическаго правописанія представляется (т. е. въ руководствѣ нашемъ) неясною: никто не можетъ сказать, почему въ однихъ случаяхъ и въ какихъ предпочитается этимологическое правописаніе, а въ другихъ можно писать согласно съ произношеніемъ". Но какимъ образомъ могли мы установлять *систему примѣненія* тамъ, гдѣ системы нѣтъ и быть не можетъ? Авторъ, очевидно, незнакомъ съ историческимъ ходомъ развитія правописанія: развѣ какая бы то ни была исторія вообще слагается системати-

чески? Ссылаюсь на изложенное мною по этому предмету выше, на стр. 820—822.

Далѣе брошюра утверждаетъ, будто кромѣ началъ этимологическаго и фонетическаго „замѣтны въ Русскомъ Правописаніи и еще два; это—какъ произносится слово въ просторѣчіи и удобно ли оно съ извѣстнымъ начертаніемъ для занесенія въ словарь“. Этимъ двумъ соображеніямъ критикъ придаетъ значеніе началъ: къ первому онъ конечно относитъ напр. указаніе, какъ должно писать встрѣчающіяся въ просторѣчіи имена: *Гаврила, Данила* и т. п.; но развѣ просторѣчіе можетъ быть изгнано изъ области литературы? развѣ и для встрѣчающихся въ немъ словъ не нужно единообразное письмо? То, что разумѣется подъ послѣднимъ началомъ (удобно ли слово для занесенія въ словарь), также относится только къ отдѣльному вопросу, и нельзя не признать вѣрнымъ того принятаго руководствомъ соображенія, что если напр. глаголъ писать слитно съ отрицаніемъ *не*, то придется каждый глаголъ помѣщать въ словарѣ два раза, какъ то: *знать* и *незнать*, *дѣлать* и *недѣлать* и т. д. Какая польза была бы отъ такого повторенія безчисленнаго множества словъ, и можетъ ли это соображеніе, относящееся также къ нѣкоторымъ составнымъ нарѣчіямъ, считаться общимъ ороографическимъ началомъ?

Никто не станетъ оспаривать, что для сознательнаго письма нельзя обойтись безъ знанія фонетики языка, а изученіе фонетики, въ современномъ состояніи филологіи, невозможно безъ нѣкотораго знакомства съ законами физіологическаго образованія звуковъ. Въ этомъ убѣжденіи мы, въ своемъ руководствѣ, правиламъ ороографіи предпослали, на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій, очеркъ русской фонетики, въ которомъ по необходимости явилось нѣсколько новыхъ терминовъ. Эти термины показались нашему критику странными въ книгѣ, имѣющей практическое назначеніе. Между тѣмъ самые законы произношенія, для объясненія которыхъ они придуманы, чрезвычайно просты, элементарны, и составляютъ, такъ сказать, азбуку всей фонетики, слѣдовательно служатъ прямо къ практическому знакомству съ предметомъ. Но г. Д. считаетъ излишними свѣдѣнія, добытыя въ наше время языкознаніемъ съ помощью физіологіи. Нельзя же однако и въ педагогической литературѣ довольствоваться устарѣлыми толкованіями ради удобства или вкуса того или другого преподавателя, не желающаго знать современныхъ успѣховъ науки. Въ статьѣ „Lesen und Lesenlernen“ академикъ Радловъ говоритъ: „По моему мнѣнію, необходимо, чтобы во всѣхъ учительскихъ семинаріяхъ, при обученіи родному языку, будущимъ учителямъ сообщаемо было *ясное понятіе о физіологіи звуковъ*, фонетикѣ и ея отношеніи къ ороографіи“ [1]).

---

[1]) Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft. Leipzig 1884. I Band, 2 Heft, pag. 369.

Въ тѣхъ же видахъ мы нашли нужнымъ ввести въ русскую терминологію съ точнымъ значеніемъ три названія звуковыхъ группъ, служащихъ для словообразованія: affix, какъ общій для нихъ терминъ, praefix для звуковъ начальныхъ и suffix для звуковъ конечныхъ. Всякому ясно, что слово *приставка*, употреблявшееся до сихъ поръ для передачи термина praefix, собственно отвѣчаетъ общему названію affix, и потому мы перевели praefix правильно-образованнымъ словомъ *представка* [1]). Но и это слово не понравилось г-ну Д. „Это, разсуждаетъ онъ, не только новый терминъ, но и новое слово, едва ли удачное для обозначенія понятія *praefix; передъ* указываетъ на положеніе впереди какого-либо предмета, а представленіе о соединеніи съ предметомъ обозначается предлогомъ *при*". (Потому-то, замѣчу я, намъ и нужно было слово *представка* для отличія отъ *приставки*). „*Представка*, продолжаетъ критикъ, въ разговорномъ языкѣ употребляется иногда въ значеніи *доставка* (представка дровъ, молока, яицъ); въ словаряхъ академическомъ и Даля этого слова нѣтъ". Такого рода логика говоритъ сама за себя. Выходитъ, что надо изгнать изъ грамматики и термины: *предлогъ* и *союзъ*, потому что они въ живомъ языкѣ ходятъ совершенно въ другомъ значеніи. Между тѣмъ въ самой же брошюрѣ на слѣдующей страницѣ мы читаемъ: „неопредѣленность терминологіи—вообще больное мѣсто нашихъ грамматическихъ учебниковъ и требуетъ, какъ и правописаніе, и пересмотра и обработки".

Далѣе замѣчено: „Что называется въ руководствѣ окончаніемъ, что суффиксомъ и вообще различаются ли какъ-нибудь эти термины,—понять довольно трудно". Нашему критику не вдогадъ, что окончаніе есть понятіе родовое, а суффиксъ — видовое. Суффиксы бываютъ двоякіе: словообразовательные и флективные, и потому *каждый* суффиксъ можетъ быть называемъ и *окончаніемъ*, такимъ же образомъ какъ каждый *глаголъ* или каждое *имя* могутъ быть называемы и *словомъ*. Въ примѣръ того, будто къ „окончанію" руководство относитъ иногда и часть основы, авторъ приводитъ прилагательное *коломенскій*; но въ прилагательныхъ: *чесменскій, прѣсненскій, гродненскій* и мн. др. развѣ окончаніе *енскій* принадлежитъ тоже къ основѣ, или составляетъ двусложный суффиксъ? Въ орѳографическомъ руководствѣ нужно было рѣзко отличить одно написаніе отъ другого, и вотъ почему двусложное окончаніе *енскій*, на какомъ бы основаніи оно ни являлось, приведено въ противоположность окончанію *инскій*; при чемъ однакожъ показано, что въ цѣломъ рядѣ именъ, какъ и въ имени *Коломна*, бѣглое *е* вставляется между двумя согласными, принадлежащими къ основѣ существительнаго.

[1]) Суффиксъ назвали мы *наставкой*. Этотъ терминъ уже употреблялся мною въ *Филол. Разысканіяхъ*, а впослѣдствіи являлся и въ другихъ трудахъ.

Указываемое критикомъ выраженіе: „форма многократнаго наклоненія глаголовъ" въ подстрочномъ примѣчаніи къ § 38, — случайная обмолвка, въ которой слово *наклоненіе* употреблено вмѣсто: *вида*, что́ конечно было ясно всякому не предубѣжденному читателю. Въ другомъ мѣстѣ и явная опечатка выставляется какъ доказательство, что нами „безъ нужды передѣлываются слова". Дѣло въ томъ, что въ справочномъ указателѣ перваго изданія пропущено было слово *клевъ*, а *клювъ* помѣщено съ объясненіемъ, принадлежавшимъ къ пропущенному слову. Конечно, очень жаль, что такая погрѣшность набора не была замѣчена при чтеніи корректуры, но она исчезла уже во второмъ изданіи, гдѣ оба слова напечатаны, каждое на своемъ мѣстѣ. А между тѣмъ г. Д., пишущій свою критику въ то время, когда расходится уже 4-е изданіе книги, считаетъ нужнымъ подробно остановиться на опечаткѣ 1-го изданія.

Какъ практическій способъ узнавать, когда глаголъ долженъ оканчиваться на *ывать*, а не на *овать*, въ руководствѣ замѣчено, что указаніемъ правильной орѳографіи служитъ возможность „сокращеніемъ этого окончанія низвести глаголъ на спепень несовершеннаго или, при предложномъ глаголѣ, совершеннаго вида: такъ изъ *дѣлывать* можно вывести *дѣлать* и т. д., тогда какъ подобнаго сокращенія нельзя примѣнить напр. къ глаголу *совѣтовать*. Трудно придумать болѣе простое указаніе: ясно, что этимъ нисколько не нарушается законъ образованія многократнаго вида отъ первой видовой формы; но г. Д. серьезно поучаетъ насъ, что „всѣ предшествующіе филологи обыкновенно первоначальною формою глагола признавали совершенный или несовершенный видъ", и что если даже составитель руководства употребилъ приведенное выраженіе, какъ пріемъ, то и какъ пріемъ оно не удобно, давая будто бы неточныя понятія о переходѣ изъ одного вида въ другой. Пусть всякій самъ судитъ о достоинствѣ подобной аргументаціи. Выше мы видѣли, что критикъ напоминалъ намъ практическое назначеніе руководства.

Смѣшеніе вопросовъ языка съ вопросами правописанія встрѣчается въ брошюрѣ безпрестанно. Въ примѣчаніи къ § 25 въ руководствѣ сказано: „Обращеніе *о* въ *а* при образованіи многократнаго вида у насъ еще не вполнѣ установилось. Нѣкоторые глаголы произносятся двояко: одни говорятъ: „обрабатывать, успокаивать", другіе не считаютъ позволительнымъ обращать тутъ *о* въ *а*". Несмотря на эту дѣйствительно существующую въ языкѣ неопредѣленность, брошюра замѣчаетъ: „Какъ изъ текста Р. Пр., такъ и изъ Спр. Ук. нельзя выяснить, когда слѣдуетъ *о* усиливать въ данномъ случаѣ въ *а* и когда не слѣдуетъ". Да этого не можетъ покуда выяснить и грамматика: это зависитъ отъ употребленія въ живой рѣчи и вовсе не составляетъ задачи правописанія, которая заключается только въ томъ,

чтобы правильно перелагать на письмо то, что́ произносится. Затѣмъ авторъ пытается пополнить здѣсь то, что́, по его мнѣнію, не досказано въ руководствѣ и, между прочимъ, даетъ такое правило: „Если вмѣстѣ съ усиленіемъ гласной *о* въ *а* и удареніе переходитъ на эту же гласную, то пишется *а*, напр. ходи́ть, ха́живать, проси́ть, пра́шивать“ и т. д. То-есть, другими словами: когда *а* произнесено съ удареніемъ, то *а* и пишется. Но это самое гораздо проще выражено нами въ самомъ началѣ критикуемаго § 25. Тамъ сказано: „*а* ударяемое всегда пишется тамъ, гдѣ оно слышится, между прочимъ и въ глагольной формѣ многократнаго вида, въ которой оно образуется изъ *о*: устраивать, разговаривать, допрашивать“. А опредѣлить, въ какихъ случаяхъ образуется эта форма, не есть дѣло руководства къ правописанію. Затѣмъ критикъ въ двухъ слѣдующихъ пунктахъ повторяетъ своими словами то, что говорится въ § 27 руководства, съ тою только разницею, что онъ пишетъ: „рости—выростить, возрощать, выростать“, тогда какъ по нашему правилу, здѣсь слѣдуетъ писать *а*, сходно съ тѣмъ, какъ этотъ глаголъ и производные отъ него писались издревле. Итакъ г. Д., взявшись поправить и дополнить въ этомъ мѣстѣ руководство, не сказалъ ровно ничего такого, чего бы у насъ не было.

Увлекаясь своимъ стараніемъ отыскивать промахи въ Р. Пр., онъ тутъ же говоритъ между прочимъ: „Отъ корня *мок*, *мокнуть*, Русское Прав. производитъ *макать* — слово довольно странное, а въ соединеніи съ приставками опять *о*: *промокать*, *размокать*“. Еслибъ г. Д., прежде этого замѣчанія, заглянулъ въ словари, то увидѣлъ бы, что показавшееся ему страннымъ начертаніе *макать* не только общеупотребительное, но и весьма древнее (Сл. Миклошича) и основано конечно на разумной потребности отличать этотъ глаг. дѣйствительнаго залога, дающій формы: *обмакну́ть*, *обма́кивать*, отъ глаг. среднихъ: *мо́кнуть*, *обмо́кнуть*, *обмока́ть*.

Въ разборѣ § 38 о глаголахъ *раскаиваться*, *отчаиваться* и т. п. критикъ позволяетъ себѣ приписывать мнѣ выводы, противорѣчащіе тексту руководства. Тамъ сказано: „Впрочемъ глл. *таять* и *чаять* допускаютъ также церк.-сл. формы *истаявать*, *отчаяваться*, которыя, слѣдуя произношенію, иногда являются и съ *е* вм. *я*“. Здѣсь говорится только о двухъ глаголахъ на основаніи словаря Миклошича, и притомъ на различіе въ ихъ начертаніи указано только какъ на фактъ, противъ котораго нѣсколько выше было замѣчено: „Итакъ правильны только начертанія: *раскаиваться*, *оттаивать*, *отчаиваться*, *осмѣивать*“. По какому же праву г. Д. прибавляетъ: „стало быть, и *раскаяваться* и *осмѣявать*“, а далѣе: „значитъ *истаевать*, *отчаеваться*, *раскаеваться*, *осмѣевать*, значитъ и *осѣевать*?—Нѣтъ, это прямо противоположно категорически высказанному въ руководствѣ правилу, въ дополненіе къ которому еще замѣчено: „у гл. *сѣять*, въ которомъ *я* при-

надлежитъ къ корню, этотъ звукъ не исчезаетъ въ другихъ формахъ, между прочимъ, и въ предложномъ *осіявать*". Какъ назвать подобную критику?

Относительно глаголовъ *индивѣть* и *плѣсневѣть* брошюра выражаетъ сомнѣніе въ правильности этихъ формъ. Онѣ записаны въ руководствѣ согласно съ академическимъ словаремъ. *Плѣсневѣть* (отъ прил. *плѣсневой*, см. у Даля) не представляетъ никакого затрудненія; что касается *индивѣть*, то въ Областномъ словарѣ мы находимъ форму *и́невѣть, за́йневѣть*, а въ Дополненіи къ этому словарю: *за́йнить, за́йниться*, записанныя въ Псковской и Тверской губерніяхъ. Форма, указанная Обл. словаремъ, заимствована и Далемъ, который, конечно на основаніи ея, далъ и общеизвѣстному глаголу отъ существ. *иней* начертаніе „индѣвѣть". Иначе поступилъ г. Буслаевъ (Ист. Гр. I, стр. 83): при ссылкѣ на обласныя формы: *иневѣть, заинить* онъ однакоже говоритъ: „Вставка *д* между плавнымъ и гласнымъ оказывается въ глаголѣ *ин-д-ивѣть* вм. *ин-ивѣть*". Принятое здѣсь дѣленіе слоговъ указываетъ на предположеніе, что для образованія глагола суффиксъ существительнаго *ей* отброшенъ, и въ основаніе взятъ суффиксъ прилагательнаго *ивый*: подобному образованію глаголовъ есть въ языкѣ и другіе примѣры (какъ *паршивѣть* отъ *паршивый*), и едва ли такъ смотрѣть не вѣрнѣе, чѣмъ вводить въ составъ глагола часть суффикса *ей*. Вотъ почему и въ руководствѣ, согласно съ грамматикою г. Буслаева и академическимъ словаремъ, предпочтена форма *индивѣть*. Ссылаюсь на наше правило безъ явной причины не измѣнять общепринятаго правописанія. Академическій словарь былъ, естественно, въ числѣ основныхъ пособій, съ которыми я справлялся, стараясь не нарушать преемства въ трудахъ академіи и безъ особенной надобности не отступать отъ того, что́ сдѣлано нашими предшественниками, которые, конечно, трудились также не легкомысленно.

Въ этомъ же отдѣлѣ брошюры читаемъ: „Есть другой разрядъ глаголовъ, о которыхъ не говорится въ Р. Пр. и которые отчасти по письму, отчасти по образованію, принадлежатъ къ спорнымъ. Откуда явился въ глаголахъ слогъ *ев*, не измѣняющійся въ *ю*: *затмевать, намѣреваться, обуревать*? Это необходимо разъяснить". Дѣйствительно, на происхожденіе этой формы еще не было обращено надлежащаго вниманія [1]. Взявъ за норму гл. (воз)*намѣриться*, мы по обыкновенному способу образованія многократнаго вида получимъ (воз)*намѣри-*

[1]) Павскій только вскользъ упоминаетъ объ этихъ (всегда предложныхъ) глаголахъ, приводя слѣдующіе примѣры: *затмевать, отомщевать, надмевать, истощевать, растлевать, намѣреваться, обуревать*. Ошибочно причисляетъ онъ къ нимъ и гл. „сомневаться", производя его отъ *усомниться* и не сообразивъ, что въ основаніе его слѣдуетъ положить цсл. гл. мьнѣти.

ваться. Между тѣмъ въ обычай вошла форма *намѣреваться.* Это приводитъ къ заключенію, что когда, по звуковому требованію, удареніе упадетъ на слогъ *ва*, то предшествующій ему гласный *и* измѣняется въ *е*. Другимъ примѣромъ аналогическаго явленія можетъ служить двоякая форма уменьшительныхъ именъ съ суффиксомъ *це*. Когда на него не падаетъ удареніе, то, согласно съ древнимъ составомъ этой наставки (*ьце*), передъ нею является буква *и*: *маслице, ожерельице, платьице, имѣньице*; когда же подъ удареніемъ тотъ же суффиксъ принимаетъ форму *цо́*, то предшествующее *и* уступаетъ мѣсто гласной *е*: *серебрецо́, письмецо́, копьецо́.*

Возвращаясь къ глаголамъ формы *ева*, замѣтимъ, что съ ними не должно смѣшивать тѣхъ, которые образованы отъ имѣющихъ въ основномъ видѣ *ѣ* передъ *ть* какъ напр. *сомнѣваться* отъ мнѣти *недоумѣвать* отъ *умѣть. Растлѣвать* отъ *растлѣть*, гл. средній, не должно смѣшивать съ *растлевать*, дѣйств. залога, отъ *растлить*.

Для правильнаго употребленія личныхъ глагольныхъ окончаній руководство въ § 34 предлагаетъ, между прочимъ, практическій пріемъ повѣрять единственное число по множественному и наоборотъ. Это подвергается также критикѣ брошюры, утверждающей, будто иногда въ обоихъ числахъ окончанія произносятся такъ неясно, что мы напр. слышимъ въ выговорѣ и встрѣчаемъ на письмѣ: „видешь, видютъ“ и т. п. Но случаи подобнаго невѣжества къ счастію рѣдки, и для немногихъ полуграмотныхъ не слѣдовало лишать другихъ простого указанія, очень облегчающаго дѣло, которое, при однихъ теоретическихъ правилахъ спряженія глаголовъ, является запутаннымъ и сбивчивымъ. Притомъ, послѣ примѣровъ, приведенныхъ для отличія глаголовъ разныхъ окончаній, указаны въ руководствѣ примѣты, по которымъ узнаются глаголы, долженствующіе въ наст. времени оканчиваться на *ишь*, — *ятъ* или *атъ*, и, начиная со 2-го изданія, указаніе это для бо́льшей точности пополнено подстрочнымъ примѣчаніемъ. Въ 5-мъ изданіи оно будетъ еще распространено.

Въ первомъ же только изданіи была помѣщена, въ справочномъ указателѣ, при глаголѣ *лазить* форма 1 л. наст. вр. *лазю*, замѣненная въ послѣдующихъ изданіяхъ формою *лажу*. Это не мѣшаетъ г-ну Д. считать первую единственною, показанною въ руководствѣ при данномъ глаголѣ. Приравнивая ее къ такимъ нелѣпымъ формамъ, какъ *ѣздію, лазію*, и т. п. [1]), онъ совершенно упускаетъ изъ виду, что есть нѣсколько глаголовъ одной формы съ *лазить*, которые въ 1-мъ лицѣ наст. вр. не измѣняютъ передъ *ю* способной смягчаться

---

[1]) При этомъ однакожъ критикъ самъ попадаетъ впросакъ, приводя, въ числѣ невозможныхъ образованій, форму *лазаю*, которая правильна и показана какъ въ академ. словарѣ, такъ и у Даля при гл. *лазать*.

согласной. Примѣры тому приведены у Востокова: *мерзю*, *слезю*, *тузю* (вм. тужу отъ тужить). Къ числу такихъ исключеній нѣкоторые присоединяютъ и форму *лазю*, для отличія отъ *лажу* при неопред. наклоненіи *ладить*. Въ извѣстномъ стихѣ [1]) Державинъ могъ предпочесть *лажу* для риѳмы къ *прокажу*. Тѣмъ не менѣе, начиная со 2-го изданія руководства, и мы, для соглашенія съ примѣромъ изъ Державина, предпочли форму *лажу*.

При словѣ *пріобрѣвшій*, въ справочн. указателѣ, сказано: „хотя неправильно, но почти вытѣснило форму *пріобрѣтшій*“. Всякій, кто внимательно слѣдитъ за современнымъ развитіемъ языка, подтвердитъ это замѣчаніе. Несмотря на то, нашему критику понадобилось заявить, будто въ руководствѣ „отъ глагола *пріобрѣсти* образована совершенно неправильная форма *пріобрѣвшій* вмѣсто правильной *пріобрѣтшій*“.

Что касается страд. причастія *спеленатъ*, то оно явилось въ нашемъ указателѣ съ оговоркою: „въ народномъ языкѣ“, собственно для оправданія этой формы, недавно употребленной въ повѣсти одного талантливаго писателя и возбудившей сомнѣніе въ ея существованіи. Востоковъ не счелъ излишнимъ, даже въ своей грамматикѣ, привести вторыя формы страдат. причастія *знатъ* и *братъ*, разумѣется прибавивъ, что онѣ „принадлежатъ просторѣчію“.

Въ своихъ разсужденіяхъ о начертаніи гл. *итти* критикъ очевидно не вникъ въ наши основанія. Мы объясняли, что въ правильной формѣ „ити“, по особенному звуковому составу ея (зубной звукъ между двухъ *и*), органы рѣчи повиновались потребности опереться на единственную согласную и усилить ея произношеніе, чему на письмѣ соотвѣтствуетъ удвоеніе буквы; а критику кажется, что звукъ второго *т*, вызванный *произношеніемъ*, въ произношеніи же долженъ былъ обратиться въ *с*! и онъ спрашиваетъ: „почему тотъ же зубной звукъ *т* не сдваивается въ *плети*, *мети*, *цвѣти*, и др.? Предложные глаголы *взойти*, *войти* и пр., продолжаетъ онъ, сохранятъ свое начертаніе; теперь въ нихъ пропускается *д*; если же станутъ писать *итти*, то тогда тоже будутъ пропускать *т*“. Во-первыхъ, почти всѣ, пишущіе *идти*, пишутъ также: *взойдти*, *войдти*, *разойдтись*, что́ до очевидности нелѣпо, однакожъ для послѣдовательности неизбѣжно, а во-вторыхъ, въ предложныхъ глаголахъ удвоеніе *т* исчезаетъ по той же причинѣ, по которой оно является въ простомъ гл. *итти*, т. е. по звуковому требованію. Г. Буслаевъ, допуская обѣ формы *идти* и *итти*, въ текстѣ своей Истор. Грамматики употребляетъ и вторую. Даль хотя и ставитъ на первомъ мѣстѣ *идти*, но во всѣхъ примѣрахъ на это слово пишетъ *итти* Павскій признаетъ исключительно послѣднюю форму [2]). Въ

[1]) „То съ ней на голубятню лажу“.

[2]) Въ *Филол. Набл.* (I, 112) цѣлыя двѣ страницы посвящены этому вопросу: помѣщаю выписку изъ нихъ въ особомъ прибавленіи (см. ниже стр. 857—8).

памятникахъ XV и XVI ст. этотъ глаголъ встрѣчается почти постоянно съ двумя *т*.

Самымъ вѣскимъ доводомъ въ пользу правописанія съ *д* могла бы служить форма страд. причастія: *найденъ, обойденъ*, такъ какъ эта форма обыкновенно принадлежитъ къ той же темѣ, какъ неопр. наклон. Но есть примѣры тому, что когда образованіе второго страд. причастія на *ен* отъ этой темы оказывается неудобнымъ, то такое причастіе образуется отъ основы настоящаго времени: это дѣлается во всѣхъ гл., у которыхъ коренная *д* или *т* исчезаетъ передъ примѣтою неопред. наклоненія *т*: *веденный, обрѣтенный*. Подобное встрѣчается и въ глаголахъ другого разряда: отъ гл. *гнить* есть сущ. *согнитіе*, но есть и *гніеніе*, предполагающее причастную ф. *гніенъ* отъ *гнію* (отъ *гнить* оно было бы *гненъ*); отъ *тереть, переть* есть причастія *тертъ, пертъ*, но есть и существительныя *треніе, преніе*, предполагающія формы *тренъ* и *пренъ* (отъ *тру* и *пру*). Такъ и для образованія причастій *найденъ, обойденъ*, въ помощь взята форма настоящаго времени *иду, идешь*. Наконецъ есть еще доказательство отсутствія *д* въ неопр. накл. разсматриваемаго глагола: это — существительныя: *наитіе*, къннтиѥ, произведенныя отъ неупотребительной формы страд. причастія на *т*, которую мы въ правѣ здѣсь предположить и которая совершенно исключаетъ корень *ид* изъ этой темы.

Брошюра признаетъ неправильными формы: сущ. *обрусеніе* и прич. *затменъ* на томъ основаніи, что при образованіи страд. причастій на *енъ* отъ глаголовъ 2-го спряж. съ примѣтою *и*, согласная способная смягчаться смягчается; въ примѣръ того приводятся между прочимъ слова: *прошеніе* отъ *просить, кормленъ* отъ *кормить*. Здѣсь критикъ опять упускаетъ изъ виду, что есть глаголы, въ которыхъ для удобства произношенія или для избѣжанія странныхъ звуковъ, допускается образованіе этого причастія безъ смягченія предшествующей суффиксу *енъ* гласной. Это тѣ самые глаголы, на которые указано выше, когда рѣчь шла объ образованіи 1-го лица ед. ч. наст. вр. и которыхъ Востоковъ (Р. Гр. § 77) насчитываетъ не менѣе 16-и. Въ числѣ ихъ находятся глл. *обезопасить* и *тмить*, образующіе въ наст. формы: *обезопасю* и *тмю*, а слѣдов. и прич. *обезопасенъ* и *затменъ*. Къ этому разряду долженъ быть причисленъ и неупотребительный при жизни Востокова гл. *обрусить*, отъ котораго конечно нельзя произвести формы: „обрушу, обрушенъ“. Такимъ же образомъ невозможны формы: „обезсмерчу, обезсмерченный“ или „обезлѣшу, обезлѣшенный“ отъ гл. *обезсмертить, обезлѣсить*. Все это подробности, на которыхъ невозможно было останавливаться въ краткомъ руководствѣ, да не было въ томъ и надобности, потому что онѣ относятся собственно къ морфологіи, а не къ правописанію.

Объ именахъ съ суффиксомъ *це* было уже говорено выше при

другомъ случаѣ. Здѣсь прибавлю только, что самое произношеніе ясно указываетъ на несостоятельность приводимыхъ брошюрою формъ именъ „пряслеце, маслеце“ въ которыхъ явственно слышится *и* передъ *ц*, такъ же точно, какъ при паденіи акцента на конечный слогъ, *и* столь же замѣтно измѣняется въ *е*: *письмецо́, копьецо́*. Въ своихъ Филологическихъ Разысканіяхъ я первоначально также принималъ за общую норму *це*, но исторія языка, при помощи сравнит. грамматики и словаря Миклошича, привела меня впослѣдствіи къ иному заключенію. Въ акад. словарѣ мы находимъ также начертанія: *маслице, ожерельице, свиданьице*.

Соглашаясь съ моими замѣчаніями о правописаніи именъ *Гаврила, Михайла* на основаніи ихъ склоненія съ женскими окончаніями, г. Д. считаетъ нужнымъ сдѣлать такую оговорку: „но едва ли можно заставить писать всѣхъ: *Михайлѣ, Гаврилѣ* и т. п., когда обыкновенно пишутъ и говорятъ не *Михаилу, Гавріилу*, а *Михайлу, Гаврилу*“. Само собою разумѣется, что въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ писать такъ, какъ говорятъ: это вопросъ тона и оттѣнковъ рѣчи, а не правописанія; дѣло шло только о томъ, какъ употребительныя въ *просторѣчіи* формы *Михайла, Гаврила* слѣдуетъ писать въ имен. падежѣ, такъ какъ произношеніе неударяемыхъ *а* и *о* безразлично, а женское склоненіе въ другихъ падежахъ указываетъ на *а*. То же относится къ замѣчанію о нарицательныхъ именахъ муж. р. на *ишко, ко* и *ло*. Конечно, авторъ брошюры правъ, что никому нельзя запретить писать *сынишко*, но надо сознаться, что кто пишетъ *мальчишка* и въ то же время остается при формѣ *сынишко*, тотъ впадаетъ въ странное противорѣчіе съ самимъ собою. Да и кому же вообще можно запретить писать такъ, какъ ему вздумается?

Возражая на мое замѣчаніе о случаяхъ, когда въ уменьшит. окончаніи *енька* буква *н* теряетъ свое умягченіе, критикъ нашъ полагаетъ, что умягченіе *н* бываетъ тогда, когда удареніе является на слогѣ *ен*: *родéнька, деревéнька, ровéнька*. Это правило ни на чемъ не основано, какъ показываютъ слова: *ноженька, рученька, рѣченька, маменька, батенька, душенька* и мн. др.

Противъ моего замѣчанія: „мы говоримъ двояко: въ *забытьи* и въ *забытьѣ*“ и пр. брошюра говоритъ: „можно составить довольно длинный списокъ такихъ словъ, но дѣло отъ того мало выигрываетъ, потому что остались два окончанія и которому изъ нихъ давать предпочтеніе, приходится руководствоваться личнымъ вкусомъ и соображеніемъ“. Здѣсь авторъ опять не отдаетъ себѣ отчета въ различіи между языкомъ и правописаніемъ. Если языкъ допускаетъ двѣ формы, если у одного писателя мы находимъ: въ *забытьѣ*, а у другого: въ *забытьи*, если у прозаика читаемъ: въ *весельи*, а поэтъ, хоть для риѳмы, скажетъ: въ *весельѣ*, то не будетъ ли произволомъ теоретика

отвергать одну изъ обѣихъ формъ? Мы не брались и не могли взяться за передѣлку живого языка, а задались только указаніемъ, какъ перелагать на буквы имѣющіяся въ языкѣ формы, и если для иного слова существуютъ двѣ, то конечно отъ говорящаго или пишущаго зависитъ выборъ той или другой, какъ и вообще въ выборѣ словъ, выраженій и оборотовъ каждый воленъ: та или другая форма можетъ быть въ данномъ случаѣ болѣе пригодна, смотря по оттѣнку языка и слога, по тону рѣчи и т. п.

Здѣсь же кстати будетъ остановиться на замѣчаніи, сдѣланномъ другимъ критикомъ [1]) относительно формы предложн. падежа ед. ч. существительныхъ именъ на *ій*: о *геніи*, о *Василіи*. Было высказано мнѣніе, что такая форма не согласна ни съ общимъ окончаніемъ этого падежа на *ѣ* въ именахъ муж. р., ни съ господствующею практикою, и что при окончаніи *іи* часто нельзя отличить мужского имени отъ женскаго, напр. въ начертаніяхъ: *объ Анастасіи*, о *Теренціи*. — Для рѣшенія этого вопроса мы должны обратиться къ исторіи языка: въ др.-славянскомъ на *ѣ* въ предложномъ падежѣ оканчивались только имена съ окончаніями: *ъ*, *о* и *а*; при всѣхъ другихъ окончаніяхъ именит. падежа предложный оканчивался на *и*. Въ русскомъ большая часть именъ муж. рода съ мягкимъ окончаніемъ (т. е. оканчивающіяся на мягкую согласную или на *й* съ предыдущими гласными: *а*, *е*, *ѣ*, *о*, *у*, напр. ко*нь*, бо*й*) сравняли форму своего предложнаго падежа съ именами на *ъ*, *о* и *а* (о кон*ѣ*, о бо*ѣ*); но имена на *ій* сохранили въ этомъ падежѣ древнее окончаніе на *и* (*іи*) по требованію закона уподобленія звуковъ, на основаніи котораго *ѣ* послѣ *і* устоять не можетъ и уступаетъ мѣсто этому же гласному. Такимъ образомъ имена всѣхъ трехъ родовъ, оканчивающіяся на *ій*, *ія*, *іе*, принимаютъ въ предложномъ падежѣ ед. ч. окончаніе *іи*. Доводъ же, что при такомъ окончаніи нѣтъ признака для отличія муж. рода отъ женскаго, устраняется тѣмъ, что то же неудобство существуетъ и при окончаніи предложнаго падежа на *ѣ*, и притомъ не въ однихъ собственныхъ именахъ. Когда мы напр. читаемъ: объ *Александрѣ*, объ *Антонинѣ*, о *рабѣ*, то не видно, должно ли разумѣть Александра, или Александру и т. д.

Къ разряду недоразумѣній должно быть причислено также замѣчаніе, зачѣмъ въ первомъ изданіи руководства при словѣ *цыганъ* отмѣчены двѣ формы множ. ч. *цыганы* и *цыгане*. Онѣ приведены были потому, что обѣ употребительны. Впрочемъ, начиная со 2-го изданія, мы, по желанію нѣкоторыхъ изъ присылавшихъ мнѣ свои отзывы, удержали только первую форму, употребленную Пушкинымъ, такъ какъ дѣйствительно нѣтъ основанія оканчивать на *не* мн. число имени, не имѣющаго въ единственномъ суффикса *инъ*. Другое дѣло имена

---

[1]) Г. Модестовымъ.

этой формы: у нихъ иногда встрѣчается несоотвѣтствіе между окончаніями ед. и множ. ч. Такъ отъ *болгаринъ* и *татаринъ* обыкновенно образуютъ во множ. *болгары* и *татары*, а не „болгаре" и „татаре". Вопросы этого рода относятся опять къ грамматикѣ, а не къ правописанію, и потому-то о нихъ въ текстѣ нашего руководства не было рѣчи.

Брошюра находитъ страннымъ, что въ прилагательныхъ *іюньскій*, *сентябрьскій* и образованныхъ отъ именъ слѣдующихъ за сентябремъ мѣсяцемъ удержано *ь* передъ суффиксомъ *скій*. Это, по мнѣнію критика, противорѣчитъ § 60, гдѣ сказано, что въ серединѣ слова *ь* опускается, когда мягкое произношеніе обусловливается послѣдующимъ мягкимъ звукомъ. Здѣсь критикъ не обратилъ вниманія на то, что слогъ *скій* не есть мягкій, потому что въ произношеніи слышится послѣ *к* не *і*, а твердый неопредѣленный гласный, который въ косвенныхъ падежахъ и пишется. При означенныхъ прилагательныхъ объяснено, что въ нихъ *ь* удерживается для облегченія выговора. Притомъ замѣчаніе мое о пропускѣ внутри словъ *еря* вопреки произношенію было превратно понято. Изъ сказаннаго по этому поводу выведено неправильное заключеніе, будто слѣдуетъ писать то *письмо*, то о *писмѣ*, тогда какъ у меня нигдѣ не упомянуто, чтобы сдѣланное мною наблюденіе надъ случаями пропуска *еря* внутри словъ относилось и къ флексіямъ одного и того же слова. Такое недоразумѣніе указываетъ конечно на необходимость изложить это наблюденіе нѣсколько иначе.

Коснувшись значенія двусложныхъ суффиксовъ *овскій* и *инскій*, составъ и употребленіе которыхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ первый разъ были разъяснены мною, я не могъ, да и не имѣлъ надобности, въ краткомъ руководствѣ къ правописанію, распространяться о случаяхъ образованія прилагательныхъ съ этими суффиксами. Но вотъ какъ первоначально, еще въ 1870 г., изложено было мое изслѣдованіе о нихъ въ академическомъ Сборникѣ (т. VIII, стр. XIII): „Отъ собственныхъ именъ прилагательныя образуются: 1) лично-притяжательныя: *Петр-овъ*, *Алексѣ-евъ*, *Марі-инъ*; 2) лично-относительныя: *петр-ов-скій*, *алексѣ-ев-скій*, *марі-ин-скій*; 3) мѣстно-относительныя: *клин-скій*, *твер-ской*, *кам-скій*. Отсюда видно, что лично-относительныя образуются помощью двухъ приставокъ, изъ которыхъ послѣдняя *скій* присоединяется къ лично-притяжательному,—при мужскомъ окончаніи *овъ*, при женскомъ *инъ*. Такъ производятся прилагательныя и отъ иностранныхъ личныхъ именъ: *шекспировскій*, *гомеровскій*, *байроновскій*, *аннинскій* (не *анненскій*). Напротивъ, мѣстно-относительныя прилагательныя образуются присоединеніемъ окончанія *скій* прямо къ имени: *петербургскій*, *невскій*. Таковъ общій законъ образованія. Случается однакожъ, что ради облегченія выговора, у лично-относительныхъ опус-

кается слогъ *ов* или *ин*, напр. *владимир-скій, гофман-скій, софій-скій*, и наоборотъ, у мѣстно-относительныхъ слогъ *ов* или *ин* вставляется, напр.: *днѣпр-ов-скій, торжк-ов-скій, балахн-ин-скій.* Въ первомъ случаѣ опущеніе посредствующаго слога, а во второмъ вставка его должны быть отнесены къ числу довольно рѣдкихъ явленій". Въ Р. Правописаніи я счелъ достаточнымъ указать только на составъ двусложныхъ окончаній *овскій* и *инскій*; о первомъ вовсе не могло быть вопроса для письма; нужно было только объяснить, когда въ прилагательныхъ, произведенныхъ отъ именъ мѣстъ и урочищъ, слѣдуетъ писать *инскій* и когда *енскій*, и вотъ на основаніи сейчасъ изложеннаго мною наблюденія сказано, что въ прилагательныхъ, произведенныхъ отъ *такихъ* именъ (т. е. именъ мѣстъ и урочищъ), для удобства выговора вставляются слоги *ов* и *ин*, обыкновенно опускаемые въ прилагательныхъ, образованныхъ отъ именъ мѣстъ и урочищъ. Послѣ помѣщенной и въ руководствѣ предварительной замѣтки всякому ясно, что это части сложныхъ суффиксовъ *овскій* и *инскій.* Нашъ критикъ вовсе не понялъ цѣли пункта 7-го въ параграфѣ 36-мъ (что́ ясно доказываютъ приводимые имъ примѣры однихъ лично-притяжательныхъ именъ) и считаетъ нужнымъ поставить на видъ, что слоги *ов, ев, ин* суть суффиксы, а не для удобства выговора вставляемые слоги. (См. выше, стр. 833).

„Въ словахъ иностраннаго происхожденія, произведенныхъ отъ такихъ словъ, которыя имѣютъ сочетаніе *іа* (§ 90), наше правописаніе, говоритъ г. Д., не установилось", и вслѣдствіе этого онъ предлагаетъ всегда писать *ія*, т. е. напримѣръ, „христіянскій, епархіяльный, специяльный, міязмы, діялектъ, діяметръ, патріярхъ". Наше предложеніе для единообразія писать въ такихъ случаяхъ, т. е. внутри словъ, всегда *іа* отвергается критикомъ потому, что „сочетаніе *іа* одно изъ невозможныхъ въ нашемъ языкѣ и несогласныхъ съ законами образованія". Но г. Д. не сообразилъ, что если послѣ *і* въ заимствованныхъ словахъ допускаются другія твердыя гласныя; если допускаются сочетанія *іо, іу*, также не свойственныя русскому языку; если пишутъ *милліонъ, серіозный, пансіонъ, тіунъ, радіусъ*, то нѣтъ основанія не писать также сочетанія *іа* въ такихъ словахъ, какъ: *христіанинъ специальный, матеріалъ, азіатскій* и т. п.: къ словамъ иностраннаго происхожденія не всегда можно примѣнять каждое правило своего языка. Такимъ же образомъ въ нихъ пишутся рядомъ и другія гласныя, никогда не встрѣчающіяся въ русскомъ, напр. *силуэтъ, раутъ, алоэ, боа*, или допускаются сочетанія нѣкоторыхъ согласныхъ съ мягкими гласными, невозможныя въ русскихъ словахъ, напр. въ именахъ: *брошюра, Кяхта, гяуръ, Кюменъ.*

Мы уже говорили выше о противодѣйствіи, какое встрѣчаетъ со стороны многихъ наше предложеніе писать *ого* вм. *аго* въ родит. пад.

ед. ч. прил. муж. и ср. рода, у которыхъ именит. падежъ оканчивается на *ӧй*. Разумѣется, что и въ этомъ случаѣ г. Д. присоединяется къ нашимъ противникамъ; но всѣ столь пространно изложенные имъ доводы падаютъ предъ несообразностью писать одинаково окончанія двухъ формъ, которыя произносятся такъ различно, какъ напр. перв*аго* и втор*ого*. Уже нѣсколько столѣтій тому назадъ эта поразительная разница заставляла иногда писцовъ, для означенія ударяемаго звука *ó*, употреблять и букву *о*. Столь естественное и простое улучшеніе нашей орѳографіи съ теченіемъ времени все более и болѣе проникало въ нее, и около 1860-хъ годовъ стало являться постоянно въ нѣкоторыхъ журналахъ и книгахъ. Что правило писать *ого* до сихъ поръ не встрѣчалось ни въ одной изъ нашихъ грамматикъ, ничего не доказываетъ: бывало, и окончаніе им. падежа на *óй* не признавалось ни въ грамматикахъ, ни въ словаряхъ и считалось ересью, но естественно, что старая грамматика должна мало по малу дѣлать уступки требованіямъ живого языка. Въ защиту своего мнѣнія критикъ ссылается между прочимъ на Павскаго и говоритъ, что этотъ филологъ далъ образцы склоненій для всѣхъ прилагательныхъ, и склоняя *дорогой, лихой, плохой* какъ *тонкій*, прибавляетъ только: въ словѣ *большой* род. пад. *ого* и болѣе ни слова объ окончаніи *ого*". Это невѣрно: во 1-хъ, въ примѣч. къ § 112 своего перваго разсужденія Павскій говоритъ: „Ежели пишемъ худой вм. худый, то почему не писать худого или худова вм. худаго?" А во 2-хъ, Павскій, представивъ пять таблицъ склоненія именъ прилагательныхъ, въ особомъ примѣчаніи говоритъ о тѣхъ, которыя, по требованію ударенія, вмѣсто *ый, ій* принимаютъ окончаніе *ой*, и хотя онъ прибавляетъ, что отъ этого склоненіе прилагательныхъ не измѣнится, однакожъ въ образецъ флексіи именъ: *чужóй, большóй, меньшóй* приводитъ полное склоненіе прилаг. *большой* съ окончаніемъ *ого* въ род. пад. муж. и ср. р. ед. числа [1]). Это не значитъ, что онъ принимаетъ окончаніе *ого* только для прил. *большой*. Что касается написанія *худова*, то я уже выше объяснилъ, почему, допуская *о* въ первомъ слогѣ окончанія, мы во второмъ слогѣ отвергаемъ *в*. Въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ противъ оконч. *ого* г. Д. выражаетъ опасеніе, что „обученіе правописанію въ школѣ со введеніемъ *ого* усложнится новымъ правиломъ и, нужно сказать, не особенно легкимъ, такъ что число ученическихъ ошибокъ должно сдѣлаться больше". Ужели же дѣйствительно трудно слѣдующее правило: „Когда прилагат. въ имен. пад. един. ч. муж. р. кончается на *óй*, то въ род. падежѣ пишите *ого*, напр. прямой, прямого; другой, другого".

Изъ того, что въ закрытыхъ слогахъ извѣстнаго разряда послѣ

---

[1]) *Филол. Наблюденія*, Разсужд. II, Отд. 2, стр. 149—150.

шипящихъ (ж ш ч щ) предлагалось писать *емъ*, напр. *ключемъ*, критикъ выводитъ заключеніе, что я совѣтую также писать въ *чужемъ*. Между тѣмъ тутъ же слово *чужой* было приведено въ числѣ словъ, въ которыхъ шипящая допускается передъ дифтонгомъ *ой*; повидимому, допущеніе *о* и въ косвенныхъ падежахъ такихъ прилагат. разумѣлось само собой; но оказывается, что тутъ была недомолвка, слѣдовательно редакція должна быть исправлена въ смыслѣ большей точности. При этомъ надо согласиться, что если ударяемое *о* можетъ слѣдовать за шипящею въ творит. пад. именъ жен. р.: *душою, душой; свѣчою, свѣчой*, то справедливо допустить это и въ твор. пад. именъ муж. род.: *ножомъ, карандашомъ, мечомъ, плащомъ*. Но въ предлож. падежѣ мѣстоим. *что* должно остаться *е* (въ *чемъ*) по аналогіи съ другими падежами этого мѣстоименія: *чего, чему*.

Брошюра сѣтуетъ, что въ руководствѣ не объяснено, почему пишется *полъ-имѣнія*, а не „полымѣнія", или „полимѣнія". Это, кажется, и не требовало объясненія, такъ какъ замѣна сочетанія *ъи* буквою *ы* употребительна собственно только при сліяніи предлога, кончающагося на *ъ*, съ реченіемъ, начинающимся буквою *и*, а что касается написанія „поллиста" вм. *полъ-листа*, то на это согласиться нельзя, потому что „изъ двухъ рядомъ стоящихъ одинаковыхъ согласныхъ первая уподобляется второй и первое *л* умягчалось бы подъ вліяніемъ второго" какъ напр. въ словахъ: *аллея, милліонъ* (Р. Прав., стр. 88).

Замѣчаніе г-на Д., будто *ъ* въ словѣ *возъму*, равно какъ и въ глагольныхъ окончаніяхъ *тъ, шъ, ъ* (въ повелит. накл.) не замѣняетъ мягкой гласной, такъ мудрено, что останавливаться на опровержені его я не считаю нужнымъ.

Вопросу о слитномъ или раздѣльномъ написаніи нѣкоторыхъ словъ придается въ брошюрѣ излишняя важность; особенно въ этомъ дѣлѣ достигнуть полнаго соглашенія ни въ какомъ языкѣ невозможно. *Подъ рядъ* и *на ряду* пишу я врозь, потому что слитно написанныя слова *подрядъ* и *наряду* суть флективныя формы двухъ существительныхъ. Здѣсь кстати вообще коснуться вопроса о различномъ письмѣ словъ имѣющихъ разное значеніе, но одинаково произносимыхъ. Само собою разумѣется, что въ большинствѣ случаевъ такое различеніе не нужно: значеніе слова видно изъ его отношенія къ рѣчи, изъ связи его съ другими словами, чему примѣрами и служатъ приведенныя мною въ руководствѣ слова: *суда* и *суды* (въ косвенныхъ ихъ падежахъ). Но когда въ самомъ двоякомъ происхожденіи или составѣ слова заключается причина различныхъ начертаній его, то нѣтъ основанія избѣгать такого различенія: вотъ въ какомъ смыслѣ я считаю правильнымъ писать двоякимъ образомъ такія слова, какъ напр. *лечу* и *лѣчу балъ*, и *баллъ, металъ* и *металлъ, колосъ* и *колоссъ*. Ясно, что и въ этомъ пунктѣ руководство не представляетъ того противорѣчія, которое

усматриваетъ нашъ критикъ. Двоякое начертаніе *миръ* и *міръ* въ двухъ разныхъ значеніяхъ слова въ сущности конечно не необходимо, но оно такъ укоренилось, что стараться изгнать его было бы напраснымъ трудомъ. Такого рода орѳографическія мудрованія есть во всѣхъ языкахъ. У нѣмцевъ ихъ множество (напр. das и daß, wider и wieder). У французовъ, напротивъ, — масса такихъ словъ, которыя различать въ правописаніи непремѣнно нужно по причинѣ различнаго ихъ происхожденія и состава. Понятно, какая путаница происходила бы у нихъ на письмѣ, если бъ они стали писать одинаково, напр., всѣ разнозначащія слова, произносимыя какъ san (cent, sang, sans, sens) и sin (cinq, saint и проч.).

Разбирать разсужденія брошюры по поводу замѣчаній объ удвоеніи согласныхъ опять отказываюсь, видя, что пониманіе физіологіи звуковъ, необходимое для оцѣнки этихъ замѣчаній, совершенно чуждо автору, какъ уже и выше легко было заключить изъ его отзыва о новыхъ терминахъ во вступительной части руководства.

Оставляя въ сторонѣ нѣсколько отдѣльныхъ словъ, которыя войдутъ въ помѣщаемый ниже особый списокъ, нахожу не лишнимъ разъяснить г-ну Д. одно указываемое имъ мнимое противорѣчіе. Ему кажутся несогласимыми слѣдующія два положенія: „Мы должны дорожить всякимъ имѣющимся у насъ средствомъ нашей азбуки, чтобы въ возможной точности передавать начертаніе иноязычныхъ словъ“ (стр. 71) и другое: „мы не обязаны примѣняться къ тонкостямъ иностраннаго произношенія“ (стр. 73). Въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ о *формѣ* словъ, во второмъ о ихъ *произношеніи:* это два совершенно разныя понятія. Возьмемъ для примѣра имя острова Ösel или французскаго города Eu: если мы по-русски напишимъ „Езель“ или „Э“, то гласный звукъ подлинныхъ именъ останется неизвѣстнымъ, и можетъ произойти смѣшеніе ихъ съ нѣм. Esel (оселъ) и съ названіемъ принадлежащаго Франціи острова Aix (Э); но если мы употребимъ введенную недавно въ московской печати букву ӛ [1]), то всякій сколько-нибудь знакомый съ языками нѣмецкимъ и французскимъ пойметъ, что тамъ въ составъ этихъ именъ входятъ гласныя Ö и Eu: такимъ написаніемъ мы, при недостаточности нашей азбуки, сдѣлаемъ все что можемъ, чтобы дать понятіе о *формѣ* подлинныхъ названій. Но это не обязываетъ насъ *произносить* ихъ такъ; какъ произнесетъ ихъ нѣмецъ или французъ. Въ приведенныхъ двухъ положеніяхъ я имѣлъ въ виду особенно разницу между собственными именами и нарицательными.

---

[1]) Раціональность этой буквы вытекаетъ прямо изъ существованія ё: какъ йотованному *е* отвѣчаетъ нейотованное *э*, такъ и буква *ё* должна имѣть соотвѣтствующую ей нейотованную ӛ для множества иностранныхъ именъ, которыхъ мы безъ этой послѣдней не можемъ и приблизительно передать на письмѣ.

Всего нужнѣе означать съ возможною точностью форму иностраннаго имени *собственнаго*, потому что иначе трудно угадать его и легко смѣшать одно имя съ другимъ. Мы пишемъ: *Бэръ*, *Тэнъ*, чтобы показать, что въ этихъ именахъ *э* не сжатое, а открытое (нѣм. ä, фр. ai); въ нарицательныхъ же именахъ *тема*, *меръ*, произносимыхъ такимъ же образомъ, не находимъ это нужнымъ.

Читатель, имѣвшій терпѣніе внимательно прослѣдить этотъ разборъ замѣчаній г-на Д., легко могъ убѣдиться, насколько они, за весьма немногими исключеніями, беспристрастны и справедливы.

Если невѣрны въ значительномъ большинствѣ частныя замѣчанія брошюры, то могутъ ли быть вѣрны и выводы ея, изложенные въ многословномъ „заключеніи", представляющемъ смѣсь громкихъ фразъ съ самыми сбивчивыми понятіями и явными противорѣчіями. Было показано, какіе съ виду серіозные вопросы, по мнѣнію критика никѣмъ еще не затронутые и ожидающіе рѣшенія, онъ ставилъ на 1-й страницѣ своей брошюры. Въ концѣ же самъ онъ пытается ихъ рѣшить, но рѣшаетъ такъ, что изъ его разсужденій трудно извлечь какую-нибудь опредѣленную мысль, кромѣ развѣ требованія какой-то строго установленной системы въ примѣненіи фонетическаго начала,—требованія, несостоятельность котораго выше была уже выяснена. Автору и тутъ все еще непонятно, что фонетическое начало беретъ верхъ надъ этимологическимъ только въ силу несогласія между словопроизводствомъ и произношеніемъ (когда иначе письмо, по словамъ Ломоносова, слишкомъ удалялось бы отъ чистаго выговора): случаи эти давно опредѣлены обычаемъ, но впредь могутъ явиться еще и другіе [1]). Повидимому самъ г. Д. сознаетъ это: „Съ давнихъ поръ", говоритъ онъ, „русская живая рѣчь широкою струею вливалась въ книжную, вытѣснила формы рѣчи литературной... Вторженіе живой рѣчи въ книжную равно ощутительно и въ настоящее время. Вотъ новое начало,—начало живой народной общерусской рѣчи,—иначе *фонетическое*, займетъ подобающее мѣсто въ нашемъ письмѣ". Послѣ этого какъ не подивиться, встрѣтивъ на слѣдующей страницѣ такія строки: „Но когда же и гдѣ правописаніе можетъ опираться на говоръ, на произношеніе? Въ какихъ случаяхъ оно можетъ подкрѣплять себя, ссылаясь на *фонетику*?" Въ отношеніи къ живой рѣчи народа критикъ нашъ не признаетъ существованія одного господствующаго нарѣчія, служащаго главнымъ источникомъ образованнаго или литературнаго языка: московское нарѣчіе, по его мнѣнію, не болѣе какъ областной языкъ, мѣстный говоръ; откуда же взять требуемое имъ общерусское фонетическое

---

[1]) Здѣсь фонетическое письмо принимается въ смыслѣ противоположномъ этимологическому. Въ сущности же множество словъ русскаго языка представляютъ на письмѣ соединеніе фонетическаго начала съ этимологическимъ: они пишутся согласно съ словопроизводствомъ и произносятся совершенно такъ, какъ пишутся.

начало, этого онъ не объясняетъ. Изъ сопоставленія разныхъ мѣстъ вступленія и заключенія брошюры подтверждается замѣченное уже выше, что авторъ вовсе не отличаетъ, съ одной стороны, понятія о книжной рѣчи отъ понятія объ этимологическомъ письмѣ, а съ другой понятія о живомъ языкѣ отъ понятія о письмѣ фонетическомъ. Любопытно рекомендуемое авторомъ въ самомъ концѣ брошюры „уставщикамъ правописанія“ (!) средство „создать систему правописанія, примѣнимую для нашего времени“ (вмѣсто нынѣшней, никуда не годной?). Исполненіе этой трудной задачи, по его словамъ, „значительно будетъ облегчено работами, мнѣніями, взглядами представителей науки, какъ прежнихъ, много трудившихся, такъ и нынѣ трудящихся надъ уясненіемъ формъ языка; притомъ должно быть обращено вниманіе на голосъ современной литературы въ лицѣ лучшихъ ея представителей, между которыми естъ лица высоко и научно образованныя,— наконецъ и голосъ народа — это фонетическое начало, но не областное, не мѣстное, а общерусское, долженъ быть принятъ во вниманіе“. Въ своемъ усердіи отыскивать въ нашемъ трудѣ одни несовершенства г. Д. не замѣтилъ, что именно всѣ эти матеріалы для рѣшенія нашей задачи и были у насъ въ виду. Прекращеніе „орѳографической распри“ (?), о которомъ онъ мечтаетъ, возможно уже и теперь, если каждый пишущій не будетъ настаивать на исключительномъ превосходствѣ своего письма, если каждый преподаватель будетъ руководиться не самолюбивымъ стараніемъ охранять свое личное правописаніе, а разумнымъ желаніемъ способствовать къ установленію единообразія въ этомъ дѣлѣ.

Изъ самой формы вопроса, поставленнаго въ заглавіи брошюры г-на Д., легко угадать выводъ нашего критика. На чемъ же основывается его отрицательный выводъ?

Всякій, кто безпристрастно отнесется къ нашему руководству, можетъ засвидѣтельствовать, что въ сущности оно заключаетъ въ себѣ очень немного такого, что несогласно съ общеупотребительнымъ правописаніемъ. Слѣдовательно вопросъ о примѣнимости нашей книги къ практикѣ сводится, собственно говоря, къ другому вопросу: возможно ли на практикѣ существующее нынѣ русское правописаніе? Отвѣтомъ на это служатъ сотни и тысячи книгъ, періодическихъ изданій и дѣловыхъ бумагъ, непрерывно выходящихъ изъ-подъ пера русскихъ людей. Наше руководство не что иное, какъ краткій сводъ правилъ и фактовъ современной русской орѳографіи, поясняющій то, что въ ней правильно, исправляющій вкравшіяся въ нее невѣрности, наконецъ, предлагающій весьма немногія измѣненія, которыя, какъ мы смѣемъ надѣяться, найдутъ себѣ оправданіе въ будущемъ.

Впрочемъ, я далекъ отъ мысли, чтобы въ составленномъ мною руководствѣ не было недостатковъ и слабыхъ сторонъ. Они были

тѣмъ болѣе неизбѣжны, что русская грамматика еще далеко не окончательно разработана, и многое приходилось рѣшать въ первый разъ. Давно извѣстно, что несовершенство есть удѣлъ всякаго человѣческаго труда. Въ числѣ высказанныхъ разными лицами замѣчаній, требующихъ того или другого улучшенія въ нашей книгѣ, были конечно и весьма дѣльныя заявленія, за которыя не могу не быть признательнымъ, хотя и жаль, что къ нѣкоторымъ изъ нихъ примѣшивалось какое-то безотчетно враждебное чувство къ академіи. Но каково бы ни было несовершенство нашего руководства, мы не можемъ отказаться отъ сознанія, что здѣсь въ первый разъ современное русское правописаніе разсмотрѣно съ надлежащею полнотой и отчетливостью, и что сами тѣ, которые мелочною критикой стараются умалить значеніе этого труда, ему же обязаны наведеніемъ на многіе вопросы, до сихъ поръ остававшіеся незатронутыми въ изученіи русскаго языка.

ЗАМѢЧАНІЯ О НѢКОТОРЫХЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ СЛОВАХЪ *).

Изъ множества замѣчаній, доставленныхъ мнѣ частнымъ образомъ или напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ, здѣсь даю объясненія только по тѣмъ, которыя казались мнѣ заслуживающими болѣе вниманія. Изъ остальныхъ нѣкоторыя будутъ приняты въ соображеніе при пересмотрѣ справочнаго указателя къ руководству.

АБОНИМЕНТЪ. Такъ въ акад. словарѣ и у Даля, сходно съ произношеніемъ, несмотря на фр. abonnement. На томъ же основаніи и *аккомпаниментъ*.

АЛФАВИТЪ. Нашу латинскую приписку alphabetum неизвѣстный критикъ замѣняетъ греческою ἀλφάβητον, но, сколько извѣстно, этого названія азбуки у самихъ грековъ не было: оно позднѣе появилось въ латинской письменности. По крайней мѣрѣ, въ греческихъ словаряхъ его нѣтъ.

БЕЗМЕНЪ. Г. Соболевскій[1]) полагаетъ, что *обычное* (будто-бы) правописаніе „безмѣнъ“ вполнѣ правильно и заслуживаетъ предпочтенія. Сколько я могъ замѣтить, пишутъ большею частью согласно съ моимъ правописаніемъ: въ академическомъ словарѣ 1847 года, въ Толковомъ словарѣ Даля и во всѣхъ русскихъ словаряхъ, находящихся у меня подъ рукою, я нахожу *безменъ*. Такъ какъ *е* и *ѣ* произносятся

---

[1]) См. *Русскій Филолог. Вѣстникъ* 1885, № 3.

*) Часть этихъ замѣчаній была напечатана въ замѣткѣ „Нѣсколько ороографическихъ Разъясненій“ въ Р. Филолог. Вѣстникѣ, 1886, № 1, стр. 1 — 6. *Ред.*

совершенно одинаково, то въ звуковомъ отношеніи оба начертанія безразличны, но по несомнѣнно чужеязычному происхожденію этого слова буква *ѣ* въ немъ неумѣстна.

БЛАГОДАРСТВУЙ. Г. Малорошвиловъ замѣчаетъ, что это не повелит. форма: она сокращена изъ полной формы изъявит. накл. *благодарствуешь, — ете*, въ доказательство чего онъ приводитъ стихъ изъ Онежскихъ былинъ Гильфердинга:

Благодарствуешь Илья да сынъ Ивановичъ,
Збавилъ насъ отъ смерти отъ напрасныя.

Это объясненіе не уничтожаетъ сказаннаго мною, что общеупотребительное выраженіе „благодарствуй, благодарствуйте“ неправильно.

БОЛѢ, МЕНѢ. Г. Соболевскій ошибается, считая написаніе этихъ словъ съ окончаніемъ *е* общепринятымъ, и приписываетъ мнѣ странное мнѣніе, будто архаическія формы *боле, мене* суть формы сокращенныя изъ *болѣе, менѣе*. Я говорилъ о нынѣшнихъ начертаніяхъ *болѣ, менѣ*, которыя дѣйствительно въ пониманіи большинства пишущихъ являются сокращеніями полныхъ русскихъ формъ. „По общей формѣ сравнительной степени“, сказано мною, „мы пишемъ: *болѣе, менѣе*, тогда какъ въ древнемъ языкѣ имѣлись только формы *боле, мене*; но наши новѣйшія формы окончательно утверждены употребленіемъ, и въ сокращенномъ видѣ (преимущественно въ стихахъ) пишутъ: *болѣ, менѣ* (*Филологическія Разысканія*, см. выше, стр. 738). Это правописаніе признаетъ и г. Буслаевъ. „Мы пишемъ, говоритъ онъ, *ѣ* вм. *е* въ формахъ сравнит. степени: *болѣе* (и усѣченно *болѣ*), *менѣе* (и усѣченно *менѣ*) вм. ц.-сл. болѥ, мьнѥ“ и т. д. (*Ист. Гр.* I, 35). Одинъ критикъ осуждаетъ начертаніе болє (вм. болѥ), но справка съ словаремъ Миклошича убѣдила бы его, что это написаніе часто встрѣчается въ древнихъ памятникахъ. Относительно „тяжеле“ я согласенъ, что это особая форма, независимая отъ *тяжелѣе* (какъ *дешевле, шире*). Павскій пишетъ *тяжеле*; у Даля въ окончаніи этого слова то *ѣ*, то *е*.

БРЕНЧАТЬ. Неизвѣстный критикъ считаетъ это слово заимствованнымъ съ польскаго (brzęczyć) и отвергаетъ сближеніе его съ ц.-сл. брѧцати по той причинѣ, что носовыя гласныя у насъ утратили носовой призвукъ. Можетъ-быть, и дѣйствительно русское слово польскаго происхожденія, но ц.-сл. форма приведена мною только какъ первообразъ нашего глагола, объясняющій происхожденіе въ немъ носового звука.

ВЕТЧИНА. Написаніе „вядчина“ предлагалось мною вовсе не потому, что я будто бы произвожу это слово съ польскаго, какъ утверждаетъ г. Д., а въ силу значенія общеславянскаго корня *вяд*, появляющагося, между прочимъ, и въ русскомъ словѣ *вя(д)лить* (вяленая рыба). Дѣло шло объ исправленіи важнаго нарушенія этимологіи.

Подробное изслѣдованіе мое о томъ появится въ Archiv für slavische Philologie *); здѣсь же я замѣчу только, что производить *ветчина* отъ *ветхій* на основаніи встрѣчающихся въ *Домостроѣ* формъ „ветчина, ветшина" несправедливо, потому, во 1-хъ, что слово это не означаетъ *старáго* мяса и притомъ прилаг. *ветхій* значитъ *старый* только съ извѣстнымъ опредѣленнымъ оттѣнкомъ, который вовсе не подходитъ къ понятію о мясѣ, и во 2-хъ, что въ названіи *свѣжина*, противополагаемомъ слову *ветчина*, понятіе свѣжести разумѣется только въ томъ смыслѣ, что это не соленое и не копченое мясо.

Недавно появилось еще третье мнѣніе о производствѣ слова *ветчина*. Г. Соболевскій въ *Р. Филол. Вѣстникѣ* высказалъ догадку, что оно происходитъ отъ латыш. (впрочемъ мало достовѣрнаго) слова weksis, ein Halbschwein, которое даетъ ему поводъ предположить вышедшее изъ употребленія существительное *вечька* или *вечьца* и изъ него образовать древнюю форму *вечьчина*. Такое толкованіе едва ли требуетъ серіознаго опроверженія. Производство отъ корня *вяд* не допускается г. Соболевскимъ особенно на томъ основаніи, что мы называемъ ветчиною не всякое вяленое или копченое мясо, а исключительно мясо свиного окорока; но при этомъ онъ забываетъ, что то же мы видимъ и въ другихъ языкахъ: такъ нѣм. Schinken, фр. jambon и русское *окорокъ*, означающія вообще извѣстную часть ноги и бедра животныхъ, употребляются только въ примѣненіи къ свиной тушѣ; точно такъ же и италіанское prosciutto, имѣющее вообще значеніе вяленаго мяса, говорится только о свиномъ мясѣ: какъ по своему производству отъ sciugare, сушить, вялить, такъ и по значенію, оно вполнѣ соотвѣтствуетъ русскому „вядчина". (См. выше стр. 825).

ВЗБАЛМОШНЫЙ. Такъ какъ это слово дѣйствительно далеко отступило отъ первообразнаго *баломутить* и притомъ имѣется существит. *взбалмошь*, то, согласно съ предложеніемъ г. Смирнова, есть основаніе измѣнить въ прилагательномъ *ч* на *ш*.

ВОЖЖА. Неизвѣстный критикъ опровергаетъ это правописаніе на томъ основаніи, что за *вожжи* не водятъ и что изъ *д* двойного *ж* не бываетъ. Въ 1-мъ изданіи руководства было написано *возжа* въ предположеніи родства этого слова съ гл. *возить*, но я не могъ не уступить мнѣнію, сближающему это существит. съ словомъ *поводъ*, съ малор. *вижжи*, *вижки* и съ бѣлор. *вожки*. Въ Арханг. губ. вожжа въ оленьей упряжи называется *вожъ*. Переходъ *д* въ *ж* дѣло обычное, а удвоеніе этой шипящей могло быть вызвано такою же особенностью произношенія, какое въ Сѣверной Россіи слышится, напр., въ словѣ *дрож(ж)ать*.

ВОТРУШКА. Вопросъ о происхожденіи этого слова и слѣдовательно

*) См. ниже, вслѣдъ за этой статьей. *Ред.*

*

о гласной въ первомъ слогѣ остается нерѣшеннымъ; но я положительно отвергаю повторяемое нерѣдко толкованіе, будто слово это образовано, посредствомъ перестановки звуковъ, изъ „творожка" или „творужка". Кто произноситъ *творогъ*, тотъ такъ же легко произносилъ бы „творожка" и не имѣлъ бы надобности въ перестановкѣ звуковъ своего родного и всѣмъ понятнаго слова. Притомъ не вездѣ въ Россіи вотрушки пекутся съ творогомъ. Производство отъ серб. и морав. *ватра* (огонь, очагъ) считаю сомнительнымъ: этого слова нѣтъ въ русскихъ нарѣчіяхъ, и потому трудно представить себѣ, чтобы отъ него въ уменьшительной формѣ назвалось у насъ печенье, неизвѣстное подъ этимъ названіемъ у тѣхъ народовъ, которые имѣютъ слово *ватра*.

ВСЛѢДСТВІЕ, ВЪ ТЕЧЕНІЕ, ВЪ ПРОДОЛЖЕНІЕ. Одинъ изъ преподавателей, доставившихъ мнѣ свои замѣтки, находилъ въ этихъ двухъ различныхъ способахъ письма доказательство непослѣдовательности и недостатка системы. Тутъ опять забыто принятое нами правило держаться по возможности общаго или по крайней мѣрѣ наиболѣе распространеннаго обычая, когда въ немъ нѣтъ положительной неправильности. Во 2-мъ изданіи *Филол. Разысканій* я писалъ *въ слѣдствіе*, но почти нигдѣ въ печати не встрѣчалось это раздѣльное написаніе, тогда какъ видѣть словá „втеченіе, впродолженіе" слитно написанными случается очень рѣдко, и не безъ основанія: въ нихъ существительное иногда отдѣляется отъ предлога опредѣленіемъ, напр. *во все продолженіе.*

ГОСТИНЫЙ, ГОСТИНИЦА. По мнѣнію *Р. Фил. Вѣстника,* обычное правописаніе въ обоихъ этихъ словахъ требуетъ удвоенія *н.* Во второмъ изъ нихъ, дѣйствительно, почти всѣ пишутъ по произношенію два *н,* но въ прилагательномъ *гостиный* рѣдко кто позволитъ себѣ это удвоеніе, которое и въ живой рѣчи далеко не всегда слышится: тутъ слишкомъ ясно чувствуется суффиксъ *иный,* служащій къ образованію прилагательныхъ отъ названій многихъ животныхъ: *орлиный, лебединый, голубиный, львиный, соловьиный* и т. п. Образованное по тому же типу слово *гостиный* является въ этой именно формѣ и въ словаряхъ нашихъ. Вотъ почему и начертаніе *гостиница* должно быть признано правильнымъ: нѣкогда писали „истинна" (сущ. имя), но эта орѳографія давно уже оставлена.

ГРЕСТИ. Отвергая, чтобы въ этой формѣ *с* явилось взамѣнъ *б,* неизвѣстный критикъ замѣчаетъ: „Любопытно было бы узнать, какъ академія образуетъ неопредѣл. накл. соверш. вида отъ *погребать*". Это сказано конечно въ увѣренности, что предполагаемая форма возможна только съ сохраненіемъ б. Между тѣмъ уже и въ др. слав. мы находимъ ее въ троякомъ видѣ: погребсти, погрести и погрети (иногда съ буквою ѣ). Первыя двѣ формы (съ исключеніемъ *еря* послѣ *б*) занесены и въ русскіе словари. Академическій приводитъ слѣдующій

примѣръ изъ *Актовъ Археогр. Экспед.* (IV, 75): „велѣлъ его митрополита погресть“. Въ неопр. накл. гл. *скрести, скресть* звукъ *б* совсѣмъ не является.

ДЕРЕВЯЖКА. Г. Соболевскій полагаетъ, что слово *деревяга*, отъ котораго я (вмѣстѣ съ Павскимъ) произвожу это уменьшительное, не существуетъ, но оно есть и въ академическомъ словарѣ и у Даля, хотя въ нѣсколько иномъ значеніи и хотя кромѣ его въ обоихъ словаряхъ находится и „деревяшка“ съ буквою *ш*. Родительный падежъ множ. *деревяшекъ*, казалось мнѣ, не можетъ служить доводомъ противъ принятой мною орѳографіи, потому что есть и другіе примѣры неправильнаго произношенія шипящихъ въ производныхъ словахъ: такъ отъ сущ. *армякъ* произведено прилагательное *армяжный* вмѣсто „армячный“. Формы „деревяха“ мы нигдѣ не находимъ; къ суффиксу же *яга* (*ага*) Павскій относитъ довольно много словъ, и при имени *деревяга* ставитъ въ скобкахъ *деревяжка* (*Фил. Набл.* Разсужд. II, стр. 61).

ЗАБІЯКА. По мнѣнію неизвѣстнаго критика, этого слова нельзя сближать съ гл. *забить*: оно де взято цѣликомъ изъ польскаго. Но въ польскомъ этому слову соотвѣтствуетъ zawadjaka, а болѣе близкое къ нашему zabojca значитъ убійца. Невѣрно и другое утвержденіе критика, будто *і* передъ гласнымъ всегда переходитъ въ ь, какъ доказываютъ слова: *піявка, піявица, сіяніе*, не говоря о тѣхъ, которыя употребительны только въ литературномъ языкѣ.

ЗА ГРАНИЦЕЙ. Повторю здѣсь то, что при другомъ случаѣ было сказано мною противъ образованія существительнаго „заграница“: „Вопросъ въ томъ, можно ли изъ адвербіальныхъ реченій: *за границу, за границей* образовать существительное *заграница*. Это все равно, какъ если бы, напримѣръ, изъ реченій: *со временемъ, за рѣкой, втайнѣ, снаружи* образовать имена: „современя“, „зарѣка“ (вмѣсто „зарѣчье“) и т. п. При существованіи имени „заграница“ пришлось бы уже говорить: „онъ ѣдетъ въ заграницу“, „онъ живетъ въ заграницѣ“. Прибавлю, что оспариваемое мною слово произошло вѣроятно отъ дурно понятого выраженія *изъ-за границы*, въ которомъ вмѣсто трехъ словъ увидѣли два: предлогъ *изъ* и имя *заграница*. Точно такъ можно бы, пожалуй, изъ выраженій: *изъ-за угла, изъ-за стола* образовать существительныя: „зауголъ, застолъ“!

ИЗЬЯНЪ. Въ этимологическомъ словарѣ Рейфа это слово произведено отъ персидскаго ziiân, зн. détriment, вредъ, ущербъ. Для объясненія словъ, заимствованныхъ изъ восточныхъ языковъ, Рейфъ пользовался указаніями тогдашнихъ оріенталистовъ нашихъ, особенно Шармуа, и въ большей части случаевъ ихъ толкованія оказываются вѣрными. Приведенное слово и по значенію и по созвучію весьма близко къ персидскому. Впрочемъ, за сохраненіе въ немъ *еря* я особенно не стою.

КАЛАЧЪ. Хотя мною и приведена эта форма какъ наиболѣе употребительная (чего нельзя отрицать), но при ней какъ въ текстѣ, такъ и въ указателѣ замѣчено, что по производству (отъ *коло*) слѣдовало бы писать: *колачъ*. Въ главныхъ словаряхъ нашихъ вторая форма только допускается, но предпочтено правописаніе съ гласною *а*.

КАПЕТОЛИНА. Г. Смирновъ предпочитаетъ написаніе „Капитолина", которое онъ нашелъ въ слав.-рус. святцахъ, но я держался подлинной греческой формы Καπετωλῖνα, принятой и въ извѣстномъ мѣсяцословѣ протоіерея Вершинскаго (см. Pape's Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig 1875, стр. 617).

КОЛОДЕЦЪ. Почему слово *колодецъ* испорчено? спрашиваетъ г. Д., и приходитъ къ заключенію, „что слово колодезь, а не колодецъ испорчено". Это доказываетъ, что ему неизвѣстна первоначальная ц.-сл. форма кладазь, о которой Миклошичъ въ своемъ словарѣ замѣчаетъ, что изъ окончанія азь видно ея иноязычное происхожденіе (peregrinum esse arguit syllaba finalis азь). Естественно, что для русскихъ этотъ суффиксъ былъ непонятенъ и что они въ такомъ общеупотребительномъ словѣ замѣнили его своимъ *ецъ*, точно такъ, какъ болгары изъ кладазь образовали *кладенец*, а сербы *кладенац*. У насъ форма *колодецъ* давно уже пріобрѣла право гражданства, но она не успѣла вполнѣ вытѣснить первоначальную (колодезь).

КРОПИВА. Крапива? Въ акад. словарѣ допущены обѣ формы; но въ ц.-сл. (Сл. Вост. и Микл.) кропива. Шимкевичъ замѣчаетъ, что въ слав. нарѣчіяхъ корень *кроп* выражаетъ два понятія: о капельномъ видѣ жидкости и о большой теплотѣ: кропива жжетъ, и отъ этого же понятія заимствовано ея латинское названіе. Ср. малор. окропь, окрипъ, зн. горячая вода; поль. ukrop = кипятокъ. Павскій говоритъ: „*Кропива* значитъ жгучая трава и происходитъ отъ затеряннаго гл. *кропить* (жечь, горѣть, грѣть), какъ лат. urtica отъ uro, жгу. Съ корнемъ *кроп*, прибавляетъ онъ, ср. наши стар. *кропъ*, горячая вода, и *укропникъ*, сосудъ съ горячею водою (*Филол. Набл.* II, 53).

ЛЕСА. Во всѣхъ словаряхъ (какъ въ академическомъ) мы находимъ это слово или исключительно въ приведенной формѣ, или по крайней мѣрѣ оно поставлено тамъ на первомъ мѣстѣ (какъ у Даля). Не знаю, почему г. Соболевскій считаетъ его родственнымъ съ общеславянскимъ *лѣсъ*, когда *леса* не имѣетъ никакого отношенія къ дереву и означаетъ длинную нить у удочки. Скорѣе можно сблизить это слово съ лат. licium, нѣм. Litze = нить, шнурокъ.

ЛИЗАНЬКА. Въ этомъ начертаніи я послѣдовалъ Павскому (*Филолог. Набл.* II, 216), который такъ пишетъ въ виду того, что отъ имени *Лиза* не образуется уменьшительное первой степени (Лизя). Можно согласиться, что предлагаемая г. Соболевскимъ форма *Лизонька*, по ея аналогіи съ *березонька*, была бы правильнѣе, но прежняя (какъ и

лисанька отъ *лиса*), имѣя за себя силу привычки, едва ли уступитъ ей мѣсто.

МАЧЕХА. Здѣсь предпочитаю правильную форму обычной „мачиха" потому, что отъ *мать* послѣдняя не могла образоваться: суффиксъ *иха* служитъ только къ образованію женскихъ именъ отъ мужскихъ: *волчиха* отъ *волкъ*, *зайчиха* отъ *заяцъ*, *ослиха*, *слониха*, *купчиха*, *шутиха*, *щеголиха*, *подъячиха*, *повариха*, *дворничиха*, *кузнечиха*, *мельничиха*, *старостиха* и др. Имя *мачеха*, по образованію, подходитъ къ слову *тетеха*. Приводимыя г. Смирновымъ имена: *чудиха*, *облѣпиха*, *обнесиха* и пр. принадлежатъ, по своему производству, къ совершенно другому порядку словъ и не идутъ въ сравненіе съ *мачеха*.

НЕ ЧТО ИНОЕ. Въ защиту начертанія *ничто иное* проф. Смирновъ приводитъ фразу, гдѣ эти слова стоятъ въ родительномъ падежѣ: „ничего иного *не* вижу". Но онъ не замѣтилъ, что въ послѣднемъ случаѣ два отрицанія. Я самъ признаю правильною форму *ничто* въ такомъ выраженіи: „Это *не* было *ничто* иное", но я противъ ея употребленія въ утвердительномъ предложеніи: „это *было ничто* иное". Тутъ, по-моему, слѣдуетъ писать: „это было *не что* иное".

ПОБѢДИТЬ; ПОБѢЖДУ́. По увѣренію нѣкоторыхъ должно говорить *побѣжу*. Однакожъ и Павскій принимаетъ формы: *награжду*, *огражду*, *убѣжду*, такъ же какъ: *возвращу*, *запрещу*, *посѣщу* отъ возвратить, запретить, посѣтить. (Разсужд. III, § 82).

ПСАЛТИРЬ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, жен. рода, а не муж., какъ показано мною согласно съ словарями Миклошича и академическимъ; въ послѣднемъ приведено извѣстное выраженіе 32 псалма: „во псалтири десятоструннѣмъ". Но при формѣ *псалтырь* ак. словарь означаетъ ж. р. Даль при обѣихъ этихъ формахъ ставитъ: *об.* (общаго р.), т. е. считаетъ правильнымъ употреблять слово это и въ м. и въ ж. родѣ. Трудно, дѣйствительно, указать основаніе для предпочтенія того или другого.

ПОЗДО. Я только указалъ на фактъ неупотребительности этой формы въ литературномъ языкѣ, предпочитающемъ *поздно*; но согласенъ, что обѣ формы равно законны. Первая тѣмъ только въ менѣе выгодномъ положеніи, что не имѣетъ соотвѣтственнаго прилагательнаго, ни полнаго, ни краткаго.

ПОСТИЛА или **ПАСТИЛА.** Я самъ прежде производилъ это слово отъ глагола *стлать*, но впослѣдствіи такое производство показалось мнѣ неправдоподобнымъ, какъ въ филологическомъ, такъ и въ техническомъ смыслѣ. То, что это названіе встрѣчается уже въ памятникахъ XVI столѣтія, не можетъ служить доказательствомъ противъ его иностраннаго происхожденія. Сношенія Москвы съ Италіею начались еще во второй половинѣ XV вѣка. Сходство нашего слова со стариннымъ италіанскимъ pastiglia (произн. пастилья=тѣсто на фрук-

товомъ сокѣ) поразительно. Не даромъ акад. словарь допускаетъ и форму *пастила*. Даль, принявъ также обѣ формы, сближаетъ слово это съ лат. pasta, pastillum.

ПОТЧЕВАТЬ. Встрѣчающаяся издавна въ русскихъ памятникахъ форма „потчиваю" могла произойти отъ неумѣнія обращаться съ глаголомъ такого чуждаго русскому языку образованія (см. *Филологическія Разысканія*, II, Справ. Фил. Указ.). Всякій, кто внимательно прочтетъ замѣтку Срезневскаго [1]), увидитъ, что онъ приходитъ къ двоякому выводу и что въ первой половинѣ своего изслѣдованія онъ совершенно согласенъ со мною, принимая форму *потчевать* и отвергая *потчиваю*.

ПѢСЕННИКЪ и **ПѢСЕЛЬНИКЪ**. По академическому словарю и по Далю, *пѣсенникъ* употребляется въ двоякомъ значеніи: и сборника пѣсенъ, и лица, поющаго въ хорѣ, *пѣсельникъ* же только во второмъ значеніи. Установленіе такого различія въ формѣ слова, имѣющаго двоякій смыслъ, можетъ иногда быть полезнымъ для ясности рѣчи.

РЕДИЖИРОВАТЬ. Нѣкоторые защищаютъ употребительную, но совершенно ошибочную форму „редактировать", которая никакъ не могла образоваться изъ сущ. *редакторъ*. Понятно, что изъ франц. inspecter, черезъ посредство нѣмецкаго inspektieren, могъ произойти глаголъ *инспектировать*, но чѣмъ оправдать *редактировать*? По этому образцу надобно бы говорить и „директировать" вмѣсто *дирижировать*. Не все, что вошло въ употребленіе, можно поддерживать. Петербургскіе лакеи и няньки ввели между прочимъ обычай говорить *одѣвать* (напр. пальто) вм. *надѣвать*. Неужели и это позволительно?

СНИТОКЪ. Очень странно, что г. Смирновъ присоединяется къ Далю въ производствѣ этого слова отъ *снѣдь*. Такъ какъ и другая рыба употребляется въ пищу, то спрашивается: почему же именно снитки получили свое названіе отъ этого признака? Напоминаю и здѣсь старинную форму *снитейный*, занесенную въ акад. словарь съ слѣдующею ссылкой: „Да на Новосѣчи противо березы полтони снитейная, да подъ боромъ тоня сиговая" (*Акты Археогр. Экспед.* III, 157). Названіе *снитки* принадлежитъ къ числу рѣдко встрѣющихся въ литературномъ языкѣ словъ, которыхъ правописаніе потому и не установилось. Даль принимаетъ три написанія: *снетокъ*, *снѣтокъ* и *снятокъ*. Въ акад. словарѣ находимъ только послѣднее. Не основывается ли оно на народной этимологіи? У этой рыбки нижняя челюсть длиннѣе верхней, у которой частичка какъ будто *снята*. Но нѣм. Stint, лит. stinta, поль. stynka заставляютъ предполагать близкую къ этому составу форму нашего слова съ перестановкою согласныхъ и съ гласною *и*.

ТВОРОГЪ. Такъ это слово записано въ академ. словарѣ и у Даля, который рядомъ ставитъ *твóрогъ*. Г. Смирновъ въ пользу *а* въ первомъ

[1]) *Извѣстія* II-го Отд. Ак. Н., т. VII, вып. 3.

слогѣ приводитъ, что у всѣхъ западныхъ славянъ „тварогъ“, но съ западными слав. нарѣчіями мы относительно гласныхъ нерѣдко бываемъ въ прямомъ противорѣчіи. Въ Россіи, замѣчаетъ критикъ, больше говорятъ „тварогъ“: да развѣ въ произношеніи акающихъ есть разница между неударяемыми *а* и *о*?

ТОРМОЗЪ. На основаніи приведеннаго мною же греч. τόρμος, я согласенъ измѣнить принятое мною прежде правописаніе академическаго словаря съ буквою *а* во второмъ слогѣ, тѣмъ болѣе, что и въ печати обыкновенно встрѣчается написаніе *тормозъ, тормозить*.

ХРЕСТОМАТІЯ. Г. Смирновъ совѣтуетъ писать *христоматія*, т. е. держаться рейхлиновскаго произношенія, чтобы не порывать историческихъ связей съ византійской образованностію, а напротивъ дорожить ими. На этомъ основаніи слѣдовало бы намъ, пожалуй, возвратить и форму *піитъ* взамѣнъ общеевропейской *поэтъ*?

Примѣчаніе къ стр. 838—839.

Вотъ что писалъ Павскій въ самомъ началѣ 1840-хъ годовъ о глаголѣ *итти*.

„Есть у насъ одно неважное слово *итти*, которое приводитъ въ замѣшательство писателей и писцевъ, такъ что одни предлагаютъ писать *итти*, другіе *идти*... Я утверждаю, что корень слову *итти* не есть *ид*, а *и*, и слѣдовательно надлежало бы писать: *ити*, какъ и дѣйствительно пишется въ библейскихъ и церковныхъ книгахъ. Остатки стариннаго вѣрнаго правописанія есть у насъ и теперь въ словахъ *найти, зайти, пойти* и пр. Правда, нѣкоторые изъ нынѣшнихъ мудрецовъ и правописателей налагаютъ руки и на эти немногіе остатки и пишутъ и печатаютъ: *найдти* и пр. Но большая и лучшая часть писателей стоитъ еще на вѣрной дорогѣ. Кромѣ доказательства, почерпаемаго мною изъ церковныхъ книгъ, я нахожу еще не менѣе твердое доказательство въ другихъ однородныхъ языкахъ, гдѣ существуетъ корень *и*. Напр. въ санскритскомъ *и-тум, ја-тумъ* (=и-ти отъ корня *и*); въ греч. ἰέναι въ лат. i-re, i-vi, i-tum, повел. i. Ошибка, укоренившаяся въ нынѣшнемъ нашемъ правописаніи, безъ сомнѣнія произошла отъ недальновиднаго соображенія. Поелику глаголъ *и* употребляется у насъ въ одномъ только неопредѣленномъ наклоненіи, а въ другихъ наклоненіяхъ виденъ глаголъ *ид*, то и представилось, что *и* есть сокращенный *ид*. Нѣтъ, это суть два глагола совершенно различные, и только тѣмъ они сходны между собою, что имѣютъ одно значеніе и въ спряженіи служатъ дополненіемъ другъ другу. Одинъ изъ нихъ (*и*) у насъ не пошелъ далѣе неопредѣленнаго наклоненія, а другой (*ид*) взялъ на себя должность изображать настоящее время. Власть изображать прошедшее время оба они предоставили третьему *шед* (=лат. cedo). Отъ того и вышло составное спряженіе: *ити, иду, шелъ*.... Въ польскомъ языкѣ корень *ид* взялъ на себя обязанность изображать и неопред. наклоненіе, предоставленное у насъ корню *и*; за то онъ и преобразовался тамъ въ iść (=исть), подобно какъ *вед, сѣд* преобразуются въ *весть, сѣсть*. Изъ этого соображенія видно, что пишущіе *идти* поступаютъ вовсе противъ аналогіи. Другое правописаніе *итти* нѣсколько сноснѣе потому, что нынѣшній языкъ и въ другихъ случаяхъ рѣшился удвоять буквы вопреки древнему правописанію“.

(*Филолог. Наблюденія* Павскаго I, 113—114).

Г. Буслаевъ смотритъ на этотъ глаголъ нѣсколько иначе: признавая также цсл. *и-ти* первоначальною формой, онъ въ 3-мъ изданіи своей Историч. Грамматики оправдываетъ вошедшее въ употребленіе написаніе *идти* тѣмъ, что „русскіе грамматисты произвели неопредѣленное наклоненіе уже отъ настоящаго времени: *ид-ти*. Но спрашивается: имѣли ли русскіе грамматисты основаніе для такого производства, да и кто же они такіе? Гречъ и Павскій писали *итти*; Востоковъ говорилъ: „*Идти*, или *итти*, *иду* спрягается какъ *вести*, *веду*“ и т. д.; онъ прибавлялъ, что въ неопред. накл. коренная согласная *д* не превращается въ *с*, какъ у другихъ глаголовъ этого разряда, а „остается неизмѣнною (*идти*) или же въ *т* превращается (итти), а въ сложныхъ глаголахъ выкидывается послѣ *й*“. Итакъ для согласованія формы *идти* съ формами: *войти, зайти, найти* Востоковъ и Буслаевъ должны были прибѣгнуть къ тому непослѣдовательному толкованію, что при сліяніи съ предлогами форма *идти* возвращается къ своему первоначальному виду *и-ти*: *за-й-ти, во-й-ти, у-й-ти*; къ чему г. Буслаевъ счелъ нужнымъ прибавить весьма важное, но къ сожалѣнію, нынче почти никѣмъ не соблюдаемое предостереженіе: „а не *за-йдти*, *у-йдти* и проч.“

(*Истор. Грамм.* Изд. 3-е Ч. I, § 88).

Вѣрнѣе было замѣчаніе г. Буслаева въ первыхъ изданіяхъ его грамматики. Тамъ сказано: „Нынѣ употребительная форма *и-д-ти* или *и-т-ти* образовалась не отъ настоящаго времени *и-ду*, а отъ усиленія древней формы *ити*, помощію удвоенія звука т.“ Жаль только, что къ этому прибавлено: „перешедшаго, посредству, въ *д* въ формѣ *идти*“. По какому закону *т* могло тутъ перейти въ *д*, когда произношеніе вовсе не требовало этого? Явно, что основаніемъ послужила ошибочная этимологія—перенесеніе корня настоящаго времени въ неопред. наклоненіе.

(*Опытъ Истор. Грамм.* М. 1868. Ч. I, §§ 87 и 49.).

V.

Орѳографическая Замѣтка.

Ветчина или вядчина *)?

Есть три различныхъ мнѣнія о происхожденіи этого слова. Въ польскомъ словарѣ Линде (изданн. впервые 1814) подъ словомъ Wjędnąc сказано, что więdly, когда рѣчь идетъ о мясѣ, значитъ *сушеный, копченый* (то же, что wędzony), и въ скобкахъ прибавлено: „Eccl. вядчина, ветчина, ветшина, skynka, срв. wiotchy“; подъ послѣднимъ словомъ упомянуты также обѣ формы занимающаго насъ слова. Изъ этого видно, что Линде колебался между двумя его толко-

*) Переводъ съ нѣмецкаго—замѣтки въ Archiv für slav. Philologie И. Ягича. Band. IX S. 310 — 313. Вслѣдъ за этой замѣткой въ „Архивѣ“ помѣщена и замѣтка самого И. Ягича о томъ же словѣ. *Ред.*

ваніями, что онъ его съ одной стороны, и притомъ на первомъ мѣстѣ, производилъ отъ корня *вяд*, съ другой стороны считалъ возможнымъ связывать его съ прилагательн. *ветхій*.

Рейфъ въ своемъ этимологическомъ словарѣ (Спб. 1835) помѣстилъ сл. *ветчина* подъ коренным словомъ *вя(д)нуть*, пріурочивая его именно къ глаголу *вялить*, утратившему по извѣстному закону русскаго языка *д* передъ *л* и означающему: „сушить на воздухѣ или на солнцѣ". Рядомъ съ *ветчина* и Рейфъ ставитъ въ скобкахъ *вядчина*. Авторъ замѣчательнаго для своего времени (1842) корнеслова Шимкевичъ послѣдовалъ въ данномъ случаѣ за Рейфомъ—съ той однакожъ разницей, что онъ образуетъ предположительно глаголъ *вядить*, изъ котораго выводитъ сл. *ветчина*. Наконецъ и Миклошичъ сопоставилъ какъ въ своемъ трудѣ „Wurzeln des Altslovenischen" (Wien 1857), такъ и въ старославянскомъ словарѣ своемъ подъ корнемъ *вѧд* — глаголъ *вѧдити* словенск. vôditi, поль. wędzić, коптить, съ формами *вѧнуть* и *вѧлити*.

Это производство кажется мнѣ наиболѣе естественнымъ и единственно вѣрнымъ, тѣмъ болѣе, что есть основаніе предположить прилагательное *вѧдкій*, изъ котораго могло возникнуть слово *вѧдчина* точно такъ же, какъ изъ слова *рѣдкій*—нынѣ еще употребительное *рѣдчина* (см. Толков. Словарь Даля).

Вышеназванные русскіе филологи, признавшіе это производство, не рѣшились, однако оставить издавна укоренившееся правописаніе *ветчина*.

Но такъ какъ русская орѳографія почти исключительно опирается на этимологическую основу, то въ своемъ недавно составленномъ руководствѣ по русскому правописанію я предложилъ принять, чтобы быть послѣдовательнымъ, согласную съ такимъ производствомъ форму *вядчина*. Большинство моихъ товарищей-академиковъ согласились со мной въ этомъ.

Тѣ лингвисты, которые производятъ это слово отъ *ветхій*, должны предположить, что происшедшій изъ звука *х* звукъ *ш* позднѣе обратился въ *ч*, что было бы, если и не безпримѣрнымъ, то все же рѣдкимъ явленіемъ. Этотъ взглядъ основывается главнымъ образомъ на томъ, что форма *ветшина* попадается нѣсколько разъ въ „Домостроѣ". Но противъ его правильности слѣдуетъ возразить, что значеніе слова *ветхій* въ русск. языкѣ (=старый, въ ограниченномъ смыслѣ: изношенный, потертый) вовсе не подходитъ къ слову *ветчина*, означающему вовсе не старое, а именно копченое свиное мясо. Чтобы подкрѣпить производство отъ *ветхій*, указываютъ на названіе противоположнаго сорта свиного мяса, именно на слово *свѣжина* (отъ свѣжій); но подъ „свѣжиной" разумѣется не именно свѣжее, а вообще не копченое мясо, и *свѣжій* въ этомъ смыслѣ не можетъ быть противопоставлено слову *ветхій*, еслибъ даже послѣднее вообще означало то же, что старый.

Вполнѣ понятно, конечно, что слово *ветчина*, пока оставалось необъясненнымъ, писалось по произношенію и съ помощью народной этимологіи производилось отъ *ветхій*: это толкованіе мы находимъ и въ первомъ (1789—1794), этимологически обработанномъ изданіи словаря Россійской Академіи, а гораздо позже оно принято и во 2-мъ изданіи Толковаго Словаря Даля.

Въ новѣйшее время явилось еще третье объясненіе даннаго слова. Проф. Соболевскій [1]) отвергаетъ производство отъ *вѧд* главнымъ образомъ на томъ основаніи, что словомъ *ветчина* обозначается не всякое вяленое или копченое мясо, а лишь свиное. Но почтенный профессоръ при этомъ опустилъ изъ виду, что вѣдь и польское wędlina употребляется лишь въ этомъ болѣе узкомъ смыслѣ, хотя глаголъ wędzić означаетъ *коптить* вообще. Такъ во многихъ языкахъ слова, назначенныя для примѣненія одинаково и къ другимъ видамъ животныхъ, пріурочиваются спеціально къ свиньѣ. Такъ въ нѣмецк. языкѣ Schinken, во французскомъ jambon, въ англійскомъ—ham, въ русскомъ—окорокъ, имѣющія всѣ общее значеніе *лядвеи* (ляшки), т. е. толстой части ноги, повсюду служатъ для обозначенія этой части свиньи въ копченомъ видѣ. Точно то же касается италіанскаго brosciutto (отъ sciugare, сушить, вялить), вполнѣ соотвѣтствующаго русск. слову *вядчина* какъ по значенію, такъ и по происхожденію.

Другая причина, по которой г. Соболевскій не хочетъ признать написаніе *вядчина*, та, что ни въ русскомъ языкѣ, ни въ какомъ либо другомъ славянскомъ нарѣчіи не существуетъ словъ *вядкій*, *вядчить*. Послѣ такого замѣчанія въ высшей степени странно, что онъ самъ предполагаетъ гораздо болѣе недопустимое слово *вечька* или *вечьца*, къ чему его склоняетъ найденное имъ въ латышскомъ словарѣ Ульмана (Рига 1872) существительное weksis, или Halbschwein. Это странно звучащее „Halbschwein", котораго не найдешь ни въ одномъ нѣмецкомъ словарѣ (ни даже въ словарѣ Гримма), должно значить — молодая (nicht vollwüchsig) свинья [2]). Какъ видно изъ прибавленнаго въ словарѣ указанія, данное латышское слово найдено лишь въ одной сообщенной пасторомъ Каваломъ (Kawall) рукописи нѣкоего Allunan; по мнѣнію г. Соболевскаго, оно должно быть въ родствѣ съ лат. vacca, древнеинд. ukschan (быкъ); изъ *вечька* такимъ образомъ произошла ветчина, первоначально *вечьчина*. Остается однакожъ непонятнымъ, какъ мало распространенное и у латышей наименованіе молодой свиньи могло стать корнемъ для названія копченой свинины. Между тѣмъ изъ надежнаго источника получилъ я свидѣтельство, что слово weksis

[1]) Русскій Филологическій Вѣстникъ 1885, вып. 3.

[2]) Позже я все-таки нашелъ слово Halbschwein въ словарѣ Сандерса; согласно его объясненію, оно должно означать дикую свинью (кабана) и болѣе или менѣе сходныхъ съ ней животныхъ.

имѣетъ поразительное сходство съ звуками, употребительными у латышей для приманки поросятъ.

Уважаемый издатель журн. „Archiv f. Slav. Phil.", въ замѣткѣ о недавно вышедшемъ при участіи Миклошича шестиязычномъ (славян.) словарѣ, объявилъ первое изъ разсмотрѣнныхъ здѣсь производствъ, приписываемое имъ мнѣ одному, невѣрнымъ, не высказавъ однакожъ опредѣленно и не обосновавъ своего собственнаго взгляда на происхожденіе этого слова. Изъ устныхъ же его заявленій мнѣ извѣстно, что онъ, опираясь главнымъ образомъ на встрѣчающуюся въ Домостроѣ форму *ветшина*, примыкаетъ къ мнѣнію Россійской Академіи и Даля. Въ упомянутой замѣткѣ г. Ягичъ отмѣчаетъ далѣе, что приведенной мною польской формѣ wędzina, wędzonka въ русскомъ языкѣ могутъ соотвѣтствовать лишь формы *удина, уженина*. Охотно признаваясь, что мнѣ не нужно было прибѣгать къ этимъ сопоставленіямъ для объясненія сл. *вядчина*, я не могу не сослаться на высокоуважаемаго знатока славянской филологіи, который, какъ уже выше упомянуто, предполагаемую старослав. форму вѧдити, новословин. vôditi—приводитъ подъ корнемъ вѧд и сопоставляетъ съ русскими *вялить, вянуть*. Вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ обратить вниманіе г. Ягича на то, что я непосредственно вслѣдъ за отвергаемымъ имъ сближеніемъ замѣчаю: „Другой корень więd, который соотвѣтствуетъ еще болѣе нашему *вяд*, породилъ въ польскомъ слѣдующія выраженія: więdle mięso, więdzyna (вяленое, копченое мясо)".

Причина тѣхъ возраженій, которыя встрѣчаетъ съ разныхъ сторонъ правописаніе *вядчина*, не иная, какъ лишь его новизна, непривычка видѣть его. Я однакожъ полагаю, что эта форма, вслѣдствіе неоспоримой ея правильности, заслужитъ со временемъ общее признаніе. Мы имѣемъ тому многочисленные примѣры въ русскомъ правописаніи; такимъ же образомъ начертанія: *вѣдь, январь, мелкій, мая, мельница, прилежный, истина, поперекъ* вмѣсто бывшихъ въ употребленіи въ моей молодости начертаній: вить, генварь, маія, мѣлкій, мѣльница, прилѣжный, истинна, поперегъ—постепенно взяли верхъ надъ послѣдними и нынѣ являются единственно принятыми: въ языкѣ, орѳографія котораго въ преобладающей мѣрѣ этимологическая, не должны быть допустимы рѣзкія нарушенія этого принципа.

VI.

По поводу замѣтки объ окончаніи *ого* въ склоненіи прилагательныхъ именъ [1]).

Въ выпускѣ III—IV Филологическихъ Записокъ нынѣшняго года г. И. Ч—нъ помѣстилъ замѣтку противъ употребленія на письмѣ окончанія **ого** въ род. падежѣ прилагательныхъ именъ, оканчивающихся въ именительномъ на ой съ удареніемъ (о́й). Въ доказательство своего мнѣнія онъ приводитъ такое, будто бы вытекающее изъ моего правила заключеніе: „родит. падежъ въ твердомъ склоненіи на ого, а въ мягкомъ (параллельномъ) склоненіи на яго. Что же можетъ быть общаго между *о* и *я*?“ Здѣсь авторъ замѣтки сдѣлалъ совершенно неправильное сопоставленіе: такъ какъ въ окончаніи яго на предпослѣдній слогъ не падаетъ удареніе, то въ параллель ему нельзя ставить окончаніе ого, требующееся только тогда, когда предпослѣдній слогъ носитъ удареніе. Окончанію яго соотвѣтствуетъ аго, какъ видно изъ сравненія напр. прилагательныхъ: синяго и краснаго. Окончанію о́го соотвѣтствовало бы ёго, если бъ того требовало удареніе предпослѣдняго слога, и дѣйствительно такъ слѣдуетъ писать родительный падежъ порядковаго числительнаго третій, когда оно употребляется въ народной формѣ: третьёго-дня вм. общеупотребительной: третьяго-дня — подобно тому, какъ въ имен. падежѣ, вм. третій, встрѣчается третéй въ выраженіи самъ-третéй точно такъ же, какъ вм. вторый произносится и пишется: второ́й. Другихъ примѣровъ подобнаго случая, сколько мнѣ извѣстно, языкъ не представляетъ.

Изъ этого однакожъ слѣдуетъ, что по моему правилу буквѣ о́ родительнаго падежа прилагательныхъ твердаго окончанія соотвѣтствуетъ въ мягкомъ склоненіи не *я*, а *ё*, такъ точно какъ буквѣ *а* отвѣчаетъ *я* при окончаніи неударяемомъ.

Нельзя оспаривать, что въ сущности въ родит. падежѣ ед. числа всѣхъ прилагательныхъ муж. и средн. рода должно бы было писать ого въ твердомъ склоненіи и его въ мягкомъ, т. е. не только втораго, шестого, но и перваго, пятого, синего, хорошего; но это слишкомъ рѣзко противорѣчило бы укоренившемуся обычаю и было бы однимъ изъ тѣхъ крутыхъ измѣненій въ правописаніи, которыя къ нему не прививаются, несмотря на теоретическую правильность, тогда какъ окончаніе о́го при именительномъ падежѣ на о́й

---

[1]) Филологич. Записки, г. XXVI, 1887, вып. 6.

давно пишется очень многими и совершенно согласно съ утвердившимся въ именит. падежѣ окончаніемъ о́й вм. ы́й (второй вм. вторый). Притомъ, если бъ принять за правило писать всегда въ род. падежѣ ого, его, то ради послѣдовательности пришлось бы и въ именит. падежѣ ед. ч. прилагательныхъ муж. рода, вм. первый, добрый, третій, синій, писать: первой, доброй, третей, синей, а это давно отвергнуто, какъ неудобное на практикѣ правописаніе.

УКАЗАТЕЛИ

къ обѣимъ частямъ „Филологическихъ Разысканій" *).

I.

Предметный Указатель

къ „Спорнымъ Вопросамъ Русскаго Правописанія".

---

*) За исключеніемъ „Приложеній" къ 2-й части. *Ред.*

II.

Указатель личныхъ именъ

къ обѣимъ частямъ „Филологическихъ Разысканій".

III.

Лексическій указатель

къ I части „Филологич. Разысканій“ [1]).

1. Русскія слова и имена.

---

[1]) Воспроизводить здѣсь обширный указатель словъ, приложенный къ 2-му изданію „Филол. Разыск.“, признано безполезнымъ, такъ какъ большую часть ихъ легко находить то подъ суффиксами, о которыхъ рѣчь идетъ въ статьяхъ объ удареніи, то въ отдѣльныхъ спискахъ словъ, расположенныхъ въ послѣднихъ статьяхъ I-ой части въ азбучномъ порядкѣ. Въ настоящій указатель сочтено достаточнымъ занести только тѣ слова, о которыхъ въ разныхъ мѣстахъ этой части разсѣяны отдѣльныя замѣчанія.

2. Иностранныя слова и имена.

IV.

Справочный филологическій Указатель

къ „Спорнымъ Вопросамъ русскаго правописанія" [1]).

А.

Аббáтъ (сирійск. alba, отецъ, латин. abbas).

Або (шв. Åбо, собств. Обо). Карамзинъ употребляетъ форму: *Абовъ, абовскій*, но правильнѣе: *Або, абоскій*.

Абонемéнтъ (фр. abonnement).

***Áбрисъ.**

Авантюри́стъ, отъ франц. aventurier. Русскіе предпочли дать этому слову другой суффиксъ. Слово принялось въ этомъ видѣ.

Аввакýмъ.

Áвгустъ (лат. Augustus). Обращеніе *у* въ *в* въ дифтонгахъ свойственно русскому языку, какъ видно изъ старинныхъ формъ заимствованныхъ именъ: *Аврора, евангеліе, Европа, январь* и изъ собственно-русскаго слова *завтра* (изъ заутра).

Áвдій (народн. *Авдéй*) 738.

Авдóтья (гр. Εὐδοχία). См. **Овдóтья.**

Авиніóнъ или ***Авиньóнъ.**

Агаѳóнъ.—Агáѳья.

Аггéй 738.

Аграмáнтъ (фр. agrément).

Аграфéна (лат. Agrippina) 751. Здѣсь латинское *p* произвольно измѣнено въ *f*, противоположно тому, что сдѣлано въ имени **Степанъ** (греч. Στέφανος).

Áдресъ, адресовáть, (фр. adresse) 763. Писать по-русски „адрессъ" тѣмъ менѣе основательно, что на второй гласной нѣтъ ударенія и потому двойного *с* вовсе не слышно.

Адріáнъ (въ народѣ неправильно *Андреянъ,* какъ узаконенное обычаемъ **Кондрáтъ** вм. *Кодратъ*).

Адъю́нктъ.

Адъютáнтъ (лат. adjutans помощникъ).

Азáртъ (фр. hasard). Слово, по формѣ иностранное, но на основаніи народной этимологіи получившее новое значеніе по созвучію съ русскими словами: гл. *зáриться*, сущ. *озóръ* (озорникъ).

Азіáтскій 763.

Акáѳистъ.

Акклиматизáція (лат. acclimatisatio).

Аккомпани́ровать.

Аккомпанемéнтъ.

Аккóрдъ (ит. accordo).

Аккредитовáть.

Аккурáтно (лат. accuratus).

Актёръ.

Акýла (др.-норв. hákall).

Акушёръ (фр. accoucheur).

(**Алáдья**). См. **Олáдья** (отъ ἔλαιον, масло, елей).

Алевти́на (жен. имя).

Алексѣ́й 738.

***Аллебáрда.**

Аллегóрія (гр. ἀλληγορία).

Аллéя (фр. allée).

Аллилýія (еврейск. halal, восхвалять, и jàh, сокр. вм. Іегова, — хвалите Господа).

***Аллю́ръ.**

Алóэ (раст., греч. ἀλόη; цер.-сл. алгоуй и алгоуинъ). Часто писалось *алое* и склонялось: *алоя, алою (Ист. Грам.* Буслаева I, § 97).

Алтáрь (лат. altare отъ altus, высокій). Древн. *олтарь* 751.

Алфави́тъ (гр. ἀλφάβητος, отъ ἄλφα и βῆτα, первыхъ двухъ буквъ греч. азбуки) 767.

Алфéй.

Альбóмъ.

Алья́мбра (Alhambra, съ араб.).

---

[1]) Этотъ Указатель дополненъ и исправленъ нами по послѣднему вышедшему при жизни автора (X-му) изданію его „Русскаго Правописанія". Слова и формы, взятыя изъ послѣдняго, отмѣчены звѣздочкой. Когда слово стоитъ между скобками, значитъ другое его начертаніе предпочтительно. Знакъ ударенія и двоеточіе на *е* поставлены только для показанія выговора (кромѣ извѣстныхъ случаевъ, см. стр. 727). *Ред.*

Винтъ (польск. gwint).
Високо́сный (ново-гр. βίσεκτος отъ лат. bissextus).
Виссаріо́нъ.—Виссо́нъ.
Висѣ́ть, вишу́, вися́тъ.—Ви́сѣлица.
Вита́ть—зн. жить; оттуда *об(в)итать*. Въ современномъ языкѣ по недоразумѣнію неправильно употребляется въ смыслѣ „носиться“ (planer).
Витія (или вѣтія, отъ корня *вѣт*).
Ви́тязь (сканд. viking. Ср: лит. witis, побѣдитель. *Изв.* I, л. 8, 113).
*__Вихрь, ви́хорь,__—хря.
*__Вихо́ръ,__—хра́.
Виѳа́нія.—*Виѳе́зда.
*__Виѳи́нія.__
*__Виѳлее́мъ.__
Вко́паный 694 (въ „Р. Правоп.“ Указ. **вко́панный**).
*__Вкра́дчивый.__
Вкось, **Вкра́тцѣ**, **Вкривь** 782.
Вкругъ.
Влади́міръ. *[**Влади́міръ**]. Такъ какъ составъ этого имени сомнителенъ, то во второй части его можно держаться общаго правила, что передъ согласной пишется *и* осмеричное.
Влѣво, влѣвѣ 782.
Вмигъ 781.
Вмѣсто.—Вмѣстѣ 780.
Внаймы́.
Внача́лѣ; но съ опредѣлит. *въ началѣ*, напр. *вѣка, года.*
Внеза́пно. Первонач. форма *внезапу*. *Запу* (ц.-сл. заапѫ) винит. пад. отъ *запа, запъ* = ожиданіе, подозрѣніе. Оттуда гл. *заапѣти*, подозрѣвать, сомнѣваться, медлить. Слѣдов. *внезапно* собственно зн. неожиданно.
Внизу́. Внизъ 780.
Вновь, вно́вѣ 781.
Вну́тренній.—Вну́тренно 781.
Внутри́, внутрь. „Вовнутрь“, съ удвоеннымъ предлогомъ *въ*, есть реченіе ошибочное.
Внѣ (др.-сл. вънѣ, друг. форма вънъ, вън︠оу︡ = вонъ). Скр. winâ, др.-прусс. winna (Pott. Etymol. Forsch. т. I, стр. 472, 718. Ср. Словарь Миклошича подъ словомъ вънъ).
Внѣшній.
Во́-время.—Во́все.
Во-вторы́хъ.
Вовѣкъ. Вовѣки 780.
Водоле́й, р. п. *водолея.*
Водоосвяще́ніе (сокр. *водосвященіе*).
Во́дополь (ср. *полый*).
Во́дорасль (въ „Р. Правоп.“ **водоросль**). Впрочемъ здѣсь *а* принадлежитъ болѣе ц.-сл. формѣ (*о́трасль*); ср. русск. *по́росль* 714.
Водяно́й.
Воево́да.
Воеди́но.
Военача́льникъ.
*__Вожа́тай,__—ая и **Вожа́тый,**—аго.
Вожделѣ́ніе (вм. возжелѣніе) 692.
*__Вожжа́__ (по „Р. Правоп.“). См. **Возжа́.**
Воз, слитный предлогъ.
Возгора́ть (древ. възгарати) 714.
*__Воздѣ́ть, воздѣ́нутъ. — Воздѣва́ть,__ — а́ютъ.
Возжа́, множ. **во́зжи**, род. **возже́й** (отъ корня *вез, воз*) 692, но по „Р. Прав.“ **вожжа.**
Возжённый (ё=о) 693.
Воззрѣ́ніе.
Во́злѣ (=възъдлѣ. Миклош. Ср. подлѣ, подолѣ, поздолѣ).
Возме́здіе.
Возмести́ть; возмеща́ть. Въ акад. словарѣ это слово совсѣмъ пропущено, но тамъ есть ц.-сл. *възмьстити*, ulcisci, и *возместіе* (въ томъ же значеніи какъ возмездіе), изъ чего слѣдуетъ, что надо писать: *возместить, возмещать* (какъ *вымещать*), а не „возмѣстить, возмѣщать“, какъ пишетъ Даль въ своемъ Толковомъ словарѣ.
Вознамѣ́риться.
Возраста́ть. — Возрасти́ть. — Возраща́ть.—Во́зрастъ 713. 714.
Возрожда́ть.
*__Возста́ть, возста́нутъ.__
Возсѣ́сть, возся́дутъ.
Во́зчикъ.
Возымѣ́ть 743.
Возьму́тъ. См. **Взять.**
*__Во избѣжа́ніе.__
*__Воистину.__
Войти́, войду́тъ.
Вокза́лъ. — У насъ такъ называютъ вообще зданіе путевого двора (чеш. nádraží). Но собственно англ. Vaux-hall — названіе первоначально деревни близъ Лондона, впослѣдствіи сада въ этомъ городѣ. По другому мнѣнію, названіе лондонскаго общественнаго учрежденія произошло отъ имени содержателя его Devaux [1]).
Вокру́гъ 681.
Во́кша (рѣка въ Финл.).
*__Во́лей-нево́лей.__
*__Волхвъ.__
Волше́бный (отъ волхвъ).
Вонъ. См. **внѣ.**
Вообще́ (*обще* здѣсь вин. падежъ средн. рода, какъ въ нар. вовсе, впервые).
*__Воо́чію; во́чію.__
Во-пе́рвыхъ 782 и д.

[1]) У насъ слово вокзалъ едва ли не въ первый разъ встрѣчается въ слѣдующемъ объявленіи, напечатанномъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1777 г., № 53: „Сего іюля 9-го откроется на Каменномъ Острову къ новой галлерѣ *фоксалъ*“.

Вче́тверо.—Вчетверо́мъ.
Вчу́жѣ.
Въ бродъ.—Въ виду́.—Въ ви́дѣ.—Въ ро́дѣ.
Въ продолже́ніе, въ тече́ніе 781.
Въявь (отъ неупотреб. сущ. *явь*).
Въя́вѣ (отъ неупотр. сущ. *явъ*, какъ наяву́).
Вы́боргъ.
***Вы́гадать.**
Вы́глядѣть. Взятое съ нѣмецкаго: er sieht aus выраженіе: „онъ выглядитъ" нелѣпо, потому что *выглядѣть* глаголъ совершеннаго вида дѣйствит. и слѣд. *выглядитъ* есть будущее время, какъ и однозначащее *высмотритъ*. Не многимъ лучше употребляемая нѣкоторыми съ недавняго времени форма: *выглядываетъ*. Такъ въ одной изъ нашихъ газетъ было напечатано: „Это единственная часть видѣнной мною австрійской арміи, которая *выглядываетъ* молодцами". Въ другой газетѣ было сказано правильно: „*выглядѣть* мыслью черту мужества въ образѣ какого-либо героя древняго эпоса или драмы". Вм. „выглядитъ" лучше говорить просто: *смо́тритъ* или *имѣетъ видъ* и т. п.
Вывора́чивать.—Выгора́живать.
Выгора́ть.
***Вы́горѣть.**
Вы́жать, вы́жмутъ.
Вы́жить, вы́живутъ.
Выздора́вливать.—Вы́здоровѣть.
Выздоровле́ніе.
Вы́играть.—Вы́игрышъ.
Вы́йти (вытти), **вы́йдутъ; выдь** 697.
Вы́местить, вымеща́ть (отъ мстить).
***Вымога́ть.**
Вы́мпелъ (нѣм Wimpel).
Вы́мыс(е)лъ.
***Вы́пуклый.**
Выраба́тывать.
Выраста́ть. Вы́расти. Прош. **вы́росъ, вы́росла.** Прич. **вы́росшій.—Вы́растить. Выраща́ть.**
Вырезу́бъ.
Вы́родиться, вы́родятся.
Вырожа́ться; вырожда́ться.
Вы́скочка.
(Высоко́сный). См. **Високо́сный.**
Вы́спренній (отъ нар. высипрь; ср. др.-сл. въсперіе, восперіе=полетъ, также: испрь, въиспрь,=вверхъ). Одного корня съ глаг. *парить.*
Вы́сшій.
Вышеозна́ченный.
Вы́шній. См. примѣч. подъ словомъ *дальній.*
Вью́га (отъ гл. вить, віять).
Вьюкъ (по́льск. iuk, отъ тур. yuk).
Вьюнъ. Вьюне́цъ.
Вьюро́къ.
Вью́шка (отъ гл. вить, віять).
Вѣ́дать. — Вѣ́дѣніе. Отъ црк.-сл. *вѣдѣти.*
Вѣдь. Отглаг. частица, подобная словамъ: *чуть, пусть, почти.*
Вѣ́дьма.
Вѣеръ. Ошибочно показано въ словарѣ Рейфа происшедшимъ отъ нѣм. Fächer. Ср. чеш. vějiř (1, вѣяло; 2, вѣеръ); ниж.-луж. wějer (вѣяло).
Вѣ́жа.
Вѣ́жда (отъ корня вѣд=вид. По Добровскому, отъ небывалаго гл. „вѣжду вм. вѣю" Institut. 279).
Вѣ́ко (польск. wiéko, чеш. wiko). Въ бѣлорус. зн. вообще крышка: обл. крышка па дежѣ, ср. шв. ögon*lock* (глазная покрышка).
Вѣкъ. (Серб. вијек, польск. wiek; чеш. wěk).
(Вѣкша). См. **Векша**, хотя первое согласнѣе съ древнимъ правописаніемъ.
Вѣ́на (чеш. Viden).
Вѣне́цъ.—Вѣно́къ.—Вѣнчикъ.
Вѣ́никъ. Литов. wanotí, хлестать вѣникомъ. Отсюда wanta или anta, вѣникъ (*Изв.* I, л. 8 113).
Вѣ́но (ц.-сл. вѣнити=продаватъ).
Вѣнцено́сецъ 733.
Вѣ́ра. — Вѣ́рить, вѣрятъ. — **Вѣ́рющее письмо́** 717.
Вѣ́сить, вѣ́шу, вѣ́сятъ.—Вѣ́скій.
Вѣ́сть, Богъ вѣ́сть; не́ вѣсть; вѣстовщи́къ 708.
Вѣтвь (отъ вить?). Др.-сл. вѣи.
Вѣ́теръ, вѣтръ.
Вѣ́треникъ 696.
Вѣ́треность. См. **Вѣ́треный.**
Вѣ́треный. (причастіе прилаг. отъ малоупотр. гл. *вѣтрить*). Подверженный дѣйствію вѣтра, имѣющій къ нему отношеніе. На дворѣ вѣтрено. Вѣтреная рыба, вѣтреное мясо. Вѣтреный человѣкъ. (Можетъ употребляться и и въ краткой формѣ: Здѣсь вѣтрено; онъ очень вѣтренъ) 695.
Вѣ́тряный. Состоящій изъ вѣтра, дѣйствующій посредствомъ вѣтра. Вѣтряная мельница, труба. Вѣтряный мѣхъ. Прил. *вѣтряный*, какъ вещественное, не можетъ употребляться въ краткой формѣ. Нельзя сказать: мѣхъ вѣтрянъ (такъ же какъ и: серебрянъ, золотъ). Примѣры на *вѣтреный* и *вѣтряный* въ Толк. словарѣ Даля приведены невѣрно.
Вѣха́, множ. **вѣ́хи** (польск. wiecha, чеш. wicha. Ср. нѣм. Bake, англ. beacon).
Вѣ́че (отъ корня *вѣт*).
Вѣ́чный.
Вѣ́шать, вѣ́шаютъ.
Вѣща́ть (кор. *вѣт*).—**Вѣ́щій.**
Вѣ́ять, вѣ́ютъ.
[**Вядчина́**] ***Ветчина́.** Присутствіе тутъ корня *вяд* доказывается соотвѣтствующими словами въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ и особенно въ польскомъ, гдѣ мы находимъ глаголъ wędzić, который именно значитъ „коптить мясо,

сушить, вѣшать въ дыму", и существительныя: wędzina, копченое мясо; wędziarz, коптильщикъ; wędziarnia, коптильня. Другой корень wię̨d, еще болѣе соотвѣтствующій нашему *вяд*, далъ въ польскомъ языкѣ, между прочимъ, слѣдующія реченія: więdłe mięso, więdlina (вяленое, копченое мясо). Встрѣчающаяся въ *Домостроѣ* форма „ветшина" наводила на мысль, не происходитъ ли разсматриваемое слово отъ прилаг. *ветхій* и нельзя ли предположить, что названіе „ветшина" образовалось въ противоположность *свѣжинѣ*? Но, во-1-хъ, понятіе ветхости не имѣетъ ничего общаго съ понятіемъ о копченомъ или вяленомъ мясѣ, а во-2-хъ, *свѣжина* означаетъ просто несоленое мясо и понятіе свѣжести въ смыслѣ недавности чуждо этому названію [1]).

Вяза́ть, вя́жешь, вя́жутъ 715.

(Вязи́га) ***Визига** (см. „Р. Правоп.").

Вя́зчикъ 709.

Вящшій 716.

Г.

Гавріи́лъ. Народн. **Гаври́ла** 753.

***Га́еръ.**

Га́даный 694.

Галлере́я (фр. galerie; ит. galleria; нѣм. Gallerie. Происхожденіе сомнительно).

***Галичій**, прил. отъ неупотр. галица.

(Гало́ша) См. **Кало́ша.**

Га́лстукъ (нѣм: Halstuch). **Га́лстучекъ.** Буква *ч* въ уменьш. формѣ слова указываетъ на невѣрность начертанія „галстухъ".

Галу́нъ (фр. galon, ит. gallone, отъ роман. gala, gale, пышность, убранство).

Га́мбургъ.

***Гармо́ника.**

***Гарцова́ть.**

***Га́тчина.**

***Гауптва́хта.**

Гдѣ (др.-сл. къде, кде, кьдѣ) 703, 738.

Гее́нна (евр., адъ).

[**Гекза́метръ**]. ***Экза́метръ** (употребительнѣе, см. „Р. Правопис."), греч. ἑξάμετρον.

Гельсингфо́рсъ (шв. Helsing и fors = водопадъ). **Гельсингфо́рсскій.**

(Генва́рь) См. **Янва́рь.**

Генера́лъ-майо́ръ.

Геніа́льный 764.—***Ге́нрихъ.**

Ге́нуя (городъ) 766.

Геро́й.

***Геѳсиманскій.**

***Гжатскъ.**

Гигіэ́на 766.

Гиліоти́на, гильоти́на. (Фр. guillotine, по имени изобрѣтателя).

Гимна́зія (γυμνάσιον отъ γυμνός, нагой.

***Гирля́нда.**

Гіэ́на (звѣръ, ὕαινα).

Глафи́ра.

***Глике́рія** (нар. Луке́рья).

***Глода́ть, гло́жутъ.**

Глухонѣмо́й. — Глѣбъ, *Глѣнь (сокъ, жидкость).

Гля́нецъ (нѣм. Glanz). ***Глянцови́тый.**

Гнать, гоню́, го́нятъ. Въ ц.-сл. наст. *жену́, жене́шь.* Оттуда въ современномъ языкѣ часто встрѣчающееся недоразумѣніе: „изженить, отженить", вм. *изгнать, отогнать.* Эта ошибка попадается даже у писателей, напр. у Мельникова: „Кто отженитъ отъ нихъ омраченіе помысловъ?" (*Въ Лѣсахъ* II, 220).

Гнести́ (-сть), **гнету́тъ.—Гнётъ.**

***Гнить, гнію́, гнію́тъ.**

Гнѣвъ.—Гнѣви́ть.—Гнѣваться.

Гнѣдо́й.—Гнѣдко́.

Гнѣздо́. Мн. **гнѣзда** (произн. „гнёзда").

Гнѣти́ть (ср. швед. gnista, исл. gneista, искра). Зажигать, разводить огонь.

Гобеле́невы обо́и.

Гобо́й.

***Голго́ѳа.**

***Головня́.**

***Голове́шка.**

Голшти́нія (стар.). — **Гольште́йнъ-Готто́рпъ.**

Голла́ндія. Голла́ндецъ.

Гомози́ться (Корень виденъ изъ чеш. сущ. hmyz, насѣкомое. Ср. серб. гмизати, гмизати; чеш. hemžiti, ползать. Добров. Грам. 232).

Гора́. Въ го́ру.

Гора́цій.

Го́рдій (народн. *Гордей*).

***Го́рленка.**

Го́рничная.—*Го́ренка.

***Го́рній.**

***Горноста́й.**

Горшо́къ. Уменьш. отъ *горнъ*, какъ *гребешокъ, корешокъ* и проч. отъ *гребень, корень.*

***Го́рше,** ц.-сл.=хуже. ***Горча́йшій.**

***Горѣлка.**

***Горя́чечный.**

Го́рькій; ср. ст. **Го́рче** и **горчѣе.**

Горѣ (нарѣч.): верхъ, вверху.

Госпита́ль. Народн. „го́шпиталь".

Гости́ница (произн. и часто пишутъ: гостинница) 696.

***Гости́ный.—Гости́ная.**

Госуда́рь, су́дарь. „Въ каждомъ языкѣ есть слова, которыя разрушаются особенно быстро. Такъ, въ теченіе мно-

[1]) Въ Указателѣ къ „Р. Правописанію", авторъ заключаетъ свое толкованіе происхожденія слова замѣчаніемъ: „Не смотря на то, давняя привычка къ написанію *ветчина* заставляетъ до времени отказаться отъ строго-этимологической формы". *Ред.*

гихъ столѣтій изъ слова *господарь* постепенно выходило *государь*, *осударь*, *сударь*, *су* и осталось наконецъ одно *с* (да-съ, нѣтъ-съ)". Потебня. *Два изслѣд. о зв. р. яз.* Воронежъ. 1866. Стр. 20 и 21.
*Го́ты.
Гофме́йстеръ.
Гофъ-интенда́нтъ.
Гравирова́ть. Гравю́ра.
Грамма́тика.
Гра́мота (издавна обрусѣвшее слово, почему и нѣтъ основанія писать „грамата" или „граммата" совершенно согласно съ греч. γράμματα = буквы) 713. 761.
Грамотѣ́й (гр. γραμματεύς) 738.
Гранёный.
Грани́ца. За границу, за границей. Нѣтъ причины писать эти реченія слитно. Но употребляемое нѣкоторыми существит. „заграница" невозможно: къ предлогу, требующему винит. или творительнаго падежа, нельзя же приставить именительный.
***Гре́бень, Гребенщи́къ, Гребешо́къ.**
Грёза.—Гре́зиться, гре́зятся.
***Грекъ, греча́нка.—Гренаде́ръ.**
Гренóкъ (отъ корня *гр* въ глаг. *грѣть*, *горѣть*).
Гре́сти, гребу́тъ. Старинная и народная форма „гребсти" менѣе правильна, ибо *с* передъ *т* могло явиться только взамѣнъ *б*.
Гре́ча, гречи́ха (т. е. греческое зерно. И на другихъ языкахъ это зерно называютъ по имени народовъ или страны, гдѣ его родина: у французовъ sarrazin—сарачинское, что́ у насъ названіе риса. У поляковъ и чеховъ поганка, poganka, pohanka, по имени поганыхъ, т. е. восточныхъ язычниковъ; у поляковъ, кромѣ того, tatarka, hreczka) 739.
Гре́чневый (произн. гре́шневый).
Грибъ. У чеховъ такъ называется только шампиніонъ; нашъ грибъ у нихъ—houba. Такъ по большей части и у малороссіянъ: губа 745.
***Грипъ** (болѣзнь).
Гри́день. Сканд. hird, hird-madr, тѣлохранитель. (Ср. *Зап. Акад. Наукъ*, т. II, кн. 238).
Гро́дненскій 722.
***Гро́дно.**
Гро́мадный (не „огромадный"),
***Громозди́ть. Гро́моздскій.**
***Грубіянъ**, нѣм. Grobian.
Грумъ (анг. groom).
Гру́ппа.—Группирова́ть 763.
Грызть, грызу́тъ.
Грѣхъ. Грѣшный.
***Гряда́.**
Гуверна́нтка. *Гувернёръ.
***Гуди́ть, гудя́тъ.**
Гужъ (ц.-сл. жже, веревка, цѣпь; начальное *г* въ русскомъ словѣ есть призвукъ).
Гульли́вый (по „Р. Правоп." гулливый).
Гуса́ръ.
Гу́сеница (ц.-сл. жсѣница).
***Густи́, гуду́тъ.**
***Густо́й,** гу́ще.
***Гу́тта-пе́рча.**

Д.

Да́веча, **Да́вешній**, **Да́вній, давни́шній.** Отъ малоупотр. *давя*. Ср. хорут. dave, davi, въ томъ же значеніи; ц.-сл. *давѣ*, нѣкогда, и *давьнъ*, древній.
Давны́мъ-давно́.
Дави́дъ. Нар. **Давы́дъ** 745.
***Да́жь-богъ.**
***Дале́че,** Да́лѣе, Да́лѣ.
Да́льній (не „дальный", какъ встарину писали). Одно изъ не очень многочисленныхъ прилаг. на *ній*, которыя почти всегда означаютъ отношеніе ко времени, мѣсту или мѣрѣ: утренній, вечерній, ранній, поздній; зимній, весенній (вешній), лѣтній, осенній; нынѣшній, теперешній, прежній, прошлогодній; давній, древній, всегдашній, завтрашній; передній, средній, крайній, задній, послѣдній; тамошній, здѣшній; верхній, нижній; вышній, горній-исподній, сосѣдній, ближній, домашній; лишній; также: сыновній, дочерній, замужняя. Сюда же относится *искренній* отъ ц.-сл. *искрь* (близъ). Встарину неправильно писали: „искренный". Эта неправильность до сихъ поръ остается въ нарѣчіи: *искренно.*
Дальнови́дный. Дальнозо́ркій.
Дані́илъ. Народ. **Дани́ла** 753.
Да́нный.
***Дармоѣ́дъ.**
Да́тчанинъ (по Павскому, вм. Данчанинъ, гдѣ пропускъ *н* вознагражденъ въ выговорѣ удвоеніемъ слѣдующей буквы *ч* (*Фил. Набл.* I, § 95); а по мнѣнію г. Буслаева, произошло отъ древнѣйшаго *дак-* съ смягченіемъ *к* въ *т*, откуда и *датскій* (*Ист. Гр.* I, § 67).
Два́дцать. Два́дцать - оди́нъ. Два́дцать-пе́рвый.
***Дви́гать,** двигаю,—гаютъ, дви́жутъ.
***Дви́жимый** (отъ ц.-сл. движити).
Дво́е-, дву-, двух-: всѣ три формы употребляются въ разныхъ случаяхъ при сложеніяхъ.
Дворня́жка (отъ дворня́га).
***Двусѣменодо́льній.**
Двухсо́тый.—Двухты́сячный.
Двухъэта́жный. (Вставка *ъ* здѣсь нужна, потому что при отсутствіи этого знака буква *х* передъ *э* сдѣлалась бы мягкою).
Двѣна́дцать. (*Двѣ* есть двойственное

Дребезжáть, дребезжáть. (Бѣлор. дребезгá, мелочь, одного корня *дробь*).
Дрéвле.—Дрéвній. Црк.-сл. древе; чеш. dřive (прежде).
Дремáть, дремлю, дрéмлешь, дрéмлютъ. — * **Дрессировáть.**
Дровá. Собственно особая форма множ. ч. сущ. *дерево.* Ср. серб. *дрво,* множ. ч. *дрва* (дрова) и *дрвета* (деревья).
***Дрожáть, áть.**
***Дрожь,—жи.**
Дрóжди, род. **дрождéй** 692.
Дрóжки (отъ дрогá).
***Дрýжній** (принадлежащій другу).
***Дрýжный;** дрýжно (согласно).
Дружóкъ.
Дря́гиль (нѣм. Träger) 752.
Дубрáва, дубрóва. Посл. менѣе употреб.
Дýжка (отъ *дуга*) 704.
***Дуралéй,** р. п. —лéя.
***Дýшенька.**
***Душóнка.**
***Душъ,** р. п. дýши.
Душеприкáзчикъ.
Дуэ́ль, ж. р. 770.
Дырá. (Дирá). **Дыря́вый.**
Дышáть, ды́шишь, ды́шатъ. Формы: *дышешь, дышутъ* принадлежатъ глаголу *дыхáть* 715.
Дья́волъ. (Діáволъ).
Дья́конъ. (Діáконъ).
Дьякъ, род. **дьякá.** — **Дьячóкъ** 764.
Дѣ́ва.—Дѣ́вка.—Дѣви́ца.—Дѣвчóнка.
***Дѣви́чникъ.**
Дѣдъ.
Дѣ́лать. Дѣ́ять.—Дѣвáть. Дѣть, дѣ́нуть.
Дѣли́ть.—Дѣлёжъ.
Дѣ́ти.—Дѣтёнышъ.—Дѣти́на.
***Дюжѣ́ть,** дюжѣ́ютъ.
***Дя́дька. Дя́денька.**

Е.

Ева (евр. зн. жизнь, гр. Εὔα).
Евáнгеліе (εὐάγγελιον).
***Евгрáфъ.**
Евдоки́мъ. Народн. *Овдоки́мъ* 746.
Евдокія. Народн. *Овдóтья.*
Евлáмпій.
Еврéй 759.
Еврóпа.— Европéецъ. — Европéйскій 757.
***Евсéвій. Евсéй.**
Евсигнéй. Народн. *Евстигнéй.*
Евстáѳій. Народн. *Остáѳій.*
Евстрáтій. Народн. *Евстрáтъ.*
Евфи́мій (Εὔφημιος). Народн. *Ефи́мъ.*
Евфроси́нія. Народн. *Офроси́нья.*
Евхаристія.
Евѳи́мій (Εὐθύμιος). **Евѳи́мія.** Народн. *Офи́мья.*
Егерь. Множ. **егеря́.— Е́герскій.**
Еги́петъ.
***Егóвá.**
***Егозá.**
***Егóръ** (народн. отъ Геóргій).
***Ежёвый.**
Е́житься (произн. *ёжиться*). ***Ёжъ.**
Екатери́на (греч. Αἰκατερίνη, гдѣ Αἰ сокр. изъ ἁγία = святая). Зап. европейцы знаютъ только Katharine, отъ греч. καθαρός = чистый, непорочный).
***Екатери́нинскій.**
***Ёкнуть:** сердце ёкнуло.
*(Елбóтъ). **Ялбóтъ** (ср. я́ликъ).
Е́ле (ц.-сл. лѣ = полу-).
Елéй (ἔλαιον) 738. 748.
Елéна (Ἑλένη, Ἑλένα) 759. Народн. *Олёна.*
Елизавéта (*з* вмѣсто *с*), на томъ основаніи, что пишутъ *Элиза* и *Лиза.* Но по календарю и ц.-сл. *Елисавета* (греч. съ евр. Ἐλισάβετ).
Елисѣ́й 738. * **Елисéйскія поля.**
***Е́ллинъ,** см. **Эллинъ.**
Елпидифóръ.
Ель; ёлка.
***Ендовá.**
***Енóтъ** (средн. лат. geneta, фр. genette).
***Енóтовая шуба.**
[**Епанчá**]. ***Япанчá.**
Епáрхія. — Епархіáльный 764.
Епи́скопъ.
Епитимья́, —мія́ (гр. отъ ἐπὶ и τιμή — возмездіе).
***Ералáшъ, —ша.**
Ердáнь (или Іердáнь), по общему звуковому закону, а не Іордань 752.
Еремѣ́й 738.
Е́ресь (гр. αἵρεσις, отъ αἱρεῖν — брать, избирать).
***Ермолáй, Ермóлка, Ероѳéй** (собст. Іероѳéй).
***Есаýлъ.**
Е́сли. (Карамзинъ и Гречъ сперва писали *естьли*).
Е́сли бы, —бъ. Многіе пишутъ эти два слова слитно, но на это нѣтъ достаточнаго основанія, такъ какъ во всѣхъ случаяхъ, кромѣ союза *чтобы,* частица *бы* пишется отдѣльно. Поставивъ *ежели* вм. *если,* мы увидимъ, что неудобно писать слитно *ежелибы.*
***Естéственный.**
(Есеирь). См. **Эсѳирь.**
Ефéсъ (нѣм. Gefäss, отъ fassen — хватать).
Ефи́мокъ (Ефимъ вм. Іоакимъ). Поль. Ioachimik съ нѣм. Ioachimsthaler, по имени городка въ долинѣ Рудныхъ горъ въ Богеміи, гдѣ чеканились первые талеры.
Ефрéмъ (евр. **Ефрáимъ**).
Еврéйторъ (нѣм. Gefreiter).
***Ехи́дна.**
Ея́ (произн. *её*), род. пад. для отличія отъ вин. её.
***Еѳимóны** (вм. „меѳимоны“, гр. μεθ’ἡμῶν съ нами.

Ж.

З.

Запря́чь (произн. „запре́чь") прош. запря́гъ (произн. „запрёгъ").
Запѣва́ла, р. п.—лы.
Зараба́тывать.—За разъ.
***Зара́нѣе**, усѣч. зара́нѣ.
Зарасти́.— Зараста́ть.— Зарасти́ть. — Заращ́ать.—За́росль.
***Заржа́вѣть, заржа́вѣлый.**
Зарожда́ться.
***Зара́.**
***Заслу́женный.—Заслужённый.**
За́стить, за́щу, за́стятъ.
Застрѣ́ленъ (прич. гл. *застрѣлить*).
***Застрѣ́ха.**
***Застря́нуть, застря́ть, застрева́ть.**
Застѣ́нчивый.
***За́суха.**
***Застѣ́нокъ.**
Затмева́ть. Соверш. видъ *затми́ть.* Обыкновенно пишутъ „затмѣвать, затмѣніе", но это можетъ основываться развѣ только на аналогіи съ словами *сомнѣваться, сомнѣніе.* Въ этомъ послѣднемъ случаѣ нормою служитъ ц.-сл. *мнѣти*, тогда какъ отъ *затмить* страдат. прич. будетъ *затменъ* и сущ. *затменіе.* Формы же „затмѣть" предполагать нельзя. Ср. *дмить, надмева́ть; надме́нный*, (воз)*намѣриться, намѣрева́ться, намѣреніе.*
Затме́ніе 739.
Зато́, за то.
Затѣва́ть, затѣ́ять, затѣ́ютъ.
Затѣ́мъ, за тѣмъ.
Затѣ́я. Затѣ́йникъ.
***Заура́дъ.**
Заура́дный. Собственно значитъ почти то же, что исправляющій должность (урядъ—польское слово=чинъ, должность), но въ настоящее время, по недоразумѣнію, употребляется въ значеніи: обыкновенный, дюжинный).
***Заусе́ница.**
Зау́треня; къ зау́тренѣ.
Зачасту́ю.
Зачѣ́мъ, за чѣмъ.
За́яцъ (ц.-сл. заѩцъ). Произн. заецъ, уменьш. *за́йка, за́енька.* Род. зайца.
За́ячій, за́ячья,—чье.
(Збру́я). См. **Сбру́я.**
Зва́ный.
Звено́. Польск. dzvono. Ср. *позвоно́къ* (часть спинного хребта) 739.
Звенѣ́ть, звеню́, звеня́тъ.
Звѣзда́. Серб. звиjезда; чеш. hvězda, польск. gwiazda). Основное понятіе корня *зв*—яркій свѣтъ; онъ же далъ слова: *звиздать* (чеш. hvihzdati, польск. gwizdać) и *свистать*: извѣстно, что первоначально впечатлѣнія сильнаго свѣта и звука выражались одинаково. Ср. нѣм. hell, нынѣ свѣтлый, а въ древн. зн. звонкій (гл. hallen).
Звѣрёкъ [звѣро́къ],—Звѣ́рскій.
Звѣрь. Серб. звиjер; чеш. zwěř, польск. zwierz; лит. žweris. Ср. гр. θήρ, лат. fera, нѣм. Thier.
Зги Бо́жьей не вида́ть. Зга—не то ли же слово, что чеш. zaha.— утреннее небо?
Здать, зи́ждутъ. Употребляемое по недоразумѣнію неопр. наклоненіе „зиждить" (напр. въ словарѣ Даля) неправильно. Сер. *зидати*; чеш. zditi.
Здоро́ваться, здоро́ваются.
Здоро́вье. О здоровьѣ или—ьи.
***Здра́вствовать, здра́вствуй.**
Здра́вый (собств. сдравый; ц.-сл. съдравъ).
Здѣ́сь (ц.-сл. сьде) 703. 738.—**Здѣ́шній.**
Зеленно́й (прилаг. отъ *зелень*): зеленна́я лавка.
Зеленщи́къ. Зелёный. (Ср. *зелье*).
Землетрясе́ніе.
Земляно́й. Землянйка.
Зе́ркальце.
***Зерно́. Зёрнышко. Зернь.**
Зижди́тель. Отъ гл. *здать, зиждутъ.*
Зи́жду, зи́ждешь, зи́ждутъ. Зи́ждется, а ни какъ не „зиждится", форма, которую намъ случалось встрѣчать даже у лучшихъ писателей. См. **Здать.**
Зипу́нъ. Гот. sipôneis. Ср. **Жупа́нъ.**
Зія́ть; — зи́нуть. Первой, ц.-сл. формѣ соотвѣтствуетъ русск. *зѣвать.* Вторая неупотребительна безъ предлога *раз.* См. **Рази́нуть.**
Злодѣ́й.
Змѣ́й, змій. Змѣя́ 737.
Зна́меніе.
***Знаменоно́сецъ,—сца.**
***Зна́ха́рь, знаха́рка.**
Зна́чить, зна́чишь, зна́чатъ. Прич. **Зна́чащій.** Прилаг. **зна́чущій.**
Зоба́ть, зо́блешь, зо́блютъ, также **зоба́ешь.**
Зо́дчій (отъ *здать*). **Зо́дчество.**
Зо́нтикъ.
***Зрѣ́лище.**
Зрѣ́лый. Зрѣть, зрѣ́ютъ (созрѣвать).
Зрѣ́ніе. Зрѣть, зрю, зрятъ (видѣть).
***Зубръ.**
Зубри́ло (оруд.). **Зубри́ла** (лицо) 754.
Зыба́ть, зы́блю, зы́блешь, зы́блютъ. (Соверш. ошибочна форма неопред. наклоненія: „зыбить" или „зыблить, зыблиться", которая иногда встрѣчается даже у хорошихъ писателей, напр. въ стихахъ графа А. Толстого: „Уже одежда зыблилась". „Вкругъ устъ какъ будто зыблилась улыбка". Это то же, что сказать: „сыплилось, дремлилось", вм. сыпалось, дремалось).
Зѣва́ть. См. **Зія́ть.**
Зѣвъ. *Зѣво́та.
Зѣло́ (названіе буквы и нарѣчіе).
Зѣни́ца. Обыкновенно думаютъ, что первоначальная форма — „зрѣница"; но если бъ было такъ, то въ какомънибудь славян. нарѣчіи эта форма со-

[1]) *Библ. для Чт.* 1854, № 1.

какъ не можетъ привиться въ Россіи, а *между прочимъ* онъ прилагается, хотя и въ малыхъ размѣрахъ, но прилагается"... или далѣе: А *между прочимъ* вопросъ этотъ совсѣмъ не такъ труденъ" (*Отеч. Записки* 1874, № 9, стр. 171 и 179). То же встрѣчается въ этой статьѣ еще разъ (стр. 177); только въ одномъ мѣстѣ авторъ умѣлъ же сказать: „Повтореніе это не будетъ скучно для педагоговъ новой школы, а *между тѣмъ* я продолжаю думать" и проч. Слѣдовало и въ предыдущихъ фразахъ сказать: *между тѣмъ.* Такихъ небрежностей надобно избѣгать не только въ литературномъ, но и вообще въ образованномъ языкѣ.

Междомéтіе.—Междоусóбіе.

Междуцáрствіе.

***Межевáть, межýютъ.**

Мезани́нъ (не „мезонинъ", ибо происходитъ не отъ фр. maison, а отъ нт. mezzanino = промежуточный этажъ).

Мезгá (ср. **мозгъ**) 737.

(Мездрá). См. **Мяздрá.**

Мéксика 758. „Передавать звукъ *x* въ этомъ имени буквами *кс* конечно неправильно; но мы еще болѣе удалились бы отъ настоящаго туземнаго выговора, если бы, слѣдуя еще болѣе испорченному испанскому выговору, навсегда утвержденному новѣйшимъ правописаніемъ Mejico, замѣнили *кс* гортанною *x* (ch). Въ имени бога войны Mexitli и въ происшедшемъ отъ него имени города Mexico 3-я буква, по туземному выговору, есть сильный шипящій звукъ, хотя въ точности нельзя опредѣлить, въ какой степени онъ близокъ къ нашему *ш* (sch)... Чтобы не удалиться отъ туземнаго выговора, слѣдовало бы произносить имя столицы Новой Испаніи такъ, чтобы выговоръ приходился между правописаніемъ Messico и Meschiko". (В. Гумбольдтъ въ перев. Билярскаго. *О различіи организмовъ челов. языка*, стр. 157).

Мели́ть, мелю́, меля́тъ.—Мельчáть.

Мéлкій.—Мéлочь.

Мелю́, мéлешь, мéлютъ (гл. *молóть*).

Мелюзгá.—Мель, мелѣть.

Мелькáть.—Мéлькомъ.

Мéльникъ.—Мéльничиха.

Мéльница.

Мéмель (городъ).

***Менуэ́тъ** (фр.).

Мéньше—Мéньшій; меньшóй.

Меньшинствó.

Мéнѣе, мéнѣ. Въ др.-сл. *мене* 738.

Мерёжа, мрéжа.

***Мерéщиться.**

Мертвéцъ.—Мертвечи́на.

***Мести́, метý,—ýтъ.**

Месть.

Метáллъ 762.

Метáть, мéчешь, мéчутъ и **мéщешь, мéщутъ;** также **метáю.**

Метéль (отъ *мести*) и **Мятéль** (отъ *мясти*).

Метлá, род. п. множ. **мётелъ** и **мётлъ.**

Метропóлія.

Метóда.—Мéтодъ.

Меѳóдій.

Мзда (ср. *мстить* и гр. μισθός = возмездіе).

Мизéрный.

Мизи́нецъ (въ цсл. = младшій сынъ; стар. *мизинный*; бѣлор. **Мезеный** = меньшой).

Миллiáрдъ.

Миллióнъ 765.

Милосéрдый и **Милосéрдный.**

Ми́лостыня.

Миніатю́ра.

Минéя чéтія. См. **Чéтій.**

***Миновáть.**

Минóга 751.

Мирвóлить.

Ми́ро (прежде мѵро). — **Ми́ропомáзаніе. Миротóчивый.**

Мировóй.

Миръ. Этимологически, конечно, *миръ* и *міръ* одно и то же слово; установленное между ними на письмѣ различіе, хотя и не оправдываемое филологіею, имѣетъ практическое значеніе. Такія двоякія начертанія, съ цѣлію отличить употребленіе слова въ томъ или другомъ смыслѣ, приняты во всѣхъ языкахъ. Противъ этого обычая приводятъ живую рѣчь, гдѣ словá различнаго знаменованія произносятся одинаково. Надо однакожъ замѣтить, что, когда можно, то и въ живой рѣчи отмѣчаются такія различія, напр. говорятъ: *сѣмянъ* вм. *сѣменъ*, или *хлѣбá, цвѣтá* рядомъ съ *хлѣбы, цвѣты.*

Ми́ссія.—Миссіонéръ 762.

Ми́стика (μυστική).

Миткáль (перс. mitakâli).

Митрополи́тъ. Митропóлія.

Митрофáнъ.

Мировóй.—Міровóй.

Михаи́лъ. Народн. *Михайла.*

Михéй.

Ми́чманъ (англ. midschipman).

Мишéнь (перс. nischân).

Миѳъ. — Миѳолóгія.

Міръ.—Міровóй. Мірскóй. Міря́нинъ.

Млекó.—Молоко. *Млéчный.

Млѣть, млѣютъ.

Мнѣніе (отъ ц.-сл. *мьнѣти*).

Могоры́чъ.

Модéль.

Мóжетъ-быть; мóжетъ-стáться.

Можжевéльникъ (вм. меже-ельникъ, т. е. растущій между ельникомъ или похожій на ельникъ).

Мозгъ.—Мозжечóкъ.

Мозóль.

Н.

Нотебу́ргъ (шв. Nöteborg).
Ноя́брьскій 745.
Нынче. (ь послѣ *н* излишне, ибо *н* передъ *ч* и такъ произносится мягко, напр. кончикъ, вѣнчикъ).
Ны́нѣ. — Ны́нѣшній.
Нѣ (частица, употребл. только слитно съ мѣстоименіями и нарѣчіями для означенія неопредѣленности).
Нѣга. — Нѣжный. — Нѣжинъ.
Нѣдро (отъ ядро́ съ призвукомъ *н*).
Нѣкій, нѣкоего, нѣкоимъ, о нѣкоемъ.
Нѣкогда. — Нѣкоторый.
Нѣманъ (рѣка).
Нѣмецъ; нѣме́цкій, нѣме́чина.
Нѣмо́й.
Нѣсколько. Употр. и въ дат. падежѣ съ предлогомъ по: *по нѣскольку* — (числит. мѣстоименіе). Ср. **помаленьку, понемногу.**
Нѣтъ.
Нѣчто. — Нѣщечко.
Ня́ньчить (отъ *нянька*: *к* въ *ч*).

О.

***Оба, обѣ.**
***Оба́яніе. — *Обветша́ть.**
Обгора́ть. — Обгорѣть, обгорѣлый.
***Обезопа́сить, обезопа́сенный.**
***Обезпа́мятѣть.**
Обезпоко́ивать.
***Обезсме́ртить,** — ертю.
Обезья́на (др. сл. опица, лит. bezdona).
***Обе́ртка, обе́рточный.**
Оберъ-гофма́ршалъ, оберъ-офице́ръ.
Обжа́ловать, обжа́луютъ 717.
Обжа́лывать, обжа́лываютъ 717.
Обжо́га.
Обжо́ра.
Оби́дѣть, оби́жу, оби́дятъ 715.
Обита́ть (глаг. средн. вм. **обвитать**): *Обитать гдѣ*.
Оби́тель, ли 737.
***Облачко́,** и́, о́въ.
Облегча́ть.
Облокоти́ться, Облока́чиваться.
Обма́кивать.
Обмакну́ть. См. **Мака́ть.**
Обма́нывать.
***Обмелѣть.**
***Обмо́кнуть.**
Обнаро́довать, обнаро́дуютъ 717.
Обнаро́дывать, обнаро́дываютъ 717.
Обнима́ть.
Обозрѣва́ть. — Обозрѣніе.
Обозна́ться (ошибиться).
Обойти́, обойду́тъ, обошёлъ.
***Обою́дный. *Обою́ду о́стрый.**
Обраба́тывать, обрабо́тывать 711.
Образо́вать, образу́ютъ.
Образо́вывать, образо́вываютъ 717.
Обра́зчикъ 710.
Обраста́ть. Обрасти́.
***Обрека́ть,** ечённый.
Обрусе́ніе (отъ *обрусить*).
Обрусѣніе (отъ *обрусѣть*).
Обрѣта́ть; — обрѣсти́, обрѣту́тъ.
***Обсѣка́ть. — *Обсѣмени́ть.**
Обсчита́ть. Обче́сть, обочту́тъ.
(Обтъ. Обто́вый). **Оптъ, опто́вый.** См. „Р. Правоп." — **Общество.**
Обувь. — Обу́ть, обу́ютъ.
***Обу́гливать.**
***Обурева́ть, ва́ютъ.**
Обу́хъ.
Обуча́ть; обучи́ть, обу́чатъ.
Обуя́ть, обуя́ютъ.
Обшла́гъ (нѣм. Aufschlag).
***Общеполе́зный.**
***Объе́ктъ.**
***Объёмъ.**
Объе́млю, объе́млешь, объе́млютъ (а не „объемлятъ").
Объѣздъ. Объѣздчикъ 710.
***Объяде́ніе.**
Обыгра́ть.
Обыдённый и Обы́денный (вм. объ-ин-денный, гдѣ ин = одинъ, какъ въ словѣ инокъ вм. одинокъ). Зн. однодневный. Смѣшивается съ прилаг. *обиходный*, при чемъ представляютъ себѣ производство отъ корня *ид*. Между тѣмъ ошибочное употребленіе слова *обыденный*, на которое не разъ указывалъ еще Даль, встрѣчается часто, даже у хорошихъ писателей, и эта несообразность грозитъ укорениться. Вотъ примѣръ изъ сочиненій князя Вяземскаго (VII, 141): Въ частномъ, обыденномъ проявленіи".
Обыкнове́нный.
Обыскъ.
О́бьярь, Обьяри́нный (тур. abdár = волнистый).
Обѣдъ. — Обѣдня; дат. п. **къ обѣднѣ** 723.
Обѣтъ; обѣща́ніе.
Обя́занъ кому чѣмъ. Объ этомъ не стоило бы напоминать, еслибъ не только въ газетахъ, но и въ ученыхъ сочиненіяхъ не встрѣчались случаи обратнаго употребленія обоихъ падежей. Такъ въ 1880 г. мы прочли въ одной передовой статьѣ: „помнить, *чѣмъ* они обязаны *наступленію* настоящаго праздника" вм. *чему* обязаны *наступленіемъ*.
Овдоки́мъ [**Авдоки́мъ**]. См. **Евдоки́мъ.**
Овдо́тья [**Авдо́тья**] (отъ **Евдокія**, по общему фонетич. закону р. языка, какъ напр. Овдокимъ, озеро, олень, осень вм. Евдокимъ, езеро, елень, есень) 751. Измѣненіе *т* въ *к* 708.
***О́вощъ. — Овощно́й.**
Овра́гъ. (гот. aurahi, греч. ὀρυχτή. Diefenb. I, 62).
Огло́бля 748.
Огнеды́шущій 717.
Оде́жда (народн. **Одёжа**). — ***Оде́сса.**
Одина́кій — Одина́ковый.
***Оди́нъ,** ного́.

Въ *Россіядѣ* Хераскова:

Слезъ капли отеревъ, взглянулъ на мечъ, на войско (въ концѣ 2-й пѣсни).

Отко́лѣ. Отку́да.
Открове́нный.
***Отмежева́ть, — жу́ютъ.**
***О́тмель, о́тмели.**
***Отме́стка.**
Отмока́ть; отмо́кнуть.
Отнѣкиваться.
Отню́дь (собств. „отнюдъ“ вм. др. сл. отнюду).
Отойти́, Отойду́тъ. *Отомщева́ть.
Отрасль 713.
Отрасти́. — Отраста́ть. — Отрасти́ть. — Отраща́ть.
***Отре́бье.**
***Отрека́ться. — Отре́чься. — Отрече́ніе.**
***Отре́пье** (негодные остатки отъ трепанія льна, пеньки и т. п.).
О́троду.
О́трокъ. — Отрокови́ца.
Отсе́лѣ. — Отсю́да.
Отта́ивать; отта́ять, отта́ютъ 718.
Оттого́, отъ того́ 779.
Отто́лѣ.
Оттома́нская По́рта.
Отту́да. — Отту́жинать.
Отучи́ть.
Отцо́вскій.
Отча́иваться; отча́яться, отча́ются 718.
Отча́сти.
Отча́янный.
Отчего́, отъ чего́.
О́тчество.
Отчётливый.—О́тчимъ и **Во́тчимъ.**
Отъѣзжа́ть, отъѣ́хать, отъѣ́дутъ.
***Отъэкзаменова́ть.**
Отыгра́ть.
Отыска́ть, отыщутъ.
***Офе́ни.**
Офице́ръ. — Офиціа́льный 761, 764.
Офроси́нья. См. **Евфроси́нья.**
***Оха́пка** (отъ гл. ха́пать).
***О́хабень.**
Охмелѣ́ть. *Охо́чій, охо́чъ.
О́хрипнуть. Прош. **Охри́пъ** 745.
О́хтянка (крестьянка изъ Охты).
Оцѣпенѣ́ть. — Оцѣпенѣ́лый. — Оцѣпенѣ́ніе.
***Очеви́децъ,—дца.**
О́чень.
Очну́ться (вм. *очунуться* или, собств., *очутнуться*, какъ *глонуть* изъ *глотнуть*). См. **Очути́ться.**
Очути́ться, очутю́сь, очу́тятся. Корень *чу*, какъ и въ словѣ *чувство*. Ср. ощути́ть.
Ошеломи́ть.
Ощути́ть, —ща́ть. Др.-слав. *щ* вм. русскаго *ч:* ср. *очутиться.*

П

Павиліо́нъ, павильо́нъ 765. **Павіа́нъ.**
Па́дуя 766.
Па́дчерица (па-дчер. . .).
Пала́та. — Пала́тка. — Пола́ти.
Пала́чъ.
Пала́шъ (нѣм. Pallasch).
Палиса́дникъ (фр. palissade, отъ лат. palus, свая).
***Палліати́въ** (фр.).
Па́лтусъ (лит. platessa).
Па́луба (лит. lubá = деревянный потолокъ).
Пальто́ (фр. paletot).
Памфи́лъ.
Панеги́рикъ.
Пане́ль (др.-фр. panel, нынѣ panneau).
Панибра́тъ (польск. pan brat).
Паникади́ло (нов. гр. πολυκάντιλο). **Панихи́да** (греч. παννυχίς = всенощная).
***Панора́ма.**
Пансіо́нъ (воспитательное заведеніе).
Панталы́къ (происхожденіе неизвѣстно): сбиться съ панталыку.
Пантеле́ймонъ. Пантеле́й, народн.
Пантоми́ма (гр. πᾶν, все; μιμέομαι, подражаю) = всеподражаніе.
Па́пенька.
Папиліо́тка, папильо́тка 765.
***Па́перть,—ти.**
Па́поротникъ.
***Парализова́ть.**
***Парали́чъ.**
Паралле́ль,—ли. Параллелепи́педъ.
Параско́вья (собств. **Параске́ва**).
Параффи́нъ (фр. paraffine, отъ лат. parum = мало, и affinis = сродный, по сопротивленію этого вещества химическому дѣйствію).
Паремія [перемья́] (гр. παροιμία, отъ παρά = при и οἶμος = ходъ).
Пари́жъ.
Парна́ссъ.
[Паро́мъ] Поро́мъ (гр. πέραμα, др.-слав. прамъ, чеш. prum).
Парохо́дъ.
Парте́ръ.
Па́ртійный. Недавно появившееся въ печати слово, но образованное не согласно съ русской фонетикой. Изъ словъ: *линейный, армейскій, библейскій* и пр. (отъ линія, армія, библія) видно, что слѣдовало бы по крайней мѣрѣ дать новому слову форму: *партейный.* О двугласномъ *ій* 493.
Партне́ръ, а не „партнёръ“ (англ. partner).
Па́русъ (греч. φᾶρος, полотнище какой-либо матеріи).
***Парши́вый.**
Пареéній (народн. *Пареéнъ*).
***Пареяне.**
***Пасова́ть;** пасу́ютъ.

Плѣнъ (поло́нъ).
Плѣсень. — Плѣснѣть; плѣсневѣть.
Плѣшь, — ши.
Плюсна́.
Плясать, пля́шутъ.
По, предлогъ. Употреб. его съ дат. личнаго мѣстоим. 3-го л. м. р. „по нему" противно духу языка: надо говорить: *по немъ.* Ошибочно также употреблять этотъ предлогъ въ дательн. пад. вм. предложнаго въ такихъ случаяхъ, какъ напр. *тосковать по сынѣ, поминки по отцѣ* (ошибочно было бы: „по сыну, по отцу").
Побасёнка.
***Побли́же. — Побли́зости.**
***Побо́льше.**
Побора́ть. — Поборо́ть, побо́рютъ.
***По-бра́тски.**
Побѣди́ть, побѣжду́, побѣдя́тъ.
Повзво́дно.
***Пове́рхъ.**
Повелѣва́ть. — Повелѣніе.
***Повива́ть** (отъ г. вить).
Пови́димому 781.
***Повили́ка.**
***Повѣва́ть** (отъ г. вѣять)
По́вѣсть. — Повѣстка.
Пога́ный (ср. латыш. gânît=осквернять, чеш. hana — хула).
Поглоти́ть, погло́тятъ; поглоща́ть.
Пого́ловно.
Пого́нчикъ (польск. pogoń изъ ogon, хвостъ).
Пого́нщикъ.
Погора́ть. — Погорѣть.
Погрести́ (неправ. погребсти́). См. **Грести́.**
По́двигъ (по-двигъ). — **Подвижно́й** (подвижной).
Подво́зчикъ.
Подвѣне́чный.
Подгнѣ́та (произн. „подгнёта"). См. **Гнѣти́ть,** которое не должно быть смѣшиваемо съ производными отъ корня *гнет.*
По́дданный.
Поддёвка (ср. одёжа).
Поддо́нокъ.
Поддьяконъ.
Подёнщикъ.
Подешевѣть.
Подже́чь, подожгу́тъ.— Поджо́гъ.
Подземе́лье.
Подкола́чивать.
По́длинный.—По́длѣ (по-длѣ). Ср. древнія формы: *подлъгъ, подолгъ, подъль* и даже *подоль* (Вост. и Миклош.). Отсюда *по-длинный.*
***По́дличать,** отъ прил. по́длый.
Подмастерье.
Подного́тная. Выраженіе взято, какъ думаютъ, изъ практики пытокъ. Производство отъ *наготы* не выдерживаетъ критики.
Подозрѣва́ть. — Подозрѣніе.
Подойти́, подойду́тъ.
Подо́нки, м. р. род. ц. подо́нковъ.
***Подоко́нникъ.**
Подо́шва.
Подпи́счикъ 709.
***Подраста́ть.**
***Подрѣ́зъ,—за.**
***По́дрѣзъ,—зи.**
***Подсвѣ́чникъ.**
***Подспу́дный,** но подъ спу́домъ.
Подстрека́ть.— Подстрекну́ть.
Подтяну́ть.
Подча́съ.
(**По́дчивать**). См. **По́тчевать.**
Подъёмъ.
***Подъесау́лъ.**
Подъ ря́дъ.
Подыма́ть.—Подня́ть, подни́мутъ, поды́мутъ.
Подъя́чій 690.
Поели́ку.
Пожа́луйста. По мнѣнію нѣкоторыхъ, здѣсь *ста* вм. *еста* остатокъ двойственнаго числа (Срезнев. *Мысли,* 145, и Потебня. *Изъ записокъ р. гр.* II, 128); но вѣрнѣе, что *ста*—суффиксъ сомнительнаго происхожденія.
Позади́.
Позво́лить (вм. поизволить).
Позвоно́къ.
По́здній. — По́здно. — По́здо.— По́зже (отъ *поздо*) 602. 705.
Поздоро́ваться, — ваюсь. — Поздоро́вится (употребл. только отрицательно).
Позлаща́ть. — Позолоти́ть, позоло́тятъ.
Позуме́нтъ.— Позуме́нтщикъ.
***Позѣвывать** (произн позёвывать).
Поистинѣ.
***Пойти́.**
(**Пока́лъ**). См. **Бокалъ.**
Пока́мѣстъ 744.
Поклони́ться, покло́нятся. Покло-ня́ться.
Покля́сться, покляну́тся. См. *клясть.*
Поко́ить, поко́ишь, поко́ятъ. Прич. **Поко́ящій** 716.
Поколѣніе. — Поколѣнно.
Покоря́ть.
***По кра́йней мѣрѣ.**
Поку́да.
Полага́ть. — Положи́ть, поло́жатъ.
Пола́ти,—тей.
По́лгода. — По́лдень. — Полде́сти. — *Полдю́жины.
***По-латы́ни.**
Ползти́, ползу́тъ.
[**Полицейме́йстеръ**], по „Р. Правоп". — **Полицме́йстеръ.**
*[**Поллиста**] см. **Полъ.**
Поло́гій.—По́логъ.
Поло́женный.—Положо́ный 731.
Положи́ть.
По́лозъ; мн. ч. **поло́зья.**
Поло́къ.
По́ломя (правильнѣе чѣмъ „по́лымя").

***Полоска́ть**—о́щуть.
Полоса́.
По́лость.
Полоу́мный. Первая часть этого слова заимствована отъ прилаг. *полый* — пустой, открытый. Отсюда же прилаг. *пологрудый.* Отъ прилаг. *полый* происходятъ сущ.: *полость* (грудная полость, т. е. пустота), *полынья*, также *половодье* (открытая, сплошная вода). Многіе по недоразумѣнію пишутъ „полоумный“.
По́лоцкъ 706.
По́лпиво.
Полсть.
Полтора́ (полвтора́).
Полтора́ста.
Полтретья́.
Полулёжа. *Полу* есть род. падежъ числительнаго *пол* и собственно не могло бы служить нарѣчіемъ, но выраженіе *полулежа* съ 40-хъ годовъ вошло въ литературный языкъ.
Полу́шка.
Полъ (въ значеніи половины). **Полъ-листа; полъ-арши́на; полъ-имѣнія; полъ-оборота; полъ-осьму́хи.** Но *полгода, полпути, полчаса* и нѣкот. др. имена принято писать слитно.
***Полынья́.**
***(По́лымя).** См. **По́ломя.**
По́льза.
Полѣно, мн. **полѣнья.**
Поля́рный.
Пома́да (фр. pommade).
***Помале́ньку.**
***Помело́** (отъ гл. мести́).
Поми́мо. Это — одно изъ излюбленныхъ словъ нашего времени, часто употребляемое очень неловко вм. *кромѣ.*
По́мнить (по-мнить).
По-мо́ему. Когда *моему* служитъ опредѣленіемъ существительному, то должно произноситься: *моему́* (по моему́ мнѣнію).
Помо́щникъ.
***Помпе́й.**
По́мыслъ.
Помѣстье.— Помѣщикъ 710.
Помѣха.
Помѣшанный.
Понама́рь 749. См. въ словарѣ Дюканжа παραμονάριος, подкрѣпленное многими примѣрами. По-латыни этому названію соотвѣтствуетъ mansionarius (фр. mansionaire у Литтре́), откуда произошло нѣм. Mesner, Mesmer и Mensner (ср. Schmeller, Bayer. Wb. Нов. изд. I, 1669). — Въ русск. есть еще форма „подомарь“ (Гильфердинга *Онеж. былины,* стр. 1333).

***Понапра́сну.**
Понево́лѣ, какъ нарѣчіе.
Понедѣльникъ (отъ недѣля = воскресенье).
Понемно́гу.
Понутру́.
Поны́нѣ.
***Поня́ва** (произн. „понёва“).
Поо́даль.
Поодино́чкѣ. *Поодино́чно.
Поочерёдно;—но по о́череди.
Поощря́ть.
Попа́рно.
Поперёкъ (отъ корня *прек,* и потому прежняя ореографія „поперегъ“ должна быть оставлена).
Попеременно.
Попере́чникъ.
Поплаво́къ,—вка́.
Попола́мъ.
***Пополу́дни.—Пополу́ночи.**
***Попо́на.**
Попре́жнему [1]).
Попуга́й.
***Популяризова́ть.**
По́пусту.— Попусто́му.
***Порасти́,—пораста́ть.**
Поро́гъ.
Порожда́ть.
***По́ровну.**
Поро́жній. По Павскому (Разс. I, § 128), вм. *порозный,* или *пороздный,* т. е. *праздный.* На это же намекаетъ форма *упражняться,* или *упорожняться* вм. *упраздняться.*
По́рознь.
Поро́къ.— Поро́чный.
***Поро́мъ.** [**Паромъ**].
По́росль.
Поро́ть, по́решь, по́рютъ.
Портфе́ль; род. портфели (жен. р., но правильнѣе м. р.) 770.
***Портмонэ́.**
По-ру́сски.
Пору́чикъ 708.
Порфи́рій (народн. **Перку́ръ**).
Посажёный.
По-свойски.
Посвяти́ть, посвящу́, посвятя́тъ, посвяща́ть.
Посвѣти́ть, посвѣчу́, посвѣтя́тъ.
Посему́.
Посидѣлка.
Поско́льку.
***Поско́нный.**
***Поску́дный.**
Посла́нникъ.
По́слѣ (по-слѣ отъ *слѣдъ*).
Послѣдній.— Послѣдствіе.
Послѣза́втра.
Посо́тенно.

---

[1]) На стр. 781 въ числѣ примѣровъ отдѣльнаго начертанія предлога при полныхъ прилагательныхъ помѣщено и *по прежнему,* но слитное письмо въ этомъ случаѣ сдѣлалось преобладающимъ.

Поспѣшный.
Посреди́, посреди́нѣ.—Посре́дствомъ.
Посте́ль и постеля. — [**Постила́**] **Пастила.**
Постла́ть, постелю́, посте́лютъ („постели́ть" форма совершенно ошибочная).
По́стничать.— Пости́ться. — По́стный 705.
Пострѣлъ.
Посѣва́ть 718.
Посѣти́ть, посѣщу́, посѣтя́тъ, посѣща́ть.
(Пота́пъ). См. **Пата́пій.**
Пота́тчикъ 708.
*__Потихо́ньку.__
Потёмки, р. п. — мокъ. Для бо́льшаго удостовѣренія, что это слово ж. р., служитъ образованное отъ него фамильное имя Потемкинъ (отъ потемка, — не Потемковъ, какъ было бы отъ потемо*къ*).
Потоло́къ,—лка́ (ср. хорут. tlak=полъ).
Потому́, пото́мъ.
Потому́ что; потому, что.
*__По́трохъ,—м.__ ч. потроха́, р. п. потрохо́въ.
По́тчевать, по́тчую [**по́тчивать**] Павскій, первый, далъ это начертаніе глаголу, который прежде писали то „подчивать", то „потчивать", и объяснилъ, что правильная его форма была бы *почтевать* (предложный глаголъ), но она испорчена перестановкою буквъ. И. И. Срезневскій, на основаніи множества сравненій изъ другихъ славянскихъ нарѣчій, признаетъ въ этомъ словѣ тотъ же корень, однакожъ пишетъ „потчивать" и сближаетъ вторую часть глагола съ прилагательнымъ *чтивый* [1]). Находя указаніе обоихъ филологовъ на корень *чт* въ глаголѣ *потчевать* несомнѣнно вѣрнымъ, я обращу вниманіе на странныя аномаліи, представляемыя этимъ глаголомъ: 1) При господствующей орѳографіи „потчивать" для неопредѣленнаго наклоненія, настоящее время имѣетъ однакожъ форму *потчую* [2]); 2) этотъ предложный глаголъ, заключая въ себѣ значеніе несовершеннаго вида, заставляетъ предполагать другую форму вида совершеннаго, но ея нѣтъ; 3) удареніе въ неопредѣленномъ наклоненіи падаетъ на предлогъ, чего никогда не бываетъ (если исключить предлогъ *вы* при совершенномъ видѣ). Наконецъ 4) и самое главное: это—глаголъ предложный, а между тѣмъ, для приведенія его въ совершенный видъ, къ нему присоединяются еще предлоги: *попотчевать, запотчевать, отпотчевать, употчевать*, — опять явленіе ненормальное.

Такія неправильности можно, кажется, объяснить только совершеннымъ отсутствіемъ народнаго сознанія относительно состава и натуры глагола, а это могло произойти единственно съ *заимствованнымъ* словомъ. По свидѣтельству И. И. Срезневскаго, народъ и Великой и Малой Россіи, во многихъ краяхъ, вмѣсто *потчевать* употребляетъ другой глаголъ *почтовать* = *поштовать*, и существительное *почтованье* = *поштованье*. Что жъ это значитъ? Извѣстно, что глаголы съ окончаніемъ *овать* или *евать* всего чаще составляются изъ существительныхъ, и между прочимъ изъ иностранныхъ (проба—пробовать, танецъ—танцовать и проч.). Въ польскомъ языкѣ есть сущ. poczta [3]) (произн. по́чта) съ значеніемъ: почитаніе, почетный даръ, гостинецъ (Linde: Verehrung, ein Ehrengeschenk). Удивительно ли, что изъ этого слова, въ эпоху перехода къ намъ полонизмовъ, образовался русскій глаголъ *по́чтовать* (чествовать, угощать), который, по свойству языка, могъ подвергнуться въ устахъ народа двоякому измѣненію, именно: превращенію *ч* въ *ш* (*што* вм. *что*) или перестановкѣ *ч* и *т*. Случилось, смотря по различію мѣстностей, и то и другое; но *по́тчовать* должно было, по народной фонетикѣ, непремѣнно обратиться въ *потчевать* (такъ какъ ей противно *о* безъ ударенія послѣ шипящихъ [4]). А при этой формѣ правильно должно было выработаться настоящее время *по́тчую*. Такимъ образомъ трудность въ объясненіи этого на первый взглядъ страннаго глагола исчезнетъ, какъ скоро мы перестанемъ видѣть въ немъ чисто-русскій глаголъ и призна́емъ чуждое его происхожденіе.

---

[1]) *Извѣстія Отд. русск. яз. и слов.* т. VII, вып. 3.

[2]) *Въ Словарѣ Росс. Академіи* (изд. 1) показана двоякая форма настоящаго времени: „*подчиваю*, сокращенно же *потчую*". Гречъ и за нимъ Рейфъ были того же мнѣнія; на самомъ же дѣлѣ употребительна лишь послѣдняя форма, которая одна только и означена въ 2-мъ изданіи словаря *Росс. Ак.*, также въ словарѣ Отд. русск. яз. и сл., и въ *Толк. Слов.* Даля.

[3]) Ср. сущ. uczta, пиръ, угощеніе, и глаголъ ucztować, пировать, угощать.

[4]) По той же причинѣ русскіе, вм. *шоколадъ*, произносятъ и пишутъ *шеколадъ*. См. выше

Растлѣ́ть. — Растлѣва́ть. — Растлѣ́ніе (состояніе).
***Расторо́пный.**
Растъ.
Расхорохо́риться.
Расцѣлова́ть. См. **Цѣлова́ть.**
Расче́сть; разочту́тъ. — **Расчётъ** 700.
Расшевели́ть, расшевелю́, расшеве́лятъ.
***Расще́лина.**
***Рафина́дъ.**
Ра́шкуль (нѣм. Reisskohle).
Раще́ніе (отъ гл. *расти́ть*) [**Роще́ніе**].
***Реализова́ть.**
Ребёнокъ. Многіе пытались писать *робёнокъ*, какъ умевьшит. отъ *робъ* или *рабъ* (чеш. rob—мальчикъ, гл. робить=работать), но при затемнившемся производствѣ выговоръ получилъ перевѣсъ.
***Ребро́, рёбра.**
***Реви́зскій.**
Ревѣ́ть, реву́, реву́тъ.
Редижи́ровать (а не „редакти́ровать“, форма совершенно неправильная).
*[**Ре́дька**]. **Рѣ́дька.**
Рее́стръ (срд. лат. registrum, regestrum или regestorium отъ regestum — занесенное, записанное; гл. regerere—вносить). Ошибочно писать „реэстръ“.
Рекоменда́ція. — Рекомендова́ть.
Реку́, рекъ, рещи́. См. **рѣчь.**
***Релье́фный.**
Ре́льсы (англ. rail, множ. ч. rails), желѣзные брусья, полосы). Еще до построенія желѣзныхъ дорогъ было извѣстно у насъ въ формѣ *рель* или **арели** (Обл. словарь) и значило: столбъ, перекладина, качели.
Ремесло́; реме́сленникъ.
Ремонтёръ.
Ренсково́й. Это неправильно составленное (съ окончаніями *скій* и *овой*) и по превратному значенію неудачное слово почти уже было забыто, когда въ недавнее время, къ сожалѣнію, было офиціально возстановлено и появилось на вывѣскахъ винныхъ погребовъ столицы.
***Репе́йникъ.**
Репо́ртеръ, а не „репортёръ“ (анг. reporter).
(Ресни́ца). См. **Рѣсни́ца.**
Рессо́ра.
Рети́вый (отъ сущ. реть).
[**Рето́рика**]. См. **Риторика,** по „Р.-Прав.“
Рече́ніе (отъ реку́, рещи́).
(Решётка. — Решето́). См. **Рѣшето́.**
***Речитати́въ.**
Ржано́й. Народн. *оржано́й.*
***Ржать**—ржутъ.
Римъ.
Ри́нуть 745.
Рискъ; рискова́ть.
Рисова́ть; рису́ю, рису́ютъ. Съ польск. rysować, отъ древне-нѣм. reiszen, нѣкогда употреблявшагося въ этомъ значеніи, или сущ. riss = чертежъ, принятаго поляками съ измѣненіемъ *i* на *y* (ы): rys. У насъ оно извѣстно въ предложномъ имени *абрисъ.*
Ристáть.—Ристáлище 745.
Рису́нокъ,—нка. Съ польск. rysunek, гдѣ окончаніе unek передѣлано изъ нѣмецкаго nug, такъ же какъ и въ словахъ *wizerunek* = образецъ, *szacunek* = сокровище. Слово это, какъ и предыдущее, перенесено въ Москву изъ кіевскихъ школъ въ 17-мъ столѣтіи.
Ритмъ (гр. ῥυθμός). — ***Рито́рика. — Ри́торъ.**
Ри́ѳма (гр. ῥυθμός).
(Робёнокъ). См. **Ребёнокъ.**
Рове́сникъ По Павскому (I, § 128) слѣдовало бы писать „ровестникъ“, непонятно почему, въ словарѣ Миклошича находимъ: равьсникъ, т. е. равесникъ.
Ро́вный. — Ровня́ть.
Рогнѣ́да.
Рого́жа.
Рогъ.
Роді́онъ (собств. **Иродіо́нъ;** народн. *Радиво́нъ*).
Рожда́ть [**Ражда́ть**] (др. раждати) 713.
Рождество́. — Рожде́ственскій.
Рожо́нъ, род. п. **рожна́.**
Рожо́къ, — жка́.
Роз. Это фонетическое начертаніе предлога *раз* (при удареніи надъ нимъ) встрѣчается только въ немногихъ случаяхъ и не должно быть распространяемо на другія слова того же происхожденія безъ акцента на предлогѣ. Ср. *розыскъ* и *разыскивать, разысканіе.*
Ро́звальни. Но **разва́лины.**
Ро́зга 703.
Ро́зговѣнье. Но **разга́вливаться, разговѣ́ться.**
Ро́здали (отъ *разда́ть*).
Ро́здыхъ.
Рознь.
Ро́зняли (отъ *розня́ть*).
Ро́зовый.
Ро́зобрало (отъ *разобра́ть*).
Ро́зсказни 701. Но **разска́зъ.**
Ро́зсыпь. Но **разсыпа́ть.**
Ро́зыгрышъ. Но **разыгра́ть.**
(Розыска́ніе). См. **Разыска́ніе.**
Ро́зыскъ.
***Роль,— ли.**
Ропта́ть, ропщу́, ро́пщутъ.
Ро́скошь. (Для второй части слова ср. польск. kochać = любить).
(Роса́да). См. **Разса́да.**
(Росо́лъ). См. **Разсо́лъ.**
(Роспи́ска). См. **Распи́ска.**
Росома́ха.
Ро́спись.
Россія́нинъ.
Росто́къ, — тка́. — Ростъ.
*[**Рости́**] **Расти́.**
***Ростисла́въ.**
Ротозѣ́й.

Т.

пеша. Въ защиту своего предложенія онъ приводитъ слова: *монограмма, лологрмма* и проч. Въ Европѣ газета Times прежде всѣхъ стала употреблять слово *телеграмма* (Webster's Dictionary).
*Телёнокъ, мн. ч. теля́та.
*Те́лепень,—пня.
Телѣ́га 739. По мнѣнію Добровскаго (*Грамм. яз. Слов.* I, стр. 154), это имя иностраннаго происхожденія; однакожъ изъ словарей Линде, Шимкевича и Миклошича видно, что оно очень распространено у славянскихъ народовъ и что во второмъ слогѣ его большею частію слышится гласная *і* (напр. хорут. taliga); у литовцевъ оно имѣетъ формы talenga, tolenga и зн. коляска. Кромѣ того оно употребительно въ Валахіи и въ Венгріи.
Темля́къ (польск. temblak).
Те́мя; р. п. те́мени 737.
Тенёта (серб. тонота, сѣть охотничья).
Тепе́рь (вм. топерво).
*Тереби́ть, блю́, е́бятъ.
Тере́ть, тру, трёшь, трутъ.
Те́ремъ, те́рема; мн. терема́, о́въ.
Те́рпкій.—Терпу́тъ.
Терпѣли́вый.—Терпѣ́ніе.
Терпѣ́ть,—плю́, те́рпятъ.
Терра́са.—Террито́рія.
Тесьма́ (гр. δεσμά, δεσμόι).
Тетива́ (собств. тятива́).
*Тетра́дь (гр. τετράδιον),—ди.
*Течь, теку́, течёшь, теку́тъ.
Тимоѳе́й.
Типъ (τύπος).
*Тира́нъ.—Тирани́ческій.
Ти́скать; ти́снуть.
Ти́тло.—Титу́лъ.
Ти́хонькій.—Тихо́ня.
Тка́ный. Тка́цкій (отъ сущ. *ткачъ*).
*Ткать, тку, точешь (употреб. ткёшь), ткутъ.
Тлѣ́ніе.—Тлѣнъ. Тлѣ́нный.
(Тма). См. **Тьма.**
Тмить (здѣсь *ь* послѣ *т* передъ мягкою согласной излишенъ).
Това́рищъ.
Тогда́; тогда́шній.
*То-есть.
То́же, то же.
То́ждество.—То́жество (послѣднее согласнѣе съ народной фонетикой).—**То и дѣло.**
То́лстенькій, То́ненькій } 720. 721.
Тонкій; ср. ст. **То́ньше. Тонча́йшій.**
Топта́ть, топчу́, то́пчешь, то́пчутъ.
[**То́рмазъ; тормази́ть**]. **То́рмозъ**, по „Р.-Прав." (гр. τόρμος = ступица у колеса, гвоздь).
Торова́тый 713. Въ родствѣ съ гл. *тереть* и *торить*. Ср. народное *то́рово*, щедро.
*Торцево́й (отъ торе́цъ).
*Торча́ть,—ча́тъ.
То́тча́съ.
Тотъ, тѣмъ; тѣ, тѣхъ и т. д.
Точи́ть, то́чатъ.
То́чно.
*Точь въ точь.
То́шно.—То́щій, тощъ.
Тоща́къ. См. **Натоща́къ.**
Тракти́ръ (нѣм. Tractierer отъ фр. traiteur).
*Трамбова́ть.
Тра́пеза (греч. [τε]τράπεζα, т. е. четвероногъ).
Тра́уръ (нѣм. Trauer).
*Тре́бовать.—Трево́жить,—во́жатъ.
*Тре́звый.
Трепа́ть, треплю́, тре́плешь, тре́плютъ. Не вѣрная форма: *трепя* вм. *трепля*, у гр. Толстого въ „Декабристахъ".
*Трепета́ть,—пещу́, е́щутъ.
*Тре́тій, Трете́йскій.
Тре́тьяго дня.
Третья́годняшній (произн. третёвадняшній).
Треуго́льный.
*Трехдне́вный.—Трехъэта́жный.
*Трещо́тка.
Три́дцать.—Трина́дцать.
Три́ста, трёхсо́тъ, трёмста́мъ.
Три́фонъ.
*Тро́ечный.
Тротуа́ръ (фр. trottoir). Карамз. въ *Письмахъ Р. Пут.* употреблялъ въ этомъ значеніи слово *намостъ*.
Трофе́й (фр. trophée, отъ лат. tropæum, съ греч.) 771.
Трофи́мъ.
Тру́женикъ 696.
Тру́ппа 762.
*Трущо́ба.
*Тры́нчикъ (кнопка для петли).
Трюмо́ (фр. trumeau).
Тря́скій.
Трясти́, прош. **трясъ** (произн. *трёсъ*).
Туале́тъ.
Ту́не (ц.-сл.; русск. *ту́нью*).
Тунея́децъ.
*Тфу.
*Тща́тельный.—Тщи́ться.
Тщеду́шный (вм. тощедушный). По Павскому (I, § 128), тутъ произвольная этимологія: онъ принимаетъ форму *щадушный*, отъ потеряннаго корня *щад* или *щед*, означавшаго то же, что *скуд* и худ. Произведенное отъ этого корня сущ. *щадость, щадоща* дало отъ себя будто бы прил. *щадощный* = *щадушный*. (Такимъ же образомъ Павскій производитъ *радушный* отъ *радощный*). Не проще ли принять производство первой части слова отъ прил. *тощій?*
Тщесла́віе.
Ты́сяча.
*Тысячелѣ́тіе.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

V.

Библіографическій указатель

статей, включенныхъ въ первую часть „Филологическихъ Разысканій“ *).

*) Составилъ П. К. Симони.

Замѣтка о брошюрѣ „Etymologische Beitrage" etc. von Dr. Haag. Zürich, 1880—въ Archiv für Slavische Philologie. Bd. V, ss. 657—659; Филологич. Записки, изд. А. А. Хованскимъ, 1881 г., вып. IV—V, стр. 12—15.

Журналъ Мин. Народн. Просвѣщ., ч. LXXIV, 1852 г., № 6, стр. 97—137.

Archiv für Slavische Philologie. Bd. III, Heft 1, 1878, ss. 138—151, подъ заглавіемъ: „Ueber die Natur einiger Laute im Russischen" и затѣмъ тоже на русскомъ языкѣ въ Сборникѣ Отдѣленія русск. яз. и словесн. И. Акад. Н., т. XVIII, 1878 г., прилож. № 8, стр. 1—22, и отдѣльн. оттискомъ—Спб., 1878 г., 22 стран. въ 8 д. л.

Извѣстія Императ. Акад. Наукъ по Отдѣл. русск. яз. и словесн., т. II, 1853 г., приложеніе: „Матеріалы для Словаря и Грамматики", л. XXV, стлбц. 391—399, „Замѣчанія о спряженіи русскаго глагола".

Въ выноскѣ 1-й къ этой статьѣ Я. К. Г. нашелъ нужнымъ замѣтить: „Нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній высказаны были мною еще въ 1845 году въ статьѣ: „Объ основныхъ формахъ Русскаго глагола" (Современникъ, т. XXXVIII, стр. 269—363). Эта статья, какъ первый мой филологическій опытъ, не могла быть трудомъ вполнѣ удовлетворительнымъ, но сознаваясь въ томъ охотно, я до сихъ поръ нахожу многія положенія въ ней справедливыми, и потому рѣшаюсь представить ихъ теперь въ новомъ изслѣдованіи и съ значительными перемѣнами на судъ знатоковъ Русскаго языка" (см. вып. 1, стлбц. 391).

Извѣстія Императ. Акад. Наукъ по Отдѣл. русск. яз. и словесн., т. V, 1856 г., Матеріалы для Словаря и Грамматики, т. 3, л. XXII, стлбц. 337—348.

Извѣстія Императ. Акад. Наукъ по Отдѣл. русск. яз. и словесн., т. VII, 1858 г., вып. 3, стлбц. 161—200.

Разборъ брошюры д-ра Л. Кайслера: „Die Lehre vom russischen Accent", 1866. (Журн. Мин. Нар. Просвѣщ., 1869 г., № 1, ч. CXLI, стр. 239—251).

Былъ и отдѣльный оттискъ №№ 32—33: *„Областныя Великорусскія слова*, сродныя со *скандинавскими* и съ *финнскими. Замѣчанія* Профессора Александровскаго Университета *Я. И. Грота*. С.-Петербургъ, въ тип. И. А. Н. 1852. („Напеч. по расп. И. А. Н. 5-го іюля 185 г. Непр. Секр. П. Фусъ.—*Изъ 5-го вып. 1-го тома Прибавленій* къ Извѣстіямъ Втораго Отдѣленія Акад. Н.“). 21 стран. въ 8 д. л.

34. IV. Сравнительно-филологическія и другія замѣтки о нѣкоторыхъ словахъ . . . . 448—455

Извѣстія Императ. Академіи Наукъ по Отдѣленію русск. яз. и словесн., т. V, 1856 г., прилож.: „Матеріалы для словаря и грамматики“, т. III, тетрадь 8—9, стлбц. 348—354, подъ заглавіемъ: „Сравнительныя замѣчанія о русскихъ словахъ“. Слова не были расположены въ алфав. порядкѣ, что впрочемъ и оговорено въ выноскѣ на стлбц. 348.

35. V. По поводу двухъ сравнительно-филологическихъ изслѣдованій о славянскихъ и скандинавскихъ словахъ . . . . 45—463

Первоначально было помѣщено на нѣмецкомъ языкѣ въ Archiv für Slavische Philologie. Band VII, Heft 1, ss. 134—141, подъ заглавіемъ: „Bemerkungen über das gegenseitige Verhältniss einiger slavischer und nordischer Wörter“ — по поводу изслѣдованій Ф. Тамма въ Ежегодникѣ Упсальскаго университета за 1881—1882 гг.: а) „Шведскія слова, освѣщенныя съ помощію славянскихъ и балтійскихъ языковъ“, и б) „Славянскія слова, заимствованныя изъ скандинавскихъ языковъ“,—и тогда же въ русскомъ переводѣ въ Филологическихъ Запискахъ 1883 г., т. XXII, вып. 3, стр. 1 слѣд.

36. VI. Слова, взятыя съ польскаго или чрезъ посредство польскаго . . . . 464—467

Напечатано первоначально въ Филологическихъ Разысканіяхъ, т. I, стран. 609—612.

37. (VII). **Филологическая замѣтка** . . . . 467—468

Живая Старина, г. 1, 1891 г., вып. 4, отд. V. Смѣсь, стр. 228—229 (объ этимологіи слова скипидаръ).

Автографъ Я. К. Грота.

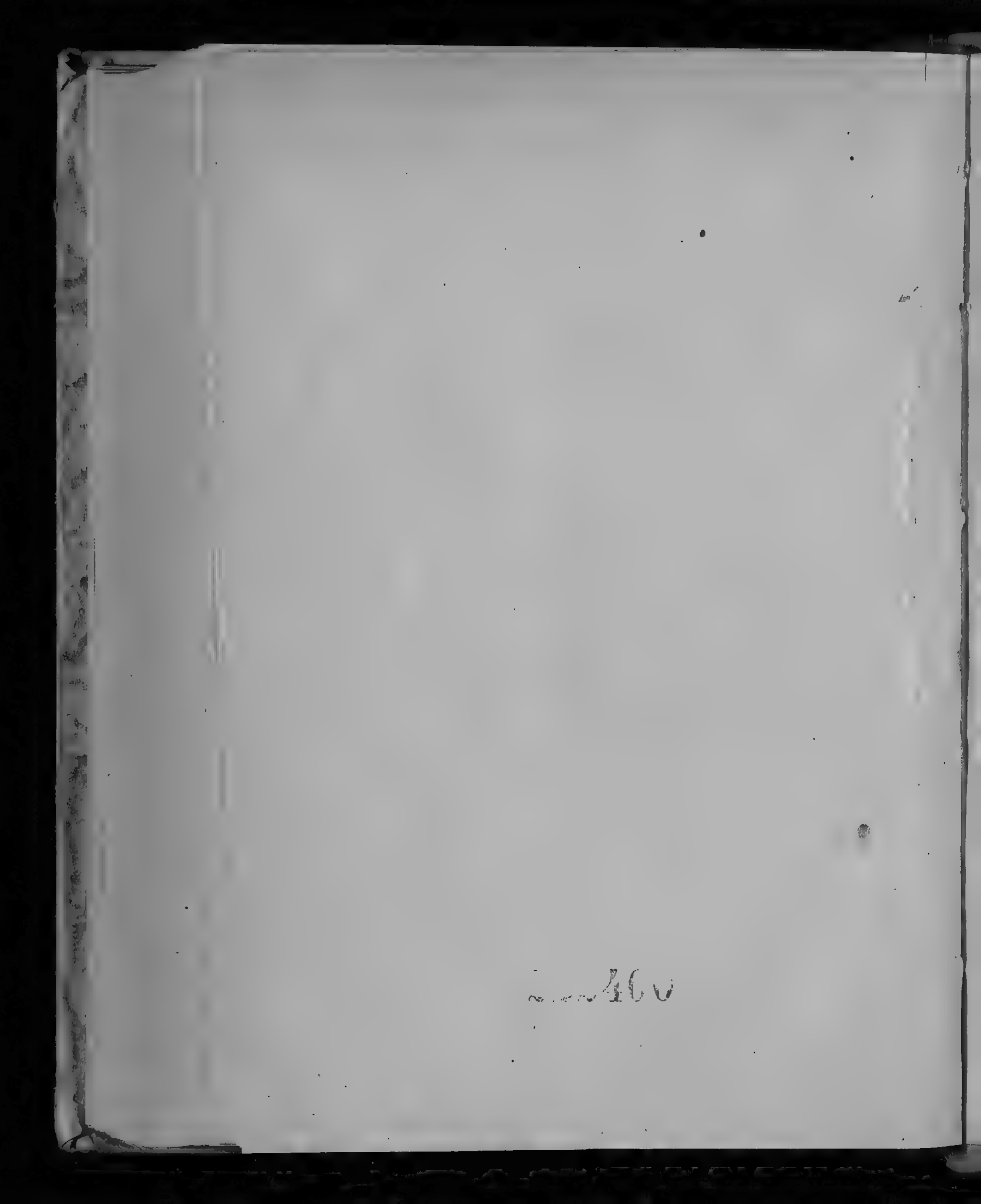
(Эта замѣтка, подъ заглавіемъ „Что такое языкъ?“ съ подписью автора facsimile, была напечатана въ изданіи ред. „Русской Жизни“: *Голодному на хлѣбъ. Альбомъ автографовъ*, Спб. 1892, стр. 11).

Что такое языкъ? Его опредѣляли и опредѣляютъ очень различно. По понятію однихъ, это — орудіе для выраженія мысли, средство для общенія между людьми; что конечно справедливо, но объясняетъ только назначеніе языка, а не сущность его. Другіе видятъ въ языкѣ какой-то организмъ, и это мнѣніе долго господствовало между филологами, но оно невѣрно, потому что языкъ внѣ человѣка не существуетъ, а въ наличномъ запасѣ словъ того или другого языка мы вовсе не находимъ признаковъ правильно развивающагося организма. Всего основательнѣе мнѣніе, по которому языкъ есть дѣятельность (человѣческаго духа) безпрестанно созидающая и обновляющаяся въ произведеніи ея — словѣ.

Яковъ Гротъ

Замѣченныя опечатки.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
3	14 сверху	всето	все то
21	15 „	1852 году.	1852 году:
73	5 снизу	содраганье	содроганье
278	17 „	степеняхъ	ступеняхъ
465	7 сверху	wierza	wiersza
„	10 „	wierz	wiersz
466	12 снизу	figlar	figlarz
„	7 „	fortka	fórtka
467	4 сверху	szerę̨g	szereg
„	6 „	sworźeń	sworzeń
„	11 „	stęmpel	stempel
481	внизу	Фил. Разыск. Мат. для словаря и грамм.	Филологическія Разысканія II.
745	10 снизу	ricerz	rycerz
858	6 „	skynka	szynka

460

